

О СЛАВЯНАХЪ

ВЪ МАЛОЙ АЗИИ, ВЪ АФРИКѢ И ВЪ ИСПАНИИ.

СОЧИНЕНІЕ

Владимира Ламанскаго.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФИИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМИИ НАУКЪ.

1859.

Печатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ. Санктпетербургъ, 15 Іюня 1859 г.

Исправляющій должность Непремѣннаго Секретаря,
Академикъ *К. Веселовскій*,

Отдѣльные оттиски изъ V-й книги Ученыхъ Записокъ, издаваемыхъ
Вторымъ Отдѣленіемъ Императорской Академіи Наукъ.

«Да тоже мудрствуете, ту же любовь имуще, единопдушни, единомудренни. Ничтоже по рвенію или тщеславію, но смиренномудріемъ другъ друга честію болша себе творяще. Не своихъ си кійждо, но и дружныхъ кійждо смотрите.» (*Къ Филип. Посл. ап. Павла. Гл. 2*).

«Словенскій языкъ и Рускій одинъ есть.» (*Исторъ*).

Nus sumes homes cum il sunt
Tex membres avum cum il unt,
Et altresi granz cors avum
Et altretant sofrir poïm ;
Ne nus faut fors cuer sulement.
(*Wace. Roman de Rou*).

ФРАНЦУ ПАЛЦБОМУ

СЛАВНОМУ ИСТОРИОГРАФУ НАРОДА ЧЕШСКАГО

ВЪ ЗНАКЪ ГЛУБОЧАЙШАГО УВАЖЕНИЯ

посвящаетъ авторъ свой первый ученый трудъ.

Zdráv bud', místre weleslawený, zdráv náš Ty starosto!

Глубокое уваженіе къ западно-Европейскимъ народамъ и ихъ блестящей образованности, уваженіе, соединенное съ чувствомъ благодарности и съ тѣмъ вмѣстѣ чуждое всякаго рабскаго поклоненія авторитетамъ, непоколебимая увѣренность въ свѣтлую будущность, ожидающую племя Славянское, въ самобытность предстоящихъ ему подвиговъ, на совершеніе которыхъ призвало его Провидѣніе, одарившее Греко-Славянскій міръ богатствомъ творческаго духа и необходимымъ поприщемъ для его проявленія ничуть не менѣе, чѣмъ міръ древній, классическій и міръ новій, Романо-Германскій — вотъ одно изъ тѣхъ основныхъ убѣжденій, которыя, твердо надѣюсь, всегда неуклонно будутъ руководить моею скромною дѣятельностью, какъ гражданина и писателя. Это убѣженіе развилось и окрѣпло во мнѣ не помимо внимательнаго изученія Вашихъ незабвенныхъ трудовъ, въ вѣрныхъ картинахъ роднаго прошедшаго указывающихъ намъ на свѣтлыя явленія, имѣющія пророчи въ будущее, столь живо поучающихъ насъ тому, что надо намъ дѣлать и чего избѣгать. Простите мнѣ, глубоко-уважаемый соплеменникъ, вполнѣ сознаваемую мною смѣлость этого посвященія, на которое быть можетъ мнѣ бы и не удалось предварительно испросить Вашего согласія. Посвящая свой слабый опытъ Вамъ, достойному соотечественнику Гуса и Иеронима, Жижки, Прокопа, Птачка, Подѣбрада, Велеславина, Жеротина, Коменскаго, я тѣмъ живѣе чувствую всѣ его недостатки. Представляя его Вамъ, какъ скромную дань глубочайшаго уваженія, ласкаю себя, Богъ дастъ, не на-

прасною надеждою, что, при всей скудости моего дарования, поставивъ себѣ въ непремѣнный образецъ Вашу любовь къ истинѣ, къ народу и ко всему племени Славянскому, Ваше честное служеніе великимъ идеямъ правды, общенія и братства, я съумѣю послѣдующими, болѣе зрѣлыми, трудами заслужить Ваше благосклонное вниманіе, Ваше лестное одобреніе. Громадность ожидающихъ насъ трудовъ, малость дѣятелей, относительная бѣдность Славянскихъ литературъ, нѣкоторая новостъ избраннаго мною предмета, нѣсколько быть можетъ не совсемъ неудачныхъ соображеній, не безполезныхъ намековъ и указаній, не совершенная незначительность и маловажность, если и не хорошо поставленныхъ, то хоть затронутыхъ вопросовъ, постоянное мое стремленіе возбуждать самодѣятельность въ отечественныхъ и соплеменныхъ читателяхъ, всячески содѣйствовать развитію еще медленно пробуждающагося въ насъ самосознанія — всѣ эти данныя да послужатъ на нынѣшній разъ въ извиненіе и оправданіе той смѣлости, съ которою я рѣшился свой первый ученый трудъ украсить Вашимъ славнымъ именемъ, навсегда дорогимъ и любезнымъ каждому Славянину, будетъ ли онъ съ береговъ Вислы, Невы, Волги, Савы, Дуная, Синяго Адриатическаго моря съ его десятками тысячъ природныхъ, отважныхъ моряковъ, потомковъ вольныхъ Дубровчанъ, или съ береговъ Амура, этого восточно-Азіатскаго Дуная, открывающаго Русской стихіи, а съ нею и всему Славянскому міру, свободный доступъ къ Великому Океану, гдѣ зачинается бодрая, дѣятельная жизнь, богатая будущимъ.

Владиміръ Ламанскій.

Петербургъ.
17 мая, 1859 года.

Печатать позволяется. С.-Петербургъ, 20 мая 1859 года. Цензоръ *С. Палаузовъ.*

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	стр.
Славяне въ Малой Азіи	1—191
О Славянскихъ поселеніяхъ въ М. Азіи въ VII, VIII и въ слѣд. вв. О переходахъ Славянъ къ Арабамъ (I—II. Стр. 1—18). Новѣйшія извѣстія о Славянской стихіи въ М. Азіи (III—IV. Стр. 18—38). О непрерывномъ существованіи Славянской стихіи въ М. Азіи съ VII в. по настоящее время. О степени доступности Черноморскаго берега М. Азіи для Славянъ Русскихъ въ періодъ X—XVII в. О давности Русскихъ поселеній на Дунаѣ, на Дону. О сношеніяхъ Русскихъ этого періода съ Каспійскимъ и Кавказскимъ краями. (V—VII. Стр. 38—121). Разсмотрѣніе вопроса о времени перваго ознакомленія Славянъ съ М. Азіею. О невозможности опредѣлить это время, теряющееся въ отдаленной древности. (VIII—IX. Стр. 121—152). Мѣстныя названія въ Виоиніи. Свидѣтельство краткаго житія св. Климента. Разборъ свидѣтельствъ Страбона, Т. Ливія, Плинія, Тацита, мнѣній Цейса, Гротенда, Форбигера, Суroveňскаго и Шафарика о Венетахъ Пафлагонскихъ. Общее заключеніе. (X. Стр. 152—191).	
Славяне въ Африкѣ	192—221
О службѣ юго-западныхъ Славянъ у паши Египетскаго въ новѣйшее время. Арабскія свидѣтельства X в. о торговлѣ рабами и плѣнниками изъ Славянъ. О переходѣ охочихъ, вольныхъ, бѣглыхъ и гулящихъ людей изъ Славянъ къ Арабамъ въ Африку. О службѣ Славянъ у Арабовъ въ Сициліи и въ Африкѣ въ X в. Свидѣтельство о Славянскихъ по-	

селеніяхъ въ Африкѣ. (I. Стр. 192—204). Мифіе Шафарика о Вандалахъ. Его вѣроятность. Очеркъ морской торговли Дубровника, его сношеній съ Африкою. О переходѣ юго-западныхъ Славянъ въ Африку въ періодъ XI—XVI в. О торговлѣ Русскими плѣнниками. О Славянской стихіи въ Портѣ Оттоманской. О проникновеніи ея въ Египетъ въ Турецкое въ немъ владычество. Общее заключеніе. (II. Стр. 204—221).

Славяне въ Испаніи 222—370

Арабскія свидѣтельства о Славянахъ въ Испаніи. Мифіе Рено, Гаянгоса, Дози. Свидѣтельство аль-Макари о Славяно-Арабскомъ историкѣ Габибѣ (жившемъ въ X в.). Важность этого свидѣтельства. О необходимости допустить то, что Славяне проникали къ Арабамъ въ Испанію такъ же, какъ и къ Арабамъ въ М. Азію, въ Сицилію и въ Африку, т. е. въ качествѣ вольныхъ, охочихъ, бѣглыхъ и гулящихъ людей. Объясненіе, почему халифы Арабскіе призывали къ себѣ Славянъ и окружали себя Славянскими тѣлохранителями. (I. Стр. 222—234). Объ Арабахъ въ Испаніи. О современномъ состояніи исторіи Испаніи мусульманскаго періода. О трудахъ Конде, Гаянгоса и Дози. (II. Стр. 234—242). Цѣль настоящаго очерка. (III. Стр. 242—243). Свидѣтельства аль-Макари или лучше Испано-Арабскихъ лѣтописцевъ о Славянской гвардіи, о Славянскихъ евнухахъ, о Славянской партіи въ Андалузіи въ X—XI в. (IV. Стр. 243—247). Характеристика главнѣйшихъ дѣятелей Славянской партіи въ Андалузіи. Джафаръ аль-Мосгафи. Вади. Кайсаръ. Хайранъ. Зогаиръ. Моджегидъ. Сабуръ. Лабибъ. Наджа. (IV—IX. Стр. 247—302). Объ органической связи исторіи Славянъ въ Андалузіи съ общею исторіею Славянъ. О необходимости разсмотрѣнія вопроса объ участіи Славянъ въ походахъ Датчанъ на Францію и Испанію. Мифіе Шафарика о Вандалахъ. (X. Стр. 302—323). Объ отношеніяхъ Славянъ къ Пиринейскому полуострову въ періодъ XI—XV в. О посѣщеніи Испаніи Чехами въ XII в. О морской торговлѣ Дубровника. Объ Испанцахъ, служившихъ въ Дубровникѣ. Объ Испанскомъ поселеніи на полуостровѣ

Пелешкѣ (Саббѣончелло). Чешскій вопросъ въ XV в. Обь отношеніяхъ Чеховъ XV в. къ Римско-Нѣмецкимъ порядкамъ. (XI. Стр. 323—345). Обь отношеніяхъ Славянъ къ Пиринейскому полуострову въ XVI—XIX в. О морскихъ силахъ Дубровника. О службѣ Дубровчанъ въ монархіи Испанской. Свѣдѣнія обь извѣстнѣйшихъ Дубровницкихъ фамиліяхъ въ Испаніи. Обь отношеніяхъ Испаніи къ Чехіи и Польшѣ въ этомъ періодѣ. Обь Испанцахъ у Славянъ. О Полякахъ въ Испаніи. (XII—XIII. Стр. 345—370).

Историческія замѣчанія къ сочиненію: «О Славянахъ въ Малой Азіи, въ Африкѣ и въ Испаніи»*) 1—227

I. О сношеніяхъ Русскихъ съ Греками	стр. 1—37
II. О Руси. Нѣсколько замѣчаній на книгу г. Куника	38—83

*) Сюда вошли такія замѣтки, разсужденія и очерки, которые не попали въ текстъ, потому что 1) требуя нѣкоторыхъ подробностей, въ текстѣ они бы слишкомъ растянули изложеніе предмета, какъ то и случилось уже въ статьѣ о Славянахъ въ М. Азіи (V—VII); 2) были написаны уже во время печатанія самой книги. Наконецъ, имѣя постоянно въ виду не только читателей-специалистовъ, но и просто образованныхъ людей, я помѣстилъ въ приложеніяхъ замѣчанія и о томъ, что, при иныхъ условіяхъ нашей литературы и образованности, нужно бы было предполагать извѣстнымъ читателю. Вообще я твердо убѣжденъ, что задача всякаго Русскаго специалиста гораздо сложнѣе, чѣмъ Нѣмецкаго, Французскаго, Англійскаго. У насъ, кажется, при крайней бѣдности литературы, каждый специалистъ рѣшительно обязанъ излагать свой предметъ такъ, чтобы книга его могла быть читаема не одними только учеными, а и всякимъ любознательнымъ человѣкомъ. Дѣло вѣдь въ томъ, чтобы принести своимъ трудомъ возможно большую пользу. Отъ того вообще въ своей книгѣ я и распространяюсь иногда тамъ, гдѣ для специалиста-читателя достаточно бы было одного слова, одного намека и указанія. Надѣюсь, что читатель ученый проститъ мнѣ такія подробности, излишнія для него и рѣшительно необходимыя, какъ мнѣ хорошо извѣстно для большинства нашихъ образованныхъ читателей. Сверхъ того, я имѣлъ въ виду не только Русскихъ, но и вообще Славянскихъ читателей; при слабомъ же развитіи умственнаго и литературнаго общенія между народами Славянскими, образованные люди одного народа не имѣютъ часто ни малѣйшаго понятія о важнѣйшихъ частяхъ исторіи своихъ соплеменниковъ. Вообще мнѣ кажется, что литература наша много бы выиграла въ достоинствѣ, если бы каждый писатель нашъ поставлялъ себѣ въ непремѣнную задачу — трудиться не только для Русской, но и вообще для всѣхъ Славянскихъ литературъ. Для этого, конечно, нужно прежде всего познакомиться съ ними. За то тогда всякая мысль, всякой подвигъ, проявленные въ одномъ изъ народовъ Славянскихъ, немедленно будутъ отзываться и въ каждомъ другомъ. Не постыдная ли слабость отрекаться отъ задачъ, возлагаемыхъ на насъ исторіею? Обгять отъ своего дѣла и укрываться отъ него своимъ, добровольно же на себя возлагаемымъ, незнаніемъ?

	стр.
III. О Роксоланахъ	84— 88
IV. Записка о гор. Окакъ Ибнъ- Батуты	89
V. О важности вопросовъ объ от- ношеніяхъ міра Славянскаго къ Пиринейскому полуостр.	90—122
VI. Иеронимъ Пражскій	123—131
VII. Жижка	132—140
VIII. О Чешскомъ казачествѣ въ XV в.	141—154
IX. О Русскихъ гулящихъ людяхъ. О Славянской стихіи въ Пор- тѣ Оттоманской	155—164
О новѣйшихъ отношеніяхъ Сла- вянъ къ Арабамъ	164—175
О важности для насъ изученія М. Азии	175—178
Объ источникахъ и матеріалахъ исторіи Дубровника	178—184
X. Нѣкоторыя данныя изъ исторіи отношеній Россіи къ Пирин- ейскому полуострову до к. XVIII в.	185—227

О СЛАВЯНАХЪ

ВЪ МАЛОЙ АЗИИ, ВЪ АФРИКѢ И ВЪ ИСПАНИИ.

СЛАВЯНЕ ВЪ МАЛОЙ АЗИИ.

И. Въ настоящее время, когда наука доказала несомнѣнно, что Азія была колыбелью и первоначальною родиною Славянъ, весьма понятны не только возможность, но и необходимость вопроса о томъ, сохранились ли до насъ какіе нибудь слѣды народныхъ преданій Славянъ о древней ихъ прародинѣ, подобныхъ тѣмъ, какія нынѣ открываются у Германцевъ?¹

При совершенной несомнѣнности переселенія Славянъ изъ Азіи въ Европу, весьма ясно выступаетъ необходимость и другаго вопроса — при этомъ переселеніи не осталась ли часть Славянъ въ Азіи, — такъ какъ, судя по аналогіи позднѣйшихъ исторически извѣстныхъ переселеній, не только нельзя предполагать, чтобы вся масса народа, тѣмъ болѣе не кочеваго, оставила свои старинныя жилища, а напротивъ того думать должно, что въ нихъ могли удержаться болѣе или менѣе значительные остатки.

Какъ бы то ни было, но при настоящихъ свѣдѣніяхъ вопросъ о томъ — по выселеніи Славянъ въ Европу не осталась ли болѣе или менѣе значительная ихъ часть въ Азіи, вопросъ

1. Grimm. Gesch. d. deutsch. Spr. Ss. 520, 523, 644, 728, 824.

этотъ, по крайнему нашему разумѣнію, не маловажный, допускаетъ двоякое рѣшеніе — положительное и отрицательное. Въ первомъ случаѣ, т. е. если часть Славянъ осталась въ Азіи, нельзя кажется не утверждать, что сношенія ихъ съ выселившимися ихъ единоплеменниками не прерывались, по крайности, долгое время послѣ переселенія.

Эти замѣчанія мы сочли нужнымъ предпослать краткому обзору нашему Славянскихъ поселеній въ М. Азіи.

Первое письменное свидѣтельство о Славянахъ въ М. Азіи относится къ VII в. по Р. Х., именно къ 664 г.

Византійскій лѣтописецъ Теофанъ рассказываетъ, что въ 664 г. вождь Сарацынъ, Абдуррахманъ, сынъ Халедовъ, вступилъ съ большими силами во владѣнія Римскія, провелъ въ нихъ зиму и опустошилъ многія провинціи. При семъ, говоритъ Теофанъ, Славяне (οἱ Σκλαβῆνοι), числомъ до 5,000 человекъ, присоединились къ нему, пошли съ нимъ въ Сирію и поселились въ области Апамейской, въ селеніи Скевокоболъ (ἐν κοῦμῃ Σκευκοβόλω) ¹.

Шафарикъ, упомянувъ объ этомъ поселеніи, замѣтилъ: «происхожденіе, дальнѣйшія судьбы и конечное истребленіе этихъ Славянъ намъ совершенно неизвѣстны».

У Ибнъ-Хаукала (X в.), есть, кажется, упоминаніе о Славянахъ въ Сиріи ².

Тотъ же Теофанъ подлѣ 687 г. рассказываетъ, что императоръ Юстиніанъ II, въ походъ свой въ Булгарію и Склавинію, опустошилъ этотъ край вплоть до Солуня, и огромное количество Славянъ ³ вывелъ изъ ихъ отечества, частью насильно, частью добровольно, у Абида переправилъ ихъ въ Азію и поселилъ въ странѣ или области Опискій, простиравшейся отъ Абида на востокъ до Никеи, а на югъ до Апамеи ⁴.

1. Stritt. II, 75. — Theoph. Paris. p. 289. — Анастасій же (Paris. p. 109) называетъ Селевкобори. — Шафар. Слав. Древн. § 30. 6. Прим. 129.

2. Rein. Invas. d. Sarraz. en France. Paris. 1836. p. 237.

3. Θεοφ.: πολλὰ πλῆθη τῶν Σκλαβῶν. — Никиф.: πολλὰ τῶν ἐκεῖσε Σκλαβήνων γένη. — Зонара: πολλὰ τῶν Σκλαβικῶν ἐθνῶν. Str. II. 75.

4. Const. Porph. de them., Шаф. ibid. прим. 130.

Есть возможность довольно приблизительно определить число Славянъ, переселенныхъ И. Юстиніаномъ въ М. Азію. Такъ тотъ же Теофанъ говоритъ про него, что изъ переселенныхъ въ Азію Славянъ онъ набралъ *людей способныхъ къ войнѣ* и образовалъ изъ нихъ отрядъ въ 30,000 человекъ, всѣхъ ихъ вооружилъ и назвалъ отрядомъ отборнымъ (*λαὸν περιούσιον*, *asiem superabundantem*, по Шафарику *Leibgarde*), а въ начальники его назначилъ Небула (*Νέβουλον*). Въ этомъ огромномъ количествѣ Славянъ, поселенныхъ Юстиніаномъ въ М. Азію, необходимо считать и женщинъ и дѣтей. Изъ взрослыхъ же мужчинъ конечно не менѣе трети было людей къ войнѣ неспособныхъ и потому естественно не попавшихъ въ этотъ отборный отрядъ. Такимъ образомъ мы нисколько не удалимся отъ истины, если скажемъ, что Славянъ, переселившихся въ М. Азію, въ 687 г., было никакъ не менѣе 80,000 человекъ.

Положившись на этотъ Славянскій отрядъ, императоръ объявилъ войну Арабамъ, которые подъ начальствомъ Могамеда въ первой своей схваткѣ были разбиты Греками. Могамедъ дорогимъ посуломъ и богатыми обѣщаніями убѣдилъ Славянскаго военачальника съ 20,000 человекъ перейти на свою сторону. Греки были разбиты. Тогда — говорятъ Теофанъ, Кедринъ, Зонара — Юстиніанъ, который едва спасся бѣгствомъ, повелѣлъ истребить всѣхъ оставшихся Славянъ съ женами и дѣтьми, и трупы ихъ покидать въ море у Левкаты, близъ Никомидіи. Безъ сомнѣнья, свидѣтельства этого буквально принимать нѣтъ никакой возможности. Этихъ оставшихся Славянъ было по меньшей мѣрѣ 50,000 человекъ. Ни Юстиніану, ни его людямъ не хватило бы ни силы, ни охоты на такую страшную рѣзню.

Ils n'ont pas mérité
Ni cet excès d'honneur,
Ni cette indignité.

Всего вѣроятнѣе, месть Юстиніана разразилась на родственникахъ, на сообщникахъ отпавшихъ Славянъ и на всѣхъ болѣе или менѣе опасныхъ и подозрительныхъ ему лицахъ.

Точно также думаетъ и Шафарикъ, который въ подтвержденіе своего мнѣнья указываетъ и на то, что въ 949 г., по

свидѣтельству Константина Багрянороднаго, въ области Опсидій жили Славяне. Впрочемъ вѣроятно тутъ были не одни потомки уцѣлѣвшихъ при Юстиніанѣ, но и позднѣйшіе переселенцы.

Славяне, въ числѣ 20,000 человекъ, избѣжившіе Грекамъ, кажется, участвовали потомъ въ рядахъ Арабовъ при завоеваніи ими Хорасана, восточной части Персіи. Такъ по крайности можно заключать изъ разсказа Теофана и Анастасія подъ 692 г. «Восточная часть Персіи, называемая Хорасанъ, была завоевана Арабами. Тамъ явился пововодитель по имени Сабинъ, который истребилъ многихъ Арабовъ и убилъ самого Кагана». Подъ этимъ-то Каганомъ разумѣется Комбезій, въ своихъ примѣчаніяхъ къ Теофану (р. 614—5), Славянскаго военачальника Небула.

Около 694 г. по случаю нападенія Могамедова на Греческую Имперію, лѣтописцы упоминаютъ о перебѣжчикахъ-Славянахъ, которыхъ онъ принялъ охотно, какъ людей, хорошо знакомыхъ съ мѣстностью.

Вотъ пока всё, дошедшія до насъ отъ VII в., извѣстія о Славянахъ въ М. Азіи.

Теперь законнымъ становится вопросъ — были ли Славянскія поселенія въ М. Азіи и до VII в. и до 664 г.? Или же первое письменное о Славянахъ въ М. Азіи свидѣтельство совпадаетъ съ первымъ дѣйствительнымъ ихъ въ ней поселеніемъ? Къ этому вопросу мы обратимся тотчасъ по обзорѣнн дальнѣйшихъ судебъ Славянъ въ М. Азіи.

Здѣсь же позволимъ себѣ поставить и другой вопросъ — Славяне Азійскіе, перешедшіе въ VII в. на сторону Арабовъ и принимавшіе въ ихъ дѣлахъ не незначительное участие, тотчасъ по переходѣ своемъ къ нимъ такъ сказать обусурманились и забыли свой языкъ, свои преданія, «законъ отецъ своихъ»? — или же они берегли и сохраняли ихъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ не прекращали и связей своихъ съ Славянами Азійскими, оставшимися вѣрными Имперіи?

Прежде, чѣмъ приступить къ VIII в. и далѣе, для большей ясности, позволю себѣ напомнить читателю всё тѣ вопросы, которые намъ представились почти сами собою.

1. Остались ли у Славянъ слѣды народныхъ преданій объ Азіи, какъ о древнѣйшей ихъ прародинѣ?

2. При выселеніи Славянъ изъ Азіи въ Европу не осталась ли болѣе или менѣе значительная ихъ часть въ Азіи?

При возможности въ настоящее время двойкаго рѣшенія послѣдняго вопроса, весьма понятно, что, въ случаѣ отвѣта положительнаго, необходимо признать за истину несомнѣнную, что Славяне Азіійскіе и Европейскіе долго не теряли сознанія единства своего происхожденія и также долго не прерывали и своихъ связей.

3. Поселеніе Славянъ въ М. Азіи въ 664 г. по Р. Х., случайно занесенное въ лѣтопись Византіійцами, есть ли первое поселеніе Славянъ въ Азіи?

4. Участіе Славянъ въ дѣлахъ Арабовъ въ VII в. имѣетъ ли какое нибудь значеніе въ исторіи Славянской? Повлекло ли оно за собой какія нибудь послѣдствія? Имѣло ли оно какое нибудь вліяніе на дальнѣйшую исторію и характеръ позднѣйшихъ отношеній Славянъ къ Арабамъ?

III. Въ 754 г., по словамъ Теофана, умеръ Могамедъ, онъ же и Абулаба, княжившій 5 лѣтъ. Братъ его Абдела жилъ тогда въ Меккѣ. Онъ тотчасъ написалъ Абумуслиму и просилъ его принять слѣдующую ему часть княжества. Но тотъ, узнавъ, что Абдела, сынъ Али, братъ Салема, князя Сирійскаго, подыскивается подъ него и даже намѣревается подчинить себѣ Персію, собралъ противъ него войска Сирійскія. При Тапѣ дано было сраженіе, изъ котораго Абусалимъ вышелъ побѣдителемъ, такъ какъ у него были Антіохійцы и множество Славянъ (Σκλάβοι)¹.

Подъ 762 г. рассказываетъ Анастасій² о смутахъ Болгарскихъ: убили своихъ вождей, избрали себѣ въ князья какого-то Телетца. При семъ множество Славянъ оставило свою родину и искало убѣжища у императора, который и поселилъ ихъ

1. Theoph. Paris. p. 350—360. Stritter. I. I.

2. Anast. Paris. p. 147.

подъ Артанюю. То же самое передаютъ и Теофанъ и Никифоръ¹. У послѣдняго указано даже число этихъ переселенцевъ. Вотъ его слова: «Славяне, гонимые изъ отечества, переходятъ Евксины. Числомъ ихъ было, говорятъ, до 208 тысячъ. Они поселились у рѣки, называемой Артана (πρὸς τὸν ποταμὸν, ὃς Ἄρτανος καλεῖται).

Шафарикъ говоритъ при этомъ: «По нѣкоторымъ извѣстиямъ рѣка эта называется нынѣ Aghwah или Aghweh, а древнѣй городъ Артане долженъ быть селеніе Artakoi» (§ 30. 6. прим. 136). Цейссъ же видитъ въ ней рѣку Артанъ (Ἀρτάνης, Ἄρτανος), что въ Виоиніи. на западъ отъ Сангарія². Послѣднее мнѣніе гораздо вѣроятнѣе.

Такимъ образомъ Славянскія поселенія въ М. Азій получили въ VIII в. весьма сильное подкрѣпленіе, которое безъ сомнѣнья должно было придать имъ силъ для удержанія и сохраненія своей народности.

Вообще, надо замѣтить, колоніи, даже вовсе оторванныя отъ своей митрополіи, весьма долго сохраняютъ свою народность. Готы, поселившіеся въ Крыму въ первой половинѣ III в. по Р. Х., еще въ XVI в., даже позже, сохраняли свою народность. Бусбекъ, бывшій Цесарскимъ посланникомъ въ Царградѣ, въ 1557—1564 г. самъ собралъ и сохранилъ до насъ нѣкоторые образцы ихъ рѣчи, хотя и сильно попорченной, но въ основѣ своей совершенно Нѣмецкой³. Въ III в. до Р. Х. отрядъ Кельтовъ въ 20,000 человекъ, состоявшій изъ трехъ народцевъ, Толистобоевъ, Трокмовъ и Тектосаговъ, поселился въ М. Азій (ок. 260 г.), послѣ чего край ими занятый долго назывался Галатіей, Грекогалатіей или Галлогреціей. Въ V в. по Р. Х. они еще сохраняли свою народность и Св. Іерониму языкъ ихъ казался тѣмъ же самымъ, какимъ говорили Тревиры въ его время, а Тревиры были Кельтами⁴. Татары, поселившіеся въ Литвѣ въ XIV в., понынѣ сохраняютъ свою на-

1. Niceph. Paris. p. 43. Str. l. l. 80. 522.

2. Zeuss. Die Deutsch. u. die Nachbarst. München. 1837. S. 628.

3. Zeuss. l. l. Ss. 430 — 433. Шафарикъ. l. l. т. I. ч. 2. с. 247 (въ Русск. перев.

4. Zeuss. l. l. Ss. 180—182, 216—217.

родность¹. Славяне, по всей вѣроятности въ весьма незначи-
тельномъ количествѣ поселившіеся въ Швейцаріи никакъ не
позже X в., а быть можетъ еще и ранѣе, до весьма недавняго
времени говорили, а можетъ и понынѣ говорятъ испорченнымъ
Славянскимъ языкомъ. Они живутъ въ долинѣ Анверской, въ
Валисскомъ Кантонѣ, въ шести часахъ разстоянія отъ города
Ситена².

По аналогіи уже однихъ этихъ свѣдѣній безбоязно можно
бы было предположить, что въ М. Азійи и понынѣ сохраняются
болѣе или менѣе значительные остатки Славянскихъ поселеній,
основанныхъ въ VII и въ VIII стол. по Р. Х.

Если же мы вспомнимъ природу страны, столь удобную
для постоянныхъ сношеній жителей Забалканскаго полуострова
съ жителями Апатолійскими, то поймемъ, что народность Сла-
вянъ Азіійскихъ находилась въ несравненно болѣе благопріят-
ныхъ условіяхъ, чѣмъ народность Крымскихъ Готовъ, Азіій-
скихъ Кельтовъ и Швейцарскихъ Славянъ. Нельзя при томъ
забывать и многочисленности Славянъ въ М. Азіи, гдѣ ихъ
надо считать десятками тысячъ.

Сношеній съ своими земляками и соплеменниками Азіій-
скими Славяне Европейскіе не покидали и забыть о нихъ не
могли, потому что въ болѣе или менѣе значительныхъ мас-
сахъ, въ XII, XIII, XIV и XV в. они посѣщали М. Азію и
именно тѣ края, гдѣ были Славянскія поселенія.

Никита Хонскій подъ 1154 г. рассказываетъ, что по дого-
вору, заключенному съ Мануиломъ Комниномъ, жупанъ Серб-
скій обязался въ случаѣ войны Императора на Западѣ, прихо-
дить къ нему на помощь съ 2,000 человекъ; если же война
произойдетъ въ Азіи, то пошлетъ ему 500 человекъ, вмѣсто
300, какъ прежде обыкновенно бывало. (Str. II, 183). У него
же подъ 1156 г. мы читаемъ: «Мануиль Компинъ, готовясь
къ войнѣ противъ Сарацинъ съ Запада вызвалъ Лигурійцевъ
и Архижупана Далмаціи со всѣми его силами» (ibid.).

1. Мухлинскій. Исслѣдов. о происхожденіи и сост. Лит. Татаръ. Спб. 1837
отд. оттиск. и въ Actъ Имп. Спб. Унив. 1857.

2. Шаф. Сл. Др. т. I. ч. 2. стр. 197. т. II. ч. 3. с. 180 и сл.

Весьма вѣроятно, что и послѣ не разъ и Болгары и Сербы помогали Имперіи въ Азіи. О походѣ Сербовъ въ Азію при Стефанѣ Милутичѣ (1275—1321 г.) сохранилось одно любопытное извѣстіе¹.

Стефанъ Лазаревичъ, извѣстный у Сербовъ подъ именемъ Стефана Высокаго, помогалъ Баязету въ его войнѣ съ Тимуромъ своимъ войскомъ въ 5,000 человекъ².

Конечно появленіе въ М. Азіи Славянъ въ такихъ значительныхъ силахъ, весьма много содѣйствовало поддержанію народности Славянской въ колоніяхъ М. Азійскихъ. Если бы въ XIV и XV в. народность ихъ стала замирать, то приходъ ихъ земляковъ въ такихъ массахъ безъ сомнѣнія могъ подѣйствовать на нихъ такъ же, какъ проходъ Русскихъ войскъ по Австрійскимъ владѣніямъ въ концѣ прошлаго и въ началѣ нынѣшняго столѣтій поднялъ духъ и укрѣпилъ начавшія упадать народныя силы Славянъ Западныхъ. Но объ исчезновеніи Славянской народности, въ этотъ періодъ, въ М. Азіи, кажется не можетъ быть и рѣчи, тѣмъ болѣе, что многочисленныя колоніи Славянскія, основанныя въ М. Азіи въ VII—VIII в., не только сохраняли свою народность въ IX—X в. и позже³, но еще получали новыя свѣжія подкрѣпленія напр. въ XII в.

1. Почтенный нашъ Славянистъ В. И. Григоровичъ (Очеркъ учен. путеш. по Европ. Турціи. Казань. 1848. с. 45) нашелъ его въ одномъ хрисовулѣ, въ мон. Хиландарскомъ на Аѳонѣ. Къ сожалѣнію онъ передаетъ его не подлинными словами. «Журъ Андроникъ Палеологъ, вселенскій царь, умолилъ всесердечнаго сына державнаго царства да пошлетъ войско противъ Персовъ въ *Анатолию*. Онъ же подвигнуть моленіемъ тестя отряжаетъ дружину съ великимъ воеводою *посакомъ грибестрыка*, которая достигнувъ града Иракліи радостно встрѣчена Андроникомъ, и, влезше въ дѣрва, перешла въ *Анатолию*. Послѣ многихъ сраженій побѣдила и возблагодаренная Андроникомъ, воротилась».

2. Stritt. II, p. 353—356.

3. Такъ продолжатель Констант. Багр., рассказывая подъ 821 г. о мятежничѣ Михаилѣ, замѣчаетъ, что его производили отъ тѣхъ Славянъ (*Σλαβογενῶν*), которые *многokratно* переселялись въ Малую Азію (Str. II, 100). Константинъ Порфирородный не разъ жителей области Онекій называетъ Славизіанами (ibid. 104). Въ 949 г. они помогаютъ Грекамъ противъ Крита (ib. 103); также въ 960 г., когда они участвуютъ вмѣстѣ съ другими земляками своими (изъ Фракіи, Македоніи); также и въ 963 г. вмѣстѣ съ Русскими и Фракійскими Славянами (ib. 103, 106). Въ 1041 г. обитатели области Онекій участвуютъ въ сраженіи Грековъ съ Нор

Такъ извѣстно, что Іоаннъ Комнинъ послѣ похода своего на Сербовъ въ 1122 г. перевелъ на востокъ множество пѣнныхъ и опредѣлилъ имъ въ мѣстожителство плодородныя земли въ области Никомидійской. Часть этихъ поселенцевъ обратилъ онъ въ легіоны, другую часть заставилъ платить подать. (Str. II, 175).

Пахимерь сохранилъ намъ весьма любопытныя подробности о возмущеніи этихъ Славянскихъ поселенцевъ по случаю коварнаго поведенія Михаила Палеолога съ несчастнымъ младенцемъ Іоанномъ Ласкаремъ, сыномъ покойнаго Императора Θεодора Ласкаря.

Михаиль Палеологъ, по вступленіи въ Царьградъ (1261 г.), вторично вѣнчалъ себя на царство, а законнаго государя, тогда осьмилѣтняго ребенка, онъ не взялъ съ собою въ Константинополь. Твердо рѣшившись удалить его отъ престола, Михаилъ не давалъ ему никакого воспитанія, удалялъ отъ него его сестеръ, наконецъ приказалъ лишить его зрѣнія. Преступное приказаніе это было исполнено въ день Рождества Христова. Несчастный ребенокъ былъ отвезенъ подъ стражею въ замокъ Дакивизы. Въ Имперіи пробудилось всеобщее негодо-

маншами въ Апуліи. Какъ въ 963 г., такъ и въ 1041 г. подъ именемъ Русскихъ надо разумѣть Славянъ, а не Варяговъ; Греки не повели бы Русскихъ Варяговъ противъ Норманновъ, которыхъ имепно называли Варягами (*Guarangi. Luca Protosp.*). См. *Annal. Barennes. 1041. . . . Mense Martio decimo septimo intrante factum est proelium Normanorum et Graecorum juxta fluvium Dulibentis. Et ceciderunt ibi multi Russi et Obsequiani (var. molti Greci Russi et Obsequiani). Ipse vero Dulkiano (онъ же Nichiforus cetepanus) cum reliquo exercitu, qui remanserat ex ipso praelio, fugam petierunt in Montem Pelosum. Deinde collectis Mense Maii in unum omnibus Graecis apud Montem Majorem juxta fluenta Aufidi, initiatum est proelium quarto die intrante, ubi perierunt plurimi Natulichi (i. e. Anatolici, orientales) et Obsequiani, Russi, Trachichi (i. e. Thraces), Calabrici, Longobardi, Capitinates. (Pertz. Monum. VII, 54). Славяне участвуютъ въ войскѣ Грековъ въ Италиі и въ 1027 г. Такъ тѣ же автон. (Var.) разсказываютъ подъ 1027 г.: «*Hoc anno descendit Ispo chitoniti (χοιτωνίτης — cubicularius) in Italiam cum exercitu magno, id est Bussorum, Guandatorum, Turcorum, Burgarorum, Vlachorum, Macedonum aliorumque, ut caperet Siciliam. Et Regium restaurata est a Uulcano catepano. Sed peccatis praepedientibus, mortuus in secundo anno Basilius imperator; qui omnes frustra reversi sunt.*» — Въ числѣ этихъ прочихъ были по всей вѣроятности и жители Опсикія. Такое соучастіе ихъ со Славянами Европейскими весьма много способствовало поддержанію и сохраненію Славянской народности въ поселенцахъ Мало-Азіискихъ.*

ваніе. Патріархъ Арсеній, при всей слабости своего характера, не замедлилъ пригласить къ себѣ ближайшихъ къ нему лицъ изъ духовенства: говорилъ имъ, что при видѣ такого злодѣянія, они не могутъ оставаться спокойными и предоставляя лицамъ свѣтскимъ мечъ матерьяльный, они, съ своей стороны, должны вооружиться своимъ мечемъ духовнымъ, т. е. словомъ Божьимъ. На Михаила Палеолога было произнесено отлученіе¹. Негодованье и ропотъ слышны были всюду даже и при дворѣ, но допросы, преслѣдованія и казни сильно подѣйствовали на малодушныхъ.

Славянскіе поселенцы въ окрестностяхъ Никеи распорядились въ этомъ случаѣ по своему и выставили самозванца. Найдя какого-то осьми или девятилѣтняго мальчика, ослѣпшаго отъ болѣзни, они признали его за Іоанна Ласкаря, законнаго своего государя. Они открыто возстали противъ тирана и поклялись стоять крѣпко за своего Императора. Извѣстіе объ этомъ возстаніи сильно напугало Михаила, опасавшагося за отложеніе этихъ пограничныхъ горцевъ, такъ какъ для спокойствія Имперіи они имѣли великую важность; наконецъ примѣру ихъ могли послѣдовать и другія области. Императоръ посѣшилъ отправить къ нимъ сильное войско. Гористая мѣстность, покрытая густымъ лѣсомъ, постоянно доставляла мятежникамъ поверхность надъ силами Императора. Отличные стрѣлки, необыкновенно ловкіе во всѣхъ движеніяхъ, они рано истомили непріятеля. Война приняла совершенно народный характеръ: запрятавъ женщинъ и дѣтей въ глушь лѣсовъ, всѣ вооружились, кто дубиною, у кого не было меча. Начальники войска Императорскаго скоро замѣтили, что силою они съ нихъ ничего не возьмутъ; рѣшились прибѣгнуть къ переговорамъ, стали подсылать то къ тому, то къ другому изъ нихъ, обѣщая прошеніе Императорское, увѣряя ихъ, что слѣпой мальчикъ, находящійся у нихъ, вовсе не Іоаннъ Ласкарь, который заклю-

1. См. Georg. Pachymeres. l. IV. c. 14. Niceph. Greg. l. IV. c. 4. Phranz. l. I. c. 5. Lebeau Hist. du Bas-Empire. Nouv. édit. (M. de Saint-Martin et M. Brosset 1.). Paris. MDCCCXXXV. P. XVIII. p. 106 etc. Сравните образъ дѣйствій митрополита Филіппа съ Иваномъ Грознымъ.

чень въ такомъ-то замкѣ, въ чемъ они сами могутъ лично убѣдиться, отправившись туда. Разумѣется, тутъ не обошлось безъ подкупа. Цѣль была достигнута, но только отчасти. Единомыслие въ мятежникахъ исчезло, но тѣмъ не менѣе большинство, масса крѣпко держалась однажды принятаго намѣренія — стоять до конца. Говорили: «Положимъ, нашъ мальчикъ и не настоящій государь, но все же мы клялись его защищать, дрались, а теперь вдругъ мы постыдно измѣнимъ ему и отдадимъ его въ руки враговъ». Бѣгство мальчика къ Туркамъ окончательно разстроило мятежниковъ. Они стали переходить на сторону Палеолога. Тогда строгія казни и разныя преслѣдованія, особенно конфискація имущества, разразились надъ несчастными; отъ совершеннаго ихъ разоренія удержалось правительство не изъ состраданія, а изъ расчета, такъ какъ горцы же¹, охраняли восточные предѣлы государства отъ набѣговъ Турокъ.

Въ другомъ мѣстѣ, въ началѣ своей Исторіи, приступая къ правленію Михаила Палеолога, Пахимерь такъ описываетъ намъ эти пограничныя поселенія, бывшія для Восточной Имперіи тѣмъ же, чѣмъ такъ называемая Военная граница для Австріи (*Militair Gränze*). Эта Греческая Украина населена была людьми воинственными и трудолюбивыми, бывшими въ одно время и землепашцами и воинами.

Замѣтимъ, что Пахимерь обращается къ первоначальнымъ дѣйствіямъ Грековъ по взятіи Константинополя Латинцами въ 1204 г. и по основаніи Θεодоромъ Ласкаремъ независимаго Государства Пикейскаго². Греки, говоритъ Пахимерь, были окружены съ обѣихъ сторонъ опасными непріятелями — Латинцами и Турками. Съ первыми, какъ господствовавшими на морѣ, справляться было гораздо труднѣе, чѣмъ съ послѣдними. Нѣсколько иначе было съ Турками. Отъ нихъ отдѣляли Грековъ высокія горы съ узкими долинами, которыя было трудно укрѣпить. Когда устроивъ нѣсколько гарнизоновъ и

1. Пахимерь говоритъ: ταῦτα περὶ τοῦς Τριχοχιώτας καὶ τοῦς τοῦ ζυγοῦ διαπραξάμενοι ἀνεχώρου ἐπ' οἴκων. (Вопнае. I, 201). Значитъ, были горцы и *Триконкіоты* (?).

2. См. прекрасную монографію Медовикова — Латинскіе императоры въ Константинополѣ. Москва. 1849. С. 79 и сл.

ежегодно выплачивая дань Туркамъ, обезпечили себя Греки со стороны востока, тогда устремили всё свои силы противъ Латинцевъ; ослабивъ же ихъ совершенно, они снова обратили свое вниманіе на укрѣпленіе своихъ восточныхъ предѣловъ. Созывая отовсюду сильныхъ и многочисленныхъ поселенцевъ, правительство Никейское отводило имъ опредѣленные мѣста для жительства, поставивъ имъ въ обязанность содержать гарнизоны въ новопостроенныхъ крѣпостяхъ¹. Чтобы болѣе привязать ихъ къ службѣ, имъ дарованы были разныя льготы. Такимъ образомъ въ теченіе времени эти поселенцы собрали себѣ большіе достатки; тѣмъ естественнѣе становились они все болѣе и болѣе ревностными защитниками Имперіи. Мало того, чаще и чаще стали они нападать цѣлыми, отдѣльными партіями на Турокъ, опустошать и разорять ихъ земли. Императоры щедро награждали ихъ за усердіе, завоевавшее государству совершенное спокойствіе и безопасность. Но когда по изгнаніи Латинцевъ, столица Имперіи снова была перенесена въ Константинополь, то пограничныя войска были значительно ослаблены, выдача награжденій и жалованія почти прекратилась. Дѣйствія этой пагубной мѣры значительно ослаблялись тѣмъ состояніемъ довольства этихъ пограничниковъ или украинцевъ, которое доставляло имъ большія средства для веденія войны или какъ Пахимеръ выражается — первы войны (*νεῦρα πολέμου*).

За то постигло ихъ настоящее бѣдствіе, когда Императоръ Михаилъ Палеологъ имѣлъ неосторожность согласиться на убѣжденія одного сановника Хадина, который, отправившись на восточные предѣлы и нашедши тамъ людей весьма зажиточныхъ², описалъ все ихъ имущество въ казну, предоставивъ имъ вмѣсто него одну небольшую часть, вмѣсто жалованья³.

1. εἶτα νῶτα στρέψαντες ἐκόντων ἀκόντων Περσῶν τοῖς ὄρεσιν ἐπεβάλοντο, συχοῖς δὲ τοῖς πανταχόθεν ἐποίκοις καὶ ἰσχυροῖς κατασφαισάμενοι ἐρυμὰ τεῖχη καὶ οἴου δυσεπιχειρήτους θρηγκοὺς τῇ Ῥωμαϊδί ταῦτα κατέστησαν. (Pachym. I. I, с. 3. (Bonnae. p. 16).

2. ἄνδρας βαθυπλούτους εὐρῶν καὶ κτήμασι καὶ θρέμμασι βριθοντας Pach. I. I. (Bonnae. I, 18).

3. εἰς τεσσαράκοντα νομίσματα τῶ ἐνὶ συμποσώσας. *ibid.*

Эта мѣра не замедлила совершенно раззорить поселенцевъ. Мало того, что они утратили прежнее усердіе: обѣднѣвъ, они меньше уже дорожили своимъ положеніемъ, упали духомъ, исчезла прежняя отвага, теперь не они на Турокъ, а Турки на нихъ стали нападать все чаще и чаще, поощряемые постоянными успѣхами. Такимъ образомъ облегчено было Туркамъ завоеваніе Вионніи, области въ высшей степени важной для Царсграда¹.

Вотъ описаніе Пахимера этихъ Граничаръ или Краинцевъ. На какомъ основаніи, естественно спросить насъ читатель, считаемъ мы этихъ поселенцевъ за Славянь? Пахимерьъ нигдѣ не говоритъ объ ихъ происхожденіи.

Славянское ихъ происхожденіе видно изъ ихъ образа жизни, совершенно сходнаго напр. съ бытомъ нашихъ казаковъ, какъ онъ извѣстенъ намъ изъ источниковъ отечественныхъ и изъ описаній иностранцевъ, напр. Боплана. Они были земледѣльцы и отличные воины, занимались по всей вѣроятности и рукомерами, такъ какъ въ цвѣтущую свою эпоху они владѣли большими достатками². Характеръ ихъ возстанія, Самозванецъ и другія черты — чисто Славянскія. Наконецъ мы знаемъ, что съ VII в. въ эти края не разъ переселяемы были Славяне, въ массахъ весьма значительныхъ. Въ XII в. Іоаннъ Комнинъ поселилъ въ 1122 г. множество Сербовъ въ области Никомидійской. Въ XIII в. въ этихъ краяхъ, какъ извѣстно, были поселенія Сербскія³.

1. См. G. Pashum. I, I, с. 3—6. (Вопнае. I, 14—20).

2. Вотъ какъ описываетъ ихъ Пахимерьъ: οἱ κατὰ τῆς Νικαίας τᾶραχωρῆται ἀγρόται μὲν ὄντες καὶ γεωργίᾳ προσέχοντες, θαρραλέοι δ' ἄλλως, πίσυνοι τόξοις, ἄμα δὲ καὶ ταῖς κατὰ σφᾶς δυσχωρίαις τὸ πιστὸν ἔχοντες ὡς οὐ ῥαδίως πεισόμενοι καὶ τι πρᾶττοεν.... (I, III, с. 12. Вопнае. I, p. 194).

3. Въ важной грамотѣ о раздѣлѣ Греческой Имперіи, по случаю завоеванія Царсграда Латинцами въ 1204 г., между прочимъ читаемъ: «*Provincia Optimali. Provincia Nicomidie. Provincia Tharsie, Plusiade et Metanoliscum Seruochoriis cum omnibusque sub ipsis*». (Tafel u. Thomas. Font. rer. Ven. I, 475). Слово это читается во всѣхъ спискахъ искаженно; лучшее чтеніе представляется въ одномъ спискѣ (Св. Марка) — *cum Seruochoriis*. Ученые издатели весьма справедливо читаютъ это по-Гречески такъ: σὺν τοῖς Σερβοχωρίοις (ibid. p. 491). Поселенія Сербскія въ Вионніи были еще въ IX в. Такъ въ спискѣ церквей, подчиненныхъ патриарху Царсградскому, составленномъ Львомъ Мудрымъ (Leonis Sapientis [a. 886—907] index ecclesiarum, throno Cpolitano parentium), читаемъ: VIII. Τῷ (т. е. ἐπισκόπῳ)

Велѣдствіе новѣйшаго переселенія (1122 г.) Сербь, а также Болгарь, разумѣется, укрѣнили свои давнишнія связи съ М. Азією и шли туда тѣмъ охотнѣе, ибо находили тамъ своихъ соплеменниковъ, земляковъ и даже родственниковъ. Если же Славяне добровольно переселялись въ М. Азію безо всякаго призыва со стороны правительства Византійскаго, то тѣмъ скорѣе и охотнѣе конечно пошли они на приглашеніе Пикейскихъ государей, которые найдя уже въ этихъ краяхъ поселенцевъ Славянскихъ, принимали ихъ охотнѣе, чѣмъ другихъ инопорядцевъ, напр. Албанцевъ, такъ какъ для Государства было весьма важно, чтобы между жителями Военной Границы господствовало единодушіе, а не смуты и раздоры, которые ведутъ за собою разноплеменность.

И такъ Славяне переселялись въ М. Азію въ VII, VIII, въ XII и XIII в. — по большей части въ однѣ и тѣ же мѣстности, преимущественно въ Виѳиніи. Выше мы доказали, что въ IX—X в. и даже позже Славяне Азіійскіе сохраняли свою народность, что впрочемъ понятно и безъ всякихъ на то свидѣтельствъ. Безъ сомнѣнія сохраняли ее и гораздо позже во первыхъ потому, что были многочисленны, во вторыхъ потому, что имѣли постоянныя сообщенія съ своими земляками и соплеменниками Европейскими.

Дѣйствительно, въ 821 г. Греки говорили, что Славяне *многokrатно* переселялись въ Азію, тогда какъ Лѣтописцы упоминають до 821 г. только о трехъ переселеніяхъ. Какъ случайное, мимоходное упоминаніе Византійцевъ объ этихъ трехъ переселеніяхъ, такъ и слова Продолжателя Константина Багрянородраго о многократныхъ переселеніяхъ Славянъ въ Азію до 821 г. — несомнѣнно доказываютъ, что въ періодъ VII—IX в. было не мало случаевъ этихъ переселеній, о которыхъ умолчали историки. *Такіе случаи должны были быть дѣйствительно нередки, какъ въ этотъ, такъ и въ позднѣйшій періодъ.*

Послѣ слѣдующихъ соображеній читателю не трудно будетъ убѣдиться въ справедливости этого положенія.

Νικαίας, Βιθυνίας. 1. Ὁ Μοδρηνῆς, ἤτοι Μελῆς. 2. Ὁ Λημόνης. 3. Ὁ Γορδοσερβων. См. Tafel. Const. Porphyrogen. de Provinciis Regni Byzantini. Lib. secund. Europa. Tubingae. 1846. p. 46—47. Также Zeuss. I. I. p. 628.

Въ 768 г. Императоръ Константиъ черезъ пословъ своихъ выкупилъ у Славянскихъ князей (Македонскихъ) содержавшихся у нихъ христіанскихъ плѣнниковъ и захваченныхъ ими на островахъ Имбро, Тенедосъ и Самоѳракіи.

Если эти Славяне рыскали по Архипелагу, то конечно не оставляли въ покоѣ и береговъ Азійскихъ, гдѣ какъ напр. въ Сиріи уже было поселеніе Славянское, передавшееся Арабамъ въ 664 г. Въ этомъ послѣднемъ Славяне Греческіе всегда могли находить радушный пріемъ, подобный тому, какой встрѣчаютъ Русскіе у Некрасовцевъ, служащихъ въ войнахъ Турокъ противъ Русскихъ.

Есть ли возможность утверждать, что въ Сиріи и было всего на всего только 5.000 Славянъ? Почему въ послѣдствіи они не могли привлечь къ себѣ многихъ другихъ своихъ соплеменниковъ, жившихъ въ Азіи? Почему наконецъ они сами не могли слѣдовать примѣру уже прежде имъ показанному? Куда дѣлись тѣ 20,000 Славянъ, что передались Арабамъ при Юстиніанѣ, въ 691 г.? А перебѣжчики Славяне у Арабовъ, упоминаемые Византійцами подъ 693 г.? А множество Славянъ, участвующихъ въ войскѣ Арабовъ въ 754 г.?

Случайное упоминаніе Византійцами о Славянахъ въ рядахъ Арабовъ удостовѣряетъ насъ въ томъ, что о многихъ другихъ переходахъ Славянъ на сторону Арабовъ умолчано лѣтописцами. Между Славянами Греческими и Арабскими въ Азіи непременно происходили постоянныя сношенія. Отъ того въ послѣдствіи и перебѣгали Славяне къ Арабамъ; такимъ образомъ и у Славянъ Европейскихъ завязались сношенія съ Арабами.

Славяне Морейскіе возмутились противъ Имперіи въ 802—811 г. и стали осаждать Патрасъ, при чемъ, по свидѣтельству лѣтописей, помогали имъ Афы и Сарацыны.

Въ 923 г. Симеонъ, царь Болгарскій, задумавъ завоеваніе Цареграда, отправилъ пословъ въ Сѣверную Африку къ Арабскому Халифу Фатлumu, предлагалъ ему вмѣстѣ идти на Цареградъ и раздѣлить добычу поровну.

Потому-то весьма вѣроятно, что какъ Славяне Ѳессалійскіе, такъ и Морейскіе ходили въ Азію и даже быть можетъ селились въ ней; еще вѣроятнѣе такое предположеніе относи-

тельно Славянъ Македонскихъ, грабившихъ въ VIII в. острова Имбро, Тенедось и Самооракію.

Памятникъ VIII или IX в., Житіе Св. Димитрія Солунскаго, рассказываетъ, ранѣе 695 г., про Славянъ Македонскихъ, что Драговичи, Сагудаты, Белегезиты, Воиничи (Ваюниты), Берзиты и др., въ своихъ лодкахъ однодеревкахъ рыскали по морю, грабили Тессалию и окрестные острова, Элладу и острова Кикладскіе, всю Ахаю, Эпиръ и большую часть Иллирика и часть Азии, все это грабили и опустошали¹.

Тотъ же памятникъ сообщаетъ намъ, что около 685 г. и позже: «Стримонцы и Рунхицы (вѣтви Славянъ Македонскихъ), соскучивъ покоемъ, рѣшились попытать счастья въ другихъ мѣстахъ. Они бросились на суда и стали грабить корабли съ хлѣбомъ, пlyingіе въ Константинополь, то же сдѣлали и съ островами и съ Еллиспонтомъ, проникли въ самую Пропонтиду и здѣсь опустошивъ области Паросскую и Проконезскую, доходили до самаго Константинопольскаго порта; наконецъ обогащенные добычею и плѣнниками возвратились въ свои мѣста».

Морскіе разбои и грабежи, сами коренившіеся на страсти и привычкѣ къ морю, конечно развивали въ этихъ Славянахъ страшную удадь и отвагу, которыя съ принятіемъ Христіанства и съ смягченіемъ нравовъ не исчезли, а только приняли другое направленіе. Прежніе разбойники и отличные моряки, они стали въ послѣдствіи заниматься торговлею.

Такимъ образомъ весьма вѣроятно, что не только до IX в., но и гораздо позже Славяне Македонскіе посѣщали Азію и даже селились въ ней, постоянно туда привлекаемые не только плодородіемъ почвы, не однѣми выгодами торговли, но и бытностью тамъ своихъ земляковъ.

Императоръ Юстиніанъ въ 687 г. поселилъ огромное количество Славянъ, не менѣе 80,000 человекъ (см. выше) въ области Онсикій отчасти насильно, отчасти добровольно переселившихся въ М. Азію.

1. См. ст. еп. Филарета. Св. Великомуч. Димитрій и Солунскіе Славяне. Чт. М. Общ. Ист. и Др. Москва. 1848. № 6. С. 19.

Добровольно переселиться въ М. Азію могли Славяне потому, что уже знали ее.

Въ 762 г. около 208,000 Славянъ Болгарскихъ, въ слѣдствіе усобицъ и беспорядковъ, оставляютъ свою родину и добровольно поселяются въ М. Азію. Прежнія Славянскія въ ней поселенія не могли имъ оставаться неизвѣстными.

Нѣтъ никакой возможности и необходимости утверждать, что Болгарскіе Славяне никогда не ходили и не переселялись, въ болѣе или менѣе значительныхъ силахъ, въ М. Азію, во всѣ послѣдующія времена. Напротивъ того, соображая удобство сообщеній, сильныя колоніи Славянскія въ М. Азіи, которыя долго должны были сохранить свою народность и для того служить прилукою и приманкою всѣмъ недовольнымъ своимъ землякамъ Европейскимъ, соображая наконецъ торговыя связи съ Азією и давнишнія и постоянныя хожденія странниковъ Болгарскихъ на поклоненіе Гробу Господню, — мы необходимо должны признать, что Славяне Болгарскіе не разъ высылали изъ среды своей поселенія въ М. Азію и до XVII в., когда, какъ намъ достовѣрно извѣстно, была основана нынѣшняя Болгарская колонія подлѣ Никеи. (Объ этомъ ниже).

Но указывая на всѣ благопріятныя обстоятельства, помогавшія долгому сохраненію Славянской народности въ М. Азіи, мы не можемъ и не должны скрывать отъ читателя и обстоятельствъ противоположныхъ, которыя были и не малочисленны и не безсильны.

Переходы Славянъ Азійскихъ къ Арабамъ, которые не могли быть особенно рѣдки (какъ то мы уже видѣли), значительно ослабляли Славянскія колоніи въ М. Азіи.

Славяне, поселившіеся въ М. Азіи въ VII и VIII в., по большей части, разумѣется, были язычники. Обращенные въ христіанство, они приняли въ свое богослуженіе языкъ Греческій. Позднѣйшіе Славянскіе переселенцы могли уже приносить въ М. Азію и свои Славянскія богослужебныя книги. Но судя по новѣйшему образу дѣйствій Грековъ относительно Славянъ, мы смѣло можемъ утверждать, что и къ Славянскимъ поселеніямъ въ М. Азіи были примѣняемы всѣ возможныя мѣры, лишь бы огречить ихъ.

Завоеванія Турковъ, ихъ поселенія, поборы, насилія и обращеніе въ исламизмъ, которому Славянскіе поселенцы могли поддаться легче, такъ какъ, принимая ученіе Церкви на языкѣ имъ непонятномъ, они не могли быть твердыми и вѣрными христіанами — на основаніи всѣхъ этихъ соображеній вмѣстѣ, должно полагать, что въ настоящее время въ Малой Азіи если и не сохранилась Славянская стихія во всей чистотѣ, то тѣмъ не менѣе оставила по себѣ много слѣдовъ какъ въ бытѣ, такъ и въ языкѣ, нѣсняхъ, пащѣвахъ, наконецъ даже въ физическихъ особенностяхъ жителей нѣкоторыхъ частей Малой Азіи.

■■■. Путешествіе по М. Азіи для этнографическаго изслѣдованія остатковъ бывшихъ въ ней Славянскихъ поселеній могло бы, смѣю думать, принести пользу наукѣ. Подтверженіемъ этой мысли можетъ между прочимъ служить весьма любопытное извѣстіе почтеннаго и весьма мало нами цѣнимаго, стариннаго путешественника нашего — Василія Григоровича Барскаго Плаки Альбова¹. Такъ, описывая монастырь Св. Саввы Іерусалимскаго, онъ говоритъ между прочимъ: «Въ трапезѣ (монахи) чтенія не имутъ, развѣ при гостяхъ, понеже суть всѣ просты и не разумѣютъ не токмо книжнаго писанія, но многи суть иже ни Греческаго простаго языка умѣютъ, кромѣ Турецкаго и сіи суть отъ Анатолиі и дѣже мало Христіанъ, Христіане бо, иже въ Анатолиі, всѣ по Турецки бесѣдуютъ, и другаго языка не знаютъ; аще же и Греческія книги въ церковь чтутъ, но не разумѣютъ: тако бо токмо изучаются чтенія ради церковнаго, да Христіанская вѣра не исчезаетъ» (I, 209).

Въ 1731 г. Барскій прожилъ въ *Карамані* два дня. «Селевкія бѣше иногда градъ многозначитъ и пресловутъ, о немъ же и въ Дѣянїяхъ Апостольскихъ воспоминается, яко отплыша тамо Св. Апостолы на проповѣдь Божеств. Евангелія; нынѣ же обнища и есть, яко нѣкая весъ, отстоитъ отъ Кипра шестьюдесятью милями, на странѣ Сѣверной, на землѣ великой, нари-

1. Пѣшехода В. Г. Б. А. уроженца Кіевскаго, монаха Антиохійскаго, путешествіе къ святымъ мѣстамъ.... 6-е изд.

цаемой Анатолія, при брезѣ морскомъ, при горахъ великихъ, имать же и крѣпость особно отъ давно зданную и вооруженную ради враговъ. Тамо не точію Турки обрѣтаются; но и Христіанъ много съ Священниками и церкви въ семь разнствуютъ отъ иныхъ странъ, яко инымъ языкомъ не бесѣдуютъ точію Турецкимъ, посполитъ народъ весь, въ сапогахъ обуванъ есть, на головахъ мужіе носятъ нлѣія высокія шапки съ завивалы и зрятся быти страшны пришельцомъ» (I, 363).

Описывая свое плаваніе отъ Кипра къ Самосу, Барскій говоритъ между прочимъ: «По вся дни имуще вѣтръ противенъ и многи препятствія отъ страха и осторожность отъ разбойниковъ морскихъ, овогда же тишинѣ случающейся, съ великимъ трудомъ веслами гребохомся, и умедлихомъ на морѣ дній осмьнадесять, не отдаляхомся же далече на ширину морскую, но пловохомъ воскрай Анатоліи земли великой, оттуда даже до Чернаго Моря къ землѣ Грузинской протяжаемой, юже имѣхомъ въ странѣ правой; мимо идохомъ же по чину, начениши отъ Кипра, страны и грады сицевы: Караманію, Анаію, Аманію, си есть Писидію; въ сихъ трехъ странахъ Христіане не умѣютъ бесѣдовать инымъ языкомъ точію Турецкимъ, понеже тамо Христіанъ мало, Агарянъ же множество, и многолтнаго ради житія погубиша Греческій языкъ и все привѣтствіе ихъ, молитвы и поученія въ церквахъ отъ священникъ бываемыя, Турецкимъ діалектомъ глаголются, точію пѣніе и чтеніе церковное творятъ по письменамъ Греческимъ; обаче отнюдъ ничто не разумѣютъ яже тутъ» (II, 63). Также говоритъ онъ: «и до здѣ (Мирликіи) Христіане бесѣдуютъ языкомъ Турецкимъ точію; оттуда же начинаются, въ нихъ же бесѣдуютъ по-Гречески и по-Турецки» (ib).

Въ предпоследнемъ замѣчаніи Барскій старается объяснить себѣ замѣченный имъ фактъ — христіане Греческаго богослужебнаго языка не понимаютъ, и говорятъ по Турецки тѣмъ, что «тамо Христіанъ мало, Агарянъ же множество». Объясненіе очевидно весьма неудачное¹. Безъ сомнѣнія, Хри-

1. За Болгарскимъ монастыремъ св. Іоанна Рыльскаго, къ Аѳону, лежитъ другой монастырь св. Іоанна Предтечи. Почтенный преемникъ Барскаго, инокъ

стіане, о которыхъ говоритъ Барскій, не были Греками, а принадлежали къ какой-нибудь другой народности, которая не могла сохранить своего языка потому, вѣроятно, что была малочисленна и въ богослуженіи употребляла не свой языкъ, а Греческій. Нѣтъ также сомнѣнія въ томъ, что если объясненіе наше справедливо, то Турецкій языкъ этихъ Христіанъ не совсемъ чистый и сохраняетъ на себѣ болѣе или менѣе значительные слѣды роднаго ихъ нарѣчія. Точно также могли они сохранить и нѣкоторые свои нравы и обычаи. Такъ, полагаю я, могли сохраниться и слѣды Славянскихъ поселеній въ М. Азіи. Теперь еще нельзя отвѣчать отрицательно на вопросъ: въ числѣ Христіанъ, описываемыхъ Барскимъ, не могутъ ли быть и переродившіеся Славяне? Сапоги и высокія шапки Христіанъ, что подлѣ Селевкии и что не знаютъ Греческаго языка, а говорятъ по-Турецки, — конечно не позволяютъ отвѣчать положительно, однако дѣлаютъ предположеніе это весьма вѣроятнымъ. Славяне въ VII—въ VIII в., а конечно и позже, рыскавшіе по Архипелагу, могли селиться въ Азіи въ разныхъ краяхъ, а не только въ области Опсикій, въ древней Вионціи и т. д. Намъ вѣдь

Пареній, въ 1839 г. нашелъ въ его библіотекѣ «множество кожаныхъ и бумажныхъ рукописныхъ Славянскихъ книгъ, болѣе тысячи; лежатъ безъ всякаго береженія, о чемъ много мы соболѣзновали и сожалѣли; уже многія повредились. Мы спросили: «почему закъ безъ всякаго присмотра находится библіотека?» Намъ отвѣчали: «А на что эти книги намъ? Читать мы ихъ не знаемъ. Хотя и вся братія — Болгары, но читать по-Славянски ни одинъ не разумѣетъ, потому что мы всѣ изъ Македоніи. А у насъ по всей Македоніи, по градамъ и по селамъ, нигдѣ не читаютъ по-Болгарски, а вездѣ по-Гречески. Хотя и всѣ Болгары живутъ, *хотя и ничего по-Гречески не понимаютъ, ни міряне, ни священники, но тако заведено издревле, и уже привыкли, потому что съ юности учились читать и петь по-Гречески.* А сія библіотека жертвована Болгарскими и Сербскими царями. Тогда по всей Фракіи и Македоніи читали и пѣли по-Болгарски, а нынѣ только въ селѣ *Патакъ* и въ монаст. преп. Іоанна Рыльскаго». (Сказ. о странств. и пут. . . ивока Паренія. II, 58). Болгары Македонскіе очень многочисленны, оттого грамотность Греческая не могла у нихъ вытѣснить языка Болгарскаго. Если бы Христіане Азіійскіе, о которыхъ говоритъ Барскій, были Греки, то они давно бы не позабыли своего природнаго языка, такъ какъ у нихъ была своя грамотность Греческая. Эти простые слова, замѣчу кстати, осязательно доказываютъ весь вредъ народнаго воспитанія въ духъ чужомъ, не національномъ.

уже положительно извѣстно, что въ 664 г. 5,000 Славянъ поселилось въ Сиріи, въ области Ашамейской¹.

Безъ этнографическаго путешествія ученыхъ наблюдателей, хорошо знакомыхъ съ Турецкимъ, Греческимъ и Славянскимъ языками и бытомъ, — было бы слишкомъ смѣло и неосновательно утверждать, что въ настоящее время не осталось никакихъ слѣдовъ Славянства въ М. Азіи.

Напротивъ въ высшей степени вѣроятна возможность, на основаніи точныхъ этнографическихъ наблюденій, возсоздать для науки географическое распредѣленіе Славянъ въ М. Азіи. Наконецъ въ вѣрности своего предположенія о томъ, что понышѣ сохраняются въ М. Азіи слѣды Славянства, убѣждаюсь между прочимъ и однимъ весьма любопытнымъ замѣчаніемъ ученаго путешественника Англійскаго, Энсворта (Ainsworth)², который шелъ съ своимъ товарищемъ изъ г. Бартана на Востокъ. «Нашъ путь, говоритъ онъ, лежалъ вдоль горячихъ водъ Ордири (Ordeiri), и, послѣ краткой верховой ѣзды по лѣсу изъ чинаръ и пробковаго дерева съ паростникомъ и виноградниками, мы прибыли въ *месджидъ* (mesjid), деревню Баг-Джевисъ (Bagh-Jevis), т. е. Орѣховый Садъ.

Теперь все принимало размѣры истинно Альпійской природы; въ главѣ долины возвышалась гора Дэрнаг-Джейласи (Durnah-Jailasi), древній Орминій, съ сосновымъ лѣсомъ и съ высокою голою вершиною....

Тамъ и сямъ внутри долины раскиданы были деревни и нѣсколько домовъ, болѣе, чѣмъ можно было ожидать въ этомъ мѣстѣ, помѣщалось у подошвы горы. *Но всего больше возбудило наше любопытство то обстоятельство, что въ этихъ хижинахъ жили люди особаго племени, которые исключая языка (весьма испорченнаго Турецкаго), во всемъ другомъ ни черты не имѣли общаго съ Турками. Лицемъ они смуглы, волосы у нихъ длинные, ихъ лобъ впалый (indented), черты ихъ рѣзкія и выразитель-*

1. Любопытно, что на Азійскомъ берегу, насупротивъ острова Митилина, находится селеніе *Kozakly* (Кип.).

2. Ainsworth (Will. Francis.) Travels and Researches in Asia Minor, Mesopotamia, Chaldea and Armenia. In two volumes. London. MDCCCXLII. I, 62—63.

ныя и вообще не похожія на круглую Турецкую физиономію. Они, кажется, принадлежатъ къ первобытнымъ племенамъ, отъсненнымъ отъ берега въ горы и уже переродившимся; такъ волосы ихъ были всклокоченны (*uncombed*), а рѣзкія черты лица (*fierce a. harsh*) казались какъ бы закопченными отъ дыма (*looked as if smoke dried*).

Хорошо извѣстно, что въ этихъ краяхъ жило Славянское племя. У Омира извѣстные подъ именемъ Генетовъ *Ἐνετοί*, они были вѣтвью тѣхъ самыхъ Славянъ (*Slavonians*), что у Римлянъ слыли — *Veneti*, а у Нѣмцевъ *Winden, Wenden*. По словамъ Страбона они жили около Пароениоса и занимали значительную часть приморской Пафлагоніи.

Это единственный извѣстный миѣ фактъ бытности на Азіатскомъ полуостровѣ народа, который подъ именемъ Сербовъ, Болгаръ и проч. составляютъ такую значительную часть населенія Европейской Турціи».

Въ какой степени справедливо предположеніе путешественника Англійскаго, о томъ судить не могу; однако нельзя не замѣтить, что, если ученые считаютъ возможнымъ и вѣроятнымъ, что такой древній народъ, какъ Венеты Пафлагонскіе, жившій за сотни лѣтъ до Р. Х., и еще въ древности исчезнувшій и утратившій свою народность, могъ понынѣ сохранить нѣкоторыя типическія черты и особенности, то тѣмъ безспорно справедливѣе наше предположеніе о Славянскихъ поселеніяхъ VII, VIII и сл. вѣк. по Р. Х.

IV. Выше представленными данными не ограничиваются извѣстія наши о Славянскихъ поселеніяхъ въ М. Азіи. Еще въ 1808 г. Сальватори, на пути своемъ изъ Константинополя въ Персію, попалъ на Болгарскую деревню между Никомидіею и Никеею; въ письмѣ своемъ къ Д. Карено онъ описываетъ ея обитателей такимъ образомъ: «За день пути до Никей мы ночевали въ одной деревнѣ подъ названіемъ *Кизъ-Дербентъ* (или *Kuz-Derrent*), населенной одними Болгарами (*di soli Bulgari*). Около двухъ сотъ лѣтъ тому назадъ (т. е. около 1608 г.), семь семействъ Болгарскихъ, гонимыя за вѣру (*per motivo di religione*), покинули свою родину и поселились въ этомъ мѣстѣ, го-

ристомъ и лѣсистомъ. Но чего не достигаетъ человѣческое искусство! Теперь считается ихъ 150 семей, живутъ себѣ покойнѣе, чѣмъ прежде на родинѣ; собираютъ много льну, шелку и плодовъ. На зарѣ я видѣлъ, что множество женщинъ и дѣвушекъ трепали ленъ точно такимъ же образомъ, какъ у насъ въ Италіи; веселія, онѣ встрѣчали восходъ солнца пѣснями»¹.

Вспомнимъ, что въ окрестностяхъ Никеи издавна были поселенія Славянскія. На западъ отъ Никеи, въ верстахъ полтора отъ Киз-Дербента, на берегу озера Маньяскаго, находится другое Славянское поселеніе, именно Русская колонія, у Турокъ называемая *Козакли*, вѣроятно та самая, что обозначена у Киперта на западномъ берегу Маньяскаго озера подъ тѣмъ же названіемъ (*Kazacly*).

Первое о ней извѣстіе сообщилъ ученый Англійскій путешественникъ Гамильтонъ. Онъ посѣтилъ ее въ 1837 г. мая 30. «Мы пришли, говорить, въ большую деревню, называемую Козакли, что на западномъ берегу озера (Маньяскаго). Вступивъ въ нее, я прежде всего былъ пораженъ деревяннымъ крестомъ, возвышавшимся надъ небольшимъ строеніемъ, по всей вѣроятности часовнею, а еще болѣе прекрасною наружностью и Тевтонскимъ (т. е. Европейскимъ) выраженіемъ женщинъ и дѣтей, ихъ чистою одеждой и живостью ихъ движеній, столь противоположною важности Турокъ и равнодушію (*listlessness*) Грековъ. Оказалось, что это Козацкое поселеніе, устроенное Портою по взятіи Измаила Русскими; предки ихъ предпочли Турецкое владычество Русскому. Жители сохраняютъ свой языкъ и свой нарядъ и немногіе изъ нихъ умѣютъ говорить по-Турецки: нарядъ мужчинъ и мальчиковъ состоитъ изъ длиннаго бѣлаго кафтана (*frock*), вышитаго разными цвѣтами внизу и на воротѣ и изъ черной бараньей шапки (Персидской). Съ ними Турки обходятся весьма ласково, они имѣютъ своего старшину, пользуются самоуправленіемъ и не платятъ податей правительству.

1. Slowanka. zur Kenntniss d. alten u. neuen slaw. Literat. d. Sprachkunde nach allen Mundarten, d. Gesch. u. Alterthümer. von I. Dobrowsky. Prag. 1814. I, 86. «Bulgaren in Klein-Asien».

Озерная рыба и стада ихъ составляютъ главный источникъ ихъ пропитанія»¹.

Въ 1850 г. вышло другое, гораздо полнѣйшее описаніе этой Русской М. Азійской колоніи. Авторъ его, Мак-Фарленъ, лично посѣтилъ и подробно описалъ ее, какъ очевидецъ². До личнаго посѣщенія своего Маньясской колоніи, онъ не могъ собрать никакихъ порядочныхъ свѣдѣній. «Такъ одинъ Турецкій эфенди въ Сизикѣ описывалъ Маньясскихъ казаковъ все-ме спокойнымъ, промышленнымъ и честнымъ народомъ, но очень нелюдимымъ и исключительнымъ; онъ сознавался, впрочемъ, что самъ онъ никогда не бывалъ въ колоніи. Другой Турокъ, напротивъ того, изображалъ ихъ чрезвычайно звѣрскими и находилъ въ нихъ главный порокъ, что они не курятъ табаку. Одинъ Грекъ замѣтилъ, что они не пьютъ ни вина, ни водки и никогда не рѣшатся пить воду изъ того же самаго стакана или сосуда, изъ котораго прежде пилъ кто-либо чужой, былъ ли то христіанинъ или мусульманинъ. Приближаясь къ самой колоніи Мак-Фарленъ наводилъ дальнѣйшія о ней справки и былъ крайне изумленъ, что Турки, въ самомъ близкомъ съ нею сосѣдствѣ, знали о ней очень мало: одинъ молодой Турокъ подтвердилъ ему прежнее сказаніе, что они гнушаются табаку — въ его глазахъ знакъ неизъяснимаго звѣрства. Другіе Турки отдавали казакамъ справедливость, что они очень хорошіе рыболовы, но, впрочемъ, отзывались о нихъ съ презрѣніемъ, какъ о недостойномъ, отверженномъ племени, живущемъ чрезвычайно неопратно»³. Мак-Фарленъ приближается къ Маньясскому озеру. «Вскорѣ — говоритъ онъ — намъ открылся полный видъ Маньяскаго озера и мы увидѣли довольно большое турецкое селеніе, пріятно расположенное на скатѣ холма и спускавшееся

1. *Hamilton* (Will. J.) *Researches in Asia Minor, Pontus and Armenia*. London. 1842. II, 105—106.

2. Mac Farlane (I.) *Turkey and its destiny*. 1850. Vol. I, 475—491. Г. Свенске представилъ переводъ этого описанія и извлеченіе изъ него въ Вѣстн. Геогр. Общ. 1855, кв. III, отд. III, с. 1—12. Пользуюсь имъ, изрѣдка дополняя его собственнымъ переводомъ тѣхъ впрочемъ весьма немногихъ мѣстъ, что имѣютъ нѣкоторый интересъ и нѣсколько сокращены у почтеннаго ученаго нашего.

3. См. Г. Свенске (Вѣстн.) «Русская колонія въ Малой Азій. С. 2.

до самаго края озера. Проѣхавъ небольшую рошу малорослыхъ дубовъ и миновавъ пространное Турецкое кладбище, мы увидѣли передъ собою казачье селеніе (у Турокъ — Козакли), лежащее на самомъ берегу озера. Людей не было видно вовсе.

Прибывъ въ селеніе въ 10 часовъ утра (18 Ноября 1847 г.), мы вступили въ него хорошею, просторною, прямою улицю, спускающеюся къ озеру. Все еще намъ не попадалось на глаза ни одной души. Дома по обѣ наши стороны казались опрятнѣе и несравненно лучше поддерживаемыми, чѣмъ всѣ доселѣ нами встрѣченные; но мы могли видѣть только малую ихъ часть, потому что каждый домъ стоитъ посреди огороженнаго двора и обращенъ къ улицѣ только одною стѣною двора, воротами и запертою калиткою. По достиженіи края озера мы замѣтили нѣсколькихъ очень бѣлокурыхъ дѣтей, опрятно и хорошо одѣтыхъ, а потомъ двухъ или трехъ очень рослыхъ и стройныхъ женщинъ въ коротенькихъ юбкахъ. Всѣ онѣ казались застѣнчивыми и мало понимавшими, что было имъ сказано по Турецки. Наконецъ онѣ смекнули, что мы спрашиваемъ, гдѣ находится домъ ихъ бей или старосты. Маленькій мальчикъ не подходя къ намъ близко, подаль знакъ, что покажетъ намъ дорогу. Онъ повелъ насъ нѣсколько вверхъ по улицѣ, которою мы спустились, и постучался у одной весьма красивой двери. Сначала по открытіи дверей показалась высокая, худощавая, старая женщина, но, увидѣвъ насъ, тотчасъ скрылась, не говоря ни слова и не подавъ намъ ни малѣйшаго привѣтствія или поклона. Спустя нѣсколько минутъ вышелъ самъ старый бей и, остановясь у своего порога, не сдѣлавъ намъ приглашенія переступить черезъ него. Онъ довольно хорошо говорилъ по-Турецки и былъ высокаго роста, съ густою бородой и чистой, почтенной наружности. На вопросы, которые мы предложили ему относительно этой любопытной колоніи, онъ отвѣчалъ намъ коротко, но довольно вѣжливо; сказалъ однако, что боится впустить насъ въ свой домъ или ближе подойти къ намъ, потому что слышалъ отъ своихъ людей, что въ Константинополѣ жестоко свирѣпствуетъ холера.

Сколько ни ошибочно, вѣроятно, мнѣніе насчетъ заразительности ея и какъ намъ ни была неприятна его осторожность,

однако мы не могли не принять ее за нѣкоторое доказательство цивилизаціи.

Мы спросили, гдѣ найти намъ священниковъ, какъ тѣхъ лицъ, отъ которыхъ надѣялись получить желаемыя нами свѣдѣнія о колоніи. Бей, имѣвшій патриархальную осанку, сказалъ, что укажетъ намъ дорогу къ ихъ дому, и, падѣвъ на голыя свои ноги туфли, вышелъ и проводилъ насъ внизъ по улицѣ, держась однако нѣсколько поодаль отъ насъ. Дойдя до конца улицы, мы узнали, что священники отправились на рынокъ или ярмарку въ недалній Турецкій городъ.

Между-тѣмъ вышли и другія женщины и дѣти; но всѣ онѣ держались въ отдаленіи, и въ то время, когда я занялся снятіемъ небольшого эскиза части озера, бей повернулъ назадъ къ своему дому, безъ всякихъ разговоровъ. Мы уже стали было думать, что казаки дѣйствительно заслуживаютъ упрекъ нелюдовимости и холодности, дѣлаемый имъ Турками и Греками. Но какъ съ беемъ можно было объясняться на понятномъ намъ языкѣ, чего, повидимому, нельзя было ни съ кѣмъ другимъ въ деревнѣ, и какъ мы были очень голодны, то скоро послѣдовали за старикомъ и постучались вновь у его дверей, чтобы предложить еще нѣсколько дальнѣйшихъ вопросовъ и попросить его, чтобы онъ далъ намъ хотя нѣсколько хлѣба. Мы сказали ему, что если онъ опасается насъ, то мы будемъ держать свою трапезу внѣ его дверей на улицѣ; что у насъ, впрочемъ, нѣтъ ни холеры, ни другой какой-либо болѣзни, а только хорошій аппетитъ, а что касается Константинополя, то мы давно не были вблизи его. Мало по малу опасенія старца разсѣялись и онъ пригласилъ насъ къ себѣ въ домъ, самый опрятный и безспорно красивѣйшій, который мы видѣли въ М. Азіи. Первая горница, въ которую мы вошли, была просторная гостиная, самый лучшій покой во всемъ домѣ. Она была около 50 футовъ длиною и 25 шириною; стѣны ея были хорошо оштукатурены и выбѣлены, и на нихъ не видно было ни одного пятна грязи и ни малѣйшей пыли. Кровля безъ всякаго промежуточнаго потолка была изъ камыша, красиво вырѣзаннаго и сложеннаго внутри; полъ состоялъ изъ песка, смѣшаннаго глиною, и былъ мѣстами выложенъ раковинами и кремешками. Вокругъ всего

покоя находился выступъ изъ стѣнъ, фута въ два шириною и почти такой же вышиною, и этотъ выступъ служилъ вмѣсто дивана. Противъ самаго входа были большія открытыя двери, которыя въ холодную погоду завѣшивались коврами, и чрезъ это-то отверстіе могли мы видѣть небольшой, крѣпко огражденный заборомъ огородъ, по обѣимъ сторонамъ котораго были расположены небольшія спальни и другія комнаты. У самаго конца сада была перегородка изъ высокаго камыша или озернаго тростника, красиво поставленная и перевитая: а позади ея находился птичій дворъ, вблизи же, но нѣсколько въ сторонѣ другая подобная же стѣна, за которою скрывалась кухня; хорошая, широкая, гладкая дорожка, красиво выложенная кремнями, вела отъ залы до конца сада. Все носило печать первобытной простоты, но было красиво, порядочно и чрезвычайно чисто, и все это произведено руками казаковъ.

«Бей своими собственными руками положилъ передъ нами на столъ хлѣбъ и луковицы и велѣлъ своей дочери, высокой, стройной и опрятной женщицѣ, сварить нѣсколько свѣжихъ яицъ. Мука была лучше смолота и хлѣбъ вообще лучше всякаго другаго, который мы отвѣдывали въ М. Азіи. Спустя немного вошелъ другой старый сѣдой казакъ, а вслѣдъ за нимъ смуглый, небольшаго роста мужчина въ мѣшковатомъ платьѣ изъ крѣпкаго, но грубаго сукна. Послѣдній былъ одинъ изъ учителей колоніи, потому что у казаковъ заведена даже и школа. Онъ показался мнѣ лѣтъ отъ 30 до 40, говоритъ по-Турецки, хотя не очень плавно, и сказалъ намъ, что ему 38 лѣтъ отъ роду, и что онъ былъ первое дитя, родившееся въ колоніи, со времени ея основанія.

За завтракомъ своимъ мы предлагали бею разные вопросы насчетъ колоніи. Мы узнали отъ него, что она состоитъ изъ донскихъ казаковъ, что, согласно съ преданіемъ, предки ихъ лѣтъ за 280 переселились съ Дона на Дунай; но когда Дунайская колонія размножилась до того, что уже не могла достаточно питаться рыболовствомъ, то она лѣтъ за 39 выслала отъ себя человѣкъ около 300, и что за исключеніемъ немногихъ, умершихъ на пути, эта отрасль Дунайской колоніи, принятая подъ покровительство султаномъ, прибыла къ Маньясскому озеру и

поселилась въ такомъ мѣстѣ, гдѣ хорошо ловилась рыба и было водяное сообщеніе между озеромъ и моремъ. Лѣтъ же за 14 или 15, воспослѣдовало второе поселеніе туда же съ Дуная. Они вскорѣ размножились; но потомъ число ихъ убавилось отъ многократныхъ посѣщеній чумы. Въ теченіе же десяти послѣднихъ лѣтъ, они были пощажены этимъ бичемъ, и все это время населеніе колоніи постоянно возрастало.

Семейства этихъ сыновъ Дона были вообще многочисленны, и дѣти ихъ очень сильны и здоровы. Климатъ не производилъ на нихъ никакого дѣйствія: они едва знали, что такое злокачественная лихорадка (*malaria fever*), хотя окрестности озера слывутъ весьма благопріятными развитію этой гибельной заразы, и живущіе въ бассейнѣ его Турки безпрестанно страдаютъ отъ перемежающихся лихорадокъ¹. Видъ не только всѣхъ дѣтей, но и всѣхъ взрослыхъ женщинъ, которыхъ мы видѣли, подтверждалъ справедливость вышеприведеннаго замѣчанія: всѣ они отличались здоровьемъ, свѣжестью и силой. Нѣкоторыя изъ дѣтей были очень пригожи, съ голубыми глазами и съ бѣлыми, какъ ленъ, волосами. Лицемъ они очень похожи на юныхъ нашихъ Нортумберландцевъ, дѣтей югозападнаго берега Шотландіи, въ которыхъ много Датской крови. Самъ бей и другіе старцы не имѣли, за исключеніемъ длинной ихъ бороды, ничего восточнаго, а напротивъ видъ совершенно западно-Европейскій. Бей съ возвышеннымъ челомъ и съ орлинымъ носомъ. Мы замѣтили здѣсь только одно калмыцкое лицо, именно у школьнаго учителя, родившагося въ колоніи. Колонія нынѣ считаетъ 300 домовъ и 5 церквей. Намъ сказали, что въ селеніи 5 школьныхъ учителей и два священника; что эти послѣдніе Русскіе уроженцы и что они ушли на ярмонку. Козаки питаютъ ненависть къ Россіи; однако вся ихъ образованность идетъ оттуда. Дѣти учатся читать и писать по Русски. Всѣ ихъ книги Московской печати. Бей показывалъ

1. Вѣроятно, Донскіе переселенцы спасаются отъ нея чистотою, опрятностью и порядкомъ, наблюдаемыми ими во всемъ ихъ быту. Не служитъ ли это доказательствомъ, что климатъ Малой Азіи былъ бы гораздо здоровѣе, если бы она была обитаема племенемъ болѣе чистоплотнымъ и менѣе небрежнымъ, нежели Османлы?

намъ огромный томъ, въ кожаномъ переплетѣ съ деревянными застѣжками; кажется то была Священная Исторія съ молитвословомъ Православной Церкви; книга весьма чисто напечатанная на плотной бумагѣ, но заглавнаго листа не доставало. Другія ихъ книги церковныя, народныя, сказки и повѣсти. Школьный учитель обѣщалъ показать три или четыре весьма старыя рукописи, но Богъ вѣсть почему, не сдержалъ своего слова.

Сравнительно высокое образованіе Донскихъ козаковъ, ихъ трудолюбіе и порядокъ, чистота и красивость ихъ жилищъ хорошо извѣстны. Колонія этого племени, расположенная на островахъ, озерахъ и тоняхъ Нижняго Дуная, состоитъ въ случайныхъ сношеніяхъ съ своею родною общиною на Дону, а отрасль Маньясская пребываетъ въ тѣсныхъ сношеніяхъ съ Дунайскою. И такъ длинною и любопытною цѣпью Русско-козацкое образованіе оживляется и поддерживается въ этомъ углу Малой Азіи.

Хозяева наши дѣйствительно гнушались табакомъ, какъ курительнымъ, такъ и нюхательнымъ; но они отрицали, будто не любятъ вина, водки или какихъ-либо хорошихъ крѣпкихъ напитковъ. Это утвержденіе они доказали на дѣлѣ, весьма дружелюбно прибѣгая къ нашей флягѣ. Намъ было сказано, что они не пьютъ изъ того же стакана или рюмки, изъ которыхъ прежде пилъ кто либо чужой, и что если сосудъ принадлежитъ имъ самимъ, то въ этомъ случаѣ разбиваютъ его на куски и бросаютъ въ сорную яму, какъ нѣчто опоганенное или оскверненное. Они увѣряли насъ, что это только справедливо въ отношеніи къ мусульманамъ, и что они не пьютъ изъ того же сосуда послѣ Турка, потому что онъ всегда куритъ табакъ и не христіанинъ. Но они не обвиняясь пили изъ одного и того же кубка съ нами. Отъ куренія табаку они воздерживаются. Мы замѣтили имъ, что большая часть христіанъ, живущихъ, какъ и они, посреди водъ и въ сырыхъ, болотистыхъ мѣстностяхъ, очень преданы куренію табаку, которое въ извѣстной степени и въ такихъ случаяхъ даже полезно для здоровья. Но они не хотѣли и слышать объ этомъ: если табакъ и полезенъ тѣлу, то онъ разстраиваетъ и губитъ душу, кто куритъ, тотъ уже не христіанинъ, такъ и Москали потому не христіане; Турки

только и дѣлають, что курять; они поганые и за свое куренье пойдуть во тьму кромѣшную.

Ни Русскихъ, ни Грековъ они не считаютъ настоящими христіанами; говорятъ про нихъ, что они вдалились въ ереси, ввели новые обычаи и обряды и удалились отъ истинной старой вѣры, которая сохраняется только у Донскихъ козаковъ, да еще у немногихъ другихъ, живущихъ въ Россіи. Наши Маньясскіе пріатели знаютъ царя Московскаго, падишаха Турецкаго, цесаря Австрійскаго; у нихъ сохранились страшныя преданія о войнѣ 1812 г.; о другихъ же государяхъ, странахъ и народахъ они имѣютъ самыя неясныя понятія. Такъ бей спросилъ у меня, принадлежитъ ли наша земля, Англія, Французамъ? Музыкальныхъ инструментовъ у нихъ вовсе не имѣется, по праздникамъ же они поютъ пѣсни хоромъ и пляшутъ подъ нихъ.

Нынѣ въ Маньясской колоніи считается до 500 взрослыхъ мужчинъ. Они пользуются льготой отъ плажежа податей, въ случаѣ войны обязаны только поставлять султану извѣстное число всадниковъ, именно половину числа способныхъ носить оружіе. По ихъ словамъ, въ гибельную для Турціи войну 1828 — 29 годовъ, они поставили 160 воиновъ, вооруженныхъ пирами и служившихъ въ иррегулярной конницѣ. Иные изъ нихъ были убиты, другіе умерли отъ болѣзней между Варною и Дунаемъ, но большая часть здраво и невредимо воротилась къ Маньясскому озеру. Они очень крѣпкаго сложенья, и каждая изъ женщинъ, которыхъ мы видѣли, казалась какъ бы рожденною быть матерью гренадеровъ. Между тѣмъ, какъ мы бесѣдовали съ беємъ, женщины его дома входили и выходили по своимъ домашнимъ дѣламъ безъ всякаго замѣшательства: онѣ, казалось, вовсе не замѣчали насъ и нисколько не смущались нашимъ присутствіемъ, а между тѣмъ иностранцы для нихъ диковинка. Онѣ чрезвычайно трудолюбивы, расторопны и ловки: всѣ обладали удивительною сноровкою. Одна пожилая женщина принесла какую то жалобу къ бею, который и старшина и судья колоніи. Она стояла прямо посреди горницы въ позиціи древняго витія, и одно мгновеніе точно имѣла позу дивной старинной Греческой статуи, слывущей подъ именемъ Аристида

Праведнаго. Она говорила съ важностью и силою, безъ крика и площадныхъ манеръ. Я желалъ бы, чтобъ иные изъ ораторовъ нашей Нижней Палаты присутствовали притомъ, чтобы взять себѣ назидательный урокъ отъ этой козацкой дамы. Хотя мы ни слова не поняли изъ того, что она говорила, однако мнѣ стало жаль, когда она окончила свою рѣчь.

Турокъ они презираютъ: «когда приходятъ они къ намъ безъ своего табаку и чубуковъ, то мы ихъ пускаемъ въ селеніе и позволяемъ имъ сидѣть внѣ домовъ нашихъ; но если приходятъ они сюда съ шумомъ и буйствомъ, какъ они это обыкновенно дѣлаютъ въ Греческихъ деревняхъ, то мы выгоняемъ ихъ дубинами. Но они почти никогда не тревожатъ насъ. Турокъ не можетъ путешествовать и совершенно пропалъ бы безъ трубки, а мы не терпимъ здѣсь курителей табаку, не хотимъ, чтобы деревня наша опоганилась. Поэтому они держатся поодаль отъ насъ и почти ничего о насъ не знаютъ. Мы ходимъ въ ихъ города и деревни и справляемъ тамъ немногія свои дѣла, но всегда принимаемъ осторожность не оставлять нашего села безъ надлежащаго прикрытія. Еслибъ мы этого не соблюдали, дома наши давно уже были бы сожжены и разграблены, и Богъ вѣсть, что случилось бы съ нашими женами и дѣтьми. Но нынѣ Турки довольно покойны. Кругомъ насъ Турки всѣ трусливы, какъ бабы. Только шалютъ нѣкоторые изъ нихъ на озерѣ Аполонійскомъ».

Политическія учрежденія колоніи весьма демократическія, хотя едва ли достаточныя для теоретиковъ 1848 г., ибо прекрасный полъ не имѣетъ права голоса, а у мужчинъ онѣ останавливаются на всеобщей подачѣ голосовъ (universal suffrage). Они преимущественно пользуются этою свободою при избраніи гетмана или бея. При такихъ выборахъ старѣйшины и отцы семействъ собираются въ главной церкви и подаютъ свои голоса одинъ за другимъ, безъ всякой балотировки, и тотъ изъ кандидатовъ, который имѣетъ за собою большинство голосовъ, становится беємъ, правителемъ, судьей на одинъ годъ. Иногда любимый бей удерживаетъ это званіе и два года сряду безъ новаго выбора. Въ важныхъ случаяхъ бей созываетъ совѣтъ старѣйшинъ. На рѣшеніе бея въ совѣтѣ уже нѣтъ никакой даль-

нѣйшей аппеляціи. Впрочемъ, распрей въ общинѣ бываетъ немного, потому что они народъ спокойный и порядочный и рѣдко между собою ссорятся, развѣ иногда за чарою вина. У нихъ вовсе нѣтъ тюрьмы. Нынѣшнему бею было 75 лѣтъ отъ роду и онъ имѣлъ видъ, что проживетъ до ста лѣтъ.

Они всего болѣе занимаются рыболовствомъ, потомъ скотоводствомъ, всего менѣе хлѣбопашествомъ. Они содержатъ свой скотъ на прекрасныхъ, обширныхъ, естественныхъ пастбищахъ по обѣимъ сторонамъ селенія, и на зиму припасаютъ сѣно для скота. Почти каждый домъ имѣетъ свои сѣнокосы. Сѣно было хотя и не отличнаго качества, но вкусно и здорово, а не черно, какъ мы то прежде видѣли въ другихъ деревняхъ. Каждый домъ, кажется, имѣлъ также свою лошадь. Мы видѣли въ деревнѣ нѣсколько хорошихъ быковъ и двѣ или три порядочныя коровы. Если поселенцы не заняты рыбною ловлею или приготовленіемъ рыбъ, то они пускаются въ извозничество, перевозя для Турокъ разные товары и произведенія изъ города въ городъ; ихъ арбы или телеги, собственной ихъ постройки, несравненно лучше всѣхъ, которыя мы видѣли въ этомъ краю или даже въ Румиліи. Возвращаясь домой изъ своего извозничества, за которое берутъ съ Турокъ особую наличную плату, они нагружаютъ свои арбы пшеницею, ячменемъ, овсомъ и проч., для собственнаго своего потребленія. Въ деревнѣ у нихъ были четыре мельницы довольно простой постройки, которыя, однако, гораздо лучше исправляли свое дѣло, чѣмъ турецкія.

Лодки ихъ, видѣнныя нами на озерѣ, выдолблены изъ дерева, какъ челноки Индѣйцевъ. Онѣ очень тонки по бокамъ, но внутри скрѣплены ребрами. Дерево, обыкновенно ими на этотъ конецъ употребляемое, есть малорослый, толстый, черный тополь тамошнихъ краевъ, дерево котораго чрезвычайно легко. Онѣ съ обѣихъ концовъ остры, не плоскодонны, а имѣютъ, напротивъ того, дно круглое, безъ всякаго кия. На этихъ небольшихъ утлыхъ ладьяхъ, козаки ловятъ рыбу въ Маньяскомъ озерѣ, плывутъ по рѣкѣ Кара-дере, текущей изъ озера въ Рындакъ, спускаются по Рындаку въ Мраморное море, переплываютъ это море до Родоста и Галлиполи, проходятъ чрезъ Дарданеллы, въ верхъ по Эносскому заливу къ Адриано-

полю, или въ верхъ по Солунскому заливу до Солуня; или же, принимая противоположное направленіе, пересѣкаютъ Пропонтиду до Силиврии, оттуда идутъ въ Царьградъ и на сѣверъ чрезъ Босфоръ и въ верхъ по бурному Черному морю къ устьямъ Дуная. Англійскіе купеческіе моряки не рѣдко съ изумленіемъ видятъ ихъ во время этихъ поѣздокъ. Одинъ членъ Американскаго посольства однажды крайне изумился, увидя двѣ изъ такихъ лодокъ, по видимому, не толще орѣховой шелухи, далеко въ морѣ, несомыя вѣтромъ въ Черноморскую бурю. Если вѣтеръ не силенъ и попутенъ, они пользуются небольшимъ парусомъ, но по большей части идутъ на валахъ, близко придерживаясь берега. Нерѣдко они берутъ съ собою въ эти дальнія поѣздки также своихъ женъ и дѣтей. У каждаго изъ нихъ есть родственники и друзья между дунайскими козаками, и нѣкоторыя изъ ихъ семействъ, черезъ каждыя два или три года, посѣщаютъ своихъ родныхъ. На вопросъ: не погибаютъ ли нѣкоторые изъ нихъ на морѣ? они отвѣчали: «очень рѣдко». Дѣло въ томъ, что они отличные знатоки погоды и принимаютъ всевозможное стараніе, чтобы не быть въ морѣ во время бури. Если погода ненадежна, они не пересѣкаютъ Мраморнаго моря или какого либо изъ его заливовъ, а плывутъ вдоль берега, пока не дойдутъ до Дарданеллъ или Босфора. По долговременному навыку они знаютъ всѣ бухты и губы вдоль по берегамъ, и въ случаѣ противныхъ вѣтровъ втаскиваютъ легкіе свои челноки на какой либо уединенный берегъ и остаются тамъ, пока не утихнетъ буря ¹. Сверхъ того они могутъ обыкновенно рассчитывать на три или четыре мѣсяца благопріятной погоды въ году. Въ эти жаркіе мѣсяцы случается, что они принужде-

1. Г. Броунъ, членъ Американскаго посольства, посѣтилъ другую Козацкую колонію на Дерконскомъ озерѣ, на Европейской сторонѣ Чернаго моря, верстахъ въ 45-ти отъ Константинополя. Онъ удостовѣрился, вмѣстѣ со своимъ спутникомъ, Бельгійскимъ пасторомъ, что это также Донскіе Козаки и только часть того племени, которое поселилось на Маньяскомъ озерѣ. Во время его посѣщенія на лицѣ было не болѣе 50 Козаковъ. Мѣстоположеніе живописно и прекрасно. Это озеро Дерконъ должно быть хорошею станціею во время плаванія ихъ къ Дунаю и обратно. — Примѣч. Макъ-Фарлена.

ны бываютъ перевозить свои челноки на арбахъ сухимъ путемъ: въ одно очень знойное лѣто рѣка Кара-дере изсякла, начиная отъ устья своего на озерѣ внизъ до Балукли: посему они волокомъ перетасили свои лодки отъ береговъ озера до одной знакомой имъ мызы и тамъ, снявъ ихъ съ своихъ арбъ, снова спустили на воду.

Отобравъ отъ бея всѣ эти свѣдѣнія, мы распростились съ нимъ и прошли съ полчаса по этой любопытной колоніи. Это была довольно длинная деревня, отдѣленная большимъ пустымъ пространствомъ, на которомъ стояли вѣтряныя мѣльницы. Простые дома были хотя и не такъ щеголеваты, какъ домъ стараго бея, однако очень красивы и опрятны, т. е. судя по наружности, потому что хотя путешественники входили въ небольшіе ихъ дворы или садики, но ни одинъ изъ обывателей не приглашалъ ихъ войти далѣе. Очевидно, что они были нѣсколько нелюдимы; но надобно принять въ расчетъ и то, что они боялись холеры, и что мужчины были всѣ въ отлучкѣ, въ путешествіяхъ или для рыбной ловли на верхнемъ краю озера. Мы почти никого не видѣли дома или на улицѣ, кромѣ женъ и дѣтей: а эти не говорятъ по турецки. Женщины всѣ были босоноги и въ коротенькихъ юбкахъ, едва достигающихъ до икорь. Впрочемъ одежда ихъ изъ бумажной ткани очень красива и опрятна. На головѣ онѣ носятъ яркаго цвѣта бумажный платокъ, повязанный не въ видѣ чалмы, а просто какъ платокъ. Одежда дѣтей болѣе чѣмъ красива: она изящна и живописна; мальчики носятъ родъ кафтанчика (tunic), спускающагося нѣсколько пониже колѣна и шальвары. И то и другое изъ крѣпкой, толстой бѣлой бумажной матеріи, покупаемой въ довольно отдаленномъ городѣ Балукъ-Гиссарѣ, гдѣ ежегодно бываетъ важная для этой части Анатолиі ярмонка. Кафтанчикъ красиво окаймленъ вокругъ шеи и внизъ по груди разными яркими тесьмами. Одежда стараго бея была такая же точно, какъ и мальчиковъ, за исключеніемъ красивыхъ каемъ. Толстая бумажная матерія кафтана такъ же тепла, какъ сукно. Мужчины всѣ носили мѣховую или кожаную шапку, плотно прилегающую къ головѣ.

Двѣ главныя церкви очень красивы, просты и опрятны;

одна изъ нихъ снаружи оштукатурена и выбѣлена. Обѣ снабжены крестами, которыя смѣло возвышаются съ лицевой стороны зданія и обѣ крыты красной черепицей, тогда какъ всѣ прочіе жилые дома крыты камышемъ. Этотъ озерный тростникъ, достигающій здѣсь высокаго роста, служитъ для многообразныхъ употребленій, какъ бамбуковый въ Китаѣ. Козаки дѣлаютъ изъ него прочные заборы, разнаго рода перегородки, лѣтніе паруса для своихъ судовъ, вири для ловли рыбъ, ковры для лежанія, покрывала для своихъ арбъ, а дѣти дѣлаютъ изъ нихъ стрѣлы, которыми иногда убиваютъ плавающихъ рыбъ. Съ одного конца селенія до другаго вездѣ чистота, порядокъ, дѣятельность и сравнительно съ другими мѣстами въ этомъ краю нѣкоторое изобиліе и благосостояніе».

Другая извѣстная Русская колонія въ М. Азии т. е. третье Славянское въ ней поселеніе, лежитъ недалеко отъ Синопа. Образованіе ея произошло при слѣдующихъ обстоятельствахъ: въ 1708 г. Некрасовъ съ 7 или 8,000 человекъ пошелъ на Кубань. Султанъ далъ имъ земли для поселенія, освободилъ отъ податей и даровалъ многія другія преимущества. Они поселились въ Тамани, въ 30 верстахъ отъ моря и выстроили 3 городка: Ханъ Тюбе, Кара Игнатъ и Себелей. «По прежней привычкѣ они ходили по Черному Морю для грабежа, въ числѣ 500 человекъ служа Крымскимъ Ханамъ; нерѣдко хищникамъ бусурманскимъ показывали дорогу къ Царицыну, къ Черкаску и посредствомъ прежнихъ своихъ пріятелей заводили на Дону смуты¹. Въ Турецкую войну (1736—9 г.) Донскіе Козаки съ Калмыками сожгли Ханъ Тюбе и много скота отогнали. Некрасовцы, скрывшись въ горахъ, возвратились на прежнее жителство по минованіи уже войны. Въ 1777 г., когда Кубань сдѣлалась Россійскою границею, Некрасовцы отошли къ теперешней Анапѣ и поселились на земляхъ Абазинскаго поколѣнія Шегани, между рѣчкою Заны и моремъ. По присоединеніи же Крыма къ Россіи, они удалились въ Анатолю, гдѣ близъ

1. Точно такъ и Славяне Азіійскіе не прерывали своихъ связей съ земляками своими въ Болгаріи и Сербіи, или Славяне Азіійскіе между собою, т. е. Арабскіе съ оставшимися вѣрными имперіи.

Синопа у пригородка Чершамба, поселились. Изъ Азіи выгнала ихъ чума и наши раскольники, перешлывъ море, водворились на р. Днѣстрѣ, въ 80 верстахъ выше Овидіополя, въ слободѣ Чобругахъ. Наконецъ, не хотя быть Русскими (т. е. подданными), въ 1787 г. отошли въ Булгарію къ рѣчкѣ Дунавцу и озеру Розельмъ. Въ селеніи ихъ Дунавцы считалось до 1,200 дворовъ; въ другомъ селеніи Сахъ-Кіой, жили тѣ изъ ихъ собратій, которые при Биронѣ бѣжали за границу¹. Сихъ послѣднихъ Донскіе выходцы, принадлежавшіе къ самой закоснѣлой сектѣ суесвятовъ, въ совмѣстное съ собою жителство не принимали, и даже въ родство съ нимъ не входили. Некрасовцы, служа султанамъ, во время войны выходили въ поле, въ числѣ 3000 человекъ, почитавшихся въ Турецкой арміи храбрѣйшими наѣздниками». Въ 1828 г. Некрасовцы добровольно предались Русскому правительству и присягнули Государю². Приведенное нами извѣстіе Броневскаго о Некрасовцахъ не совсѣмъ вѣрно. Не всѣ Некрасовцы ушли изъ подъ Синопа: понынѣ часть ихъ живетъ неподалеку отъ Синопа, въ урочищѣ Кизиль-Ирмакъ или Кунджувасъ. Вотъ подлинныя слова одного Кавказскаго старожилы: «Свѣдѣнья эти (о Некрасовцахъ, тѣ же, что сообщены выше) сообщены мнѣ Черкасскими старожилы въ то время, когда я жилъ между непокорными Натухажцами, т. е.

¹ Болтинъ такъ говоритъ о времени Бироновскомъ: «Въ городахъ брацанія кандаловъ, жалобныя гласы колодниковъ, просящихъ милостыню отъ проходящихъ, воздухъ наполняли. Изъ порубежныхъ провинцій многія тысячи крестьянъ, бѣжавъ съ женами и съ дѣтьми, поселились въ Польшу, Молдавію и Валахію. (Примѣч. на Ист. древн. и нов. Россіи Г. Леклерка. Соч. Ив. Болтина. Спб. 1788. II, 469). А въ другомъ мѣстѣ, говоря о народонаселеніи Россіи въ періодъ 1721—1783 г., онъ замѣчаетъ: «Сколько за границу ушло точно сказать не могу; но судя по великимъ слободамъ Русскихъ крестьянъ, поселенныхъ въ Бѣлоруссіи, Польшѣ, Литвѣ, Валахіи, Молдавіи и даже за Дунаемъ въ Болгаріи, не менѣе 250,000 душъ полагаю». (II, 323). Не мѣшаетъ при семъ вспомнить, что Кіевляне 1068 г., когда Изяславъ Ярославичъ привелъ на нихъ Ляховъ (землю Лядскую), послали сказать Святополку и Всеволоду: «а поидета въ городъ отца своего; ащели не хочета, то намъ неволя: зажегше градъ свой, ступимъ въ Греческу землю». (Р. Л. I, 74).

² Исторія Донскаго войска. Влад. Броневскаго. Спб. 1834. I, 269.

въ 20-хъ годахъ. Въ памяти твердо сохранилось воспоминаніе о прибытіи къ нимъ, а въ послѣдствіи и объ отплытіи Казаковъ въ Анатолю. По изустнымъ преданіямъ они извѣстны до сей поры у Черкесъ подъ двойкимъ названіемъ: Джилаль-Казакъ и Урусезій. Проживъ долгое время на восточномъ берегу Чернаго моря, гдѣ, по обязанностямъ службы, я имѣлъ частыя сношенія съ Турками, прибывавшими къ намъ по торговымъ дѣламъ изъ разныхъ мѣстъ Анатолиі, я окончательно убѣдился въ существованіи другой Русской колоніи (первая на берегу Маньяскаго озера) въ Малой Азіи, недалеко отъ Синопа»¹.

При устьи одного изъ рукавовъ р. Галиса или нынѣшняго Кизиль-Ирмакъ находится гористая мѣстность, называемая *Загора* или *Загорье*, и другая мѣстность *Копопля* (?)² — названія Славянскія, указывающія на бытность въ этихъ мѣстахъ Славянскихъ поселеній. «Еще далѣе на востокъ, — говоритъ Шафарикъ, — если вѣрять въ этомъ случаѣ одному Греческому духовному, видѣвшему то собственными глазами, находятся на томъ же Евксинскомъ поморьѣ, въ окрестностяхъ гор. Трапезунта, нѣсколько селеній, обитаемыхъ Славянами».

Вотъ, сколько мнѣ извѣстно, всѣ нынѣшнія наши свѣдѣнія о современныхъ Славянскихъ поселеніяхъ въ Малой Азіи. Не трудно замѣтить ихъ неудовлетворительность; желая посылно способствовать приведенію этого предмета въ должную ясность, не могу въ заключеніе не обратить вниманье читателя еще на одно обстоятельство. Г. профессоръ Мухлинскій въ своемъ изслѣдованіи о Литовскихъ Татарлахъ, слѣдуя Убичини, указываетъ на три Татарскихъ колоніи въ Турціи, жители которыхъ рѣзко отличаются отъ прочаго Турецкаго населенія и костюмомъ и типомъ: одна находится надъ р. Кизиль-Ирмакъ, дру-

1. См. ст. «Еще Русская колонія въ Малой Азіи», въ газ. «Кавказъ», потомъ переп. въ газ. «Русскій Инвалидъ» 1836, 3 марта и «Спб. Вѣдом.» 1836, 6 марта. Объ этой же колоніи см. Rottiers Itinéraire de Tiflis à Constantinople. 1829. p. 27 C'est sur ce fleuve (Kizil-Irmak), dans des vallées fertiles, au dessus de Bafra, qu'habitent les cosaques *Zaporovi* (sic).

2. Rottiers — l. l. A l'embouchure d'une des branches du Kisil Irmak, on aperçoit les ruines de *Zagora* et de *Kopopéa* anciennes colonies Slaves (p. 274).

гая недалеко отъ Бруссы, третья въ Добруджѣ. Число этихъ колонистовъ простирается до 35,000 душъ¹.

Убичини, а за нимъ г. Мухлинскій, не ошиблись ли здѣсь, принявъ двѣ описанныя нами Русскія колоніи за Татарскія?

У. Въ Молдавіи и Буковинѣ есть также Русскія поселенія. Какъ по важности этого предмета, такъ и по нѣкоторымъ отношеніямъ ихъ къ колоніямъ Мало-Азійскимъ, я рѣшаюсь привести о нихъ нѣсколько данныхъ.

Объ этихъ Русскихъ колоніяхъ сообщаетъ нѣсколько любопытныхъ извѣстій почтенный инокъ Пареній, самъ лично посѣдившій ихъ, менѣе 20-ти лѣтъ тому назадъ.

Такъ въ Буковинѣ, въ верстахъ пяти отъ города Сочавы, въ селѣ *Соколншцы*, живутъ наши раскольники: «говорятъ и одежду носятъ по-Великороссійски»². Въ двухъ верстахъ отъ этого селенія стоитъ православный монастырь Драгомирна³. Въ

1. Г. Мухлинскаго — изсл. о происх. и сост. Лит. Татаръ. (Акть Спб. Унив. 1857. С. 153). Ubicini — Lettres sur la Turquie. Paris. 1833. p. 23.

2. Сказ. о стр. и пр. I, 19.

3. «Богослуженіе и теперь совершается въ немъ большею частью по-Русски. Сверхъ того, находятся въ немъ кое-какіе остатки нѣкогда весьма значительной коллекціи рукописей Славяно-Русскихъ, собранію которыхъ начало положилъ еще основатель монастыря, ученый митрополитъ Сучавскій Анастасій Крымковичъ, происхожденіемъ и воспитаніемъ Русскій. Другіе памятники, свидѣтельствующіе о прежнемъ библиографическомъ богатствѣ этой коллекціи, не извѣстно какими путями зашли въ бібліотеки Вѣнскую и Дрезденскую, гдѣ блудутъ донынѣ». (Ст. Надеждина Объ этнограф. изученіи народн. Русской, въ Зап. Геогр. Общ. I, 175. Прим.). Инокъ Пареній говоритъ про себя — «пошелъ во Австрійскія владѣнія, во страну Буковину, къ своимъ Русскимъ». (I, 48). «Въ Буковинѣ все больше православные. Епископъ живетъ въ Черновицахъ, гдѣ впрочемъ и православныхъ немного, а болѣе Нѣмцы». (20). Вотъ описаніе Паренія нѣкоторыхъ монастырей: *Сочевница*, въ которомъ «хранится драгоцѣнный крестъ, украшенъ золотомъ и каменіемъ драгимъ; пожертвованъ Россійскимъ благочестивымъ царемъ Θεодоромъ Иоанновичемъ въ великій скитъ. Но когда Австрійскіе императоры скитъ великой разорили и упразднили, то монахами сей крестъ перенесенъ въ монастырь Сочавицу, гдѣ и донынѣ хранится. 3-й *Молдавица*; стоитъ внутри горъ Карпатскихъ на р. Молдавѣ. 4. монаст. *Драгомирна*, что близъ Сочавы, въ кото-

40 верстахъ отъ Сочавы «естъ великое Русское село раскольни-
ковъ, называемое Бѣлая Криница» (тамъ же).

ромъ хранятся раздробленныя мощи св. мученика Іакова Персянина. Всѣ сіи мо-
настыри украшены и росписаны иконнымъ стѣннымъ писаніемъ Греческой ра-
боты, подобно какъ въ Аѳонскихъ монастыряхъ. Монахи живутъ по штату, по-
лучаютъ отъ государей Австрійскихъ жалованье, читаютъ и поютъ по-Славянски,
по Россійскимъ книгамъ. На ектеніяхъ, поминая Благочестивѣйшаго Россійскаго
Императора Николая Павловича, поминаютъ и своего державнаго Цесаря. Но уже
монашескихъ правилъ строго не соблюдаютъ; ибо въ Австріи живутъ право-
славные въ великомъ притѣсненіи, и болѣе крестъ несутъ, нежели Греки отъ Ту-
рокъ. Впрочемъ гонить и притѣсняетъ не царская власть, по духовная отъ папы
Римскаго». (I, 20). Въ XVIII в. Австрійскіе уніаты были еще расположены къ
нашимъ Русскимъ. Такъ Барскій говоритъ про Львовъ (1723—1724 г.): «тамо есть
много страннолюбивыхъ людей отъ Руссовъ духовныхъ и мірскихъ, которые къ
намъ весьма благосклонны были; иначе же тые, иже на унію насилваны; въ
тайнѣ же быша зѣло православны». Въ XVII в. Львовъ находился въ живыхъ свя-
зяхъ съ Москвою. Такъ Юрій Трубецкой доносилъ въ 1674 г., что «пріѣхали изъ
Польши въ Кіевъ Польскаго города Львовскаго монастыря церкви св. Іоанна
Богослова игумень да два челоѣка Львовскіе мѣщане, а сказались игумень Іоси-
фомъ зовуть Творицкій, а мѣщане, одного Иваномъ зовуть Городецкій, да Ми-
кулаи Перпура; въ прошломъ въ 181 г. авг. въ 24 день, послалъ ихъ изъ Львова
Львовской епискупъ Іосифъ Шумаянскій къ Москвѣ, битъ челомъ тебѣ, вел.
госуд., о милостинѣ и на строеніе церкви святаго Николая Чудотворца». (Синб.
Сборн. Малор. Д. № 28). Богданъ Хмѣльницкій не забывалъ о Львовѣ, когда за-
думалъ освободить народъ Русскій изъ неволи Польской. Въ 1649 г. говорилъ
онъ пріѣхавшимъ къ нему Польскимъ комиссарамъ: «теперь не пойду я на войну
за границу, не подыму сабли на Татаръ и Турокъ, довольно мнѣ дѣла на Украинѣ,
на Подолѣ и на Волыни, въ своей землѣ, но Львовъ, Хельмъ и Галичъ». (Пам.,
изд. Кіевск. Врем. Ком. для разбора древн. актовъ. Изд. 2. 1848. I, 330 и сл.). Кон-
тарини говоритъ въ своихъ запискахъ: «7 сент. 1476 г. отецъ Стефанъ отправился
въ путь свой (въ Венецію), въ сопровожденіи нѣкоего Николая Львовскаго жи-
теля (Nicola da Leopoli), знавшаго хорошо эту дорогу, а я остался въ Москвѣ до-
жидаться его возвращенія». Янъ Красицкій, въ своемъ сочиненіи о Польшѣ, пи-
санномъ въ 1574 г., говоритъ между прочимъ: «Pod miastem tém (Przemysl) z
północnej strony (z wielką dla mieszkańców dogodnością) płynie San, biorący swój
początek w Karpatach blisko źródeł Cissy. O kilka dni drogi od tego miasta leży
Lublin, gdzie co rok w oznaczonym czasie znakomity odbywa się jarmark, na który
przybywają kupcy z różnych krajów, jako to: z Moskwy, Litwy, Tartaryi, Inflant,
Prus, Rusi, Niemiec, Węgier, Turcyi, Wołoszczyzny, oraz Ormianie i Żydzi. (J. Kra-
sińskiego Polska czyli opisanie topograficzno-polityczne Polski w wieku XVI oraz
materiały do panów. Henr. Walez. przetłumaczone, zebrane i objaśnione przez Stan.
Budzińskiego. Warszawa. 1852. Str. 112).

Въ Молдавіи, въ 100 верстахъ отъ г. Яссъ, между рѣками Молдавою и Серетомъ, недалеко отъ гор. Фильтичень, находится Русское раскольническое село Мануиловка. «Въ селѣ Мануиловкѣ живутъ все Русскіе, больше 100 домовъ, зашедшіе изъ Россіи и поселившіеся здѣсь болѣе 150 лѣтъ. Жители разныхъ сектъ и толковъ. Близъ села находятся три скита: два мужскіе, а одинъ женскій. Монахи и монахини разныхъ сельъ». (I, 80).

Въ *Браиловъ* «живетъ много Русскаго народу, купцовъ и жителей» (II, 37). На разстояніи трехъ часовъ ходьбы отъ Браилова лежитъ Русское село *Камень*, живутъ въ немъ Некрасовцы. «Они насъ обласкали какъ своихъ земляковъ. Они настоящаго нашего Русскаго языка и всѣхъ обычаевъ. Посреди села — ихъ часовня, на ней кресты и колокола. Ибо они имѣютъ отъ Турковъ уваженіе, потому что служатъ въ Козакахъ и подшимаютъ на Русскихъ руки; за то ихъ и любятъ. Мы спросили ихъ: «можно ли ночевать у нихъ?» Они сказали: «въ какой домъ вамъ угодно, — всѣ съ любовію примемъ; а ежели угодно, то идите въ скитъ къ нашимъ монахамъ, и они рады будутъ вамъ». Мы пошли къ монахамъ». Тутъ сначала приняли ихъ ласково, но когда начались преція о вѣрѣ, то едва не убили ихъ. (I, 39).

Весьма вѣроятно, замѣтимъ кстати, извѣстное производство Рушукъ отъ *Русь*.

Не должно однако думать, что Русскія поселенія въ Молдавіи и за Дунаемъ въ Болгаріи, относятся своимъ началомъ къ XVIII вѣку. Онѣ непременно были и раньше: въ XVII, XVI и XV в., когда сношенія Русскихъ съ Молдаванами, Волохами и Болгарами были непрерывныя; они носятъ на себѣ такой характеръ прочности, что должно предполагать непрерывность Русскихъ поселеній въ этихъ земляхъ съ самыхъ древнѣйшихъ временъ. Вспомнимъ только, что, по словамъ Нестора, Русскіе Славяне — «Улучи, Тиверьци сѣдяху по Днѣстру, присѣдяху къ Дунаеву», а драгоцѣнный памятникъ XII в. Слово о полку Игоревѣ говоритъ о Дунаѣ, какъ о Русской рѣкѣ: все радуется освобожденію Игореву — «Солнце свѣтится на небеси, Игорь князь въ Руской земли; двѣщи поютъ на Дунаи; выются юлоси

«*чрезъ море до Кіева*» и пр. Несчастный князь Василько хотѣлъ «перейти Болгары Дунайскыѣ, и посадити я у себе» (Р. Л. I, 113); всѣмъ извѣстенъ походъ Святославовъ въ Болгарію (въ X в.)¹; вспомнимъ неудачный походъ Владиміра Ярославича съ воеводою Вышатою противъ Грековъ въ 1043 г. «И поиде Володимеръ въ лодьяхъ, и придоша въ Дунай, поидоша ко Царюграду; и бысть буря велика, и разби корабли Руси, а княжь корабль разби вѣтръ, и взя князя въ корабль Иванъ Твориричъ, воевода Ярославль. Прочіи же вои Володимери ввержени быша на брегъ, числомъ 6000, и хотяче пойти въ Русь, и не иде съ ними никтоже отъ дружины княжее. И рече Вышата: «азъ поиду съ ними»; и высѣде изъ корабля къ нимъ, рекъ: аще живъ буду, то съ ними, аще погыну, то съ дружиною»; и поидоша хотяче въ Русь. И бысть вѣсть Грькомъ, яко избиле море Русь, и посла царь, именемъ Мономахъ, по Руси олядй 14; Володимеръ же видѣвъ съ дружиною, яко идутъ по нихъ, въспятивъся изби оляди Гречьскыя, и възвратися въ Русь, ссѣлавшеся въ корабли своѣ. Вышату же яша съ изверженными на брегъ, и привелоша я Царюграду, и слѣпиша Руси много; по трехъ же лѣтѣхъ миру бывшю, пущенъ бысть Вышата въ Русь къ Ярославу». (Р. Л. I, 66 и сл.). Вспомнимъ, что зять Владиміра Мономаха, Леонъ царевичъ, въ 1116 г. «иде... на куръ Олексія царя, и вдася городовъ ему Дунайскыхъ нѣколко; и въ Дельстрѣ городѣ лестію убиста и два Сорочинина, посланая царемъ, мѣс. авг. въ 15 день». «Въ се же лѣто, — замѣчаетъ вслѣдъ за тѣмъ лѣтописецъ, — князь великій Володимеръ посла Ивана Войтишича, и посажа посадники по Дунаю».

Списокъ городовъ Русскихъ, географическій памятникъ XIV в., несомнѣнно доказываетъ давность поселеній Русскихъ въ этихъ краяхъ. «А се имена градомъ всѣмъ Русскимъ далнимъ и ближнимъ: на Дунаѣ Видицовъ о седми стѣнъ каменныхъ, Мдинъ; обону страну Дуная Тръновъ, ту лежитъ Св. Пятница; а по Дунаю Дрествинъ, Дичинъ, Килія; на устьѣ Дуная

1. Святославъ говорилъ своей матери и боярамъ: «нелюбо ми есть въ Кіевѣ быти, *хощу жити съ Перяславци въ Дунаѣ, яко то есть середѣ въ земли моеѣ, яко ту вся благая сходятся*» и проч.

Новое Село, Аколятря, на море Карна, Каварна; а на сей странѣ Дуная: на усть Днѣстра надъ моремъ Бѣльгородъ, Червъ, Аскый торгъ на Пруте рѣцѣ, Романовъ торгъ на Молдовѣ, Нѣмечъ¹ въ горахъ, Корочюновъ камень, Сочава, Сереть, Баня, Нечюшъ, Коломыя, Городокъ на Черемошѣ, на Днѣстрѣ Хотѣнъ¹.

1. Ср. Надеждина «О Русск. народн. мно. и саг.» Русск. Бесѣда. 1857. С. 54 и сл. Его же «Объ этногр. изуч. народн. Русской» Зап. Геогр. Общ. I. Его же «О пут. по Слав. землямъ» Ж. М. Н. Пр. 1842. Июнь. Шаф. Слав. Древн. § 30. 2. Т. II. Ки. 1. С. 344. Кар. И. Г. Р. IV. Прим. 389. Надеждинъ говоритъ, какъ очевидецъ: «въ Молдавіи верхней (Цара-де-Сусъ), въ цинутахъ *Ботошанскомъ, Дарохойскомъ, Сучавскомъ, Немецкомъ, Бакейскомъ, Романскомъ и Яскомъ*, гдѣ населеніе чисто-Русское, живущее смѣшанно съ Румунами и особнякомъ, безошибочно можно полагать въ нѣсколько тысячъ душъ» (Объ эти. изуч. нар. Русск. въ Зап. Г. Общ. I, 170). — Есть Русскія поселенія и въ Валахіи, но меньше чѣмъ въ Молдавіи; однако въ Браиловъ и окрестностяхъ живетъ много Русскихъ. Есть онѣ и въ Добруджѣ, особенно велики Русскія поселенія въ *Тулчѣ*, которыя въ шутку называются *Мальми Адестами*: «тутъ на каждомъ шагу встрѣчаешь Великороссійскую бородку или Малороссійскій чупъ, въ каждомъ почти окошкѣ видишь южно-Русскій очипокъ или сѣверно-Русскій повойникъ». — «Лучшее зданіе городка есть новостроенная православная Русская церковь, красующаяся на живописномъ, отвсюду видномъ возвышеніи, и, что всего замѣчательнѣе въ Турціи, и съ колоколами, въ которые благовѣсть и трезвошъ, точно въ православной Россіи. Настоятель этой церкви отецъ Филиппъ, съ ногъ до головы Русакъ, чловѣкъ отличнаго поведенія, весьма умный и притомъ искусный иконописецъ, пользуется всеобщимъ уваженіемъ; ему оказывается особенное вниманіе даже со стороны мѣстныхъ властей Мусульманскихъ». (Тамъ же. С. 178—179). Вотъ что также замѣчаетъ Надеждинъ о знаменитой мѣстной ярмаркѣ при урочищѣ *Кара-су*, между Чернаводою и Кюстенджи, верстахъ въ 70-ти отъ Тулчи къ югу: «Тутъ на совершенно голой степи, гдѣ нѣтъ ни кола, ни двора, навалило народу тьма тьмушая, со всего пространства между Дунаемъ и Балканами: не смотря на то, Русскіе были очень замѣтны; особенно вечеромъ, когда дневной шумъ и гамъ притихъ, вся пустынная глушь степи огласилась удалыми пѣснями Русскаго языка и напѣва.... Страшно было, въ сосѣдствѣ Дуная и Балкановъ, слышать въ пѣсняхъ этихъ громозвучныя воспоминанія про «Волгу матушку», про «горы Московскія-Воробьевскія», даже про «матушку» про «Неву» съ ея «славнымъ Васильевскимъ островомъ». (С. 179). Вопросъ объ отношеніяхъ Россіи и вообще міра Славянскаго къ Дунайскимъ княжествамъ въ прошедшемъ, настоящемъ и будущемъ, стоитъ въ ряду важнѣйшихъ и насущнѣйшихъ нашихъ вопросовъ. Его современное положеніе въ литературѣ Русской служитъ однимъ изъ сильнѣйшихъ доказательствъ печальнаго современнаго состоянія нашей исторіи, нашей литературы. Въ отношеніи Дунайскихъ княжествъ крайне необходимы для насъ тѣ же

На куріальномъ языкѣ патріархіи Константинопольской XIV и XV в. нынѣшняя Молдавія называлась *Россо-Влахіей* (Зап. Геогр. Общ. I, с. 172). Длугошъ же окончательно удостовѣряетъ насъ въ томъ, что нынѣшняя Молдавія до половины XIV в. была заселена Русскими, которые оттуда были вытѣснены (конечно не все) Валахами: *veteribus dominis et colonis Ruthenis, primum subdole, deinde abundante in dies multitudine, per violentiam expulsis, illam occuparunt, in Ruthenorumque ritus et mores, quo facilius proveniret occupatio, a propriis degenerantes, transmigrarunt.* (Длуг. Hist. Pol. IX).

VI. Выше мы пришли къ необходимости допустить непрерывность Болгарскихъ поселеній въ Малой Азіи съ VII в. до настоящаго времени включительно.

Признавая вмѣстѣ съ тѣмъ давнишнюю обширность поселеній Русскихъ въ областяхъ при-Дунайскихъ, нѣтъ никакой возможности утверждать, что первое Русское поселеніе въ Малой Азіи основано было Некрасовцами въ XVIII стол., и что ранѣе этого времени Русскихъ поселеній въ Малой Азіи никогда не бывало.

Напротивъ, чѣмъ долѣе перебираешь въ умѣ различныя обстоятельства, тѣмъ сильнѣе убѣждаешься въ полной справедливости и основательности предположенія о томъ, что Русскіе переселялись въ Малую Азію и до Некрасовцевъ.

Вспомнимъ о значеніи Русской стихіи въ Молдавіи и Влахіи и даже въ Болгаріи до XIV в. (см. V). Если нынѣшніе Русскіе поселенцы на берегу Маньяскаго озера могли прійти съ береговъ Дуная въ XIX стол., то отъ чего же многочисленныя Русскія поселенія на берегахъ Дуная до XIV в. и позже не могли высылать изъ среды своей поселенцевъ въ Малую Азію, гдѣ уже съ VII в. наприм. жили ихъ соплеменники и едино-

мѣропріятія, что и въ отношеніи Греціи для умственнаго и литературнаго сближенія нашего съ Молдаванами и Валахами, судьбы которыхъ уже издревле тѣсно связаны были съ судьбами Русскихъ, Поляковъ, Болгаръ и Сербовъ. (См. ниже въ «Приложеніяхъ»).

вѣрцы Болгары, съ которыми Русь находилась въ сношеніяхъ безпрерывныхъ и самыхъ дружественныхъ ?

Извѣстны тѣ огромныя морскія силы Козаковъ, которыя они развернули въ Черномъ морѣ въ XVII и даже въ XVI вѣкѣ. Ниже въ примѣчаніи у меня приведены слова современниковъ, ясно свидѣтельствующія о томъ впечатлѣніи, которое производили эти Козацкіе походы не только на Турокъ, но и вообще на всѣхъ Европейцевъ. Еще въ 1590 г. Козаки разоряли и жгли Трапезунтъ, Синопъ и ихъ окрестности, миль на десять. Вспомнимъ о *Загорь* и другихъ Славянскихъ названіяхъ мѣстностей около Трапезунта и Синопа, свидѣтельствующихъ о бытности нѣкогда въ этихъ мѣстахъ поселеній Славянскихъ. Частныя нападенія Козаковъ на эти мѣстности и ихъ удачи едва ли объяснимы одною ихъ удалюю и отвагою и слабостью Турокъ. Едва ли не должно предположить, что они встрѣчали помощь и поддержку постоянную въ туземныхъ жителяхъ, которые имъ поровили, какъ своимъ землякамъ или по крайности единоплеменникамъ? ¹

1. Позволю себѣ привести слѣдующее мѣсто изъ Турецкаго историка Наимы Эфендія, по переводу П. С. Савельева Муг. Нум. СXLVIII и сл. «Нападеніе Козаковъ на Синопъ, въ 1023 г. Въ мѣс. реджебъ (въ авг. 1614 г.) Казацкія чайки вышли въ Черное море, разграбили сперва, по обыкновенію, деревни, лежащія на берегахъ Туна (Дунай) и при морѣ. Взявъ проводниками себѣ работъ-отступниковъ, они пристали къ Анатолійскому берегу Чернаго моря, внезапно напали на крѣпость Синопъ, прозываемую *Городомъ Любовимовъ*, и овладѣли ею. Вступивъ въ эту древнюю крѣпость, они умертвили въ ней всѣхъ правосѣрныхъ (а развѣ были въ ней и неправосѣрные?), ограбили ихъ дома, увели женъ и дочерей, и зажегли со всѣхъ концовъ, обратили этотъ прекрасный городъ въ пустыню. Ибока не вооружились противъ нихъ, они успѣли увести въ полонъ женъ и дочерей, и разсѣялись по морю. Въ этихъ обстоятельствахъ, Шекшеки Ибрагимъ Напа, узнавъ о ихъ набѣгѣ, на шестидесяти мелкихъ судахъ отправился для защиты береговъ Черноморскихъ. Вошедъ въ рѣку, черезъ которую должны были переправляться эти собаки, онъ остался сторожить ихъ; но проклятые, провѣдавъ объ этомъ, въ одномъ мѣстѣ на берегу Чернаго моря сошли, поставили судна свои на санки (кызакъ) и вздумали стащить ихъ по сушѣ до вершины рѣки. Но шайка Татаръ напала на нихъ; завязалось сраженіе; имѣнія и семейства, похищенныя изъ Синопа, были оставлены на мѣстѣ; изъ Козаковъ же, кто достался въ плѣнъ, а кто погибъ въ битвѣ. Ибрагимъ Напа переимѣнилъ маршрутъ и наблюдалъ, гдѣ выйдутъ остатки разбойниковъ. Онъ пошелъ противъ тѣхъ, кото-

Еще въ началѣ XVII стол. князя Грузинскіе сносились постоянно съ Козаками Запорожскими, дарили и жаловали ихъ, а тѣ въ свою очередь защищали и буксировали торговыя суда Грузинскія, плававшія въ Черномъ морѣ¹. Не только Козаки, но и сама Москва постоянно сносилась съ Грузіею въ XVII и XVI стол. Окольничіе Бутурлинъ и Плещеевъ съ большимъ войскомъ проникли въ Дагестанъ, заняли Тарки и назвали его *Новымъ городомъ*; основали крѣпость и на Тузлукѣ. Извѣщая о своихъ успѣхахъ, воеводы наши писали въ Москву и къ царю

рые избѣгли меча, и изъ нихъ также кто попалъ въ плѣвъ, а кто былъ убитъ. Въ первыхъ дняхъ рамазана (въ окт. 1614 г.) Ибрагимовы войны привели къ Порогу 20 человекъ кяфировъ-козаковъ скованными». Здѣсь невольно рождаются вопросы — кто были эти рабы-отступники, взятые козаками изъ деревни при-Дунайской? Конечно Болгары, если не Русскіе поселенцы, во всякомъ случаѣ Славяне, а не Татары, которые тоже жили тогда въ Буджакѣ (Бопланъ — въ Русск. перев. С. 33 и сл.). Къ чему же козаки брали бы всегда этихъ рабовъ-отступниковъ передъ походомъ своимъ на берега Анатолійскіе, если бы и тамъ тоже не было земляковъ ихъ, съ которыми они имѣли постоянныя связи, подобныя тѣмъ, что существуютъ у Русскихъ колоній Дунайской и Маньясской; мѣстность Загора, что подлѣ Сипопа, могла быть населена Славянами еще въ XVII и даже въ XVI в. Изъ приведеннаго мѣста также видно, что Турки тоже въ свою очередь не дремали и козакамъ трудно было справиться однимъ, безъ пособія со стороны нѣкоторыхъ туземцевъ, которые вѣроятно стерегли ихъ лодки, извѣщали о приближеніи Турокъ, скрывали ихъ, и пр.

1. См. ниже въ *прил.*, также слѣдующія слова Петра де ла Валле: «des Cosaques de Pologne continuaient leur navigation sur les rivières de la Géorgie, et entretenaient une étroite alliance avec les Géorgiens». (Les Fameux Voyages de Pietro della Valle Gentil-homme Romain, surnommé l'illustre voyageur... Paris. MDCLXII. III, 193). Тамъ же: «depuis peu le roi de Pologne avait envoyé deux ou trois vaisseaux chargés de présens au prince Teimuraz, qui était voisin de Guriel». А на стр. 192 (ibid.) «Guriel est plus méridional, proche de Cogne et de Trébisonde, qui appartiennent au Turc.» Ibid. p. 167: «des lettres du Persan étaient fort avantageuses aux Polaques, qui s'offrait de bâtir à ses dépens une forteresse sur quelque port de la mer Noire, à l'embouchure d'une rivière du pays des Géorgiens voisin de Trébisonde, qui est ce qu'il nomme *Guriel*, et qui fait une partie du Royaume de *Colchos*. Et le roi de Perse ne s'offrait pas seulement à bâtir cette forteresse à ses dépens, et à la mettre puis après entre les mains des Cosaques, sous l'autorité du roi de Pologne; mais encore il s'offrait à la garder avec ses gens pour demeurer toujours dans l'obéissance des Polaques, de crainte que les Cosaques ne vissent à s'établir dans ces provinces, et à faire quelque progrès contre les Turcs».

Грузинскому, ожидая его войска по крайней мѣрѣ къ веснѣ, чтобы очистить всѣ горы отъ непріятели, совершенно овладѣть Дагестаномъ и безпрепятственно строить въ немъ новыя крѣпости ¹. Но несчастная гибель Грузинскаго царя Александра имѣла самый неблагопріятный для насъ исходъ въ дѣлахъ Кавказскихъ.

Въ 1593 г. посланнику нашему дворянину Пащокину въ Константинополѣ, визирь говорилъ между прочимъ, что Султанъ запретить Хану Крымскому беспокоить Россію, «буде Царь сведетъ съ Дону Козаковъ своихъ и разрушитъ четыре новыя крѣпости, основанныя имъ на берегахъ сей рѣки и Терека, чтобы преградить намъ (Туркамъ) путь къ Дербенту». На увѣренія Пащокина въ благорасположеніи двора Московскаго къ Шортѣ, визирь возразилъ: «Вы миролюбивы; но для чего же вступаете въ тѣсную связь съ Иверіею, подвластною Султану?» На это Пащокинъ въ свою очередь отвѣчалъ, «что связь наша съ Грузіею состоитъ въ единовѣрїи; и что мы посылаемъ туда не войско, а священниковъ, и дозволяемъ ея жителямъ ѣздить въ Россію для торговли» ². Еще въ 1492 г. прїѣзжали въ Москву послы Грузинскіе съ просьбою Царю о покровительствѣ ³. Вспомнимъ браки Изяслава Мстиславича, женатаго (въ 1154 г.) на одной княжнѣ изъ Абхазіи, гдѣ еще въ VI в. были христіанскія Церкви ⁴, и сына Андрея Боголюбскаго, Князя Георгія, женатаго (послѣ 1175 г.) на знаменитой Грузинской Царевнѣ Тамарѣ ⁵. Помнить всѣ эти обстоятельства необходимо при рѣшеніи вопроса о степени доступности Малой Азіи для Русскихъ въ разныя времена. Такъ какъ путь въ нее открывался имъ не только черезъ Черное море, но и черезъ Арменію, то вовсе не лишнимъ будетъ распространиться нѣ-

1. Карамз. И. Г. Р. (изд. Смирд. 1853). XI, 59 и сл.

2. Кар. И. Г. Р. IX, 102. См. тамъ же с. 59 и сл. Снош. съ Турціею въ 1586 г.

3. Ibid. VI, 232.

4. Ibid. II, пр. 354. См. Р. Л. I, 146. Посла Изяславъ сына своего, второе, противу мачесѣ своей, бѣ бо повелъ жену собѣ изъ Обезъ, и устрѣте ю Мстиславъ въ порозѣхъ.

5. Кар. И. Г. Р. III, 143.

сколько о знакомствѣ Русскихъ съ странами Каспійскими и Кавказскими и указать на нѣкоторыя обстоятельства ему благоприятствовавшія. Еще въ X в. грабили Руссы въ Каспійскомъ морѣ; извѣстны два ихъ похода въ 914 и въ 944 г. Святославъ въ 965 г. одолѣлъ Козаровъ, взялъ ихъ городъ Бѣлую Вѣжу; побѣдилъ Ясовъ и Касоговъ. Въ 968 г. Руссы, по свидѣтельству Ибнъ-Хаукала, разрушили городъ Болгаръ, Хазеравъ, Итиль и Семендеръ¹. Мстиславъ, Князь Тмутараканскій, въ 1022 г. ходилъ на Касоговъ, одолѣлъ ихъ сильнаго Князя Реледю, проникъ въ его землю, овладѣлъ его имуществомъ, женою и дѣтьми и возложилъ дань на Касоговъ. Въ слѣдующемъ году онъ идетъ на Кіевъ противъ Ярослава съ Козарами и съ Касогами. Недавно отысканное г. Ханыковымъ мѣсто въ одномъ Персидскомъ поэтѣ XII в. свидѣтельствуемъ о походѣ Русскихъ въ Шемаху между 1133 — 1195 г. Уже было упомянуто о бракѣ Георгія Андреевича съ Грузинскою царевною Тамарою, послѣ 1175 г. Извѣстно, что Русскіе служили въ войскахъ Монголовъ, будучи въ «неволѣ Татарской», а въ 1277 г. князья наши — Борисъ Ростовскій, Глѣбъ Бѣлозерскій, Феодоръ Ярославскій и Андрей Городецкій, сынъ Невскаго, ходили войною на Ясовъ и завоевали городъ Дедаковъ въ южномъ Дагестанѣ. Но помимо сношеній враждебныхъ и непріязненныхъ, въ то же время съ этими странами имѣли Русскіе и непрерывныя связи, мирныя и торговыя. Еще въ X и XI в. вели Русскіе значительную торговлю съ Козарами и Волжскими Булгарами; въ XIII в. въ столицѣ послѣднихъ постоянно жили торговцы Русскіе и, какъ можно полагать, не въ маломъ количествѣ².

1. Fraehn-Ibn-Foszl. S. 64. замѣчаетъ про Семендеръ: «zwischen Itil u. Derbend gelegen».

2. Въ 1024 г. «бѣ мятежь великъ и голодъ по всей той странѣ; идоша по Волзѣ вси людье въ Болгары, и привезоша жито и тако ожиша». Р. Л. I, 64. См. тамъ же о муч. св. Аврааміѣ въ землѣ Болгарской, 1 апр. 1230 г. «усѣченъ бысть мѣс. апрѣля въ 1 день, его же Русь хрестьяне вземше тѣло положиша въ гробѣ, идѣже вси хрестьяне лежатъ. и створи Богъ милость вскорь, за кровь его, погорь у него большая половина города Великаго, а потомъ оставшая часть загорашется днемъ дважды и трижды; такоже и бысть по много дни, мало

Знаменитый Арабский путешественник XIV в., въ первой половинѣ столѣтія посѣтившій столицу Хановъ Сарай, такъ между прочимъ говоритъ о ея значеніи и населеніи: «Serâ est au nombre des villes les plus belles, et sa grandeur est très considérable; elle est située dans une plaine et regorge d'habitants; elle possède de beaux marchés et de vastes rues. Nous montâmes un jour à cheval, en compagnie d'un des principaux habitants, afin de faire le tour de la ville et d'en connaître l'étendue. Notre demeure était à l'une de ses extrémités. Nous partîmes de grand-matin, et nous n'arrivâmes à l'autre extrémité qu'après l'heure de midi. Alors nous fîmes la prière et primes notre repas. Enfin nous n'atteignîmes notre demeure qu'au coucher du soleil. Nous traversâmes aussi une fois la ville en largeur, aller et retour, dans l'espace d'une demi-journée. Il faut observer que les maisons y sont contigues les unes aux autres, et qu'il n'y a ni ruines ni jardins. Il s'y trouve treize mosquées principales pour faire la prière du vendredi; l'une de celles-ci appartient aux châteïtes. Quant aux autres mosquées, elles sont en très-grand nombre. Serâ est habité par des individus de plusieurs nations, parmi lesquels on distingue: 1) les Mongols; qui sont les indigènes et les maîtres du pays; une partie professe la religion musulmane; 2) les Ass (Ossètes), qui sont musulmans; 3) les Kifdjaks; 4) *les Tcherkesses*; 5) *les Russes*; 6) *les Grecs*, et tous ceux ci sont Chrétiens. Chaque nation habite un quartier séparé, où elle a ses marchés. Les négociants et les étrangers, originaires de deux Irâks, de l'Égypte, de la Syrie, etc. habitent un quartier qui est entouré d'un mur, afin de préserver les richesses de marchands»¹.

Въ 40 годахъ XIII в. Плано Карпини былъ у Батыя на берегахъ Волги и у Гаюка въ Средней Азійи; у перваго, по его словамъ, войско состояло изъ 600,000 человекъ, изъ нихъ 150 тыс. было Татаръ, а 450 тыс. иноплеменниковъ, Христіанъ и другихъ подданныхъ. Изъ нашихъ лѣтописей намъ извѣстно, что Монголы уводили съ собою въ плѣнъ множество жителей,

остая города, а все погорь, и товара погорь множество безчислено, за кровь мученика Христова».

1. Voyages d'Ibn-Batoutah, texte arabe, accompagné d'une traduction par C. De-frémery et le Dr. B. R. Sanguinetti. Paris. MDCCCLIV. II, 447—448.

а Плато Карпини, описывая свой путь отъ Владиміра Волынскаго до Кіева, говоритъ: «Жителей вездѣ мало, они истреблены Монголами или отведены ими въ плѣнъ». У Гаюка въ станѣ встрѣтилъ Плато Карпини двухъ сыновей Грузинскаго царя, посла халифа Багдадскаго и многихъ другихъ пословъ Сарацинскихъ, встрѣтилъ и князя Русскаго Ярослава, которому вездѣ давали первое мѣсто. Христіане, состоявшіе на службѣ у Гаюка, говорили Карпини, что Гаюкъ думаетъ самъ принять христіанство, «держитъ у себя христіанскихъ священниковъ и дозволяетъ имъ всенародно передъ своимъ шатромъ отправлять Божественную службу по обрядамъ Греческой Церкви». Этотъ же путешественникъ съ признательностью вспоминаетъ объ одномъ добромъ Русскомъ человѣкѣ, который весьма много ему помогалъ, когда онъ нуждался въ самомъ необходимомъ. Этотъ Русскій, именемъ Комъ, былъ искусный художникъ и любимецъ Гаюковъ. «Онъ сдѣлалъ, — говоритъ Плато-Карпини, — печать для Хана и тронъ изъ слоновой кости, украшенный золотомъ и драгоценными камнями съ разными изображеніями, и съ удовольствіемъ показывалъ намъ свою работу». Передъ вступленіемъ въ переговоры съ Плато Карпини Гаюкъ приказалъ спросить у него, есть ли у папы люди, знающіе языкъ Татарскій, Русскій или Арабскій. Значитъ Русскихъ не мало было при Монголахъ. И дѣйствительно: въ 1253 г. былъ въ Ордѣ посланникъ Людовика IX. Рубруквисъ и нашелъ при дворѣ ханскомъ Русскихъ архитектора и дьякона, а въ станѣ Батыя, кочевавшаго на Волгѣ, и въ его окрестностяхъ онъ же видѣлъ множество Русскихъ, Венгровъ и Ясовъ, которые скитались въ степяхъ и грабили путешественниковъ. Въ 1265 г. открыта была Сарайская епархія, а въ 1301 г. второй ея епископъ Θεогностъ уже обращался къ Патріарху съ вопросомъ о крещеніи Татаръ. «Приходящимъ отъ Татаръ и *хотящимъ креститися...*» Много страдая и терпя отъ Монголовъ, Русскіе рано однако начали имѣть на нихъ свое вліяніе. Племянникъ Бергая, преемника Батыева, царевичъ Петръ тайно бѣжалъ изъ Орды въ Ростовъ, крестился, построилъ монастырь при Св. Игнатіи Ростовскомъ, вступилъ въ бракъ и овдовѣвъ, скончался въ иночествѣ ок. 1290 г. Баскакъ Богà крестился въ

Устюгъ въ 1262 г. Вскорѣ послѣ 1279 г. князь Феодоръ Ярославскій женился въ Ордѣ на дочери хана Менгу-Темира, а князь Глѣбъ Ростовскій еще въ 1257 г. на дочери хана Хубилая, который самъ былъ христіаниномъ. Въ 1302 г. два князя Ростовскихъ, а въ 1305 г. князь Костромскій женились также въ Ордѣ. Сынъ князя Бахмета прибылъ изъ Орды въ Мещеру въ 1298 г., крестился самъ и увлекъ за собою многихъ Татаръ. Родоначальникъ Годунова *Четь* съ нѣсколькими Мурзами выѣхалъ изъ Орды къ Ивану Калитѣ и крестился. Два сына хана Кульпы, убитые вмѣстѣ съ отцомъ въ 1359 г., были тоже христіане. Монголы, грабя и разоряя Русь, тѣмъ не менше открыто сознавали нравственное ея превосходство надъ собою; такъ ханъ писалъ великому князю о святителѣ Алексѣѣ: «мы слышали, что небо ни въ чемъ не отказываетъ молитвѣ главному пона вашего: да испроситъ же онъ здравіе моей женѣ». При святителѣ, исцѣлившемъ Тайдулу, много знаменитыхъ мурзъ, выѣхавъ въ Россію, приняли христіанство. Нечего и говорить о вліяніи Русскихъ на Татаръ во времена позднѣйшія, особенно послѣ Куликовской битвы, когда Русь перешла уже въ движеніе наступательное.

Въ XIV в. вольница Новгородская не разъ разгуливала внизъ по Волгѣ, спускалась и въ Каму; такъ Новгородскій Лѣт. подъ 1366 г. записалъ: «ходили изъ Новгорода люди молодые на Волгу *безъ Новгородскаго слова* т. е. безъ спросу господина Вел. Новгорода; «а восвоюю — продолжаетъ онъ — Есипъ Варооломеевичъ, Василій Феодоровичъ, Александръ Обакуновичъ; *тогожь лета придоша вси здрави въ Новгородъ*». Троицкая Лѣт. говоритъ объ этомъ нѣсколько подробнѣе: «Пройдоша Волгой изъ Новгорода изъ Великаго 150 ушкуевъ, Новгородци разбойници ушкуйници, избиша Татаръ множество, Бесерменъ и Орменъ въ Новѣгородѣ въ Нижнемъ, женъ и дѣтей, товаръ ихъ пограбиша, а съсуды ихъ, кербати и лоды и учаны и пабусы и струги, то все посѣкоша, а сами отъидоша въ Каму, и пройдоша до Болгаръ, такоже творяще и воююще».

Еще ранѣе, именно въ 1360 г. ходили Новгородскіе разбойники на Болгарскій городъ Жукотинъ, что стоялъ близъ устья Камы, въ Лаишевскомъ уѣздѣ — «и множество Татаръ побивша,

и богатство ихъ взяша, и за то христіане пограблени быша въ Болгарѣхъ отъ Татаръ» (Ник. Л.).

Отъ второй половины XIV в. имѣемъ извѣстія и о другихъ подобныхъ шалостяхъ Новгородскихъ *молодыхъ людей*, ушкуйниковъ. Въ 70 годахъ они неоднократно разгуливали по Волгѣ, Камѣ и Вяткѣ. Такъ въ 1371 г. они овладѣли Костромой и Ярославлемъ, а въ 1375 г. въ числѣ двухъ тысячъ подошли къ Костромѣ, разбили вышедшихъ противъ нихъ 5 тысячъ вооруженныхъ Костромичей, овладѣли городомъ и безчинствовали въ немъ цѣлую недѣлю; ограбили купеческія лавки, полонили многихъ жителей и, покидавъ въ Волгу, чего не могли взять съ собою, пустились къ Нижнему, захватили и тамъ многихъ Русскихъ и продали ихъ въ неволю восточнымъ купцамъ въ Болгарахъ. Разбираемые охотой силы-удали поотвѣдать, богатырскихъ плечъ порасправить, они пошли далѣе внизъ по Волгѣ, къ Сараю, «гости христіянскія грабаче и біюще», дошли безпрепятственно до самой Астрахани (Хазиторокана), гдѣ большая часть ихъ погибла, и то въ слѣдствіе хитрости тамошняго князя Монгольскаго Савъчя. Въ 1379 г. подобная же шайка разбойниковъ была истреблена Вятчанами близъ Казани.

Мы рѣшились напомнить читателю эти всѣмъ извѣстные факты, единственно съ тою цѣлю, чтобы показать, что въ XIV в. Волга была почти совершенно въ рукахъ Русскихъ, изъ которыхъ одни непрестанно плавали по ней въ видахъ грабежа, другіе, болѣе честные, но одушевляемые не меньшею отвагой, удалью и предпріимчивостью — съ цѣлями торговыми. Дѣйствительно, какъ мы уже видѣли, купцы Русскіе проживали въ Сараѣ, и занимали въ немъ особый кварталъ въ XIV в. То же самое, конечно, было и въ XIII в., когда уже существовала Сарайская епархія, когда немало Татаръ приняли св. крещеніе.

Знаменитый Французскій ориенталистъ Катрмеръ въ переводѣ своемъ сочиненія Макриси о Мамлюкахъ, въ одномъ изъ своихъ примѣчаній, изумляющихъ громадною начитанностью и ученостью, по поводу краткаго разсказа Макриси о посольствѣ султана Египетскаго Бибара къ хану Монгольскому Бергаю или Береке въ 1263 г., сообщаетъ болѣе подробное описаніе этого посольства на берега Волги, на основаніи Арабскихъ ди-

сателей Ибигъ-Ферата, Новаири, продолжателя Эльмакина и друг.¹ Посланники Египетскіе прибыли въ Константинополь, — но привожу слова Катрмера: «Ils se rendirent à Istambol, et ensuite à Deksaïta (peut-être la ville d'Odessa), qui est le port où viennent aborder les vaisseaux de Soudak. Puis ils se remirent en mer, et abordèrent sur la côte opposée. Ce trajet exige ordinairement dix journées de navigation; mais quelquefois on le fait en deux jours, lorsque l'on est favorisé par un très-bon vent». Въ Судахъ они встрѣтили начальника округа (canton) — «qui les conduisit à la ville de *Krim*², bâtie à une journée des bords de la mer,

1. Hist. des sultans Mamlouks, de l'Égypte, écrite en Arabe par Taki-Eddin-Ahmed-Makrizi, trad. en français et accomp. de notes philol., histor., géogr. par M. Quatremère. Paris, I, p. 213 etc. Note 96.

2. Городъ Крымъ находился недалеко отъ Кафы, былъ весьма многолюденъ и обширенъ. Ибигъ-Батута, посѣтившій его въ 30-хъ годахъ XIV вѣка, такъ его описываетъ, называя его *Kiram* (Eski-kirim ou Solghât) — «ville grande et belle, qui fait partie des États du sultan illustre, Mohammed Uzbeg Khân; elle a un gouverneur nommé par lui et appelé Toloctomour. Nous avons été accompagnés pendant le voyage par un des serviteurs de cet émir. Cette homme ayant annoncé à son maître notre arrivée, celui-ci m'envoya un cheval par son imâm Sâdeddin. Nous logeâmes dans un ermitage, dont le supérieur était Zâdeh alkhoraçany. Ce cheikh nous témoigna de la considération, nous complimenta sur notre arrivée, et nous traita généreusement. Il est fort vénéré de ces peuples; je vis les habitants de la ville, kâdhis, prédicateurs, jurisconsultes et autres, venir le saluer. Ce cheikh Zâdeh m'apprit qu'un moine chrétien habitait un monastère situé hors de la ville, qu'il s'y livrait aux pratiques de la dévotion et jeûnait très fréquemment; qu'il allait même jusqu'à jeûner quarante jours de suite, après quoi il rompait le jeûne avec une seule fève; enfin, qu'il découvrait clairement les choses cachées. Le cheikh me pria de l'accompagner dans une visite à ce personnage. Je refusai; mais, dans la suite, je me repentis de ne l'avoir pas vu, et de ne pas avoir ainsi reconnu la vérité de ce qu'on disait de lui». (Voy. d'Ibn-Batoutah, etc. II, 359—360). Капчаки или Кифджики были христіане. Такъ описываетъ ихъ степь Ибигъ-Батута, называя ее *Decht Kifdjak*: «Cette plaine est verdoyante et fleurie; mais il ne s'y trouve ni montagne, ni arbre, ni colline, ni pente. Il n'y a pas de bois à brûler, et l'on ni connaît point d'autre combustible que la fiente d'animaux, laquelle est appelée *tezec* (bouse). Tu verrais les principaux d'entre les indigènes ramasser ce fumier, et le porter dans les pans de leurs vêtements. On ne voyage pas dans cette plaine sinon sur des chariots. Elle s'étend l'espace de six mois de marche, dont trois dans les états du sultan Mohammed Uzbeg, et trois dans ceux d'autres princes. Le lendemain de notre arrivée dans ce port, un des marchands, nos compagnons, alla trouver ceux des habitants de cette plaine qui appartiennent à la nation connue sous le nom de *Kifdjak* et qui professent la religion chrétienne. Il loua d'eux un chariot traîné par des chevaux. Nous y montâmes, et nous arrivâmes

et habitée par diverses nations de *Kaptchaks, de Russes et d'Alains*. «Après avoir parcouru l'espace de vingt jours, un désert immense, couvert de tentes et des troupeaux, ils arrivèrent au fleuve Etil (le Volga), sur les bords duquel est la résidence du prince Bérékeh. Cette rivière dont les eaux sont douces, a la même largeur que le Nil, et l'on y voit continuellement naviguer des barques russes». Плаванье Русскихъ судовъ по Волгѣ, замѣченное въ Сараѣ ок. 1263 г., не можетъ насъ удивлять, такъ какъ мы знаемъ, что Русскія поселенія въ Сараѣ и въ окрестностяхъ были столь многочисленны, что потребовалось основать особую епархію Сарайскую въ 1265 г.

Мы убѣждены, что читателю не покажется парадоксомъ, если мы скажемъ, что *неволя Татарская*, вредная для Русскихъ во многихъ отношеніяхъ, не стѣснила однако ихъ международныхъ сношеній, по крайности съ Азіею, и даже расширила ихъ. Мы поступили бы совершенно неосторожно, если бы стали утверждать, что торговыя связи Русскихъ съ южною Азіею, происходившія въ X и даже IX в., совершенно прекратились во времена послѣдующія. Современникъ Рюрика и Олега, Арабскій писатель Ибнъ-Хордаты-Бегъ, умершій уже старикомъ въ 912 г. и служившій почтмейстеромъ и полиціймейстеромъ въ Джебалъ (древней Мидіи), вотъ что между прочимъ передаетъ намъ въ своей книгѣ о странахъ и дорогахъ: «Русскіе изъ племени Славянъ вывозятъ мѣха бобровъ и чернобурыхъ лисицъ изъ самыхъ отдаленныхъ краевъ Славянской земли и продаютъ ихъ на берегахъ Румскаго моря: тутъ царь Румскій беретъ съ нихъ десятину. Когда имъ вздумается, они отправляются на *Славянскую рѣку и приѣзжаютъ въ заливъ города Хозаръ*: тутъ даютъ они десятину владѣтелю этой земли¹. Затѣмъ они ѣдутъ въ

à la ville de Cafā, grande cité qui s'étend sur le bord de la mer et qui est habitée par des chrétiens, la plupart Génois...» (ibid. p. 356—357).

1. Френъ, указавъ на слова Идриси — *flumen Ross (Russiae) Athel* (т. е. Волга) *vocatim*, замѣтилъ однако, что 1) здѣсь по всей вѣроятности испорченъ текстъ, и исправивъ его, прочелъ такъ: «und es ist kein Eingang in dieses Meer als von» — 2) если Идриси и называлъ Итиль рѣкою Русскою, то по ошибкѣ, смѣшавъ Донъ съ Волгою, такъ какъ многіе Арабскіе географы считали Донъ рукавомъ Волги. (Frachn, Ibn-Fossl. Ber. S. 38). Поэтому-то Френъ и сказалъ, что сло-

море Джурджанское и тамъ пристають къ любому берегу, а это море въ поперечникѣ простирается на 500 фарсаховъ. Иногда случается, что они везутъ свои товары изъ Джурджана черезъ Ибиль въ Багдадъ».

ва Идриси «Итиль рѣка Руссовъ» едва ли могутъ служить подтвержденіемъ догадки знаменитаго Нѣмецкаго ориенталиста Гаммера, который подъ именемъ *Ros* (Корана) разумѣлъ прежде рѣку *Араксъ*, но потомъ перемѣнилъ свое мнѣніе—«mais depuis que j'ai trouvé le *Ros* dans la liste des grands fleuves asiatiques donnée par Agathemerus (chap. X), j'ai été convaincu que le *Rha* ou *Volga* et le *Ros* sont la même chose» (см. Fraehn ib. S. 37). — Есть мнѣніе, что Волга, слывшая и теперь у Мордвы подъ именемъ *Рау*, и у восточныхъ писателей по преимуществу называющаяся *Идель* (т. е. рѣка), а у нынѣшнихъ Чувашей *Ададь*, своимъ названіемъ *Ра* (Рѣ у Птолемея, *Rha* у Амміана) и *Росъ* (Рѡς у Агаемемера) обязана своимъ происхожденіемъ какому нибудь Финскому или Тюркскому нарѣчію. Очень можетъ быть, что предположеніе о Финскомъ или Тюркскомъ происхожденіи названій Волги *Ра* и *Рос* (Рѡς) со временемъ и оправдается, а пока найдутся въ Финскихъ или Тюркскихъ нарѣчіяхъ подходящія имъ слова или корни, не слѣдуетъ забывать, что въ языкѣ Славянскомъ слово *ръ-ка* имѣетъ при себѣ корень *ръ* сходный съ Греч. ῥέω теку, что въ томъ же Славянскомъ языкѣ находятся слова *русло*, *русалка* (жилица вода), есть и собственное рѣчное имя *Рось*. т. е. *Рѣсь*. Срв. *бѣдѣти* — *будѣти*, *дѣхѣти* — *духъ* и *шѣвѣти* — *шѣволъ* и пр. — *бѣста* и *бѣстада*, *грѣхъ* и *грахъ*, *трава* и *трѣва*, *вѣдѣти* и *вадѣти* и пр. — Желательно повѣрить слова Идриси — *flumen Ross Athel vocatum*. Ибнъ-Хордаты-Бегъ († 914 г.) называетъ Волгу рѣкою *Славянскою*, а Русскихъ онъ считалъ Славянами—«Русскіе изъ племени Славянъ». Аль-Истахри говоритъ, что Русскіе раздѣлены на три племени: одни живутъ въ сосѣдствѣ Булгаръ, а князь ихъ живетъ въ Кутабѣ, городѣ, который больше гор. Булгаръ; другіе называются Славяне, третьи Утаніэ, князь ихъ живетъ въ Арбѣ. (Das Buch d. Länder von Schech Ebn-Ishak el Farsi el Isztachri, aus d. Arab. von A. D. Mordtmann. Nebst ein. Vorworte v. Prof. C. Ritter. Mit 6 Karten. Hamburg. 1843. S. 106). — Вспомнимъ слова Нестора, въ началѣ Лѣтописи: «Днѣпръ потече изъ Оковьскаго лѣса, и потечетъ на полюдье; а Двина изъ того же лѣса потечетъ, а идетъ на полунощье, и внидетъ въ море Варяжское; изъ того же лѣса потече Волга на вѣстокъ, и вѣтечетъ семьюдесять жерель въ море Хвалиское. Тѣмже и изъ Руси можетъ ити въ Болгары и въ Хвалисы, на вѣстокъ дойти въ жребій Симовъ; а по Двиѣ въ Варяги, изъ Варягъ до Рима» и пр. Мы знаемъ, что Русскіе постоянно плавали по Волгѣ не только въ XIV и XV в., но и въ XI и даже X в. См. разк. Ибнъ Фодлана о Руссахъ въ Хозарскомъ городѣ Итиль. Плавали Русскіе по Волгѣ и въ первыхъ годахъ X в. и въ IX в.; такъ Ибнъ-Хордаты-Бегъ говоритъ, что Русскіе изъ племени Славянъ «ѣздятъ и къ Хозарскому заливу рѣкою Славянскою», т. е. Волгою. Неизвѣстный Арабскій авторъ «Книги странъ» говоритъ, что «Славянскіе купцы... ходятъ — по Славянскому морю къ заливу Хозаръ, а потомъ плывутъ по Хорасаанскому морю» (т. е. Каспійскому). Почтенный Славянистъ нашъ И. И. Срезневскій весьма вѣрно замѣтилъ: «Славянское море, которымъ плыли къ Итилю изъ Славянской земли, есть, конечно, не море, а рѣка Волга» — и основательно то доказалъ. (С. 61).

Неизвѣстный Арабскій авторъ «Книги странъ», жившій по всей вѣроятности въ X в., повторяетъ почти то же самое о торговыхъ сношеніяхъ Русскихъ съ Азією. Вотъ его слова: «Славянскіе купцы вывозятъ мѣха лисиць и бобровъ изъ самыхъ отдаленныхъ странъ Славянскихъ къ Румскому морю, гдѣ и платятъ пошлину Румскому царю. Они ходятъ моремъ и къ Жиду Самкушу и потомъ сухимъ путемъ въ Славянскую землю, а далѣе къ Славянскому морю къ заливу Хозарь, гдѣ должны платить пошлину Хозарскому владѣтелю; потомъ плывутъ къ Хорасанскому морю въ ту рѣку, которая называется Славянскою; иногда входятъ въ Джорджанъ, и тамъ распродаютъ свой товаръ. Всѣ эти товары приходятъ въ Рей, остающійся рынкомъ для всего свѣта»¹.

Въ городѣ Реѣ, что близъ Тегерана, производилась, по замѣчанію того же автора, обширная торговля съ Арменіей, Азербиджаномъ, Хорасаномъ, землей Хозарской и Берджаномъ (Молдавіей). Ибнъ-Хордаты-Бегъ говоритъ, что Русскіе возятъ свои товары въ Багдадъ. Димешки, сказавъ объ обширности протранства, занимаемаго Славянами, прибавляетъ: «вотъ потому-то и находили Славянскихъ плѣнниковъ въ Испаніи и въ Хорасаѣ, по причинѣ тѣхъ войнъ, которыя вели они съ Турками и съ Греками»².

Въ IX — X в. проникали Русскіе въ страны Каспійскія и Кавказскія, какъ въ видахъ торговыхъ, такъ и съ цѣлью пограбить, въ видахъ воинственныхъ.

Въ XV в. предприимчивые и любознательные торговцы посѣщаютъ эти страны весьма часто; одинъ изъ нихъ, пошедшій далѣе ихъ всѣхъ, незабвенный нашъ Тверской торговецъ Аѳанасій Никитинъ оставилъ даже свои путевыя записки, одинъ изъ драгоценнѣйшихъ памятниковъ старой Русской словесности. И. И. Срезневскій въ заключеніи своихъ превосходныхъ комментарій къ «Хоженію за три моря» и на основаніи многочисленныхъ изслѣдованій и сравненій съ полнымъ правомъ вы-

1. См. ст. И. И. Срезневскаго — Слѣды давняго знакомства Русскихъ съ южной Азією (Вѣстн. Русск. Геогр. Общ. 1854. Кн. I).

2. Mém. de l'Acad. de St. Pétersb. VI. Charney. Relation de Massoudy. p. 332.

разился о запискахъ Русскаго человѣка XV в. такимъ образомъ: «По времени, когда писаны, его записки принадлежатъ къ числу самыхъ важныхъ памятниковъ своего рода: рассказы Ди Конти и отчеты Васко ди Гама одни могутъ быть поставлены въ ровень съ Хоженіемъ Никитина. Не ниже ихъ это Хоженіе ни по слогу, хотя и можетъ онъ намъ теперь казаться слишкомъ мало-литературнымъ, ни по простодушію и отрывочности замѣчаній, ни по довѣрчивости къ разказамъ туземцевъ, заставившей его иногда повторять и невѣроятное. А что умнообразнообразна была наблюдательность Никитина, въ этомъ, кажется, нельзя сомнѣваться. И въ этомъ отношеніи Никитинъ не ниже, если не выше его современниковъ»¹.

Имѣемъ ли мы какое нибудь право предполагать, что первые преемники и послѣдователи Русскихъ торговцевъ, упоминаемыхъ Ибнъ-Хордаты-Бегомъ и неизвѣстнымъ сочинителемъ «Книги странъ», появляются только въ XV в.? Имѣемъ ли хотя малѣйшее основаніе утверждать, что въ продолжительный періодъ времени — XI — XIV в. — мирныя связи Русскихъ съ востокомъ были совершенно прерваны? Пишущій эти строки съ своей стороны несомнѣнно убѣжденъ, что со временемъ будутъ открыты положительныя извѣстія объ этихъ связяхъ, особенно въ писателяхъ восточныхъ; пока же просить читателя обратить вниманье на нѣкоторыя соображенія и факты, которые одни ставятъ выше всякаго сомнѣнья то положеніе, что мирныя связи Русскихъ съ востокомъ, странами за-Каспійскими и за-Кавказскими, не прерывались въ періодъ XI—XIV в.

Слѣдуетъ помнить походы Русскихъ въ Каспійскомъ морѣ въ 914, 944 г., ослабленіе и разрушеніе могущественной державы Хозарской, походы Святослава на Ясовъ и Касоговъ въ X в., а Мстислава въ XI в., походъ Русскихъ на Шемаху въ XII в., брачныя союзы Русскихъ князей XII в. съ Абхазією и Грузією, силу и значеніе княжества Тмутараканскаго, существованіе Русскихъ поселеній, и не малочисленныхъ, въ земляхъ при-Донскихъ, и по завоеваніи ихъ Половцами, а потомъ Татарами, непрерывныя сношенія съ ними Русскихъ, постоян-

1. Учен. Зап. II Отд. Имп. Ак. Наукъ, Кн. II, вып. 2. С. 303—306.

ное пребываніе Русскихъ, воиновъ, ремесленниковъ и торговцевъ, между Татарами на Волгѣ, въ Средней Азіи, въ Дагестанѣ.

Въ сказаніяхъ Русскихъ XV в. о земляхъ за Араратомъ, о жизни Тамерлана, земли за-Кавказскія и за-Каспійскія называются по большей части именами народными, что указываетъ на ихъ источникъ, не книжный, а народный¹.

Изъ того, что имена эти записаны въ памятникахъ XV в., нельзя было бы заключать, что эти имена не были извѣстны въ XIV в. и раньше.

Испанскій путешественникъ Рюи Гонсалесъ де Клавихо, посланный къ Тамерлану Генрихомъ III Кастильскимъ, видѣлъ въ 1404 г. въ Самаркандѣ Русскихъ торговцевъ, вмѣстѣ съ Татарскими, съ кожами, мѣхами и льняными тканями. «За полвѣка передъ тѣмъ, — замѣчаетъ И. И. Срезневскій, основываясь на показаніи Шегабъ-Эддина, въ его Живописныхъ путешествіяхъ, — льняныя одежды изъ земли Русской вмѣстѣ съ тканями изъ Александріи были въ ходу и почетъ почти за полторы тысячи верстъ за Самаркандомъ на югъ, на полудорогѣ изъ него въ Калькутту, въ Дели, что въ сѣверной Индіи»². По восточнымъ сказаніямъ о походѣ Тамерлана на Русь, войска его «обогатились у насъ несмѣтною добычею и навьючили вельблюдовъ слитками золота, серебра, мѣхами драгоценными, кусками тонкаго полотна Антиохійскаго и Русскаго»³. Русскіе, знакомые съ землями Кавказскими, задолго до Татаръ и во время ихъ владычества, не прерывали своихъ давнишнихъ связей.

Мы уже имѣли случай указать на бытность Русскихъ князей и ихъ войскъ въ южномъ Дагестанѣ въ 1277 г., здѣсь же укажемъ только на слѣдующія два обстоятельства изъ XIV в.

Если бы съ землями Кавказскими Русскіе не имѣли постоянныхъ сношеній, то какимъ бы образомъ вошли въ наши лѣтописи напр. слѣдующія слова: подъ 1345 г. — «бысть моръ силенъ зѣло подъ восточною страною на Орпачи и на Азсторо-

1. Уч. Зап. Кн. II, вып. 2, статья И. И. Срезневскаго, с. 228 и сл.

2. Тамъ же, стр. 226.

3. Карамзина И. Г. Р. V, 131.

кани и на Сарай, и на прочихъ градѣхъ страннѣхъ, на христіанѣхъ и на Арменехъ, и на Фрязѣхъ и на Черкасѣхъ, и на Татарѣхъ, и на Обязѣхъ и яко не бысть кому погребати ихъ».

Изъ разсказа Лѣтописи о кончинѣ князя Тверскаго Михаила Ярославича, въ 1319 г., въ Ордѣ, кочевавшей въ то время сначала у Азовскаго моря, потомъ въ Дагестанѣ, за Терекомъ, близъ Дербента¹, узнаемъ, что тамъ было много Русскихъ: «Бяхужь тамо мнози народи, аки песокъ собравшеся», «тогда всѣ земли сошлись тамо... и Цареградцы и Нѣмцы и Литва и Русь и мнози православнїи». Съ княземъ Михаиломъ были священныя книги, которыя онъ читалъ передъ смертью. Были при немъ и священники — «бѣ бо съ нимъ игуменъ, говоритъ Никон. Лѣтопись, да два попа инока, два попа, да дьяконъ мїрскїе». Съ нимъ было не мало его слугъ, которые и уговаривали его бѣжать. Были въ то время въ Ордѣ и другїе Русскїе, которые ни мало не сочувствовали князю Михаилу, напротивъ, смѣялись надъ нимъ. «Рече же отъ своихъ единъ: господине княже! видѣши ли се, koliko народа мнѡжество стоящихъ, видяще тя въ таковой укоризнѣ, а прежь ты слышаше царствующа ты во своей земли?...» Убійцами Михаила были *Романецъ* и *Иванецъ*, быть можетъ тоже Русскїе, но во всякомъ случаѣ христіане. «Вежу же его разграбиша Русь и Татарове; всѣхъ сушихъ съ нимъ христіанъ и Татаръ, служащихъ ему, имающе изобнажаху нагихъ и влечаху, терзающе яко злодѣевъ и розведше поковаша». Весьма любопытны нѣкоторыя подробности объ отвезенїи въ Русь тѣла Михайлова; онѣ весьма полезны для соображенїя при разсмотрѣнїи вопроса о тогдашней доступности для Русскихъ земель Кавказскихъ. Такъ Лѣтопись (Ник.) разсказываетъ, что тѣло Михайлово привезено было въ *Мощарыкъ* (т. е. *Маджары* на р. Кумѣ), «ту суще гости Русїи восхотѣша поставити въ церкве плашанищею покрывше, и не даша имъ, но въ хлѣвинѣ». Потомъ привезли тѣло въ *Бездежъ*, что нынѣ, по мнѣнїю Карамзина, Везедево, ниже Енотаевска, на рукавѣ

1. «За р. Теркомъ, на рѣцѣ на Северцѣ (нынѣ *Суижа*) подъ городомъ подъ Тетяковымъ, минуше вси горы высокыя. Ясьскїя и Черкасскїя, близъ Воротъ Желѣзныхъ».

Волги. «И яко же быша близъ града, и мнози изъ града видѣша, около саней множество народа со свѣщами, а иныхъ на конѣхъ съ фонари по воздуху ѣздящихъ; и тако привезоша во градъ и не поставиша въ церкви, но во дворѣ». Далѣе рассказываетъ лѣтописецъ, какъ два стража въ страхѣ великомъ были свержены съ саней «и далече отшетнуты, и едва возставше и въ себе пришедше, и шедше, исповѣдаша вся бывшая сущимъ ту священникомъ, отъ нихъ же слышавше сіе написахомъ достоверно».

Въ числѣ обстоятельствъ, благопріятствовавшихъ связямъ Русскихъ съ землями Кавказскими, я указалъ, между прочимъ, и на поселенія Русскихъ въ земляхъ при-Донскихъ.

Въ нашихъ лѣтописяхъ подъ 1499 г., кажется, въ первый разъ упоминаются козаки Азовскіе: въ этомъ году приходили они съ Татарами Ордынскими подъ Козельскъ. Князя Перемышльскій и Одоевскій разбили ихъ, иныхъ взяли въ плѣнъ и привели въ Москву (И. Г. Р. VI, Пр. 495). Въ переговорахъ Московскаго Двора съ Портою 1516 г. упоминаются также козаки Азовскіе. «Великій князь требовалъ, чтобы султанъ запретилъ имъ тревожить нашу Украину и хватать людей, которые посылаются оттуда въ степи для развѣдыванія о Крымцахъ и Ногаяхъ» (ib. VII, Пр. 136).

Ногайскій мурза Белекъ жаловался Ивану Васильевичу Грозному на козаковъ Азовскихъ и между прочимъ писалъ о нихъ: «Бѣлаго князя Черкасы бѣглые холопи были». А царь Иванъ Васильевичъ въ переговорахъ своихъ съ ханомъ Крымскимъ говорилъ: «Нашихъ Козаковъ на Дону нѣтъ никого; а живутъ на Дону изъ нашего государства бѣглые люди»; или въ другомъ мѣстѣ: «А которые на Дону живутъ, давно бѣгая изъ нашего государства» (И. Г. Р. VIII, Пр. 251).

Теперь естественно возникаетъ вопросъ: эти бѣглые Русскіе люди, про которыхъ въ половинѣ XVI в. говорили, что они давно бѣгаютъ, и о которыхъ упоминаютъ лѣтописи въ к. XV в., эти бѣглые Русскіе люди, поселяясь на Дону, нашли ли тамъ уже Русскихъ поселенцевъ, своихъ земляковъ и единовѣрцевъ, или же они были первыми поселенцами этого края? Позволяю себѣ думать, что и до этихъ бѣглыхъ людей были Россія поселенія на Дону: такъ еще въ 1265 г. открыта была Сарайская

епархія, а въ XIV в. не разъ возникали споры о границахъ Рязанской и Сарайской епархій; наконецъ было рѣшено, что Рязанская оканчивается при впаденіи Хопра въ Донъ. Спрашивается, къ чему было учреждать цѣлую епархію, если бы поселенія Русскія были незначительны? Выше мы видѣли, что въ началѣ XIV в. были православныя церкви въ Маджарахъ, на р. Кумъ, въ Бездежѣ, ниже Енотаевска. Отчего не могло быть и Русскихъ поселеній въ краѣ при-Донскомъ, ниже впаденія Хопра въ Донъ?

Въ XIII и въ XII в. въ этихъ мѣстахъ, между Волгой, Дономъ и Днѣпромъ, кочевали Половцы.

Съ половины XI до начала XIII в. сношенія Руси съ Половцами были почти непрерывныя. Помимо враждебныхъ отношеній, вскорѣ должны были образоваться и дружественныя. Нѣтъ сомнѣнія, что не только Половцы мѣшались въ дѣла Русскія, но и наоборотъ; если князья и даже княгини наши вступали въ браки съ Половцами, то точно также вступали и изъ народа и изъ дружины. Эти мирныя связи конечно не могли не имѣть на Половцевъ нѣкотораго вліянія, усиливавшагося Русскими плѣнниками, которыхъ они нерѣдко уводили въ большомъ количествѣ. Напрасно мы стали бы предполагать, что люди Русскіе, уводимые Половцами въ плѣнъ, были всегда убиваемы или же отдаваемы на самыя тяжкія мученія. Очень вѣроятно, что не обходилось и безъ этихъ случаевъ, но они бывали непремѣнно исключеніями; такъ какъ Половцамъ не трудно было увидать, что Русскіе далеко превосходятъ ихъ во многихъ отношеніяхъ, ихъ собственный интересъ заставлялъ приманивать къ себѣ Русскихъ. При непрерывности связей Руси съ Половцами, не могло не возникнуть явленія самого обыкновеннаго въ исторіи международныхъ сношеній. Съ той и другой стороны должны были являться перебѣжчики, люди бѣглые. Между Русью и Половцами не могло не образоваться связей торговыхъ; — черезъ земли Половецкія лежалъ путь Русскимъ къ землямъ Кавказскимъ, съ которыми Русь нерѣдко сносилась въ XII в.

На основаніи однихъ этихъ такъ сказать апіорическихъ соображеній, можно рѣшительно отказаться отвѣчать отрицательно

на вопросъ, не было ли Русскихъ поселеній въ земляхъ при-Донскихъ и до Татаръ, при Половцахъ, въ XII в. и раньше?

По смерти Петра Великаго, весьма много заботившагося объ Астраханскомъ портѣ и о судоходствѣ на Каспійскомъ морѣ, тамошній флотъ, весьма въ его время значительный, отъ совершеннаго имъ пренебреженія сталъ постепенно приходиться въ упадокъ. Отъ прекращенія крейсерствъ естественно должно было ослабѣть торговое судоходство; вѣроятно отъ недостатка средствъ къ пропитанію, люди, служившіе во флотѣ и любившіе свое ремесло, стали толпами переходить на сторону Персіянъ; появились морскіе разбойники, Русскіе люди. Около 1735 г. Русскій консулъ въ Гилянѣ доносилъ Русскому правительству, что «приходящіе на купеческихъ морскихъ судахъ въ Гилянѣ и въ другія на тамошнемъ Каспійскомъ морѣ лежащія пристани *музуры* (матросы) многіе тамъ остаются и не токмо сами строятъ въ Персіи мореходныя суда, но и другихъ дѣланію тѣхъ судовъ обучаютъ»¹.

Въ слѣдствіе этого велѣно было консулу въ Гилянѣ удерживать музуръ отъ побѣговъ, а Астраханскихъ купцовъ обязать подпискою, «подъ опасеніемъ штрафа и лишенія пожитка, не отпускать въ Персію музуръ и не продавать судовъ».

Явились и морскіе разбойники «Русскіе воровскіе люди». Такъ, бывший въ Петербургѣ въ 1737 г. Персидскій посолъ представлялъ, что «нынѣ, по полученнымъ письмамъ изъ Баки, вновь появились разбойники изъ Россійской націи, человекъ съ семьдесятъ на судахъ, и живутъ близъ Баки, на островѣ Акрабѣ (?), для грабежа проѣзжихъ людей, и уже три суда Астраханскихъ купцевъ ограбили»²). Въ 1767 г. появился у Персидскихъ береговъ одинъ отчаянный корсаръ «обусурманившійся» Русскій человекъ Иванъ Столаревъ, сталъ строить въ Эзилияхъ суда и расхаживать по морю, но вскорѣ обжегся порохомъ и умеръ. — Вице-адмиралъ Крюйсъ въ запискѣ своей о Донѣ, Азовскомъ морѣ и пр., составленной имъ по приказанію

1. Астрах. Портъ съ 1725 по 1781 г. ст. г. Соколова. (Морск. Сб. 1849. С. 469).

2. Тамъ же. С. 470.

3. Тамъ же. С. 474.

Петра Великаго и поднесенной имъ въ 1699 г. царевичу Алексѣю Петровичу, говорить, между прочимъ, что, не терпя притѣсненій Польши, при видѣ казней, постигшихъ Павлюка, Острианицу, многіе изъ козаковъ Малороссійскихъ стали пуше прежняго искать себѣ убѣжища въ другихъ странахъ и 4 тысячи человекъ «изъ разумнѣйшихъ козаковъ», собравшись съ женами и дѣтьми, рѣшились переселиться въ Персію, имѣвшую тогда войну съ Турками. «Такимъ образомъ перешли они, по обыкновенію своему, въ обозѣ, болѣе 120 миль черезъ земли Крымскихъ и Ногайскихъ Татаръ, съ которыми они часто имѣли сраженіе», но на Дону они повстрѣчались съ козаками Донскими, которые отговорили ихъ отъ такого намѣренія ¹⁾.

И такъ, если Русскіе люди въ 18 и 17 стол. могли перебѣгать и переходить къ Персіянамъ весьма значительными массами, то отъ чего не могли переходить такимъ же образомъ и къ Половцамъ, съ которыми Русь находилась въ сношеніяхъ постоянныхъ и непрерывныхъ?

Не только въ 18 стол., но и въ послѣднее время въ Хивѣ, Бухарѣ, Ташкентѣ и Коканѣ жило не мало Русскихъ людей, не только плѣнниковъ и невольниковъ, захваченныхъ и перепроданныхъ Киргизами, но и бѣглыхъ и гулящихъ людей, которые, избѣгая преслѣдованій и наказаній, или просто увлекаемые Русскою удалю и молодечествомъ, вступали на службу Азіатовъ. Очень не гуманно обращаясь съ Русскими плѣнниками, они тѣмъ не менѣе стараются воспользоваться ихъ умомъ и тѣми знаніями, которыхъ за собою они не вѣдаютъ.

Въ 1822 г. въ одномъ изъ нашихъ журналовъ писали объ одномъ Русскомъ человекѣ, находившемся въ то время въ неволѣ въ Бухарѣ. Въ 80 годахъ прошлаго столѣтія, Андрей Родиковъ, капралъ Оренбургскаго гарнизона, былъ взятъ въ плѣнъ Киргизами и проданъ въ Бухару.

Ханъ Бухарскій произвелъ его въ топчи-баши, поручилъ ему начальство надъ артиллеріею, бралъ его въ походы противъ Персіянъ, Авганцевъ, Хивинцевъ.

1. Старинн. переводъ Розыск. о Донѣ, Азовск. морѣ, Воронежѣ и Азовѣ, учиненныя по повел. Петра В. и пр. Отеч. Зап. Свѣдѣн. Ч. XX. № 55. С. 185—186.

Въ 1822 г. Родикову было 70 лѣтъ; онъ тосковалъ по Россіи, но не имѣлъ возможности убѣжать.

Какъ всѣхъ Русскихъ плѣнниковъ, его принудили принять исламизмъ, однако въ тайнѣ онъ остался вѣренъ христіанству. Почти каждую недѣлю Русскіе невольники собираются, говорили тогда, молиться къ Родикову, который, кромѣ исправленія должности топчи-баши, завелъ въ Бухарѣ свою лавку и занимается торговлею. Въ Свѣтлое Христово Воскресенье всѣ Русскіе въ Бухарѣ отправляются къ Родикову, «запираются въ его тѣсную каморку и слушаютъ заутреню, которую отправляютъ Родиковъ и Василій Егоровъ, плѣнный дьячекъ изъ Оренбурга. У нихъ есть всѣ священныя и церковныя книги, которыя получили они отъ Русскихъ купцевъ, бывшихъ въ Бухаріи». Въ 1822 г. въ Бухарѣ проживало 34 человекъ Русскихъ плѣнныхъ, изъ коихъ 27 мужчинъ и 7 женщинъ¹.

Сибирскіе козаки Милюшинъ и Батарышкинъ, бывшіе въ плѣну у Коканцевъ съ 1849 по 1852 г., по возвращеніи своемъ на родину, рассказывали между прочимъ, напр. про *Туркестанъ* (Азретъ): «Городъ этотъ имѣетъ болѣе 1000 домовъ; окруженъ стѣною, которая во многихъ мѣстахъ развалилась, и населенъ большею частью бѣглецами изъ разныхъ странъ. Одинъ Сибирскій козакъ по имени Алексѣй Пыжиковъ, служитъ тамъ сотникомъ (юзъ-баши) у пушекъ.

Когда козаковъ нашихъ и ихъ товаришей, которые потомъ померли, привели въ Коканъ, то ханъ приказалъ имъ обрить головы и передать *раису* (муллѣ) для обращенія въ мусульманство. Вопреки однако совѣту нашихъ единовѣрцевъ Русскихъ, находящихся въ Коканѣ, мы двое сутокъ не соглашались на бритье головы, наконецъ на третьи уступили силѣ. Насъ обрили, перерядили въ Азіатское платье и передали раису.

Въ самомъ Коканѣ бѣглыхъ Русскихъ и Татаръ будетъ около ста человекъ. Они встрѣчаются и въ другихъ городахъ и особенно въ Ташкентѣ, гдѣ ихъ даже болѣе, чѣмъ въ Коканѣ. Многіе изъ Русскихъ состоятъ въ ханской службѣ, но всѣ въ тайнѣ соблюдаютъ православную вѣру и желаютъ возвра-

1. Отеч. Зап. Свиньина, Ч. XI. № 29. С. 366 и сл.

титься на родину; ихъ удерживаетъ только боязнь наказанія. Изъ нихъ мы помнимъ имена: Степана Аверьянова, который служитъ юзъ-башею у орудій; Ивана Кузнецова, Семипалатинскаго купеческаго сына, занимающагося торговлею; козака Ефима Мусова; солдата Митрофана Демина и козака Петра Коновалова.

У раиса мы прожили мѣсяца два (январь и февраль 1850). Тамъ насъ содержали хорошо, хотя и подѣ присмотромъ, и, между прочимъ, учили по-Татарски, но обрѣзаться мы не соглашались, а когда, послѣ двухнедѣльной болѣзни, раисъ умеръ, мы ушли изъ его дома на волю и поселились у Степана Аверьянова, гдѣ жили мѣсяца два или три (съ марта 1850 г.)»¹.

Съ Половцами Русскіе находились въ несравненно болѣе тѣсныхъ и неразрывныхъ связяхъ, чѣмъ даже въ настоящее время съ Хивою, Бухарою, Ташкентомъ и Коканомъ. Земля Половецкая, болѣе сихъ послѣднихъ, была подвержена Русскому вліянію; отчего въ ней плѣнники Русскіе не могли пользоваться нѣкоторымъ значеніемъ? отчего же въ ней не могло быть Русскихъ бѣглыхъ и гулящихъ людей?

Нельзя не замѣтить, что успѣшная обработка исторіи древней Руси встрѣчаетъ себѣ сильное препятствіе въ тѣхъ понятіяхъ, что съ одной стороны не позволяютъ изслѣдователю принимать то, что весьма само по себѣ вѣроятно и даже необходимо, хотя *письменно* и не засвидѣтельствовано², а съ другой стороны поддерживаютъ въ немъ мысль ограничиваться одними стечественными источниками, напр. лѣтописями, тогда какъ онѣ недостаточны. Сюда же надо отнести старую привычку обращать вниманіе только на одну жизнь государственную и политическую; какъ будто бы судьба Русскихъ, вѣрныхъ своей народности, не живущихъ однако въ Русской территоріи, не составляетъ органической части Русской исторіи? Отъ того забываютъ даже и упомянуть о той землѣ Русской, которая отошла къ народу иноплеменному, хотя и сохранила свою народность.

1. Вѣстникъ Русскаго Географ. Общ. 1856. Кн. IV. Смѣсь. С. 21 и сл.

2. Изслѣдователь въ наше время ни на единый мигъ не долженъ забывать, что есть факты двоякаго рода: явные и тайные, и что послѣдніе гораздо важнѣе.

Изъ того, что Русскія лѣтописи ничего не говорятъ о Русскихъ поселеніяхъ въ землѣ Половецкой, еще не слѣдуетъ заключать, чтобы ихъ и не было.

Не могло въ ней не быть Русскихъ бѣглыхъ и воровскихъ людей, однако лѣтописи тоже молчатъ о нихъ.

Кіевскій лѣтописецъ подъ 1159 г. говоритъ: «Приде Изяславу болши помочь къ Бѣлугороду, приде бо къ нему Башкордъ въ 20 тысячъ, отчимъ Святославль Володимирича: *бѣ бо мати его бѣжала въ Половци и шла за нь*» (Р. Л. II, 85).

Княгиня могла бѣжать къ Половцамъ; какъ же не бѣгать было простымъ людямъ?

Пишущій эти строки смѣетъ думать, что при рѣшеніи подобныхъ вопросовъ, не мѣшаетъ иногда принимать въ соображеніе народный характеръ, аналогическія явленія другаго времени и при другихъ обстоятельствахъ.

Когда Изяславъ Ярославичъ въ 1068 г. привелъ на землю Кіевскую Ляховъ, то Кіевляне послали сказать его братьямъ, князьямъ Святославу и Всеволоду: «а поидета въ городъ отца своего; аще ли не хочета, то намъ неволя: *зажегше градъ свой, ступимъ въ Греческую землю*» (Р. Л. I, 74).

Въ 1174 г. вышла изъ Великаго Новгорода одна партія его жителей, спустилась по Волгѣ до Камы и основала поселеніе на берегу ея. Воодушевляемые желаніемъ, столь прирожденнымъ Русскому, «новыхъ землищъ отыскивать», «пустую землю въ живущую полнити», подчинили себѣ Вотяковъ, овладѣли городомъ Вяткою, завели въ этомъ краѣ и другія поселенія, основали новый городъ Хлыновъ и принявъ къ себѣ многихъ Двинскихъ жителей, образовали самостоятельную общину, которая и просуществовала такъ около двухъ сотъ семидесяти осьми лѣтъ, «наблюдая обычаи Новгородскіе, повинаясь сановникамъ избираемымъ и духовенству» (Кар.). Лѣтописцы современные ни слова не упоминаютъ объ этомъ происшествіи.

Не надо забывать, что бояре наши весьма дорожили своимъ правомъ отъѣзда.

Козаки Азовскіе, бѣглые Русскіе люди, приходятъ вмѣстѣ съ Татарами грабить Россію.

Плано-Карпини, около 1247 г. проѣзжавшій землю Половец-

кую, говоря однажды о жестокости Баскаковъ, замѣтилъ: *такъ они истребили великое число Русскихъ, жившихъ въ земль Половецкой.*

Карамзинъ, въ одномъ изъ драгоценнѣйшихъ своихъ примѣчаній, замѣтилъ: «Путешественникъ XIII в., Рубруквисъ, рассказываетъ, что между Волгою и Дономъ жили многіе Русскіе, Аланскіе, Венгерскіе или Башкирскіе разбойники, составляя какъ бы народъ особенный (см. его Voyage въ Бержерон. собр. стр. 20 и 38): вѣроятно, что они именуются въ нашихъ лѣтописяхъ *Бродниками*, то есть *бродягами*, сволочью» (II Шр. 302, см. III, прим. 164 и 304).

Въ XII в. Русскимъ тѣмъ легче было селиться въ землѣ Половецкой, что тамъ могли быть поселенія Русскія и весьма немалозначительныя, со временъ княжества Тмутараканскаго, имя котораго въ послѣдній разъ упоминается нашими лѣтописями подъ 1094 г.

Въ Тмутаракани и окрестностяхъ должны были быть поселенія Русскія еще въ X в., когда Владиміръ послалъ туда сына своего Мстислава, который около 1022 г. ходилъ на Касоговъ и побѣдилъ ихъ, проникъ въ ихъ землю и наложилъ на нихъ дань. По обѣту, данному имъ передъ битвою, онъ построилъ въ Тмутаракани церковь — «заложилъ церковь святыя Богородица, и созда ю, яже стоитъ и до сего дне Тмутарокани».

Подъ 1023 г. говоритъ лѣтописецъ, что Мстиславъ ходилъ на Ярослава съ Хозарами и Касогами; а подъ 1024 г., что Мстиславъ пришелъ изъ Тмутаракани въ Кіевъ, но Кіевляне его не приняли и онъ удалился въ Черниговъ. Ярославъ же былъ тогда въ Новѣгородѣ. Призвавъ къ себѣ Варяговъ изъ-за моря, пошелъ онъ противъ Мстислава, который вышелъ имъ на встрѣчу къ Листвену, что на р. Рудѣ, близъ Городни. Мстиславъ поставилъ Сѣверяцъ впереди, а на правомъ и лѣвомъ крылѣ свою дружину. Въ бурную, грозную почъ завязалось сраженіе. Сѣверяне зачали биться съ Варягами и много ихъ пало; тогда Мстиславъ повелъ свою дружину на Варяговъ и избилъ ихъ. Ярославъ былъ разбитъ и бѣжалъ въ Новгородъ. Утромъ, обходя поле битвы, сказалъ Мстиславъ: «кто сему не радъ? се лежитъ Сѣверянинъ, а се Варягъ, а дружина своя цѣла». Мстиславъ по-

слалъ сказать Ярославу: «сяди въ своемъ Кіевѣ, ты еси старѣйшій братъ, а мнѣ буди си сторона». Братья помирились и Ярославъ сѣлъ въ Кіевѣ, а Мстиславъ въ Черниговѣ. И раздѣлили уже въ 1025 г. по Днѣпръ Русскую землю, «Ярославъ прія сю сторону, а Мстиславъ ону; и пачаста жити мирно и въ братолюбствѣ, и уста усобица и мятежь, и бысть тишина велика въ земли».

Въ 1031 г. умеръ сынъ Мстиславовъ Евстафій, а въ 1036 г. самъ Мстиславъ. «По семъ же перея власть его всю Ярославъ, и бысть самовластецъ Русьстѣй земли».

Татищевъ, вѣроятно основываясь на источникѣ, до насъ недошедшемъ, замѣтилъ, что Евстафій умеръ въ Тмутаракани.

Въ продолженіе цѣлаго ряда годовъ, лѣтопись молчитъ о Тмутарокани и только подъ 1064 г. прерывается ея молчаніе, когда говорится въ ней о бѣгствѣ въ Тмутарокань Ростислава, сына Владимірова, внука Ярославова; съ нимъ бѣжали Порѣй и Вышата, сынъ Остромира, воеводы Новгородскаго. Нѣтъ сомнѣнія, онъ пришелъ въ Тмутарокань съ болѣе или менѣе значительными силами: «и пришедъ выгна Глѣба изъ Тмутароканя, а самъ сѣде въ него мѣсто». Въ томъ же или въ слѣдующемъ 1065 г. князь Черниговскій Святославъ Ярославичъ пошелъ въ Тмутарокань на Ростислава, чтобы снова посадить туда сына своего Глѣба. Ростиславъ вышелъ изъ города не изъ боязни, но не хотя подымать оружія противъ своего дяди. Святославъ вошелъ въ Тмутарокань, посадилъ снова сына своего Глѣба и воротился назадъ въ Черниговъ. Ростиславъ вернулся въ Тмутарокань, выгналъ Глѣба, который удалился къ своему отцу, и снова сѣлъ княжить въ Тмутарокани.

Подъ 1065 г. лѣтописецъ передаетъ намъ слѣдующій разсказъ: «Ростиславу сущу Тмутарокани, и емлющу дань у Касогъ и въ ишѣхъ странахъ, сего же убоявшеся Гръци, послаша съ лестью Котопана; оному же пришедшу къ Ростиславу и ввѣрившуся ему, чтяшетъ и Ростиславъ». Но этотъ Котопанъ поднесъ ему яду и, уѣхавъ въ Херсонъ, объявилъ, что князь Ростиславъ умретъ въ извѣстный день; такъ и случилось. «Сего же Катопана побиха каменемъ Корсуньстїи люди». —

Съ чего, спрашивается, было Херсонцамъ мстить за Ростислава, если они не были ему преданы въ извѣстной степени?

Не вижу рѣшительно никакого основанія отвѣчать отрицательно на вопросъ: не было ли въ Херсонѣ XI в. или его окрестностяхъ Русской стихіи, Русскихъ поселеній? Сношенія Руси съ полуостровомъ Таврическимъ въ XII в. были прочныя и постоянныя: такъ туда шелъ извѣстный *Соляной путь*, иногда тревожимый Половцами и дорого князьями нашими цѣннымъ¹.

Въ XIII в., какъ мы уже видѣли, были поселенія Русскія на полуостровѣ, по крайности въ гор. Крымѣ. Отчего не могло быть ихъ въ XII в., когда Русь вела съ Крымомъ сношенія непрерывныя? Смѣю думать, что и въ XI и въ X в. Славяне Русскіе не менѣе часто бывали на полуостровѣ. При семъ надо помнить Русскіе договоры съ Греками и походъ Владиміра на Корсунь. Выслушавъ всѣ мнѣнія отправленныхъ имъ людей для узнанія лучшей вѣры, и остановившись наконецъ на Греческой, Владиміръ, по словамъ лѣтописи, спросилъ бояръ: «гдѣ крещеніе примемъ?» они же рекоша: «гдѣ ти любо», «и минувшу лѣту иде Володимеръ (988) съ вои на Корсунь, градъ Гречскій, и затворишася Корсуняне въ градъ; и ста Володимеръ объ онъ полъ города въ лимени, дали града стрѣлище едино, и боряхуся крѣпко изъ града, Володимеръ же обѣстоя градъ. Изнемогаху въ градъ людье, и рече Володимеръ къ гражданамъ: *«аще ся не вдасте, имамъ стояти и за 3 лѣта»*. Они же не послушаша того, Володимеръ же изряди воѣ своѣ, и повелѣ приспу сыпати къ граду. Симъ же спустимъ, Корсуняне подькопавше стѣну градскую, крадупце сыплемую персть, и пошаху къ собѣ въ градъ, сыплюще посредѣ града; воини же присыпаху болѣ, а Володимеръ стояше. *И мужь Корсунянинъ стрѣли, имянемъ Настасъ, напсавъ сице на стрѣль: «кладязи яже суть за*

1. «Вложи Богъ въ сердце Мъстиславу Изяславичу мысль благу о Русской земли, занеже ей хоташе добра всимъ сердцемъ; и созва братью свою и нача думати съ ними, река имъ тако: «братье! пожалытеся о Русской земли и о своей отцинѣ и дѣдицѣ, оже несутъ хрестьяны на всяко лѣто у вѣжѣ свои, а съ нами роту взимающе, всегда переступающе; а уже у насъ и Гречскій путь изъютимають, и Соляной, и Залозный; а лѣпо ны было, братье, възряче на Божию помочь и на молитву святоѣ Богородици, поискати отецъ своихъ и дѣдъ своихъ пути и чести». (Р. Л. II, 97). *Залозный путь* шелъ, по всей вѣроятности, на юго-востокъ, на Кавказъ.

тобою отъ востока, изъ того вода идетъ по трубѣ; копавъ перемли». Володимеръ же се слышавъ, возрѣвъ на небо, рече: «аще се ся сбудеть, и самъ ся крещу». Корсунъ былъ взятъ и отправлено посольство къ Василию и Константину съ просьбою о рукѣ царевны Анны. Подробности, сюда относящіяся, слишкомъ хорошо извѣстны каждому. Вспомнимъ только, что Владиміръ называетъ Херсонъ «градомъ славнымъ», что въ Цареградѣ, убѣждая царевну Анну пойти за Владиміра, говорили ей между прочимъ: *«видиши ли сколько зла сотвориша Русь Грекомъ»*. Слѣдовательно обладанію Херсономъ Греки придавали великое значеніе! Владиміръ, по словамъ лѣтописца, крестился въ церкви Св. Василія, *«и есть церкви та стоящи въ Корсунъ градъ, на мѣстѣ посреди града, идѣже торгъ дѣють Корсуняне; полата же Володимеря съ края церкви стоитъ и до сего дня, а царицина полата за олтаремъ»*.

Владиміръ, отправляясь въ Русь, взялъ съ собою царицу, *«и Пастаса, и попы Корсуньски, съ мощми святаго Климента и Фифа, ученика его, поима съсуды церковныя, иконы на благословенье себѣ. Постави же церковь въ Корсунъ на горѣ, юже съсыпаша средѣ града, крадуще приспу, яже церкви стоитъ и до сего дне»*.

Если считать, что Несторъ окончилъ свою лѣтопись въ 1112 г., то слѣдуетъ непременно заключать, что не только въ нач. XII в., но и въ XI в., сношенія Руси съ Крымомъ были непрерывныя, иначе бы Несторъ не говорилъ вскользь и мимоходомъ о томъ, что въ Херсонѣ то-то и то-то *«стоитъ и до сего дне»*. Ему и въ голову не приходило, что читатель станетъ заподозривать его извѣстіе; онъ былъ убѣжденъ, что каждому легко провѣрить его слова. Точно въ такомъ же тонѣ сообщилъ онъ и слѣдующее извѣстіе объ Ольгѣ: *«ловища ея суть по всей земли, знамянья и повосты, и сани ея стоятъ въ Плесковѣ и до сего дне, и по Днѣпру перевѣсища и по Деснѣ, и есть село ея Ольжичи и досель»*.

Въ настоящее время, когда несомнѣнно извѣстно, что за долго до принятія христіанства Владиміромъ, въ Кіевѣ уже жило много христіанъ, нѣтъ возможности сомнѣваться, чтобы въ войскѣ Владиміра, съ которымъ онъ пошелъ на Херсонъ, не

было бы христіанъ и притомъ людей грамотныхъ. Довольно вспомнить договоры Русскихъ съ Греками 911, 945 и 971 г., подлинность которыхъ несомнѣнна; они убѣдительно доказываютъ бытность на Руси X в. христіанъ и людей грамотныхъ.

Несторъ рассказываетъ, что Настасъ Корсунянинъ *написалъ* и пустилъ свое посланіе со стрѣлою въ лагерь Русскій. Мы не имѣемъ никакого основанія утверждать, что Несторъ это происшествіе выдумалъ. «Володимеръ же се слышавъ» — Владиміру прочли, такъ какъ онъ былъ неграмотенъ.

Здѣсь позволю себѣ замѣтить, что походъ Владиміровъ на Херсонъ въ 988 г. непременно долженъ былъ быть приготовленъ цѣлымъ рядомъ долгихъ и частыхъ, какъ враждебныхъ, такъ и мирныхъ сношеній Славянъ Русскихъ съ полуостровомъ Таврическимъ. Житіе Св. Стефана Сурожскаго, сохранившее намъ драгоценное извѣстіе о грабежахъ Новгородскаго (?) князя, опустошавшаго мѣста отъ Корсуны до Керчи и о его походѣ въ большихъ силахъ на Сурожъ, опредѣляетъ довольно приблизительно и самое время этого похода, замѣчая, что это происходило «по смерти святаго мало лѣтъ минувши». Житіе передаетъ, что пораженный чудомъ, Новгородскій князь крестился у архіепископа Филарета, преемника Стефанова. Съ княземъ крестились и главные изъ его людей.

Почтенный, многоуважаемый авторъ Исторіи Русской Церкви (Харьковъ 1849. Пер. 1, стр. 6), сообразивъ, что Стефанъ скончался ок. 750 г. и что Филаретъ былъ его преемникомъ, весьма основательно заключилъ, что событіе это должно было происходить около 755 г.

Нѣтъ сомнѣнія, что въ періодъ времени отъ 755 до 988 г. Русскіе имѣли съ Крымомъ сношенія неоднократныя, не только враждебныя, но и мирныя. За долго до Аскольда и Диры ходили Славяне Русскіе по Черному морю въ Цареградъ, что видно изъ древняго полумифическаго преданія, сообщеннаго намъ Несторомъ о Кіѣ, основателѣ Кіева. Изъ словъ его видать, что это преданіе было весьма распространено въ его время, чисто народное и вмѣстѣ съ тѣмъ весьма древнее. Какъ плавали Славяне Русскіе еще въ IX в. въ Каспійскомъ морѣ, посѣщали Рей и Багдадъ, какъ торговали и жили въ Цареградѣ въ X, а ко-

нечно и въ IX в., такъ ходили въ X и въ IX в. и въ Крымъ, торговали и жили въ немъ. Какъ древенъ былъ *Греческій путь*, такъ точно и дорога въ Крымъ, *Соляной путь*.

Скажу болѣе: по моему мнѣнію, весьма вѣроятно предположить о нѣкоторыхъ поселеніяхъ Русскихъ въ Крыму до 988 г., до похода Владиміра на Херсонъ. Въ то время на полуостровѣ Владиміръ имѣлъ своихъ сторонниковъ, которые поровили и помогали ему, что открывается изъ его угрозы гражданамъ Херсонскимъ, въ случаѣ, если они не сдадутъ ему города, то онъ простоятъ тутъ и три лѣта — *«аще ся не сдасте, имамъ стояти и за 3 лѣта»*. Настасъ Корсунянищъ не могъ и подумать объ измѣнѣ своему городу, если бы онъ не имѣлъ никакихъ понятій о Владимірѣ, его людяхъ. Весьма вѣроятно, что Настасъ былъ самъ Русскій или Славянинъ, проживавшій въ Херсонѣ, христіанинъ и грамотный, знавшій, что въ станѣ Владиміра были такіе же христіане и такіе же грамотные люди, какъ и онъ самъ.

Въ драгоцѣнномъ Панцовскомъ жизнеописаніи Константина философа, находится одно извѣстіе, до сихъ поръ не объясненное достаточно и тѣмъ не менѣе важное относительно вопроса насъ занимающаго. Въ бытность св. Константина въ Херсонѣ, онъ встрѣтился тамъ съ Русскимъ христіаниномъ и нашель евангеліе и псалтырь, писанныя по русски. Вотъ это подлинное извѣстіе: *«И обрѣт же Константинъ тоу еуангеліе и ѷсалтырь Роушьскими (= Росьскы и Русскыми) писмены писано, и челоуѣка обрѣтъ глаголюща тою бесѣдою, и бесѣдовавъ (= бесѣдова) съ нимъ, и силоу рѣчи пріемъ, своей бесѣдѣ прикладае различіи письменъ (= различная письмена), гласнаа и съгласнаа, и къ Богоу молитвоу дръже (вар. творя), и вскорѣ начеть чисти и сказовати. И дивляхоу се емоу, Бога хвалеще»*¹.

1. И. И. Срезневскій весьма, по-моему, основательно и остроумно возразилъ Шафарыку на то, что *Русскія письмена* эти — Готскія или Варяго-Русскія, а не Славянскія. «Будь этотъ Русскій языкъ, говоритъ нашъ почтенный Славянистъ, не Славянское нарѣчіе, а какое нибудь чужое, отличное не однимъ выговоромъ словъ, Константинъ не могъ бы съ перваго разу вступить въ разговоръ съ Русскимъ и «принять силу рѣчи» съ одною помощію сравненія ея съ своимъ природнымъ языкомъ — съ своею бесѣдою, замѣчая отличія произношенія звуковъ гласныхъ и согласныхъ. При этомъ, безъ сомнѣнія, надобно допустить предполо-

Совершенно независимымъ путемъ пришедши къ предположенію, весьма вѣроятному, о томъ, что на полуостровѣ Таврическомъ могли проживать Славяне Русскіе и христіане въ X и даже въ IX в., мы находимъ извѣстіе о томъ, что въ первой половинѣ IX в. Константинъ философъ нашелъ въ Херсонѣ одного *Русскаго Славянина*, у котораго видѣлъ евангеліе и псалтырь, писанныя *Русскими письменами*¹.

Признаюсь, не вижу никакой необходимости отвергать пока безусловно все это мѣсто; довольно только вспомнить, что задолго до Кирилла и Меѳодія Славяне принимали христіанство,

женіе, что природнымъ языкомъ Константина былъ языкъ Славянскій, предположеніе впрочемъ совершенно умѣстное, доказываемое правильностію словосочиненія и словоизмѣненія въ древнѣйшихъ текстахъ чтеній евангельскихъ. Если же допустить, что подъ именемъ Русскаго языка жизнеописатель разумѣлъ одно изъ нарѣчій Нѣмецкихъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ зналъ, о чемъ говорилъ, то и природнымъ языкомъ Константина надобно считать Нѣмецкій, — или же по крайней мѣрѣ надобно отдѣлить, какъ позднѣйшую вставку, выраженія: «своеи бесѣдѣ прикладае, различіи письменъ гласная и съгласная». (Изв. II Отд. Ак. Н. Т. I. С. 296). Позволю себѣ прибавить здѣсь, что въ томъ случаѣ, если *Русскія письмена* — Варяжскія или Готскія, то надобно отдѣлить, какъ позднѣйшую вставку, и слова: «и бесѣдовавъ съ нимъ и силу рѣчи приѣмъ» — такъ какъ Константинъ Философъ, былъ ли онъ Грекъ или Славянинъ, не могъ *бесѣдовать по-Нѣмецки*, и такъ скоро *пріять силу рѣчи*. Если считать позднѣйшею вставкою всѣ эти слова и выраженія, то и всѣ предъидущія слова — такая же вставка; иначе въ ней нѣтъ никакого смысла. Почтенный профессоръ Горскій приписываетъ это мѣсто Русскому вліянію и позднѣйшему времени. Едва ли нельзя не усомниться въ возможности когда либо доказать неопровержимыми доводами, что это мѣсто — простой вымыселъ. Допустивъ это послѣднее, все-таки надо согласиться, что выдумать это могъ только одинъ Русскій; Болгарину же напр. никогда этого не могло придти въ голову. Мѣсто это однако находится не только въ Русскихъ спискахъ Житія Кирилла, но и въ Болгарскомъ, именно Рымскомъ XV вѣка. Правописаніе послѣдняго едва ли содержитъ какіе либо намеки на Русское вліяніе, на Русское письмо. О. М. Бодянский полагаетъ, что это извѣстіе выдуманно во время «вѣроисповѣдной борьбы Русскихъ съ западными соплеменниками». (О врем. изобрѣт. Слав. письм. С. LVII. Прим. 97).

1. Нѣтъ никакой необходимости полагать, что то было цѣлое евангеліе, цѣлый псалтырь. Нельзя здѣсь не помнить, что христіанство стало распространяться у Славянъ задолго до IX в., что Лѣт. Межиборск. Еп. говоритъ о Вернерѣ (около 1101 г.): «*Libros schlavonicae linguae sibi fieri jussit, ut latinae linguae caractere idiomatica linguae Schlororum exprimeret*». А про Старградскаго свѣщ. Бруно (ок. 1136 г.) у Бодричей говоритъ Гельмольдъ: «*Quibus sacerdos Dei Bruno juxta creditam sibi legationem sufficienter administravit verbum Dei, habens sermones conscriptos verbis slavicis, quos pronunciareret opportune*». Изъ пѣдръ же восточной церкви могли задолго до IX в. выходить проповѣдники (сами же крещеные Славяне) и пользоваться народнымъ словомъ. Подвигъ св. Славянскихъ апостоловъ тѣмъ ни сколько не умаляется.

имѣли письменность, употребляли особыя *черты и рѣзы*, *Греческія и Римскія письма*. Богатство и обработанность языка памятниковъ Славянскихъ IX в., дошедшихъ до насъ въ спискахъ XI в., позволяютъ кажется предположить періодъ болѣе или менѣе слабыхъ попытокъ, не оставшихся однако безъ послѣдствій и приготовившихъ цвѣтущее, по истинѣ изумительное состояніе Славянской прозы IX и X в.

Какъ бы то ни было, но Русскія поселенія на полуостровѣ Таврическомъ въ XI в., какъ нельзя болѣе вѣроятны. Княжество Тмутароканское пользовалось въ то время не малымъ значеніемъ: «Ростиславу суцу Тмуторокани, и емлющу дань у Касогъ и въ иныхъ странахъ, сею же убоявшеся Грци». Греки подослали Катопана, который и отравилъ князя Ростислава. «Сего же Катопана побиа камнемъ Корсуньстїи людье»¹. —

Слѣдующее за тѣмъ извѣстіе въ нашей лѣтописи о Тмутарокани стоитъ подъ 1078 г.

«Сѣде Борисъ Черниговѣ мѣс. мая 4 день, и бысть княженья его 8 дїй, и бѣже Тмутороканю къ Романови».

Въ 1078 г. Олегъ Святославичъ, жившій до того у Всеволода въ Черниговѣ, «бѣже... Тмутороканю» 10 Апрѣля. Въ этомъ же году «приведе Олегъ и Борисъ поганыя на Русьскую землю, и поидоста на Всеволода съ Половци». На Сожицѣ былъ разбитъ Всеволодъ, «и побѣдиша Половци Русь, и мнози убьени быша ту». Олегъ и Борисъ отправились въ Черниговъ, гдѣ были однако не долго. Изяславъ съ Ярополкомъ и Всеволодъ съ Владиміромъ пошли вскорѣ противъ нихъ. Борисъ былъ убитъ, а Олегъ «побѣже въ малѣ дружинѣ, и два утече; бѣжа Тмутороканю».

По смерти Изяслава, убитаго въ этой битвѣ, Всеволодъ, его братъ, сѣлъ въ Кіевѣ, а сынъ послѣдняго, Владиміръ, въ Черниговѣ.

1. Если еще въ XVI в. христіане Крымскіе знали по предацію мѣсто, гдѣ крестился Владиміръ, то нельзя кажется сомнѣваться, что у Русскихъ XI—XII в. Херсонъ былъ въ великомъ почетѣ. Конечно, князья и др. не оставляли тамошнюю церковь, постронную Владиміромъ, ни приношеніями, ни вкладами. Нѣтъ никакой нужды утверждать, что въ церкви этой, со времени Владиміра, въ богослуженіи былъ принятъ Греческій, а не Славянскій языкъ.

Въ 1079 г. «приде Романъ съ Половци къ Воину, Всеволодъ же ста у Переяславля и створи миръ съ Половци; и возвратися Романъ съ Половци вспять, и убиша и Половци мѣс. авг. 2 день; суть кости его и доселѣ тамо лежаче, сына Святославля, внука Ярославля; а Ольга емше поточиша и за море Царюграду. Всеволодъ же посади посадника Ратибора Тмуторокани».

Въ 1081 г. 18 мая «бѣжа Игоревичъ Давыдъ съ Володаремъ Ростиславичемъ» — «и придоста Тмутороканю, и яста Ратибора и сѣдоста Тмуторокани».

Безъ сомнѣнія, они пришли вооруженною силою, иначе бы имъ не выгнать было посадника Ратибора, который конечно же защищался, слѣдовательно имѣлъ самъ свою вооруженную силу.

Въ 1083 г. Олегъ Святославичъ, прожившій передъ тѣмъ на островѣ Родосѣ два года и двѣ зимы, явился къ Тмутороканю и, какъ справедливо замѣтилъ Карамзинъ, овладѣлъ имъ вѣроятно съ помощію Грековъ. «Приде Олегъ изъ Грекъ Тмутороканю, и я Давыда и Володаря Ростиславича, и сѣде Тмуторокани; и сѣче Козары, иже бѣша свѣтници на убьенье брата его и на самого, а Давыда и Володаря пусти».

Наконецъ послѣднее извѣстіе, встрѣчающееся въ нашихъ лѣтописяхъ о Тмуторокани, стоитъ подъ 1094 г.: «приде Олегъ съ Половци, изъ Тмутороканя приде Чернигову, Володимеръ же затворися въ градѣ, Олегъ же приде къ граду и пожже около града, и монастырѣ пожже; Володимеръ же створи миръ съ Ольгомъ, и иде изъ града на столъ отецъ Переяславлю, а Олегъ вниде въ градъ отца своего. Половци же начаша воевати около Чернигова, Ольгови не взбранящю, бѣ бо самъ повелѣлъ имъ воевати. Се уже третее наведе поганья на землю Половецкую; его же грѣха дабы и Богъ простилъ, занеже много хрестьянъ изгублено бысть а друзии полонени и расточени по землямъ»¹.

1. Подъ 1093 г. лѣтописецъ жалуется на грабежи и опустошенія Половецкія: «лукавіи сынове Измаилеви пожигаху села и гумна, и многы церкви запалина огнемъ...» «Половци воеваша много и възвратинася къ Торцьскому, и изнемогоша людье въ градѣ голодомъ, и предашася ратнымъ; Половци же, пріимше градъ, запалина и огнемъ, люди раздѣлиша и ведоша въ вежѣ къ сердоболемъ своимъ и сродникомъ своимъ. Много роду хрестьянъска стражюще: печални, мучими, зи-

Изъ самаго тона и характера извѣстій лѣтописныхъ о Тмутарокани слѣдуетъ, что на берегу Азовскаго моря были издавна поселенія Русскія, и немалозначительныя. Тогдашней Руси они были хорошо извѣстны; иначе бы лѣтописецъ непременно съездъ долгомъ своимъ распространитья подробнѣе о Тмутарокани, о ея внутреннемъ устройствѣ, о ея народонаселеніи, о ея границахъ. Близкое знакомство тогдашней Руси съ Тмутароканью очевидно и изъ словъ лѣтописца, жителя Кіевскаго, — о церкви св. Богородицы, построенной Мстиславомъ, — «яже стоитъ и до сего дне Тмутарокани». Если бы въ Тмутарокани стихія Русская была слаба или ничтожна, тогда бы Ростиславъ никогда не сталъ опаснымъ для Грековъ, а Мстиславъ не могъ бы побѣдить Касоговъ. Изъ того, что князя Тмутароканскіе приводили на Русь Шоловцевъ, пелѣно выводять, что Русскаго населенія при нихъ не было, не имѣли потому и своего войска. Въ житіи Феодосія сохранились краткія, но драгоцѣнныя извѣстія о Тмутарокани.

Около 1062 г. инокъ Кіево-Печерскаго монастыря «великыи Никошъ отъиде въ островъ Тмутароканьи и ту обрѣте мѣсто свѣтло, чисто, близъ града, сѣде на немъ и Божією благодатією възрасти мѣсто то и церковь св. Богородица възгради на немъ. *И бысть монастырь славенъ, иже и донинѣ есть, прикладъ имы вси Печерскы монастырь*».

Изъ того же Житія узнаемъ мы, что по смерти Ростислава Тмутароканскаго, отравленнаго Катопаномъ въ 1065 г., жители Тмутароканскіе просили Пикона сходить въ Кіевъ къ Святославу прислать имъ сына своего въ князя.

Точно такъ же, почти за 100 лѣтъ передъ тѣмъ, просили Пювгородцы у Святослава дать имъ князя: «придоша людье

мою оцѣпляеми, въ алчи и въ жажи и въ бѣдѣ опустѣвшіи лица, почернѣвшіи тѣлеса; незнаемою страною, языкомъ испалепымъ, нази ходяще и боси, погы имуще сбодены терньемъ. Со слезами отвѣщеваху другъ къ другу, глаголюще: «азъ бѣхъ сего города», и другія: «азъ сея вси»; тако съупрашаются со слезами, родъ свой повѣдающе и vzdыпнуще, очи возводяще на небо къ Вышнему, свѣдущему тайная. Да никто же дерзнетъ реци: яко неспавидими Богомъ есмы! Да не будетъ. Кого бо тако Богъ любить, яко же ны възлюбилъ есть? кого тако почелъ есть, якоже ны прославилъ есть и възвещелъ? Никого же». (Р. Л. I, 96).

Новгородстѣи, просяще князя собѣ: аще не поидете къ намъ, то налѣземъ князя собѣ».

Свиданіе Никона съ Θεодосіемъ было самое радостное. Θεодосій уговаривалъ его не разлучаться съ нимъ; великій Никонъ общалъ — «пойду въ монастырь, устрою въ немъ все и тотчасъ ворочусь назадъ». Слово свое онъ исполнилъ, вернулся въ Кіево-Печерскій монастырь, гдѣ и скончался въ 1088 году. (Р. Л. I, 89).

Извѣстіе это о Богородицкомъ монастырѣ въ Тмутарокани указываетъ на немалозначительность тамошнихъ Русскихъ поселеній. Съ основаніемъ же монастыря Русская стихія тамъ еще болѣе должна была выиграть.

Лѣтопись наша упоминаетъ о дѣлахъ Тмутароканскихъ только тогда, когда онѣ приходили въ прямое соприкосновеніе съ дѣлами Руси; поэтому-то въ высшей степени неосновательно поступили бы мы, если бы стали утверждать, что послѣ 1094 г., когда въ послѣдній разъ упоминается Тмутарокань въ нашихъ лѣтописяхъ, Русская стихія исчезла въ ней вовсе, не оставивъ никакого слѣда.

Признавъ существованіе въ XI в. Русскихъ поселеній на берегу Азовскаго моря, и зная о постоянныхъ сношеніяхъ князей Русскихъ съ Тмутароканью и обратно, имѣемъ ли мы хоть какое нибудь право отрицать бытность Русскихъ поселеній въ XI в. на всемъ пространствѣ между тогдашнею Русью и Азовскимъ моремъ?

Прокопій (552 г.), перечисливъ народы, живущіе при устьѣ Дона и по берегамъ Азовскаго моря, вслѣдъ за тѣмъ прибавляетъ: «Дальнѣйшіе края на сѣверъ занимаютъ Анты, народы безчисленные — καὶ αὐτῶν καθ' ὑπερθεῶν, ἐς βορρῆαν ἀνεμῶν, ἔδυνη τὰ Ἀντῶν ἀμετρα ἴδρυνται».

Юрнандъ (ок. 552 г.) говоритъ, что, сильнѣйшіе изъ Славянъ Анты живутъ на Понтѣ, между Днѣстромъ и Днѣпромъ — (Antes..., qui sunt eorum fortissimi, qua Ponticum mare curvatur a Danastro extenduntur usque ad Danaprum, quae flumina multis mansionibus ab invicem absunt).

Въ этихъ же мѣстахъ жили Славяне и въ IV в. король

Черноморскихъ Готѣвъ Эрманарикъ воевалъ съ Венетами, съ своими сосѣдями.

Во II стол. по Р. Х., какъ открывається изъ словъ Плинія, жили нѣкоторыя Славянскія вѣтви по Дону. (A Cimmerico assolunt Maeotici, Vali, Serbi, Agrechi, Zingi, Psesii. Н. Н. VI, 7. См. Шафарика Слав. Древн. § 9. 2).

Хотя и въ миѣическихъ преданіяхъ Скандинавскихъ, тѣмъ не менѣе имѣющихъ великое историческое значеніе и основаніе, рѣка Донъ называется рѣкою Славянскою Tanaquisl и Wanaquisl. На восточной ея сторонѣ лежитъ земля Асовъ, *Ясовъ* — Asaland, въ ней городъ Asgard, въ которомъ царствовалъ Одинъ. Онъ велъ войну съ Ванами — со Славянами, но съ перемѣннымъ счастіемъ. Вскорѣ Одинъ переселился на сѣверъ, въ Скандинавію.

Народное преданье это могло образоваться не позже, какъ въ I — II в. по Р. Х., если еще не раньше. (Шаф. Древн. § 8. 11).

И такъ, въ земляхъ при-Донскихъ издревле были поселенія Славянскія. Народъ земледѣльческій, крѣпко привязанный къ своей землѣ и къ своимъ старымъ обычаямъ, Славяне не могли легко и охотно покидать свои старыя жилища.

Когда же въ первые положено было начало господству Русской стихіи на берегу Азовскаго моря, въ Тмутарокани и окрестностяхъ?

Первое знакомство наше съ Тмутароканью начинается 1022 г., подъ которымъ лѣтописецъ записалъ слѣдующее: «Приде Ярославъ къ Берестію. Въ си же времена Мстиславу сушу Тмутароканю, поиде на Касогы...» и т. д. Въ слѣдующемъ же 1023 г. идетъ уже Мстиславъ на Ярослава съ Хозарами и съ Касогами.

Разбивъ Касоговъ въ 1022 г., Мстиславъ построилъ въ Тмутарокани церковь св. Богородицы — «заложи... и созда ю».

Трудно себѣ вообразить, что то была первая Русская церковь въ Тмутарокани. У Карамзина уже возникалъ вопросъ о томъ, съ какого времени подчинилась Тмутарокань Русской стихіи? Онъ предполагалъ, что Тмутарокань или Греческая Таматарха была завоевана Святославомъ. При семъ историкъ разумѣлъ побѣды Святослава надъ Хозарами, Ясами и Касогами. О нихъ, какъ извѣстно, лѣтописецъ говоритъ подъ 965 г.

въ слѣдующихъ словахъ: «Иде Святославъ на Козары. Слышавше же Козари, изидоша противу съ княземъ своимъ Каганомъ, и съступишася бити; и бывши брани, одолѣ Святославъ Козаромъ и градъ ихъ Бѣлудѣжю взя. Ясы побѣди и Касогы».

Сильно сомнѣваюсь въ возможности успѣховъ Святослава въ томъ случаѣ, если бы въ земляхъ при-Донскихъ не было вовсе Русской стихіи, Русскихъ поселеній. Славный Арабскій историкъ и географъ († 956 г.) Массуди, въ сочиненіи своемъ «Золотые луга», между прочимъ пишетъ: «Отъ рѣки Хозарской (Волги) въ верхнемъ ея теченіи отдѣляется одинъ рукавъ (Донъ), впадающій въ узкій заливъ моря, Понта, каковое есть море Русское; такъ какъ ни одинъ народъ, исключая Русскихъ, не плаваетъ въ этомъ морѣ. Это великій народъ, живущій на одномъ изъ береговъ этого моря. Они никогда не имѣли князя, ни признавали никакого положительнаго закона. Многіе изъ нихъ купцы, ведущіе торгъ съ владѣніями Таргизовъ. Русскіе обладаютъ большими серебряными рудниками, которые могутъ быть сравнены съ рудниками въ горахъ Лехджиръ, въ Хорасанъ. Столица Таргизовъ расположена на берегу Меотійскаго моря. По моему мнѣнію, эта страна принадлежитъ къ седьмому климату. Караваны ихъ ходятъ въ Ховарезмъ, въ Хорасанъ, а изъ Ховарезма ходятъ къ нимъ караваны; но здѣсь живетъ много кочующихъ ордъ Турецкаго происхожденія, (которыя отличаются отъ Таргизовъ), между этими двумя странами, отъ чего дорога для каравановъ не безопасна»¹.

Передавъ нѣсколько подробностей о Таргизахъ, Массуди снова возвращается къ Русскимъ въ слѣдующихъ словахъ: «Русскіе состоятъ изъ многихъ различныхъ народовъ (several different nations) и разныхъ ордъ (distinct hordes); одни изъ нихъ называются *аль-Людаетъ* (Спрингеръ ставитъ въ скобкахъ съ вопросительнымъ знакомъ *Lithuanians?*). Они ходятъ по своимъ торговымъ дѣламъ въ Испанію, Римъ, Константинополь и къ «Хозарамъ».

1. El. Mas'udis Historical Encyclopaedia, entitled «Meadows of gold and Mines of Gems»: translated from the Arabic by Aloys Sprenger. London. MDCCCXLI, Vol. I, 412—413.

Далѣе Массуди довольно подробно распространяется о походѣ Русскихъ въ Каспійскомъ морѣ; описаніе это я привожу ниже въ *примѣчаніи*, а теперь позволю себѣ замѣтить, что эти Руссы Массудіевы были Славяне Русскіе, а не Варяго-Руссы, не Норманны, какъ то нѣкоторые утверждаютъ. Ниже я долженъ говорить объ этомъ подробнѣе, а здѣсь укажу только на нѣкоторые главнѣйшіе доводы въ пользу мнѣнія, принимаемаго не только мною, но и знаменитымъ Французскимъ ориенталистомъ Рено.

Эти Руссы отправляются въ Каспійское море, по словамъ Массуди, въ числѣ 50,000 человекъ. Варяго-Руссы никогда не были такъ многочисленны.

Варяги-Русь были Шведы (жители Упландіи), а Руссы, по словамъ Массуди, великій народъ — а *great nation*, т. е. многочисленный.

Въ Русь пришла дружина Рюрика, его ближніе, его родственники; положимъ даже, что къ намъ переселилась вся Упландія, и тогда бы Шведовъ нельзя было назвать народомъ великимъ, многочисленнымъ, раздѣленнымъ на нѣсколько племенъ.

И такъ, Руссы Массудіевскіе — не Норманны, а Славяне; точно такіе же Славяне, какъ и Руссы Ибнъ-Хордагъ-Бега († 912), Истахри —.

Массуди говоритъ, что Руссы плаваютъ вверхъ по Дону, что они имѣютъ свои *серебряныя рудники*. Это мѣсто было уже приведено Френомъ въ его замѣчательномъ трудѣ (*Ibn-Fozzl.-Ber. S. 239*); онъ также замѣтилъ уже, что о Русскихъ серебряныхъ рудникахъ упоминаетъ и знаменитый путешественникъ Марко-Поло, этотъ Гумбольдтъ XIII в.

Насъ занимаетъ вопросъ о Русскихъ поселеніяхъ въ При-Донскомъ краѣ; отъ того-то и обращаемъ теперь вниманіе читателя на эти Русскіе серебряныя рудники. Извѣстія о нихъ, важныя для исторіи внутренняго быта и промышленности, несомнѣнно въ то же время убѣждаютъ насъ въ бытности и давности Русской стихіи въ нынѣшней землѣ войска Донскаго. Вотъ какъ Марко-Поло описываетъ Русь (ок. 1270 г.):

«Область Россіи весьма обширна и раздѣлена на много частей....

Народы ея христіане и держатся Греческаго обряда въ церковномъ богослуженіи. Это люди весьма красивые, бѣлые (лицемъ) и высокіе; женщины ихъ также бѣлы и высоки, съ русыми и длинными волосами. Они платятъ дань царю Татарскому....

Въ этой области (т. е. Россіи) находятся въ огромномъ изобиліи разные мѣха (pelli di armelini, ascolini, zebellini, vari, volpi) и много воску, *есть также много рудниковъ, изъ которыхъ добывается серебро въ огромномъ количествѣ*».

Карамзинъ замѣтилъ: «Славный Венеціанскій путешественникъ Марко-Поло, бывъ около 1270 г. въ Великой Татаріи, въ Персіи и на берегахъ Каспійскаго моря, говоритъ о *хладной Россіи*, сказывая, что ея жители бѣлы, вообще хороши лицемъ, и что она богата *собственными серебряными рудниками: мы не имѣли ихъ, но дѣйствительно могли хвалиться знатнымъ количествомъ серебра, получаемого нами отъ Пьемецкихъ купцовъ и черезъ Югру изъ Сибири*» (V. С. 395). Въ настоящее время, смѣю думать, Карамзинъ не отвергъ бы свидѣтельства Марко-Поло, подтверждающаго извѣстіе Массуди о серебряныхъ рудникахъ Русскихъ. О нихъ есть у насъ извѣстіе и XIV в. Арабскій путешественникъ Ибнъ-Батута, посѣтившій южную Россію въ 30—40 годахъ, рассказываетъ, какъ онъ путешествовалъ изъ Астрахани, сопровождая въ Константинополь хатуну Беялуну, жену хана Узбека, природную Гречанку.

Отправившись изъ Астрахани, черезъ нѣкоторое время, они прибыли къ городу *Окакъ*. Мѣстоположеніе его мнѣ не извѣстно, но его можно опредѣлить довольно приблизительно изъ соображенія другихъ мѣстъ. Привожу, по ихъ важности, слова Ибнъ-Батуты, во Франц. переводѣ: *Serendant nous marchions (изъ Астрахани — Hâddj Terkhân срв. наше Хазиторокань) vers la ville d'Ocac, qui est une place d'une importance moyenne, bien construite, riche en biens, mais d'une température très froide. Entre elle et Sérâ, capitale du sultan, il y a dix jours de marche. A un jour de distance d'Ocac se trouvent les montagnes des Russes, qui sont chrétiens; ils ont des cheveux roux, des yeux bleux, ils sont laids*

de visage et rusés de caractère. Ils possèdent des mines d'argent, et on apporte de leur pays des saoum, c'est à dire des lingots d'argent, avec lesquels on vend et l'on achète dans cette contrée. Le poids de chaque lingot est de cinq onces.

Dix jours après être partis de cette cité (Осак), nous arrivâmes à Sordâk (Soûdâk). C'est une des villes de la vaste plaine du Kif-djak; elle est située sur le rivage de la mer, et son port est au nombre des plus grands ports et des plus beaux. Il y a en dehors de la ville des jardins et des rivières. Des Turcs l'habitent, avec une troupe de Grecs qui vivent sous leur protection, et sont des artisans; la plupart des maisons sont construites en bois. Cette cité était autrefois fort grande; mais la majeure partie en fut ruinée, à cause d'une guerre civile qui s'éleva entre les Grecs et les Turcs¹.

Горы, близъ города Окака (?)², находившагося въ 10 дняхъ пути отъ Сарая и въ 10 же дняхъ отъ гор. Судака, горы, въ которыхъ Русскіе добывали себѣ серебро въ XIV в., по словамъ Ибнъ-Батуты, въ XIII по Марко-Поло, и въ X в. по Массуди, ничто иное, какъ Донецкій кракъ, гдѣ еще въ настоящее время находятъ серебристый свинцовый блескъ.

Е. П. Ковалевскій³ вотъ что между прочимъ писалъ объ этомъ въ 1829 г. въ Горномъ Журналѣ (1 кн.): «Съ давняго времени жители селенія Нагольнаго занимаются собираніемъ галекъ свинцоваго блеска, выносимыхъ изъ окрестныхъ горъ водою. Во время таянія снѣговъ и послѣ сильныхъ дождей, они наиболѣе запасаются рудою, которую, по легкоплавкости ея и по богатому содержанію въ ней металла, удобно плавить въ желѣзныхъ ковшахъ, прибавляя вмѣсто флюса нѣсколько сала. Изъ получаемаго такимъ образомъ свинца они отливаютъ обыкновенно ружейныя пули. Первое извѣстіе о нахожденіи свинцовыхъ рудъ въ здѣшнемъ краю получило Правительство въ 1801 г., чрезъ горнаго офицера Ильина, который теперь (въ 1829 г.) есть начальникъ Луганскаго завода....»

1. Voyag. d'Ibn-Batoutah, II, 414—415. — Выше Ибнъ-Батута рассказываетъ про свое пребываніе въ Астрахани: «Chaque khâtoun me donna des lingots d'argent, que ces peuples appellent saoum, pluriel de saoutah».

2. См. ниже въ Приложеніяхъ.

3. Нынѣ Министръ Народнаго Просвѣщенія.

«Въ 1820 г. оберъ-гиттенфервальтеръ Козинъ нашелъ по р. Нагольной признаки свинцовыхъ рудъ, а въ одномъ изъ нихъ при Козьей Банкѣ открылъ и жильное оныхъ положеніе. Наконецъ въ 1827 г. отправлена была въ сіи мѣста, для развѣдки свинцовыхъ рудъ, особенная горная партія (подъ начальствомъ Першина 2-го и Бема). По изслѣдованіи ея оказалось, что въ Нагольныхъ горахъ, въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ въ формации переходнаго Филлада встрѣчается кварцъ съ талькомъ, находится свинцовый блескъ отдѣльно или съ цинковою обманкой. Шурфами встрѣчено по рѣкѣ Нагольной много прожилокъ свинцоваго блеска, которые на глубинѣ соединены вмѣстѣ, что даетъ право надѣяться на большей глубинѣ встрѣтить болѣе значительныя жилы».

Развѣдки Бергешворена Сырохвастова показали, что, начиная отъ Нагольной, по теченію рѣки сего имени, до самаго соединенія ея съ Міусомъ, вездѣ встрѣчаются признаки свинцовыхъ рудъ. Въ послѣдствіи найденъ былъ свинцовый блескъ и въ системѣ горъ Міусскаго отрога. Свинцовый блескъ по рѣкѣ Нагольной встрѣчается съ содержаніемъ серебра — серебристый; въ Нагольной свинцовой рудѣ — свинца — до 60%; а серебра до 2½ фунтовъ въ 100 пудахъ, слѣдовательно въ пудѣ около 3 золотниковъ.

Французскій инженеръ Леще въ Изслѣдованіяхъ своихъ каменно-угольнаго Донецкаго бассейна, произведенныхъ имъ по распоряженію А. Н. Демидова, вотъ какъ выражается о нахожденіи въ настоящее время свинцоваго блеска въ Донецкомъ краѣ: «Наблюденія (изложенныя выше) не даютъ никакого повода думать, чтобы формации Донецкаго края были богаты металлами или рудами. Кромѣ желѣзной руды, *здесь открыты только признаки свинцоваго блеска.* Этотъ минералъ находится въ небольшихъ кварцевыхъ прожилкахъ, въ псаммитѣ, близъ Нагольной, на рѣкѣ, составляющей притокъ Міуса и также называющейся Нагольною. *Систематическія изслѣдованія, произведенныя горными офицерами, убѣдили, что означенная руда встрѣчается здѣсь въ столь маломъ количествѣ и такъ бѣдна серебромъ, что не можетъ быть предметомъ выгодной разработки, и потому всѣ работы по этому предмету прекращены.* (Перев. Г. Шуровскаго. Стр. 213—214).

Изъ словъ Лепле было бы въ высшей степени ошибочно заключать о томъ, что и въ древнѣйшія времена ¹, напр. при Массуди, Марко-Поло, Ибнъ-Батутъ, свинцовая руда была такъ же бѣдна серебромъ, какъ и въ настоящее время. Извѣстно, что всякое *самодѣльное*, безыскусственное производство всегда больше теряетъ и меньше умѣетъ пользоваться матерьяломъ, чѣмъ производство научное. Еще въ началѣ нынѣшняго столѣтія жители Нагольной находили возможнымъ и выгоднымъ для себя заниматься добычею свинца, а въ XIV в. серебряные слитки, добываемые Русскими, были въ общемъ обращеніи у Татаръ, подъ именемъ *саумъ*. Ибнъ-Батута именно замѣчаетъ, во Французскомъ переводѣ: *Ils (les Russes) possèdent des mines d'argent, et on apporte de leur pays des saoum, c'est à dire des lingots d'argent, avec lesquels on vend et l'on achète dans cette contrée. Le poids de chaque lingot est de cinq onces*. А въ бытность его въ Астрахани, каждая жена хана дарила ему эти серебряные слитки — «*chaque khâtoun me donna des lingots d'argent, que ces peuples appellent saoum, pluriel de saoumah*».

Въ настоящее время было бы слишкомъ поспѣшно утверждать, что въ долгой періодъ времени XV—XVIII в. Русскихъ поселеній въ этихъ мѣстахъ не было, Русскіе не занимались добычею металла.

Не слѣдуетъ забывать, что въ XV—XVI в., когда козаки Донскіе и Азовскіе все больше приобрѣтаютъ силы и значенія ², Русскія тамошнія населенія были болѣе обезпечены, чѣмъ въ XIV—XIII в., во время Ибнъ Батуты и Марко-Поло.

1. Судя по сообщеннымъ мнѣ изустно свѣдѣніямъ, новѣйшія изслѣдованія произведенныя нашими инженерами, позволяютъ, кажется, думать, что металлоносныя жилы Донецкаго края далеко благонадежныѣе, чѣмъ то прежде предполагали.

2. Нашъ посланникъ Петръ Тургеневъ, въ 1551 г., доносилъ Юванну изъ Ногайскихъ Улусовъ: «прислалъ Турецкой царь къ Исмаилъ мирзѣ посла сее весны, съ тѣмъ: въ нашихъ де въ бусурманскихъ книгахъ пишется, что тѣ лѣта пришли, что Русскаго царя Ивана рука надъ бусурманы высока; уже де и мнѣ отнево обида великая; поле де все, да и рѣки у меня поотымалъ, да и Донъ отнялъ, да и Азовъ городъ пусть у меня досибѣлъ; поотымалъ всю волю въ Азовѣ. Козаки его съ Азова оброкъ емлютъ, и воды изъ Дону пити не дадутъ....» (И. Г. Р. VIII, Прям. 254).

Одно обстоятельство по видимому сильно говоритъ въ пользу того предположенія, что въ XVI в. въ Донецкомъ краѣ добычи серебра не происходило. Разумѣю любозытныя извѣстія о Россіи начала XVI в., оставленныя намъ почтеннымъ, достойнымъ глубокаго уваженія и благодарной нашей признательности, Московскимъ гонцомъ Дмитріемъ Герасимовымъ¹, извѣстія, записанныя любознательнымъ Павломъ Іовіемъ.

Въ описаніи Іовія мы читаемъ между прочимъ: «Московитяне отпускаютъ въ Европу лучшей лень, коноплю для канатовъ, воловью кожу и множество воску. У нихъ нѣтъ ни золотыхъ, ни серебряныхъ рудниковъ, а также во всей странѣ не замѣчено драгоценныхъ камней...» (*Nobile quoque linum et cannabum in restes, multaque item boum tergora, et massas cerae in-*

1. Дмитрій Герасимовъ былъ въ Римѣ въ 1525 г. Вотъ нѣсколько чертъ этого замѣчательнаго человѣка: «Полагали, говоритъ П. Іовій, что Дмитрій, какъ человѣкъ опытный въ дѣлахъ государственныхъ и особенно свѣдущій въ Священномъ Писаніи, имѣетъ какія либо тайныя и важныя порученія, которыя объявить папѣ на аудіенціи словесно. Онъ въ недавнемъ времени выздоровѣлъ отъ лихорадки, которою долго былъ одержимъ отъ переменъ климата, и совершенно возстановилъ силы свои и прежній цвѣтъ лица, такъ, что, не смотря на шестидесятилѣтнюю старость, съ охотою ходилъ слушать торжественное служеніе папы, совершавшееся со всею пышностію, при гармоническихъ звукахъ музыки, въ день св. Космы и Даміана; былъ въ сенатѣ въ то самое время, когда папа и всѣ придворныя чины принимали кардинала Кампеджіо, только что возвратившагося изъ посольства въ Венгрію; осматривалъ святыя храмы и съ изумленіемъ любовался остатками древняго величія Рима и жалкими остовами прежнихъ зданій». (Библиот. иностр. пис. о Россіи, Семснова. 1836). Іовій говоритъ также про Герасимова, что онъ зналъ хорошо по-Латыни, чему научился въ Ливоніи, отличался свѣтлымъ умомъ и большими свѣдѣніями, много путешествовалъ: такъ онъ былъ въ посольствахъ Шведскомъ, Датскомъ, Прусскомъ, Вѣнскомъ. Поводы къ письменному изложенію рассказовъ Герасимова раскрыты Іовіемъ въ его посвященіи архіепископу Іоанну Руфу. «Вы изъявили желаніе, — говоритъ Іовій, — имѣть на Латинскомъ языкѣ описаніе правотъ Московитявъ, заимствованное мною изъ ежедневныхъ бесѣдъ съ Дмитріемъ, прибывшимъ недавно къ папѣ Клименту VII-му въ качествѣ Московскаго посла». Такимъ образомъ Іовію принадлежатъ нѣкоторыя мѣткія и форма; факты же и данныя, на сколько онъ ихъ не искажилъ вольно и неволью, принадлежатъ гонцу Дмитрію. А за факты сочиненіе Іовія и важно. Слѣдовательно честь перваго обстоятельнаго ознакомленія Европы съ Россією принадлежитъ двумъ Славянамъ — Дмитрію Герасимову и Герберштейну. Фаберъ, какъ извѣстно, составилъ свое сочиненіе (*de Moscovitarum religione*. 1525 г.) тоже по рассказамъ Русскихъ, именно князя Ив. Фед. Ярославскаго и дьяка Сем. Бор. Трофимова, которыхъ онъ встрѣтилъ въ Тюбингенѣ, на возвратномъ ихъ пути изъ Испаніи.

gentes, Moschovitae in omnem Europae partem mittunt. Nulla auriferi, vel ignobilioris metalli, ferro excepto, apud eos vena, secturave reperitur nullumque est tota regione, vel gemmarum vel pretiosi lapilli vestigium).

Но нельзя не замѣтить, что слова Ювія, не оставляющія ни малѣйшаго сомнѣнья въ томъ, что Герасимову ничего не было извѣстно о добычѣ серебра въ Донецкомъ краѣ, слова эти еще не могутъ служить доказательствомъ, что въ концѣ XV и въ началѣ XVI в. промыселъ этотъ, происходившій въ X, XIII и XIV в., совершенно прекратился. Въ началѣ нынѣшняго и слѣд. въ концѣ прошлаго столѣтій жители Нагольной находили выгоднымъ для себя занятіемъ плавить свинцовую руду. Нѣтъ сомнѣнья, что какъ ни просто было производство это, все таки оно требовало извѣстнаго навыка и сноровки; слѣдовательно надо думать, что эта промышленность въ тамошнихъ Русскихъ поселеніяхъ была какъ бы наслѣдственною, переходившею изъ рода въ родъ. Это послѣднее соображеніе въ связи съ извѣстьемъ Ибнъ-Батуты о серебряныхъ слиткахъ и съ настоящими свѣдѣніями о нахожденіи серебра въ Донецкомъ краѣ не позволяютъ намъ рѣзко утверждать о прекращеніи добычи серебра Русскими въ первой половинѣ XVI в.

Незнаніе же о ней Дмитрія Герасимова легко объяснено быть можетъ тѣмъ обстоятельствомъ, что жители, занимавшіеся этою добычею, сбывали серебро не въ Московское государство, а къ Татарамъ; что промышленники этимъ Русскіе жили не въ Русской территоріи.

Какъ бы то ни было, но представленныя нами свѣдѣнія о серебряныхъ рудникахъ окончательно доказываютъ бытность и давность Русскихъ поселеній въ при-Донскомъ краѣ, служившихъ въ X—XII в. средними звеньями, связывавшими Русскія поселенія на берегу Азовскаго моря съ тогдашнею Русью.

Полагаю, что черезъ нихъ шель такъ называемый въ лѣтописяхъ *Залозный путь*, коимъ князья наши такъ же дорожили, какъ и путями Греческимъ и Солянымъ. Они же облегчали сношенія Русскихъ съ землями Кавказскими и Каспійскими.

Въ заключеніе обзора этихъ сношеній позволю себѣ указать еще на одно обстоятельство, весьма по-моему въ этомъ

отношеніи немаловажное, такъ какъ оно служитъ намекомъ на значеніе Русской стихіи въ княжествѣ Тмутарокацкомъ и на ея вліянье на Кавказѣ.

Герберштейнъ въ своемъ перечнѣ народовъ, говорящихъ на Славянскомъ языкѣ, приводитъ между прочимъ и Черкасовъ, жившихъ у Чернаго моря: *Circasi Quinquemontani ad Pontum* — Черкасы Пятигорскіе. Онъ же въ своихъ драгоцѣнныхъ Запискахъ сохранилъ намъ любопытное извѣстье о вольныхъ Черкесахъ на восточномъ берегу Чернаго моря, которые, по его словамъ, не признавали ни Турецкой, ни Татарской властей, плавали по Черному морю и грабили Турецкія суда. Они исповѣдывали Греческую вѣру; богослужебнымъ ихъ языкомъ былъ Славянскій языкъ; но вообще, по словамъ Герберштейна, они были дурные христіане.

Извѣстный путешественникъ Петръ де ла Валле такъ писалъ о Черкесахъ въ первой четверти XVII в.:

«Кавказъ населенъ нынѣ разными народами; особенно же мусульманами Лезгинами, которые не признаютъ никакого государя. Раздѣленные между собой, они состоятъ подъ властью множества князьковъ, называемыхъ у нихъ *мирзами*, изъ которыхъ нѣкоторые не имѣютъ и двадцати человекъ подъ своимъ началомъ. Вообще это люди грубые, живущіе по деревнямъ. Они дики, свирѣпы и страшны для своихъ сосѣдей, какъ люди, живущіе однимъ грабежемъ. За Лезгинами лежитъ земля Азіатскихъ Сарматовъ, т. е. *Черкесовъ*, которые исповѣдуютъ христіанскую Греческую вѣру, но безъ книгъ, безъ священниковъ и, полагаю, безъ церквей. такъ что они христіане только по имени; подвластные различнымъ мирзамъ, они живутъ грабежемъ, ведя постоянныя войны съ Татарами съ одной и съ Лезгинами съ другой стороны. Отсюда такое великое количество рабовъ и рабынь, Черкесскаго, Русскаго, Татарскаго и Лезгинскаго происхожденія, которыхъ продаютъ на всемъ востокѣ; надо признаться, что торговля людьми, сотворенными по образу и по подобію Божьему, дѣло постыдное.

Черкесы живутъ по морю Каспійскому вплоть до самыхъ Русскихъ, которыхъ мы зовемъ Московитами, или до устьевъ Волги, гдѣ стоитъ городъ Астрахань.... Съ сѣверной сто-

роны Каспійскаго моря Русскіе граничатъ съ Татарами и съ Татарскимъ же племенемъ Узбековъ». (Франц. перев. II, 223 и сл.).

Изъ отечественныхъ лѣтописей намъ извѣстно, что въ 1552 г. пріѣзжали къ царю Іоанну Васильевичу Черкасскіе князья Маушукъ, да князь Иванъ Ензбозлуковъ, да Танашукъ, «чтобы государь вступился въ нихъ, а ихъ съ землями взялъ къ себѣ въ холопи, и отъ Крымскаго оборонилъ»; въ 1555 году пріѣзжали Черкасскіе государи, а людей съ ними 150, приняли у насъ крещеніе и «били челомъ, чтобы государь далъ имъ помочь на Турекаго городы и Азовъ и на Крымскаго, а они холопи его»; государевъ посоль Андрей Щепетовъ сказалъ про нихъ, что «они дали правду всею землею». Въ 1557 г. пріѣхали служить государю два Черкасскихъ князя, и пр. Въ томъ же году «прислалъ И. Черемисиновъ Васку Вражскаго съ Черкасскимъ мурзою съ Калычемъ, отъ Кабартънскихъ князей и Черкасскихъ, чтобы государь велѣлъ имъ собѣ служить, а на Шавкаль бы помочь учинить Астороханскимъ воеводамъ». Въ 1558 г. пріѣзжали «изъ Черкасъ изъ Кабарды большого князя дѣти Темрюковы». (И. Г. Р. VIII, прим. 416). Въ 1559 г. «пріѣхалъ съ Дону К. Дм. Ив. Вишневецкой, а съ нимъ Чюракъ мурза Черкасской, и билъ челомъ отъ всѣхъ Черкасъ, чтобъ ихъ государь пожаловалъ, далъ бы имъ воеводу своего, К. Д. Вишневецкаго, а съ нимъ князей Черкасскихъ, да К. Василья Сибока съ братьею, и поповъ хрестьянскихъ, а велѣлъ ихъ крестити по ихъ обѣщанью и по ихъ челобитью... По челобитью Кабардинскихъ князей и по неправдамъ Шавкаловыхъ отпустилъ (царь) воеводу Ив. Семен. Черемисинова съ товарищи на Шавкаль и на Тюмень, и съ Иваномъ отпустилъ поповъ хрестьянскіе крестити Кабардинскихъ Черкасъ» (іѵ пр. 566).

Тутъ же напомнимъ Карамзинъ и слова Поссевина, бывшаго въ Москвѣ въ 1582 г. и называющаго Черкесовъ хрестіанами Греческой вѣры (Moscovia, стр. 9).

Просьбы Черкесовъ у царя Московскаго о посылкѣ къ нимъ священниковъ и слова Герберштейновы объ употребленіи въ ихъ богослуженіи языка Славянскаго, указывая на давнее между ними распространеніе хрестіанства и именно Русскими проповѣдниками, невольно заставляютъ вспомнить и побѣды

Мстислава Тмутароканскаго надъ Ясами и Касогами и Ростислава Владиміровича, взиравшаго дань съ Касоговъ «и въ ишѣхъ странахъ», котораго не даромъ же убоились Греки; и Богородицкій монастырь въ Тмутарокани, устроенный великимъ Никономъ, монастырь *славный*: видно онъ не разъ высылалъ добрыхъ проповѣдниковъ слова Божьяго и къ Ясамъ и къ Касогамъ. Для насъ на всегда исчезли имена быть можетъ не немногихъ такихъ честныхъ тружениковъ, добрыхъ страдальцевъ за Русскую землю.

Послѣ 1094 г. лѣтописи наши ни разу не упоминаютъ о Тмутарокани. Въ XII в. она легко могла утратить прежнее свое значеніе, но едва ли могли исчезнуть въ ней безъ слѣда тамошнія Русскія поселенія.

Въ XV в. уже появляются козаки Азовскіе, а Герберштейнъ говоритъ, что Черкесы въ богослуженіи употребляютъ языкъ Славянскій, который уже одинъ могъ служить достаточною скрѣпою взаимныхъ ихъ сношеній съ Русскими, при чемъ также не слѣдуетъ забывать и давнишнихъ поселеній Русскихъ въ землѣ при-Донской, какъ указываютъ намъ извѣстія Массуди, Марко-Поло, Ибнъ-Батуты.

На жалобы султана Амурата, зачѣмъ мы построили крѣпости на берегахъ Дона и Терека и тѣмъ преграждаемъ Туркамъ путь къ Дербенту, царь Ѳедоръ Ивановичъ въ 1594 г. черезъ отправленнаго въ Цареградъ дворянина Исѣвьева отвѣчалъ такъ: «Мы построили крѣпости въ землѣ Шавкальской и Кабардинской не въ досаду тебѣ, а для безопасности жителей. Мы у васъ ничего не отняли: *изначала Кабардинскіе и Горскіе Черкасскіе князи и Шевкальской были холопи наши Рязанскихъ предѣловъ, и отъ насъ збѣжали съ Рязани и вселились въ горы, и были челомъ отцу нашему*» (И. Г. Р. X, стр. 126 и сл. прим. 298).

По моему крайнему разумѣнію слова эти заслуживаютъ самаго строгаго вниманія; смѣю думать, вопреки Карамзину¹,

1. «Сія новая исторія Кабарды и Дагестана не увѣрила султана, чтобы ихъ князья были Рязанскими выходцами: онъ видѣлъ стремленія Московской политики къ присвоеніямъ на востокѣ».

что это едва ли басня. Предоставляя позднѣйшимъ изслѣдованіямъ оправдать или опровергнуть это мнѣніе, полагаю, что послѣ всѣхъ предъидущихъ соображеній нашихъ, есть полное и твердое основаніе утверждать, что сношенія Русскихъ съ Дагестаномъ были давнишнія, безпрерывныя и прочныя, еще въ періодъ X—XVI в., такъ что открывали Русскимъ доступъ въ М. Азію, тѣмъ путемъ, которымъ издавна проникали въ нее, какъ цѣлыя полчища, напр. Гунновъ¹, Монголовъ², такъ и отдѣльныя лица³, черезъ Арменію въ Каппадокію и далѣе.

Въ Русской статьѣ XV в. о земляхъ за Араратомъ между прочимъ сказано: «Пойдя на западъ отъ Арарата по Турецкимъ землямъ можно прійти въ Трапезондъ, Цареградъ, Шамъ и Іерусалимъ».

Позволю себѣ повторить слова почтеннаго ученаго нашего И. И. Срезневскаго объ этомъ памятникѣ старинной Русской словесности: «какъ бы ни были рѣзки невѣроятности этого географическаго очерка, онъ очень любопытенъ по нѣкоторымъ даннымъ, изобличающимъ знаніе странъ и путей, не книжное, а наглядное, передающимъ сказаніе самовидца».

Если наконецъ припомнимъ сношенія Русскихъ съ Армянами, жившими напр. въ XIV в. не только въ Нижнемъ, но и Москвѣ, съ Никейскимъ государствомъ, весьма значительныя Славянскія поселенія въ М. Азіи, то намъ не трудно будетъ понять,

1. Извѣстенъ походъ Гунновъ въ 430—440 г. Срв. Claudian. (in Rufin. I. II, 28 etc.).

— alii per Caspia claustra
Armeniasque nives inopino tramite ducti
Invadunt Orientis opes: jam pascua fumant
Cappadocum, volucrumque parens Argaeus equorum.
Jam rubet altus Halys, nec se defendit iniquo
Monte Cilix; Syriae tractus vastantur amoeni;
Assuetumque choris et laeta plebe canorum
Proterit imbellem sonipes hostilis Orontem.

2. Temyr Chan ineunte vere ex Persia versus Tanaim movet, collectoque Tauriscytharum, Zycchorum et Abasgorum ingenti numero, eversisque oppidis, quae Bosporo (Cimmerio) adjacent, in Armeniam dein et Cappadociam accessit. (Ducas Str. II, 2. § 106. cf. Tatarica § 157).

3. См. пут. Рубруквиса.

что Русскимъ было возможно не только посѣщать М. Азію, но и оставаться въ ней. Сомнѣнія же въ достаточной отвагѣ и предпріимчивости нашихъ предковъ, надѣюсь, совершенно напрасны.

Нельзя также не вспомнить здѣсь, что предки наши помѣшали рай на югъ отъ Каспійскаго Моря и Кавказскихъ горъ, и что архіепископъ Новгородскій Василій писалъ владыкѣ Тверскому (въ XV в.) — «А то мѣсто святаго рая находилъ Моиславъ Новгородець и сынъ его Яковъ, и всѣхъ было ихъ три юмы, и одна отъ нихъ погибла много блудивъ, з двѣ ихъ потомъ долго носило море вѣтромъ, и принесло ихъ къ высокимъ горамъ. И видѣша на горѣ той написанъ Деисусъ лазоремъ чюднымъ и вельми издивленъ паче мѣры...» «А тѣхъ, брате, мужей и нынѣча дѣти и внучата добры здоровы»¹.

Примѣчаніе. Англійскимъ посланникомъ въ Цареградѣ въ 1620—1626 г. былъ Ома Рой. Въ его письмахъ въ Англію сохранились любопытныя извѣстія о козакахъ Запорожскихъ, почти совершенно овладѣвшихъ тогда Чернымъ моремъ. Предлагаемыя здѣсь свѣдѣнія переведены съ Польскаго перевода Нѣмцевича — *Wyjątki z negocjacji Tomasza Roe posła Angielskiego w Stambule. (Zbiór pamiętn. o dawnej Polsce. V. str. 397 и проч.)*.

Отъ 1 іюля 1622 г. «Татары пошли бнустопать Польшу, а козаки пустились въ Черное Море, гдѣ захватили много Турецкихъ кораблей; *KaŃŃa* находилась въ великой опасности, даже въ самой Портѣ была тревога (*have givenus, at this port, an alarm within feu daies*). (Str. 427—8).

Отъ 1 іюля 1622. «Козаки высыпали въ Черное Море и понадѣлали много вреда».

Отъ 30 мая 1623 г. «Козаки для нихъ (Турокъ) опаснѣе многихъ самыхъ сильнѣйшихъ непріятелей, такъ какъ они мѣшаютъ доставкѣ жизненныхъ припасовъ въ Цареградъ; галеры Турецкія должны раздѣяться, чтобы ловить козаковъ, столь ловкихъ въ бѣгствѣ, въ преслѣдованіи которыхъ нѣтъ ни чести,

ни прибыли. Поляки могутъ надѣяться на миръ, буде сами не подадутъ повода къ войнѣ». (с. 435).

Отъ 12 марта 1624 г. «Шорта готовится къ войнѣ, снаряжаетъ знатный флотъ на Черномъ Морѣ, гдѣ уже видѣли козаковъ; говорятъ, что у нихъ 300 чаекъ или лодокъ (bátow : жители Босфора бѣгутъ въ столицу». (с. 439).

Отъ 20 июля 1624 г. «9 числа сего мѣсяца, козаки на 70 или 80 ладьяхъ (чайкахъ), въ каждой по 50 человекъ, гребцовъ и воиновъ, пользуясь тѣмъ временемъ, когда капитанъ-паша отправился въ Крымъ, на разсвѣтѣ вошли въ Босфоръ, гдѣ разсѣявшись, грабили и жгли на разстояніи 4 миль (Англійск.) отъ города, все сосѣднія деревни и дома. Бюкдере и Иеникой на Греческомъ, и Стеня на Азіятскомъ берегахъ, были главнѣйшія мѣстности, гдѣ они овладѣли великою и богатою добычею и остановились только въ 9 часовъ передъ полуднемъ. Вся столица и предмѣстья были въ такой тревогѣ, что султанъ даже отправился на морской берегъ, а каймаканъ къ Порту. Галиль Паша въ эту неурядицу самъ провозгласилъ себя вождемъ; не имѣя ни одной галеры готовою и вооруженною, собралъ все наличныя суда, лодки и барки, вооружилъ ихъ и помѣстилъ въ нихъ отъ 400 до 500 человекъ, которые могли быть воинами или гребцами. Коницу и пѣхоту въ числѣ 10,000 человекъ разослалъ для защиты береговъ отъ дальнѣйшихъ грабежей. Рѣдкость увидѣть подобную тревогу и сумятицу. Мы думали, что эти бѣдные пираты тотчасъ удалятся, но они, замѣтивъ приближающіяся къ нимъ Турецкія лодки, сомкнулись по срединѣ канала близко замковъ, и выстроившись въ полукругъ, стояли въ ожиданіи битвы; вѣтеръ былъ противный и сами они напасть не могли. Галиль Паша далъ приказъ открыть огонь еще изъ далека; козаки не отвѣчали ни единымъ выстрѣломъ, только подплывали то къ одному, то къ другому берегу, не показывая ни малѣйшаго признака къ отступленію. Паша, видя ихъ ловкость и отвагу, боялся напасть на нихъ съ своими слабыми силами и разсудилъ за благо мѣшать ихъ дальнѣйшимъ дѣйствіямъ, такъ какъ боялись тогда, что они проникнутъ внутрь Стамбула, лишеннаго всякой защиты. Такимъ образомъ цѣлый день до захода солнца они смѣло стояли и

грозили великой, но тревожной, столицѣ свѣта и всему ея могуществу: наконецъ съ своею добычею, при развѣвавшихся знаменахъ, удалились козаки, правда безъ побѣды, но и безъ сопротивленія.

Это незначительное обстоятельство и это дерзкое предпріятіе открыли удивительную истину объ этомъ великомъ государствѣ, что оно, казавшееся столь грознымъ и могущественнымъ, на дѣлѣ слабо и беззащитно.... Любопытно, какъ примутъ это извѣстіе Поляки, когда тѣмъ самымъ нарушены мирныя условія» (с. 440—2).

Отъ 24 іюля 1624 г. «Козаки снова проникли въ Босфоръ, съ флотомъ своимъ въ удвоенномъ количествѣ, имѣя съ собою не менѣе 150 чаекъ; а въ тылу за собою ведя подкрѣпленія для помощи ли въ случаѣ нужды, или для другихъ какихъ цѣлей. Они оставались у береговъ 3 дня, сожгли Фаръ (the Pharos) и двѣ либо три деревни, грозили нападеніемъ на арсеналь, что навело великій страхъ на всю столицу. Сухопутная стража повсюду была удвоена; наконецъ и двѣ галеры были вооружены бродягами и наемниками, взятыми съ улицъ и выслано около 20 лодокъ для стражи, гдѣ и доселѣ остаются при входѣ въ гавань; но козаки удалились съ великою добычею и тревога прошла» (с. 442).

«Немедленно послано за капитаномъ-панею, для защиты столь дурно оберегаемой столицы.

Поймано нѣсколько заблудившихся этихъ разбойниковъ (т. е. козаковъ). При допросахъ они показали, что Махметъ, князь Татарскій, помогаетъ имъ въ этихъ предпріятіяхъ, мстя Туркамъ за лишеніе его должности. Если справедливо, а оно вѣроятно, взаимное соглашеніе этихъ двухъ народовъ (błakajacusię), то они скоро стануть опасны и столицѣ и всему государствѣ (т. е. Турецкому)».

Отъ 18 мая 1626 г. «Ханъ Татарскій напалъ на Польшу, тогда какъ не задолго передъ тѣмъ былъ заключенъ мирный договоръ. Братъ хана, Гирей (Gehan Gegej), не участвовавшій въ этомъ походѣ, послалъ гетману Конецпольскому кошию съ приказа султана объ этомъ походѣ».

«Диванъ отказывается отъ этого и всячески старается примириться съ Польшею: побѣда Поляковъ надъ Татарами внушила имъ смѣлость позволить козакамъ мстить за набѣгъ Татаръ. Они собрали уже до 700 чаекъ, готовыхъ напасть на здѣшнія окрестности. Вооруженіе доставлено имъ отъ короля Польскаго. Они грозятся вступить въ бой съ цѣлой арматой Турецкой; дали клятву, что возьмутъ адмиральскій корабль. Всѣ мѣстечки и деревни на Босфорѣ до самаго Цареграда находятся въ величайшей тревогѣ, тѣмъ болѣе, что есть предсказаніе, что Турецкое государство будетъ уничтожено народомъ сѣвернымъ.

«20 галеръ стоитъ въ каналѣ. Капитанъ-паша выступаетъ съ 40 галерами; уже онъ по истинѣ разбитъ страхомъ своимъ собственнымъ и своего войска» (ст. 452).

Извѣстный путешественникъ Петръ де ла Валле, прожившій нѣсколько лѣтъ (въ нач. XVII в.) при дворѣ Персидскомъ, оставилъ намъ также нѣсколько любопытныхъ извѣстій о козакахъ.

Прилагаемые здѣсь отрывки переведены нами съ французскаго изданія его Путешествія: «Les Fameux Voyages de Pietro della Valle Gentilhomme Romain, surnommé l'illustre Voyageur.... à Paris, MDCLXII. Первое Итальянское изданіе вышло въ 1661 г.

«Въ 1621 г., говоритъ онъ, козаки Польскіе вошли въ устье Чернаго моря и проникли до самой Тюремной башни (Tour des prisons) и предмѣстій Константинополя, гдѣ они захватили огромное количество рабовъ, такъ что вельможи Турецкіе не смѣли съ этой стороны ходить для прогулокъ въ свои сады, при видѣ козаковъ, бѣгавшихъ повсюду съ саблями въ рукахъ и нигдѣ не встрѣчавшихъ сопротивленія» (III, 188).

Де ла Валле, всегда, по его словамъ, отличался *святою* ненавистью къ Туркамъ и для того собственно пріѣхалъ въ Персію, чтобы участвовать въ войскахъ ея противъ Турокъ. «Я всегда, продолжалъ онъ, передумывалъ множество различныхъ способовъ для истребленія этого дерзкаго народа и тѣмъ съ своей стороны сдѣлать что нибудь въ пользу христіанства. Я убѣдился наконецъ, что самое лучшее для того средство — взаимный союзъ шаха Персидскаго съ нѣкоторымъ народомъ христіанскимъ, на-

зываетсяъ козаками, которые живутъ у Чернаго моря, при устьяхъ рѣки Днѣпра.

«Прежде всего слѣдуетъ замѣтить, что козакъ не есть имя народа, но толпы людей разныхъ языковъ и разныхъ сектъ, хотя они всѣ христіане, безъ женъ, безъ дѣтей, безъ домовъ; они живутъ въ независимости и не признаютъ никакого государя. Они укрываются вдали отъ городовъ въ самыхъ ужасныхъ мѣстахъ, за лѣсами или горами или рѣками, совершенно неприступныхъ. Подобно нашимъ бандитамъ, они повинуются кому нибудь изъ своихъ же, признавая ихъ своими начальниками, и живутъ однимъ грабежемъ и добычею. Но они рѣзко отличаются тѣмъ отъ бандитовъ нашихъ, что не грабятъ того государства, въ которомъ живутъ, когда сношенія ихъ съ государемъ не имѣютъ никакихъ недоразумѣній; напротивъ того взятые въ армію, они ведутъ себя рыцарски-честно (*en gens d'honneur*) и служатъ со всюю возможною вѣрностью. Они постоянно на военной ногѣ во вредъ и на страхъ своимъ сосѣдямъ врагамъ, Туркамъ и мусульманамъ. Вотъ потому-то государи тѣхъ странъ, гдѣ козаки живутъ, не только ихъ не преслѣдуютъ, но даже снабжаютъ ихъ припасами и деньгами подобно тому, какъ Турокъ принимаетъ подъ свое покровительство корсаровъ Барварійскихъ на истребленіе христіанъ.

«Есть различныя войска козацкія, смотря по мѣстности, напр. въ Россіи или въ Московіи, что одно и то же, или у Каспійскаго моря, или въ верхъ по Волгѣ, и далѣе въ глубь страны до рѣки Дона и Азовскаго моря. Есть также козаки и у Чернаго моря и во многихъ другихъ мѣстахъ королевства Польскаго. Я никогда и въ мысляхъ не имѣлъ союзъ козаковъ Русскихъ съ Персіянами, потому что они всѣ еретики или схизматики и живутъ въ землѣ Московита, который, будучи зараженъ заблужденіями Грековъ, обыкновенно объявляетъ себя нашимъ врагомъ и питаетъ къ Латинамъ сильное отвращеніе. Притомъ козаки Русскіе довольно далеки отъ Турокъ и не могутъ ихъ сильно беспокоить, съ Персіянами же не всѣ они въ пріязненныхъ отношеніяхъ: такъ они нерѣдко гоняются по Каспійскому морю и по Волгѣ за судами Персидскими и отымаютъ у нихъ товары: хотя Московитъ и заключаетъ дружественные договоры съ Пер-

сіянами, и они часто другъ къ другу отправляютъ посольства, однако эта дружба болѣе наружная и притворная, чѣмъ дѣйствительная и искренняя. Они ненавидятъ другъ друга по многимъ причинамъ, постоянно усиливающимся отъ ихъ сосѣдства и торговли. Потому-то постоянно моею мыслію былъ союзъ козаковъ Польскихъ съ Персіянами, именно тѣхъ, что живутъ при устьяхъ Дибра, въ палаткахъ и хижинахъ, недоступныхъ никому по причинѣ водъ и болотъ, ихъ окружающихъ, такъ что ихъ невозможно беспокоить, или тревожить, ни подойти къ ихъ лагерю ни съ суши, ни съ моря.

Въ этомъ мѣстѣ всегда находится болѣе 2-хъ тысячъ отличныхъ солдатъ, которые зимою охраняютъ суда и оружье, дѣлаютъ безпрестанные набѣги на Европейскихъ Татаръ, своихъ сосѣдей; лѣтомъ же, какъ только пронесется про нихъ вѣсть, что они готовятъ какое нибудь предпріятіе на морѣ, то множество другихъ козаковъ, привлекаемое жаждою добычи, стекаются къ нимъ изъ окрестныхъ мѣстъ, со всего Польскаго королевства. Выбравъ изъ своей среды самыхъ храбрыхъ въ начальники, они пускаются въ море съ многочисленными силами на трехъ стахъ и пяти стахъ лодкахъ или маленькихъ галеотахъ и даже болѣе; на нихъ помѣщаются четыре, шесть, семь и осемь тысячъ отборныхъ солдатъ, которые въ то же время отличные моряки и матросы; и въ этой огромной массѣ людей нѣтъ человѣка, который бы не былъ способенъ къ исполненію нѣсколькихъ должностей.

Такимъ образомъ они отправляются на Турокъ, забираютъ все, что ни повстрѣчаютъ на морѣ, и стали уже такими отличными пиратами, что суда Турецкія (*les saqueuseaux*) и всѣ ихъ торговыя суда нынѣшнимъ лѣтомъ уже не смѣли пускаться въ море. Они не довольствуются однако морскимъ грабежемъ, но разоряютъ и твердую землю такъ, что нѣтъ теперь Турецкой мѣстности на Черномъ морѣ, которой бы они не овладѣвали или не грабили или даже не разорили. Между прочимъ *Синопъ*, городъ весьма населенный и прославленный Митридатомъ, испыталъ ихъ гнѣвъ. *Каффа*, хотя и столичный городъ Татарскихъ хановъ въ Европѣ, не могъ избѣжать ихъ насилья, и самый *Трапезонтъ* нѣсколько разъ былъ доводимъ ими до по-

слѣдней крайности, и если не палъ передъ ними въ послѣдніе годы, то нѣкогда вѣроятно будетъ принужденъ имъ сдаться и уступить превосходной силѣ.

Турки ежегодно высылаютъ противъ нихъ изъ Константинополя военныя силы, которыя въ началѣ состояли исключительно изъ галеотовъ, потому что дѣйствительно только этого рода суда пригодны на этомъ морѣ, гдѣ немного гаваней, и то узкія, и обыкновенно при устьяхъ рѣкъ, и гдѣ много мѣсть мелководныхъ, куда обыкновенно укрываются козаки, и куда большимъ судамъ проходъ не доступенъ. Наконецъ Турки, увидавъ, что фрегаты ихъ не имѣли никакого дѣйствія и что они были бесполезны и только что умножали собою добычу козацкую, увеличили свои силы не только огромнымъ количествомъ лодокъ и галеотовъ, но присоединили къ нимъ нѣсколько эскадръ изъ большихъ галеръ. Такъ между прочимъ они отправили такія силы, въ то время, когда я былъ въ Сиріи, въ 1616 г., подъ начальствомъ генерала *Махметъ Паша*, сына Чикалы и двоюроднаго брата султана. Кромѣ огромнаго количества небольшихъ судовъ, онъ взялъ съ собою десять большихъ и самыхъ лучшихъ галеръ, бывшихъ тогда въ Константинополѣ. Со всѣмъ тѣмъ его участь не была счастливѣе его предшественниковъ; напротивъ, онъ испыталъ величайшія несчастія, потому что козаки разбили его флотъ, овладѣли между прочимъ двумя его большими галерами и обратили его въ бѣгство. Послѣ такихъ побѣдъ и прекрасныхъ успѣховъ, которые не могутъ не внушать храбрости и гордости побѣдителямъ, я вамъ предоставляю подумать, имѣютъ ли козаки право надѣяться нѣкогда на что нибудь болѣе возвышенное (*droit de prétendre un jour à quelque chose de plus relevé*). Я вамъ скажу только, что я слышалъ отъ нихъ, что они надѣются со временемъ овладѣть Константинополемъ, и увѣрены, что освобожденіе этой страны предназначено ихъ храбрости, и пророчества, которыя они о томъ имѣютъ, ясно имъ то предсказываютъ¹. Какъ бы то тамъ ни

1. Въ извѣстныхъ мнѣ Малороссійскихъ думахъ и пѣсняхъ я никогда не встрѣчалъ выраженія этой надежды. Изъ Великороссійскихъ же мнѣ извѣстна одна, которая выражаетъ эту надежду весьма ясно и опредѣлительно. Она записана г. Гулевымъ.

было, но въ настоящее время они весьма могущественны на Черномъ морѣ и нѣтъ сомнѣнiя, что если они останутся на своемъ, то никто и никогда не осмѣлится его оспаривать у нихъ. Это могущество ихъ идетъ не съ нынѣшняго дня и не недавно стали они страшны на этомъ морѣ, такъ какъ султанъ Мурадъ вступалъ съ ними въ договоръ и нѣкоторыя мирныя положенiя (assomodemens) касательно этихъ дѣлъ, подписанныя его собственною рукою, сохраняются теперь у меня. Хотя прошло уже болѣе тридцати лѣтъ съ тѣхъ поръ, но Турки не могутъ ихъ не только истребить, но и одержать надъ ними какую-либо поверхность: напротивъ того съ каждымъ днемъ они становятся все могущественнѣе: есть по этому основанiю надѣяться, что отъ нынѣ значенiе ихъ станетъ все болѣе и болѣе возрастать и что они станутъ подъ конецъ непобѣдимыми.

Послѣ серьезныхъ размышленiй о нынѣшнемъ состоянiи ихъ дѣлъ, объ ихъ политикѣ и нравахъ, которые я началъ уже пристально наблюдать еще въ Италiи (*dans la Chrétienté*), и потомъ ближе въ Константинополь, послѣ этихъ размышленiй, я не сомнѣваюсь, что они образуютъ нѣкогда весьма могуще-

Какъ издавеча, изъ чиста поля,
изъ раздольца, изъ широкова,
выѣзжаетъ тутъ старый казакъ;
старъ старой казакъ, Илья Муромецъ,
на своемъ онъ на добромъ конѣ.
На лѣвой бедрѣ сабля острая,
во правой рукѣ тупо копье.
Онъ тупымъ концемъ подпирается,
своей храбростью похваляется;
что, велить ли Богъ въ Цареградѣ быть,
я старыхъ Турковъ всѣхъ повырублю,
молодыхъ Турчатъ во полонъ возьму. —

— Вотъ и съѣхался Илья съ Туркомъ богатыремъ. —

Онъ поддѣлъ Турка на тупо копье,
онъ понесъ Турка во чисто поле,
во чисто поле ко синю морю;
онъ бросалъ Турка во сине море.
Какъ сине море всколебалося,
на пески вода разливалася.

ственную республику, такъ какъ по моему мнѣнію, знаменитые Спартанцы, точно также какъ Сицилійцы, Кароагеняне и даже Римляне, а въ наше время Голландцы, не имѣли такихъ прекрасныхъ и столь счастливыхъ начатковъ. Въ томъ нѣтъ еще большой важности, что они лишены постоянныхъ жилищъ, не имѣютъ женъ и слѣдовательно потомства и законныхъ наследниковъ, ибо кромѣ того что, на нашихъ глазахъ число ихъ значительно умножилось, они сами вѣроятно нечувствительно и мало по малу убѣдятся въ необходимости жить вмѣстѣ съ женами, такъ какъ многіе изъ нихъ и безъ того женаты, а другіе въ разбояхъ своихъ берутъ себѣ женъ, обращаясь съ ними, какъ съ рабынями, и продавая ихъ, когда имъ то заблагоразсудится. Что касается до тѣхъ, что живутъ въ краяхъ болѣе отдаленныхъ, то безъ сомнѣнія, они живутъ съ своими женами и дѣйствительно у нихъ уже видать начатки прочной осѣлости.

Король Польскій, государь той страны, въ которой они утвердились, хотя обыкновенно живетъ въ мирѣ съ Турками, однако беретъ ихъ подъ свое покровительство, помогаетъ имъ деньгами и всѣмъ, чѣмъ можетъ. Часто онъ устраиваетъ замиреніе ихъ съ Турками, а когда они произведутъ какое нибудь опустошеніе въ ихъ земляхъ, то онъ оправдывается, утверждая, что всѣ они люди воровскіе, а что онъ не государь ихъ, точь въ точь, какъ поступалъ эрцгерцогъ Австрійскій съ Венеціанцами, касательно Ускоковъ.

Нынѣ я хорошо ознакомился со всѣмъ этимъ порядкомъ дѣлъ и знаю, что владѣнія шаха Персидскаго простираются почти вплоть по Черное море, между которымъ и предѣлами его имперіи не находится ничего, кромѣ королевства Колхиды (Colchos), или одной части, называемой иначе *Дадіанъ*, а по Турецки *Мингрелія*, или другой провинціи, принадлежащей Грузинамъ и лежащей къ морю ближе всѣхъ другихъ, признающихъ разныхъ государей, хотя ихъ можно пройти въ пять, шесть дней. Я убѣдился, что князья Грузинскіе, живущіе въ землѣ, отдѣляющей Персіянина отъ Чернаго моря, всѣ христіане и что потому самому дружба козаковъ съ ними не можетъ не быть для нихъ невыгодною, такъ какъ съ помощію козаковъ они легче могутъ противиться Туркамъ, своимъ сосѣ-

дямъ, которые, если и не тревожатъ ихъ, то потому только, что не могутъ, за малодоступностію страны; тѣмъ не менѣе однако они взимають съ нихъ знатныя подати, уплатою которыхъ Грузины, такъ сказать, покупаютъ миръ и торговлю съ Трапезонтомъ и съ другими городами. Точно также увѣрился я, что по склонности или боязни владѣтели эти не откажутся соединиться съ Персіянами, которыхъ не трудно будетъ заставить силою или добровольно убѣдить даровать имъ и козакамъ свободу путей и торговли, доставить имъ безопасное убѣжище, откуда бы козаки легко могли тревожить сосѣднія Турецкія земли, чего понынѣ они не могли, такъ какъ пока они составляютъ еще горсть людей и живутъ на другомъ берегу моря. Вотъ по всѣмъ этимъ-то причинамъ я рѣшился всячески стараться объ этомъ союзѣ. Тѣмъ значительно увеличались бы силы козаковъ и получили бы тогда возможность не только грабить и удаляться, какъ то было понынѣ, но съ помощью Персіянъ и обороняться противъ Турокъ, особенно въ этой странѣ Трапезонтской». (II, 263—269).

Де ла Валле уже самъ думалъ было ѣхать къ козакамъ, для заключенія этого союза, какъ услыхалъ, что одинъ изъ христіанскихъ государей, то ли владѣтель Мингреліи, то ли Гуріэль, что ближе къ Трапезонту, уже давно желалъ вступить въ союзъ съ козаками, съ тою же цѣлью, что представлена выше. «Онъ посылалъ къ нимъ письма и подарки, а въ знакъ своей вѣрности, онъ одарилъ ихъ маленькими золотыми крестиками, ибо въ этихъ странахъ, когда хотятъ сказать про кого, что онъ христіанинъ и притомъ добрый христіанинъ, то говорятъ про него, что онъ любитъ крестъ, и почитаніе, ему оказываемое, служить лучшимъ тому доказательствомъ; отъ чего и происходитъ, что сами магометане и шахъ Персидскій считаютъ Англичанъ очень дурными христіанами и еретиками, потому что они ненавидятъ крестъ (*détestent la croix*). Предложеніе это козаками было принято весьма охотно и съ радостью. Они уже нѣсколько разъ приходили съ своими морскими силами въ его гавань, гдѣ онъ ихъ принималъ весьма ласково, хотя Турки на это косятся, что однако вовсе не мѣшаетъ козакамъ сопровождать и буксировать торговые суда Гуріэльскія.

Писалъ ли онъ козакамъ о союзѣ съ Персіянами, или же они сами того пожелали, только нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, флотъ ихъ въ 2,000 человекъ присталъ къ устьямъ рѣки, и они задумали, оставивъ суда свои у союзника, отправиться сухимъ путемъ въ Персію и предложить свои услуги шаху Персидскому въ приготовляемой имъ войнѣ противъ Турокъ, въ надеждѣ вѣроятно на добычу и на то, что все мѣста, которыя имъ придется брать, имъ отдадутъ на разграбленіе. Ихъ великія приготовленія уже привели въ панической страхъ всю страну окрестную; но разсчитавъ, что, не зная предварительно воли шаха, не христіанина, которому слѣдовательно вѣряться опасно, они выбрали изъ среды своей 40 человекъ, самыхъ рѣшительныхъ и отважнѣйшихъ и отправили ихъ къ шаху Персидскому для предварительнаго соглашенія. (II, 270—272).

Владѣтель Имеретіи, черезъ землю котораго проходили эти 40 козаковъ, совѣтовалъ имъ не ходить всѣмъ, а отправить ко двору Персидскому когонибудь одного. Они такъ и сдѣлали и послали одного козака — Степана, который, по словамъ Де ла Валле, былъ католикъ, родомъ Полякъ, говорившій по Московски. Въ католицизмъ Степана козака нельзя не сомнѣваться, потому что Дела Валле воображалъ, что козаки Польскіе большею частью все католики: «*les Cosaques de Pologne. Chrétiens et presque tous Catholiques!*» (II, 269).

Этотъ Степанъ козакъ находился въ Ферабадѣ нѣкоторое время въ весьма затруднительномъ положеніи: ни онъ Персіянъ, ни они его не понимали. Наконецъ, узнавъ о Де ла Валле, онъ объяснилъ ему все на словахъ. Не получая долго никакого отвѣта, безпокоясь о своей участи, козакъ Степанъ рѣшился жаловаться самому шаху и уловивъ однажды время, подалъ ему жалобу на улифъ.

«Шахъ ее принялъ, говоритъ Де ла Валле, и не читавъ ея, остановилъ коня, призвалъ Эфендіаръ Бега и другихъ главнѣйшихъ лицъ изъ своей свиты и, по своему обычаю, надменно сказалъ имъ: «вы не цѣните этихъ людей, ихъ храбрости, не знаете, какъ надо съ ними обращаться. Вѣдь это изъ тѣхъ, что повелѣваютъ на Черномъ морѣ, что взяли столько городовъ,

то и то надѣлали Туркамъ», при чемъ онъ перечислилъ различныя обстоятельства. «Они могутъ намъ быть весьма полезны и оказать большія услуги»; подъ конецъ онъ сказалъ, что хочетъ воспользоваться козаками. Потому онъ и приказалъ обращаться съ этимъ козакомъ вѣжливо и ласково, чтобы не было у него недостатка въ вишѣ, ибо Персіянамъ извѣстно, что козаки вышиты любятъ; шахъ велѣлъ также подарить отъ него козаку пятьдесятъ пехиновъ на его удовольствія, въ ожиданіи другого подарка, болѣе значительнаго, когда онъ отправится назадъ». (II, 275—276).

Вообще сочиненіе Де ла Валле, скажу въ заключеніе, заслуживаетъ вниманія Русскихъ по многимъ отношеніямъ.

См. также *Pessina* — *Ucalegon Germaniae, Italiae et Poloniae Hungaria flamma belli Turcici ardens productus a M. Thoma Ioanne Pessina de Czechorod, decano Litomislensi et marchionatus Moraviae historiographo. Pragaе. Typis Universit. in Coll. Soc. Jesu ad S. Clementem. Anno 1663.*

Убѣждая Поляковъ подняться противъ Турокъ, авторъ говоритъ между прочимъ:

«Qua in re utinam quoque Poloni hanc oblatam ultro a Deo immortalі occasionem arriperent, et spe recuperandae Moldaviae, Valachiae et Bessarabiae, quas provincias in clientela regum ipsorum fuisse aliquando constat, nobiscum arma conjungerent, debellari possent penitus (palam in omnes affirmant) expellique Turcae, et a tam diuturna orientalium in Europa partium possessione deturbari. Facilis enim ductu est terrestribus Polonorum copiis via in Thraciam, cum nulla obstacula, nullae arcēs, nulla montium juga sint obvia, ita ut trajecto in Valachiae finibus Istro, per apertos et planos Bulgariae campos ad usque imperii sedem Constantinopolim, irrupere ac ferro et igne terrorem incutere possent. Quod facerent et Russi, quorum maritima arma singulis fere annis omnia Euxini maris infestant littora, intercipiunt navigia, urbes diripiunt, eo saepius deducta re, ut dum vicina Constantinopoleos oppida, eorum gemunt caedibus et collucet incendiis, ille tam formidandus toti orbi tyrannus, a consternata urbe hostiles ignes impune aspicere cogatur.

«Et quamvis ad reprimendas has excursiones novum quoddam

fortalitiū ad Tyram fluvium ante biennium extrui jusserit, jamque opus coeptum fuerit, destinatis ad hoc septem millibus partim operariorum, partim armatorum, qui operarios si quae ingrueret vis, tuerentur: perfici tamen non potuit, propter Kosacos, quorum valida manus collecta sub duce Syrko, novos istos Colonos ingenti ausu agressa fuit, fudit, fugavit, molemque erectam disjecit, ac solo aequavit. Quod utinam et ad ostia Borysthenis Bogumque fecissent» (р. 172 и сл.).

Прилагаю здѣсь также Массудіевское описаніе Каспійскаго похода Руссовъ 914 г.; пользуюсь переводомъ Г. Григорьева. (См. его статью «О древнихъ походахъ Руссовъ на Востокъ» Ж. М. Н. Пр. ч. V, стр. 229—287).

«Руссы состоятъ изъ многихъ различныхъ народовъ и разныхъ вѣтвей; одинъ изъ нихъ называется аль-Людаиетъ. Они ходятъ по своимъ торговымъ дѣламъ въ Испанію, Римъ, Константинополь и къ Хозарамъ¹. Послѣ 300 года Геджры пришло къ нимъ около 500 Русскихъ судовъ, изъ коихъ на каждомъ было по сту человекъ. Вошедъ въ проливъ Нейтуса², который соединяется съ рѣкою Хозарскою³, они встрѣтили тамъ сильный гарнизонъ царя Хозарскаго, поставленный для стражи противъ всякаго непріятеля, который бы могъ придти съ того моря или изъ земли, отдѣляемый рукавомъ моря Хозарскаго, соединяющимся съ моремъ Нейтусъ; ибо въ сію сторону приходятъ для зимовки кочующія орды Турокъ Гузовъ; и такъ какъ вода, текущая изъ рѣки Хозарской въ проливъ Нейтуса,

1. Это мѣсто переведено мною по Спривгеру, у котораго въ слѣдъ за нимъ слѣдуетъ описаніе похода, тогда какъ у Френа эти два мѣста отдѣлены, отъ чего не переведено оно и у г. Григорьева.

2. «Нейтусъ, по друг. списк. *Понтусъ*, отъ Pontus Euxinus, есть названіе, даваемое восточными географами Черному, а иногда и Азовскому морю: впрочемъ послѣднее они называютъ также *Майтусъ* или *Мантусъ*, отъ Palus Maeotides; «но, какъ оба моря соединяются проливомъ», говоритъ Массуди, «то ихъ не для чего и различать особенными именами». См. Voyage d'Abouel-Cassim. Paris. 1828. р. 7. — Зам. г. Григорьева. — У Спрингера: «they passed up the estuary (of the Don) which opens in to the Pontus, and is in communication with the river of the Khazar (Volga)». (р. 416).

3. Рѣкою Хазарскою Массуди здѣсь называетъ Волгу, рѣкою Нейтуса Донъ, который почиталъ рукавомъ Волги. Зам. г. Григ.

иногда замерзаетъ, то Гузы переѣзжаютъ черезъ нее на лошадяхъ. Хотя это и большая рѣка, но она не ломается подъ ними, окрѣпнувъ какъ камень. Такъ переходятъ они въ землю Хозаровъ. Если гарнизонъ, поставленный здѣсь для стереженія ихъ, слабъ, то царь Хозарскій самъ иногда выходитъ противъ нихъ, и заграждая переправу черезъ рѣку по льду, не допускаетъ ихъ вторгаться въ свое государство. Лѣтомъ же Туркамъ не возможно переходить рѣку.

Приплывъ на судахъ своихъ къ Хозарскимъ карауламъ, разставленнымъ при устьѣ пролива, Руссы послали къ царю Хозарскому просить позволенія пройти черезъ его владѣнιά, и рѣкою Волгою спуститься въ море Хозарское, называемое также, какъ мы выше упомянули, моремъ Джорджанскимъ, Табарестанскимъ и именами другихъ Персидскихъ областей, обѣщая ему за это половину добычи, которую возьмутъ отъ другихъ народовъ, обитающихъ у сего моря. Получивъ на то позволеніе, они вошли въ проливъ до устья рѣки и стали подыматься ею вверхъ до рѣки Хозарской, которою прибыли къ городу Итилю. Отъ него, по теченію этой рѣки, достигли до самаго устья, гдѣ она впадаетъ въ море Хозарское. Отъ устья своего до города Итиля рѣка очень велика и полноводна¹. Отсюда Руссы разсыпались по морю въ разныя стороны, выходя на берегъ толпами въ Джилъ², Дейлемъ, Табарестанъ, Абоскунъ (прибрежной области Джорджана) и Нефтяной землѣ³, до самой области Азербайджанской—до моря только три дня пути. Руссы вездѣ проливали кровь, уводили въ плѣнъ женщинъ и дѣтей, расхищали богатства, производили набѣги и предавали все огню и опустошенію.

Всѣ народы, обитавшіе около сего моря, возопили о помощи; ибо съ незапамятныхъ временъ не видывали никакого врага, который бы нападалъ на нихъ съ моря, гдѣ доселѣ плавали только суда купцевъ и рыболововъ. Руссы имѣли частыя

1. У Спрингера: «This is a very large and deep river».

2. Арабское названіе Гилянскій области.

3. Нефтяною Землею называется владѣніе Бакинское, по причинѣ изобилія своего въ ключахъ горной нефти.

битвы съ обитателями Джиля и Дейлема, съ прибрежными жителями Джорджана и съ войсками изъ Бердаи, Аррана, Бейлекана и Адербайджана, бывшими подъ предводительствомъ одного изъ военачальниковъ Ибич-Абу-Эс-Саджа, и доходили до Нефтянаго берега, находящагося въ области Ширванской и извѣстнаго подъ именемъ Баку. Удаляясь отъ береговъ послѣ набѣговъ своихъ, Руссы обыкновенно искали убѣжища на островахъ, отстоявшихъ на нѣсколько миль отъ Нефтяной земли. Государемъ Ширванскимъ былъ тогда Алибенъ-Эль-Гайсемъ. Наконецъ жители тѣхъ странъ вооружились, и, сѣвъ на ладьи и купеческія суда, отправились къ симъ островамъ; но Руссы ударили на нихъ, и нѣсколько тысячъ мусульманъ пало въ битвѣ или потонуло. Много мѣсяцевъ жили Руссы въ семъ морѣ, поступая вышеописаннымъ образомъ, и ни одинъ изъ окрестныхъ народовъ не могъ ничего имъ сдѣлать. Опасаясь ихъ нападенія, все народонаселеніе тѣхъ странъ было на стражѣ; ибо это море кругомъ заселено разными народами.

Награбивъ довольно добычи и плѣнницъ, Руссы отправились обратно къ рѣкѣ Хозарской, и отсюда послали къ царю Хозарскому условленную часть сокровищъ и добычи. Этотъ государь не имѣетъ судовъ, и подданные его неискусны въ мореплаваніи; въ противномъ случаѣ они могли бы нанести мусульманамъ великій вредъ. Аларесія и другіе мусульмане, жившіе въ землѣ Хозарской, узнавъ о томъ, что сдѣлали Руссы, обратились къ государю Хозарскому. «Позволь намъ» — говорили они — «раздѣлаться съ этимъ народомъ: онъ вторгся въ землю братьевъ нашихъ, мусульманъ, проливалъ кровь, и поплѣнилъ ихъ женъ и дѣтей». Царь не въ силахъ былъ удержать ихъ; по крайней мѣрѣ онъ извѣстилъ Руссовъ о враждебныхъ намѣреніяхъ мусульманъ. Сіи послѣдніе, собравъ войско, потянулись внизъ по рѣкѣ, ища непріятели. Завидѣвъ ихъ, Руссы сошли съ судовъ своихъ и стали въ боевой порядокъ противъ мусульманъ, къ которымъ присоединилось также множество христіанъ, жителей города Итиля. Число мусульманъ простиралось до 15,000 вооруженныхъ и на коняхъ. Бой длился три дня сряду; наконецъ Господь ниспослалъ мусульманамъ побѣду. Одни изъ

враговъ были побиты мечемъ, другіе потонули. Только около 3,000 изъ нихъ спаслось, переправившись на судахъ на противную сторону рѣки, смежную съ землею Буртасовъ; здѣсь, оставивъ свои суда, они сошли на сушу; но частию были перебиты Буртасами, частию Булгарами-мусульманами, въ странѣ коихъ искали убѣжища. Число убитыхъ мусульманами на берегахъ рѣки Хазарской, простиралось до 30,000. Съ сего времени Руссы не дѣлали болѣе вторженій».

Никоимъ образомъ не могу согласиться съ тѣми учеными, которые думаютъ, что Руссы, ходившіе грабить Бердау въ 944 г., были Норманны. Для того надо допустить много самыхъ странныхъ предположеній, ни на чемъ не основанныхъ напр. Норманновъ на Руси было великое множество, Норманны знали Волгу лучше Славянъ и суда ихъ годились для плаванія по Волгѣ, Русь была завоевана Норманнами и т. д. Шафарикъ весьма основательно видитъ въ Руссахъ этихъ не Норманновъ, а Славянъ Русскихъ. (Древн. § 27. 9).

Абуль - Феда († 1332 г.) прямо говоритъ: «Въ семь (332 = 943) году *одно изъ поколѣній Руссовъ*, приплывъ на корабляхъ изъ страны своей по морю Каспійскому и рѣкѣ Куру, проникнуло до самаго города Бердаи; овладѣвъ имъ, Руссы предались убійству и грабежу и наконецъ прежнимъ путемъ возвратились во свояси».

Иначе надо допустить, что Норманны на Руси были разныхъ поколѣній; слѣдов. было ихъ великое множество. Принимая же *призваніе* Рюрика, надо непременно признать извѣстный договоръ между призванными Варягами и призвавшими ихъ Славянами и Чудью. Конечно, прежде всего имъ было поставлено на видъ, что надо имъ «въ правду судъ судить», «другу не дружить, недругу не мстить, праваго не обвинить, виноватаго не оправить». Конечно, Рюрикъ и братья пришли не одни, а взяли съ собою своихъ родныхъ и дружицу, но не могли привести съ собою и десятка тысячъ Шведовъ, такъ какъ въ такомъ случаѣ онъ явился бы уже въ призвавшую его страну завоевателемъ и насильникомъ; Славяне и Финны, конечно, не могли равнодушно глядѣть и на приходъ какихъ нибудь 10 тысячъ Шведовъ, которые должны были только увеличить беззаря-

діе. — Но это число слишкомъ мало для того, чтобы Шведы могли ходить на Каспійское море въ 914 и въ 944 г. Однако и этого количества Шведовъ было слишкомъ достаточно для того, чтобы возстановить Славянъ и Чудь противъ призванныхъ ими князей, какъ противъ нарушителей договора, ряда¹. «На чемъ хрестъ еста цѣловала, то управита; не хочета ли того всего исправить, то язъ въ обидѣ не могу быти». (Р. Л. II, 49). Точно также конечно думали и говорили и Славяне IX в.; и тогда, конечно, умѣли они клясться своимъ идоламъ, и тогда, конечно, клялись «меньшии, како стати всѣмъ, любо животъ, любо смерть, за правду Новгородскую, за свою отчину» (Р. Л. III, 55). Въдь то были дѣды тѣхъ, что говорили: «кдѣ Святая Софія, ту и Новгородъ; а и въ мнозѣ Богъ и въ малѣ Богъ и правда». (Р. Л. III, 33), или «у насъ князя цѣтуть, но Богъ и правда и святая Софья» (Р. Л. III, 62).

— «Изъгнаша Варяги за море и не даша имъ дани и почаша сами въ собѣ володѣти, и не бѣ въ нихъ правды, и вѣста родъ на родъ; быша въ нихъ усобицѣ, и воевати почаша сами на ся. Рѣша сами въ себѣ: поищемъ собѣ князя, иже бы володѣлъ нами и судилъ по праву».

Славяне и Чудь, утомленные раздиравшими ихъ усобицами, рѣшились принять *докончанье и любовь, сложились между собою*, поклялись «Русской земли блюсти и быти всимъ за одинъ братъ» (Р. Л. II, 39), «яко не разлучитися имъ ни въ добрѣ ни въ злѣ, но по одному мѣсту быти» (Р. Л. II, 57); «сбидошася братья въкупо однодушно» (Р. Л. II, 37), обѣщались «всѣмъ одинакимъ быти» (Р. Л. III, 34), «будемы всѣ за одинъ мужъ» (Р. Л. II, 30).

Въ слѣдствіе такого ряда или докончанья, они положили или «поговоря промежь себя полюбовно» «излюбили себѣ третьихъ.... и пожаловать тѣмъ нашимъ третьимъ насъ судить и третевать» — они рѣшили призвать себѣ князя «иже бы володѣлъ нами и судилъ по праву».

1. Возстаніе Вадима, весьма вѣроятное, доказываетъ только, что была сторона, не одобрявшая призванія. Но то было меньшинство и слабое. Отъ того и было такъ скоро подавлено его возмущеніе.

«Поищемъ собѣ князя», т. е. излюбимъ собѣ такого, который бы пошелъ къ намъ «на всей правдѣ, на всей старинѣ», который бы поклялся насъ Славянъ и Чудь «держати въ старинѣ, по пошлинѣ, во чти, безъ обиды».

Нѣтъ сомнѣнья Варяги обѣщали Новгородъ и Чудь и Кривичей «держати въ старинѣ, по пошлинѣ, во чти, безъ обиды» — «а намъ мужемъ Новгородцемъ (Чуди и Кривичамъ) княженіе ваше держати честно безъ обиды». Нѣтъ сомнѣнья, такой рядъ съ обѣихъ сторонъ былъ заключенъ *ротою*, присягою, какимъ нибудь заклинаніемъ (сравн. позднѣйш. «А на томъ ти, княже, на всемъ хрестъ цѣловати, бесъ перевода, при нашихъ послѣхъ: а мы ти ся, господине княже, кланяемъ» и пр.) — заклинаніемъ, хоть напр. въ родѣ слѣдующаго, «иже помыслить разрушити таку любовь . . . да не имуть помощи отъ Бога, ни отъ Перуна, да не ущитятся щиты своими, и да посѣчени будутъ мечи своими, отъ стрѣлъ и отъ иного оружья своего, и да будутъ раби въ сесь вѣкъ и будущій», или говорили они, что рядъ ихъ простоятъ крѣпко и неподвижно «дондеже солнце сіяеть и міръ стоять», что нарушенъ онъ будетъ, «оли камень начнетъ плавати, а хмѣль почнетъ топути».

Могли ли Варяги въ страну великую и обильную, такъ добровольно ихъ призвавшую, придти съ большими военными силами? — Зачѣмъ было имъ вооружать противъ себя племена, добровольно ихъ призвавшія? Чего было имъ бояться? Приводя съ собою множество чужеземцевъ, они могли быть увѣрены, что ихъ ожидаетъ. Имъ не могла быть неизвѣстна участь Варяговъ, которыхъ незадолго до того выгнали Славяне за море. Всѣ позднѣйшія событія убѣждаютъ, что Варяговъ пришло въ Русь не великое множество, иначе были бы возстанья, мятежи, на долго бы сохранилась ненависть къ нимъ, тогда какъ не видать и слѣдовъ ея въ Лѣтописцѣ и въ народныхъ преданіяхъ, имъ сохраненныхъ. Память народная неподкупна; народы не скоро прощаютъ насилья завоевателей. Впрочемъ, всѣ ученые замѣчательные и безпристрастные окончательцо и несомнѣнно убѣждены въ справедливости извѣстія о призваніи. Русь не была завоевана. Слѣдов. не могло быть и Норманновъ такое множество, чтобы они могли ходить въ Каспійское море въ 914 и

944 г.¹. — То ходили Славяне, какъ то открывается изъ самыхъ разнообразныхъ и другъ другу постороннихъ соображеній. Наконецъ есть свидѣтельство XIII в., которое прямо говорить, что въ 944 г. грабили Берду — Славяне. Въ своей Сирійской Хроникѣ, Григорій Абуль-Фараджъ, извѣстный болѣе подь именемъ Баръ-Еврея (род. въ 1228 и ум. въ 1286 г. по Р. Х.), говорить: «Въ первое лѣто царствованія Моснакри, 335 (= 944) Геджры, вышли разные народы: Аланы, Славяне и Лазги; они опустошили всю землю до Азербайджана, взяли городъ Бердау, и убивъ въ немъ 20,000 человекъ, ушли назадъ». (Chron. Syriacum p. 189. См. ст. Григорьева. стр. 250).

Участіе въ походѣ Славянъ, Аланъ и Лазговъ и необходимость, въ Руссахъ 944 г., видѣть соплеменниковъ Руссовъ Маскудіевскихъ — могутъ кажется окончательно убѣдить всякаго человека безпристрастнаго, что то были Русскіе Славяне, столь страшные Грекамъ въ XI в., и населявшіе княжество Тмутороканское: Мстиславъ въ 1023 г. ходилъ на Ярослава съ Хозарами и Касогами.

Въ XII в. по Р. Х. или въ VI в. Геджры въ Хорасанѣ, Арранѣ и Ширвани каждый небольшой дворъ имѣлъ при себѣ по нѣскольку поэтовъ-панегиристовъ, единственная обязанность которыхъ состояла въ кропаньи хвалебныхъ стиховъ, обыкновенно исполненныхъ величайшей лести, въ славу и честь *Сельджукидовъ*, *Атабековъ*, *Азербайджанскихъ* и *Ширваншаховъ*. — Въ гимнахъ и мадригалахъ этихъ придворныхъ восточныхъ цитовъ, какъ ни богаты они пустыми, ничего не выражающими фразами, нелѣпыми и вычурными сравненіями, — находятся нѣкоторыя любопытные намеки и данныя, которыми наука не можетъ не дорожить при великой скудости истинныхъ историческихъ свидѣтельствъ о краяхъ, столь мало извѣстныхъ. Такимъ образомъ почтенный ориенталистъ нашъ г. Ханыковъ, счелъ нужнымъ обратить свое вниманье на одного изъ этихъ Персидскихъ стихотворцевъ, именно *Хакани* († въ Тавризѣ ок. 595 г. Геджиры или 1198 г. по Р. Х.), который, не смотря на

1. См. Kunik. Sur l'expédition des Russes normands en 944 vers les pays situés aux bords de la mer Caspienne. S. Pétersbourg. 1847.

свои странствованія и на обширныя связи со многими современными знаменитостями, особенно бѣденъ фактами и чрезмѣрно богатъ пустословіемъ, педантою вычурностью, и забавнымъ самохвальствомъ, въ порывѣ котораго онъ однажды выразился: «500 годъ никого не произвелъ столь несравненнаго, какъ я:» «L'an 500 ne produisit un sans pareil comme moi». — Хакани воспѣвалъ по преимуществу своего современника государя Ахистана, на владѣнія котораго и нападали *Руссы*. Прилагаю при переводѣ г. Ханькова найденныхъ имъ извѣстій Хакани объ этомъ неизвѣстномъ доселѣ происшествіи и слѣдующія замѣчанія нашего ученаго, необходимыя для лучшаго уразумѣнія этихъ мѣстъ.

«Ахистанъ родился въ одинъ годъ съ Хакани, т. е. въ 1106 г. по Р. Х. Вступивъ на престолъ послѣ 30-ти лѣтняго правленія своего отца, онъ утвердилъ свою столицу въ *Баку*, которую онъ старался возвеличить, тогда какъ *Шемаха*, столица *Ширвана* въ собственномъ смыслѣ, находилась во власти Атабековъ Адарбиджапскихъ.... Въ правленіе этого Ахистана Русскіе учинили набѣгъ на владѣнія, находящіяся на западномъ и южномъ берегахъ Каспійскаго моря, и даже на нѣкоторое время успѣли утвердиться въ *Шемахѣ*; но флотъ ихъ, состоявшій изъ 72 судовъ, былъ разсѣянъ при островѣ *Сари* или *Нарецъ* и они были побѣдоносно изгнаны Ширваншахомъ. Хакани ничего не говоритъ о числѣ Русскихъ, участвовавшихъ въ этомъ походѣ, но принимая во вниманье то, что ихъ пашествію подверглось пространство земли, отдѣляющее берегъ Каспійскаго моря отъ Лемберани, надо думать, что они были довольно многочисленны».

По недостатку хронологическихъ вѣрныхъ данныхъ г. Ханьковъ не могъ опредѣлить годъ этого похода на *Шемаху*. «Походъ Русскихъ, упоминаемый у Хакани», говоритъ онъ, «долженъ былъ происходить въ пространствѣ времени, между 530 и 590 г. Геджры или между 1135 и 1193 г. по Р. Х., и отвѣчаетъ въ Русской исторіи княженіямъ 15 великихъ князей. Самое это число князей свидѣтельствуетъ о тогдашнихъ усобицахъ на Руси, такъ что нѣтъ ничего удивительнаго, что происшествіе, надѣлавшее столько шуму во владѣніяхъ Ширваншаховъ, не оставило никакихъ слѣдовъ въ нашихъ лѣтописяхъ;

по крайности Карамзинъ ни слова не говоритъ объ этомъ далекомъ походѣ. Это молчаніе лѣтописцевъ, если они дѣйствительно о томъ умалчиваютъ, чего я не могу повѣрить за неимѣніемъ подъ руками пособій, заставляетъ предполагать, что Русскіе принимали тутъ участіе, какъ союзники Хозаръ, и что то не было правительственнымъ предпріятіемъ, но отчаянною попыткою тѣхъ бѣглыхъ (гулящихъ) Русскихъ людей, что жили между Дономъ и Волгою, и упоминаются въ нашихъ Лѣтописяхъ въ первый разъ подѣ 1147 г., подѣ именемъ *Бродниковъ* или бродягъ (*vagabonds*)».

О побѣдѣ Ахистана надъ Русскими, какъ объ отличнѣйшемъ его подвигѣ, Хакани говоритъ не разъ. Вотъ всѣ эти мѣста, которыя для большей точности привожу во Французскомъ переводѣ г. Хапъкова:

1) «La victoire que tu remportas sur les guerriers *Russes*, devint une ère pour les élevés comme le ciel (с. à d. pour les rois). Tes étendards, d'après (le dire) des témoins produisaient sur les *Russes* l'effet de l'aquilon sur les tiges de la plante *Zeiméran*. Les pointes (de tes flèches) couleur de flamme (envahissantes), comme l'eau, versaient le feu parmi les armées des *divs*. Tu trempas (les flèches) dans le fiel des *Russes*, en leur décochant le javelot muni de plumet (tes flèches), trempé dans l'eau empoisonnée. Une de tes flèches, semblable au prophète *Khizr*, rompit les soixante douze vaisseaux de ces stupides infidèles. Les flèches bifurquées de tes serviteurs, coupaient comme des ciseaux les veines jugulaires des renieurs de la religion. Tes javelots courts cousaient, à l'instar des aiguilles, leurs vésicules à leurs poumons. Ta fortune, abreuvée à la source de *Khizr*, donna du coeur aux (porteurs) des poignards semblables aux crocodiles. Par suite des blessures portées sur les bords de la mer, le sang jaillissait des gorges coupées, et il se forma, sur les bords mêmes de la mer, une mare de sang de ces blondins roux, (mare) semblable à une mer, quand ton carquois montra ses dragons de *Moïse*, à ceux qui, après tout examen, sont des adorateurs du feu¹. A *Roum* même les dragons de tes flèches, empoisonnèrent les aliments du *Qaïssar*».

1. Намекъ на обычай древнихъ Руссовъ сожигать мертвецовъ. См. Слов. Якута. и Frähn-Ibn-Fosslan. Прим. г. Хапъкова.

2) «Souverain au zèle de *Houd* et à l'éloquence de *Nouh*, tu visitas comme une tempête les *Khazars*, et comme un déluge les *Allans*. Tu es craint comme *Malik* (trésorier de l'enfer), et (pour les ennemis) tu as un caractère de *Zabani* (officier de l'enfer); tu fis de *Derbend* un enfer, et tu fis pousser des lamentations à *Chabran*¹ (grâce à toi) le *Chirwan* (i. e. possesseur du lion), si l'on y pense, est devenu *Kheirawan* (i. e. possesseur de la bonté), non, peut-être même, est il devenu *Cherefwan* (i. e. possesseur de la noblesse); tu fis le *Khizwan* (i. e. le *Chirwan*) semblable à *Baghdad* et au *Caire*. En même il est le *Khalif* du *Caire* et de *Baghdad*, et par la largesse de sa main, l'*Euphrate* passe par *Saadoun* et le *Nil* par *Gerdaman*². Tu as vu ses soldats faisant une attaque nocturne contre les *divs Russes* (quand) de l'embuscade de sa colère il lança le lion de *Sistan* (i. e. *Roustem*). Le roulement de ces tambours, dont le son ressemblait aux cris poussés par la gazelle à la vue d'une peau de loup, donna des règles de lièvre aux lions enragés (i. e. aux Russes)³. Tous ces coeurs d'éperviers marchèrent la nuit comme des grues, et comme des *Qata*, expulsèrent les *Simourgles* de leurs nids. Ils les poursuivirent jusqu'à la fin de la nuit, comme la nuit (poursuit) la nouvelle lune dans le collet du ciel (i. e. au haut du ciel) et (toi) à l'instar des sorciers (tu) préparas un lambeau de toile de lin (pour

1. *Chabran*, jadis une forteresse célèbre, maintenant un tas de ruines, dans le district de *Qoubbeh*.

2. *Saadoun*, maintenant nommé *Siadan*, bourg du district de *Qoubbeh*, non loin des ruines de *Chabran*. — *Gerdaman*, canton traversé par le *Girdamantchaï*, dans le gouvernement de *Chémakha*.

3. Beaucoup de personnes m'ont assuré ici qu'un tambourin tendu de peau de mouton n'émet pas de son, étant frappé en présence d'un tambourin tendu de peau de loup; de même les orientaux sont persuadés, ce qui est aussi plus probable, que la gazelle ne peut voir une peau de loup, sans pousser des cris de frayeur. Quant aux règles du lièvre, voilà ce qu'en dit l'*Imam Damiri* auteur du *Heiatoul heiواني-l-Kubra*: «Le lièvre dort les yeux ouverts, très souvent le chasseur s'approche de lui et, le voyant ainsi, le croit éveillé. On dit que le lièvre meurt dès qu'il a vu la mer, et que c'est à cause de cela qu'on ne le trouve pas au bord de la mer; mais ceci, d'après moi, n'est pas exact. Les Arabes, entre autres mensonges, admettent que les *Djins* fuient le lièvre, à cause de ce qu'il a des règles. Quatre sortes d'animaux ont des règles: la femme, la hyène, la chauve-souris et le lièvre. On dit aussi que la chienne a des règles».

leur jeter le sort)¹. Le matin, tu dégainas ton glaive², et tu (le tournas) contre les infidèles, jusqu'à ce que le glaive les couvrit tous de la poussière de l'ignominie. (La planète) Mercure ayant sous lui comme *Bahram Tchoubin* une peau tendue sur du bois (i. e. un tambourin), ton cheval s'élança comme le vent d'automne³. Chacun (de tes soldats) dans sa forteresse de cotte de mailles de bronze était comme un *Isfendiâr*⁴, ils firent sur la mer des dévastations semblables à ceux du *Hest-Khan*. Le lion dégaina son glaive, comme le soleil dans la constellation du Lion, mais les soupirs poussés par les ennemis, changèrent le coeur de l'été en premier mois de l'automne. Le coeur des infidèles fut grêlé de petites véroles grosses comme des grains de raisin, et le sabre du *Yémen*, de couleur de raisin vert, fit de leur sang du vin. Le sabre de couleur bleue étendit sur la mer une couche de garance (mot p. mot mine de gar.) jusqu'à l'île *Rouinas* et jusqu'à *Lembéran*⁵. Sur l'île il fit du sang des *Russes* une mer, et la vague de cette mer ressemblait à une haute montagne; elle dispersa les vaisseaux, et l'on dirait qu'on y avait semé des rubis; on moissona des têtes, et les corps criaient *aman*. La moitié fut tuée, l'autre moitié défaité, s'enfuit, et la mort chassa la chaleur de leurs âmes impuissantes. Afin qu'ils puissent se préparer dans leurs crânes une tisane, l'eau de leurs larmes leur fournit *gratis* le jus d'épine-vinette⁶. Les étendards du

1. D'après le commentaire: les lambeaux de toile de lin servent dans les sorcelleries pour jeter un sort à quelqu'un, on les découpait en croissant.

2. C'est à dire qu'au lever du soleil, on dirait que l'aurore dégaina son glaive, métaphore qui dans les pays chauds ne manque pas de justesse.

3. Ce vers, qui paraît si embrouillé dans la forme de l'original, veut simplement dire, que Mercure protecteur des musiciens, se fit tambour dans l'armée d'*Akhistan*, dont le cheval etc.

4. *Isfendiâr*, fils de *Guechtassib*, tué par *Roustem*, prit des forces les sept endroits du *Mazandéran* dits *Hest-Khan*.

5. L'île *Rouinas* est ou l'île *Narguen*, ou l'île de *Sari*, mais comme la dernière surtout est apte à la culture de la garance, je crois qu'il s'agit ici de *Sari*, d'autant plus que c'est la seule île de cette côté où il y ait des sources d'eau douce et qui pouvait servir de station à la flotille russe. *Lembéran* est un grand village sur la route directe de *Chémakha* ou *Choucha*, à une 15ne de verstes du *Kour*.

6. Ingrédient de la tisane, ou d'une potion calmante, dont *Khaquani* fait souvent mention.

chah qui portent les mots *Inna fatahná* (Qor. Sour. XLVIII. vers. 1), répandirent dans le monde une nouvelle, créatrice de la joie. Il jeta tout autant de poussière sur la tête des *Russes* infidèles, qu'*Alb-Arslan* en jeta sur la tête des habitants de *Roum*. Un ou deux jours, ces *coeurs de chiens* (i. e. sauvages, furieux, féroces) réussirent à commettre dans le *Chirwan* des désordres semblables à ceux d'*Arjeng* dans le *Mazandéran*; (mais) la terreur répandue maintenant par le chah à *Derbend* et en *Russie*, y produisit une commotion pareille à celle que ces coeurs de chiens firent ressentir au *Chirwan*».

3) « Les *Russes* et les *Khazars* fuient, car la mer des *Khazars* éprouva les bienfaits de sa main pleine de perles ».

« . . . ces deux vers, qui me paraissent être bien moins embrouillés que beaucoup d'autres du même poète, n'ont pas fait le même effet sur un commentateur de *Khaquani*, dont le commentaire se trouve copié sur les marges du manuscrit qui m'a servi pour ce travail; voici ce qu'il dit par rapport à ces vers: « *Feiz* répandre l'eau, *Hécher*, soldats, troupes, et par l'expression *Kefi dast djawahir hacher*, on fait allusion à la main de l'objet de la louange, par la considération du glaive *Geuherdar* damassé, qui était dans sa main pendant le combat, c'est à dire: Les *Russes* et les *Khazars* sont en suite, car le bras du loué a versé tant de sang des ennemis dans la mer des *Russes* et des *Khazars*, que l'eau en est devenue rouge, et les habitants de ces deux états ont pris la fuite ». Moi je crois que le verbe qui termine le 2-e *missrà* devrait être mis au singulier et rapporté à la mer, comme je l'ai traduit, et que *Khaqani*, pour conserver son *rédiť*, l'a mis au pluriel et avait embrouillé par cela le sens; des licences pareilles se rencontrent chez lui très souvent ».

4) « *Bakou*, à cause de son existence, exige le tribut des *Khazars*, de *Rei* et des *Zirihguérans* (i. e. des *Qoubetchis*) ».

(См. Bullet. historico-philolog. de l'Acad. des Sciences de St.-Pétersb. T. XIV. № 335 — 336. Lettre de M. Khanykoff à M. Dorn).

— О походѣ Стеньки Разина на Персію сообщаетъ нѣсколько любопытныхъ подробностей знаменитый Французскій путешественникъ Шарденъ. Вотъ какъ онъ рассказываетъ объ этомъ :

« Tandis que ces revolutions se passaient à la cour de Perse, quatre députés y arrivèrent de la part des Cosaques Moscovites qui, deux mois auparavant, avaient fait une irruption furieuse dans la Perse, du côté de l'Hyrcanie, sur les bords de la mer Caspienne; mais avant que de parler de cette irruption, il est bon d'en dire le sujet.

« L'an 1664, selon notre compte, arriva à Ispahan une ambassade célèbre de Moscovie, elle était composée de deux ambassadeurs, dont le train montait à quelques huit cents hommes, et les présens qu'ils firent au roi valaient, par l'appréciation que l'on en fit, cinq mille tomans, qui sont deux cent cinquante mille livres. Ils consistaient en deux carrosses enrichis de broderies très-superbes, des chevaux de frise, avec des animaux de leur pays, comme des renards et des ours blancs et des dogues; mais ce qui en faisait la principale richesse était une quantité prodigieuse de martes zibelines, que les Perses appellent *samour*. Ces ambassadeurs, comme l'on a toujours cru, étaient venus seulement pour trafiquer, et avoir le moyen, sous ce titre d'ambassade, d'apporter et de remporter des marchandises, sans payer de droits. On compte que des seules martes, ils en avaient vendu à Ispahan, pour quatre vingt mille tomans, qui sont quatre millions, sur quoi l'on peut juger du reste. Le roi de Perse cependant les traita magnifiquement d'abord, et il leur donna leur dépense, qui était taxée à dix tomans par jour, c'est à dire cinq cents livres, que ceux-ci aimèrent mieux prendre en argent qu'en vivres, pour en épargner la meilleure partie. Aussi, vivaient-ils très mesquinement, et dans le beau palais où le roi les avait fait loger parmi les riches meubles dont il était garni. Ces gens malpropres étaient dans l'ordure, comme des chiens. C'est pourquoi les Perses tiennent aujourd'hui cette nation de Moscovites pour la plus basse et la plus infâme qui soit entre les chrétiens; et ils les appellent, par mépris, les *Jusbeks* de l'Europe; ils veulent exprimer par là combien ils les estiment peu, parceque les *Jusbeks* sont les peuples les plus abjects de l'orient.

« Le roi, touché de l'infamie de ces ambassadeurs, et qui voyait bien qu'en effet ils n'étaient point envoyés de leur maître pour un autre sujet que pour trafiquer, vendre leurs fourrures et leurs autres denrées, et remporter des étoffes, des cuires, et les autres choses

semblables qui se trouvent en Perse, et surtout de l'argent, les maltraita à la fin, et n'en fit plus de compte. L'un d'eux mourut, et l'autre se retourna avec son train tout délabré, sans aucun honneur, et presque sans aucune réponse.

« Le grand-duc eût bien du ressentiment de cet affront; mais il le dissimula sur l'heure, parce qu'il n'osait s'attaquer à *Habas* (*'Abbás*); mais ayant appris au commencement de l'année 1667, qu'il était mort, et que le sceptre de Perse était tombé entre les mains d'un jeune prince, il résolut de se venger; il voulut toutefois éviter une guerre déclarée; c'est pourquoi, pour donner le coup fourré, et sans qu'il y parût, il suscite des Cosaques qui habitent vers la mer Noire, les fait marcher le long des Palus-Méotides, et ainsi entrer en Perse, sur les côtes de l'Hyrcanie; avec cette précaution, qu'ils se gardassent bien de le nommer, ni d'avouer qu'ils eussent aucune intelligence avec lui. ils devaient feindre que c'était d'eux-mêmes qu'ils venaient à cette entreprise. C'est ce que l'on en contait, et croyait à la cour de Perse.

Les Cosaques ne manquèrent point; ils montent au nombre de six mille, dans quarante grandes barques de la mer Caspie, qui sont des vaisseaux longs et larges, mais sans fonds, pour éviter les rochers dont cette mer est plaine, à deux et trois pieds sous l'eau. Chaque barque portait deux petites pièces de canon. Ils abordent premièrement à *Erech* (*Recht*), petite ville sur la côte de *Guilan* (*Guylán*), ou l'Hyrcanie, en laquelle ils descendent au nombre de quatre mille; et la trouvant sans soldats, et ses habitants qui ne les attendaient pas sans défense, ils la pillent, et après un grand carnage de l'un et de l'autre sexe, ils se retirent en diligence, avec tout leur butin dans leurs vaisseaux qu'ils retirèrent en mer autant qu'il fallait pour empêcher d'être aperçus.

Pour mieux couvrir leur jeu ils envoient quatre des leurs en qualité de députés à la cour, avec des lettres de créance, comme si c'eût été une ambassade. Les gens du gouverneur de *Chamaki* (*Châmâkhy*), les conduisirent à Ispahan, où ils arrivèrent un peu après que la nouvelle de leur irruption y était venue. On les traita assez bien: on leur donna un logis, et on les défraya, comme on a accoutumé de faire pour les autres ambassadeurs. Ils demandèrent l'audience du roi; mais elle leur fut refusée sur ce qu'ils n'étaient

pas de qualité à prétendre à cet honneur, et que même ils paraissaient ennemis. On leur accorda seulement l'audience du premier ministre, ce qu'ils acceptèrent. La, ils représentèrent qu'ils étaient députés de la part de six mille Cosaques leurs compagnons qui étaient sur la mer Caspië; qu'à la vérité ils étaient ci-devant sujets à l'empire des Moscovites; mais que, lassés du mauvais traitement qu'ils en recevaient, ils s'étaient résolus de s'enfuir de leur pays avec leurs enfants et leurs femmes, et ce qu'ils avaient pu emporter de leurs biens; qu'après avoir délibéré sur la retraite qu'ils devaient choisir, la Perse s'était présentée à leur esprit comme la monarchie la plus amie de l'équité, et qui traitait le mieux les esclaves; c'est pourquoi ils avaient fait dessein de lui offrir leur servitude; que dans ce dessein ils étaient partis en Cha-seven pour l'amour du roi, et que maintenant ils espéraient de la générosité de ce grand monarque qu'il écouterait leurs prières, qu'il leur prêterait un asile, et leur donnerait quelques terres pour les habiter¹. Ils présentèrent là-dessus leurs lettres de créance; mais les Perses ne purent jamais les déchiffrer, et y employèrent inutilement les plus habiles interprètes, tant des leurs que des européens, qui se trouvaient à Ispahan

« L'on fut donc contraint de s'en fier à ce que disaient de vive voix ces députés, qui était toujours la même chose que ce qu'ils avaient dit au commencement; à quoi le premier ministre répondit: Si ce que vous assurez est véritable, et que vous soyez venus pour être nos hôtes, et vous rendre esclaves de Sa Majesté, pourquoi êtes-vous entrés en Perse l'épée à la main? pourquoi avez-vous massacré nos sujets, désolé une des nos villes, et ravagé nos terres ?

« Ces Cosaques, pour se justifier, répondirent qu'on les y avait forcés; que, comme ils étaient été venus demander civilement des

1. Русскій выходець, бывшій въ Персіи, Степанъ Ивановъ сынъ Цѣпинъ, показывалъ: «Да слышалъ де онъ Степанъ въ Дербени отъ иноземцовъ, что воровскіе казаки Стенка Разинъ съ товарищи въ Гилянѣ, стоятъ въ стругахъ у берегу, и били челомъ они шаху и обѣщалися ему служить, и шахъ де ихъ принялъ и учинилъ имъ корму всеѣмъ вопче по двѣсти рублевъ на день; да они жъ де казаки просятъ у шаха мѣста, гдѣ бъ имъ поставить себѣ городокъ; а сказываютъ де иноземцы, что ихъ воровскихъ казаковъ всего съ нимъ Стенкою стоитъ подъ Гилянью съ двѣ тысячи человекъ». (А. И. IV, с. 390).

vivres pour leur argent, ceux de la ville, oubliant le droit d'hospitalité et la commisération qu'on doit avoir pour les étrangers, leur avaient couru sus, et les avaient maltraités; que la nécessité de se défendre devait excuser les Cosaques s'ils avaient cherché par les armes ce qu'ils n'avaient pu obtenir par les prières.

« Dans le temps que l'on traitait avec ces députés, arriva un envoyé des *Orous*, c'est-à-dire *du grand duc de Moscovie* (je crois que les Perses donnent ce nom à ses états à cause de la Russie qui en fait une partie), cet envoyé présenta des lettres de la part de son maître au roi de Perse, qui portaient qu'*ayant appris qu'un nombre de Cosaques ses sujets avaient quitté leurs terres pour se soustraire de son obéissance, et qu'ils voulaient se réfugier en Perse; il pria Sa Majesté de ne les pas recevoir et de n'ajouter aucune foi à toutes leurs propositions; que c'étaient des rebelles et des fugitifs, qui ne garderaient fidélité à personne, puisqu'ils ne la gardaient pas à leur prince naturel; qu'il disposait des troupes pour les réduire à la raison et les mettre dans le devoir.* Mais, si ce prince exhortait les Perses de ne se fier pas à ces Cosaques, ils étaient assez persuadés qu'ils ne devaient pas non plus se fier à lui, parce qu'on a toujours cru en cette cour-là qu'il était d'intelligence avec ces voleurs, et la raison sur quoi cette créance était fondée avait assez d'apparence: car, comment est-il possible, disaient les politiques, que des fugitifs au nombre de cinq à six mille viennent dans un pays avec quarante barques et quatre-vingts pièces d'artillerie, pourvus de toutes sortes de munitions et de guerre et de bouche, et que d'abord ils se jettent à main armée sur nos terres? N'est il pas aisé de voir que c'est le grand duc de Moscovie qui les envoie pour se venger des affronts qu'il se persuade que ses ambassadeurs ont reçus».

(См. Voyages du chevalier Chardin en Perse et autres lieux de l'orient. Nouvelle édition, soigneusem. conferée sur les trois édit. origin., augmentée d'une Notice de la Perse etc. par M. Langlès. Paris. 1811. T. X. pp. 112—120, См. также Dorn. Auszüge aus Muh. Schriftstellern... St.-Petersburg. 1858. Ss. 25—26, 39—44, и Попова Исторія возмущенія Стеньки Разина, въ Р. Бес. 1857, I, стр. 81 и сл.).

VII. Еще доступнѣе была Малая Азія Русскимъ черезъ Черное море.

Въ долгій періодъ времени X — XVI в., послѣ походовъ Руссовъ на берега М. Азіи и до Козацкихъ походовъ на Синопъ, Трапезонтъ, Русскіе безъ сомнѣнія не прерывали своихъ сношеній съ М. Азіею, которыя носили только мирный хакактерь. Въ томъ убѣждаютъ насъ хожденія паломниковъ, непрерывныя сношенія съ Сербами, Болгарами, Цареградомъ, въ XIII в. съ Никеею, бытность въ М. Азіи Славянскихъ поселеній, торговыя связи, сначала черезъ *Гречниковъ*, а потомъ *Сурожанъ*, морскія силы Козаковъ и ихъ ловкость, заставляющая предполагать давнюю въ нихъ привычку къ морю и видѣть въ нихъ не прямыхъ и не непосредственныхъ наслѣдниковъ Руссамъ X в., по крайности въ отношеніи искусства плаванія по Черному морю. Въ исторіи Славянской стихіи въ М. Азіи, нельзя упустить изъ виду того обстоятельства, что въ XVI и XVII стол. Русскихъ бывало много въ М. Азіи въ качествѣ плѣнниковъ, рабовъ и слугъ. Такъ Бопланъ даетъ намъ знать, про Татаръ Крымскихъ, что «они нерѣдко, въ числѣ 80,000 всадниковъ, вторгаются въ Польшу и Московію, жгутъ, грабятъ, уводятъ въ плѣнъ отъ 50 до 60,000 тысячъ Россіянь и продаютъ ихъ въ неволю¹». —

1. Опис. Украины (Русск. пер.). С. 36. Въ Малороссійской народной поэзіи понинѣ сохранилось много думъ о Татарской и Турецкой неволѣ. Вотъ напр. начало думы о Марусѣ Богуславкѣ:

«Що на Черному морѣ,
На камени бѣленькому,
Тамъ стояла темниця камяная.

Що у той то темницѣ пробувало сѣмъ-сотъ козаковъ,
Бѣдныхъ невольниковъ».

Немало Русскихъ людей перетомилось въ тяжелой Турецкой неволѣ, въ Турецкихъ бусурманскихъ каторгахъ. Немало предковъ нашихъ кляло, проклинали тамъ землю Турецкую, вѣру бусурманскую.

«Ты, земле Турецька, вѣро бусурманьска,
Ты розлуко християньска!

Не одного ты разлучила зъ отцемъ, зъ матѣрюю,
Або брата зъ сестрою,
Або мужа зъ вѣрною женою!»

Одна изъ превосходнѣйшихъ Малороссійскихъ думъ съ чистымъ эпическимъ характеромъ. дума о Самойлѣ Кушкѣ, относится къ тому же разряду невольничьихъ думъ.

Въ столицѣ Крыма и мѣстопребываніи Турецкаго губернатора въ Кафѣ, гдѣ Татарь жило мало, а все больше христіане, Бо-

Въ славномъ походѣ своемъ гетманъ Богданко Ружный освободилъ много плѣнниковъ въ городахъ Малороссійскихъ. Выкупъ ихъ въ Малороссіи былъ дѣломъ святымъ. Были Русскіе и въ Константинополь, при чемъ, конечно, многіе и бусурманились. Такъ возвратившійся въ Кіевъ въ 1674 г. изъ Турціи купецъ Греченинъ Янъ Павловъ показывалъ между прочимъ: «о званіи (въ Цареградѣ) наша спрашивалъ, какъ у Соенъ званіе было, и въ то же время стоялъ на караулѣ у Соенской церкви, у дверей, сторожъ былъ, *обусурманился Русской человекъ*». (Син. Сб. Мал. Д. 1673—1674 г. С. 156 и сл.). Плѣнники Русскіе проживали не только въ Малой Азіи, но и на островахъ Греческихъ, и въ Неаполь, и въ Мальтѣ, и въ Венеціи. Юрій Трубецкой, воевода Московскій въ Кіевѣ, доносилъ въ Москву въ 1674 г., что 10 іюня пришли въ Кіевъ выходцы все плѣнники Турецкіе; кто пробылъ изъ нихъ 10, кто 37 лѣтъ въ неволѣ Турецкой. Ивашко Антоновъ, Уманскій козакъ, показывалъ: «взять же онъ въ полонъ тому шестнадцать лѣтъ, а взяли его Татаровя и продали Туркомъ на катаргу; *а изъ Турской ушелъ тому 7 годѣ въ Венеційскую землю, а изъ Венеційской земли пришелъ въ Польшу тому шесть недѣль*». (Тамъ же. С. 164). Другой, взятый въ плѣнъ Татарами и проданный Тургамъ, прожилъ у нихъ 10 лѣтъ, «а ушелъ изъ Турской земли въ Венеційскую землю тому 6 годѣ, а изъ Венеційской земли пришелъ въ Польшу тому шесть недѣль». (С. 169). — Борисъ Петровичъ Шереметевъ, на обратномъ пути своемъ изъ Мальты, будучи въ Венеціи, 1698 г., отпустилъ въ Москву маршалка своего Алексея Курбатова, «а съ нимъ послалъ двухъ Араповъ, *трехъ невольниковъ Малороссійскихъ городовъ, искупленныхъ въ Мальтѣ и въ Неаполь, и часть своего багажу*». (Зап. Путеш. Гр. Б. Ш. Шереметева... М. 1773. С. 86). В. Г. Барскій рассказываетъ, что въ 1743 г., въ бытность его на островѣ Хіосѣ, «многи убо отъ невольникъ и невольницъ Россійскихъ приходящи ко мнѣ, моляху со слезами, да исходатайствую освобожденіе ихъ отъ плѣщенія; азъ же съ великою радостію обѣщавъ просимое имъ сотворити и донести о семъ господину резиденту въ Цареградѣ и, утѣшивъ ихъ благою надеждою, списавъ же и имена ихъ, ихъ же бѣ душъ близъ четыредесяти, такжеже имена и обладателей Турковъ, Грековъ и Евреевъ». (II, 84). Вопросъ о невольникахъ Русскихъ вовсе не такъ незначителенъ, какъ то можетъ казаться съ перваго взгляда; подробно изслѣдованный, предметъ этотъ можетъ повести къ новымъ, любопытнымъ соображеніямъ. Ворочаясь на родину, бывшіе плѣнники приносили съ собою множество новыхъ рассказовъ, новыя свѣдѣнія, новые обычаи. Въ свою очередь они могли имѣть вліяніе и на страну своего плѣна. Вспомнимъ, то былъ одинъ изъ путей распространенія христіанства. Могло статься и дѣйствительно бывало, что плѣнники одного языка собирались въ извѣстной странѣ въ такомъ множествѣ, что образовывали какъ бы особую колонію. Сносясь съ свободными своими земляками, они возбуждали въ нихъ жалость и мщеніе и такимъ образомъ притягивали и наводили опасныхъ враговъ своимъ повелителямъ. Приобрѣтенію нами Крыма едва ли не способствовало это обстоятельство. Козаки въ своихъ походахъ руководились не однимъ желаніемъ пограбить, но и местию за братьевъ своихъ христіанскихъ невольниковъ и благороднымъ намѣреніемъ освободить ихъ изъ плѣна. Выходецъ Рязанецъ Степанъ Ивановъ сынъ Цѣпинъ явился въ 1668 г. въ При-

планъ же насчитывалъ болѣе 30 тысячъ невольниковъ, замѣчая, что они составляютъ прислугу христіанъ, которые скушаютъ у Крымцевъ военнопленныхъ изъ Польши и Россіи. Мартынъ Броневій де Биездэфедеа, два раза посѣтившій Крымъ, и описавшій свое путешествіе въ 1579 г., между другими любопытными извѣстіями передалъ намъ также, въ главѣ объ образѣ жизни Крымскихъ Татаръ, и то, что помѣстья Татарскія обрабатываются были многочисленными пашниками Русскими и Молдавскими. ¹

казную Палату и показалъ: «служилъ рейтарскую службу въ полку съ бояриномъ и воеводою съ Васильемъ Шереметевымъ съ товарищи; въ Запорогахъ подъ Чюднымъ городкомъ полоненъ былъ Крымскими Татарами, которые продали его въ Турскую землю, въ городъ Девренъ, а тотъ де городъ отъ Царягорода двинца за два; и жилъ де онъ въ томъ городѣ у янычелина года съ два, и изъ того города бѣгаючи, жилъ въ разныхъ земляхъ, въ Трухменской и въ Аранской да въ Юргенской года съ три, и изъ Юргенской де земли вышелъ назадъ въ Турскую землю, къ прежнему своему хозяину, въ Девренъ городъ; и хозяинъ де его продалъ въ Турской же городъ Аванъ, владѣльцу Алѣю Пашѣ, а тотъ де городъ близко Кизылбашской земли; и жилъ де онъ въ томъ городѣ года съ два и болши, и бѣжалъ въ Кизылбашскую землю въ городъ Куты, а изъ того города шелъ Шаховою землею, мимо Терзія да Аревана да Енжея городовъ, и пришелъ въ Шемаху въ нынѣшнемъ во 176 г. декабря въ 6 день и зимовалъ въ Шемахѣ; а изъ Шемахи де отпущенъ онъ съ Астараханцомъ съ Ондреемъ и пріѣхалъ съ нимъ въ Тарки, а изъ Тарковъ пріѣхалъ въ Астараханъ съ Тарковскими торговыми людьми въ стругахъ, а Ондрей де Третьековъ поѣхалъ степью на Тергъ». (А. И. IV, с. 390).

1. Martini Broniovii de Biezdfedea Stephani I Poloniae regis nomine bis in Tartariam legati Descriptio Tartariae.... (Schwandtner. Ser. rer. Hung. I, 804) «...etsi pagos plurimi (nobiliores) non possident, attamen agros et fundos proprios ibi habent, quos Vngarorum, Russorum, Moschorum, Valachorum seu Moldavorum mancipiis, quibus abundant, colunt ac ut jumentis ad opus omne utuntur. Aedificia et domus ligneis similes admodum, Turcico more aedificant, verum Graeci christiani, qui in paucis villis sunt, ut mancipia operantur et agros colunt». Торговля развита мало, «mechanicas autem artes rarissimi exercent et quicumque mercatores et artifices ibi reperiuntur, vel christianorum mancipia, vel Turcae, Armeni, Judaei, Cercasii Petigorenses, qui christiani sunt, Philistini vel Cyngani, obscurae vel extremae conditionis homines sunt». Также любопытна, особенно въ связи съ невольничьими пѣснями. глава 45-я: «Captivorum apud Tartaros ratio et redimentorum modus». Невольниковъ часто продавали за море. При описаніи Кафы между прочимъ читаемъ: «Capham non raro navigatur, ex universis vicinioribus et remotioribus Graeciae insulis, saepius vero ex urbe Constantinopoli, nam secundo vento, duorum tantum dierum spatio vel paulo amplius navibus eo veniunt». При описаніи Корсуня вспоминаетъ о всл. кн. Владимірѣ, о взятіи имъ Корсуня и о возвращеніи его Грекамъ. «Quod et in hodiernum usque diem, in locis iisdem a christianis Graecis, quorum obscurae

По Боплану Кафа вела обширную торговлю съ Константинополемъ, Трапезонтомъ, Синопомъ и другими городами Чернаго моря, Архипелага. Конечно, рабы и слѣдовательно — Русскіе были не послѣднею статьею отпуска. Кромѣ Татаръ, и Турки уводили много Русскихъ въ плѣнь. Въ 1641 г. Мясковскій, посланникъ Польскій въ Константинополь, доносилъ Владиславу IV, что по словамъ Грековъ и Турокъ: число плѣнниковъ Польскихъ (слѣд. главнѣйше Русскихъ) въ Турціи простиралось до 150 тысячъ человѣкъ.

VIII. По разсмотрѣніи всѣхъ этихъ обстоятельствъ касательно стихіи Славянской въ М. Азіи съ VII в., по настоящее время включительно читатель, надѣюсь, не затруднится предпочесть отвѣтъ положительный на вопросъ — была ли непрерывность въ исторіи Славянской стихіи въ М. Азіи? Дѣйствительно въ долгой періодъ 12-ти вѣковъ стихія Славянская въ М. Азіи, хотя и пережила различныя фазы и подвергалась различнымъ превратностямъ, тѣмъ не менѣе съ VII в. продержалась до настоящаго времени, когда съ наступленіемъ новыхъ, лучшихъ временъ для всего міра Славянскаго, она вступить, быть можетъ, въ новый періодъ и съ теченіемъ времени, развиваясь все болѣе и болѣе, послужитъ безъ сомнѣнія однимъ изъ главнѣйшихъ элементовъ, имѣющихъ возродить къ новой, лучшей и разнообразной жизни эту богатую страну, способную къ развитію самой высшей человѣческой культуры.

et parvae admodum reliquiae supersunt, praedicatur» (р. 820—821). См. Сказаніе свѣт. Іакова, бывшаго въ Крыму въ 1634—1635 г. съ Русскимъ посланникомъ Борисомъ Дворениновымъ — «и придохъ во градъ (Инь) и внидохъ въ пещеру къ Русскому полоненику, къ Максимку Иванову Новосилцу, а тотъ Максимъ живетъ въ полоу тридцать два года». (Зап. Од. Общ. Ист. и Древн. I, с. 889). Отслуживъ панихиду и приложившись къ мощамъ неизвѣстнаго свѣтаго, наши Русскіе вернулись домой. «И созвавше Гречанъ и полонениковъ Рускихъ, которые живутъ лѣтъ по сороку и начахомъ спрашивати про мощи, и многіе Гречане сказали: «мы де господине того не вѣдаемъ». . . . Да Бѣлоруссець, полоненикъ, зовомый Василій Хромой, сказалъ: «миѣ де здѣся въ городкѣ сорокъ лѣтъ» (с. 689). Они хотѣли взять мощи съ собою въ Русь, но услышали отъ свѣтаго слѣдующія слова: «мните, о друзи, взяти мощи моя на Русь, а язъ убо хошу по прежнему здѣ учинити Русь, а имя ми и память моя бываетъ въ Семеновъ день» (с. 690—691).

Время теперь перейти намъ къ разсмотрѣнію вопроса, представившагося намъ еще въ началѣ книги и вылившагося тогда въ слѣдующую форму: были ли Славянскія поселенія въ Малой Азіи и до VII в. и до 664 г.; т. е. поселеніе Славянъ въ Азіи въ 664 г. по Р. Х., случайно занесенное въ Лѣтопись Византіяцами, есть ли первое поселеніе Славянъ въ Азіи?»

Византіійскій лѣтописецъ Теофанъ подъ 664 г. рассказываетъ, что вождь Сарацынъ Абдуррахманъ вступилъ съ большими силами во владѣнія Римскія, провелъ въ нихъ зиму и опустошилъ многія провинціи. При семъ, говоритъ тотъ же лѣтописецъ, Славяне (*οἱ Σχλαβῖνοι*), числомъ до 5,000 человекъ, присоединились къ нему, пошли съ нимъ въ Сирію, и поселились въ области Апамейской, въ селенія Скевокоболъ.

Вотъ первое, доселѣ найденное, извѣстье о Славянахъ въ Азіи! Не скажу нужда, но есть ли даже возможность заключать изъ него, чтобы 5 тысячъ Славянъ, перешедшихъ къ Арабамъ и поселившихся въ Сиріи, только въ 664 г. явились въ Азіи? Напротивъ, гораздо вѣроятнѣе, что они были уже въ Азіи и до 664 г. По всей вѣроятности, Теофану уже было что нибудь извѣстно о Славянахъ въ М. Азіи; иначе онъ бы не упомянулъ о нихъ такъ случайно, мимоходомъ.

Въ самомъ дѣлѣ почему Славянъ въ М. Азіи не могло быть и въ VI в.?

При Юстиніанѣ (527 — 565) Славяне, по словамъ Прокція, почти ежегодно переходятъ Дунай и врываются во владѣнія Римской Имперіи, почти всѣ земли отъ Ионическаго залива до предмѣстій Византіи подвергаются ихъ опустошительнымъ походамъ. Годы 527, 530, 533, 534, 546, 547, 549, 550, 551, 552, 559 и проч., всѣ ознаменованы битвами ихъ съ Греками, ихъ пораженіями, чаще побѣдами и грабежами.

Незабвенный Шафарикъ нашъ ясными и неопровержимыми доводами доказалъ, что «тихое, спокойное распространеніе и утвержденіе Славянскихъ поколѣній въ опустѣвшихъ земляхъ обѣихъ Мизій начались, съ согласія Греческаго правительства, въ концѣ V го, и продолжались въ теченіи всего VI-го стол.,

гдѣ нарочно поселяемы были также и Славяне, захваченные въ плѣнъ на войнѣ¹».

Въ VI в. исторія уже застаётъ многихъ Славянъ христіанами, и даже занимающими въ имперіи высокія государственныя должности; одинъ же изъ нихъ, уроженецъ *Ведеріаны*, что въ верхней Македоніи, близъ нынѣшняго города Кёстендила, сынъ *Истока* и *Вигленицы*, *Управда* достигъ даже престола, на коемъ былъ извѣстенъ подъ именемъ Юстиніана I.

Почему не могло быть Славянъ въ М. Азіи и въ VI в.? Почему императоры не могли переселять туда Славянъ въ VI в., какъ переселяли ихъ туда въ VII и въ слѣдующіе вѣка? Отъ чего Славяне не могли переселяться въ М. Азію и въ VI в., какъ селились они въ VII и въ VIII в.? Вѣдь мы встрѣчаемся въ Азіи съ отдѣльными личностями Славянскими еще въ VI в. Такъ въ 555—6 г. природные Анты, слѣдов. Славяне Доброгость и Всегордъ предводительствуютъ Греческимъ войскомъ противъ Персовъ. Доброгость начальствуетъ надъ флотомъ. Весьма вѣроятно, что Греки вручили этимъ Славянамъ начальство потому, что войско и флотъ состояли главнѣйше изъ ихъ единоплеменниковъ.

Зная давнишнія поселенія Славянъ по Дунаю и отношенія ихъ къ Атилѣ и къ Гуннамъ, мы рѣшительно отказываемся отъ той мысли, что Славяне стали переходить Дунай и селиться въ имперіи только въ концѣ V в. Въ 441 г. Атила, въ нѣсколько сраженій разбившій Грековъ, опустошилъ Фракію и Македонію, все пространство отъ Еллиспонта до Оермопиль и предмѣстій Цареградскихъ².

Славяне могли проникать черезъ Дунай въ Забалканскіи

1. Слав. Др. § 29. 2. Р. пер. т. II, кн. 1, с. 255 и сл. Въ Слав. перев. Манассіи, при описаніи царств. Анастасія читаемъ: «При Анастасіи при началѣхъ Българе поемати зема сѣж, прѣшедше в Бъдынѣ и прежде нача^{III} поемати долнаж зема Охридскаж и потомъ сиа зема вьса». Анастасій же царствовалъ съ 491 до 518 г. См. «О переводѣ Манассіинной Лѣтописи на Словенскій языкъ, по двумъ спискамъ: Ватик. и Патр. б-ки съ очеркомъ исторіи Болгаръ». М. 1842. С. 39. См. также статью Шафарика: *Wyklad některých pomístných jmen u Bulharůw* въ *Časop. Česk. Mus.* 1847. S. 72 и сл.

2. *Septuaginta civitates* (говоритъ Просперъ Тиронъ) *depraedatione vastatae. A Marcellinō: Pene totam Europam, invasis excisisque civitatibus atque castellis, conrasit.* См. Gibbon.

полуостровъ не только съ Гуннами, но и съ Готами; впрочемъ на послѣднемъ предположеніи не останавливаюсь, какъ оно ни вѣроятно, потому что въ оправданіе свое оно требуетъ слишкомъ продолжительныхъ объясненій.

«По мнозѣхъ же времянѣхъ *спли суть Словѣни по Дунаеви, гдѣ есть нынѣ Угорьска земля и Боларьска*. Отъ тѣхъ Словѣнъ разидошася по землѣ и прозвашася имены своими, гдѣ сѣдше на которомъ мѣстѣ; яко пришедше сѣдоша на рѣцѣ имянемъ Морава и прозвашася Морава; а се ти же Словѣни Хровате Бѣли, и Серебь, и Хорутане. Волхомъ бо нашедшемъ на Словѣни на Дунайскія, сѣдшемъ въ нихъ и населящемъ имъ, Словѣни же ови пришедше сѣдоша на Вислѣ и прозвашася Ляхове» и т. д.

Извѣстіе Нестора, сохранившее древнее народное преданіе о стародавности Славянскихъ поселеній на Дунаѣ, въ земляхъ, называвшихся во времена Нестора *Угорскою* и *Болгарскою*, указываетъ на возможность отдѣльныхъ Славянскихъ поселеній посреди народовъ Эракійскихъ и весьма дѣлаетъ вѣроятною догадку Шафарика о томъ, что по изгнаніи Славянъ изъ нынѣшней Угрии Кельтами, нѣкоторыя вѣтви ихъ, удалившись въ глубину Эракіи и Иллиріи, долго въ тамошнихъ неприступныхъ горахъ сохраняли свою народность (§ 11. 11).

Соображая не только возможную, но и весьма вѣроятную давность поселеній Славянскихъ на Балканскомъ полуостровѣ, еще болѣе природу страны, какъ бы служащей продолженіемъ М. Азіи, этого Азіатскаго моста цивилизацій, по выраженію Риттера, а также всегдашнее и постоянное тяготѣніе народовъ Европейскихъ къ Азіи, своей прародинѣ, никогда не переставшей дѣйствовать на народы какъ-то особенно обаятельно, соображая все это, мы рѣшительно отказываемся отъ возможности указать на время, когда въ первый разъ могли явиться Славянскія поселенія въ М. Азіи, и не видимъ причины предполагать, чтобы они не могли появиться въ ней весьма задолго до VII в. по Р. X. ¹.

1. Я разумью здѣсь Черноморскій берегъ Малой Азіи, какъ *издревле* доступный Славянамъ. Природа страны была причиною, что Черноморскій берегъ Малой Азіи и восточная часть Балканскаго полуострова были издревле населены народомъ одноплеменнымъ. Иродотъ говоритъ: *Ἐρηχες δὲ διαβύτες μὲν ἐς τὴν Ἀσίην*

Вспомнимъ, что въ VI в. по словамъ Прокопія (552 г.) и Иорнанда (ок. 552 г.) могущественный и многочисленный народъ Славянскій, Анты, жилъ на Понтѣ между Днѣстромъ и Днѣпромъ.

Въ этихъ же мѣстахъ жили они и въ IV в. по Р. Х., а во II в., какъ видно изъ словъ Плинія, нѣкоторыя Славянскія вѣтви (Сербы) жили по Дону, который въ древнемъ Скандинавскомъ сказаніи называется рѣкою Славянскою «Wanaquisl».

Чтобы по возможности удовлетворительно отвѣчать на вопросъ — была ли доступна М. Азія этимъ Славянамъ за долго до IX—X в., какъ была она доступна потомкамъ ихъ Русскимъ Славянамъ въ пройденный уже нами періодъ времени IX—XVII в., чтобы, повторяю, отвѣчать на этотъ вопросъ какъ можно удовлетворительнѣе, мы прежде, чѣмъ разсмотримъ и переберемъ въ своей памяти всѣ относящіяся сюда свѣдѣнія и соображенія, постараемся указать на неправильность нѣкоторыхъ мнѣній о характерѣ Славянъ Русскихъ.

IX. Къ сожалѣнію еще по недавнее время раздавались голоса, отрицающіе почти всякую способность движенія и дѣятельности въ Славянахъ Русскихъ до Варяговъ. Это какъ бы послѣдніе отголоски и остатки нѣкогда весьма сильнаго и много-распространеннаго воззрѣнія на древнихъ Славянъ, пущеннаго въ оборотъ Гебгарди и другими авторами, которые вообще не

ἐκλήθησαν Βαβυλῶν (7, 73). Нужно помнить слѣдующія слова глубокомысленнаго К. Риттера: «старый свѣтъ открылъ обширный театръ для исторіи отъ востока до запада, а въ этомъ направленіи, сообразно съ распредѣленіемъ пространствъ и климатическимъ единствомъ, изъ корня стараго свѣта, въ теченіи историческихъ тысячелѣтій и еще ранѣе, развилась большая система миграцій народовъ и ихъ цивилизацій и культуръ отъ востока къ западу. Но такъ какъ всегда, въ началѣ и концѣ существованій, воспоминанія и символы временъ прошедшихъ, также какъ и прежнихъ отечествъ очень живо дѣйствуютъ, то западу земнаго шара, отъ его юности и дѣтства, осталось воспоминаніе о востокѣ и стремленіе къ нему, и такія то воспоминанія пробуждаютъ въ насъ надежду на будущее, которое вообще можетъ быть только развитіемъ прошедшаго» (Землевѣдѣніе Азіи. К. Риттера. Перев. П. Семенова. Ч. I. С. 105). Нѣтъ сомнѣнья, что въ IV в. до Р. Х. воспоминанія Кельтовъ объ Азіи были еще весьма свѣжи, почему и весьма вѣроятно, что онѣ были однимъ изъ главнѣйшихъ побужденій переселенія въ Малую Азію 20 тысячъ Кельтовъ, подъ именами Толистобоевъ, Трокмовъ и Тектосаговъ.

отличались особеннымъ безпристрастіемъ взгляда на Славянъ. Строго и рѣзко, но не несправедливо, отозвался однажды Шафарикъ о такомъ возрѣніи, по которому — «холопство и рабство, подданство и невольничество были вѣчнымъ удѣломъ Славянъ». «Къ великому нашему счастью, замѣчаетъ Шафарикъ, источники исторіи древнихъ Славянъ представляютъ намъ совершенно противное, а потому, если бы кто рѣшился, во что бы то ни стало, приписывать всю эту безстыдную ложь и хитрыя клеветы народу великому и занимающему отличное мѣсто въ исторіи человечества, тотъ долженъ бы прежде всего, для избѣжанія улики въ обманѣ и напраслині, истребить всѣ упомянутые источники, чего разумѣется никогда не удастся ему. Пока будутъ эти источники, до тѣхъ поръ, надѣмся, будутъ и мужи, которые, безъ всякаго предубѣжденія, станутъ черпать правду и смѣло защищать ее отъ клеветъ пристрастныхъ и безсовѣстныхъ писаекъ, когда бы и гдѣ бы они ни явились»¹.

Нѣкоторые, рисуя себѣ Славянъ совершенно невоинственными, народомъ, легко гнувшимъ шею и равнодушнымъ къ рабству, и безмѣрно возвышая доблести Варяговъ, полагали даже возможнымъ найти подтвержденіе своихъ словъ въ мнѣніи Шафарика о характерѣ древнихъ Славянъ.

Желая какъ бы отличить Славянъ отъ Норманновъ, они называли первыхъ *Naturvolk* омъ. Вѣроятно это значитъ то же, «что народъ, живущій въ простотѣ родового быта».

1. Слав. Древн. Русск. перев. т. I, кн. 1, с. 417—418. Здѣсь же Шафарикъ сдѣлалъ слѣдующее примѣчаніе, которое хотя и писано 20 лѣтъ тому назадъ, но къ сожалѣнію понынѣ не утратило своей цѣнности. «Ученіе это сдѣлалось лозунгомъ новѣйшихъ Русскихъ писателей, прожужжавшихъ и намъ и себѣ уши о древнемъ нашемъ варварствѣ. Имъ, какъ основой своего вѣрованія, хотятъ они воспламенить въ народѣ своемъ любовь къ Славянскимъ древностямъ (исторіи) языку и словесности, возбудить къ себѣ довѣріе и утвердить въ немъ чувство, самобытности. На этомъ ученіи (потому что въ области наукъ все связано тѣснѣйшими узами родства) хотятъ они основать народное ученіе и славу». Узкое и вполне ложное направленіе, обличающее всю незрѣлость нашей образованности, — видѣть и искать въ древней Руси одинъ только темныя стороны, встрѣтило, слава Богу, въ послѣднее время въ ученой литературѣ нашей смѣлый и сильный протестъ. Мнѣ пріятно здѣсь особенно указать на превосходный разборъ соч. г. Чичерина, напис. многуважаемымъ, почтеннымъ юристомъ нашимъ Н. В. Калачовымъ, на ст. гг. Бѣляевыхъ, Самарина, Аксакова, Хомякова, на соч. г. Лешкова, Кастомарова, Щапова...

Историкъ не идиликъ; рисовать себѣ древнихъ Славянъ онъ можетъ только двояко: или то былъ народъ грубый, мало развитый умственно, но сильный, здоровый, бодрый, любящій законъ отецъ своихъ, всегда готовый постоять за свою свободу, за свои старые обычаи, за свою родину; или же то былъ народъ слабый, забитый, задавленный, повитый въ рабствѣ, слѣдовательно трусливый, подлый, хитрый, коварный.

Если Славяне, какъ говорятъ, были *Naturvolk*, если они жили въ необузданной анархіи (*zügellose Anarchie*), то конечно справедливъ первый взглядъ о Славянахъ и несправедливъ второй. Тогда какимъ же образомъ можно замѣчать, что Шведы гонялись и охотились (*Jagd machten*) за Финнами, Литовцами и восточными Славянами? Славянъ было больше Шведовъ и они не спускали имъ, какъ то извѣстно изъ лѣтописей и какъ слѣдуетъ предполагать согласно всѣмъ извѣстіямъ о характерѣ древнихъ Славянъ: 1) «изъгнаша Варяги за море и не даша имъ дани и почаша сами въ собѣ володѣти». 2) «Варязи бяху мнози у Ярослава, и насилье творяху Новгородцемъ и женамъ ихъ. Вставше Новгородци избиха Варягы во дворѣ Поромони, и разгнѣвася Ярославъ».

Положимъ даже наконецъ, что незабвенный Шафарикъ нашъ когда нибудь говорилъ такимъ образомъ о Славянахъ Русскихъ, и все таки строгая критика не позволила бы остановиться на нихъ, какъ на послѣднемъ, не допускающемъ никакой апелляціи, рѣшеніи. Въ такомъ случаѣ слѣдовало бы обратиться къ языку Славянскому и доказать, что онъ весьма бѣденъ словами военного и морскаго дѣла, опровергнуть то, что военныя и морскія слова почти общи всѣмъ Славянскимъ нарѣчіямъ, слѣд. вещи и предметы, обозначаемые, были извѣстны имъ издревле, опровергнуть то, что въ народной поэзіи Славянской, въ пѣсняхъ Чеховъ, Словаковъ, Сербовъ, Хорватовъ, Болгаръ, Малороссіянъ, Великороссіянъ, Лужичанъ, Поляковъ выражается духъ не подлый, не рабскій, а свободный, съ такимъ же духомъ народъ не могъ не создать себѣ средствъ защиты и обороны, опровергнуть то, что Славяне не отразили, не спасли свою западную братью отъ дикихъ полчищъ Татаръ и Турокъ и тѣмъ дали ей возможность посвятить свои силы другимъ трудамъ, подъять которые въ то

время Славянамъ было физически невозможно, опровергнуть то, что лѣтописи каждаго народа Славянскаго говорятъ почти на каждой страницѣ своей, что въ нихъ всегда жила любовь къ родинѣ, самобытности, если и падали, то не безславно и не безъ сопротивленія, и быть можетъ ошибочно, но твердо вѣрятъ понынѣ:

Тотъ, кто палъ, возстанетъ вновь;

Много милости у Бога,

Безъ границъ Его любовь.

Но Шафарикъ никогда не могъ и подумать ничего подобнаго. Шафарикъ напротивъ указываетъ на географа Баварскаго, «доказывающаго, что у Славянъ Русскихъ были укрѣпленные города, Нестора, показывающаго, что Русская земля была населена многочисленными Славянскими поколѣніями, съ твердыми городами еще до прибытія Варяговъ, народами, по свидѣтельству его и вообще цѣлой исторіи, предпочитавшими свободу самой жизни, о которой Матвѣй епископъ Краковскій (около 1150 года) воскликнулъ: «Русь.... это словно иной міръ.... народъ Русскій безчисленнымъ множествомъ своимъ равняется однимъ лишь звѣздамъ (*Ruthenia... quae quasi est alter orbis... gens Ruthenica multitudine innumerabili seu sideribus adaequata*). И объ этой-то землѣ угодно было нѣкоторымъ повѣйшимъ Русскимъ писателямъ, Сенковскому, Муравьеву, и подобнымъ имъ, утверждать, въ одномъ мѣстѣ, что это было изпоконъ вѣка наслѣдственное достояніе Скандинавовъ, въ которое Рюрикъ вовсе не былъ приглашенъ, но вступилъ по праву наслѣдства, а въ другомъ, что она составляла до времени самого Владиміра безпредѣльную пустыню, въ коей только тамъ и сямъ скитались бѣдныя семейства кочующихъ звѣролововъ и скотопитателей»..

Славяне не были хитры, коварны, лукавы, какъ бываетъ всякой народъ слабый, повятый въ рабствѣ: Прокопій (552 г.), не имѣвшій никакой нужды особенно хвалить ихъ и имѣвшій напротивъ того много причинъ не быть къ нимъ расположеннымъ, такъ между прочимъ говоритъ о Славянахъ:

«Славяне и Анты не повинуются одному человѣку, а живутъ въ димократіи издревле, почему и выгода и невыгода, все

у нихъ общее... Вступая въ битву, многіе идутъ на непріятеля пѣшкомъ, имѣя у себя въ рукахъ маленькіе щиты и копья. Панциря не надѣваютъ: нѣкоторые идутъ на непріятеля даже безъ исподняго платья и плаща, а только въ латахъ. У тѣхъ и другихъ языкъ варварскій одинъ и тотъ же. Не различаются они между собою и тѣлосложеніемъ. *Всѣ они высоки ростомъ и весьма сильны*¹.... Ведутъ, подобно Массagetамъ, жизнь суровую и непривольную, всѣ, подобно же имъ, грязны и нечисты. Характеръ ихъ не хитрый и не коварный; съ простотою сохраняютъ во многомъ Гунскій образъ жизни». — Такъ писалъ о Славянахъ и Антахъ въ VI в. Прокопій — извѣстія о походахъ и грабежахъ ихъ на полуостровѣ Балканскомъ въ VI и слѣд. вѣкахъ сильны убѣдить всякаго въ справедливости его словъ о ихъ воинственности. Морскіе грабежи Славянъ Македонскихъ и Адриатическихъ, поселенія Славянъ въ Морѣ и въ М. Азій, переходы къ Арабамъ, участіе въ ихъ войскѣ не позволяютъ добросовѣстному ученому и на мигъ усомниться въ присутствіи въ нихъ дерзкой отваги, удалства и предприимчивости. Императоръ Маврикій (582 — 602 г.) нашелъ пужнымъ въ соч. своемъ «О военномъ дѣлѣ» помѣстить цѣлую главу о томъ, какъ надо сражаться съ Славянами и Антами. «У Славянъ и Антовъ, говоритъ онъ, образъ жизни и правы одинакіе, всѣ они свободны, ничѣмъ не заставитъ ихъ поддаться или подчиниться. У себя на родинѣ они весьма сильны и спосливы, удобно переносятъ и холодъ и жаръ и наготу тѣла и голодъ». Далѣе онъ рассказываетъ о ихъ гостепріимствѣ, объ обращеніи съ рабами и плѣнниками, которыхъ они не оставляютъ у себя въ вѣчной неволѣ, подобно другимъ народамъ (ὡς τὰ λοιπὰ ἔθνη), а въ извѣстный срокъ освобождаютъ; го-

1. Ибнъ-Фодланъ, описывая Руссовъ, говоритъ (въ перев. Френа): «Nie sah ich Leute von ausgewachsenem Körperbau; sie sind hoch wie Palmbäume, fleischfarben und roth». Торнадъ, описывая Скандинавовъ, сказалъ: «Hae itaque gentes Romanis corpore et animo grandiores, infestae saevitia pugnae». Слыдуетъ ли изъ этого, что Руссы Ибнъ-Фодлана непременно были Шведы? Гриммъ не признаетъ за Нѣмцевъ этихъ Руссовъ (I. Grimm — Ueber das Verbrennen der Leichen. 1850. S. 69—70). Марко Поло, говоря о Русскихъ, а Бофини — о Чехахъ, удивляются ихъ высокому росту. Довольно наконецъ взглянуть на наши гвардейскіе полки, чтобы не считать высокій ростъ исключительною принадлежностью однихъ Шведовъ и Нѣмцевъ.

ворить о томъ, что они любятъ сражаться съ непріятелемъ въ ущельяхъ, въ мѣстахъ неприступныхъ, употребляютъ хитрости, весьма привычны къ водѣ и лучше и дольше другихъ людей умѣютъ держаться въ ней (*ἐν πείρᾳ δὲ εἰσὶ καὶ τῆς ποταμῶν διαβάσεως ὑπὲρ πάντας ἀνθρώπους*). Каждый изъ нихъ вооруженъ двумя копьями, нѣкоторые же изъ нихъ и крѣпкими щитами, весьма однако неудобными для переноски. У нихъ деревянные луки и маленькія стрѣлы, которыя они намазываютъ ядомъ, дѣйствующимъ на смерть, если не принять противудія» и т. д. — Почти въ тѣхъ же словахъ описываетъ Славянъ Левъ VI Мудрый (886—911 г.). «Но такими они могли казаться только Византіянамъ, отнюдь же не Нѣмцамъ»; вспомните въ такомъ случаѣ державу Моравскую, Святополка, Болеслава Польскаго, Вратислава II, Собѣслава I Чешскихъ и т. д. — Сравните, что говорятъ лѣтописцы западные о Славянахъ Балтійскихъ — о ихъ воинской опытности на сушѣ и на морѣ, напр. о Лютичахъ — *haec gens terra marique proeliari perita erat*, о ихъ морскихъ грабежахъ, уоретвѣ, любви къ свободѣ и пр. Гельмольдъ говоритъ о Ваграхъ, что на нападенія Датчанъ они вниманія не обращаютъ и даже находятъ особое наслажденіе биться съ ними. Указываю для примѣра на нѣкоторыя свидѣтельства западныя о характерѣ Славянъ: 1) *Slavi servitutis jugum armata manu submoverunt, tantaque animi obstinacia libertatem defendere nisi sunt, ut prius maluerint mori, quam christianitatis titulum resumere aut tributa solvere Saxonum principibus* (Гельмольдъ). 2) *Slavi bellum quam pacem elegerunt, omnem miseriam carae libertati postponentes.... transeunt dies plurimi... illis pro libertate.. varie certantibus.* (Витикиндъ). — 3) *Liuticis.... dominus specialiter non praesidet ullus; unanimi consilio ad placitum suimet necessaria discutientes, in rebus efficiendis omnes concordant.* (Диттмаръ Мерзебургскій). — 4) *Multae sunt insulae in hoc sinu, quas Dani et Sueones omnes habent in sua ditioe, aliquas etiam Slavi tenent. — Illarum autem insularum, quae Slavis adjacent, insigniores accepimus tres. Quarum prima Fembre vocatur. Altra est contra Wilzos posita, quam Rani vel Runi possident, fortissima Slavorum gens, extra quorum sententiam de publicis rebus nihil agi lex est, ita illi metuuntur propter familiaritatem deorum vel potius*

daemonum, quos majori cultu ceteris venerantur. Ambae igitur hae insulae piratis et cruentissimis latronibus plenae sunt, qui et nemini parcunt ex transeuntibus. (Адамъ Бременскій). 5) Germania.... gentibus incolitur quam plurimis, ferocissimis... inter quas una ceteris crudelior.... gens Leucorum barbara, omni crudelitate ferocior. (Глаберъ Родульфъ). 6) Est namque hujusmodi genus hominum durum et laboris patiens, victu laevissimo assuetum, et quod nobis gravi oneri esse solet, Slavi pro quadam voluptate ducunt. (Витикиндъ) 7) Hinc etenim saeva Danorum gens terra marique potens, inde centifida Sclavorum rabies barbarorum frendens inhorruit, Ungrorum nihilominus insecuta crudelitas. (Руотгеръ. Жизнеоп. Брунона пис. ок. 966 — 7 г.). Можно бы было весьма много привести примѣровъ, несомнѣнно доказывающихъ, что Славяне Русскіе, являющіе чудные подвиги храбрости, удалства, отваги и предприимчивости, съ XI в. до наст. врем., обязаны тому вовсе не Норманнамъ, а своимъ прирожденнымъ качествамъ¹. Нельзя было и Шведамъ охотиться на нихъ. —

1. Вообще обращающіяся у насъ мнѣнія о недостаткѣ энергіи и воинственности у Славянъ держатся благодаря слабому нашему знанію, а протѣ и полному невѣдѣнію Славянской исторіи. Военныя и морскія лѣтописи XVI — XIX стол. южныхъ Славянъ, Поляковъ и Русскихъ, исполнены извѣстій о чудныхъ подвигахъ удалства, храбрости и предприимчивости, нерѣдко запечатлѣнныхъ высокимъ героизмомъ и великимъ военнымъ гениемъ. Въ XV в. Чехи безспорно имѣли лучшее войско въ Европѣ и считались учителями военного искусства. Мартинъ Майеръ, совѣтникъ Баварскій, въ письмѣ своемъ къ Григ. Геймбургу, 1467 г. 12 янв., говоритъ между прочимъ: «Bohemi in re militari expertissimi et armipotentes multi sunt, et ceterae militares opes ab eis quasi rivuli a fonte per plurimas terras derivantur». Другой современникъ историкъ Бонфини такъ описываетъ Чеховъ: «Prae ceteris terrarum gentibus proceritate staturae roboreque corporum ac pulchritudine, praestantia crinium et suavitate consuetudinis, Boemi sane praecellunt; corpora comasque plus justo colunt, in habitu vestituque nitidissimi et perquam molles, ad bellum et voluptatem tantum nati; populares omnes sunt et affabiles, ad conciliandas quoque amicitias nimis idonei». Онъ же вложилъ въ уста Матвѣя Корвина, знаменитая черная рота котораго состояла изъ Чеховъ и друг. Славянъ, слѣдующую рѣчь: «Fateor, Voemos martiales esse, famosissimum genus hominum, culturae corporis studiosissimum et quam maxime crinium; cupidissimum belli et ad periculum promptissimum. Procera sunt his corpora et speciosa; contemptus mortis magnus inest, et persuavis hercle consuetudo». У Чеховъ XV в. учились военному дѣлу не только Поляки, Венгерцы и Русскіе, но и Нѣмцы, которые заимствовали отъ нихъ слѣдующія слова: *Pistol*, *Bizschälen*, *pišt'ála*, *Pafezner* — *rawézy*, *rawézniky*, *Possatken* — *pošádky*, *Haubitze*, *haufnice*. (См. ст. Па-

Ложный ли патриотизм или же здравый смысл и простое чувство справедливости заставляют насъ признать всѣ подобныя положенія крайне неосновательными — пусть рѣшить о томъ читатель безпристрастный.

И такъ любовь къ свободѣ, упорство и ничѣмъ неискоренимая увѣренность, пока жива народность, въ томъ, что пасть окончательно не суждено, вотъ одна изъ отличительнѣйшихъ чертъ обще Славянскаго народнаго характера. Мораванинъ по нынѣ помнитъ Святополка; Сербъ всегда былъ увѣжденъ, что встанетъ снова Марко Краевичъ, увѣренъ, что святыня, которою держались Турки, теперь въ вѣрномъ и безопасномъ мѣстѣ. Разбиты ли Чехи Нѣмцами, говорить народная пѣсня:

Netužite, kmetie! netužite:
 jůž wám trawička wstáwá,
 tako dlúho stúpaná
 cuziem kopytem!

И дѣйствительно надежда не обманула Чеховъ, они одержали побѣду:

i by Němcem úpěti,
 i by Němcem prnúti
 i robitie jim.

Послѣ тѣхъ страшныхъ и великихъ испытаній, какимъ подвергалась южная Россія, набѣгали иной разъ на чубатыя головы нашихъ предковъ черныя думы и сомнѣнія. Спрашивали они тогда:

А що якъ наши головы по степу-полю поляжуть,
 Да ще й рѣдною кровью умыються,
 Поперасколотыми шаблями покрываются!...

лацкаго: O walečném uměnj Čechůw w XV stol. — Čas. Česk. Mus. 1828. Стр. 5 и сл.). Слово *hetmanъ* перешло къ намъ отъ Чеховъ. Въ старицу у Поляковъ ходила поговорка: «Co Polak, to ran, co Čech, to *hetmanъ*». Злѣйшій непріятель гуситовъ говоритъ по поводу ихъ побѣдъ: «Quis Bohemico nomini non invidet, cujus victorias tempestate nostra plures numerare licet, quam reliquae gentes omnibus seculis comparare potuerint?» (Эней Сильвій. Hist. Boh. с. 58. См. Palacký. Dějiny. D. III, IV — passim).

Пропаде мовъ порошина зъ дула, тая козацкая слава,
Що по всѣму свѣту дыбомъ стала;
Що по всѣму свѣту степомъ розляглась, простяглась;
Да по всѣму свѣту луговымъ гомономъ роздалась;
Туреччинѣ да Татарчинѣ добрымъ лихомъ знати далась.

Но никогда Малороссіянинъ не отдавался тоскѣ до конца,
онъ вѣрилъ крѣпко, что возьметъ свое, и не напрасно:

Тольки Богъ Святый знавъ,
Що вонъ думавъ, гадавъ, замышлявъ,
Якъ незгодины на Украинську землю посылавъ!
Отъ-же й пройшли, изыйшли злый незгодины:
Немае нікого, щобъ насъ подолѣли!
Только Богъ Святый знавъ,
Що вонъ думавъ, гадавъ, замышлявъ!

Высшій идеалъ Великорусской народной поэзіи, Русскій крестьянинъ, Илья Муромецъ, не боящійся перечить Владиміру, когда тому блажь пришла у живаго мужа жену отнять, бьющій Татаръ на Куликовомъ полѣ, грозящій Турокъ всѣхъ по-выгнать изъ Цареграда вонъ, Илья Муромецъ, которому Ермакъ Тимофеевичъ только что племянничекъ, палъ однажды въ борьбѣ съ чужимъ богатыремъ. Тотъ уже похваляться сталъ: «зачѣмъ ты ѣздишь на чисто поле?.... ты поставилъ бы себѣ келлею при путѣ, при дороженькѣ» и т. д.

Лежитъ Илья подъ богатыремъ,
Говоритъ Илья таково слово:
Да не ладно у святыхъ Отцовъ написано,
Не ладно у Апостоловъ удумано:
Написано было у Святыхъ Отцовъ,
Удумано было у Апостоловъ:
Не бывать Ильѣ въ чистомъ полѣ убитому;
А теперъ Илья подъ богатыремъ.
Лежучи у Ильи втрое силы прибыло....

Скоро Илья посправился, «недосугъ Илюхѣ много спрашивать», скоро, отсѣкъ нахвальщицѣ его буйну голову, и пріѣхавъ на заставу богатырскую, бросилъ голову о сыру землю—

При своей братьѣ похваляется:
«Бздиль во полѣ тридцать лѣтъ,
Экаго чуда не набзживалъ»¹.

1. Я не знаю другой пѣсни, въ которой бы лучше себя выразилъ, сознательно или бессознательно, народъ Русскій за послѣднія двѣсти лѣтъ. Въ ней живо рисуется его *крепостная неволя*, въ ней слышенъ отвѣтъ на тѣ упрёки и насмѣшки, которыми осыпали его иныя, тѣмъ ожесточеннѣе, чѣмъ больнѣе ихъ поражало его вѣднѣе могущество, имъ созданное при неволѣ, чѣмъ яснѣе имъ представлялось его будущее значеніе при волѣ; въ ней же и крѣпкая вѣра въ себя и въ свои силы, которымъ въ моготу всякое горе, твердая надежда на будущее, не смотря на тягость настоящаго, твердая, потому что основана на прошедшемъ, изъ котораго многому, всему лучшему суждено прорости въ будущее. Кажется, не лишнимъ будетъ цѣликомъ привести всю эту пѣсню, записанную почтеннымъ нашимъ собирателемъ г. Гуляевымъ

Не отъ пламечка, не отъ огпичка
Загаралася въ чистомъ полѣ ковыль трава;
Добирался огонь до бѣлаго до камешка:
Что на камешкѣ сидѣлъ младъ ясенъ соколъ.
Подпало то у ясна сокола крылья быстрыя;
Ужъ какъ пѣшь ходитъ младъ ясенъ соколъ по чисту полю.
Прилетали къ ясну соколу черны вороны;
Они граили, смѣялись ясну соколу;
Называли они ясна сокола вороною:
Ахъ, ворона, ты, ворона, младъ ясенъ соколъ!
Ты, зачѣмъ, зачѣмъ, ворона, залетѣла здѣсь?
Отвѣтъ держитъ младъ ясенъ соколъ чернымъ воронамъ:
Вы не грайте, вы не смѣйтесь, черны вороны;
Какъ отрощу я свои крылья соколиныя,
Поднимусь то я, младъ ясенъ соколъ, высокошенько,
Высокошенько поднимусь я, младъ ясенъ соколъ, ко поднебесью;
Опущусь я, младъ ясенъ соколъ, ко сырой землѣ,
Разобью я ваше стадо, черны вороны,
Что на всѣ ли на четыре стороны;
Вашу кровь пролью я въ сине море,
Ваше тѣло раскидаю по чисту полю,
Ваши перья я развѣю по темнымъ лѣсамъ.
Что когда то было ясному соколу пора-времечко,
Что леталъ то младъ ясенъ соколъ по поднебесью;
Убивалъ то младъ ясенъ соколъ гусей, лебедей,
Убивалъ то младъ ясенъ соколъ сѣрыхъ утокъ!
Что когда то было добру молодцу пора-времечко,
Что ходилъ то, гулялъ добрый молодецъ на волюшкѣ,
Какъ теперь то добру молодцу поры-время пѣтъ.

Рѣшительно, кажется, безъ всякаго основанія утверждали нѣкоторые, будто бы князья XI, XII, XIII в. наследовали въ весьма слабой степени отвагу и энергію своихъ Варяжскихъ предковъ, что характеры Ольги и Рогнеды являются совершенными особняками въ древней Россіи.

Мы не станемъ говорить здѣсь ни о царевнѣ Софіи, ни объ Анастасіи, ни о Марѣѣ Посадницѣ, ни объ Евпраксіи, Ефросініи, Февроніи, Юліаніи, ни о мачехѣ Мономахѣ и многихъ другихъ, ни о томъ, что когда по взятіи Новгорода въ 1478 г., по приказу вел. князя Ивана Васильевича все Новгородскіе граждане были приводимы его дѣтьми боярскими къ присягѣ, къ крестному цѣлованію, то по словамъ Львовской лѣтописи: «и все цѣловали люди, и жены боярскія вдовы, и люди боярскіе»; пройдемъ мимо и статью Русской Правды о вдовѣ, а спросимъ только, неужели Русской народъ занялъ отъ Шведовъ высокое уваженіе къ святости семейной жизни, постоянно выражаемое и въ пословицахъ, и въ пѣсняхъ, и въ памятникахъ старой Русской словесности, и величавые образы честной вдовы Амелфы Тимофѣевны, матери шаловливаго Васьки Бусласва, старенькой вдовы Коновчихи, матери молодого Ивася Коповченка, молодой княгини, жены Василія князя, что потонулъ отъ золота вѣнца идучи, и молодой жены Василисы Даниловны, такъ геройски скончавшейся? Отчего же наконецъ любилъ народъ Ольгу, если она была такая истая Шведка? сохранились ли бы о ней свѣтлыя народныя воспоминанія, если бы она не отвѣчала тогдашнимъ идеальнымъ представленіямъ Славянъ Русскихъ о женщинѣ, о княгинѣ? ¹ Если бы Влади-

Засаженъ то сидитъ добрый молодецъ во побѣдности,
 У злыхъ вороговъ, добрый молодецъ, въ земляной тюрьмѣ.
 Онъ не годъ то сидитъ, добрый молодецъ, и не два года,
 Что сидитъ то добрый молодецъ ровно тридцать лѣтъ.
 Что головунка у добра молодца стала сѣдешенька,
 Что бородунка у добра молодца стала бѣлешенька.
 А все ждетъ онъ поджидаетъ выкупу, выручки.»

Въ наше время уже можно прибавить: «Будетъ выкупъ, будетъ выручка — своя волюшка».

1. Ихъ соплеменники имѣли Ванду, Любушу и ея сестеръ, Людмилу и пр. Вспомните Чешское преданіе о войнѣ женщинъ. Вообще нельзя не замѣтить, что

міръ былъ настоящий Варягъ, то и о немъ не имѣлось бы такихъ же свѣтлыхъ народныхъ воспоминаній, и онъ бы не сироваживалъ такъ нелюбезно своихъ соплеменниковъ? И чѣмъ наконецъ Рюрикъ, Синеусъ, Труворъ, Олегъ и Святославъ и пр. герои возвышениѣ, лучше и величавѣ Ярослава, Мстислава, Владиміра Мономаха, Изяслава, Ростислава, Мстиславовъ, Романа, Данила и всѣхъ ихъ сотрудииковъ на поляхъ ратномъ, книжномъ, гражданскомъ? чѣмъ они лучше всѣхъ извѣстныхъ и безъизвѣстныхъ намъ добрыхъ страдальцевъ за Русскую землю, строившихъ храмы и монастыри, проповѣдывавшихъ Христіанство словомъ и дѣломъ, писавшихъ лѣтописи, учившихъ добру и книжной мудрости своихъ современниковъ, бившихся съ Половцами, съ Литвою, со Шведами, съ Татарами, съ Нѣмцами, постепенно, но вѣрно раздвигавшихъ границы Руси, распространявшихъ Русскій языкъ? и пр. и пр. Чѣмъ какъ не удалю, отвагою и молодечествомъ отличалась и сѣверная и южная Русь и въ XII и въ XIII в.? Неужели Шведская кровь билась въ жилахъ несчастнаго князя Василька, когда тотъ мечталъ «рекохъ въ умѣ своемъ: соже ми будутъ Берендичи и Чеченѣзи и Торци, реку брату своему Володареву и Давыдови: дайте ми дружину свою молодшою, а сама пійта и веселитася; и помыслихъ: на землю Лядскую наступлю на зиму, и на лѣто и возьму землю Лядскую и мѣщу Русскую землю; и по семъ хотѣлъ есмь переейти Болгары Дунайскыя, и посадити я у себе; и посею хотяхъ проситися у Святополка и Володимира ити на Шоловци, да любо налѣзу собѣ славу, а любо голову свою сложю за Русскую землю». Нечто тоже Шведъ былъ Изяславъ, говорившій: «Богъ внигда Русскыя землѣ и Русскихъ сыновъ въ безчестѣ не положилъ естъ; на всѣхъ мѣстахъ честь свою взимали суть. Шынѣ же, брате, ревнуимо тому вси: у сихъ земляхъ, и передъ чужими языки, дай ны Богъ часть свою взяти». Развѣ слабодушному, вялому народу принадлежатъ Задонщина, Слово о Полку

если *Ольга* и слово Нѣмецкое, то изъ того еще однако не слѣдуетъ, чтобы и княгиня *Ольга* была Нѣмка. Она же была изъ Пскова. Сколько Русскихъ Жановъ, Жаковъ, Мари! Ея умъ еще не доказываетъ ея Нѣмецкаго происхожденія. Есть вѣдь и Славянки умныя, не глупѣ Нѣмокъ. То же могло быть и сотни лѣтъ тому назадъ. Сынъ ея *Святославъ* — чистый Славянинъ, Запорожець.

Игоревъ? Нечто оно тоже обличаетъ Варяжское вліяніе? Слава Богу, какъ ни далеко еще мы ушли въ Русской исторіи, однако въ настоящее время уже нельзя безъ добродушной, но вмѣстѣ и грустной улыбки, вспоминать даже о такомъ мнѣніи равно, какъ и о словахъ Шлецера, будтобы удалство и буйство Новгородцевъ обличаютъ въ нихъ переродившихся Нѣмцевъ, Шведовъ. Нельзя не уважать заслугъ и дарованій Шлецера, но нельзя не сознаться, что онъ бывалъ иногда нѣсколько самонадѣянъ и брался судить о томъ, чего ясно не понималъ¹. По суду безпристрастнаго, не меньше его оказавшаго услугъ Русской исторіи, и столь же даровитаго, Шафарика, величайшаго знатока Славяниины, «нашъ славный учитель» былъ «очень недалекъ во всемъ Славянскомъ».

Нельзя такимъ образомъ согласиться съ тѣми, что упрекаютъ Шафарика въ непоследовательности за его объясненіе извѣстнаго мѣста Теофилакта о Славянахъ. Шафарикъ разумѣлъ Славянъ невоинственными въ томъ смыслѣ, что они не жили исключительно грабежемъ и насиліями, а не въ томъ, что легко переносили чужія обиды. Напрасно также, кажется намъ, упрекали нѣкоторые Палацкаго за его мнѣніе, ни болѣе ни менѣе какъ справедливое, о томъ, что Фредегарово описаніе обращенія Аваровъ со Славянами понимать буквально нельзя и не слѣдуетъ. Зачѣмъ было забывать слова Славянскаго вождя, сказанныя имъ Аварскимъ посламъ ок. 565 г.: «кто въ подсолнечной можетъ разбить и подчинить нашу силу? Мы обыкновенно отнимаемъ земли у другихъ, а не другіе у насъ; наше останется при насъ, пока будутъ войны и мечи». Почему же только при отсутствіи строгаго, безпристрастнаго историческаго

1. Вотъ эти достопамятныя слова: «Варяги долгое время составляли большую часть жителей Новгородскихъ, почему и языкъ ихъ (древне-Шведскій) остался здѣсь въ преимущественномъ употребленіи. Сильная привязанность Новгородцевъ къ свободѣ, которая во все продолженіе средняго вѣка часто выказывается сверхъ мѣры, заставляетъ также заключать, что они Варяжскаго происхожденія». (Шлец. Несторъ. I, XX. С. 342 и сл.). Шлецеръ былъ недоволенъ Грамматикою Ломоносова. Таубертъ ему сказалъ: «Schreiben sie selbst eine russische Grammatik, die Akademie soll sie drucken lassen. Ich nehme den Auftrag an». Въ своей грамматикѣ производитъ Шлецеръ слово *бояринъ* отъ *барана*; сл. князь отъ *knecht*; сл. двѣ отъ *dieb, tief* и *tiffe* — сука.

взгляда можно предположить о Славянском происхождении известнаго вождя Славянскаго возстанія противъ Аваровъ, знаменитаго Само?

Позволяемъ себѣ заключить замѣчанія наши о характерѣ Славянъ, объ ихъ удали и предприимчивости словами знаменитаго ученаго Арабскаго XI вѣка, котораго одинъ изъ лучшихъ знатоковъ дѣла, Дози, ставитъ такъ высоко, какъ едва ли возможно поставить многихъ его западно-Европейскихъ современниковъ и по учености, и по уму, и по дарованіямъ; разумѣю слѣд. слова славнаго географа Абу-Обейд-иллах-аль-Бекри († 1094 г.), которыя привожу во Французскомъ переводѣ Шармуа: «Les Slaves sont une nation redoutable, puissante et impétueuse. S'ils n'eussent été divisés en un grand nombre des races et des tribus différentes, aucune nation au monde ne leur eût tenu tête¹».

Для того, чтобы дать возможно полный, обстоятельный и удовлетворительный отвѣтъ на вопросъ — посѣщали ли Славяне Русскіе М. Азію и до IX — X в., мы должны еще прибѣгнуть къ нѣкоторымъ другимъ соображеніямъ.

Несторъ говоритъ: «Отъ сихъ же 70 и 2 языку бысть языкъ Словѣнскъ отъ племени Афетова, Норци, еже суть Словѣне. — По мнозѣхъ же времянѣхъ сѣли суть Словѣни по Дунаеви, гдѣ есть нынѣ Угорьска земля и Болгарьска. Отъ тѣхъ Словѣнъ разидошася по землѣ и прозвашася имены своими, гдѣ сѣдше на которомъ мѣстѣ: яко пришедше сѣдоша на рѣцѣ имянемъ Морава и прозвашася Морава».

А въ другомъ мѣстѣ у него же читаемъ: «Дулѣби живяху по Бугу, гдѣ нынѣ Вельшняне, а Улучи, Тиверьци сѣдяху по Диѣстру, присѣдяху къ Дунаеви; бѣ множество ихъ, сѣдяху бо по Диѣстру *оми до моря*, суть гради ихъ и до сего дне; да то ся зваху отъ Грекъ великая Скуоѣ».

1. Почти такъ же говоритъ о Славянахъ Иродотъ Арабскій, Массуди. Шармуа приводитъ слѣдующія слова Казвини (1275): «Les Slaves, dit Massoudy, se composent de différentes peuplades qui se font la guerre: si la discorde ne régnait entre eux, aucune nation ne pourrait leur résister *pour la force et l'audace*». (Charm. p. 340).

И такъ Славяне издревле жили по Дунаю, въ Панноніи¹. Уже въ III и IV в. по Р. Х., а можетъ и раньше, простирались ихъ жилища до устьевъ Дуная, отчего конечно и Черное море рано стало доступно имъ².

По Бугу, Днѣстру и Днѣпру жили Дулѣбы, Угличи³ и Тиверци (яже суть Толковины), безъ сомнѣнья задолго до IX в.: они были многочисленны, имѣли города. Песеленія ихъ простирались до моря.

Дѣйствительно Юрнадъ въ VI в. помѣщаетъ сильнѣйшихъ изъ Славянъ, Антовъ на Понтѣ, между Днѣстромъ и Днѣпромъ (*qua Ponticum mare curvatur a Danastro extenduntur usque ad Danaprum, quae flumina multis mansionibus ab invicem absunt*).

Очень вѣроятно, что Анты жили почти въ тѣхъ же мѣстахъ и въ IV в.⁴.

Такимъ образомъ и съ этой стороны Черное море рано стало доступно имъ.

Стоитъ припомнить только — походъ Олеговъ на Царьградъ, опустошительный походъ Игоревъ въ М. Азію въ 944 г.⁵; походъ Аскольдовъ 866 г., походъ Руссовъ въ Малую Азію по извѣстію Житія св. Георгія Амастрійскаго и пр.; стоитъ, говорю, припомнить только, что еще въ X в. Черное море называли Русскимъ, что Константинъ Порфирородный при описаніи пороговъ Днѣпровскихъ даетъ имъ названія и Славянскія и Варяго-Русскія, Варяжскія, Скандинавскія, которыя безъ всякаго сомнѣнія образовались позднѣе, а не на оборотъ; стоитъ, гово-

1. Богухвалъ говоритъ: «scribitur enim in vetustissimis codicibus, quod Pannonia sit mater et origo omnium Slavonicarum nationum».

2. Zeuss. S. 592. — Шафар. Сл. Др. § 8. 8.

3. Угличи, какъ остроумно замѣтилъ Надеждинъ, были, конечно, жители Угла, Буджака. «О мѣстоположеніи древняго города Пересѣчена» (въ Зап. Одесск. Общ. Ист. и Древн.).

4. Шафар. § 8. 8.

5. «Иде Игорь на Греки; яко послаша Болгаре вѣсть ко царю, яко идутъ Русь на Царьградъ скедій 10 тысящ. Иже поидоша и приплуша, и почаша воевати Визанскія страны, и воеваху по Понту до Ираклія и до Фафлагоньски земли, и всю страну Никомидійскую поилѣвивше, и Судъ весь пожгоша», и пр. Р. Л. I, 18.

рю, припомнить только, что Олегъ ходилъ въ походъ на Грековъ не съ Варягами одними, какъ конечно и Игорьъ, но и со Словѣнами (т. е. Новгородцами), Чудью, Кривичами, Мерею, Полянами, Сѣверянами, Древлянами, Радимичами, Хорватами, Дульбами и Тиверцами; что, по словамъ Константина Порфиророднаго, Варяго-Руссамъ строили суда Славяне; что по Днѣпру издревле жили Славяне; что рано узнаемъ о морскихъ грабежахъ Славянъ, какъ въ Балтійскомъ, такъ въ Эгейскомъ и Адриатическомъ моряхъ; что Черное море было доступно нѣкоторымъ поколѣніямъ Славянъ еще въ IV в., по всей вѣроятности и гораздо раньше; что въ III в. Черноморскіе Готы безъ сомнѣнья въ своихъ походахъ на М. Азію пользовались Славянами, какъ туземцами, близко знакомыми съ моремъ¹; что съ другой стороны гребежи Готовъ въ М. Азіи не могли остаться безъ послѣдствій на Славянъ, относительно ихъ знакомства съ М. Азіею; стоитъ, говорю, припомнить, что Славянскія населенія въ М. Азіи началомъ своимъ восходятъ ни въ коемъ случаѣ не позже, какъ къ VII в., а весьма вѣроятно, что и гораздо раньше; припомнивъ же все это, мы ясно поймемъ, какъ легко, неосторожно и даже безразсудно поступили бы мы, если бы стали утверждать, что Славяне Русскіе стали посѣщать М. Азію какъ отдѣльными лицами, такъ и болѣе или менѣе значительными толпами, въ первые въ IX — X в.

Выше мы видѣли необходимость признать весьма давнишнюю бытность Русскихъ поселеній въ при-Донскомъ краѣ, у Донецкаго края, по Азовскому морю, въ княжествѣ Тмуторокапскомъ; видѣли, что Массуди описываетъ Руссовъ Донскихъ и Азовскихъ, какъ цѣлый, осѣдлый народъ, самобытный и многочисленный, занимающійся промыслами и привычный къ морю; видѣли необходимость согласиться съ Французскимъ оріенталистомъ Рено, положительно утверждающимъ, что то не могли быть Шведы; видѣли что этихъ Руссовъ считаетъ Массуди однокровными со Славянами и Булгарами (т. е. Дунайскими), Славянами не только аль-Истахри, но и Ибнъ-Хордаты-Бегъ, современникъ Рюрика и Олега, умершій старикомъ въ

1. Pauli: Real-Encyclop. подъ сл. *Gothen*.

912 г., когда еще Шведы не могли утратить своей народности; видѣли необходимость допустить въ такомъ случаѣ бытность Славянскихъ поселеній въ этомъ краѣ задолго до X в. И дѣйствительно Прокопій (552 г.), упомянувъ о народахъ, жившихъ при устьяхъ Дона и по берегамъ Азовскаго моря, замѣчаетъ: «Дальнѣйшіе края на сѣверъ занимаютъ безчисленные народы Аптовъ» (Ἐξυνη τὰ Ἀυτῶν ἄμετρα ἴδρυνται). Если Апты были многочисленны, то очень вѣроятно, что отдѣльныя поселенія ихъ простирались до устьевъ Дона и къ Азовскому морю. Въ высшей степени важное древнее народное преданіе Скандинавское гласитъ, что рѣка Донъ (Tanauis) рѣка Славянская (Vanaquisl); на восточной ея сторонѣ лежитъ земля Асовъ (Asaland), а въ ней городъ Asgard, въ которомъ царствовалъ Одинъ. Онъ воевалъ съ Ванамъ, но съ переменнымъ счастьемъ. Вообще онъ прославилъ себя войнами и на сушѣ и на морѣ. Потомъ онъ отправился на сѣверъ въ Скандинавію.

Прежде не придававшій этому преданію никакого историческаго значенія, Я. Гриммъ въ своей Исторіи языка уже оцѣнилъ ея историческую важность и весьма остроумно замѣтилъ, что Одинъ не напрасно носитъ эпитеты Vegtarnr (wegemüd), Gångrâdr, Gångleri, у Саксона viator indefessus; почему именно Одинъ предпочтительно передъ всѣми прочими богами? «gewiss weil seine Wanderungen von Osten nach Norden unter dem Volk berühmt und eingepägt waren. Wenn also auch dieser Züge die uns verbliebenen Lieder nicht mehr gedenken, setzen in solchen Namen sie sie offenbar voraus¹».

На основаніи этихъ извѣстій мы уже не рѣшаемся не признавать Славянскаго происхожденія Плиніевскихъ *Сербовъ* и Штолемеевскихъ *Сирбовъ*, что на Дону.

Несторъ говоритъ, что Поляне и другія вѣтви Славянскія задолго до призванія Варяжской Руси платили дань Хозарамъ. Массуди говоритъ, что Славяне и Руссы служили въ войскѣ Хозарскомъ. Вообще надо замѣтить, что Массуди не смѣшиваетъ Славянъ и Руссовъ, но и не совершенно отдѣляетъ ихъ; точно такъ же и аль-Истахри; современникъ же Рюрика и Олега,

1. Gesch. d. deutsch. Spr. S. 769 f.

Ибнъ-Хордаты-Бегъ прямо выражается: «Руссы изъ племени Славянъ». Массуди въ одномъ мѣстѣ замѣчаетъ, что Руссы вмѣстѣ съ Булгарами (конечно Дунайскими) и Славянами происходятъ отъ одного родоначальника. Такимъ образомъ Руссы и Славяне Массуди почти то же самое, что Славяне и Анты Прокопія, которыхъ тотъ не смѣшиваетъ, но и не совершенно отдѣляетъ.

Руссы Массуди — цѣлый осѣдлый народъ, жившій на Дону и у Азовскаго моря, многочисленный, занимающійся промыслами и привычный къ морю. Очевидно, что такой народъ не могъ явиться недавно, и дѣйствительно Арабскій историкъ аль-Табари († 923), авторъ Всеобщей Исторіи, доведенной имъ до 912 г., рассказываетъ, что при халифѣ Омарѣ, завоеватель Азербиджана Суррака бенъ-Амру, послалъ на Ширваншаха Шехриара войско подъ начальствомъ Абдуррахмана.

Шехриаръ, владѣнія котораго включали Берду съ окрестностями до Дербента, вышелъ къ Арабамъ на встрѣчу, обѣщаль признать ихъ владычество, платить имъ дань и служить оплотомъ противъ враговъ иновѣрцевъ. По словамъ Табари это происходило въ 642 г. Онъ же вложилъ въ уста Шехриара слѣдующую рѣчь, съ которою тотъ обратился къ Арабамъ, когда они подошли къ Дербенту (Bab-el-abwab. Derbend): «Я нахожусь между двумя непріятелями Хозарами и Руссами. Эти послѣдніе враги всего міра, въ особенности Арабовъ; но вести съ ними войны, кромѣ здѣшнихъ людей, никто не умѣетъ: вмѣсто того, чтобы платить вамъ дань, мы будемъ собственными нашими средствами и собственнымъ оружіемъ вести войну противъ Руссовъ; и препятствовать имъ переступать вашу область, сочтите это намъ вмѣсто дани, мы такимъ образомъ постоянно будемъ вести войну¹».

Въ VII и VIII в. Хозары дѣйствительно наводили страхъ на Кавказъ и находились почти въ непрерывныхъ войнахъ съ Арабами. Какъ ни ограничены настоящія историческія свѣдѣнія объ этихъ странахъ, однако и въ настоящее время извѣстно

1. Mém. de l'Acad. des Sciences de St.-Petersb. — Classe hist. phil. — VI. S. 455. и друг. упом. о Руссахъ. S. 456.

уже, что ок. 651 — 2 г. Хозары взяли Дербентъ, который потомъ отняли у нихъ Арабы и уже оставили за собою. Въ войнахъ Хозарь съ Арабами, владѣнія Ширваншаха часто подвергались опустошеніямъ первыхъ. Въ 717 г. Хозары въ числѣ 20 тыс. человекъ нападаютъ на Азербиджанъ, но были разбиты. Воюютъ они съ Арабами въ 720 — 24 г., также ок. 728 г.; въ 730 г.

Славяне Русскіе, по свидѣтельству Нестора, задолго ¹ до призванія Рюрика платили дань Хозарамъ: «Козари имаху (дань) на Полянѣхъ и на Сѣверѣхъ и на Вятичѣхъ, имаху по бѣлѣ и вѣверицѣ отъ дыма».

Весьма вѣроятно, что Славяне эти не только платили дань Хозарамъ, но и помогали имъ въ ихъ войнахъ, къ чему могли побуждать ихъ многія причины, немалозначительныя, какъ взятая отдѣльно, такъ и всѣ вмѣстѣ, а именно обязательства въ отношеніи Хозарь ², собственная охота подраться и пограбить....

Массуди говоритъ, что въ войскѣ Хозарь служили Славяне и Руссы. — Въ 799 г. Хозары овладѣли Ширваномъ и Ганджою и взяли въ плѣнъ около 100 тысячъ человекъ. Положимъ, число преувеличено; тѣмъ не менѣе такое извѣстіе заставляетъ предполагать, какъ велики были успѣхи Хозарь въ ихъ военныхъ предпріятіяхъ. Едва ли изъ этого самого обстоятельства не слѣдуетъ уже, что Хозарамъ помогали другіе народы ³.

1. Срвн. слова Нестора: «И поидоста (Аскольдъ и Диръ) по Днѣпру, и идуче мимо, и узрѣста на горѣ градокъ и упрашаста, рѣста: «чій се градокъ?» они же рѣша: «была суть 3 братья, Кій, Щекъ, Хоривъ, иже сдѣлаша градокъ ось, и изгибоша, и мы сѣдимъ платяче даць родомъ ихъ Козаромъ (см. вар.)».

2. Есть основаніе думать, что Славяне дѣйствительно обязывались помогать Хозарамъ. «По сихъ же лѣтѣхъ, по смерти братьѣ сея, быша обидимы Древлями, ииѣми околними, и паидоша я Козари сѣдящая на горахъ сихъ въ лѣсѣхъ, и рѣша Козари: «платите намъ дань». Съдумавше Поляне и вдаша отъ дыма мечъ, и не соша Козари ко князю своему» и пр. Такимъ образомъ по народному преданію Славяне платили дань не только бѣлами и вѣверицами, но и мечами.

3. Mém. de l'Ac. VI. Ст. Ак. Дорна: Nachr. über die Chasaren. Табари говоритъ при описаніи войны Хозарь съ Арабами въ 724—743 г.: «Der König von Chasar... schickte an den Chakan und an alle Ungläubige, und forderte sie zum Kriege gegen die Musulmanen auf, worauf sie auch eingingen und sich einstellten. (S. 469).

Историкъ Мазандерана и Таберистана, Шахир-эд-динъ, жившій въ XV в., но безъ сомнѣнія имѣвшій передъ собою источники, до насъ недошедшіе или попытѣ еще не найденные, говоритъ, что современникъ Сассанида Пуширвана Великаго (532 — 579 г.), построившаго Дербентъ (ворота воротъ) и знаменитую стѣну и назначившаго въ различныя области Кавказа особыхъ намѣстниковъ¹, современникъ этого государя, одинъ изъ владѣтелей Кавказскихъ, Нарси, имѣлъ сына Фируза, который наследовалъ отцу, и «во владѣніяхъ Руссовъ, Хозаръ и Славянъ не было начальника, который бы ему не повиновался».

Анты, по свидѣтельству Прокопія, были весьма многочисленны, жили на сѣверъ отъ пародовъ, обитавшихъ по берегамъ Азовскаго моря и при устьяхъ Дона. — Юрнандъ, его современникъ, называетъ ихъ сильнѣйшими изъ Славянъ, а походы ихъ на Имперію Восточную въ VI в. несомнѣнно доказываютъ ихъ воинственность. — Нельзя забывать, что востокъ, Азія, всегда имѣлъ какую то особую привлекательность для народовъ Европейскихъ; чѣмъ древнѣе времена, тѣмъ свѣжѣе были народныя преданія объ востокѣ, объ Азіи, о древней ихъ прародинѣ. Весьма вѣроятно, что Славяне и въ VI в. и гораздо раньше стремились на востокъ, въ Дагестанъ. Походъ Гунновъ въ М. Азію въ V в. несомнѣнно кажется доказываетъ, что въ Дагестанѣ до Пуширвана, построившаго Дербентъ и стѣну, не было даже никакихъ искусственныхъ преградъ. Неизвѣстный Арабскій географъ, сочинитель Книги Странъ, жившій въ Xв., упоминаетъ о рѣкѣ Славянской на Кавказѣ; такая же рѣка Славянская упоминается на Кавказѣ и у Табари². Такое названіе можетъ служить даже указаніемъ на бытность нѣкогда въ этомъ краѣ Славянскаго поселенія. Наши свѣдѣнія о Славянахъ, основанныя на извѣстіи Прокопія объ Антахъ, на упоминаніи Плиніемъ и Птолемеемъ Сербовъ на Дону, на древнемъ Скандинавскомъ

1. Mém. de l'Ac. d. Sc. de St.-Pét. Cl. hist. phil. T. IV. Статя Акад. Дорна: Versuch einer Geschichte d. Schirwanschache.

2. Ст. И. И. Срезневскаго: Слѣды древняго знак. Русскихъ съ южной Азіей. Вѣстн. Геогр. Общ. 1854. № 1. С. 54 и 62. Mém. de l'Ac. des Sc. de St.Pét. VI. S. 485. «lagerte am Flusse der Siklab».

преданіи объ Одиѣ, о рѣкѣ Донѣ, какъ о рѣкѣ Славянской, о Вагахъ и пр., такія свѣдѣнія рѣшительно не позволяютъ намъ рѣзко и самонадѣянно утверждать, что въ VII и VI в., и даже несравненно раньше, Славяне не чувствовали охоты и не могли напирать на Кавказъ, не могли стать извѣстными Арабамъ, обратившимъ при халифѣ Омарѣ на этотъ край свои завоевательные замыслы, что Славяне однимъ словомъ не могутъ быть упоминаемы въ восточныхъ источникахъ VI и VII в. рядомъ съ Хозарами.

Точно тоже самое обязаны мы сказать и о Руссахъ. Когда появились Русскія поселенія, бывшія въ XIV и XIII в. въ при-Донскомъ краѣ? Когда появилась Русская стихія въ княжествѣ Тмутороканскомъ, въ X и XI в. пользовавшемся весьма большимъ значеніемъ? Массуди, описавшій Донскихъ и Азовскихъ Руссовъ въ первой половинѣ X в., говоритъ о нихъ, какъ о цѣломъ, независимомъ народѣ, занимающемся промыслами и привычномъ къ морю. Ибнъ-Хордатъ Бегъ, умершій старикомъ въ 912 г., ясно выразился: «Руссы изъ племени Славянъ». Рубруквисъ въ первой половинѣ XIII в. самъ видѣлъ, какъ Русскіе между Волгою и Дономъ братались съ Венграми. Константинъ Порфирородный, въ знакомствѣ котораго съ языкомъ Славянскимъ кажется нельзя сомнѣваться, писалъ, что у Мадьяръ до прихода ихъ въ Паннонію были *воеводы*; одинъ изъ нихъ назывался *воеводою Лебедію*, отъ него же и край получилъ свое названіе, причемъ конечно не должно забывать ни Харьковскаго *Лебедина*, ни Тамбовскаго *Лебедяня*, что на Дону. Русь Угорская, Карпатская не могла появиться впервые въ XII и XIV в.; еще Мадьяры XIII в. не считали Русиновъ новопоселенцами и безымянный Нотарій Белы, котораго пора оцѣнить по достоинству, прямо выразился *Rutheni cum Almo duce in Pannoniam venerant*. Намъ кажется, что можно не соглашаться съ нашею гипотезой о Руси Скандинавской, но уже нельзя отвергать бытности Славянской Руси Донской, Азовской и Угорской, Карпатской, однимъ словомъ можно только не находить родства Руссовъ Скандинавскихъ съ Руссами Азовскими и Карпатскими, считать такое сходство чисто случайнымъ, и потому не видѣть особой нужды въ томъ предположеніи, что Ваны, пере-

селившіеся съ Однимъ въ Скандинавію, назывались Руссами¹; но нѣтъ возможности доказать, что слово Русь обличаетъ свое Финское происхожденіе, что это Шведское слово *Rodsin* — гребцы, что это послѣднее было названіемъ собственнымъ еще въ IX в., тогда какъ извѣстно, что и въ XIII в. оно имѣло значеніе нарицательное; нѣтъ возможности, говорю, доказать, что слово Русь не могло быть словомъ Славянскимъ, что Русины переселились въ Угры въ XIII и XIV в., что безымянный Нотарій Белы имѣлъ нужду утверждать, что Русины въ Паннонію пришли съ Мадыярами, что онъ могъ лгать объ этомъ безо всякой нужды, что только во времена Рубруквиса, а не гораздо раньше начали Русскіе между Дономъ и Волгою водить дружбу съ Венграми, что Константинъ Порфирородный говоритъ о воеводахъ, о воеводѣ Лебедіи у Мадыаръ не потому, чтобы они дѣйствительно у нихъ были, а потому, что извѣстіе о Мадыярахъ онъ получилъ изъ устъ Славянина; нѣтъ возможности, говорю, доказать, что Руссы Массуди, цѣлый, самобытный народъ, жившій по Дону и Азовскому Морю, народъ, въ смыслѣ того времени промышленный, привычный къ морю — были Шведы, а не Славяне, напр. такіе же, какъ Русь Карпатская, про которую, если не всю, то про часть ея, Мадыяры XIII в. говорили — *Rutheni cum Almo duce in Pannoniam venegant*; нѣтъ, говорю, возможности доказать, что Ибнъ-Хордаты-Бегъ разумѣлъ Варяго - Руссовъ, а не Руссовъ Массуди, утверждая: «Руссы изъ племени Славянъ»; нѣтъ возможности доказать, что эти Донскіе, Азовскіе Руссы не могли быть извѣстны гораздо раньше X, IX в., что извѣстіе Табари о Руссахъ подъ 642 г. заключаетъ въ себѣ что то невѣроятное.

Массуди говоритъ, что Руссы народъ независимый, никому не подчиненный, что, въ 912 г. отправляясь въ походъ Каспійскій, они выпросили себѣ пропускъ у Хозаръ и обѣщали имъ дать половину награбленной добычи. — Не вижу ничего невѣроятнаго въ свидѣтельствѣ Табари о Руссахъ, ибо описаніе Руссовъ Массуди заставляетъ и безъ того предположить бытность Руссовъ за долго до X, IX в. "

1. См. въ Приложеніяхъ. II.

Выше мы нашли весьма вѣроятнымъ, что Славяне Русскіе задолго до X — IX в. должны были стремиться на Кавказъ. Напомнимъ извѣстія Ибнъ-Хордаты Бега и неизвѣстнаго автора Книги Страць (X в.) о Славянскихъ торговцахъ, ходившихъ въ Ибиль и Багдадъ, а также и строгій выводъ, основанный на изслѣдованіи куоическихъ монетъ — «съ конца VIII до нач. XI в. включительно жители нынѣшней Россіи производили постоянно торговлю съ при-Каспійскими мусульманскими и огнепоклонническими владѣніями»¹.

Изрѣдка, но попадаются въ Россіи монеты Испегбедскія и Умейядскія изъ к. VII в. Табари подь 642 г., передъ описаніемъ похода Абдуррахмана на Ширваншаха, говоритъ о городѣ Хозарь, что на берегу моря (т. е. Каспійскаго). «Тамъ, прибавляетъ онъ, ведутся торговыя дѣла». «Da treibt man Handelsgeschäfte. Dieses ist von allen Thoren das grösste und wird Thor der Thore genannt. In jenen Städten webt man gestreifte wollene Tücher, und jenes (Thor) nennt man Derbend der Chasaren. Es fällt (liegt) gegen Rai und Irak.» (Ст. г. Дорна S. 452).

Какъ бы то ни было, но Славяне прежде, чѣмъ стать посѣщать эти земли Каспійскія и Кавказскія съ цѣлями мирными, торговыми, должны были ознакомиться съ ними путемъ грабежа.

Въ VI в. и гораздо раньше Славяне жили на Дону; въ то время преданія объ Азіи должны были сохранять всю свою свѣжесть.

Славяне и Анты были народъ сильный, крѣпкій, отважный и воинственный. Походъ Гунновъ въ Малую Азію (въ 430 и 440 г.) не могъ имъ быть безъизвѣстнымъ и безъ сомнѣнія служилъ для нихъ примѣромъ. Въ VII в., а по всей вѣроятности и раньше, Славяне уже стремятся на Кавказъ. Зная дружелюбныя отношенія Гунновъ къ Славянамъ, и признавая въ Славянахъ стремленіе на востокъ, въ Азію, которая всегда, во всѣ времена и на всѣ народы дѣйствовала какъ-то особенно обаятельно, зная наконецъ участіе Славянъ въ рядахъ Гунновъ въ другихъ походахъ ихъ, смѣемъ думать, что въ походѣ Гунновъ на Малую Азію, Славяне принимали значительное участіе.

1. Ст. г. Григорьева «О куоич. монет. VIII, IX, X и отчасти VII и XI в., находимыхъ въ Россіи и при-Балтійскихъ краяхъ, какъ источниковъ для древн. отеч. исторіи» (Зап. Од. Общ. Ист. и Древн. Т. I. С. 139).

Выше я привелъ уже извѣстіе Клавдіана объ этомъ походѣ, теперь позволяю себѣ привести краснорѣчивыя слова Св. Іеронима о томъ же самомъ. Въ письмѣ къ Іліодору великій учитель Церкви⁶³ говоритъ: «Я рассказываю не о бѣдствіяхъ несчастныхъ, но о шаткомъ состояніи человѣчества. Приходишь въ ужасъ при мысли о развалинахъ нашего времени. Вотъ уже двадцать и даже болѣе лѣтъ, какъ между Константинополемъ и Юлійскими Альпами ежедневно проливается Римская кровь. Скиѣю, Оракію, Македонію, Дарданію, Дакію, Фессалонику, Ахаію, Эпиръ, Далмацію и всю Паннонію — Готъ, Сарматъ, Квадъ, Аланъ, Гунны, Вандалы, Маркоманны грабятъ, рвутъ, разоряютъ.⁶⁴ Сколько женщинъ, сколько дѣвъ, сколько великихъ и благородныхъ личностей были предметомъ посмѣянія этихъ звѣрей? Епископы уведены въ плѣнъ, пресвитеры и другія духовныя лица умерщвлены. Церкви разрушены, у алтарей Христовыхъ понадѣланы конюшни, изъ земли вырыты мощи мучениковъ, всюду горе, всюду плачь, вездѣ образъ смерти. Римскій міръ рушится, однако выя наша не сгибается. Каковъ, думаешь, духъ теперь въ Коринѣяхъ, Аѳинянахъ, Лакедемонцахъ, Аркадцахъ, и во всей Греціи, гдѣ всюду нынѣ повелѣваютъ варвары? и, конечно, я упомянулъ о немногихъ городахъ, гдѣ нѣкогда были не незначительныя царства. Востокъ, казалось, избавился отъ этихъ бѣдствій, до него доходили только страшныя вѣсти. Но вотъ въ прошломъ году съ высокихъ горъ Кавказа напустились на насъ уже не Аравійскіе, а сѣверные волки и въ короткое время опустошили много областей. Сколько монастырей было взято? сколько рѣкъ замутилось человѣческою кровью? осаждена Антиохія и другіе города, орошаемые Галисомъ, Кидномъ, Оронтомъ и Евфратомъ: увлечены толпы плѣнниковъ. Аравія, Финикія, Палестина, Египетъ поражены страхомъ. Мало мнѣ ста языковъ, ста устъ, желѣзнаго голоса. Наконецъ я въ виду имѣлъ не исторію писать; а только вкратцѣ оплакать наши бѣдствія»¹.

Въ другомъ письмѣ къ Оксану, такъ говоритъ Св. Іеронимъ

1. Divi Hieronymi Stridon. Epistolae selectae et in libr. tres distributae opera D. Petri Canisii. Neapoli. MDCCLXXIII. lib. II. Ep. XXII. pag. 396—397.

объ этомъ походѣ Гунновъ: «Вотъ внезапно промчалась вѣсть и содрогнулся востокъ, о томъ, что съ береговъ Меотійскаго моря, съ пространства между Дономъ и Массагетами, съ горъ Кавказскихъ, гдѣ стѣна Александра удерживаетъ дикіе народы, прорвались полчища Гунновъ, чтобы на своихъ коняхъ пронести повсюду смерть и ужасъ. Въ то время не было тамъ Римскаго войска, бывшаго тогда въ Италиі по случаю усобицы. Да избавить Богъ Римскій міръ впредь отъ такихъ звѣрей. Они всюду являлись неожиданно, и, предупреждая молву быстротою, не щадили ни вѣры, ни званія, ни возраста, не жалѣли младенцевъ. Умирали тѣ, которые едва начинали жить и, не вѣдая своего несчастія, улыбались въ рукахъ и подъ стрѣлами непріятели. Была всеобщая молва, что они, увлекаемые своимъ корыстолюбіемъ, пойдутъ къ Іерусалиму. Отъ долгаго мира были пренебрежены укрѣпленія: Антиохія осаждалась. Древній Тиръ, желая оторваться отъ земли, искалъ острова»¹.

Грубость и жестокость этихъ Гунновъ не могутъ ни въ какомъ случаѣ служить опроверженіемъ вѣрности предположенія, что въ рядахъ ихъ принимали значительное участіе Славяне. Стоитъ только для этого вспомнить слова Прокопія о грабежахъ и опустошительныхъ набѣгахъ Славянъ въ Восточной Имперіи, въ Иллиріи, Фракіи.

Есть основаніе думать, что Славяне, имѣвшіе поселенія на Дону во II в. по Р. Х. (Плиній и Птолемей) и даже гораздо раньше (Сканд. пред. объ Одишѣ), могли проникать въ Малую Азію и за долго до Гунновъ; ибо, повторяю, въ Славянахъ того времени нельзя не признавать ни отваги, ни удали, ни предприимчивости, ни свѣжести народныхъ преданій и воспоминаній объ Азіи и востокѣ, ни стремленія и тяготѣнія къ нему, слѣдовательно на посѣщеніе Малой Азіи у Славянъ могла быть охота; но была ли внѣшняя, отъ нихъ не зависѣвшая, возможность удовлетворять ее, иными словами — былъ ли достаточно свободенъ путь?

Славяне жили на Понтѣ, между Днѣпромъ и Днѣстромъ, у устьевъ Дуная не только въ VI, IV и III в., но по всей вѣроят-

1. Тамъ же, I. III, ер. X, р. 566—567.

ности и раньше. Готы, безъ сомнѣнія тѣснимые Славянами¹, поселились между Днѣстромъ и Днѣпромъ, на Черноморьѣ, около 182—215 г. Отсюда они дѣлали набѣги на Римскую имперію.

Мы выше видѣли, что зная свидѣтельство Прокопія о жилищахъ Антовъ и обращая на древнее Скандинавское преданіе объ Одинѣ, о его сожительствѣ съ Ванамъ, отъ коихъ Донъ (Tanais) получилъ свое названіе, то вниманіе, какое оно по истинѣ заслуживаетъ, нельзя и въ Плиніевскихъ *Serbi* и въ Птолемеевскихъ *Σιρβοί*, что на Дону, не признавать вѣтви Славянской. Готы овладѣли потомъ побережьемъ между Днѣпромъ и Дономъ, Таврическимъ полуостровомъ, Киммерійскимъ Босфоромъ, захватили тамъ корабли и моряковъ-туземцевъ, предпринимали отсюда опустошительные походы на Малую Азію, ок. 253, 264, 289 г. брали Трапезонтъ, Халкедонъ, Никомицію, Никею, Брусу, Кіосъ, Анамею и пр. — Такіе походы не могли быть неизвѣстны Славянамъ и не послужить для нихъ примѣромъ. Наконецъ весьма вѣроятно даже, что въ этихъ походахъ Готовъ, Славяне сами принимали не малозначительное участіе. — Здѣсь позволю себѣ замѣтить, что едва ли не весьма желательно появленіе на Русскомъ языкѣ подробной монографіи о судьбѣ Черноморскихъ Готовъ.

Одинъ, живя въ такихъ близкихъ сношеніяхъ съ Ванамъ,

1. Шафарикъ несомнѣнно доказалъ, что Нѣмцы, напавшіе на Паннонію и Дакію (165—169) были вытѣснены съ Балтійскаго побережья Славянами, Венедами. Такъ надо понимать *superiores barbari* (*Barbaren nördlicher Striche*, какъ передаетъ Маннертъ) въ слѣд. мѣстѣ Юлія Капитолина — *Victovalis et Marcomannis cuncta turbantibus, aliis etiam gentibus, quae pulsae a superioribus Barbaris fugerant, nisi reciperentur, bellum inferentibus*. А Тацитъ никого болѣе, какъ Славянь разумѣлъ, говоря: *quicquid inter Panninos Fennosque silvarum ac montium erigitur, latrocinii peregrant*. Безпристрастные Нѣмецкіе ученые думаютъ точно такъ же. Шафарикъ указываетъ на слѣдующія слова Гаупа: «*Sehr wahrscheinlich haben die vielen Züge der östlichen Völker Germaniens, von denen die Geschichte namentlich seit dem 2 Jahrh. weiss, mit Bewegungen anderer östlichen, hauptsächlich slawischen Völker in Verbindung gestanden. Gewiss ist man oft viel zu geneigt, die Ursache grosser Völkerzüge bloss im Wanderungstrieb zu suchen; meist wirken auch äussere Motive mit, ja diese pflegen die stärksten zu sein.* Gaupp. *Gesch. d. Thür.* S. 46.

на Дону, рѣкѣ Славянской, прославилъ себя войнами не только на сушѣ, но и на морѣ.

Иродотъ, посѣщавшій Греческія колоніи на Черноморьѣ, сохранилъ намъ любопытныя извѣстія о Неврахъ, Будинахъ, Славянское происхожденіе коихъ кажется окончательно доказано незабвеннымъ Шафарикомъ. Жилища Будиновъ, по его основательнымъ соображеніямъ, должны были лежать въ Вольтыи и Бѣлоруссіи. Иродотъ говоритъ, что въ землѣ Будиновъ былъ довольно обширный, изъ дерева выстроенный городъ. «Въ немъ находились храмы боговъ Греческихъ по способу Греческому украшенные идолами, жертвенниками и божницами (*Ἑλληνικῶν θεῶν ἱερά Ἑλληνικῶν κατεσκευασμένα ἀγάλμασι τε καὶ βωμοῖσι καὶ νηοῖσι ξυλίνοισι*). Ибо Гелоны (самый городъ въ землѣ Будиновъ назывался *Γελωνός*) издревле были Елинами; но выйдя изъ торговыхъ мѣстъ, поселились между Будинами; они говорятъ частью по Скиѣски, частью по Гречески. — Будины не сходны съ Гелонами ни языкомъ, ни образомъ жизни: ибо Будины, какъ туземцы, народъ пастушескій и употребляютъ въ пищу еловыя шишки. Гелоны же, занимаясь земледѣліемъ, питаются хлѣбомъ, и владѣютъ садами, и не похожи на нихъ ни видомъ, ни цвѣтомъ: несправедливо Греки называютъ Будиновъ Гелонами».

Шафарикъ, по моему крайнему разумѣнію, весьма основательно замѣтилъ: «Что касается извѣстія Иродота о земледѣліи и садоводствѣ Гелоновъ, то невѣроятно, чтобы оно относилось къ однимъ только Гелонамъ. Вѣдь самъ же онъ выше говоритъ, что Греки также и Будиновъ называли Гелонами? А потому легко могло случиться, что, при такой неопредѣленности названія, то, что принадлежало Будинамъ, исключительно относили къ Гелонамъ. Будины, народъ великій и многочисленный, по различію земель, занимаемыхъ ими, вели и разный образъ жизни: тутъ занимались земледѣліемъ, а тамъ скотоводствомъ. Вообще сказаніе о происхожденіи всѣхъ Гелоновъ отъ Грековъ весьма подозрительно. Очень возможно и даже весьма вѣроятно, что Гелоны — были особенная вѣтвь Будиновъ, въ главномъ городѣ коихъ проживали Греческіе купцы».

Очень вѣроятно, что Славяне, всегда воспріимчивые, многое

перенимали отъ Гелоповъ, или отъ Греческихъ поселенцевъ. Припомнимъ теперь Греческія колоніи на Черноморьѣ, ихъ безпрерывныя сношенія съ М. Азією, весьма обширную, для того времени, торговлю янтаремъ, мѣхами и хлѣбомъ, производившуюся черезъ эти земли, и мы едва ли поступимъ неосновательно, если рѣшительно откажемся отъ опредѣленія времени, когда Славяне Европейскіе впервые стали посѣщать Малую Азію?

Ж. По свидѣтельству Иродота, Скилакса¹ и др., въ числѣ городовъ въ Виоиніи были между прочимъ Κίος (ἦ). Въ древности разнѣ объясняли это названіе: одни говорили, что Κίος было имя одного изъ спутниковъ Иракла, который и основалъ этотъ городъ; другіе, что Милитцы основали колонію и назвали ее Κίος; третьи, что ее основалъ Полифемъ. Какъ бы то ни было, жители ея назывались Κλαυοί. — т. е. *Кіане*.

Нельзя не замѣтить, что *Кіевъ* извѣстенъ не однимъ Славянамъ Русскимъ; что древнее народное преданіе приписываетъ основаніе нашего *Кіева* мифическому *Кію*, совершившему нѣкогда какое-то странное путешествіе; что форма *Кіевъ* требуетъ при себѣ — форму *Кіевляне*; что въ древне-Русскомъ языкѣ постоянно употребляется форма *Кіане*, указывающая собою на *Кій*, не *Кіевъ* и совершенно отвѣчающая Греческому Κλαυοί.

Другой городъ въ Виоиніи, на названіе котораго я намѣренъ теперь обратить вниманіе читателя, назывался Λίβυσσα (Плут. Плиній)², а у Птолемея Λίβισσα. Нельзя не замѣтить, что какъ корень, такъ и окончаніе этого слова. — Славянскія: *Любуша*, *Любусъ*³.

Конечно сходство собственныхъ именъ бываетъ очень часто случайно; однако нельзя не обратить вниманія на то, что гор. Λίβυσσα лежитъ въ весьма близкомъ разстояніи, на востокъ,

1. Forbiger Handb. d. alten Geogr. II, 382.

2. Id. II. S. 389.

3. См. Monumenta Serbica ed. Fr. Miklosich. Vienna. 1858: «оу *Любешъ* потокъ. *Любешъ* потокомъ» (р. 73); «на Дубовникъ студеньць оу прѣкоу цѣстоу до соухе *Любоуше* и оу планиноу» (р. 92). Срв. Чешскія мѣстныя имена: *Liboš*, *Libuň*, *Libaň*, *Libuň*, *Libeč*, *Libčica*, *Libiř* *Lubořin* и проч.

отъ Никомидіи, а гор. Κισός отъ Никеи, т. е. именно въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ были поселенія Славянскія не только въ періодъ XVII — XIX в., но и гораздо раньше, напр. въ VII, VIII и въ слѣдующіе вѣка. Нельзя забывать, что предположеніе Шафарика о томъ, что отдѣльныя Славянскія вѣтви могли жить на Забалканскомъ полуостровѣ издревле между Оракійцами и Кельтами, весьма вѣроятно; что нѣтъ никакой возможности указать на время, когда бы Славяне не могли посѣщать М. Азіи. Нельзя наконецъ не вспомнить при семъ, что краткое житіе св. Климента, на Греческомъ языкѣ, найденное почтеннымъ Славянистомъ нашимъ В. И. Григоровичемъ, въ одной Греческой рукописи XIII в. въ Охридѣ, что житіе это начинается слѣдующими словами: «27 Іюня, память иже во святыхъ отца нашего архіерарха и чудотворца Климента, епископа Булгаріи въ Охридѣ. Этотъ великій отецъ нашъ и свѣтило Булгаріи происходилъ по своему рожденію отъ Европейскихъ Мизовъ, которыхъ большинство называетъ Булгарами. Нѣкогда рукою и властью Александра съ Олимпа, что подлѣ Бруссы, они были откинута къ Сѣверному океану и Мертвому морю, потомъ, черезъ довольно продолжительное время, вооруженною силою они перешли Истръ (Дунай) и заняли всѣ сосѣднія земли, Паннонію и Далмацію, Оракію и Илирикъ и большую часть Македоніи и Θεσσαλίи». «Вотъ отъ нихъ-то и произошелъ этотъ святой мужъ¹, и проч.».

Смѣю думать, что это краткое житіе св. Климента написано, также какъ и другое, подробное не Грекомъ, а Болгаринемъ. Греку не могло быть безъизвѣстно, что въ Илирикѣ и въ Далмаціи Болгарь не было; еще менѣе могло быть это неизвѣстнымъ Болгарину; но изъ народнаго, патріотическаго чувства Болгаринъ могъ утверждать, что и Илирикъ и Далма-

1. Привожу подлинникъ: Οὗτος ὁ μέγας πατὴρ ἡμῶν καὶ τῆς Βουλγαρίας φωστὴρ τὸ μὲν γένος εἶλεκεν ἐκ τῶν Εὐρωπαϊῶν Μυσῶν, οὓς καὶ Βουλγάρους ὁ πολλὺς οἶδεν ἄνθρωπος, πάλαι μὲν ἐκ τοῦ κατὰ Προῦσαν Ὀλύμπου πρὸς τὸν βόρειον ὠκεανὸν καὶ τὴν νεκρὰν θάλασσαν ὑπὸ τῆς Ἀλεξάνδρου χειρὸς καὶ ἐξουσίας ἐκτοπισθέντων, μετὰ δὲ συχνῶν χρόνων παραδρομὴν δυνάμει βαρεῖα τὸν Ἰστρον περαιωθέντων καὶ τὰ γειτονεύοντα πάντα κληρωσαμένων, Παννονίαν καὶ Δαλματίαν, Θράκην καὶ Ἰλλυρικὸν καὶ πολλὰ τῆς Μακεδονίας καὶ Θεσσαλίας.

ція и Паннонія населены были его предками, тогда какъ Греку не было это ни съ какой стати. Въ словахъ «отецъ нашъ, свѣтило Болгаріи», — ὁ μέγας πατήρ ἡμῶν καὶ τῆς Βουλγαρίας φωστήρ — скорѣе видѣнъ Болгаринъ, чѣмъ Грекъ; сочинитель весьма хорошо передаетъ Славянскія имена Наума, Горазда; при имени Лихвида не пропускаетъ случая замѣтить, что у Мизовъ т. е. Болгаръ онъ зовется Охридою — περὶ τὴν Λυχνιδον Ἰλλυρίων πόλιν, τῶν πέριξ πόλεων οὖσαν μητρόπολιν, ἣ νῦν Ἀχρίς κατὰ τὴν Μυσῶν ὀνομάζεται γλῶσσαν; что Кефалинія по-Болгарски называется Главиница — καὶ τὴν Κεφαληνίαν μετονομασθεῖσαν τῇ Βουλγάρων φωνῇ Γλαβινίτζαν. Вижу Славянина, Болгарина, а не Грека, когда сочинитель говоритъ, что св. Климентъ, природный Болгаринъ, оставилъ по себѣ въ Охридѣ священныя книги своего сочиненія, которыя уважаются всеѣмъ народомъ, не меньше, чѣмъ богодухновенныя скрижали Моисея. Видѣнъ въ сочинителѣ природный Болгаринъ, а не Грекъ, когда говоритъ онъ о Михаилѣ, царѣ Болгарскомъ, о его успѣхахъ въ добродѣтели, объ усовершенствованіи Климентомъ азбуки Кирилловской, и пр.

И такъ и краткое житіе св. Климента написано природнымъ Болгариномъ. — Обращаемся же къ этому Болгарскому, Славянскому свидѣтельству, сказанію о томъ, что нѣкогда, давно, когда-то, до Александра Великаго, жили Славяне у Олимпа, подлѣ Бруссы, т. е. въ Виоиніи, въ М. Азіи; что оттуда Славяне были прогнаты Александромъ Великимъ и удалились къ Сѣверному Океану и Мертвому Морю, — полагать надо, что сочинитель разумѣлъ здѣсь Балтійское и Нѣмецкое море; — что послѣ этого, черезъ довольно продолжительное время, Славяне перешли Дунай, заселили Тракію, Иллирикъ, Далмацію, большую часть Македоніи и Фессалии. — Сочинитель этого житія жилъ никакъ не позже XIII и даже XII в., а всего вѣроятнѣе въ XI или въ к. X в.: видно, что всѣ преданія и воспоминанія о св. Климентѣ были въ его время еще весьма свѣжи. — Какъ бы то ни было, Болгаринъ не только X — XI в., но и XIII и XII в., не могъ не знать о поселеніяхъ Славянскихъ, Болгарскихъ, ему современныхъ, въ М. Азіи; еще лучше конечно могъ знать онъ и не по книгамъ, а по живымъ народнымъ пре-

даніямъ, о переходѣ Славянъ черезъ Дунай и о поселеніяхъ ихъ во Фракіи, Македоніи и т. д. — Сочинитель ни откуда не могъ вычитать о томъ, что нѣкогда Славяне жили въ М. Азіи, что Александръ Македонскій ихъ выгналъ оттуда. Выдумывать же самому ему не было никакой нужды. — Безусловно же утверждать, что Славяне Болгарскіе въ X — XII в. не могли имѣть никакихъ преданій или рассказовъ народныхъ объ Александрѣ Македонскомъ, было бы, мнѣ кажется, слишкомъ смѣло.

Выдумывать же сочинителю цѣлую сказку о томъ, что Славяне жили когда-то въ М. Азіи, рѣшительно не было никакой нужды. Кажется; гораздо основательнѣе предполагать, что то было общее мнѣніе, распространенное между Славянъ Задунайскихъ, которые быть можетъ и потому такъ всегда стремились въ М. Азію.

Что же касается до словъ сочинителя: у Олимпа близъ Бруссы, то они вѣроятно принадлежатъ ему лично; ими онъ хотѣлъ только ближе опредѣлить прежнія жилища Славянъ¹. — На основаніи предложенныхъ соображеній смѣемъ думать, что это мѣсто житія св. Климента заслуживаетъ великаго вниманія и имѣетъ высокую важность. Если не ошибаюсь, великій знатокъ Славянства Шафарикъ думалъ и объ этомъ мѣстѣ, когда перепечатывая это житіе, сказалъ, что нѣкоторыя мѣста имѣютъ великую историческую важность; — (*pro svou nevšednost a vzácnost, — neméně některých míst velikou v historii důležitost*).

Мѣсто это, если справедливо понимаемъ его, даетъ слѣдующее несомнѣнное положеніе: Славяне Болгарскіе въ XI—XII в., были убѣждены, что нѣкогда предки ихъ жили въ М. Азіи, что такимъ образомъ, поселенія ихъ въ М. Азіи въ VII—VIII в. и послѣ, были не первыя поселенія. Такое народное убѣжденіе заслуживаетъ вниманія тѣмъ болѣе, что города Κίος, съ жителями Κιανοί и Δίβρσσα — легко могутъ всякаго привести къ предположенію о томъ, что Славянскія поселенія въ М. Азіи были издревле. «Однако, если бы Славяне жили въ весьма отдаленное

1. Обозначеніе же мѣстности, жилищъ Славянъ въ М. Азіи у Олимпа, подлѣ Бруссы, конечно книжное, такъ же какъ у Нестора въ его мѣстѣ объ Илирикѣ, у Богухвала — о Панноніи. Однако теперь всеми признано, что эти два послѣднія свидѣтельства — голосъ народнаго преданія.

время въ М. Азіи, то они не могли исчезнуть совершенно изъ виду, ибо страна эта лежала въ центрѣ тогдашняго образованнаго міра, и народности, ея населявшія, были извѣстны Грекамъ?»

Возраженіе это весьма основательно; но прежде чѣмъ рѣзко и смѣло утверждать, что *Κίος*, *Κλαυοί*, *Λίβυσσα* — представляютъ чисто случайное сходство съ слов. *Кый*, *Кыяне*, *Любуша*; что все приведенное нами мѣсто изъ житія св. Климента — пустая басня, произведеніе досужей и хвастливой фантазій сочинителя; что выводъ, полученный нами изъ соображенія этихъ названій, и выводъ, полученный нами изъ соображеній словъ жизнеописателя св. Климента, имѣютъ сходство случайное же; что явленіе Славянскихъ поселеній въ М. Азіи въ VII — VIII в., въ тѣхъ самыхъ мѣстахъ, гдѣ были города *Κίος*, *Λίβυσσα*, гдѣ, по свидѣтельству жизнеописателя св. Климента, давно когда-то, въ сѣдой древности жили Славяне, что такое явленіе тоже ничто болѣе, какъ чистая случайность; прежде, чѣмъ стать рѣзко толковать о такихъ случайностяхъ и оставлять ихъ безъ вниманія, какъ таковыя, нельзя забывать, что въ Пафлагоніи, другой, пограничной Виоиніи, М. Азійской области, находилась мѣстность подъ названіемъ *Ζάγωρον* — по свидѣтельству Маркіана; *Ζάγειρα* — по Птоломею; *Zacoria* — по Певтингеровой картѣ; *Ζάγορα* — по Арріану — т. е. *Загора*, опять чисто Славянское названіе, понынѣ извѣстное всеѣмъ Славянамъ. Конечно и это сходство могло быть случайнымъ, однако не можетъ же добросовѣстный изслѣдователь не вспомнить при семъ, что въ области Пафлагоніи жили Генеты (Омиръ, Ирод. и пр.) и Венеты (Помпоній), что подъ этимъ именемъ слыли Славяне въ Европѣ. Конечно и это сходство могло быть чисто случайнымъ, и Шафарикъ нашъ былъ вполне правъ, пиша въ 1837 г.: — «Нѣкоторые писатели, видя сходство названія ихъ (Венетовъ Адриатическихъ) съ Азіятскими Генетами, обитавшими въ Пафлагоніи, близъ моря, въ краѣ называемомъ теперь Кастамунъ, и съ Венетами Арморійскими, жившими въ Галліи, производили ихъ, то отъ тѣхъ, то отъ другихъ, что однако рѣшительно несправедливо. Конечно, имя Генетовъ, какъ уже выше доказано, ничѣмъ не отличается отъ

имени Венетовъ и Венедовъ, тѣмъ болѣе, что и Мела прямо называетъ ихъ Вешетами, однако же, бытіе этого народа скрывается во мракѣ вѣковъ, недоступныхъ исторіи, а потому не позволительно на одномъ только имени основывать положительныхъ историческихъ выводовъ». — Шафарикъ, повторяю, былъ вполне правъ, утверждая это, но мы были бы не правы, если бы прямо порѣшили, что сходство Венетовъ Пафлагонскихъ, М. Азійскихъ съ Венетами Европейскими, т. е. Балтійскими и Гальскими было чисто случайное.

Выше мы (I) убѣдились въ возможности и законности вопросовъ: 1) «остались ли у Славянъ слѣды народныхъ преданій объ Азій, какъ о древнѣйшей ихъ прародинѣ? 2) «при выселеніи Славянъ изъ Азій въ Европу, не осталось ли болѣе или менѣе значительная ихъ часть въ Азій?» — Присемъ мы нашли тогда нужнымъ замѣтить: «при возможности въ настоящее время двоякаго рѣшенія этого вопроса, необходимо признать за истину несомнѣнную, что Славяне Азійскіе и Европейскіе долго не теряли сознанія единства своего происхожденія и также долго не прерывали и своихъ связей».

Разсмотрѣвъ судьбу Славянъ въ М. Азій, мы пришли къ выводу, кажется, довольно твердому, что Славянская стихія въ М. Азій хотя и переживала различныя фазы, однако существовала непрерывно съ VII в. по настоящее время включительно.

Обратившись къ разсмотрѣнію вопроса — когда Славяне впервые стали проникать въ М. Азію, мы, перебравъ въ умѣ нашемъ всѣ данныя, намъ извѣстныя, пришли къ тому твердому убѣжденію, что нѣтъ никакой возможности указать на время, когда впервые Славянская стихія проникла въ М. Азію.

Въ этомъ отношеніи, смѣю думать, всякой ученый, понимающій возможность и законность выше предложеннаго вопроса о томъ, что при выселеніи Славянъ изъ Азій въ Европу не осталась ли часть ихъ въ Азій, всякой ученый, говорю я, одобрить послѣднее заключеніе наше. Дѣйствительно, вѣдь Славянская-то стихія могла проникнуть въ Малую Азію не только изъ Европы, но и изъ Азій, гдѣ могла остаться часть Славянъ при выселеніи всего племени въ Европу.

Надѣюсь, пишущій эти строки не проступилъ противъ правилъ осторожной критики, когда, найдя сходство названій древнихъ городовъ въ Виоиніи — *Κίος* и *Λίβυσσα*, съ названіями Славянскими, заключилъ, что, хотя это сходство и могло быть чисто случайнымъ, однако, не утверждая ничего положительнаго, не слѣдуетъ терять изъ виду того, что и *Κίος* и *Λίβυσσα* — находились въ тѣхъ самыхъ мѣстностяхъ, гдѣ были Славянскія поселенія не только въ XVII — XIX в., но и въ VII, VIII и въ слѣд. вѣка. Полагаю, что онъ поступилъ основательно, когда не сталъ утверждать рѣзко и положительно, что замѣчаемое это сходство — чистая случайность; ибо нѣтъ ничего нелѣпаго, невѣроятнаго и невозможнаго въ томъ предположеніи, что Славянская стихія была издревле въ М. Азій. Точно также, кажется, благоразумно поступилъ онъ, при разсмотрѣннн извѣстнаго мѣста жизнеописателя Св. Климента, замѣтивъ, что слова его о бытности нѣкогда, въ сѣдой древности, Славянъ въ М. Азій, должны быть приняты во вниманіе, а не отвергаемы, какъ пустая, нелѣпая выдумка досужаго грамотѣя. Ибо у Славянъ очень легко могли сохраняться смутныя народныя преданія о томъ, что Славянскія поселенія въ Малой Азій въ VII — VIII в. не были первыми, что задолго до нихъ жилали когда-то Славяне въ М. Азій. Вѣдь мы выше уже видѣли, что Славяне издревле могли жить въ М. Азій, что Славяне Европейскіе могли издревле посѣщать ее. Отчего же имъ было и не имѣть такого народнаго преданія?

Не безразсудно, кажется, поступилъ авторъ, когда указывая на мѣстность *Загору* въ Пафлагоніи, онъ вспомнилъ о Венетахъ Пафлагонскихъ.

Шафарикъ былъ правъ, когда не соглашался съ Суровецкимъ, считавшимъ этихъ Венетовъ Славянами; но мы, повторяемъ, были бы неправы, если бы стали теперь повторять слова Шафарика, такъ какъ въ настоящее время въ защиту Славянства Венетовъ Пафлагонскихъ представляются соображенія не безъосновательныя, данныя не малозначительныя и совершенно новыя.

«Но Иродотъ, знавшій Венетовъ Пафлагонскихъ, считалъ ихъ Мидійцами». Возраженіе это, смѣемъ думать, не важно,

ибо Продотъ — Венетовъ Адриатическихъ называлъ Иллирійцами, Славянь Русскихъ — Скифами, Сигинновъ, въ коихъ Шафарикъ весьма не безъосновательно видитъ Славянь, Мидійцами. Наконецъ современники Продота, а по всей вѣроятности и предшественники его, считали Венетовъ Пафлагонскихъ не Мидійцами, а соплеменниками Венетовъ Адриатическихъ ¹.

Тацитъ, приступая въ своемъ описаніи Германіи къ Славянамъ, Венедамъ, нашель нужнымъ сказать — «сомнѣваюсь, причислить ли Венедовъ къ Сарматамъ или къ Германцамъ». Сообразивъ потомъ ихъ оскдлый образъ жизни, ихъ щиты, ихъ пристрастіе къ пѣхотѣ, а не къ конницѣ, Тацитъ рѣшилъ причислить ихъ къ Германцамъ; однако онъ не скрылъ, что они многое заимствовали отъ Сарматовъ — *Venedi multum ex moribus (Sarmatarum) traxerunt*. Такъ точно и Венеты Пафлагонскіе могли многое заимствовать отъ Мидійцевъ, какъ по малочисленности своей среди множества иноплеменниковъ, такъ и по воспримчивости своей, столь врожденной Славянамъ. Кажется, нельзя сомнѣваться въ томъ, что Тацитъ въ своихъ водахъ былъ несравнено строже Продота, который, какъ очень вѣроятно, поставленный на мѣсто Тацита, рѣшилъ бы прямо, что Венеды — Сарматы, тогда какъ Тацитъ, на мѣстѣ Продота, весьма вѣроятно Венетовъ Пафлагонскихъ прямо и рѣшительно не назвалъ бы Мидійцами, а Венетовъ Адриатическихъ — Иллирійцами.

Читатель видитъ, что мы говоримъ рѣшительно, называя Венетовъ Пафлагонскихъ соплеменниками Венетовъ Адриатическихъ, Славянами. Мнѣніе такое можно и должно бы было назвать слишкомъ смѣлымъ, если бы оно опиралось только на предъидущихъ соображеніяхъ. На основаніи ихъ оно только вѣроятно. Нижеслѣдующіе доводы и соображенія наши, надѣюсь, возводятъ эту вѣроятность на степень прямой исторической достовѣрности.

1. Σοφοκλῆς γοῦν ἐν τῇ ἀλώσει τοῦ Ἰλίου παρδαλέαν φησὶ πρὸ τῆς θύρας τοῦ Ἀντήνορος προτεθῆναι σύμβολον τοῦ ἀπόρρητον ἑαθῆναι τὴν οἰκίαν. Τὸν μὲν οὖν Ἀντήνορα καὶ τοὺς παῖδας μετὰ τῶν παραγενομένων Ἐνετῶν εἰς τὴν Θράκην περὶσωθῆναι· κακείθεν διαπεσεῖν εἰς τὴν λεγομένην κατὰ τὸν Ἀδρίαν Ἐνετικὴν. Strab. p. 608.

Въ древности существовало мнѣніе, что Венеты Адриатическіе есть ничто иное, какъ поселеніе, колонія Венетовъ Пафлагонскихъ. Въ настоящее время ученые, достойные глубокаго уваженія и оказавшіе наукѣ услуги незабвенныя, какъ-то Цейссъ, Гротендъ и Форбигеръ единогласно отвергаютъ это мнѣніе, какъ чистую ложь, пустую басню и целѣнную выдумку¹.

Пишущій эти строки не станетъ скрывать отъ читателя, что не безъ нѣкотораго страха и трепета рѣшается онъ прямо противорѣчить такимъ замѣчательнымъ ученымъ; но продолжительныя размышленія объ этомъ предметѣ, смѣетъ думать, великой важности не только для исторіи новой, но и древней Европы, убѣдили его несомнѣнно въ справедливости ниже-слѣдующихъ доводовъ.

Предварительно считаю долгомъ замѣтить, что ни Цейссъ, ни Гротендъ, ни Форбигеръ не обратили должнаго вниманія на то, что еще современники Иродота и даже вѣроятно его предшественники полагали, что Венеты Адриатическіе произошли отъ Венетовъ Пафлагонскихъ; что Страбонъ дѣйствительно считалъ *одно время* Венетовъ Адриатическихъ за отрасль, за колонію Венетовъ Гальскихъ, но потомъ перемѣнилъ свое мнѣ-

1. Цейссъ, говоря о Венетахъ Адриатическихъ, замѣчаетъ: «Mit welcher aber diese Sprache verwandt sei (т. е. Венет.), forschten die alten nicht, und überliessen sich allerlei Vermuthungen und Fabeleien». Въ примѣчаніи же онъ указываетъ на это мнѣніе. Гротендъ (Zur Geographie u. Geschichte von Alt-Italien. Hannover. 1840. IV Heft) вотъ что говоритъ объ этомъ: «Die Veneter, welche mit den Liburnen und Istriern die innersten Küsten des adriatischen Meeres besetzten, waren weder asiatischen Paphlagonen, wie ältere Griechen, noch Gallier aus der Bretagne, wie Strabo, noch slawische Wenden, wie Mannert, oder Anten wie der Erzb. von Mohilow Stanisl. Sestrenczewicz de Bohusz in seinen Recherches historiques sur l'origine des Sarmates, des Esclavons et des Slaves (Petersb. 1812) aus blosser Aehnlichkeit des Namens mit den Benennungen anderer Völker schlossen, sondern, wie Herodotos I, 196; V, 9 bemerkt, gleich den andern Völkern an Italiens Ostküste illyrischen Abkunft....» (S. 6—7). Форбигеръ (Handbuch der alten Geographie, III, S. 578 f.), указавъ на древнихъ писателей, державшихся того мнѣнія, замѣтилъ: «Dass aber diese ganze Sage von der Einwanderung der Veneter aus Kleinasien jeder historischen Grundlage entbehrt, bedarf keines weiteren Beweises. Dennoch hielten sie sich selbst allerdings für Asiaten, und zwar nach Herodot, für Meder» (5, 9). Про Венетовъ Адриатическихъ: «Darüber aber, dass sie ein eingewanderter Stamm waren und nicht in den Urvölkern Italiens gehörten, ist das ganze Alterthum einverstanden» (ibid.).

ше и перешелъ къ противному мнѣнію, производившему Венетовъ Адриатическихъ отъ Венетовъ Пафлагонскихъ; что наконецъ Венеты Адриатическіе сами въ своихъ народныхъ преданіяхъ производили себя отъ Венетовъ Пафлагонскихъ; что *народность* преданія доказываетъ его *историческую истину*.

Выше мы указали на слова Софокла, сохраненныя намъ Страбонемъ; при семъ не можемъ не замѣтить, что нѣтъ ни малѣйшаго основанія полагать, что это преданіе или сказаніе было выдумано самимъ Софокломъ; напротивъ, гораздо вѣроятнѣе, что оно было вообще въ ходу задолго до Софокла; слѣдовательно не только у современниковъ Иродота, но и задолго до него, у Грековъ было убѣжденіе, что Венеты Адриатическіе соплеменники Венетовъ Пафлагонскихъ.

Обращаемся къ Страбону, писателю почтенному, заслуживающему полного нашего уваженія. «Венеты (Гальскіе) произвели, — говоритъ онъ, — *по моему мнѣнію*, Венетовъ Адриатическихъ; ибо почти всѣ другіе Кельты Итальянскіе перешли изъ-за Альпъ, какъ напр. Бойи и Сеноны; по причинѣ же сходства именъ сами себя они называютъ Пафлагонскими. Впрочемъ я этого не утверждаю; въ такомъ предметѣ довольно одной вѣроятности». — «Τούτους οἶμαι τοὺς Οὐενετοὺς, οἰκιστὰς εἶναι τῶν κατὰ τὸν Ἀδρίαν. καὶ γὰρ οἱ ἄλλοι πάντες σχεδόν τι οἱ ἐν τῇ Ἰταλίᾳ Κέλτοι μετανέστησαν ἐκ τῆς ὑπὲρ τῶν Ἀλπέων γῆς, καθάπερ καὶ οἱ Βοῖοι καὶ οἱ Σένονες. διὰ δὲ τὴν ὁμοθυμίαν Παφλαγόνας φασὶν αὐτοὺς. λέγω δ' οὐκ ἰσχυριζόμενος. ἄρκει γὰρ περὶ τῶν τοιούτων τὸ εἶκός».

Страбонъ, по всей вѣроятности, имѣлъ передъ собою какія нибудь положительныя данныя, убѣждавшія его въ единствѣ происхожденія Венетовъ Гальскихъ и Адриатическихъ. Первыхъ Венетовъ онъ считалъ Кельтами; въ слѣдствіе же ихъ сходства и единоплеменности (въ чемъ онъ былъ почти несомнѣнно увѣренъ) съ Венетами Адриатическими, онъ и послѣднихъ считалъ такими же Кельтами¹. Сопражая же известныя ему переселенія съ сѣверо-запада изъ-за Альповъ, въ Италію, народовъ Кельтскихъ, напр. Бойевъ, Сеноновъ, онъ

1. καὶ γὰρ οἱ ἄλλοι πάντες σχεδόν τι οἱ ἐν Ἰταλίᾳ Κέλτοι.

легко могъ подумать и предположить, что и Венеты, такіе же Кельты, какъ и Бойи и Сеноны, появились такимъ же образомъ на Адриатическомъ Поморьѣ. Такое предположеніе, въ глазахъ Страбона, не только объясняло единоплеменность Венетовъ Гальскихъ и Венетовъ Адриатическихъ, извѣстную ему изъ другихъ данныхъ, но въ свою очередь и само подтверждалось ею. Такимъ образомъ его догадка, и безъ того всегда дорогая каждому автору, получала въ его глазахъ еще большую цѣну, еще высшее значеніе. Но едва успѣлъ онъ высказать любезную свою мысль, какъ встрѣтился съ положеніемъ, совершенно отвергающимъ справедливость его догадки, столь ему любезной, разбивающимъ въ прахъ только что построенную имъ гипотезу, столь ему дорогую. Не естественно ли въ такихъ случаяхъ первое движеніе мысли писателя заподозрить неожиданно представшій ему фактъ? Въ такихъ случаяхъ не является ли въ тотъ же мигъ у человѣка, самаго добросовѣстнаго, желаніе подорвать авторитетъ факта, его обличающаго? Такъ случилось и со Страбонъ: горячимъ слѣдомъ такого, впрочемъ только промелькнувшаго въ немъ, желанія остались эти слова: *διὰ τὴν ὁμοουσίαν*— «по сходству именъ». Едва лишь представилъ онъ свою догадку, образовавшуюся въ слѣдствіе глубокаго его убѣжденія въ единоплеменности Венетовъ Гальскихъ и Адриатическихъ, какъ тотчасъ же вспомнилъ, что сіи послѣдніе сами производятъ себя отъ Венетовъ Пафлагонскихъ, отнюдь же не отъ Гальскихъ. Съ цѣлью же ограничить значеніе этого мнѣнія, столь сильно ему противурѣчиваго, онъ невольно прибавилъ эти слова: *διὰ τὴν ὁμοουσίαν*. Но человѣкъ добросовѣстный, всегда готовый для истины пожертвовать своимъ личнымъ мнѣніемъ, Страбонъ вспоминаетъ тутъ древнихъ писателей, выразившихъ то же самое мнѣніе; и невольно встрѣчается съ вопросомъ: неужли весь народъ, производящій себя отъ Венетовъ Пафлагонскихъ, неужли всѣ писатели, выразившіе до меня это мнѣніе, основывались только на одномъ созвучіи именъ — *ὁμοουσία*? Страбонъ не испугался такого вопроса и, что еще болѣе дѣдаетъ ему чести и служить примѣромъ для насъ, новѣйшихъ изслѣдователей, не рѣшилъ его положительно. Нѣтъ, смѣло поставивъ вопросъ и строго его обдумавъ, онъ, хотя и не отказался

отъ своей догадки (что для насъ тоже весьма важно и не менѣе поучительно), замѣтилъ однакоже: «я впрочемъ этого не утверждаю», т. е. я не смѣю рѣшительно утверждать, справедливо ли мое мнѣніе относительно происхожденія Венетовъ Адриатическихъ отъ Венетовъ Гальскихъ, — «ибо въ такихъ предметахъ лучше всего довольствоваться одною вѣроятностью».

Такимъ образомъ, очевидно, и самъ Страбонъ не считалъ за пустую басню мнѣніе, производившее Венетовъ Адриатическихъ отъ Венетовъ Пафлагонскихъ; иначе бы онъ совершенно отвергъ столь противоположное ему мнѣніе, иначе бы онъ не сказалъ, что это мнѣніе тоже вѣроятно, хотя и не такъ, какъ то, къ которому онъ склонялся. Къ сожалѣнію Страбонъ не высказалъ всѣхъ причинъ, заставлявшихъ его предпочитать одно мнѣніе другому. Но, зная добросовѣстность славнаго географа, рѣшительно можемъ утверждать, что главнѣйшею тому причиною была не аналогія Бойевъ и Сеноновъ, а какія нибудь данныя, совершенно независимыя и самостоятельныя, хорошо ему извѣстныя и потому заставлявшія его принимать, какъ почти несомнѣнный фактъ, однопородство Венетовъ Адриатическихъ съ Венетами Гальскими. Одно только обстоятельство — приурочиваніе ихъ къ Кельтамъ, помѣшало ему совершенно подойти къ истинѣ, приурочиваніе совершенно ошибочное, такъ какъ еще Поливій прямо выразился: «Венеты (Адриатическіе) правами и образомъ жизни мало чѣмъ отличаются отъ Кельтовъ, говорятъ однако другимъ языкомъ» — οἱ Οὐενέτοι τοῖς ἔθεσι καὶ τῷ κόσμῳ βραχὺ διαφέροντες Κελτῶν, γλώττη δ' ἄλλοία χρώμενοι. 2, 17. Приурочивши же ихъ къ Кельтамъ, Страбонъ уже не могъ и помыслить о противоположномъ движеніи, изъ Италіи въ земли за-Альпійскія.

Строгая критика, смѣю думать, никогда не дозволитъ отвергать, какъ совершенную басню, слова Страбона о томъ, что Венеты Адриатическіе пошли отъ Венетовъ Гальскихъ. Она только разобьетъ ихъ на двѣ части: первая — фактъ несомнѣнный — единоплеменность тѣхъ и другихъ Венетовъ, вторая часть — личное мнѣніе Страбона о нихъ, какъ о Кельтахъ, и личное же его мнѣніе, хотя основанное на истинномъ фактѣ,

но только неправильно понятомъ, о выселеніи Венетовъ Адриатическихъ изъ Галліи.

Мы видѣли, какое значеніе придавалъ Страбонъ своему мнѣнію, на которое онъ имѣлъ основаніе, и что же? лишь только привелъ онъ себѣ на память другое мнѣніе о Пафлагонствѣ Венетовъ Адриатическихъ, какъ тотчасъ же пошелъ нужнымъ присовокупить, что не смѣетъ рѣшительно утверждать своего мнѣнія, а только держится его, какъ наиболее вѣроятнаго. Страбонъ, если не изъ любознательности, въ которой конечно ему никто не откажетъ, то изъ желанія опровергнуть противоположное ему мнѣніе, безъ сомнѣнія пытался подорвать мнѣніе о Пафлагонствѣ Венетовъ Адриатическихъ, и конечно больше насъ имѣлъ возможности провѣрить и обсудить это мнѣніе. Наконецъ однажды онъ уже кинулъ тѣнь на это мнѣніе, сказавъ, что оно основано на одномъ созвучіи именъ, и противопоставилъ ему другое мнѣніе, болѣе по его понятіямъ вѣроятное и конечно основанное не на созвучіи именъ. И все таки Страбонъ не только не выдаетъ за пустой вымыслъ это Пафлагонство, но въ продолженіе своего труда не разъ къ нему возвращается.

Обращаемся къ другимъ мѣстамъ Страбона для того, чтобы лучше ознакомиться съ его мнѣніемъ о преданіи, производившемъ Венетовъ Адриатическихъ отъ Венетовъ Пафлагонскихъ; такъ какъ мнѣніе его весьма важно для новѣйшихъ изслѣдователей вопроса о народности Венетовъ Адриатическихъ, ибо, повторяемъ, Страбонъ не былъ расположенъ въ пользу этого преданія и больше насъ имѣлъ и побужденій и возможности отвергать его, какъ чистую басню, пустую выдумку.

На стр. 61-й Страбонъ, представивъ примѣры разныхъ физическихъ переворотовъ на землѣ, переходитъ за тѣмъ къ переселеніямъ народовъ. Такъ, говоритъ онъ, Иберы западные поселились на мѣстахъ за Понтомъ и Колхидою, и по словамъ Аполлодора Араксъ отдѣляетъ ихъ отъ Арменіи, еще болѣе, еще вѣрнѣе Киръ (Κῦρος δὲ μᾶλλον) и горы Мосхійскія; Египтяне къ Эѳіопамъ и Колхамъ; *Венеты изъ Пафлагоніи на Адрию.* «Ὅσον ἰβήρων μὲν τῶν ἐσπερίων εἰς τοὺς ὑπὲρ τοῦ Πόντου καὶ τῆς Κολχίδος τόπους μετακισμένων, οὓς καὶ ὁ Ἀράξης, ὡς φησιν

Ἀπολλοδώρος, ἀπὸ τῆς Ἀρμενίας ὀρίζει: Κῦρος δὲ μᾶλλον, καὶ τὰ ὄρη τὰ Μοσχικά. Αἰγυπτίων δ' εἰς τε Αἰθίοπας καὶ Κόλχους. Ἑνετῶν δ' ἐκ Παφλαγονίας ἐπὶ τὸν Ἀδρίαν». — Здѣсь, мы видимъ, Страбонъ еще не сомнѣвается (это мѣсто раньше предвидущаго) въ истинѣ преданія о выходѣ Венетовъ Адриатическихъ изъ Пафлагоніи. Напротивъ того, онъ считаетъ его вѣрнѣе другихъ подобныхъ преданій о переселеніяхъ разныхъ иныхъ народовъ.

На стр. 212-й Страбонъ, сказавъ, что равнина за рѣкою По населена Кельтами и Венетами, продолжаетъ: «Кельты эти однородны съ Кельтами за-Альпійскими. О Венетахъ существуетъ двоякое мнѣніе. Одни говорятъ, что они пошли (собственно колонисты, поселенцы) отъ соплеменныхъ имъ Кельтовъ, живущихъ при океанѣ; другіе же говорятъ, что послѣ Троянской войны съ Антиворомъ часть Венетовъ Пафлагонскихъ бѣжала сюда; въ доказательство сего приводятъ ихъ ревностный уходъ за лошадьми, что теперь совершенно пропало, а прежде весьма ими уважалось, по примѣру предковъ, занимавшихся выводомъ лошаковъ, о чемъ уже Омиръ воспоминаетъ:

Изъ Венетовъ, родины дикихъ лошаковъ.

А Діонисій, тиранъ Сицилійскій, завелъ тамъ табуны коней для ристалищъ, такъ что у Грековъ пользовались славою лошади Венетскія и долгое время этотъ родъ былъ у нихъ въ цѣнѣ». — «Οἱ μὲν οὖν Κελτοὶ τοῖς ὑπεραλπίοις ὁμοεθνεῖς εἰσι. Περὶ τῶν Ἑνετῶν, διττός ἐστι λόγος. Οἱ μὲν γὰρ καὶ αὐτοὺς φασὶ Κελτῶν εἶναι ἀποίκους τῶν ὁμονύμων παρωκεανιτῶν οἱ δ' ἐκ τοῦ Τρωϊκοῦ πολέμου μετ' Ἀντήνορος σωθῆναι δεῦρο φασὶ τῶν ἐκ τῆς Παφλαγονίας Ἑνετῶν τινάς, μαρτύριον δὲ τούτου προσφέρονται, τὴν περὶ τὰς ἵπποτροφίας ἐπιμέλειαν· ἢ νῦν μὲν τελέως ἐκλέλοιπε, πρότερον δὲ ἐτιμάτο παρ' αὐτοῖς, ἀπὸ τοῦ παλαιοῦ ζήλου, τοῦ κατὰ τὰς ἡμιονίτιδας ἵππους. Τούτου δὲ καὶ Ὅμηρος μέμνηται

Ἐξ Ἑνετῶν, ὅθεν ἡμιόνων γένος ἀγροτεράων.

Καὶ Διονύσιος, ὁ τῆς Σικελίας τύραννος, ἐντετεύθεν τὸ ἵπποτροφεῖον συνεστήτατο τῶν ἀσλητῶν ἵππων ὥστε καὶ ὄνομα ἐν τοῖς Ἑλλησι γενέσθαι τῆς Ἑνετικῆς πωλείας, καὶ πολὺν χρόνον εὐδοκιμῆσαι τὸ γένος».

Это мѣсто Страбона весьма важно во многихъ отношеніяхъ. Оно доказываетъ справедливость замѣчанія нашего о томъ, что Страбонъ зналъ, что не одно сходство именъ (*βροσυρία*) было причиною производства Венетовъ Адриатическихъ отъ Венетовъ Пафлагонскихъ. Изъ него видать также, что и до Страбона были люди, которые считали Венетовъ Адриатическихъ и Гальскихъ одноплемениками, что и до него уже въ защиту мнѣнія о выходѣ Венетовъ Адриатическихъ изъ Пафлагоніи приводили и сходство въ занятіяхъ и образѣ жизни Венетовъ Адриатическихъ съ Венетами Пафлагонскими. Дѣйствительно страсть къ коневодству и искусство въ немъ — доводъ весьма сильный, сохраняющій всю свою цѣнность и въ наше время. При всемъ своемъ пристрастіи къ гипотезѣ противоположной, Страбонъ колеблется однако, и, вспомнивъ этотъ послѣдній доводъ, уже не рѣшается болѣе настаивать на происхожденіи Венетовъ Адриатическихъ отъ Гальскихъ, а не отъ Пафлагонскихъ.

На стр. 543-й: «Слѣдуютъ Пафлагонія и Генеты. Спрашивается, какихъ разумѣлъ Генетовъ поэтъ, когда сказалъ :

Пилемешъ вель толпы Пафлагонцевъ
Изъ Генетовъ, родины дикихъ лошаковъ.

Теперь одни говорятъ, что нѣтъ болѣе Генетовъ въ Пафлагоніи, другіе, что есть селеніе на берегу, въ десяти схинахъ отъ Амастри. Зинодотъ изъ Енеты утверждаетъ, что теперь вмѣсто Енеты извѣстенъ городъ Амись. Другіе же полагаютъ, что племя, сосѣднее съ Каппадоками, выступило вмѣстѣ съ Киммерійцами и поселилось у Адриі. Но весьма хорошо извѣстно, что Генеты были самымъ знаменитымъ племенемъ Пафлагонцевъ, къ нему же принадлежалъ и Пилемешъ, что весьма многіе отправились съ нимъ на войну, что, по взятіи Трои, потерявши своего вождя, ушли во Фракію, потомъ, поскитавшись, достигли нынѣшней Венеціи. Нѣкоторые утверждаютъ даже, что Антипоръ и сыновья его участвовали въ этомъ походѣ и поселились на берегу Адриатики, какъ объ этомъ мы уже упоминали въ статьѣ объ Италіи. Вѣроятно такимъ образомъ и вышли Венеты и не оказывается ихъ теперь въ Пафлагоніи»¹. — «*Επειτα*

1. Еще Генеты жили въ Пафлагоніи при Александрѣ Македонскомъ. Такъ по крайности говоритъ Квинтъ Курцій (с. III): *Jamque ad urbem Ancusam ventum*

ἡ Παφλαγονία καὶ οἱ Ἐνετοί. Ζητοῦσι δὲ, τίνας λέγει τοὺς Ἐνετοὺς ὁ ποιητὴς, ὅταν φῆ

Παφλαγόνων δ' ἠγεῖτο Πυλαιμένεος λάσιον κῆρ
Ἐξ Ἐνετῶν, ὅθεν ἡμιόνων γένος ἀγροτεράων.

Οὐ γὰρ δείκνυσθαι φασὶ νῦν Ἐνετοὺς ἐν τῇ Παφλαγονίᾳ; οἱ δὲ κόμην ἐν τῷ αἰγιαλῷ φασί, δέκα σχοίνους ἀπὸ Ἀμαστρέως διέχουσαν. Ζηνόδοτος δὲ ἐξ Ἐνετῆς γράφει, καὶ φησὶ δηλοῦσθαι τὴν νῦν Ἀμισόν. Ἄλλοι δὲ φῦλόν τι τοῖς Καππάδοξιν ὁμορον στρατεῦσαι μετὰ Κιμμερίων. εἰτ' ἐκπεσεῖν εἰς τὸν Ἀδρίαν. Τὸ δὲ μαλίσθ' ὁμολογοῦμενόν ἐστίν, ὅτι ἀξιολογώτατον ἦν τῶν Παφλαγόνων φῦλον οἱ Ἐνετοί, ἐξ οὗ ὁ Πυλαιμένης ἦν καὶ δὴ καὶ συνεστράτευσαν αὐτῷ οὗτοι πλεῖστοι ἀποβαλόντες δὲ τὸν ἠγεμόνα, διέβησαν εἰς τὴν Θράκην μετὰ τὴν Τροίας ἄλωσιν· πλανώμενοι δ' εἰς τὴν νῦν Ἐνετικὴν ἀφίκοντο. Τινὲς δὲ καὶ Ἀντήνορα καὶ τοὺς παῖδας αὐτοῦ κοινωῆσαι τοῦ στόλου τούτου φασί, καὶ ἰδρυθῆναι κατὰ τὸν μυχὸν τοῦ Ἀδρίου, καθάπερ ἐμνήσθημεν ἐν τοῖς Ἰταλικοῖς. Τοὺς μὲν οὖν Ἐνετοὺς διὰ τοῦτ' ἐκλιπεῖν εἰκός, καὶ μὴ δείκνυσθαι ἐν τῇ Παφλαγονίᾳ».

Здѣсь, какъ мы видимъ, Страбонъ не только уже не отвергаетъ мнѣнія о происхожденіи Венетовъ Адриатическихъ отъ Венетовъ Пафлагонскихъ, что сперва онъ совершенно было заподозрилъ, не только ужъ не сомнѣвается въ его справедливости, но даже принимаетъ это преданіе, какъ несомнѣнное историческое свидѣтельство и пользуется имъ для объясненія исчезновенія Венетовъ въ Пафлагоніи. Чѣмъ больше станемъ вникать въ слова Страбона, тѣмъ яснѣе раскроется передъ нами весь ходъ его предварительныхъ изслѣдованій и размышленій о вопросѣ, который сильно его занималъ и по которому онъ представлялъ свою гипотезу. Нельзя кажется отрицать, что вопросъ о происхожденіи Венетовъ Адриатическихъ — сильно занималъ Страбона, вопросъ — вышли ли они изъ Пафлагоніи, или же съ сѣверо-запада, отъ океана Атлантическаго, такъ какъ Аборигенами ихъ никто и не думалъ считать, ни до Страбона, ни при немъ, ни послѣ него, въ чемъ согласенъ и

erat, ubi numero copiarum inito, Paphlagoniam intrat, huic juncti erant Eneti, unde quidam Venetos trahere originem credunt.

Форбигер. Еще менѣе подвержено сомнѣнію то, что Страбонъ первоначально былъ совершенно противъ перваго рѣшенія этого важнаго въ его глазахъ вопроса, т. е. противъ производства Венетовъ Адриатическихъ отъ Венетовъ Пафлагонскихъ. Еще очевиднѣе перемѣна его мнѣнія объ этомъ предметѣ и конечно она произошла въ немъ вслѣдствіе долгаго размышленія и не безосновательныхъ розысканій.

Смѣю думать, что Страбонъ перемѣнилъ свое мнѣніе и согласился съ противоположнымъ, утверждавшимъ что Венеты Адриатическіе произошли отъ Венетовъ Пафлагонскихъ, на основаніи слѣдующихъ данныхъ и соображеній:

1) Древніе писатели, какъ напр. Софокль, а конечно и многіе другіе, отъ которыхъ не дошли до насъ извѣстія, выводили Венетовъ Адриатическихъ изъ Пафлагоніи.

2) Венеты Пафлагонскіе славились своимъ коневодствомъ; точно также и Венеты Адриатическіе.

3) Позднѣйшее исчезновеніе или уменьшеніе Венетовъ въ Пафлагоніи, объясняетъ ихъ выходъ оттуда и тѣмъ подтверждаетъ преданіе о происхожденіи Венетовъ Адриатическихъ отъ Венетовъ Пафлагонскихъ.

4) Сходство именъ ихъ не случайное.

5) Венеты Адриатическіе сами себя производили отъ Венетовъ Пафлагонскихъ не по созвучію именъ — не *διὰ τὴν ὁμοφωνίαν*.

Таковы были, смѣю думать, данныя и соображенія, представлявшіяся Страбону и убѣдившія его въ справедливости преданія, выводившаго Венетовъ Адриатическихъ изъ Пафлагоніи.

Выше мы видѣли, что Страбонъ самъ сказалъ: «впрочемъ по причинѣ сродства именъ сами себя они называютъ Пафлагонскими». Мы объяснили уже, какъ надо понимать здѣсь слова «впрочемъ по причинѣ сродства именъ». Страбонъ зналъ хорошо, что Венеты Адриатическіе сами себя считали выходцами изъ Пафлагоніи; если же онъ былъ бы твердо увѣренъ въ томъ, что такое ихъ мнѣніе основано на созвучіи именъ, то безъ сомнѣнія онъ и не упомянулъ бы о такомъ мнѣніи, и во всякомъ уже случаѣ не сказалъ бы вслѣдъ за тѣмъ: «Впрочемъ я этого не утверждаю, въ такихъ предметахъ довольно одной вѣроят-

ности». Свою гипотезу о происхождении Венетовъ Адриатическихъ отъ Гальскихъ онъ считалъ тогда основательною, иначе бы онъ не предлагалъ ее читателю. Если же противоположное ему мнѣніе основывалось на одномъ созвучіи именъ, то онъ смѣло бы могъ остаться при своемъ мнѣніи. Такимъ образомъ слова Страбона «впрочемъ по сходству именъ сами себя (т. е. Венет. Адр.) считаютъ Пафлагонцами» — *διὰ δὲ τῆν ὁμοιότητα Παφλαγόνων φασὶν αὐτοὺς* — должны быть разбиты на двѣ части — первая — Венеты Адриатическіе сами себя называли выходцами изъ Пафлагоніи — это фактъ несомнѣнный; вторая — они такъ думали на основаніи сходства именъ — это личное мнѣніе Страбона, которое впоследствии времени перемѣнилъ онъ самъ, ибо иначе онъ не присталъ бы къ тѣмъ, которые выводили Венетовъ Адриатическихъ изъ Пафлагоніи.

Но вѣдь это безспорно весьма важный фактъ, если только онъ справедливъ, т. е. что сами Венеты Адриатическіе, самъ народъ смотрѣлъ на Пафлагонію, какъ на первоначальную свою родину.

Ниже мы увидимъ полную возможность убѣдиться въ Славянскомъ происхождении Венетовъ Адриатическихъ.

Выше мы могли не разъ замѣтить, что характеръ изложенія Страбона всего менѣе изслѣдовательный: выражая какуюнибудь мысль, или сообщая какойнибудь фактъ, онъ не приводитъ всѣхъ своихъ основаній или источниковъ, а иногда и вовсе проходитъ ихъ молчаніемъ. Такъ, говоря о мнѣніи, производившемъ Венетовъ Адриатическихъ отъ Венетовъ Гальскихъ и склоняясь въ то время болѣе на его сторону, онъ очевидно считалъ дѣломъ въ высшей степени вѣроятнымъ, если не несомнѣннымъ, единоплеменность тѣхъ и другихъ Венетовъ, однако онъ ничего не сообщилъ намъ о ней. Точно также въ другомъ мѣстѣ онъ замѣчаетъ, что существуетъ двоякое мнѣніе о происхождении Венетовъ Адриатическихъ, такъ напр. нѣкоторые вели ихъ отъ Гальскихъ, другіе отъ Пафлагонскихъ. Очевидно, что Страбону были извѣстны писатели древности, державшіеся того или другаго мнѣнія, однако онъ прошелъ ихъ молчаніемъ. Точно также слова его «Венеты Адриатическіе сами себя называютъ Пафлагонцами», заставляютъ

предполагать, что много фактовъ, хорошо извѣстныхъ Страбону, пройдено здѣсь молчаніемъ. Иначе надо предположить, что Страбонъ это выдумалъ, т. е. отъ Венетовъ Пафлагонскихъ они себя не производили. Но возможно ли это? Скорѣе Страбону было вовсе молчать объ этомъ.

Боязнь сказать великую нелѣпость заставляетъ насъ принимать то, что Венеты Адриатическіе дѣйствительно производили сами себя отъ Венетовъ Пафлагонскихъ. Страбонъ только умолчалъ о тѣхъ источникахъ, изъ коихъ заимствовалъ онъ это свѣдѣніе.

По счастью до насъ дошли другія свидѣтельства, доказывающія то же самое.

Знаменитый Римскій историкъ Т. Ливій, быть можетъ самъ Венетъ, по крайности уроженецъ Патавія (Падуа) города Венетскаго, начинаетъ свою исторію разсказомъ о томъ, что по разрушеніи Трои, Антеноръ со множествомъ Генетовъ, изгнанныхъ изъ Пафлагоніи и потерявшихъ своего вожда Пилемена, поселился у Адриатическаго залива, что, вытѣснивши Евганейевъ, жившихъ между Альпами и моремъ, Генеты и Троянцы заняли эти земли, и *то мѣсто*, въ которое они прежде всего пришли, *называется Троею, отсюда же произошло названіе Троянской волости*, весь же народъ назвался Венетами¹).

Если бы и не было свидѣтельства Страбона о народномъ преданіи Венетовъ Адриатическихъ, по которому они выводили себя изъ Пафлагоніи, то и тогда мы не имѣли бы никакого права сомнѣваться въ *народности* этого преданія, такъ какъ имѣемъ передъ собою слова Т. Ливія, изъ которыхъ весьма ясно открывается, что ни онъ самъ, ни никто изъ его современниковъ

1. T. Liv. I, 1. «*Jam primum omnium satis constat Troja capta in ceteros saevitum esse Trojanos; duobus Aeneae Anteriorique, et vetusti jure hospitii, et quia pacis reddendaeque Helenae semper auctores fuerant, omne jus belli Achivos abstinuisse. Casibus deinde variis Antenorem cum multitudine Henetum, qui seditione ex Paphlagonia pulsus et sedes et ducem rege Pylaemene ad Trojam amisso, quaerebant, venisse in intimum maris Hadriatici sinum; Euganeisque qui inter mare Alpesque incolebant, pulsus Henetos Trojanosque eas tenuisse terras: et in quem primum egressi sunt locum, Troja vocatur, pagoque inde Trojano nomen est, gens universa Veneti appellati.*»

не сомнѣвался въ достовѣрности этого преданія. Иначе онъ не сказалъ бы: *jam primum omnium satis constat*. Если бы наконецъ то было преданіе не народное, если же то была басня, выдуманная учеными и книжниками, то могло ли статься, что при Т. Ливіѣ и до него не встрѣтилось бы людей, которые бы высили свой голосъ съ цѣлью обличить и опровергнуть неправду и ложь этого мнѣнія? Положимъ, Т. Ливій, по многимъ причинамъ, между прочимъ по чувству патріотизма и народной гордости, могъ добродушно вѣрить этой баснѣ, мудро сплетенной хитрыми книжниками, однако, если бы были скептики (а они непременно должны были быть въ томъ случаѣ, если то было не народное преданіе), то конечно при изложеніи этого преданія знаменитый историкъ обронилъ бы не одинъ намекъ на нихъ, безъ сомнѣнія тѣмъ скорѣе онъ имѣлъ бы ихъ въ виду, чѣмъ больше цѣны придавалъ онъ этому сказанію. Между-тѣмъ ничего подобнаго не находимъ мы въ словахъ Ливія, напротивъ того, онъ говоритъ объ этомъ, какъ о дѣлѣ, всѣмъ извѣстномъ, несомнѣнность котораго всѣми признана. Но не одинъ тонъ разсказа Ливія и характеръ его изложенія убѣждаютъ насъ въ томъ, что сказаніе о происхожденіи Венетовъ Адриатическихъ отъ Венетовъ Пафлагонскихъ не было изобрѣтеніемъ пустаго тщеславія, считавшаго лестнымъ родство съ такимъ древнимъ и знаменитымъ народомъ, каковы были Венеты Пафлагонскіе, не было выдумкою ученыхъ и книжниковъ, но было чистымъ народнымъ преданіемъ, переходившимъ изъ поколѣнія въ поколѣніе, изъ рода въ родъ.

Нѣтъ и не можетъ быть народа въ мірѣ, который бы не имѣлъ когда либо своихъ преданій о первоначальныхъ своихъ жилищахъ, о родствѣ своемъ съ другими соплеменниками, если въ слѣдствіе какихъ либо обстоятельствъ онъ разлучился съ ними. Колонисты, переселенцы должны имѣть преданія, сохраняющія память объ ихъ митрополіи. Отчего же Венеты Адриатическіе, которые Аборигенами не были, не могли имѣть такихъ преданій? Отчего думать, что ни одинъ изъ писателей древности не сохранилъ до насъ настоящихъ ихъ преданій? Зачѣмъ предполагать, что древніе писатели, вмѣсто того, чтобы сообщить намъ эти настоящія народныя преданія, выдумали свои басни?

Переселенцы, колонисты не только долго сохраняютъ воспоминанія о своей митрополіи, но и стараются память о ней увѣковѣчить разными признаками, напр. даютъ старыя мѣстныя названія новымъ своимъ жилищамъ. Изъ словъ Ливія мы могли уже замѣтить, что еще въ его время въ области Венетовъ были названія, напоминавшія старую ихъ родину — *in quem primum egressi sunt locum, Troja vocatur, pargoque inde Trojano nomen est.* Названія мѣстныя даются народомъ, а не учеными, не книжниками. Если бы сказаніе о происхожденіи Венетовъ Адриатическихъ отъ Венетовъ Пафлагонскихъ было пустою, хвастливою баснею, вымысломъ книжниковъ, а не народнымъ преданіемъ, то ни коимъ образомъ въ области Венетовъ не могло быть и мѣстныхъ Азіятскихъ названій, не существовалъ бы во времена Т. Ливія и этотъ *pagus Trojanus*. Если же это поселеніе и его названіе не было очень стародавнимъ, то Т. Ливій былъ на столько уменъ и добросовѣстенъ, что никогда бы не упомянулъ о немъ; для повѣрки же этой стародавности онъ имѣлъ и полную возможность, какъ уроженецъ и житель области Венетовъ, и всѣ побужденія, какъ человекъ просвѣщенный и любознательный.

До насъ дошли другія свидѣтельства, доказывающія народность сказанія о происхожденіи Венетовъ Адриатическихъ отъ Венетовъ Пафлагонскихъ.

Тацитъ передаетъ намъ весьма любопытное извѣстіе о томъ, что въ городѣ Патавіи (Падуѣ), столицѣ Венетовъ, были особыя игры, кулачныя бои — *ludi caestici*, начало и устройство которыхъ было приписываемо Антиоху. *Idem Thræsea Patavii, unde ortus erat, ludis caesticis, a Trojano Antenore institutis, habitu tragico cecinerat.* (Ann. XVI, 21). Надѣюсь, это извѣстіе довольно убѣдительно доказываетъ справедливость словъ Страбона о томъ, что Венеты Адриатическіе сами себя называли Пафлагонцами, вѣрность нашего объясненія вышеприведеннаго мѣста Ливія. Кажется извѣстіе это способно убѣдить всякаго въ томъ, что Венеты Адриатическіе сохраняли воспоминанія о связи своей съ Венетами Пафлагонскими.

Плиній, отличавшійся огромною начитанностью, говоритъ въ одномъ мѣстѣ своего обширнаго труда: «Катонъ свидѣтель-

стствуетъ, что Венеты происхожденія Троянскаго — Venetos Trojana stirpe ortos auctor est Cato. Plin. Hist. Nat. 3, 19. 23. — Эти слова служатъ также въ пользу народности преданія о происхожденіи Венетовъ Адриатическихъ отъ Пафлагонскихъ. Если бы то было не преданіе народное, а простая сказка, пустая выдумка хвастливыхъ книжниковъ, какъ то утверждать разсудили за благо Цейссъ, Гротендъ, Форбигеръ, то конечно Катонъ заимствовалъ это свѣдѣніе не изъ устнаго¹, а изъ письменнаго источника, напр. изъ какого нибудь Греческаго писателя, а въ такомъ случаѣ Плиніи конечно не сослался бы на Катона, а на того или другаго Греческаго писателя, такъ какъ намъ хорошо извѣстно, что еще Софокль (488—407—6 г. до Р. X), современникъ Продота, говорилъ о переселеніи Венетовъ изъ Пафлагоніи къ Адриатическому морю, и нѣтъ ни возможности, ни основанія утверждать, что ни одинъ Греческій писатель послѣ Софокла никогда уже не упоминалъ объ этомъ. Какъ бы Плиніи ни былъ слабъ въ критикѣ, сама громадная начитанность его не дозволила бы ему, по поводу Пафлагонства Венетовъ Адриатическихъ, ссылаться на Катона, по крайности на него одного, и пройти молчаніемъ тѣхъ Греческихъ писателей, изъ которыхъ Катонъ заимствовалъ это свѣдѣніе. Ссылка же Плинія на одного Катона служить прямымъ доказательствомъ того, что Катонъ заимствовалъ это извѣстіе о выходѣ Венетовъ Адриатическихъ изъ М. Азіи, о родствѣ ихъ съ Венетами Пафлагонскими не изъ Греческихъ сочиненій, не изъ письменнаго, а изъ устнаго

1. Корнелій Непотъ говоритъ о Катонѣ: senex historias scribere instituit, quarum sunt libri septem. Primus continet res gestas regum populi Romani. Secundus et tertius, unde quaeque civitas orta sit Italica: ob quam rem omnes Origines videtur appellasse. (M. P. Cat. Vita с. III). Положительно и достоверно извѣстно, что Катонъ собиралъ устные народныя преданія Италийцевъ: такъ онъ бранитъ Лигурійцевъ за то, что они ничего не знаютъ о своемъ происхожденіи. Сервій говоритъ: Cato Originum II, cum de Liguribus loqueretur: Sed ipsi, unde oriundi sunt exacta memoria illiterati, mendacesque sunt et vera minus meminere (Serv. Aen. XI, 713). См. Vitae et Fragmenta veterum historicorum Romanorum; composuit Aug. Krause. Berolini. MDCCCXXXIII. p. 108. Справлялся ли Катонъ у Венетовъ — unde oriundi sunt? Отвѣчали ли они ему немогузнайствомъ? Зная слова Страбона² мѣсто Ливія, извѣстіе Тацита, мы убѣждены, что Катону они указали на Пафлагонію,² Малую Азію, какъ на первоначальную свою родину — unde oriundi sunt. А Плиніи намъ положительно говоритъ: Venetos Trojana stirpe ortos auctor est Cato.

источника, изъ народныхъ преданій самихъ Венетовъ, о бытности которыхъ находятся прямыя, положительныя и несомнѣныя доказательства въ Страбонѣ, Т. Ливіѣ, Тацитѣ¹.

1. Авторъ рѣшается замѣтить: если Кельты, Нѣмцы и Славяне не только могли, но и должны были долго въ Европѣ сохранять народныя преданія о востокѣ, объ Азіи, какъ о первоначальной своей родинѣ, колыбели; если при выселеніи ихъ въ Европу, болѣе или менѣе значительная часть каждаго изъ этихъ великихъ племенъ могла остаться въ Азіи; если Кельты, Нѣмцы, Славяне Европейскіе долго не могли утратить сознанія единства своего происхожденія съ своими соплеменниками, оставшимися въ Азіи; если такимъ образомъ они долго старались по возможности не прерывать своихъ сношеній съ своими Азійскими братьями; если такія связи могли долго въ Азійскихъ и Европейскихъ братьяхъ поддерживать, укрѣплять и освѣжать воспоминанія, память и сознаніе единства ихъ общаго происхожденія; если наконецъ въ такихъ вопросахъ относительно Кельтовъ, Нѣмцевъ и Славянъ нѣтъ ничего непозволительнаго, невѣроятнаго, нелѣпаго, дикаго и безразсуднаго, то не будетъ ли то же самое съ такими же вопросами относительно такъ называемыхъ древнихъ классическихкихъ народовъ, т. е. Грековъ и Римлянъ, которые тоже, подобно младшимъ своимъ братьямъ, Кельтамъ, Нѣмцамъ и Славянамъ, пришли въ Европу изъ Азіи? Наконецъ слѣдуетъ ли непременно рѣзко и положительно утверждать, что въ нижеприводимомъ мѣстѣ Тацита содержится одна только хвастливая, нелѣпая ложь, ни на чемъ не основанная? Нельзя ли предполагать, что нѣкоторые народы Индо-Европейскіе проникли изъ Азіи на югъ и западъ Европы не непременно черезъ южную Россію, а напримѣръ черезъ Дарданеллы, изъ Малой Азіи, этого классическаго моста цивилизацій, по удачному выраженію К. Риттера? Не могли ли тѣ Индо-Европейцы, что населили Италію, проникнуть въ Европу изъ Малой Азіи? Не могла ли болѣе или менѣе значительная часть ихъ племени остаться въ Малой Азіи? и т. д. Не смѣя болѣе злоупотреблять терпѣніемъ читателя, привожу обѣщанное мѣсто Тацита. При Тиверіѣ явились въ Римъ послы Азійскіе, *ambigentes quanam in civitate templum statueretur. «Undecim urbes certabant, pari ambitione, viribus diversae: neque multum distantia inter se memorabant, de vetustate generis, studio in populum Romanum, per bella Persi et Aristonici aliorumque regum. Verum Hypaepeni Trallianique, Laodicens ac Magnetibus simul, tramissi, ut parum validi. Ne Ilienses quidem, quum parentem urbis Romae Trojam referrent, nisi antiquitatis gloria, pollebant: paullum addubitatum, quod Halicarnassii mille et ducentos per annos nullo motu terrae nutavisse sedes suas, vivoque in saxo fundamenta templi, asseveraverant. Pergamemos (eo ipso nitebantur) aede Augusto ibi sita satis adeptos creditum. Ephesii Milesiique, hi Apollinis, illi Dianae caerimonia, occupavisse civitates visi. Ita Sardianos inter Smyrnaeosque deliberatum. Sardiani decretum Etruriae recitavere, ut consanguinei: nam «Tyrrhenum Lydumque, Atye, rege genitos, ob multitudinem divisisse gentem: Lydum patriis in terris resedisse: Tyrrheno datum novas ut conderet sedes: et ducum e nominibus indita vocabula, illis per Asiam, his in Italia: auctamque adhuc Lydorum opulentiam, missis in Graeciam populis, cui mox a Pelope nomen». Simul literas imperatorum, et icta nobiscum foedera bello Macedonum, ubertatemque fluminum suorum, temperiem coeli, ac dites circum terras, memorabant». (Ann. IV, LV).*

Добросовѣстное, смѣю думать, разсмотрѣніе дошедшихъ до насъ былей и историческихъ свидѣтельствъ несомнѣнно увѣряетъ въ томъ, что у Венетовъ Адриатическихъ существовали народныя преданія, хранившія въ ихъ сознаніи память объ ихъ родствѣ съ Венетами Пафлагонскими, объ ихъ выходѣ изъ М. Азіи. Чтобы отрицать народность этого сказанія и напротивъ того утверждать, что то была сказка, басня, выдуманная Греческими и Римскими учеными и книжниками, подобная баснямъ, пущеннымъ въ ходъ нашими книжниками о родствѣ Рюрика съ Августомъ, о Мосохѣ и т. п., для того потребуется исказить все историческія свидѣтельства и были, толковать ихъ по личному благоусмотрѣнію и по собственному, ничѣмъ не стѣснѣмому произволу, чего, полагаю, никогда не позволить строгая критика. Посмотримъ теперь, сколько понадобится всякаго рода натяжекъ и нелѣпыхъ предложеній для того, чтобы принять это сказаніе за выдумку отдѣльныхъ лицъ и за басню, произведеніе досужей фантазіи древнихъ книжниковъ.

Во времена Перона были въ Падуѣ, въ области Венетовъ, такъ называемые *ludi caestici*. — Эти игры были недавняго или древняго происхожденія. Кто нибудь изъ Венетовъ вычиталъ у Софокла или у Катона, что они де происходятъ отъ Венетовъ Пафлагонскихъ, что при переселеніи ихъ изъ М. Азіи были у нихъ товарищами Троянцы, у которыхъ былъ какой-то Антипоръ. Вычитавши такое лестное извѣстіе о своемъ народѣ, Венетъ этотъ сообщилъ его тотчасъ же своимъ землякамъ, тѣ конечно этому очень порадовались, и рѣшили или устроить новыя игры (*ludi caestici*) и честь ихъ устройства приписать Антинору, или же какія нибудь древнія игры, слѣд. народныя, окрестить именемъ Антиноровскихъ, пушай молъ ихъ Антиноръ устроилъ. И согласились тогда все Венеты, на вопросъ — кѣмъ заведены ваши игры, ваши *ludi caestici*, отвѣчать — Троянцемъ Антиворомъ. Тацитъ потому-то и сказалъ такъ утвердительно — *ludis caesticis a Trojano Antenore institutis*. А можетъ быть Тацитъ это выдумалъ или же какой нибудь другой писатель, изъ котораго онъ заимствовалъ это извѣстіе? Прочиталъ тотъ извѣстную сказку о Венетахъ Адриатическихъ и заключилъ, что играмъ Венетскимъ кого другого и имѣть своимъ виновникомъ и учре-

дителемъ, какъ не Антинора. — Развѣ не крайне нелѣпы всѣ эти и подобныя имъ предположенія, совершенно однако необходимыя и неминующія, если станемъ утверждать, что у Венетовъ Адриатическихъ никогда не было народныхъ преданій объ ихъ родствѣ съ Венетами Пафлагонскими?

Во время Т. Ливія въ области Венетовъ, его родинѣ, была какая-нибудь вилла, которую хвастливый хозяинъ, вычитавши нелѣпую сказку о происхожденіи Венетовъ изъ Пафлагоніи, назвалъ *pagus Trojanus*. Т. Ливій, самъ добродушно вѣрившій этой сказкѣ, привелъ, въ подтвержденіе ея, указаніе на эту частную дачу, на это помѣстье. Предположеніе крайне нелѣпое, а его необходимо держаться, если хотимъ утверждать, что мѣстное названіе «*pagus Trojanus*» было дано не народомъ, который бы однако не могъ дать такого названія, если бы у него не было преданій о родствѣ его съ Венетами Пафлагонскими.

Точно также слѣдуетъ предположить, что Плиній, удивляющій своею громадною начитанностью и трудолюбіемъ насъ, современниковъ Гумбольдтовъ, Риттеровъ, Гриммовъ, Шафариковъ, Палацкихъ, что этотъ Плиній не читалъ трагедіи Софокла «Разрушеніе Трои», въ которой по словамъ почтеннаго Страбона содержится также извѣстіе о выходѣ Венетовъ Адриатическихъ изъ Пафлагоніи. Надо предположить, что послѣ Софокла ни одинъ изъ Греческихъ писателей не говорилъ объ этомъ, а если послѣ Софокла и были писатели, говорившіе объ этомъ, то Плиній и ихъ значить не читалъ. Забыть сдѣлать выписку Плиній могъ, но вовсе забыть такое обстоятельство рѣшительно невозможно. Онъ изъ Катона вѣдь не приводитъ же выписки, а просто говоритъ: «*Venetos Trojana stirpe ortos auctor est Cato*». Очевидно Плиній не читалъ трагедіи Софокла «Разрушеніе Трои», ни одного изъ древнѣйшихъ или позднѣйшихъ Греческихъ свидѣтельствъ, упоминавшихъ о Пафлагонствѣ Венетовъ Адриатическихъ (и до насъ недошедшихъ). Очевидно Плиній по всей литературѣ этого вопроса зналъ одного только Катона, да и его-то врядъ ли читалъ, а зналъ лишь по наслышкѣ, ибо тотъ конечно уже указалъ бы на того Греческаго писателя или вообще на тотъ письменный источникъ, изъ котораго онъ заимствовалъ

это свидѣніе. Въ такомъ случаѣ Плиніи бы не сказалъ тогда: *auctor est Cato*. Предположенія крайне неосновательныя и совершенно необходимыя въ томъ случаѣ, если не принимать, что Катонъ, собиравшій народныя преданія Италійцевъ и бранившій Лигурійцевъ за то, что они ничего не помнятъ о своемъ происхожденіи, что Катонъ заимствовалъ это свидѣніе изъ источника устнаго, изъ народныхъ преданій Венетовъ Адриатическихъ, которые не были Иллирійцами, т. е. предками нынѣшнихъ Албанцевъ, но Славянами, какъ то ниже увидимъ. Соплеменники Венетовъ Сѣверныхъ, Венеты Адриатическіе имѣли народныя преданія и воспоминанія о Пафлагоніи, о М. Азии, какъ о древней своей родинѣ¹. Изъ того, что Иродотъ сказалъ, что Венеты Пафлагонскіе были Мидійцы, еще вовсе не слѣдуетъ, чтобы они и дѣйствительно ими были. Венетовъ Адриатическихъ Иродотъ называлъ Иллирійцами, однако они сами себя считали и слѣдовательно дѣйствительно были соплеменниками Венетовъ Пафлагонскихъ, которые слѣдовательно должны быть такого же Славянскаго происхожденія, что и безъ того было весьма вѣроятно.

Здѣсь позволяю себѣ выразить надежду, что предложенные мною доводы противъ мнѣнія Цейсса, Гротенда, Форбигера не лишены нѣкоторой силы и основательности и что единоплеменность Венетовъ Адриатическихъ и Пафлагонскихъ должна быть принимаема за истину несомнѣнную, по крайности до тѣхъ поръ, пока не будетъ представлено дѣльныхъ и рѣшительныхъ возраженій противъ нижеслѣдующихъ положеній нашихъ:

1. Современники Иродота, считавшаго Венетовъ Пафлагонскихъ — Мидійцами, а Венетовъ Адриатическихъ — Иллирійцами, слѣдовательно тѣхъ и другихъ иноплеменниками, современники Иродота, какъ напр. Софокль, а по всей вѣроятности и

1. Любопытно, что въ XXIX Новеллѣ императора Юстиніана (*De Praetore Paphlagoniae*) сказано въ самомъ началѣ: *Τὸ Παφλαγόνων ἔθνος ἀρχαῖον τε καὶ οὐκ ἀνώνημον καθ'εστῶς (καθ'έστηκεν Hal.) ἀλλὰ τροσύτην, ὡς καὶ ἀποιχίας μεγάλας ἐκπέμψαι, καὶ τὰ ἐν τ'Ἰταλοῖς συνοικήσαι Βενετίας, ἐν αἷς δὴ καὶ Ἀκυληῖα πᾶσι τῶν ἐπὶ τῆς ἑσπέρας μεγίστη κατόικισται, καὶ βασιλικὴν πολλὰκις διαίταν δεξαμένη.* — *Corpus Juris Civilis recognovit et brevi annotatione instructum edidit D. I. Lud. Guil. Beck. Lipsiae. MDCCCXXXVI. T. II. p. 866.*

предшественники ихъ, считали тѣхъ и другихъ Венетовъ — единоплеменниками.

2. Страбонъ производилъ одно время Венетовъ Адриатическихъ отъ Венетовъ Гальскихъ, при чемъ онъ основывался не только на аналогіи Бойевъ и Семноновъ, но и на другихъ данныхъ или соображеніяхъ намъ неизвѣстныхъ, которыя убѣждали его въ единоплеменности Венетовъ Гальскихъ и Адриатическихъ.

3. Слова Страбона *διὰ τὴν ὁμοφυλίαν* не могутъ быть понимаемы иначе, какъ внушеніе промелькнувшаго въ немъ желанія подорвать довѣріе къ противоположному мнѣнію, выводившему Венетовъ Адриатическихъ изъ Пафлагоніи.

4. Страбонъ самъ въ послѣдствіи присталъ къ этому послѣднему мнѣнію, на основаніи такихъ данныхъ и соображеній, которыя понынѣ имѣютъ цѣнность и значеніе.

5. Слова Страбона, извѣстія Ливія, Тацита, Плинія несомнѣнно доказываютъ, что у Венетовъ Адриатическихъ существовали народныя преданія и воспоминанія о выходѣ ихъ изъ М. Азии и Пафлагоніи.

Очень хорошо понимая всю важность такого вывода не только для науки Славянскихъ древностей, я не рѣшаюсь теперь указывать на тѣ послѣдствія, которыя онъ неминуемо долженъ оставить за собою въ томъ случаѣ, если дѣйствительно лежитъ на немъ печать такой несомнѣнности, какъ то мнѣ кажется въ настоящее время. Вмѣстѣ съ тѣмъ не могу однако удержаться отъ изъявленія едва ли суетнаго желанія услышать строгое, но всегда правдивое сужденіе славнаго свѣтильника и мудраго вождя нашего — о доводахъ своихъ въ пользу Славянства Венетовъ Пафлагонскихъ. Защищая положеніе это, авторъ не разставался съ мучительнымъ и тревожнымъ для него воспоминаніемъ о словахъ Шафарика, назвавшаго однажды всякіе поиски Славянъ въ Пафлагоніи суетными и безплодными. Въ продолженіи труда успокоивало его однако сознаніе твердое и неколебимое, что внимательное и добросовѣстное изученіе представлявшихся данныхъ, само привело его къ необходимости вновь поднять забытый и оставленный вопросъ о возможности и вѣроятности Славянскаго происхожденія Венетовъ Пафлагон-

скихъ. Слѣдующія данныя и соображенія, другъ отъ друга независимыя, привели его къ этой необходимости;

1. Замѣчательное мѣсто жизнеописателя св. Климента, ясно и просто понимаемое, заставляетъ думать, что Славяне Задунайскіе X — XII в. сохраняли смутныя народныя преданія о томъ, что Славянскія поселенія въ М. Азіи VII — VIII в. не первыя поселенія Славянъ въ М. Азіи, что напротивъ за долго до нихъ, когда-то въ сѣдой древности, жили уже въ ней ихъ предки. Жизнеописатель св. Климента, какъ на древнія жилища Славянъ указалъ на Виѳинію, окрестности Бруссы и Олимпа.

2. Въ древней Виѳиніи находились два города *Κίος* и *Δίβυσσα* (жители *Κίαιοί*); названія прямо указывающія на такія же Славянскія названія. Они лежали въ тѣхъ же самыхъ мѣстностяхъ, гдѣ находились Славянскія поселенія не только въ XVII — XIX в., но и въ VII — VIII и въ слѣд. вѣка.

3. Въ древней Пафлагоніи, на берегу морскомъ, находилась мѣстность *Ζάγωρον*, *Ζάγυρα*, *Zacogia*, *Ζάγωρα*, напоминающія любимое мѣстное Славянское названіе — *Загора*.

4. При современномъ состояніи науки, весьма, кажется, понятны и законны вопросы — сохранились ли у Славянъ какіе нибудь слѣды народныхъ преданій и воспоминаній объ Азіи, какъ о древнѣйшей ихъ прародинѣ? при выселеніи изъ Азіи Славянскаго племени въ Европу, не осталась ли болѣе или менѣе значительная его часть въ Азіи? при возможности въ настоящее время двоякаго рѣшенія этого вопроса, въ случаѣ отвѣта положительнаго не слѣдуетъ ли утверждать, что разлученные соплеменники долго не могли утратить сознанія единства своего происхожденія и потому старались не прерывать своихъ связей.

5. Разсмотрѣвъ, по имѣвшимся въ распоряженіи нашемъ даннымъ и силамъ, судьбу Славянскихъ поселеній въ М. Азіи съ VII в. по настоящее время включительно, мы пришли къ тому заключенію, что во все это время Славянская стихія дѣйствовала тамъ непрерывно.

6. Свѣдѣнія наши о тѣхъ путяхъ, которыми проникали Славяне въ М. Азію въ этотъ послѣдній періодъ, въ связи съ из-

вѣстіями о жилищахъ Славянъ въ Европѣ и съ нѣкоторыми историческими соображеніями привели насъ къ тому заключенію, что въ настоящее время нѣтъ никакой возможности указать на время, когда впервые стали проникать Славяне въ М. Азію.

7. Последнее заключеніе о томъ, что первое появленіе Славянъ въ М. Азіи, что называется, теряется во мракѣ вѣковъ, тѣмъ болѣе вѣроятно, что болѣе или менѣе значительная часть Славянъ, при выселеніи этого племени въ Европу, могла остаться на востокѣ и впоследствии появиться въ М. Азіи. Память и воспоминанія о единствѣ происхожденія очень легко могли поддерживать сношенія Славянъ Европейскихъ съ М. Азійскими.

8. Какъ ни смѣло последнее предположеніе, хотя въ немъ нѣтъ ничего невѣроятнаго, однако оно находитъ себѣ оправданіе въ первыхъ трехъ положеніяхъ — въ важномъ мѣстѣ краткаго житія съ. Климента, въ мѣстныхъ собственныхъ названіяхъ — *Κίος, Κιανσί, Λίβυσσα, Ζάγυρα*.

9. Допустивъ однажды возможность древнихъ поселеній Славянъ въ М. Азіи, найдя чисто Славянскимъ названіе одной мѣстности въ Пафлагоніи, авторъ уже не могъ не вспомнить, что въ Пафлагоніи издревле жилъ какой-то народъ, называвшійся Генеты, Венеты; что подъ этимъ послѣднимъ названіемъ слыли Славяне въ Европѣ; что уже за долго до насъ Суровецкій, ученый весьма замѣчательный (котораго Шафарикъ называетъ «глубокомысленнымъ, осторожнымъ изслѣдователемъ»), считалъ Венетовъ Пафлагонскихъ Славянами.

Такимъ-то путемъ пришелъ авторъ къ необходимости снова поднять вопросъ о происхожденіи Венетовъ Пафлагонскихъ. Онъ не можетъ не признаться, что приступалъ къ нему не безъ тяжелаго чувства, которое не можетъ не сопровождать всякаго изслѣдователя, вступающаго иногда по чистой необходимости въ темныя, едва освѣщаемыя области вѣдѣнія. Скорбное чувство безысходности и бесплодности предпринимаемаго имъ дѣла совершенно имъ овладѣло, какъ только вспомнилъ онъ слова ученаго, котораго онъ навсегда избралъ своимъ руководителемъ, слова Шафарика о томъ, что въ изученіи Славянскихъ древностей надо довольствоваться землями между Карпатами и Балтійскимъ

моремъ. «Это необъятное поле, большею частию по сию пору непочатое, ожидаетъ руки прилежнаго и опытнаго дѣлателя. Всякое-же противоположное тому занятіе, усиливающееся отыскать Славянъ въ прочихъ странахъ и давнопотекшихъ вѣкахъ, въ ковчегѣ Ноя, въ Индіи, Пафлагоніи, Фракіи, Галліи, Скиѣи предъ и за Имаусомъ, и т. п., останется навсегда суетнымъ и бесплоднымъ. Таково уже свойство человѣческаго ума, что онъ, достигши вершины своихъ пламенныхъ желаній, стремится еще къ большему. А потому, очень можетъ быть, что многіе изслѣдователи, недовольные этими предѣлами времени и пространства, назначенными нами Славянскимъ древностямъ, будутъ все далѣе и далѣе стремиться и искать Славянъ тамъ, гдѣ ихъ не бывало. Но благоразумный изслѣдователь, взвѣшивающій все безъ увлеченія и забвенія своей обязанности, долженъ обратиться къ наукамъ плодотворнымъ, а не гоняться за невозможнымъ».

Читатель, понимающій всю цѣну этого мудраго совѣта, повѣритъ пишущему эти строки, если онъ скажетъ, что не разъ онъ кидаль свою работу... Но зная, съ одной стороны, что всякое отрицаніе есть вмѣстѣ съ тѣмъ и утверженіе, съ другой же стороны поставивъ себѣ за правило никогда и ничего не утверждать положительно, безъ ясныхъ на то доводовъ, авторъ предпочелъ тяжелый путь изслѣдованія, ибо имѣлъ предъ собою — мнѣніе *глубокомысленнаго и осторожнаго* Суровецкаго, видѣвшаго Славянъ въ Венетахъ Пафлагонскихъ и мнѣніе Шафарика, не видящаго въ нихъ Славянъ и объясняющаго сходство именъ случайностью. Не рѣшаясь повторять Суровецкаго, авторъ не смѣлъ однако и согласиться съ Шафарикомъ, ибо считая свои положенія (1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9) справедливыми, онъ былъ увѣренъ, что въ настоящее время Шафарикъ не сказалъ бы, что тѣ, которые считаютъ Венетовъ Пафлагонскихъ Славянами, основываются въ этомъ случаѣ на одномъ сходствѣ именъ, которое могло быть случайно. Соображая свои положенія съ мнѣніемъ Суровецкаго, авторъ пришелъ къ тому заключенію, что оно не содержитъ въ себѣ ничего цѣльнаго, страшнаго и безразсуднаго, что напротивъ того оно гораздо вѣроятнѣе, въ настоящее по крайности время, нежели мнѣніе Шафа-

рика, который однажды выразился о бытности Славянъ въ Пафлагоніи, какъ о чистой невозможности и о крайней нелѣпости. Такимъ образомъ Шафарикъ былъ справедливѣе, въ другой разъ, когда сказалъ: «Если Адриатическіе Венеты, Пафлагонскіе Генеты, Альпійскіе Винделики и Арморійскіе Венеты были дѣйствительно народы плѣмени Виндекаго или Славянскаго (какъ то можно предполагать по нѣкоторымъ даннымъ), то мы съ радостію дадимъ имъ мѣсто въ святилищѣ предковъ нашихъ; если же, напротивъ, не были, если должно вовсе отказаться отъ сходства съ ними и обратиться къ своимъ соплеменникамъ»... Положенія автора кажется нѣсколько увеличили число тѣхъ данныхъ, по которымъ можно предполагать о Славянскомъ происхожденіи Венетовъ Пафлагонскихъ, и вмѣстѣ съ послѣдними словами Шафарика убѣдили его, что предпринятый имъ трудъ былъ не совсѣмъ бесплоденъ и суетенъ, по крайнейности не такъ, какъ если бы онъ сталъ искать Славянъ, напр. въ Индіи или въ ковчегѣ Ноя. Внимательное же разсмотрѣніе словъ Страбона, Ливія, Тацита и Плинія убѣдило его въ возможности окончательно рѣшить вопросъ о Венетахъ Пафлагонскихъ. Они были соплеменниками Венетовъ Адриатическихъ, которые сами себя производили изъ Пафлагоніи и долго сохраняли о ней народныя преданія и воспоминанія.

Однако Цейссъ, Гротенфендъ, Форбигеръ, основываясь на словахъ Иродота (*Ἰλλυριῶν Ἐνετοί* I. 196), называютъ ихъ Иллирійцами, не Славянами, а предками нынѣшнихъ Албанцевъ.

Манвертъ и Суровецкій называли ихъ Славянами; Шафарикъ находилъ ихъ мнѣніе вѣроятнымъ.

Иродотъ, который лучше могъ знать Венетовъ Пафлагонскихъ, нежели Адриатическихъ, называлъ первыхъ Мидійцами. Такъ какъ соплеменность тѣхъ и другихъ Венетовъ несомнѣнно доказана, то, если вѣрить Иродоту, надо Венетовъ Адриатическихъ признавать за Мидійцевъ; Страбонъ, увѣренный въ ихъ единоплеменности съ Венетами Гальскими и видя въ послѣднихъ Кельтовъ, считалъ одно время Кельтами и Венетовъ Адриатическихъ, впрочемъ совершенно неосновательно, такъ какъ Поливій, очевидно близко знакомый и съ тѣми и съ другими, прямо выразился: «Венеты мало отличаются отъ Кельтовъ пра-

вами и образомъ жизни, однако говорятъ другимъ языкомъ». Это свидѣтельство весьма важно въ томъ отношеніи, что удаляетъ всякую мысль объ ихъ Мидійскомъ происхожденіи, которое впрочемъ и безъ того совершенно невѣроятно: ни ихъ бытъ, ни исторія, ни мѣстныя названія, ничто не обличаетъ въ нихъ Мидійскаго происхожденія. «А коневодство?» Но оно только блистательно подтверждаетъ историческую истину сказанія о выходѣ Венетовъ Адриатическихъ изъ Пафлагоніи, гдѣ Венеты сосѣдили съ народами Мидійскими — *Veneti multum ex moribus Sarmatarum traxerunt*. — И такъ Иродотъ ошибся, назвавъ Венетовъ Пафлагонскихъ — Мидійцами. Положительно можно сказать, что ими они не были. Но Иродоту гораздо удобнѣе и легче было знать Венетовъ Пафлагонскихъ, чѣмъ Адриатическихъ; если онъ ошибался относительно первыхъ, то еще легче могъ ошибиться относительно послѣднихъ; отъ того-то и никоимъ образомъ не могу согласиться съ слѣдующими словами достопочтеннаго ученаго Нѣмецкаго, Цейсса: «Herodots Auctorität ist ... hinreichend, die Veneter dem benachbarten Stamme am Adriaufer zuzustellen und sie für die äussersten Ilirier im Nordwest zu rechnen» (S: 251). Указавъ на то, что еще Скилакесъ (IV в. до Р. X.) Венетовъ Адриатическихъ отдѣлялъ отъ Илирійцевъ¹, мы позволимъ себѣ раскрыть тѣ побужденія и доводы, которые заставляютъ насъ не соглашаться съ мнѣніемъ Цейсса, Гротефенда и Форбигера на счетъ Илиризма или Албанизма этихъ Венетовъ, а признавать ихъ за Славянъ.

Имя ихъ одно уже наводитъ на мысль видѣть въ нихъ соплеменниковъ Венетовъ Балтійскихъ, какъ извѣстно, несомнѣнныхъ Славянъ. Торговля янтаремъ, который къ нимъ шелъ отъ Венетовъ Балтійскихъ, извѣстія Нестора и Богухвала, указывающія на древность Славянскихъ поселеній въ Панноніи, въ

1. См. Scylacis Periplus ex recensione P. Fabricii. Dresdae. MDCCXLVIII. Μετὰ δὲ Κελτοὺς Ἐνετοὶ εἰσὶν ἔθνος καὶ ποταμὸς Ἠριθανός ἐν αὐτοῖς. Ἐντεῦθεν δὲ παράπλους ἐστὶν ἡμέρας μιᾶς. Μετὰ δὲ Ἐνητοὺς εἰσὶν Ἰστροὶ ἔθνος, καὶ ποταμὸς Ἰστρος. Οὗτος ὁ ποταμὸς καὶ εἰς τὸν Πόντον ἐκβάλλει ἐν διασκευῇ ὡς εἰς Αἴγυπτον. Παράπλους δὲ τῆς Ἰστριανῶν χώρας ἡμέρας καὶ νυκτός. Μετὰ δὲ Ἰστροὺς Λιβυρνοὶ εἰσὶν ἔθνος.... μετὰ δὲ Λιβυρνοὺς εἰσὶν Ἰλλυρίων ἔθνος, καὶ παροικοῦσιν οἱ Ἰλλύριοι παρὰ θάλατταν μέχρι Χαονίας τῆς κατὰ Κέρκυραν τὴν Ἀλγινόου νῆσον (p. 5—6).

свою очередь подтверждаемая мѣстными именами, а также и сношенія Венетовъ Адриатическихъ съ Панноніею и черезъ Паннонію съ Венетами Балтійскими — все это можетъ служить нѣкоторымъ подтвержденіемъ единоплеменности Венетовъ Адриатическихъ съ Балтійскими: сходство языка, единство происхожденія обыкновенно служатъ главнѣйшимъ облегченіемъ и выѣшнихъ международныхъ сношеній¹. И въ позднѣйшее время мы замѣчаемъ у Славянъ какое-то тяготѣніе къ Венеціи, ничего подобнаго не видимъ у Албанцевъ. Два слова Иродота еще не даютъ намъ никакого права утверждать, что Адриатическіе Венеты случайно носили то имя, подъ которымъ слыли Славяне въ Европѣ. Цейссъ заблуждался, думая видѣть различіе въ словахъ *Venedi* и *Veneti* (S. 67 — 68). Шафарикомъ положительно доказано, что эти слова употреблялись безразлично. Нельзя также не замѣтить, что ни Цейссъ, ни тѣмъ болѣе Гротендъ или Форбигеръ не могли быть вполне компетентными судьями въ вопросѣ о томъ, на сколько Венетскія названія могутъ служить въ пользу или противъ Славянства Венетовъ Адриатическихъ. Они на это даже вовсе не обратили никакого вниманія, и напрасно! Въ области Венетовъ находилась *Gradus* (гавань у Аквилеи); изъ того, что это имя впервые упоминается Павломъ Дьякономъ, еще вовсе не слѣдуетъ, чтобы оно не было древнимъ, потому что другія, отъ древности дошедшія до насъ мѣстныя названія, также чисто Славянскія: *Tergeste* — трѣгъ, трѣжище; *Belunum* и *Bellunum* (Βελοῦνον и Βελλοῦνον) — Вельнь и Вольтнь, рѣки — *Plavis* — *Plave*, нынѣ *Piave*, Плава и пр., *Timavus* — тьмавій (цынѣ *Timavo*). Наконецъ нельзя не обра-

1. См. Forbiger — Handb. d. alt. Geogr. — Несторъ — «Иллүрикъ Словѣне» — «Норци, еже суть Словѣне. Но мнозѣхъ же времянѣхъ съли суть Словѣни по Дунаеву, гдѣ есть ныне Угорьска земля и Болгарьска. Отъ тѣхъ Словѣнъ разидошася по землѣ и прозвашася имени своими, гдѣ сѣдше на которомъ мѣстѣ...» Ворухвалъ — *Scribitur enim in vetustissimis codicibus, quod Pannonia sit mater et origo omnium Slavonicarum nationum.* Шафарикъ. Древн. § 11. 9. Мѣстныя названія въ Панноніи — *Pelso; Tsierna, Дьерва, Tierna; Pathissus; Serbinum, Σέρβινον, Serbetium, Servitium; Bersovia; Granua; Pelva; Bustricius* и пр. Страбонъ говоритъ про Аквилею: Ἀνεῖται ἐμπορευτῶν τοῖς περὶ τὸν Ἰστρὸν τῶν Ἰλλυρικῶν ἔθνεσι· κομίζουσι δ' οὗτοι μὲν τὰ ἐκ θαλάττης, καὶ οἶνον ἐπὶ ξυλίνων πίθων ἀρμαμάξαις ἀναθέντες, καὶ ἔλαιον. ἐκεῖνοι δ' ἀνδράποδα, καὶ βοσκήματα καὶ δέρματα (p. 214).

тять вниманія и на слѣдующее обстоятельство: понынѣ у Славянъ постоянный эпитетъ моря — синее; въ Латинскомъ же языкѣ *venetus* — означалъ голубой, синій цвѣтъ (см. Слов. Роберта Стефана: *color venetus (ut ait Vegetius lib. 4. de Re Mil. cap. 34 extr.) caeruleus dicitur, qui color est marinis fluctibus similis.... Hic color etiam thalassicus id est marinus dicitur*). — Оттого-то и партія синихъ въ Римскомъ циркѣ назывались *Venetii*. *Mare Venetum*, было море синее; такъ и понынѣ слыветъ у Славянъ море Адриатическое. — Выше мы видѣли, что Страбонъ держался прежде того мнѣнія, что Венеты Адриатическіе пошли отъ Гальскихъ; въ послѣдствіи онъ оставилъ его, потому что убѣдился въ справедливости того мнѣнія, что производило ихъ изъ Пафлагоніи. Однако Страбонъ считалъ его весьма вѣроятнымъ; кромѣ того, изъ словъ его ясно, что и до него существовало такое мнѣніе. Очевидно, что еще въ древности считали Венетовъ Адриатическихъ и Гальскихъ одноплемениками.

Замѣчательно, что Шафарикъ, совершенно независимо отъ этихъ соображеній, уже признавалъ вѣроятнымъ Славянизмъ Венетовъ Гальскихъ¹. Съ своей стороны не могу не указать на слѣдующія обстоятельства, которыя въ свою очередь подтверждаютъ догадку Суровецкаго и Шафарика, именно, собственныя имена князей въ древней Бретани (въ V—VI в. по Р. X.): такъ князь Соломонъ носилъ еще имена *Victric, Vitric, Quicquel, Guitol, Witol*; при семъ нельзя не вспомнить и домысла Шафарика о Летахъ въ Галліи, подтверждаемаго по видимому извѣстнымъ замѣчаніемъ Тацита, — *Budic, Bindic, Budec, Budecius, Budoix, Dubric, Debrok, Deroch*, — въ первой своей формѣ чисто Славянское²; несомнѣнная едино-

1. Древн. § 11. 12.

2. Шаф. Древн. § 19. 6. § 11. 11. *Hist. de Bretagne, par M. Daru. Paris. 1826. I, 64, 81.* — *Budic*, см. въ Хорв. грам. Кресимира (ок. 1068 г.) — «actum est in Nona civitate his coram testibus Boleslaus, Tera testis... *Budic*, Postelnic testis.» см. у Луція *De R. Dalm. et Cr. libri sex. Amstelodami. MDCCLXVIII. p. 76.* въ грам. 1069 г. *Budec*, Postelnic (ib. p. 77). Сравни. Чешск. *Zbud* и *Zbudek*; также *Богубудъ*, *Будимиръ* и *Будивой*. Тацитъ (Germ. c. XLV): *Ergo jam dextro Suevici maris litore Aestiorum gentes alluuntur; quibus ritus habitusque Suevorum, lingua britannicae propior.*

племенность Венетовъ Гальскихъ съ Британскими также подтверждаетъ догадку объ ихъ Славянскомъ происхожденіи: въ древней Британіи, именно въ области Венетовъ, находились, какъ открывается изъ Путев. имп. Антонина (Ш или IV в.), слѣдующія мѣстности съ названіями, вполне обличающими Славянское происхождение: *Delgovitia* (= *Delgnitia*), *Sorbioduni* (вм. *Sorbiodunum*)¹. Такимъ образомъ и съ этой стороны находитъ себѣ подтвержденіе само по себѣ вѣроятное предположеніе о Славянскомъ происхожденіи Венетовъ Адриатическихъ².

Такъ разсѣялось въ авторѣ тяжелое чувство безнадежности, навѣянное на него словами Шафарика, однажды даже назвавшего суетнымъ и бесплоднымъ занятіемъ всякое разсмотрѣніе вопроса о Венетахъ Пафлагонскихъ. При ясномъ пониманіи словъ Страбона, Тацита, Плинія, нельзя, кажется, не утверждать, что единоплеменность Венетовъ Адриатическихъ и Пафлагонскихъ окончательно, такъ сказать, приобрѣтена для науки; подтверждая Славянство Венетовъ Пафлагонскихъ, она въ свою очередь разбиваетъ сомнѣнія и недоумѣнія относительно вопроса объ Албанизмѣ Венетовъ Адриатическихъ. Какъ ни убѣжденъ пишущій эти строки въ справедливости своихъ выводовъ, однако высокое уваженіе къ великому вашему ученому, одной изъ блестящихъ современныхъ знаменитостей всего на-

1. *Monum. historica Britannica or Materials for the history of Britain from the earliest Period to the end of the reign of king Henry VII. Published by command of her Majesty. MDCCCXLVIII* (р. XX—XXII). Смѣю не согласиться съ незабвеннымъ Шафарикомъ, замѣтившимъ, что «позднѣйшія поселенія Славянскихъ Венетовъ въ Батавіи и Британіи не имѣютъ никакой связи съ этими древними Венетами». Венеты Гальскіе, по свидѣтельству Юлія Цезаря, были отличные моряки, слѣд. имѣли полную возможность находиться въ живыхъ сношеніяхъ съ Венетами Балтійскими. Обо всемъ этомъ я буду впрочемъ имѣть случай говорить подробно въ особомъ изслѣдованіи о Славянахъ въ Англіи.

2. Любопытно, что этого мнѣнія держались еще въ старину не только Славяне, но и сами, кажется, Венеціанцы. Такъ въ предисловіи къ изданію Длугоша (1615 г.), посвященномъ Венец. дожу: «*Principem Historiae Slavicae Dlugossum vobis, o qua sol habitabiles illustrat terras, maximi et liberrimi omnium aetatum orbis terrarum, Veneti adfero et quod ejusdem Venetae gentis et generis pars magna estis; nam majores vestri ex Paphlagonia ad Timavum illyricum amnem nostro Slavico sanguini permixti unam ex duabus gentibus fecere, et quod maximum et liberrimum historicorum non nisi apud maximos et liberrimos lucem aspicere debeat... etc.*

шего племени, не позволяетъ ему разстаться съ вопросами, — дѣйствительно ли разсмотрѣніе вопроса о Славянскомъ происхожденіи Венетовъ Пафлагонскихъ и въ настоящее время въ глазахъ Шафарика есть занятіе суетное и бесплодное, и что искать Славянъ въ Пафлагоніи все одно, что искать Славянъ въ Индіи, въ ковчегѣ Ноя? — вопросъ о происхожденіи Венетовъ Адриатическихъ остается ли и понынѣ въ его мнѣніи «предметомъ вѣчныхъ гаданій и споровъ ученыхъ изслѣдователей?» — дѣйствительно ли, что и въ настоящее время Венетамъ Арморійскимъ, Адриатическимъ и Пафлагонскимъ не рѣшается Шафарикъ дать подобающее мѣсто въ «святилищѣ предковъ нашихъ?» Увѣренность автора, быть можетъ конечно напрасная, въ вѣрности и справедливости своихъ выводовъ, и его толкованіе, конечно быть можетъ ошибочное, словъ Шафарика (въ изданіи краткаго Житія св. Климента — *pro svou nevšednost a vzácnost, neméně některých míst velikou v historii důležitost*), не даютъ ему права ни смѣло и рѣзко отвѣчать на эти вопросы положительно, ни думать о совершенной бесплодности настоящаго изслѣдованія о Славянахъ въ Малой Азіи, если и не относительно данныхъ и соображеній, въ цемъ предложенныхъ, то хоть относительно возбужденныхъ въ немъ вопросовъ, которые и могутъ и даже кажется должны вызывать, какъ въ Русской, такъ и въ другихъ Славянскихъ литературахъ, новыхъ, несравненно способнѣйшихъ дѣятелей. Они, безъ сомнѣнія не теряя изъ виду общей исторіи Славянской стихіи въ Малой Азіи, преимущественно однако обратятъ свое вниманіе на отдѣльные ея періоды и на частные, весьма важные и необходимые ея вопросы и задачи. Нельзя кажется не отмѣтить въ исторіи Славянской стихіи въ М. Азіи нѣсколько весьма различныхъ періодовъ: первый — съ древнѣйшихъ временъ, съ перваго о нихъ (Венетахъ) извѣстія у Омира, до новѣйшей эпохи, до к. V—VI в. по Р. Х., т. е. до перехода Славянъ черезъ Дунай. Нѣтъ сомнѣнія, что этотъ первый періодъ на всегда останется темнымъ; однако нельзя и не надѣяться, что со временемъ, послѣ тщательныхъ розысканій и новыхъ открытій, нѣкоторыя данныя, намеки и соображенія въ состояніи будутъ нѣсколько разсвѣять этотъ первобытный

мракъ и вскрыть нѣсколько тайнъ. Такъ, кажется, еще нельзя безусловно довѣрять словамъ Страбона о томъ, что въ его время (I в. по Р. Х.) уже совершенно исчезли Венеты въ Пафлагоніи. Здѣсь представляются изслѣдователю слѣдующіе главнѣйшіе вопросы и задачи: справедливо ли, что Славяне, по выселеніи своемъ въ Европу, должны были долго сохранять воспоминанія и преданія объ Азій, какъ о своей прародинѣ? и чувствовать къ ней какое-то влеченіе или стремленіе, которое непременно заставляло ихъ изыскивать средства для своего удовлетворенія? Для полнѣйшаго и основательнѣйшаго разсмотрѣнія и уясненія этихъ вопросовъ потребуются, смѣю думать, весьма подробныя и точныя изысканія не только въ области Славянскихъ, но и Кельтскихъ, Германскихъ, даже Греческихъ и Римскихъ древностей; для аналогіи надо будетъ вникнуть и въ позднѣйшія исторически извѣстныя переселенія народовъ, что особенно необходимо по слѣдующему вопросу: справедливо ли, что болѣе или менѣе значительная часть племени Славянскаго, при выселеніи своемъ въ Европу, могла остаться въ Азій, и, оставшись, не могла уже, такъ сказать, не притягивать къ себѣ своихъ Европейскихъ братьевъ, которые въ свою очередь едва ли и безъ того могли не стремиться на востокъ? Также слѣдуетъ, кажется, сообразить всѣ начальныя свѣдѣнія о Венетахъ въ Пафлагоніи съ исторіею М. Азій вообще¹ и разсмотрѣть подробнѣе вопросъ о доступности Чернаго моря, Кавказа и Оракіи для Славянъ Европейскихъ въ древности. Также нельзя, кажется, не поднять снова вопроса о томъ, въ какой именно степени заслуживаетъ вѣроятія странное и довольно загадочное извѣстіе Прусскаго летописца Луки Давида, или лучше епископа Христіана, который заимствовалъ его изъ какихъ-то Римскихъ записокъ, сообщенныхъ ему Ярославомъ, Плоцкимъ пробстомъ въ Мазовіи, извѣстіе о путешествіи въ царствованіе Августа Виоинскихъ астрологовъ въ область Венедовъ и Аланъ въ Ливоніи. Они были уроженцами города Салуры въ Виоиніи (гдѣ находились города *Κόος* съ жителями *Κλαοί*, *Λίβυσσα*, и гдѣ, по свидѣтельству краткаго Житія св. Климента, давно когда-то жили Славяне). «Отсюда пере-

1. См. у Грота: *History of Greece*. Third edition. London. 1851. V. III. Ch. XVI.

правившись через море, они пристали къ пустынному краю, не имѣющему постояннаго названія, потому что онъ назывался то Саргатіей, то Гелидой, то Ватиной. Странствуя тамъ и сямъ по этой землѣ, они не могли говорить ни съ однимъ человѣкомъ, пока не пришло къ нимъ изъ Сарматіи нѣсколько Вендовъ, языкъ коихъ, хотя съ трудомъ, однако все же немного понимали»¹.

Второй періодъ: съ VI—VII до XIV в. — до владычества Турецкаго. Здѣсь особенно обратятъ на себя вниманіе: исторія Мало-Азійскихъ провинцій вообще, переходы Славянъ къ Арабамъ, отысканіе Арабскихъ свидѣтельствъ о Славянахъ въ Азіи, сношенія Славянъ Русскихъ и Задунайскихъ съ Малою Азіею. Какъ бы въ доказательство того, что еще много можетъ найтись новыхъ извѣстій и данныхъ для исторіи отношеній Славянъ къ Малой Азіи въ этотъ періодъ, позволяю себѣ указать на слѣдующее обстоятельство. Почтенный любитель Сербской старины Верковичъ нашелъ не такъ давно въ Кратовскомъ монастырѣ одинъ любопытный памятникъ относительно раздѣленія монархіи Душана между его вельможами. «Это большой листъ, на которомъ начерчено 8 круговъ; въ каждомъ кругѣ надпись». На верхней части листа, въ третьемъ кругѣ, читаемъ слѣдующую надпись: «*Богданъ мѣжъ искѣснѣ во воинственнѣхъ потребахъ ѿдалъ градъ асокъ в' троади*»². Понынѣ, сколько мнѣ из-

1. Ни Шафарикъ (Древн. § 8. 12), ни Фойгтъ (Gesch. Preussens. I, 33. 623—624) не отвергали голословно всего этого сказанія. Напротивъ того, первый, сознавая вполнѣ всю его загадочность, замѣтилъ даже: «безразсудно бы было вовсе отвергать это сказаніе, какъ обыкновенную басню». Говорятъ, что въ настоящее время Фойгтъ переѣмилъ свое мнѣніе; едва ли это что нибудь доказываетъ. Здѣсь весьма любопытно то обстоятельство, что Римляне Виенскіе нѣсколько понимали Вендовъ. Невольно рождается вопросъ: съ чего, зачѣмъ и для чего выдумывать было Прусскимъ лѣтописцамъ такую странную басню? Считать все это сказаніе отъ начала до конца за чистый вымыселъ просто мнѣ кажется невозможно. Какъ бы въ подтвержденіе подложности этого извѣстія указывали даже на имя *Ярослава* (Шлоцкаго пробста), которое будто бы у Поляковъ-никогда не употреблялось. Такое мнѣніе крайне неосновательно: не говоря уже объ *Ярославѣ* Ласскомъ, укажу на извѣстнаго Гиѣзненскаго архіепископа *Ярослава* Скотницкаго († 1372 г.), бывшаго еще ректоромъ въ Болонскомъ университетѣ. Вообще имя это у Поляковъ въ обычаѣ.

2. Изв. II Отд. Акад. Наукъ. Т. VI. Вып. V. С. 400. Городъ *Асокъ* есть нечто иное, какъ древній городъ Трояды — *Assus*, ἡ Ἄσσοϛ (Forbiger: Handb. d. alt.

вѣстно, еще не имѣлось никакихъ свѣдѣній не только о Славянскихъ владѣнiяхъ, но и о Славянскихъ поселенiяхъ въ древней Троядѣ. Когда и какимъ путемъ приобрѣлъ себѣ Стефанъ Душанъ это владѣнiе, сказать теперь трудно; быть можетъ, оно было уступлено Византiйскимъ дворомъ за какую нибудь услугу или помощь, оказанную Сербами Грекамъ, при Милутинѣ и его преемникѣ, или при самомъ Душанѣ, который, твердо задумавъ завоеванiе Царегграда, не могъ не пользоваться всѣми случаями, благопрiятствовавшими этой цѣли; а въ этомъ отношенiи для него, конечно, было весьма важно имѣть какую нибудь точку опоры въ Малой Азiи.

Третiй перiодъ: въ Турецкое владычество до настоящаго времени, когда съ преобразованiемъ и разложенiемъ Оттоманской Порты готова настать новая эпоха въ исторiи отношенiй Славянъ къ Малой Азiи. Главнѣйшею задачею въ изслѣдованiи этого перiода представляется путешествiе въ М. Азiю этнографа, близко знакомаго съ языками Турецкимъ, Греческимъ и Славянскимъ, съ цѣлью изучить не только нынѣ имѣющiяся Славянскiя поселенiя въ Малой Азiи, но и вообще христiанское и мусульманское ея населенiе, его языкъ, напѣвы, домашнiй бытъ и пр.; такъ какъ, зная многочисленныя Славянскiя поселенiя въ Малой Азiи, не только во второй, но и въ третiй перiодъ

Geogr. II, 142—143). Здѣсь надобно замѣтить, что въ Славянскомъ языкѣ переходъ *с* въ *ц* и *ч* и обратно довольно обыченъ; такъ: *цвѣсти* и *свѣсти*, *царапать* и *сарапать*, *канцеларiя*, *пансьрь*, *опришь* и *опричь*, *палесъ* и *пальсы*, *черпъ* и *серпъ*, *зычно* и *зысно*, *чвара* и *свара*. Какъ Санскритскiй небный звукъ *с*, происшедшiй отъ звука *к*, отвѣчаетъ часто въ Греческомъ, Латинскомъ, Кельтскомъ, Германскомъ и Славянскомъ языкахъ звуку *к*, такъ точно и внутри самого Славянскаго языка есть случаи перехода *к* въ *с* и обратно, что впрочемъ облегчалось и переходомъ *с* въ *ц*, *ч* и обратно. Такъ Обл. сл. *ропакъ* и *ропасъ*, *дундукъ* и *дунгусъ* (*г* и *д* мѣняются очень часто: *для* и *гля* и пр.), *рыбакъ* и *рыбасъ*, *власть* и *влак-но*, *лакомый* и *ласа*, *ласовать*, *дуракъ*, *дурасить* (*Дурасовъ*), *карманъ* и *сара* (деньги), *келенъ* и *селенъ*, Овенск. *курebro* — серебро, тетеревъ *носачъ* и *сосачъ*, *ис Келмстръи* идетъ (Сямб. Сб. Малор. Д. С. 39); Сербск. *заклонити* и *заслонити*:

Бог те здраво и мирно носио

Од душманске руке *заклонмо*.

(Сборн. Вука. 2-е изд. III, 393);

«всьи *взслапидьмъ*са и тебѣ *славъ* и благодаренiе *въздаемъ*». (Cod. Supr. ed. Miklosich. 252, 21). Срвн. въ Лавр. сп.: «Вротанию, Сикилию, Явию, *Родока*, *Хиѡна* и пр. Такъ и *Ассокъ* вм. *Ассовъ*».

исторіи отношеній Славянъ къ Малой Азіи (такъ Магометъ II увелъ изъ Сербіи и Босніи около 200,000 жителей и множество изъ нихъ поселилъ въ М. Азіи)¹, нельзя не предполагать, что и понынѣ сохранились въ Мало-Азійскомъ населеніи болѣе или менѣе значительные слѣды переродившихся Славянъ. Вообще, кажется, Малая Азія заслуживаетъ вниманія ученыхъ Русскихъ, какъ въ этнографическомъ, такъ и въ археологическомъ и даже въ экономическомъ отношеніяхъ, ибо эта классическая земля, столь справедливо и издавна привлекающая къ себѣ любознательныхъ ученыхъ, изъ числа коихъ каждый Русскій конечно вспомнить съ признательностію и своихъ замѣчательныхъ соотечественниковъ М. Вронченка и Чихачева, эта классическая земля, столь тщательно изучаемая напр. Англичанами и въ видахъ торговыхъ, экономическихъ, можетъ и даже должна вызывать и насъ Русскихъ на такія же старательныя изысканія, ибо немигучіе дальнѣйшіе наши успѣхи на Кавказѣ и столь для насъ желанное и во всякомъ случаѣ необходимое нравственное и социальное возрожденіе Славянъ Турецкихъ все болѣе и болѣе должны сближать Россію и весь міръ Славянскій съ М. Азією.

Въ заключеніе нельзя не замѣтить, что отношенія Славянъ къ Малой Азіи и въ прошедшемъ и въ будущемъ — предметъ, заслуживающій великаго вниманія, возбуждающій множество самыхъ разнообразныхъ вопросовъ, которые ждуть и требуютъ своего разрѣшенія главнѣйше, почти исключительно, отъ Русскихъ и вообще Славянъ. Такимъ образомъ, кажется, очевидна тѣсная и неразрывная связь всѣхъ этихъ многочисленныхъ вопросовъ съ двумя другими, изъ коихъ одинъ — о распространеніи Русскаго языка внѣ предѣловъ Россіи — составляетъ предметъ постоянныхъ желаній каждаго Русскаго, а другой — объ изученіи Славянскихъ языковъ и литературъ въ Россіи и объ умственномъ и литературномъ ея общеніи съ міромъ Славянскимъ — въ глазахъ большинства образованныхъ Русскихъ людей понынѣ представляется какъ бы дѣломъ пустымъ, ничтожнымъ и не стоящимъ почти никакого вниманія.

1. Zinkeisen (Joh. Wilh.) *Gesch. d. Osm. Reiches in Europa*. Gotha. 1855. II, 177.

СЛАВЯНЕ ВЪ АФРИКѢ.

II. Если и до новѣйшаго времени наши южные единоплеменники — Босняки, Черногорцы и другіе, вмѣстѣ съ Албанцами, играли въ Египтѣ не незначительную роль и пользовались тамъ немаловажнымъ значеніемъ¹, то понятно, что Славяне не могли не имѣть гораздо ближайшихъ сношеній съ

1. Такъ извѣстный нашъ путешественникъ Е. П. Ковалевскій въ любопытномъ сочиненіи своемъ («Путѣшество во внутр. Африку». Спб. 1849), при описаніи поѣздки своей на Джебель-Дуль, рассказываетъ о встрѣчѣ своей съ однимъ Черногорцемъ, состоявшимъ на службѣ у паши Египетскаго. «Вскорѣ изъ за горы показалась толпа всадниковъ, въ богатыхъ Албанскихъ платьяхъ; за ними нѣсколько Негровъ скороходовъ; впереди два лихихъ наѣздника, на прекрасныхъ Арабскихъ лошадяхъ. Это былъ Османъ бей, начальникъ крѣпости, и Омаръ ага, начальникъ Арнаутовъ, составлявшихъ гарнизонъ въ крѣпости. Они отяжелѣли, опустили въ праздности. Гарнизонъ вымираетъ на половину въ годъ и окончательно въ два года. Старые Албанцы почти все повѣмерли: кажется, того и хотѣло правительство, пославшее ихъ сюда. Они часто беспокоили его не слишкомъ деликатными требованіями своего жалованья. Новобранцы отовсюду: это уже дѣло начальниковъ Арнаутовъ: не станеть у нихъ людей, — отнимуть власть, а съ нею и жалованье. За то Омаръ-ага и не разборчивъ ни въ выборѣ людей, ни въ употребленіи средствъ. Тутъ у него и Татаринъ, бѣжавшій съ Прута, и Боснякъ, и Далматинецъ; тутъ и Сербъ, и Черногорецъ, и Турокъ, и Грекъ, большая часть бѣжавшіе отъ разныхъ преслѣдованій изъ своего отечества или сорвавшихся съ висѣлицы. Но Омаръ ага, тотъ самый Омаръ-ага, который, по словамъ Шлечера, въ присутствіи гостей, за обѣдомъ, застрѣлилъ генералъ-губернатора Судана, по приказанію вице-короля, Омаръ-ага, родившійся на границахъ Черногоріи и Албаніи, совершенный типъ этихъ земель, сродственныхъ между собою не по одному костюму обитателей, — рѣшительный, отважный, веселый, не смотря на свое горькое положеніе въ этой политической ссылкѣ, выпивающій по штофу водки за обѣдомъ и по штофу за ужиномъ, Омаръ-ага живо напоминалъ собою старыхъ моихъ пріятелей; многихъ зналъ онъ лично и говорилъ объ нихъ съ увлеченіемъ.... говорилъ о четѣ, побратимствѣ, о голыхъ утесахъ своей страны, о Скутари, который называлъ Скадромъ, какъ и все мы называли его нѣкогда, о владыкѣ, о нашихъ экспедиціяхъ.... О, какое счастливое то было время! Тогда мнѣ было 23 лѣтъ, а владыкѣ Черногорскому 21; тогда мы смѣло стремились къ дѣлу, смѣло вѣрвали въ Славянское авось, и это авось сдѣло служило намъ....» (Ч. II, стр. 72—73). Въ другомъ мѣстѣ упоминаетъ авторъ объ одномъ отрядѣ изъ ста приблизительно человекъ регулярной и національной кавалеріи. Последняя была черная, первая — бѣлая, пестрѣвшая самыми разнообразными костюмами. «Тутъ былъ Албанецъ, Боснякъ, Черкесъ, Эпирецъ, Турокъ, Черногорецъ, все въ своихъ національныхъ нарядахъ, иногда дополненныхъ предметами посторонними, пришедшимися имъ по вкусу. Это была регулярная кавалерія». (Ч. II, с. 14).

Египтомъ, съ Африкою, въ пражнія времена, до владычествъ Турецкаго и Нѣмецкаго, во времена цвѣтущаго состоянія Дубровника и другихъ юго-Славянскихъ общинъ Адриатическаго поморья, и даже задолго до этого времени, — тогда ли, какъ смѣлые и отважные Неречане наводили страхъ и грозу на Венеціанъ, не щадили и своихъ соплеменниковъ, слѣдовательно съ начала IX до конца X в.; тогда ли, какъ Хорваты со множествомъ судовъ ходили въ Апулію, на городъ Сипонтъ, къ берегамъ Беневентскимъ, слѣдовательно еще въ VII в.; тогда ли, какъ, по свидѣтельству Константина Багрянороднаго, быть можетъ нѣсколько преувеличенному, но въ основѣ своей все таки справедливому, Хорваты имѣли до 60,000 конницы и до 100,000 пѣхоты, 80 кораблей, въ каждомъ по 40 человекъ, 100 гондоль или лодокъ въ 20 и 10 человекъ, слѣд. въ X. в.; тогда ли какъ въ XI, XII и слѣд. вѣкахъ, когда морскія силы Дубровника все возрастали, а торговыя связи расширялись, — тогда ли наконецъ, какъ Египетъ находился въ цвѣтушемъ состояніи, въ лучшія времена господства надъ нимъ Арабовъ, которые завоевали Египетъ ок. 640 г. и къ которымъ въ Азіи уже не разъ передавались Славяне, иногда весьма значительными массами, давая побѣду своимъ Мусульманскимъ союзникамъ, какъ напр. то видѣли мы въ статьѣ о Славянахъ въ М. Азіи. — Географическое положеніе, морскія силы, отвага и предприимчивость, рано, еще въ VII в., выказанныя Славянами Адриатическими, заставляютъ предполагать весьма раннее появленіе Славянской стихіи въ Африкѣ, тѣмъ болѣе, что Славянское поселеніе въ Сиріи, частые переходы Славянъ Азійскихъ на сторону Арабовъ въ Азіи, тѣсныя и непрерывныя связи Арабовъ Африканскихъ съ Азійскими легко наводятъ на мысль, что Славяне Азійскіе переходили въ послѣдствіи и въ Африку и такимъ образомъ послужили посредниками въ сношеніяхъ сихъ послѣднихъ съ ихъ соплеменниками Адриатическими.

Какъ ни ничтожны по видимому тѣ данныя, которыми авторъ располагаетъ въ настоящее время относительно Славянъ въ Африкѣ, тѣмъ не менѣе онъ рѣшается ихъ представить читателямъ, въ надеждѣ возбудить вопросъ и вызвать другихъ изслѣдователей, поиски которыхъ не пропадутъ даромъ, какъ

то можно смѣло надѣяться и при ничтожныхъ теперешнихъ свѣдѣніяхъ.

Въ IX, X в. и даже гораздо позже, какъ Венеціане, такъ и Славяне Адриатическіе, вѣроятнo въ особенности Неречане, вели постыдную торговлю военноплѣнными и рабами¹. Этотъ живой человѣческой товаръ шелъ въ Африку изъ Испаніи черезъ Франковъ и съ Адриатическаго моря. Славянскіе рабы и евнухи были весьма цѣнными Сарацынами. Находясь во множествѣ, достигая важныхъ мѣстъ въ государствѣ, эти люди безъ сомнѣнія сохраня-

1. См. Reinaud: *Invasions des Sarrazins en France, et de France en Savoie, en Piémont et dans la Suisse, pendant le 8-e, 9-e et 10-e siècles de notre ère, d'après les auteurs chrétiens et mahométans* par M. Reinaud, Paris. 1836. p. 233. Также Tafel und Thomas: *Urkunden zur älteren Handels u. Staatsgesch. d. Republik Venedig mit besonderer Beziehung auf Byzanz u. die Levante*. 1856. T. I. № VII. — «Quo tempore (876) mercatores Veneti lucri cupidi a piratis et latrunculis mancipia comparabant, et transfretantes de eis commercium faciebant. Cui manifesto facinori Duces obviare dispositi una cum clero et populo Venetiarum pie decreverunt, ne quis de mancipiis commercium faciat, vel in navibus recipiat, imponentes graves poenas contrafacientibus». (Andr. Dand. у Муратори. Scr. XII, p. 186). Этотъ декретъ въ послѣдствіи времени былъ нѣсколько разъ возобновляемъ. См. Tafel etc. № XII, XIII именно въ 945 и 960 г. Вотъ нѣкоторыя мѣста изъ грамоты 960 г. (XIII): «omnes pariter statuentes statuimus et firmiter confirmamus, ut nullus major aut minor mancipia ad venundandum emere non debeat, nec aliquis precium ad suos emptorios dare debeat propter mancipia comparanda aut venundata, quia gravissimum malum est. — Item praecipimus, ut, quicumque in navibus nostris nauclerus fuerit, nullatenus debeat in navi sua levare mancipia, neque de Venetia, neque de Histria, neque de Dalmatia, neque de aliis locis per nullum ingenium, nec etiam aliquis hominem negociantem vel Judeum in navi sua levare non debeat. — Item statuentes statuimus, ut nullus Veneticus suum precium ad quemlibet Grecum hominem dare debeat, unde mancipia emant. Et nullus Veneticus audeat ultra Polam mancipia detransportare, neque in terram Grecorum, neque in nullis locis ea donare, excepto, si acciderit, ut de sua captivitate se redimere debeat, aut pro tali causa, unde dampnum adcreseat in patria, aut pro causa palatii. — Similiter autem statuentes statuimus, ut nullus Veneticus de quolibet Greco homine vel terra Beneventi, aut de aliis locis precium tollere presumat propter mancipia illuc portanda». — Нѣтъ сомнѣнія, что Венеціане доставляли рабовъ и Сарацынамъ. См. Tafel etc. № XIV. Въ 971 г. воспрещено было «arma in Saracenorum terras ad venundandum portare, aut lignamen ad naves faciendum, quae ad damnitatem possent esse populo christiano, non loricas, non clypeos, non spatas, vel lanceas, neque alia arma, cum quibus percutere possint christianos nisi tantum portent arma, cum quibus se defendere possint ab inimicis, et illa nullo modo vendere barbaris nec donare». Эти рабы по преимуществу конечно были Славяне. Такъ Ибнъ-Хаукаль говоритъ про Славянскихъ рабовъ въ Кинръ: «On y envoie aussi de jeunes et beaux esclaves européens, de l'ambre, de la

ли долго свою народность и весьма облегчали сношенія Арабовъ съ соплеменниками своими, которыми тѣ и безъ того дорожили, какъ то доказываютъ переходы Славянъ Азійскихъ къ Арабамъ, слова знаменитаго географа аль-Бекри: «Les Slaves sont une nation redoutable, puissante et impétueuse. S'ils n'eussent été divisés en un grand nombre de races et des tribus différentes, aucune nation au monde ne leur eût tenu tête», или слова Иродота Арабскаго Массуди († 956 г.) — «Les Slaves se composent de différentes peuplades qui se font la guerre: si la discorde ne régnait

soie, des vêtements en drap de laine très-fine, des parures, des jupes de laine, des tapis, du fer, du plomb, du vif-argent, des eunuques tirés du pays des nègres et de celui des Esclavons (Journ. Asiat. 1842. Mars. p. 251). Тотъ же географъ, въ другомъ мѣстѣ, рассказываетъ, что Славянскіе рабы и евнухи были предметомъ отпускной торговли изъ Испаніи въ Африку. Привожу его слова въ переводѣ Гаэнгоса: «The commodities which traders generally export from Andalus and bring to Maghreb, Egypt and other Mohammedan countries, are amber, saffron, gold, silver, lead, iron, quicksilver, seal-skins, raw and manufactured silks, and, above all things, male and female slaves taken in war with the Franks and Galicians, besides Slavonian eunuchs, who are very much esteemed. These are brought from the country of the Franks, where they are castrated, and bought by Jewish merchants» (The History of the Mohammedan Dynasties in Spain... by Ahmed Ibn-Mohammed Al-Makkari... translated from the copies in the library of the British Museum, and illustrated with critical notes on the hist., geogr. and antiquities of Spain, by Pascual de Gayangos. In two volumes. London. MDCCCXL—I. in fol. I, 380—381). Въ Верденѣ былъ родъ завода, гдѣ исключительно занимались этою промышленностью на счетъ Славянскихъ плавниковъ, захваченныхъ Франками въ ихъ войнахъ со Славянами. Лиутпрандъ говоритъ: «Carsamatum autem Graeci vocant, amputatis virilibus, et virga puerum eunuchum: quos Verdunenses mercatores ob immensum lucrum facere solent et in Hispaniam ducere». (Murat. t. II. p. 1. Liutpr. Hist. c. III. p. 470). См. также De-guignes: Mém. de l'Acad. des Inscript. t. XXXVII. p. 485. Аль-Маккари приводитъ любопытное мѣсто аль-Карави (Катибъ Ибрагимъ Ибну-ль-касим-аль-Карави). Упомянувъ о Франкахъ, какъ о самомъ сильномъ и опасномъ сосѣдѣ Мусульманъ Испанскихъ, аль-Карави продолжаетъ: «Они (Франки) ведутъ войны съ однимъ народомъ, съ ними сосѣднимъ, отъ коего они отличаются и образомъ жизни и вѣрою (in manners a. religion); то Славяне (Slavonians), на землю которыхъ нападаютъ Франки, и уводя съ собою плавниковъ, продаютъ ихъ въ Андалузію, гдѣ они встрѣчаются въ большомъ количествѣ (where they are to be found in great number). Франки искусно дѣлаютъ изъ нихъ евнуховъ и уводятъ ихъ въ замки и въ другія безопасныя мѣста въ своей странѣ или къ мусульманскимъ предѣламъ, куда купцы Андалузскіе приходятъ ихъ покупать, чтобы перепродать ихъ потомъ въ другія страны. Однако нѣкоторые изъ Мусульманъ, живущіе въ этихъ краяхъ (пограничныхъ), уже научились этому искусству отъ Франковъ, и теперь такъ же чисто работаютъ какъ и они». (Gayang. I, 75).

entre eux, aucune nation ne pourrait leur résister pour la force et l'audace». Очевидно, Арабы цѣнили Славянъ и высоко уважали ихъ храбрость, энергію и предприимчивость. По этому-то и Африканскіе Арабы не могли не принимать къ себѣ Славянъ Адриатическихъ, которые могли завязать довольно тѣсныя связи со Славянами Азійскими, переходившими, какъ въ высшей степени вѣроятно, и къ Арабамъ въ Африку. Наконецъ въ Африкѣ находилось много Славянъ евнуховъ и рабовъ, которые, конечно, поровили своимъ землякамъ и соплеменникамъ, добровольно перебѣгавшимъ къ Арабамъ въ Африку и вступавшимъ къ нимъ на службу, точно такъ же, какъ Русскіе невольники въ Хивѣ, Бухарѣ, Ташкентѣ и Коканѣ поровили и дружили всегда и тѣмъ Русскимъ бѣглымъ и гуляющимъ людямъ, что добровольно заходили въ тѣ края. Существуетъ слѣдующее извѣстіе Ибнъ-Хаукала о Славянахъ въ Сициліи, именно при описаніи гор. Палермо — «Située sur les bords de la mer du côté du nord, Palerme se divise en cinq quartiers, très distincts entre eux, quoique peu éloignés l'un de l'autre. Le premier est la cité principale, proprement dite Palerme, entourée d'une muraille de pierre très élevée et formidable. Ce quartier est le séjour des marchands.... L'autre cité nommée Khalessah a aussi sa muraille bâtie en pierre, mais différente de la première. La Khalessah est le séjour du Sultan et de sa suite, on n'y voit ni marchés, ni magasins de marchandises, mais des bains, une mosquée du Vendredi de grandeur moyenne, la prison du Sultan, l'arsenal et la bureau des administrations. Cette cité a quatre portes du côté du midi, et du côté de l'est, du nord et de l'ouest, la mer et une muraille sans portes.

Le quartier appelé Sacalibah est plus peuplé et plus considérable que les deux cités dont je fais mention. Ici est le port maritime. Des ruisseaux coulent entre ce quartier et la cité principale, et les eaux servent de division entre l'un et l'autre.

Le quartier de la mosquée, qui prend son nom de la mosquée dite d'Ibn Saclab, est considérable aussi. Les cours d'eau y manquent tout à fait, et les habitants boivent d'eau des puits»... и нѣсколь-ко ниже: «Le quartier Sacalibah n'est entouré d'aucune muraille». «Les plus grands marchés, tels que celui de tous les vendeurs d'huile, se trouvent entre la mosquée d'Ibn Saclab et le quartier El. Jadid».

(См. Journ. Asiat. 1845. Janvier. — Description de Palerme à la moitié du X siècle de l'ère vulgaire, par Ebn. Naucal, traduite par Michel Amari. p. 92 — 93).

Изъ этого свидѣтельства несомнѣнно открывається, что въ X в. Славянь въ Палермо жило не малое количество, ибо по остроумному и основательному расчету Амари въ то время городъ этотъ былъ вдвое населеннѣе, чѣмъ въ настоящее время, т. е. въ немъ было около 300 тыс. жителей, а Славяне (по Арабски — Славянинъ *Саклаби* и во мнѣж. *Сакалиба*) занимали цѣлый кварталъ, который и носилъ потому названіе Славянскаго. Славянскій кварталъ, въ Палермо былъ самый населенный и самый значительный; жили по всей вѣроятности Славяне и въ другомъ кварталѣ, носившемъ свое названіе отъ мечети *Сына Славянина* — *Ибн-Саклабъ*. Онъ тоже былъ довольно значителенъ. Амари говоритъ въ одномъ изъ своихъ примѣчаній: «Названіе *Сакалиба*, данное одному изъ главныхъ кварталовъ города, доказываетъ, что онъ былъ населенъ большимъ количествомъ Славянь (*des Esclavons*). Мы знаемъ, что Славянинъ Масудъ прибылъ изъ Африки въ Сицилію въ 312 г. (924 и 925 до Р. Х.), и овладѣлъ замкомъ св. Агаѳи, а черезъ четыре года спустя, Сарев-аль-Саклаби (*l'Esclavon*) привелъ въ Африку, а оттуда въ Сицилію тридцать кораблей славянскихъ корсаровъ (*trente vaisseaux de corsaires esclavons*). Эмиръ Сицилійскій Салем-эбн-Ассадъ или эбн-Рашидъ, присоединивъ ихъ къ своему флоту, грабилъ и разорялъ въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ Калабрию, Сардинію и Геную. Послѣ каждаго похода онъ входилъ въ Палермо; союзники его вѣроятно и поселились наконецъ въ этомъ городѣ, близъ гавани¹». Предположенія Амари не отвергаемъ вовсе, однако и не можемъ принимать его безусловно, такъ какъ въ Палермо могли жить и другіе Славяне. Дегинъ, еще въ 1791 г. сообщилъ весьма любопытное замѣчаніе, которое, сколько мнѣ извѣстно, еще не

1. Ce quartier, — продолжаетъ Амари, — était déjà entouré de murailles au temps d'Hugo Falcand, et on l'appelait aussi *Transpapiretum*, à cause de sa position au delà du ruisseau Papireto. Le nom de Sacalibah, défiguré dans les mots de *seralcadi*, *scebalcar*, *cibalcar*, a donné lieu à d'étranges étymologies dans lesquelles s'égarait le P. Morso. (Palermo antico. Palerme, 1827). *ibid.* p. 104—105.

было окончательно подтверждено изданиемъ подлинныхъ свидѣтельствъ. Вотъ слова Дегиня: «par nos lectures de quelques manuscrits Africains nous avons été convaincus qu'il y avait en Afrique des villages habités par des Esclavons ou Seclab (*Сиклабъ* тоже множ. ч. отъ *Саклаби*, какъ и *Сакалмба*) ce qui est assez singulier. Il parait que ces Seclab faisaient des courses en Sicile jusqu'à l'an 951. Nous apprenons par cette même Chronique qu'un autre Seklab passe d'Afrique en Sicile avec une armée nombreuse de terre et de mer et des chameaux¹». Un autre Seklab — подь первымъ Дегинь разумѣтъ Славянина Массуда, 924 г.

Хотя, повторяю, я и не знаю подлинныхъ свидѣтельствъ современныхъ о Славянскихъ поселеніяхъ въ Африкѣ, однако не вижу никакой необходимости не довѣрять въ этомъ случаѣ словамъ Дегиня: въ нихъ нѣтъ ничего невѣроятнаго; притомъ Дегиню не было никакой надобности выдумывать такого извѣстія. Смѣю думать, что въ настоящее время, когда сокровища богатой Арабской литературы еще во множествѣ лежатъ въ рукописяхъ, и когда къ сожалѣнію Славяне почти вовсе не имѣютъ такихъ Арабистовъ, которые бы обратили исключи-

1. Le Journal des savants. MDCCLXXXI. Рецензія Дегиня на изд. Regum Arabicarum quae ad historiam spectant ampla Collectio opera et studio Rosarii Gregorio Escl. Panorm. Canonici et Regii juris publici Siculi professoris etc. Panormi. MDCCXC. 1 vol. in-fol. При разборѣ этого изданія и изложеніи содержанія этого замѣчательнаго собранія Арабскихъ источниковъ, Дегинь между прочимъ останавливается на слѣдующемъ памятникѣ: Chronicon Siciliae, déjà imprimé d'après un manuscrit de la bibliothèque de Cambridge par Carusius, en Arabe et en Latin. Mais dans cette nouvelle édition on a revu et corrigé le texte. Далѣе продолжаетъ Дегинь объ этомъ же памятникѣ: «On ignore quel est le nom de l'auteur de la Chronique de Sicile appelée Chronique de Cambridge. Cave et quelques autres ont cru que cette Chronique était l'ouvrage d'Eutychius, patriarche d'Alexandrie dont nous avons des Annales. Eutychius est mort l'an 950 de I. C. M. Gregorio pens que l'auteur de cette Chronique était un Mahométan né en Sicilie: en effet cet écrivain parait avoir parfaitement connu cette isle par la manière dont il on parle, de plus en comptant les années il se conforme à l'usage des Siciliens et non pas à celui de l'église d'Alexandrie». Лѣтопись начинается съ 827 г. и продолжается до 968 г. по Р. X. «A l'an 924 l'auteur Arabe dit qu'un personnage nommé *Saklabi* vint d'Afrique et s'empara en Sicile de la forteresse de S-te Agathe. Ce nom, comme le remarque Mr. Gregorio, a été pris par Carusius pour un nom de charge, mais il observe qu'il désigne ici un nom de nation c. à d. un Esclavon; pour confirmer cette assertion de l'editeur, nous croyons devoir ajouter ici que par nos lectures de quelques manuscrits Africains и пр. См. выше въ текстѣ нашемъ.

тельное вниманіе на рукописные источники Арабскіе съ цѣлю собрать и свести все имѣющіяся въ нихъ свѣдѣнія о Славянахъ, въ настоящее время смѣло можно утверждать, что извѣстіе Де-гиня не только будетъ оправдано, но и значительно распространено и точнѣе опредѣлено; тогда мы узнаемъ, къ какому именно времени относятся эти поселенія Славянскія въ Африкѣ и пр., на что теперь при отсутствіи Славянскихъ Катрмеровъ, Френовъ и Дози мы напрасно будемъ ждать отвѣтовъ¹.

Одна изъ знаменитостей ученой Франціи, недавно кончившій свою жизнь, Катрмеръ въ своемъ жизнеописаніи халифа Фатимидскаго Моэз-лидин-Аллаха (952 — 972 г.), сообщилъ между прочимъ слѣдующее любопытное извѣстіе: «Объ этомъ государѣ рассказываютъ одинъ замѣчательный случай, который даетъ достаточное понятіе объ энергіи его характера. Два Славянина (Esclavons) Каисаръ и Модаферъ пользовались величайшими милостями Халифа Мансура. Модаферъ, основываясь на томъ, что Моэзъ въ дѣтствѣ учился у него письму (les principes de l'écriture), обращался съ этимъ государемъ весьма надменно. Однажды, въ минуту гнѣва, онъ произнесъ одно Славянское слово (un mot esclavon), которое, какъ показалось Моэзу, имѣло ругательное значеніе; но считая неприличнымъ прибѣгать къ вопросамъ о подобныхъ вещахъ, онъ обратился къ изученію языковъ. Онъ сталъ основательно изучать языкъ Берберскій, потомъ Греческій, Негритянскій и приобрѣлъ одинаковый навыкъ и въ томъ и въ другомъ; тогда онъ занялся языкомъ Славян-

1. Въ извѣстныхъ мнѣ описаніяхъ Ибнъ-Хаукала, Аль-Бекри (XI в.) я не нашелъ прямыхъ указаній на поселенія Славянскія. См. Journ. Asiat. 1842. Mars Description de l'Afrique, par Ibn-Haukal, trad. de l'arabe par M. le baron Mac Guekin de Slane. Не могу однако не указать здѣсь на одно замѣчаніе аль-Бекри (Notices et man. XII. p. 450) про городъ *Сортъ*: «Sort est une grande ville, située sur le rivage de la mer, environnée d'une muraille de brique, et renfermant une mosquée djami, des bains et des marchés. Elle a trois portes... Les habitants du Sort sont des hommes beaux et bien faits, mais avec lesquels on ne peut avoir que des relations commerciales d'une nature désagréable: ils ne vendent et n'achètent que suivant un tarif qu'ils ont fixés entre eux, et dont ils ne s'écartent pas» . . . «Les habitants de Sort parlent entre eux un jargon qui ne ressemble ni à l'Arabe, ni au Persan, ni au Berbère, ni au Copte» (ib. p. 451). «De Sort à Tarabolos on compte dix journées de marche».

скимъ (*alors il s'occupa de la langue esclavonne*). Въ продолженіи своего труда онъ повстрѣчался съ тѣмъ словомъ, которое возбудило въ немъ подозрѣніе и онъ убѣдился наконецъ, что оно выражало грубую обиду; тогда ни медля онъ приказалъ умертвить Модафера»¹.

Этому чисто восточному сказанію разумѣется буквально довѣрять нельзя; очень вѣроятно, что халифъ зналъ и Греческій, и Берберскій и др. языки, но безъ сомнѣнія онъ учился имъ вовсе не для того, чтобы узнать значеніе того *крѣпкаго слова*, которымъ по своему Славянскому обычаю отвелъ себѣ душу Модаферъ. Очень вѣроятно, что мстительный, гордый Арабъ постарался выучиться даже для этого понимать по Славянски, чтобы законно отомстить своему врагу, но конечно для того ему не нужно было прежде изучать языковъ Греческаго, Берберскаго и проч. Тѣмъ не менѣе по видимому незначительный анекдотъ этотъ весьма важенъ, ибо даетъ право заключать намъ, въ соображеніи съ вышеприведенными извѣстіями объ отношеніяхъ Славянъ къ Африкѣ, что 1) Славяне въ X в. при дворѣ халифовъ въ Африкѣ пользовались великимъ значеніемъ. 2) Славяне воспитывались по всей вѣроятности въ мусульманствѣ, и по крайности въ совершенствѣ владѣли Арабскимъ языкомъ, не только изустнымъ, но и письменнымъ: ибо человѣку малограмотному, притомъ природному Славянину, въ противномъ случаѣ не было бы поручено ученіе Моэза. 3) Будучи образованы по Арабски, Славяне въ Африкѣ, въ X в. сохраняли крѣпко свою народность, оставались Славянами, подобно тому, какъ Болгары и Босняки мусульмане сохраняютъ свою народность. Арабы не считали ихъ вполне своими, Арабами, а называли ихъ Славянами. Притомъ же въ глубокой истинѣ того филолого-этнографическаго наблюденія нельзя кажется сомнѣваться, что человѣкъ, владѣющій въ совершенствѣ двумя или нѣсколькими языками, считаетъ и бранится на томъ языкѣ, который ему ближе, природнѣе. Славянинъ Модаферъ въ минуту гнѣва загнулъ халифу крѣпкое слово Славянское не потому, что «Сорочинъ

1. Катрмеръ въ ссылкѣ при этомъ указываетъ на *Makrizi — Description de l'Égypte, t. I. fol. 289. См. Journ. Asiat. 1837. Février. p. 267.*

долгополый» его не понималъ, что обнаружило бы въ Модаферѣ расчетъ, разсужденіе, которое покидаетъ человека въ гнѣвъ, — dans un mouvement de colère il prononça un mot esclavon. 3) Славяне непременно должны были появиться въ Африкѣ гораздо раньше X вѣка. Явленіе Модафера, природнаго Славянина, въ совершенствѣ владѣющаго Арабскимъ языкомъ, какъ изустнымъ, такъ и письменнымъ, конечно было приготовлено другими событіями, прежними переходами Славянъ въ Африку. 4) Примѣръ Модафера доказываетъ, что Славяне зазнавались въ Африкѣ, а иностранцы въ той или другой странѣ зазнаются, когда, оказавъ ей дѣйствительныя услуги, пріобрѣтаютъ въ ней значительное вліяніе, пользуясь имъ, стремятся къ большому и опираютъ свои притязанія не только на дѣйствительныхъ, но и на мнимыхъ заслугахъ, которыя они потомъ всячески преувеличиваютъ. Очевидно, Модаферъ зазнался не только своими личными, но и своими народными заслугами.

Извѣстно, что Арабы питали первое время сильное отвращеніе къ морю¹, почему и понятно, что первые ихъ флоты состояли изъ иностранцевъ и ренегатовъ².

По собственному признанію самихъ Арабовъ (см. выписки изъ Ибн-Халдуна у Гаянгоса), первыми учителями ихъ въ искусствѣ мореплаванія были иностранцы, которые принимали исламизмъ и вступали къ нимъ во флотъ.

Конечно эти ренегаты бывали всѣхъ націй — и Греки, и Итальянцы.

Бывали ли между ними и Славяне?

Если вспомнимъ, что многія вѣтви Славянъ Греческихъ и Иллирійскихъ въ VII, VIII в. и даже гораздо позже еще не

1. Reinaud: Invas. des Sarraz. en France. p. 64: «quelques docteurs sont allés jusqu'à dire que, des l'instant qu'un homme s'est décidé plusieurs fois à se mettre en mer, il peut être considéré comme étant privé de son bon sens, et comme n'étant plus recevable à faire admettre son témoignage en justice». См. также Reinaud: Extraits d'aut. arab. relat. aux guerres des Croisades. Paris. 1829. p. 370 et 476.

2. Invas. des Sarraz. p. 65. Когда Арабы завоевали Сирію, Египетъ и Африку и овладѣли портами Тира, Сидона, Александріи и Карфагена, тогда обзавелись они и флотомъ: «il était naturel, — говоритъ Рено, — que les renégats et les aventuriers de tous les pays leur donnassent l'idée de se livrer à des expéditions maritimes». См. Ибнъ-Халдуна у Gayangos. I, p. XXXIII etc. App. B.

принимали христіанства, тогда какъ Греки, Итальянцы всё уже были христіане; если припомнимъ переселенія съ VII в., а вѣроятно и раньше, Славянъ въ М. Азію, многочисленныя ихъ тамъ колоніи (въ VII и VIII в.), переселеніе въ VII в. въ Сирію пяти тысячъ Славянъ, отдавшихся подъ покровительство Арабовъ, частые переходы Славянъ М. Азійскихъ на сторону послѣднихъ во время ихъ войнъ съ Византійцами, то ясно поймемъ, что въ числѣ иностранцевъ, состоявшихъ вообще на службѣ у Арабовъ, Славянъ было гораздо болѣе, нежели наприм. Грековъ, Итальянцевъ и Пѣмцевъ. — Припомнивъ же, что еще въ VII в. Славяне являются заправскими, лихими моряками и даютъ себя знать и въ Бѣломъ и въ Синемъ Моряхъ (въ Архипелагѣ и въ Адриатикѣ), мы рѣшительно согласились бы съ тѣмъ, кто сталъ бы на предложенный вопросъ отвѣчать утвердительно.

Такъ какъ при возможности двухъ отвѣтовъ на вопросъ, надо всегда избирать болѣе вѣроятный, то мы и не раскаиваемся въ томъ, что предпочли отвѣтъ положительный.

Когда Славяне возстали противъ Грековъ и осадили Патры въ 802 — 811 г., то при осадѣ имъ помогали Афы и Сарацены. — Очевидно, что Славяне, переходившіе къ Арабамъ и не терявшіе своей народности, а съ нею и своихъ сношеній съ своими соплеменниками, были виновниками этого союза. Такъ какъ, сколько мнѣ извѣстно, безъ флота Афрамъ и Сараценамъ проникнуть въ Морею было невозможно, то и слѣдуетъ предполагать, что во флотѣ Африкано-Арабскомъ еще въ началѣ IX в. служили Славяне.

Въ Палермо по свидѣтельству Ибн-Хаукала (X в.) изъ пяти кварталовъ два населены были Славянами. Одинъ изъ нихъ, кварталъ Славянскій, былъ почти самый населенный и самый значительный. *Здѣсь былъ морской портъ.* Очевидно, что Славяне въ Палермо были моряки.

Есть извѣстіе, что Славянинъ Масудъ въ 924 — 5 г. прибылъ изъ Африки въ Сицилію и овладѣлъ замкомъ св. Агаѳи. Кажется не безразсудно предположить, что начальство надъ войскомъ и надъ судами Арабы не вручили бы Славянину, если бы его подначальные люди не были бы преимущественно

изъ Славянъ. Въ 928—9 г. Сарев-аль-Сахлаби (Славянинъ — не *Сербъ* ли?) привелъ въ Африку, и оттуда въ Сицилію 30 судовъ Славянскихъ корсаровъ. Эмиръ Сицилійскій, Салем-эбн-Ассадъ или эбн-Рашидъ, присоединилъ ихъ къ своему флоту, въ которомъ тоже могли быть Славяне и съ ними раззорялъ и грабилъ въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ Калабрию, Сардинію и Геную.

Если Славяне служили во флотѣ Африкано-Арабскомъ и принимали такое участіе въ морскихъ походахъ Сарацынъ не только въ нач. IX в., но и въ X в., когда уже Арабы привыкли къ морю и уже болѣе его не боялись, то въ VIII или VII в., когда еще къ нему они не привыкли, Славяне и подавнѣе должны были служить во флотѣ Арабскомъ.

Есть извѣстіе, что при родоначальникѣ Омаядовъ Испанскихъ, Абдуррахманъ († 788 г.) въ 777 г. Бен-Габиб-аль-Сахлаби (т. е. Славянинъ) прибылъ изъ Африки въ Испанію, чтобы снова подчинить халифамъ это королевство. Селимъ, правитель Барселонны, вышелъ къ нему на встрѣчу и не далъ ему времени укрѣпиться. Между тѣмъ Абдуррахманъ, чтобы отнять отъ него всякую надежду на спасеніе, сжегъ его флотъ, который онъ привелъ съ собою. Сахлаби въ отчаяніи ушелъ въ горы, гдѣ и погибъ¹. И такъ Славянинъ начальствуетъ флотомъ Африкано-Арабскимъ въ VIII в.; весьма вѣроятно, что подъ начальствомъ Славянина Габиба состояло не малое количество Славянъ. Такое обстоятельство впрочемъ не должно удивлять читателя, знающаго Славянское происхожденіе императора Юстиніана, его полководцевъ Велисарія, Доброгоста, Всегорда, патриарха Цареградскаго Никиту, поселенія Славянъ въ М. Азіи,

1. Cardonne: Histoire de l'Afrique et de l'Espagne sous la domination des Arabes. Paris. MDCCLXV. I. p. 204—205. Кардонъ пишетъ Ben-Habib el-Saklèbi. Conde: Historia de la dominacion de los Arabes en España. Paris. 1840. p. 95—96. «Al principio del año 151 (768), — говоритъ Конде, — aportaron cerca de Tortosa diez barcos con el cardillo *Abdala Ben Habib el Sekelebi* etc. Мы очень хорошо извѣстно значеніе Конде въ наукѣ и то довѣріе, котораго онъ заслуживаетъ; однако я указываю здѣсь на него и даже вѣрю ему, потому что нахожу такое же извѣстіе у Кардонна, который, правда, устарѣлъ, но ничего отъ себя не выдумывалъ. Происшествіе, само по себѣ чрезвычайно вѣроятное, подтверждаетъ свою истинность и сходствомъ въ передачѣ Кардонна и Конде.

ихъ переходы къ Арабамъ, Славянское поселеніе въ Сиріи, участіе Славянъ во флотъ Арабскомъ еще въ началѣ IX в., значеніе Славянъ въ Африкѣ и Сициліи въ X в., ихъ морскіе набѣги въ X в., напр. на Сардинію, ихъ морскія силы въ Архипелагѣ и Адриатикѣ, обнаруженные еще въ VII в.

Какъ ни ничтожны и ни кратки представляемыя выше свѣдѣнія о Славянахъ въ Африкѣ, однако, смѣю надѣяться, читатель не найдетъ ихъ ненужными и не заслуживающими вниманія, а напротивъ того признается, что отношенія Славянъ къ Африкѣ должны занять извѣстное, подобающее имъ мѣсто въ исторіи, ибо находятся въ тѣсной органической связи съ судьбами Славянъ М. Азійскихъ, Морейскихъ, Македонскихъ и Адриатическихъ.

Впрочемъ выше предложенными извѣстіями еще не исчерпывается наличный запасъ настоящихъ нашихъ свѣдѣній объ исторіи отношеній Славянъ къ Африкѣ.

III. Пышѣ никто еще изъ благоразумныхъ изслѣдователей не рѣшится утверждать, что въ Африку Славянская стихія впервые проникла съ Арабами, въ VII в. Напротивъ того, въ настоящее время можно полагать, что она была въ ней гораздо ранѣе и проникла въ нее совершенно другимъ путемъ, именно изъ Испаніи; говорю въ настоящее время, т. е. пока не опровергнуто миѣніе, высказанное еще 20 лѣтъ тому назадъ, ученымъ, пользующимся заслуженною Европейскою извѣстностью и равно отличающимся большими дарованіями, громадною начитанностью и осторожностью выводовъ. Разумѣю писателя, великолѣпный трудъ котораго не только можно сказать создалъ науку Славянскихъ Древностей, но и много пролилъ свѣта на всю древнюю исторію новой Европы.

Шафарикъ по тщательномъ соображеніи нѣкоторыхъ обстоятельствъ пришелъ къ необходимости признать бытность Славянской стихіи въ Вандалахъ, народѣ собственно Нѣмецкаго происхожденія.

Они жили въ странѣ Лигіяхъ или Лугахъ, между Одрой и Вислой, гдѣ были старожилами Венеды, т. е. Славяне.

Имя Вандаловъ (у Плинія Виндиловъ) отличается отъ

имени Вендовъ Венедовъ не корнемъ, а только окончаніемъ. По поселеніи Свевскихъ Нѣмцевъ въ Лугахъ, и по смѣшеніи ихъ съ туземцами, произошло имя Виндиловъ, Ваудаловъ, т. е. ославяпенныхъ или лучше смѣшанныхъ со Славянами.

Въ средніе вѣка Вандалами называли Славяпъ и Нѣмцы и сами Славяне, что началось еще съ VII, VIII в., а можетъ быть и раньше. (Такъ см. Просп. Аквит. и Юри. въ одномъ мѣстѣ. Шафар. Слав. Древ. § 18¹).

Извѣстны походъ Вандаловъ въ Испанію и ихъ поселенія въ ней, а потомъ въ Африкѣ, гдѣ царство ихъ держалось до 535 г.

Такимъ образомъ еще Шафарикъ допускалъ бытность Славянъ въ Африкѣ и въ Испаніи, въ періодъ V—VI в., а по всей вѣроятности и дольше, такъ какъ Идацій, родомъ Испанецъ и современникъ Гензериха, говоритъ про него, что онъ занялъ Испанію *cum Vandalis omnibusque eorum familiis*.

Откладывая до другаго времени подробное изслѣдованіе о Вандалахъ, здѣсь укажу только на одно соображеніе, которое, какъ мнѣ кажется, подтверждаетъ мысль Шафарика о бытности Славянской стихіи въ Вандалахъ, которые, по однимъ (Vict. Vitens.), переселились въ Африку въ числѣ пятидесяти, по другимъ (Просор.) осьмидесяти тысячъ человекъ.

Св. Иеронимъ въ письмѣ своемъ къ Агерухіи въ 409 г. такъ писалъ о Вандалахъ, еще до похода ихъ въ Испанію: *Innumera- biles et ferocissimae nationes universas Gallias occuparunt. Quid- quid inter Alpes et Pyrenaeum est, quid Oceano et Rheno includitur, Quadus, Wandalus, Sarmata, Halani, Gipedes, Heruli, Saxones, Burgundiones, Alemani et o lugenda Respublica! hostes Pannonii vastarunt*. (См. Zeuss. S. 450).

Смѣю думать, что подъ именемъ *Sarmata, hostes Pannonii* слѣдуетъ разумѣть не кого иного, какъ Славянъ, которые безъ сомнѣнія пристали къ Вандаламъ въ ихъ новыхъ жилищахъ на Дунаѣ. будучи по всей вѣроятности привлечены къ нимъ Славянскимъ элементомъ, уже принятымъ Свевами въ Лугахъ и отъ того прозванными Вандалами.

1. Намъ въ высшей степени страннымъ кажется, по своей неосповательности, замѣчаніе великаго Германскаго филолога Я. Гримма: «vielleicht auch ist Venedi aus Vandali entsprungen». (Gesch. d. deutsch. Spr. Ss. 476 u. 322).

Внутренняя несогласия и усобицы Вандаловъ съ Готами въ Испаніи также намекаютъ на разнообразіе ихъ народнаго состава.

Въ 534—535 г. Велисарій разрушилъ владычество Вандаловъ въ Африкѣ; однако конечно народность Вандаловъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ и Славянъ, могла сохраниться еще въ VII и даже VIII в. и позже не только въ Африкѣ, но и въ Испаніи.

Такимъ образомъ исторія Славянъ въ Африкѣ наводитъ на необходимость тщательнаго и подробнаго изслѣдованія о Вандалахъ, о судьбахъ ихъ въ Испаніи и въ Африкѣ. Если же признавать въ нихъ Славянскую стихію, то неизбежно рождается вопросъ — два періода исторіи Славянъ въ Африкѣ — Вандальскій и Арабскій находятся ли въ какой нибудь другъ отъ друга зависимости? иными словами Славяне, являющіеся въ Африкѣ при Арабахъ, имѣли ли свѣдѣнія о томъ, что и прежде нихъ жили въ Африкѣ ихъ соплеменники, во времена господства въ ней Вандаловъ? не нашли ли эти Славяне въ части Вандаловъ своихъ соплеменниковъ и тѣмъ взаимно не усилили ли возможности сохраненія своей народности и на будущее время?

Извѣстно, что въ Греческихъ войскахъ въ Италіи (въ 537, 540, 547 г.) служили Славяне; кто станетъ утверждать, что Славяне не могли участвовать въ войскѣ Велисарія въ его Африканскомъ походѣ?

Такое посѣщеніе Славянами Африки весьма вѣроятно; оно же не могло остаться безъ послѣдствій и не возбудить другихъ Славянъ къ посѣщеніямъ этого края. Славяне Адриатическіе, по всей вѣроятности Хорваты, со множествомъ судовъ предпринимали походъ на Апулію въ 662 г.¹, слѣдовательно еще въ половицѣ VII в. могли Славяне посѣщать и Сицилію и Африку.

III. Въ 923 г. Симеонъ Болгарскій, задумавъ завоеваніе Цареграда, отправилъ пословъ въ сѣверную Африку къ Фатлуму, халифу Арабскому, предлагалъ ему вмѣстѣ идти на Цареградъ и раздѣлить добычу поровну.

1. Paul. Diac. De gestis Longobardorum. l. IV. c. XLVI. Qui Ajo cum anno et mensibus quinque (662) Beneventanum ducatum regeret, venientes Sclavi cum multitudine navium longe a civitate Seponto castra posuerunt.

Можно полагать, что Симеонъ, зная о значеніи нѣкоторыхъ Славянъ при халифахъ, надѣялся на ихъ помощь для заключенія взаимнаго договора. Славяне Каисаръ и Модаферъ еще при преемникѣ Моэза (слѣд. до 952 г.), халифъ Мансуръ, пользовались большими милостями. Они, воспитанные въ мусульманствѣ, знакомые съ языкомъ Арабскимъ, не только изуственнымъ, но и письменнымъ, сохраняли однако свою народность и свой языкъ. Были Славяне въ Африкѣ и во время посольства Симеона: Славянинъ Масудъ въ 924—925 г. прибылъ изъ Африки въ Сицилію и овладѣлъ замкомъ св. Агаѳи.

Кто наблюдалъ и на современной дѣйствительности и въ исторіи то вліяніе, какое имѣютъ сходство языковъ и единоплеменность на международныя отношенія, тотъ, надѣюсь, не станетъ перечить нашему замѣчанію о Симеоновомъ посольствѣ.

Отъ П. Ювія, бывшаго въ Цареградѣ, и другихъ извѣстно, что въ первой половинѣ XVI стол. языкъ Славянскій былъ весьма обыченъ при дворѣ Турецкомъ. Янъ Заполій, воевода Трансильванскій, не желая подчиниться Австріи, бѣжалъ въ Польшу. Одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ людей Польши XVI в. Ярославъ Ласскій совѣтывалъ ему искать союза съ Турціею противъ Австріи, которую онъ, истый Славянинъ, терпѣть не могъ; наконецъ, по просьбѣ Заполія, самъ отправился въ Цареградъ, куда пріѣхалъ въ декабрѣ 1527 г., а договоръ противъ Австріи былъ подписанъ 20 февраля 1528 г. Дѣло было улажено такъ ловко и скоро, благодаря Славянамъ, служившимъ при дворѣ Солимана. Ласскій свободно разговаривалъ по-Славянски съ его визирями. Отъ него остался веденный имъ въ бытность его въ Турціи дневникъ, гдѣ между прочимъ онъ приводитъ слова Мустафы Паши, родомъ изъ Босніи. «Мы съ тобою одного племени, — говорилъ онъ Ласскому, — ты Ляхъ, а я Боснякъ. Не естественно ли любить свой народъ болѣе всякаго другаго?»¹.

1. Krasinski (C-te Valer.) Hist. religieuse des peuples Slaves. Paris. 1853. p. 132. См. Zinkeisen (Joh. Wilh.) Gesch. d. osman. Reiches in Europa. Gotha. 1854. B. II, S. 659—663. гдѣ этого обстоятельства не приводится. Дневникъ Ласскаго — Actio Hieronymi Laszky apud Turcam nomine regis Joannis, изданъ у Катоны (V. XX. p. 260—332). Къ сожалѣнію этотъ томъ былъ мнѣ недоступенъ.

Въ X же вѣкѣ нарѣчія Славянскія были гораздо ближе между собою, чѣмъ въ XVI в., а сознаніе Славянъ единства общаго ихъ происхожденія было тогда въ нихъ живѣе.

Не извѣстно пока, состояли ли Славяне на службѣ у Арабовъ Африканскихъ и въ XI и въ слѣд. вѣка? Не стану отвѣчать отрицательно, такъ какъ не вижу необходимости предполагать появленіе въ XI в. какой нибудь новой силы, которая бы разомъ и порвала и истребила тѣ побужденія, что съ одной стороны заставляли Арабовъ принимать къ себѣ Славянъ охочихъ, вольныхъ и гулящихъ людей, а съ другой стороны руководили Славянъ при переходахъ ихъ къ Арабамъ въ Африку въ IX—X в.

Такъ какъ Славянъ Европейскихъ, переходившихъ къ Арабамъ въ Африку, конечно, большинство составляли Славяне Адриатическіе, то понятна кажется та увѣренность наша, что этимъ послѣднимъ черезъ своихъ земляковъ весьма облегчены были международныя сношенія съ Африкою.

Дубровникъ, эта умная Славянская община, этотъ Адриатическій Повгородъ, рано завелся флотомъ и началъ расширять свои торговыя связи. Въ 868 г., по свидѣтельству Константина Багрянороднаго, суда Дубровницкія перевозятъ въ Апулію довольно значительныя силы. Въ 990 г. въ Адриатическомъ морѣ отняли отъ Дубровничанъ Венеціане одно судно съ кладью цѣною въ 25 тысячъ дукатовъ, а въ 997 г. другое судно съ серебромъ и воскомъ въ 12 тысячъ цеккиновъ. По настоятельнымъ требованіямъ отъ Венеціанскаго сената, Дубровничане были вознаграждены; послѣ чего они заключили миръ съ Венеціею, продолжавшійся нѣсколко лѣтъ.

Въ XI в. Норманны овладѣли Сициліею, Калабриею и Апуліею и пользовались немалымъ значеніемъ. Дубровникъ заключилъ съ ними договоръ, согласно которому въ 1080 г. двѣ большія Дубровницкія галеры помогали Гвискарду, который одержалъ побѣду при Дураццо надъ Алексѣемъ Комниномъ и Венеціанскимъ дожемъ.

Въ XII в. Дубровникъ заключаетъ торговыя договоры съ Мольфеттою въ 1148 г., съ Пизою въ 1169 г.; при Мануилѣ Комнинѣ подтверждены были Дубровничанамъ старыя при-

виллегии, и даже, благодаря этого императора, они вступили въ союзъ Генуэзцевъ, Пизанцевъ и Анконцевъ противъ Венеціи и Вильгельма, короля Сицилійскаго. Получивъ отъ этого же императора право гражданства въ Цареградѣ, вмѣстѣ съ самыми выгодными преимуществами, купцы Дубровницкіе при Комнинахъ, Ласкаряхъ и Кантакузинѣ завели свою торговлю по всей древней Оракіи и до самой М. Азіи.

Дубровникъ постоянно снабжалъ крестоносцевъ военными и торговыми судами для перевозки войска, особенно же при папѣ Григоріѣ III, въ 1218 г. Въ 1240 г. онъ заключилъ съ Омишемъ (Славянскій приморскій городъ на югъ отъ Сплита) договоръ, который, по словамъ почтеннаго Аппендини, въ высшей степени замѣчательнъ и ясно собою доказываетъ, что въ то время Дубровницкій флотъ былъ уже достаточно извѣстенъ на восточныхъ и западныхъ моряхъ (*trattato curiosissimo, il quale mostra, che la marina Ragusea era già in quel tempo assai accreditata per tutto l'oriente ed occidente dei nostri mari*). Славянскія поселенія въ Сициліи X в. конечно не могли утратить своей народности ни въ XI, ни въ XII в., тѣмъ болѣе, что они должны были находиться въ постоянномъ общеніи съ своими соплеменниками и даже земляками; наконецъ очень вѣроятно, что притягивая къ себѣ сихъ послѣднихъ, они постоянно такъ сказать освѣжали и подкрѣпляли свою стихію Славянскую. — Въ 1283 — 1287 г. Дубровникъ заключилъ съ замѣчательнѣйшими городами Сициліи, какъ напр. съ Сиракузою, Мессиною, Барлеттою, торговые договоры, по которымъ были обезпечены взаимныя права гражданства. Послѣ разныхъ несчастій, какъ то голода, пожара, поразившихъ Дубровникъ ок. 1289 г., множество Дубровничанъ хотѣло покинуть свою родину и бѣжать въ Сицилію, Калабрію и Апулію.

Безъ сомнѣнія на основаніи предложенныхъ извѣстій читателю не трудно будетъ представить себѣ картину сношеній Дубровника съ Египтомъ, съ Африкою. Венеція, въ которой Славянскій элементъ былъ всегда чрезвычайно силенъ, еще въ X в. находилась въ самыхъ тѣсныхъ связяхъ съ Сарацынами¹.

1. Андрей Дацоло говоритъ про дожа Петра Урсеоло II подъ 991 г.: «*Omnes etiam Saracenorum principes suis legationibus benevolos et amicos fecit.*» Весьма

Дубровничане и другіе Славяне Адриатическіе не могли не имѣть въ этотъ періодъ самыхъ тѣсныхъ сношеній съ Африкой, какъ непосредственныхъ, такъ и посредственныхъ черезъ Сицилію. Наконецъ существуютъ официальные подлинныя извѣстія о торговлѣ Дубровника съ Африкой, еще въ первой половинѣ XIII в. Именно въ договорѣ Дубровника съ Венеціею 1232 г. между прочимъ читаемъ: «Praeterea Ragusini de mercibus Romaniae quas Veneciam apportaverint, dabunt in Venecia Comuni Veneciae quinque pro Centenario, et de mercibus ultramarinis et terre Egypti, Tonissi et Barbariae solvent quintum. Et de mercibus regni Siciliae solvent quadragesimum Comuni Veneciae. De mercibus vero Sclavoniae in Venecia nihil solvere debent». (См. Engel. Gesch. d. Freyst. Ragusa. Wien. 1807. Anh. № 1. S. 295 — 6). Изъ одной Сербской грамоты (1253 г.) видать, что Дубровничане продавали людей за море — по всей вѣроятности, въ Африку. (Сербск. Спомен. № 18).

важны имена подписывавшихся подъ договорами Венеціанскими: они лучше всего обличаютъ Славянскую стихію въ Венеціи, въ Истрии. Такъ см. Pactum Tergestinae civitatis. 1202. Paganus. — Ca. Bruda. — A. de Dobrofn. — Lo. de Budina. — Jubanus. — M. Bolesta. — Melicz. — Wocina. — To. Sclavo. — Colman. — Marin Pilizar. — Triebez. — A. Ros. — Colman Ros. — N. Budina. — Dominicus Pisez. — Niexco. — Bor. Wolziza. — Andrea Budina. — Walter Sclavo. — Artuic Pilizar. — Stanco Crabre. — Stoianus Sclavo. Blagosit Peruinus. — Miro. — Darinoga (Trinoga). — Carcianus Ludic. — D. Boccasinus. — Miriz. — Joannes Budina (Tafel. I. XCVI). См. Prestito contratto dal capitano Ruggero Premarino sulla flotta in Abido. (Romanin — Storia documentata di Venezia. T. II. p. III. Docum. VI. 1196. стр. 415 и сл.). — Petrus Baldo. — Bertolotus Bano. — Semus Deo. — Petrus, Pangrati Cunini, также Cunino. — Leonardus de Sarmaza (срв. Petrus de Patavia). — Pangrat. Barozi (у насъ есть фамилія Бароцци, откуда?). — Marcus Bmilosso. — Leon Ungarus. — Barthol. Greco. — Joanes Buzini. См. Patto di Cittanova (ib. I, 388, XVII. Tafel. I, 294). — Florenti Flabanic. — Joh. Flabanic. — Johes Russo. См. Promessa di non vendere armi ai Saraceni. 971. (ib. I, 373. Tafel. I, 25). — Joan. Pleseghi. — Sign. man. Leonis Rosso. — Въ другомъ мѣстѣ я буду имѣть случай говорить объ этомъ подробнѣе, а теперь напомню, что въ одной грамотѣ (безъ начала) Дубровника, не обозначенной годомъ, но весьма древней, по словамъ Шафарика (nese znáky nejhlubšího staří...) въ числѣ именъ находимъ: роусинъ болеславикъ. См. также Догов. Гр. кн. Дубровн. Марсилія Георгія съ Мих. Асѣнемъ Ц. Болг. прот. Стеф. Уроша краля Сербск. 1253 г. Въ числѣ клявшихся въ твердости и непарушимости договора и подписавшихся въ концѣ его читаемъ собственные имена, сначала князя, потомъ судей и т. д.. наконецъ «векъници одъ вельега веча: врьсанко продачникъ..... роусинъ петровкъ..... роусинъ бельчикъ... власи роусиновичъ... (Сербск. Спомен. 16. — Шаф. Pam. № XVI).

Въ XIV в. два обстоятельства особенно благопріятно по-дѣйствовали на развитіе морскихъ силъ Дубровника. Первое состояло въ томъ, что сенатъ Венеціанскій даровалъ Дубровни-чанамъ права Венеціанскихъ гражданъ, преимущество, которое никому болѣе не уступала Венеція¹. Второе же обстоятель-ство — смерть Стефана Уроша послѣдняго Неманича, съ ко-торой Дубровничане потерявъ свои преимущества въ Сербіи, исключительно обратили вниманіе на морскую торговлю. Отъ султановъ Египетскаго, Сирійскаго, Иконійскаго и Виоинскаго и другихъ владѣтелей Азіатскихъ, Дубровнику предоставлена была свобода торговли, со всеми правами и преимуществами.

Взаимный оборонительный союзъ Дубровника съ Генуей въ 1378 г., противъ Венеціи имѣлъ весьма выгодное вліяніе на расширеніе его морской торговли². Въ 1385 г. Дубровникъ за-ключаетъ торговый договоръ съ Франціей, причемъ выговорилъ себѣ большія преимущества. Въ XV в. торговля Дубровника принимаетъ огромныя размѣры, не даромъ дивились ей совре-менники и говорили, что «нѣтъ въ Европѣ самага отдаленнаго мѣста, гдѣ бы нельзя было встрѣтить купцевъ Дубровниц-кихъ³». — На соборѣ Базельскомъ въ 1433 г. Дубровничанамъ

1. Appendini: Notizie storico-critiche... II. Cap. IX. Commercio marittimo de'Ragusai. «Itaque omnes Ragusaei nati in Ragusio et ex eis nascituri de caetero sint cives nostri Venetiarum, possint mercare tanquam cives Veneti navigando cum navigiis nostris». Замѣчу разъ на всегда, что все приводимыя мною извѣстія о Дубровникѣ заимствованы изъ сочиненія Аппендипи, труда стараго, но не уста-рѣлаго и понынѣ неизмѣющаго себѣ равнаго, что очень жалко, такъ какъ судьбы Дубровника имѣютъ высокій интересъ для насъ Славянъ особенно.

2. Аппендипи прибавляетъ: «Съ того времени до настоящаго (1802 г.) Генуя была для Дубровничанъ главнымъ мѣстомъ ихъ торговли въ Средиземномъ морѣ, какъ видно изъ длинной надписи на часовнѣ, построенной Дубровничанами въ 1581 г. при церкви св. Маріи (Chiesa di S. Maria detta Castellani dei Pp. Domeni-cani) въ Генуѣ. Въ этой надписи народъ Дубровницкій названъ *знаменитыми морскими путями — maritimis itineribus illustris*».

3. Палладій Фоско: «Hinc est, quod nulla Europae pars adeo abdita est, ita ad-venis infesta, ut in ea Rhagusanos non invenias negotiatores. Habebant annis supe-rioribus (ок. 1430 г.) cum ante Senatus Veneti decretum jure suo, quocunque vellent, navigare possent, naves amplius trecentas, quas mercibus onustas in diversas orbis partes ad quaestum mittebant». Аббатъ Децина: «I Ragusei, nazione findallora traffi-cante, come lo è oggidì, contenti per avventura di ciò, che non facevano i Napoleo-tani, cioè di asportare il soprabbondante del regno scorrevano veramente colle loro

разрѣшено было торговать съ невѣрными; а въ 1469 г. Дубровницкій сенатъ выхлопоталъ у папы Павла II разрѣшеніе употребить въ дѣло большое количество своихъ судовъ. Наконецъ, говоритъ Аппендини, изъ національныхъ архивовъ открывається, что въ 1510 г. Дубровничане получаютъ отъ султана Мамелюковъ (Abunassar Causar Gauco) право на свободную торговлю товарами Египта и Сиріи. Транзитная торговля товарами Индіи, бывшая прежде въ рукахъ однихъ Генуэзцевъ и Венеціанъ, пока не открыли мысь Доброй Надежды, и доставлявшая имъ огромныя богатства, стала, подъ конецъ, какъ бы исключительно привилегією Дубровничанъ. Война Венеціанъ съ Баязетомъ, принудила ихъ изъ опасенія корсаровъ, вывести изъ портовъ Египта, Сиріи и Архипелага все свои торговые суда. По той же причинѣ и Генуэзцы ограничили свою торговлю Средиземнымъ моремъ и портами Сѣвернаго океана. Только Дубровникъ для продолженія этой торговли былъ равно покровительствуемъ и ласкаемъ всеми державами, особенно же Венеціанами, которые много скрыли судовъ своихъ и товаровъ, въ гаваняхъ Дубровника, изъ боязни Варварійскихъ пиратовъ. Сенатъ Дубровницкій заключилъ тогда же договоръ съ Портою, по которому все державы, бывшія въ войнѣ съ Турками, могли безопасно укры-

navi per tutte le parti del Mediterraneo, ma non contavansi fra le potenze maritime». Рико: «Les habitants (Дубровника или Рагузы) faisaient autrefois un grand trafic dans les parties occidentales de l'Europe; et on dit, que ces grandes et vastes Caraques, que l'on appelle Argosies si fameuses par la grande charge, qu'elles portent, ont été appellées ainsi par la corruption du mot Ragusies, qui vient de celui de Raguse». Джіованни Баттиста Амальтео: «Evvì ancora (in Ragusa) bella occasione di far trafficare, mercare, e di tener vivo qualche danaro per via di Levante, o di Spagna, o d'Inghilterra». (См. Аппендини тамъ же). Дубровникъ былъ открытымъ убѣжищемъ для выходцевъ всехъ сосѣднихъ странъ: «nulli ex proximis regionibus Illyrico, Macedonia, Epyro, Graecia, Italia, eo habitatum convenere; civitatis magis institutis ac moribus, quam solis felicitate ulla capti». (Lud. Tuber. Comment. de temporib. suis lib. V. § VI). Тотъ же Туберъ говоритъ по случаю пріѣзда Юрія Брашковича въ Дубровникъ и отдачи имъ на сохраненіе въ Дубровникъ своего имущества: «Cum fidei Senatus Ragusani sua omnia credidisset: Ragusani, neque terrore Turcarum, quo fere Europa id temporis magnopere percussa erat, neque ullo praemio adduci potuerunt, quo minus fidem servarent. Quam profecto constantiam, Amurathem Othomaunum, Turcarum regem vehementer admiratum, dixisse ferunt, urbem haud facile perditum iri, in qua scilicet tanti ducitur fides» (ibid. L. V. § VI). Не такъ говорилъ Югурта про Римъ!

вать суда свои въ портахъ Дубровницкихъ. Такъ и Венеціане держали тамъ корабли свои. Когда же во время союза Камбрейскаго, Венеціане, всюду разбитые, брошенные и ненавидимые всю Европой, препоручили себя Дубровнику, то умные его граждане, не навлекая на себя и тѣни неудовольствія союзниковъ, съ своимъ цвѣтушимъ флотомъ снабжали Венецію хлѣбомъ и всѣмъ въ изобиліи.

Таковы были торговыя сношенія Дубровника съ Африкой: они ослабѣли, но не прекращались и въ слѣдующіе вѣка. Нельзя умолчать здѣсь объ одномъ обстоятельстве, которое не могло не благоприятствовать этимъ сношеніямъ.

Въ 1517 г. Египетъ былъ завоеванъ Турками, при Мелек-эль-Агираф-Тумац-беѣ, послѣднемъ султанѣ изъ второй династїи мамелюковъ, Черкасской, ибо первая династїя Багаритовъ была изъ Туркомановъ и господствовала въ Египтѣ съ 1250 по 1381 г.¹

1. См. Histoire des sultans Mamlouks, de l'Égypte, écrite en Arabe par Taki-Eddin-Ahmed-Makrizi, trad. en franç. et accomp. de notes philol., histor., géograph. par M. Quatremère. Paris. Какое значеніе имѣли эти мамелюки, рабы въ Египтѣ, можно видѣть изъ словъ Макризи про султана Мелекъ-Мансура Келауна († 1290 г.): «Ce prince avait à son service douze mille mamlouks, ou, suivant d'autres, sept mille; ce qui est plus conforme à la vérité. Plusieurs d'entre eux furent promis au rang d'émirs; quelques uns même, parvinrent à la dignité de sultan. Parmi les mamlouks, il en avait choisi trois mille sept cents, originaires de l'Arménie et de la Circassie, et les plaça dans les tours de la citadelle, d'où ils prirent le nom de *Bordjis*». (Т. II, p. 111). Вотъ что говорить Лудовикъ Туберъ о мамелюкахъ Черкасскихъ въ Египтѣ: «Pontica gens, quae inter Maeotim et Phasim incolit, vulgo Cercassos vocant ad hanc militiam delecta. Inde greges servorum abducebantur; partim liberi a parentibus venundati, qui sane nihil sceleris eo facinore se suscipere putabant, existimantes, prolem suam non in servitatem abduci, verum in imperium mitti; partim a Tartaris, Maeotis accolis emti, quos illi Ponticas regiones incursando, captos cum Syris mercatoribus, tum veste, tum pecunia permutabant. Hi servi ad Calipham perducti, hominibus armorum et equitandi peritis, dividebantur; quos illi in disciplinam acceptos omnes equestris militiae artes edocebant, quotidianisque fere exercitationibus ac pugnae simulacris, experiundo, eorum corpora simul et animos ad bellum acuebant. Caeterum, imperium fraude quaesitum, haud altius radices egit; cum praesertim non suis, sed alienis viribus inniteretur. Nam serviles animi, posteaquam se justo exercitu auctos viresque regni ex se pendere viderant; reputantes perfidiae praemium regnum fore: inito inter se consilio, adversum Calipham conjurant. Cur enim sacerdos, curandis sacris constitutus, qui in otio aetatem agit, quippe qui nusquam e cubiculo prodit, verum in sella aurea residens, pulvillis purpureis innixus, ne hyberni quidem solis patiens; quasi animal epulis destinatum, sese intra saginando, regnum potius

Хотя изъ Герберштейна и извѣстно намъ, что Черкесы употребляли въ богослуженіи языкъ Славянскій, а Черкасы Пятигорскіе и говорили даже по Славянски, хотя и убѣдились мы выше о давнихъ поселеніяхъ Русскихъ на Дону и о давнихъ сношеніяхъ ихъ съ Кавказомъ, хотя приведенныя нами выше слова Петра де ла Валле о Черкесахъ, исповѣдывавшихъ христіанскую Греческую вѣру, но безъ книгъ и священниковъ, именно о томъ, что «они, подвластные различнымъ Мирзамъ живутъ грабежемъ и ведутъ постоянныя войны то съ Татарами, то съ Лезгинами; оттого - то такое множество рабовъ и рабынь Черкесскаго, Русскаго, Татарскаго и Лезгинскаго происхожденія, которыхъ продаютъ на всемъ востокѣ», хотя слова эти и не могутъ и не должны быть относимы только къ одному XVII или XVI в., но вѣрны они и относительно древнѣйшаго времени и очень живо напоминаютъ намъ слова Арабскаго писателя Димешки († 1393 г.), который указавъ на обширность пространства, населеннаго Славянами, прибавилъ: «потому-то и находили Славянскихъ плѣнниковъ въ Андалузій и въ Хорасанѣ, по причинѣ тѣхъ войнъ, которыя вели они съ Турками и съ Греками», хотя, повторяемъ, слова, сказанныя въ Цареградѣ думнымъ дворяниномъ Ислѣньевымъ (въ 1594 г.) отъ имени П. Фодора, заслуживаютъ вниманія и заставляютъ задуматься, т. е. «изначала Кабардинскіе и Горскіе Черкасскіе князи и Шевкальской были холопи наши Рязанскихъ предѣловъ, и отъ насъ сбѣжали съ Рязани и вселились въ горы, и били челомъ отцу нашему», хотя, говорю, всѣ эти извѣстія и позволяютъ предполагать, что въ числѣ мамелюковъ Египетскихъ бывали и Русскіе люди, однако все же эти свѣдѣнія и соображенія недостаточны для объясненія нижеслѣдующаго весьма любопытнаго и совершенно несомнѣннаго свидѣтельства П. Ювія. Для его объясненія надо прибѣгнуть къ другому единственно

temperaret, quam milites? sine quorum armis, sudore et sanguine, neque imperium ampliari, neque tutum reddi queat. Itaque misso ad Calipham nuntio, jubent illum sacra duntaxat capessere; vetito eo, pro imperio quidquam de caetero agere. Extorto Caliphæ regno, cum servorum imperium ad ducentos fere annos durasset, tandem a Turcis hunc in modum deletum est». (Comment. de temporib. suis. l. X. § XIII — у Швадтне ра).

возможному и весьма вѣроятному предположенію, которое, можно надѣяться, будетъ въ послѣдствіи оправдано подлинными и точными извѣстіями. Разумѣю здѣсь слѣдующія слова Іовія: «*Moschovitae Illyrica lingua, Illyricisque literis utuntur, sicuti et Sclavi, Dalmatae, Bohemi, Poloni et Lithuani. Ea lingua omnium longe latissima esse perhibetur, nam Constantinopoli Ottomanorum in aula familiaris est, et nuper in Aegypto apud Memphiticum Sulthanum et equites Mamaluchos haud ingratis auribus audiebatur. In hanc linguam ingens multitudo sacrorum librorum industria maxime divi Hieronymi et Cyrilli, translata est*¹, т. е. «Московиты говорятъ по-Иллирски и пишутъ Иллирскими буквами, также, какъ и Славяне, Далматы, Богемцы, Поляки и Литовцы. Этотъ языкъ распространенъ больше всѣхъ на свѣтѣ: такъ онъ обыченъ въ Константинополѣ при дворѣ Оттомановъ, и еще недавно былъ въ чести въ Египтѣ у Султана Мемфійскаго и у Мамелюковъ. На этотъ языкъ преимущественно трудами св. Іеронима и Кирилла переведено великое множество священныхъ книгъ». Для объясненія этого любопытнаго извѣстія необходимо прибѣгнуть къ тому предположенію, что Славяне Задунайскіе и Адриатическіе и въ послѣдующія времена послѣ IX—X в. переходили къ Арабамъ въ Африку, получали тамъ значительныя мѣста и пользовались великимъ уваженіемъ. Безспорно, что торговля связи Дубровника и вообще Славянъ съ Египтомъ были тѣмъ облег-

1. P. Jovii Novocomensis libellus de legat. Basil. magni principis Moschoviae ad Clementem VII... Basileae. MDXXVII. 4-to. p. 32. Бальбинъ (Dissert. apologetica pro lingua slavonica. Praegae. 1775. p. 63) говоритъ: «Paucas caeterarum linguarum amplitudine terrarum, et populi cum slavica posse conferri, enumerat liber *Bibliothecae Vaticanae* plurima populorum nomina, qui slavica lingua utantur, additque Turcis nullam familiariorem esse, a quibus Aulica, Regia, et Imperatoria appelletur, quod velut apud nos in Aulis italica, aut gallica, sic in Aula magni *Turcae* Proceres omnes *Bassae, Vezirii*, ac provinciarum Rectores per delicias slavica utantur». Янъ Красинскій, въ своемъ трактатѣ о Польшѣ, писанномъ для Генриха Валуа въ 1574 г., перечисливъ между прочимъ народы Славянскіе, продолжаетъ: «Wszystkie te narody nazwisko sławiańskich noszą, i mowy sławiańskiej z małą różnicą dyalektów używają. Ale i narodowi tureckiemu nie obcą jest mowa Sławian, a na dworze Konstantynopolskim chętnie jęj słuszają; co rząd, jak sądzę, pochodzi, że sułtan turecki prawie wszystkie kraje sławiańskie pod swoje panowanie zagarnął. Wielu także Sławian, przyjąwszy religię mahometanską, u sułtana wojskowo służy». (J. Krasiniego Polska czyli opisanie topograficzno-polityczne w wieku XVI... przetłum. przez Stan. Budzińskiego. Warszawa. 1852. str. 25—26).

чены чрезвычайно. Можно смѣло надѣяться, что не только изученіе будущими Славянскими оріенталистами восточныхъ источниковъ, но и старательные поиски Славянистовъ въ архивахъ Вѣны, Венеціи и Далмаціи откроютъ немало совершенно новыхъ данныхъ, которымъ быть можетъ суждено пролить неожиданный свѣтъ на нѣкоторыя доселѣ загадочныя и темныя явленія Европейской и Восточной исторіи. — *Халыпъ, Мисръ* — Алеппо, Египетъ — народныя названія эти попадаются уже въ нашихъ памятникахъ со 2-ой половины XV в., а народность этихъ названій указываетъ, какъ справедливо замѣчено И. И. Срезневскимъ, «на прямое вліяніе торговцевъ Русскихъ, или по крайней мѣрѣ на прямой перевозъ товаровъ съ тѣхъ мѣстъ, на которыя указываютъ ихъ названія¹».

1. Уч. Зап. И. А. Н. Кн. П. Вып. 2. С. 228. Рафаловичъ въ своей любопытной книгѣ рассказываетъ объ одной отрасли Русской промышленности, которая безъ сомнѣнія идетъ весьма издавна... Въ Египтѣ онъ постоянно встрѣчалъ мѣдный тазъ съ двойнымъ дномъ — *тыштъ*, и мѣдный кувшинъ красивой формы съ длиннымъ узкимъ носкомъ — *ибрикъ*. «Сказанные тышты и ибрики, — по словамъ Рафаловича, — вездѣ на востокѣ въ большомъ употребленіи; почти все, коморыя мнѣ случилось видѣть, издѣлія Московскаго и снабжены Русскимъ фабричнымъ клеймомъ, или же приготовлены въ Константинополь Русскими мастерами. Въ этомъ городѣ цѣна такого кувшина съ лоханкою не больше 7 или 8 рубл. серебр.» (Рафаловичъ (А.) Путеш. по Нижнему Египту и внутр. обл. Дельты. Спб. 1850. С. 93). Вообще нынѣ обращающимся въ большинствѣ понятіямъ о разобщенности древней до-Петровской Россіи съ остальнымъ міромъ суждено потерпѣть значительное измѣненіе; намъ кажется, что онѣ столь же справедливы, какъ не менѣе распространенное мнѣніе о томъ, что Русскій народъ до начала XVIII в. не имѣлъ будто бы своей словесности. Известно значеніе Солуня — Русскіе посѣщали его издавна. Такъ описываетъ его Барскій въ 1726 г.: «Градъ оный (Солунь) воистину пресловутый есть, не мѣнотою и крѣпостію, но ветхостію и пристанищемъ земнымъ и воднымъ; тамо бо приходятъ отъ Царяграда, отъ Египта, отъ Венеціи, Франціи и отъ Англіи корабли дѣющіи, такожде и по земли отъ Нѣмцевъ, Италіанцевъ, Болгаровъ, Сербовъ, Далматовъ и отъ всей Македоніи, и отъ Русской Украйны торговцы различныя, малые и великія, приносящіе разные отовсюду товары; градъ тотъ зѣло доволенъ есть въ пищѣ, наипаче же въ хлѣбѣ» и пр. (I, 160). — «Въ Солунѣ доволно людей всякаго народа, то есть Италіанскаго, Французскаго, Гишпанскаго, Волоскаго, Рускаго, Арапскаго, Арнаутскаго, Болгарскаго и прочіихъ» (ib. 164). Жестоко бы ошибся тотъ, кто сталъ бы утверждать, что напр. въ XVII, XVI в. и даже прежде, Русскіе не посѣщали Солуня и не жили въ немъ; ибо обстоятельства, благопріятствовавшія Русскимъ въ началѣ XVIII стол., существовали и раньше. Давнишнія и постоянныя связи съ Болгарами, Сербами, даже съ Дубровникомъ (объ этомъ въ другомъ мѣстѣ) и съ Аеономъ (см. напр. Христ. Чт. 1853. Ч. II. С. 290—317) знакомили Русскихъ и съ Со-

Съ завоеваніемъ Египта Турками (1517 г.), Славянская въ немъ стихія безъ сомнѣнія не исчезла вовсе: бѣглецы, гулящіе и вольные люди изъ Черногорья, Албаніи, Герцоговины, Босніи, Сербіи, безъ сомнѣнія постоянно перебѣгали въ Африку и въ XVI — XVIII стол., какъ перебѣгали до новѣйшаго времени; связи были слишкомъ старья, путь слишкомъ извѣстный, воспоминанія слишкомъ свѣжія, чтобы Славяне не пользовались имъ; притомъ множество Славянъ, принявшихъ исламу и сохранившихъ свою народность, состояло въ это время на службѣ

дуземъ. Позволяю себѣ привести слѣдующія слова инока Нароенія. Собравшись на Аѳонъ, въ 1839 г., онъ прибылъ въ Мачинъ: «Во градѣ же христіане весьма добрые и страннопріимные; весьма были рады, что мы пришли къ нимъ дѣлать ихъ скорби и нго Турецкое». Они жаловались на притѣсненія Турокъ — «владыка Грекъ въ наши дѣла не входитъ и насъ не защищаетъ». — «Сии христіане роду называемые Ромыни, одежду носятъ Болгарскую, а говорятъ языкомъ Влахійскимъ. Мы ихъ спросили о пути во Св. Гору: «одаишь путь горами, *хотя и поближе, но на немъ больше села Турецкія; хотя пищею и будете довольны, но вамъ будетъ непріятно, да и говорить по-Турецки не знаете; а другой путь сверхъ по берегу Дуная до самого Рущука, съ христіанами нашими Ромынями; здѣсь для васъ лучше: и языкъ вы знаете, и вамъ будетъ удобно, и пищею будете довольны. А отъ Рущука пойдутъ Болгары — тоже вамъ, почти до самой Св. Горы. А тамъ немного Греками пойдете*». Мы поблагодарили ихъ за страннолюбіе и за наставленіе, и пожелали имъ терпѣнія носить тяжкое нго Турецкое, и также, чтобы Господь поскорѣй ихъ отъ него освободилъ; они сказали: «аминь». Мы же, простившись, пошли изъ града. А они насъ проводили за заставу и показали намъ путь». (II, 38). Вотъ живая картина *хожденій* нашихъ старыхъ предковъ! Замѣтимъ только, что до Турокъ, въ XIV, XIII, XII в., путь Русскимъ на Аѳонъ, въ Солунь, былъ еще болѣе облегченъ. «Христіане сказали намъ, что путь до св. горы Аѳонской *отъ Рущука 18 дней ходу* и переписали намъ всѣ села». (ib. 47). Константинь Порфирородный путь изъ Бѣлграда въ Солунь опредѣлялъ меньше, чѣмъ въ 8 дней. (De adm. Imp. С. XLII). Припомнимъ также давнишнія поселенія Русскихъ въ нынѣшнихъ Дунайскихъ княжествахъ. Черезъ Солунь Русскіе не могли не имѣть сношеній и съ Египтомъ, тѣмъ болѣе, что до 1517 г. языкъ Славянскій «*apud Memphiticum sulthanum et equites Mamaluchos haud ingratis auribus audiebatur*». При разсмотрѣніи вопроса о доступности Русскимъ Египта нельзя терять изъ вида и сношеній ихъ съ Сирією и Палестиною. Барскій такъ разсказываетъ о прибытіи своемъ въ Антиохію (ноябрь 1728 г.): «идохъ на торжище и водворихся купцо съ торговцами въ дворѣ общемъ, понеже тамо нѣсть страннопріемныхъ домовъ или гостиниць и ниже зданія церкви, къ тому же и христіане не имуть обычая странныхъ звать въ домъ и пошевахъ купцо *съ торговцами* Греческими, *пришельцами отъ земли Болгарской отъ града Филиппополя*, иже мя угостиша трапезою и одромъ честно, возрадовашася бо зѣло, яко языкомъ ихъ бесѣдовахъ, къ тому же и народъ ихъ есть естественно страннолюбивъ». (I, 337). Сношенія Русскихъ со Св. Землею были облегчены сношеніями другихъ

у Порты, нѣкоторые изъ нихъ пользовались огромнымъ значеніемъ, слѣдовательно Славянскій элементъ могъ проникать въ Египетъ черезъ само правительство Турецкое; въ XVI, XVII ст. тысячи Русскихъ невольниковъ томились въ плѣну у Татаръ и Турокъ, ими производилась значительная торговля и конечно они попадали и въ Египетъ, гдѣ находили своихъ соплеменниковъ, которые безъ сомнѣнія облегчали ихъ тяжкую участь. Наконецъ торговля и морскія силы Дубровника въ продолженіи всего шестнадцатаго и въ первую половину семнадцатаго сто-

Славянъ православныхъ — Болгаровъ, Сербовъ, которые во времена своей независимости жертвовали большіе вклады въ Іерусалимъ, монастырь св. Саввы и пр. См. Востокова: Описаніе рисей А. С. Норова; одна изъ нихъ — Тріодъ цвѣтная, писана въ 1374 г. на Сивайской горѣ для Сербской церкви архистратига Михаила въ Іерусалимѣ. (Уч. Зап. Кн. II. Вып. II. С. 102). При Стефанѣ Душацѣ († 1355 г.) и его сынѣ Стефанѣ Урошѣ († 1367 г.) эта церковь получала ежегодно тысячу перперовъ. (См. Гласникъ друштва Србске словесн. У Београду 1849. Свезка II. С. 197—199. Въ 1479 г. Сербская церковь въ Іерусалимѣ ужѣ опустѣла и тысяча перперовъ шла теперь на Святогорскіе монастыри Хиландаръ и св. Павла (см. тамъ же стр. 200 и сл.). Въ XV, XVI и сл. стол. воеводы Молдавскіе не оставляли своими вкладами ни Св. Горы, ни Палестины. Въ Похвалѣ Самодержиу Василию, — сочиненіе которой приписывали знаменитому Вассіану, — говорится про Василія: «всѣхъ бо любляше и всѣми любимъ бѣше, и вси къ нему припадающе, не токмо ближніи, но и дальніи, еже бы рещи отъ Синая и отъ Палестины, Италія же и Антіохія и отъ всея подсолнечныя хотяще его токмо видити и слово его слышати». Сербская церковь въ Іерусалимѣ была по всей вѣроятности построена Сербскимъ княземъ Милутиномъ (1275—1321 г.), который посылалъ милости и въ Іерусалимъ, и на Синай, и въ *Египетскую землю*; построилъ много храмовъ не только въ Сербіи, но и въ Греціи: въ Солунѣ церковь Св. Троицы (сзидавъ и оукрасивъ и *полате въздвигъ*), въ Царградѣ церкви и больницы. (См. Saf. Pam. — Лѣт. 70. — Србск. Спом. № 35. — Майковъ: Ист. Сербск. яз. М. 1857. С. 228). Св. Сава Сербскій († 1237 г.) странствовалъ въ Палестину, на Синай, былъ въ Египтѣ; сохранившіяся о немъ подробности позволяютъ предполагать особое описаніе этого путешествія, составленное кѣмъ нибудь изъ его спутниковъ. Русскіе этого времени, находясь въ самыхъ тѣсныхъ связяхъ съ своими единовѣрными соплеменниками, не могли не имѣть сношеній съ Сирією, Палестиной, Египтомъ. И дѣйствительно до насъ дошелъ одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ памятниковъ старой Русской словесности — Хожденіе Даниила Паломника, изъ котораго узнаемъ, что въ концѣ XI и въ началѣ XII в. Русскихъ немало бывало въ Іерусалимѣ. Есть извѣстіе, хотя и позднее, но не невѣроятное, о томъ, что еще Владиміръ въ 1001 г. посылалъ пословъ въ Египетъ, въ Іерусалимъ и прочія страны, «да и тамо увѣсть богоугодныхъ мужей пребываніе и церковное благолѣпіе, да отсюда пользу преобрязеть». (Ист. Русск. Церкви. Макарія. Спб. 1857. I, 173). Въ краткомъ «Лѣтописцѣ Господь Сербскихъ» подъ 1517 г. читаемъ: «царь селимъ шахъ приимъ градъ мисуръ сирѣчь егуптъ». (Saf. Pam. С. 83).

лѣтій (до 1667 г.), постоянно возрастали, слѣдовательно и съ открытіемъ Новаго Свѣта и новыхъ путей, сношенія его съ Африкой не могли вовсе прекратиться. Въ послѣдствіи Дубровникъ снова оправился и уже велъ сношенія съ Египтомъ, съ Африкой въ XVIII в., когда на сѣверо-востокъ другой Славянскій народъ, разбираемый вѣчнымъ своимъ желаніемъ *новыя земли отыскивать и пустую землю въ живущую полнати*, грозно наконецъ заявилъ себя всему міру могучимъ образомъ Петра, и разбивъ Шведа подъ Полтавой, никѣмъ на Западѣ не званый и непрошенный, двинулъ свою страну въ систему сильнѣйшихъ Европейскихъ державъ, вліяніе которыхъ на Египеть, Африку, неминуемо, неизбѣжно, необходимо.

Дальнѣйшее развитіе Русской народной промышленности и торговли, весьма замѣтное пробужденіе народной самобытности въ Славянахъ Турецкихъ и Австрійскихъ, могутъ служить благонадежнымъ ручательствомъ въ томъ, что отношеніямъ міра Славянскаго къ Египту, Африкѣ, особенно съ ожидаемымъ прорытіемъ Суэзскаго канала, предстоитъ будущность далеко не жалкая. Нельзя однако скрывать, что тотъ или другой оборотъ этихъ дѣлъ, то или другое ихъ направленіе въ будущемъ, или лучше вопросъ о будущихъ отношеніяхъ міра Славянскаго къ Египту и вообще Африкѣ, находится въ тѣсной зависимости отъ другихъ въ высшей степени важныхъ для Славянъ вопросовъ, напр. объ отношеніяхъ ихъ къ Италіи, къ Нѣмецкой народности или политикѣ въ Австріи, и т. д. Не менѣе очевидна и важность прошлыхъ отношеній міра Славянскаго къ Африкѣ, какъ предмета чистой любознательности, какъ вопроса науки, который, разбиваясь на множество частныхъ вопросовъ, не можетъ не возбудить какъ въ Русскихъ, такъ и въ другихъ Славянахъ, весьма простаго и необходимаго желанія уяснить ихъ себѣ и тѣмъ оказать нѣсколько услугъ наукѣ, а свою литературу обогатить трудами полезными, которые бы заслуживали всеобщей извѣстности. Дѣйствительно для исторіи отношеній Славянъ къ Африкѣ необходимы, напр. подробное разсмотрѣніе мнѣнія Шафарика о Славянской стихіи въ Вандалахъ, изученіе рукописныхъ источниковъ Арабскихъ и изданіе съ Русскимъ переводомъ всѣхъ текстовъ, относящихся до Славянъ, не только въ

Африкѣ, но и въ Азіи, ибо въ настоящее время трудно, почти невозможно отвергать органической связи судьбы Славянъ Азійскихъ, ихъ переходовъ къ Арабамъ, съ судьбою Славянъ въ Африкѣ; составленіе — на основаніи языка, лѣтописей, грамотъ и договоровъ, произведеній словесности (Юго-Славянской, Хорватской, столь богатой), современнаго быта, народныхъ пѣсенъ, преданій и разсказовъ — исторіи внѣшнихъ сношеній Дубровника и другихъ Славянскихъ Адриатическихъ общинъ, ихъ морскихъ силъ, торговли, какъ вообще, такъ и въ особенности съ Африкою, изученіе Славянской стихіи въ Венеціи, ея послѣдовательное, историческое раскрытіе, съ указаніемъ на то, какое вліяніе отношенія Венеціи къ Африкѣ имѣли на отношенія къ ней міра Славянскаго. Отправляясь отъ того положенія, безъ котораго нынѣ не возможенъ успѣхъ исторіи ни Русскаго, ни другаго какого Славянскаго народа, отъ положенія неизбѣимаго, что Славяне всегда и во все времена сознавали единство своего общаго происхожденія, а потому и черезъ то самое чувствовали другъ къ другу взаимное притяженіе, которое поддерживалось у всѣхъ сходствомъ языка, ослаблялось у однихъ вѣроисповѣдною борьбою, скрѣплялось и освящалось у другихъ единовѣріемъ — отправляясь отъ этого положенія, слѣдуетъ раскрывать и возстановлять до малѣйшихъ подробностей исторію взаимныхъ сношеній Славянъ между собой, прослѣдить сношенія всѣхъ Славянъ съ Сирією, Палестиною, съ Египтомъ, Африкою; собрать все свѣдѣнія о невольникахъ Русскихъ въ Крыму и въ Турціи¹, о торговлѣ ими на Востокъ въ XVI и XVII стол.; изучить отношенія Славянъ къ побѣдителямъ Туркамъ, Славянскую стихію въ Портѣ Оттоманской и исторію Египта позднѣйшаго времени для основательнаго разрѣшенія вопроса о томъ, проникала ли въ Египетъ стихія Славянская въ XVI, XVII и

1. Жена Сулеймана I. Роксолана пользовалась великимъ вліяніемъ. Наваджеро говоритъ про нее: «Roxolana di nazione russa, tanto amata de sua maestà, che non fu mai nella cosa ottomana alcuna donna che ayesse maggiore autorità. Si dice che è piacevole, modesta, e che molto bene conosce la natura del gran-signore...» (Zinkeisen-Gesch. d. osm. R. III, 242). Вспомнивъ при семъ Соколовича-Пашу, мы поймемъ, почему Славянскій языкъ игралъ такую роль при дворѣ Оттоманскомъ въ XVI и XVII стол.

XVIII? и въ какой степени? Въ этомъ отношеніи, какъ и во многихъ другихъ, весьма полезно бы было появленіе въ Русской литературѣ — добросовѣстнаго перевода Исторія Турціи — Цинкейзена, съ дополненіемъ отъ переводчиковъ тѣхъ свѣдѣній, что упущены почтеннымъ ученымъ Шмецкимъ, за недоступностью ему источниковъ Русскихъ и вообще Славянскихъ. Если нельзя отрицать, что болѣе или менѣе полное и основательное разсмотрѣніе всѣхъ вопросовъ и задачъ, возбуждаемыхъ при мысли объ отношеніяхъ міра Славянскаго къ Африкѣ, какъ въ прошедшемъ, такъ и въ будущемъ, задачъ и вопросовъ не только возможныхъ, но и въ высшей степени законныхъ и своевременныхъ, должно вызвать въ болѣе или менѣе ближайшемъ будущемъ не только въ Россіи, но и въ другихъ земляхъ Славянскихъ, новыхъ, даровитыхъ и энергическихъ дѣятелей; если нельзя отрицать этого, то тѣмъ менѣе возможно сомнѣваться во всей очевидной важности и въ тѣсной неразрывной связи тѣхъ двухъ вопросовъ, изъ коихъ одинъ о распространеніи Русскаго языка внѣ предѣловъ Россіи составляетъ предметъ постоянныхъ желаній и самыхъ строгихъ помысловъ каждаго Русскаго, а другой объ изученіи въ Россіи Славянскихъ языковъ и литературъ и объ умственномъ и литературномъ общеніи нашемъ со Славянами, въ глазахъ большинства Русскихъ образованныхъ людей понынѣ представляется дѣломъ какъ бы пустымъ, ничтожнымъ и не стоящимъ почти никакого вниманія.

СЛАВЯНЕ ВЪ ИСПАНИИ.

И. Массуди, рассказывая про Донскихъ, Азовскихъ Руссовъ, которые, какъ справедливо замѣтилъ уже знаменитый Французскій ориенталистъ Рено, не были Норманнами, Шведами, а были Славянами, какъ и называлъ уже ихъ Ибнъ-Хордаты-бегъ, современникъ нашихъ Рюрика и Олега, когда Варяги еще не могли вовсе утратить своей народности и совершенно ославяниться, Массуди говоритъ при семъ: «Русскіе состоятъ изъ различныхъ народовъ и разныхъ поколѣній; одно изъ нихъ называется аль-Люданетъ. Они ходятъ по своимъ торговымъ дѣламъ даже въ Испанію, Римъ, Константинополь и къ Хозарамъ»¹. Извѣстія Массуди о Руссахъ никакъ не позже 944 г.; Русскіе посѣщали Испанію, и въ послѣдствіи времени².

По свидѣтельствѣ Арабскихъ историковъ Ибнъ-Халдуна (XIV в.) и Ибнъ-Гайяна (XI в.), въ 947 или 949 г., къ Халифу Абдуррахману III прѣзжали въ Кордову послы не только отъ Греческаго императора изъ Константинополя, не только отъ королей Аламанъ и Франковъ, но и отъ короля Славянскаго³.

1. Sprenger. p. 416. — Frähn. Ibn-Fosslan's Berichte. S. 71.

2. Frähn. Ber. S. 64. — Ибнъ-Хаукаль: «Sie (Bulghar) war einst weit berühmt, insoferne sie der Stapelplatz des Handels der dortigen Reiche war. Aber die *Russen* plünderten sie, so wie Chaseran, Itil u. Semender, im Jahre dreihundert u. acht-funfzig (d. i. 968 od. 969 nach Chr. Geb.) rein aus, u. zogen unverzüglich von da nach (gegen) Griechenland (Rum) u. Spanien (Andalus) aus». Такимъ путемъ, по всей вѣроятности, и проникли въ Русь монеты Африкано- и Испано-Арабскія. См. ст. Френа: Topogr. Uebers. d. Angrab. von altem arab. Gelde in Russland, въ Bullet. St.-Pétersb. t. IX. № 212—213. Очень возможно, что Русскіе Славяне ходили въ Испанію и въ IX в. Ибнъ-Хордаты-бегъ говоритъ: «*Русскіе изъ племени Славянъ вывозятъ мѣха бобровъ и чернобурыхъ лисицъ изъ самыхъ отдаленныхъ краевъ Славянской земли и продаютъ ихъ на берегахъ Румскаго моря: тутъ царь Румскій беретъ съ нихъ десятину*». (См. Вѣстн. Г. Общ. 1854. I. С. 52 и сл.). Вѣроятно, что Русскіе Славяне посѣщали Испанію и въ XI в., и что тамъ ихъ знавали. Въ произведеніи св. Иларіона «Похвала Кагану» между прочимъ читаемъ: «Похвалимъ же и мы... великая и дивная сотворшаго, нашего учителя и наставника, великаго Кагана нашея земли, Владимера, внука стараго Игоря, сына же славнаго Святослава, иже въ своя лѣта владычествующа; мужествомъ же и храбрѣствомъ прослушна въ странахъ многихъ и поминаютъ нынѣ и словутъ. *Не въ худъ бо и не въ невѣдомъ земли владычествоваши, но въ Русьской, яже вѣдома и слышима есть вѣтми концы земля*». Едва ли это однѣ риторическія фразы? Все слово отличается высокою простотою, безыскусственною правдивостію. Съ чего и для чего ходить было Славянамъ Русскимъ въ Испанію, увидимъ ниже.

3. Аль-Макари, у Гаянгоса (II, 139), рассказавъ о посольствѣ Греческомъ, продолжаетъ: «Послѣ того прибыло другое посольство отъ короля Славянъ (from

Еврей Эби - Спротъ - Хаздай, занимавшій важное мѣсто при Халифѣ Абдуррахманѣ III († 961 г.) въ письмѣ своемъ къ царю Хозарскому говоритъ между прочимъ: «Всѣ владыки земные, знающіе могущество и величіе моего повелителя, присылаютъ ему дары, рѣдкіе и драгоценные предметы и такимъ образомъ снискиваютъ его благоволеніе. Таковы государь Ашкеназъ (Нѣмецъ), царь *Гебалеянь* т. е. *Славянь*, императоръ Византійскій и другіе. Всѣ эти подарки идутъ черезъ мои руки¹».

Кармоли замѣчаетъ при семъ — «Al-Saclab, Slaves, Esclavons, désigne ici les montagnards des Karpates, *Chrobates*, tributaires d'Otton le Grand; selon le témoignage de Constantin le Porphyrogénète, ils avaient un chef du corps politique de leurs Etats unis, portant, suivant toutes les apparences, le titre de *Woievoda* qui signifie duc. Murphy parle de l'ambassade du duc des Slaves auprès du Khalife de Cordoue en ces termes: «Other embassies arrived... one from the King of the Slavonians called Ducu». (Hist. of the Mahomet. Empire in Spain. p. 101).

Въ настоящее время лучше всего остановиться на мнѣніи Кармоли, какъ хорошо объясняющемъ выраженіе Хаздая. «Ге-

a king of the Slavonians), имя котораго было *Дуку* (Dhuku), также и отъ короля Аламанъ (the king of the Alaman; Гаянгосъ прибавляетъ отъ себя: the emperog of Germany), и отъ короля Франковъ изъ-за *Джебаль аль-бортъ* (Шириневъ), по имени Уко (Ukoh; Гаянгосъ прибавляетъ: Hugo), сверхъ того прибыло такое же посольство отъ одного короля, по имени Калдо (Kaldoh), изъ западныхъ предѣловъ Франціи. Эти посланники были приняты Абдуррахманомъ съ великою пышностію, и, по его приказанію, придворные и другіе чиновники ходили имъ на встрѣчу. При возвращеніи домой *Славянскихъ посланниковъ*, Абдуррахманъ отправилъ съ ними Раби епископа, который достигъ двора Оттонова и воротился назадъ по прошествіи двухъ лѣтъ». Гаянгосъ въ своихъ примѣчаніяхъ говоритъ при семъ: «*Дуку* есть, безъ сомнѣнія, испорченное *Dux*. *Kaldoh* или *Kalodoh* такое же испорченное слово вм. *Karolq*. Во Франціи царствовалъ тогда Карлъ Простой. Раби епископъ, по приказанію халифа, велъ переговоры съ посланникомъ Оттоновымъ (with the monk of Gorz, Othos ambassador). Но посланникъ, сопровождавшій сего послѣдняго, на возвратномъ его пути въ Германію былъ лицо свѣтское (a lauman), именемъ Речемундъ (Recemundus), бывшій однимъ изъ катибовъ или дяковъ дворцовыхъ (clerks of the palace). См. занимательный рассказъ Іоанна (Joannes à Gorz), посланника въ Кордовѣ, у Mabillon. Acta Sanctor. ordinis S. Benedicti, vol. V, p. 404, и дѣльныя замѣчанія Ромея (Romey) Hist. d'Espagne vol. III, p. 214 и сл.» Къ крайнему моему сожалѣнію, какъ это изданіе Мабильона, такъ и сочиненіе Ромея, были мнѣ вовсе недоступны.

1. Itinéraires de la Terre Sainte... traduits de l'hébreu. par E. Carmoly. Bruxelles. 1847. п. 37. См. переводъ К. А. Коссовича въ Вауевск. Сборн. также въ Чт. М. Общ. Ист. и древн. 1847. № 6. переводъ Г. Гаргенштейна.

балеяне т. е. Славяне». *Джебаль*-гора — слѣдовательно Славяне, присылавшіе пословъ въ Кордову, были горцы.

Если не ошибаюсь, свидѣтельства эти о сношеніяхъ Славянъ съ Испаніею въ X в., могутъ казаться весьма сомнительными и странными, если не вспоминать при семъ объ отношеніяхъ Славянъ къ Арабамъ въ Азіи и Африкѣ, о томъ значеніи, какое они у нихъ имѣли, о томъ вліяніи, какимъ они тамъ пользовались. Не приходятъ ли въ этомъ случаѣ сами собою на память выше приведенныя нами извѣстія Ибнъ-Хаукала, аль-Карави о Славянскихъ рабахъ и невольникахъ въ Испаніи? Не рождается ли самъ собою вопросъ — Славяне, переходившіе къ Арабамъ въ Азію и въ Африку, не перебѣгали ли и не переходили ли и къ Арабамъ въ Испанію? Многочисленные плѣнники и рабы Славянскіе, бывшіе у Арабовъ въ Испаніи, не притягивали ли къ себѣ и свободныхъ единоплеменниковъ своихъ, вольныхъ и гулящихъ людей, которыхъ и безъ того могли тянуть въ Испанію и роскошный ея климатъ, и Славянская удалъ и отвага, которая давала себя знать еще въ VII в., и на Бѣломъ и на Синемъ моряхъ, за которую Арабы Азійскіе и Африканскіе такъ высоко уважали Славянъ, и уваженіе къ которой могли передать и Испанскимъ своимъ братьямъ? Не могли ли такимъ образомъ эти рабы и плѣнники усилить возможность сохраненія своей народности въ Испаніи, и для самихъ себя и для тѣхъ своихъ единоплеменниковъ, которые бы стали переходить въ Испанію добровольно?

Знаменитый оріенталистъ Рено, а за нимъ Гаянгосъ, Дози и др. единогласно признаютъ бытность Славянъ въ Испаніи, однако убѣждены, что Славяне проникали туда только черезъ Франковъ, какъ рабы и плѣнники. Но Рено, издавшій свое сочиненіе въ 1836 г. и слѣдовательно еще не знавшій Древностей Шафарика, не обратилъ вовсе никакого вниманія на отношенія Славянъ къ Арабамъ въ Азіи и Африкѣ; смѣю думать, что тогда бы, встрѣчая въ источникахъ Арабскихъ неоднократныя указанія, ясно свидѣтельствующія о томъ, что Славянъ-Сакалиба въ Испаніи было много, Рено едва ли прибѣгнулъ бы къ тому предположенію, что подъ именемъ *Сакалиба* въ Арабскихъ источникахъ надо разумѣть вообще рабовъ, невольниковъ, воен-

поплѣнныхъ, какой бы націи они ни были, Нѣмцы или Славяне. Напротивъ изъ свидѣтельства Ибнъ-Хаукала и аль-Карави ясно слѣдуетъ, что выраженіе Арабскихъ писателей: «Славянскіе рабы, евнухи» надо объяснять такъ — «рабы и евнухи изъ Славянъ, изъ земель Славянскихъ».

«Писатели Арабскіе всѣмъ рабамъ Нѣмецкимъ и Славянскимъ приписываютъ Славянское происхожденіе и даютъ имъ общее названіе *саклаби*, откуда по всей вѣроятности произошло наше слово *esclave*¹. Большая часть гвардіи эмировъ и халифовъ Кордовскихъ состояла изъ *саклаби* (*de saclabis*, во множ. *сакалиба*). Много этихъ *Сакалиба* было у Сарацынъ Сицилійскихъ, именно въ Палермо, гдѣ цѣлый кварталъ носилъ ихъ имя. Ихъ замѣчали и въ Африкѣ и въ Сиріи¹. Такъ надо объяснять многочисленныя мѣста Арабскихъ летописей, гдѣ упоминаются *Сакалиба* (*des saclabis*), и которыя иначе остались бы непонятными²».

Изъ этихъ словъ почтеннаго Французскаго ученаго ясно открывается, что онъ не обратилъ вниманія ни на свидѣтельство Теофана о Славянскомъ поселеніи въ Сиріи, ни вообще на отношенія Славянъ къ Арабамъ въ Азіи, ни морскія силы Славянъ Адриатическихъ, на ихъ отношенія къ Сициліи и къ Африкѣ: иначе бы онъ увидалъ, что нѣтъ никакой необходимости утверждать, что принимая только въ его смыслѣ слово *Сакалиба* (т. е. Славяне въ смыслѣ нарицательномъ, а не собственномъ), можно понять тѣ многочисленныя извѣстія Арабскія, которыя упоминаютъ о Славянахъ-*Сакалиба*.

Ознакомившись съ этими извѣстіями, преимущественно о *Сакалиба* въ Испаніи, пишущій эти строки уже готовъ былъ принять мнѣніе Рено, какъ ни подозрительна его вѣроятность. Къ такой уступкѣ съ своей стороны его сильно убѣждало слѣдующее обстоятельство: Славянъ въ Испаніи было такъ много, что трудно, даже невозможно предполагать, что то были по большей части Славяне, а не сбродъ всякихъ народовъ: ибо

1. Рено при семъ указываетъ на Ibn.-Haukal man. arabe de la bibl. royale p. 37 et 62. Charmoy: Mém. sur la relat. de Massoudy.

2. Reinaud, p. 238.

Славяне, какъ то свидѣтельствуя донинѣ открытыя извѣстія Арабскія, и какъ то доказаль Рено, и какъ повторили за нимъ Гааягось и Дози, проникали въ Испанію только черезъ Пиринеи изъ Франціи, въ качествѣ рабовъ, военноплѣнныхъ, даже евнуховъ.

Какъ ни были Франки сильны и воинственны, однако уводить въ плѣнъ Славянъ слишкомъ въ огромномъ количествѣ они же не могли: да притомъ и Славяне конечно не легко сдавались имъ въ плѣнъ живыми, особенно зная, что ожидаетъ ихъ въ будущемъ. Наконецъ эти Славяне-плѣнники уводимы и продаваемы были не въ одну же Испанію. Если бы эти Славяне-плѣнники были особенно многочисленны, то обратившись въ товаръ, они не были бы особенно дороги: въ 962 или 966 г. Франкскіе владѣтели, въ числѣ разныхъ дорогихъ подарковъ, представили халифу Кордовскому — 20 Славянскихъ евнуховъ. Этотъ случай кажется ясно доказываетъ, что изъ земли Франковъ черезъ Пиринеи въ Испанію Славяне попадали *сравнительно* въ весьма незначительномъ количествѣ, что ясно впрочемъ и само по себѣ. Изъ Ибнъ-Хаукала и аль-Карави узнаемъ, что эти Славяне-плѣнники не все оставались въ Испаніи, а изъ нея, въ числѣ другихъ торговыхъ статей, были отпускаемы и въ Африку.

Впрочемъ Рено старался доказать, что Славяне попадали въ Испанію и изъ Адриатическаго и Чернаго морей. «Бывали эти рабы, — говоритъ онъ, — и на берегахъ Адриатическаго и Чернаго морей, гдѣ до послѣдняго времени Черкесы и Грузины (peuples de la Circassie et de la Géorgie) имѣли обыкновеніе отдавать своихъ дѣтей въ обмѣнъ на предметы, имъ необходимыя. Рынокъ ихъ былъ въ Константинополѣ»¹. Я съ своей стороны могу еще указать на слова Димешки, который, сказавъ про обширность пространства, населеннаго племенемъ Славянскимъ, прибавилъ: «потому-то и находили Славянъ-плѣнниковъ въ Андалузіи и въ Хорасанѣ, по причинѣ тѣхъ войнъ, которыя они вели съ Турками и Греками».

1. Reinaud, p. 233 et suiv.: «Au sujet des descentes des Sarrazins sur les côtes de la mer Adriatique, voy. Const. Porphyrogénète. De adm. imp. dans Banduri Imperium Orientale, t. 1, p. 88 et suiv. et p. 131.

Слѣдуетъ замѣтить, какъ мало вѣроятно, чтобы Славяне-плѣнники были покупаемы для Андалузїи въ Адриатикѣ и въ Черномъ морѣ, ибо, если бы Андалузїя такъ нуждалась въ Славянахъ-рабахъ, то не стала бы продавать ихъ въ Африку, какъ о томъ свидѣлствуютъ и Ибнъ-Хаукаль и аль-Карави. Что же касается до словъ Димешки, то прежде всего надо вспомнить, что то былъ писатель довольно поздній, жившій въ XIV в. († 1393 г.) и притомъ въ Азіи, а не въ Андалузїи, исторїя которой ему могла быть не особенно близко знакома. Наконецъ нельзя и не различать въ словахъ Димешки двухъ обстоятельствъ: во первыхъ онъ зналъ о давнишней многочисленности племени Славянскаго и о бытности нѣкогда Славянъ въ Испанїи; во вторыхъ, не зная навѣрное, какимъ путемъ проникали Славяне въ Испанїю, онъ прибѣгнулъ къ предположенію, которое и представилъ въ формѣ утвердительной. Совершенно отвергать справедливость его предположенія было бы вовсе неосновательно, такъ какъ очень возможно, что нѣсколько Славянскихъ плѣнниковъ попадало въ Испанїю и такимъ путемъ, говорю нѣсколько, ибо иначе Андалузїя не отпускала бы своихъ Славянскихъ рабовъ (которыхъ прїобрѣтала отъ Франковъ) въ Африку.

Такимъ образомъ, если и нельзя отвергать, что нѣсколько Славянъ-рабовъ могли попадать въ Испанїю и изъ Африки, то нельзя и не согласиться съ несомнѣнностью того вывода, что Славяне-рабы и плѣнники проникали въ Испанїю преимущественно и даже исключительно черезъ Пиринеи отъ Франковъ.

Зная съ одной стороны, что Славянская стихїя, проникая въ Испанїю, только такимъ путемъ, т. е. въ лицѣ плѣнниковъ, рабовъ и евнуховъ, никогда не могла быть въ ней особенно значительна, а съ другой стороны убѣжденный Арабскими извѣстіями въ томъ, что Сакалиба — Славяне въ Испанїи были весьма многочисленны и пользовались великимъ значеніемъ, пишущій эти строки былъ поставленъ въ необходимость — или согласиться съ мнѣніемъ Рено, т. е. принимать здѣсь слово *Сакалиба* не въ смыслѣ собственномъ, а нарицательномъ, и разумѣть подъ этими *Славянами* не только Славянъ, но и Нѣмцевъ

и Испанцевъ, вообще рабовъ и военно-плѣнныхъ, какой бы то ни было національности, или не удовлетворяясь объясненіемъ почтеннаго ориенталиста, прибѣгнуть къ смѣлой гипотезѣ о переходѣ бѣглыхъ, вольныхъ и гулящихъ людей изъ поморья Адриатическаго и изъ Африки къ Арабамъ въ Испанію.

Хотя въ моихъ глазахъ объясненіе Рено и мало-основательно, а въ его маломъ знакомствѣ съ исторіею Славянскою и въ выходѣ его сочиненія до труда Шафарика, лежатъ не только корень его ошибки, но и ея оправданіе, хотя миѣніе Рено мало-вѣроятно, даже независимо отъ слѣд. соображеній: напр. сами Испано-Арабскія извѣстія не разъ отдѣляютъ Славянъ-рабовъ отъ другихъ рабовъ; положимъ сравнительно съ Нѣмцами Славянъ должно было быть несравненно больше, ибо торгъ рабами и евнухами происходилъ черезъ Франковъ, которые, какъ Нѣмцы и христіане, конечно, скорѣе и охотнѣе продавали и уродовали Славянъ, которыхъ они презирали, какъ Славянъ, и язычниковъ и постоянныхъ враговъ своихъ, нежели Нѣмцевъ, своихъ единовѣрцевъ и единоплеменниковъ, однако у Арабовъ въ Испаніи въ числѣ рабовъ были военно-плѣнные, захваченные ими въ войнахъ съ христіанами, съ Испанцами, Франками и сравнительно съ ними Славянъ должно было быть гораздо меньше, слѣд. *Сакалиба*, упоминаемые въ Испаніи, не могутъ и не должны быть понимаемы въ смыслѣ нарицательномъ, ибо нигдѣ и никогда меньшинство не даетъ названія, а большинство, т. е. и *Сакалиба* въ Испаніи должны быть принимаемы въ смыслѣ собственномъ, въ значеніи Славянъ подобно тѣмъ *Сакалиба*, что упоминаются въ Сициліи, Африкѣ и Сиріи и что также разумѣлъ Рено въ смыслѣ нарицательномъ, единственно по незнанію исторіи Славянъ въ Азіи, Африкѣ, на поморья Адриатическомъ и въ Сициліи; хотя, повторяю по всѣмъ этимъ соображеніямъ вмѣстѣ, миѣніе Рено и казалось мнѣ мало-основательнымъ и мало-вѣроятнымъ, и хотя предположеніе о Славянскихъ бѣглыхъ, вольныхъ и гулящихъ людяхъ въ Испаніи, весьма вѣроятное, какъ мы выше видѣли, не можетъ быть отринуту, ибо изъ *Массуди*, *Ибнъ-Хаукала*, *Эбнъ-Спрота*, *Ибнъ-Гайяна* и *Ибнъ-Халдуна* мы знаемъ, что Славяне въ X в. имѣли непосредственныя сношенія съ Андалузіею, хотя по видимому

все убѣждало меня не соглашаться съ Рено, однако, не имѣя никакихъ прямыхъ свидѣтельствъ въ пользу своего предположенія, я едва ли бы когда рѣшился предложить на судъ читателей даже свои сомнѣнія въ справедливости мнѣнія Рено и по-давно замѣнять его своимъ собственнымъ предположеніемъ, если бы не одно драгоценное извѣстіе, найденное мною въ сочиненіи позднѣйшаго Арабскаго ученаго компилятора аль-Макари, подъ заглавіемъ: «Исторія Мусульманъ въ Испаніи», извѣстномъ мнѣ въ переводѣ и въ извлеченіяхъ Испанскаго ученаго Гаянгоса (1840—3). Не могу не выразить искренняго своего удовольствія, что мнѣ первому, если не ошибаюсь, приходится обратить вниманіе Славянскихъ читателей на это чрезвычайно любопытное извѣстіе.

Седьмой книги, первая глава соч. аль-Макари носитъ слѣд. заглавіе: «Состояніе литературы при Гишамѣ II». Здѣсь между прочимъ говоритъ аль-Макари: «Въ царствованіе Гишама II и въ правленіе аль-Манзора († 1002 г. по Р. X.), литература и науки процвѣтали въ Кордовѣ. Даже Славянскіе дворцовые евнухи¹ занимались ими съ величайшимъ уснѣхомъ, и Ибну-

1. Замѣчу здѣсь разъ на всегда, что это слово не слѣдуетъ всегда принимать буквально. Евнухъ по-Арабски *хадим*, что есть синонимъ съ Арабскими словами *фата*, *гулам*, *саба*, знач. *puer*, *famulus*, *satelles*. Вотъ слова лучшаго въ настоящее время знатока исторіи Арабской Испаніи: «on pourrait citer des exemples nombreux de cette signification, mais puisque le terme se trouve en ce sens presque à chaque page chez les auteurs qui traitent de l'histoire d'Espagne, je puis me dispenser de multiplier les exemples d'un terme si fréquemment employé; qu'il suffise donc de dire que par les mots... (слѣд. эти четыре Арабскія слова), on désigne *les gardes* ou *les pages à la condition d'esclaves*, souvent aussi *les eunuques*». Dozy: Recherches sur l'histoire politique et littéraire de l'Espagne pendant le moyen âge. Tome I. Leyde. 1849. p. 206. Ниже въ выпискахъ нашихъ изъ аль-Макари по переводу Гаянгоса не разъ будетъ встрѣчаться это слово; при семъ я просилъ бы читателей не забывать ни словъ Дози, ни того также обстоятельства, что Гаянгосъ вовсе не предполагалъ возможности провѣщать Славянамъ въ Испанію не черезъ Пиринеи, какимъ путемъ попадали туда рабы и евнухи, и потому можетъ быть при словѣ Славянинъ ставилъ слово *eunuch* и тогда, когда того текстъ аль-Макари и не требовалъ. Впрочемъ и самъ аль-Макари, какъ писатель позднѣйшій (XVII в.), очень легко могъ не знать о переходѣ въ Испанію Славянскихъ вольныхъ и гулящихъ людей, и ничего не слыхавъ объ исторіи отношеній Славянъ къ Арабамъ въ Азін, Африкѣ и Сициліи, и имѣя передъ собою

Гайянь (Арабскій историкъ XI в., по словамъ Дози *le plus grand historien de l'Espagne*), сохранилъ имена многихъ (*the names of several*), отличавшихся своими произведениями въ разныхъ родахъ литературы. Одинъ изъ нихъ былъ *Фатинъ*, который не имѣлъ себѣ соперника въ знаніи языка Арабскаго, и по смерти котораго въ 1029 г. было продано великолѣпное собраніе дорогихъ книгъ (*a beautiful collection of valuable books*). Славянинъ именемъ Габибъ написалъ сочиненіе, подѣ заглавіемъ: «Ясныя и побѣдоносныя доказательства противъ тѣхъ, которые отрицаютъ превосходныя качества Славянъ¹», сочиненіе, въ которомъ онъ сообщаетъ всякаго рода любопытныя подробности, исторію и народныя пѣсни (собственно и *стихи*) Славянъ². — (*Gayang II, 200*). Это извѣстіе побудило меня смѣло заявить свое предположеніе о добровольномъ переходѣ къ Арабамъ въ Испанію охочихъ, вольныхъ и гулящихъ Славянъ. Надѣюсь, извѣстіе это достаточно его оправдываетъ, ибо само по себѣ доказываетъ, что Славяне въ Испаніи были многочисленны, занимали видное положеніе, сохраняли свою народность, гордились ею и выставляли на видъ свои племенные заслуги, чего быть не могло, если бы они попадали въ Испанію только черезъ Пиринеи, изуродованные, изъ рукъ Франковъ.

Если бы Славяне въ Испаніи были малочисленны, не занимали виднаго въ ней положенія, не сохраняли своей народности, не гордились ею и не выставляли на видъ своихъ племенныхъ заслугъ, то 1) нельзя бы было указывать Арабамъ на то,

однѣ извѣстія Ибнъ-Хаукала и аль-Карави, очень легко могъ, подобно Рено и Гаянгосу, предположить, что Славяне проникали въ Испанію единственно только черезъ Пиринеи, изъ рукъ Франковъ.

1. Гаянгосъ, приведя заглавіе по-Арабски, замѣтилъ: «which literally translated, means «clear and victorious arguments against those who deny the excellences of the Sclavonians».

2. Сообшаю это драгоцѣнное извѣстіе подлинными словами Англійскаго переводчика: «A Sclavonian, named Habib is said also to have written a work entitled «clear proofs and victorious arguments (in favour) of the excellences of the Sclavonic races, in which he introduced all manner of entertaining anecdotes, history and verses of the Sclavonians».

что Славяне, жившіе въ Испаніи, занимались литературою и науками и имѣли разныхъ писателей, весьма замѣчательныхъ, напр. *Фатина*, который въ искусствѣ владѣть Арабскимъ языкомъ не зналъ себѣ соперника. Чтожъ тутъ было бы особеннаго или удивительнаго, если бы Славяне въ Испаніи не знали и не сохраняли своего языка? если бы ихъ было мало, кто бы ихъ замѣтилъ? если бы занимали ничтожное положеніе, они бы никогда не получили возможности пріобрѣтать такія познанія, такія собранія книгъ; если бы Славяне въ Испаніи были только рабы и евнухи, то для того, чтобы выучиваться такъ хорошо языку Арабскому, весьма трудному, надо имъ было попадать въ Испанію не иначе, какъ юношами и мальчиками, а въ такомъ случаѣ они легко должны были забывать свой родной языкъ, скоро утрачивать свою народность, — чтожъ въ такомъ случаѣ удивительнаго и даже заслуживающаго вниманія въ томъ, что такіе-то Славяне писали по Арабски и упражнялись въ разныхъ родахъ литературы? 2) Если бы въ Славянахъ Испанскихъ не жило чувства народной гордости, то не было бы возможно явленіе Габиба, такого Славянина-историка, который поставилъ себѣ задачею сохранить на память вѣкамъ позднѣйшимъ дѣла и подвиги своихъ единоплеменниковъ, съ цѣлію показать ихъ заслуги и ясно и побѣдоносно ниспровергнуть лживые толки ихъ недоброхотовъ. Явленіе Габиба, надѣюсь, убѣдительно доказываетъ, что Славяне, жившіе въ Испаніи, проникали въ нее не только черезъ Пиринеи, въ качествѣ военно-плѣнныхъ, рабовъ и евнуховъ, но и какъ вольные, гулящіе люди, которыхъ Арабы Испанскіе могли принимать тѣмъ охотнѣе, что ихъ Сицилійскіе, Африканскіе и Азіійскіе братья давно уже водили дружбу со Славянами. Наконецъ къ явленію Габиба мы, такъ сказать, уже приготовлены извѣстіями — о Славянинѣ Модаферѣ, который училъ письму юнаго Моэза, халифа Фатимидскаго, владѣлъ отлично Арабскимъ языкомъ, не только изустнымъ, но и письменнымъ, и въ то же время сохранялъ свою Славянскую народность и не забывалъ своего роднаго языка, — о Славянинѣ Фатинѣ († 1029 г.), не знавшемъ себѣ равнаго въ искусствѣ владѣть Арабскимъ языкомъ и обладавшемъ прекрасною библіотекою, а также и о другихъ Сла-

вянахъ, отличавшихся въ разныхъ родахъ литературы. Это послѣднее соображеніе въ связи съ предъидущими обличаетъ всю законность явленія Габиба — посреди Славянъ Испанскихъ, и надѣюсь, всю справедливость предполагаемаго ею объясненія: если Славяне въ Испаніи были многочисленны, и хотя воспитывались въ мусульманствѣ, сохраняли однако свою народность, занимая въ ней видное положеніе, не забывали своего отечественнаго языка, гордились своими племенными заслугами, то они должны были имѣть и своего историка и даровать литературѣ Арабской Габиба, такъ какъ обладали нужными къ тому дарованіями и средствами, добытыми ими въ высокой тогда образованности Арабо-мусульманской, которую себѣ они усвоили такъ, что многіе изъ нихъ съ великимъ успѣхомъ занимались литературою и науками, а нѣкоторые, подобно Фатину, считались у самихъ Арабовъ писателями образцовыми по языку. Такое объясненіе, наиболѣе кажется справедливымъ и едва ли не единственно возможное, внушило мнѣ смѣлость настаивать на необходимости принимать за вѣрное то предположеніе наше, что Славяне переходили въ Испанію охотно и свободно, въ качествѣ вольныхъ и гулящихъ людей, а не только въ качествѣ военно-плѣнныхъ и невольниковъ, которыхъ уродовали Франки и продавали Арабамъ въ Андалузію. Богатство страны, удобство сообщеній, гордая отвага, дерзкая предприимчивость, жажда цоваго, присущая всякому молодому и свѣжему народу, Славянская удалъ съ Славянскимъ же *авось*, приглашенія и призывы самихъ Арабовъ, именно халифовъ, которымъ, чтобы сломить нѣкогда равныхъ себѣ аристократовъ, нужда была во внѣшней силѣ, въ иностранномъ войскѣ, давнишнее знакомство Арабовъ со Славянами въ М. Азій, Сиріи, Африкѣ и Сициліи, ихъ тѣсныя связи и участіе Славянъ въ сухопутныхъ и морскихъ силахъ Арабовъ, высокое мнѣніе сихъ послѣднихъ о народности Славянской, всѣ эти обстоятельства и соображенія, совершенно несомнѣнныя и неопровержимыя, какъ каждое отдѣльно, такъ и всѣ вмѣстѣ, могли служить достаточными побудительными причинами для такого свободного и добровольнаго перехода Славянъ къ Арабамъ въ Испанію.

Не только эти соображенія, но и боязнь неточнаго и невѣр-

наго объясненія, побудили меня слова Англійскаго переводчика — *verses of the Slavonians* понимать въ смыслѣ народныхъ пѣсень, преданій. Иначе же надо читать — «стихи Славянъ писавшихъ по Арабски», что едва ли не очень нелѣпо. Славянинъ Габибъ написалъ сочиненіе подъ заглавіемъ: «Ясныя и побѣдоносныя доказательства противъ тѣхъ, которые отрицаютъ превосходныя качества Славянъ», сочиненіе, въ которомъ представилъ всякаго рода любопытныя подробности, исторію и стихи Славянъ» (*in which he introduced all manner of entertaining anecdotes, history and verses of the Slavonians*). Если здѣсь подъ словомъ *verses* не разумѣть народныхъ Славянскихъ стиховъ, сказаній, преданій, а только стихотворенія Славянъ. то какъ же тогда понимать слово *history*? Аль-Макари говоритъ, что по свидѣтельству Ибну-Гайяна, Славяне отличались въ разныхъ родахъ литературы. Съ чего бы Габибъ въ доказательство превосходныхъ качествъ своихъ единоплеменниковъ, сталъ бы говорить объ однихъ стихотворцахъ? Въ ожиданіи полного изданія подлиннаго текста аль-Макари и Русскаго перевода всѣхъ изъ него мѣстъ, касающихся Славянъ въ Испаніи, а также и исполненія быть можетъ не напрасныхъ нашихъ надеждъ на болѣе подробныя извѣстія о такомъ въ высшей степени важномъ явленіи, каковъ Славяно-Арабскій историкъ Габибъ¹,

1. Надежды наши основываются, во-первыхъ, на слѣдующихъ словахъ Дози, великаго знатока Арабской письменности: «*quiconque connaît nos catalogues, et a eu l'occasion de les comparer avec les livres qui y sont décrits, sait que nous possédons bien de trésors dont on ignore l'existence* (Rech. p. 225); а во-вторыхъ, на слѣдующемъ соображеніи: въ XI в. правителемъ въ Тортозѣ былъ Славянинъ *Лабибъ*; Гаянгосъ же называетъ его *Габибъ*. Дози, обличивъ ошибку Гаянгоса, нашелъ нужнымъ при семъ замѣтить: «*Ai-je tort quand j'avance qu'il faut toujours consulter le texte arabe d'al-Makkari, et qu'il ne faut point s'en rapporter à la traduction anglaise? Quand je publierai dans un autre volume de cet ouvrage, des Extraits de l'ouvrage d'Ibn Bassâm, j'aurai à revenir sur l'histoire de Tortose, parce qu'Ibn-Haiyan, copié par Ibn-Bassâm, nous a laissé sur l'histoire de cette ville et sur Lebîb, son gouverneur, des renseignements précieux*». (Rech. 200). Если здѣсь Гаянгосъ читалъ ошибочно *Габибъ* вмѣсто *Лабибъ* или *Лебибъ*, то не ошибся ли онъ и въ написаніи имени историка Габиба? Не откроется ли тождественность Славянина-историка съ Славяниномъ-правителемъ въ Тортозѣ? Тотъ и другой жили въ XI в., тотъ и другой Славяне, о томъ и другой говорить Ибну Гайяну.

мы позволимъ себѣ въ заключеніе замѣтить, что Славянинъ Габибъ, по всей вѣроятности воспитанный въ мусульманствѣ, подобно прочимъ своимъ землякамъ получилъ хорошее образованіе и, полный чувства народной гордости, написалъ сочиненіе о дѣлахъ и подвигахъ своихъ единоплеменниковъ, конечно преимущественно въ Испаніи, хотя по всей вѣроятности не преминулъ сказать и вообще объ отношеніяхъ Славянъ къ Арабамъ, — сочиненіе свое написалъ на языкѣ Арабскомъ, языкѣ своей вѣры и образованности подобно тому, какъ его соплеменники Чехъ Козьма Пражскій, Сербъ Діоклеецъ, Полякъ Кадлубекъ, описывали дѣла своихъ предковъ, на языкѣ своей вѣры и образованности, на языкѣ Латинскомъ, или неизвѣстный Болгаринъ написалъ житіе св. Климента на языкѣ Греческомъ¹.

Явленіе Габиба, легко и просто объясняемое многочисленностью Славянъ въ Испаніи и ихъ положеніемъ въ ней, само въ свою очередь необходимо указываетъ на эту многочисленность.

III. Арабы, по смерти своего гениальнаго Пророка, въ короткое время совершили самыя блистательныя завоеванія не только въ Азіи, Африкѣ, но и въ южной и западной Европѣ, гдѣ впрочемъ побѣда Карла Мартелла вскорѣ принудила ихъ ограничиться одною Испаніею². Хотя побѣда эта и не могла въ Мусульманахъ истребить еще надежды на завоеваніе остальной христіанской Европы и тѣмъ менѣе остановить на будущее время ихъ опустошительныхъ набѣговъ, все таки она имѣла рѣшительное вліяніе на судьбу христіанства въ западной Европѣ, показавъ христіанамъ на дѣлѣ, какъ надо встрѣчать и какъ

Въ чемъ заключаются эти драгоценныя извѣстія (des renseignements précieux), сохраненныя у Ибнъ-Бассама и списанныя имъ у Ибнъ-Гайяна о Лебибѣ? Съ нетерпѣніемъ ожидаемъ 2-й части труда Дози.

1. Vita S. Clementis Episcopi Bulgarorum. ed. Fr. Miklosich. Vindobonae. p. 28. 1847. τοῖς Βουλγαροῖς ἡμῖν.

2. Weil: Geschichte der Khalifen. — Reinaud: Invasions des Sarrazins en France, et de France en Savoie, en Piémont et dans la Suisse pendant les VIII, IX et X siècles de notre ère, d'après les auteurs chrétiens et mahométans. Paris. 1836. 8°.

должно провожать этихъ жаркихъ поклонниковъ Корана. Долго и послѣ того продолжали Арабы наводить страхъ на Европу и нынѣшняя Франція еще долго терпѣла отъ ихъ грозныхъ походовъ¹. Но все же участь ея была уже обезпечена, благодаря Карлу Великому, шедшему въ этомъ отношеніи по примѣру своего великаго предка. Побѣды христіанъ, навсегда остановившія дальнѣйшее распространеніе мусульманства въ Европѣ, были благотѣльны едва ли не столько же, какъ для западнаго христіанства, и для самихъ Сарацынъ. Отнынѣ болѣе сосредоточенные въ извѣстныхъ предѣлахъ, они не растрачиваютъ своихъ внутреннихъ силъ на одни грабежи и насилія, не мечтаютъ уже объ одной войнѣ и завоеваніяхъ, искажающихъ и быть и внутреннюю природу народа, который живетъ ими исключительно. Теперь это богато одаренное племя устремляетъ свою дѣятельность на внутреннее развитіе и, не утрачивая своей воинственности, преимущественно обращается къ изученію образованности древняго міра и къ созданію своей собственной, въ чемъ ему и удалось такъ, что несмотря на всю ея односторонность, хорошо объясняющую ея непомѣрно-быстрое развитіе, образованность эта никогда не перестанетъ удивлять всякаго безпристрастнаго наблюдателя. Въ наше время, когда даже самымъ горячимъ поклонникамъ средневѣковаго христіанскаго Запада становится все очевиднѣе, какъ странно и какъ велико было искаженіе Евангельскаго ученія въ средніе вѣка, въ наше время, слава Богу, уже возможно утверждать, что эта блестящая, хотя и односторонняя образованность Арабская во многомъ превосходила современную ей христіанскую на Западѣ, который обязанъ ей многимъ, хотя и до недавняго времени не переставалъ величать Арабовъ варварами. Но прошли предразсудки, на Западѣ стали безпристрастно и пристально изучать ихъ исторію, ихъ литературу, ихъ памятники искусства; прежнія понятія измѣнились; увидали, что мѣсто Арабамъ въ исторіи человѣчества суждено занять довольно видное. Какъ однако ново и недавно такое безпристрастіе, примѣръ тому исторія Испаніи. Страна, въ которой долго господствовали Арабы, гдѣ

1. См. Reinaud, *ibid.*

они оставили свои слѣды, понынѣ неизгладимые, какъ въ памятникахъ искусства, такъ въ обычаяхъ и нравахъ народныхъ, Испанія, черезъ которую проникла Арабская стихія и на Западъ, понынѣ не можетъ представить сколько нибудь полной и удовлетворительной исторіи въ періодъ мусульманскаго въ ней владычества. Трудность языка, малая доступность источниковъ также мало объясняютъ это обстоятельство, какъ и недостатокъ пытливости и жажды знанія, за что уже никто не упрекнетъ Европейца. Національные предразсудки и другія заблужденія не только долго мѣшали Западу съ любовью приступить къ изученію Арабской стихіи въ исторіи человѣческой образованности, но даже и навсегда погубили множество драгоценныхъ памятниковъ и источниковъ, которые безспорно не мало бы свѣта пролили на исторію и географію самой Европы. Не разумѣю здѣсь гибели памятниковъ, происходившей не разъ во время народныхъ войнъ за вѣру и независимость. Такія сожалѣнія слишкомъ педантическія, имъ какъ-то совѣстно предаваться при мысли о возстаніяхъ массъ: свобода всякой народности— святыня... Но за то тѣмъ возмутительнѣе дѣйствуютъ на душу такіа истребленія, что идутъ отъ отдѣльныхъ личностей, по своему умственному развитію стоящихъ выше уровня массъ, во времена намъ близкія и, что еще отвратительнѣе, во имя христіанства, во имя свѣта и любви. Кардиналъ Хименесъ приказалъ 80,000 Арабскихъ рукописей сжечь на площадяхъ Гранады, такъ какъ онѣ содержали въ себѣ ученія, мѣшавшія распространенію христіанства въ побѣжденномъ народѣ. Да и послѣ того не разъ были отбираемы Арабскія рукописи отъ ихъ владѣтелей и предавались огню. Совершенно такимъ же образомъ, замѣчу кетати, дѣйствовала и единовѣрная Испаніи Австрія напр. съ нашими современниками Чехами послѣ роковой Бѣлогорской битвы. Войскомъ водворенные въ Чехіи езуиты и инквизиція также точно во имя христіанства, истребляли множество Чешскихъ книгъ и рукописей, какъ содержавшихъ въ себѣ ученія Гусситскія и слѣдовательно противныя распространенію католицизма въ побѣжденномъ народѣ. Еще менѣе столѣтія тому назадъ, почти современникъ и Ломоносова и Новикова и Конарскаго, благочестивый езуитъ Коняшъ (†1760) хвалился, какъ

праведнѣйшимъ своимъ подвигомъ, тѣмъ, что собственноручно сжегъ до 60,000 Чешскихъ книгъ и рукописей. Небреженіе Арабской литературою было причиною, что пожаръ въ Эскуриалѣ (въ XVII в.) истребилъ въ немъ болѣе $\frac{3}{4}$ восточныхъ рукописей. Наконецъ въ 1760—70 г. явился трудъ Казири — Каталогъ Арабскихъ рукописей въ Эскуриалѣ (*Bibliotheca Arabica Hispana Escorialensis*), трудъ весьма почтенный для того времени, но тѣмъ не менѣе исполненный великихъ недостатковъ. Въ своемъ изданіи и переводѣ разныхъ Арабскихъ отрывковъ, онъ надѣлалъ ошибокъ, такъ какъ былъ мало знакомъ съ предметомъ ¹. Въ исторіи науки первое за нимъ мѣсто принадлежитъ Испанскому историку Конде, издавшему свою Исторію господства Арабовъ въ Испаніи, въ 1820 г. Въ книгѣ его было заявлено, что она написана на основаніи Арабскихъ источниковъ. Съ тѣхъ поръ всѣ позднѣйшіе писатели по исторіи Испаніи, какъ Нѣмцы, такъ и Французы — Ашбахъ, Шеферъ, Росью Сентъ-Илеръ, Ромей считали долгомъ слѣдовать этому руководителю, весьма почтенному по ихъ мнѣнію. Въ 1840 — 3 г. Испанецъ Паскуаль де Гаянгосъ издалъ на Англійскомъ языкѣ въ Лондонѣ переводъ и извлеченія изъ сочиненія Арабскаго писателя аль-Макари († 1631 г.), написавшаго исторію мусульманскихъ династій въ Испаніи и пользовавшагося древнѣйшими Арабскими рукописями, изъ коихъ многія не дошли до насъ. Прежде Гаянгоса уже отчасти познакомилъ Европейскую публику съ замѣчательнымъ сочиненіемъ аль-Макари Англійскій ученый *Мрѣфи* (*Murphy*), который въ своемъ сочиненіи «Исторія мусульманской монархіи въ Испаніи» представилъ довольно длинныя извлеченія изъ необыкновенно важнаго, компиляторскаго труда аль-Макари. Тѣмъ не менѣе своимъ переводомъ, извлеченіями и примѣчаніями Гаянгосъ оказалъ важную услугу наукѣ. Указываемые недостатки и ошибки его перевода слишкомъ немногочисленны для того, чтобы было можно буквально принимать мнѣніе новѣйшаго ученаго Дози, безспорно лучшаго въ наше время знатока мусульманской исторіи Испаніи. Мнѣ представляется оно и слишкомъ рѣзкимъ и далеко неоправдан-

1. См. предисловіе Гаянгоса.

нымъ. Уже Гаянгошь въ своемъ предисловіи (р. XI) весьма рѣзко отмѣтилъ всю ничтожность сочиненія Конде: «Одно и то же событіе передается часто по нѣскольку разъ и совершенно различно, одно и то же лицо неоднократно является на сцену подъ разными именами». «Книга Конде исполнена самой страшной путаницы, напр. три послѣднія главы втораго тома, съ весьма малыми измѣненіями въ словахъ, повторены въ третьемъ томѣ.» «Надо прибавить, говоритъ Гаянгошь, что Конде, подверженный умственному разстройству и болѣзнямъ, былъ пораженъ смертью среди своихъ работъ, что его неоконченная рукопись попала въ руки людей, вовсе незнакомыхъ съ предметомъ, только увеличившихъ ошибки, вмѣсто того, чтобы ихъ исправить».

Въ 1849 г. Голландскій Арабистъ Доци, уже извѣстный нѣсколькими прекрасными трудами, издалъ свои «Исслѣдованія по политической и литературной исторіи Испаніи въ Средніе Вѣка». Въ посвященіи своемъ извѣстнымъ Французскимъ ориенталистамъ, Рено и Дефремери, вотъ что Доци нашелъ нужнымъ сказать о сочиненіи Конде:

«Чрезвычайно богатымъ воображеніемъ восполняя недостатокъ знаній, самыхъ первоначальныхъ, онъ выдумываетъ сотни данныхъ, сочиняетъ тысячи былей, всегда завѣряя читателя, что онъ точно слѣдуетъ Арабскимъ текстамъ.

Новѣйшіе историки, ни мало не подозрѣвая въ немъ обманщика, весьма добродушно переписывали всю эту ложь; иногда они даже оставляли позади своего руководителя, соображая его выдумки съ извѣстіями Латинскихъ и Испанскихъ авторовъ, которыхъ они также искажали.

Удивительное дѣло! Ориенталисты самые почтенные были поддѣты и слѣдовали этому блудящему огню.

Надо признаться, что Конде принялъ всѣ мѣры, чтобы нельзя было легко открыть обманъ: прикрывается какимъ-то добродушіемъ. Въ своемъ предисловіи онъ указываетъ на рукописи, которыми пользовался: но и эти показанія его не точны; такъ напр. онъ говоритъ, что для исторіи малыхъ династій XI в. онъ преимущественно пользовался Ибнъ-Башковаломъ. Вы и я, мы знаемъ это сочиненіе, ибо оно хранится въ б-кѣ Восточнаго Общества; знаемъ также, что этотъ біографическій

словарь содержитъ въ себѣ полезныя свѣдѣнія для исторіи письменности, для исторіи же политической онъ почти вовсе не имѣетъ никакого значенія».

Вотъ отзывъ Дози о Гаянгосѣ:

«Но сочиненіе Конде въ эти послѣдніе годы не было ли замѣнено сочин. г. Гаянгоса? *Этотъ ученый, какъ свидѣтельствуемъ его предисловіе, желалъ представить Критическую Исторію Испанскихъ Арабовъ*¹.

На этотъ вопросъ, не входя въ разборъ книги Гаянгоса, отвѣчаю слѣд. словами графа Сиркура. По этому предмету я могъ бы сказать гораздо болѣе, чѣмъ то позволяетъ письмо. Вотъ что читаемъ въ книгѣ *Histoire des Mores Mudajares et des Morisques* (t. III, p. 334): «*Les documens arabes. je veux dire que l'on peut consulter facilement lorsque l'on n'est pas versé dans les langues orientales, se reduisent à un petit nombre. J'ai suivi généralement l'Histoire de la domination des Arabes en Espagne, par Conde, ouvrage inachevé, mais le plus copieux, et à tout prendre le mieux digéré de tous ceux, qui ont été faits sur le même plan. Les extraits donnés par Casiri, et la traduction publiée par M. Gayangos, m'ont fourni le moyen de contrôler quelquefois Conde*». Я слышалъ, что г. Ла-фуэнте Алкантара, точно также незнакомый съ языкомъ Арабскимъ, слѣдовалъ той же методѣ въ своей Исторіи Гранады. *Слѣдовательно книга г. Гаянгоса не замѣнила книги Конде. Наконецъ есть цѣлые періоды, о которыхъ сочиненіе Англійское сообщаетъ свѣдѣнія скудныя и поверхностныя*».

1. Вотъ подлинныя слова Гаянгоса: «*I fixed upon Al-Makkari's text as being the only one, to my knowledge, presenting a continuous history of the conquests and settlements of the Mohammedans in Spain, and thus offering a vast field for such illustrations and additions from other historians as I proposed to collect, so as to form a sort of «Critical history of the Spanish Arabs*». По моему слабому разумѣнію, изъ предисловія Гаянгоса вовсе не слѣдуетъ, чтобы въ настоящемъ трудѣ своемъ онъ уже видѣлъ критическую исторію. Наконецъ и въ заглавіи его сочиненія не видать того гордаго притязанія, которое, кажется, нѣсколько поспѣшно приписалъ Дози Гаянгосу. Вотъ полное заглавіе: «*The History of the Mahomedan Dynasties in Spain... by Ahmed Ibn-Mohammed Al-Makkari, translated from the copies in the library of the British Museum, and illustrated with critical notes on the history, geography, and antiquities of Spain, by Pascual de Gayangos, Member of the Oriental translation Committee, and late professor of Arabic in the Athenaeum of Madrid. In two volumes. MDCCLX—III. in-fol.*

Я съ намѣреніемъ привелъ слова Дози для того, чтобы дать понять читателю, почему я считаю ихъ нѣсколько рѣзкими и даже не совсѣмъ справедливыми. Если бы трудъ Гаянгоса стоялъ на одной доскѣ съ книгою Конде, какъ то слѣдуетъ изъ словъ Дози: «le livre de M. de Gayangos n'a donc pas remplacé celui de Conde» — то зачѣмъ Дози прямо не выразилъ этого и безжалостно не обличилъ Гаянгоса, *прямаго наслѣдника Конде*, котораго онъ казнить такъ немилосердно, и едва ли опять во всемъ справедливо и не съ излишнимъ увлеченіемъ¹. Для кого могутъ быть доказательны слова графа Сиркура? Я не имѣлъ случая видѣть его сочиненія, въ чемъ впрочемъ ни мало не раскаиваюсь, однако позволю себѣ замѣтить, что приведеннаго изъ него мѣста довольно для того, чтобы утверждать безошибочно, что этотъ писатель лишенъ почти всякаго ученаго образованія, эрудиціею обладаетъ фельетонною. Если бы графъ Сиркуръ внимательно прочелъ Гаянгоса, то окончательно бы убѣдился, что сочиненіе Конде исполнено всякихъ нелѣпицъ и особеннаго вниманія не заслуживаетъ. Но Сиркуръ книги Гаянгоса не изучалъ, пропустилъ даже его предисловіе, гдѣ этотъ ученый положительно высказалъ мнѣніе о Конде и подтвердилъ его доказательствами. Оттого-то онъ и сказалъ про сочин. Конде: «ouvrage inachevé, mais le plus copieux, et à tout prendre le mieux digéré de tous ceux qui ont été faits sur le même plan». — Графъ Сиркуръ плохо зналъ не только Гаянгоса, но и самого Конде, иначе бы онъ замѣтилъ, что три послѣднія главы второй части почти буквально повторены въ третьей. Графъ продолжаетъ: «Les extraits donnés par Casiri, et la traduction publiée par M. Gayangos, m'ont fourni le moyen de *contrôler quelquefois* Conde». Уже одно очевидно фельетонное направленіе графа Сиркура доказываетъ намъ, что онъ и не думалъ и не могъ подумать о какомъ нибудь контролѣ, о какой-либо повѣркѣ; слова: «le moyen de contrôler quelquefois» — стоятъ у него для одной

1. По моему крайнему разумѣнію, слова Гаянгоса о Конде достаточны для того, чтобы не вѣрить его книгѣ. Болѣзни и преждевременная смерть Конде, которыя отмѣтилъ Гаянгосъ и о которыхъ умолчалъ Дози, удовлетворительно объясняютъ всѣ нелѣпицы его сочиненія, а также дѣлаютъ излишними рѣзкія и жестокія нападкі на нравственный его характеръ.

фразы. Справедливо ли заключать изъ его словъ, что сочиненіе Гаянгоса не замѣнило сочиненія Конде — *Le livre de M. de Gayangos n'a donc pas remplacé celui de Conde*. Книга Конде не годна ни на что; того же и подумать нельзя о книгѣ Гаянгоса. Наконецъ и самъ Дози никогда не имѣлъ и мысли о томъ, чтобы Гаянгоса уравнивать съ Конде. Онъ только увлекся полемическимъ тономъ и сказалъ болѣе, чѣмъ думалъ и могъ сказать. Такъ вслѣдъ за этимъ послѣднимъ заключеніемъ Дози не преминулъ прибавить нѣсколько смягчительныхъ словъ: *«Le livre de M. de Gayangos n'a donc pas remplacé celui de Conde. Aussi y a-t-il des périodes entières sur lesquelles le livre anglais ne donne que des renseignements maigres et vagues»*. Слѣдовательно и во мнѣніи Дози сочиненіе Гаянгоса вовсе ничего не имѣетъ общаго съ книгою Конде. Наконецъ въ своемъ сочиненіи Дози не разъ ссылается на книгу Гаянгоса и не разъ пользуется его примѣчаніями и приложеніями. Правда онъ ссылается и на Конде или лучше приводитъ мѣста изъ его книги, но вѣдь только для того, чтобы показать, какъ все у него исковеркано и переиначено. Дози не разъ указываетъ на промахи и ошибки Гаянгоса, но съ недостатками Конде у нихъ нѣтъ ничего общаго. Напротивъ того самыя ошибки Гаянгоса обличаютъ его добросовѣстность; въ своихъ примѣчаніяхъ онъ иногда противорѣчитъ своимъ же словамъ въ текстѣ, оттого, что невѣрно читалъ какое-нибудь Арабское слово.

Читая трудъ Гаянгоса, по истинѣ исполняешься невольнымъ уваженіемъ къ этому почтенному ученому. Съ превосходными изслѣдованіями Дози я ознакомился уже въ послѣдствіи: неблагопріятный его отзывъ о Гаянгосѣ, при всемъ моемъ глубокомъ уваженіи къ ученымъ заслугамъ и дарованіямъ Дози, не могъ истребить и даже совершенно пошатнуть уваженія моего къ ученому переводчику и комментатору аль-Макари. Читая Гаянгоса, вы ни на минуту не забываете, что пора изслѣдованій въ Исторіи Мусульманской Испаніи только что наступаетъ. Онъ безпрестанно вамъ открываетъ въ предметѣ новыя стороны, наводитъ васъ на новые вопросы, никогда не скрывая трудности ихъ разрѣшенія. Не знаю, какъ для другихъ, а по мнѣ все это признаки, обличающіе ученаго добросовѣстнаго, из-

слѣдователя дѣльнаго. Во всякомъ трудѣ, тѣмъ болѣе, въ такомъ обширномъ, какъ сочиненіе Гаянгоса и по предмету столь новому и малоразработанному, прсмахи и ошибки неизбежны. Для меня же, какъ неспеціалиста по этой части, не могло не послужить благопріятнымъ свидѣтельствомъ въ пользу книги Гаянгоса то обстоятельство, что ея чтеніе не разъ приводило меня къ такимъ соображеніямъ, заключеніямъ и наведеніямъ, которыя совершенно потомъ оправдались, когда читалъ я сочиненіе Дози. Такъ напр. читая Гаянгоса, я постепенно приходилъ къ тому твердому убѣжденію, что въ настоящее время крайне необходимо изданіе Арабскихъ текстовъ и источниковъ. Дози же въ своемъ предисловіи такъ нашелъ нужнымъ выразиться о современномъ положеніи исторіи Арабовъ въ Испаніи: «L'histoire de l'Espagne au moyen âge est à refaire. Je crois que l'on fera bien d'abandonner la route suivie jusqu'à présent. Au lieu de *faire de l'histoire*, on fera mieux peut être d'étudier et de publier d'abord les textes».

■■■. На бытность Славянъ въ Испаніи уже не разъ указывали ученые, какъ напр. Шармуа, Рено, Ашбахъ, (Gesch. d. Ottomajad.), Гаммеръ (Gemäldeaal), Шеферъ, Гаянгосъ и Дози. У насъ дѣлали указаніе на это гг. Савельевъ (Мух. Нумизм.) и Куникъ (Ber. d. schw. Rods.).

Послѣ изданія въ свѣтъ перевода аль-Макари, свѣдѣній о Славянахъ въ Испаніи накопилось весьма достаточное количество и пишущій эти строки полагалъ, что Славянисту не обращать на нихъ вниманія было бы непростительно. Приступая къ изложенію всѣхъ извѣстныхъ миѣ данныхъ о Славянахъ въ Испаніи въ періодъ мусульманскій, прежде всего считаю долгомъ замѣтить, что главнѣйше и даже исключительно при семъ руководствовался я сочиненіемъ аль-Макари въ переводѣ Гаянгоса, его примѣчаніями и дополненіями, а также и изслѣдованіями Дози. Было бы слишкомъ несвоевременно толковать теперь о значеніи Славянской стихіи въ мусульманской Испаніи, о степени участія Славянъ въ Испано-Арабской образованности. Прежде надо собрать какъ можно болѣе данныхъ, очистить ихъ и разработать критически, а потомъ уже приниматься за рѣше-

ніе вопроса — что именно внесли Славяне въ образованность Арабскую? вопроса весьма важнаго и кажется неизбѣжнаго, ибо Славяне, напр. въ мусульманской Испаніи играли весьма незначительную роль, въ чемъ, при всей нынѣшней неразработанности источниковъ, положительно удостовѣряютъ насъ и извѣстные намъ факты и мнѣнія такихъ ученыхъ, каковы, напр. Гаангосъ и Доци.

При изложеніи настоящихъ своихъ свѣдѣній объ этомъ предметѣ автора руководило скромное желаніе возбудить вопросъ и вызвать къ его рѣшенію другихъ болѣе его достойныхъ дѣятелей. Быть можетъ при всемъ своемъ желаніи оставаться простымъ передатчикомъ фактовъ, по незнанію своему языка Арабскаго, онъ легко введенъ былъ въ нѣкоторыя ошибки и погрѣшности, слишкомъ много довѣряя, напр. Англійскому переводчику аль-Макари. Онъ убѣжденъ въ тоже время, что всякой Славянистъ охотно присоединитъ свой голосъ къ его усердной просьбѣ, обращенной къ нашимъ оріенталистамъ, просьбѣ провѣрить предлагаемыя здѣсь свѣдѣнія: начатое въ Лейденѣ изданіе подлиннаго текста аль-Макари, успѣшно кажется приводится къ окончанію. Безспорно большую бы услугу оказалъ наукѣ тотъ изъ нихъ, кто перевелъ бы на Русскій языкъ всѣ мѣста, относящіяся до Славянъ не только изъ аль-Макари, но и изъ текстовъ, издаваемыхъ теперь ученымъ Арабистомъ Доци.

IV. Ашбахъ, а за нимъ Гаммеръ и Шеферъ, сообщили слѣдующія два любопытныя извѣстія, во первыхъ о томъ, что у халифа Кордовскаго аль-Гакема I († 822 г. по Р. X.), въ числѣ тѣлохранителей было 2 тысячи Славянъ, которыхъ Арабы называли Нѣмыми, ибо они не умѣли говорить по Арабски: во вторыхъ о томъ, что Абдуррахманъ III († 961 г.), держалъ между тѣлохранителями 4 тысячи Славянъ¹.

Аль-Макари ничего не говоритъ объ этой Славянской гвардіи. Вотъ его слова объ аль-Гакемѣ: «Онъ былъ одинъ изъ

1. Aschbach: Gesch. d. Ommajjad. S. 229. — Schäfer: Gesch. von Spanien. B. II. S. 163. — Hammer: Gemäldesaal. III, 65.

первыхъ государей этой династїи, окружившїи престоль свой подобающимъ великолѣпіемъ и могуществомъ. Онъ увеличилъ число мамелюковъ, такъ что оно доходило до 5,000 конницы и 1,000 пѣшихъ. Ибнъ-Халдунъ и друг. говорятъ, что онъ первый ввелъ правильное жалованье войскамъ, устроилъ постоянные склады оружья и припасовъ, умножилъ при себѣ рабовъ, евнуховъ и служителей; содержалъ при себѣ конныхъ тѣлохранителей, всегда стоявшихъ у воротъ его дворца, и окружилъ себя гвардіею мамелюковъ, число которыхъ также было опредѣлено. Эти мамелюки назывались аль-гарасъ (Al-haras, the-guard), и во большей части состояли изъ христіанъ или иностранцевъ. Они занимали два большіе барака съ конюшнями для лошадей; тысяча изъ нихъ постоянно была на конѣ и содержала караулъ на обоихъ берегахъ рѣки вплоть до дворца. При аль-Гакемѣ состояло много шїоновъ, которые знакомили его съ общественнымъ мнѣніемъ, онъ самъ занимался всѣми дѣлами управленія, окруживъ себя богословами, врачами и другими учеными и почтенными людьми. Такъ передалъ онъ своимъ преемникамъ государство могущественное и благоустроенное». (Gayang. II, 102).

Гаянгосъ же, въ одномъ изъ своихъ примѣчаній, говоритъ весьма положительно о бытности Славянской гвардіи у аль-Гакема I. Вотъ его собственныя слова: «Аль-Гакемъ I и его преемники окружили себя великолѣпною гвардіею (body-guard), состоящею изъ нѣсколькихъ тысячъ Славянъ и Берберъ». (I, 398. Not. 30). Точно также и въ другомъ своемъ примѣчаніи упоминаетъ Гаянгосъ о Славянской гвардіи Абдуррахмана III. — Подобно Рено, также вовсе не вспоминая объ исторіи отношеній Славянъ къ Арабамъ въ М. Азїи, Сирїи, Африкѣ, Сициліи, и имѣя перелъ собою свидѣтельства аль-Карави, Ибнъ-Хаукала, мнѣніе Рено, Гаянгосъ къ извѣстію аль-Карави нашелъ нужнымъ прибавить слѣдующее: «Все доказываетъ, что это противуестественная торговля (т. е. рабами), весьма была распространена во Франціи, въ средніе вѣка. Во время многократныхъ и дикихъ набѣговъ Венгерцевъ и другихъ сѣверныхъ народовъ, плѣнники, остававшіеся въ рукахъ Франковъ отправляемы были на Испанскую границу и продавались тамъ му-

сультанамъ, какъ то извѣстно изъ нѣкоторыхъ христіанскихъ писателей. См. Reinaud. *Invas des Sarraz.* p. 236.

Понавъ въ Испанію, эти сѣверные невольники, которыхъ Арабскіе писатели называютъ собирательнымъ именемъ *Сакълба*, множ. отъ *Сиклаб* (Славяне — *Sclavonians*), уже воспитывались въ вѣрѣ мусульманской и подобно янычарамъ въ имперіи Турецкой составляли главную гвардію халифовъ (*principal body guard of the Khalifs*). Абдуррахманъ III, какъ извѣстно, содержалъ нѣсколько тысячъ (*several thousands*) этихъ сѣверныхъ варваровъ, великолѣпно одѣтыхъ (*magnificently arrayed*). Они содержали караулъ въ его дворецѣ и сопровождали его на охоту и въ военныхъ экспедиціяхъ. Мы видимъ ихъ случайно разыгрывающими главную роль въ дѣлахъ мусульманской Испаніи и основывающими независимыя королевства, которыя они передаютъ своему потомству». (I, 380).

Точно также умалчиваетъ аль-Макари, по крайности въ переводѣ Гаянгоса, о Славянскомъ войскѣ аль-Манзора († 1002 г.), тогда какъ слова Дози, не допускаютъ въ этомъ отношеніи ни малѣйшаго сомнѣнія: «*Les créatures d'Almanzor, les capitaines des troupes slaves et ceux des troupes berbères avaient réussi à s'élever au niveau de la noblesse musulmane, et, à partir du cinquième siècle de l'Hégire, l'Espagne fut morcelée entre une foule de petits états et gouvernée par la caste noble*». (Rech. I, 3). У Славянина *Наджи* (*Naja*), задумавшаго въ 1042 г. овладѣть халифатомъ, была своя Славянская гвардія¹. Наконецъ и аль-Макари говоритъ, что халифъ аль-Гакемъ II († 976 г.), содержалъ при себѣ Славянскую гвардію².

Мы знаемъ, что Славяне участвовали въ сухопутныхъ и морскихъ силахъ Арабовъ въ Азіи, Африкѣ, Сициліи; видимъ

1. Gayang. II, 246. II, p. XVIII. Append. B. Выписка изъ Арабскаго писателя аль-Гомайди: «...he (*Naja*) was suddenly attacked by the Berbers. The *Sclavonians* his guard being thrown into confusion by the suddenness of the attack, ran away, and deserted him».

2. Когда его полководецъ Галибъ возвратился побѣдителемъ изъ Африки, то, по словамъ аль-Макари, «самъ халифъ ожидалъ его въ нѣкоторомъ разстояніи отъ столицы, окруженный своимъ дворомъ, главными своими сановниками и своею *Славянскою гвардіею*, верхомъ на молочнo-бѣлыхъ коняхъ, богато украшенныхъ и покрытыхъ блестящею сѣткою». (II, 167).

теперь, что служили Славяне и у Арабовъ въ Испаніи. Предполагать же, что *Славянская гвардія* въ мусульманской Испаніи состояла не изъ Славянъ, едва ли возможно и даже не нелѣпо.

Если вообразать себѣ, что Славяне проникали въ Испанію единственно и только черезъ Пиринеи, въ качествѣ невольниковъ, военнопленныхъ, рабовъ, евнуховъ, то конечно придется утверждать рѣшительно, что эта Славянская гвардія состояла не изъ Славянъ.

Рабы и военнопленные, о которыхъ говорятъ аль-Карави и др., попадали въ Испанію изуродованные. Эти, обыкновенно слабые, малодушные и трусливые люди вовсе не годились для тѣлохранителей, шли только въ гаремы. Потому-то не можетъ не показаться нѣсколько страннымъ мнѣніе Гаянгоса, полагающаго, что Славянская гвардія, которою окружали себя Испанскіе халифы, подобно всѣмъ восточнымъ деспотамъ, никогда почти не обходившимся безъ чужеземной помощи, набиралась изъ этихъ несчастныхъ изуродованныхъ Славянъ, попадавшихъ въ Испанію, изъ рукъ Франковъ, черезъ Пиринеи. Надѣюсь, читателя не поразитъ смѣлостію предположеніе о томъ, что халифы старались собирать свою гвардію изъ людей крѣпкихъ, сильныхъ, здоровыхъ. Отчего же называлась она Славянскою? Не значить ли здѣсь *Славянинъ* вообще бѣлаго человѣка въ противоположность Берберамъ, изъ которыхъ тоже составлялась гвардія халифовъ? ¹.

Какъ, спрошу, надо понимать слово *Славянинъ* въ дошедшемъ до насъ драгоценномъ извѣстіи объ историкѣ Габибѣ, написавшемъ сочиненіе: «Ясныя и побѣдоносныя доказательства противъ тѣхъ, которые отрицаютъ превосходныя качества Славянъ», сочиненіе, въ которомъ онъ сообщаетъ всякаго рода любопытныя подробности, исторію и народныя пѣсни (и стихи) Славянъ». Самъ Гаянгосъ не рѣшился понимать здѣсь сл. *Скалиба* въ смыслѣ нарицательномъ, собирательномъ. Онъ перевелъ такъ: «Clear proofs and victorious arguments (in favour) of the excellences of the Sclavonic race». Дѣйствительно понимать здѣсь сл.

1. Charmoy: Relat. de Massoudy, p. 307, 376.

Славяне иначе, чѣмъ въ смыслѣ особаго племени, было бы недѣло. Въ такомъ случаѣ не доказываетъ ли явленіе Габиба то, что Славяне не только могли, но и должны были проникать въ Испанію не черезъ Пиринеи только, не единственно изъ рукъ Франковъ, изуродованные?

Кто знаетъ, что истина наиболѣе угадывается простымъ пониманіемъ, смущается же и ускользаетъ, когда начинаютъ мудрить и хитрить, тотъ конечно согласится съ нами, что весьма опасно теряться въ подобныхъ предположеніяхъ, каковы напр. слѣд.: Славянская гвардія есть бѣлая гвардія, въ отличіи отъ черной — Берберской; она состояла изъ побѣжденныхъ туземцевъ, которыхъ быть можетъ халифы Испанскіе, подобно султанамъ Турецкимъ, брали дѣтьми и воспитали изъ нихъ янычаръ. Но вѣдь это все догадки! Со всѣмъ этимъ каждый легко бы еще согласился, если бы не зналъ ничего объ отношеніяхъ Славянъ къ Арабамъ въ М. Азіи, Сиріи, Африкѣ, Сициліи, которыя, какъ ни мало еще теперь извѣстны, сами собою, однако, наводятъ на вопросъ — не бывали ли Славяне и въ мусульманской Испаніи, и тамъ не пользовались ли они извѣстнымъ значеніемъ? Несомнѣнныя свидѣтельства о торговыхъ и международныхъ сношеніяхъ Славянъ съ Арабами въ Испаніи позволяютъ рѣшительно настаивать на этомъ вопросѣ. Какъ и съ чего бы въ самомъ дѣлѣ, завязались и происходили въ X в. подобныя сношенія, если бы эти Славяне не находили въ Испаніи своихъ единоплеменниковъ, сознававшихъ свое происхожденіе, свою народность, и въ слѣдствіе того норотившихъ имъ, служившихъ имъ посредниками съ Арабами? И вотъ драгоценное извѣстіе объ историкѣ Габибѣ прямо и ясно указывающее намъ на то, что предположить мы должны были, отправившись отъ совершенно постороннихъ данныхъ и независимыхъ соображеній. — И вотъ свидѣтельства о Славянской гвардіи.

V. Одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ государей дома Оммаядовъ, халифъ Абдуррахманъ III († 961 г.), построилъ въ Кордовѣ знаменитый дворецъ, извѣстный подъ именемъ *Аз-Загра*, отличавшійся необыкновенными богатствами и великолѣ-

пиемъ'. Аль-Макари такъ заключаетъ его описаніе, составленное на основаніи современныхъ свидѣтельствъ. «Мы бы слишкомъ протянули рассказъ нашъ, если бы захотѣли перечислить все красоты, какъ природныя, какъ и искусственныя, заключавшіяся въ Аз-Загрѣ: быстрые ручьи, прозрачныя воды, прекрасныя строенія для помѣщенія внутренней стражи, пышные дворцы для приѣма высшихъ государственныхъ сановниковъ, *множество солдатъ, пажей, евнуховъ и рабовъ всѣхъ націй и всѣхъ исповѣданій* (of all nations and religions), пышно разодѣтыхъ въ шелковыхъ и парчевыхъ платьяхъ, взадъ и впередъ разгуливающихъ по широкимъ улицамъ (Аз-Загры); толпы судей, катибовъ, богослововъ и стихотворцевъ, важно прохаживавшихся по великолѣпнымъ заламъ, обширнымъ сѣнямъ и огромнымъ дворамъ дворца. Число служителей мужескаго пола простиралось до тринадцати тысячъ семи сотъ пятидесяти, которымъ ежедневно отпускалось мяса, исключительно изъ дичи и рыбы, тринадцать тысячъ фунтовъ; число разныхъ женщинъ, составлявшихъ гаремъ халифа или служившихъ въ немъ, доходило до шести тысячъ триста сорока. Славянскихъ пажей и евнуховъ (the Slavonian pages and eunuchs), было три тысячи триста пятьдесятъ, а по другимъ — три тысячи триста восемьдесятъ семь; ежедневно имъ шло тринадцать тысячъ фунтовъ, причемъ одни получали десять, другіе меньше, сообразно съ своимъ званіемъ и мѣстомъ, куръ, куропатокъ и всякаго рода дичи и рыбы; есть наконецъ писатели, которые насчитываютъ Славянскихъ служителей, жившихъ во дворцѣ или внѣ его, до шести тысячъ восьмидесяти семи». (I, 238).

Гаянгосъ въ примѣчаніи своемъ говоритъ: «Моя Испанская рукопись насчитываетъ ихъ до двѣнадцати тысячъ». (I, 503. Not. 21). Впрочемъ, очень можетъ быть, что послѣднее извѣстіе преувеличено. Здѣсь аль-Макари Славянскихъ служителей выдѣляетъ изъ общей массы служителей, коихъ было 13 тысячъ; первые были отличаемы не только отъ прочихъ слу-

1. См. подробное его описаніе у Al-Makkari, I, 232, 240. См. также замѣчательное сочиненіе: *Caveda* (Don José...) *Gesch. der Baukunst in Spanien*. Aus d. Span. übers. von P. Heyses, herausgegeben von Franz Kugler. Mit Illustrationen. Stuttgart. 1858. Ss. 98—101.

жителей, но и между собою: у нихъ существовала своя іерархія, нища не у всѣхъ была одинаковая, однимъ шло меньше, другимъ больше — according to their rank and station.

Время Абдуррахмана III, любопытно для Славяниста по тому Славянскому посольству, свѣдѣнія о которомъ сообщены нами выше.

По смерти его въ 961 г., его преемникъ, аль-Гакемъ II тотчасъ же разослалъ манифесты по областямъ, съ объявленіемъ о своемъ вступленіи и съ призваніемъ народа къ присягѣ. «Въ тотъ же день, говоритъ аль-Макари, онъ обратилъ вниманіе на управленіе и на усиленіе своей власти, обозрѣвалъ дворцы, войска. Славяне, служившіе во дворцѣ (the Slavonians of the palace), присягнули ему первые: сначала дворцовые евнухи, какъ напр. Джафаръ, смотритель конюшенъ и гардероба (master of the horse and of the royal robes), такъ и другіе придворные чиновники великихъ халифовъ; всѣ они присягнули за всѣхъ Славянъ, находившихся подъ ихъ началомъ; затѣмъ слѣдовали остальные придворные чиновники, слуги, *мускаддамы* и проч. (II, 156).

Когда все во дворцѣ присягнуло халифу аль-Гакему, то по его приказанію, главный визирь Джафаръ-Ибнъ-Отманъ отправился къ его брату Абу-Мервану, звать его присягать во дворецъ; также было послано и за другимъ братомъ халифа. Во дворцѣ Аз-Загра торжественно совершалась такая присяга:

«Въ залѣ, гдѣ сидѣлъ халифъ, начиная отъ трона вдоль правой и лѣвой ея стѣны стояли великіе дворцовые евнухи. Всѣ они были въ бѣлыхъ туникахъ и вооружены мечами. За ними въ два ряда на террасѣ стояли слуги евнухи, въ кольчугѣ и съ мечами. На ступеняхъ помѣщались евнухи гвардіи (?) (eunuchs of the guard), съ копьями въ рукахъ, и Славянскіе евнухи, всѣ въ бѣломъ и вооруженные мечами. За ними слѣдовали другіе Славянскіе евнухи низшаго разряда; далѣе гвардейскіе стрѣлки съ луками и колчанами. Подлѣ Славянскихъ евнуховъ стояли черные рабы (black slaves), великолѣпно одѣтые, въ блестящемъ вооруженіи, въ бѣлыхъ туникахъ, въ Сицилійскихъ шлемахъ, съ разноцвѣтными щитами; вооруженіе у нихъ было вызолоченное. Они были растянуты въ два ряда отъ террасы

до послѣдняго парапета. При дверяхъ Ас-суддѣ (As-suddah-Bābu-s-suddan) стояла главная стража (the chief door-keepers), а за ними конная гвардія изъ черныхъ рабовъ вплоть до воротъ. За ними тѣлохранители (body-guard), изъ халифовыхъ вольноотпущенниковъ (*маули*), также верхомъ, и затѣмъ вся армія и рабы и стрѣлки до самыхъ городскихъ воротъ. По окончаніи всей церимоніи, народъ удалился; остались съ халифомъ его братья, визири и придворные чины, которые должны были остаться во дворцѣ Аз-Загрѣ, пока тѣло покойнаго Ан-Насира не было перевезено во дворецъ Кордовскій, а потомъ похоронено на кладбищѣ халифскомъ».

Аль-Гакемъ II ничего не измѣнилъ въ порядкѣ управленія противъ своего преемника. Всѣ старые визири его отца были утверждены имъ въ томъ-же званіи. Своимъ гаджибомъ онъ назначилъ Джафара Аль-асклаби (Славянина — *Jāfar Al asklabī the Slavonian*¹⁾), который, по заведенному обычаю, въ день своего назначенія, поднесъ халифу дорогіе подарки. По свидѣтельству Ибнъ-Гайяна, они состояли въ сотнѣ Франкскихъ мамелюковъ, конныхъ, вооруженныхъ мечами, копьями, щитами въ Индѣйскихъ шапкахъ, въ трехъ стахъ двадцати стальныхъ кольчугахъ разнаго рода; въ трехъ стахъ стальныхъ и пятидесяти Индѣйскихъ деревянныхъ шлемахъ; въ нѣсколькихъ Европейскихъ шлемахъ, не деревянныхъ, называемыхъ *Ат-те-гитана*; въ трехъ стахъ Европейскихъ копьяхъ; въ сотнѣ щитовъ Султаніи²⁾ (of *Sultāniyyah*); въ десяти серебрянныхъ позолоченныхъ сбруяхъ; въ двадцати буйволовыхъ рогахъ». (II, 157 — 8).

О значеніи званія гаджиба можемъ узнать изъ слѣд. словъ аль-Макари: «Историкъ Ибну-Халдуиъ говоритъ, что званіе визиря у султановъ Кордовскихъ давалось извѣстнымъ государственнымъ чиновникамъ, изъ коихъ каждый имѣлъ въ своемъ вѣдѣніи извѣстную отрасль управленія, напр. финансы, иностранныя дѣла, правосудіе, защиту границъ, войско. Сановники эти сверхъ того участвовали въ постоянныхъ совѣщаніяхъ съ халифомъ; изъ числа ихъ онъ избиралъ себѣ найиба (*Nāyib*), какъ называлась на востокѣ должность главнаго

1. См. также Reinaud: *Invas.* p. 252.

или великаго визиря, а въ Андалузїи она была извѣстна подъ именемъ гаджиба ¹) (I, 102).

Въ 962 г. прїѣзжалъ въ Кордову для личнаго свиданія и переговоровъ съ халифомъ аль-Гакемомъ II король Галиціи Ордоньо IV. Въ Кордовѣ все было приготовлено къ торжественному его прїему. Войска были вооружены, какъ въ военное время, Славянская гвардія была великолѣпно разодѣта по этому случаю; улемы, богословы, катибы и стихотворцы получили приказаніе присутствовать при аудіенціи, а визири и другіе высшіе сановники обязаны были въ извѣстномъ часу быть каждый на своемъ мѣстѣ. (II, 161).

Послѣ своего представленія халифу, Ордоньо былъ отведенъ евнухами въ особыя покои, гдѣ усадили его на высокую подушку, покрытую золотою парчею. Между тѣмъ гаджибъ Джафаръ аль-Мосгафи отправился къ нему изъ другой части дворца; замѣтивъ его, Ордоньо всталъ съ своего мѣста, вышелъ къ нему на встрѣчу, отдалъ ему самый низкій поклонъ и хотѣлъ поцѣловать его руку, но Джафаръ не далъ ему и, поздравившись съ нимъ самымъ дружественнымъ образомъ, поздравилъ его съ успѣхомъ, увѣряя, что халифъ непременно исполнитъ свое обѣщаніе, отчего Ордоньо пришелъ въ неопи-санную радость. (II, 164 — 5).

Послѣ того, по знаку, данному Джафаромъ, былъ принесенъ въ подарокъ отъ халифа богатый почетный нарядъ. Затѣмъ Джафаръ послалъ за христіанами, бывшими въ свитѣ Ордоньо, и каждаго изъ нихъ одарилъ прилично званію. (II, 165).

Выше я уже замѣтилъ, что слова евнухъ, употребляемаго не разъ у Гаянгоса, нельзя всегда понимать буквально. Такъ напр. Джафаръ, называемый евнухомъ, имѣлъ большое семей-

1. Gayang. I, p. XXVII, Append. B., гдѣ приложенъ переводъ нѣсколькихъ мѣстъ изъ Ибнъ-Халдуна по рукописи Б-ки Брит. Музея. Вотъ слова Ибнъ-Халдуна о званіи гаджиба при Оммаядахъ: «During the government of the Bení Umeyyah in Andalus, the name of Hájib, was given to that officer whose duty was to screen or veil the Sultán from the eyes of his subjects, and to be a sort of intermediary between his sovereign and the wizirs, or their inferiors, as we have observed elsewhere. As long as the dynasty of the Bení Umeyyah lasted, the office of the Hájib was one of the highest importance in the state, as thou mayest read in the histories of Ibn Hadíd and other Hájibs».

ство. Тоже конечно относится и къ другимъ Славянамъ, безразлично называемымъ евнухами.

Не можетъ быть никакого сомнѣнія, что Славяне въ Испаніи, какъ иноземцы и пришлецы, составляли какъ бы особое общество, были связаны между собою тѣсною дружбою и взаимно помогали другъ другу, какъ земляки и единоплеменники. Все это конечно продолжалось по тѣхъ поръ, доколѣ не утратили они своей народности, чего еще не было и въ XI в., какъ то показываетъ примѣръ Славянина Габиба, жившаго въ XI в., слѣдовательно въ X в., если Славяне и учились Арабскому языку и принимали мусульманскую вѣру и нѣкоторые мусульманскіе обычаи, то не бросали однако и своихъ правовъ и обычаевъ, не забывали и своего языка, не покидали вовсе своей народности. Мы уже знаемъ, что халифъ аль-Гакемъ II, также, подобно своимъ предшественникамъ, держалъ Славянскую гвардію. Возвышеніе Славянина на такое высокое мѣсто, каково званіе гаджиба, раскрываетъ всю силу и все значеніе, котораго достигли Славяне при этомъ халифѣ. Безъ сомнѣнія Джафаръ аль-Мосгафи за собою тянулъ и возвышалъ и другихъ своихъ единоплеменниковъ и даже соотечественниковъ.

Мнѣ очень пріятно, что въ подтвержденіе своего мнѣнія, могу привести слова такого знатока, какъ Дози: «Въ правленіе Абдуррахмана III и аль-Гакема II, Славянскіе дворцовые евнухи пріобрѣли большое вліяніе, особенно былъ къ нимъ расположенъ этотъ послѣдній халифъ. Въ годъ его смерти (976 г.), Славянскіе евнухи были весьма могущественны, ихъ считалась тысяча, и каждый изъ нихъ имѣлъ въ свою очередь своихъ слугъ, своихъ рабовъ».

Не должно однако заключать изъ словъ Дози, чтобы Славянъ была одна тысяча: выше мы видѣли, что при дворцѣ Аз-Загра состояло на службѣ Славянъ гораздо болѣе тысячи; больше тысячи Славянъ служило въ гвардіи. Если бы Славянъ въ Испаніи была всего одна тысяча, то конечно Славянскіе евнухи не были бы весьма могущественны, не было бы въ мусульманской Испаніи и особой Славянской партіи, о бытности которой ясно и положительно говоритъ Дози. Чтеніе аль-Макари, примѣчаній и приложений его переводчика привело ни-

шунаго эти строки къ тому же самому заключенію; но такъ какъ ни Арабскій историкъ, ни Гаянгосъ нигдѣ прямо не говорятъ о Славянской партіи, то и онъ хотѣлъ было уже умолчать объ этомъ изъ опасенія быть обвиненну въ излишней поспѣшности заключеній и чтобы чрезъ то самое не подорвать довѣріе къ излагаемому предмету. Но послѣ ознакомившись съ изслѣдованіями Дози, онъ не усомнился уже говорить утвердительно о бытности въ мусульманской Испаніи въ X и XI в. особой Славянской партіи.

Бытность этой партіи указываетъ на немалозначительное количество Славянъ въ Испаніи, такъ какъ вездѣ и всегда политическая партія можетъ существовать и имѣть большое значеніе только тогда, когда предводители ея не только отличаются большими дарованіями, но и располагаютъ значительными матеріальными средствами, опираются на вышней силѣ, на болѣе или менѣе знатномъ количествѣ людей, имъ преданныхъ. Тысяча Славянъ, какъ бы они не превосходили Берберовъ и даже Арабовъ своими нравственными достоинствами, была безсильна создать особую партію, тѣмъ болѣе такую, которая дѣйствовала не безъ успѣха.

Точно также вездѣ и всегда партія можетъ образоваться, существовать и пользоваться въ государствѣ силою и значеніемъ только въ томъ случаѣ, если состоитъ изъ людей, болѣе или менѣе единомыслящихъ, иначе они не могутъ жить въ ладахъ, въ совѣтѣ и любви, безъ чего никакая партія, тѣмъ болѣе немногочисленная, никогда не пріобрѣтетъ сильнаго вліянія. Все это подавно относится къ Славянской партіи въ Испаніи, не любимой и безъ того народомъ, какъ иноплеменной, и встрѣтившей кромѣ того опаснаго себѣ противника въ могущественной партіи Берберской. Если же въ числѣ упоминаемыхъ у Арабскихъ историковъ Славянъ надо бы было разумѣть и Шѣмцевъ, то зная рѣзкую противоположность этихъ племенъ, еще болѣе взаимную ихъ непріязнь, а въ то время даже и ненависть, рѣшительно утверждать можемъ, что въ такомъ случаѣ въ Испаніи никогда бы не было никакой Славянской партіи. Славяне и Шѣмцы, встрѣтившись въ Испаніи, конечно не сблизились бы между собою и не примирились бы; одинаковость положенія

была бы не въ силахъ потушить ихъ взаимной вражды, глубоко коренившейся, точно также, какъ Греки и Болгары, Грузины и Армяне, западные Славяне и Нѣмцы сохраняютъ другъ къ другу тоже непріязненное расположеніе, что на родинѣ, то и внѣ ея, напр. въ Англіи, во Франціи, въ Россіи. Такимъ-образомъ Нѣмцевъ въ Испаніи на службѣ у мусульманъ быть очень много не могло. Если бы ихъ число равнялось числу Славянъ, то они бы образовали свою особую партію Нѣмецкую, подобно тому, какъ Славяне образовали Славянскую. Иначе надо признать, что Нѣмцы не обладали пужными для того качествами, что было бы странно и даже нелѣпо. Слѣдовательно надобно согласиться, что Нѣмцевъ въ Испаніи на службѣ у мусульманъ было очень немного, (что и само по себѣ понятно, какъ то мы выше видѣли), а съ другой стороны, что и эти немногіе Нѣмцы, пока не утратили своей народности, имѣли участь далеко на одинаковую со Славянами, которые своего вліянія и своей силы не могли же не употреблять согласно съ своими природными симпатіями и антипатіями. Въ этомъ отношеніи вниманія заслуживаетъ приведенное выше извѣстіе о подаркахъ главнаго визиря Джафара, природнаго Славянина. Между прочимъ онъ подарилъ своему повелителю сто рабовъ, то были Франки, т. е. Нѣмцы, а не его земляки или единоплеменники.

VI. По смерти аль-Гакема II († 976 г.) на престолъ вступилъ его слабый сынъ Гишамъ. Аль-Макари, слѣдуя здѣсь Ибнъ-Халдуну, рассказываетъ, что аль-Могейра, братъ аль-Гакемовъ, имѣвшій виды на престолъ и сильную партію въ Кордовѣ, былъ умерщвленъ Могамедомъ Ибнъ-Аби Амиромъ, болѣе извѣстнымъ подъ именемъ аль-Манзора.

У аль-Макари же находимъ слѣдующія весьма любопытныя подробности, заимствованныя имъ изъ историка Арабскаго Ибнъ-Бассама: «Лишь только аль-Гакемъ испустилъ послѣдній вздохъ, какъ тотчасъ двое изъ его Славянскихъ внуховъ, Файикъ и Джодаръ, предвидя смуты и бѣдствія отъ такой мѣры (отъ назначенія аль-Гакемомъ въ свои наслѣдники сына своего, помимо брата) задумали посадить на престолъ его брата аль-Могейру, вмѣсто юнаго Гишама. «По моему, говорилъ Файикъ Джо-

дару, мы никогда не приведемъ въ исполненіе нашихъ замысловъ, пока живъ Джафаръ аль-Мосгафи, онъ долженъ умереть». — «Неужели намъ слѣдуетъ начать наше дѣло убійствомъ старика, нашего начальника и покровителя», возражалъ ему Джодаръ, — «клянусь Аллахомъ, говорилъ Файикъ, я не вижу иного средства». — Однако они отправили гонца къ Джафару съ извѣстіемъ о смерти аль-Гакемовой и тутъ же открыли ему свои планы на счетъ аль-Могейры, прося его мнѣній и совѣтовъ. Отвѣтъ Джафаровъ былъ слѣдующій: «Вамъ обоимъ дѣйствовать, мнѣ только васъ слушаться; ваши званія, какъ начальника двора (master of household) и смотрителя дворцовъ (governor of the palaces) даютъ вамъ большую власть». Тогда оба евнуха рѣшились привести свой планъ въ исполненіе. Между тѣмъ аль-Мосгафи оставилъ дворецъ и, собравъ войска и ихъ начальниковъ, объявилъ имъ о смерти аль-Гакемовой, а также и о намѣреніяхъ Джодара и Файика посадить на престолъ вмѣсто Гишама его дядю. «Если мы останемся вѣрными сыну нашего повелителя, то власть будетъ въ нашихъ рукахъ; если же мы согласимся на избраніе другаго государя, то мы лишимся всей силы и власти въ государствѣ». Войска единодушно отвѣчали: «Твое мнѣніе вмѣстѣ и наше». Тогда Джафаръ поспѣшно отправилъ Могаммеда съ частью войска въ резиденцію аль-Могейры съ повелѣніемъ умертвить его. Ибнъ-Аби-Амиръ засталъ аль-Могейру въ совершенной неизвѣстности на счетъ всего случившагося. Онъ сказалъ ему о смерти его брата и о томъ, что его племянникъ Гишамъ возведенъ на престолъ. Аль-Могейра былъ глубоко потрясенъ при этой вѣсти, но тотчасъ же придя въ себя, сказалъ: «Я слушаюсь и повинуюсь приказаніямъ моего новаго повелителя.» Не зная, какъ поступить, Ибнъ-Аби-Амиръ послалъ письмо къ Джафару, увѣдомляя его обо всемъ и испрашивая отъ него дальнѣйшихъ наставленій. Отвѣтъ былъ слѣдующій: «Схватить и умертвить его; если ты не исполнишь порученія, я пошлю другаго». — Аль-Могейра былъ убитъ». (II, 177—8).

Есть объ этихъ происшествіяхъ разсказъ другаго Арабскаго историка, который мы считаемъ нужнымъ приложить здѣсь же по передачѣ Дози: «Начальникомъ Славянскихъ евнуховъ былъ

Файикъ, извѣстный подъ именемъ Ан-Нидами (An-Nidhami), начальникъ гардероба (le maitre de la garde robe), послѣ него наибольшимъ вліяніемъ пользовался Джодаръ. Болѣзнь аль-Гакема II была продолжительная и когда еще никто, кромѣ Файика и Джодара, не зналъ о его смерти, они рѣшились не приводить въ исполненіе послѣдней воли своего государя, который назначилъ себѣ въ преемники своего сына. Пугаясь бѣдственныхъ послѣдствій регентства, такъ какъ Гишамъ, сынъ аль-Гакемовъ, былъ только на двѣнадцатомъ году и зная, что народъ не охотно приметъ этого ребенка, они рѣшились передать престолъ аль-Могейрѣ, брату аль-Гакемову, съ тѣмъ условіемъ, чтобы этотъ послѣдній назначилъ племянника своимъ наслѣдникомъ. Такимъ образомъ они оказали бы услугу аль-Могейрѣ и въ то же время остались вѣрными сыну своего государя, почему и могли рассчитывать на большое вліяніе въ дѣлахъ государственныхъ. «Мысль была прекрасная, восклицаетъ Арабскій историкъ, но Богъ не позволилъ ей осуществиться». Дѣйствительно такимъ способомъ дворцовые евнухи остановили бы, быть можетъ на долго, паденіе Оммаядовъ. Но они дѣйствовали въ видахъ личнаго интереса; не желая, чтобы властвовалъ одинъ аль-Мосгафи, они противопоставили ему такого князя, который, будучи имъ обязанъ престоломъ, былъ бы всегда имъ благодаренъ.

Джодаръ предложилъ своему началству призвать Джафара и умертвить его, но Файикъ воспротивился этому убійству и надѣялся перетянуть Джафара на свою сторону. Узнавши объ ихъ заговорѣ, Джафаръ притворился, какъ будто его одобряетъ, но расчетъ Файика былъ ошибоченъ. При халифѣ-ребенкѣ, вельможа, поддерживаемый арміею, былъ бы въ полной силѣ; напротивъ же того при аль-Могейрѣ его вліяніе было бы совершенно ничтожно; онъ даже боялся, что лишится своего мѣста, такъ какъ его отношенія къ этому князю не отличались особенною пріязнью; потому-то аль-Мосгафи и принялъ свои мѣры, собралъ многихъ друзей своихъ, въ числѣ которыхъ былъ Могаммедъ Ибнъ-Аби-Амиръ (впослѣдствіи аль-Манзоръ, тогда только что начинавшій свое поприще), начальниковъ войскъ Берберскихъ Бену-Бирзаль (des Bérou-Birzâl), искренно къ нему привязанныхъ, и начальниковъ Испанскихъ войскъ; извѣстивъ

ихъ о смерти аль-Гакемовой и далъ имъ знать о намѣреніи Славянскихъ евнуховъ, убѣждая ихъ предупредить его въ видахъ собственнаго же ихъ интереса. Ему подали совѣтъ, какъ можно скорѣе умертвить аль-Могейру. Совѣтъ былъ принятъ Джафаромъ и Могаммедъ взялся убить его. Такъ и погибъ бѣдный князь, еще ничего не знавшій о смерти своего брата. Узнавъ объ убійствѣ аль-Могейры, Джодаръ сталъ упрекать Файика за то, что не послушался его совѣтовъ. Но теперь было уже поздно; оба евнуха скрыли свое неудовольствіе и отправились къ аль-Мосгафи съ своими поздравленіями и оправданіями. Онъ подалъ видъ, что ихъ прощаетъ, но начатая борьба могла окончиться не иначе, какъ паденіемъ одной изъ двухъ партій. Эти два евнуха всячески старались низвергнуть съ престола Гишама II, составили противъ него заговоръ; но аль-Мосгафи предварилъ ихъ и разбилъ всѣ ихъ планы; а Могаммедъ Ибнъ-Аби-Амиръ привлекъ на свою сторону пять сотъ евнуховъ и назначилъ имъ великолѣпное содержаніе. Такимъ-образомъ Файикъ и Джодаръ были покинуты своими приверженцами. Тогда Джодаръ проситъ позволенія у султана оставить мѣсто и удалиться въ свои владѣнія; онъ былъ увѣренъ, что султанъ откажетъ ему въ этой просьбѣ. Безъ сомнѣнія, то была хитрость со стороны Джодара, вполнѣ увѣреннаго въ отказѣ. Противъ всякаго его ожиданія, ему было дозволено оставить столицу. Приверженцы его пришли съ того въ совершенное отчаяніе и разразились угрозами противъ аль-Мосгафи и Могаммеда Ибнъ-Аби-Амира. Одинъ молодой евнухъ, по имени Дорри, поступилъ въ этомъ случаѣ весьма неблагоразумно; по наущенію Джафара, подданные Дорри въ Баэзѣ (Baéza) подали доносъ на своего господина и его управляющихъ. Аль-Мосгафи представилъ, будто бы онъ докладывалъ объ этомъ султану и что тотъ приказалъ свести Дорри на очную ставку съ его людьми. Дорри получаетъ приказаніе явиться въ домъ визиря; онъ уже было отправился, но, услыхавъ, въ чемъ дѣло, рѣшился вернуться во дворецъ. Могаммедъ остановилъ его насильно, — Дорри схватилъ его за бороду. Ибнъ-Аби-Амиръ зоветъ на помощь солдатъ, бывшихъ тогда не владѣль. Испанцы не рѣшались поднять руки на Дорри, котораго они уважали, но Берберы (les Bénoц Birzal) избili его такъ,

что онъ лишился разсудка. Тотчасъ же отнесли его на домъ, гдѣ ночью и доконали его. Файикъ и другіе начальные люди получили приказъ удалиться въ свои земли и не ворочаться болѣе въ столицу. Они повиновались; однако Ибнъ-Аби-Амиръ продолжалъ ихъ притѣснять; онъ затѣялъ съ ними тяжбу и отобралъ отъ нихъ значительныя суммы. Файикъ былъ сосланъ на острова Балеарскіе, гдѣ онъ и умеръ. Аль-Мосгафи опредѣлилъ другихъ евнуховъ, старшаго изъ нихъ Сокра назначилъ смотрителемъ дворца и гарема»¹.

У аль-Макари (въ переводѣ Гаянгоса) нѣтъ никакихъ дальнѣйшихъ подробностей по смерти аль-Могейры и потому не имѣемъ возможности сказать, такъ ли точно и о позднѣйшихъ событіяхъ разсказъ Ибнъ-Бассама отличается отъ разсказа Ибнъ-Адари, приводимаго у Дози. Разницы въ этихъ же двухъ свидѣтельствахъ, какъ читателю видно изъ приведенныхъ нами мѣстъ, не малозначительныя: по Ибнъ-Бассаму — Файикъ задумалъ извести Джафара и Джоларъ останавливаетъ его; по Ибнъ-Адари (у Дози) обратно; по Ибнъ-Бассаму — Джафаръ былъ главнымъ виновникомъ смерти аль-Могейры, причемъ Ибнъ-Аби-Амиръ (въ послѣдствіи страшный аль-Манзоръ) не только стоитъ на второмъ планѣ, но и является безгласнымъ, послушнымъ орудіемъ въ рукахъ Джафара; по Ибнъ-Адари Ибнъ-Аби-Амиръ самъ вызывается умертвить аль-Могейру, не Джафаръ подалъ мысль объ этомъ убійствѣ, но предложили какіе-то другіе; Могаммедъ, по дальнѣйшему разсказу Ибнъ-Адари, является почти главнымъ дѣятелемъ въ дѣлѣ Файика и Дорри; онъ же ослабляетъ партію Файика, привлекая на свою сторону пять сотъ евнуховъ.

Нельзя пропустить молчаніемъ и не указать, какъ на обстоятельство весьма любопытное, на то, что Ибнъ-Адари весьма много заимствовалъ, по свидѣтельству Дози, изъ сочиненія Ибнъ-Гайяна (1006 † 1076 г.), знаменитаго автора къ сожалѣнію недошедшей до насъ исторіи Оммаядовъ и аль-Манзора², и что Ибнъ-Бассамъ, которымъ пользовался аль-Макари и чей раз-

1. Dozy: Rech. I, 208—211.

2. Dozy: Rech. I, 24 Gayang. I, 310.

сказъ мы привели выше, въ описаніи происшествій, слѣдовавшихъ за смертью аль-Гакема, также пользовался Ибнъ-Гайяномъ¹. Изъ разсказа Ибнъ-Бассама не видать, чтобы гаджибъ Джафаръ аль-Мостафи былъ такъ не любимъ Славянскими евреями, какъ то представлено у Ибнъ-Адари. Изъ него точно также еще нельзя заключить, чтобы противъ Гишама была почти вся Славянская сторона, какъ о томъ можно было бы думать при чтеніи разсказа Ибнъ-Адари по передачѣ Дози.

Но если и вовсе не принимать во вниманіе словъ Ибнъ-Бассама, а слѣдовать исключительно приведеннымъ нами словамъ Дози, то и тогда было бы слишкомъ смѣло и малоосновательно подозрѣніе въ справедливости свидѣтельства о Славянскомъ происхожденіи Джафара: въ такъ называемый Петербургскій періодъ нашей исторіи, мы видимъ, предводители Нѣмецкой партіи нерѣдко ссорятся и враждуютъ между собою и тѣмъ даютъ перевѣсъ Русскимъ, зорко и пристально слѣдящимъ за ихъ дѣйствіями: такъ враждуя, погубили себя и сильно повредили своему дѣлу Биронъ, Остерманъ, Минихъ. Наконецъ и новѣйшіе ученые, каковы Рено и Гаянгосъ, считаютъ его Славяниномъ же. Вотъ потому-то, пока Славянское происхожденіе Джафара не будетъ опровергнуто строгими, положительными доводами, судьба этого замѣчательнаго человѣка непременно должна входить въ исторію Славянъ въ Испаніи. Разсказъ о Джафарѣ, его государственной дѣятельности при Гишамѣ, о его могуществѣ и славѣ и о его позднѣйшей печальной судьбѣ, можетъ быть любопытенъ и тѣмъ еще, что представляетъ нѣсколько намековъ, если и не прямыхъ доводовъ, въ пользу Славянскаго происхожденія этого государственнаго человѣка и даже писателя.

1. Gayang. II, 176; также Dozu I I. Уроженецъ Сантарема, въ Португаліи, Ибнъ-Бассамъ (†1147—8 г.) написалъ историко-біографическое сочиненіе въ трехъ частяхъ: въ первой помѣщены жизнеописанія знаменитыхъ людей и поэтовъ, жившихъ въ Кордовѣ, Толедо, Сарагоссѣ, Дженѣ (Jaen), Гранадѣ и друг. мѣстахъ; во второй — жизнеописанія поэтовъ Аль-гарба или западныхъ областей съ краткою исторіею Бени-Аббада; въ третьей и послѣдней — жизнеописанія поэтовъ и замѣчательныхъ людей Валенсіи, Альмеріи, Мурсіи и другихъ городовъ восточныхъ. Вторая часть этого важнаго труда хранится въ Оксфордѣ, въ библіотекѣ Бодлейской. (Gayang. I, xxi. II, 513).

VIII. «По смерти своего дяди, говоритъ аль-Макари, Гишамъ сѣлъ твердо на престолѣ отцовскомъ, всѣми дѣлами въ государствѣ завѣдывалъ аль-Мосгафи. Онъ употреблялъ великія старанія о народномъ благосостояніи, скромно и терпѣливо исполняя свой долгъ; отвергнувъ излишнюю пышность, сидѣлъ на одинаковомъ мѣстѣ съ прочими визирями и членами совѣта. Впрочемъ въ томъ только и заключалась его добрая дѣла, ибо вскорѣ онъ началъ раздавать мѣста въ государствѣ своимъ друзьямъ и родственникамъ, сталъ самовольно и для собственныхъ цѣлей распоряжаться казною государственною. Могаммедъ Ибнъ-Аби-Амиръ, совершенная противоположность Джафару, слѣдовалъ иному образу дѣйствій. Корыстолюбію и исключительности гаджиба онъ противопоставлялъ величайшую щедрость, холодности и высокоумію перваго самое пріятное и увлекательное обращеніе. Тѣмъ приобрѣлъ онъ величайшую любовь народа; аль-Мосгафи принялъ его въ соучастники управленія и далъ ему званіе визиря. Усердіе и дарованія, скоро выказанныя Могаммедомъ въ исполненіи своей должности и его усиленная внимательность къ Собѣ, матери Гишама, быстро снискали ему любовь этой государыни; его вліяніе и сила все возрастали. Своею ловкостью и очаровательнымъ обращеніемъ, онъ такъ понравился Собѣ, что вскорѣ сталъ самымъ почетнымъ лицомъ при дворѣ. Гишамъ повелѣваетъ аль-Мосгафи обсуживать всѣ дѣла управленія вмѣстѣ съ Могаммедомъ и ничего не предпринимать безъ предварительнаго съ нимъ совѣщанія. Согласно съ этимъ приказаніемъ, Джафаръ взвелъ его во всѣ свои тайны и обращался съ нимъ, какъ нѣжный отецъ съ сыномъ, ничего отъ него не скрывалъ и совѣтовался съ нимъ при всякомъ случаѣ. Но въ то время, какъ аль-Мосгафи такъ себя держалъ съ аль-Манзоромъ и такъ доверчиво предался ему, этотъ послѣдній коварно его обманывалъ, старался уронить его во мнѣніи государыни, постоянно дѣйствовалъ наперекоръ ему, всегда на него сваливая вину всѣхъ мѣръ, не пріятныхъ народу. Могаммедъ интриговалъ до тѣхъ поръ, пока совершенно не уронилъ Джафара и тѣмъ приготовилъ себѣ путь къ исключительному преобладанію въ государствѣ». (II, 180—181).

Нелюбовь аль-Макари или лучше тѣхъ Арабскихъ историковъ, которымъ онъ здѣсь слѣдуетъ, эта нелюбовь и нераспо-

ложеніе къ Джафару особенно обнаруживается въ приведенныхъ нами словахъ: «Впрочемъ въ томъ только и состояли его добрыя дѣла». Но какія же были его дурныя стороны? Скупость, корыстолюбіе, пристрастіе къ своимъ друзьямъ и родственникамъ, которые, если справедливо Славянское происхожденіе Джафара, должны были быть большею частью Славяне. Иностранное происхожденіе Джафара не объясняетъ ли отчасти то великое къ нему нерасположеніе туземцевъ, что такъ сильно проявляется въ пристрастныхъ отзывахъ о характерѣ Джафара, «скромно и терпѣливо исполнявшаго свои обязанности», откинувшаго излишнюю роскошь и почести, быть можетъ тяготившія его Европейскую натуру, какъ преимущественныя принадлежности Азіята; Джафара, этого неблагороднаго человѣка и въ то же время обращавшагося съ своимъ опаснымъ соперникомъ, какъ нѣжный отецъ съ сыномъ, съ этимъ благороднымъ и популярнымъ соперникомъ, который поступалъ съ своимъ благодѣтелемъ весьма не чисто, какъ того не могли скрыть Арабскіе историки, при всемъ своемъ расположеніи и пристрастіи къ аль-Манзору. Но аль-Манзоръ, смѣлый воитель, кумиръ арміи, отличался необыкновенною щедростью, обходительностью обращенія. Онъ конечно не пользовался общественными суммами для своихъ собственныхъ цѣлей, не раздавалъ мѣсть своимъ друзьямъ и родственникамъ, не имѣлъ особыхъ любимцевъ подобно Джафару, столь не популярному. Но послушаемъ аль-Макари, что сообщитъ онъ намъ о возвышеніи аль-Манзора.

«Если слѣдовать Ибнъ-Халдуну, аль-Манзоръ началъ свое поприще еще при аль-Гакемѣ. По смерти халифа и по вступленіи на престолъ его юнаго сына Гишама, Могаммедъ самъ вызвался и умертвилъ его брата аль-Могейру, имѣвшаго притязанія на престолъ. Аль-Могейра сынъ халифа Ан Насира, стоялъ во главѣ весьма значительной партіи въ Кордовѣ, которая его предпочитала племяннику его Гишаму, какъ за зрѣлый его возрастъ, такъ и за опытность въ дѣлахъ государственныхъ; но съ помощью Джафара Ибнъ-Отмана аль-Мосгафи, гаджиба аль-Гакемова, Галиба, правителя Мединацели, и Славянскихъ дворцовыхъ евнуховъ, начальниками которыхъ въ то время были Файикъ и Джодаръ Могаммедъ захватилъ аль-Могейру въ его домъ и умерт-

вилъ его черезъ два дня спустя по смерти аль-Гакема и Гишамъ былъ провозглашенъ халифомъ безъ сопротивленія. Тогда Ибнъ-Аби-Амиръ рѣшился овладѣть Гишамомъ и захватить его власть; для того онъ сталъ интриговать противъ великихъ сановниковъ государственныхъ, поселялъ раздоры между ними, возстановляя ихъ другъ противъ друга, истребляя одного другимъ. Такъ какъ онъ самъ принадлежалъ къ племенамъ Йемена, именно къ племени Манферъ, былъ потомкомъ Абду-л-малека, пришедшаго въ Андалузю съ Тарикомъ и принимавшаго великое участіе въ завоеваніи этой страны, то ему и не стоило большого труда привлечь на свою сторону вождей партіи Йеменской, бывшей въ то время всемогущею. Съ ихъ помощью онъ постепенно приобрѣлъ огромное значеніе и совершенно завладѣлъ Гишамомъ, запретилъ визирямъ являться къ нему, исключая извѣстныхъ дней, когда поздоровавшись съ халифомъ, они тотъ же часъ и удалялись. Онъ щедро награждалъ армию, честилъ и жаловалъ ученыхъ, давилъ всѣхъ, кто ему сопротивлялся. Мудрый, предусмотрительный, храбрый, онъ блисталъ великими воинскими дарованіями, необыкновенною набожностью. Всѣ тѣ государственные сановники, которые ему сопротивлялись, гибли одинъ черезъ другаго, лишались своихъ мѣстъ и даже жизни. Все это совершалъ онъ за подписью Гишама и по его приказанію; такъ отстранилъ онъ всѣхъ, стоявшихъ ему на дорогѣ. Первые его удары направлены были противъ Славянскихъ дворцовыхъ евнуховъ (?), составлявшихъ часть халифовой гвардіи (body guard). Возбудивъ противъ нихъ гаджиба аль-Мосгафи, онъ выгналъ ихъ всѣхъ изъ дворца, хотя ихъ было болѣе восьми сотъ чело-вѣкъ. Потомъ онъ женился на дочери Галиба, вольноотпущенника аль-Гакемова, хитростью и лестью такъ его привязалъ къ себѣ, что съ его помощью совершенно погубилъ аль-Мосгафи. Противъ Галиба онъ употребилъ Джафара Ибнъ-Али-Ибнъ Гамдуна, вождя Шитовъ (въ Африкѣ). Гамдуна погубилъ онъ съ помощью Абдулвадуда Ибнъ-Джегвара Ибнъ-Диннуна и другихъ вельможъ, начальниковъ и предводителей Арабской партіи... (II, 175—6).

Такъ дѣйствовалъ аль-Манзоръ. Какъ всякой умный политикъ, притомъ же неразборчивый въ средствахъ, онъ не губилъ

и не душилъ всецѣло ни одной партіи. Лишь только въ какой нибудь замѣчалъ онъ силу и значеніе, немедля поселялъ въ ней раздоръ, разлучалъ ея вождей, однихъ губилъ, другихъ привлекалъ на свою сторону и такимъ образомъ подчинялъ себѣ и своимъ цѣлямъ всякую сильную партію. Славянъ онъ, какъ ниже увидимъ, не удалилъ вовсе, а только подчинилъ своимъ видамъ.

Обращаемся къ разсказу аль-Макари о поведеніи аль-Манзора въ отношеніи къ Джафару:

«Такъ какъ нѣкоторые изъ сановниковъ аль-Гакемовыхъ (вариантъ: «изъ дворцовыхъ евнуховъ» или «изъ евнуховъ, называемыхъ великими халифами») служили преградою его честолюбивымъ замысламъ, то однихъ онъ сослалъ, другихъ умертвилъ, однимъ словомъ разбилъ и разсѣялъ всѣхъ своихъ противниковъ, назначая на ихъ мѣста своихъ клеветовъ и вообще такихъ людей, на которыхъ могъ вполне положиться. Тоже самое сдѣлалъ онъ и со Славянскою гвардіею, которую распустилъ и разсѣялъ по странѣ, казнивъ самыхъ значительныхъ изъ нея личностей или такихъ, которыя ему казались наиболее опасными. Но такъ какъ событія, нами слегка обрисованныя, подробно описаны многими почтенными историками того времени, то мы и представимъ нѣкоторыя подробности изъ наиболее достовѣрныхъ и почтенныхъ писателей.

Ибнъ-Гайянъ говоритъ, что между гаджибомъ аль-Мосгафи и Галибомъ, правителемъ Медины, существовала великая вражда и неприязнь. Галибъ пользовался громаднымъ вліяніемъ и всегда дѣйствовалъ вопреки аль-Мосгафи и тѣмъ подрывалъ его авторитетъ. Аль-Мосгафи жаловался на то своимъ товарищамъ, визирямъ, которые ему совѣтовали примириться съ нимъ, а не усиливать вражды. Аль-Манзоръ, опасаясь ихъ примиренія, рѣшился завязать дружбу съ Галибомъ для того, чтобы съ его помощію приготовить паденіе Джафара».

Аль-Манзору соединиться съ Галибомъ удалось. Онъ получилъ новое мѣсто, градоначальника (Wali-l-medinah, praefectus urbi), съ котораго былъ отставленъ аль-Мосгафи, противно своему желанію. Наконецъ онъ получилъ начальство и надъ полиціею, должность весьма почетную и значительную. Первою его

заботою было всякаго рода кознями удалить отъ аль Мосгафи всѣхъ его друзей и уничтожить все его вліяніе, оставивъ въ его рукахъ только тѣнь власти. Всего этого онъ вполне достигъ съ помощію Галиба, который согласился съ нимъ погубить аль-Мосгафи.

«Аль-Манзоръ исправлялъ свою должность такъ хорошо, что граждане Кордовскіе не имѣли ни малѣйшей причины сожалѣть о прежнихъ градоначальникахъ и чиновникахъ. Величайшая тишина и порядокъ царствовали въ городѣ, дѣла правосудія отправлялись быстро. Несмотря на то, онъ продолжалъ ухаживать за Галибомъ и всячески заботился объ его пріязни. Аль-Мосгафи, открывъ замыслы аль-Манзора, написалъ письмо Галибу, предлагалъ ему свою дружбу, а въ скрѣпленіе и въ знакъ ея просилъ руки его дочери для сына своего Отмана. Галибъ согласился и предложенный бракъ уже готовъ былъ совершиться, какъ аль-Манзоръ, едва узнавъ объ этомъ, написалъ Галибу, возстановляя его противъ Джафара, возбуждая его старую ненависть къ нему и совѣтуя ему остерегаться его тайныхъ замысловъ. Онъ пошелъ еще далѣе, уговорилъ родственниковъ и друзей Галиба написать ему объ этомъ же письма. Галибъ, склонившись на ихъ просьбы и наговоры, розорвалъ всѣ сношенія свои съ Джафаромъ и дочь свою, невѣсту Отмана, выдалъ замужъ за аль-Манзора. Свадьба ихъ была играна съ величайшимъ торжествомъ и пышностью въ 977 г. Невѣста прежде всего приведена была во дворецъ, гдѣ встрѣтилъ ее самъ халифъ. Такіе знаки почтенія еще болѣе увеличили силу и вліяніе аль-Манзора и удвоили число его послѣдователей такъ, что Джафаръ въ сравненіи съ нимъ уже ничего не значилъ.

«Султанъ назначилъ Галиба на должность гаджиба съ оставленіемъ однако въ этой должности Джафара, который, утративъ теперь всякую надежду на возможность когда либо подорвать значеніе своего противника, прекратилъ уже всякое сопротивление въ дѣлахъ управленія. Напротивъ того аль-Манзоръ противоборствовалъ ему и тайно и открыто, отвлекая отъ него всѣхъ его приверженцевъ и приманивая ихъ всѣхъ въ свою партію. Наконецъ Джафаръ былъ совершенно покинутъ своими друзьями: утромъ и вечеромъ ходилъ одинъ по дворцу, не поль-

зуюсь рѣшительно правами своего званія, ставшаго однимъ пустымъ звукомъ. *Достойное наказаніе за убійство аль-Могеіры и за его старанія посадить на престолъ Гишама!*

Аль-Манзоръ началъ возбуждать Гишама противъ аль-Мосгафи, его дѣтей, родственниковъ, друзей и противъ всѣхъ, имѣвшихъ съ нимъ какія либо связи. Отъ нихъ былъ потребованъ подробный отчетъ во всѣхъ государственныхъ суммахъ, прошедшихъ черезъ ихъ руки; по самымъ ничтожнымъ основаніямъ ихъ заставили уплатить огромныя суммы и тѣмъ довели ихъ до совершенной нищеты. Такъ раззорилъ аль-Манзоръ эту могущественную фамилію. Племянникъ аль-Мосгафи, по имени Гишамъ, первый испыталъ на себѣ ужасное его мщеніе. Этотъ юноша сопровождалъ аль-Манзора въ третьемъ его походѣ на христіанъ; когда побѣдитель ворочался въ Кордову съ огромнымъ количествомъ христіанскихъ головъ, надѣтыхъ на палки, какъ съ трофеями побѣды, то Гишамъ, похитивъ одну изъ этихъ палокъ, поспѣшилъ въ Кордову, гдѣ и представился съ нею халифу прежде своего начальника. Узнавъ объ этомъ, аль-Манзоръ заключилъ его въ темницу, гдѣ потомъ онъ и былъ преданъ смертной казни. Вскорѣ и Джафара постигла судьба его племянника. Совершенно раззоривъ его и доведя до крайней бѣдности такъ, что онъ принужденъ былъ продать свой домъ въ Риссафа (in the Rissáfah), одно изъ великолѣпнѣйшихъ Кордовскихъ зданій, аль-Манзоръ преслѣдовалъ его въ продолженіи двухъ лѣтъ, то заключеніемъ въ тюрьму, то другими средствами такъ, что онъ жилъ то при дворѣ, то въ ссылкѣ, постоянно обремененный уплатою большихъ суммъ; наконецъ онъ даже растроился въ разсудкѣ и былъ брошенъ въ крѣпость Аз-загра, гдѣ и кончилъ свою жизнь, по однимъ, отъ даннаго ему яда, по другимъ, съ тоски и страданій.

По поводу этого несчастнаго визиря, авторъ историческаго сочиненія, подъ названьемъ: «Цвѣточный садъ, удовольствіе для ума и развлеченіе для взора», говоритъ: «когда по приказанію аль-Манзора, аль-Мосгафи былъ арестованъ и посаженъ въ одну изъ крѣпостей Аз-загры, то друзья и родственники, проводивъ его туда, стали прощаться съ нимъ и со слезами на глазахъ обвивали его въ послѣдній разъ. Онъ сказалъ тогда имъ:

«Друзья, вы въ послѣдній разъ видите меня въ живыхъ; пришелъ часъ, когда исполнится молитва, чего я жду свыше вотъ уже сорокъ лѣтъ». Друзья его пожелали узнать, что то была за молитва. Аль-Мосгафи разсказалъ имъ, какъ въ правленіе Ан-Насира (Абдуррахмана III), онъ былъ виновникомъ заключенія въ темницу одного человѣка, оставшагося въ ней очень долго. «Однажды ночью, говорилъ Аль-Мосгафи, я слышу во снѣ голосъ: «освободи такого-то изъ темницы, и малѣйшая его молитва о тебѣ — будетъ исполнена». Я повиновался и освободилъ его. Призвавъ его къ себѣ на домъ, я разсказалъ ему свой сонъ и попросилъ его помолиться обо мнѣ. На это отвѣчалъ онъ мнѣ: «Я молю Бога, чтобы все виновники моего заключенія кончили свою жизнь въ самой страшной темницѣ». «Теперь, друзья, нѣтъ сомнѣнія, пришло время исполниться этой молитвѣ, такъ какъ я былъ однимъ изъ виновниковъ его несчастія, и хотя въ послѣдствіи раскаялся, но было уже поздно».

Аль-Мосгафи умеръ въ крѣпости, тѣло его было отдано друзьямъ для погребенія; слѣдующій разсказъ заимствуемъ у одного изъ катибовъ аль-Манзора, по имени Могаммеда Ибнъ-Измаила. «Однажды, говоритъ онъ, я сопровождалъ Могаммеда Ибнъ-Мослема въ Аз-загру, ѣхавшаго за тѣломъ Джафара Ибнъ-Отмана аль-Мосгафи, чтобы отдать его друзьямъ и родственникамъ, какъ то было приказано аль-Манзоромъ. Мы пришли въ комнату покойника и нашли его трупъ на постели, покрытый старымъ изорваннымъ плащомъ, который накинулъ на него одинъ изъ крѣпостныхъ сторожей. Тѣло обмыли на дверяхъ, которыя сняли съ петель въ одной изъ комнатъ; потомъ повезли его на кладбище, при чемъ не было никого, кромѣ имама изъ мечети, читавшаго надъ нимъ погребальныя молитвы, и тѣхъ изъ его сыновей, которые въ то время нашлись случайно въ Кордовѣ. Такое зрѣлище заставило меня призадуматься о непостоянствѣ счастья; я вспомнилъ, какъ однажды на моихъ глазахъ ѣхалъ Джафаръ изъ своего дома во дворецъ халифа, сопровождаемый многочисленною толпою родственниковъ и друзей. Улицы и площади, по которымъ онъ проѣзжалъ, были набиты людьми всякаго рода: кто желалъ просто

видѣть его, кто имѣлъ до него просьбу. Я самъ держалъ записку для него, пробился черезъ толпу и вручилъ ее одному изъ его кативовъ или секретарей, ѣхавшихъ подлѣ него. Вскорѣ послѣ того аль-Манзоръ сталъ врагомъ Джафара, то заключалъ его въ темницу, то таскалъ его съ собою во все свои походы, обращался съ нимъ съ величайшимъ презрѣніемъ. Мнѣ удалось, въ одну изъ нашихъ экспедицій въ Галицію, поставить свою палатку подлѣ Джафаровой. Очень хорошо помню, какъ аль-Манзоръ отдалъ приказъ — ночью въ лагерь нигдѣ не зажигать огней, чтобы непріятель не открылъ нашей позиціи, и, клянусь Аллахомъ, я видѣлъ, какъ Джафаръ возился съ маленькою жаровнею, ловко пряталъ ее подъ свой плащъ и раздувалъ на ней огонь. Я видѣлъ болѣе, видѣлъ, какъ Отманъ, сынъ Джафаровъ, несъ въ его палатку большое корыто крупчатой муки, размѣшанной въ водѣ — единственная пища! которою отецъ и сынъ удовлетворяли теперь свой голодъ. Я слышалъ, тогда говорилъ Отманъ: «Напрасно тоскую я о перемѣнѣ своей участи; вижу — несчастія приходятъ ко мнѣ такъ вѣрно, какъ свободная дѣвушка на назначенный вечеръ. Клянусь Аллахомъ! Проходятъ дни, а меня вѣчно преслѣдуетъ мысль о нашей несчастной судьбѣ! Дни неизмѣнно приводятъ за собою ряды бѣдствій, дни, съ которыми простились всякія радости и всякое счастье. Ночи, тяжкіе часы которыхъ никакое занятіе не можетъ заставить забыть, и въ которые самое несчастіе мое не въ силахъ ничего выдумать для того, чтобы разсердить меня. Но что такое все дни наши, какъ не тучи, проливающія дождь то во благо, то во вредъ землѣ». (II, 180 — 185).

Какъ ни пристрастны Арабскія извѣстія о характерѣ Джафара, однако величавый образъ этого замѣчательнаго человѣка живо рисуется передъ вами. Несмотря ни на разстояніе нѣсколькихъ вѣковъ, отдѣляющихъ его отъ насъ, ни на глубокую разницу нашихъ съ нимъ вѣрованій, какъ-то невольно остановишься передъ этой строгой, задумчивой личностью, сорокъ лѣтъ и на высотѣ почестей терпѣливо ожидающей себя кончины въ мрачной темницѣ, не любящей излишней роскоши и великолѣпія, гордо презирающей пустяя внѣшнія приличія.

Первый визирь, гаджибъ, Джафаръ добровольно отказывается занимать первое мѣсто въ совѣтѣ визирей, и садится на ряду со всѣми. Одинъ такой поступокъ въ обществѣ Азіятскомъ обличаетъ человѣка необыкновеннаго. Холодное и высокомерное его обращеніе, многихъ отъ него отбивавшее, обличаетъ характеръ гордый и непреклонный, впрочемъ ясно обнаруженный Джафаромъ и въ самомъ предсмертномъ прощаніи его съ друзьями. Его послѣднія слова имъ (не имѣемъ никакой причины не довѣрять этому разсказу): «теперь пришло время исполниться молитвъ: *я былъ однимъ изъ виновниковъ его несчастія и хотя въ послѣдствіи раскаялся, но было уже поздно!*» — чрезвычайно знаменательны. Въ нихъ слышна глубокая скорбь благородной души, не удовлетворяемой ученіемъ Корана, чистымъ проявленіемъ Азіятскаго духа. Джафаръ былъ когда-то однимъ изъ виновниковъ заключенія въ темницу одного несчастнаго, и вотъ однажды ночью во снѣ онъ слышитъ голосъ: *«Освободи его изъ темницы и всякая молитва его о тебѣ будетъ услышана»*. Такіе упреки, такой внутренней голосъ и быстрое исполненіе его внушеній знакомятъ насъ съ сердцемъ Джафара, честнымъ и любящимъ, что впрочемъ видать уже и изъ нѣжнаго его обращенія съ аль-Манзоромъ, постоянно строившимъ козни противъ него и на послѣдокъ окончательно его погубившимъ. Человѣкъ твердой воли, нѣжнаго сердца, Джафаръ былъ разборчивъ въ своихъ средствахъ и не считалъ подобно аль-Манзору, этому типическому Арабу-мусульманину XV., за то и столь любимому, и популярному, для достиженія цѣли всякую мѣру дозволенною. «Ибнъ-Гайянъ говоритъ, что между гаджибомъ, аль-Мосгафи и Галибомъ, правителемъ Мединацели, существовала великая вражда и неприязнь. Галибъ пользовался огромнымъ вліяніемъ и всегда дѣйствовалъ вопреки аль-Мосгафи, и тѣмъ подрывалъ его авторитетъ. Аль-Мосгафи жаловался на то визирямъ, своимъ товарищамъ, которые совѣтовали ему помириться съ нимъ, а не усиливать вражды. Аль-Манзоръ, опасаясь ихъ примиренія, рѣшился завязать дружбу съ галибомъ для того, чтобы съ его помощію приготовить паденіе Джафара».

Мы видимъ образъ дѣйствій, совершенно противоположный аль-Манзорову. Тогда еще могущественный, Джафаръ не пы-

тается однако умертвить Галиба; онъ ищетъ законныхъ путей и жалуется своимъ товаришамъ визирямъ. Въмѣсто того, чтобы напр. отравить Галиба, онъ проситъ для своего сына руки его дочери. Аль-Манзоръ, неистощимый на хитрости и козни, устраиваетъ предположенную свадьбу средствами самыми нечистыми. Историки, столь явно не любившіе аль-Мосгафи, не преминули бы рассказать о томъ, если бы онъ дѣйствительно питалъ какіе-нибудь злостные замыслы противъ аль-Манзора, который бы и самъ не умолчалъ о нихъ и непременно поставилъ бы ихъ на видъ, заключая Джафара въ темницу. Нѣтъ, онъ обвиняетъ его въ расхищеніи государственной казны. Тоже говоритъ аль-Макари и отъ себя. Тѣмъ не менѣе у него же читаемъ: «аль-Манзоръ сталъ возстановлять Гишама противъ аль-Мосгафи, его дѣтей, родственниковъ, друзей и противъ всѣхъ, имѣвшихъ съ нимъ какія-либо сношенія. Отъ нихъ былъ потребованъ подробный отчетъ въ государственныхъ суммахъ, прошедшихъ черезъ ихъ руки; *по самымъ ничтожнымъ основаніямъ, ихъ заставили уплатить государственныя суммы и тѣмъ довели до крайней нищеты*».

Ознакомившись такимъ образомъ съ характеромъ Джафара, мы необходимо приходимъ къ вопросу: былъ ли онъ главнымъ и единственнымъ виновникомъ убійства аль-Могейры, дяди Гишамова? и аль-Манзоръ, собственноручно умертвившій аль-Могейру, былъ ли только простымъ орудіемъ Джафара? Справедливо ли наконецъ восклицаніе аль-Макари или лучше Ибнъ-Бассама при рассказѣ о нечальной судьбѣ Джафара, постигшей его въ слѣдствіе происковъ аль-Манзора, «достойное наказаніе за убійство аль-Могейры и за его старанія посадить на престолъ Гишама!»

Вѣроятно ли при тѣхъ свѣдѣніяхъ, которыми мы располагаемъ о Джафарѣ, чтобы онъ былъ главнымъ и единственнымъ виновникомъ смерти аль-Могейры? До насъ дошелъ одинъ рассказъ (не довѣрять которому нѣтъ никакого основанія), о томъ, какъ томили и волновали Джафара угрызения совѣсти за то, что былъ виновникомъ и даже не единственнымъ, заключенія въ темницу какого-то бѣдняка; какъ онъ долго не могъ забыть этого, наконецъ, самъ вспомнивъ объ этомъ поступкѣ, освободо-

диль того несчастнаго изъ темницы, руководясь въ этомъ случаѣ однимъ влеченіемъ своего сердца и, призвавъ его къ себѣ, просилъ помолиться о немъ, въ той увѣренности, что молитва освобожденнаго имъ несчастнаго непременно дойдетъ до Бога. Но мусульманская вѣра въ судьбу воспитала его и онъ терпѣливо въ продолженіи сорока лѣтъ выжидаетъ исполненія той страшной молитвы, убѣжденный такъ: «Я раскаялся, но было уже поздно.» Если Арабскіе историки справедливы, увѣряя, что несчастія, его постигшія, достойно и праведно казнили его за убійство аль-Могейры, то какимъ образомъ самъ Джафаръ, столь требовательный къ себѣ, не раскаявался передъ смертью въ убійствѣ аль-Могейры, Джафаръ, котораго терзала мысль, что онъ попустилъ заключить въ темницу какого-то неизвѣстнаго, мало виновнаго? Кровь требуетъ крови, и совершивъ преступленіе однажды, человѣкъ на немъ не останавливается, а идетъ дальше. Положимъ, что аль-Мосгафи совершилъ это преступленіе уже въ преклонныхъ лѣтахъ, и не оправдываемое его предъидущими поступками, его прежнею жизнію, оно могло не имѣть никакихъ предшествующихъ примѣровъ, но уже ни въ коемъ случаѣ нельзя допустить, чтобы оно могло остаться для Джафара безъ всякихъ послѣдствій. Или бы пало оно ему тяжелымъ камнемъ на грудь, — но того нѣтъ и слѣда въ предсмертномъ его прощаніи съ друзьями, когда онъ громко кается въ своихъ грѣхахъ и безъ ропота покоряется судьбѣ, которой безусловно вѣритъ, какъ истый мусульманинъ, — или же (что гораздо естественнѣе ожидать отъ всякаго сильнаго, твердаго характера, какимъ напр. обладалъ и Джафаръ) совершенное имъ преступленіе развило бы въ немъ неутолимую жажду пролитія новой крови, но таковъ ли его образъ дѣйствій съ Галибомъ и аль-Манзоромъ, его могучими противниками и заклятыми врагами? — Нужно ли и даже возможно ли представлять себѣ аль-Манзора какимъ-то безмолвнымъ орудіемъ Джафара? какимъ то тупымъ, слабымъ и нераспорядительнымъ человѣкомъ, который для каждаго новаго шага нуждается въ новыхъ приказаніяхъ? Ибнъ-Бассамъ говоритъ: «Джафаръ поспѣшно отправилъ Могаммеда съ частью войска во дворецъ аль-Могейры съ повелѣніемъ умертвить его. Ибнъ-Аби-Амиръ засталъ его въ совер-

щенной неизвѣстности на счетъ всего случившагося. Онъ увѣдомилъ его о смерти брата и о вступленіи на престолъ его племянника Гишама. Аль-Могейра, глубоко пораженный этою вѣстью, сказалъ однако: «Я слушаюсь приказаній моего новаго повелителя». Не зная, какъ поступить, Ибнъ-Аби-Амиръ послалъ письмо къ Джафару, увѣдомляя его обо всемъ и ожидая его дальнѣйшихъ приказаній. Ответъ былъ слѣдующій: «Схватить и умертвить его, если же ты не исполнишь порученія, я пошлю другаго»: «аль-Могейра былъ убитъ» — прибавляетъ Ибнъ-Бассамъ, конечно аль-Манзоромъ, который рѣшился на это убійство вопреки своему желанію, по чистой необходимости, изъ боязни послушаться Джафара. Слѣдовательно вся вина этого преступленія падаетъ на аль-Мосгафи, аль-Манзоръ былъ въ этомъ случаѣ его покорнымъ слугою, его безгласнымъ орудіемъ. Онъ даже противился этому преступленію, на сколько могъ, медлилъ поднять руку на аль-Могейру, растроганный, послалъ даже Джафару письмо, въ надеждѣ умилоостивить и разжалобить этого порочнаго, злаго человѣка, чтобы умыть по крайности свои руки и очистить свою совѣсть.

По всей вѣроятности аль-Макари повторяетъ Ибнъ-Бассамъ, когда восклицаетъ съ благороднымъ негодованіемъ о Джафарѣ: *«достойное наказаніе за убійство аль-Могейры!»*

Но правдиво ли это сказаніе? таковъ ли былъ дѣйствительно аль-Манзоръ, страстный, быстрый и рѣшительный, не оставивавшійся на полдорогѣ, не робѣвшій ни передъ какимъ злодѣйствомъ, лишь бы достигъ своей цѣли? Но быть можетъ я ошибаюсь и неправильно понимаю этого замѣчательнаго дѣятеля, любимѣйшаго героя Испанскихъ Арабовъ.

Дози, лучший въ настоящее время знатокъ исторіи мусульманской Испаніи, вотъ, какъ рисуется аль-Манзора: «dans le quatrième siècle de l'Hégire (X в. по Р. X.) un seul homme parvint non seulement à frapper d'impuissance le khalife, son maître, mais à renverser sinon la noblesse, du moins les nobles d'alors. Cet homme, qui ne reculait devant aucune lâcheté, devant aucun crime, devant aucun meurtre, pourvu qu'il arrivât au but de son ambition; cet homme, profond politique et le plus grand général de son temps, l'idole de l'armée et du peuple, celui que la fortune

favorisait dans toutes les occasions; cet homme c'était le terrible premier ministre, le Hádjib de Hisham II, c'était Almanzor». (р. 2 — 3).

Предоставляю судить безпристрастному читателю, поступаю ли я критически, совершенно отвергая рассказ Ибнъ-Бассама, какъ не только не правдоподобный, но и совершенно противорѣчащій всему, что извѣстно намъ объ аль-Манзорѣ и о Джафарѣ.

Ибнъ-Адари, на сколько намъ извѣстенъ его рассказъ изъ передачи Дози, говоритъ: «Поданъ былъ совѣтъ умертвить аль-Могейру. Совѣтъ былъ принятъ Джафаромъ. *Аль-Манзоръ самъ вызвался умертвить его и дѣйствительно умертвилъ бѣднаго князя, еще ничего не знаваго о смерти своего брата*».

Здѣсь видимъ, что первая мысль объ убійствѣ аль-Могейры родилась не у Джафара. Кѣмъ же была подана эта мысль? Ужъ не аль-Манзоромъ ли, который самъ же и вызвался убить князя? Это извѣстіе гораздо болѣе похоже на правду, чѣмъ Ибнъ-Бассамо, хотя при чтеніи его невольно рождаются и къ сожалѣнію остаются безотвѣтными вопросы—что до сего времени дѣлалъ аль-Манзоръ? оставался ли въ праздности? зналъ ли онъ о существованіи цѣлой партіи въ Кордовѣ, державшейся аль-Могейры? предугадывалъ ли онъ планы противниковъ Гишама, такъ какъ его возвышеніе началось еще при аль-Гакемѣ?

Абу-Зейдъ Абдуррахманъ Ибнъ-Могаммедъ Ибнъ-Халдунъ (1332 † 1406 г.), Арабскій историкъ, о событіяхъ по смерти аль-Гакема рассказываетъ нѣсколько иначе. Повторимъ его слова, передаваемыя намъ компиляторомъ аль-Макари: «По смерти халифа аль-Манзоръ самъ вызвался и умертвилъ его брата аль-Могейру, бывшего главою особой, сильной партіи въ Кордовѣ. *Съ помощію Джафара, Галиба и Славянскихъ дворцовыхъ внуковъ, начальниками которыхъ въ то время были Файикъ и Джодаръ, черезъ два дня спустя по смерти аль-Гакема Могаммедъ умертвилъ аль-Могейру въ его собственномъ дворцѣ и Гишамъ былъ провозглашенъ халифомъ безъ малѣйшаго сопротивленія*».

Здѣсь уже прямо выступаетъ аль-Манзоръ главнымъ дѣятелемъ кровавой драмы; любопытно и то, что здѣсь и Файикъ и Джодаръ, по крайности другіе Славяне являются сторонни-

ками Гишама, за одно съ Джафаромъ, который тутъ только помогаетъ аль-Манзору.

Какъ бы то ни было, приведенныхъ мною извѣстій достаточно, чтобы уразумѣть необходимость собрать все подлинныя извѣстія объ этихъ событіяхъ и переработать ихъ критически; тогда, быть можетъ, еще яснѣе предстанетъ то великое участіе, которое принималъ аль-Манзоръ во всѣхъ этихъ событіяхъ, и станетъ еще понятнѣе, что Джафаръ не былъ и не могъ быть главнымъ и первымъ виновникомъ убійства аль-Могейры.

Аль-Макари называетъ его *Славяниномъ*. Его разладъ съ Файкомъ и Джодаромъ не можетъ служить доказательствомъ противъ Славянскаго его происхожденія. Его привязанность къ поднявшему его покойному халифу и истекавшая быть можетъ изъ признательности къ отцу вѣрность его сыну могли быть весьма удобными струнами, ловко задѣвъ которыя аль-Манзоръ легко могъ вооружить его противъ другихъ Славянъ, которые въ надеждѣ новыхъ почестей, уже быть можетъ обѣщанныхъ аль-Могейрою, также легко могли стать приверженцами послѣдняго. Ни аль-Могейра, ни аль-Манзоръ не могли оставаться простыми зрителями въ послѣдніе годы царствованія аль-Гакемова, и тотъ и другой конечно искали себѣ приверженцевъ въ служившихъ при дворѣ Славянахъ, какъ людей приближенныхъ и игравшихъ великую роль въ дворцовыхъ интригахъ. Усилій этихъ двухъ лицъ, кромѣ другихъ обстоятельствъ, легко-оставшихся намъ неизвѣстными, было довольно, чтобы произвести раздоръ въ Славянской сторонѣ. Такимъ образомъ нѣтъ никакой необходимости признавать Джафара *Славяниномъ* не въ собственномъ смыслѣ, а напр. Нѣмцемъ или другимъ какимъ Европейцемъ.

Его иностранное происхожденіе и его Европейская натура, проявляющаяся въ его поступкахъ и образѣ дѣйствій, удачно объясняютъ и оправдываютъ, несмотря на его великія достоинства, ту непріязнь и то враждебное къ нему расположеніе Арабовъ, что такъ рѣзко поражаютъ васъ и при чтеніи о немъ отзывовъ Арабскихъ писателей и при мысли о той популярности, которая окружала счастливаго, воинственнаго противника его

аль-Манзора, который превосходилъ его въ дѣлѣ ратномъ, но далеко уступалъ ему и въ благородствѣ и въ умственномъ образованіи и въ способностяхъ государственныхъ. Дѣйствительно Джафаръ аль-Мосгафи не только обладалъ высокимъ поэтическимъ талантомъ и по свидѣтельству самихъ Арабовъ былъ однимъ изъ лучшихъ поэтовъ Андалузіи¹, но и отличался необыкновеннымъ государственнымъ умомъ. Рабъ и иностранецъ, онъ достигъ высшихъ почестей и несмотря на всю нелюбовь къ нему народа, держался на высотѣ при трехъ государяхъ: умѣлъ, значить, стать необходимымъ. При Абдуррахманѣ III († 961 г.) онъ уже пользовался такою властью, что могъ заключать въ темницу; тотчасъ по его смерти, его преемникомъ онъ былъ назначенъ въ первые министры, въ каковомъ званіи оставался онъ нѣкоторое время и при слабомъ Гишамѣ, и даже первое время съ успѣхомъ боролся съ опаснымъ своимъ противникомъ аль-Манзоромъ. Весьма вѣроятно, что послѣднему побѣда была облегчена уже ослабленіемъ Славянской стороны. Возбудивъ Джафара, говоритъ Ибнъ-Халдунъ, противъ Славянъ, служившихъ при дворѣ, аль-Манзоръ выгналъ ихъ всѣхъ изъ дворца, хотя ихъ было болѣе восьми сотъ человѣкъ. Ибнъ-Бассамъ рассказываетъ, что онъ распустилъ Славянскую гвардію и разсѣялъ ее по странѣ, казнивъ самыхъ значительныхъ изъ нея лицъ².

1. Андалузскій Арабъ Ибнъ-Газмъ, перечисляя заслуги своихъ соотечественниковъ въ литературѣ и въ просвѣщеніи, въ доказательство того, что они нисколько не ниже Арабовъ Азійскихъ и Африканскихъ, между прочимъ замѣчаетъ: «Относительно поэтовъ довольно одного Ибнъ Дарраджъ Аль-Кастали, чтобы доставить намъ великую честь; но что ты скажешь, если привести такіа знаменитыя имена, каковы *Джафара Ибнъ Отмана аль-Гаджиба*, Ахмеда Ибнъ Мервана....» (Al-Makkarî I, 190). О художественномъ вкусѣ Джафара свидѣтельствуеъ его дворецъ, одно изъ великолѣпнѣйшихъ зданій въ окрестностяхъ Кордовы, подъ названіемъ *Альмосгафія*. Онъ былъ окруженъ великолѣпными садами, съ гротами, фонтанами и пр. (Al-Makkarî, I, 212, 489).

2. Изъ вышеприведенныхъ словъ Ибнъ-Адари (по Дози) видно, что аль-Манзоръ не всѣхъ Славянъ разогналъ: около пятисотъ человѣкъ сманилъ онъ на свою сторону и назначилъ имъ богатое содержаніе. Случайно и мимоходомъ упоминается у аль-Макари о тысячѣ Славянъ, служившихъ во дворцѣ аль-Манзора Аз-загира, котораго не надо смѣшивать съ дворцомъ Абдуррахмана III Аз-загра. (I, 243—244. См. тамъ же I, 133—134. Также Дози: Rech. I, 28).

VIII. Нещадно карая своихъ соперниковъ, оставляя въ покоѣ однихъ слабыхъ и безопасныхъ ему вельможъ, аль-Манзоръ былъ настоящимъ халифомъ, хотя и назывался только первымъ министромъ Гишама II, личности ничтожной, слабодушной. По смерти аль-Манзора († 1002 г.) сынъ его Абду-малекъ заступилъ его мѣсто при Гишамѣ II, который не измѣнялъ себѣ ни при немъ, ни по смерти его († 1008 г.) при его братѣ, Абдуррахманѣ. Этотъ послѣдній даже принудилъ Гишама назначить его своимъ преемникомъ, на что и не замедлило воспослѣдовать высочайшее разрѣшеніе халифа, котораго было бы несправедливо упрекать за излишнюю твердость и настойчивость. Въ ноябрѣ 1008 г. Абдуррахманъ принялъ званіе наслѣдника. Такая мѣра не нравилась многимъ высшимъ сановникамъ и лицамъ придворнымъ. Особенно же негодовали Оммаяды и Корашиты. Они составили заговоръ и, въ 1009 г., когда Абдуррахманъ находился въ походѣ, овладѣли халифскимъ дворцомъ въ Кордовѣ и провозгласили гаджибомъ Могаммела, сына Гишамова, правнука Абдуррахманова, одного изъ потомковъ Кордовскихъ халифовъ. Онъ былъ прозванъ Могаммедомъ аль-Магди.

Абдуррахманъ, при первомъ извѣстіи о случившемся, вернулся изъ похода, но войско его покинуло. Онъ былъ схваченъ и убитъ.

Однако аль-Магди не удовольствовался званіемъ гаджиба, заключилъ Гишама въ отдаленнѣйшіе покои дворца, распустилъ слухъ, что онъ умеръ и самъ принялъ званіе халифа и имама. «Въ числѣ его первыхъ распоряженій, говоритъ аль-Макари, было приказаніе схватить и казнить главнѣйшихъ лицъ, принадлежавшихъ къ партіи Амиридовъ».

Берберы, не любившіе Абдуррахмана, охотно и скоро передались на сторону аль-Магди. Однако Оммаяды не могли же забыть, что Берберы были главнѣйшими пособниками аль-Манзора и его сыновей. Амириды же отъ души ненавидѣли ихъ и, если бы не ихъ единодушіе и многочисленность, они были бы истреблены до одинаго. При всякомъ удобномъ случаѣ Берберамъ наносимы были оскорбленія; однажды даже дома ихъ старшинъ и начальниковъ не мало пострадали отъ черни Кор-

довской. Аль-Магди, хотя и наказалъ виновныхъ, однако самъ сильно ненавидѣлъ Берберовъ и никогда не пренебрегалъ никакимъ случаемъ, чтобы выразить всю неприязнь свою къ нимъ.

Берберы составляютъ заговоръ съ тѣмъ, чтобы низвергнуть Гишама и возвести вмѣсто него другаго халифа изъ Оммаядовъ, именно Гишама, сына Сулейманова, внука Аннасирова. Но заговоръ былъ открытъ, Гишамъ и братъ его Абу-Бекръ были казнены. Племянникъ убитаго Гишама, Сулейманъ бѣжалъ изъ Кордовы къ Берберамъ, находившимся въ то время внѣ города и твердо рѣшившимся отмстить жителямъ Кордовы. Сулейманъ съ ихъ помощію овладѣлъ столицею, но аль-Магди снова удалось утвердиться въ Кордовѣ, хотя и не надолго: онъ былъ убитъ въ августѣ 1010 г.

Гишамъ II, бывшій доселѣ въ заключеніи и скрываемый отъ народа, оставался теперь повелителемъ до апрѣля 1013 г., когда Сулейманъ съ своими Берберами вторично вступилъ въ Кордову. Страшныя казни и убійства послѣдовали тотчасъ за тѣмъ. Халифъ Гишамъ былъ одною изъ жертвъ. Сулейманъ царствовалъ до 1016 г. За тѣмъ смуты и волненія не прекращались при его преемникахъ. Андалузія, нѣкогда сильное, могущественное тѣло, распалась на отдѣльныя независимыя королевства, многіе владѣтели которыхъ были люди весьма замѣчательные, покровительствовали наукамъ и литературѣ, но были безсильны съ успѣхомъ противустать все болѣе и болѣе выросшимъ силамъ христіанъ. Въ XI в. мусульманское владычество въ Испаніи потерпѣло роковой ударъ и послѣ того оно уже никогда не подымалось на степень прежней славы и могущества. Этотъ періодъ разложенія внутреннихъ основъ мусульманскаго государства, особенно важенъ и для исторіи Славянской стихіи въ Испаніи. Тогда особенно выказались и ея сила и значеніе, хотя въ то же время XI в. увидѣлъ и ея паденіе.

Аль-Манзоръ, погубившій и разсѣявшій весьма многихъ Славянъ, не задавилъ вовсе ихъ партіи, напротивъ весьма многихъ изъ нихъ онъ привлекъ на свою сторону и умѣлъ ихъ искусно противопоставлять противникамъ ихъ Берберамъ; онъ ловко держалъ эти двѣ враждебныя стороны въ равновѣсіи, не позволяя усиливаться ни одной изъ нихъ. Точно также сохраняла

свое значеніе сторопа Славянская и въ управленіе обоихъ его сыновей. Дѣйствительно, при слабодушномъ Гишамѣ II и въ правленія его гаджибовъ, многіе Славяне не только занимали болѣе или менѣе значительныя мѣста при дворѣ, въ Кордовѣ, но и управляли отдѣльными городами и мѣстами. Такъ Славянинъ Вади былъ правителемъ въ Мединанели, другой въ Альмеріи, третій въ Балахосѣ.

Здѣсь весьма естественно возникаетъ вопросъ (за невѣдѣніемъ данныхъ остающійся пока безъ всякаго разрѣшенія): не занимали ли подобныя мѣста Славяне и при прежнихъ халифахъ, въ IX и въ X в?

Не покидая вовсе Гаянгоса, я буду теперь чаще прибѣгать къ Дози, всегда стараясь какъ можно ближе держаться его словъ, чтобы читателю удобнѣе было провѣрять наши соображенія.

Отношенія аль Манзора къ Славянамъ всего лучше обрисованы въ слѣдующихъ двухъ мѣстахъ изслѣдованій Дози.

«Можно рѣшительно сказать, что по завоеваніи Испаніи Арабами, въ ней стала господствовать знать, аристократія. Восточные халифы, Оммаяды, находились слишкомъ далеко для того, чтобы имѣть возможность наблюдать за дѣйствіями своихъ намѣстниковъ въ Испаніи; сверхъ того еще лежала на нихъ тяжелая борьба и съ внутренними и съ внѣшними врагами. Но когда, по вступленіи Абассидовъ, послѣдняя отрасль Оммаядовъ, Абдуррахманъ, спасшійся отъ палачей своей семьи, бѣжалъ въ Андалузію, то народъ, усталый отъ внутреннихъ смуть, произведенныхъ аристократами и всегда предпочитавшій монархію правленію аристократическому, съ восторгомъ провозгласилъ его своимъ государемъ. Даровитые Оммаяды долго умѣли держать аристократовъ въ повиновеніи¹. Въ четвертомъ вѣкѣ Геджиры (въ X в. по Р. X.) является одинъ человѣкъ, не только отивавшій

1. Славянская гвардія въ этомъ отношеніи могла быть весьма удобнымъ орудіемъ. Гдѣ масса, народъ, какъ напр. на востокѣ, лишень самообладанія, самоуправленія, этого перваго и почти единственнаго условія для благосостоянія частнаго и общественнаго, тамъ всегда чередуются безумныя распри олигарховъ-аристократовъ съ дикимъ произволомъ деснота, опирающагося на наемникахъ-иностранныхъ.

всю власть у халифа, своего государя, но и поразившей на голову если не аристократію, то тогдашнихъ ея представителей. Человѣкъ этотъ не останавливался ни передъ какою подлостію, ни передъ какимъ преступленіемъ, ни передъ какимъ убійствомъ, лишь бы достигнуть своихъ цѣлей; глубокой политикъ и величайшей полководецъ своего времени, любимецъ арміи и народа, всегда покровительствуемый счастіемъ, то былъ грозный первый министръ, гаджибъ Гишама II, аль-Манзоръ. Думая единственно объ утвержденіи своей власти, онъ постепенно губилъ всѣхъ сильныхъ и могущественныхъ аристократовъ, казавшихся ему опасными; но онъ и не помышлялъ объ истребленіи самой аристократіи: не только не отнималъ отъ нея поземельныхъ ея владѣній, но даже былъ другомъ тѣхъ вельможъ, которыхъ нечего было опасаться. Дѣйствительно нѣсколько времени спустя по смерти аль-Манзора, аристократія встаетъ съ большею, чѣмъ когда либо, силою. Власть халифовъ, ослабленная самимъ аль-Манзоромъ, замѣтно упала, и вельможи, пользуясь безсиліемъ законнаго государя, отказали ему въ своемъ повиновеніи и изъ областей, гдѣ они были правителями, образовали независимыя княжества. Въ свою очередь и любимцы аль-Манзоровы, начальники войскъ Славянскихъ (*les capitaines des troupes slaves*) и Берберскихъ, успѣли встать въ уровень съ мусульманскою знатію и съ начала V в. Геджиры Испанія распалась на множество отдѣльныхъ государствъ и была управляема аристократіею? ¹

Въ другомъ мѣстѣ у Дози читаемъ: «Дворцовые евнухи, хотя сами рабы, владѣли землями и имѣли у себя въ услуженіи огромное количество рабовъ. Между рабами Файика находился Сабуръ ², какъ говоритъ Ибнъ-Гайянъ: однако онъ носилъ прозваніе аль-Амири, слѣдоват. состоялъ на службѣ у

1. Rech. I, 2—3.

2. Этотъ Сабуръ, природный Славянинъ, былъ царькомъ въ Бадахосѣ въ 1009—1016 г. См. Dozy: Rech. I, 172, 207. Другой слуга Файика Амиръ Ибнъ-Фатухъ аль-Файики былъ правителемъ въ Малагѣ около 1013 г. и даже раньше. Выше приведець у насъ рассказъ Ибнъ-Адари (по Дози); изъ него же узнаемъ, что люди Файика, по наущеніямъ Джафара, а вѣроятно и аль-Манзора, подали донось на своего господина. Изъ числа этихъ-то слугъ, измѣнившихъ Файику, и были, по всей вѣроятности, и Сабуръ и Фатухъ. Тотъ и другой носили прозвище

аль-Манзора. Онъ могъ попасть къ нему на службу при двухъ случаяхъ, очень возможно, что онъ оставилъ своего господина, Файика, по убіеціи аль-Могейры, когда аль-Манзоръ привлекъ на свою сторону пять сотъ евнуховъ (разумѣется съ ихъ служителями, домочадцами); если Сабуръ покинулъ своего господина при этомъ случаѣ, Ибнъ-Аби-Амиръ былъ довольно могущественъ, чтобы не обращать вниманія на требованія Файика, который впрочемъ имѣлъ много заботъ и безъ хлопотъ о выдачѣ ему какого нибудь раба. Однако мнѣ кажется вѣроятнѣе, что Сабуръ покинулъ своего господина, когда тотъ былъ высланъ вонъ изъ Кордовы и когда значительная часть его помѣстій была конфискована. Какъ бы тамъ ни было, но Сабуръ вступилъ въ службу къ аль-Манзору, который и поручилъ ему управленія Бадахоса.

И такъ люди, бывшіе рабами рабовъ, достигаютъ въ четвертомъ вѣкѣ Геджиры самыхъ высшихъ государственныхъ должностей. Не довѣряя знати и войскамъ Испанскимъ, аль-Манзоръ противопоставилъ имъ вольноотпущенниковъ; продолжая принимать такія мѣры, вредныя, потому что онѣ подрываютъ единство Арабской монархіи въ Испаніи, но уже вошедшія съ нѣкотораго времени въ обычай, онъ раздавалъ своимъ любимцамъ значительныя помѣстья; люди, которые нѣкогда повиновались евнуху, рабу, вмѣстѣ съ волею получаютъ цѣлыя намѣстничества. Потомъ онъ призвалъ въ Испанію Африканскихъ Берберовъ¹ и эти грубые воины толпами явились на его призывѣ. Они пришли въ Испанію (передаемъ собственныя слова историка Арабскаго) тощіе отъ бѣдности, едва покрытые нѣсколькими лохмотьями, но вскорѣ они уже красовались по улицамъ Кордовы въ великолѣпныхъ одеждахъ, гарцуя на лихихъ коняхъ;

Амири, а, какъ говоритъ Дози, «прозвище аль-Амири достаточно доказываетъ, что Сабуръ состоялъ на службѣ у аль-Манзора Ибнъ-Аби-Амира, которому онъ и былъ обязанъ своимъ мѣстомъ правителя въ Бадахосѣ, и что онъ не занималъ его до возвышенія аль-Манзора, въ царствованіе аль-Гакема II, какъ о томъ баснословитъ Конде». (Rech. I, 207). Такъ же точно и Фатухъ управлялъ Малагою только со временъ аль-Манзора, а никакъ не раньше.

1. Точно такъ же и халифы IX—X в. призывали, конечно, въ Испанію Славянъ....

поселились во дворнахъ, о какихъ имъ прежде и не снилось. Вскорѣ эти Берберскія войска, которыхъ аль-Манзоръ любилъ и жаловалъ болѣе всѣхъ солдатъ, превышали уже числомъ войска Испанскія. По смерти своего повелителя, пользовавшагося ими для приведенія въ исполненіе своихъ честолюбивыхъ замысловъ, Славяне и Берберы, равно могущественные и владѣвшіе обширными помѣстьями, но принадлежавшіе къ враждебнымъ племенамъ (*à des races ennemies*), стараются захватить въ свои руки верховную власть; каждая изъ этихъ сторонъ, подъ предлогомъ защиты слабаго претендента, стремится къ исключительному господству въ Испаніи. Однако и знатные вельможи изъ туземцевъ стали подымать свою голову; правда, они были еще слабы для того, чтобы образовать свою особую партію и пристають то къ Славянамъ, то къ Берберамъ».

Такъ Афтасиды получили королевство по смерти Сабура. «Обязанные, говоритъ Дози, своимъ государствомъ Амириду, они не признавали государей, которыхъ поддерживали Берберы; стремясь къ утверженію своей власти, они съумѣли сохранить благоразумный нейтралитетъ и тѣмъ избѣжали бѣдствій, постигшихъ партію Славянскую¹».

Теперь ознакомимся съ главнѣйшими дѣятелями Славянской партіи. Замѣчательнѣйшіе Славяне въ мусульманской Испаніи XI в., заслужившіе историческую извѣстность, суть слѣдующіе: Вади, Кайсаръ, Хайранъ, Зогаиръ, Моджегидъ, Сабуръ, Лабибъ и Наджа. Сообщая наши свѣдѣнія о каждомъ изъ нихъ на основаніи изслѣдованій Гаянгоса и Дози, стараюсь какъ можно ближе держаться подлинныхъ словъ этихъ ученыхъ или переводимыхъ ими Арабскихъ авторовъ.

Выше мы уже говорили, что по умерщвленіи Гишама и брата его Абу-Бекра, Сулейманъ, ихъ племянникъ, бѣжалъ къ Берберамъ, бывшимъ тогда внѣ Кордовы. Славянинъ Вади аль-Амири² былъ въ то время правителемъ, намѣстникомъ въ Медианели. Овладѣвъ городомъ Гвадалахарою, Сулейманъ па-

1. Rech. I, 211—213.

2. Gayang. II, 491 etc. выписка изъ Ан-Нуваира. У Гаянгоса *Wadhch*, у Дози *Wadhik* (p. 238 et suiv.).

писаль Вади письмо, приглашая его принять его сторону, но тотъ рѣшительно отказался, ибо тотчасъ же, по убіеніи Абдурахмана, онъ прислалъ свою присягу въ Кордову и объявилъ себя за аль-Магди. Отклонивши выгодныя предложенія Сулеймана, онъ сталъ готовиться къ защитѣ. Между тѣмъ аль-Магди, услыхавъ объ опасности, угрожающей Вади, послалъ къ нему на помощь отрядъ кавалеріи, подъ начальствомъ евпуха (?) Кайсара; послѣ нѣсколькихъ стычекъ съ Берберами, Кайсаръ былъ убитъ, а Вади принужденъ запереться въ городѣ Мединацели. Отсюда Вади отрѣзывалъ всѣ припасы Берберамъ и въ теченіи пятнадцати дней заставлялъ ихъ питаться одною травою. Тогда Сулейманъ обратился съ просьбою о помощи къ Санхо графу Кастильскому, у котораго повѣренные его повстрѣчались съ повѣренными его непріятеля. Берберы обѣщали Санхо все, что обѣщали ему аль-Магди и Вади. Христіане доставили Сулейману всѣ нужные припасы и Берберы, теперь усиленные христіанами, снова подступаютъ къ Мединацели и опять приглашаютъ Вади на свою сторону, но тотъ отказался вторично. Тогда въ сентябрѣ 1007 г., они идутъ на Кордову. Вади выходитъ изъ города и нападаетъ на ихъ аріергардъ, однако былъ разбитъ съ большимъ урономъ, лагерь его былъ разграбленъ и самъ онъ съ немногими приверженцами едва спасся бѣгствомъ въ Кордову. Несмотря на всю близость опасности, аль-Магди проводилъ время въ разсѣяннѣхъ и удовольствіяхъ, не принимая никакихъ мѣръ для защиты столицы. Онъ собралъ войско и расположилъ его на равнинѣ подлѣ Кордовы. По большей части то былъ сбродъ всякаго рода людей, вооруженныхъ какъ ни попало. 9 ноября 1009 г. дано было сраженіе, извѣстное подъ именемъ Кантишскаго, въ которомъ погибло болѣе 20 тысячъ приверженцевъ аль-Магди. Вади удалился въ свое намѣстничество. Аль-Магди, вернувшись въ Кордову, освободилъ изъ заключенія Гишамъ II и послалъ сказать Сулейману, что себя онъ считаетъ не болѣе, какъ первымъ министромъ этого законнаго государя. Однако Сулеймана это не тронуло: онъ вступилъ въ Кордову. Аль-Магди бѣжалъ въ Толедо: все пространство земли съ Тортозы до Лиссабона еще признавало его власть. Сулейманъ его не преслѣдовалъ, а пошелъ осаждать Мединаце-

ли, гдѣ заперся Вади. «Многіе предводители Славянской партіи, — говоритъ Дози, — полагая, вѣроятно, что дѣло аль-Магди потеряно, пристали къ Сулейману, какъ напр. Ибнъ-Мослама, начальникъ королевской гвардіи»¹. Вади изъ Мединацели бѣжалъ въ Тортозу и оттуда прислалъ письмо султану, прося его позволенія вступить къ нему на службу. «Это предложеніе Вади не было искренно, — говоритъ ан-Нуваири: онъ хотѣлъ только выиграть время и усилить сторону своего государя.» Сулейманъ поручилъ ему начальство надъ войскомъ въ верхней Аррагоніи, приказавъ ему продолжать войну противъ невѣрныхъ. Вади вступаетъ тогда въ переговоры съ христіанами, на всѣ ихъ требованія обѣщая согласіе своего государя. Аль-Магди, подкрѣпленный войскомъ христіанъ, поспѣшаетъ изъ Толедо въ Кордову. Недалеко отъ Кордовы, въ іюнѣ 1010 г., сошлись двѣ непріятельскія арміи. Сраженіе было проиграно Берберами единственно по неразумію Сулейманову. «Побѣда, говоритъ Дози, была одержана Каталонцами, такъ какъ войска аль-Магди и Вади не принимали, кажется, большаго участія въ этомъ сраженіи». Вскорѣ Берберы жестоко отомстили за свое пораженіе, разбивъ Каталонцевъ и прочія войска аль-Магди и Вади въ окрестностяхъ Альхесиры; «много Славянскихъ начальниковъ, говоритъ Дози и болѣе трехъ тысячъ христіанъ легло на полѣ сраженія»². Послѣ того уже напрасно упрашивали Каталонцевъ аль-Магди и Вади снова пойти на Берберовъ; они совсѣмъ вышли изъ Кордовы.

Однако аль-Магди не долго оставался въ столицѣ съ Вади, съ войскомъ столицы (*les troupes de la capitale*) и съ полками бывшими подъ начальствомъ Славянскихъ генераловъ (*et les régiments commandés par des généraux slaves*) онъ вышелъ изъ Кордовы и рѣшился напасть на Берберовъ. Но съ уходомъ Каталонцевъ войско аль-Магди утратило свою храбрость. Едва прошло оно 30 миль отъ Кордовы, какъ напалъ на него такой панической страхъ отъ одной мысли, что ему придется биться съ грозными Берберами, что оно тотчасъ же поспѣшило удалиться-

1. Rech. 242.

2. Rech. 246.

ся въ Кордову¹. Тогда аль-Магди приказалъ прорыть ровъ и построить стѣну кругомъ столицы.

Берберы тѣмъ временемъ подошли къ столицѣ и стали грабить и опустошать ея окрестности. Аль-Магди только гулялъ да веселился, а войска его предавались въ городѣ всякому буйству, врывались въ дома мирныхъ гражданъ, отнимали собственность, оскорбляли женъ и дочерей, умерщвляли всѣхъ, кто имъ сопротивлялся. «Такой порядокъ вещей,—говоритъ ан-Нуваири, сильно не нравился Вади, всегда строго его порицавшему; но аль-Магди не обращалъ вниманія на его жалобы и все оставалось по прежнему. Хотя Вади и держалъ сторону аль-Магди, однако въ глубинѣ души онъ ненавидѣлъ его за его поведеніе съ Абдуррахманомъ, у отца котораго, аль-Манзора, Вади былъ *маули* (*mauli*) вольноотпущенникомъ». Онъ рѣшился низвергнуть аль-Магди, который, предвидя грозу, уже было совѣмъ приготовился бѣжать въ Толедо и собралъ всѣ свои драгоценныя вещи и богатства. Но его предупредили. Въ воскресенье, 24 іюля 1010 г., Вади съ своими пограничными войсками и другими Славянами (*et les autres Slaves*) промчался верхомъ по улицамъ Кордовскимъ съ крикомъ: «Повиновеніе, повиновеніе аль-Мувайяду». Отправившись въ покои, гдѣ содержался халифъ (Гишамъ II) и взявъ его съ собою, облекъ его въ царское одѣяніе и посадилъ его на тронъ предковъ. Аль-Магди будучи въ то время въ банѣ, былъ извѣщенъ однимъ Славяниномъ (*par un Slave*)², что аль-Мувайядъ выведенъ изъ дворца. Онъ тотчасъ поспѣшилъ туда и хотѣлъ сѣсть рядомъ съ Гишамомъ II, который сталъ тутъ его упрекать за всѣ свои бѣдствія и страданія. Наконецъ евнухъ Анбаръ взялъ аль-Магди за руку и повелъ его на платформу дворца. Здѣсь Анбаръ обнажилъ свою саблю, чтобы отрубить ему голову, но аль-Магди, изъ чувства самосохраненія сжалъ его въ своихъ объятіяхъ; въ ту же минуту поразили его Славяне своими мечами³.

1. См. Dozy: Rech. 247. У Ан-Нуваири объ этомъ нѣтъ ничего. Gayang. II, 494.

2. У Гаянгоса Ан-Нуваири говоритъ: «Al-muhdi was in the bath, when one of his officers named Ibn-Wadâh»... II, 494.

3. Доэн: «à l'instant même les glaives des Slaves s'abaissèrent sur lui, et bientôt le cadavre d'al-Mahdi» etc. (Rech. 248). Ан-Нуваири у Гаянгоса (II, 495): «In

24 июля 1010 г. Гишамъ II былъ провозглашенъ халифомъ¹ и Вади, ставшій теперь гаджибомъ, первымъ министромъ, немедленно отправилъ голову аль-Магди къ Берберамъ, надѣясь тѣмъ примирить ихъ съ собою и такимъ образомъ утвердить власть Гишама II, а черезъ нее конечно и свое собственное значеніе и вліяніе. Но расчетъ былъ невѣренъ, — Берберы вмѣсто всякаго отвѣта убили его посланниковъ. Тогда Вади сталъ принимать рѣшительныя мѣры къ защитѣ столицы, приказалъ копать рвы и возобновить всѣ прежнія укрѣпленія.

У Могамеда аль-Магди остался по его смерти шестнадцатилѣтній племянникъ, который, имѣя много друзей въ Толедо, бѣжалъ изъ Кордовы въ этотъ городъ, гдѣ жители приняли его съ радостію. Отсюда онъ производилъ безпрестанныя набѣги и умерщвлялъ всѣхъ попадавшихся ему въ руки друзей Вади. Наконецъ одинъ вельможа (a chief) Могарибъ Ат-тоджиби взялъ его въ плѣнъ и послалъ къ Вади, который и велѣлъ его умертвить.

Между тѣмъ Берберы страшно тѣснили окрестности Кордовы, куда стекались всѣ ближніе жители. Вся страна на сѣверъ отъ Кордовы, исключая Толедо и Медианацели подвержена была опустошенію. Войска Кордовскія подняли ропотъ на Вади, который, узнавъ объ этомъ, рѣшился вступить въ переговоры съ Берберами. Онъ отправилъ въ лагерь Сулеймана, какого-то Ибнъ-Бекра, который былъ допущенъ къ личному свиданію съ нимъ; но на возвратѣ своемъ съ отвѣтомъ, онъ былъ убитъ солдатами гарнизона, чему не могли помѣшать, при всемъ своемъ желаніи, ни Гишамъ, ни Вади. Убійцы посадили его голову на древко и носили ее по улицамъ столицы. Узнавъ объ участи своего гонца, Вади рѣшился уже бѣжать къ Берберамъ, но его личный непріятель Ибнъ-Аби-Вада², услышавъ о его намѣреніи бѣжать, отправился въ его домъ со сво-

this position he was pierced by the swords of the Slavonians, the slaves and eunuchs who happened to be there.

1. Gayang. II, 496—497.

2. Конечно тотъ самый Славянинъ, что состоялъ на службѣ у аль-Магди. Преданный этому послѣднему, онъ не могъ простить Вади его убійства. И такъ между самими Славянами не разъ происходили раздоры и несогласія.

ими солдатами, схватилъ его за горло и вытащилъ на улицу. Здѣсь, осыпавъ его упреками за дурное употребленіе общественныхъ суммъ, Ибнъ-Аби-Вада поразилъ его кинжаломъ, за тѣмъ всѣ другіе пошли на него и умертвили. Отрубивъ ему голову, надѣли ее на древко и возили по городу, а трупъ его былъ брошенъ туда, гдѣ еще недавно лежало тѣло аль-Магди. Дома Вади, его друзей и секретарей были разграблены. Ибнъ-Аби-Вада былъ назначенъ въ Кордовѣ губернаторомъ (Wālī-medīnah). Вади былъ убитъ 16 окт. 1011 г.

Сулейманъ взялъ Кордову въ Апрельъ 1013 года. Вотъ все, что могли мы сообщить о Славянинѣ Вади, человекѣ не мало замѣчательномъ, въ теченіи трехъ лѣтъ до самой смерти игравшемъ одну изъ первыхъ ролей въ этой важной политической драмѣ, что захватывала самые существенные интересы мусульманской Испаніи XI в. Какъ ни кратки и ни сухи настоящія свѣдѣнія о Вади, нельзя однако отказать ему въ большихъ достоинствахъ — той твердости его характера, съ которою онъ рѣшительно отклонялъ отъ себя всѣ лестныя предложенія Берберовъ, а послѣдующій его переходъ на сторону Сулеймана, — явленіе весьма обыкновенное въ политическихъ смутахъ и неурядицахъ, — если и обличаетъ въ Вади способность играть своимъ словомъ, тоже къ сожалѣнію не рѣдкою въ политическихъ дѣятеляхъ и новѣйшихъ временъ и народовъ христіанскихъ, то съ тѣмъ вмѣстѣ и доказываетъ, что то былъ человекъ необыкновенной рѣшимости, неуклонно преслѣдовавшій крѣпко обдуманную цѣль, способности завидной, всегда достойной подражанія. Неудача его сраженій съ Берберами, едва ли можетъ падать на него одного, такъ какъ съ одной стороны его отряды не отличались ни особенною храбростію, ни отличною дисциплиною; Берберы же, сильные и воинственные, отличались и особымъ искусствомъ, къ которому еще не привыкли мусульмане Испанскіе; съ другой же стороны, Вади бывалъ не рѣдко связанъ въ своихъ распоряженіяхъ и при всей своей нелюбви къ ничтожному и распутному аль-Магди, онъ невольно, по самому положенію своему не могъ ему не подчиняться. Что касается до дарованій Вади, то они видны кажется и изъ игранный имъ роли и изъ бытности его намѣстникомъ Мединацели, куда

онъ былъ назначенъ вѣроятно еще аль-Манзоромъ, который конечно раздавалъ такія важныя мѣста людямъ, крѣпко къ нему привязаннымъ и разумѣется не бездарнымъ. Если же теперь припомнить слова ан-Нуваири о томъ, что Вади питалъ къ аль-Магди глубокую ненависть за его поведеніе съ Абдуррахманомъ, сыномъ аль-Манзора, то весьма понятно станётъ, что Вади не сдавался на лести, не соблазнялся обѣщаніями Берберовъ, не перешелъ къ Сулейману, подобно другимъ своимъ соплеменникамъ, потому именно, что презирая въ душѣ и Гишамъ II и аль-Магди, видя слабость страны и соблазнительные примѣры аль-Манзора и его сыновей, онъ, первый изъ Славянъ, возымѣлъ смѣлую и гордую мысль завладѣть халифатомъ. Отстаивая аль-Магди, онъ работалъ для себя; едва утвердился онъ въ Кордовѣ, какъ воспользовался первымъ удобнымъ случаемъ, — освободилъ Гишамъ, убилъ аль-Магди и припjalъ званіе гаджиба. Конечно Вади, горячій приверженецъ и вѣрный слуга аль-Манзоровъ, не могъ отличать какую-либо привязанностію къ Гишаму II. Нѣтъ, смерть Абдуррахмана возбудила въ немъ ненависть къ его убійцѣ аль-Магди; оставаясь ей вѣренъ до конца, онъ только присоединилъ къ ней глубокое презрѣніе къ этой ничтожной личности. Тогда-же конечно родилась въ немъ первая мысль заступитъ аль-Манзора: всѣ послѣдующія его дѣйствія были строго рассчитаны и твердо направлены къ достиженію этой цѣли. Иностранецъ, и слѣдовательно не особенно любимый народомъ, хотя и единовѣрецъ, Славянинъ Вади далеко не находился въ тѣхъ благопріятныхъ обстоятельствахъ, что окружали аль-Манзора, имѣвшаго въ Джафарѣ великаго преемника, при которомъ дѣла государственныя не были такъ запущены, какъ послѣ слабыхъ, развратныхъ преемниковъ Вади, Абдуррахмана и аль-Магди. Сверхъ того аль-Манзоръ имѣлъ тогда на своей сторонѣ воинственныхъ Берберовъ, которыхъ, по сложившимся обстоятельствамъ, по самому ходу дѣлъ, привлечь на свою сторону Вади не имѣлъ никакой возможности.

Славянинъ Вади, первый изъ Славянъ задумавшій овладѣть халифатомъ, былъ, какъ видимъ, человекъ не обыкновенный и не дюжинный; въ неудачѣ его предпріятія винить его одного едва ли возможно: много зависѣла судьба его отъ внѣшнихъ

обстоятельствъ и событій, которыя дали дѣлу оборотъ неожиданный.

Отчасти причина неуспѣха предпріятія Славянина Вади заключалась и въ томъ, что сторона Славянская, которой онъ былъ однимъ изъ главнѣйшихъ представителей и на которую онъ преимущественно опирался, что сторона эта не отличалась внутри себя тѣмъ единодушіемъ, которое такъ замѣтно въ враждебной ей сторонѣ Берберской.

При Вади было много Славянъ, то видѣли мы выше; но за то далеко не всѣ Славяне тянули къ нему: одни вскорѣ перешли къ Сулейману, другіе, подобно Ибнъ-Вада, лично привязанные къ аль-Магди, ненавидѣли Вади за его поведеніе съ своимъ покровителемъ, что конечно также, подобно аль-Мацзору, однихъ Славянъ выводилъ изъ низкаго званія, а другихъ притѣсняялъ. Такой раздоръ и такое внутреннее несогласіе рано обнаружилось въ Славянской партіи: то мы видѣли уже на судьбѣ Файика и Джафара. Это обстоятельно едва ли не служить убѣдительнымъ доказательствомъ въ пользу многочисленности Славянъ въ мусульманской Испаніи: только потому и могли среди ихъ образоваться свои партіи.

IX. Въ числѣ представителей Славянской партіи, перешедшихъ на сторону Сулеймана, были кажется кромѣ Хайрана, Славяне Зогаиръ и Моджегидъ¹.

Въ апрѣлѣ 1013 г. Сулейманъ вторично вошелъ въ Кордову. Вскорѣ послѣ того Славяне, какъ тѣ, что оставались въ Кордовѣ, такъ и тѣ, что сперва ему помогали, разсѣялись по странѣ и овладѣли разными городами, въ которыхъ они стали укрѣпляться. Сулейманъ отправилъ противъ нихъ войско подъ начальствомъ Али-Ибнъ-Гаммуда, который, будучи человѣкомъ весьма способнымъ и непомѣрно властолюбивымъ, задумалъ захватить въ свои руки верховную власть въ Андалузіи. Онъ вступилъ въ переговоры съ тѣми вождями, противъ которыхъ былъ посланъ, увѣряя ихъ, что Гишамъ II собственноручно написалъ бумагу, въ которой назначилъ его своимъ преемни-

1. Gayang. II, App. B. p. X. рассказъ аль-Гоманди и Dozy Rech. I, 29 et suiv.

комъ. Увлеченные въ обманъ Славянскіе предводители провозгласили его государемъ. Али изъ Цейты посѣщилъ въ Малагу, гдѣ намѣстникомъ былъ Амиръ-Ибнъ-Фатухъ аль-Файки, вольпоотпущенный (a freedman) Файика, должно быть тоже Славянинъ. Онъ призналъ Али своимъ государемъ и принялъ его въ городъ, гдѣ и войска и жители тотчасъ же провозгласили его халифомъ. Вскорѣ послѣ того Али выгналъ Фатуха изъ Малаги и сталъ одинъ управлять въ ней. Собравшись съ силами, Али двинулся съ Берберами на Кордову, при чемъ помогали ему и Славяне. Кордова была взята, и Сулейманъ собственноручно умерщвленъ имъ, 30 іюня 1016 г. Но Али царствовалъ не долго, такъ какъ Славяне, сначала помогавшіе ему, вскорѣ однако отложились отъ него и, приставъ къ аль-Мортадѣ, двинулись съ нимъ на Гранаду, 29 мая 1017 г. Али-Ибнъ-Гаммудъ былъ убитъ въ банѣ нѣсколькими Славянами, какъ вѣроятно не безъ наущенія тѣхъ Славянскихъ вождей, что пристали теперь къ аль-Мортадѣ¹.

Въ 1017 г. еще при жизни Али-Ибнъ-Гаммуда, аль-Мортада былъ провозглашенъ халифомъ въ Валенсіи и былъ за него признанъ во всѣхъ областяхъ и городахъ, бывшихъ во власти Амиридовъ, между прочимъ и въ Хативѣ (Xativa-San-Felipe) и въ Тортозѣ. Къ аль-Мортадѣ присталъ также и Мондиръ, намѣстникъ Сарагосскій². Однако Али, убитый Славянами, расположенными къ аль-Мортадѣ, тотчасъ же нашелъ себѣ преемника въ братѣ своемъ аль-Касимѣ. Амириды успѣли собрать армию, предводителями которой были Хайранъ, правитель Альмеріи, Моджегидъ, правитель Деніи и Мондиръ Сарагосскій; у нихъ также были союзниками христіане. Изъ восточной Испаніи, въ 1019 г., двинулись они на Кордову, но должны были остановиться, гдѣ былъ намѣстникомъ Берберъ Зави-Ибнъ-Заири, сторонникъ аль-Касима Ибнъ-Гаммуда.

Послѣ бесполезныхъ переговоровъ съ этимъ Берберомъ, аль-Мортада рѣшился наконецъ дать ему сраженіе.

1. Дози замѣчаетъ: «Ce fut sans doute à l'instigation des Amirides que le khalife Ali ibn-Hammoud fut tué dans le bain par des Slaves, vers la fin de cette année». (Rech. I, 38).

2. Dozy: Rech. I, 38 et suiv.

«Между тѣмъ, — по словамъ Дози, — Хайранъ и Мондиръ скоро увидали, что аль-Мортада вовсе не былъ такимъ человекомъ, какого бы они желали имѣть своимъ халифомъ. Они, собственно говоря, мало заботились о правахъ Оммаядовъ, и если стояли за Оммаяда, то единственно въ надеждѣ самимъ царствовать при государѣ слабомъ и ничтожномъ, котораго они могли представить Берберамъ, какъ государя законнаго. Но аль-Мортада, человекъ гордый и надменный, не годился на такую роль и не могъ довольствоваться тѣнью власти. Однажды онъ запретилъ Хайрану и Мондиру входить къ нему. «Право, сказали они другъ другу», онъ держитъ себя съ нами теперь, когда начальствуетъ большимъ войскомъ, совсѣмъ иначе, чѣмъ прежде. Это человекъ лукавый, ему довѣряться не надо».

Хайранъ спесся съ Зави и приглашалъ его напасть на аль-Мортаду, отвѣчая ему и за себя и за Мондира, что они въ самомъ пылу сраженія перейдутъ въ отступление.

Такъ и сдѣлано. Аль-Мортада былъ разбитъ на голову. «Пораженіе, говоритъ Ибнъ-Гайяпъ, было страшное и заставило забыть все прежнія какія либо пораженія. Никогда съ тѣхъ поръ партія Андалузская (т. е., замѣчаетъ Дози, партія Амиридовъ, въ противоположность иностранной партіи, Берберовъ) не могла уже собрать арміи и тѣмъ сама признала свою несостоятельность». Неизвѣстный историкъ, чьи слова приводить у себя аль-Макари, говоритъ тоже самое. «Послѣ этой злополучной битвы народъ Испанскій (т. е. партія Амиридовъ) подчиняя Берберамъ и съ тѣхъ поръ онъ уже не могъ собрать противъ нихъ армію».

Хайранъ и Мондиръ, прибавляетъ Дози, за свою подлую измѣну, жестоко поплатились паденіемъ своей партіи¹.

Впрочемъ едва ли интересы Хайрана совершенно совпадали съ интересами народными; наряду съ прочими Славянами, подобно Вади, своему соплеменнику, онъ стремился занять въ Андалузіи мѣсто аль-Манзора. Правда, измѣнивъ аль-Мортадѣ, Хайранъ не сталъ гаджибомъ халифа Кордовскаго, за то сдѣлался независимымъ государемъ въ Альмеріи, чѣмъ бы ему никогда не

¹ 1. Dozy: Rech. I, 47 et suiv..

бывать при халифѣ аль-Мортадѣ, который не могъ же вѣдь до-вѣрять и платить благорасположеніемъ людямъ, такъ глубоко его ненавидѣвшимъ, какъ напр. Хайрану.

Дѣйствительно, аль-Мортада, едва убѣжавшій отъ преслѣ-дованій Берберовъ, пришелъ въ Гвадиксъ, гдѣ подосланные Хай-раномъ люди нашли и утервили его. Голова его была доста-влена въ Альмерию, гдѣ въ то время находились Хайранъ и Мондиръ.

Хайранъ, получившій намѣстничество въ Альмеріи еще при аль-Манзорѣ, вѣроятно по смерти аль-Мортады, окончательно въ этомъ городѣ сдѣлался владѣтелемъ независимымъ. Объ немъ имѣемъ сообщить мы только весьма немногія извѣстія. Въ его пра-вленіе въ Альмеріи были усилены укрѣпленія; городъ этотъ, ра-сположенный въ долинѣ между двухъ горъ, имѣлъ на одной изъ нихъ замокъ *Хайрана*, славный своею крѣпостью. Первоначаль-но выстроенъ онъ былъ еще при Абдуррахманѣ III, но впослед-ствіи времени былъ значительно распространенъ и усиленъ при Хайранѣ, отчего и носилъ его имя ¹. Аш-Шаканди († 1231 г.) въ своей похвалѣ Андалузіи, говоритъ о Хайранѣ, какъ о госу-дарѣ, любившемъ литературу и науки, всегдашнемъ покровите-лѣ ученыхъ. «При владѣтеляхъ мелкихъ государствъ (*petty king- doms*) дѣло науки и литературы не потеряло, а значительно вы-играло отъ такого раздѣленія, когда каждый государь поощрялъ литературу, ласкалъ и жаловалъ ученыхъ, щедро награждалъ ихъ за труды. Главною ихъ заботою было, чтобы говорили про нихъ: такой-то ученый находится въ великомъ уваженіи у такого то государя, — или такой-то поэтъ весьма любимъ этимъ госу-даремъ. Изъ числа этихъ мелкихъ государей нѣтъ ни одного, который бы не отличался самыми блестящими качествами, или не оставилъ бы по себѣ слѣдовъ, которыхъ не истребитъ рука времени и которые перейдутъ въ потомство сочиненіями ораторовъ и поэтовъ. Таковы были Славянскіе евнухи аль-Манзора, возставшіе по его смерти въ своихъ намѣстничествахъ и объя-вившіе свою независимость, какъ напр. Моджегидъ, Мондиръ ²

1. Gayang. I, 50.

2. Мондиръ принадлежалъ къ Арабской фамиліи Тоджибидовъ. См. Dozy Rech. I, 6 suiv.

(sic) и Хайранъ, не говоря уже объ Арабскихъ государяхъ династїи Бени Аббадовъ» и проч.

Предчувствуя приближеніе смерти, Хайранъ призвалъ къ себѣ Зогаира, роднаго своего брата, бывшаго правителемъ Мурсіи ¹. Онъ оставался при братѣ до послѣдняго его издыханія, потомъ явился народу вмѣстѣ съ Ибнъ-Аббасомъ, который повѣстилъ: «Халифъ Хайранъ преемникомъ своимъ назначилъ брата Зогаира, что вы на это скажете»? Народъ былъ въ восторгѣ отъ этого выбора и Зогаиръ сталъ царствовать въ Альмерїи съ пятницы, 31 мая 1028 года ².

О Зогаирѣ считаю не излишнимъ привести слѣдующія слова Дози: «Зогаиръ рѣшительно отказался послѣдовать примѣру Ибнъ-Джахвара Кордовскаго и Амиридовъ Валенсіи, Денїи и Тортозы, которые въ октябрѣ или въ ноябрѣ 1037 г. признали своимъ халифомъ Гишама II, такъ какъ Ибнъ-Аббадъ увѣрилъ ихъ, что этотъ халифъ, обладавшій весьма рѣдкимъ правомъ дважды покидать свою могилу «прежде, чѣмъ раздалась труба страшнаго суда» какъ выражался Ибнъ-Гайянъ, что этотъ халифъ находится въ Севильѣ. Для наказанія Зогаира Могамедъ Ибнъ-Аббадъ выслалъ противъ него войско; но онъ призвалъ себѣ на помощь Берберскаго князя Гранады, Габуса, чье войско и соединилось съ Зогаиринымъ. По всей вѣроятности Севильскій отрядъ былъ слишкомъ слабъ для того, чтобъ вступить въ бой съ этими двумя соединенными отрядами; по крайности извѣстно, что онъ воротился въ Севилью, не бывши въ сраженіи. Зогаиръ остался въ Баэзѣ, а Габусъ вернулся въ Малагу; но этотъ послѣдній умеръ въ іюнѣ 1038 г. и ему послѣдовалъ его сынъ, Бадисъ. Зогаиръ и Бадисъ вступали въ переговоры для возобновленія союза, бывшаго между Зогаиромъ и отцомъ Бадиса. Но переговоры эти не привели къ желаннымъ послѣдствіямъ; напротивъ того они только поссорились между собой и объявили другъ другу войну. Послѣ десятилѣтняго царствованія Зогаиръ былъ убитъ въ сраженіи при Альпуэште, въ окрестностяхъ Гранады, въ концѣ іюля или въ началѣ авгу-

1. Dozy: Rech. I, 63.

2. Dozy: ib. 36.

ста 1038 г.¹. Такъ прекратилась Славянская династія въ Альмеріи.

Посмотримъ же теперь, какая же была область, имѣвшая у себя двухъ государей, родныхъ братьевъ, природныхъ Славянъ, слѣдовавшихъ одинъ за другимъ и управлявшихъ страной нѣсколько десятковъ лѣтъ, такъ какъ извѣстно, что Хайранъ еще аль-Манзоромъ († 1002 г.) былъ назначенъ правителемъ этой области. Передаемъ слова Дози:

«Государство Альмерійское было одною изъ прекраснѣйшихъ и пространнѣйшихъ областей въ Испаніи. Въ немъ лежали на сѣверо-востокѣ города Мурсіа, Оригуэла и Хатива, а на сѣверѣ-западѣ Баэза, Желъ и Баэна. Такимъ образомъ оно обнимало собою восточную часть халифата Кордовскаго до Сьерры Морены, гдѣ начиналась область Толедская (въ 425, т. е. въ 1034 г. Зогаиръ овладѣлъ древнею резиденціею халифовъ и даже господствовалъ въ ней въ продолженіи пятнадцати мѣсяцевъ съ половиною); южную часть королевства Дженъ, богатую прекрасными, плодородными долинами, восточную часть королевства Гранадскаго, имѣвшую въ то время огромную важность потому что портъ Альмеріи изъ всѣхъ портовъ Испанскихъ былъ наиболѣе посѣщаемъ, велъ торговлю весьма значительную, почти все королевство Мурсійское², страну, съ лихвою вознаграждающую слабыя труды нынѣшнихъ земледѣльцевъ, что проводятъ свою жизнь въ безпечности и праздности и, не думая ни о какихъ улучшеніяхъ, сѣютъ и сажаютъ такъ, какъ садили и сѣяли ихъ отцы; что же должна была приносить эта богатая страна при Маврахъ, искуснѣйшихъ и трудолюбивѣйшихъ земледѣльцахъ, которыхъ когда либо имѣла Испанія? Конечно, тогда нельзя было сказать, что говорилъ впоследствии, и такъ справедливо кардиналъ Беллуга: «El cielo y el suelo buenos, ei entre suelo malo». солнце и земля прекрасныя, а что между ними, то дрянъ. На мѣсто нынѣшнихъ Мурсійцевъ, ложащихся рано и встающихъ поздно, ѣдящихъ по пяти разъ въ день

1. Dozy: Rech. I, 65.

2. Западная его часть, между прочимъ Шинсилья, принадлежала королевству Толедскому.

и большую часть дня покуривающихъ свое *cigarro* Арабскіе жители этого города, по свидѣтельству аш-Шаканди, были народъ весьма мужественный, не терпѣвшій притѣсненій и насилія. Въ настоящее время Мурсіа получаетъ извнѣ почти все предметы своего потребленія и даже хлѣбъ въ года засухи; при Арабахъ же въ этомъ городѣ много было фабрикъ: тамъ между прочимъ изготовляли драгоценную матерію, извѣстную подъ именемъ *вашм* (*waschj*). Государство Альмерійское еше обнимало собою южную часть этого благодатнаго королевства Валенсіи, гдѣ растительность отличается своимъ богатствомъ и разнообразіемъ, область Оригуэлу, продолженіе Гуэрти, этого сада Мурсіи, представляющей собою рядъ садовъ, гдѣ растутъ вмѣстѣ деревья померанцовыя и лимонныя, миндальныя и гранатовыя; наконецъ прекрасный и богатый городъ Хативу, знаменитый своею бумагою, не имѣвшею себѣ подобной въ цѣломъ мірѣ ¹.

Весьма понятно, что такая область быть можетъ прекраснѣйшая во всей Испаніи въ это время должна была быть яблокомъ раздора сосѣднихъ эмировъ. Такъ по смерти Зогаира, Абдо-л-азизъ аль-Манзоръ Валенсійскій поспѣшилъ завладѣть ею подъ тѣмъ предлогомъ, что она составляетъ его законное наслѣдіе, ибо въ ней господствовалъ вольноотпущенникъ его фамиліи. Но въ то время, какъ былъ онъ въ Альмеріи, Моджегидъ, государь Денійскій, негодуя на него и безъ сомнѣнія опасаясь усиленія сосѣда, воспользовался отсутствіемъ Абдо-л-азиза и напалъ на королевство Валенсіи ².

1. Идриси.

2. Dozy: Recb. I, 66 et suiv. Только при Хайранѣ и Зогаирѣ и было такъ обширно государство Альмеріи; такъ Дози говоритъ: «Une grande partie des villes qui avaient obéi à Zohair, lorsque la principauté d'Almería était plus considérable qu'elle ne l'a jamais été depuis...» См. также Gayang. II, 566. Весьма вѣроятно, что у братьевъ Хайрана и Зогаира, природныхъ Славянъ, служило немало ихъ соплеменниковъ. Славянинъ Наджа, въ сороковыхъ годахъ XI в., правившій Цейтою и Малагою, содержалъ при себѣ свою Славянскую гвардію. Наконецъ въ высшей степени вѣроятно, что Славяне въ Испаніи служили не только въ сухонутныхъ войскахъ, но и во флотѣ. (См. статью нашу о Славянахъ въ Африкѣ. § 1). Городъ же Альмерія былъ главнѣйшимъ морскимъ портомъ и отличался своею верфью, на которой строились превосходныя суда. См. Gayang. I, 51, 358. Также Géogr. d'Edrisi... trad... par Am. Jaubert. Paris. MDCCCXL. II. 43—45. «Le port de cette ville recevait des vaisseaux d'Alexandrie et de toute la Syrie, et il n'y avait pas, dans toute l'Espagne, de gens plus riches, plus industrieux, plus commercants que ses ha-

О Славянинѣ Моджегидѣ, тоже вполне заслуживающемъ наше вниманіе, привожу слѣдующія подробности изъ аль-Макари:

«На Балеарскихъ островахъ владычествовалъ Моджегидъ Ибнъ-Абдилла аль-Амири, прозванный *Абу-л-джіотъ* (отецъ арміи) и *аль-Мовафекъ* (благоденствующій по милости Божіей). По смерти своего повелителя Моджегидъ овладѣлъ городомъ Денією (гдѣ онъ былъ губернаторомъ), а впоследствии сталъ независимымъ государемъ на островахъ Балеарскихъ ¹. То былъ неустрасимый воинъ и опытный морякъ. У него всегда былъ вооруженный флотъ, съ которымъ онъ дѣлалъ высадки на берега Франціи и Италіи. Пока онъ былъ живъ, ни одинъ корабль христіанскій не смѣлъ пускаться въ Средиземное море.

Аль-Гомаиди рассказываетъ, что Моджегидъ родился въ Кордовѣ, гдѣ занималъ важныя должности (*offices of trust*). По убійствѣ Абдуррахмана, его покровителя, когда начались въ Андалузійи усобицы, и борющіяся партіи стали отнимать другъ у друга области, Моджегидъ съ толпою своихъ приверженцевъ ², удалился на острова Андалузскіе, плодородныя и просторныя. Онъ овладѣлъ ими, жителей принудилъ къ повиновенію ³. Отсюда снарядивъ флотъ, Моджегидъ отправился къ Сардиніи, большому острову Рума, большею частью его онъ овладѣлъ. Это происходило въ 406 или 407 (1075 — 17 г.). Вскорѣ однако зачались ссоры между его людьми; тогда Румы, усиленные новыми, по-

bitants, ni plus enclins, soit au luxe et à la dépense, soit à l'amour de thésauriser». — «Almería était une ville très importante, très commercante et très fréquentée par les voyageurs; il n'y en avait pas en Espagne de plus riche et de plus populeuse. Le nombre des caravansérails enregistrés à la douane était de mille moins trente» (970).

1. Гашигосъ (II, 306) замѣчаетъ при семъ: «According to Ibnu Khaldún, Mujáhid was the son of Yúsuf, son of 'Alí, a *maulí* of Al-mansúr. In the year 400 (a. d. 1010), after the assassination of Al-muhdi, Mujáhid left Cordova with other partisans of the family of Umeyyah, and joined the forces of Al-murtadhí. When the latter was defeated by Záwi and put to death, Mujáhid with drew to Tortosa, and took possession of it. He then left that city and went to Denia, where he likewise assumed supreme authority».

2. Конечно, большая часть этихъ приверженцевъ и послѣдователей Славянина Моджегида, если не всѣ, были Славяне.

3. These he subdued, keeping the inhabitants under his obedience. Конечно, Моджегидъ овладѣлъ островами Балеарскими не безъ възвостаго сопротивленія со стороны жителей.

дошедшими къ нимъ подкрѣпленіями, напали на Моджегида и потопили нѣсколько кораблей его. Съ цѣлью спасти остальное Моджегидъ вопреки совѣтамъ опытныхъ моряковъ, пустился въ море и большая часть его кораблей потерпѣла страшное крушеніе. — «Я слышалъ, — говоритъ аль-Гомаиди, отъ Абу-Могамеда... Ибнъ-Газма, а тотъ слышалъ это отъ Абу-ль-Фотуха, ... сопровождавшаго Моджегида въ его Сардинскомъ походѣ, — что Моджегидъ вошелъ съ своимъ флотомъ въ портъ, противно увѣщаніямъ Абу-Харуфа, начальника моряковъ. Едва только вошелъ флотъ въ эту гавань, какъ поднялась буря, разсѣявшая суда и прибывшая ихъ къ берегамъ, гдѣ ждали ихъ христіане; такъ что имъ легко было перебить и забрать въ плѣнъ мусульманъ. — Моджегидъ воротился на острова Балеарскіе и черезъ нѣсколько времени овладѣлъ городомъ Денією ¹ гдѣ онъ и устроилъ свою резиденцію и гдѣ оставался до самой своей смерти (436 — 1045 г.). Ему наследовалъ его сынъ, Али ², однако вскорѣ вольноотпущенникъ отца его, по имени Мобаширъ ³, овладѣлъ островами Балеарскими и господствовалъ на нихъ подъ именемъ Насиро-д-дола (Násiru-d-daulah). При немъ христіане сдѣлали высадку на островъ Маіорку и завоевали его, хотя не на долго: мусульмане его отняли у нихъ. Между тѣмъ Али про-

1. Галигосъ замѣчаетъ при семъ: «This contradicts what has been said above, namely, that Mujáhid was governor of Denia when the dynasty of the Beni Umeyyah was overthrown; but all is explained by a passage from An-nuwayrí, cited by M. Weyers in his excellent notes to Ibn Khákán (p. 114). According to that diligent historian, Mujáhid was governor of Denia, when Abdullah Al-múayttí and other distinguished citizens of Cordova, who had escaped the massacre commanded by Suleymán, took refuge in his dominions. Mujáhid treated Almúayttí with much consideration and respect, gave him a share in the government, guided himself entirely by his advice, and went so far as to resign all his authority into his hands, and to have him proclaimed King of Denia... (1014). Three months after... (March 1015) Almúayttí and Mujáhid sailed to the Eastern (or Balearic) islands and took possession of them. In Rabí the first of the ensuing year (406 Aug. or Sept. a. d. 1015) Almúayttí sent Mujáhid to Sardinia with a fleet of one hundred and twenty sail. Mujáhid conquered that island, and remained in it until the end of the year, when a sudden and combined attack of the islanders compelled him to set sail and return to Denia, where, finding Al-múayttí dead, he took possession of the government».

2. Мы уже выше замѣтили, что *евнухъ* нельзя всегда понимать буквально. Такъ и Моджегидъ называется евнухомъ.

3. О Мобаширѣ см. Gayang. I, App. C. p. XLVIII.

должалъ править Деніею¹ и сосѣдными округами, пока не былъ выгнанъ Альморавидами»².

Славянинъ Моджегидъ, подобно соплеменникамъ своимъ Джафару, Фатину, Хайрану, любилъ науки и литературу. До насъ дошелъ слѣдующій любопытный разсказъ аш-Шаканди:

«Одинъ изъ величайшихъ примѣровъ великодушія, когда либо оказаннаго государемъ своему подданному, открывается изъ слѣдующаго случая, могущаго служить подтвержденіемъ нашихъ словъ (о томъ, что и государи, природные Славяне, какъ напр. Моджегидъ и Хайранъ поощряли ученыхъ). Разсказываютъ, что филологъ Абу-Галибъ написалъ какъ-то одно прекрасное сочиненіе; Моджегидъ аль-Амири, бывшій тогда государемъ въ Деніи, послалъ ему въ подарокъ тысячу динаровъ и богатый нарядъ, требуя отъ него въ свою очередь, чтобы онъ написалъ въ началѣ, что сочиненіе это написано по его приказанію. Однако Абу-Галибъ не согласился на это и подарокъ отослалъ назадъ съ такимъ отвѣтомъ: «Сочиненіе свое я писалъ для публики и передачи своего имени потомству; если же мнѣ помѣстить въ заглавіи чье нибудь другое имя, кромѣ своего, то и вся честь будетъ отнесена къ тому лицу. Нѣтъ, я на это не согласенъ». Когда этотъ отвѣтъ былъ доставленъ Моджегиду, то онъ вмѣсто того, чтобы обидѣться имъ, очень ему радовался и удивлялся величію, мужеству и рѣшимости автора. Онъ отослалъ къ Абу-Галибу подарки, приказавъ ему сказать, «что онъ во всякомъ случаѣ могъ бы упомянуть обо мнѣ въ своей книгѣ, такъ какъ подобныя вещи дѣлаются каждый день; впрочемъ я болѣе на томъ не настаиваю»³.

1. Объ Али см. Gayang. I, 506—507.

2. Gayang. II, 257—258.

3. Gayang. I, 35—36. Также Dozy: Rech. I, 141. О Деніи распространяется географъ Идриси. Привожу его слова о ней во Франц. перев. Амед. Жюбера: «c'est une jolie ville maritime avec un faubourg bien peuplé. Elle est ceinte de fortes murailles, et ces murailles, du côté de l'orient, ont été prolongées jusque dans la mer, avec beaucoup d'art et d'intelligence. La ville est défendue par un château fort qui domine les habitations. Elle est entourée de vignobles et de plantations de figuiers. Il s'y fait des expéditions de navires pour les contrées les plus lointaines de l'orient; il en part aussi des flottes et des armements pour la guerre, et il s'y fabrique des navires, car c'est un chantier de constructions». (Géogr. d'Edrisi. Paris. MDCCCXL. II, 37—38).

Сабуръ, бывшій пажъ Файика, перешелъ отъ своего прежняго господина къ аль-Манзору и пользовался у него великою довѣренностью. Вѣроятно еще при аль-Магди онъ провозгласилъ свою независимость и отказалъ въ присягѣ, какъ Гишаму II, такъ и Сулейману. Онъ оставался въ Бадахосѣ независимымъ государемъ до самой своей смерти (ок. 1028 г.). Сабуру послѣдовалъ Абдоллахъ-бенъ-Маслама, пользовавшійся огромною довѣренностью Сабура; хотя онъ и имѣлъ сына, но не желая ввѣрять государство слабому ребенку, онъ самъ назначилъ своимъ преемникомъ Абдоллаха, который и былъ основателемъ династїи Афтасидовъ.

Въ XI же вѣкѣ правитель въ Гортозѣ и ея окрестностяхъ былъ Славянинъ Лабибъ. По словамъ Дози, у Ибнъ-Бассама сохранились о немъ какія-то драгоценныя извѣстїя¹.

Въ 1022 г. халифатомъ Кордовскимъ завладѣлъ Ягія-Ибнъ-Али, по прозванію аль-Мотали, но въ слѣдующемъ же, 1024 г. онъ бѣжалъ въ Малагу, гдѣ пробылъ цѣлый годъ, пока не удалось его приверженцамъ въ Кордовѣ снова провозгласить его въ Кордовѣ. Однако Ягія, зная нерасположеніе къ себѣ Кордовцевъ, самъ и не вступалъ въ столицу, а назначилъ своимъ намѣстникомъ Абдурахмана Ибнъ-Иттафа, который и оставался въ Кордовѣ до 1026 г., когда ея жители, изгнавъ Ибнъ-Иттафа, назначили своимъ правителемъ одного изъ Оммаядовъ. Ягія же тѣмъ временемъ разгуливалъ съ войскомъ по странѣ, разорялъ ее вдоль и поперекъ, пока наконецъ не признали его Берберы и не уступили ему тѣхъ городовъ, мѣстечекъ и крѣпостей, которыми располагали сами. Значительно такимъ образомъ усилившись, Ягія рѣшился начать войну съ Ибну-Аббадомъ, въ твердомъ намѣреніи взять Севилью. Но онъ попалъ въ засаду и былъ убитъ въ 1035 г.²

По смерти его, Абу-Джафаръ или Ибнъ-Бокенна и Славянской евнухъ Наджа³, его визири, удалились въ Малагу и госу-

1. Выше я уже выразилъ свое предположеніе на счетъ его тождественности съ Славяниномъ историкомъ Габйбожъ.

2. Разсказъ аль-Гомаиди у Gayang. II, App. B, p. XIII.

3. Ibid., p. XVII etc.

даремъ провозгласили брата Ягіи, Идриза Ибнъ-Али, такъ какъ сыновья покойнаго, Гассанъ и Идризь, были еще малолѣтки. Визирь отправилъ гонцовъ къ Идризу, бывшему тогда въ Цейтѣ, гдѣ онъ былъ правителемъ точно также, какъ и въ Танхерѣ и въ прилежащихъ окрестностяхъ. Идризь поспѣшилъ въ Малагу, гдѣ его провозгласили съ условіемъ, чтобы Цейту онъ уступилъ своему племяннику, Гассану, младшему и способнѣйшему сыну Ягіи. Наджа отправился въ Африку, ввелъ Гассана во владѣніе Цейтою и Танхеромъ. Въ 1040 г., по смерти Идриза, старшей изъ его сыновей, Ягія, былъ провозглашенъ халифомъ стараніями визиря Ибнъ-Бокенны, который впрочемъ не долго пользовался своимъ вліяніемъ. Едва пришло въ Цейту извѣстіе о смерти Идриза, какъ Славянинъ Наджа, управлявшій въ этомъ городѣ, рѣшился провозгласить халифомъ въ Малагѣ аль-Гассана, сына Ягіева. На время своего отсутствія поручивъ управленіе дѣлами одному изъ своихъ соплеменниковъ¹, Наджа вмѣстѣ съ Гассаномъ отправился въ Малагу. Ибнъ-Бокенна бѣжалъ, а Наджа съ Гассаномъ вступили въ городъ, послѣ чего Берберы и народъ скоро провозгласили сего послѣдняго халифомъ. Гассанъ послалъ за Ибнъ-Бокенною, обѣщая ему прощеніе, если онъ воротится въ Малагу; но вернувшись, онъ былъ убитъ, также какъ и двоюродный братъ Гассановъ Ягія Ибнъ-Идризь. Тогда Наджа вернулся въ Цейту, оставивъ при Гассанѣ одного стараго моряка, крѣпко ему преданнаго, извѣстнаго подъ именемъ аш-Шетифи. Но Гассанъ царствовалъ не болѣе двухъ лѣтъ, будучи убитъ своею женою, дочерью его дяди, Идриза.

По смерти Гассана, аш-Шетифи принялъ управленіе дѣль и, заключивъ въ темницу Идриза Ибнъ-Ягію, брата покойнаго халифа, извѣстилъ Наджу о всемъ случившемся. Гассанъ оставилъ на рукахъ Наджи малолѣтняго своего сына, котораго, говорятъ, этотъ Славянинъ (that Slavonian) умертвилъ, услыхавъ о смерти его отца. Но одинъ Богъ знаетъ правду — прибавляетъ отъ себя аль-Гомаиди.

1. Аль-Гомаиди у Гаингоса: «Having appointed a man of his own nation to command in his absence», ib. p. XVIII.

Теперь задумалъ Наджа завладѣть царскою властью. Поручивъ одному изъ своихъ вѣрныхъ соплеменниковъ¹ начальство надъ Цейтою и Танхеромъ, онъ отправился въ Малагу. По своемъ прибытіи онъ заключилъ Идрива Ибнъ-Ягію въ еще болѣе тяжкое зключеніе, усилилъ за нимъ надзоръ и всѣ свои дѣйствія направилъ къ тому, чтобы совершенно лишить власти Бени-Гассановъ и самому вступить на престолъ. Съ этою цѣлью онъ послалъ за вождями Берберскими, открылъ имъ свои намѣренія, обѣщая имъ, въ случаѣ успѣха, богатое вознагражденіе. Они были глухи на всѣ предложенія Наджи и ни одинъ изъ нихъ не обѣщалъ ему помощи; полагая однакоже, что имъ еще не время отдѣлаться вовсе отъ Наджи, Берберы подали видъ, что они одобряютъ его планы и даже стали наружно помогать ему, хотя во глубинѣ души таили совсѣмъ другія чувства. Вскорѣ потомъ Наджа собралъ свою армію (called together his army) и двинулся на Альхезиру съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобы выгнать оттуда Могамеда Ибнъ аль-Касима. Въ нѣсколько дней онъ овладѣлъ этимъ городомъ; но услыхавъ, что нѣкоторые изъ его послѣдователей (followers) замышляютъ противъ него возстаніе, поспѣшилъ вернуться въ столицу. На обратномъ его пути, нѣкоторые изъ начальниковъ заговора, опасаясь того, — что Наджа, узнавъ о положеніи дѣла, разомъ разстроитъ его, наказавъ однихъ и простивъ другихъ, тайкомъ убѣжали впередъ и приготовили засаду въ одномъ горномъ проходѣ, котораго не могъ миновать Наджа, ворочавшійся въ Малагу. Не предчувствуя никакой опасности, Наджа ѣхалъ спокойно впереди съ немногими всадниками и въ этомъ проходѣ былъ внезапно атакованъ Берберами. Его Славянская гвардія отъ внезапнаго нападенія была смята и бѣжала²; Наджа палъ подъ ударами убійць, изъ которыхъ двое быстро помчались въ Малагу, куда вѣхали они съ громкими криками: «Добрыя вѣсти, добрыя вѣсти! Наджа убитъ!» Потомъ они устремились на домъ аш-Шетифи и умертвили его. Когда армія прибыла въ Малагу, мятежники вывели

1. «Having appointed one of his countrymen, in whom he could trust». *ibid.* p. XIX.

2. «The Slavonians who composed his guard being thrown into confusion by the suddenness of the attack, ran away and deserted him». (*ib.* p. XIX).

изъ темницы Идриза Ибнъ-Ягію, и провозгласивъ его халифомъ, дали ему присягу вѣрности. Все это происходило въ февралѣ 1043 г.

Наджа былъ, кажется, если не самымъ послѣднимъ, то однимъ изъ послѣднихъ Славянъ, игравшихъ болѣе или менѣе значительную роль въ мусульманской Испаніи; по крайности въ сочиненіи аль-Макари (въ переводѣ Гааянгоза) послѣ ссейчасъ описанныхъ происшествій я не нашелъ уже ни одного упоминанія о Славянахъ. Изъ того однако едва ли возможно заключать, что послѣ сороковыхъ годовъ XI в. Славяне совершенно исчезаютъ въ Испаніи, тѣмъ болѣе, что нигдѣ не говорится о томъ, чтобы Славяне, составлявшіе гвардію у Наджи и его оставшіе, были истреблены. Весьма вѣроятно наконецъ, что Славяне были въ то время и въ Цейтѣ и въ Танхерѣ, гдѣ по назначенію Наджи, былъ правителемъ природный Славянинъ; по всей вѣроятности были также Славяне и въ Альмеріи, гдѣ въ XI в. царствовали одинъ за другимъ два брата Славянина, и на островахъ Балеарскихъ и въ Деніи, гдѣ въ XI же вѣкѣ царствовалъ Моджегидъ, и въ Тортозѣ, гдѣ въ то же время былъ правителемъ Славянинъ Лабибъ.

Во второй половинѣ XI в. Славяне могли утратить въ мусульманской Испаніи свое прежнее значеніе, но должны были еще оставаться въ ней и даже, хотя не въ прежней степени, сохранять свою народность. Это предположеніе считаемъ болѣе вѣроятнымъ, когда вспомнимъ объ историкѣ Габибѣ, написавшемъ въ XI в.: «Ясныя и побѣдоносныя доказательства противъ тѣхъ, которые отрицаютъ превосходныя качества Славянъ». Славянинъ Габибъ самъ собою доказываетъ, что народность Славянъ Испанскихъ еще сохранялась въ XI в.

Нашъ рассказъ о судьбахъ Славянъ въ мусульманской Испаніи всего лучше заключить словами одного Испанскаго Араба, славнаго своею ученостью и дарованіями. Абу-Обейдъ-Иллахъ-аль-Бекри († 1094 г.), величайшій географъ Испаніи, подобно тому, какъ его другъ, Ибнъ-Гайявъ, былъ величайшимъ ея историкомъ¹, никогда самъ не выѣзжалъ изъ Испаніи и потому толь-

1. Dozy: Rech I, 296.

ко объ одномъ своемъ отечествѣ передаетъ собственныя наблюденія, въ другихъ же случаяхъ пользуется постоянно чужими трудами. «Выписки свои онъ производилъ, — говоритъ Дози¹, порядочно и толковито, пользуясь при семъ массою недошедшихъ до насъ сочиненій. Иногда разумѣется можно бы пожелать, чтобы онъ менѣе довѣрялъ нѣкоторымъ рассказамъ; но эти случаи не такъ многочисленны, какъ можно было бы ожидать, зная его вѣкъ, время младенчества критики»².

Узнать мнѣніе о Славянахъ вообще такого человѣка, одареннаго необыкновеннымъ умомъ и обладавшаго огромными свѣдѣніями, узнать, говорю, мнѣніе географа аль-Бекри, жившаго въ XI в. и пикогда не выѣзжавшаго изъ Испаніи — въ высшей степени теперь любопытно для насъ, уже знающихъ о бытности Славянъ въ мусульманской Испаніи. «Славяне говоритъ онъ, народъ буйный, страшный и могучій (*nation redoutable, puissante et impétueuse*). Если бы они не были раздѣлены на великое

1. Ibid. 298.

2. Считаю долгомъ привести мнѣніе Дози о Географическомъ Словарѣ аль-Бекри, называющемся собственно *Моджам ма стаджам*, т. е. *Алфавитъ того, что мало извѣстно*. «Моджамъ, по словамъ ученаго Голландца, единственный трудъ въ своемъ родѣ и Арабская литература не можетъ представить ничего подобнаго относительно богатства и необыкновенной точности передаваемыхъ въ ней свѣдѣній. Онъ содержитъ въ себѣ, по порядку Африканскаго алфавита, нomenclатуру массы именъ мѣстностей, горъ, рѣкъ и пр., встрѣчающихся въ древнихъ Арабскихъ исторіяхъ, въ преданіяхъ о пророкѣ и особенно въ поэмахъ. Авторъ приводитъ образъ ихъ правописанія, опредѣляетъ положеніе обозначаемыхъ ими предметовъ и выписываетъ безчисленное количество стиховъ, въ которыхъ эти собственныя имена встрѣчаются». — «Это сочиненіе необходимо для всѣхъ, изучающихъ древнюю исторію, географію, древнія поэмы, всѣ болѣе или менѣе историческія преданія. Повторяю, трудъ этотъ единственный. Всѣ прочія сочиненія этого рода скудны и особенно невѣрны сравнительно съ этимъ великодушнымъ трудомъ, исполненнымъ любопытныхъ подробностей, составленнымъ по лучшимъ, нынѣ почти вовсе потеряннымъ, матеріаламъ, такимъ писателемъ и географомъ, который стоялъ совершенно на высотѣ своей трудной задачи. Прочіе географы часто только путаютъ и сбиваютъ насъ, будучи исполнены ошибокъ и противурѣчій. Возьмите въ какой либо древней поэмѣ какое угодно мѣстное имя и сыщите его въ какомъ либо географическомъ сочиненіи; предположите, что въ немъ находится искомое слово (что весьма рѣдко случается) и сравните потомъ найденныя свѣдѣнія со свѣдѣніями аль-Бекри: тогда, я смѣло говорю, вы увидите, что первыя почти всегда ошибочны или по крайности весьма сбивчивы, тогда какъ свѣдѣнія аль-Бекри всегда ясны, точны и истинны». (*Rech. I, 303 et suiv.*)

число племенъ и народцевъ, то ни одинъ народъ въ мірѣ не могъ бы имъ противиться».

Аль-Бекри († 1094 г.) не могъ не знать Славянъ Испанскихъ; если бы въ его отечествѣ они играли жалкую и презрѣнную роль и не пользовались отъ его земляковъ никакимъ уваженіемъ, то конечно и о Славянахъ вообще господствовало бы въ Испаніи мнѣніе весьма невысокое, и никогда бы писатель Арабскій, вовсе не выѣзжавшій изъ Испаніи, не выразился бы такъ, какъ говорить о нихъ Абу-Обейдъ-Иллахъ-аль-Бекри, одинъ изъ величайшихъ людей мусульманской Испаніи.

Мнѣніе аль-Бекри о Славянахъ важно и въ томъ отношеніи, что не только подтверждаетъ справедливость уже прежде представленныхъ нами извѣстій о томъ важномъ значеніи, какимъ пользовались Славяне въ Испаніи, но и ясно обнаруживаетъ всю силу этого значенія ихъ на мнѣнія Арабовъ Испанскихъ обо всемъ племени Славянскомъ, объ его характерѣ и объ его положеніи въ кругу другихъ племенъ и народовъ.

Зная это мнѣніе, можно бы было отвѣчать положительно на вопросъ, не только не бесполезный, но и необходимый при разсмотрѣннн судебъ племени Славянскаго и его значенія въ исторіи человѣчества, именно на слѣдующій вопросъ—значеніе Славянъ въ Испаніи IX, X, XI в. отразилось ли и на прочихъ ихъ соплеменникахъ, имѣло ли на нихъ какое нибудь вліяніе? иными словами, исторія Славянъ Испанскихъ, какъ отдѣльная часть, связана ли органически съ цѣлою исторіею міра Славянскаго?

Х. Славяне, жившіе въ мусульманской Испаніи, пользовались въ ней такимъ значеніемъ, что не только заставили Арабовъ Испанскихъ уважать своихъ соплеменниковъ вообще, но и были виновниками непосредственныхъ сношеній сихъ послѣднихъ съ Испаніею, ибо смѣло можно утверждать, что не будь Славянъ въ Испаніи, никогда бы не завязались тѣ связи Славянъ съ нею, о которыхъ мы имѣемъ положительныя свидѣтельства Массуди, Ибнъ-Хаукала, Ибнъ-Гайяна и Ебнъ-Спрота Хаздая.

Эти непосредственныя сношенія въ соображеніи съ выше предложенными извѣстіями объ отношеніяхъ Славянъ къ Ара-

бамъ въ Азіи, Африкѣ и Сициліи и проч. отрицають у кого бы то ни было всякую возможность отрицать вѣроятность и справедливость представленнаго нами предположенія о томъ, что Славяне попадали въ Испанію не только, какъ плѣнники и рабы изъ рукъ Франковъ, черезъ Пиринеи, но и какъ бѣглецы, вольные, охочіе и гулящіе люди, искавшіе службы у Арабовъ Испанскихъ, подобно тому, какъ въ новѣйшія времена толпы Поляковъ и Венгерцевъ вступали на службу султана Турецкаго, наир. Омеръ-паша и др., или подобно тому, какъ въ концѣ прошлаго вѣка и въ 1848 г. служили Поляки въ Италіи,¹ а въ XV в. Чехи, лучшіе тогда въ Европѣ знатоки военнаго дѣла, — въ Германіи, Венгріи, Польшѣ и Россіи², или въ XVI—XVII в. Дубровничане и другіе Славяне Адриатическіе въ обширной тогда монархіи Испанской (объ этомъ ниже).

1. См. Chodzko (Léonard) Hist. des légions polonaises en Italie sous le commandement du général Dombrowski. 2-e édit. Paris. 3 vol. in-8°. См. также Polacche Legioni ammesse al soldo della Repubblica Cisalpina, ovvero Decreti che appartengono allo stabilimento di due mezze brigate d'Infanteria di Linea polacca, ed un reggimento di cavalleria leggera. Foglio Ufficiale della Repubblica italiana. 1°. Milano. 1802. Последнее изданіе мнѣ извѣстно, къ сожалѣнію, только по заглавію, взятому мною изъ книги почтеннаго Чампи, труды котораго, по исторіи отношеній Славянъ къ Италіи, чрезвычайно, правда, неполные и недостаточные, — но такая заглава и не по силамъ вѣдь одного человѣка, — заслуживаютъ тѣмъ не менѣе полнаго уваженія и невольно внушаютъ мысль пожелать такихъ же приуготовительныхъ трудовъ и по исторіи отношеній Славянъ къ Испаніи, къ Англіи... Разумѣю сочиненія Чампи — Bibl. critica delle antiche reciproche corrispondenze polit., eccles., scientif., letter., artistiche dell'Italia colla Russia, colla Polonia... Firenze. 1834. Notizie di Medici, Maestri di Musica e Cantori, Pittori, Architetti, Scultori ed altri Artisti Italiani in Polonia e Polacchi in Italia raccolte da Seb. Ciampi con appendice degli artisti Italiani in Russia etc. Lucca. 1830. — Notizie dei Secoli XV e XVI sull'Italia, Polonia e Russia raccolte e pubblicate de Seb. Ciampi colle vite di Bona Sforza de Duch. di Milano regina di Polonia. Firenze. 1833. и пр. О Полякахъ въ Италіи въ XVIII стол. см. также Listy znakomitych Polaków wyjaśniające historią legionów Polskich. Kraków. 1831. in-8°. — въ 1848 г. см. Siedm listów o legionie Polskim we Włoszech przez M***. Poznań. 1850. Эта послѣдняя книжка любопытна и тѣмъ еще, что въ ней содержится нѣсколько подробностей очевидца о Мицкевичѣ. Обо всемъ этомъ впрочемъ я буду имѣть случай говорить въ особомъ изслѣдованіи о Славянахъ въ Италіи.

2. См. въ Приложеніяхъ.

Характеръ восточнаго государства, гдѣ народъ лишенъ самообладанія и самоуправленія, вынуждалъ халифовъ Испанскихъ для преодоленія сильной аристократіи, обращаться къ наемникамъ-иностранцамъ, которые за хорошую плату и выгодное вознагражденіе, по одному мановенію деспота, ихъ нанявшаго, готовы бы были давить и душить малѣйшее проявленіе самостоятельности и послушанія волѣ ихъ повелителя, «а они города разоряютъ и народъ грабятъ, предѣлы оныя пустошатъ, понеже имъ оное есть не свое»¹.

Къ кому же изъ другихъ Европейцевъ, — а у Арабовъ могло быть не мало причинъ искать именно Европейцевъ, — какъ не къ Славянамъ обратиться было халифамъ Испанскимъ для найма изъ среды ихъ храбрыхъ и вѣрныхъ тѣлохранителей?

Знакомство свое со Славянами Арабы завязали еще въ VII в. и съ тѣхъ поръ, мы видѣли, ихъ взаимныя сношенія стали очень тѣсными. Представленныя нами свѣдѣнія о Славянахъ въ Африкѣ, при всей своей краткости, уже достаточно свидѣтельствуютъ объ этомъ. Изъ продолжительнаго знакомства своего со Славянами Арабы вынесли далеко не низкое мнѣніе объ ихъ силахъ. Масуди, Иродотъ Арабскій X в., говорилъ, что Славяне были бы самымъ могущественнымъ народомъ въ мірѣ, если бы не ихъ внутреннія усобицы².

1. Два памфлета времени Анны Иоанновны. Ст. Г. Лыжина въ Изв. II Отд. Ак. Наукъ 1858. Вып. I.

2. Въ переводѣ Шармуа: «Les Slaves se composent de différentes peuplades qui se font la guerre: si la discorde ne régnaît entre eux, aucune nation ne pourrait leur résister pour la force et l'audace». Черезъ сто лѣтъ послѣ того, Арабъ же, аль-Бекри, говорилъ почти то же самое: въ переводѣ Шармуа: Les Slaves sont une nation redoutable, puissante et impétueuse. S'ils n'eussent été divisés en un grand nombre des races et des tribus différentes, aucune nation au monde ne leur eût tenu tête», Исторія не упрекнетъ этихъ двухъ Арабовъ въ недостаткѣ прозорливости. Почти черезъ восемьсотъ лѣтъ послѣ нихъ одинъ изъ *вѣщихъ* людей этого племени писалъ въ альбомѣ одному изъ своихъ соплеменниковъ:

Вѣковать ли намъ въ разлукѣ ?
Не пора-ль очнуться намъ
И подать другъ другу руки
Нашимъ кровнымъ и друзьямъ ?

Почему же было Арабамъ Испанскимъ не призывать къ себѣ на службу Славянъ, а этимъ послѣднимъ почему было не идти къ нимъ? Вѣдь служили же ихъ земляки и соплеменники въ VII — X в. и гораздо позже у Арабовъ въ Азїи, Сициліи, а потомки ихъ въ XVI — XVII в. и позже въ Испанїи и въ многочисленныхъ ея тогдашнихъ владѣніяхъ въ Европѣ, Азїи и Америкѣ?

Предложенныя выше извѣстія о Славянахъ въ Андалузїи, указывая на тамошнюю ихъ многочисленность и дѣлая излиш-

Вѣки мы слѣпцами были,
И какъ жалкіе слѣпцы,
Мы блуждали, мы бродили,
Разбредлись во всѣ концы.

А случилось ли порою
Намъ столкнуться какъ нибудь, —
Кровь не разъ лилась рѣкою,
Мечъ терзалъ родную грудь.

И вражды безумной сѣмя
Шлодь сториичный принесло:
Не одно погнбло племя,
Иль въ чужбину отошло.

Иноземець-иновѣрецъ
Насъ раздвинулъ, разломилъ,
Тѣхъ обезъязычилъ Нѣмецъ,
Этихъ Турокъ разгромилъ.

Палацкій, открывая въ качествѣ предсѣдателя (старосты) засѣданія Славянскаго Сейма, 2 іюня 1848 года, сказалъ между прочимъ въ своей рѣчи: «*Wieliký národ, jakowúž jest náš, nebylby nikdy lišil se půwodní swé wolnosti, kdyby w sobě sám byl se neroztrhnul, nerozptylíl, neodczil se jeden druhému, nechodil kazdý po směru zwaštní a různé politiky: ale bylot' toho tuším potřebí, abychom poučení zkušností mnohowěkau ale trpkau, porozuměli konečně a důkladně tomu, čehož nam jediné zapotřebí jest. Že jsme nyní opět dosáhli starého dědictwí swého, že jsme opět a zůstaneme nawždy swobodni, za to děkowati máme předewším probuzení swému a upamatowání se w tom, co nam jediné spasu nesti může; za to děkowati máme cítu wřelému, jenž všechny žily we zhromaždění našem probíhá: cítu bratrské lásky a swornosti! Slowan jest a bude nepřemožitelným, pokudkoli heslo spojení swobody a swornosti ozývati se bude w srdci jeho. Heslem takowým zakládá se w životě národu našeho wěk nowý a skwělý: blažení jsme my, kteří ke slawnosti zrození jeho zde spojili jsme se. Já pak, znaje dáwní nehody a strasti jeho, a prohlédaje okem jasným do weliké budaucnosti národu mně celau duši milowaného, wolám w nadšení, zarowen muži w ewangelium: «Nyní propaušiš sluhu swého, Pane! neboť jsau widěly oči mé spasení, kteréž si připravil nám pred obličejem wšeho swěta; swětlo k zjewení narodům a slawu kmene slowanského».*

ними всякія попытки объяснять слово *Славянинъ* въ смыслѣ не собственномъ, а нарицательномъ, необходимо наводятъ на предположеніе о переходѣ Славянъ въ Испанію въ качествѣ охочихъ вольныхъ и гулящихъ людей.

Драгоценное извѣстіе о Габибѣ, томъ Славянинѣ-историкѣ, что жилъ въ XI в. въ Испаніи и написалъ сочиненіе подъ заглавіемъ «Ясныя и побѣдоносныя доказательства противъ тѣхъ, что отвергають превосходныя качества Славянъ», гдѣ по словамъ аль-Макари, собраны разнаго рода любопытныя подробности, исторія и стихи (verses) т. е. народныя пѣсни или сказанія Славянъ», — драгоценное извѣстіе это, говорю я, само собою независимо отъ всѣхъ предъидущихъ соображеній и данныхъ, наводитъ на необходимость того же самаго предположенія.

Выше разсматривая это свѣдѣніе о Габибѣ само по себѣ, мы пришли къ необходимости понимать здѣсь слово *стихи Славянъ* (verses of the Slavonians) не иначе, какъ въ смыслѣ *народныхъ произведеній, пѣсень* (songs), *сказаній* или *повѣстей*. Падѣюсь, всѣ предложенныя выше соображенія и данныя о судьбѣ Славянъ въ Испаніи, о приходѣ ихъ туда, какъ охочихъ, вольныхъ и гулящихъ людей, а также и извѣстіе Макризи объ Африкано-Арабскомъ Славянинѣ Модаферѣ, владѣвшемъ Арабскимъ языкомъ, не только изустнымъ, но и письменнымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ знавшимъ свой природный языкъ Славянской, — это извѣстіе Макризи вмѣстѣ съ свидѣтельствомъ П. Ювія объ употребленіи Славянскаго языка при дворѣ Мемфисскихъ султановъ до 1517 г., — все это вмѣстѣ надѣюсь, способно убѣдить всякаго въ томъ, что наше объясненіе выраженія переводчика аль-Макари, Гаянгоса, не заключаетъ въ себѣ ничего страннаго, чуждаго, дикаго; что напротивъ того оно весьма достоверно и даже единственно возможное въ настоящемъ случаѣ.

Такимъ образомъ надо согласиться, что Славянинъ Габибъ, жившій въ Андалузіи въ XI в., и передавшій въ своемъ сочиненіи или въ переводѣ или собственными словами устныя народныя преданія, повѣсти или пѣсни Славянскія, — непременно зналъ отлично не только Арабскій языкъ, — подобно Славянину Фатину, считавшемуся у самихъ Арабовъ однимъ изъ классическихкихъ писателей по языку, Модаферу, учившему самого хали-

фа письму Арабскому, и многимъ другимъ Славянамъ, занимавшимся Арабскою словесностью,—но и свой природный Славянский, подобно тому же Модаферу, что въ минуту гнѣва загнулъ халифу Моэзу какое-то крѣпкое слово Славянское, или подобно Славянамъ, служившимъ Мамелюками при дворѣ Мемфисскихъ султановъ или занимавшимъ важныя должности въ Оттоманской Шортѣ, гдѣ Славянской языкъ господствовалъ въ высшемъ обществѣ и при дворѣ въ XVI—XVII в.

Настоящее наше положеніе о томъ, что Славянской языкъ былъ хорошо извѣстенъ Габибу, совершенно необходимое, когда уже однажды была признана возможность и законность нашего объясненія словъ, *verses of the Slavonians*, вполне вѣроятное и достовѣрное, при извѣстной уже многочисленности Славянъ въ Испаніи, положеніе это само въ свою очередь подтверждаетъ всю справедливость и основательность такого, а не иного, объясненія.

Дѣйствительно, если вѣрно, что Славяне въ Испанію проникали не только, какъ военнопленные и рабы, черезъ Пиринеи, изъ рукъ Франковъ, но и какъ охочіе, вольные и гулящіе люди (слѣд. могли переходить въ нее съ своими семьями, съ женами и дѣтьми),¹ что они пользовались въ ней немаловажнымъ значеніемъ, то отчего же не могли они сохранять въ ней довольно долго свою народность, не забывать своего роднаго языка, своихъ преданій, нравовъ и обычаевъ, хотя и воспитывались въ мусульманствѣ и учились Арабскому языку? Отчего такимъ образомъ въ мусульманской Испаніи IX—XI в. не могла звучать Славянская рѣчь, не могла раздаваться Славянская пѣсня?

Принимая первое, надо принять и второе. Если въ пользу добровольнаго перехода Славянъ въ Испанію IX—XI в. и нельзя намъ пока привести какого нибудь подлиннаго и прямого извѣстія, то за то и нѣтъ никакой возможности не только представить какую нибудь мысль или данную, которая могла бы хотя

1. Есть основаніе предполагать, что въ мусульманской Испаніи были Славянскія поселенія. Такъ у Шармуа приведено слѣдующее мѣсто изъ Словаря Якута († 1293 г.): «On trouve encore Szaqlab en Andalous (Espagne et Portugal), dans le territoire de Chantarié (Santarem). Le sol y est excellent, et l'on prétend que, si l'on y sème un Makouk on en retire cent Qafiz et même davantage». (Charmoy: Relat. de Massoudi, p. 330).

сколько нибудь подорвать довѣріе къ предлагаемой интрузіи, но и объяснить иначе явленіе Габиба, который собою доказываетъ, что Славяне въ XI в. въ Испаніи мало что сознавали свое Славянское происхожденіе, свои племенные особенности, но даже и гордились ими, выставляя на видъ свои заслуги, — чего бы быть не могло, если бы Славяне проникали въ Испанію единственно черезъ Пиринеи, изъ рукъ Франковъ, какъ военноплѣнные и рабы, людьми изуродованными. *Можно ли же не принимать перваго? И съ чего стать намъ не принимать его, когда намъ извѣстны отношенія Славянъ къ Арабамъ еще съ VII в. въ Азіи, Африкѣ, Сициліи, ихъ высокое мнѣніе объ отвагѣ, удалствѣ и предприимчивости Славянъ, вполне оправдываемое всѣми историческими свидѣтельствами, когда мы знаемъ, что было съ чего и Арабамъ призывать Славянъ въ Испанію, и Славянамъ идти въ нее по ихъ призыву. Нельзя потому не принять и втораго.*

Такимъ образомъ ясно, что судьбы Славянъ въ мусульманской Испаніи связаны органически съ судьбами юго-восточныхъ и юго-западныхъ Славянъ, съ ихъ переселеніями въ М. Азію, съ ихъ отношеніями къ Арабамъ въ Азіи, Африкѣ и Сициліи, а въ общей исторіи міра Славянскаго занимаютъ не невидное мѣсто и потому еще, что достовѣрный выводъ о сохраненіи Славянами въ Испаніи довольно долгое время своей народности,¹ непременно рождаетъ вопросъ весьма ка-

1. Мы уже видѣли необходимость допустить, что Габибъ зналъ отлично не только Арабскій языкъ, но и Славянскій. Изъ этого же положенія само собою развивается другое положеніе, что и вообще Славяне Арабо-Испанскіе не забывали своего языка, хотя и воспитывались въ мусульманствѣ и знали по-Арабски. Быть можетъ скажутъ, что не благоразумно изъ одного положенія, не имѣющаго въ себѣ *очевидной, осязательной несомысленности*, развивать другое, а на немъ строить выводы. Пишущій эти строки смѣетъ думать, что можно открыть истину, развивая извѣстную мысль до конца, доводя ее до послѣднихъ предѣловъ; такимъ путемъ начало ложное обличаетъ свою нецѣльность, а истина свѣтлѣетъ и оправдывается. Однажды убѣдившись въ основательности своей интрузіи, авторъ считаетъ своимъ долгомъ развить ее какъ можно полнѣе. Пусть ея ложь (если она ложна) предстанетъ читателю во всей своей наготѣ; такъ облегчится трудъ возражателей. Замѣчу прежде всего, что знаніе Габибомъ языка Славянскаго усмотрѣть можно, не зависимо отъ предъидущихъ соображеній, и изъ слѣдующаго обстоятельства: Габибъ поставилъ себѣ задачею опровергнуть мнѣнія тѣхъ, что увижали народность Славянскую, и доказать, напротивъ того, что Славяне, его соплеменники, одарены превосходными качествами и могутъ гордиться своими народными осо-

жется немаловажный — что именно и какую долю внесли Славяне въ образованность Арабскую? Не внести ничего они не могли, такъ какъ были въ Андалузїи многочисленны, довольно долго сохраняли свою народность и съ тѣмъ вмѣстѣ пользовались великимъ значеніемъ. Вспомнимъ только такихъ политическихъ дѣятелей, каковы были Джафаръ аль-Мосгафи, Вади, Молжегидъ, Хайранъ и Зогаиръ, Наджа, и пр. или ученыхъ и литера-

бенностями. Человѣкъ, который въ XI в., принимаясь за свое сочиненіе, задался такимъ намереніемъ, самъ Славянинъ, кажется, не могъ не знать по-Славянски. Арабскіе источники говорятъ, что Наджа былъ Славянинъ, что, уѣзжая изъ Цейты, онъ поручилъ управленіе дѣлъ *своему соотечественнику*, которому онъ могъ довѣряться. Что могло связывать Славянъ въ Испанїи, какъ не сознаніе общаго ихъ происхожденія, и на чемъ ипомъ могло оно опираться и чѣмъ инымъ поддерживаться, какъ не общимъ языкомъ, какъ не природною ихъ Славянскою рѣчью? Мы видѣли, Славяне въ Испанїи вообще дружили другъ другу, составляли одну, довольно плотную, партію. Аль-Макари говоритъ: «При Гишамѣ II и аль-Манзорѣ науки и литература процвѣтали въ Кордовѣ такъ, что даже Славяне (Славянскіе дворцовые евнухи) занимались ими съ великимъ успѣхомъ» и пр. Если бы Славяне въ Испанїи не говорили по-Славянски и вовсе утратили бы свою народность, то конечно не было бы ничего удивительнаго, что при Гишамѣ II и аль-Манзорѣ было немало Славянъ, служившихъ при дворѣ, занимавшихся науками и литературою и писавшихъ по-Арабски; ибо въ мусульманской Испанїи еще при Абдуррахманѣ III († 961 г.) рабы занимались литературою и науками. Когда напр. всѣ Русскіе Нѣмцы научатся по-Русски, то мы и перестанемъ указывать, какъ на любопытные факты, на того или другаго Нѣмца, который хорошо нишетъ по-Русски. Чтожъ тутъ будетъ особеннаго, любопытнаго или удивительнаго, когда всѣ наши Нѣмцы станутъ читать и писать по-Русски? И такъ въ Испанїи мусульманской Славяне не забывали своего природнаго языка. Подавню слѣдовательно зналъ по-Славянски Габибъ, написавшій «Ясныя и побѣдоносныя доказательства, направленныя противъ тѣхъ, которые отвергаютъ превосходныя качества въ Славянахъ». Очевидно, что Арабо-Испанскій Славянинъ Габибъ, жившій въ XI в. и знавшій отлично свой природный языкъ, Славянскій и Арабскій языкъ, какъ языкъ своей вѣры и образованности, подобно тому, какъ современники его, ученые Поляки и Чехи, знали по-Латыши, а Болгаре по-Гречески, — Славянинъ Габибъ могъ или родиться въ Испанїи, или же попасть въ нее, въ качествѣ пѣвника или другимъ какимъ нибудь способомъ, но во всякомъ случаѣ въ какой нибудь изъ извѣстныхъ возрастовъ — или ребенкомъ, или молодымъ человѣкомъ, или зрѣлымъ мужемъ и старцемъ. — Всѣ эти случаи, будучи понимаемы отвлеченно, равно возможны. Прежде чѣмъ разсмотрѣть ихъ относительную вѣроятность и остановиться на наиболѣе вѣроятномъ изъ нихъ, мы должны замѣтить, что Габибъ въ своемъ историческомъ трудѣ говорилъ главнѣйше о Славянахъ Испанскихъ, и еще развѣ вообще о Славянахъ мусульманскихъ, Азійскихъ, Африканскихъ и Сицилійскихъ. Вѣрность и основательность такого предположенія предстанутъ намъ съ очевидною ясностью, когда мы припомнимъ, что Славяне въ

торовъ, каковы тотъ же Джафаръ, Фатимъ и Габибъ. — Такимъ образомъ можно надѣяться, что въ вопросѣ столь важномъ и не напрасно теперь занимающемъ вниманіе ученыхъ объ отношеніяхъ Арійцевъ къ Семитамъ, Славянская стихія въ мусульманской Испаніи и вообще отношенія Славянъ къ Арабамъ, должны будутъ занять довольно видное мѣсто.

Прежде чѣмъ перейти къ позднѣйшимъ отношеніямъ Сла-

Испаніи были многочисленны, играли въ ней значительную роль, воспитывались въ мусульманствѣ и въ то же время долго не утрачивали своей народности, и слѣдовательно не только могли, но и должны были имѣть своего историка. Что замѣчаніе это какъ нельзя болѣе справедливо, можно видѣть изъ того, что 20 лѣтъ тому назадъ, Рено, еще не знавшій ничего о Габибѣ, уже считалъ возможнымъ вопросъ о Славянскомъ историкѣ въ Испаніи. Правда, онъ рѣшилъ его отрицательно; но тогда онъ не зналъ еще драгоцѣннаго извѣстія аль-Макари, толковалъ слово *Славяне* въ смыслѣ нарицательномъ и не догадывался о переходѣ Славянъ въ Испанію въ качествѣ охочихъ, вольныхъ и гулящихъ людей, не видѣлъ потому и возможности сохранять Славянамъ въ Испаніи свою народность. Но для насъ не важенъ его отвѣтъ; важно, что и въ немъ рождался такой вопросъ. «*Les Berbers, les, Slavons, —* говоритъ Рено, — *ne nous ont transmis aucun souvenir de leurs exploits; leurs enfants, si non eux-mêmes, embrassèrent l'islamisme; tout ce que nous savons sur les vaincus, nous les tenons des Arabes et des écrivains mahométans.* (Reinaud: *Invas. des Sarraz.* p. 248—249). *И такъ, Славянинъ Габибъ зналъ по-Арабски и по-Славянски, писалъ главнѣйше о Славянахъ Испанскихъ.* — Если Славянинъ Габибъ попалъ бы въ Испанію зрѣлымъ мужемъ или старцемъ изъ какой нибудь земли Славянской, то безспорно онъ легко бы могъ хорошо знать по-Славянски, помнитъ народныя преданія, но онъ не могъ бы успѣть выучиться по-Арабски на столько, чтобы хорошо овладѣть языкомъ письменнымъ. Въдъ Арабскій языкъ очень труденъ. Слѣдовательно Славянинъ Габибъ попалъ въ Испанію молодымъ человѣкомъ, въ такой возрастъ, когда бы могъ еще выучиться по-Арабски. Здѣсь опять можно убѣдиться въ томъ, что Славянинъ Габибъ писалъ главнѣйше о Славянахъ Испанскихъ; такъ какъ нельзя предполагать, что Славянинъ Габибъ, прибывъ въ Испанію молодымъ человѣкомъ, выучился по-Арабски и занялся сочиненіемъ записокъ о своемъ отечествѣ. Въдъ Габибъ жилъ въ XI в. Заставить его заняться такимъ трудомъ могла только одна привязанность къ его народности. Чѣмъ сильнѣе она была въ немъ, тѣмъ можетъ быть понятнѣе въ немъ намѣреніе взяться за такой трудъ, но за то тѣмъ труднѣе предполагать въ такомъ человѣкѣ, такъ крѣпко привязанномъ къ своему народу, малѣйшее желаніе учиться языку Арабскому. Слѣдовательно надо непременно согласиться, что Славянинъ Габибъ или родился уже въ Испаніи, или попалъ въ нее юношею или ребенкомъ, отъ чего и успѣлъ выучиться отлично по-Арабски, а своего роднаго языка не позабылъ только потому, что жилъ среди своихъ земляковъ, въ коихъ сознаніе своего Славянскаго происхожденія было развито чрезвычайно сильно, которые не забывали своей родной рѣчи и говорили на ней между собою. Отъ того-то и могъ изъ среды ихъ выйти свой историкъ.

вѣтъ къ Пиринейскому полуострову, нельзя пройти молчаніемъ двухъ вопросовъ, занимающихъ извѣстное мѣсто въ исторіи отношеній Славянъ къ Испаніи.

Отлагая до другаго времени приведеніе подробныхъ доказательствъ въ пользу того положенія, что въ слѣдствіе непрерывныхъ и давнишнихъ связей Славянъ съ Датчанами, въ походахъ Норманновъ, и преимущественно Датчанъ, на пышную Францію участвовали и Славяне, которые за одно съ Датчанами видѣли во Франкахъ главнѣйшихъ и опаснѣйшихъ враговъ своихъ и потому не могли не пользоваться удобнымъ случаемъ всячески вредить и мстить имъ. Однимъ словомъ Славяне не могли не желать вступать въ разбойничьи шайки Датчанъ, а тѣ въ свою очередь не могли имѣть ни малѣйшаго желанія имъ отказывать, такъ какъ *воровская, бродяжная жизнь*, открывая полный просторъ личности, болѣе способна развивать извѣстное чувство космополитизма, чѣмъ чувство національности, доходящее иногда до какой-то фанатической исключительности въ домо-сѣдахъ, живущихъ въ глуши и вообще разобщенныхъ съ иностранцами. Притомъ нельзя забывать, что Славянъ съ Датчанами въ ненависти къ Франкамъ соединяло одно чувство вражды къ новой вѣрѣ, христіанству¹. Наконецъ мы знаемъ, что Датчане ходили съ Лютичами на всегда враждовавшихъ съ послѣдними Бодричей,² которые льнули больше къ Франкамъ, тогда какъ Лютичи отличались своею ненавистью къ нимъ.

Отважные, воинственные и на сушѣ и на морѣ,³ Лютичи непременно должны были принимать участіе въ походахъ Дат-

1. О походахъ Датчанъ на Францію см. Zeuss: Die Deutschen u. die Nachbarstämme. München. 1837. Ss. 533—536.

2. Въ 808 г. князь Датскій Годофридъ ходилъ на Бодричей. «Erant cum Godofrido in expeditione praedicta Scavi qui dicuntur Wiltzi, qui propter antiquas inimicitias quas cum Abodritis habere solebant, sponte se copiis ejus conjunxerunt, ipsoque in regnum suum revertente, cum praeda quam in Abodritis capere potuerunt et ipsi domum regressi sunt». Einh. Ann. Pertz, I, 195. Франки называли Бодричей *своими*: congregati sunt Scavi nostri, qui dicuntur Abodriti. Chr. Moiss. 798 ann. Pertz, I, 303.

3. Эгингардъ говоритъ о Лютичахъ подъ 789 г.: Natio quaedam Scavenorum est in Germania, sedens super litus oceani, quae propria lingua Welatabi, francica autem Wiltzi vocatur. Ea Francis semper inimica et vicinos suos qui Francis vel sub-

чанъ, Нормановъ на Францію. Еще въ XI в. ходили они съ Датчанами на Англію,¹ въ IX в. на Бодричей. Отчего же имъ было не ходить и на Францію? тѣмъ болѣе, что и въ разныхъ по видимому дѣйствіяхъ Датчанъ и Славянъ нельзя не усмотрѣть какой-то связи, заставляющей предполагать извѣстную стачку между ними².

jecti vel foederati erant, odiis insectari, belloque premere ac lacessere solebat. Cujus instantiam rex longius sibi non ferendam ratus bello eam adgredi statuit. Pertz, I, 175. 3. Gens illa, quamvis bellicosa et in sua numerositate confidens. ibid. Germania... gentibus incolitur quam plurimis, ferocissimis... inter quas una ceteris crudelior... gens Leuticorum barbara, omni crudelitate ferocior. (Глаберъ Род.).

1. Leutetia quoque pro Anglicis opibus auxiliares turmas mittebat. In ea populosissima natio consistebat, quae gentilitatis adhuc errore detenta verum Deum nesciebat... Haec gens terra marique proeliari perita erat. Order. Vit. Utic. Mon. Eccl. Hist. I. IV. (у Дюшена Hist. Norm. Scr. ant.).

2. Prud. Trecens. Ann. 839 г. Descriptis itaque atque destinatis, qui secum Baioariam, si necessitas compelleret, quique cum filio suo Carolo Cavallonem contra motus Aquitanicos, quibus cum Pippino, Pippini filio, quidam Aquitanorum nuper ab imperatore defecerant, compescendos, etiam cum Saxonibus adversus Danorum Sclavorumque qui ferebantur incursus occurrerent, ipse in Cruciniaco castro sese venationibus alacriter exercendo, missorum in Baioariam directorum reditum statuit operiri. Pertz, I, 435. Id. 855 г. Roric et Godefridus nequaquam arridentibus sibi successibus Dorestado se continent, et parte maxima Fresiae potiuntur. Iludowicus, rex Germanorum, crebris Slavorum defectionibus agitur. Pertz, I, 449. Id. 856 г. Piratae Danorum 14 Kal. Maii civitatem Aurelianis adeunt, praedantur et impune revertuntur. Comites pene omnes ex regno Karli cum Aquitanis adversus eum conjurant, invitantes Iludovicum, regem Germanorum, ad suum consilium perficiendum quo diutius in expeditione Sclavorum detento, ubi et magnam partem sui exercitus amisit, isti moras illius non ferentes, Karlo regi reconciliantur. Pertz, I, 449—450. См. также Depping: Hist. des expéd. marit. des Normands, et de leur établissement en France au dixième siècle. Paris. MDCCCXXVI. La flotte qui était sortie du Nord contre la Frise se composait, suivant les historiens, de Danois, de Norvégiens et même d'Obotrites. (I, 162). Les vainqueurs allèrent porter ensuite la terreur dans d'autres pays. Peut-être est-ce la même troupe qui, à la fin de l'année, se porta sur Paris, et que l'on disait composée de gens de diverses nations (I, 163). Если ходили съ Датчанами Бодричи, которые у Франковъ назывались нашими (nostri), то подавно должны были ходить непримиримые враги Франковъ, Лютичи. Мнѣ пріятно напомнить здѣсь читателю, что уже Шафарикъ считалъ необходимымъ представить предположеніе объ участи Лютичей въ походахъ Датчанъ на Францію. Мы указали уже на слова Деппинга о Бодричахъ; и они вѣдь не всегда льнули къ Франкамъ, а дружили тоже съ Датчанами; такъ Эгингардъ говоритъ подъ 821 г.: De

Въ к. XII и въ нач. XIII в. мы находимъ во Франціи Норманна, посящаго имя, не объяснимое по Шѣмецки и чисто звучащее по Славянски. Имя это *Волкашинъ* или *Вулкашинъ*: 1) *Ne Vulcasino Normanno ita erit*; 2) *Totum residuum Vulcasini domino regi Franciae remanebit* (Dusch. Script.. p. 1055. Charta pacis factae inter Regem Franciae et Regem Angliae Joannem anno MCC) 3) *in perpetuum dimittimus et quittamus Gisortium et Neelpham et Volcasinum Normannum*. (Charta de pace Exolduni inter duos Reges, anno MCXCV).

Въ одной договорной грамотѣ Триеста 1202 г. въ ряду многихъ другихъ Славянскихъ именъ, читаемъ: *D. Voccassinus*; изъ другихъ въ ней именъ указываемъ на слѣд.—*Lo. de Budina.* — *Jubanus.* — *Maliez.* — *Wocina.* — *Jo. Sclavo.* — *Bor. Wolziza.* — *Valter Sclavo. Stanco Crabre.* — *Stoianus Sclavo.* — *Peruinus.* — *Miro. Pactum Tergestinae civit. 1202 Tafel u. Thomas I, 386 sqq.*)

parte Danorum omnia quieta eo anno fuerunt et Haerioldus a filiis Godofridi in societatem regni receptus quae res tranquillum inter ejus hujus temporis statum fecisse putatur. *Sed quia Ceadragus, Abodritorum princeps perfidiae et cujusdam cum filiis Godofridi factae societatis notabatur, Sclaomir, aemulus ejus, in patriam remittitur, qui cum in Saxoniam venisset, aegritudine decubuit, perceptoque baptismi sacramento, defunctus est.* Pertz, I, 208. Нельзя также не замѣтить, что и другія вѣтви Славянъ Балтійскихъ могли ходить съ Датчанами. Вспомните слова Адама Бременскаго: *Multae sunt insulae in hoc sinu, quas Dani et Sueones omnes habent in sua ditone, aliquas etiam Slavi tenent. Illarum autem insularum, quae Slavis adjacent, insigniores accepimus tres. Quarum prima Fembre vocatur. Altra est contra Wilzos posita, quam Rani vel Runi possident, fortissima Slavorum gens, extra quorum sententiam de publicis rebus nihil agi lex est, ita illi metuuntur propter familiaritatem deorum vel potius daemonum, quos majori cultu ceteris venerantur. Ambae igitur hae insulae piratis et cruentissimis latronibus plenae sunt, qui et nemini parcunt ex transeuntibus.* Срви. также Ширна: *Om den slaviska Oprindelse til nogle Stedsnavne paa de danske SmaaØer.* (Historiske Studier af Frederik Schiern. Kjobenhavn. 1857. II, 440 и сл.). Были поселенія Славянскія и на другихъ островахъ, что впрочемъ видно уже и изъ словъ Адама Бременскаго (*Illarum autem insularum, quae Slavis adjacent, insigniores accepimus tres*); значить, были и меньшіе, не столь значительные. Славяне говорили Датчанамъ: *«Fines vestri, armis et exercitiis nostris miserabiliter obtriti, situ marcidi culturaeque inopes jacent; nostrarum diffusio partium vix alendae, quam genuit, multitudini sufficit».* (Sax. Gram. I. XIV. p. 756). Были поселенія Славянскія на островѣ Зеландіи: *Sialandia ab ortu et meridie marcida situ vastitate torpebat. Siquidem agrestium inops patriae loco praedonibus fuit.* (Sax. Gram. I. XIV. p. 706). Ширнъ весьма основательно предпола-

Если какъ Лютичи, такъ и другіе Славяне, могли и даже лучше не могли не ходить съ Датчаами на Францію, то точно также они могли ходить съ ними и въ Испанію. Первое нападеніе Норманновъ на Испанію случилось въ 827 г. (см. Derring I, 111; 134—5; 164—5; 185—6; 180 etc.).

Арабы называли ихъ *Маджу* (Majus), т. е. огнепоклонниками, печестивыми, погаными, какое названіе давалось ими язычникамъ, всѣмъ не мусульманамъ и не христіанамъ.

Изъ аль-Макари узнаемъ, что набѣги и пабзды Норманновъ на Испанію продолжались почти до 1145—6 г., времени, когда въ Кадиксѣ была разрушена одна башня, служившая чѣмъ-то въ родѣ маяка для этихъ печестивыхъ. Аль-Макари, или лучше, цитуемый имъ Арабскій авторъ, жившій въ XII в., говоритъ: «Нѣкогда ходили по океану большія суда, извѣстныя у Андалузцевъ подъ именемъ *каракиръ*, съ четырехугольнымъ парусомъ

гаеть, что епископъ Абсалонъ въ походы свои на Рюанъ и Номорянъ занималъ дружины у этихъ Славянскихъ поселенцевъ на островахъ Датскихъ; приводитъ примѣры того, что многіе Датчане умѣли говорить по-Славянски, вѣроятно выучиваясь по-Славянски отъ этихъ поселенцевъ. Такъ Guthscalvus, qui et ipse Sclavis, tum ob linguae eorum peritiam, tum ob paternae amicitiae favorem ac proprii convictus assuetudinem, perfamiliaris habebatur (Sax. Gram. I. XIV, p. 814). Placuit Nicolaum Falstricum, quod Slavicae gentis linguam calleret, explorandi hostium successus gratiam ad Jarimarum dimitti (Sax. Gram. I. XVI, p. 973). Островъ Лоландъ, отстоящій отъ Славянскаго острова Фемерна почти на 3 мили, имѣлъ также поселенія Славянскія — Quum Laland interius vadat ad confinia Sclavorum (Ад.Брем.). Саксонъ Грамм. говоритъ, что было время, когда островъ Лоландъ платилъ дань князьямъ Славянскимъ. Когда Валдемаръ и Абсалонъ отправлялись въ походъ на Славянъ, то Лоландцы всегда получали приказаніе отплыть уже по отплытіи флота Датскаго — ne, longa praescientia edocti, furtim ad Sclavos imperatae rei indicia deferrent (Sax. Gram. I. XIV, p. 741). Мѣстныя названія подтверждаютъ бытность Славянскихъ поселеній не только на островѣ Лоландѣ, но и на островахъ Лангеландѣ и Фальстерѣ. Вообще нѣтъ никакой возможности отрицать участіе Славянъ въ походахъ Норманновъ, Датчанъ. Императорско-папская Европа въ X в. главнѣйшихъ враговъ своихъ имѣла, кромѣ Сарацынъ, въ Мадьярахъ, Датчаныхъ и Славянахъ: Hinc etenim saeva Danorum gens terra marique potens, insentifida Sclavorum rabies barbarorum frendens inhorruit; Ungrorum nihilominus insecuta crudelitas (Руотгеръ: Жизнь Брунона, ок. 966—967 г.). Точно такъ же участвовали въ походахъ Угровъ на Германію и Италію и Славяне. Объ этомъ въ иномъ мѣстѣ, а теперь позволяю себѣ указать на замѣчательную статью г. Елагина: «Мѣсто Венгровъ среди народовъ Европы». (Русск. Бес. 1858. № 1. С. 117 и сл.).

на кормѣ и съ такимъ же на носу; на нихъ разбѣзжали Маджу (Majús), народъ весьма сильный, рѣшительный и ловкій въ мореплаваніи (people of great strength, determination and much practice in navigation). Приставъ къ берегу, они все опустошали огнемъ и мечемъ и совершали неслыханныя злодѣйства (committed unheard-of ravages and cruelties), такъ что при ихъ приближеніи жители съ своими вещами бѣжали въ горы и весь берегъ пустѣлъ. Наѣзды этихъ варваровъ бывали періодическіе: они происходили каждыя шесть или семь лѣтъ; число ихъ кораблей не бывало меньше сорока, а иногда доходило до сотни; они истребляли все, что ни встрѣчали на морѣ. Башня, мною описанная, была имъ извѣстна и по указываемому ей направленію во всякое время они легко проникали въ проливъ, входили въ Средиземное море, опустошали берега Андалузіи и сосѣдніе ей острова, простирая иногда свои опустошенія до береговъ Сиріи. Когда же идола былъ низверженъ въ 1145—6 г., то болѣе уже ничего не стало слышно объ этомъ народѣ и уже не было видно ихъ *каракиръ* въ этихъ моряхъ, за исключеніемъ двухъ, потерпѣвшихъ крушеніе на этомъ берегу, одного въ *Мерсу-ль-Маджу* (Mersu-l-Majús—портъ Маджу) и другаго у мыса *аль-Агар* (Al-Aghar).— (Gayang. I, 78 etc.).

У аль-Макари находится болѣе подробное описаніе этихъ походовъ. Такъ у него читаемъ: «Во дни Абдуррахмана Маджу появились на берегахъ Андалузіи и овладѣли Севильею. Абдуррахманъ посылаетъ противъ нихъ войско изъ Кордовы. они оставляютъ свои корабли и вступаютъ въ бой съ мусульманами, которыхъ и разбили (after severe contest); но по прибытіи новыхъ подкрѣпленій изъ Кордовы, мусульмане снова напали на нихъ, обратили ихъ въ бѣгство, ограбили и сожгли нѣсколько кораблей. Послѣ того Маджу пошли къ Шидунѣ (Сидонія), гдѣ они оставались два дня, грабивъ окрестности; но услыхавъ, что флотъ Абдуррахмановъ подошелъ къ Севильѣ, они снова удалились на свои корабли и пристали къ берегу (Niebla), который прошли они, уводя въ плѣнъ жителей. Отсюда пошли они сухимъ путемъ къ Бейѣ и наконецъ къ Лиссабону, откуда они и пустились обратно въ море. Болѣе о нихъ ничего не было слышно. Это происходило въ 230 г. (въ сент.

844 г.) и Андалузія избавилась отъ ихъ грабежей. Абдурахманъ поѣтилъ ихъ мѣстности, гдѣ они побывали, возобновилъ разоренное и усиленіемъ гарнизоновъ обезпечилъ страну отъ будущихъ нападеній этихъ вурваровъ». (Gayang. II, 116)¹.

Ап-Нуваири сообщаетъ объ этомъ наѣздѣ гораздо болѣе подробностей: «Въ 330 г. изъ отдаленныхъ округовъ они пошли на земли мусульманскія. Прежде всего они явились у Лиссабона въ 229 г. (авг. или сент. 884 г.). Пробывши въ этомъ городѣ около тринадцати дней, въ теченіи которыхъ у нихъ было

1. О плаваніяхъ Норманновъ, Датчанъ въ Средиземномъ морѣ говоритъ также Себастьянъ епископъ Саламанкскій (Sandoval. Historias. Pamplona. 1634. p. 55): Normanni piratae his temporibus ad nostra litora pervenerunt. Deinde Hispaniam porrexerunt, omnem ejus maritimam gladio igneque praedando dissipaverunt. Deinde mari transvecti Nacchor civitatem Mauritaniae invaserunt, ibique multitudinem Caldeorum interfecerunt. Deinde Majoricam, Formenteram et Minoricam insulas adgressi gladio depopulaverunt. Post Graeciam advecti, post triennium in patriam sunt reversi. (Zeuss. I. I. S. 532). Около того же времени говорятъ Берг. Лвт. Dani qui in Rhodano fuerant, Italiam petunt et Pisas civitatem aliasque capiunt, depraedantur atque devastant (ibid.). — Въ своемъ описаніи Африки Абу-Обейдъ-Иллахъ-аль-Бекри передаетъ одинъ любопытный разсказъ о Маджу. Вотъ его слова, въ переводѣ Катрмера: «Asilah est la première ville de l'Adwah (la Mauritanie) dont elle occupe la partie occidentale; elle est située dans une plaine et entourée de petites collines; la mer la baigne à l'occident et au nord... La ville est de construction récente et doit sa fondation à l'événement que nous allons rapporter. Les Madjous (знаменитый переводчикъ ставитъ въ скобкахъ — les Normands) attaquèrent deux fois le port. La première fois qu'ils s'y présentèrent en armes, ils prétendirent avoir déposé dans la ville de riches trésors. Les Berbers s'étant réunis pour les combattre, les Madjous leur dirent: «Nous ne sommes pas venu pour vous faire la guerre; mais ce lieu recèle des richesses qui nous appartiennent; placez vous à l'écart; afin que nous puissions les retirer et nous nous engageons à partager avec nous». Les Berbers acceptèrent cette condition, et se tinrent à l'écart. Les Madjous se mirent à creuser un espace de terrain, en tirèrent une quantité de dokhn (millet) pourri. Les Berbers voyant la couleur jaune de ce grain, et s'imaginant que c'était de l'or, accoururent pour l'enlever. Les Madjous, effrayés, s'enfuirent vers leurs vaisseaux. Les Berbers ayant reconnu que tout leur butin consistait en millet, se repentirent de ce qu'ils venaient de faire, et invitèrent les Madjous à débarquer de nouveau pour enlever leurs richesses; mais ceux-ci refusèrent, et dirent aux Berbers: «Vous avez une fois violé vos engagements, vous n'avez plus aucun droit à notre confiance». Ils partirent aussitôt, firent voile par l'Espagne, l'an 229, sous le règne de l'imam Abd-al-rahman ben Hakam. — Pour ce qui concerne la seconde expédition de Madjous leurs vaisseaux, à leur retour de l'Espagne, furent poussés par le vent vers le port d'Asilah, et quelques uns de leurs bâtimens coulèrent à fond, à l'entrée occidentale de la rade; et de là cet endroit a pris et conserve encore aujourd'hui le nom de *porte des Madjous*». (Notices et extraits des manuscrits de la biblioth. du roy. XII, 568—569).

нѣсколько стычекъ съ мусульманами, они пошли на Кайись (perhaps Cadiz), оттуда на Шидуна (Chidúnah), гдѣ вступили въ большое сраженіе съ мусульманами. Оттуда они направились къ Севильѣ, куда прибыли 24 сент. 844 г. и расположились въ 12 парсагахъ отъ этого города. Черезъ четыре дня (28 сент.) мусульмане выступили противъ нихъ и потерпѣли великое поражение. Маджу подошли ближе къ городу—расположились отъ него на разстояніе двухъ миль. Севильскіе жители снова вышли противъ нихъ и снова были разбиты съ великою потерей плѣнныхъ и убитыхъ, и мечъ Маджу не останавливался ни передъ человѣкомъ, ни передъ скотомъ, пока не овладѣли они городомъ. Это послѣднее произошло 30 сент. Пробывъ въ Севильѣ цѣлыя сутки, Маджу воротились къ своимъ кораблямъ.

Между тѣмъ противъ нихъ шло войско султана, о чемъ узнавъ, Маджу вышли къ нему на встрѣчу; произошло кровопролитное сраженіе; мусульмане, собравъ все свое мужество, дрались отчаянно и погнали ихъ къ кораблямъ, положивъ на мѣстѣ семьдесятъ человѣкъ изъ нихъ, мусульмане позволили имъ сѣсть на суда и удалились отъ нихъ. Вскорѣ потомъ другой отрядъ войска, посланный эмиромъ Абдуррахманомъ, появился въ тѣхъ же окрестностяхъ и Маджу, покинувъ свои корабли, нанали на него съ великою яростью и принудили его удалиться. Мусульмане однако воротились и вторично сразились съ ними 16-го ноября 844 г. Припасы и охотники шли къ нимъ отовсюду; Маджу потерпѣли поражение, потерявъ около пяти сотъ человѣкъ и четыре своихъ корабля, которые сожгли они, вышувъ изъ нихъ все цѣнное.

Маджу пошли потомъ на Leslah (?) и взяли Shineba (?). Они пристали къ острову, близко Кадикса, гдѣ и стали дѣлить свою добычу: въ это время мусульмане спустились рѣкою и убили двоихъ изъ нихъ. Отсюда Маджу пошли къ Шидунѣ; но услышавъ, что флотъ Абдуррахмановъ прибылъ къ Севильѣ, они пошли на Либлю (Liblah-Niebla) которую взяли и разорили, затѣмъ къ Оксунобѣ (Oksunobah-Ossonobah), къ Бейѣ и наконецъ къ Лиссабону. То было послѣднимъ мѣстомъ, гдѣ они производили свои грабежи, потому что оттуда отплыли и ничего нѣсколько времени не было слышно о нихъ». (II, 431—2).

Какъ изъ ихъ подвиговъ, такъ и изъ числа убитыхъ едва ли не болѣе 500 человекъ (70, 2, около 500, а о другихъ случаяхъ конечно еще умолчано) непременно заключать надо, что число всѣхъ этихъ Маджу, грабившихъ Андалузію въ 844 г., несравненно превосходило тысячу человекъ¹.

У аль-Макари сохраненъ рассказъ о другомъ ихъ походѣ въ X в. «Въ нач. 964 г. (354 г.) корабли Маджу появились у береговъ океана. Высадившись у Лиссабона, они стали опустошать окрестную страну, но жители взяли за оружіе, сразились съ ними и заставили ихъ удалиться къ своимъ кораблямъ. Едва только разнеслась вѣсть объ ихъ высадкѣ, какъ аль-Гакемъ лично явился въ эти округи и позаботился о защитѣ берега, приказавъ своему адмиралу Ромагису снарядить флотъ и напасть на нихъ: но это было уже излишне, такъ какъ пришло извѣстіе, что они вездѣ были разбиты жителями и отплыли съ поспѣшностью и въ великомъ замѣшательствѣ» (II, 159).

На вопросъ въ числѣ этихъ Маджу, этихъ поганныхъ и нечестивыхъ, часто, почти періодически нападавшихъ на Испанію въ IX—XII в., не бывали ли и Славяне, именно Балтійскіе? на вопросъ этотъ не рѣшаемся отвѣчать отрицательно.—Любопытно, что Маджу пристають обыкновенно къ Лиссабону, неподалеку отъ котораго, подлѣ Сантарема, находилось Славянское поселеніе, какъ то кажется слѣдуетъ заключать изъ словъ Якута.

Почтенный академикъ Куникъ, которому тоже представился было этотъ вопросъ, едва ли не слишкомъ поспѣшно отвѣчалъ на него отрицательно (См. *Beruf d. Schwed. Rodzen S. 306 Ac.*).

Замѣтимъ, что названіе Маджу могло быть даваемо и Балтійскимъ Славянамъ, такъ какъ этимъ именемъ назывались у

1. Массуди въ Золотыхъ Лугахъ именно замѣчаетъ: «A short time to the beginning of the fourth century of the Hijrah, ships landed in Spain which had thousands of men on board...» (*Moroudj-al-dzeheb. El-Mas'udi's Historic. Encyclop.. Al. Sprenger. London. MDCCCXLI. I, 373*). У Фрепа: «noch vor dem Jahre des H. 300 waren in Spanien Seeschiffe gelandet mit Tausenden von Menschen angefüllt...» (*Ibn-Fossl. Ber. S. 137*. См. также *Géogr. d'Aboul-féda trad. de l'arabe en français et accomp. de notes et d'éclaircissements par M. Reinaud. Paris. MDCCCXLVIII. p. CCXCVIII et suiv.*).

Арабовъ на одни Скандинавы, Норманны, но вообще всё немусульмане и нехристиане, а язычники¹.

Тѣсныя связи Славянъ Балтійскихъ съ Датчанами, войны Славянъ съ Франками, плѣнники и заложники Славянскіе во Франціи, посольства Славянъ къ Карлу Великому и его преем-

1. Такъ назывались Маджу-Берберы, неприявшіе исламизма (Reinaud: *Inv. des Sar.* p. 244); такъ Массуди говоритъ про одинъ народъ Кавказскій (Kashak): «They are a great nation and follow the *Magian religion*» (Sprenger I, 436); такъ въ Книгѣ Чудесъ Ибрагима Весифъ Шаха († 1228 г.) сказано про Славянъ: «Quant aux Slaves, ils se composent d'une multitude de peuplades. Les uns sont Chrétiens; d'autres professent le *Paganisme* (ou *Magisme*) et adorent le soleil... La plupart de leurs tribus sont *Paiennes* (*Mages*), et ils se brulent eux-mêmes» (Charmoy: *Relat. de Mass.* p. 326); такъ аль-Макари, сказавъ о Ваудалахъ (Andalush), какъ о первобытныхъ и коренныхъ жителяхъ Испаніи, называетъ ихъ *Маджу* (*Majús*). (Gayang. I, 23). Аль-Истахри (ок. 950 г.): Sie reden drei Sprachen, die Parsi, welches alle reden und dessen sie sich in ihren Briefen und Schriften bedienen, die unter ihnen wohnenden *Magier* bedienen sich des Pehlvi in ihren Schriften». (Mordtmann: *Das Buch der Länder.* Hamburg. 1845. S. 70). «Mokau enthält viele Dörfer, die von *Magiern* bewohnt sind» (ib. S. 89). Аль-Макари, разсказавъ о посольствахъ къ Абдурахману III отъ императоровъ Греческаго и Германскаго, королей Франковъ и Славянъ, приводитъ вельдь за тѣмъ (на слѣдующей же страницѣ) слова Ибнъ-Гайяна: «Всякій народъ, слышавшій о немъ (Абдурахманъ), посылалъ къ нему пословъ. Государи Грековъ, Франковъ и *Маджу* всё присылали пословъ къ его двору.» (Gayang. II, 140). Кого разумѣть здѣсь надо подъ именемъ государя *Маджу*? Основательно ли поступилъ Гаянгосъ, поставивъ при семь въ скобкахъ: Northmen? Конечно нѣтъ. Ни аль-Макари, ни Ибнъ-Халдунъ, ни Хаздай и пр. не говорятъ ни слова о посольствѣ Норманскомъ и въ то же время единогласно свидѣтельствуютъ о посольствѣ Славянскомъ. Слѣдовательно здѣсь подъ *Маджу* надо разумѣть тѣхъ Славянъ, что присылали посольство къ Абдурахману III. У аль-Макари передавъ любопытный разсказъ объ одномъ аль-Гаццалѣ, бывшемъ посломъ у Греческаго императора Теофила въ 839 г.: «Abu-l-khattâb Ibn-Dihyah relates, in his work entitled *Al-muttrib*, that he was also sent (on an embassy) to the land of the *Majús*. Al-Ghazzal was then very near his fiftieth year; but, though his hair was gray, he had still all the appearance of youth and strength. The queen, whose name was *Tûda*, having asked him one day what his age was, he asked in jest twenty». (Gayang. II, 115). Гаянгосъ при словахъ: *land of the Majús* дѣлаетъ слѣдующее замѣчаніе: «The Arabes give the name of *Majús* indifferently to all the nations inhabiting the northern parts of Europe». (Gayang. II, 431). — Туда, Тьюда могла быть какою нибудь Теоделицдою, могла ею и не быть; могла же быть какою нибудь *Тудю* или другою какою, т. е. вообще Славянкою, а не Нѣмкою; ибо гораздо правдоподобнѣе предположить, что скорѣе аль-Гаццалъ былъ у какихъ нибудь Славянъ, чѣмъ у Датчанъ или Скандинавовъ (въ IX в.), съ которыми Арабы не вели никакихъ переговоровъ и въ позднѣйшія времена, тогда какъ положительно извѣстно, что въ X в. существовали взаимныя связи между Славянами и Арабами Испанскими.

никамъ, набѣги Сарацынъ на Францію, ихъ посольства къ Карлу и его преемникамъ, ихъ войны съ ними — такъ или иначе должны были ознакомить Славянъ Балтійскихъ съ Арабами Испанскими, хотя по слухамъ; если же вспомнимъ о бытности Славянъ въ Испаніи въ IX — XI в. и объ ихъ значеніи въ этой странѣ, то легко согласимся, что Славяне Балтійскіе могли знать Арабовъ и ихъ Испанію — и не по однимъ слухамъ. — Молва о грозныхъ Сарацынахъ, ненавистныхъ Франкамъ, не могла не доходить до Славянъ.

Природная удалъ и отвага, привычка къ морю, не говоря уже о простомъ желаніи поглядѣть страну, гдѣ были ихъ соплеменники и даже земляки, — уже одни могли Славянамъ внушить охоту ходить въ Испанію, а примѣръ Датчанъ, съ которыми они по всей вѣроятности не однажды ходили на Францію, — точно также, какъ и собственныя свои суда весьма облегчали Славянамъ набѣги ихъ на Испанію.

Г. Куника привело кажется къ отрицательному отвѣту то главнѣйше соображеніе его, что въ IX — XI в. стремленіе Славянъ и Норманновъ были совершенно противоположныя (slawisches und normannisches Treiben); присемъ же онъ вкратцѣ указалъ на значеніе Славянъ въ мусульманской Испаніи.

Нельзя умолчать, что замѣчаніе о томъ, будто бы движенія Норманновъ и Славянъ въ IX—XI в. были совершенно противоположныя, — не отличается большою справедливостью, ибо какъ то мы видѣли, уже выше, тѣсныя связи Славянъ съ Датчанами были давнишнія и скрѣплялись непримиримою враждою тѣхъ и другихъ къ Франкамъ и ихъ политикѣ.

Наконецъ изъ того, что одни Славяне были мусульманами, занимали важныя должности и даже бывали государями (въ XI в.) въ мусульманской Испаніи, едва ли слѣдуетъ, что другимъ Славянамъ невозможно было нападать на Испанію вмѣстѣ съ Датчанами, если не отдѣльно. Извѣстно, что если Славяне Балтійскіе и попадали мирно въ Испанію, то вовсе не добровольно, а какъ рабы и военно-плѣнные Франковъ; очень можетъ быть, что иные изъ нихъ желали даже попасть въ Испанію, чтобы скорѣе освободиться отъ Франковъ. Понятно кажется, что такія желанія не заслуживаютъ названія движенія, направленія. Добровольно же

въ Испанію стремились Славяне не Балтійскіе, но сѣверо-западные и южныя, у которыхъ вслѣдствіе разныхъ обстоятельствъ давно завязались съ Арабами тѣсныя связи. Извѣстно, что императоръ Юстиніанъ былъ природный Славянинъ, въ VI в. и позже многіе Славяне занимаютъ въ Восточной имперіи важныя должности, что однако вовсе не мѣшаетъ прочимъ Славянамъ, ихъ же землякамъ, нападать на имперію, грабить и разорять ее.

Внутри одного и того же народа и подавно цѣлаго обширнаго племени, особенно въ тогдашнія времена, легко образовывались противоположныя движенія и направленія. Такъ движеніе Бодричей, постоянно льнувшихъ къ Франкамъ, совершенно было противоположно движенію Лютичей, возстававшихъ противъ Франковъ и тѣснившихъ Бодричей.

Замѣчательнѣйшій писатель Арабскій XI в., никогда не выѣзжавшій изъ Испаніи, говоритъ про Славянъ, что то «народъ буйный, сильный и могущественный. Если бы они не были раздѣлены на великое число поколѣній и народцевъ, то ни одинъ народъ въ мірѣ не могъ бы имъ противустоять».

Нѣтъ сомнѣнія, аль-Бекри при этихъ словахъ разумѣлъ не внѣшнее дѣленіе Славянъ, въ слѣдствіе котораго разные народы носили разныя названія, а раздѣленіе внутреннее, ихъ взаимныя распри и усобицы (этихъ незаконныхъ дѣтей свободы, по удачному выраженію Палацкаго), мѣшавшія имъ дѣйствовать совокупно противъ общихъ враговъ. И такъ аль-Бекри говоритъ собственно: «если бы Славяне отличались внутреннимъ согласіемъ и единодушіемъ, то ни одинъ народъ въ мірѣ не могъ бы имъ противустоять». Очевидно, онъ не исключаетъ и самихъ Арабовъ. Какимъ же образомъ такой умный писатель и осторожный критикъ, какъ аль-Бекри, никогда не выѣзжавшій изъ Испаніи, рѣшился утверждать, что и Арабы (Испанскіе) были бы не въ силахъ противиться Славянамъ, если бы они отличались большимъ единодушіемъ? Значитъ, бывали случаи, когда Арабы, и именно Испанскіе, могли на себѣ испытать силы Славянъ, этого «буйнаго, сильнаго и могущественнаго народа» (*nation redoutable, puissante et impétueuse*).

«Но почему же источники не говорятъ о Славянахъ, а упоминаютъ объ однихъ Датчанахъ или Норманнахъ? Многія име-

на вождей, нападавшихъ на Францію, намъ извѣстны. Они Нѣмецкія». Zeuss. I. I. S. 533 ff.).

Но источники Нѣмецкіе могли разумѣть подъ Датчанами и Славянъ, жившихъ напр. на островахъ Датскихъ, точно также, какъ для Французовъ и Славяне Балтійскіе могли быть сѣверными людьми. Имена собственныя еще ничего не доказываютъ, такъ какъ предположивъ участіе Славянъ въ шайкахъ Датчанъ, Норманновъ, непременно надо допустить, что вожди ихъ носили двойныя имена, какъ Славянскія, такъ и Нѣмецкія. Лѣтописцамъ Нѣмецкимъ, записавшимъ ихъ имена, конечно легче было передавать имена Нѣмецкія, нежели Славянскія.

«Аль-Макари и другіе Арабскіе писатели знали Славянъ подъ именемъ *Сиклабъ*, *Сакалмба* и потому не стали бы называть именемъ Маджу нападавшихъ на Испанію въ IX—XII в. морскихъ разбойниковъ, если бы они дѣйствительно были Славяне».

Но названіе Маджу — поганыхъ, нечестивыхъ было даваемо не только Норманнамъ, но и всѣмъ другимъ народамъ, жившимъ въ язычествѣ, въ томъ числѣ и Славянамъ. Оно очень хорошо могло идти именно къ Балтійскимъ Славянамъ, Лютичамъ и другимъ, долго остававшимся въ язычествѣ, и нападавшимъ напр. за одно съ Датчанами на Испанію; смѣшанный же составъ этихъ морскихъ дружинъ не позволялъ называть ихъ Славянами-*Сакалмба*.

Въ слѣдствіе всѣхъ этихъ соображеній не могу въ настоящее время позволить себѣ отвѣта отрицательнаго на вопросъ: въ числѣ Маджу, періодически нападавшихъ на Испанію въ теченіи X—XII в., не бывали ли и Славяне, именно Балтійскіе, особенно же Лютичи и поселенцы Славянскіе на островахъ Датскихъ?

Весьма понятно, что вопросъ этотъ, занимая извѣстное мѣсто въ исторіи отношеній Славянъ къ Испаніи, находится въ тѣсной связи съ другими вопросами напр. о степени предприимчивости и удалства Славянъ Балтійскихъ, объ ихъ морскихъ силахъ, о давности и дружественности сношеній ихъ съ Датчанами, вопросами, весьма важными для исторіи отношеній Славянъ Балтійскихъ не только къ Даніи, но и къ Англии и къ Славянамъ Русскимъ.

Исторія отношеній Славянъ къ Испаніи, не маловажная

органическая часть общей исторіи міра Славянскаго, кажется начинается не съ господства Арабовъ въ Испаніи, съ которыми проникли въ нее Славяне и тѣмъ завязали сношенія своихъ со-племенниковъ съ этою странюю.—Разумѣю здѣсь уже выше изложенное у меня мнѣніе Шафарика о Славянской стихіи въ Вандалахъ. И здѣсь нельзя не замѣтить, что исторія Славянъ въ Испаніи наводитъ на необходимость тщательныхъ и подробныхъ изысканій о Вандалахъ, о судьбахъ ихъ въ Испаніи и въ Африкѣ. Если же согласно Шафарику придется признать въ нихъ стихію Славянскую, то неизбежно явится вопросъ: эти два періода исторіи Славянъ въ Испаніи — Вандальскій и Арабскій находятся ли въ какой нибудь взаимной связи? иными словами, Славяне, пришедшіе съ Арабами въ Африку и въ Испанію, не нашли ли въ части Вандаловъ, оставшихся въ Испаніи, своихъ соплеменниковъ и тѣмъ взаимно не усилили ли возможности сохраненія своей народности и на будущее время? Знали ли Славяне Испанскіе въ періодъ Арабскій о томъ, что и задолго до нихъ, въ Испаніи, въ періодъ Вандальскій, жили Славяне, ихъ соплеменники?

ЖИ. Если справедливо, что Славяне попадали въ мусульманскую Испанію не только черезъ Сицилию, изъ рукъ Франковъ, рабами и военнопленными, но и въ качествѣ охочихъ, вольныхъ, гулящихъ людей, то безспорно, что эти послѣдніе преимущественно были изъ Славянъ Адриатическихъ, о тѣсныхъ и постоянныхъ сношеніяхъ которыхъ съ Арабами въ Сициліи, въ Африкѣ мы имѣли уже случай говорить въ статьѣ о Славянахъ въ Африкѣ.

Если справедливо, что сношенія Славянъ съ Испанскими Арабами, о которыхъ мы знаемъ изъ свидѣтельствъ Массуди, Ибнъ-Хаукала, Ибнъ-Гайяна и Ебнъ-Спрота Хаздая, именно потому и завязались, что въ Испаніи мусульманской жило много Славянъ, сохранявшихъ долго свою народность, — то непременно надо утверждать, что кромѣ Русскихъ и Карпатскихъ Славянъ съ мусульманскою Испаніею въ періодъ X — XI в., когда Славяне играютъ въ ней весьма немаловажную роль, находились въ общеніи и другіе народы Славянскіе, напр. Дубровничане и

другіе Далматинцы¹, выславшіе изъ своей среды охочихъ, вольныхъ и гулящихъ людей на службу къ Арабамъ не только въ Сицилію и Африку, но и въ Испанію.

Если припомнимъ силу и значеніе Арабовъ въ Средиземномъ морѣ, состояніе Альмеріи, гдѣ въ XI в. одинъ за другимъ царствовали два брата Славянина, то мы смѣло рѣшимся утверждать, что въ исторіи отношеній Славянъ къ Испаніи существуетъ тѣсная, взаимная связь втораго періода (если принимать согласно съ Шафарикомъ бытность Славянской стихіи въ Вандалахъ)

1. Нѣтъ ни малѣйшаго основанія утверждать, чтобы напр. и Чехи не могли ходить въ мусульманскую Испанію. Извѣстно, что въ XII в. Чехи ходили въ Испанію на поклоненіе св. Іакову Компостельскому (Palacký: Dějiny nar. Česk. D. I. č. 1. str. 405). Теперь еще не имѣемъ никакаго права утверждать: 1) Чехи въ Испанію раньше XII в. не ходили; 2) Чехи ходили только въ Компостеллу и никогда не бывали въ Кордовѣ и вообще въ Андалузій; 3) Чехи X и XI в. ничего не знали о бытности Славянъ въ Испаніи, о чемъ знали Славяне Русскіе, Карпатскіе; 4) Чехи и Мораване X и XI в. не имѣли никакихъ внутреннихъ побужденій, никакихъ вѣшнихъ средствъ для посѣщенія Испаніи. Вся основательность предъидущаго замѣчанія предстанетъ читателю, лишь только онъ вспомнитъ о тѣсныхъ связяхъ Чеховъ и Мораванъ съ Германією и Италією въ X и XI в. и о путешествіяхъ Нѣмцевъ, Французовъ и Итальянцевъ для науки въ Андалузію. Гербертъ, воспитатель Оттона III, а въ послѣдствіи папа подъ именемъ Сильвестра II, учился въ X в. въ Андалузій. Гросвита говоритъ, что ея произведеніе: «Passio S. Pelagii, pretiosissimi martyris, qui nostris temporibus in Corduba martyrio est coronatus», написано по разсказамъ очевидца, что указываетъ на тогдашнія сношенія Нѣмцевъ съ Андалузією. См. Die Werke der Hrotsvitha. Herausgegeben von Dr. K. A. Barack. Nürnberg, 1858. Ss. XXIII, 63 — 77. См. Géogr. d'Édrisi... trad. par Am. Jaubert. Paris. MCCCXL. II, 229 — «L'église (Sant-Jago) dont il s'agit est célèbre par les pèlerinages dont elle est l'objet. Les chrétiens y viennent de toutes parts, et, si l'on en excepte l'église de Jérusalem, il n'en est pas de plus imposante. Elle peut même être comparée à la Comamé (de Jérusalem), sous le rapport de la beauté et de la grandeur des constructions, comme aussi sous celui des richesses qu'elle renferme, produit de libéralités et d'aumônes. On y remarque quantité de croix d'or et d'argent enrichies de pierreries telles que saphirs, émeraudes et autres. Ces croix sont au nombre de plus de trois cents, grandes et petites. On y compte environ deux cents colonnes recouvertes d'ornemens en or et en argent. Cette église est desservie par cent prêtres, sans compter les serviteurs et les subalternes. Elle est construite en pierres et en chaux mélangées, et entourée de diverses maisons où logent les prêtres, les religieux, les diacres... et de marchés où l'on vend et où l'on achète. Il existe, tant auprès que loin de l'église, des bourgs qui par leur étendue peuvent être comparés à des villes, où l'on fait beaucoup de commerce et dont la population est immense».

съ третьимъ, который при скудныхъ теперешнихъ свѣдѣнiяхъ, всего лучше начать концемъ XI и продлить до к. XV в.

Странно же было бы утверждать напр., что Дубровничане не вели сношенiй съ Испанiею въ XII в., когда извѣстно; что Чехи, имѣвшiе повидимому гораздо менѣе къ тому возможности, посѣщали Испанiю въ XII в. Безъ сомнѣнiя, посѣщали ее Дубровничане и въ XIII в., когда ихъ флотъ и торговля чрезвычайно усилились¹, когда они вели довольно значительную торговлю съ Африкою и когда, какъ напр. въ 1283 и 1287 г., они заключили торговые договоры съ главнѣйшими портовыми городами Сицилии, — съ Сиракузою, Мессиною, Барлеттою и проч. Обѣимъ договаривающимся сторонамъ обезпечены были взаимныя права гражданства. Извѣстно также, что съ 1283 г., послѣ Сицилійскихъ вечерень, господство надъ Сицилиею перешло къ дому Арагонскому; это же обстоятельство не могло не содѣйствовать расширенiю связей Дубровничанъ съ Испанiею.

Подавно связи эти не ослабѣвали въ XIV в., когда сенатомъ Венецiянскимъ Дубровничанамъ дарованы были права Венецiянскихъ гражданъ, въ средѣ которыхъ всегда находилось много Славянъ², или когда, какъ въ 1385 г. Дубровничане заключаютъ съ Францiею торговый договоръ, которымъ выговорили себѣ большiя права и преимущества. Безспорно, что сношенiя Дубровника съ Испанiею были тогда уже довольно значительны³.

1. Аппендици замѣчаетъ про договоръ Дубровничанъ съ Омишемъ, заключенный въ 1240 г.: «un trattato curiosissimo, il quale mostra, che la marina già in quel tempo assai accreditata per tutto l'oriente ed occidente dei nostri mari». См. предъидущую статью о Славянахъ въ Африкѣ.

2. См. статью Кукулевича-Сакцияскаго: Hirske porodice u Metakom Plemstvu — т. е. Славянскiя фамилии въ Венецiянскомъ дворянствѣ (Arhiv za Povēstnicu Jugoslavensku. U Zagrebu. 1851. Кн. I. Str. 38—54). Исторiя отношенiй Славянъ къ Венеци и Славянская въ ней стихiя, — весьма обширный отдѣлъ общей исторiи отношенiй Славянъ къ Итали, — въ настоящее время, при наступающемъ возрожденiи мира Славянскаго и Итали, дѣла которой тѣсно и неразрывно связаны съ дѣлами Славянскими, особенно привлекаетъ наше вниманiе, требуя массы трудолюбивыхъ и даровитыхъ дѣятелей.

3. Пока исторiю Дубровника мы будемъ изучать по труду Аппендици, весьма почтенному для своего времени, но нынѣ весьма недостаточному, до тѣхъ поръ мы не можемъ не прибѣгать къ наведенiю и аналогiи: ибо нѣтъ сомнѣнiя, что су-

Въ XV в., когда въ слѣдствіе разныхъ обстоятельствъ, которыми Дубровникъ всегда ловко умѣлъ пользоваться, вся почти Европейская торговля съ Африкою стала какъ бы исключительно его привилегією, въ XV в. эта умная община Славянская, этотъ Адриатическій Новгородъ достигаетъ весьма большаго значенія такъ, что по словамъ одного современника, «не было въ Европѣ такого удаленнаго угла самаго негостепріимнаго, гдѣ бы нельзя было встрѣтить купцевъ Дубровницкихъ». (Аппендини приводитъ подлинныя слова Палладія Фоско: «Hinc est quod nulla Europae pars adeo abdita est, ita advenis infesta ut in ea Rhagusanos non invenias negotiatores. Habebant annis superioribus (del 1450 in circa) cum ante Senatus Veneti decretum jure suo, quocumque vellent, navigare possent, naves amplius trecentas, quas mercibus onustas in diversas orbis partes ad questum mittebant»). — Не даромъ гордились тогда Адриатическіе Славяне своимъ Дубровникомъ. Одинъ изъ лучшихъ поэтовъ своего времени, Петръ Гекторевичъ (1486 † 1572 г.), уроженецъ острова Хвара (Lesina)

шествуютъ положительныя извѣстія о сношеніяхъ Дубровника съ Испанією въ этотъ періодъ, но они еще, по крайности намъ, не извѣстны. Если не для исторіи отношеній Славянъ къ Испаніи, то для исторіи отношеній Испанцевъ вообще къ міру восточно-Европейскому, Греко-Славянскому, заслуживаетъ вниманія судьба нѣсколькихъ тысячъ Испанцевъ, состоявшихъ на службѣ Византійскихъ императоровъ въ XIV в. См. Lebeau: Hist. du Bas-Empire. Nouv. édit., revue entièrement, corrigée et augmentée d'après les hist. orientaux par M. de Saint-Martin et continuée par M. Brosset. Paris. MDCCCXXXV. T. XIX. Начальникомъ этой дружины былъ Рожеръ де Флоръ, вступившій на службу къ императору Андронику въ 1303 г. Его войска отправились изъ Мессины на 26 судахъ. «Le nombre des troupes embarquées sur cette flotte se montait à environ huit mille hommes de différentes nations. Il s'y trouvait des Siciliens, des Catalans, des Aragonais et des Almogavares (pp. 2—5, 8, 14—17, 31—36, 39—56, 66—79, 89 etc.). Едва ли не желательно появленіе на Русскомъ языкѣ подробной и основательной монографіи о судьбѣ этихъ Каталонцевъ въ Византійской имперіи. О нихъ сохранены любопытныя извѣстія не только Византійцами, какъ напр. Нахимеромъ и друг., но и Испанцемъ Мунтанеромъ. Только по тщательномъ изслѣдованіи судебъ ихъ станетъ возможнымъ тотъ или другой отвѣтъ на вопросъ: имѣли ли эти Испанцы какія нибудь сношенія и со Славянами? а если имѣли, то въ какой степени? Въ XIII в. мы встрѣчаемъ Испанцевъ въ Венгріи. См. M. Rogerii Hungari, Varadiensis capituli canonici miserabile carmen seu historia super destructione Hungariae temporibus Bela IV regis, per Tartaros facta (у Швандтнера I): «in quo (castro civitatis Strigonii) erat comes Symeon Hispanus, cum multis ballistariis, qui se viriliter defendebat (cap. XL).

въ одномъ висѣмъ къ своему пріятелю въ 1557 г писалъ между прочимъ: «Пригода ми се... пойти до онога славнога града (коим се сви дичимо — которымъ мы всѣ гордимся) Дубровника»¹. Ганибалъ Лучичъ (1480 † 1530 г.), тоже уроженецъ острова Хвара, въ своемъ замѣчательномъ стихотвореніи «Граду Дубровнику» — говоритъ:

Ли пакли праву неизмирну твою,
Дубровниче, славу ставихъ се да пою,
Высокимъ радъ бихъ я гласомъ зазвонити,
И твою хвале тя до неба понити,
Дубровниче, *части нашего языка,*
Ка цватешъ и цвѣсти вазда ћешъ до вика.

и далѣе:

Правда ѣ темель твой, разумъ ѣ тва пића,
Тве станѣ у покой почива нѣхъ цића.
Слободанъ и вичанъ нѣима еи добро знай,
И одъ свихъ различанъ кои су тебе край.

или:

Мой песни сбронти никакоръ нѣи моћи
Све краѣ, частити Дубровникъ гди обћи:
Крозъ горе, крозъ луге по свету свей миче
Тарговце брезъ друге забаве ни приче,
По странахъ, ке гледа сунѣ на далече,
И конъ прикъ реда, и съ редомъ ке пече,
Сви тарге примаю, мирно ке' доноси,
И ке они даю, онъ мирно односи.

Отъ XV в. уже есть извѣстія о торговлѣ Дубровника съ Испанією². Договорами 1494 и слѣдующихъ годовъ Фердинандъ V и Изабелла предоставили ему большія права и преимущества³. Въ царствованіе же Карла V, благодаря Испаніи,

1. Stari Pjesnici Hrvatski od Ivana Kukuljevića Sakcinskog. Svezak I. Pjesn Hrv. XV vieka. U Zagrebu. 1856. Tiskom nar. tiskarne Dra. Ljudevita Gaja.

2. Engel: Gesch. d. Freyst. Rag. Ss. 164—165.

3. Аппендини говоритъ при семъ про Дубровничанъ: Nella generale espulsione dei Mori da quei vasti regni essi ebbero l'incumbenza di trasportarli sull'opposta sponde dell'Africa e si resero padroni d'immense ricchezze.

торговля Дубровника, по словамъ Аппендини, достигла новаго блеска (*acquistava un nuovo splendore*). Но это уже относится къ четвертому (или третьему) періоду исторіи отношеній Славянъ къ Испаніи, періоду весьма важному и мало чѣмъ уступающему періоду мусульманскому; когда Славяне въ Испаніи играли не незначительную роль и пользовались немаловажнымъ значеніемъ.

Прежде чѣмъ перейти намъ къ этому періоду, укажемъ еще на нѣкоторыя обстоятельства, разсмотрѣніе которыхъ должно, кажется, найтн свое мѣсто въ исторіи настоящаго періода.

Если справедливо, что характеръ международныхъ сношеній ограничивается и опредѣляется итогомъ частныхъ сочувствій и влеченій, то быть можетъ станетъ всякому понятна важность слѣдующихъ данныхъ.

Въ XV в. находились на службѣ Дубровника нѣсколько Испанцевъ, которые оказываютъ своему новому отечеству большія услуги. Разумѣю двухъ замѣчательныхъ ученыхъ врачей *Юрія* и *Петра Испанцевъ*, *Шпановъ* или *Шпаньеловъ*. Ихъ фамилія въ 1480 г. получила въ Дубровникѣ права гражданства, а прекратилась около 1600 г. Юрій Шпаньель получилъ воспитаніе у отца своего Николая, юношею былъ отправленъ, на счетъ сената Дубровницкаго, въ Парижъ для изученія медицины, къ которой онъ чувствовалъ призваніе. Отличный врачъ и писатель, Юрій оставилъ по себѣ сочиненіе, свидѣтельствующее о дѣльности его направленія, подъ слѣд. заглавіемъ: «De ratione medendi eos, qui sub climate Ragusae nati sunt»—т. е. «О способѣ лѣченія уроженцевъ Дубровницкихъ¹». — Племянникъ Юрія, Петръ Шпаньель учился въ Италіи и, по примѣру своего дяди, также былъ врачомъ-писателемъ. По словамъ Аппендини, впрочемъ быть можетъ ошибочнымъ, сочиненія его не дошли до насъ.

Во всякомъ случаѣ судьба этихъ Шпаньеловъ заслуживаетъ

1. Appendini. Not. I, 33. Онъ ошибся, сказавъ, что это сочиненіе утрачено (*non existe più*). Въ весьма важномъ для Славянистовъ сочиненіи: *Specimen bibliographicum de Dalmatia et agro Labeatium auctore Josepho Valentinelli propraefecto Bibliothecae S. Marci Venetiarum. Venetiis. Typis Caecinianis et Soc. MDCCCXLII*—читаемъ на стр. 96, подъ № 306: *Georgius Hispanus — De rat. med. eos qui s. clim. Rhacusae nati sunt. Codex ineditus. Auctor floruit saeculo XV.*

кажется вниманія и невольно возбуждаетъ вопросы, которые въ свою очередь вызываютъ изысканія.

Не было ли и еще Испанцевъ въ этотъ періодъ въ Дубровникѣ и въ Далмаціи? Едва ли не странно было бы утверждать, что два замѣчательныхъ человека, природныхъ Испанца, служившіе въ Дубровникѣ, были единственные Испанцы, жившіе въ Дубровникѣ и вообще въ Далмаціи въ продолженіи XV в.? Едва ли будетъ не поосновательнѣе предположить, что въ XV в. въ Дубровникѣ и вообще въ Далмаціи перебывало, если не очень много, то и не мало Испанцевъ, которые не всѣ же должны были быть людьми замѣчательными, оставляющими по себѣ память потомству? Наконецъ можетъ даже и были въ числѣ ихъ и другіе, весьма достойные люди, о которыхъ Аппендини или вовсе не зналъ, или и зналъ, да почему либо не нашелъ нужнымъ упомянуть. Сочиненіе его, писанное слишкомъ пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ, правда весьма добросовѣстное, тѣмъ не менѣе исполнено великихъ пробѣловъ, недостатковъ и пропусковъ. Великое множество драгоценныхъ документовъ и источниковъ исторіи Дубровника, Далмаціи лежитъ въ библіотекахъ и архивахъ¹. Только по изданіи огромной массы источниковъ и тщательномъ, критическомъ ихъ изслѣдованіи, можно будетъ рѣшительно утверждать то или другое: въ настоящее же время принужденные ограничиваться предположеніями, мы для осторожности должны останавливаться на наиболѣе вѣроятныхъ, наиболѣе согласныхъ съ разумомъ и съ обыкновеннымъ ходомъ дѣлъ.

Между тѣмъ, едва ли бы тотъ не поступилъ очень опрометчиво, кто назвалъ бы возбуждаемые здѣсь вопросы праздными, неумѣстными: — рождаемые не изъ пустаго любопытства, они въ свою очередь будятъ самодѣятельность, кажется еще слишкомъ дремлющую въ насъ, Славянахъ, и указываютъ намъ на вопіющую, настоятельную необходимость приняться нынѣ всѣмъ сообща за подробное и всестороннее изученіе нашей исторіи.

Цельзя также не указать на одинъ любопытный фактъ, понынѣ, сколько мнѣ извѣстно, не обращавшій на себя вниманія уче-

1. См. въ Приложеніяхъ.

ныхъ, а между тѣмъ вполнѣ его заслуживающій, особенно же по отношенію къ возбуждаемымъ здѣсь вопросамъ.

За сообщеніе этихъ данныхъ считаю долгомъ принести искреннюю благодарность почтенному Славянисту нашему И. И. Срезневскому, который въ совершенное имъ въ началѣ 40-хъ годовъ путешествіе по Далмаціи, проѣзжая однажды изъ Сплита (Spalatro) на островъ Курчулу (Curzola), услыхалъ отъ жителей, что на полуостровѣ *Пелешацъ* (Sabbioncello) живутъ *Шпаньелы*, т. е. Испанцы. Отправившись на Пелешацъ, почтенный профессоръ пошелъ въ селеніи *Оребичь*¹ чистыхъ Сербовъ, какъ по языку, такъ и по нравамъ и обычаямъ, которые однако не только у окрестныхъ жителей, но и у себя дома называются *Шпаньелами*. Женщины селенія *Оребичь* (какъ записалъ у себя въ дорожной книжкѣ И. И. Срезневскій, которую онъ и сообщилъ мнѣ) необыкновенно хороши собою, съ большими черными глазами, типъ ихъ — *Испанскій*, парядъ ихъ — не вполнѣ *Славянскій*; сверхъ *кошул*, подъ корсетомъ носятъ онѣ такъ называемую *хальину*, т. е. синюю сукню съ широкою красною и желтою каймою. На груди у нихъ ожерелье съ дукатами, какъ и у нашихъ Малороссіянокъ. Головной же уборъ ихъ съ лентами, цвѣтами и перьями, — уже не *Славянскій*, — называется *клобукъ* и *пенаткнъ*, вѣроятно отъ стариннаго Испанскаго слова *pena* перо (по-Итальянски *penna*)².

Эти *Шпаньелы* — или природные Сербы, что жили долго въ Испаніи и переняли нѣкоторые Испанскіе обычаи, — или урожденные Испанцы, когда-то поселившіеся на полуостровѣ *Пелешцъ*, съ теченіемъ времени утратившіе свою народность и принявшіе *Славянскую*.

Если бы то были природные Славяне, что явились изъ Испаніи въ *Оребичь* недавно, напр. въ 17 стол., то едва ли бы не утратили они малѣйшіе слѣды временнаго пребыванія своего въ

1. Portolano del mare Adriatico compilato sotto la direzione dell'istituto Geografico Militare dell' I. R. Stato Maggiore Generale dal Capitano Giacomo Marieni. 1830. «Gli abitanti di Orebiccio sono numerosi e la più parte dediti alla navigazione» (р. 391). Объ *Оребичь* вообще см. также стр. 390—391.

2. Въ находящемся у меня подъ руками Испанскомъ словарѣ не нахожу слова *pena*: вѣроятно оно теперь вышло изъ употребленія. См. Dict. Espagnol. Français... par Joseph de Fonseca. Paris. 1852. Сравн. *peñola* и *pendola*.

Испаниі и не постарались скорѣе избавиться отъ названія, которое въ такомъ случаѣ дано бы было имъ въ насмѣшку и по-давно уже сами себя понынѣ они не называли бы Шпаньелами. Если бы они прибыли въ Оребичъ изъ Испаниі въ XVIII стол., то конечно сохранили бы память о своемъ прибытіи.

Если же то были природные Испанцы (какъ то гораздо вѣроподобнѣе), то они должны были поселиться между Славянами никакъ не позже начала XVI и конца XV стол., если еще не раньше.

Съ ними должны были быть женщины. Двѣ же или три семьи не могли еще дать названія цѣлому селенію, даже, если бы прибыли и очень недавно. Жители селенія Оребичъ многочисленны — *gli abitanti di Orebiccio sono numerosi e la più parte dediti alla navigazione.*

Слѣдовательно съ самаго начала этихъ Испанскихъ поселенцевъ должно было быть довольно много, почему они могли долго сохранять свою народность. Наконецъ потеря народности не могла происходить иначе, какъ очень медленно: сначала говорили по-Испански, и довольно долго, такъ какъ у нихъ были съ собою женщины, потомъ стали говорить по Славянски, но не чисто, искаженно, затѣмъ разучились языку Испанскому, бросили свои наряды, обычаи и обратились въ чистыхъ Славянъ. Такое превращеніе совершиться скоро не могло. По этимъ основаніямъ пишущій эти строки всего лучше полагалъ бы начало этой колоніи отнести къ настоящему періоду, т. е. къ окончанію XV в., если еще не раньше.

Испанцы, жившіе въ XV в. въ Дубровникѣ и получавшіе въ немъ права гражданства, конечно выучивались языку Славянскому, и имѣя друзей между Славянами, знакомили ихъ съ своимъ отечествомъ, его языкомъ, нравами и обычаями. Знакомясь съ Испанією черезъ ея дѣтей, служившихъ Дубровнику, многіе Славяне въ этомъ періодѣ были близко знакомы съ нею и лично, такъ какъ въ XV в. торговля сношенія Дубровника съ Испанією. не перестававшія по всей вѣроятности съ XI в., не только давали Славянамъ возможность, но и рѣшительно заставляли ихъ выучиваться языку Испанскому. Если Испанцы могли быть и дѣйствительно бывали гражданами Дубровника, то

нѣтъ ни малѣйшей надобности утверждать, что Дубровничане съ своей стороны не могли и дѣйствительно не переселялись въ Испанію и не служили въ ней.

Абу-Джафаръ Ибнъ-Хатима, родившійся въ 1323 — 4 г., такъ описываетъ Альмерию, гдѣ въ XI в. царствовали одинъ за другимъ два брата Славянина. «Альмерія есть величайшій рынокъ въ Андалузіи; христіанскіе купцы *всѣхъ націй* являются въ ея портъ и имѣютъ въ ней свои факторіи. Отсюда христіанскіе торговцы отправлялись въ разныя мѣста и рынки внутри страны, гдѣ и закупали нужные товары. Таможенный сборъ, взимаемый съ купцевъ христіанскихъ, доходилъ до весьма значительной суммы и превосходилъ все, что собирали въ другихъ морскихъ портахъ...» (Gayang.).

Конечно въ числѣ этихъ купцевъ не мало было и южныхъ Славянъ. Безспорно ихъ много перебывало въ Испаніи XV в. и, судя по Испанцамъ у Славянъ, напр. граждане Дубровника отъ частаго и долгаго пребыванія въ странѣ, вступали съ Испанцами въ дружескія и родственныя связи, знакомили ихъ въ свою очередь съ своимъ народомъ, его языкомъ, правами и обычаями.

Но быть можетъ возразятъ: «кому въ Испаніи XV в. могла явиться охота заниматься судьбою Славянъ? Чѣмъ могло племя наше заинтересовать тогдашнихъ Испанцевъ? Что въ немъ было сильнаго, живаго, особеннаго, которое могло бы возбудить ихъ вниманіе, заставить говорить и спрашивать, искать жадно случаевъ ко всякаго рода свѣдѣніямъ о немъ?»

Каждый образованный Европеецъ всегда зналъ, что Чехи, Поляки, Сербы, Русскіе и проч. принадлежатъ къ одному племени и говорятъ почти однимъ и тѣмъ же языкомъ. Испанцы этого періода, сносясь съ единовѣрными имъ южными Славянами, очень хорошо знали, что Чехи были ихъ соплеменниками, а вопросъ Чешскій долго волновалъ весь тогдашній католическій міръ, въ которомъ и современная Испанія занимаетъ не послѣднее мѣсто.

На церковномъ соборѣ въ Констанцѣ, гдѣ присутствовало, кромѣ папы и Римскаго императора, 30 кардиналовъ, 4 патріарха, 33 архіепископа, 150 епископовъ, нѣсколько сотъ другихъ прелатовъ, докторовъ и проч., 4 курфирста,

24 князя и герцога, 78 графовъ, 676 большихъ и малыхъ дворянъ со всѣхъ земель, — Чехъ Янъ Гусъ за свои еретическія мнѣнія приговоренъ былъ духовными отцами къ сожженію или, по собственному ихъ выраженію, тѣло его препоручили они власти свѣтской, а душу дьяволу. 6 іюля 1415 г., посреди огромной толпы зрителей, сожженъ былъ великій Славянскій мученикъ. Его святая смерть глубоко поразила и угнетенныя массы запада, и самихъ палачей его, суровыхъ представителей господствовавшаго тогда въ Европѣ Римско-Нѣмецкаго направленія, папско-феодалныхъ порядковъ: народъ, толпившійся при казни, говорилъ: «Мы не знаемъ, въ чемъ онъ виновенъ; знаемъ только, что онъ молится, что онъ говоритъ, какъ истинный праведникъ». А строгой фанатикъ, Эней Сильвій сказалъ про него: «Онъ шелъ на смерть, какъ на веселый пиръ; ни одинъ вздохъ не вылетѣлъ изъ груди его; нигдѣ не обнаружилъ онъ ни малѣйшаго признака слабости. Среди пламени, онъ до послѣдняго издыханія возносилъ молитву къ Отцу¹....» Конечно молва объ этомъ чудномъ еретикѣ на замедлила распространиться изъ Констанца (гдѣ въ то время по случаю собора находилось едва ли менѣе 50,000 иностранцевъ обою пола) по всѣмъ краямъ Европы, проникла такимъ образомъ и въ Испанію, на Пиринейскій полуостровъ, который на соборѣ имѣлъ тоже своихъ представителей. — Быть можетъ только, что успѣли разнестись по западной Европѣ слухи о смерти Гуса, какъ 30 мая 1416 г. другой великій Славянинъ, его пылкій и вѣрный другъ, Іеронимъ Пражскій, за тѣ же мнѣнія, тѣмъ же соборомъ Констанцскимъ былъ приговоренъ къ такой же казни. Самъ очевидецъ, Фрей, историкъ собора Констанцскаго, замѣтилъ, что «объ Іеронимѣ жалѣли всѣ присутствующіе»

1. См. соч. г. Новикова, стр. 106 и 107. Когда 6 іюля въ церкви Констанцской читали Гусу приговоръ, то онъ неоднократно прерывалъ его, говоря, что онъ явился на соборъ для оправданія своего, повѣривъ императору и его охранной грамотѣ. Сигизмундъ покраснѣлъ, когда при этихъ словахъ Гусъ уставилъ на него свои взоры. Въ этомъ фактѣ нельзя сомнѣваться: о томъ говоритъ Младеновичъ; его зналъ изъ устнаго источника и императоръ Карлъ V, который, на предложенный ему на имперскомъ сеймѣ совѣтъ — повелѣть связать Лютера, не смотря на вѣрительную грамоту, отвѣчалъ такимъ образомъ: «я не хочу краснѣть, какъ предокъ мой Сигизмундъ». Palacky. D. III, §. 1. poznam. 304).

шіе, одинъ онъ не жалѣлъ о себѣ». (Omnibus erat miserandus, eo dempto, quod sui ipsius poluerit misereri). — По сохраненному намъ извѣстію Поджіо Бракчіолини, знаменитаго Итальянца, можно нѣсколько возстановить то потрясающее дѣйствіе, которое произвелъ тогда на Западѣ великій соплеменникъ нашъ, убѣждавшій в. к. Литовскаго Витовта принять вѣру нашихъ Русскихъ предковъ, посѣщавшій, къ великому неудовольствію католическаго Польскаго духовенства, въ Витебскѣ и Псковѣ Русскіе храмы¹.

Не могла остаться безъизвѣстною на Западѣ смерть втораго великаго Славянскаго мученика. За тѣмъ возникло единственное въ исторіи Европы движеніе Чеховъ, которое не увѣчалось полнымъ успѣхомъ отчасти по слабости средствъ пропаганды: чудное изобрѣтеніе Гутенберга явилось вѣкомъ позже; отчасти по новости и смѣлости идей, къ которымъ другіе народы еще мало были тогда подготовлены, почему Чехи и не встрѣтили въ нихъ того сочувствія, которое могло бы ихъ поддержать. Король Вацлавъ IV вскорѣ по смерти Гуса и Иеронима, замѣтилъ однажды любимцу своему одноглазому *Жижкѣ изъ Троинова*, зачѣмъ онъ все ходитъ такимъ сумрачнымъ и задумчивымъ. Отвѣчалъ ему Жижка: «Какой же Чехъ можетъ хладнокровно смотрѣть на то, что чужеземцы бранятъ, унижаютъ и оскорбляютъ народъ нашъ, какъ еретиковъ, — сожигаютъ въ далекихъ краяхъ благороднѣйшихъ мужей нашихъ, словно злодѣевъ какихъ». Собиралась страшная гроза, народъ Чешскій помышлялъ о мщеніи, и въ то же время готовился съ оружіемъ въ рукахъ отстаивать свои убѣжденія.

16 августа 1419 г. умеръ Вацлавъ IV. Сигизмундъ въ то время проживалъ въ Уграхъ, въ Будищѣ и вмѣсто того, чтобы тотчасъ же отправиться въ Прагу, назначилъ правительницею надъ Чехами вдовствующую королеву Софію, придавъ ей совѣтниковъ изъ нѣсколькихъ преданнѣйшихъ ему знатнѣйшихъ дворянъ, а самъ рѣшился обратиться на Турокъ, стоявшихъ тогда у границъ Угорскихъ.

Чины Чешскіе, собравшись по смерти Вацлава, положили,

1. См. въ Приложеніяхъ.

что Сигизмундъ обязанъ дать свободу вѣроисповѣданія, слова и обряда причащенія подѣ обоими видами; просить у папы о снятіи проклятій и о разрѣшеніи чаши, заботиться о томъ, чтобы лица духовныя не владѣли имуществами и людьми, по правамъ свѣтскимъ, а чтобы, какъ слѣдуетъ по закону Божьему, получали пужное имъ содержаніе отъ лицъ свѣтскихъ; чтобы папскія буллы и грамоты получали свою силу въ землѣ не прежде, чѣмъ одобрить ихъ король съ своимъ совѣтомъ; чтобы въ цѣлой землѣ запрещено было Гуса и Іеронима называть еретиками; чтобы не принимали чужеземцевъ ни въ какія должности, ни въ духовныя, ни въ свѣтскія, и особенно, чтобы въ городахъ Нѣмцы не занимали никакихъ должностей, которыя могли бы быть заняты Чехами; чтобы суды и жалобы производились въ Чехіи на языкѣ Чешскомъ, чтобы Чехи повсюду въ городахъ и въ королевствѣ имѣли бы первый голосъ. — Сигизмундъ на всѣ эти условія отвѣчалъ уклончиво.

Между тѣмъ новое ученіе все глубже и глубже распространялось въ народѣ Чешскомъ, который съ любовью и радостію слушалъ своихъ проповѣдниковъ. Янъ Жижка и его великій другъ (по свидѣтельству самихъ враговъ его — *vir magni consilii et providentiae*), къ крайнему несчастію для Чеховъ слишкомъ рано похищенный смертію, Микулашь изъ Гуси († 1420 г.), очень хорошо понимая, что необходимо будетъ прибѣгнуть къ оружію и не обманывая себя на счетъ силы противниковъ, рѣшились обучить народъ военному дѣлу. Зная однако направленіе массъ, въ которыхъ изученіе библіи все больше распространялось¹, они обратились предварительно къ университету Пражскому съ вопросомъ: «прилично ли вооруженною рукою защищать свободу слова Божьяго? не запретить

1. Эней Сильвій рассказываетъ, что въ бытность его въ Таборѣ явились къ нему, кромѣ священниковъ Таборскихъ, «*scholares et cives plurimi, latinum edocti sermonem; nam perfidum genus illud hominum hoc solum boni habet, quod literas amat*». А въ другомъ мѣстѣ онъ же говоритъ: «*Pudeat Italiae sacerdotes, quos ne semel quidem novam legem constat legisse; apud Taboritas vix mulierculam invenias, quae de Novo Testamento et Veteri respondere nesciat*». Въ Чехіи еще до смерти Гуса написала одна женщина на Чешскомъ языкѣ небольшое разсужденіе: Защита Гуситовъ. Этотъ любопытный памятникъ понынѣ еще не отысканъ (Pal. D. III, §. 1. roznam. 286).

ли этого Спаситель, приказавшій св. Петру вложить мечъ въ ножны». Послѣ долгихъ преній и совѣщаній Пражскихъ ученыхъ богослововъ, данъ былъ такой отвѣтъ, написанный мистромъ Якубкомъ изъ Стржибра: «къ оружію обращаться дозволяется только въ случаѣ крайней необходимости, для спасенія жизни, но, прибавлялось, не христіанское дѣло — желать распространять слово Божіе съ помощію оружія; истинный христіанинъ побѣждаетъ своего противника терпѣніемъ, а обращаетъ его любовію и поученіемъ; но если жестокой непріятель замыслилъ бы искоренить всѣхъ вѣрныхъ христіанъ дикимъ насиліемъ, и если не отыщется иного средства защиты и самохраненія, то не только можно, но и должно защищать мечемъ послѣдователей истины». «Жижка, — говоритъ Палацкій, — противъ своихъ непріятелей, средневѣковыхъ феодальныхъ войскъ, привычныхъ къ войнѣ и тяжелому вооруженію, могъ противопоставить только городскихъ обывателей и ремесленниковъ, толпы поселянъ, которые не имѣли ничего, кромѣ природной силы, телѣгъ и цѣповъ, безпредѣльной преданности и отваги. По этому изобрѣтя новый способъ войны, Жижка приказывалъ обивать цѣпы желѣзомъ, закрывать телѣги висячими съ обѣихъ сторонъ досками, соединять ихъ между собою цѣпами и приучаться къ искуснымъ ихъ поворотамъ. Такимъ образомъ явились тѣ подвижныя крѣпости (*hradby wozowé*), при одномъ видѣ которыхъ сильно билось сердце у закованнаго въ сталь рыцаря, и лучшія войска Европы предавались бѣгству. Не думаемъ, чтобы можетъ быть большая храбрость и тѣлесная сила или наконецъ одно одушевленіе производили такіе дивные подвиги: то были зачатки новаго военного искусства, приобрѣтеныя навыкомъ, стройные ряды и маневры, искусно размѣренныя и быстрыя построенія, точные повороты и всегда во время по мановенію вождя исполненныя движенія, — однимъ словомъ всѣ признаки правильно устроеннаго войска, выставленнаго противъ многочисленнѣйшихъ войскъ, прекрасно вооруженныхъ, но дѣйствовавшихъ въ бою безъ единодушія, безъ складу и ладу»¹.

1. См. въ Приложеніяхъ.

Сигизмундъ, зная расположеніе умовъ въ Чехахъ, и притомъ вступая на престолъ Чешскій съ твердымъ намѣреніемъ идти на переکورъ желаніямъ народа, считая ихъ слишкомъ еретическими, — Сигизмундъ, давшій Гусу охранную грамоту и предавшій его сожженію, рѣшился обратиться съ просьбою о помощи къ папѣ Мартину V, который по его просьбѣ и выдалъ 1 марта 1420 г. буллу «*Omnium plasmatoris domini*», въ которой призывалъ все христіанство къ оружію «для искорененія Викласситовъ, Гуситовъ и другихъ еретиковъ». Сигизмундъ просилъ также Нѣмецкихъ князей помогать ему противъ Чеховъ, для искорененія въ нихъ богопротивной ереси. Вѣроятно, желая на дѣлѣ доказать свое искреннее благочестіе, а можетъ просто въ удовлетвореніе своихъ сердечныхъ движеній, въ Бреславлѣ (гдѣ въ то время происходилъ сеймъ Нѣмецкій и присутствовало множество архіепископовъ, епископовъ, разныхъ князей Нѣмецкихъ ближнихъ и дальнихъ), императоръ высочайше повелѣлъ казнить одного еретика: его живого волокли лошадьми по улицамъ, а потомъ сожгли. То былъ одинъ Пражскій купецъ Янъ Краса, который, будучи въ Бреславлѣ, какъ-то рѣзко отзывался о соборѣ Констанцскомъ и церкви Римской, и настаивалъ на необходимости обряда причащенія подъ обоими видами.

Папская булла была разослана по всей Европѣ: такимъ образомъ не было земли на Западѣ, гдѣ бы тогда не знали Чеховъ. Испанцы вскорѣ ознакомились съ ними не по однимъ слухамъ. Въ первомъ крестовомъ походѣ на Чеховъ — кромѣ множества другихъ иностранцевъ, принимали участіе и Испанцы¹: всѣ надѣялись, узнавъ буллу папскую, святымъ и боголюбивымъ дѣломъ, — искорененіемъ нечестивыхъ еретиковъ, — по-

1. Палацкій говоритъ: «*Sauwěcí spisowatelé čeští připomínají ne bez jakési chlauby, zejména Uhry, Chorváty, Dalmaty, Bulhary, Sikuly, Walachy, Chuny, Jasy, Rusíny, Rasy, Slowaky, Krajince, Korutance, Štyráky, Rakušany, Bawory, Franky, Šwáby, Šwejcary, Francausy, Aragonce čili Spaniely, Angličany, Brabantské, Hollandčany, Westfaly, Sasiky, Durinky, Foitlandčany, Mišenské, Srby, Marčany, Slezáky, Poláky, Morawany i konečně Čechy «newěrné» a t. d. Jen z Italie i ze Skandinávie nikdo se nejmeneje*». Впрочемъ изъ Итальянцевъ, кромѣ нѣсколькихъ прелатовъ, были при Сигизмундѣ два извѣстныхъ воителя — Брунорій де ла Скала изъ Вероны и Георгій де Вальперга. (D. III, č. 1, str. 331—332).

лучить себѣ прошеніе грѣховъ. — Войско крестоносцевъ доходило до 100,000 человекъ. Фридрихъ, маркграфъ Бранденбургскій, привелъ 10,000, оба Мейссенскихъ маркграфа до 30,000 человекъ. Въ войскѣ присутствовали король, всѣ курфирсты, кромѣ Саксонскаго, Албрехтъ, герцогъ Австрійскій, три князя Баварскихъ, два Мейссенскихъ маркграфа, пять князей Силезскихъ, всего владѣтельныхъ князей 43 человекъ, кромѣ того Аквилейскій патріархъ, великое множество епископовъ и прелатовъ, имперскихъ графовъ, дворянъ и рыцарей со всѣхъ земель. «То было, говоритъ Палацкій, одно изъ многочислѣннѣйшихъ и сильнѣйшихъ войскъ, когда либо собиравшихся въ цѣломъ христіанствѣ на общій походъ». 30 іюня 1420 г. обложили крестоносцы Прагу, а 14 іюля были окончательно отбиты: императоръ ворочался съ князьями въ лагерь молча, мрачный и гнѣвный, а Пражане, на самомъ мѣстѣ битвы павъ на колѣна, стали громко пѣть Тебе Бога хвалимъ; вся Прага предавалась невыразимой радости. — Уже не кричали теперь, говоритъ Чешскій лѣтописецъ, какъ прежде, Нѣмцы: Hus! Hus! Kaser! Kaser!, теперь они ежедневно и потихоньку размышляли о томъ, какъ бы имъ оставить Чехію и обратиться во свояси. Прага ни въ чемъ не нуждалась, кромѣ соли, а крестоносцы во всемъ чувствовали великій недостатокъ: въ лагерь ихъ, къ довершенію бѣдствія, появилось множество разныхъ насѣкомыхъ и гадовъ. Сигизмундъ, по словамъ современной Чешской рукописи, «не желая воевать съ Пражанами. началъ новую войну съ гадами, жабами и мышами, скорпионами и мухами; а увидавъ, что и этого непріятедя не одолѣть ему, пустился въ бѣгство». — Стараніями знатныхъ Чеховъ, умѣвшихъ сочетать съ преданностью и любовью къ отечеству привязанность къ Сигизмунду, онъ вступилъ въ переговоры съ Прагою, гдѣ 28 іюля 1420 г. онъ и былъ коронованъ. Однако Сигизмундъ, считавшій священной своею обязанностию — искорененіе ученій, которымъ Чехи были отъ всей души преданы, не могъ долго оставаться въ землѣ Чешской: въ февралѣ 1421 г. онъ бѣжалъ изъ нея, провожаемый народною ненавистью. Въ пятнадцатилѣтній періодъ до 1436 г., когда снова былъ принятъ Сигизмундъ въ Прагу, — Чехи, управляемые республикански, явили

такіе чудные примѣры дерзкой отваги и энергической предприимчивости, что заставили всю Европу говорить о себѣ и бояться ихъ. Не говоря о неудачномъ исходѣ двухъ слѣдующихъ крестовыхъ походовъ на Чеховъ, напомнимъ только о совершенномъ пораженіи огромнаго войска крестоносцевъ, подъ начальствомъ кардинала папскаго Генриха Бельфорта, епископа Винчестерскаго, у Стржибра, 4 авг. 1427 г., когда крестоносцы въ числѣ, достаточномъ для порабощенія всей Чехіи, постыдно бѣжали, до начала битвы. Напрасны были всѣ мольбы и угрозы кардинала, который, схвативъ имперскую хоругвь, разорвалъ ее въ сильномъ гнѣвѣ передъ князьями и кивнулъ ее съ страшными ругательствами къ ногамъ ихъ; наконецъ, не желая попасть въ руки еретиковъ, и онъ долженъ былъ пуститься за одно съ ними въ бѣгство. Не забудемъ также и страшнаго пораженія крестоносцевъ подъ начальствомъ кардинала Юліана при Домажлицахъ, 15 авг. 1431 г., когда многочисленное войско изъ 40,000 чел. конницы и 90,000 пѣхоты, завидѣвъ только приближавшихся Чеховъ подъ начальствомъ незабвеннаго Прокопа, пустились въ самое безпорядочное бѣгство: изъ четырехъ тысячъ возовъ Нѣмецкихъ вернулось во свояси только триста, бѣжавшіе раньше другихъ; Чехамъ достались въ добычу всѣ пушки, множество пороху, съѣстныхъ припасовъ, денегъ, всякаго оружія, знаменъ, драгоцѣнныхъ одеждъ, золотыхъ и серебряныхъ вещей, самая булла папская, которая взывала къ христіанству для истребленія Чеховъ, золотой крестъ кардинала, его шапка и весь нарядъ кардинальскій. — Не умолчимъ и о тѣхъ наступательныхъ дѣйствіяхъ Чеховъ на Нѣмцевъ, что чинили они съ 1427 г., то на Австрію и Силезію, то на (нынѣшнюю) Саксонію¹. Въ нач. 1430 г., между Гриммою и Лейцигомъ собралось до ста тысячъ Нѣмецкаго войска подъ знаменами Фридриха, герцога Саксонскаго, Юаина, маркграфа Бран-

1. Чехи въ 1429 г. предпріяли нападеніе на Саксонію съ великими силами: у нихъ было 4,000 конницы, 40,000 пѣхоты и 2,500 военныхъ повозокъ. «Хотя, говоритъ Палацкій, они могли бы совершенно овладѣть страной, но Чехи не помышляли о расширеніи государства, а только о нанесеніи вреда непріятелю; направление религиозное задушило всѣ политическіе планы; потому Гуситы и не хотѣли брать на чужбинѣ укрѣпленныхъ городовъ». (D. III, џ. 2, str. 104).

денбургскаго, Вильгельма, князя Брауншвейгскаго, Фридриха, ландграфа Турингскаго, архіепископа Магдебургскаго и другихъ епископовъ, дворянъ и городовъ имперскихъ. Отрядъ Нѣмцевъ былъ разбитъ, войско ихъ, не вступая въ битву, ушло въ Лейпцигъ. Чехи же, раздѣлившись на пять отрядовъ, свободно разъѣзжали по всему краю и производили въ немъ опустошенія: а Нѣмцы, по словамъ современника, не смѣли выступить въ поле противъ Чеховъ. Они обратились на югъ отъ Лейпцига къ городу Альтенбургу, за тѣмъ къ Герову, который они взяли мгновенно. Другими отрядами Чешскими взятъ былъ городъ Шлавно, и побито множество тамошнихъ и окрестныхъ обывателей; не мало также было взято въ плѣнъ. Вскорѣ послѣ того по всей имперіи Нѣмецкой стали укрѣплять города, особенно въ Турингii, и тотчасъ бѣжали жители, какъ только приближалось войско Чешское. Черезъ городъ Гофъ, который сожгли, далѣе черезъ Мюнхбергъ, направились Чехи одни на Байрейтъ, другіе на Кульмбахъ и Плассенбургъ. Разоривъ Байрейтъ и Кульмбахъ, Гуситы обратили свою грозу на Эшенбахъ, Ауэрбахъ, Вейшенфельдъ, Хольфельдъ, Вейсмейнъ, Шеслицъ и окрестности. Бамбергцы, при приближеніи Гуситовъ, толпами пустились въ бѣгство, проклиная капитулу и епископа за то, что они никогда не соглашались на ихъ прежнія просьбы укрѣпить городъ. Бамбергъ разорили Чехи еще ужаснѣе, чѣмъ то обыкновенно дѣлали. Но вскорѣ подоспѣлъ, какъ ангелъ-спаситель Нѣмецевъ, курфирсть Бранденбургскій Фридрихъ, который вступилъ въ переговоры съ Чехами. Они согласились заключить перемиріе (отъ 6 февр. до 25 іюля 1430 г.) и вернуться во свояси, за что обязались заплатить: Бамбергцы и Форшгеймцы — 12,000 реймск. гульденовъ, Нюренбергцы — столько же, курфирсть Фридрихъ — 9,000, князь Баварскій — 8,000 и другіе — менѣе значительныя суммы. — 21 февраля 1430 г. вернулись Чехи въ Прагу. Не совсѣмъ однако доволенъ былъ народъ таковымъ окончаніемъ. «Такихъ прекрасныхъ походовъ, — говоритъ старій лѣтописецъ Чешскій, — никогда еще не предпринимали Чехи на Нѣмцевъ, по крайности о томъ не писано нигдѣ въ лѣтописяхъ и не извѣстно старикамъ. Если бы однако, подобно старымъ Чехамъ, наши стояли за

честь свою, то дошли бы до Рейна и подчинили бы себѣ много земель: они же, набравши много добычи и денегъ, вернулись въ Чехію».

Было ли съ чего, спрошу у читателя, родиться въ Испанцахъ XV в. любопытству относительно Славянъ? Отчего было имъ не пользоваться сношеніями своими со Славянами южными для нѣкотораго ознакомленія съ соплеменниками ихъ, напр. Чехами? Что могло мѣшать такимъ распросамъ? Одно презрѣніе къ нашему племени, но его не питалъ къ Славянину Испанецъ, какъ не питаетъ и теперь. Отъ однихъ Нѣмцевъ онъ испытывалъ его, но въ XV в. имъ было кажется отъ Славянъ не до презрѣнія, послѣ того, какъ священныя тѣни Яна Гуса и Иеронима Пражскаго, своими смѣлыми голосами и своею праведною кончиною потрясшихъ весь тогдашній католическій міръ, подняли Чеховъ и вызвали незабвенныхъ, дорогихъ каждому Славянину, дѣятелей, подобныхъ Жижкѣ, Прокону Великому, Юрію Подѣбрадскому. И Германіи было тогда, кажется, не до презрѣнія, тѣмъ болѣе, что еще въ XIV в. Карлъ IV, Германскій императоръ и любимый король Чешскій, избравшій своею резиденціею Прагу, закономъ постановилъ, чтобы каждый Нѣмецкій курфирстъ обучалъ своихъ сыновей по Славянски.

Папа отнускалъ грѣхи и собиралъ во всѣхъ католическихъ земляхъ денежныя пожертвованія и войска противъ Чеховъ, этихъ нечестивыхъ еретиковъ, стоявшихъ за чашу, т. е. за причащеніе въ обоихъ видахъ, за народный. Славянскій языкъ въ богослуженіи, не признававшихъ главенства папъ и громко протестовавшихъ противъ пагубнаго Римскаго ученія, по которому церковь Христова представлялась тѣломъ, у котораго глава папа, а члены кардиналы, — противъ Чеховъ, которымъ тогда сочувствовали, а сколько могли, и помогали ихъ соплеменники Поляки и предки наши Русскіе, вѣрѣ которыхъ сочувствовалъ и обряды которыхъ одобрялъ самъ великій Чехъ Иеронимъ, другъ и сподвижникъ Гусовъ.

«Побѣдою при Домажлицахъ, говорятъ Палацкій, Чехи достигли вершины всемірнаго могущества и дѣятельности. Никогда еще судьба міра не зависѣла въ такой степени отъ дѣлъ Чешскихъ, какъ въ то время, а неодолимость пробужденнаго

денбургскаго, Вильгельма, князя Брауншвейгскаго, Фридриха, ландграфа Турингскаго, архіепископа Магдебургскаго и другихъ епископовъ, дворянъ и городовъ имперскихъ. Отрядъ Нѣмцевъ былъ разбитъ, войско ихъ, не вступая въ битву, ушло въ Лейпцигъ. Чехи же, раздѣлившись на пять отрядовъ, свободно разъѣзжали по всему краю и производили въ немъ опустошенія: а Нѣмцы, по словамъ современника, не смѣли выступить въ поле противъ Чеховъ. Они обратились на югъ отъ Лейпцига къ городу Альтенбургу, за тѣмъ къ Герову, который они взяли мгновенно. Другими отрядами Чешскими взятъ былъ городъ Плавно, и побито множество тамошнихъ и окрестныхъ обывателей; не мало также было взято въ плѣнъ. Вскорѣ послѣ того по всей имперіи Нѣмецкой стали укрѣплять города, особенно въ Турингін, и тотчасъ бѣжали жители, какъ только приближалось войско Чешское. Черезъ городъ Гофъ, который сожгли, далѣе черезъ Мюнхбергъ, направились Чехи одни на Байрейтъ, другіе на Кульмбахъ и Пlassenбургъ. Разоривъ Байрейтъ и Кульмбахъ, Гуситы обратили свою грозу на Эшенбахъ, Ауэрбахъ, Вейшенфельдъ, Хольфельдъ, Вейсмейнъ, Шеслицъ и окрестности. Бамбергцы, при приближеніи Гуситовъ, толпами пустились въ бѣгство, проклиная капитулу и епископа за то, что они никогда не соглашались на ихъ прежнія просьбы укрѣпить городъ. Бамбергъ разорили Чехи еще ужаснѣе, чѣмъ то обыкновенно дѣлали. Но скорѣ подоспѣлъ, какъ ангель-спаситель Нѣмецъ, курфирстъ Бранденбургскій Фридрихъ, который вступилъ въ переговоры съ Чехами. Они согласились заключить перемиріе (отъ 6 февр. до 25 іюля 1430 г.) и вернуться во свояси, за что обязались заплатить: Бамбергцы и Форшгеймцы — 12,000 реймск. гульденовъ, Цюренбергцы — столько же, курфирстъ Фридрихъ — 9,000, князь Баварскій — 8,000 и другіе — менѣе значительныя суммы. — 21 февраля 1430 г. вернулись Чехи въ Прагу. Не совсѣмъ однако доволенъ былъ народъ таковымъ окончаніемъ. «Такихъ прекрасныхъ походовъ, — говоритъ старій лѣтописецъ Чешскій, — никогда еще не предпринимали Чехи на Нѣмцевъ, по крайности о томъ не писано нигдѣ въ лѣтописяхъ и не извѣстно старикамъ. Если бы однако, подобно старымъ Чехамъ, наши стояли за

честь свою, то дошли бы до Рейна и подчинили бы себѣ много земель: они же, набравши много добычи и денегъ, вернулись въ Чехію».

Было ли съ чего, спрошу у читателя, родиться въ Испанцахъ XV в. любопытству относительно Славянъ? Отчего было имъ не пользоваться сношеніями своими со Славянами южными для нѣкотораго ознакомленія съ соплеменниками ихъ, напр. Чехами? Что могло мѣшать такимъ распросамъ? Одно презрѣніе къ нашему племени, но его не питалъ къ Славянину Испанецъ, какъ не питаетъ и теперь. Отъ однихъ Нѣмцевъ онъ испытывалъ его, но въ XV в. имъ было кажется отъ Славянъ не до презрѣнія, послѣ того, какъ священныя тѣли Яна Гуса и Иеронима Пражскаго, своими смѣлыми голосами и своею праведною кончиною потрясшихъ весь тогдашній католическій міръ, подняли Чеховъ и вызвали незабвенныхъ, дорогихъ каждому Славянину, дѣятелей, подобныхъ Жижекѣ, Прокопу Великому, Юрію Подѣбрадскому. И Германіи было тогда, кажется, не до презрѣнія, тѣмъ болѣе, что еще въ XIV в. Карль IV, Германскій императоръ и любимый король Чешскій, избравшій своею резиденціею Прагу, закономъ постановилъ, чтобы каждый Нѣмецкій курфирстъ обучалъ своихъ сыновей по Славянски.

Пана отпускалъ грѣхи и собиралъ во всѣхъ католическихъ земляхъ денежныя пожертвованія и войска противъ Чеховъ, этихъ печестивыхъ еретиковъ, стоявшихъ за чашу, т. е. за причащеніе въ обоихъ видахъ, за народный, Славянскій языкъ въ богослуженіи, не признававшихъ главенства папъ и громко протестовавшихъ противъ пагубнаго Римскаго ученія, по которому церковь Христова представлялась тѣломъ, у котораго глава пана, а члены кардиналы, — противъ Чеховъ, которымъ тогда сочувствовали, а сколько могли, и помогали ихъ соплеменники Поляки и предки наши Русскіе, вѣрѣ которыхъ сочувствовалъ и обряды которыхъ одобрялъ самъ великій Чехъ Иеронимъ, другъ и сподвижникъ Гусовъ.

«Побѣдою при Домажлицахъ, говоритъ Палацкій, Чехи достигли вершины всемірнаго могущества и дѣятельности. Никогда еще судьба міра не зависѣла въ такой степени отъ дѣлъ Чешскихъ, какъ въ то время, а неодолимость пробужденнаго

народа, никогда еще не проявлялись въ такихъ яркихъ и блестящихъ подвигахъ. Всѣ двѣнадцатилѣтнія усилія Европы привели къ тому только, что Чехи подъ конецъ стали еще могучѣе и непобѣдимѣе, чѣмъ были въ началѣ. Лучшие полководцы своего времени затеряли свою славу въ Чехахъ; многочисленныя войска, выводимыя въ поле соединенными стараніями и усиліями властей свѣтской и духовной, боялись даже дожидаться Гуситовъ и вступить съ ними въ бой. Погромами при Стржибрѣ и Домажлицахъ, подобныхъ которымъ не запомнить исторія, узналъ весь свѣтъ, что напрасны всякіе новые походы на Чеховъ¹».

Уроженецъ Дубровника, Янъ Стойковичъ, одинъ изъ дѣятельнѣйшихъ членовъ собора Базельскаго, оказавшій католическому и вообще тогдашнему Римско-Нѣмецкому міру услуги великія, служившій ему съ необыкновенною энергіею, конечно достойною, тѣмъ болѣе отъ Славянина, гораздо лучшаго дѣла,— передалъ между прочимъ одинъ фактъ, раскрывающій всю силу впечатлѣнія, произведеннаго на соборъ Базельскій пораженіемъ при Домажлицахъ: «29 Августа послѣ полудня, — говоритъ онъ, — когда представители собора и гражданъ сошлись у проповѣдниковъ (*praedicatores*), то представители гражданъ сказали, что получены извѣстія о томъ, что войско отступило изъ Чехи въ великомъ замѣшательствѣ и съ огромною потерею людей и возовъ. Услыхавъ объ этомъ, всѣ отцы были поражены ужасомъ и глубоко задумались; тогда еще сильнѣе возревновавъ къ преобразованію церкви, они поспѣшно обратились къ занятіямъ по дѣламъ собора».

Эней Сильвій живо представилъ то любопытство и тѣ впечатлѣнія тогдашнихъ жителей и обывателей Базеля, что произвели на нихъ приглашенные на соборъ, Гуситы Чешскіе, при своемъ

1. «Намъ по крайности, — замѣчаетъ Палацкій, — не извѣстны другіе подобныя примѣры бѣгства такихъ многочисленныхъ силъ до начала сраженія. О томъ, какой они шумъ надѣлали тогда въ свѣтѣ, свидѣтельствуетъ одно извѣстіе въ современной рукописи Парижской бібліотеки подъ № 1503, л. 19, гдѣ съ зано: «circa festum Assumptionis Mariae fit illa fuga in populo, de qua per universum orbem narratur»; т. е. «около Вознесенія Пресв. Богородицы произошло то бѣгство въ народѣ, о которомъ говорятъ по всему свѣту». (Pal. D. III, ѳ. 2. str. 157—158.

въѣздъ въ Базель, 4 янв. 1433 г. Все выбѣжало поглядѣть этихъ страшныхъ еретиковъ. Женщины, дѣти, — говорить онъ, — смотрѣли на нихъ изъ оконъ, съ кровель, указывали на нихъ пальцами, дивились странному ихъ наряду, ихъ грознымъ лицамъ, суровому ихъ выраженію. Всего болѣе устремлено было общее вниманіе на Прокоса; припоминали, что это тотъ самый, который столько разъ разбивалъ многочисленныя войска вѣрныхъ, столько мѣстъ разрушилъ и завоевалъ, столько тысячъ людей погубилъ.

На соборѣ Базельскомъ присутствовало не мало Испанцевъ; одинъ изъ нихъ докторъ Іоаннъ Паломаръ, архидьяконъ Барселонскій, по назначенію отцевъ, былъ однимъ изъ числа четырехъ официальныхъ опонентовъ Гуситовъ; онъ же былъ однимъ изъ десяти пословъ собора Базельскаго въ Чехахъ¹ въ 1433 г.; другой Испанецъ Іоаннъ де Сеговіа, написавшій, какъ очевидецъ исторію этого собора (*horum relator quia vidit et tunc scripsit, refert copiosius in multis*), сообщаетъ весьма много подробныхъ извѣстій о Чехахъ и потому служить однимъ изъ важнѣйшихъ источниковъ Чешской исторіи того времени².

Въ XV в. Чехи не только геройски защищали мечемъ свои убѣжденія, и переходили въ наступленіе, но и старались словомъ и убѣжденіемъ подѣйствовать на угнетенныя массы Запада, которыя уже начинали явно выражать Чехамъ свое сочувствіе, какъ узнали, что у нихъ не обращается вниманіе на происхожденіе: и богатый и бѣдный равно зовется *братомъ*, и знатный и нищій пользуются одинакими правами. Уже во Франціи, слѣдуя примѣру Чеховъ, въ двухъ краяхъ сталъ подниматься простой народъ противъ аристократіи; на соборѣ 1432 г. въ Буржѣ Французское духовенство жаловалось, что въ Дофине собирались особыя денскія пожертвованія на помощь Гуситамъ³. Чехи посылали манифесты къ Нѣм-

1. Pal. D. III, c. 2, str. 239.

2. Тамъ же, str. 215, 241—242.

3. См. D. III, c. 2, str. 163, гдѣ Палацкій указываетъ на «*Advisamenta prolocuta per dominos praelatos et alios clerum regni Franciae et Delphinatus representantes, qui Bituris convenerunt ad mandatum D. Regis*» etc. ap. Marsi, XXIX, 402.

цамъ, обращались къ Венеціи, ища съ нею союза противъ Сигизмунда и Албрехта Австрійскаго. Въ своемъ посланіи къ Венеціанамъ отъ 10 іюля 1420 г. говорили между прочимъ Пражане, что Сигизмундъ торжественно клялся укротить и потушить возстаніе Чешское во что бы то ни стало, даже если бы пришлось для этого погубить и опустошить цѣлое королевство, край Чешскій вновь заселить другимъ народомъ, утратить не только все свои короны, но и собственныя тѣло и душу; что онъ сталъ еще свирѣпѣе, когда его стали покорно просить о томъ, чтобы онъ не забывалъ земли, которая его родила, народа, въ которомъ онъ самъ выросъ¹. Палацкій указалъ на слова Іоанна де Сеговіа, который въ числѣ причинъ созванія Базельскаго собора приводитъ и то обстоятельство, что многочисленныя циркуляры Чешскіе распространялись по всемъ странамъ, проникали даже въ Испанію: — *Accidit rursus his diebus publicatas fuisse etiam usque ad Hispaniam plurimas copias diversarum et diffusarum epistolarum Bohemorum ex parte*².

Напомнивъ снова читателю о торговыхъ договорахъ Дубровника съ Испанією при Фердинандѣ и Изабеллѣ, не могу не замѣтить, что въ исторіи отношеній Славянъ къ Пиринейскому полуострову нельзя не указать на тотъ также любопытный, кажется, фактъ, что въ Португаліи, въ царствованіе Іоанна II († 1495 г.) образовалось въ Лиссабонѣ общество ученыхъ подъ покровительствомъ короля, съ цѣлью заботиться о примѣненіи астролябіи къ мореплаванію, о мореходныхъ картахъ, объ улучшеніи таблицъ склоненія звѣздъ и проч.: что въ обществѣ этомъ принимали участіе: епископъ Діего Ортизь, епи-

«In Delphinatu est quaedam portio inter montes inclusa, quae erroribus adhærens praedictis Bohemorum, jam tributum imposuit, levavit et misit eisdem Bohemis» etc. Cf. Raynaldi ed ann. 1432. § 6. Joh. de Segovia (MS).

1. Это посланіе, весьма обширное, находится въ одной современной рукописи въ библіотекѣ Угорскаго народнаго музея въ Пештѣ. См. Pal. D. III, č. 1, str. 337; см. тамъ же, str. 309. и Archiv Český, III, 210—212 — манифестъ Чешскій около 20 апрѣля 1420 г., разосланный по всей Чешской землѣ и въ чужіе края на нѣсколькихъ языкахъ и въ многочисленныхъ экземплярахъ.

2. Palacký D. III, č. 2, str. 111.

скопъ Камадилъ, врачи короля Родриго и Хозе, *Мартынъ Чехъ* и др.¹.

Соображая всѣ предъидущія данныя, какъ и нѣкоторыя другія, пишущій эти строки рѣшается высказать свое искреннее желаніе вмѣстѣ съ надеждою, что оно не только будетъ со временемъ удовлетворительно исполнено, но и теперь встрѣтитъ полное сочувствіе въ каждомъ просвѣщенномъ читателѣ, желаніе того, чтобы было обращено строгое вниманіе на отношенія Славянъ къ Пиринейскому полуострову и въ настоящей періодъ, чтобы были обнаруживаемы и сводимы всѣ самыя малѣйшія по видимому извѣстія и данныя касательно этого вопроса, чтобы молодые ученые наши подошли бы съ этой стороны къ исторіи Испаніи и Португаліи, богатая литература которыхъ, — особенно рукописная, судя по однимъ теперешнимъ, ничтожнымъ свѣдѣніямъ, должна содержать въ себѣ еще много болѣе или менѣе замѣчательныхъ, и нынѣ вовсе неизвѣстныхъ данныхъ по Славянской исторіи, въ которой Русская составляетъ одну органическую часть.

XIII. Время самаго цвѣтушаго состоянія Дубровника, его образованности, литературы, торговли и флота принадлежитъ XVI и отчасти XVII в. до 1667 г., когда постигло его страшное землетрясеніе, долго не позволявшее ему оправиться, а тамъ подоспѣла душеубійственная система езуитовъ, которая и тутъ также загубила народность и самобытность Славянскую, какъ и въ Чехахъ и въ Польшѣ. Не мало также матеріальныхъ и нравственныхъ силъ растратилъ Дубровникъ въ войнахъ Испаніи, которой оцъ или лучше его граждане были вѣрными союзниками въ продолженіи всего этого періода. Дѣйствительно считаютъ, что съ 1584 до 1654 г., въ теченіи 70 лѣтъ, Дубровничане потеряли болѣе 178 судовъ, большихъ и малыхъ (*caracche, galeoni e navi*). Потерю эту, считая при семь и иму-

1. Costa (I. da) Quintella: *Annaes da marinha Portugueza*. Lisboa. 1839. I, 189—190. См. ст. И. И. Срезневскаго въ Учен. Зап., кн. II, вып. 2, с. 253. Замѣчательно, что однимъ изъ первыхъ извѣстнѣйшихъ типографчиковъ въ Севильѣ былъ нашъ же соотечественникъ Полякъ Станиславъ (въ к. XV и нач. XVI в.).

шество, оцѣнивали въ три милліона золотой монеты, при чемъ не взято въ расчетъ кораблей и судовъ съ разныхъ острововъ Далмаціи, граждане которыхъ также участвовали въ войнахъ Испаніи съ Франціею и Голландіею, когда Дубровничане понесли такіе значительные убытки¹.

Въ царствованіе Карла V (1510 † 1558 г.) Дубровникъ, получивъ отъ Испаніи весьма выгодныя торговыя права и преимущества, дозволилъ своимъ гражданамъ состоять на службѣ у Испаніи. Умная община Славянская всегда отличалась необыкновенно либеральною и осторожною политикою: состоя въ дружественныхъ связяхъ съ Портою Оттоманскою, правительство Дубровницкое не запрещало и не мѣшало въ то же время своимъ гражданамъ частными флотами участвовать въ войнахъ Испанцевъ съ Турками. Въ 1535 г. 4 Дубровницкихъ корабля участвовали съ Испанцами въ ихъ счастливомъ походѣ на Тунисъ. Въ 1541 г. 13 Дубровницкихъ кораблей, точно также сооруженныхъ частными людьми, участвовали въ неудачномъ походѣ Испанцевъ на Алжиръ, только 6 изъ нихъ спаслись и воротились цѣлыми въ Маіорку. На одномъ островѣ Менцо триста вдовъ оплакивало своихъ мужей. Въ 1552 г., когда паша Пиали разбилъ Испанцевъ, напавшихъ на Триполи, 6 кораблей Дубровницкихъ погибло со всеѣмъ своимъ экипажемъ.

Участіе Дубровничанъ въ дѣлахъ Испанскихъ не ослабѣло и при преемникахъ Карла, Филиппахъ Второмъ и Третьемъ. Такъ въ 1581 г. въ войну Португальскую 40 Дубровницкихъ большихъ судовъ потерѣли сильное крушеніе у гавани Лиссабонской. Въ 1588 г. участвовали Дубровничане въ непобѣдимой армادѣ.

Вообще съ 1584 до 1654 г. не менѣе 300 Дубровницкихъ судовъ перебивало на службѣ у Испаніи, изъ нихъ 178 погибло.

Свѣдѣнія эти, далеко неполныя и недостаточныя, ясно однако обнаруживаютъ не только богатства и значеніе Дубровника въ это время, но и обширность и близость его связей съ

1. Appendini: Not. II, 225: «oltre le Navi e Galeoni dell'Isola di Meleda, di Lagosta, ed infra terra nell territorio di Sabbioncello, di Primorie, di Ponta, delle Brozze, e della città di Stagno, de'quali sono molti, che si passano sotto silenzio dagli Autori».

Испанію. Зная же его мудрую политику, высокое образованіе и предпріимчивость его гражданъ, легко понять, что такими тѣсными сношеніями съ великою монархіею онъ не могъ не воспользоваться для расширенія своихъ торговыхъ связей. Дѣйствительно, еще въ первой половинѣ XVI в. Дубровничане ходили въ Гоа, въ Остъ-Индію, въ Персію и въ Америку¹.

Изъ Славянъ, служившихъ въ этотъ періодъ въ Испаніи, не мало было людей замѣчательныхъ, оказавшихъ этой странѣ услуги большія, прославившихъ свой народъ, какъ бы закрѣпившихъ давнишнее его вліяніе и значеніе въ Испаніи и можно сказать окончательно завоевавшихъ всему нашему племени и возможность и право еще значительнѣйшаго вліянія въ будущемъ.

Пишущій эти строки считаетъ нужнымъ предварительно замѣтить, что предлагаемыя ниже свѣдѣнія, весьма не полны, кратки и отрывочны, ибо онъ ничего не имѣлъ въ своемъ распоряженіи, кромѣ труда Аппендини, который далеко не могъ подробно распространяться о Славянахъ въ Испаніи, по самой специальности вопроса и наконецъ, что еще важнѣе, не имѣлъ всѣхъ нужныхъ для того матеріаловъ, большая часть которыхъ должна сохраняться въ Испаніи, въ ея богатыхъ архивахъ и бібліотекахъ, почему прибавить ктати, путешествіе Славяниста въ Испанію становится весьма необходимымъ.

Аппендини ограничился передачею весьма краткихъ извѣстій о нѣкоторыхъ изъ Славянъ, жившихъ въ этотъ періодъ въ Испаніи. Изъ Дубровничанъ предводителей частныхъ вооруженныхъ судовъ и адмираловъ эскадръ пользовались, говоритъ Аппендини, большимъ уваженіемъ въ Испаніи: *Николай Проданелли*, графъ *Марулино*, сынъ Іоанна Сфондрати и графъ *Марулино*, сынъ Лоренцо Сфондрати. Они принадлежали къ отрасли фамиліи Григорія XIV, которая утвердилась въ Дубровникѣ съ 1490 года. Одинъ изъ этихъ Сфондрати имѣлъ случай въ 1571 г. спасти жизнь Филиппу III, который и одарилъ его за то большими наградами и назначилъ его начальникомъ Испанской эскадры, отъ чего впрочемъ тотъ отказался.

Нѣсколько человекъ изъ фамиліи *Охмучевичей* (переселив-

1. Engel: Gesch. d. Freyst. Rag. S. 205.

шейся въ Дубровникъ изъ Босніи въ 1470 г.) *Юрій, Антонъ, Николай, Маркъ и Петръ* одни были капитанами, другіе начальниками эскадръ. Капитанъ Юрій послѣ многихъ подвиговъ потерялъ свою жизнь на кораблѣ своемъ съ 1800 человекъ экипажа на пути изъ Испаніи въ Италію. Антонъ погибъ въ сраженіи съ 7 Алжирскими галерами, которыя впрочемъ были разбиты. Николай разбилъ подъ Алжиромъ 7 Алжирскихъ галеръ и потопилъ капитанскій корабль (la capitana). Онъ погибъ въ войну Голландскую. Капитанъ Маркъ, послѣ долговременной службы на Океанѣ, за свои великія политическія дарованія былъ приглашенъ ко двору и въ Мадридѣ занималъ важныя государственныя должности. Петръ превзошелъ ихъ всѣхъ и заслугами и славою. Начавъ команду эскадрою (General-Comandante) въ 12 большихъ трехмачтовыхъ кораблей (12 grosse navi a tre alberi) съ экипажемъ 3200 человекъ, онъ постоянно плавалъ въ Океанѣ и снискалъ своей эскадрѣ названіе *эскадры Индій или Океана* (squadra dell'Indie o dell'Oceano). Шесть кораблей принадлежало собственно ему, остальные шесть его роднымъ; экипажъ состоялъ изъ Дубровничанъ; въ Индіи и на Океанѣ онъ прослужилъ 26 лѣтъ при Филиппахъ II и III, отличился во многихъ сраженіяхъ, особенно въ 1596 г., когда одержалъ побѣду надъ нѣсколькими большими кораблями Англійскими (parecchie grosse navi Inglesi). Филиппъ II, изъ признательности къ его заслугамъ написавшій ему десять писемъ, пожаловалъ его кавалеромъ ордена Св. Іакова Галиційскаго съ назначеніемъ большаго оклада (con una commenda di 3000 pezze l'anno). Онъ былъ въ родствѣ съ первыми фамиліями грандовъ Испанскихъ; умеръ въ Лиссабонѣ¹.

Въ командованіи Испано-Дубровницкимъ флотомъ послѣдовали Охмучевичамъ *Юрій, Петръ и Степанъ Долести*. Юрій отличался большими дарованіями и познаніями въ морскомъ дѣлѣ и въ гражданскомъ управленіи. Филиппъ III приписалъ его къ ордену св. Іакова (ordine equestre), а Франческо Медичи, великій герцогъ Тосканскій, назначилъ его командиромъ ордена св. Стефана. Петръ, послѣ нѣсколькихъ лѣтъ службы во флотѣ, за свои особыя дарованія былъ назначенъ вице-королемъ Запад-

1. Appendini: l. l. I, 199—200.

ной Индіи и обсыпанъ великими почестями. Степанъ, храбрость и заслуги котораго были вознаграждены орденомъ св. Іакова, въ качествѣ начальника эскадры потерпѣлъ сильное крушеніе при островѣ Терсеры (a viste delle Jsole di Terzere). Одинъ домъ Охмучевичей потерялъ при этомъ несчастіи до 150 тысячъ піастровъ. Потеря людей и денегъ была снова восстановлена людьми и деньгами Дубровника, а командованіе эскадры перешло въ руки *Лоренцо*, *Алигретто*, *Николая* и *Джироламо Машибрадичей*, сыновей *Ивара Машибрадича*, человѣка необыкновенно даровитаго и образованнаго, которому король Испанскій пожаловалъ богатый маркизатъ за оказанныя имъ многочисленныя услуги Испаніи. Лаврентій и Алигретто служили при дворѣ. Николай долгое время начальствовалъ эскадрою, потомъ по приглашенію Филиппа IV пріѣхалъ въ Мадридъ и въ награду за храбрость и мужество получилъ графское достоинство. Джироламо былъ женатъ на Маріаннѣ Фернандесъ Кордовской и Кастильской (di Cordova e Castiglia), а дочь его была замужемъ за Петромъ Феликсомъ де Сильва графомъ Сифуэнтесъ (Pietro Felice de Silva Conte di Sifuentes). То были знатныя Испанскія фамиліи. При Филиппѣ IV, въ продолженіи 20 лѣтъ, Джироламо Машибрадичъ командовалъ эскадрою въ качествѣ адмирала и ходилъ въ обѣ Индіи. Припѣтый за свои заслуги въ орденъ Св. Іакова, онъ сдалъ начальство надъ эскадрою, въ которой 7 кораблей были его собственные, своему соотечественнику *Ивану Балакки* (Giov. Maria Balacchi), который вмѣстѣ съ *Николаемъ Пальмотичемъ*, человѣкомъ весьма замѣчательнымъ, съ другими искусными и мужественными капитанами и матросами, отличался подобно своимъ предшественникамъ въ Средиземномъ морѣ и въ Океанѣ.

Нѣсколько лицъ изъ фамиліи *Мартолошичей* и разныхъ другихъ фамилій съ острова Менцо, который гордится (per antica tradizione) тѣмъ, что далъ отличныхъ моряковъ еще первымъ плавателямъ въ Америку, также ознаменовали себя великими заслугами. Но, говоритъ Аппендици, недостатокъ источниковъ заставляетъ меня ограничиться свѣдѣніями, и то краткими, объ одномъ *Викентіѣ Буне*, въ великихъ заслугахъ котораго нѣтъ никакой возможности сомнѣваться. При Филиппахъ II и III онъ совершалъ плаванія въ Америку, много помогалъ въ Индіи рас-

пространенію христіанства, участвовалъ въ продолжительной войнѣ съ Бельгіею при Филиппѣ II, занимался и другими дѣлами высокой важности, исправлялъ нѣсколько лѣтъ должность вице-короля въ Мексикѣ¹. На обратномъ пути въ Испанію онъ

1. Marina Saboga. (Прим. Аппендини). Кстати замѣчу здѣсь, что Славяне стали посѣщать Новый Свѣтъ очень рано: такъ Аппендини говоритъ, что жители острова Меццо сохраняютъ преданія о томъ, что ихъ предки ходили въ Америку въ первую эпоху ея открытія. То не покажется удивительнымъ тому, кто вспомнить о значеніи Дубровника въ XV в. Позволяю себѣ выразить мысль о необходимости собрать во едино всѣ свѣдѣнія о Славянахъ, такъ или иначе потрудившихся въ Америкѣ. Говоря о Славянахъ, разумѣю не однихъ Адриатическихъ, о которыхъ въ богатыхъ архивахъ и библіотекахъ Вѣны, Венеціи, Далмаціи и Испаніи безъ сомнѣнія хранятся драгоценнѣйшія извѣстія и матеріалы для такихъ монографій. Дѣйствительно, въ этомъ отношеніи обратятъ на себя вниманіе не одни Славяне Адриатическіе. Довольно только вспомнить замѣчательнаго соплеменника нашего, Поляка Арцишевскаго. Принадлежа къ Аріанской сектѣ, онъ, подобно всѣмъ лучшимъ умамъ Польши, не могъ выносить всегда подлой и лукавой системы езуитовъ, заморившей Польшу; подвергаясь ихъ преслѣдованіямъ, Арцишевскій бѣжалъ изъ отечества и вступилъ на службу Голландской республики въ качествѣ артиллерійскаго офицера: въ Польшѣ, еще въ 1622 г., онъ носилъ званіе полковника артиллеріи. Вскорѣ онъ получилъ назначеніе въ Бразилію, гдѣ велъ войны съ Испанцами. Всѣ нынѣ замѣчательныя крѣпости Бразиліи, какъ то: Рио-Жанейро, Бахія, Пернамбуко, выстроены Арцишевскимъ. Въ продолженіе десяти лѣтъ онъ почти постоянно разбивалъ Испанцевъ. Республика высоко цѣнила его заслуги и повелѣла въ честь его выбить медаль, на одной сторонѣ которой изображены: крѣпость Рио-Жанейро при морѣ, на высокомъ столбѣ гербъ Арцишевскаго: пива (cola), трофеи, лавровый вѣнецъ, и вокругъ двѣ надписи: 1) *Victricem accipe laurum*, 2) *Hostibus Hisp. profligatis*. На оборотѣ слѣдующая надпись: *Heroi generis nobilitate, armorum et literarum scientia longe praestantissimo Christoph. Arciszewski; rebus in Brezilia per triennium prudentissime, fortissime, felicissime gestis Societas Americana suae gratitudinis, et ipsius fortitudinis ac fidei hoc monumentum esse voluit. Anno MDCXXXVII*. Въ царствованіе Владислава IV († 1648 г.) Арцишевскій вернулся въ Польшу и умеръ въ Лешнѣ уже при Явѣ Казимирѣ. См. Niemcewicz: *Zbiór pamiętników o dawniej Polsce...*, гдѣ также помѣщено любопытное письмо Арцишевскаго изъ Амстердама къ Владиславу IV; также Энцикл. Лексик. Плюшара: *Арцишевскій*. Его сочиненіе объ артиллеріи, писанное по-Латыни, весьма долго пользовалось въ Европѣ почетною извѣстностью и было переведено на языки Французскій, Голландскій и Нѣмецкій. См. также Sobieszczanski: *O życiu i sprawach Krzysztofa z Arciszewa Arciszewskiego, generała artyllerii i półkownika piechoty w wojsku Hollenderskiém. Z wizerunkiem*. Warszawa. 1850. См. Приложенія.

былъ застигнуть бурю, свирѣпствовавшую нѣсколько дней. На корабль его, отдѣлившійся отъ эскадры, напали у береговъ Африки пираты Марокскіе на двухъ большихъ корабляхъ. Буне не отказался отъ битвы; вскорѣ непріятельское ядро образовало въ его карабль столь значительную пробоину, что стало заливать корабль. Тогда онъ рѣшился на послѣднее отчаянное средство, которое ему оставалось, прежде чѣмъ сдаться въ плѣнъ: онъ быстро пересаживается со своимъ экипажемъ на двѣ лодки (*due scafe o barconi*), вооружаетъ ихъ и схватывается съ ближайшимъ непріятельскимъ кораблемъ, напавъ на него съ обѣихъ сторонъ. Берберы, совсѣмъ ошеломленные внезапною атакой, сдаются въ плѣнъ послѣ кровопролитной схватки. Видя это, другой непріятельскій корабль пустился въ бѣгство, но Буне нагналъ его, разбилъ и повелъ съ собою къ берегамъ Испаніи. Но здѣсь ждала его новая опасность. При приближеніи къ порту двухъ непріятельскихъ судовъ, открыли по нимъ огонь съ крѣпостей и канонерскихъ лодокъ. Наконецъ его признали по даннымъ имъ сигналамъ, приняи съ великимъ восторгомъ и воздали должную дань его смѣлости и храбрости¹. Буне, осыпанный великими почестями и наконецъ назначенный въ помощники вице-королю въ Неаполѣ, скоропостижно померъ на 54 году своей многодѣтельной жизни², въ 1612 г.

Таковы имѣющіяся въ распоряженіи нашемъ свѣдѣнія о Славянахъ, жившихъ въ этотъ періодъ въ Испаніи, свѣдѣнія

1. Vinc. Petrovich, in Not. ined. Carm. ad Vlad. Buchia. (Прим. Аппендини).

2. Appendini I, 202. Аппендини сообщаетъ слѣдующую надгробную надпись, находящуюся въ часовнѣ Св. Троицы на островѣ Меццо, куда перевезли его прахъ изъ Неаполя:

D. O. M.

Vincenzio Buneo Petri F. Christi Equiti dignitatem virtute supergresso, sub duorum Hispaniarum regibus Philippis Secundo et Tertio arduam utriusque orbis navigationem amplexo, et gloriam nominis comparandi cupido, atque ideo in India fidei propugnandae, in Belgia religionis tuendae diu occupato, dum egregiam in utroque officio navat regibus suis operam, regio nutu Neapolim revocato, et a consiliis proregiis deputato, post multos exantlatos labores ad aliam vitam vocato, ex vi testamenti in patriam deportato, et hic jacenti, ac tubae sonitum expectanti, revocando ad vitam consanguinei unanimes hoc monumentum posuerunt. Vixit annos quinquaginta tres. Obiit pridie id. novembris anno salutis MDCXII.

крайне ограниченные и неполные, но темъ не менѣе возбуждающія великій интересъ и настойчиво отъ насъ требующія пытливыхъ поисковъ и розысканій, которыя, какъ теперь уже можно предполагать, не могутъ не увѣнчаться блестящимъ успѣхомъ.

Одни уже простые, официальные свѣдѣнія, такъ сказать послужные списки со всѣми документами, какъ перечисленныхъ здѣсь, такъ и многихъ другихъ Славянъ, оставшихся неизвѣстными Аппендини и служившихъ въ Испаніи — отысканные и обнаруженные, принесутъ великую пользу наукѣ, какъ исторіи Славянской, такъ и Испанской.

Но нѣтъ сомнѣнія, что не одни, болѣе или менѣе полныя официальные свѣдѣнія хранятся въ библіотекахъ и архивахъ Вѣны, Венеціи, Далмаціи и Испаніи о такихъ людяхъ, что подобно Буце, Петру Охмучевичу и Петру Долисти занимали въ Испаніи такое высокое положеніе и оказали этой великой въ то время державѣ услуги не малыя.

Вспомнивъ состояніе образованности въ Дубровникѣ въ этотъ періодъ, его литературу, не менѣе богатую, чѣмъ Польская, и едва ли не больше ея (разумѣется того времени) народную, привязанность его гражданъ, несмотря на обширное вліяніе образованности Итальянской, къ языку Славянскому и сильное развитіе въ нихъ чувства народной гордости, припомнивъ все это, мы ясно поймемъ, что Славяне, занимавшіе въ Испаніи важныя государственныя должности, роднившіеся съ знатными Испанскими фамиліями, должны были имѣть вліяніе на возрѣнія Испанцевъ на Славянъ вообще, возбуждать въ нихъ къ своимъ соплеменникамъ болѣе или менѣе живыя сочувствія, которыя едва ли могли не отразиться въ письменности Испанской, въ этотъ періодъ столь богатой.

Припомнимъ, что во флотѣ Испанскомъ служила масса Славянъ изъ среднихъ и низшихъ классовъ. Конечно и они, подобно знатнымъ землякамъ своимъ, точно также вступали въ родство съ Испанскими семействами изъ соотвѣтствующихъ классовъ. Разумѣется, Славяне, принадлежавшіе къ низшимъ классамъ народа и служившіе въ Испаніи, упорнѣе сохраняли свою народность, свой языкъ, свои пѣсни, свои обычаи и свой народъ. Естественно, что и въ дѣйствительности и въ представ-

леніяхъ Испанцевъ — долженъ былъ сложиться особый типъ Славянина-моряка. Не сохранились ли въ богатой литературѣ Испанской хотя какія нибудь черты этого типа? Всегда и вездѣ твердая, память народа не сохраняетъ ли и понынѣ въ Испаніи, въ пѣсняхъ ли или въ простыхъ народныхъ преданіяхъ, разсказахъ, пословицахъ и поговоркахъ — какихъ нибудь чертъ, даже намековъ, тѣмъ не менѣе для науки драгоценныхъ, о Славянахъ, проживавшихъ между народомъ и братавшихся съ нимъ? Отвѣчать на этотъ вопросъ отрицательно, безъ предварительныхъ личныхъ развѣдокъ и изысканій, было бы весьма легкомысленно, такъ какъ хорошо извѣстно, что во многихъ краяхъ Испаніи въ народѣ еще крѣпка и свѣжа старина и что Славяне, хотя и не въ такой степени, продолжали однако свои сношенія съ Испаніею и въ слѣдующемъ періодѣ. Слѣдовательно, если съ одной стороны, съ теченіемъ времени и могли изъ памяти народной исчезнуть нѣкоторыя черты, то съ другой стороны не совершенная остановка такихъ сношеній не позволяла вовсе стереться ихъ слѣдамъ. Наконецъ можно ли утверждать теперь, что болѣе или менѣе значительная часть Славянъ не осталась жить въ Испаніи? что нынѣ нѣтъ ни малѣйшихъ слѣдовъ этихъ поселенцевъ?

Смѣю думать, что найдутся нѣкоторые читатели, которые не стануть отрицать великой пользы, которая могла бы произойти въ этомъ отношеніи отъ старательнаго изученія Испанской литературы и письменности, какъ печатной, такъ еще болѣе рукописной, и даже этнографическаго путешествія по нѣкоторымъ частямъ Испаніи. Быть можетъ слѣдующія данныя и соображенія способны облегчить ожидаемые авторомъ упреки, напр., хоть за пристрастное будто бы увлеченіе предметомъ и за излишнюю смѣлость будто бы ни на чемъ не основанныхъ предположеній.

Императорская Публичная Библіотека для богатаго своего собранія иностранныхъ сочиненій о Россіи, еще не такъ давно приобрѣла пять Испанскихъ брошюръ, чрезвычайно рѣдкихъ и весьма для насъ любопытныхъ¹. Ихъ содержаніе, годъ и мѣсто

1. Отчетъ Имп. Публ. Библіотеки за 1855 г. Спб. 1856. С. 38—39.

изданія одинаково заслуживаютъ нашего вниманія. Первая, напечатанная въ Валладолидѣ въ 1600 г., говоритъ о Самозванцѣ, выдавая его за истиннаго царевича Димитрія. Другія три, изданныя въ Мадридѣ и Малагѣ въ 1634 г., о современныхъ дѣлахъ Польско - Московскихъ. Пятая о казацкихъ подвигахъ на Черномъ морѣ. Онѣ носятъ слѣдующія заглавія: 1) *Relacion de la señalada y como milagrosa conquista del paterno Imperio, conseguida del Serenissimo Principe Juan Demetrio, Gran Duque de Moscovia, en el anno de 1605. Traduzido de lengua Italiana por la insigne Juan Mosquera. Valladolid. 1606. 4º.*

2) *Relacion verdadera de la insigne vitoria que alcançò el Rey de Polonia contra el Gran Duque de Moscovia y otros confederados suos, todos enemigos de nuestra Santa Fe, y de las coronas de la casa de Austria: embiada del exército de su Majestad de Polonia, su fe cha en 24 de Março 1634. Traducida de lengua Alemauna por Geraldo Scorz. Madrid. 1634. in-fol.*

3) *Las continuas vitorias que ha tenido el Serenissimo y Potentissimo Vlasdislao Quarto, Rey de Polonia, Sbecia etc. y las capitulaciones que admitiò para la paz entre los Moscovitas y su Regno de Polonia. Madrid. 1634. in-fol.*

4) *Idem. Malaga. 1634. in-fol.*

5) *Nueva Relacion de la señalada vitoria conseguida del Principe Cosaco en el Mar Negro, contra los Turcos, y Tartaros. Con esto entenderan el Fiero, y sangriento Combate, que ha avido, tanto por Mar, como por Tierra, con muerte de 20 mil entre Turcos, y Tartaros, y con la presa de cinco Navios cargados de municion de Guerra, con 120 piezas de canon. Publicada à 1 de Marzo de este presente anno 1691.*

Не менѣ любопытенъ и родъ романа, вышедшій въ Сарагосѣ въ 1665 г., подъ слѣдующимъ заглавіемъ: *Eustorgio y Clorilene Historia Moscovica. Por don Enrique Suarez de Mendoza y Figueroa al excelentissimo Señor don Jaime de Silva. Con licencia. En Çaragoça, por Ivan de Ybar. Anno 1665.*

Напомнимъ также читателю, что въ одной изъ драмъ Кальдерона (1601 † 1682 г.), хотя и чисто фантастической, безъ всякой исторической основы, подъ заглавіемъ «*La vida es sueño* (Жизнь (наша) сонъ), главными дѣйствующими лицами явля-

ются между прочимъ: — Basilio, rey de Polonia, Segismundo principe и Astolfo, duque de Moscovia. Въ 1680 г. вышло въ Мадридѣ сочиненіе Испанскаго путешественника Куберо, отправившагося изъ Варшавы въ Москву, оттуда въ Астрахань и Каспійскимъ моремъ въ Индію. Оно носитъ слѣдующее заглавіе: Breve Relacion de la peregrinacion que ha hecho de la mayor parte del Mundo Don Pedro Cubero Sebastian. Escrita por el Mismo Don Pedro Cubero Sebastian dirigida al rey nuestro señor D. Carlos Segundo, Monarca de las Españas etc. con privilegio. En Madrid. 1680. in-4°. Описаніе Россіи, во многихъ отношеніяхъ не бесполезное, занимаетъ въ этой книгѣ до сорока страницъ (р. 166 — 202).

Въ настоящее время никто конечно не рѣшится утверждать, чтобы тѣмъ и ограничивались печатныя Испанскія извѣстія о Россіи, въ этотъ періодъ. Что же касается рукописныхъ матеріаловъ, то ихъ должно быть гораздо болѣе и они должны быть несравненно занимательнѣе. Вспомнимъ, что въ XVI и XVII в. бывали наши посланники въ Испаніи, что въ гнѣздѣ инквизиціи и езуитовъ едва ли могутъ не быть болѣе или менѣе любопытные матеріалы хоть напр. для исторіи Православія въ Южной и Западной Руси.

Если не мало свѣдѣній заключаетъ въ себѣ Испанская литература и письменность о Россіи, страны столь отдаленной и такъ мало принимавшей тогда участія въ дѣлахъ Европейскихъ, то тѣмъ подавнѣе должны онѣ содержать въ себѣ не мало весьма важныхъ свѣдѣній о Славянахъ западныхъ, о Полякахъ, Чехахъ и особенно о Славянахъ Адриатическихъ.

Въ оправданіе свое замѣтимъ только, что Фердинанду II Католику въ борьбѣ съ Славянами Чешскими, окончившейся роковою Бѣлогорскою битвою, и въ послѣдовавшемъ за тѣмъ ихъ порабоженіи Римско-Нѣмецкимъ порядкамъ, не мало помогли Испанцы.

Что же касается до Польши, то припомнить можно слѣдующія обстоятельства, кажется достаточно подтверждающія предположенія наши. Императоръ Рудольфъ II и Филиппъ II въ 1596 г. искали союза съ Польшею, куда былъ посланъ Испан-

скій посланникъ Мендоза, Амирантъ Арагонскій¹. Сигизмундъ III. всегда окруженный езуитами и иностранцами, содержащій даже тѣлохранителей изъ Шведовъ, Нѣмцевъ и *Испанцевъ*², писалъ между прочимъ Филиппу II: «В. К. В. должно быть извѣстно положеніе королей Польскихъ и какимъ подчинены они ограниченіямъ. Ничего въ этомъ королевствѣ не дѣлается безъ согласія сословій: безъ ихъ воли нельзя собрать никакой силы, ни учинить никакого приготовленія къ войнѣ. Уже давно былъ бы уничтоженъ похититель Шведскаго престола, если бы сословія были щедрѣе въ своихъ приношеніяхъ. Было бы дѣломъ, достойнымъ католическаго короля и той братской любви, которую В. К. В. къ намъ питаете, если бы вы распорядились прислать къ намъ на помощь въ Балтійское море вашъ флотъ³». Польскій посланникъ Станиславъ Маковскій вернулся изъ Испаніи около 1622 г. съ двумя посланниками Испанскими (Gabryel de Roy и Baron d'Anchi). Филиппъ III обѣщалъ черезъ два мѣсяца выслать противъ Шведовъ въ Балтійское море 24 корабля Испанскихъ съ 12,000 солдатъ, увѣрялъ, что онъ отложилъ на этотъ походъ 200,000 Испанскихъ талеровъ⁴. Въ XVI и XVII в., Польша, край необыкновенно богатый⁵, вела черезъ Гданскъ, куда по свидѣ-

1. Niemcewicz: Dzieje panowania Zygmunta III. Warszawa. 1819. I, 367.

2. За что и выговаривалъ ему незабвенный Я. Замоискій въ своей знаменитой рѣчи, на сеймѣ 1606 г. Этотъ великій государственный мужъ говорилъ ему между прочимъ: *Маму i inne urazy do W. K. Mci, porzysiąglęs nam kilka zamków na Ukrainie zbudować, nie zbudowano żadnego, zamek nawet w Kamieńcu Podolskim nie naprawiony. Nie miałeś W. K. M. custodiam corporis sui tylko ex indigenis, a my widzimy u W. K. M. alabartników, Szwedów, Niemców, Hiszpanów, i to nie miało być, powinieś nam W. K. M. przysięgi dotrzymać»* (ibid. I, 313). Войтѣхъ Ласкій, воевода Сѣрадзкій, самъ на свой счетъ собралъ войско изъ Поляковъ, Угровъ, Нѣмцевъ, Итальянцевъ, *Испанцевъ* и Французовъ, выгналъ изъ Молдавіи воеводу Александра и принудилъ народъ присягнуть на вѣрность Якову Ираклиду. (См. J. Krasinskiego: Polska... str. 67).

3. Niemcewicz: III, 421.

4. Ibid. III, 473.

5. См. Суровецкаго: *Upadki przemysłu i miast. Warszawa, 1818.* и Русское извлеченіе «О земледѣліи, промышленности и вообще богатствахъ Польши въ XVI и XVII в.» (Истор. и стат. Сборн. Валуева, М. 1843. С. 113 и сл.). Нѣмцевичъ говоритъ въ своемъ предисловіи къ Исторіи Сигизмунда III: «Łukasz Opaliński w

тельству Целларія (описывавшаго Польшу въ 1660 г.), ежегодно приходило болѣе 600 иностранныхъ кораблей, непосредственную торговлю съ Пиринейскимъ полуостровомъ: въ Польшѣ не мало проживало единовѣрныхъ ей Испанцевъ, хорошо знакомыхъ съ этой страной¹. Нѣтъ сомнѣнія, что Поляки, удивлявшіе Юста Липсіа и Мурета своими познаніями въ классической древности, за что и воздавали они Польшѣ великія похвалы, Поляки, удивлявшіе въ XVI в. Французскихъ дворянъ благородствомъ, изяществомъ своего обращенія и утонченностію своихъ манеръ, богатствомъ своихъ познаній², По-

obronie swojej przeciw Barklejuszowi mówi, że 5,000 statków i tratw z wnętr kraju przybywało do Gdańska, i że te do 6 milionów korcy różnego zboża przypływały do portu tego, a za nie 3,000,000 talarów imperii wchodziło do kraju. Hez z obfitej Rusi Czerwonej do państw Rakuskich wychodziło. Litwa Dzwiną i Niemnem 15,000 łastów (łast zawiera około 50 korcy) wysłała za morze». У него же читаемъ: «Opisujący Polskę statystycy: Kromer, Cellariusz, Krasieński, Starowski i inni, te przedniejsze artykuły wywozowego handlu naszego mianują: wszelkiego rodzaju zboża, wełna, len, pieńka, chmiel, skóry, miód, loje, воск, смола, potaż, harysz, bursztyn, marszty, tarcice, drzewo do budowy okrętów sposobne, sól, piwo, kuperwas, czerwiec, sałetra, lazurek, miedzь, ołów, żelazo, mosiądz, konie, woły, owcy, wieprze, słonina, i tym podobne; sprowadzano nawzajem: przednie sukna, materye, tak jedwabne, jako i złote, obicia, kobierce, perły, kamienie drogie, futra, sędzie, wyzina, stokfisz, wina, korzenie, wszelkie do potraw zaprawy, wiele nakoniec zbytkowych wymysłów». (Nieme. I, XIII).

1. «Co rok spływają Polacy do Gdańska Wisłą wszelkiego rodzaju zboże, belki do budowy okrętów, smołę, glinę do farbowania, len, konopie, wełnę, skóry zwierząt, bryły wosku. Do tego miasta, o 5,000 kroków od morza położonego, pod którym Wisła do morza wpada, przyjeżdżają kupcy z odległych krajów: *Portugali*, Francyi, Flandryi, Hollandyi, Anglii, Szkocyi, Irlandyi, Szwecyi, Norwegii, Danii i Niemiec. Nieraz do portu Gdańskiego przybywa jednocześnie 200,300 większych i mniejszych kupieckich okrętów, po większej części po zboże, które Polska i jej ziemie obficie dostarczają innym krajom...» (J. Krasieńskiego: Polska... str. 92). Онъ же, сказавъ, что Польская шляхта можетъ на свой счетъ выставить 150,000 войска, замѣтилъ: «сылаюсь въ этомъ случаѣ на свидѣтельства тѣхъ Итальянцевъ, Французовъ и Испанцевъ, которые видѣли Польшу и основательно съ нею познакомились».

2. Юстъ Липсіи говорилъ: «Mirus Providentiae ordo et coelestis ille agricola has illasque partes excolit, et velut novales quosdam agros, alternis serit. Quid Graeci, quid placent sibi Itali? Graecia et Italia nuper in Gallia, et nunc in Germania aut Sarmatia reperiuntur» (J. Lipsii: Epistolar. selectar. Chilibas. Francofurti. MDXXVII. p. 782); а Муреть писалъ: «Magna mihi, Sacrate, cum multis Germanis, magna cum permultis Polonis familiaritas, magnus usus, magna necessitudo fuit. Semper eos expertus sum bonos viros, rectos, simplices, apertos, humanissimos praeterea, et prope

ляка, повторяю, нѣтъ сомнѣнія, въ XVI и XVII в. имѣли въ средѣ своей не мало людей, что посѣщали Испанію и знаменитые ея университеты, изучали ея языкъ и богатую литературу. Нѣтъ сомнѣнія, что изъ среды Поляковъ того времени не одинъ Замойскій владѣлъ языкомъ Испанскимъ¹.

omnes eo vitae cultu, ac munditia, quae ad elegantiam potius quam ad ullam barbariem accederet. Utinam nos eo modo barbari essemus! Ultri vero barbariores sunt: nati in media Italia, quorum vix centesimum quemque reperias, qui aut graece loqui sciat, aut litteras amet? an Germani ac Poloni, quorum permulti, et earum linguarum utramque perfectissime callent, et ita litteras ac liberales disciplinas amant, ut in eis tempus omne consumant? Olim illi fortassis asperi ac barbari fuerunt: hoc quidem seculo, vereor ne ad nos barbaries, ad illos cultus et splendor vitae et eruditio atque humanitas, mutatis sedibus commigrarunt». (M. Ant. Mureti Orat., epist. et poëmata. Cura I. Ehrh. Karpii. Lipsiae. MDCCL. lib. I. lit. LXVI). Знаменитый Французъ де-Ту (Thuanus), въ Исторіи своего времени, заговоривъ однажды о Полякахъ, такъ описалъ ихъ страну: «regio ferax, oppidis ac vicis et castellis frequens, fluviiis crebris irrigua, et ad haec generosa nobilitate abundans, quae armorum curam fere cum litteris conjungit; itaque et regionum visendarum gratia nobiles ac primores adolescentes crebro lares paternos deserunt, et magnam secum doctrinae copiam et optimarum rerum usum non mediocrem, quod illis inclementis coeli rigore denegatur, ex peregrinationibus collectum domum referunt...» (Historiar. lib. LVI). О послахъ Польскихъ въ Парижъ 1573 г. и о представленіи ихъ королю де-Ту выражается такимъ образомъ: «in diem sequentem dilata regis sui salutatio, ad quam statim a prandio inscensis equis magno circuitu per sublicium pontem profecti sunt, longe majore pompa et apparatu, quam pridie venerant; aureis siquidem textilibusque togis amicti incedebant, senatoria gravitate imaginem quandam, Romanae majestatis referentes: habenae equorum argenteae distinctaeque lucentibus gemmis, clitellae inauratae ac preciosae phalerae cum voluptate simul et admiratione spectabantur: sua quemque familia anteibat composita ex generosis adolescentibus in serica, praeerentibus accensis cum ferreis bicubitalibus clavis» (lib. LVII).

1. Явъ Замойскій переводилъ на языкъ Испанскій письма Сенеки (см. Maciejowski: Pism. Polskie I, 154). Полагать можно, что выводъ Мацѣевского (тамъ же) о томъ, что Испанская литература была неизвѣстна Польшѣ, придется нѣсколько смягчить. Nous ignorons beaucoup des choses, que nous sommes flattés longtemps de savoir avec exactitude. Давно ли такой основательный знатокъ Польской литературы, какъ Вишневицкій, вовсе отрицалъ всякое вліяніе Чеховъ на Польскую литературу, межъ тѣмъ, какъ оно было чрезвычайно велико? У насъ и понынѣ зачастую слышишь рѣшительныя увѣренія въ томъ, что до-Петровская Русь не имѣла вовсе словесности; однако нельзя же этому серьезно вѣрить, когда извѣстно, что творчество народной поэзіи не оскудѣвало на Руси до конца XVII в., что письменность дѣловая, юридическая, оставившая по себѣ огромную массу памятниковъ, выработала себѣ необыкновенно точный, ясный и богатый языкъ, что переводы Свящ. Писанія и твореній св. отцовъ были распространены въ огромномъ количествѣ списковъ, что мы имѣемъ лѣтописи, посланія, проповѣди, живо

Наконецъ, если въ нач. XVIII стол., когда Испанія уже низко упала, тоже благодаря дикому фанатизму учениковъ Лойолы и всѣмъ ужасамъ инквизиціи, если еще въ 1730-хъ годахъ въ Испаніи могла появиться потребность имѣть общую исторію Россіи, и нашелся человекъ, рѣшившійся удовлетворить ее, то весьма понятно, что въ настоящій періодъ, когда литература сіяла великими талантами во всѣхъ родахъ, въ Испаніи очень легко могли явиться болѣе или менѣе любопытныя историческіе отрывки о Чехахъ, о Польшѣ и въ особенности о Дубровникѣ и вообще о Славянахъ Адриатическихъ. Дѣйствительно въ 1736 г. въ Мадридѣ вышла исторія Россіи, въ 2 частяхъ, подъ заглавіемъ: «*Historia de Moscovia y vida de sus Czares, con una descripcion de Todo el Imperio, su Gobierno, Religion, costumbres, y Genio de sus Naturales escrita per Don Manuel de*

рисующія время, весьма любопытныя Хожденія Данила, Аѳан. Никитина, Коробейникова, Толочанова, Котова; азбуковники, космографіи, свои чертежи и карты (напр. Сибирскія); труды Іосифа Волоколамскаго, Макарія, Максима Грека, Ив. Александрова, Курбскаго, К. Острожскаго, Зизаніевъ, Памвы Беринды, Мелетія Смотрицкаго, Сильвестра Коссова, Гизелей, Епифанія Славеницкаго, Котошихина, Сильвестра Медвѣдева, братьевъ Лихудъ, Палладія Роговскаго и мн. др.; имѣемъ Слово о полку Игоревѣ, Задонщину, Данила Заточника, Домострой, Русскія оригинальныя повѣсти и сказанія, весьма характеристическія, какъ напр. Эпистолу Ивашки Пересвѣтова, повѣсти о посадникѣ Добрынѣ, о Владимірѣ Мономахѣ, о началѣ Москвы, о посольствѣ К. Сугорскаго къ импер. Максимилянѣ, о взятіи Царяграда, о Фролѣ Скобѣевѣ . . . Моноконъ, въ своемъ Описаніи, отмѣтилъ въ числѣ Славянскихъ рукописей, не обозначенныхъ нумеромъ: *Aristophanis Comediae cod. unus* (Bibl. biblioth. mss. II, 1042. см. Martinoff — *Les manuscrits Slaves de la bibl. Imp. de Paris. Paris. 1858. p. 5—6*). Здѣсь нельзя не вспомнить, что въ XIII в., около 1253 г., въ Ростовѣ, въ церкви Пресв. Богородицы, «лѣвый клиросъ *Греческы* пояху, а правый *Рускы*»; что просвѣтитель Зырянъ Стефанъ Пермскій († ок. 1396 г.) «бѣше умѣя тремя языки *Руски, Гречески* и *Пермски*»; что въ 1384—1385 г. переведено было у насъ въ Россіи «Слово св. и премудр. Георгія Писиды похвала Богу о сотвореніи всея твари»; что св. Алексѣй († 1378 г. смичалъ и повѣрялъ Славянскій переводъ Новаго Завѣта съ Греческимъ текстомъ; что въ Книгѣ Правиль, хранящейся въ Кирилло-Бѣлозерскомъ монастырѣ и писанной рукою преп. Кирилла, игумена Бѣлозерскаго († 1427 г.), находятся выписки изъ Галена о происхожденіи грома и молніи, о падающихъ звѣздахъ, объ устройствѣ земли, о землетрясеніяхъ, о четырехъ стихіяхъ, о моряхъ. Нельзя не вспомнить и словъ Орѣховскаго изъ его письма къ Рамузію. Этотъ даровитый и образованный Русакъ, хотя весьма не стойкій въ своихъ убѣжденіяхъ, писалъ въ 1549 г.: «*fuit enim Russia Scythiae antea, cui finitima est, non multum sane genere ac moribus dissimilis: quae tamen ipsa consuetudine graecorum hominum, quorum*

Villegas у Ріп̄ателі. En Madrid. MDCCXXXVI. Первая часть — исторія древней Россіи до Петра, составлена по Герберштейну, Гейденштейну, Куберо и пр.; вторая — исторія Петра В. — по извѣстной книгѣ Nestesuranoi; послѣдней части въ Импер. Публичной Библіотекѣ не имѣется. Авторъ Вильегасъ приложилъ къ первой части — посвященіе (на 2 стр.) своего труда св. Николаю Чудотворцу, какъ Покровителю (Патрону) народа Русскаго, который, въ апробаціи этого сочиненія, подписанной Don Pedro Gonzalez и тутъ-же приложенной, названъ tan respectable Nacion.

Пока я могу указать, — что касается до другихъ Славянъ, — на сочиненіе Мартина Розы, которое впрочемъ извѣстно мнѣ къ сожалѣнію только по одному заглавію и по краткому отзыву почтеннаго Валентинелли; а именно: *Compendium totius Natio-*

Sectam, religionemque sequitur, inhumanitatem illam feritatemque scythicam deposuit; mitis enim jam est, mansueta ac benigna, litteris etiam vestris latinis ac graecis plurimum delectatur, quorum beneficio est assecuta, ut apud finitimos Scythas nihil jam vehementer probet praeter Toxarim et Anacharsim illum veterem. Horum enim exemplis admonita multos existimationis bonae cupidos adolescentes istuc ad vos Patavium in Italiam quotannis mittit; quorum sunt apud vos cives Stanislaus Vaporius et Stanislaus Drohoiovius, adolescentes nobiles, ac summa spe atque expectatione praediti, quos tibi notissimos esse vel ob id cupio, ut ex horum duorum moribus et ingenio de tota gente nostra conjecturam facias, qui quod Russia provincia Polonorum ditionis sit unoquoque nomine cum reliquis Polonis Patavii nunc censentur. (Ciampi: *Bibl. crit.* II, 185 etc.). Не должно думать, чтобы древній Греческій міръ оставался вовсе чуждъ нашимъ предкамъ и чтобы его совершенно заслоняла отъ насъ Византія, которая впрочемъ до послѣднихъ дней прилежно изучала классиковъ. Позволяю себѣ привести здѣсь слѣдующія слова многоуважаемаго нами Нѣмца Блазіуса о двухъ древнихъ храмахъ въ Чечерскѣ: «Die Bauart der beiden übereinstimmenden Kirchen hat bei vieler Plumpheit u. Geschmacklosigkeit in einzelnen Verzierungen, doch einen imponirenden Gesamt-Charakter. Die Hauptgebäude ist kreisrund, mit einer mächtigen, halbkugeligen Kuppel überwölbt, die ringsum von Säulen getragen wird. An der Ostseite derselben ist eine Chorkapelle, nach Westen eine breite, zu einem Schiffsraum erweiterte Gallerie angebaut, deren Dächer auf Pilaster ruhen. Den Schluss nach Westen bilden zwei mit dieser Gallerie verbundene, vierseitige Portal Thürme, deren erste Etage bis zur Höhe des Daches, die zweite bis zur Höhe der Kuppel ansteigt, und die mit einer stark zugespitzten vierseitigen Pyramide von der Höhe dieser Etage endet. Die Gesamtkirche erhält durch diese Bauart den Charakter eines griechischen Tempels, dem man als christliche Zuthaten einen Chor u. zwei Glockenthürme angehängt hat. Ein westeuropäischer Einfluss aus d. Zeit der Polenherrschaft ist hier nicht zu verkennen». (*Reise in europ. Russl. in d. Jahren 1840 u. 1841. Braunschweig. 1844. II, 188*).

nis linguae illyricae in quo breviter origo ipsius nationis, extensio ejus copiosa, Reges fidei Catholicae totius Dalmatiae, Bosniae, Serviae atque Russiae, quos habuit, exhibentur. Matrivi Martinez. 1632. in-8°. Эта книга, какъ сокращеніе труда Орбини, не имѣла бы никакого научнаго значенія, если бы въ ней не было сообщено извѣстій о Дубровничанахъ, служившихъ во флотѣ Испанскомъ¹. Ими пользовался Апендини. Въ подтвержденіе же догадки своей о томъ, что въ библіотекахъ и архивахъ Вѣны, Венеціи, Далмаціи и Испаніи, хранятся болѣе или менѣе важные матеріялы для исторіи отношеній Славянъ къ Испаніи, укажу только на одну Итальянскую рукопись, хранящуюся въ б-кѣ св. Марка въ Венеціи и содержащую въ себѣ исторію фамиліи Охмучевичей, многіе члены которой, какъ мы видѣли, служили въ этотъ періодъ въ Испаніи².

Какъ въ прошлый, такъ и въ настоящій періодъ, находимъ природныхъ Испанцевъ, живущихъ и работающихъ въ Дубровникѣ. Пока можно указать только на двухъ Испанцевъ, впрочемъ своими дарованіями заслужившихъ великой извѣстности и уваженія. То были ученый врачъ *Амато Лузитанскій* или *Іоаннъ Родригесъ* и знаменитый въ свое время стихотворецъ, писавшій по Гречески и по Латыни, *Дидактъ Пирръ* или *Яковъ Флавій*.

Этотъ послѣдній родился въ Эворѣ, въ Португалліи въ 1517 г., воспитывался въ Саламанкѣ; неизвѣстно, по какимъ причинамъ былъ изгнанъ изъ родины. Въ Дубровникѣ онъ прожилъ около 30 лѣтъ и былъ живъ еще въ 1607 г. Флавій былъ связанъ дружбою со многими замѣчательными людьми своего времени, какъ напр. съ Антоніемъ Риккобономъ, Эразмомъ, Альдомъ Мануцци. Апендини приводитъ слова Джиліо Джиральди, который отдавалъ Флавію первенство передъ всѣми поэтами Португальскими. Такъ между прочимъ говорилъ Джиральди: «tu mihi unus super omnes, quos recensuisti, in poetica

1. Валентинелли (Spec. bibl.) замѣчаетъ: «Historia haec offert noticias Rhacusinorum qui navalis artis laude ab Hispania honoribus decorati exstiter. In fine vero: *Sub umbra aquilae magnarum alarum Respublica Ragusina quodammodo moratur*».

2. Valentinelli: Spec. bibl. p. 99 № 320. «Compendio storico della famiglia i. e. Compendium historicum familiae Ohmuch. Rhacusinae».

pollere videris».... «Sed tu cum Lusitaniam tanto poetico honore illustres, eo illa in te magis ingrata, quod te tandiu exulem, ac profugum diversas orbis partes peragrare permittit. Quanto majora et meliora faceres, si otiosam pacatamque ageres vitam?» и пр. Единственный списокъ, по словамъ Аппендини, полнаго собранія его сочиненій хранится неизданный въ Дубровникѣ, о чемъ, сказать кстати, нельзя не пожалѣть, такъ какъ нѣтъ сомнѣнія — въ его произведеніяхъ должно быть разсѣяно не мало любопытныхъ историческихъ свѣдѣній, разныхъ подробностей и намековъ, рисующихъ время. Аппендини приводитъ заглавіе этого сборника: «Didaci Pyrrhi Lusitani elegiarum libri tres ad D. Slatarichium Patav. Scholae Rectorem, et equitem splendidissimum: accessit Lyricorum libellus eodem auctore¹».

Іоаннъ Родригесъ, отличный медикъ своего времени, путешествовалъ по Франціи, Бельгіи, Италіи и наконецъ прибылъ около 1551 г. въ Дубровникъ, къ которому сохранялъ по свою смерть искреннюю привязанность, въ чемъ удостовѣряютъ насъ многія мѣста его ученаго медицинскаго труда: «Centuriae VII curationum medicinalium». Шестая часть исключительно посвящена описанію его леченія больныхъ въ Дубровникѣ, въ формѣ діалога трехъ знатныхъ вельможъ того времени Іоанна Градича, Симона Бенешича и Пасквале Червича. Шестая центурія и теперь заслуживаетъ, по словамъ Аппендини, вниманія ученыхъ врачей Дубровника, по своему богатству мѣстныхъ наблюденій, напр. о климатѣ Стона, объ эпидемическихъ и эндемическихъ болѣзняхъ, которымъ подвержены туземцы, о большихъ трудностяхъ, при климатѣ Дубровника, лѣчить болѣзни и раны ножныя и напротивъ того о легкости лѣченія болѣзней головныхъ, о расположеніи Дубровницкихъ винъ къ произведенію каменной болѣзни и о другихъ подобныхъ предметахъ. Умный наблюдатель, продолжаетъ Аппендини, можетъ не только провѣрить его слова о господствующихъ болѣзняхъ въ этой странѣ, но и судить о температурахъ и наклонностяхъ нынѣшнихъ поколѣній къ болѣз-

1. Appendini l. I. I, 324 etc. Къ сожалѣнію, мнѣ была недоступна слѣдующая книга: De vita et scriptis Didaci Pirro, alias Jacobi Flavii Eborensis Commentarium, auctore Thoma Chersa. Florentiae. 1826.

нямъ, которымъ были подвержены ихъ предки въ XVI в. Въ своемъ сочиненіи Родригесъ слегка касается образа правленія и быта Дубровничанъ; съ похвалами отзывается объ отличномъ ихъ хирургѣ *Вануччи*¹.

Въ заключеніе пишушій эти строки позволяетъ себѣ замѣтить, что въ настоящее время намъ еще ничего неизвѣстно ни о торговлѣ Дубровничанъ въ этотъ періодъ съ полуостровомъ Пиринейскимъ, ни о Дубровницкихъ и вообще Славянскихъ на немъ факторіяхъ, ни о тѣхъ изъ южныхъ Славянъ, которые ѣздили сами и дѣтей своихъ посылали учиться въ славныя тогда заведенія и университеты Испанскіе: богатства страны, ея образованность и просвѣщеніе, бытность въ ней многихъ земляковъ и даже родственниковъ могли для многихъ служить, а конечно и служили сильною прилукою и привадою. Наконецъ, намъ пока неизвѣстно, какое вліяніе имѣла на Дубровничанъ литература Испанская, такъ какъ вовсе не имѣтъ его едва ли ей было возможно.

XIII. Тяжело было оправиться и подняться Дубровнику послѣ тѣхъ страшныхъ потерь, понесенныхъ отъ войнъ въ союзѣ съ Испанією, отъ землетрясенія 1667 г. Но предприимчивость гражданъ и умное, либеральное правленіе дали Дубровничанамъ возможность мало по малу снова обзавестись флотомъ: сначала, конечно, строили суда небольшихъ размѣровъ. Въ шестидесятилѣтній періодъ плаваніе одного изъ капитановъ Дубровницкихъ въ Смирну составляетъ эпоху въ лѣтописяхъ его отечества. Онъ пользовался извѣстностью Охмучевичей, Долисти, Машибрадичей, плававшихъ въ Великомъ Океанѣ и въ моряхъ Индій. «Съ теченіемъ времени, говоритъ Аппендиши, число судовъ значительно увеличилось, особенно въ войну Испанцевъ съ Англичанами за Гибралтаръ, когда Дубровничане пріобрѣли обширныя выгоды. Съ того времени понынѣ (1801 г.) извѣстны всякому успѣхи и процвѣтаніе ихъ флота».

Послѣ тѣхъ тѣсныхъ и обширныхъ связей съ Испанією въ предъидущій періодъ, очень понятно, что Славяне не могли не

1. Append. I. I. I, 324.

продолжать ихъ и въ настоящій періодъ, который я довожу до нынѣшняго времени.

Данныя, здѣсь приводимыя, весьма отрывочны и не полны, тѣмъ не менѣе несомнѣнно доказываютъ, что давность и близость сношеній Славянъ съ Испанією, начинающихся съ IX вѣка (если не принимать догадки Шафарика о Славянской стихіи въ Вандалахъ) и непрерывно продолжавшихся до настоящаго времени, не пропали даромъ, а напротивъ того, породили между Славянами и Испанцами такую взаимную пріязнь, что едва ли объяснима безъ исторіи ихъ взаимныхъ отношеній, которыя и забросили въ тѣхъ и другихъ сѣмена такого сочувствія и взаимнаго пониманія другъ друга, что невольно поражаютъ посторонняго наблюдателя, что уже стали приносить плоды и, смѣло можно надѣяться, еще болѣе принесутъ въ будущемъ.

Славянская стихія такъ или иначе продолжала дѣйствовать на Пиринейскомъ полуостровѣ и въ настоящій періодъ.

Въ XVIII столѣтіи, когда, какъ мы видимъ, въ Испаніи уже былъ возбужденъ интересъ къ Россіи, а возрожденный Дубровникъ обзавелся флотомъ и снова завязалъ свои торговля связи, въ XVIII столѣтіи мы встрѣчаемъ въ Испаніи одного замѣчательнаго человѣка, природнаго Славянина, уроженца Дубровницкаго, оказавшаго этой странѣ услуги незабвенныя. То — *Матвій Водопичъ*, лицо, привлекающее вниманіе Русскаго, не только, какъ Славянинъ, но и какъ человѣкъ, жившій и трудившійся въ отечествѣ нашемъ.

Служившій при императрицѣ Елисаветѣ въ Русскомъ флотѣ и недовольный, по словамъ Аппендини, заключеніемъ мира, котораго не одобрялъ, Матвій Водопичъ удалился изъ Россіи въ Италію. Здѣсь онъ участвовалъ въ сраженіи при Велетри и при завоеваніи Неаполя; потомъ маркизь Сквиллаче взялъ его съ собою въ Испанію и приписалъ къ гвардейскому штабу. Съ большими способностями и призваніемъ къ гражданской и военной архитектурѣ, Водопичъ вскорѣ перешелъ въ инженеры съ чиномъ коменданта-бригадира. Въ Кароагенѣ ему представился удобный случай обнаружить свои инженерныя и архитектурскія дарованія. Постройка королевскаго арсенала и двухъ огромныхъ доковъ, въ которыхъ, замѣчаетъ Аппендини, и понынѣ

оснащаютъ военные корабли, доставила, по его же словамъ, великую честь и извѣстность Водопичу, такъ какъ долго и напрасно пристунали къ этому труду разные другіе инженеры, Испанскіе и Французскіе, нарочно съ этою цѣлью приглашаемые отъ правительства. Другими памятниками замѣчательныхъ дарованій и дѣятельности Водопича остаются пять фортовъ въ Кароагенѣ, стѣна этого города и заводъ (e la magnifica e sorprendente fabbrica dell'Osedale). Весьма любимый Карломъ III, Водопичъ умеръ въ Испаніи въ званіи главноуправляющаго королевскими заводами королевствъ Мурціи, Валенсіи и президентства Барберійскаго (Direttore Generale delle Regie fabbriche dei Regni di Murcia e Valenza e dei Presidj di Barberia).

Едва ли не прямая обязанность наша собрать всѣ нужные матеріалы для подробнаго жизнеописанія этого славнаго соплеменника нашего, земляка и достойнаго потомка Охмучевичей, Долисти, Матибрадичей, Мартолошичей, Буне и другихъ соплеменниковъ нашихъ, еще намъ неизвѣстныхъ, но съ такою же, быть можетъ, честью и славою потрудившихся въ монархіи Испанской, нѣкогда игравшей въ Европѣ великую роль. Очень вѣроятно, что не одного Водопича далъ Дубровникъ Испаніи въ этотъ періодъ. Безъ сомнѣнія, Испанская и Южно-Славянская письменности содержатъ въ себѣ не мало данныхъ для исторіи отношеній Славянъ къ Пиринейскому полуострову и въ настоящій періодъ.

Поляки во Французской арміи въ Испаніи, безъ сомнѣнія, защищали несправедное и проигранное дѣло, посягая здѣсь на независимость народа, ничего имъ не сдѣлавшаго, равно какъ и въ Италіи, самостоятельность и независимость которой, ни мало не бывшія въ видахъ Французовъ или, по крайности, по своему понимаемымъ ими, въ высшей степени важны и драгоцѣнны для Славянъ, также, какъ и геройскій отпоръ Испанцевъ Наполеону и славные подвиги гверильеровъ¹ Эль-Эмпесинадо,

1. По-Испански отрядъ партизанскій называется *guerilla*, во множ. *guerillas*, самые же партизаны *guerilleros*. Не отнимая славы отъ нашего незабвеннаго героя 1812 года, Дениса Давыдова (она и неотьемлема), нельзя однако не замѣтить, что подвиги гверильеровъ имѣли несомнѣнное на него вліяніе. Чтеніе о нихъ, конечно, воспламеняло его воспримчивую душу, заронило зерно, которое дало

Мины, Эль-Маркезито и мн. др. вмѣстѣ съ извѣстными всему міру защитниками Сарагоссы, что развѣ только сравнимы и превзойдены богатырскими защитниками Пскова и Севастополя, этими *добрыми Русскими страдальцами*, этими славными стоятелями и оберегателями земли Русской. Чудные народные подвиги Испанцевъ тѣсно были связаны съ независимостью и со всѣмъ будущимъ міра Славянскаго, которыя окончательно были спасены и завоеваны народною войною двѣнадцатаго года, въ свою очередь имѣвшею великое вліяніе и на судьбу Пиринейскаго полуострова. Намъ понятно и извѣстно то сочувствіе, съ которымъ наши дѣды и отцы читали извѣстія о мужественныхъ подвигахъ Испанцевъ противъ Французовъ, но мы, къ сожалѣнію, не потрудились еще собрать свѣдѣній о многочисленныхъ выраженіяхъ и проявленіяхъ энтузіасма, съ которымъ была принята въ Испаніи вѣсть объ изгнаніи Наполеона изъ Россіи.

Поляки, защищавшіе дѣло Наполеона въ Испаніи, шли отчасти въ упоръ общему тяготѣнію Славянъ къ этой странѣ. Положеніе это, не теряя своей существенной силы, должно быть, однако, смягчено нѣкоторыми соображеніями о судьбѣ Польши вообще, объ ея отношеніяхъ къ Франціи и особенно къ Наполеону, Польскія надежды и упованія на котораго такъ чудно представлены великимъ соплеменникомъ нашимъ, геніальнымъ пѣвцемъ Польши въ его безспорно высочайшемъ созданіи *Панъ Тадеушь*. Наконецъ въ исторіи взаимныхъ отношеній Славянъ и Испанцевъ, исторія Поляковъ въ Испаніи, въ началѣ XIX столѣтія займетъ такой же эпизодъ, какъ исторія Испанцевъ въ

плодъ въ 1812 году. Человѣкъ даровитый и просвѣщенный, нашъ *герой чернокудрявый съ бѣлымъ локономъ на лбу* дѣйствовалъ не по одной смѣткѣ или вдохновенію, а въ то же время и строго обдуманно и рационально. Въ своемъ замѣчательномъ Опытѣ партизанскаго дѣйствія онъ самъ считалъ предшественниками своими партизановъ Испанскихъ. «Ихъ дѣйствія въ 1809 г., — говоритъ онъ, — будутъ примѣромъ для каждаго начальника партіи, какъ должно пользоваться мѣстнымъ положеніемъ земли, въ коей ведется брань, и гнѣвомъ народа, возставшаго на отщепеніе». (Соч. Д. Давыдова. Изд. Смирд. Спб. 1848. С. 308). Сочувствіе къ гвельдерамъ такъ и бьетъ изъ словъ Давыдова: «Тѣснины Пиринеевъ, Сиерра-Морены, объ Кастиліи, Наварское и Аррагонское королевства сокрывали въ нѣдрахъ своихъ сихъ зоркихъ, безстрашныхъ и неутомимыхъ воиновъ, коихъ слава неизгладима во всѣхъ лѣтописяхъ, во всѣхъ сердцахъ, бьющихся для отечества». (Тамъ же. С. 310).

Чехахъ, въ началѣ XVII столѣтія. Въ обоихъ случаяхъ, тѣ и другіе руководились въ своихъ дѣйствіяхъ не столько внутренними побужденіями, сколько началами и понужденіями посторонними и внѣшними.

Такимъ образомъ судьба Поляковъ (ихъ было шесть полковъ пѣхоты и два конницы) въ Испаніи вполнѣ заслуживаетъ вниманія, такъ какъ, хотя и безсознательно, они также отчасти служили общему Славянскому дѣлу. Говорю это не только отъ того, что они, такъ сказать, подтверждаютъ и доказываютъ собою справедливость положенія о томъ, что и въ наше время стихія Славянская такъ или иначе продолжала дѣйствовать на Пиренейскомъ полуостровѣ, а и потому, что своимъ мужествомъ и истинно-геройскими подвигами они внушили уваженіе къ себѣ въ самихъ непріятеляхъ своихъ Испанцахъ и тѣмъ достойно оправдали то доброе мнѣніе, которое издавна существовало на Пиренейскомъ полуостровѣ обо всемъ нашемъ племени¹. (Вспомните сужденіе аль-Бекри).

1. На Русскомъ языкѣ о Полякахъ въ Испаніи писалъ у насъ г. Булгаринъ: Воспоминанія объ Испаніи. Спб. 1823. При Сомо-Сьеррѣ Польская кавалерія оказала чудеса храбрости. Самъ очевидецъ и знатокъ дѣла, де-Нельи (Mém. sur la guerre de l'Espagne par M. de Naulies, p. 14) говоритъ про эту знаменитую атаку: «Ce fait d'armes est un des plus glorieux qui ait illustré la cavalerie». (См. Восп. объ Исп. С. 14. Сужденіе Кавальеро о Полякахъ. Тамъ же. С. 152). Честь этой атаки (при Сомо-Сьеррѣ) принадлежитъ полковнику Козѣтульскому, а не Любенскому, какъ писалъ Фьеффе (Fieffé: Hist. des troupes étrangères au service de France). Какъ для исправленія этой ошибки, такъ и въ опроверженіе Тьерра (въ Ист. Конс. и Имперіи), одинъ изъ участниковъ этого дѣла, Нѣголевскій, написалъ недавно особую брошюру: «Les Polonais à Somo-Sierra en Espagne en 1808. Rectifications relatives à l'attaque de Somo-Sierra, décrites par des hist. français... par le colonel Niegolewski. 2-me édit. Paris. 1855». У Нѣголевскаго приведены слѣдующія извлеченія изъ Французскихъ историческихъ трудовъ объ этомъ дѣлѣ, приносящемъ великую честь храбрости и мужеству нашихъ соплеменниковъ. Такъ въ сочиненіи Victoires et conquêtes, t. XVIII, p. 206 et 207, Paris, 1820, говорится объ этомъ: «Cette charge brillante doit être regardée à juste titre, comme le plus étonnant et le plus audacieux des faits d'armes dont la cavalerie ait fourni l'exemple; aussi couvrit elle de gloire le régiment qui l'exécuta et qui, dès lors, fut irrévocablement associé à l'élite des vieux soldats français. Les avantages d'une action aussi mémorable furent décisifs. Le corps espagnol était dispersé et anéanti; il avait perdu dix drapeaux, toute une artillerie, trente caissons, tous ses bagages, les caisses des régiments, un grand nombre d'hommes tués ou prisonniers: parmi ces derniers se trouvaient plusieurs colonels et autres officiers supérieurs. Le régiment polonais avait

Возвратившіеся на родину Поляки, какъ записками, такъ и разсказами своими въ кругу знакомыхъ и семействъ, распространяли между Славянами болѣе или менѣе точныя свѣдѣнія объ Испаніи, ея нравахъ и обычаяхъ, подобно тому, какъ знакомили своихъ соотечественниковъ съ Россіею тѣ Испанцы, что были увлечены Наполеономъ въ походъ на отечество наше. По приказанію Императора Александра, всѣ взятые нами въ плѣнъ Испанцы были собраны вмѣстѣ и воедино; изъ нихъ образовали у насъ цѣлый полкъ и начальство надъ нимъ поручено было Испанскому офицеру О'Донелю. И вернувшись на родину, этотъ пѣхотный полкъ еще долго носилъ названіе *Imperial-Alejandro*.

Послѣ 1815 года Русскій посланникъ въ Мадридъ пользовался значительнымъ вліяніемъ. Для экспедиціи Испанской противъ инсургентовъ въ колоніяхъ Американскихъ, подъ начальствомъ Морильо, въ послѣдствіи графа Карфагенскаго, Петербургскій Дворъ выслалъ въ Испанію два фрегата ¹.

Что касается Португаліи, то въ примѣръ международныхъ сношеній Славянъ съ Португальцами, знакомящихъ массу съ

eu cinquante sept hommes tués ou blessés. Les lieutenants Krzyzanowski, Rowicki et Rudowski furent tués sur le champ de bataille, le capitaine Dziewanowski, blessé mortellement, mourut quelques jours après; le capitaine Pierre Krasinski, parent du colonel, et le lieutenant Niegolewski, furent également blessés. Le chef d'escadron Koziatulski, renversé de son cheval tué sous lui, fut foulé aux pieds et couvert de contusions». Въ сочиненіи *Précis des victoires, conquêtes et revers des Français depuis 1792 jusqu'à 1845*, ouvrage redigé par une société de militaires et de gens des lettres... Paris, 1844, p. 155, сказано про эту атаку Польской кавалеріи: «Cette action ouvrit à nos troupes la route de Madrid». Такъ говорилъ о ней Наполеонъ въ 13-мъ бюллетенѣ: «une charge de cheveu-légers polonais décida l'affaire; charge brillante s'il en fut, où ce régiment s'est couvert de gloire et a montré qu'il était digne de faire partie de la garde impériale: canons, drapeaux, fusils, soldats, tout fut enlevé, coupé ou pris». О Козѣтульскомъ, главнѣйшемъ виновникѣ этого успѣха, въ послѣдствіи было совсѣмъ забыто. Намъ кажется, что Нѣголевскому удалось возстановить память и честь своего земляка. Графъ Юс. Залусскій въ письмѣ къ Нѣголевскому замѣчаетъ между прочимъ по поводу умалчиваній Тьерра: «les mânes de Koziatulski ont de quoi se consoler; son nom retentira dans la postérité avec celui de Somo-Sierra, comme celui de Sobolewski avec Almonacid, comme celui de Chlopicki avec Saragosse, comme celui de Sulkowski avec l'Égypte...» (*Niegolewski*. I. I. p. 51). О Полякахъ при Сомо-Сьеррѣ см. также *Bibl. Warsz.* 1855. II, 419 и сл.

массою, указать можно на слѣдующія три обстоятельства. Въ этомъ отношеніи стоянка эскадры Сенявина въ Лиссабонскомъ рейдѣ въ 1808 г. вполне заслуживаетъ вниманія. Самостоятельное и независимое поведеніе Русскихъ, при обстоятельствахъ чрезвычайно затруднительныхъ, рѣшительно завоевало имъ общее уваженіе и любовь Португальцевъ¹.

Въ маѣ 1833 г. Дономъ Педро, Герцогомъ Браганцскимъ и Польскимъ генераломъ Бемомъ была подписана конвенція объ образованіи Польскаго легіона въ Португаліи. Пока не могу сказать ничего положительнаго, образовался ли этотъ легіонъ и когда и каковы были дальнѣйшія судьбы Поляковъ въ Португаліи².

Въ іюнѣ 1857 г., во время стоянки нашей эскадры (контръ-адмирала Беренса) въ Лиссабонскомъ рейдѣ, въ городѣ случился пожаръ. Болѣе ста человѣкъ матросовъ, гардемариновъ и офицеровъ нашихъ отправились его тушить. «Люди наши, говоритъ въ своемъ донесеніи контръ-адмиралъ Беренсъ, обратили на себя всеобщее вниманіе неустрашимостью и дѣятельностью, съ которыми они наводили шланги и спасали имущество изъ горѣвшаго дома, такъ что вызвали у народа, собравшагося на пожаръ, единодушное браво! Къ мѣсту пожара пріѣхалъ Его Величество Король Португальскій и приказалъ подать ему списокъ гг. офицеровъ и число нижнихъ чиновъ, посланныхъ на пожаръ. Во время пожара упавшимъ карнизомъ дома ушибло обоихъ поименованныхъ офицеровъ (мичмана Сулова и артиллеріи прапорщика Каплуновскаго) и четырехъ матросовъ, но, къ счастью, не опасно, исключая одного матроса, которому прошибло голову; впрочемъ и этотъ подаетъ надежду къ выздоровленію. Въ здѣшнихъ газетахъ два дня сряду описываютъ дѣйствія нашихъ командъ со всею подробностью и отзываются объ нихъ съ большою похвалою».

1. Слов. дост. людей Русской земли. Бантышъ-Каменскаго. Спб. 1847. III, 235—339. Біографія Сенявина, соч. Арцимовича (въ М. Сб.).

2. Pisma dotyczące się organizacji Legji Polskiej w Portugalji. Paryż. 1833. Въ циркулярѣ своемъ (do wojskowych Polskich) генералъ Бемъ говоритъ между прочимъ: «Portugalja oswobodzona służyć nam przeto może w nieszczęściu i tułactwie naszym za nową ojczyznę, dopóki tylko pod jej roskoszném niebem, pozostać zechcemy» (str. 7).

Въ донесеніи г. Гамузова, нашего повѣреннаго въ дѣлахъ при дворѣ Лиссабонскомъ, читаемъ: «Всѣ Португальскіе журналы съ большимъ жаромъ выхваляли неустрашимость Русскихъ офицеровъ и матросовъ, которые бросались именно туда, гдѣ было болѣе опасности. Толпа, среди самаго пожара, кричала: «bravo Russo!»¹ —

Нельзя здѣсь не выразить искренняго сожалѣнія о томъ, что богатая литература Пиринейскаго полуострова у насъ въ Россіи такъ долго остается почти совершенно неизвѣстною; необходимо было бы, кажется, намъ завязать съ нимъ умственное общеніе, которое для обѣихъ сторонъ могло бы быть весьма полезнымъ по многимъ отношеніямъ. Желаніе знать, что думаютъ и говорятъ, чего отъ насъ ждутъ тѣ или другіе иностранцы, очень часто, конечно, проистекаетъ изъ нелѣпаго тщеславія, изъ пустоты мысли, вѣчно мечущейся по сторонамъ и не умѣющей ни на чемъ остановиться, изъ какой-то вялости воли и нравственной распущенности, мѣшающей человѣку найти опору и равновѣсіе въ глубинѣ собственнаго духа; но вообще, такое желаніе, не смотря на всѣ его злоупотребленія и неправильныя обнаруженія, вполне законно и разумно, такъ какъ коренится на справедливомъ началѣ.

Дѣйствительно, весьма часто отдѣльный человѣкъ мнѣніями о немъ постороннихъ людей бываетъ наведенъ на открытіе въ себѣ самомъ такихъ свойствъ и такихъ сторонъ, объ обладаніи которыми онъ прежде и не подозревалъ. Такія открытія въ высшей степени бываютъ важны для самосознанія, которое одинаково необходимо и для цѣлаго народа, и для отдѣльныхъ лицъ.

Образъ Россіи и вообще міра Славянскаго только тогда предстанетъ намъ въ возможной ясности, когда мы лучше узнаемъ сами себя и всѣ понятія и представленія о насъ народовъ ино-вѣрныхъ и иноплеменныхъ².

1. Морск. Сб. 1857. Августъ. С. 101—107.

2. Какое то особенное сродство, замѣчаемое въ народныхъ мотивахъ Испанскихъ и Славянскихъ, указывая тѣмъ самымъ на нѣкоторую близость характеровъ этихъ народовъ, побудило меня обратить на это вниманіе и распространиться объ этомъ подробнѣе. См. въ Приложеніяхъ.

ИСТОРИЧЕСКИЯ ЗАМѢЧАНІЯ

къ сочиненію

«О СЛАВЯНАХЪ ВЪ МАЛОЙ АЗИИ, ВЪ АФРИКѢ И ВЪ ИСПАНІИ».

—

I.

Славянскія поселенія въ Малой Азій, значеніе Греческой военной границы, населенной Славянами, само собою наводитъ на болѣе или менѣе любопытныя соображенія. Позволю себѣ обратить вниманіе читателя на тѣ изъ нихъ, которыя имѣютъ отношеніе къ столь близкому для насъ предмету — къ изученію Славянскихъ языковъ въ Россіи и къ распространенію Русскаго языка внѣ предѣловъ Россіи.

Въ литературѣ нашей уже сознательно и ясно понята важность задачи — опредѣлить вліяніе Греческое на Россію и на Славянъ; малость или незначительность трудовъ, подъятыхъ понышѣ на ея рѣшеніе, быть можетъ, находятъ себѣ оправданіе въ нѣкоторой неполнотѣ, даже односторонности постановки вопроса и выраженія задачи.

Я бы сказалъ, насъ должна занимать исторія отношеній Грековъ къ міру Славянскому и обратно; тогда сами собою выступятъ на видъ слѣдующіе два вопроса, важность которыхъ предстанетъ каждому во всей своей очевидной ясности, лишь только будетъ понята ихъ возможность.

Какое вліяніе имѣли Греки на міръ Славянскій?

Какое вліяніе имѣли Славяне, въ свою очередь, на міръ Греческій?

Иными словами, — такъ какъ сила вліянія Греческаго на насъ Славянъ для всѣхъ очевидна, — Славяне столько полу-

чившіе отъ Грековъ, внесли ли въ ихъ бытъ и образованность что-нибудь и съ своей стороны, какое понынѣ было и какое по этому будетъ въ послѣдствіи воздѣйствіе Славянъ на Грековъ?

Въ настоящее даже время, при всей неразработанности предмета, уму безпристрастному понятно заблужденіе всѣхъ, рѣзко толкующихъ о томъ, что стихія Славянская въ мірѣ Греческомъ была ничтожна и не заслуживаетъ никакого вниманія. Народность, давшая Византіи нѣсколькихъ Императоровъ, — Юстиніана I (527—565 г.), Юстина II (565—578 г.), Василия Македонянина (867—886 г.), патріарха (Никиту 766—780 г.), нѣсколькихъ полководцевъ, въ томъ числѣ Велисарія (изъ Дарданіи, родины Юстиніана, изъ мѣстечка Σχαπλιτζω), многихъ сановниковъ и самыхъ близкихъ къ престолу людей съ огромнымъ вліяніемъ (въ VI, IX, X и XI в.), народность эта не могла играть ничтожной роли въ имперіи. О происхожденіи многихъ другихъ лицъ, не малозначившихъ, еще непремѣнно умолчано. А сколько Славянъ занимали въ имперіи менѣе видныя мѣста, если многіе изъ ихъ соплеменниковъ достигли такого высокаго положенія въ государствѣ? А народный составъ военныхъ силъ Византіи, начиная съ VI в. до самаго ея паденія? А Славянскія поселенія въ Мореѣ?

Теперь рѣзко утверждаютъ, что въ Мореѣ исчезли малѣйшіе слѣды Славянства.

Весьма желательно, чтобы люди, хорошо изучившіе всѣ мѣстныя нарѣчія и говоры, которые въ Мореѣ быть должны и не быть не могутъ, вмѣстѣ съ тѣмъ познакомились поближе съ языками Славянскими. Весьма также желательно путешествіе по Мореѣ Славяниста, хорошо знакомаго и съ Греческимъ языкомъ.

Грамматика Муллаха — почтенный вкладъ въ науку, однако далекъ не удовлетворяетъ всѣмъ требованіямъ современнымъ, въ чемъ впрочемъ не вина трудолюбиваго автора.

Смѣю думать, что только по удовлетвореніи этихъ двухъ изъясненныхъ нами желаній, возможно будетъ рѣшительно отвѣчать такъ или иначе на вопросъ: сохраняются ли какіе-нибудь слѣды Славянства въ Мореѣ?

Только по подробномъ изслѣдованіи Славянскими путешественниками мѣстныхъ говоровъ, народныхъ пѣсень и напѣвовъ, мѣстныхъ обычаевъ и нравовъ, станетъ возможнымъ тотъ или другой рѣшительный отвѣтъ на настоящій вопросъ.

Слѣдуетъ также обратить вниманіе на топографію острововъ Архипелага. Достоверныя извѣстія о грабежахъ и набѣгахъ Славянъ въ VII и VIII в. на острова Кикладскіе, на Имбро, Тенедось и Самоѳракію; Славянскія поселенія въ Морей, мѣстныя Славянскія названія въ Эссалии, идя отъ востока на западъ къ берегамъ, омываемымъ Эгейскимъ моремъ, какъ напр. (см. карту Киперта Европ. Турціи) — Bokovitz, Vrestinitza, Knisovo, Klinowo, Niklitz, Voivoda, Poliana, Sieklitz, Vulgara, Dranitz, Selitziani, Golo и Goritz (у самаго залива Вольскаго), Vysitz (тамъ же), Zagora (на бер. Эгейскаго моря) — позволяютъ предполагать, что Славяне Македонскіе, Эссалийскіе, Морейскіе высылали изъ среды своей поселенцевъ и на острова Греческіе. Въ подтвержденіе этой догадки укажу на нѣкоторыя обстоятельства.

Въ XI в. Славяне Адриатическіе посѣщали о-въ Корфу. См. Lup. Protosp. 1081 г. Robertus dux intravit Tricarim mense octobri. Et in mense aprilis Archirici perrexit ad Michalam regem Sclavorum, deditque ejus filio suam filiam uxorem, et Robertus dux cum praefato Michaelae imperatore perrexit Idrontum; missisque antea navibus in insula Corfo (Corfu), quae apprehenderunt eam, ubi et ipse post paululum una cum imperatore transfretavit, posueruntque in mense julii ante Durachium obsidionem per mare et per terram; quam stulus Veneticorum veniens dissipavit, apertumque est mare Durachii. Hoc anno Botaniatim factus est monachus, et Alexius factus est imperator». Въ 949, 960 и 963 г. Эракіійскіе, Азіійскіе и даже Русскіе Славяне участвуютъ въ войскѣ Греческаго императора въ его походахъ на Критъ.

Русскій Князь Олегъ Святославичъ, жившій внѣ Россіи, въ 1079—1083 г., два лѣта и двѣ зимы провелъ на островѣ Родосѣ.

Намъ извѣстны пока только отрывочные случаи: выхваченные изъ исторіи отношеній Славянъ къ островамъ Греческимъ въ періодъ VII—XI в. Сильное участіе Славянъ въ Венеціи,

большія морскія силы Славянъ Адриатическихъ, особенно Дубровничанъ, частыя странствованія православныхъ богомольцевъ убѣждаютъ насъ въ томъ, что сношенія Славянъ съ островами Греческими не прерывались и въ позднѣйшія времена.

Извѣстный, достойный нашего уваженія Василій Григоровичъ Барскій, рассказываетъ въ своемъ Путешествіи, что 10 мая прибылъ въ Кефалонію (съ о-ва Корфу), для поклоненія мощамъ св. Герасима. Во вторникъ 10 мая, оставшись на берегу съ вещами, «учитель мой отецъ Рувимъ посла мя къ протопопу прошенія ради мѣста къ престоянію; къ нему же егда азъ пришедъ, пріятъ мя любезнѣ, *понеже чьловкъкъ благъ и добронравенъ есть, къ тому же и знаеше мало разглагольствовати Россійскимъ нарѣчїемъ, иже егда увѣда о насъ, абїе повель принестися намъ со вѣсмъ въ домъ свой*».

Въ Корфу Барскій прибылъ 9 апрѣля 1725 г. вмѣстѣ съ спутникомъ своимъ Рувимомъ, пошедши въ церковь Св. Спиридона, нашли ее затворенною и потому остались въ притворѣ. «И се сидящимъ намъ тамо въ притворѣ спидошася къ намъ вѣщии отъ Грековъ, и начаша насъ вопрошати, откуда есмы, и како къ нимъ прїидохомъ, и како грядемъ; мы же отвѣтствовахомъ по истинѣ вся; *таже единъ вопроси насъ о сродникъ своемъ, его же имьяше на Москвѣ, и рькохомъ ему, како и въ коемъ чину пребываетъ, понеже знаеше его добръ сопутешественникъ мой отецъ Рувимъ*; за что оный Грекъ бывши благодаренъ за такое извѣстіе, зва насъ въ домъ свой, недалече отъ Церкви Св. Спиридона стоящей....»

Путешественники наши весьма были огорчены, что не успѣли къ тому времени, когда открываютъ мощи св. Спиридона. «Молихъ же — говоритъ Барскій — многихъ великородныхъ ктиторей церкви и самага протопопа, да соберутъ ключи, и покажутъ намъ, понеже суть ключей четыре, и всякъ въ разныхъ держится рукахъ, *аще сіе зьло и трудно есть, понеже никому же показываютъ кромъ уреченнаго времени, но понеже любимы бьхомъ, яко отъ странъ Россійскихъ есмы, того ради обьщажуся всь*». Путешественники наши достигли своего желанія.

Въ сентябрѣ 1731 г. Барскій былъ на островѣ Патмосѣ. «Храмъ св. Евангелиста Іоанна Богослова, украшенъ есть и

иконостасомъ лѣпнымъ, въ немъ же суть всѣ иконы Московскіе и стѣны храма иконописаны суть....»¹.

Барскій на Патмосѣ бывалъ очень часто и живалъ по долгу; трудился для него и конечно будущій историкъ о-ва Патмоса XVIII стол. не преминетъ упомянуть о немъ со всѣмъ должнымъ уваженіемъ. Позволяю себѣ объ этомъ предметѣ нѣсколько распространиться. Барскій сообщаетъ весьма любопытныя извѣстія объ одномъ іеродіаконѣ Макаріи, жившемъ въ то время на Патмосѣ, человѣкѣ, который безъ сомнѣнія займетъ одно изъ видныхъ мѣстъ въ ряду людей, приготовившихъ возрожденіе Грековъ.

Въ 1731 г. Барскій уже засталъ на Патмосѣ этого Макарія — «иже прежде двадесатью лѣтами тамо начатъ жителствовати; сей убо родомъ отъ тогожде острова Патма, послѣди же отъиде въ Константинополь, и не мало лѣтъ тамо поживе, діаконъ сущій Архіерея Ираклійскаго: достигши же въ совершенную мудрость Еллинскаго и Латинскаго языка, преуспѣ и въ добродѣтеляхъ не мало; таже оставя Архіерея, честь, славу и корысти, и ниже чинъ священства возхотѣ пріяти, по возвратився паки въ Патмъ островъ въ свое отечество, и сѣде въ оной обители при пещерѣ, служба Господеви и поощ, монастырю великому братъ сотворися, есть же мужъ добродѣтеленъ, смиреномудръ, постникъ, цѣломудръ, незлобивъ, странцелюбивъ пользуя многихъ, мусикійскую хитрость добръ вѣдый...» «сотвори училище, и собрася къ нему ученики многіе, не токмо отъ Патма, но и отъ окрестныхъ странъ, и предаетъ ученіе грамматическое, риторское, философское и богословское, Еллинскимъ и Латинскимъ діалектомъ, и многіе отъ земледѣльцевъ философы и богословы сотвори. Прежде бо въ Патмъ толь просты бяху люди, яко ни церковнаго правила не знаху добръ чести, нынѣ же умножишася премудрые и искусные мужи, сице въ мірѣтъмъ, якоже и въ духовномъ санѣ, нетокмо же тамо суть, но отъ лѣта 1728 въ

1. «Подножіе въ его храмы, — продолжаетъ Барскій, — и притворы постлапно есть лѣпо мраморами, много сребренныхъ кандилонъ имать, ими же украшають въ праздники нарочитые пощи, и сокровища книгъ многа илутъ, рукописныя древнія съ кожаными листами, отъ иноконъ же многіе обрѣтаются искусны въ ученіи, говѣйны и добродѣтельны». (I, 374. 6 е изд.).

инья окрестъ страны начаше разходиться и умножати Еллинское грамматическое учение; въ льто же 1729, за тщаниемъ и ходатайствомъ . . . Макарія, за иждивениемъ же нѣкоего купца богата Константинопольскаго создася новое училище пространное на подобіе монастыря съ нѣколикими келіями ради странныхъ учениковъ, и мноіе тамо стекаются къ учению, не токмо отъ убогихъ, но и отъ знаменитыхъ мужей дѣти отъ Царяграда, Солуны, Коркири, Крита, отъ Кипра и отъ иныхъ различныхъ странъ; прежде же и путь не свѣдомъ быше въ островъ Патмъ, нынѣ же есть пресловутъ всюду ради храма св. Евангелиста Іоанна Божьслова; и ради добродѣтели премудраго онаго мужа Макарія». Такимъ образомъ — Барскій непреувеличенно говоритъ: «сице бо за тщаниемъ его и славою множися оное училище, яко Грекамъ бѣднымъ, въ плѣненіи сущимъ подъ игомъ работы Магометанской, мѣсто древнихъ Аѳинъ есть».

Не знаю, сохранились ли у Грековъ подробныя извѣстія объ этомъ славномъ труженикѣ просвѣщенія и народности, во всякомъ случаѣ для нихъ должны быть чрезвычайно дороги слова о немъ нашего Барскаго, такъ какъ онъ коротко зналъ Макарія. Барскій, живя въ Триполи, учителемъ своимъ Іаковомъ посланъ былъ въ 1733 г. на Патмосъ: «ради нѣкоей потребности посланъ быхъ . . . въ Патмъ къ великому учителю Макарію, ради нѣкихъ еже въ вѣрѣ истязаній бываемыхъ тогда въ престолѣ Антиохійстѣмъ отъ панистовъ и униатовъ». Замѣчу кстати, что такъ послужилъ дѣлу Грековъ не одинъ Русскій. Не мало Русскихъ богомольцевъ перебывало на островахъ Греческихъ до Барскаго, и конечно большая ихъ часть поступали также подобно Барскому. Кстати напомнимъ, что въ XVII стол. одинъ Русскій, именемъ Пароеній Небоза, былъ митрополитомъ Лаодикійскимъ . . .

Макарій скончался 17 января 1737 г. «азъ же (плакахся) отца, наставника и благаго; ибо сей же предъ многими лѣты мнѣ историку сушу и въ Патмъ нарочно поклоненія ради святаго мѣста пришедшу, совѣтова мнѣ, да оставлю все странствованіе, и да приложуся къ учению Еллинскому, въ пользу себѣ же и отечеству». (II, 73). Изъ этихъ словъ видно, что Макарій помышлялъ и о нашей Россіи, хорошо сознавалъ великую для

нея пользу, отъ *ученія Еллинскаго*. Мы Русскіе тѣмъ болѣе привязываемся къ этой высокой личности. Мѣсто его занялъ ученикъ его *Герасимъ*, который вскорѣ однако умеръ, оплакиваемый всѣми; «азъ же — говоритъ Барскій — до умертвія скорбѣхъ, на точію лишенія ради *отеческой его ко мнѣ любви и ревности крайней къ Россійскому роду*, но ради великаго его искусства въ Еллиногреческомъ поученіи» (II, 74).

Барскій дорогъ для Грековъ, для острова Патмоса, не только этими и подобными о немъ извѣстіями, но и своими трудами. Такъ задержанный на немъ чумою, въ продолженіи шести мѣсяцевъ, онъ занялся составленіемъ Латиногреческой грамматики. Пусть говоритъ самъ Барскій, этотъ почтенный и слишкомъ мало оцѣненный нами, простой Русскій человекъ — «и собравши отъ различныхъ граматикъ Латинскихъ, сочинихъ едину граматикую Латиногреческую, съ разноположеніемъ необычнымъ и съ удобопонятнымъ сокращеніемъ, елико мощно, по желанію и прошенію случающихся мнѣ *любомудрыхъ Грековъ*, изъ нея же можетъ всякъ Грекъ книженъ, аще и несовершенъ граматикъ, изучитися совершенно граматикѣ Латинской: въ ней бо *Латинскаго художества поученіе Еллинское*, примѣры же Латинскіе обрѣтаются. Благодарю же всемудраго Бога за таковое просвѣщеніе, яко не допусти мя погубити всеу толикое время, *но сподоби мя потрудитися за душевное спасеніе, на пользу братіи и ближнихъ нашихъ, и на честь отечеству моему; долженствую бо и азъ Грекомъ творити благодареніе, понеже и азъ многія благодати возпріимахъ во всемъ моемъ странствованіи, наипаче же въ Патмѣ отъ школы и отъ монастыря; ибо жители тамошніе чрезъ 6 лѣтъ никакой на меня Турецкой дани не налагаху, но иноки отъ монастыря общимъ изволеніемъ по пяти хлѣбцевъ мнѣ на седмицу, милостину подаваху, еже аще бы не было, то не могъ бы азъ въ Патмѣ толикое время прежити, и поучатися Еллинскому ученію, за которое благодареніе Господи ихъ спаси».* (II, 75—6) ¹.

1. Чтобы вполне оцѣнить заслугу Барскаго, надо вспомнить, что уже въ Венеціи въ 1724 г. онъ сталъ только учиться по-Гречески; «послѣди же омерзѣ мнѣ дозѣла праздность, яко не имѣхъ что дѣлать, и не умѣхъ, едино точію ученіе Латинское, Русское и иное школьное знахъ, единъ бо отъ учащихся быхъ; есть же

Быть можетъ всѣ эти приводимыя здѣсь, подробности не покажутся излишними, по поводу относительной важности вопроса—имѣли ли Славяне въ свою очередь вліяніе на Грековъ? Въ заключеніе позволю себѣ указать еще на слѣдующія три обстоятельства.

Янина, давшая новой Греціи, нѣсколькихъ замѣчательныхъ людей, окружена со всѣхъ сторонъ мѣстностями и селеніями, посящими слѣдующія названія: Zagoriani, Glizani, Tzerkovitza, Gribovo, Tzerkovista, Michalitz, Laskovetzi, Greveniti, Prilepi, Veitrista (см. карту Киперта). И сколько же изъ Янины вышло людей замѣчательнѣйшихъ, однихъ изъ главнѣйшихъ дѣятелей возрожденія Греціи. Братья Зосимы¹, Каплани², Θεοδοзіи, эти Греческіе Новиковы, все уроженцы Янины и окрестностей.

Зосимы и Каплани прожили весьма долго въ Россіи, и, оказавъ ей большія услуги, сами въ свою очередь испытали сильное ея вліяніе. На жизни же и трудахъ Θεοδοзіевъ яснѣе обнаруживается ихъ Славянское происхожденіе. Такъ Димитрій Θεοδοзи написалъ даже на Русскомъ или лучше Славяно-Рус-

тамо семинаріумъ, си есть школа Греческая, въ ней же дѣти Греческіе отъ ишихъ странъ Греческихъ пришедшія учатся Италіанскому и Латинскому нарѣчію, даже до риторики. Семинаріумъ оное надлежитъ подъ протекцію большихъ нѣкнкихъ бояръ Венеціанскихъ, иже не тако (мню) своея ради славы, яко паче Божія, дають коштъ большой, платяще дидаскалу, си есть, учителю, за оныя чуждыя дѣти, кормяще и одѣвающе ихъ, даже чрезъ шесть лѣтъ». Барскій выпросилъ позволеніе ходить туда учиться; «еще повелѣ (дидаскалъ) ученикамъ своимъ да аще о чемъ либо нибудь вопрошу, да показываютъ ми и научають, вси бо мя Греки любяху, яко едину съ ними имамъ вѣру». (I, 92—93). Надъ Барскимъ посмѣивались, называли его въ насмѣшку Соломономъ — «множицею бо книжицы моя и писаніе школьное вметаху въ огонь, и прочая негодная творяху; азъ же иногда сваряхся, иногда же на Господа возвергая печаль мою, молящи, да той мя препитаеть и по печали дасть радость». (I, 93).

1. О Зосимахъ см. Διαθήκη τοῦ Ἀσπιδίου Νικολάου Π. Ζωσιμα εὐγένους Γραικοῦ καὶ ἱπλότου τοῦ τάγματος τοῦ πατρῆος. Ἐν Μοσχῶν. ἐκ τῆς τυπογραφίας Α. Σερενα. 1843. Здѣсь помѣщено одно завѣщанье Н. Зосимы. (144 стр. въ 8-ку). Въ другой же брошюрѣ съ такимъ же заглавіемъ ...Ἐν Μοσχῶν, 1844, 183 стр., въ 8-ку, — передъ завѣщаньемъ помѣщено и извѣстье о жизни братьевъ Зосимъ. Они родились около 1730—1760 г.

2. О Каплани см. любопытную брошюру «Рѣдкій и благодѣтельный подвигъ Зоя Константиновича Каплани, въ Греціи 1736 г. родившагося, въ Москвѣ же 20 декабря 1806 г. скончавшагося». Москва, 1809. XXIII и 109 стр., въ 4-ку.

скомъ языкѣ исторію Петра Великаго и напечаталъ ее въ Венеціи¹.

1. «Житіе и славныя дѣла Государя Императора Петра Великаго Самодержца Всероссийскаго съ предположеніемъ краткой географической и политической исторіи о Россійскомъ царствѣ, нынѣ первѣе на Славенскомъ языкѣ списана и издана». Двѣ части въ больш. 4-ку. Въ Венеціи въ типографіи Димитрія Θεοδοзія. 1772. *Con licenza de'superiori*. Книга эта была перепечатана въ Петербургѣ въ 1774 г. иждивеніемъ купцовъ Спбургскаго Копнина и Иркутскаго Байборолина. Одною изъ причинъ этой перепечатки, какъ объяснено въ «предувѣдомленіи отъ трудившихся въ напечатаніи сей книги» — что «самыхъ книгъ сея исторіи вывезено въ Россію столь мало, что многіе любители исторіи своего отечества, напоследокъ ни за какія деньги получить оныя не могли». — «Поправленія и замѣчанія принялъ на себя трудъ сдѣлать его сіятельство князь Михайло Михайловичъ Щербатовъ». — Слогъ «исправлять» трудился коллежской секретарь Василій Алексѣевичъ Троепольской. — Что Дм. Θεοδοзи былъ уроженецъ Янинскій, видно изъ одного Греческаго его изданія: *Πορολογιον (graese). Venetiis. 1778. 12. 1. Παρὰ Δημητρίῳ Θεοδοσίῳ τῷ ἐξ Ἰωννίνων*. — Привожу тѣ мѣста, которыя лучше всего обнаруживаютъ взглядъ автора на Россію, его сочувствіе къ ней. Онъ хвалится успѣхами Русскихъ, гордится ими. Въ его словахъ отразились взгляды Славянъ на наше отечество. Въ предисловіи, кинувъ бѣглый взглядъ на Русь до-Петровскую и сказавъ, что терпѣла она отъ Татаръ, Турокъ и пр., продолжаетъ: «Швеція лежитъ спрятана за Балтійскимъ моремъ, и о Россіи худаго и помыслить не дерзаетъ; а Польша принимаетъ законы отъ онаго престола, коего она нѣкогда въ презрѣніи и въ поруганіи имѣла. Сего предъ тѣмъ никто не могъ себѣ и вообразить, а еще менѣе оное предпріятіе, которое нынѣ всю вселенную въ несказанномъ удивленіи, а Малую Азію и всю Турецкую имперію въ крайнемъ трепетѣ и ужасѣ содержитъ. — Коль много кратъ испытывались всепресвѣтлѣйшіе Римскіе цесары высвободить христіанской родъ отъ ига оныхъ хриstopротивниковъ; но такое ихъ предпріятіе не могло никогда удалъся по желанію, отъ большой части затѣмъ, что Французы держатъ всегда партію Турецкую, и для того всегдажъ такимъ цесарскимъ благохвальнымъ предпріятіямъ, своими на цесарскія области въ тѣ самыя времена нападеніями мѣшали и диверсію чинили. Изъ публичныхъ вѣдомостей извѣстно, что нынѣшнему Россійскому предпріятію хотѣли они такимъ же образомъ, по послѣдней мѣрѣ на западныхъ и южныхъ водахъ препятствовать; но когда удостовѣрены были, что хотя и Жепщина управляетъ Россією, но живетъ въ ней духъ Петра и сама она великая. . . . то не отважились они сдѣлать ни попытку въ томъ, въ чемъ дѣлать были намѣрены, и что Римскимъ цесарямъ, Петра Великаго въ себѣ не имѣвшимъ, чинить они могли». — Затѣмъ заговоривъ о Петрѣ, онъ останавливается на С.-Петербургѣ и хвастается имъ, какъ бы своимъ роднымъ городомъ. «О семъ нынѣшнемъ Императорскомъ столичномъ градѣ имѣю я отъ нѣкоего моего пріятели извѣстіе слѣдующее: я не говорю много, когда докажу, что сей Россійскій столичный градъ превосходитъ все то, что только великимъ подумать можно». Затѣмъ описываетъ Неву, зданія и т. д. Перечисливъ заслуги Петра, прибавляетъ: «и чрезъ все то возвелъ онъ Россію на высочайшую степень силы и славы, а имя свое учинилъ у самаго отдаленнаго Россійскаго потомства безсмерт-

Въ посвященіи своемъ Императрицѣ Екатеринѣ, онъ говоритъ, между прочимъ, что о Петрѣ Великомъ не мало уже книгъ

нымъ». — «Сего-то преславнаго Императора, несравненнаго героя, пышнѣшаго царства Россійскаго основателя, просвѣтителя и отца житіе и славныя дѣла описаны почти на всѣхъ Европейскихъ языкахъ, единъ только Словенской былъ по сіе время таковаго утѣшенія лишень, за тѣмъ, что народы того языка на юго-западу обитающіе самы того учить средства не имѣли, а *отъ Россіи* того ожидать уже и утомились, и такъ остались всегда въ одномъ только напрасномъ желаніи, въ которомъ и я съ нимижъ находился, и которымъ единственно возбужденъ выдать настоящую о высокопомянутомъ Императорѣ Исторію на *нашемъ Словянскомъ языкѣ*». Сначала онъ предпосылаетъ географической очеркъ Россіи и очеркъ Русской исторіи до Петра, чтобы читатель увидѣлъ, «сколь въ глубокой тмѣ неученія и безпорядочнаго правленія находилась Россія, и что Петръ Великій былъ первый, который собственнымъ своимъ разумомъ и собственнымъ своимъ трудомъ оную изъ такой тмы вывелъ на свѣтъ, на котораго безъ блисташа великаго и удивленія смотрѣть не можно». — Затѣмъ онъ говоритъ о пособіяхъ: «ни въ отдаленныхъ не ученыхъ странахъ живущему надобно было книги иностранныхъ писателей промыслить изъ Германіи, а Россійскихъ изъ Россіи, сколько могущество мое позволяло, для чего и провелъ я пять лѣтъ въ сочиненіи сея Исторіи безъ перерыву». Но иностранные писатели, — говоритъ авторъ, — не совсѣмъ справедливы, «писали они все то, что могло служить къ мщенію и къ безславію Россійскаго народа. Гдѣ же было имъ мѣсто писать о Россійской церкви, то употребляли всѣ они не только сверху Россійскаго духовенства, но и сверху самого Греко-Россійскаго исповѣданія такія хулы и безчестія, что безъ мерзости и читать ихъ нельзя». Ему помогали извѣстіями и свѣдѣніями баронъ Петръ Шафировъ, бывший тогда государственнымъ вице-канцлеромъ, и академикъ Миллеръ. — Любопытенъ взглядъ его на Французовъ. Сказавъ о недостаточности описанія Петровской побѣды надъ Шведами, находящагося въ сочиненіяхъ Вольтера, Рабенера и Лакомба, онъ прибавляетъ: «Французы отъ большой части въ писаніи исторіи самовольны» (Венец. изд. I, 288). Это же самовольство, легкость и неосновательность ставятъ въ упрекъ Французамъ и Рускіе, говоря напр.: «Французъ сытъ круплицей, пьепъ водицей, шиломъ брѣть, дымомъ грѣть».

Въ заключеніе этихъ длинныхъ выписокъ, за которыя вѣроятно не посѣтуютъ на меня читатели, коимъ книга Феодози недоступна, привожу еще слѣдующее и послѣднее мѣсто, — весьма интересное замѣчаніе автора по случаю объявленія Петромъ войны Туркамъ въ 1711 г. «Но истинъ всѣ како единоплеменные Славенскіе тако и Греческіе и другихъ языковъ восточнаго Иерусалимскаго благочестія народы, которые чрезъ толь долгое время стонутъ подъ игомъ Отоманскимъ, начали уже вообразати себѣ Петра Великаго, точно яко Израильскаго отъ Бога посланнаго ангела, который избавитъ ихъ отъ плѣни Мухамедапской, точно яко Египетской. Пророчество во гробѣ Греческаго императора Константина найденное удостовѣровало ихъ, что Турки имѣютъ всеконечно изгнаны быть изъ Царьграда народомъ рыжимъ или руссимъ (то есть червленикастымъ), коимъ Россіановъ быти разумѣютъ. Да и нынѣ тожъ думаютъ, и всѣ единоверные хотя въ неволѣ не явно, однакожъ въ тайнѣ, а паче сердечныя свои молитвы

написано, и что онъ по справедливости отъ всѣхъ націй зовется великимъ, — «то посему въ сравненіи сего слѣдуетъ, что весьма прилично было и житіе сего Государя на свойственномъ его Имперіи народа діалектѣ, въ которомъ и другіи толь многи націи сходны находятся, изъяснить; дабы и оніи о великолѣпныхъ акціяхъ и преславныхъ толикаго и таковаго героя дѣлахъ полезнаго не лишились извѣстія».

Какъ смотрѣлъ Θεодози на Грековъ, можно видѣть изъ слѣдующихъ словъ — «между Греками и Сербами съ времени ихъ еще бывшихъ государствъ вскорененная антипатія есть неразрушима. Гордость Греческая не можетъ развѣ по неволѣ терпѣти Славянскаго языка людей, а Сербы имѣютъ Грековъ въ такомъ презрѣніи, каковаго достойны всѣ не постоянные и гордые люди» (Венец. изд. I, 23).

Тотъ же самый Димитрій Θεодози издалъ и «Славяно-Сербскій Магазинъ», то есть собраніе сочиненій и переводовъ. Томъ I. Часть I. Венеція. 1768.

Панъ Θεодози, вѣроятно братъ Димитрія, также трудился для дѣла Славянскаго. Онъ издалъ — 1) Стихи и прозы (sic!) Карамзина. Poesie e Prose di Karamsin. Tradotte dal Russo per il Dr. Cetti. Млетки (т. е. Венеція). Въ типографіи Папа Θεодозія. 1812. Рядомъ съ переводомъ напечатанъ и подлинникъ. 2) Етика или Философія Правоучителна по системи Профессора Соави Досифесемъ Обрадовичемъ издана. Въ т. Греко-Славянской у Папа Θεодосія. 1803¹.

Такимъ образомъ Θεодозія, будучи Греками по воспитанію, вовсе однако не утратили Славянской народности, и въ силу ея тяготѣли такъ сказать къ міру Славянскому.

къ Богу о успѣхъ оружія благочестиваго государства надъ злочестивыми и чело-вѣкопоклонниками, ради освобожденія своего, и своего утѣшеннаго благочестія, непрестанно возсылаютъ» (II, 22).

1. Для всѣхъ понимающихъ тѣсную связь исторіи Россіи съ исторіею прочихъ Славянъ (а кто ея не понимаетъ!) весьма живо и ясно должна предстать необходимость обращать въ исторіи Русскаго языка и литературы вниманье на исторію Славянскихъ типографій (вообще, не только Русскихъ) въ чужихъ краяхъ. Имъ предстоитъ великое развитіе въ будущемъ. Венеція въ этомъ отношеніи обращаетъ на себя особенное вниманье.

Оеодози были земляками братьевъ Зосимъ, Каплани, которые также не мало потрудились для Россіи, слѣдовательно для Славянства, и имена которыхъ неразрывно связаны съ возрожденіемъ единовѣрныхъ намъ Грековъ.

Второе же обстоятельство, котораго также нельзя терять изъ виду при вопросѣ о Славянской стихіи въ мірѣ Греческомъ, заключается по моему въ томъ, что самый Цареградъ и прилежащія къ нему мѣстности имѣли издавна поселенія Славянскія. Имена *Българдъ* и *Поле* (Роѣа) ясныя тому доказательства. Монастырь Студійскій въ Цареградѣ, гдѣ жили Русскіе въ XIV в., былъ конечно всегда гостепріимно открытъ не только Русскимъ, посѣщавшимъ столицу, но и Болгарамъ и Сербамъ, сторону которыхъ почти постоянно держали Русскіе въ ихъ распряхъ съ Греками на Аѳонѣ.

Наконецъ значительныя перемѣны въ политической судьбѣ Грековъ, произведенныя Болгарами при царѣ Симеонѣ († 927 г.) и его предшественникахъ, при обоихъ Асѣняхъ, Сербами, начиная со Стефана Немани до Стефана Душана включительно (1147 — 1356 г.), и единоплеменными и столько имъ обязанными Русскими, начиная съ 1453 г. (когда Москва, по выраженію современниковъ стала *третьимъ Римомъ*), до 1830 г. включительно, такія перемѣны, говорю я, рѣшительно, кажется, отнимаютъ всякое право и малѣйшую возможность у кого бы то ни было обвинять въ народномъ самохвальствѣ тѣхъ Славянскихъ писателей, которые настаиваютъ на необходимости и важности изученія вопроса — о вліяніи Славянъ и на Грековъ.

Въ заключеніе представлю вкратцѣ нѣсколько любопытныхъ и немаловажныхъ чертъ для характеристики современныхъ отношеній Грековъ къ народу Русскому; постараюсь нѣсколько пояснить ихъ исторически и наконецъ предложу на судъ читателей нѣсколько мыслей и соображеній касательно будущихъ нашихъ отношеній къ Грекамъ, которыя имѣютъ тѣсную связь съ вопросами объ умственномъ общеніи Россіи съ міромъ Славянскимъ и о распространеніи Русскаго языка внѣ предѣловъ Россіи.

Одно наше духовное лицо въ путевыхъ замѣткахъ о Греціи, которую оно посѣтило въ 1850-хъ годахъ, сообщаетъ нѣсколько-

ко весьма любопытныхъ подробностей, живо рисующихъ понятія Грековъ о Русскихъ и расположеніе ихъ къ Россіи.

«Городъ (Калаврита), знаменитый исторически — говоритъ почтенный авторъ — какъ центръ Греческаго возстанія противъ Турокъ, представляется, подобно Коринѳу, кучею развалинъ.... Русское имя вскорѣ огласилось по городу, и когда мы посѣщали церковь, насъ уже окружала весьма значительная толпа народа, высказывавшаго веселое и живое чувство при взглядѣ на насъ»¹.

Почтенный авторъ приѣзжаетъ въ *Патры* (или Патрасъ). «Было часовъ 5, когда мы отправились съ квартиры — пора, въ которую весь городъ, въ теченіе дня укрываясь, высыпаетъ на улицу дохнуть прохлагою. Съ нами шелъ нашъ вице-консулъ. Лишь только завидѣли насъ на улицѣ, другъ за другомъ стали подходить къ намъ сперва дѣти, потомъ и возрастные, а наконецъ всѣ, кто ни встрѣчалъ насъ, приставали къ намъ. Движеніе сдѣлалось общее. Со всѣхъ улицъ и переулковъ бѣжали къ намъ, шумѣли, толкались, забѣгали впередъ посмотрѣть на насъ, пытались много разъ принять отъ меня благословеніе — *ῥουσσικὴν ἀγίαν εὐλογίαὺν* (т. е. Русское святое благословеніе), какъ говорили и пр. Приближаясь къ церкви, я оглянулся и ужаснулся: за нами шелъ, казалось, весь городъ. Въ церкви говоръ и волненіе напомнили мнѣ весьма живо то блаженное время, въ которое мы, бывало, ожидали и встрѣчали государя императора. Его славное имя двигало и теперь толпами иноплеменнаго, но единовѣрнаго намъ народа. *Εὐλογημένη ἡ Ῥωσσία! Εὐλογημένος ὁ Νικόλαος ὁ πατέρας μας! Ζήτω ὁ Αὐτοκράτωρ! Ζήτω ἡ Ῥωσσία.* (Благословенная Россія! Благословенный Николай отецъ нашъ! Да здравствуетъ императоръ! Да здравствуетъ Россія!) Множество подобныхъ ублаженій разносилось по церкви»².

«Во все время пребыванія нашего въ *Θивαхъ*, мы не переставали слышать по временамъ подземные удары, изъ коихъ три или четыре были весьма значительны. Не смотря однакожъ

1. Ж. М. Н. Пр. 1854. Мартъ. Христіанскія древности Греціи. С. 173 и сл.

2. Тамъ же. С. 188.

на всю поразительность своего положенія, бѣдные жители, при одномъ слухѣ о прибытіи Русскихъ, пришли въ движеніе и толпами ходили за нами между развалинами домовъ своихъ»¹.

— «И безъ того всѣмъ близкое и любезное имя Русскихъ въ это время возбуждало всеобщій восторгъ въ Греціи, и преимущественно въ клирѣ Греческомъ. Мегаспилеонъ (большой монастырь, на западъ отъ Коринѳа) — центръ и исходная точка религіознаго воодушевленія Грековъ, естественно болѣе всѣхъ другихъ мѣстъ сочувствовалъ Россіи»².

Эти чувства расположенія Грековъ къ Русскимъ не ограничиваются нисколько однимъ духовенствомъ. Такъ извѣстно, что съ 1798 до 1807 г. Русскіе принимали самое живое участіе въ дѣлахъ острововъ Ионическихъ. И что же, масса народонаселенія понынѣ любитъ вспоминать о нашей эскадрѣ, и преимущественно объ адмиралѣ Дмитріи Николаевичѣ Сепявинѣ.

Въ 1841 г., будучи въ Зантѣ, одинъ изъ почтенныхъ нашихъ моряковъ, такъ между прочимъ выражается, говоря о привязанности жителей къ Русскимъ: «Кто виновникъ радостнымъ привѣтствіямъ, съ какими насъ окружали иностранцы? Кто внушилъ имъ это уваженіе къ Русскому флагу?»

Всѣмъ этимъ преимущественно — говоритъ тотъ же авторъ — мы обязаны Сепявину. Его имя» повторялось теперь на шанцахъ, на палубахъ и въ каютъ-кампаніи». О немъ «говорили съ замѣтнымъ оживленіемъ и всѣхъ спрашивали пріѣзжавшія толпы?» Его «благословляютъ здѣшніе народы, рассказывая дѣтямъ о его временахъ, о ихъ благоденствіи при благословенномъ монархѣ, подъ управленіемъ адмирала Сепявина. Здѣсь всѣ знаютъ, помнятъ, и глубоко уважаютъ Дмитрія Николаевича».

«Любимый разговоръ нашихъ гостей былъ о немъ; они не говорили о его воинской славѣ или морской извѣстности; нѣтъ, они рассказывали о немъ самомъ, какъ о человѣкѣ безъ блеска и титула. Говорили, какъ онъ былъ строгъ и вмѣстѣ съ тѣмъ входилъ въ малѣйшія нужды жителей, всякаго самъ утѣшалъ,

1. Тамъ же. С. 223.

2. Тамъ же. С. 158.

каждому помогать, и его любили больше, нежели боялись. Въ какой дисциплинѣ держалъ онъ и своихъ и чужихъ, но любилъ, чтобы всѣ его окружающіе были имъ довольны и всегда веселы; самъ изобрѣталъ удовольствія, давалъ пиры и всѣ уважали его не на словахъ, а дѣйствительно какъ отца-командира; наконецъ заговорили объ его отъѣздѣ. Какъ это неожиданное извѣстіе всѣхъ поразило! не хотѣли ему вѣрить; не могли видѣть Французскаго флага, Греки бунтовались, но адмиралъ Сенявинъ умирилъ ихъ, и весь народъ со слезами провожалъ его. И теперь при этомъ разсказѣ, у нѣкоторыхъ навертывались слезы. Зантіоты желали знать всѣ подробности объ адмиралѣ: когда онъ умеръ? гдѣ похороненъ? какой сдѣланъ памятникъ? остались ли у него дѣти» и пр. ¹.

Въ XVIII ст. побѣды Румянцова, Суворова, бой Чесменскій не могли не производить на Грековъ весьма сильнаго впечатлѣнія. Самый приходъ Русскихъ въ Морею въ 1770 г., хотя исходъ его былъ весьма неудаченъ, впрочемъ не по нашей вицѣ ², имѣлъ весьма сильное вліяніе — горсть Русскихъ несетъ

1. Ст. г. Арцымовича: Адмиралъ Дмитрій Николаевичъ Сенявинъ. Морск. Сборн. 1855. № 12. С. 266 и сл. — См. Маякъ 1843. Воспоминанія Русскаго моряка (въ 1841 г.). И. Суцова.

2. Истинно драгоценный документъ «Собственноручный журналъ капитацъ-командора С. К. Грейга въ Чесменскій походъ» (Морск. Сб. 1849. № 10. С. 645 и сл. № 11. С. 715 и сл. № 12. С. 785 и сл. Сѣв. Арх. 1823. ч. 8. № 22. Подвиги капитана Баркова въ Мореѣ и взятіе древняго Лакедемона или Спарты, что нынѣ Мизитра, въ 1770 г.) — не допускаетъ теперь ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что виною неудачи возстанія Морейскаго были не Русскіе. О дѣйствіяхъ пѣхотнаго капитана Баркова см. с. 715 и сл. Съ небольшимъ отрядомъ Майнотовъ и горстью Русскихъ Барковъ скоро овладѣлъ Миситрою и принудилъ Турокъ къ капитуляціи, до 3,500 человекъ. «Но только что обезоруженіе ихъ было окончено, какъ Майноты, познавшіе законовъ войны... и ослѣпленные успѣхомъ, предались остервенѣнію и съ совершеннымъ безчеловѣчіемъ начали рѣзать и убивать беззащитныхъ Турокъ, мушницъ, женщинъ и дѣтей». Барковъ съ 12 Русскими солдатами напрасно останавливалъ Майнотовъ; они стали стрѣлять по нашимъ часовымъ. Городъ былъ преданъ разграбленію. Турокъ погибло множество. Грейгъ при этомъ весьма основательно разсуждаетъ: «Нѣкотораго оправданія такого безчеловѣчія со стороны Грековъ можно искать въ жестокомъ съ ними обращеніи ихъ утѣснителей. Какъ бы то ни было, но это происшествіе, гибельное для

имъ свободу, доставляетъ побѣды надъ ихъ давнишними угнѣтателями. Въ 1698 г., Бояринъ Борисъ Петровичъ Шереметевъ, въ бытность свою въ Венеціи, 16 февраля принималъ у себя Греческаго митрополита Венеціанскаго — «и поздравлялъ боярина побѣдами, которыя бояринъ одержалъ подъ часъ бытности своей въ Бѣлгородѣ, надъ непріятелями креста святаго, и говорилъ съ бояриномъ много, желая великому государю, его царскому величеству шастливыхъ побѣдъ и одолѣнія надъ непріятелями креста святаго, и освобожденія греческаго ихъ царства отъ ига поганскаго, и говорилъ, яко въ прошедшее время, непрестанно Господа Бога молилъ со всѣми христіанами, которые суть подъ его паствою, о здравіи вел. госуд. его царскаго величества и о совершенной побѣдѣ надъ непріятелями».

Греки, со взятія Цареграда Турками, преимущественно обратили свои взоры на единовѣрную Россію, сношенія ихъ съ нами съ тѣхъ поръ стали еще тѣснѣе.

Въ XVII стол. стало общимъ убѣжденіемъ не только Грековъ, Русскихъ, но и Турокъ, что Царьграду быть взяту Русскими. Такъ Петръ Великій, въ письмѣ своемъ къ Андрею Виніусу, отъ 5 окт. 1697 г. изъ Амстердама, — передавая слова Вейта, бывшаго въ сраженіи при Центѣ, — говоритъ между прочимъ, что узналъ отъ него — «цѣкоторый наша взять въ полонъ, который передъ генералисимусомъ песарскимъ и предъ всѣми генералами распрашиванъ, въ которомъ распросѣ межъ иными словами сказалъ, что де у нихъ нынѣ есть такое пророчество, что въ 1699 г. Царьгородъ взять будетъ отъ Русскихъ; о чемъ и прежь сего слышали, только не отъ такихъ знатныхъ. Въ чемъ

Турокъ, было столь же неблагопріятно и пользѣ Русскихъ, и имѣло слѣдствіемъ всѣ тѣ неудачи, которыя они въ послѣдствіи испытали въ Моревѣ. Если бы канитупляція была соблюдена со всею точностью, то очень вѣроятно, что ни одно изъ остальныхъ укрѣпленій, занятыхъ Турками, не было бы сильно защищено, такъ какъ Турки начинали уже оставлять Морею и желали только совершить безопасно свое отступление. Правда, Коронъ все еще держался; но пѣтъ сомнѣнія, гарнизонъ его сопротивлялся Русскимъ не столько отъ желанія удержать за собой эту крѣпость, какъ отъ страха пройти безъ оружія чрезъ край, наполненный сильными партіями неумолимыхъ Грековъ. Во всякомъ случаѣ съ этого времени начались неудачи Русскихъ въ Моревѣ, не смотря на то, что сила ихъ возрасла въ послѣдствіи отъ прибытія остальной части флота». (Морск. Сб. 1849. С. 777 и сл.).

да будетъ воля Господня, отъ котораго побѣды происходятъ, и волею Его высятся и ни во что премѣняются»¹.

Извѣстныя предсказанія о взятіи Цареграда Русскими, весьма любопытны для историка, дорожащаго не одними внѣшними политическими событіями, но интересующагося въ особенности понятіями и воззрѣніями, присущими той или другой эпохѣ. Предсказанія эти одинаково были распространены, какъ въ Греческой, такъ Русской и Славянской литературахъ², но что еще важнѣе, не оставались достояніемъ книгъ, а переходили къ массамъ и становились устными преданіями. Такъ какъ въ исторіи отношеній Русскихъ и вообще Славянъ къ Грекамъ, предметъ этотъ занимаетъ весьма важное мѣсто, то я и рѣшаю указать здѣсь на одно обстоятельство, которое можетъ наглядно возсоздать процессъ образованія въ массахъ разныхъ преданій и басней о взятіи Цареграда.

Въ 1674 г., по случаю дѣлъ Малороссійскихъ, въ Кіевѣ стоялъ Московскій воевода Юрій Трубецкой. Его обязанностию

1. См. Устрялова — Петръ Великій въ Голландіи и Англіи. Прилож. 5. — 10 же сент. 1697 г. Петръ В. изъ Остенбурга (Голландской верфи) писалъ патриарху въ Москву: «Мы въ Нидерландахъ, въ гор. Амстердамѣ, благодатію Божіею и вашими молитвами, при добромъ состояніи живы, и послѣдуя Божію слову, бывшему къ праотцу Адаму, трудимся; что чинимъ не отъ пужды, но добраго ради пріобрѣтенія морскаго пути, дабы искусясь совершенно, могли, возвратясь, противъ враговъ имени Иисусъ Христа побѣдителями, а Христіанъ, тамо будущихъ, свободителями, благодатію Его, быть. Чего до послѣдняго издыханія желать не перестану» (тамъ же. С. 17.). Весьма любопытны слова Нартова, въ этомъ отношеніи кажется заслуживающія полнаго довѣрія. Въ своемъ сочиненіи «Достопамятныя повѣствованія и рѣчи Петра Великаго» Нартовъ говоритъ: «Государь рассказывалъ графу Шереметьеву и генераль-адмиралу Апраксину, что онъ въ самой молодости своей, читая Песторовъ лѣтописецъ, видѣлъ, что Олегъ посылалъ на судахъ войска подъ Царьградъ, отъ чего съ тѣхъ поръ поселилось въ сердцѣ его желаніе учинить то же противъ вѣроломныхъ Турокъ, враговъ Христіанъ, и отмстить обиды, которыя они обще съ Татарами Россіи дѣлали, и для того учредилъ кораблестроеніе въ мѣстѣ, и такую мысль его утвердила бытность его въ 1694 г. въ Воронежѣ, гдѣ обозрѣвая онъ мѣстоположеніе рѣки Дона нашелъ способнымъ, и чтобъ по взятіи Азова пройти и въ Черное море» (Москвитинъ. 1842. № XI. С. 141). Въ 1723 г. по случаю *ботика* былъ данъ торжественный обѣдъ. «Во время стола, — говоритъ Нартовъ, — когда пили здоровье ботика, то Петръ Великій говорилъ: «здравствуй, дѣдушка! потомки твои по рѣкамъ и морямъ плаваютъ и чудеса творятъ! время покажетъ, явятся ли они и предъ Стамбуломъ» (тамъ же. С. 117).

2. См. Повѣсть о Цареградѣ. Чтеніе И. И. Срезневскаго. Спб. 1835. С. 41 и сл.

между прочимъ было слѣдить за всѣмъ, что дѣлается и предпринимается въ Турціи; почему отъ всѣхъ приходившихъ изъ Турціи онъ отбиралъ сказки и показанія и отсылалъ ихъ въ Москву. Такъ 17 мая 1674 г. прибылъ изъ Турціи въ Кіевъ кіевскій житель *Греченинъ* Янъ Павловъ. Отъ него между прочимъ записали слѣдующій рассказъ, который само собою не замедлилъ распространиться въ народѣ.

«Да онъ же Янъ, будучи въ Царь городѣ, слышалъ отъ Турковъ, что въ салтанскихъ палатахъ, гдѣ въ то время православія бывала церковь, а нынѣ полата, и въ той полатѣ, въ то число, какъ въ Софейской церквѣ звонъ былъ, объявился старъ человекъ, сидитъ во святительскихъ одеждахъ, въ креслахъ, въ рукахъ держитъ посохъ, а передъ нимъ горитъ въ лампадѣ свѣча; и Турки де видя то, писали къ салтану и салтанъ де велѣлъ его изъ той палаты кинуть на море и Турки де, по его велѣнью, того человека кинули въ море, и послѣ де того, тотъ человекъ объявился, оный въ тѣхъ же полатахъ, сидитъ въ креслахъ, въ тѣхъ же святительскихъ одеждахъ, свѣча предъ нимъ горитъ по прежнему; и Турки де къ салтану и о томъ писали, и салтанъ де велѣлъ ту палату залѣзать, чтобъ никто въ нее не ходилъ»¹.

Повторяю, сношенія Грековъ съ Россіею стали несравненно тѣснѣе съ 1453 г., когда на наше отечество, отстоявшееся отъ Татаръ и постепенно начинавшее переходить въ наступленіе, народы православные устремили свои взоры, полные надеждъ и упованія. Предки наши прекрасно понимали это, какъ то

1. Въ извѣстномъ объясненіи Георгія Схоларія (1421 г.) сказано: «Родъ русскихъ (Ἕλληνας ἕνεος) вмѣстѣ съ прежними обладателями побѣдитъ всего Исмаила, и овладѣетъ Седьмохолмымъ. Тогда возжжется междуусобная война и длиться будетъ до пятого часа. Трижды воскликнетъ гласъ: Стойте, стойте со страхомъ! Спѣшите бодро на право, найдете мужа великодушнаго, добродѣтельнаго и мощнаго. Онъ будетъ вашимъ владыкой; онъ другъ мой, его принявъ, исполните волю мою» (Повѣсть о Царегр. И. И. Срезневскаго. С. 42). Такъ въ Видѣніяхъ Даниила по старинному Русскому переводу: «Изъидѣте на десныя страны Седьмохолмаго, и обрячете человека у двоюстолюу стояща, сѣдинами праведна и молитва посвяща, взоромъ остра, разумомъ же кротка, срдцяго врьстою, имѣющаго на десной нозѣ посреди голени бѣлѣгъ, возьмѣте его, и вѣнчайте царя: то есть вашъ владыка». (Тамъ же. С. 43).

можно видѣть напр. изъ заключительныхъ словъ повѣсти о Цареградѣ, одного изъ замѣчательнѣйшихъ памятниковъ старинной Русской словесности.

Потеря Цареграда была наказаніемъ Божьимъ для Грековъ за ослабленіе ихъ въ вѣрѣ христіанской, говоритъ повѣсть. — «А Греки въ томъ во всемъ ослабѣли и правду потеряли, и Бога разгнѣвали неумолимымъ гнѣвомъ, и вѣру христіанскую невѣрнымъ на поруганіе выдали, и нынече Греки хвалятся государствомъ царствомъ благовѣрнаго царя Русскаго отъ того взятъя Мегметева и до сихъ дѣтъ, а инаго христіанскаго царства во ѣнаго и закону Греческаго нѣтъ; и надежу на Бога держатъ и во умноженіе вѣры христіанской, и благовѣрнаго царства Русскаго; хвалятся и государемъ царемъ вольнымъ и до сѣхъ дѣтъ. А коли на спорѣ съ Латыняны Латынскія вѣры доктуры спираются съ Греки, на васъ на Грековъ Богъ разгнѣвался неумолимымъ своимъ гнѣвомъ такъ, какъ на Жидовъ, и выдалъ васъ Турскому царю въ неволю и за вашу гордость и за неправду; видите и сами, какъ Богъ гордымъ противляется, за неправду гнѣвается, а правда Богу сердечная радость, а вѣрѣ красота. Они же о томъ хвалятся и сказываютъ, есть у насъ царство вольное и царь вольной, благовѣрный государь, царь и великій князь всея Русси, и въ томъ царствѣ велико Божіе милосердіе и знамя Божіе, новыя чудотворцы, и отъ нихъ милость Божія, такова, какъ отъ первыхъ».

Вотъ нѣсколько крупныхъ чертъ, живо рисующихъ отношенія Россіи къ міру Греческому, начиная съ 1453 г.; онѣ доказываютъ окончательно важность и необходимость вопроса — о вліяніи Славянъ и на Грековъ.

Какъ же Славянъ, возразятъ мнѣ, а говорится объ одной Россіи?

Но Россія, повторяю, своимъ постепеннымъ возвышеніемъ и возрастаніемъ весьма много была обязана своимъ соплеменникамъ, Болгарамъ, Сербамъ, и др.; сознаніе единства происхожденія съ ними и въ слѣдствіе того непрестанныя съ ними сношенія и связи доставили народу Русскому возможность не только отстоять свою вѣру и пародность, но и усилиться и окрѣпнуть, и затѣмъ уже перейти въ движеніе наступательное и

такимъ образомъ въ свою очередь имѣть вліяніе на нѣкогда грозныхъ и страшныхъ враговъ своихъ.

Не надо также забывать, что побѣды Русскихъ надъ Турками значительно способствовали болѣе и болѣе возраставшему вліянію Россіи на міръ Греческій, и что въ тоже время онѣ были приготовлены Поляками, которымъ въ отношеніи Турокъ много обязана вся Европа. Вѣдь было время, когда отъ Польши ожидали спасенія, какъ Славяне, такъ и Греки, подвластные Турціи; только разность вѣръ, еще болѣе дѣйствія езуитовъ и религіозная нетерпимость заставили ихъ окончательно поселиться на одну Россію¹.

1. Вотъ что писалъ королю Владиславу IV посланникъ Польскій, Мясковскій, при дворѣ Цареградскомъ въ 1644 г. «Wspomnij sobie Chocim i Osmana; sam was tam Bóg obronił i zima. Pokąd tedy *defensive* tylko w domach, opłotkach, bronić się im będziemy, pokąd prosić, skarżyć, okupować się im nie przestaniemy, a w gniaździe ich samém, za Perekopem nie namacamy i drogą ciężką do nich, którą oni do nas, nie trafimy, dotąd u wszystkiego pogaństwa i świata *ludibrio* będziemy. Таисибы были Турцы snadni, a mogą *mole sua ruere* за ладą odmianą i śmiercią cesarską. Darliby sobie Tatarowie oczy z nimi, a możniejsi, zwłaszcza Azjatscy paszowie, rwaliby *imperium* między się, a my tu po Dunaj, i za Dunaj, o co Multani wierni, Raguszowie, Bulgaria, Macedonia, którym Турцы przybrać munsztuku nie mogą, Pana Boga proszą. Нуż такъ wiele więźniów naszych, których w Konstantynopolu, na galerach i w Tracii na 150,000 samіż Турцы kładą i wiadomi Grecy, ciężko wszyscy wzdychają do nieba, żeby którego pana chrześciańskiego, a mianowicie króla JMCi Polskiego, nad Dunajem, ztamtąd na stolicy wschodniej victorem et triumphatorem ujrzeli.» (Zbiór pamiętn. o dawnej Polsce, przez Niemcewicza. V. 78—79). Мораванинъ Пешина такъ писалъ въ 1663 г., обращаясь къ Полякамъ: «Agite ergo, et depositis cum Moschis discordiis, si non abjectis, saltem intermissis, nos in communi hoste communibus viribus propulsando juvate. — Quo facto etiam Moschorum Imperator a nobis in societatem armorum eo facilius allicietur, qui si cum valido gentis suae exercitu bellum Turcis intulerit, ad recuperanda ea loca circa Tanaim et Maeotidem, quae aliquando amisit, multum profecto rebus Turcicis obesse, nobis vero prodesse poterit. — Etsi nulla sit consilii ratio, nonne vos satis movere, vestrosque animos sollicitare debeat miserabilis aspectus vicinorum populorum, ut ὁμογλώττων fratrum ac gentilium vestrorum, Slavorum, Croatarum, Moravorum, Silesiorum, Bohemorum etc. an pudorem vobis non excitent tot in dies caedes, tot vincula et fumantia late incendia villarum, ultorem eo ipso poscentia? crudeles estis, si non succurritis: impii, si nos veluti piacula quaedam hosti dilacerandos sinitis, aliudque nihil animus omnari poterit, quam quod jam certo immineat illud inevitabile fatum, ut juxta sermonem Domini apud Ezechiel: *Magog sit Princeps Capitis Mosoch*; Princeps scilicet (o Dii meliora!) universae Henetae seu Slavonicae gentis: de qua jam ante quadraginta circiter populos sub jugum misit». (Ucalegon. p. 149—150). Въ 1674 г. Юрій Трубецкой, изъ Кіева, доносилъ царю Алексѣю Михайловичу, что одинъ Кіевскій мѣщанинъ, торговый человекъ, воротаясь изъ земли цесарской, изъ города Шлен-

Точно также пригодились намъ побѣды надъ Турками войскъ цесарскихъ, т. е. нашихъ же соплеменниковъ. Наконецъ во всѣхъ позднѣйшихъ дѣлахъ Русскихъ съ Турками всегда участвовали и соплеменники наши, Славяне, напр. въ Мореѣ (Морск. Сб. 1849. С. 654), на островахъ Ионическихъ (М. Сб. 1855. № 5. С. 166) и проч.

Какъ бы ни были слабы и ничтожны предъидущія замѣ-

ска, рассказывалъ про Яна Собѣскаго: «А зъ Глипянаго поля королевское величество пойдетъ къ Волоской землѣ вскорѣ на Турковъ войною, потому: присылали къ королевскому величеству изъ Волоской и изъ Мутьянской земли владѣтели, чтобъ онъ, королевское величество, съ войски своими шелъ къ Волоской землѣ въскорѣ; а какъ онъ къ Волоской землѣ пришедеъ, и они де Волохи и Мутьяне и Сербы все королевскому величеству поддадутся, и пойдутъ на Турковъ войною, за одно съ Поляки; потому что имъ Волохомъ и Мутьяномъ и Сербомъ отъ Турковъ великая налога». (Симб. Сборникъ. 1845. — Малор. Дѣла 1673—74 г. № 17. С. 17—18). Въ томъ же 1674 г. 30 сент. воротился изъ Волошской земли, изъ города Яссы, одинъ Кіевскій мѣщанинъ и сказывалъ: «А Волохи де и Мутьяне и Греки и Сербы молятъ Бога безпрестанно, чтобъ великаго государя ратные люди или Поляки пришли къ Волоской землѣ на Турковъ войною; а какъ придутъ, и они великаго государя ратнымъ людямъ и съ Поляки учнутъ помочь чинить, и пойдутъ на Турковъ войною за одно; потому что имъ отъ Турковъ великая налога» (ib. № 23. С. 23). Вернувшійся изъ Царьграда Грекъ, Янъ Павловъ, Кіевскій житель, рассказывалъ (1674. Май): «А какъ де онъ былъ въ Турской землѣ, и въ то время былъ слухъ, что великій государь со всѣми своими войски пришелъ въ Кіевъ и хочетъ итти войною въ Турскую землю, и въ то де время Турки гораздо того боялись, а Волохи и Сербы и Греки и Мутьяне и Арбапаци Булгаре молятъ Бога безпрестанно, чтобъ вел. госуд. ратные люди пришли къ Волоской землѣ; а какъ придутъ и они де все будутъ у вел. госуд. въ подданствѣ и пойдутъ войною съ Русскими людьми за одно на Турковъ» (ib. С. 157). Русскій посолъ въ Польшѣ еще въ 1673 г. не разъ писалъ Московскому двору о необходимости итти на Турокъ. «Тяпкинь увѣдомлялъ, — говоритъ А. Н. Поповъ, — что къ нему постоянно приходятъ «Волошскіе и Мутьянскіе великіе люди» и просятъ уговорить царя воевать съ Турками безъ опасенія. Они боятся Россіи, знаютъ, что мы сейчасъ же отъ нихъ отложимся и соединимся съ нею, какъ единовѣрцы. Самыя Польскія области православнаго исповѣданія охотно соединятся съ нами, продолжаетъ Тяпкинь, ибо Поляки сильно преслѣдуютъ ихъ вѣру Протестантовъ и кальвинистовъ не смѣютъ трогать, потому что за нихъ стоятъ Бранденбургскій курфирстъ и Шведскій король; еслибъ царь заступился за православныхъ въ договорахъ съ Польшею! Нечего бояться Турецкихъ замысловъ и ухищреній другихъ государствъ: съ помощью Божьею надо, не теряя времени, ударить на Крымъ; время таково, что, кажется, Богъ споспѣшествуетъ новому государю покорить подъ ноги его всѣхъ враговъ и супостатовъ. Слѣдуетъ испытать государю перваго счастья, объ этомъ умоляютъ все православные народы, находящіяся подъ игомъ мусульманскимъ и не менѣе тяжелымъ Латин-

чанія наши, однако онѣ весьма достаточны для того, чтобы обличить не только возможность, но и важность и необходимость вопроса — какое вліяніе Славяне, столько получившіе отъ міра Греческаго, имѣли на него въ свою очередь?

Безъ предварительныхъ подробныхъ изысканій умъ строгій и безпристрастный никогда не рѣшится въ настоящее время утверждать, что это вліяніе было слабо, ничтожно, хотя такое

скимъ; вопіють къ Господу, чтобы православнаго монарха послалъ имъ на избавленіе». (Русское посольство въ Польшѣ въ 1673—1677 годахъ. Соч. А. Попова. Спб. 1854. С. 196). Имѣя въ виду читателей, которымъ большая часть Русскихъ книгъ и сочиненій мало доступна, я рѣшаюсь еще на слѣдующую выписку, близко касающуюся этого же предмета. Во Времянникѣ № 2 была напечатана любопытная «Скаска Самойла Пунверецкаго Концеляриста Войсковаго» 1693 г. Его слова о Туркахъ служатъ новымъ подтвержденіемъ, что еще въ XVII стол. Россія была грозна для Турокъ, сама сознавала это, и уже въ то время имѣла великое вліяніе на православное населеніе Турціи. «Турская власть, — говоритъ Самойло, — зѣло дешева стала, что и хану противъ прежняго ни въ какомъ дѣлѣ не могутъ повелѣвать; а свидѣтельство тому то: писалъ нынѣ ханъ къ Мултянскому государю, чтобъ онъ сверхъ прежнихъ дачъ далъ многіе тысячи левковъ, и государь писалъ къ везиру о такой большой дачѣ, и везиръ противъ того письма ничего не сказалъ, только плечми сжалъ Да и везира нынѣшняго мало любятъ и на самого султана Ахмета наступаютъ здоровье, для того и изъ Царяграда никуда не выходитъ. Разбои великіе востали, что не токмо великихъ людей побиваютъ на дорогѣ, но и на села наѣзжаютъ, а смирить ихъ некому, для того что власть Турская издешевѣла». Далѣе говоритъ онъ: «Сами Турки угадываютъ, что послѣднее время государству и что держало ихъ по се время смотрѣніе Божіе, что православныхъ царей рати нейдутъ и надежду одну ищутъ на Татарскую силу, которая кой бы часъ за наступленіемъ войскъ царскаго величества была принуждена, то тотъ часъ разбѣгутся. А сами Турки и Татары говорятъ самое время способное нашей погибели и паденью государства. Самъ Богъ сердце отвращаетъ, что царскихъ и казацкихъ силъ нѣтъ, объ которыхъ если только услышатъ, тотчасъ всѣ разбѣгутся». — «Турки всю надежду свою при послѣдней бѣдѣ своей на Татаръ полагаютъ, хотя и Татары зѣло мѣшаются и многіе христіане говорятъ, что имъ послѣдняя кончина пришла бы, если бы войска ихъ царскаго пресвѣтлаго величества Московскія и Казацкія хотя только поднялись, и Днѣпръ очистили, разоривъ Турскіе городки, и Буджакъ толькобъ разорили, что зѣло не трудно есть учинити; тотчасъ бы нѣскольکو десять тысячъ слышна о Казацкихъ войскахъ Мултяне, Сербы и Болгары, чающіе со усердіемъ подъему великихъ государей войскъ въ тѣ страны пришествія, приближилибъ ся и соединили б на Турчовъ, которымъ учинилибъ замѣшаніе, понеже тамошніе христіане зѣло Господа Бога о томъ молятъ и свою надежду на нихъ великихъ государей полагаютъ, и за ихъ царское пресвѣтлое величество вси единомышленно и слезно Господа Бога молятъ, не имѣя по Господѣ Бозѣ и Пречистой его Матери ниога упованія, надежды и заступленія отъ насилія бусурманскаго».

предположеніе повидимому могло бы быть совершенно оправдано современнымъ состояніемъ литературы одного изъ замѣчательнѣйшихъ нынѣ представителей племени Славянскаго. Литература народа есть выраженіе лучшихъ его стремленій и сочувствій, высшій представитель его подвиговъ.

Имѣеть ли Русская литература какое-нибудь вліяніе на Грековъ? — Вопросъ этотъ просто страненъ и дикъ, такъ какъ съ одной стороны почти ни одна Русская книга не проникаетъ къ Грекамъ, столько намъ сочувствующимъ, а съ другой стороны современная литература наша (мы не разумѣемъ здѣсь духовныхъ нашихъ писателей) не представляетъ почти ничего или очень мало сочиненій и даже статей. хотя напр. о современной Греціи, ея матерьяльномъ, политическомъ, умственномъ и нравственномъ состояніи, тогда какъ напр. о Бельгіи мы имѣемъ уже нѣсколько дѣльныхъ трактатовъ. Мудрому направленію Бельгіи нельзя не сочувствовать, и намъ долго еще придется учиться отъ нея. и даже быть можетъ всегда, какъ учатся у нея понынѣ нѣкоторымъ предметамъ народы, далеко и насъ и ее опередившіе въ цивилизаціи, напр. Англія. Просвѣщеніе приводитъ народы въ болѣе и болѣе дружное общеніе, не насилуя въ то же время ихъ самостоятельности. А общеніе народовъ предполагаетъ постоянный обмѣнъ плодовъ производительности народной, отъ простыхъ мѣханическихъ издѣлій до высочайшихъ созданій искусства и до глубочайшихъ открытій въ наукахъ. Пишущій эти строки всегда съ искреннею радостью встрѣчаетъ всякое дѣльное сочиненіе о Бельгіи и т. п. краяхъ, и постоянно желаетъ, чтобы такихъ трудовъ появлялось въ нашей молодой литературѣ, какъ можно болѣе и чаще; но съ тѣмъ вмѣстѣ онъ не можетъ не изъявить самага глубокаго и столь же искренняго сожалѣнія, которое, онъ увѣренъ, раздѣлитъ съ нимъ всякой просвѣщенный человекъ, — сожалѣнія о томъ, что Русская литература не можетъ представить ничего, подобнаго предъидущимъ трактатамъ, о современномъ мірѣ Греческомъ. А между тѣмъ возьмите хоть одно королевство Греческое: успѣхи совершенные имъ въ послѣднее время, какъ въ отношеніи экономическомъ, такъ и умственномъ, по истинѣ изумительные и заслуживаютъ глубокаго вниманія

всякаго, имѣющаго притязаніе на прозваніе Европейца. Взгляните на карту, представьте себѣ географическое положеніе Греціи, вникните въ стремленія острововъ, даже Іоническихъ, обсудите внимательнѣе современное состояніе Оттоманской Порты, и вы лучше насъ поймете, что Греціи предстоитъ будущее несравненно болѣе блистательное, чѣмъ напр. Бельгіи. Если уже пробудился въ насъ интересъ къ Бельгіи, то не пробудится ли въ насъ несравненно сильнѣйшая симпатія къ Греціи? Ранѣе или поздно она проявится должна, и тѣмъ скорѣе, чѣмъ быстрѣе станетъ распространяться у насъ просвѣщеніе и чѣмъ болѣе литература наша станетъ принимать характеръ дѣльности и оригинальности.

Но симпатія эта давно уже существуетъ, симпатія крѣпкая, взаимная, что ведетъ себя очень издавна и что запечатлѣна кровью съ обѣихъ сторонъ.

Хотя отрицать ея нѣтъ возможности и ни одинъ благомыслящій человекъ и не рѣшится, однако все-таки могутъ сказать: «если бы она существовала, то оставила бы по себѣ слѣды въ литературѣ Русской; такъ какъ всякая литература есть выраженіе лучшихъ стремленій народа, и т. д., какъ вы сами же выразились».

Теперь я не стану говорить, что слѣды эти есть и весьма ясные, а спрошу только — отвѣчаетъ ли когда идеаль дѣйствительности, наше же опредѣленіе литературы есть ея представленіе идеальное, мысль о ней, какою она должна быть, а не какою она есть въ дѣйствительности. Опредѣленіе это вообще идетъ ко всякой литературѣ, но въ частности къ одной литературѣ оно примѣнимо болѣе, нежели къ другой.

Сказать, что Русская литература вполне выражаетъ Русскій народъ, значитъ подписать смертный приговоръ не только всему его прошедшему, но и всей ея будущности, такъ какъ она не проявила и не обнаружила еще многихъ сторонъ народа Русскаго.

Въ противномъ случаѣ надо утверждать, что мы, Русскіе, не нуждаемся въ изученіи своей исторіи, что мы достигли полнаго самосознанія.

Наконецъ Русская литература развивалась, какъ извѣстно, далеко не такъ свободно, легко и правильно, какъ развивается

всякой бодрый, здоровый организм, въ которомъ жизнь бьетъ и играетъ весело и безпрепятственно. Ея ростъ, какъ и всего Русскаго государства, нерѣдко принималъ направленіе одностороннее. Налегая на однѣ стороны, мы часто пренебрегали другими, не менѣе почтенными и достойными развитія. Недостатокъ или даже отсутствіе въ Русской литературѣ болѣе или менѣ замѣчательныхъ сочиненій, которыя бы знакомили насъ съ современнымъ состояніемъ міра Греческаго, ни коимъ образомъ не свидѣтельствуетъ о недостаткѣ и тѣмъ менѣ отсутствіи сочувствія Россіи къ своимъ единовѣрцамъ. Надо при этомъ вспомнить, что огромная масса Русскаго народа, которая и поддерживаетъ эту давнишнюю симпатію, еще къ сожалѣнію не имѣетъ своей литературы, а тотъ небольшой классъ, для котораго единственно она по недавнее время существовала, по большей части знакомъ съ литературами иностранными. Большую бы услугу оказалъ наукѣ тотъ, кто бы собралъ и разобралъ все, что было писано у насъ о новыхъ Грекахъ; не мало напр. вышло въ свое время однихъ стихотвореній, привѣтствовавшихъ ихъ возстаніе, учебниковъ словарныхъ, грамматическихъ. Наконецъ не слѣдуетъ терять изъ виду и дѣйствій филеллиновъ въ Россіи: стоитъ только вспомнить Каподистрию, Александра Ипсиланти, братьевъ Зосимъ, служившихъ въ Россіи и имѣвшихъ между Русскими своихъ друзей, на которыхъ въ свою очередь они не могли не имѣть нѣкотораго вліянія.

Къ изученію современнаго міра Греческаго насъ приводитъ не одно чувство любознательности; оно вызывается необходимостью уяснить себѣ нашу собственную исторію, такъ какъ она тѣсно связана и переплетается съ исторіею міра Греческаго, съ древнѣйшаго до настоящаго времени включительно.

Слѣдовательно мало сказать, что съ большимъ распространеніемъ просвѣщенія въ Россіи и Русская литература обогатится замѣчательными произведеніями о мірѣ Греческомъ. Нѣтъ, это обогащеніе тѣсно зависитъ отъ успѣховъ нашихъ въ нашей собственной исторіи.

Нѣтъ сомнѣнія, что тогда и Греки живо сознаютъ необходимость изученія Русскаго языка и знакомства съ Русскою литературою, въ которой они тогда много могутъ найти для себя

важнаго. Распространенію Русскаго языка на Западѣ, кромѣ нашей собственной вины, нашей малой производительности, долго еще будутъ мѣшать старые предразсудки, отъ которыхъ не легко отвыкать никому. «Какъ въ самомъ дѣлѣ стать изучать языкъ этихъ Русскихъ, этихъ Московитовъ и Козаковъ, которыхъ отцы наши такъ недавно еще величали варварами и полудикарями, которые еще на нашей памяти за великую честь себѣ поставляли услышать отъ насъ, что они много на насъ и мало на себя похожи».

Распространеніе Русскаго языка въ Грекахъ не можетъ встрѣтить такого препятствія, такъ какъ давнишнее ихъ сочувствіе къ намъ само идетъ на встрѣчу умственному и литературному общенію нашему съ ними. А вѣдь потребность въ немъ уже становится для насъ весьма ощутительною, возрастаетъ съ неудержимою силою, съ каждымъ нашимъ шагомъ впередъ въ изученіи и постиженіи нашего прошедшаго, настоящаго и будущаго, въ нашемъ самосознаніи.

Изученіе міра Греческаго (новаго съ IV в.) важно для Россіи въ тройкомъ отношеніи.

Греческое вліяніе на насъ Славянъ вообще было громадное. Изученіе и опредѣленіе въ нашемъ быту и образованности стихій Греческой уже вмѣняютъ намъ въ обязанность основательное и всестороннее изученіе міра Греческаго.

Оно вызывается въ то же время и другимъ требованіемъ, законнымъ и необходимымъ, особенно съ тѣхъ поръ, какъ совершилось тѣсное соприкосновеніе Россіи съ Западною образованностію, — требованіемъ нашимъ ясно понять и уразумѣть міръ Западно-Европейскій, что невозможно безъ самостоятельнаго изученія его исторіи, его прошедшаго, а этотъ Западъ, этотъ міръ Романо-Германскій, весьма многое заимствовалъ отъ Византіи, весьма многимъ ей обязанъ. При всей своей неприязни къ ней, при всей своей нетерпимости, онъ самъ признавалъ ея превосходство предъ собою во многихъ отношеніяхъ. Одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ представителей своего времени (XV в.), строгій приверженецъ католицизма и далеко не безпристрастный къ иновѣрцамъ, Эней Сильвій Пикколомини, бывшій на престолѣ папскомъ подъ именемъ Пія II, такъ говорилъ о

Царсградъ половины XV в.: «Manserat Constantinopolis ad nostrum usque tempus vetustae sapientiae monumentum, litterarum domicilium et arx philosophiae. Nemo Latinorum satis doctus haberi poterat, nisi Constantinopoli aliquamdiu in litteris vixisset. Quod florente Roma doctrinarum nomen habuerunt Athenae, id nostra tempestate Constantinopolis obtinebat» (Epist. 162), т. е. «Константинополь до нашего времени оставался памятникомъ древней мудрости, жилищемъ наукъ и словесности, твердынею философіи. Никто изъ Латинцевъ не могъ быть достаточно образованъ, если нѣкоторое время не прожилъ въ Константинополь, въ занятіяхъ словесностью. Что для наукъ въ цвѣтущее состояніе Рима были Аѳины, то въ наше время былъ Константинополь». Кажется ясно, что безъ основательнаго знакомства съ образованностью Византійскою, намъ не понять вполнѣ образованности Романо-Германскаго міра. Послѣ же Петра Великаго, послѣ же того тѣснаго сопроникновенія Россіи съ Европою Западною, основательное и многостороннее изученіе ея исторіи стало одною изъ настоятельныхъ потребностей нашихъ.

Стремясь къ самосознанію возможно-полному, мы Русскіе въ изученіи Россіи и вообще міра Славянскаго, не можемъ не обращать самага строгаго вниманія не только на то, что получили Славяне отъ другихъ народовъ, но и на то, что въ свою очередь они принесли и дали другимъ народамъ. Важный, какъ мы видѣли, вопросъ о томъ, какое вліяніе имѣли Славяне на Грековъ, вступая въ ряды занимательнѣйшихъ вопросовъ отечественной науки, въ то же время для своего разрѣшенія настойчиво требуетъ основательнаго и многосторонняго изученія міра Греческаго.

Чтобы выразиться, какъ можно сжатѣе, слѣдуетъ сказать, что *Россія вынуждена къ необходимости основательнаго и многосторонняго изученія міра Греческаго для возможно-полнаго и удовлетворительнаго рѣшенія въ высшей степени важныхъ и необходимыхъ для ея самосознанія вопросовъ: 1) о вліяніи Грековъ на Россію, 2) о вліяніи Россіи на Грековъ, 3) о вліяніи Грековъ (Византін) на Западную Европу, исторію которой Россія, столько ей обязанная, должна изучать основательно и многосторонно.*

Само собою разумѣется, что эти три общіе вопроса расна-

даются въ свою очередь на безчисленное множество частныхъ вопросовъ, весьма важныхъ и требующихъ для своего рѣшенія трудовъ самыхъ разнообразныхъ. Эта благодарная почва, вообще обработанная мало, манитъ къ себѣ Русскихъ ученыхъ едва ли не всѣхъ специальностей, богослововъ и философовъ, математиковъ и натуралистовъ, филологовъ и этнографовъ, историковъ и юристовъ, художниковъ и археологовъ.

Предпринимая какой-нибудь трудъ, будетъ ли то отдѣльное лицо или цѣлое общество, необходимо ему прежде всего ясно поставить вопросъ, сознать тѣ непремѣнныя условія, которыя благопріятствуютъ добросовѣстному и основательному его рѣшенію, и наконецъ по возможности точнѣе вычислить тѣ выгоды, которыя сами собою придутъ отъ подъятыхъ усилій. Последнее нужно по многимъ отношеніямъ: 1) для повѣрки важности вопроса, которая измѣряется результатами подъятыхъ для его рѣшенія усилій. Вопросами пустыми и праздными заниматься не слѣдуетъ. 2) Для заинтересованія отдѣльныхъ лицъ и цѣлыхъ обществъ, прямо и непосредственно въ трудъ нашемъ не участвующихъ. Весьма часто бываетъ, что люди своимъ равнодушіемъ и даже прямымъ противодѣйствіемъ задерживаютъ ходъ того или другаго дѣла, только потому, что, по незнацію его, они имѣютъ самыя темныя понятія о его результатахъ; и если вы имъ облегчите ихъ поиманіе, то они сами же станутъ всѣми зависящими отъ себя средствами такъ или иначе помогать вамъ. Такимъ образомъ увеличится сумма условій, благопріятныхъ для успешнаго рѣшенія вопроса. 3) Для сближенія съ тѣми лицами и обществами, которыя совершенно независимымъ путемъ въ трудахъ своихъ идутъ къ тѣмъ же результатамъ и пр.

Оговорившись такимъ образомъ, пишушій эти строки позволяетъ себѣ въ заключеніе поставить на видъ читателю нѣсколько мыслей и предположеній, осуществленіе которыхъ могло бы, по его мнѣнію, подвинуть впередъ — изученіе въ Россіи міра Греческаго, не осталось бы безъ благихъ послѣдствій на распространеніе Русскаго языка внѣ предѣловъ Россіи.

Вникая въ три вышеприведенные вопроса, мы приходимъ къ

тому заключенію, что многостороннее изученіе міра Славянскаго есть непремѣнное условіе удовлетворительнаго ихъ рѣшенія.

О вліяніи Грековъ на Россію. При семъ нельзя забывать, что стихія Византійская пропикала къ намъ отчасти черезъ нашихъ соплеменниковъ, что людямъ, не имѣющимъ понятія о мірѣ Славянскомъ, многое можетъ казаться и дѣйствительно кажется въ Россіи чужимъ, Византійскимъ, Греческимъ то, что между тѣмъ есть обще-Славянское, а также и наоборотъ.

О вліяніи Византіи на западную Европу. Вопросъ этотъ приводитъ къ необходимости аналитическаго разложенія — Византійской образованности, Романо-Германской образованности. Та и другая имѣли огромное вліяніе на Россію.

Западная же образованность проникала къ намъ отчасти черезъ Западныхъ нашихъ соплеменниковъ, которые, будучи отъ насъ оторваны разностию религіозныхъ убѣжденій, были однако соединены съ нами сознаниемъ общаго происхожденія, сходства въ языкѣ, нравахъ и обычаяхъ, на сколько то позволяла разность закона.

Наконецъ Славянская стихія въ Австріи, въ Венгрии и Венеціи, исторія Дубровника и вообще Далмаціи, исторія Чехіи и Польши блистательно доказываютъ, что Славяне не мало потрудились и внесли съ своей стороны въ образованность Западно-Европейскую.

Вспомните только имена Гуса, Иеронима Пражскаго, Жижки, Прокопа Великаго, Юрія Подѣбрадскаго, Матвѣя Корвина, Яна Собѣскаго, Яна Замойскаго, Господнетича, Дудича, Франковича, Радзивила, Ласкаго, Арцишевскаго, Кловію, Голара, Глука, Шопена, Листа, Коперника, Задужанскаго, Гетальди, Лейбница¹, Бошковича, Снядецкаго, Щуркини, Рокитанскаго, Шкоды, Чейки, Гаммерника, Бандури, Амоса Коменскаго, Мепинскаго, Бальбина, Антона, Катанчича, Шафарика, Лелевеля, Палацкаго, Скарбека, Воловскаго, Цѣшковскаго и мн. др.

Есть возможность не только предполагать, но и доказать, что стихія Византійская проникала въ западную Европу отчасти черезъ Славянъ.

1. Лейбницъ самъ сознавалъ свое Славянское происхожденіе. Kollar — Cestopis, str. 241—2.

О вліяніи Россіи на Грековъ. Это вліяніе было подготовлено нашими соплеменниками, безъ нихъ оно было бы невозможнымъ. До народа Русскаго другіе народы Славянскіе имѣли на Грековъ весьма сильное вліяніе. Побѣды Русскихъ надъ Турками, заставившія Грековъ видѣть въ Россіи свою избавительницу, были не только подготовлены побѣдами другихъ Славянъ, но и одержаны отчасти съ помощію сихъ послѣднихъ.

Итакъ успѣхи изученія міра Греческаго у насъ въ Россіи находятся въ самой тѣсной зависимости отъ успѣховъ изученія міра Славянскаго, т. е. отъ изученія Славянскихъ языковъ и литературъ въ Россіи и отъ умственного литературнаго общенія нашего со Славянами.

Не трудно усмотрѣть, что эти три вышеуказанные нами вопроса, заслуживая такого усиленнаго вниманія со стороны Русскихъ, въ то же время въ высшей степени важны и для современныхъ Грековъ. Ихъ литература и наука отечественной исторіи, движимыя народнымъ стремленіемъ къ самосознанію, не могутъ обходить вопросовъ объ отношеніяхъ Грековъ (новыхъ — съ IV в.) къ Западу, къ Россіи и вообще къ міру Славянскому.

Отсюда понятна для Русскихъ и Грековъ необходимость взаимнаго ихъ литературнаго общенія.

Въ высшей степени желательно и даже необходимо предпринять нѣсколько мѣръ, наиболѣе удобоисполнимыхъ и своевременныхъ для того, чтобы подвинуть въ Россіи изученіе міра Греческаго. Смѣю думать, что мѣры, предлагаемыя здѣсь ниже, способны облегчить достиженіе этой цѣли.

Прежде всего, какъ уже сказано, надобно желать, чтобы распространилось и облегчилось въ Россіи изученіе Славянскихъ языковъ и литературъ и какъ можно тѣснѣе завязалось умственное и литературное общеніе наше со Славянами. Въ зависимости отъ этого, смѣю думать, мѣры, необходимыя для успешнаго въ Россіи изученія міра Греческаго, своимъ ближайшимъ послѣдствіемъ будутъ имѣть для народа Русскаго обогащеніе его самосознанія и распространеніе его языка внѣ предѣловъ его отечества.

1) *Желательно было бы, чтобы въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ нашихъ снова введено было преподаваніе древняго Греческаго языка.*

Напрасно нѣкоторые думаютъ, что оно отнимаетъ понапрасну много времени, лишаетъ бодрого, практическаго взгляда на жизнь, не приноситъ никакой пользы для Россіи.

У насъ вообще пропадаетъ много времени даромъ, мы еще не научились дорожить этимъ капиталомъ, мало понимаемъ весь глубокой смыслъ поговорки богатаго практическимъ умомъ народа: время — деньги (time is money).

Вовсе не такъ трудно, какъ то нѣкоторымъ кажется, совмѣстить въ гимназическомъ курсѣ — преподаваніе наукъ естественныхъ съ преподаваніемъ древняго Греческаго языка.

Классическое образованіе не можетъ помѣшать никакой дѣятельности. Практической смыслъ Англичанина и банкирскія занятія не мѣшали Гроту начать и исполнить его великой исторической трудъ. Глубокія и продолжительныя занятія Омиромъ не мѣшали Гладстону занять почетное мѣсто въ ряду замѣчательнѣйшихъ государственныхъ людей Англій и быть однимъ изъ превосходнѣйшихъ знатоковъ финансоваго дѣла.

Пользу отечеству приносятъ не одни люди, занимающіеся промышленностью или торговлею. Полезность не всегда измѣряется аршинами и фунтами; иначе любой лавочникъ стоялъ бы выше Пушкина, Иванова, Глинки. Занятія искусствами трудъ въ высшей степени производительный; высокія созданія отечественнаго искусства — для всякаго народа богатство нетлѣнное, и Шекспиръ для Англій дороже многихъ ея фабрикъ и заводовъ. Слабое развитіе въ Русскомъ обществѣ истиннаго изящнаго вкуса, а въ Русской литературѣ здоровой эстетической критики, не только что оправдывается пренебреженіемъ нашимъ языка древне-Греческаго и его литературы, но едва ли не имѣетъ въ немъ одну изъ главнѣйшихъ причинъ. Забавно, право! толкуютъ о дѣльности, практичности взгляда и не знаютъ, что непремѣннымъ условіемъ просвѣщеннаго человека въ Англій составляетъ знакомство съ Греческимъ языкомъ и

его литературою въ странѣ, по преимуществу дѣловой и дѣльвой.

2) *Желательно, чтобы съ высшимъ образованіемъ соединялось знаніе ново-Греческаго языка и исторіи Греческой (съ IV в.).*

Знаніе ново-Греческаго — полезно для филолога, посвящающаго свои труды изученію языка древне-Греческаго и его литературы. Избѣгая многословія, укажу на Кораи; — полезно для филолога, занимающагося сравнительнымъ языкознаніемъ, которое бесплодно безъ знакомства съ исторіею языковъ; полезно для всѣхъ, имѣющихъ пужду въ Византіялахъ (подъ языкомъ ново-Греческимъ разумѣю здѣсь не одинъ народный, современный, но и такъ называемый средній). Съ непонимающими важности литературы Византійской — говорить въ этомъ отношеніи неудобно.

Изученіе Византійской исторіи никому такъ не важно и необходимо, какъ Русскимъ; то же самое должно сказать и объ изученіи судьбы Грековъ въ господство Турецкое, и до новѣйшаго времени. Обиліе предмета и содержанія и малая разработанность, особенно Византійской исторіи, отнимаютъ у профессоровъ такъ-называемой Всеобщей исторіи всякую возможность какъ знакомить своихъ слушателей съ исторіею Византійскою, такъ и самимъ основательно ознакомиться съ нею.

Безъ такихъ средствъ нельзя ожидать особенныхъ успѣховъ въ занятіяхъ Русскихъ ученыхъ — Византіею и вообще міромъ Греческимъ. Европейская наука, въ лицѣ лучшихъ своихъ представителей, давно уже призываетъ Россію выслать преемниковъ Бандури, Дюканжу и Тафелю. Насъ Русскихъ давно и, къ сожалѣнію, не несправедливо упрекаютъ иностранцы, говоря, что мы все выѣзжаемъ на фразахъ, а дѣла не дѣлаемъ. Долго ли этому продолжаться?

Предложенное выше не новость. Чтожь дѣлать, что часто о старомъ приводится говорить, какъ о новомъ. Давно ли въ Россіи заведены кафедры Славянскихъ языковъ и литературъ? Понинѣ большинство образованныхъ людей нашихъ мирится съ этимъ какъ бы нововведеніемъ старины (такъ какъ въ старину Русскій

образованный человекъ знакомъ бывалъ не только съ Польскимъ, но и съ Чешскимъ, Сербскимъ и Болгарскимъ языками) только потому, что эти каѳедры открыты и на Западѣ, въ Европѣ.

Распространеніе знанія языка и судебъ Византіи далеко бы подвинуло впередъ изученіе Русской и Славянской филологіи и исторіи, современное состояніе которыхъ еще далеко не блестящее. Въ короткое время оно бы доставило Россіи нѣсколькихъ дѣльныхъ специалистовъ, ученыхъ, которые бы своими трудами принесли отечеству много чести и пользы. Къ сожалѣнію мы все еще не можемъ отвыкнуть отъ дилетантизма, питающагося фразами, этого бесплоднаго и непроизводительнаго дилетантизма, что толкуеть о необходимости *жизни, идей*, и ничего не разумѣеть подъ этими словами, кромѣ фразъ, отсутствія критики и знаній. Мы ни мало не убѣждаемся въ тѣсной, неразрывной связи всѣхъ наукъ, отъ которой происходитъ, что успѣхи ихъ взаимно обусловливаются другъ другомъ.

3. *Необходимо умственное и литературное общеніе съ Греками.*

Истинно непростительно въ настоящее время, особенно по открытіи Русскаго общества торговли, совершенное отсутствіе въ Россіи книгъ и изданій Греческихъ, а въ Греціи книгъ и изданій Русскихъ.

Отсюда вредъ для обѣихъ сторонъ чрезвычайный. Желательно, чтобы общественныя библіотеки наши постоянно имѣли въ виду — обогащеніе и пополненіе отдѣленія ново-Греческой литературы. Въ Петербургѣ люди, специально занимающіеся этимъ предметомъ, не имѣютъ возможности достать себѣ книгъ самыхъ необходимыхъ. Безъ сомнѣнія, въ такомъ же положеніи находятся въ королевствѣ Греческомъ и на островахъ люди, знакомые съ языкомъ Русскимъ и интересующіеся единовѣрною Россіею. Газета «*le Nord*» еще не великій посредникъ. — Напомню читателю, что въ половинѣ XVIII стол., нашъ Барскій встрѣчалъ на островахъ Греческихъ людей, знакомыхъ съ языкомъ Русскимъ; что въ настоящее время въ Греціи переводятъ исторію Карамзина; что въ 30-хъ или 40-хъ

годахъ нынѣшняго столѣтія, на островѣ Халки, по указанію Греческаго іерарха Константина Типальдо, были изданы Славянская Грамматика для Грековъ, и Славянская Христоматія «съ дѣльнымъ предисловіемъ и словаремъ Славяно-Греческимъ». (Стурдза. Москвитянинъ).

Слѣдовало бы ученымъ обществамъ и заведеніямъ нашимъ обмѣнивать свои труды и изданія съ Греческими.

То же самое могли бы сдѣлать и журналисты наши, которые изученію міра Греческаго въ Россіи могли бы содѣйствовать и другими способами, напр. помѣщеніемъ переводныхъ и оригинальныхъ статей о народѣ Греческомъ, приглашеніемъ, хоть черезъ Русскихъ дипломатическихъ чиновниковъ, Греческихъ литераторовъ — писать въ ихъ журналы письма, статьи, которыя бы знакомили Русскихъ читателей съ современнымъ состояніемъ Грековъ, въ литературномъ, экономическомъ и политическомъ отношеніяхъ.

Осуществленіе этихъ предложеній нисколько не умалитъ, напротивъ возвыситъ внутреннее достоинство нашихъ журналовъ, и не уменьшитъ, а увеличитъ число ихъ подписчиковъ: читающая Россія плохо знаетъ, но къ чести своей, не гордится своимъ невѣдѣніемъ единовѣрныхъ своихъ братьевъ, столь къ намъ привязанныхъ и оказавшихъ намъ услуги громадныя, просвѣтившихъ Русь христіанствомъ, давшихъ ей и всему Славянскому міру великихъ учителей, св. первоучителей Кирилла и Меодія, — и затѣмъ, цѣлый рядъ достойныхъ наставниковъ, въ числѣ которыхъ всякому извѣстны незабвенныя имена Максима Грека, Лихуда, Паисія Лигарида, Булгара, Θεотоки, и проч.

Желательно также, чтобы и Русскіе писатели и ученые съ своей стороны посылали свои статьи въ журналы Греческіе, знакомя Грековъ съ литературнымъ и экономическимъ состояніемъ Россіи.

Главнѣйшимъ слѣдствіемъ такихъ мѣръ было бы распространеніе Русскаго языка между Греками.

Русская книжная торговля получить новый рынокъ, книжный товаръ увеличитъ свой сбытъ, который съ теченіемъ времени станетъ все болѣе и болѣе возрастать.

Не священная ли обязанность платить добромъ за добро? не въ правѣ ли будетъ потомство осыпать насъ презрительными упреками и насмѣшками, если мы не потрудимся и подумать объ исполненіи задачи, завѣщанной намъ предъидущими поколѣніями?

Не должно ли писателей Русскихъ томить стремленіе вносить и свою лепту въ образованность Греческую, подражать примѣру тѣхъ великихъ Грековъ, которымъ образованность Русская столько обязана?

Посылкою въ Грецію своихъ сочиненій, помѣщеніемъ статей своихъ въ Греческихъ журналахъ для ознакомленія ихъ читателей съ состояніемъ Русской литературы, указаніемъ Русскихъ книгъ, достойныхъ перевода на Греческій языкъ — они приготовили бы бывшимъ и *будущимъ* Державинымъ, Пушкинымъ, Гоголямъ, читателей въ отечествѣ! Софокла, Оукидида, Платона.

Желательно наконецъ развитіе въ Русскомъ обществѣ истинной любознательности и проявленіе ея въ жизни, напр: въ охотѣ и страсти къ путешествіямъ. Нельзя не сознаться, что вообще изустные и письменные рассказы Русскихъ образованныхъ людей объ ихъ путешествіяхъ, могутъ служить однимъ изъ яркихъ обличій того состоянія неразвитости, въ которомъ безмятежно почіетъ Русская мысль. Вялость, безцвѣтность и пошлость наблюденій, спорятъ о первенствѣ съ слабостью истинныхъ, плодотворныхъ знаній. Боязнь обмолвиться, рабское поклоненіе авторитету, безотчетные заказные восторги, которымъ не вѣришь, поклоненіе блеску и мишурѣ и совершенный индиферентизмъ не на словахъ, а на дѣлѣ, къ тому, что достойно уваженія, къ жизни, къ самостоятельной мысли и къ самобытному труду — вотъ почти всѣ отличительные признаки рассказовъ большинства нашихъ путешественниковъ о Европѣ.

Оттого то мы такъ и боимся ѣздить по тѣмъ странамъ, гдѣ путеводители плохи, гдѣ нѣтъ великолѣпныхъ гостинницъ; къ тѣмъ народамъ, о которыхъ авторитеты наши отзываются, по нѣкоторымъ предразсудкамъ, не совѣмъ доброжелательно. А между тѣмъ, эти земли для Русскаго особенно занимательны.

Избави насъ Богъ, отвергать пользу путешествій по западной Европѣ; намъ только кажется, что большая часть Русскихъ образованныхъ людей по нынѣ путешествуютъ, не томимые жаждою знанія, не тревожимые дерзкою, отважною пытливостью вѣчно работающей и незнающей покою мысли, а больше для разсѣянія, бѣжа скуки, нагнанной въ Россіи праздною, или безтолковою суетливостью. Что слова эти не несправедливы, доказывается тѣмъ, наприм., что Русскіе образованные люди почти никогда не отправляются напр. въ Славянскія земли, которыя, однако, заслуживаютъ благосклоннаго вниманія Русскихъ образованныхъ людей уже потому одному, что лежатъ въ Европѣ и совершенно имъ неизвѣстны.

Еслибъ въ Русскомъ обществѣ жила любознательность, то явилась бы и потребность пополнить столь замѣчательный пробѣлъ въ системѣ своихъ географическихъ свѣдѣній. Можно вполне быть Европейцемъ, и въ то же время путешествовать по землямъ Славянскимъ. Такъ Нѣмцы, Французы, Англичане, замѣтивъ въ системѣ своихъ географическихъ познаній большіе пробѣлы касательно внутренней Африки, непрестанно высылаютъ изъ среды своей неутомимыхъ и отважныхъ путешественниковъ, которые не перестаютъ обогащать науку своими открытіями и наблюденіями.

Нѣтъ сомнѣнія, съ пробужденіемъ въ Русскомъ обществѣ самодѣятельности и истинной любознательности, наши образованные люди въ своихъ путешествіяхъ, чаще и чаще станутъ посѣщать земли Греческія. Они безъ сомнѣнія завяжутъ и скрѣпятъ то умственное и литературное общеніе наше съ Греками, которое въ настоящее время становится одною изъ настоятельныхъ потребностей Русской литературы.

Путешествіе по Греціи, островамъ, М. Азіи — людей свѣдущихъ и ученыхъ, обѣщаетъ принести богатые плоды для Русской и Славянской науки, для Русскаго искусства, такъ какъ памятники Греческаго христіанскаго искусства изслѣдованы вообще недостаточно, а между-тѣмъ заслуживаютъ внимательнаго изученія, особенно со стороны Русскихъ. Трудно отказать отъ мысли, что въ монастыряхъ Греческихъ могутъ еще найтись весьма замѣчательные рукописные памятники, не

только Греческіе, но и Славянскіе¹. О важности этнографическаго путешествія по Мореѣ уже было сказано.

Все это, кажется, своевременно, удобоисполнимо и могло бы, смѣю думать, подвинуть въ Россіи изученіе новаго міра Греческаго (съ IV в.), которое ближайшимъ своимъ послѣдствіемъ будетъ имѣть для народа Русскаго обогащеніе его самосознанія и распространеніе Русскаго языка внѣ предѣловъ отечества.

1. Славный ученый Хорватскій Кукулевичъ-Сакцинскій въ 1856 г. нашелъ въ Корфу не только нѣсколько Русскихъ, но и одну небольшую Славянскую рукопись Сербскаго письма, гдѣ между прочимъ помѣщено «Житіе князя Лазаря». Кукулевичъ справедливо при семъ замѣтилъ, что весьма желательны поиски Славянскихъ ученыхъ въ монастыряхъ и бібліотекахъ Греческихъ, гдѣ могутъ быть найдены памятники Славянской письменности, такъ какъ Славяне во всѣ времена, по причинѣ единовѣрія и торговли, находились съ Греками въ самыхъ тѣсныхъ связяхъ (Архив за Povestn. Jugosl. IV. 347).

III.

Много важныхъ замѣчаній по вопросамъ о древности Русской сдѣлано въ книгѣ Академика А. А. Куника, изслѣдователя, почтеннаго по своему трудолюбію и учености (*Berufung d. schwed. Rodsen durch die Finnen u. Slawen*). Вообще уважая его ученые труды, позволяю себѣ высказать по поводу этой книги нѣсколько недоразумѣній и сомнѣній своихъ, въ скромной увѣренности, что они не недостойны вниманія нашихъ изслѣдователей Русской исторіи.

Вопросъ о Варягахъ Руси по крайности въ главныхъ его чертахъ въ настоящее время нельзя не считать рѣшеннымъ; теперь остается только освѣтить нѣсколько темныхъ мѣстъ, объяснить нѣкоторыя частности, подробности и мелочи, которыми истинный ученый никогда не пренебрегаетъ, вѣроятно изъ убѣжденія, заставляющаго его раздѣлять ту извѣстную мысль, что нерѣдко самая незначительная малость ведетъ къ большимъ послѣдствіямъ. Честь и слава Германіи, великій умъ XIX вѣка Александръ Гумбольдтъ не былъ кажется несправедливъ, выразившись: *nous ignorons beaucoup des choses que nous sommes flattés longtems de savoir avec exactitude*. Конечно, слова эти примѣнимы не къ одной области естествознанія. Каждый ученый въ стремленіи къ полнотѣ и ясности знаній не можетъ не одобрять ихъ и потому не пугается никакихъ мелкихъ подробностей. Прошу читателя вѣрить, что мною руководитъ желаніе истины, а не какая-то нелюбовь или зависть къ Нѣмцамъ, на которой пора бы ужъ перестать играть, тѣмъ болѣе, что диверсіи эти поняты и потому ожидаемаго успѣха никому доставить не могутъ.

Jo parlo per ver dire,

Non per odio d'altrui nè per disprezzo.

Ни мало не сомнѣваюсь въ томъ, что недоразумѣнія и замѣчанія эти, буде онѣ несправедливы и неосновательны, побѣдоносно будутъ разсѣяны и опровергнуты почтеннымъ Академикомъ, и тѣмъ доставятъ ему случай оказать новую услугу наукъ.

I. Слово *Русь*, какъ кажется намъ, своею формою еще не обличаетъ своего Финскаго происхожденія отъ *Ruossi*, *Ruotsi*, *Ruohiti* и пр.

Собственныя имена, обозначающія и землю и народъ и оканчивающіяся на *ь*, не все Финскія: есть межъ нихъ и Греческое, и Финскія, и Литовскія и Славянскія: напр. *Скифь*, *Яль*, *Сумь*, *Либь*, *Весь*, *Перль*, *Водь*, *Черемись*, *Голядь*, *Корсь*, *Жмудь*, *Чудь*, *Серебрь*, *Вольнь* и *Вельнь*.

Всякой народъ, при заимствованіи чужихъ словъ, сообразуется всегда съ законами своего языка, отливаетъ ихъ въ свои формы, уже на лицѣ имѣющіяся, а не создаетъ для нихъ новыя, до того небывалыя, что уже случается въ періодъ ослабленія творчества языка, въ періодъ образованности, и то съ высшими классами, близко знакомыми съ языками иностранными.

Формы *Либь*, *Весь*, *Яль* образовались по аналогіи формъ *Серебрь*, *Вольнь*, а не наоборотъ.

Формы *Жмудь*, *Корсь*, *Скифь* образовались не по примѣру *Либь*, а по образцу *Вольнь*, *Серебрь*.

Слово *Чудь* хотя и обозначаетъ народовъ Финскихъ, однако есть уже Славянское слово *щудь* — исполинъ, или Русское — *чудь*. Форма *Чудь* чисто Славянская, Русская, подобно весьма многимъ другимъ словамъ: *аль*, *яздрь* (поздря), *янь*, *ель*, *барь*, *баснь*, *бирь*, *блажь*, *близь*, *боль*, *борь*, *бъль*, *быль*, *варь*, *весь*, *видь*, *вить*, *висть*, *въсть*, *васнь*, *владь* (волосы на головѣ), *власть*, *высь*, *суводь*, *заводь*, *гладь*, *глубь*, *глушь*, *дань*, *дебрь*, *день* (днѣж), *даль*, *дичь*, *длань*, *дрянь*, *дробь*, *дражь*, *даль* (въ), *дурь*, *жить*, *жизнь*, *жердь*, *желчь*, *желть*, *жаль*, *желъдь*, *знать*, *кадь*, *копь*, *кось*, *кривь*, *круть*, *кручь*, *лоть*, *мазь*, *мисть*, *мовь*, *молодь*, *мочь*, *муть*, *нехристь*, *новь*, *низь*, *парь*, *плавь*, *плеть*, *печаль*, *прить*,

рать, рысь, рябь, сласть, старь, суть, сть, таль, тонь, чидь и челядь, чернь, чушь, ширь, щель и пр. и пр.

Имена собственные суть тѣже нарицательныя и подлежатъ тѣмъ же законамъ образования, что и послѣднія.

На основаніи формъ *Либь, Вель* и пр. утверждать, что слово *Русь* происхожденія Финскаго все одно, что на основаніи формъ *Мордва, Нарова, Татарва* утверждать Финское или Татарское происхожденіе словъ *Морава, Литва, Волхва*; или на основаніи словъ *пальто, манто, манежъ, шикъ* Французское происхожденіе словъ *долото, надежъ, крикъ* и пр.

«Либь, Сумь, Имь» заимствованы изъ Финскихъ *Liivi, Suomi, Häme*. Но Русскій народъ, заимствуя въ свой языкъ Финскія слова *Liivi, Suomi*, вылилъ ихъ въ формы *Либь, Сумь*, потому что форма на *ь* въ языкѣ его весьма употребительна, какъ напр. *мозь, новь, лоть* и пр. Не будь въ наличномъ запасѣ языка этихъ формъ, народъ, заимствуя слова *Liivi, Suomi*, далъ бы имъ другое окончаніе.

Русь имѣеть при себѣ формы *Русинь* и *Русичи* (сл. о П. Иг.), *Чудь — Чудинь, Серебь, Сербь* или *Сербъ — Сербинь*. Такимъ образомъ чисто Славянскія имена *Вятичи, Житичи, Нижичи, Лютичи* должны были имѣть, а конечно и имѣли при себѣ формы *Лють, Жить, Низь, Вять*: *Вятъко* съде съ родомъ своимъ по Оцѣ, отъ него же прозвашася *Вятичи*. *Вятъко — Вять*, какъ *Иванко, Семенко, Раждо* и пр.; *Вят* и *Вьт*, *вятъ* и *вьтъ*, какъ *лот, крут — лоть, круть* и пр.

Слово *Сербь* не выдуманное, не описка писца (Beruf. I, 63 ff.). Несправедливо, что она не была въ живомъ народномъ употребленіи — keines Gebrauches erfreut hat.

Изъ того, что нынѣ ни мы, ни Сербы слово *Серебь* или *Сербь* не употребляемъ, еще не слѣдуетъ, чтобы и прежде оно не было употребительно.

Форма *Серб* также можетъ и должна имѣть при себѣ форму *Сербь*, какъ формы *крут, глад, низ* и пр. имѣютъ при себѣ формы *гладь, круть* и пр. Форма *Сербинь* также требуетъ себѣ форму *Сербь*, какъ *Чудинь — Чудь*. Хотя слово *Сербь* теперь и

не употребительно, однако и теперь оно понятно и весьма живо рисуется каждому Русскому.

Многія имена женск. р. на *ь* имѣютъ собирательное значеніе, напр. *барь*, *варь* (толпа), *знать*, *владь* (волосы на головѣ), *гниль*, *голь*, *моль*, *дичь*, *дрянь*, *дурь*, *чирь* (Бѣломорская рыба, и во мн. ч.), *нехристь*, *молодь*, *падаль*, *погань*, *пыль*, *тварь*, *жить* (да подвижиться земная *жить* страхомъ (Григ. Бог. XI в.), *жизнь* въ древн.), *сволочь*, *зелень*, *братрь* (древне-Чешск. *wsiu bratr*), *шеѣ*, *таль*, *чернь*, *шваль*, *чадь* и *челядь*. Форма эта доселѣ не утратила своей живучести и въ живой одушевленной бесѣдѣ Русскихъ людей перѣдко создаются новыя слова съ этой формой.

Имена *Чудь*, *Сербы*, *Русь*, *Ливь* *Корсь* также имѣютъ значеніе собирательное, обозначаютъ и страну и народъ. Обозначеніе однимъ и тѣмъ же именемъ и земли и народа, на ней живущаго, весьма понятно, основано на смѣшеніи содержащаго съ содержимымъ, и потому весьма обыкновенно во всѣхъ языкахъ. Такъ *земля Лядская*, *земля Половецкая* перѣдко стоятъ вм. *Ляховъ*, *Половцевъ*, въ нашихъ лѣтописяхъ, также и въ Сербскихъ (изд. Шафар. Рат.) напр. «*плѣня болгарскоу землю*», и «*плѣни.... сръбми*», «*оуби Михаила и приими Българе*» — «*плѣни оугръскоу землю*». А *языкъ*, народъ вм. земли: напр. «*бѣше въ фильсциъ езыциъ доубъ велеи*» (Пан. Жит. Св. Кир.). Сравни: *первый классъ*: и *залъ* и *школьники*; *Семеновскій полкъ* и мѣсто и *солдаты*.

Изъ того, что *Балтійскіе Финны* съ незапамятныхъ временъ употребляютъ мѣстныя имена въ значеніяхъ географическомъ и этнографическомъ (напр. *Suomi* и Финны и Финляндія), еще вовсе не слѣдуетъ, что слово *Русь* происхожденія Финскаго. Всѣ Славяне и Русскіе и Сербы и Чехи и Поляки употребляли и употребляютъ слова: *Угры*, *Ляхи*, *Волохи*, *Греки*, *Варяги*, *Моравы*, *Нѣмцы* — въ обоихъ смыслахъ, что должно быть извѣстно всякому, занимающемуся Русскою исторіею, равно какъ и то, что слова *учь* die Gelehrten никогда въ Русскомъ языкѣ не существовало, а есть и было слово *неучь*¹.

1. Г. Куникъ не соглашается ни съ тѣми, что говорятъ, будто бы слово *Владимиръ*, перенесенное къ Скандинавамъ, образовало слово *Woldemar*, ни съ тѣми,

Въ заключеніе своего историко-генетическаго объясненія слова *Русь*, почтенный академикъ ставитъ слѣдующій вопросъ: «*Wer ist noch so skeptisch, so eigensinnig, so kurz-sichtig, so befangen, um nicht zn begreifen, von woher in der ersten russischen Chronik die auf — ь ausgehen den finnischen Völkernamen stammen, warum allein die Russische Schriftsprache in der älteren Zeit Gentilia mit ethnographischer und geographischer Bedeutung zugleich aufzuweisen hat, während das Serbische durch fremden Einfluss nur zu collectiven Gentilien gelangte, die aber nie das Land zugleich bezeichneten? — т. е. «Кто еще будетъ столь скептиченъ, столь самолюбивъ, столь близо-*

что говорить, будто бы слово Владиміръ заимствовано изъ Нѣмецкаго. Съ этимъ конечно согласится всякій. Но г. Куникъ не желаетъ согласиться и съ тѣмъ мнѣніемъ, которое единственно возможно и вполнѣ справедливо, о томъ, что Владиміръ и Woldemar одинаково и съ незапамятныхъ временъ принадлежать и Славянамъ и Нѣмцамъ. «*Es wäre leicht, noch eine 4-te und zwar eine nicht ganz unwahrscheinliche Ansicht aufzustellen, wenn es nicht besser wäre, den Namen in seine einzelne Bestandtheile zu zerlegen*». (Beruf. II, 112, 113). Слово *миръ*, въ Слав. *Владиміръ* кажется г. Куняку неяснымъ, тогда какъ Нѣм. *mag* (дрврхн. *magi-kund*, berühmt) въ Woldemar оно понятно и равняются нашему *славъ* въ сл. *Владиславъ*. Потому г. Кунякъ и почелъ возможнымъ *Владиміръ* — als ein solches Lehnwort zu betrachten, das wie *князь* и *кметъ* bei dem ersten Zusammenstoss der Slawen und Germanen ins Slawische eindrang. Мнѣніе это, по крайнему своему убѣжденію, не могу назвать справедливымъ. На этомъ основаніи можно отрицать Славянизмъ чистѣйшихъ Славянскихъ именъ: *Миронъ*, *Братонъ*, *Десибратъ* и пр. У Славянъ весьма обычны простыя слова: *Миръ*, *Миро*, *Мирко*, *Мирче*, *Мирънь* и пр., и *Славъ*, *Славко*; также обычны и сложныя имена, состояція изъ двухъ простыхъ: есть и *Славомиръ* и *Мирославъ*, *Станмиръ* и *Станиславъ*, *Тихомиръ* и *Тихославъ*, *Ныгомъръ* и *Ныгославъ*, *Радомиръ* и *Радославъ*, *Братомиръ* и *Братославъ*, *Драгомиръ* и *Драгославъ*, *Воимиръ* и *Воиславъ*, *Будимиръ* и *Будиславъ*, *Десимиръ* и *Десиславъ*, *Гоимиръ* и *Гоиславъ*, *Яромиръ* и *Ярославъ*, *Стръзимиръ* и *Стръзиславъ*, и пр. Если *Владиміръ* слово первоначально не Славянское, то надо признать не Славянскими именами и всѣ имена на *миръ*, какъ приведенныя выше, такъ и многія другія; напр. *Ратмиръ*, *Збрамиръ* (и *Збраславъ*), *Лютомиръ*, *Просимиръ*, *Недамиръ*, *Вышемиръ*, *Болемиръ*, *Страцимиръ*, *Гостимиръ*, *Прѣдимиръ*, *Красимиръ*, *Тешемиръ*, *Велимиръ*, *Скоромиръ*, *Арѣжимиръ*, *Бѣлимиръ*, *Ходимиръ*, *Дьдомиръ*, *Хранимиръ*, *Растимиръ*, *Влькъмиръ*, *Черномиръ*, *Творимиръ*, *Витомиръ*, *Цѣттимиръ*. Если же эти слова первоначально не Славянскія, по крайности не вполнѣ, то значить не Славянскими надо признать и *Мирославъ*, *Миронъ*, *Миръ*, *Мирко* и пр.

рукъ, столь пристрастенъ, что не пойметъ, откуда произошли Финскія народныя имена, оканчивающіяся на *ь* и встрѣчающіяся въ первой Русской Лѣтописи, почему только древній письменный Русскій языкъ имѣетъ мѣстныя названія съ этнографическимъ и географическимъ значеніемъ, тогда какъ Сербскій языкъ только съ помощью чужаго вліянія достигъ до образованія собирательныхъ именъ, обозначающихъ только народъ и никогда страну».

На это я замѣчу.

Слово *Русь* не обличаетъ своего Финскаго происхожденія :

1) Ни своимъ окончаніемъ — *ь* : *Русь* принадлежитъ къ разряду весьма живучихъ и доселѣ любимыхъ народомъ словъ: *высь*, *гладь*, *новь*, *круть*, *лоть*, *мутъ*, *дурь* и пр. Форма эта употребительна и для мѣстныхъ названій, напр. *Чудь*, *Серебь* или *Сербь*, *Скифь*, *Либь*, *Черемись*, *Весь*, *Корсь*, *Жмудь* у Поляковъ *Zmudź*, у Сербовъ и Болгаръ: *Лабь*, *Пилоть*, *Львочь*, *Борьчь*, *Желинь*, *Голмь*, *Нишь*, *Селунь*, *Корсунь*, *Оарьсь*, *Фоуль*, *Лоудь* и др.

2) Ни своимъ употребленіемъ въ смыслѣ этнографическомъ и географическомъ. *Русь* земля и люди на ней живущіе. Такое смѣшеніе свойственно не однимъ Финскимъ, но всѣмъ языкамъ между прочимъ и Славянскимъ: а) Русскому: *изъ Грекъ*, *изъ Нѣмецъ*, *въ Уграхъ* и пр. б) Древне Болгарскому: *въ Козарехъ*, *въ Срациньхъ*, *посла въ Казары*, *заславше въ Свабы*, *изъ Моравы*, *изъ Влахъ*, *изъ Грекъ*, *изъ Немець* (см. Пани. Жит.) и пр. в) Сербскому: *въ Татарехъ*, *на Угръ*, *оу Оугръ*, *оу Немце* (дана бысть..), *оуби влада воеводу на Власехъ*, *приобрѣтохъ одь морске земля зетоу и съ градовы*, *а одь Арбанасъ пилоть*, *а одь Гръчье земле* и пр. (см. Гр. Стар. Нѣм. 1198 — 9 г. и Сербск. Лѣт. изд. Шаф. Рат.): *тъкмо оръжиа да не носѣ ни ѝ Бѣгаре*, *ни ѝ Басарабинѣ землю ни на Угръ ни ѝ Боснѣ ни ѝ Гръке* (Гр. Стеф. Душ. 1349 г. Спом. 43. Mikl. Mon. Serb. p. 146); *напр. ѡ-чеса ксть Житѣе ѝ Бѣгаре побѣгль*. (Mikl. ib. p. 172); *или се бѣде ѝчинило ѝ Сръблихъ или ѝ Дѣбровникѣ*. (ib. p. 206). г) Чешскому: *z Wlah, z Uher, do Čech.* и пр. д) Польскому *do Włoch, w Multanach, do Węgiei* и пр.

3) Ни производнымъ отъ него словомъ *Русинъ* (Beruf. I, 73). Г. Куникъ напрасно полагаетъ, что чисто Славянскія народныя имена не оканчиваются на *—инъ* (Ber. I, 75), такъ сл. *Дульбы* въ ед. ч. должно было имѣть *Дульбинъ*, форма и имя столь же Славянскія, какъ и *Сербинъ*, *Будинъ* (въ Сербск. Гр.). Г. Куникъ, мнѣ кажется, несправедливо утверждаетъ, что всѣ имена съ этимъ окончаніемъ напр. *господинъ*, *бояринъ*, *шуринъ*, *павлинъ* — иностраннаго происхожденія: nach der allgemeinen slawischen Sprachgeschichte und ihren Ursprung andern Sprachen verdanken. Слова *бояринъ*, *господинъ*, *властелинъ*, *жителинъ*, *хозяинъ*, *гражданинъ*, *жоупланинъ*, *краининъ*, *пльтелинъ*, *жателинъ*, *воинъ* и пр. чисто Славянскія. Нельзя также сказать, что Славянскія имена *Хрватинъ*, *Србинъ* — формы позднѣйшія и малоупотребительныя. (См. напр. Српск. Спом. № 15. 1249 г. и проч.).

Не слова *Србинъ*, *воинъ* и пр. образовались по образцу *Татаринъ*, *Мордвинъ*, *Турчинъ*, а на оборотъ.

4) Ни своими коренными звуками, *лотъ*, *крутъ*, *мутъ* имѣютъ при себѣ *лот*, *крут*, *мут*; а *Русь* должно имѣть при себѣ *русъ*, корень дѣйствительно встрѣчающійся въ словахъ Славянскихъ: *русло*, *русалка*¹.

5) Ни своимъ значеніемъ. Эсты называютъ Шведовъ вообще *Roots* или *Rootslane* или *Rootsimees*, Выборгскіе Финны *Ruossi*, другіе *Ruotsi* или *Ruohti* — Швецію, а Шведа — *Ruotsalainen* и *Ruohtalainen*; также земля Шведская *Ruotsin* или *Ruohtin maa*. — Норвегія *Rutia*, и Норвежець *Rutialainen*.

Если бы слово *Русь* было Финскаго происхожденія, то означало бы Шведовъ и Швецію; притомъ оно могло быть взято изъ Финскаго только тогда, когда бы Славяне познакомились со Шведами не непосредственно, а черезъ Финновъ. Но въ такомъ случаѣ отчего, зачѣмъ и для чего говорить Несторъ о *Свеяхъ* рядомъ съ *Русью* и въ то же время отдѣляетъ *Русь* отъ *Свеевъ*: 1) «По сему же морю сѣдять Варязи, *Свеи*, *Урмане*, *Русь*,

1. И у южныхъ Славянъ, напр. въ Сербск. грам. 1330 г. «одъ Чръвенога Бръта на Гомилоу оу рькоу и одъ Роусални оу локвоу. (Српск. Спом. № 176).

Анляне, Галичане, Волъхва» ... 2) «Идоша за море къ Варягомъ къ Руси; сиче бо ся зваху тѣмъ Варязи Русь, яко се друзи зовутся Свое (т. е. Свее), друзи же Урмане, Англяне, друзи Гѣте; тако и си. Рѣша Руси Чюдъ, Словѣни и Кривичи». — Одни Варяги Готы, одни Варяги Урмане, одни Варяги Сvei, одни Варяги Русь... — Шведы — *Sviorthiod Svei*. Славяне познакомились со Шведами непосредственно; отчего же не могли съ Варягами Русью познакомиться также непосредственно? Слово Русь не обличаетъ Финскаго происхожденія.

Историко-генетическій методъ, правильнѣйшій филологическій анализъ приводитъ меня къ несомнѣнному убѣжденію, что нѣтъ никакого основанія утверждать, что слово Русь непременно заимствовано отъ Финновъ.

Изъ того однако еще не слѣдуетъ, чтобы оно и не могло быть Финскимъ; тѣмъ не менѣе явствуетъ, что могло Финскимъ и не быть; могло же быть чистымъ Славянскимъ.

Было ли оно дѣйствительно Славянскимъ?

II. Въ 1838 г. найдено было слѣдующее извѣстіе Арабскаго путешественника Ахмеда Эль Катиба, написавшаго свое сочиненіе ок. 889 г. или 891 г., подъ заглавіемъ «Книга странъ». (См. ст. Френа въ Bull. 1838. № 9).

«На западъ отъ гор. Альджезиры лежитъ городъ Севилья, на большой рѣкѣ, рѣкѣ Кордовы. Въ нее ворвались Нечестивые, которые называются Русы (эль Русъ) и грабили и пустошили и жгли и разоряли».

Изъ прежде открытыхъ извѣстій всѣ знали о походахъ Норманновъ, именно Датчанъ въ Испанію; а въ 844 г. они дѣйствительно нападали на Севилью. Тѣ, которые держались Датскаго происхожденія Варяговъ Руси, думали найти въ этомъ извѣстїи новое подтвержденіе своей догадки; а державшіеся Шведскаго происхожденія Варяговъ Руси, старались доказывать, что въ 844 г. нападали на Испанію не Датчане, а Шведы.

Основываясь на драгоценномъ извѣстїи Берт. Лѣт. о посольствѣ Имп. Теофила къ Имп. Лудовику въ 839 г., справедливо было рѣшено, что въ 839 г. въ Швеціи были люди, qui

se, id est, gentem suam Rhos vocari dicebant, что то были люди Свейскіе, gentis Sveonum, т. е. наши Варяги Русь.

Найдя извѣстіе Ахмеда эль Катиба, рѣшили, что эти люди Свейскіе, эти Варяги Русь въ 844 г. грабили Севилью. — По видимому правильно.

Въ своемъ важномъ трудѣ Френъ перевелъ слѣдующее мѣсто Массуди о набѣгѣ Норманновъ на Севилью. «Еще до 300 г. Гаджры пристали къ Испаніи корабли съ тысячами человѣкъ, которые опустошали берега. Жители Испаніи считали ихъ за народъ нечестивый». При семъ Френъ указалъ на болѣе точное извѣстіе Абульфеды о походѣ *Нечестивыхъ* въ 844 г. (Ibn. Fossl. Ber. S. 137 — 8):

Г. Куникъ въ своемъ сводѣ извѣстій о походѣ Норманновъ на Испанію, къ сожалѣнію, ограничился приведеніемъ извѣстія Массуди по переводу Френа (Beruf. II, 293). Въ Спрингеровомъ переводѣ 1 ч. Золотыхъ Луговъ Массуди († 956 г.) извѣстіе о походѣ Норманновъ дополнено любопытнымъ разсужденіемъ Массуди, которое необходимо не опускать изъ виду при разсмотрѣніи извѣстія Ахмеда эль Катиба.

Вотъ это любопытное мѣсто Массуди въ переводѣ Спрингера: «A short time previous to the beginning of the fourth century of the Hijrah, ships landed in Spains which had thousands of men on board, who made incursions on the coast. The Moslims of Spain believed that they were an Magian nation... (fire worshippers) who were in the habit of visiting this country every two centuries. They came from a gulf of the Ocean, and not from the strait on which the pillars of copper (columnae Herculis) stand. I suppose this gulf is connected with the sea of Máyotis and the Pontus (through a northern passage) and that the invading nation were the Russians, of whom we have spoken; for no other nation sails in the seas which stand in connexion with the Ocean». (Sprenger. I, 373—4) т. е. «Вскорѣ передъ началомъ четвертаго столѣтія Гаджры, пристали къ Испаніи корабли съ тысячами человѣкъ, которые грабили по берегу. Мусульмане Испанскіе думали, что то былъ народъ Нечестивый, (Маджу — огнепоклонники), обыкновенно посѣщавшіе эту страну каждыя два столѣтія. Они пришли изъ залива Океана, а не изъ пролива, гдѣ стоятъ мѣдные столбы

(столбы Иракловы). Полагаю, что этотъ заливъ соединенъ съ моремъ Меотійскимъ и Центомъ (черезъ сѣверный каналъ), и что нападавшій (на Испанію) народъ были Русскіе (Руссы), о которыхъ мы говорили, ибо не одинъ народъ не плаваешь въ моряхъ, стоящихъ въ связи съ Океаномъ».

Знаменитый Французскій ориенталистъ Рено вотъ что замѣчаетъ по поводу приведенныхъ нами словъ географа Массуды: «Massoudy, qui avait visité en personne l'Espagne, répète ce qu'il avait entendu dire. Les hommes du Nord, pour se rendre en Angleterre, en France et sur les côtes d'Espagne, avaient eu à franchir le Sund. Massoudy qui n'avait aucune idée de la configuration de la mer Baltique, qui même regardait ces régions comme inhabitables, fut amené à dire qu'apparemment le canal en question traversait l'Empire Russe du nord au midi. Si quelques se sont autorisés de ce passage pour dire que, dans l'opinion de Massoudy, les Russes étaient des Normands, ils ont commis une grave erreur. Massoudy, comme je l'ai dit, était persuadé que le monde habitable finit un peu au nord de la mer Noire; suivant lui, au delà des pays des Russes, il n'y avait que des déserts. Entendant dire que des hommes à moitié barbares étaient arrivés par le nord sur les côtes d'Espagne, il dut croire que c'étaient des Russes, et, pour être conséquent, il fit venir ces hommes des bords du Palus-Méotide dans la Baltique, à travers un canal imaginaire». (Géogr. d'Aboulfeda. I, p. CCXCIX).

Извѣстно, что по смерти Карла V. особенно участились походы Датчанъ¹ на нынѣшнюю Францію. Лѣтописцы западные чаще называютъ ихъ Норманнами, давая имя Норманнїи самой Данїи².

1. Depping, Hist. des expéd. maritimes des Normands. I, chap. IV. — Zeuss, Die Deutsch. u. die Nachbarst. Ss. 524—536.

2. Напр. «Fuerunt in eodem conventu et legationes de Nordmannia, tam de parte Harioldi quam filiorum Godofridi». (Einh. Ann. 822. Pertz I, 209). «Venerat et Harioldus de Nordmannia, auxilium petens contra filios Godofridi, qui eum patria pellere minabantur»... «causam filiorum Godofridi et statum totius regni Nordmannorum diligenter explorantes» (ibid.). А выше читаемъ: «De parte Danorum omnia quieta eo anno fuerunt et Harioldus a filiis Godofridi in societatem regni receptus, quae res tranquillum inter ejus hujus temporis statum fecisse putatur. Sed quia Ceadragus, Abodritorum princeps perfidiae et cujusdam cum filiis Godofridi

Латинскіе лѣтописцы, говоря о походѣ Норманновъ на Испанію въ 844 г., не называютъ ихъ Датчанами. Изъ того однако, что Шведы называются западными лѣтописцами иногда, гораздо рѣже Датчанъ, тоже Норманнами, еще нельзя заключать, что въ 844 г. нападали на Испанію Шведы.

Шведамъ ходить грабить Севилью было не совсѣмъ сподручно, а Датчанамъ удобно, такъ какъ во Франціи они въ то время имѣли стоянки и притоны. Бертинскія лѣт. передаютъ, что въ 843 г. *Норманны* пристали къ Панту, овладѣли имъ, разоривъ его, пошли опустошать нижнюю Аквитанію; наконецъ вошли на какой-то островъ и рѣшились зимовать на немъ. Подъ 844 и 845 г. тѣже Берт. лѣт. говорятъ: *Норманны*, отправившись по Гарронѣ до Тулузы, повсюду безнаказанно грабили... *Датчане*, которые въ прошломъ году опустошали Аквитанію»... Въ 859 и 860 г. они грабятъ Южную Францію и разгуливаютъ по Ронѣ. Берт. лѣт. говорятъ: *piratae Danorum* longo maris circuitu, inter Hispanias videlicet et Africam navigantes, Rhodanum ingrediuntur, depopulatisque quibusdam civitatibus ac monasteriis.. Hi vero *Dani* qui in Rhodano morabantur, usque ad *Valentiam* civitatem vastando perveniunt.... *Dani* qui in Rhodano fuerant *Italiam* petunt, et *Pisas* civitatem aliasque capiunt, depraedantur atq; e devastant.

Кто, спрашивается, грабилъ Севилью въ 844 г.? Датчане или Шведы? — Г. Куникъ рѣшительно не соглашается съ г. Крузе, который полагаетъ, что Датчане (Beruf. II, 311—318). Цейссъ тоже считалъ этихъ Норманновъ Датчанами, совершенно согласно и съ порядкомъ вещей, по которому Шведамъ ходить на Севилью было не совсѣмъ сподручно, и съ свидѣтельствомъ Берт. лѣтоп., прямо тутъ разумѣющихъ Датчанъ, рыскавшихъ передъ тѣмъ по Гароннѣ: «*Nortmanni per Garrondam Tolosam usque proficiscentes, praedas passim impuneque perficiunt; unde regressi quidam, Galliciamque adgressi, partim balistariorum accursu, partim tempestate maris intercepti*

factae societatis notabatur, Sclaomir, aemulus ejus, in patriam remittatur, qui cum Saxoniam venisset, aegritudine decubuit, perceptoque baptismi sacramento, defunctus est. (Einh. Ann. 821. I, 203).

dispereunt. Sed et quidam eorum *ulterioris Hispaniae partes* adorti, diu acriterque cum Sarracenis dimicantes, tandem victi resiliunt».

И такъ изъ свидѣтельствъ западныхъ лѣтописцевъ слѣдуетъ, что въ 844 г. нападали на Севилью Датчане, отнюдь же не Шведы, что впрочемъ понятно и само по себѣ, такъ какъ Шведамъ ходить на Севилью, еще въ 844 г., было вовсе не съ руки.

Но какъ же Ахмедъ эль Катибъ говоритъ, что то были Нечестивые, которые называются *эль-Русъ*, т. е. Варяги Русь, тѣ Свейскіе люди (*gentis Sueonum*), qui se, id est gentem suam Rhos vocari dicebant?

Припомнимъ слова Массуди: «*полагаю, что народъ, нападавшій на Испанію, были Руссы*». — Рено превосходно объяснилъ, какъ и съ чего въ головѣ Массуди родилось такое предположеніе. — Если Ахмедъ эль Катибъ, писавшій въ IX в. свою «Книгу Странъ», твердо бы зналъ, что Севилью въ 844 г. грабили Руссы, то нѣтъ сомнѣнія въ IX—X в. въ Испаніи жило много людей, знавшихъ о томъ, что Нечестивые, нападавшіе на Севилью въ 844 г., были Руссы. Ученому и любознательному Массуди, этому Арабскому Иродоту, лично посѣщавшему Испанію, не трудно было развѣдать и навести справки о походѣ Нечестивыхъ на Севилью. Мы предполагаемъ, что «Книга Странъ» Ахмеда эль Катиба ему не была извѣстна.... Массуди же именно говоритъ... «пристали къ Испаніи корабли съ тысячами чело- вѣкъ, которые грабили по берегу. *Мусульмане Испанскіе думали, что то былъ народъ Нечестивый.... Они пришли изъ залива Океана, а не изъ пролива Мѣдные Столбы. Полагаю, что этотъ заливъ соединенъ съ моремъ Меотійскимъ и Понтомъ (черезъ Сѣверный каналъ) и что нападавшій на Испанію народъ были Руссы*».

А Руссы, по словамъ Массуди, которыя приведены нами выше, были народъ великій, т. е. многочисленный, раздѣленный на различныя вѣтви, жившій по Азовскому Морю.

Какъ же Ахмедъ эль Катибъ говоритъ утвердительно, что Нечестивые, грабившіе Севилью, назывались Русью, *эль Руссъ*?

Если ученѣйшій географъ Арабскій въ X в. не имѣлъ никакого понятія объ очертаніи Балтійскаго моря и полагалъ, что черезъ нынѣшнюю Россію проходитъ каналъ, соединявшій Чер-

ное и Азовское моря съ Балтійскимъ, то весьма понятно, что Ахмедъ эль Катибъ, жившій въ IX в. не имѣлъ объ этомъ предметѣ лучшихъ понятій. Точно также онъ могъ знать Руссовъ, жившихъ по Азовскому морю и предположить, подобно Массуди, что эти Нечестивые были Руссы. Разнится же онъ отъ Массуди тѣмъ только, что тотъ свое личное мнѣніе передалъ намъ въ видѣ догадки, а этотъ выразилъ его, какъ фактъ несомнѣнный, какъ извѣстную истину, тогда какъ это было только личное его мнѣніе. Слѣдуетъ однако замѣтить, что весьма быть можетъ Ахмедъ эль Катибъ въ своемъ сочиненіи и не представлялъ никакой догадки о томъ, кто были тѣ Нечестивые, что нападали на Севилью въ 844 г. Рукопись, изъ которой заимствовано извѣстіе Ахмедово объ этомъ походѣ, писана въ 1262 г. Очень возможно, что переписчикъ, знакомый съ текстомъ Массуди, вставилъ въ текстъ Ахмеда эль Катиба слова, «которыя называются эль Русъ». Догадка Массуди понравилась ему, онъ и втиснулъ эти несчастныя слова, надѣлавшія столько шуму, едва ли не по пустому.

Г. Куникъ нашелъ даже пужнымъ подъ предисловіе первой части своего сочиненія помѣстить слѣдующую надпись: «Geschrieben an der Newa im 1000-sten Jahre nach der Bestürmung des maurischen Seville durch die nordischen und im 900-sten Jahre nach der Einäscherung des kaukasischen Berdaas durch die östlichen Russen. (Beruf. I, XXVIII) ¹.

1. Во второй части своего сочиненія г. Куникъ представилъ перечень собственныхъ именъ нашихъ Норманновъ съ ихъ объясненіемъ. (Beruf. II, 121 ff.) Первую статью этого свода почтенный авторъ озаглавилъ такъ: Die normannischen Namen der berufenen Heerführer, т. е. «Норманскія имена призванныхъ героевъ»; въ примѣчаніи же замѣтилъ, что тутъ нѣтъ никакого патріотическаго увлеченія (воззрѣнія), ибо г. Устряловъ Олега и Святослава называетъ *великанами сумрака*, а кто-то другой назвалъ первыхъ Варяжскихъ князей «родомъ полубоговъ» — «eine Art von Halbgöttern». Въ списокъ этихъ героевъ попали: *Рюрикъ, Синейсъ и Труворъ, Аскольдъ и Диръ, Бравалинъ, Роговолодъ и Туръ*, а не только *Олегъ*. Почему *Туръ* былъ Норманецъ? не понимаемъ. На стр. 119-й г. Куникъ утверждаетъ, что всѣ высшія должности были исключительно заняты Варягами и пр. до начала XI в. Это обстоятельство могло много значить только въ томъ случаѣ, если бы княжество Рюрика было строго развитое государственное тѣло, гдѣ верховная власть и ближайшіе къ ней сановники имѣютъ огромное значеніе и вліяніе. Наконецъ эти *полководцы, сановники* и пр. не все же были

III. Весьма сомнительно, чтобы Варяги Русь, тѣ Свейскіе люди (*gentis Sueonum*), *qui se, id est, gentem suam Rhos vocari dicebant* — были ничто иное, какъ *Rodsin*, члены Корабельнаго Стана, что назывался у Шведовъ *Rodslagen*, или съ пропускомъ *d*, *Roslagen*, т. е. *Rudergesellschaften* — общины гребцовъ.

По Шведски *ro, ros, r d* гребти веслами, *roder* весло, *rodare* — гребецъ; а на древне Шведскомъ языкѣ *rodi* — гребецъ, *rodhsin* — гребцы. Ире говоритъ въ своемъ Словарѣ (*Glossarium Sveo-Gothicum*).... *pars illa Uplandiae, quae littori maris Baltici vicina est vocatur hodieque Rodslagen vel Roslagen. — Locus maritimus, quique copias navales tempore belli suppeditat. Sic et Berglagen audit regio, quae montibus metalliferis operam suam dicat, quasi diceret societatem navalem, societatem metallurgicam.*

Еще Розенкампфъ (1828) весьма справедливо замѣтилъ, что Родзлагенъ и Родзинъ имѣли значеніе нарицательное¹. Шафа-

Шведы. Что *Лютъ* и *Блудъ* напр. были Шведы, доказать трудно, равно какъ и то, что *Волчий хвостъ* былъ Нѣмецъ, и что это собственное имя есть Славянской переводъ съ Норманскаго. А можетъ и пѣтъ? У Чеховъ имена: *Лота*, *Лютоборъ* и *Блудъ* весьма были обычны. Народныя преданія объ Ольгѣ и Владимірѣ, сохраненныя лѣтописями, несомнѣнно убѣждаютъ, что ни тотъ, ни другая не были пристрастны къ Славянамъ, не норовили Шведамъ. Иначе бы народъ не поминалъ ихъ добромъ, не былъ бы такъ привязанъ къ нимъ и не чтилъ бы такъ ихъ памяти. Съ помощію Варяговъ Владиміръ (въ 980 г.) взялъ городъ Родню, на устьѣ Рси. «Посемъ рѣша Варязи Володимеру: «се градъ нашъ, и мы пріяхомъ е, да хочемъ имати окупъ на нихъ, по 2 гривнѣ отъ человѣка». И рече имъ Володимеръ: «пождѣте, да же вы куны сберутъ, за мѣсяць». Ждаша за мѣсяць, и не дасть имъ, и рѣша Варязи: «сольстиль еси нами, да покажи ны путь въ Греки»; онъ же рече имъ: «идѣта». И избра отъ нихъ мужи добры, смыслены и храбры, и раздаа имъ грады; прочіи же идоша Царюграду въ Греки. И посла предъ ними слы, глаголя сице царю: *се идутъ къ тебѣ Варязи, не мози ихъ держати въ градъ, оми то створять ти зло, яко и здѣ, но растоци я разно, а стмо не пуцай ни единого*». Владиміръ поступаетъ тутъ съ Варягами, какъ иноплеменникъ, какъ Славянинъ. Иначе бы онъ не поступилъ съ ними такъ недружелюбно, не на нихъ значить онъ опирался. Владиміръ ставитъ кумиры богамъ Славянскимъ, дѣтямъ своимъ даетъ имена Славянскія. Владиміръ оставляетъ при себѣ нѣкоторыхъ Варяговъ, не какъ Шведовъ, Норманновъ, не какъ своихъ соплеменниковъ, а какъ людей добрыхъ, смысленыхъ и храбрыхъ. Тутъ Владиміръ поступилъ самъ какъ человѣкъ добрый и смысленый, который цѣнитъ людей по людски, и слѣдовательно не за породу, какъ цѣнятъ лошадей, собакъ....

1. Зап. Моск. Общ. Ист. и Древн. 1828. Т. IV. С. 139 и сл.

рикъ возражалъ: «Если слово *Rosi* происходитъ отъ *rodhsi* (гребцы, *remiges*), то и въ такомъ случаѣ, оно очень прилично было Варягамъ, призваннымъ Славянами, по ихъ ремеслу и образу жизни. *Отъ названій общицъ происходятъ собственныя*».

Какъ Славянскія, такъ и Нѣмецкія народныя имена почти исключительно обязаны своимъ происхожденіемъ или личному имени родоначальника, или какому нибудь свойству народному или мѣстности: — такъ — Славянскія имена — Радимичи, Вятичи, и пр., а Нѣмецкія — *Herminones, Ingaevones, Iscaevones* и пр., или Франки, Хаттуары, т. е. *Hätvere* — (*colentes, gestnates pileum*), *Sveordveras* (*gestantes ensem*), *Suardones, Sahson* и пр. т. е. свободные, шлемники, меченосцы и пр., Словѣне, Лютичи, Велеты и пр.; или Остѣ-Готы и Вестѣ-Готы, Тервинги, Грютунги, — Древяне, Поляне, Морава, Полочане и пр.¹.

Но мнѣ не случалось никогда встрѣтиться съ названіемъ народа, происшедшимъ отъ его рода занятій или промысла; разумѣю конечно здѣсь древность, ибо въ новѣйшее время такія названія весьма часты для жителей извѣстныхъ областей, какъ напр. у насъ Ростовцы — огородники, Владимірцы — клюковники, Клиновцы — лапотники, Муромцы — калашники. Но эти названія не получаютъ значенія географическаго: это эпитеты, прозвища, чаще даваемыя въ насмѣшку, въ родѣ того, напр. какъ Рязанцевъ называютъ *синебрюхими*, Ростовцевъ *вислоухими*, Новгородцевъ *долбежниками* и *гущепдами*².

Но если названія по любимымъ занятіямъ и промысламъ и не заключаютъ въ себѣ насмѣшки и брани, то все таки сами жители той или другой области никогда не называютъ себя такими именами. Если бы наконецъ они и стали слыть у себя подъ какимъ нибудь нарицательнымъ именемъ напр. *огородниковъ, гребцовъ*, то слово это непременно утратило бы свое прежнее значеніе и было бы замѣнено другимъ. Мы знаемъ, что еще

1. Шаф. Слав. Древн. § 45. Grimm. Gesch. d. deutsch. Sprache. Ss. 773 ff.

2. «*Родзинъ* отъ весла, какъ другіе отъ меча, шляпы» и пр. Борода, шляпа, мечъ и пр. принадлежатъ къ такимъ предметамъ, которые могли породить названія, могли служить признаками постоянными. Ихъ можно было имѣть, брать и держать съ собою *всегда, вездѣ и всюду*. Къ веслу же этого относить нельзя.

въ к. XIII в.: слово *Rodsin* — гребцы имѣло въ Швеціи значеніе нарицательное; еще теперь по Шведски гребецъ — *godare*, слово понынѣ понятное всякому Нѣмцу. Весьма сомнительно, чтобы Свейскіе люди (*gentis Sueonum*), бывшіе у императора Теофила въ 830-хъ годахъ, на вопросъ кто они? что за люди? и какого роду? стали бы отвѣчать *Rodsin* — гребцы? Слово *Rodsin* въ IX в. было понятно каждому Нѣмцу; императоръ Лудовикъ тщательно развѣдывавшій о тѣхъ Свейскихъ людяхъ, *qui se, id est, gentem suam Rhos vocari dicebant*, не могъ не понимать, что *Rodsin* — *гребцы*, а Берт. лѣт. не преминули бы перевести и объяснить этого слова, если бы *Rhos* было все одно, что *Rodsin*. Если бы наша *Русь* произошла отъ *Rodsin* — гребцы, то какимъ образомъ ни одинъ изъ позднѣйшихъ Нѣмецкихъ лѣтописцевъ не переводитъ этого слова, весьма имъ понятнаго въ томъ случаѣ, если оно пошло отъ *Rodsin* — гребцы, Шведскаго слова, смыслъ котораго и теперь не трудно понять всякому Нѣмцу¹. А названія *Руси* и *Русскихъ* Нѣмцы объяснять пытались, напр. хоть Ругами: такъ Продолжатель Региона называетъ нашу Ольгу — *regina Rugorum* и пр.

Весьма сомнительно, чтобы Варяги — Русь, люди Свейскіе, *qui se, id est, gentem suam Rhos vocari dicebant* получили свое имя отъ *Rodsin* — Гребцы.

Славяне были непосредственно знакомы со Шведами, съ Готами, Урманамъ, Англичанами — какъ то открывается изъ словъ — *Svee* и пр., не нуждались въ посредствѣ Финновъ для ознакомленія со Шведами Упландскими. Если бы эти послѣдніе называли бы себя *Rodsin*, т. е. гребцами, то Славяне не стали бы называть ихъ *Русью*.

Нѣтъ никакой возможности доказать, чтобы слово *Русь* было происхожденія Финскаго.

Такое производство даже невѣроятно, ибо сомнительно то, что *Rodsin* имѣло значеніе собственное.

Слово *Русь* могло быть Славянскимъ, и весьма вѣроятно и было имъ, тѣмъ болѣе, что Финскія слова *Rootsi, Ruotsi, Ruohiti*,

1. Сужу по крайности по себѣ: если мнѣ, не понимающему по-Шведски, весьма понятно и живо слово *rodsin*, то кольми паче природному Нѣмцу.

Ruossi, Ruotsalainen (Швеція, Шведъ), и *Rutia, Rutialainen* — (Норвегія, Норвежець), разсматриваемыя чисто филологически, сами могли произойти отъ слова *Русь*.

Слово *Русь* весьма вѣроятно было Славянское.

IV. Г. Куникъ, говоря о Карпатской, Угорской Руси, представилъ нѣсколько замѣчаній. Они, если не ошибаюсь, состоятъ въ слѣдующемъ:

1) Въ Уграхъ есть *Русины, Русняки*, но нѣтъ *Руси*.

2) Они переселились въ Угры въ послѣдствіи времени, напр. послѣ нашествія Татарскаго въ XIII стол., съ Θεодоромъ Кориатовичемъ, въ XIV ст.

3) Въ Уграхъ и Седмиградіи можно насчитать до 30 поселеній, которыя стоятъ въ извѣстномъ сродствѣ со Шведскими *Rodsia* (гребцами). Вѣроятно въ подтвержденіе этого положенія г. Куникъ указалъ на деревню Русинъ, въ нынѣшней Галиціи, которая можетъ быть была населена Норманнами (das vielleicht seine Entstehung den Normanen verdankt; unweit desselben liegt der Flecken Wareg, in dessen polnischer Form sich also der Name der Warenger erhalten hätte. Москвит. 1841).

4) Русинами въ Уграхъ называются вообще православные, Словаки и пр., въ подтвержденіе чего и привелъ г. Куникъ слѣдующія слова И. И. Срезневскаго: «Русиновъ по вѣрѣ (Русинами въ королевствѣ Венгерскомъ называютъ всѣхъ униатовъ и православныхъ безъ различія, точно ли они Русины, или Словаки, или Мадыяры, лишь бы не были Сербы и Волохи) я уже встрѣчалъ въ столицахъ (vármegye) Гёмөррской, Спишской, Шаринской и Землянской (въ Пряшовской епархіи считается вообще униатовъ до 180,000); но это Русины по вѣрѣ, а по языку, по народности, Словаки». (Журн. Мин. Нар. Просв. 1843. Февр.).

Вотъ, если не ошибаюсь, всѣ замѣчанія г. Куника объ Угорской Руси: Русины Угорскіе собственно не Русскіе по языку, а православные и униаты вообще; Русины же переселились въ Венгрію изъ Галиціи во второй половинѣ XIII стол., въ XIV стол.; — Русины происходятъ, какъ на примѣръ въ Седмиградіи, отъ Норманновъ, отъ *Rodsia*: такъ, кажется, слѣ-

дуетъ понимать слова г. Куника; — Русины не знаютъ слова *Русь*.

Въ заключеніе этихъ объясненій г. Куникъ говоритъ: «Alle diese ungrischen Vettern und Basen der finnischen Ruotsenstadt in Schweden und der estnischen Rootsendörfer dürfen in Zukunft nicht mehr als ein Argument gegen die Normannität der Waräger-Russen citirt werden, sobald nicht der Nestor mit seinem Verhältniss der Russen zu den Varägern, das Entstehen von Русь aus Ruossi und dessen Entstehen aus einer überseeischen Urform mit triftigen Gründen widerlegt ist. Selbst der Nachweis eines ungrischen, *im Munde des Volkes lebenden* Русь würde nichts entscheiden, da es erst spät Eingang gefunden haben könnte. — (Ber. I, 180 f.).

Позволяю себѣ и на эти замѣчанія почтеннаго Академика представить нѣкоторыя свои сомнѣнія и недоразумѣнія, быть можетъ, не совершенно безосновательныя и потому не недостойныя вниманія. Мнѣ кажется, что приведенныя авторомъ слова Срезневскаго могутъ подать случай думать, что почтенный нашъ Славянистъ почти вовсе не находилъ Русиновъ въ Венгрии, или по крайности очень мало; что то были вообще православныя или уніаты. Во избѣжаніе такого недоразумѣнія полагаю не излишнимъ привести слѣдующія слова почтеннаго Славяниста нашего, изъ той же самой записки, откуда заимствованы г. Куникомъ его предъидущія слова. — «Блуди съ запада на востокъ, — говоритъ онъ, — по южнымъ отлогостямъ Карпатскаго Хребта, въ Ужгородѣ (Ungvár) путешественникъ уже слышитъ Южно-Русское нарѣчіе, какъ господствующее въ народѣ. Русиновъ по вѣрѣ и т. д. (см. выше) до «Словаки». Тутъ же напротивъ, Русины въ полномъ смыслѣ слова, родные братья Малороссіянь, однокровныя дѣти старой Руси по народности и большею частию по самымъ воспоминаніямъ. Отсюда на сѣверъ и востокъ, а отчасти и на югъ, простираются они въ Галицію и въ Буковину. Въ Епархіяхъ Мукачовской, Собольской, Угоцкой, Сатмарской, Веренкой и Мармарошской, считается ихъ 472,000 (Мадьяровъ между ними очень мало). Прибавивъ это число къ 854,000 душъ, живущихъ въ Епархіи Перемышльской, 1.269.000 душъ Епархіи Львовской и около 140,000 душъ, живущихъ въ Буковинѣ, получимъ

число 2.735,000, — число Русскихъ, находящихся подъ Австрійской державой¹. Весь этотъ народъ говорить, съ малыми мѣстными различіями, однимъ языкомъ: житель Харькова можетъ разговаривать съ жителями Ужгорода какъ разговариваетъ Москвичъ съ Коломенцемъ, и Русскій съ Байкала пойметъ Бескидскаго горца также легко, какъ Чехъ Словака (извѣстно, что Чехи и Словаки имѣютъ одинъ главный книжный языкъ, какъ и всѣ Русскіе).

Природный Карпато-Русинъ г. Денко такъ выразился въ своей статьѣ «О Карпатской Руси» (Кіевл. 1850). «Жилища Русиновъ, по обѣимъ сторонамъ рѣки Тисы, заняли почти всю столицу *Мараморошскую*, *Беречскую*, *Угочскую* и *Унгарскую*, большую часть столицъ *Землинской*, *Сатмарской* и *Саболмской* и нѣкоторой части *Шарошской*».

И. И. Срезневскій полагалъ число Угорскихъ Русиновъ до 472,000, а Шафарикъ до 625,000 душъ.

Есть основаніе полагать, что Русскія поселенія простирались далеко на западъ, что слѣдовательно съ теченіемъ времени народность Русская въ Венгріи не возрастала, а напротивъ того уменьшалась².

1. По Шафарiku ихъ до 2,774,000.

2. Броневскій, авторъ весьма занимательнаго «Путешествія отъ Триэста до С.-Петербурга въ 1810 г.» (М. 1828 г.), въ числѣ многихъ любопытныхъ подробностей о томъ, какъ встрѣчало Славянское населеніе Австріи партію Русскихъ матросовъ, шедшихъ изъ Триэста въ Петербургъ въ 1810 г., рассказываетъ между прочимъ и объ Угорскихъ Русинахъ.

Недалеко отъ гор. *Мишковаца* (= *Мисколецъ* = *Мишковацъ*), что гораздо западнѣе *Унгвара*, прибылъ Броневскій въ одну деревню, населенную Русскими, «или, какъ здѣсь ихъ называютъ, *Руснаками*, они, не смотря на несносную погоду, приходили съ своимъ священникомъ побесѣдовать съ нами и досыта наговориться по-Русски». (I, 137).

«Свечера, напявъ обывательскій фурманъ (въ Кашау, т. е. въ Кошицахъ), запрягаемый 5 лошадьми, и поднявшись до солнца, пустился по дорогѣ во весь духъ, по Русски. Дѣйствительно по-Русски; ибо не знаю, какою волшебною силою, только въ самомъ дѣлѣ я очутился въ Россіи. Извозчикъ мой Гаврило называлъ себя Руснакомъ, чисто говорить по-Русски и исповѣдуетъ Греческую вѣру. Обрадовавшись, что не принужденъ буду во всю дорогу молчать, я началъ спрашивать, какъ называются всѣ предметы, меня окружающіе. Небольшой ручей называлъ онъ *Винитскимъ* потокомъ, рѣчку *Дришовой*, прекрасную поляну, за-

Какимъ же образомъ могли въ Уграхъ очутиться эти Шведскіе гребцы — *Rodsin*. Положимъ, что въ Уграхъ были Шведскія поселенія, все таки нельзя себѣ представить, съ чего же они обратились въ чистыхъ Русаковъ, которыхъ еще въ настоящее время легко пойметъ Русскій съ Байкала?

Какъ могло переселиться туда нѣсколько сотъ тысячъ человѣкъ въ XIII и XIV стол., парода не кочеваго, а земледѣльческаго, крѣпко привязаннаго къ своей землѣ? Какъ умолчали о томъ современные лѣтописцы?

Слова Нотарія Белы (Сар. LVII), не допускаютъ ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что Русины жили въ Уграхъ еще въ XIII в., что и тогда ужъ не считали ихъ тамъ новыми поселенцами.

«*Dux vero Zulta post reversionem militum suorum, fixit metas regni Hungariae. Ex parte Graecorum, usque ad portam Wacil, et usque ad terram Racy, ab occidente usque ad mare, ubi est Spalatina civitas; et ex parte Theonicorum, usque ad pontem Guncil,*

сѣянную пшеницей, ячменемъ, овсомъ и кукурузою, *Новою Долиною*; далѣе называлъ рѣчку *Кременицею*; деревню, гдѣ перемѣнилъ лошадей, *Розгономъ*, *Пеклиномъ*; а видимыя вдали горы, *Златыми горами*. До самой *Черновицы*, куда я прискакалъ гораздо до объѣда, всѣ мѣста носили Русскія названія; далѣе начали встрѣчаться имена *Манджурскія*, *Китайскія*, *Нѣмецкія*, такъ что инья и не выговоришь». (I, 159).

Изъ Черновицы Броневскій пріѣхалъ на станцію *Шею* или *Чею*. «Вся деревня взбѣжалась; меня привезли къ священнику, мало съ радостію, а съ восторгомъ меня принявшему . . . со всѣхъ сторонъ несли готовое кушанье. Въ минуту оставили большой столъ всѣмъ, чѣмъ кто былъ богатъ. Дочь священника сѣвшила изготвить кофе, и крестьяне, женщины и дѣти, одинъ за однимъ входили въ горницу, безмолвно кланялись и почтительно выходили. Радушное гостепріимство потомковъ славныхъ нашихъ прародителей меня очаровало...» (I, 163).

«*Бартфельдъ (Бардѣвъ)* не великъ и такъ же какъ *Еперіесъ (Прешовъ)* обнесепъ стѣною, мѣстами развалившеюся; имѣетъ большой, неправильно выстроенный форштадтъ съ Славянскою церковію. Я забылъ сказать, что отъ Мискольца (Мишковца) до границъ Польши деревни и города большею частью населены Руснаками; языкъ, употребляемый крестьянами, хотя мѣстами и много испорченъ, но мы понимали его такъ, какъ бы были въ Россіи» (I, 192).

Въ подтвержденіе нашихъ словъ о томъ, что Русская стихія въ Карпатахъ съ теченіемъ времени уменьшалась, позволяю себѣ привести слѣдующія слова Надежцина: «Въ Трансильваніи, въ сокровеннѣйшихъ ущельяхъ Карпата, при истокѣ Ольты, между Румынами, Маляро-Секлерами и Саксами, находятся деревни, которыя по сіе время называются «Русскими», на памяти нынѣ живущаго по-

et in eisdem partibus dedit castrum construere *Ruthenis, qui cum Almo duce, avocius, in Pannonian venerant*».

Въ XII в. или XIII в. (при Белѣ III. 1173 — 1196 г., или Белѣ IV. 1235—1270 г.) жили Русины; Мадьяры были убѣждены, что они пришли съ ними при Альмѣ въ Паннонію.

Критика безпристрастная при своей оцѣнкѣ неизвѣстнаго Нотарія Белы никогда не будетъ терять изъ виду слѣдующихъ словъ его: сказавъ о томъ, что Мадьяры, покоривъ Болгаръ, пошли въ землю Хорватскую, овладѣли Сплитомъ и пр., наконецъ вернулись къ Арпаду, онъ продолжаетъ такимъ образомъ: *Quorum etiam bella, et fortia quaeque facta sua, si scriptis praesentis paginae non vultis, credite garrulis cantibus jocularum et falsis fabulis rusticorum, qui fortia facta et bella Hungarorum, usque in hodiernum diem oblivioni non tradunt. Sèd quidam dicunt, eos ivisse ad Constantinopolim, et portam auream Constantinopolis, Botondium cum dolabro suo incidisse, sed ego, quia in nullo codice historiographorum inveni, nisi ex falsis fabulis rusticorum au-*

кольнія, говорили еще между собою по Русски. т. е. Карпато-Русинскимъ или, что то же, Малороссійскимъ языкомъ. (О путеш. по южи. Слав. земл. Ж. М. Н. Пр. Ч. XXXIV. С. 103 и сл.). Если бы Надеждинъ при своихъ высокихъ дарованіяхъ и необыкновенно ясномъ и свѣтломъ умѣ посвятилъ себя исключительно Русской исторіи, то, нѣтъ сомнѣнія, далеко бы подвинулъ ее впередъ. Онъ мѣтко уразумѣлъ всю важность изученія Угорской Руси. Вотъ нѣкоторые его замѣчанія о ней: «Я понимаю теперь, какъ нашъ достопочтенный Несторъ могъ говорить о разселеніи Славяно-Руссовъ на сѣверъ съ Дуная: это взялъ онъ не изъ преданія отдаленной древности, какъ думаютъ обыкновенно, но изъ живаго, нагляднаго познанія при-Дунайской стороны, которая въ его время, безъ сомнѣнія, еще ощутительно трепетала чистою Русскою жизнію. Я понимаю даже сказку о Киі. основа телѣ Кіева, которую многіе изъ восторженныхъ читателей древняго лѣтописца считаютъ баснею, вымышленною изъ патріотическаго хвастовства. Понимаю извѣстный списокъ «Русскихъ городовъ дальнихъ и ближнихъ», сохранившійся при нѣкоторыхъ нашихъ лѣтописяхъ, эту загадку Сфинкса, которая до сихъ поръ не находила еще счастливаго Эдиша. Понимаю образованіе древней нашей іерархіи, пугающее изслѣдователей свою темнотою и недостоверностію» и пр. и пр. Свои замѣчанія Надеждинъ сообщилъ и Шафаріку, который, — говоритъ онъ, — «къ неопisanному моему удовольствію, объявилъ, что онъ самъ, путемъ своихъ изслѣдованій, дошелъ до предчувствія того же самаго результата во всемъ его объемѣ, и съ тѣмъ вмѣстѣ открылъ мнѣ свои драгоценные портфели и сообщилъ изъ нихъ другія новыя доказательства, имъ открытыя, которыя, въ связи съ моими, ставятъ мои выводы на крайнюю стѣпень исторической достоверности». Тамъ же. С. 105).

divi, ideo ad praesens opus scribere non proposui (Cap. XLIII). Такимъ образомъ Нотарій Бѣлы при составленіи своего труда имѣлъ передъ собою сочиненія историческія (in nullo codice historiographorum inveni) и народныя преданія и рассказы поселянъ, мужиковъ, которымъ, впрочемъ, онъ не всегда довѣрялъ, а сличалъ ихъ съ историческими рукописями, имѣвшимися у него подъ руками.

Ни отдѣльнымъ лицамъ, ни цѣлому народу, ни самому Нотарию не было никакой надобности выдумывать давность Руси и Русиновъ въ Уграхъ. Осторожная критика, вполне признавая ихъ тамошнюю давность, не позволяетъ себѣ однако утверждать, что Русь появилась въ Уграхъ только съ Альмомъ; напротивъ того она не обойдетъ двухъ вопросовъ; — была ли Русь въ Панноніи и до прихода Мадьяръ? не было ли народа Славянскаго, который бы назывался Русью и въ то же время могъ отдѣлится отъ себя извѣстную часть и послать ихъ съ Мадьярами въ Паннонію?

Въ нѣкоторыхъ случаяхъ весьма важно прибѣгать къ мнѣніямъ народа о самомъ себѣ, о своей стародавности. Второй Львовскій списокъ Паннонскаго житія Кирилла — въ числѣ другихъ вставокъ, называетъ князей Ростислава, Святополка и Коцела — князьями Русскими. Вставка эта, нѣтъ сомнѣнія, не имѣетъ, такъ сказать, никакого документальнаго значенія, но любопытна, какъ мнѣніе Малороссіянина XVII в. о стародавности Угорской Руси. Смѣю думать, что мнѣніе это не было единственнымъ, не исключительно принадлежало XVII в.: такъ по крайности можно заключать изъ словъ Энея Сильвія (XV в.), который конечно не самъ ихъ выдумалъ, а заимствовалъ у кого нибудь изъ Славянскихъ же писателей. Эней Сильвій говоритъ: Hungari, Bohemi, *Russani*, Polonique Moravorum principi paruerunt (т. е. Святополку)». — Г. Куникъ (Beruf. II, 27) справедливо замѣтилъ, что въ этомъ мѣстѣ *Russani* приводятся не въ смыслѣ Мораванъ, а какъ одинъ изъ народовъ, подчиненныхъ царству Моравскому (nur als ein Nebenvolk des grossen Mährenreiches).

Г. Куникъ приводитъ слова Чешскаго писателя Пулаквы (Přibík или Přibislav ze Hradenína † 1380 г.) о Святополкѣ Мо-

равскомъ: «Eidem etiam Regi, suberant terrae, videl. Polonia et *Russia*, et erat caput regni Moraviae civitas Welegraden». — При семъ замѣтилъ также г. Куникъ, что здѣсь *Russia* не значитъ Моравія, что конечно справедливо. — Въ Чешскомъ текстѣ своемъ Пулкава, упомянувъ о крещеніи князя Чешскаго Боривоя въ Велеградъ въ 894 г., продолжаетъ: «Těch také časuw pod krále Morawského (panstwím) bylesta tieto dwie zemi to jest Polsko a Rusko. I jest také znamenati, ž těch časůw Welehrad byl gest hlawa wšj země Morawské» — (Kron. Česká... od Fr. Faust. Procházky. 1786. Стр. 48)¹.

Эней Сильвій или тотъ, у кого онъ заимствовалъ приведенныя нами слова, говоря *Russani*, нѣтъ сомнѣнія, разумѣлъ Карпатскую Русь. — А у Пулкавы († 1380 г.) едва ли возможно предполагать мысль и желаніе подъ словомъ *Russia* и *Rusko* понимать современную ему Русь XIV стол. — Едва ли возможно также предполагать, что Пулкава ничего не зналъ о Русскихъ, бывшихъ уже въ его время въ Уграхъ.

Изъ словъ безыменнаго Нотарія ясно открывается, что бытность Руси въ Уграхъ ни для кого въ Венгріи не было тайною. — *Dux Zulta... dedit castrum construere Ruthenis, qui cum Almo duce, avo ejus in Pannoniam venerant*».

Нѣтъ сомнѣнія, если бы Русь въ Уграхъ поселилась не позже какъ въ XII и въ XI в., то, конечно, Мадьяры XIII в. не думали бы, что они пришли туда вмѣстѣ съ Альмомъ, а Славяне XVII, XV и даже можетъ быть XIV в. не причисляли бы ихъ къ подданнымъ Святополка Моравскаго.

Современную Русь Угорскую г. Куникъ не считаетъ псевдо-Русью. Если справедливо, что болѣе 4 сотъ тысячъ Русскихъ въ Уграхъ не могли переселиться туда въ новѣйшія времена, въ XIII и XIV стол., если справедливо, что Славяне и сами Мадь-

1. См. также Lelewel, *Polska średnich wieków*, t. II, p. 151. *Chronic. Ungaror. mixta Polon. ex anno 1220—1227*, pag. 354: «nam termini Polonorum ad litus Danubii ad civitatem Strigoniensem terminabantur; dein Magriensem civitatem ibant; dein in fluvium, qui Cepla nuncupatur, usque ad castrum *Galiz*, ibique inter Ungaros, *Ruthenos* et Polonos finem dabant.» Это относится ко временамъ св. Стефана Венгерскаго (1000—1038 г.) и Болеслава Польскаго (992—1025 г.). *Galiz* есть Словацкій городокъ *Шарнишъ* при *Прешовѣ*. (См. весьма любопытное сочиненіе «Die ruthenische Frage in Galizien... von ein. Russinen». Lemberg. 1850. 8°. S. 10).

яры относили ихъ первое появленіе въ Уграхъ къ гораздо древнѣйшему времени, то едва ли справедливо, что лѣтописцы западные, дававшіе иногда имя *Russia* — Венгріи, дѣлали это такъ не потому, что тамъ жила нынѣшняя Русь Карпатская, которая съ теченіемъ времени не возростала, а потому, что въ ней жилъ нѣкогда Нѣмецкій народъ *Rugi* — «*Rugiland, quae latino eloquio Rugorum patria dicitur.* (Paul diac II).

Сыновья короля Англійскаго Эдмунда, Эдмундъ и Эдвардъ сосланы были по словамъ Адама Бременскаго († окт. 1076 г.) *in Russiam exilio sunt damnati.* Г. Куникъ опровергнулъ Карамзина, Крузе, Буткова и Гизебрехта, полагавшихъ, что Адамъ Бременскій разумѣлъ здѣсь нашу Россію. — Онъ привелъ извѣстія Англійскихъ лѣтописцевъ, которые прямо говорятъ, что молодые царевичи были отправлены именно въ Венгрію — *ad regem Hungariorum*¹. (Beruf. II, 29 ff.).

Въ собраніи Англійскихъ законовъ Эдуарда Исповѣдника — по одной редакціи, сказано, что Эдмундъ, сынъ Эдуардовъ, бѣжалъ «*ad regnum Dagorum, quod nos melius vocamus Russiam*», а по другой — «*ad regnum Rugorum, quod nos melius vocamus Russiam*». — Тамъ же Маргарита Шотландская названа *ex genere et sanguine regum Rugorum* (ib. II; 34 f.).

Г. Куникъ утверждаетъ, что *Russia, Ruzzia* есть псевдо-Русь, что это производная форма отъ *Rugi*, то же что *Rugiland*.

Вишио († ок. 1056 г.) Нѣмецкій лѣтописецъ — говоритъ про короля Польскаго Мечислава II, что онъ ок. 1025 г. *fratrem suum Ottonem, quoniam Regis (Conradi) partibus favebat, in Ruhnam provinciam repulit*; — а въ другомъ мѣстѣ: «*Misico, dum fratrem suum Ottonem persequeretur, expulerat eum in Russiam*», Трудно подвергать сомнѣнію, что Оттонъ былъ изгнанъ въ

1. См. Florentii Vigorniensis monachi Chron. ex chronicis. Edid. Benj. Thorpe. Londini. MDCCCXLVIII—IX. T. I. p. 181: *Dedit etiam consilium Edricus, ut clitunculos, Eadwardum et Eadmundum, regis Eadmundi filios, necaret; sed quia magnum dedecus sibi videbatur ut in Anglia perimerentur, parvo elapso tempore, ad regem Suanorum occidendos misit; qui, licet foedus esset inter eos, precibus illius nullatenus voluit acquiscere, sed illos ad regem Hungariorum, Salomonum nomine, misit nutriendos, vitaeque reservandos.* (1017 г.); а подъ 1037 г.: «*de Ungaria... Angliam venit*». (ib. p. 215).

Угры, а не въ нашу Россію. «Mit der eben besprochenen Benennung Rühia (Russia) Ungarn haben Palacky und Röpell» а. а. О. eine Form «Ruizi» identificiren wollen (Ber. II, 39). Лѣтописи Гильдесгеймскія (Ann. Hildesheim.) говорятъ, что въ 1031 г. «Heinricus Stephani regis filius, dux *Ruizorum* in venatione ab apro discissus, periit flebiliter mortuus.

Г. Куникъ нашелъ пужнымъ при семъ замѣтить слѣдующее: «Венгерскіе принцы часто получали удѣлы. Очень возможно, что этотъ Генрихъ назывался dux *Ruizorum* потому, что имѣлъ своимъ удѣломъ ту или другую область Венгріи, населенную Русинами. Но такъ какъ Венгерскіе источники не представляютъ къ тому никакихъ данныхъ, то слово *Ruizi* слѣдуетъ понимать въ смыслѣ Венгріи, какъ выше *Rumi* въ смыслѣ Моравіи¹. (Ber. II, 39).

Съ своей стороны не могу не замѣтить, что пока не будетъ положительно доказано, что Русины появились въ Венгріи въ XIII и XIV стол., а не гораздо раньше, до тѣхъ поръ эта *Russia* или не должна быть считаема за псевдо-Русь, или же и современная Карпатская Русь должна быть причтена къ той же псевдо-Руси.

Rugi и *Rugiland* не должны насъ смущать: — продолжатель Регинона называетъ нашу Ольгу — *regina Rugorum*. Очевидно, что такъ Нѣмцы объясняли себѣ слово Русь!

Rutheni.... cum Almo duce.... in Pannoniam venerant. Мадьяры XIII в. были убѣждены, что Русины Угорскіе пришли въ Паннонію вмѣстѣ съ ними.

Мы видѣли, что отъ XIV до X в. въ земляхъ при-Донскихъ были Русскія поселенія; что во все продолженіе этого времени Русскіе занимались добычею серебра въ Донецкомъ кряжѣ; что

1. См. *Placitum Ludovici* — Ber. II, 25. «*Sclavi vero, qui de Rugis* (d. h. aus Mähren) *vel de Baemanis* (d. h. aus dem ehemals keltischen Bojenlande) *mercandi causa exeunt....* Am Ende der Urkunde wird anstatt des obigen *Rugi* geradezu *Moravi* gesetzt: *Si autem transire voluerint ad mercatorum Moravorum....* Wie noch Giesebrecht (in s. wend. Gesch. Berlin. 1843. I, 22) *Rugi* hier durch Russland übersetzen konnte, ist unbegreiflich, da vor der Gründung des russischen Staates an eine unmittelbare Handelsverbindung der Ostslawen mit Deutschland nicht gedacht werden kann».

Рубруквисъ, путешественникъ XIII в., нашель между Волгою и Дономъ многихъ Русскихъ, Алапскихъ, Венгерскихъ или Башкирскихъ разбойниковъ, которые составляли по его словамъ какъ бы отдѣльный народъ. — Трудно себѣ представить, чтобы эта дружба съ Венграми началась у Русскихъ только въ XIII в., во время Рубруквиса. Напротивъ весьма вѣроятно, что она шла издавна. — Константинъ Порфирородный, описывая первоначальныя жилища Угровъ, говорить, что страна эта называлась *Лебедія* (Λεβεδία) по имени *Воеводы* (ἀπο τῆς τοῦ πρώτου Βοεβόδου αὐτῶν ἐπωνυμίας, ὅστις Βοεβόδος τὸ μὲν τῆς κλήσεως ὄνομα Λεβεδίας προσαγορεύετο, τὸ δὲ τῆς ἀξίας, ὡς καὶ οἱ λοιποὶ μετ' αὐτὸν, Βοεβόδος ἐκαλεῖτο)... «ἄρχοντα δὲ εἰς αὐτοὺς εἴτε ἴδιον εἴτε ἀλλότριόν ποτε οὐκ ἐκτῆσαντο, ἀλλ' ὑπῆρχον ἐν αὐτοῖς Βοεβόδοί τινες, ὧν πρῶτος Βοεβόδος ἦν ὁ προρρηθεὶς Λεβεδίας. Разбитые Печенѣгами, Мадыяры раздѣлились на двѣ части, одна убралась на востокъ, — τὸ δὲ ἕτερον μέρος ἐς τὸ δυτικὸν κατώκησε μέρος, ἅμα καὶ τῷ Βοεβόδῳ αὐτῶν καὶ ἀρχηγῷ Λεβεδία, εἰς τόπους τοὺς ἐπονομαζομένους Ἀτελκούζου, ἐν οἷς τόποις τὸ νῦν τὸ Πατζιναχιτῶν ἔθνος κατοικεῖ. De adm. imp. с. 38. Еще Цейса поразили эти слова: *Лебедія* и *Воевода*; онъ не могъ удержаться и не замѣтить — «*Wojewod, ein slawisches Wort, kann bei den Ungern nicht in Gebrauch gewesen sein*». Рѣшительно недоумѣвая, какимъ образомъ могло попасть къ Уграмъ Славянское слово *воевода*, Цейсъ для объясненія обратился къ слѣдующему домыслу: «*Der Bericht scheint nach den Angaben eines Slawen niedergeschrieben*»... «*Das Wort Lebedias scheint kein anderes als Eleud in den ungrischen Genealogien zu sein. Lebedja, Lebedjan findet sich übrigens als slawischer Ortsname, wieder slawischer verwirrender Einfluss?*» (Zeuss, 750).

Въ XIII в. Русскіе между Дономъ и Волгою братаются съ Мадыярами. Съ котораго времени стали эти два народа водить дружбу и пріязнь? Въ IX в. по свидѣтельству Константина Порфиророднаго у Мадыяръ былъ начальникъ, называвшійся *Воеводою Лебедію*. Безъименный Нотарій Белы, имѣвшій передъ собою историческія сочиненія и народныя преданія и рассказы, говорить: «*Rutheni . . . cum Almo duce in Pannoniam venerant*». Цейсъ говорить, что Славянское слово *воевода* не могло быть

въ употребленіи у Мадьяръ. Но Цейссъ говорилъ такъ въ 1837 г.; въ настоящее же время рѣшительно нѣтъ никакого основанія утверждать положительно, что Безымянный Нотарій Гелы сочинилъ, выдумалъ басню о томъ, что съ Мадьярами пришли въ Паннонію и Русскіе. Нѣтъ никакого основанія, потому что намъ извѣстны слова Массуди, который полагалъ, что *Руссы* вмѣстѣ съ *Буларами* (конечно Дунайскими) и *Славянами* были потомки одного родоначальника¹, не считалъ ихъ иноплеменниками², описывалъ ихъ какъ народъ многочисленный, раздѣленный на многія вѣтви, не признававшій ничьей надъ собою власти. Вотъ какъ описываетъ Массуди Руссовъ: «При верхнемъ теченіи рѣки Хозарской (Волги) отдѣляется отъ нея рукавъ Донъ, который впадаетъ въ узкій заливъ моря Понта, моря Русскаго; ибо ни одинъ народъ, кромѣ Руссовъ, не плаваетъ въ этомъ морѣ. Это великій народъ, живущій на одномъ изъ береговъ этого моря. Они никогда не признавали ни государя, ни какого положительнаго закона. Многіе изъ нихъ купцы и торгуютъ съ царствомъ Таргизовъ. Русскіе владѣютъ большими серебряными рудниками, которые могутъ быть сравнены съ рудниками горы Лехджиръ въ Хорасанѣ». Въ другомъ мѣстѣ, передъ описаніемъ похода Руссовъ въ Каспійскомъ морѣ, около 912 г., Массуди говоритъ: «Руссы состоятъ изъ нѣсколькихъ различныхъ племенъ и вѣтвей; одни изъ нихъ на-

1. Sprenger — «El-Masúdí's Meadows of Gold and Mines of Gems. I, 72. «Matúshalekh had many children. Some persons say that the Bulgars, the Russians and Slavonians are his descendants».

2. Тамъ же. С. 409. Каждый мусульманинъ у Хозаръ называется именемъ *Járisian* (although he may not be of this nation), and it is even extended to such *Russians* and *Slavonians* as serve in the (standing) army or household of the king; although they are pagans as we have said. Стр. 407: One of the various Pagan nations who live in his country (Khazar) are the *Sekálibah* (Slavonians), and another the *Rús* (the Russians). They live in one of the two sides of this town: they burn the dead with their cattle, utensils, arms, and ornaments. When a man dies, his wife is burnt alive with him; but when the wife dies, her husband is not burnt. If a bachelor dies, he is married after his death. Women are glad to be burnt; for they cannot enter into paradise by themselves. This usage prevails also among the Hindus, as we have said. But the Hindus never burn a woman with her husband, unless it is her own wish.

зываются Аль-Люданетъ. Они ходятъ по своимъ торговымъ дѣламъ въ Испанію, Римъ, Константинополь, къ Хозарамъ».

Рено положительно утверждаетъ, что во мифіи Массуди Руссы не были Норманны, и справедливо: Руссы Массуди — цѣлый, осѣдлый народъ, многочисленный, владѣющій серебряными рудниками въ Донецкомъ краѣ. Массуди полагаютъ, что Руссовъ, ходившихъ около 912 г. грабить по Каспійскому морю, было около 50 тысячъ человекъ; свѣдѣнія Массуди о Руссахъ простирались до 944 г.; когда же успѣла бы Варяжская дружина Рюрика разростись въ цѣлый великій народъ?

Географъ Арабскій Аль-Истахри также не смѣшиваетъ Славянъ и Руссовъ, однако и не раздѣляетъ ихъ, какъ иноплеменниковъ; онъ говоритъ: «Руссы живутъ между Булгарами и Славянами». Однако Руссы, по его мифію, тоже не Шведы, а отдѣльный народъ, раздѣленный на три племени. «Die Russen sind in 3 Stämme getheilt; der eine wohnt in der Nähe der Bulgaren: ihr König wohnt in der Stadt Kuthaba, welche grösser ist als Bulgar. Der zweite Stamm heisst Slaven, und der dritte Uthanie, ihr König wohnt in Arba. Die Kaufleute kommen nur bis Kuthaba, nach Arba aber kommt keiner von ihnen, weil die Einwohner jeden Fremden tödten und in's Wasser werfen. Deshalb berichtet niemand etwas von ihren Angelegenheiten und sie stehen mit Niemanden in Verbindung. Von Arba führt man schwarze Zobelfelle und Blei aus. Die Russen verbrennen ihre Todten mit ihre Habe, zum Besten ihrer Seelen. Sie tragen kurze Röcke. Arba liegt zwischen dem Lande der Chasaren und den grossen Bulgaren, welche an die Römer gränzen, im Norden derselben. Diese Bulgaren sind sehr zahlreich, und so mächtig, dass sie den angränzenden Römern tribut auferlegen. Die inneren Bulgaren sind Christen»¹.

Современникъ нашихъ Рюрика и Олега, Ибнъ Хордатъ Бегъ, умершій старикомъ въ 912 г., говоритъ прямо — *Русскіе изъ племени Славянъ*.

1. Das Buch der Länder von Schech Ebn Ishak el Farsi el Isztachri, aus dem Arab. übers. von A. D. Mordtmann. Nebst ein. Vorworte v. Prof. C. Ritter. Mit 6 Karten. Hamburg. 1845.

Смѣю думать, что знаменитый Французскій ориенталистъ не ошибся, полагая, что Руссы Массуди не были Шведы.

Не рѣшаюсь утверждать, что Безъименный Нотарій Белы выдумалъ басню о приходѣ съ Мадьярами въ Паннонію Руссовъ — *Rutheni . . . cum Almo duce in Pannoniam venerant.*

Но если Руссы были народъ Славянскій, довольно сильный и многочисленный, жившій въ X и IX в. около Азовскаго моря и Дона, то какъ народъ земледѣльческій, не кочевой, онъ не могъ явиться вдругъ: отъ чего же исторія не знаетъ въ этихъ мѣстахъ Руссовъ? Славянтъ знаетъ — Прокопій (552 г.) перечисляя народы, жившіе при устьи Дона и по берегу Азовскаго моря, говоритъ: «Дальнѣйшія края на сѣверъ занимаютъ Апты, народы безчисленные». Его современникъ Иорнандъ называетъ Антовъ сильнѣйшими изъ Славянъ. Во II стол. по Р. Х., какъ видно изъ словъ Плинія, жили нѣкоторыя Славянскія вѣтви по Дону. По народнымъ сказаніямъ Скандинавскимъ, рѣка Донъ — *Tanaquisl* называется рѣкою Славянскою — *Wanaquisl*. На восточной ея сторонѣ лежитъ земля *Асовъ* (Аланъ или Ясовъ) *Asaland*, въ ней городъ *Asgard*, а въ немъ царствовалъ Одинъ. Онъ велъ войну съ Ванамъ, но съ переменнымъ счастіемъ. Одинъ переселился потомъ на сѣверъ въ Скандинавію.

Если Руссы были дѣйствительно Славяне, какъ видно изъ словъ Массуди, Аль-Истахри, какъ утверждаетъ Ибнъ-Хордаты-Бегъ († 912 г.), то отъ чего же ихъ не знаетъ исторія до призванія Рюрика?

Будто бы и не знаетъ?

Шахиръ-эдъ-динъ, к. 9 в. Гиджры — 15 в. по Р. Х., авторъ исторіи Мазандерана и Таберистана, упоминаетъ Руссовъ въ VI в., какъ современниковъ Шупирвана Великаго. Вотъ переводъ этого мѣста, сдѣланный Гаммеромъ для графа Румянцова: «Section des enfans de Djamash et de l'occupation de Djil Ben Djilanshah dans les provinces de Taberistan et Guilan et particulièrement à Rouyan. — Djamash eut deux enfans dont l'un fut nommé Narsi et l'autre Behwat. Après la mort du père, Narsi lui succéda dans le gouvernement, et ajouta plusieurs provinces de ces environs à celles que son père posséda. On le nomma le maître des Combats de Derbend, et dans le tems du Chah Nouchirwan (le

Grand) il affranchit ces pays et fit pendant treize ans la guerre, jusqu'à ce qu'il eut réduit tous ces peuples à l'obéissance. On attribue la digue (derbend) qu'il a construite, à Nouchirwan. Behwat eut un fils nommé Sourkhab qui fut l'ayeul des Chahs du Chirwan et ses enfans y gouvernent encore aujourd'hui. Narsi eût un fils nommé Firouz, beau comme Joseph d'Égypte et brave comme Rostem. Après la mort de Narsi, Firouz succéda à son père et dans toutes les possessions des Russes, Khazars et Slaves, il n'y avait pas de chef, qui ne lui eut pas rendu obéissance».

Знаменитый Нѣмецкій ориенталистъ Гаммеръ, который безъ сомнѣнія не питаль ни малѣйшей злобы или ненависти къ Нѣмцамъ, не отвергалъ этого свидѣтельства, и даже замѣтилъ: «Trouvant ici les Russes comme contemporains du grand Cosroës, je ne saurais plus douter que ce ne soient eux désignés dans le Coran comme les *Asshab Ras* ou *Ros*¹. — Френъ, великихъ трудовъ и заслугъ котораго нельзя не цѣнить высоко, совершенно отвергъ это извѣстiе, какъ позднее и не заслуживающее довѣрiя. Мы ниже увидимъ, что это извѣстiе не содержитъ въ себѣ ничего особенно невѣроятнаго относительно Славянъ, а здѣсь замѣтимъ только, что Френъ рѣшительно не имѣлъ времени близко ознакомиться съ древностями Славянскими, пособiя же того времени не отличались особеннымъ богатствомъ: великiй трудъ Шафарика вышелъ черезъ 14 лѣтъ спустя послѣ сочиненiя Френа.

Руссы съ Хозарами упоминаются на Кавказѣ не только въ VI в., не только Шахир-эд-диномъ.

Арабскiй писатель Табари (838—9 г. + 922—923) жившiй въ Багдадѣ, авторъ Всемирной исторiи отъ Сотворенiя мiра до 912 г., упоминаетъ Руссовъ вмѣстѣ съ Хозарами на Кавказѣ подъ 642 г. Ниже мы увидимъ, что въ извѣстiи аль-Табари нѣтъ ничего нелѣпаго и невѣроятнаго. Предположенiе же о томъ, что Табари могъ слышать о походѣ Руссовъ 914 г. и событiя позднѣйшiя перенесъ на времена повѣйшiя — едва ли заслуживаетъ уваженiя: оно слишкомъ невѣроят-

1. Френъ — Ibn Foszl. 36 f.

но и произошло отъ другаго предположенія, будто слово *Русь* никоимъ образомъ не могло быть Славянскимъ, что оно необходимо происходитъ отъ Финскаго *Ruossi*, а то въ свою очередь отъ *Rodsin*. Но Руссы Массуди, народъ многочисленный, не Норманны: современникъ Рюрика и Олега, умершій старикомъ въ 912 г., называетъ Руссовъ племенемъ Славянскимъ; правдивое и достовѣрное извѣстiе Венгерскаго лѣтописца XIII в. несомнѣнно убѣждаетъ насъ въ томъ, что Русь Угорская не считалась въ то время новопоселенцами: *Rutheni cum Almo duce in Pannoniam venerant*. Слѣдов. Руссы должны были жить по Дону и по Азовскому морю гораздо раньше X — IX в. Извѣстiе Табари, не заключая въ себѣ ничего невѣроятнаго или недостовѣрнаго, подтверждаетъ всѣ другія свидѣтельства. Массуди въ перечнѣ своихъ источниковъ и пособій — упоминаетъ объ историкѣ Табари съ великимъ уваженіемъ. Привожу его слова по переводу Спрингера: «The history of Abu Jâfar Mohammed Ben Jarîr el Tabarî. — No other book can be compared with this, which forms a supplement to all other works. He has collected different historical traditions and documents, so that his book contains a variety of information, which renders it very useful. And how could it be otherwise? the author having been the most learned Divine of his age, and the most religious person of his time. He united the knowledge of the Divines of all the leading cities, and was acquainted with all traditions and documents». (Sprenger, p. 18 — 19).

По такимъ же причинамъ нѣтъ никакого основанія утверждать, что *Руссы* не упоминаются въ недошедшемъ до насъ Арабскомъ подлинникѣ Табари, а что имя ихъ занесено позднѣйшими переводчиками.

V. Говоря о Варягахъ Руси, о тѣхъ Свейскихъ людяхъ (*gentis Sueonum*), что въ 830-хъ назвали себя Росъ *qui se, id est, gentem suam Rhos vocari dicebant*, мы имѣли случай замѣтить, какъ мало вѣроятно, чтобы *Rhos* было *Rodsin*.

Славяне знали непосредственно Свеевъ, Готовъ, Урманъ, Англянъ.

Невѣроятно, чтобы съ Варягами Русью они не могли познакомиться непосредственно, безъ содѣйствія Финновъ.

Нѣтъ никакой возможности доказать, чтобы *Русь* было слово не Славянское. Оно рѣшительно ничѣмъ не обличаетъ своего Финскаго происхожденія. Весьма вѣроятно, что оно было Славянскимъ.

Оно дѣйствительно было названіемъ народа Славянскаго, жившаго въ Уграхъ и на Дону, около Азовскаго моря.

И такъ мы находимъ Славянское названіе въ Скандинавіи. Если обсудить заключеніе и рассмотретьъ его само по себѣ, то явится возможность провѣрить и основную мысль, и процессъ ея развитія, и окончательный ея выводъ.

Новгородскія лѣтописи молчатъ, и только извѣстно изъ Шведскихъ, что въ 1188 г. Русскіе вмѣстѣ съ Эстами и Карелами, пришли на судахъ въ окрестности Стокгольма, убили Архіепископа Упсальскаго, 14 Іюля взяли древній торговый городъ Сигтуну, разорили его до конца, и награбили много добычи, между прочимъ увезли съ собою серебряныя церковныя врата, которыми и украсили соборную церковь Новгородскую¹.

Изъ того, что Новгородскія лѣт. молчатъ объ этомъ, еще нельзя заключать, чтобы въ этомъ походѣ Славяне принимали незначительное участіе. Шведамъ лучше самимъ было знать, кто ихъ землю грабилъ. Едва ли бы Эстонцы и Карелы въ 1188 г. пожертвовали серебряныя церковныя врата въ Новгородскую соборную церковь. — Лѣтописи молчатъ и о населеніи Вятки, какъ молчатъ о многомъ другомъ.

Смѣю думать, что этотъ походъ Славянъ Русскихъ въ Швецію былъ весьма вѣроятно не первымъ враждебнымъ ихъ посѣщеніемъ Швеціи. Можно думать, что Русскіе Славяне издавна посѣщали Упландію какъ съ мирными, такъ и съ враждебными цѣлями.

Іорнандъ (VI в.) при описаніи своемъ полуострова Скандинавскаго, говоритъ между прочимъ: «*Sequitur deinde diversarum turba nationum, Theustes, Vagoth, Bergio, Hallin, Liothida, quorum omnium sedes sub humo plana ac fertili, et propterea inibi aliarum gentium incursionibus infestabantur.* (De reb. Get. c. 3). Эти народы занимали преимущественно восточные берега Скандинавіи, и

даже юговосточные, какъ напр. *Hallin*¹. Изъ словъ Юрнанда еще вовсе не слѣдуетъ, чтобы эти разные народы, тревожившіе своими набѣгами Скандинавію, были только Финны, выходившіе изъ горъ своихъ опустошать эти мѣста.

Юрнандъ говоритъ (с. 47) «за грѣхи наши теперь Славяне всюду свирѣпствуютъ: «*Veneti, Antes, Sclavi, nunc ita facientibus peccatis nostris ubique desaeviunt*».

Народныя преданія Скандинавскія доказываютъ давнишнее знакомство Скандинавовъ со Славянами. Слова Юрнанда ставятъ эти извѣстія выше всякаго сомнѣнія: «*in (Scandzae) parte arctoa gens Adogit consistit. Aliae vero ibi sunt gentes Resennae. Alia vero gens ibi moratur Suethans, quae, velut Tharingi, equis utuntur eximiis. Hi quoque sunt, qui in usus Romanorum saphirinas pelles commercio interveniente per alias innumeras gentes transmittunt famosi pellium decora nigredine*».

Эти *innumerae gentes* были Славяне, населявшіе будущую Русь. Прокошій выразился «безчисленные народы Антовъ» (ἔθνη τὰ Ἀντῶν ἄμετρα); а Матвѣй епископъ Краковскій въ 1150 г. говоритъ: «*Ruthenia . . . quae quasi est alter orbis, — gens illa Ruthenica multitudine innumerabili ceu sideribus adaequata*».

Что Славяне не нападали на Швецію гораздо раньше XII в. и даже не могли нападать на нее, все это будетъ доказано только тогда, когда будутъ представлены ясные и несокрушимые доводы въ пользу слѣдующихъ двухъ положеній: 1) Славяне (Новгородскіе) были такъ неразвиты и забиты, что не могли и помышлять о такихъ предпріятіяхъ: 2) если бы и имѣли на то охоту, то не имѣли никакой возможности осуществлять подобныхъ намѣреній, не обладали нужными къ тому матеріальными средствами, не имѣли судовъ, лодокъ, боялись воды и пр.

Пока положенія эти не доказаны, догадка наша остается во всей своей силѣ.

1. Цейссъ. S. 506. Онъ исправляетъ текстъ Юрнанда такимъ образомъ: *quorum omnium sub iugo glaciali fertiles, et propterea inibi aliarum gentium incursionibus infestantur*.

По преданіямъ Скандинавскимъ, на Дону, рѣкѣ Славянскою — Vanaquisl, жили нѣкогда Нѣмцы, будущіе Скандинавы, въ сосѣдствѣ со Славянами. Одинъ воевалъ съ ними, но съ перемѣннымъ счастіемъ.

Безспорно, что войны весьма сближаютъ между собою народы; скоро, помимо враждебныхъ сношеній, образуются пріязненные; союзы брачныя, связи торговыя, еще болѣе скрѣпляютъ эти сношенія. Наконецъ нельзя забывать и того, что народы, массы, по крайности племени Индо-Европейскаго, и въ древнѣйшее время вовсе не были одержимы такимъ духомъ ненависти другъ къ другу, какъ то угодно утверждать нѣкоторымъ писателямъ. Часть Славянъ, этихъ Вановъ, находившихся въ тѣсныхъ сношеніяхъ съ Нѣмцами, весьма легко могла бросить свои старыя жилища и отправиться съ Дону на сѣверъ вмѣстѣ съ Нѣмцами, будущими Скандинавами; точно такъ же часть Нѣмцевъ могла остаться промежъ Славянъ, въ землѣ Вановъ. Въ позднѣйшее время эти Славяне Скандинавскіе, хотя во многомъ огнѣмеченные, могли притягивать къ себѣ Славянъ Новгородскихъ, какъ отдѣльными личностями, такъ и цѣлыми толпами, точно такъ же, какъ оставшіеся въ землѣ Вановъ Нѣмцы, хотя во многомъ ославяненныя, могли притягивать къ себѣ своихъ соплеменниковъ.

Нельзя при семъ забывать и сношеній Славянъ съ Датчанами, и поселеній Славянскихъ на островахъ Датскихъ¹.

Отъ чего не могло быть поселенія Славянскаго въ Скандинавіи?

Есть нѣкоторое основаніе думать, что въ X в., и даже въ началѣ его, существовало у Нѣмцевъ мнѣніе о томъ, что на

1. См. любопытное изслѣдованіе Ширна о Славянск. поселеніяхъ въ Даніи. (Om den slaviske Oprindelse til nogle Stedsnavne paa de Danske Smaaer, въ Historiske Studier af Fred. Schiern. Kjöbenhavn. 1857. Anden Deel. Ss. 440—475). Ширнъ приводитъ изъ книги Арепта (Versuch in vergleichender Völkergeschichte. Breslau. 1843. Ss. 334—335), къ сожалѣнію мнѣ недоступной, слѣдующее любопытное замѣчаніе, какъ результатъ наблюденій надъ населеніемъ Даніи: «Das ist ausgemacht, wenn man die Gesichter und Leiber der Menschen betrachtet, so bestand und bestehet Dänemark gleichsam aus zwei verschiedenen Nationen».

полуостровѣ Скандинавскомъ жили Славяне. Отъ X в. дошла до насъ одна Латинская лѣтопись — *de gestis Normannorum in Francia*¹. Составитель ея жилъ, по всей вѣроятности, во Франціи (*in Sancto Audomaro*) и большею частью извлекалъ изъ Лѣтоп. Берт. до 882 г., а потомъ изъ Вестаинскихъ, и, надо сказать правду, весьма глупо и нелѣпо, такъ что Пертцъ, знаменитый издатель, прямо о немъ выразился, что онъ не можетъ занимать мѣсто въ ряду историковъ. Кромѣ этихъ выборокъ изъ Вестаин. и Бертинскихъ лѣтописей, въ лѣтописи этой есть нѣсколько подробностей, весьма впрочемъ краткихъ, состоящихъ изъ нѣсколькихъ строкъ, которыя нигдѣ въ другихъ лѣтописяхъ не встрѣчаются. Такъ подь 846 г. находится извѣстіе о перенесеніи св. мощей, по случаю набѣга Норманновъ во Франціи, въ одинъ монастырь, свѣдѣніе, которое не находится въ другихъ лѣтописяхъ и могло быть лучше извѣстно тамошнимъ монахамъ². Лѣтопись эта заключается извѣстіемъ, также не встрѣчающимся въ выше указанныхъ лѣтописяхъ: «*Postea Karolus Simplex Rodoni Neustriam tradidit, quam Northmanniam Northmanni vocaverant, eo quod de Northwegia egressi essent*»; т. е. «Карлъ Простой отдалъ Родону (Роллону) Нейстрию, которую Норманны называли Нормандіею, ибо они вышли изъ Нордвегіи».

Начало лѣтописи заключаетъ въ себѣ одну вставку, тоже нигдѣ не встрѣчающуюся. На нее-то и пишушій эти строки и желалъ бы обратить вниманіе читателя. Лѣтопись начинается извѣстіемъ о походѣ Норманновъ 820 г., взятымъ изъ Бертинск. лѣт. Лѣтопись говоритъ такъ: *Northmanni procedentes de Scanzia insula quae Northwegia dicitur, in qua habitant Gothi et Huni, atque Daci, cum 13 navibus egressi* и проч. Слова, напечатанныя курсивомъ, нигдѣ болѣе не встрѣчаются, кромѣ этой лѣтописи, авторъ которой весьма неискусно и нелѣпо пользовался лѣтоп.

1. Pertz. I, 532.

2. Пертцъ говоритъ: *Vixisse (auctor) videtur in Sancto Audomaro, quippe qui annalistae Vedastini anno 881 verba «monasterium nostrum» in «Sithiu oppidum vertat, et anno 846 quaedam adferat, quae illius loci monachis prae aliis nota esse potuerunt*

Ведает. и Берг. «Возможно ли обращать вниманіе на такой источникъ? Не слѣдуетъ ли пройти эти слова мимо, долго на нихъ не останавливаться?»

Смѣю думать, что вставка эта заслуживаетъ нѣкотораго вниманія. Двѣ извѣстныя намъ вставки, не имѣющіяся въ извѣстныхъ намъ лѣтописяхъ, не заключаютъ въ себѣ преднамѣренной лжи и дикой нелѣпости. Онѣ заставляютъ думать, что неизвѣстный намъ составитель лѣтописи о Норманнахъ имѣлъ передъ собою другіе источники, намъ неизвѣстные. Правда, неважная, но все таки ему исключительно принадлежащая подробность записана подъ 846 г. Авторъ жилъ и писалъ еще въ 911 г.; весьма вѣроятно, что свѣдѣніе объ этой подробности заимствовалъ онъ не изъ устнаго, а письменнаго источника.

Норманны, вышедшіе изъ острова Сканціи, который называется Нордвегія, въ которой живутъ Готы и Гуны и Даки.

Что это? Самъ ли неизвѣстный авторъ выдумалъ эти слова? Или же вычиталъ ихъ откуда нибудь и передалъ по своему?

Любопытно, что другая вставка, заключительныя слова его лѣтописи, состоитъ опять почти въ томъ же, что и начало: Норманны вышли изъ Норвегіи — т. е. изъ острова Сканціи, полуострова Скандинавскаго.

Нельзя, кажется, не признать, что эта данная занимала его какъ то особенно, торчала въ его головѣ.

Норманны, прибывшіе въ 820 г., вышли не изъ Скандинавіи. То были Датчане. Безымянный нашъ авторъ ни откуда не могъ вычитать этого свѣдѣнія. Слѣдовательно онъ его выдумалъ точно также какъ и то, что въ его время жили въ Скандинавіи Даки, т. е. Датчане (*habitant... Dani*).

Спрашивается—чисто ли выдумалъ онъ эту данную о Скандинавствѣ Датчанъ, или же онъ вычиталъ ее откуда нибудь и только нелѣпо ее передалъ?

Позволяю себѣ оспаривать у неизвѣстнаго лѣтописца непринадлежащее ему право изобрѣтенія, и смѣю думать, что онъ гдѣ нибудь вычиталъ это мнѣніе о Скандинавствѣ Датчанъ. Еще Юрнандъ въ VI в. писалъ: *Dani ex ipsorum (Scandzae cultorum) stirpe progressi, Herulos propriis sedibus expulerunt*. Точно также другіе писатели, по всей вѣроятности никогда не читавшіе на-

шего автора, и жившіе послѣ него, тоже выводили Датчанъ, по народнымъ преданіямъ, изъ Скандинавіи (Zeuss. 509).

Слѣдовательно авторъ нашъ выдумалъ только то, что въ его время жили въ Скандинавіи Датчане. Смѣю думать, что вмѣсто его словъ слѣдуетъ читать такъ: «Норманны принадлежатъ къ племени Скандинавскому; въ Скандинавіи жили нѣкогда (Готы), Гунны и Датчане.

Гуннами въ средніе вѣка Нѣмцы называли Славянъ, ибо эти послѣдніе въ ихъ рядахъ занимали не послѣднее мѣсто, и такъ какъ сверхъ того Гунны жили въ земляхъ, населенныхъ Славянами. Въ Эддѣ Гуннами называются Славяне, точно также, какъ и у Беды Достопочтеннаго († 735), а Россія у Гельмольда слыветъ *Chunigard eo quod ibi sedes Hunorum primo fuerit*.

Славянское народное названіе *Русь* привело насъ къ необходимости допустить предположеніе о Славянскомъ поселеніи въ Скандинавіи.

Древнее народное сказаніе Скандинавское о тѣсныхъ взаимныхъ связяхъ Скандинавовъ со Славянами на Дону, рѣкѣ Славянской, легко внушило намъ предположеніе о томъ, что часть Вановъ могла оставить свои старыя жилища, оторваться отъ гнѣзда своего и отправиться на сѣверъ вмѣстѣ съ Скандинавами.

Древнія народныя сказанія Скандинавскія указываютъ на давнишнія связи Скандинавовъ съ будущими Русскими Славянами, а слова Юрнанда въ соображеніи съ позднѣйшими извѣстіями даютъ поводъ думать, что эти Славяне Скандинавскіе, хотя во многомъ онѣмеченные, не теряли однако вовсе своей народности, ибо находились въ постоянномъ общеніи со Славянами Новгородскими, которые сами посѣщали Скандинавію и съ враждебными и съ мирными цѣлями.

Безыменной составитель лѣтописи Норманской пишетъ, что въ Скандинавіи живутъ Гунны и Даки. Выше мы убѣдились, кажется, что мнѣніе его относительно Датчанъ не изобрѣтено имъ, а вычитано откуда нибудь, гдѣ передавалось древнее народное преданіе, производившее Датчанъ изъ Скандинавіи. А извѣстіе его о бытности въ Скандинавіи Гунновъ-Славянъ изобрѣтено ли имъ самимъ или тоже откуда нибудь вычитано и

также нескладно передано, какъ и всѣ его извлеченія напр. изъ лѣт. Бергъ?

Можемъ ошибаться относительно дѣйствительной возможности и вѣроятности поселенія Славяцкаго въ Скандинавіи; но однажды и совершенно независимымъ путемъ допустивъ его, мы конечно не станемъ утверждать, что извѣстіе это о бытности Гунновъ - Славянъ въ Скандинавіи было изобрѣтеніемъ и вымысломъ неизвѣстнаго лѣтописца нач. X в., который вообще былъ слишкомъ незатѣйливъ и не блисталъ даромъ изобрѣтательности, а только предлагалъ по своему небогатому разумѣнію то, что вычиталъ. Въ томъ случаѣ, если это объясненіе справедливо, лѣтописецъ конечно можетъ служить живымъ подтвержденіемъ справедливости притчи о жемчужномъ зернѣ.

По Нестору, Варяги были разные — были Урмане, Свеи, Готы, Англыне, были и *Варяги-Русь*.

Чудь, Славяне и Кривичи обращаются къ *Варягамъ-Руси*.

Рюрикъ и братья поюша по себѣ *всю Русь*, т. е. взяли съ собою всѣхъ *Rodzin*, всѣхъ гребцовъ, весь Рослагень? Оно во первыхъ и много слишкомъ, а во вторыхъ и нѣсколько странно!

Г. Куникъ объясняетъ выраженіе *всю Русь* двойкимъ образомъ: во первыхъ три брата взяли съ собою изъ Швеціи все, что называлось *Русью* — *alles mitgenommen, was Russe hiess*, и во вторыхъ въ смыслѣ Греческаго выраженія — т. е. въ томъ же смыслѣ, какъ говорятъ теперь *всая Россія*, а именно г. Куникъ думаетъ, что Несторъ или его переписчики употребили выраженіе *всю Русь* по примѣру Греческихъ лѣтописцевъ. Такъ напр. Константинъ Порфирородный говоритъ, что князья Русскіе отправляются въ ноябрѣ мѣсяцѣ объѣзжать свою землю *μετὰ πάντων τῶν Ρῶς... mit allen Russen*. Такой оборотъ, продолжаетъ г. Куникъ, весьма употребителенъ у Грековъ, такъ они пишутъ *μέγας Κνεζις πάσης Σερβίας*. Такимъ образомъ *alle Russen* Нестора и Константина Порфироднаго ничего больше не значить, какъ военная дружина. Въ справедливости сего послѣдняго объясненія я позволяю себѣ усомниться. Лѣтописецъ и его переписчики несравненно болѣе насъ обладали чутъемъ языка! Всякой Русскій и въ настоящее время чувствуетъ всю неправильность и искусственность оборота *всю Русь* въ смыслѣ воен-

ной дружины, ни намъ, ни подавно имъ не могла прійти мысль сочинить такой оборотъ; весьма невѣроятно, чтобы они читали Константина Порфиророднаго. Гораздо согласнѣе съ истиною кажется намъ первое объясненіе г. Куника «alles mitgenommen, was Russe hiess; es wäre nur sehr natürlich, warum in der Folgezeit in Schweden selbst keine Russen mehr vorkommen», т. е. выраженіе «пояша по себѣ всю Русь» — значить взяли съ собою все, что называлось Русскимъ, потому весьма понятно, что въ послѣдствіи Руси въ Швеціи не встрѣчается.

Объясненіе это кажется намъ совершенно справедливымъ и потому еще, что оно подтверждаетъ несправедливость самаго по себѣ невѣроятнаго и мало основательнаго производства *Руси* отъ *Rodsin*.

Была *Русь* Угорская, Карпатская, была *Русь* Донская, Азовская, была *Русь* Свейская (*gentis Sueonum*), Скандинавская, Варяжская.

Отъ давнишняго сожительства своего съ Нѣмцами, она была сильно онѣмечена; отъ давнихъ и постоянныхъ сношеній съ Славянами она не вовсе утратила свою особенность Славянскую, которая была причиною, что Русь Варяжская легко понимала языкъ Славянскій, и такъ же легко у насъ ославилась, какъ легко и скоро русѣютъ пріѣзжіе въ Россію онѣмеченные Славяне Австрійскіе.

И краски чуждыя съ годами
Спадають ветхой чешуей.

Потому-то Чудь, Славяне и Кривичи обратились не къ Варягамъ Свеямъ, не къ Урманамъ, не къ Готамъ, а къ *Варягамъ Руси*.

Потому-то и Несторъ не нелѣпцу молвилъ, говоря: «Отъ тѣхъ прозвася Русская земля, Новугородьци: ти суть людье Ноугородьци отъ рода Варяжска, преже бо быша Словѣни».

Потому-то послы Олеговы Карлы, Инегелдъ, Фарлофъ, Веремудъ, Рулавъ, Гуды, Руалдъ, Карлъ, Фрелавъ, Рюаръ, Актеву, Труанъ, Лидульфостъ, Стемидъ могли заключить въ Цареградѣ договоръ съ Греками въ 911 г., Славянскій современный переводъ котораго дошелъ до насъ.

Потому-то слова и выраженія договоровъ съ Греками чисто Славянскія, прямо выхваченныя изъ народнаго быта; онѣ такъ сказать трепещутъ жизнью.

Потому-то такое ничтожное количество словъ Скандинавскихъ вошло въ Русскій языкъ.

Очень можетъ быть, что гипотеза наша совершенно несправедлива и потому не заслуживаетъ вниманія. При дальнѣйшихъ своихъ изысканіяхъ, съ открытіемъ новыхъ извѣстій восточныхъ писателей, съ соображеніемъ тѣхъ возраженій, которыми заблагоразсудятъ удостоить меня ученые наши, я могу въ ближайшемъ будущемъ или совершенно отказаться отъ предложенной здѣсь гипотезы и вступить въ ряды противниковъ ея, если не способнымъ, то ревностнымъ ратникомъ; точно также, какъ и возвести вѣроятность ея на ту степень исторической достовѣрности, съ которой она могла бы войти въ науку, какъ ея законное достояніе.

Заключая тѣмъ свои недоразумѣнія и сомнѣнія, которыя пробудились во мнѣ по поводу сочиненія г. Куника, не могу не выразить увѣренности, что меня глубоко оскорбило бы мнѣніе достопочтеннаго автора о томъ, что я не умѣю цѣнить его заслугъ и придавать трудамъ его по Русской исторіи того значенія, какое они по истинѣ имѣютъ, что въ изысканіяхъ моихъ мною руководить не желаніе истины, а какая бы то ни была нетерпимость.

Но, быть можетъ, возразятъ мнѣ, зачѣмъ я обхожу два замѣчанія. или вопроса, а именно: почему же, если *Русь* не обличаетъ Финскаго происхожденія, Финны называютъ Швецію и Шведа—*Rootsi, Ruotsi, Ruotsalainen, Ruossi*, и почему у нынѣшнихъ Русиновъ Угорскихъ нѣтъ слова *Русь*?

Если справедливо, что слово *Rodsin* — гребцы никогда не имѣло значенія собственнаго, то едва ли справедливо, что Финны, назвавъ Швецію и Шведа словами *Ruotsi, Ruotsalainen*, а Норвегію и Норвежца — *Rutia, Rutialainen*, заимствовали слова эти отъ Шведскаго *Rodsin*. Если же справедливо, что въ Скандинавіи была *Русь*, то очень легко могли существовать и неизвѣстныя пока намъ причины, по которымъ Финны стали называть всѣхъ Скандинавовъ этимъ, а не какимъ либо другимъ именемъ.

Если не ошибаюсь, причины филологическія вовсе не претятъ производить *Ruossi, Ruotsi, Rootsi, Ruohi* — отъ Русь, а не наоборотъ. Наконецъ очень возможно, что сходство Финскаго названія Швеціи съ Русью недавнее и случайное. Въ древностяхъ новой Европы еще много вопросовъ темныхъ и мало объясненныхъ, въ знаніяхъ нашихъ намъ возможно подвигаться только путемъ медленнымъ. Я считаю маловѣроятнымъ производство слова *Русь* отъ *Rodsin*, кажется, по причинамъ немаловажнымъ; возможность же Славянскаго происхожденія слова *Русь* подтверждается бытностью Руси Донской, которую Массуди описываетъ, какъ цѣльный, самобытный, осѣдлый народъ, подъ именемъ Руссовъ, которыхъ современникъ Игоря и Олега, Ибнъ Хордаты Бегъ называетъ Славянами, которыхъ Табари упоминаетъ на Кавказѣ въ VII в. вмѣстѣ съ Хозарами, а Шахир-эддинъ въ VI в. вмѣстѣ съ Хозарами и Славянами.

Что же касается до того — отчего Карпатскій Русинъ, на вопросъ объ отечествѣ его, скажетъ вамъ не *Русь*, а *Угорщина*, то это весьма понятно и едва ли требуетъ какихъ нибудь объясненій. Слово *Русь* въ значеніи народа собственно мы давно кажется стали употреблять изрѣдка; отчего же не могли сдѣлать того и наши Карпатскіе братья? Слово *Русь* вмѣсто Россіи у насъ удерживается отчасти въ поговорочныхъ выраженіяхъ — *святая Русь, на святой Руси*, отчасти вліяніемъ книжнымъ; и оно замѣтно выходитъ изъ живаго употребленія: такъ въ новыхъ пѣсняхъ мы слышимъ уже слово *Рассея, Рассеюшка*. Что же касается до Карпатской Руси, то она должна была скоро утратить слово *Русь* въ значеніи земли; ибо она жила не въ Русскомъ, а въ Угорскомъ государствѣ. Слово же *Русинъ, Руснякъ, Русакъ* требуютъ при себѣ форму *Русь*, какъ *Чудинъ* и *Чудакъ* форму *Чудь*. Въ Сибири народъ нашъ *Чудскія* копи приписываетъ *Чудакамъ*.

Пользуясь случаемъ, не могу удержаться отъ одного вопроса. — Извѣстно, что насъ Русскихъ — Нѣмцы въ X в. называли Ругами. Такъ — Ольга — *Helena, regina Rugorum* (Pertz., I, 624), *Adalbertus, Rugis ordinatus episcopus* (ib. I, 625). Отсюда же вѣроятно и *Ruzzi* — *Ruzorum*; потому же и соплеменныхъ Славянскимъ, Русскимъ, Руянъ, Руговъ — называли

иногда Руссами, что и подало нѣкоторымъ поводъ смѣшивать Варяговъ-Русь съ Руянами. (см. Veruf. II, 68). Позволяю себѣ спросить — если бы Русь были Rodsin — гребцы, стали ли бы Нѣмцы называть насъ Ругами? — Если Русь Варяжская не Rodsin, что вѣроятно, то какъ называлась она Нѣмцами до призванія Рюрика? Въ X ли только вѣкѣ стали Нѣмцы смѣшивать Русь съ Ругами?

Что надо разумѣть подъ названіемъ Юрнада — Ethelrugi? Какъ надо понимать слово Ethel? Слѣдуетъ ли безусловно отвергать слова безыменнаго лѣтописца X в. о бытности Гупновъ (Славянъ) въ Скандинавіи?

Въ увѣренности, что всякое добросовѣстное возраженіе должно быть принимаемо во вниманье и къ свѣдѣнію, я рѣшаюсь, для облегченія труда возражателямъ, буде почтутъ меня такимъ вниманіемъ, поставить имъ на видъ слѣдующіе вопросы?

1) Справедливо ли, что слово Русь ничѣмъ не обличаетъ Финскаго своего происхожденія?

2) Справедливо ли, что весьма сомнительно, будто бы Славяне, знакомые непосредственно съ Варягами Свеями, Урманамъ, Англичанами, не могли ознакомиться непосредственно съ Варягами Русью?

3) Справедливо ли, что Русь Карпатская, которой въ настоящее время насчитываютъ гораздо болѣе 400 тысячъ душъ, которая съ теченіемъ времени не возростала, что Русь Карпатская не могла явиться въ настоящихъ своихъ жилищахъ только въ XIII и XIV в.? Справедливо ли, что она пошла отъ Славянъ, а не отъ Шведовъ, будто бы называвшихъ себя Rodsin-гребцами? Справедливо ли, что Мадыяры въ XIII в. полагали, что съ ними, съ вождемъ ихъ Альмою пришли въ Паннонію Русскіе? Справедливо ли, что можно усомниться въ справедливости объясненія Цейсса, почему Славянскія слова *Лебедя* и *Воевода* находились, по словамъ Констант. Порф., у Мадыяръ? Справедливо ли, что замѣченная Рубруквисомъ въ XIII вѣкѣ дружба и пріязнь Русскихъ съ Мадыярами могла идти очень издавна? Справедливо ли, что Безыменный Нотарій не все лгалъ, сочинялъ и выдумывалъ, и что онъ заслуживаетъ вниманія?

4) Справедливо ли мнѣніе Французскаго ориенталиста Рено, утверждающаго, что Руссы Массуди не были Шведами ни на самомъ дѣлѣ, ни во мнѣніи послѣдняго? Справедливо ли, что эти Руссы, эта Донская и Азовская Русь, былъ цѣлый народъ, самобытный, осѣдлый, занимавшійся промыслами? Справедливо ли, что то были не Шведы, а Славяне, какъ называетъ ихъ не только аль Истахри, но и Ибнъ Хордаты Бегъ (+912 г.), современникъ Рюрика и Олега. слѣд. въ то время, когда Шведы не могли еще слиться со Славянами въ одинъ народъ. Справедливо ли, что въ томъ случаѣ, если эта Русь была Славянская, то она не могла явиться въ первые только въ X, IX в.? Справедливо ли, что въ свидѣтельствахъ Шахиръ эдъ-дина и аль-Табари, упоминающихъ о Руссахъ рядомъ со Славянами и Хозарами въ VI и VII в. нѣтъ ничего недостовернаго, нелѣпаго и невѣроятнаго.? Справедливо ли, что при разсмотрѣніи ихъ никакъ не слѣдуетъ забывать словъ Нестора объ отношеніяхъ Славянъ Русскихъ къ Хозарамъ и словъ Массуди о службѣ Руссовъ и Славянъ въ войскѣ Хозарскомъ? Справедливо ли, что эта Донская Русь могла существовать и до VI в. и имя ея можетъ скрываться въ какихъ нибудь другихъ именахъ? Справедливо ли, что еще нѣтъ твердыхъ основаній для того, чтобы утверждать положительно, и нѣтъ никакой невозможности, сомнѣваться, что Птолемеевскіе и Страбоновскіе *Ἀόρσοι*, что на Дону, были непременно Финны?

5) Справедливо ли, при извѣстіяхъ Прокопія (VI в.) и Плинія (II в.) о бытности Славянъ въ при Донскомъ краѣ, не отвергать, а принимать во вниманіе древнее сказаніе Скандинавское о Доуѣ, о Ваныхъ и Асахъ, о сожительствѣ съ ними Скандинавовъ? Справедливо ли, что между Ванями и Скандинавами, воевавшими другъ съ другомъ, но съ переменнымъ счастьемъ, съ теченіемъ времени, отъ долгаго общенія, могли завязаться и тѣсныя, крѣпкія связи, въ слѣдствіе которыхъ часть Вановъ, Славянъ, могла оторваться отъ своего ядра, и отправиться на сѣверъ вмѣстѣ съ народомъ Одина, будущими Скандинавами, точно также, какъ часть сихъ послѣднихъ могла остаться въ старыхъ своихъ жилищахъ, между Славянъ?

6) Справедливо ли, что Славяне Новгородскіе задолго до XII в. могли посѣщать, какъ съ враждебными, такъ и мирными

цѣлями полуостровъ Скандинавскій? Справедливо ли, что на основаніи народныхъ преданій Скандинавскихъ и словъ Юрнанда безошибочно можно заключить о давности связей Скандинавовъ со Славянами (Русскими)? Справедливо ли, допустивъ однажды возможность Славянскаго поселенія въ Скандинавіи, полагать, что связи эти не могли не имѣть нѣкотораго вліянія на поддержаніе въ немъ своей народности, на сбереженіе своего имени, родной рѣчи и т. д.? Справедливо ли, что оно могло служить звеномъ, соединявшимъ будущихъ Русскихъ Славянъ съ Скандинавскими Шѣмцами?

7) Справедливо ли поступилъ бы тотъ, кто, убѣдившись однажды, что слово *Русь* ничѣмъ не обличаетъ своего Финскаго происхожденія, что оно весьма могло быть, и дѣйствительно было Славянскимъ народнымъ названіемъ, рѣшился, не останавливаясь на полъ-пути, довести свою мысль до конца? Справедливо ли было въ такомъ случаѣ прямо высказать тотъ выводъ — что дѣйствительно Славянское названіе *Русь* въ Скандинавіи заставляетъ предположить Славянское въ ней поселеніе? Справедливо ли было при семъ, прежде, чѣмъ оставить его и бросить всѣ дальнѣйшіе поиски, подступить прямо и смѣло къ вопросу — о возможности Славянскаго поселенія въ Скандинавіи? Справедливо ли, что нельзя было не обратить вниманія на *Русь Донскую*, существовавшую уже въ VII и VI в., а по другимъ немаловажнымъ соображеніямъ и гораздо раньше, и на *Русь Свейскую*, Скандинавскую? Справедливо ли, что невольно долженъ былъ родиться вопросъ существуетъ ли между ними какая связь? тѣмъ болѣе, когда извѣстно, что соплеменники этой Донской Руси, Славяне и Кривичи вмѣстѣ съ Финнами, ихъ союзниками и вѣроятно уже достаточно ославяненными, въ половинѣ IX в. переманиваютъ и призываютъ къ себѣ эту Свейскую, Скандинавскую Русь? Справедливо ли было возникшее сомнѣніе, буде это сходство случайное, то зачѣмъ Славяне, знавшіе Варяговъ - Свеевъ, Варяговъ-Урманъ, Варяговъ-Готовъ, обратились не къ нимъ, а именно къ Варягамъ-Руси? то почему эта Свейская Русь такъ скоро ославянилась, почему она такъ полюбилась Славянамъ, какъ то доказывается свѣтлыми народными преданіями, почему эти Свейскіе люди, послы Олеговы въ 911 г. уже такъ хорошо знакомы

были съ языкомъ Славянскимъ, что въ состояніи были заключить договоръ съ Греками, современный Славянскій переводъ котораго такъ сказать бьетъ и трепещетъ жизнью? Справедливо ли, что пытливость не позволяла уже останавливаться и необходимо привела къ вопросу — прежде чѣмъ кинуть всякую мысль о сходствѣ Руссовъ Донскихъ съ Руссами Свейскими, прежде, чѣмъ рѣшать голословно въ пользу его чистой случайности, не слѣдовало ли обратить вниманіе на возможность сродства тѣхъ и другихъ Руссовъ? Справедливо ли, что при семъ нельзя уже было позабыть о древнемъ народномъ преданіи Скандинавскомъ, о сожительствѣ нѣкогда Скандинавовъ на Дону въ сосѣдствѣ съ Ванамъ, объ отходѣ ихъ въ послѣдствіи времени на Сѣверъ и о поселеніи ихъ въ Скандинавіи?

8. Справедливо ли было принять къ свѣдѣнію слова неизвѣстнаго лѣтописца X в. о бытности нѣкогда Гупновъ-Славянъ въ Скандинавіи? Справедливо ли, зная, что Нѣмцы въ X в. нашихъ Руссовъ называли Ругами, не спросить было — давно ли они стали такъ называть Руссовъ? не подтверждаетъ ли это Нѣмецкое названіе (Руси) всю несправедливость производства Руси отъ *Rodsin*, производства и по другимъ соображеніямъ весьма сомнительнаго? Какъ надо понимать Юрнандово *Ethelrugi*, и что разумѣть подѣ словомъ *Ethel*? Справедливо ли, что вражда Славянъ съ Нѣмцами въ древнѣйшія времена, не носила такого характера ожесточенія, какъ во времена позднѣйшія, съ Карла Великаго, когда Нѣмцы съ оружіемъ въ рукахъ стали распространять у Славянъ Христіанство — *tributum accipere et christianismum facere*? Справедливо ли, что нѣтъ языка, нѣтъ и народа, совершенно свободнаго отъ чуждой примѣси? и не правъ ли былъ славный соплеменникъ нашъ Лелевель, говоря: «*Niemasz narodu którego by krew czysta i żadnym rodu obcego zléwkiem zamęcona nie była. Owszem nadto dowodliwa od samych podań dziecinstwa rodu ludzkiego, że każdy naród jest colluvies gentium?*» Справедливо ли, что наукѣ древней исторіи новой Европы, съ помощію сравнительнаго языкознанія и исторіи языковъ суждено вскрыть много тайнъ и объяснить множество явленій, доселѣ непонятныхъ — и что предполагаемый уходъ части Вановъ, Славянъ съ Дону на сѣверъ вмѣстѣ съ Скандинавами на-

ходить себѣ аналогію въ судьбѣ Венетовъ-Славянъ Гальскихъ, которые неизвѣстно когда оторвались также отъ своего гнѣзда и отправились вмѣстѣ съ Кельтами, посреди которыхъ и поселились, долго по всей вѣроятности сохраняли свою народность, и до конца удержали свое имя?

Справедливо ли, прійдя къ такой гипотезѣ и считая ее вѣроятною, рѣшиться было представить ее на судъ ученыхъ?

III.

О РОКСОЛАНАХЪ.

Исслѣдованія Шафарика несомнѣнно опровергли ту ложную мысль о родствѣ Сарматовъ съ Славянами, которая была нѣкогда весьма распространена между учеными и принималась даже отчасти Шафарикомъ въ первую пору его дѣятельности. Остатки ихъ языка, хотя и очень немногочисленные, главное ихъ мѣстопробываніе — въ степяхъ между Кавказомъ, Азовскимъ и Каспійскимъ морями, — свидѣтельства древнихъ писателей (Амміана Марцеллина, Страбона, Тацита и пр.) объ ихъ нравахъ, образѣ жизни и бурной, всегда воинственной дѣятельности — дѣйствительно служатъ самымъ убѣдительнымъ свидѣтельствомъ въ пользу мнѣнія, уже высказаннаго о нихъ еще въ древности, на примѣръ Плиніемъ: — «Sarmatae Medorum, ut ferunt, soboles», мнѣнія, взаимно подтверждаемаго весьма вѣроятнымъ преданіемъ, сохраненнымъ Діодоромъ Сицилійскимъ о томъ, что Саки или Скиѣы, господствовавшіе въ Мидіи и Малой Азіи съ 635 по 305 г. передъ Р. Х. переселили Савроматовъ изъ Мидіи на рѣку Танаисъ или Донъ. Европейская ихъ исторія начинается съ I в. до Р. Х. и продолжается до IV в. по Р. Х. Одинъ изъ сильнѣйшихъ народовъ Сарматскихъ, — *Аланы*, пользовался огромною извѣстностью еще въ Азіи; они извѣстны даже лѣтописцамъ Китайскимъ. Въ Европѣ они являются со II в. по Р. Х. между Дономъ и Днѣпромъ, на Понтѣ, въ окрестностяхъ Нижняго Дуная.

На Понтѣ между Днѣпромъ и Дунаемъ Алановъ застали еще Готы (180—215 г.).

Другая вѣтвь Сарматовъ, *Роксоланы*, которыхъ, впрочемъ, Шафарикъ отличаетъ отъ Аланъ только однимъ именемъ, очевидно сложнымъ изъ *Аланы* и *Рокса*, *Ракса*, упоминаются впервые около 94 г. до Р. Х. въ степяхъ между Днѣпромъ и Дономъ. Они вступали съ Римлянами въ частыя столкновенія,

упоминаются въ Римской исторіи до конца IV в. по Р. Х., помѣщаются на Черноморьѣ близъ устья Днѣпра. Съ прибытіемъ Гуновъ Роксоланы вовсе исчезаютъ изъ исторіи ¹⁾.

Отлагая до другаго болѣе удобнаго времени подробное изслѣдованіе, я позволю себѣ здѣсь въ возможной краткости поставить слѣдующіе вопросы: существуетъ ли непреложное основаніе въ томъ предположеніи, что Роксоланы ничѣмъ не отличались отъ Алаповъ, что первое слово въ очевидно сложномъ имени Роксоланъ есть слово Раха. Раха, означающее Волгу или другую какую рѣку?

Нельзя ли на слѣдующее предположеніе Шафарика: «Названіе Волги Ra, Rha, попадающееся намъ у Птолемея и друг., не есть ли сокращенное Раха?» предложить такой вопросъ: «При мысли о словахъ Идриси (*flumen Ross Athel vocatum*) и Ибнъ-Хордаты Бега (Волга — рѣка Славянская, а Руссы — племя Славянское) не слѣдуетъ ли также вспомнить о Слав. словѣ *ръка* (Греч. ῥέω), о р. *Ръсь*, о слов. *русло* и *русалка*?» (См. выше стр. 54 въ прим.). Нельзя ли при семъ сообразить и названіе Сербской рѣки *Расъ* (= *Ръсь*, какъ *данъ*, *санъ* и пр.), давшей имя *Раса* городу и цѣлому краю? ²⁾. Не слѣдуетъ ли наконецъ предположить, что слово *Роксоланы* дошло до насъ въ Греческой формѣ — вм. *Россаланы* — сравн. ξύν и σύν, διξός и δισσός, триξός и τρισσός, что и самый народъ отличался отъ Аланъ (Осовъ, Асовъ, Ясовъ) не однимъ только именемъ, а смѣсью своего состава. — не приходитъ ли здѣсь на память вышесказанное предположеніе о томъ, что Вань (или одна часть ихъ), сосѣдившіе ко-

1. О Роксоланахъ см. статью г. Куника въ *Mémoires Russes*. T. I. 1853. S. 373—430. Мы смѣемъ думать, что въ этой статьѣ сродство Роксоланъ съ Алапами и тожество сихъ послѣднихъ съ Асами, Ясами не опровергнуты, и мнѣніе о томъ Шафарика и Пейсса непошатнуто. Намъ кажется наконецъ, что авторъ преувеличиваетъ причины быстраго исчезновенія Роксоланъ. Народы, живущіе грабежемъ и войною, оларены чрезвычайною плодovitостью и такимъ образомъ вполнѣ собою подтверждаютъ вѣрность того статистико-экономическаго наблюденія, что народонаселеніе усиленно и замѣтно возрастаетъ послѣ голодовъ, новальныхъ болѣзней, опустошительныхъ войнъ. Знаменитый Конде совершенно справедливо, хотя и очень циничски, выразился послѣ рѣзни при Сенефѣ: *Une nuit de Paris gérarega cela*.

2. См. ст. г. Гильфердинга—въ *Русск. Бес.* 1858. III. Смѣсь. С. 66.

гда-то на Дону съ Асами, назывались *Русью*, что часть этой Руси, нѣсколько родовъ ея, откочевало съ Одиномъ на сѣверъ въ Скандинавію, а оставшіяся части по тѣмъ же причинамъ могли образовать съ частью Асовъ-Аланъ какой нибудь союзъ, въ родѣ, на примѣръ, того, какой существовалъ у Русскихъ съ Мадьярами при Альмѣ, по словамъ Нотарія Белы, или у Русскихъ же съ Аланами и Мадьярами, по словамъ Рубруквиса, у этихъ *Бродниковъ*, въ XV в. являющихся уже подъ именемъ Козаковъ, предковъ нашихъ Донцевъ, которые и теперь отличаются Азіатскимъ наѣздническимъ характеромъ? Не слѣдуетъ ли не забывать ни словъ Баръ-Еврея (о Русскомъ походѣ 944 г.: *Аланы, Славяне и Лазги*), ни въ особенности словъ Нестора: «Дулѣбы и Тиверици, иже суть *Толковины* (т. е. *Бродники*, а ни въ коемъ случаѣ не *Словъне*?)»¹. Не слѣдуетъ ли наконецъ сообразить, что Славяне жили и до IV в. между Днѣпромъ и Дунаемъ и при устьяхъ послѣдняго, что эти Бродники, Толковины (въ Сл. о П. Иг. «сыпахуть ми тѣщими тулы *поганыхъ тлѣковинъ* великій женчюгъ на лоно и нѣгують мя), прямые наследники *Россаланъ*, «сѣдяху по Днѣстру, присѣдяху къ Дунаеву, бѣ множество ихъ, сѣдяху бо по Днѣстру оли до моря, суть гради ихъ и до сего дне; да то ся зваху отъ Грекъ Великая Скуфь»².

Можно ли наконецъ строго, положительно, несомнѣнно доказать, что слово *Русь* не Славянское, что оно не находится ни въ

1. Въ 20-хъ годахъ XIV в. въ Болгаріи дѣйствуетъ толпа кондотьеровъ изъ Аланъ, Мадьяръ и Русскихъ. См. Stritt. Mem. pop. Russ. p. 1025—6. Начальниками ихъ были *Itiles et Temeres, ex Alanis oriundi et Inas ex Hungaris, summus Imperator Υβάνης ὁ Ρῶς, manu promptus et artis imperatoriae scientissimus*. Вотъ предки нашихъ казаковъ, *бродники*, потомки Толковицъ и Роксоланъ.

2. Изъ словъ Страбона (7, 306) едва ли не позволительно заключать, что не всѣ Роксоланы вели жизнь кочевую, а были въ числѣ ихъ, какъ и другихъ Сарматовъ, и люди осѣдлые, занимавшіеся земледѣліемъ: «ἡ δ' ὑπέρχειμένη πᾶσα χῶρα τοῦ λεχθέντος μετὰ Βορούθενους καὶ Ἰστρου, πρώτη μὲν ἐστὶν ἡ τῶν ἱετῶν ἐρημία· ἔπειτα οἱ Τυριγέται μέθ' οὓς οἱ Ἰάζυγες Σαρμάται, καὶ οἱ Βασιλεῖοι λεγόμενοι, καὶ Οὐργοί, τὸ μὲν πλεόν νομάδες, ὀλίγοι δὲ καὶ γεωργίας ἐπιμελούμενοι· τούτους φασὶ καὶ παρὰ τὸν Ἰστρὸν οἰκεῖν, ἐφ' ἑκάτερα πολλοίαις. Ῥωξολανοὶ δ' ἀρκτικώτατοι τὰ μεταξὺ τοῦ Τανάϊδος καὶ τοῦ Βορούθενους νερόμενοι πεδία. Ἡ γὰρ προσάρκτιος πᾶσα ἀπὸ Γερμανίας μέχρι τῆς Κασπίας πεδιάς ἐστίν, ἣν ἴσμεν ὑπὲρ δὲ τῶν Ῥωξολανῶν εἰ τινες οἰκοῦσιν, οὐκ ἴσμεν.

малѣйшей связи съ словомъ *Русь*; *русло*, *русалка*, *Рась*, *Раса*, Скр. *rasa* — жидкость, влага, вода — *роса* и пр., что оно не образовано по аналогіи *глубь*, *мутъ* и еще болѣе *Чудь*, *Серебрь*, *братръ*, *сберъ*, *творь*, *чадь*, *молодь*? Есть ли какая возможность доказать, что собственные имена у Чеховъ, Поляковъ (*Русь*), у Сербовъ (*Руса*, *Русмиръ*, *Русинъ*) и въ Лат. грам. *Russo* (въ Истріи) не собственные давнишнія Славянскія имена, какъ напр., *Славъ*, *Славко*, *Славомиръ* и пр., а пошли только отъ второй половины IX в. и даже позже, — вѣдь не могли же сейчасъ прозваться *Русью* всѣ Славяне Русскіе, — занесены къ нимъ Русскими, пожалуй еще не самими ли Варягами? Какъ объяснить наконецъ самыя мѣстныя названія въ Польшѣ, Моравіи (*Русинове*), на Забалканскомъ полуостровѣ *Россо-кастроуъ*, на Адриатическомъ Поморьѣ *Рѣсса* (К. Багр.) въ устьѣ Которскаго залива, осажденная Сарацинами около 867 г., понынѣ существующій *porto-Rosso* — на островѣ *Лагостъ*, недалеко отъ Сплита, на восточномъ берегу Истріи, въ заливѣ *Медолино* (въ древнихъ Истрийскихъ грамотахъ встрѣчается собственное имя *Russo* — *Русинъ*, рядомъ съ другими Славянскими именами), неподалеку отъ Сплита, на островѣ *Сольтъ*, на островѣ *Торколъ* (что подлѣ острова *Лесины*), на островѣ *Пасманъ* и пр. ¹.

Въ пользу моего объясненія слова *Русь* говорить, кажется, и извѣстное словоупотребленіе: «*на Руси*», а не *въ Руси*, «какъ у насъ было на святой Руси», тогда какъ мы никогда не говорили: у нихъ *на Польшѣ*, у насъ *на Сибири*. Извѣстно, что при нѣкоторыхъ городахъ, расположенныхъ на рѣкахъ того же имени (и также образовавшихся изъ становъ?), употребляется предлогъ *на*, а не *въ*: *на Москвѣ*, *на Донаснѣ*. Такое словоупотребленіе (*на Руси*) указываетъ вообще на значеніе слова *Русь* бо-

1. См. *Portolano del mare adriatico compilato sotto la direzione de'istituto Geografico Militare dell' J. R. Stato Maggiore generale dal capitano Giacomo Marini. Milano. 1830. p. 236, 285—6, 301, 342, 372—3.* Есть *porto Russo* и на берегу Апулии (*Caro d'Otranto*). На то, что это слово *Russo* имя собственное, указываетъ кажется и то, что въ Адриатикѣ есть такіе порты, напр. какъ *porta Schiavina* въ каналѣ *Задерскомъ*: *ibid. p. 226. Schiavone, bocca del Po delle Solle (p. 503).* На полуостровѣ, въ заливѣ Которскомъ, есть мѣстечко *Rose* — *Rose* — *Rosko pristanište*. (См. *Опис. Боки Которской изъ Черной-Горлицы въ Dan. II. 1838. № 39.*)

лѣе географическое, мѣстное, нежели этнографическое, народное.

Примѣч. Считаю долгомъ исправить одинъ промахъ, вкравшійся у меня въ «Истор. Замѣч.», стр. 42, въ подстрочномъ примѣчаніи. Г. Куникъ такъ говоритъ: «Es scheint..., als wären diese Wort u. Namensformen von jeher beiden Stämmen gemeinsam u. als wäre nicht einmal der slaw. Wladimir, den in dieser Form nur bolgarische u. serbische Slawen meines Wissens kennen, als ein solches Lehnwort zu betrachten, das wie князь и кѣметъ bei dem ersten Zusammenstoss der Slawen u. Germanen ins Slawische eindrang.» Но возраженіе наше противъ не чистаго будто бы Славянизма имени *Владиміръ* сохраняетъ всю свою силу, такъ какъ въ слѣдъ за тѣмъ почтенный авторъ прибавляетъ: «Auffallend ist nur, dass d. zweite Bestandtheil dieses Namens im Slawischen keinen passenden Sinn — denn *миръ* Friede u. *миръ* die Welt giebt nur eine künstliche Bedeutung.»

IV.

Подъ г. *Окакомъ* Ибнъ-Батуты ученый ориенталистъ Френъ разумѣлъ г. *Укекъ* или сел. *Увѣкъ*, что лежитъ въ 8—9 верстахъ на югъ отъ Саратова, на правомъ берегу Волги; отстоитъ отъ дер. Болгаръ на разстоянн 420, а отъ Сарая — 300 верстъ. (См. ст. Френа — Ueber die ehemalige mongolische Stadt Ukek — въ *Mém. de l'Acad. Imp. des Sciences de St.-Petersbourg. VI-me série. T. III. Ss. 73—89*). Такъ какъ Ибнъ-Батутъ и женъ Узбека, ѣхавшимъ изъ Астрахани въ Судаку, не было нужды подыматься къ Саратову, притомъ же Змѣицыя горы не представляютъ никакого признака серебра или свинцоваго блеска, и наконецъ Увѣкъ вовсе не находится въ равномъ разстоянн отъ Сарая и отъ Судака, то мы позволяемъ себѣ не согласиться съ мнѣннемъ глубокоуважаемаго нами ученаго о мѣстоположенн г. Окака. Самъ Френъ уже замѣчалъ: «Wenn Ibn Batuta die Distanz zwischen Ukek und Sarai zu 10 Tagereisen ansetzt, so darf man an dieser Differenz keinen sonderlichen Anstoss nehmen. Die Tagereise wäre hier zu 300 Werst berechnet. In der Angabe aber der Entfernung von Sudak (an d. südlichen Küste der Krim) muss nothwendig irgend ein Versehen obwalten, oder es ist im Arabischen Text ein Ortsname zwischen Ukek u. Sudak ausgefallen. (S. 80).

V. (Къ стр. 402).

Мишнія постороннихъ людей о человѣкѣ, съ которымъ они имѣютъ сношенія, при общемъ своемъ сходствѣ, имѣютъ и много разнообразія, которое проистекаетъ отъ разности характеровъ, убѣжденій, образа жизни и занятій этихъ постороннихъ людей.

Человѣкъ, сознающій въ себѣ и силы и охоту и призваніе — имѣть вліяніе на извѣстный кругъ людей, иногда весьма многочисленныхъ и совершенно между собою противоположныхъ, не можетъ и не долженъ пренебрегать мишніями о себѣ всѣхъ этихъ людей, разумѣется не для того, чтобы измѣнять въ угоду имъ свои убѣжденія и имъ нравиться во что бы то ни стало. Нѣтъ, такой образъ дѣйствій мелокъ и грѣшенъ, даже просто низокъ! А для того то нужно ему, чтобы знать вѣрнѣе, какъ, чѣмъ и когда подѣйствовать на этихъ людей и тѣмъ скорѣе убѣдить ихъ въ извѣстной истинѣ, уговорить ихъ избрать ту или другую мѣру, тотъ или другой шагъ.

Всякой человѣкъ приходитъ къ мысли о необходимости имѣть вліяніе на извѣстный кругъ людей, уже послѣ того, какъ его вліяніе началось, однимъ словомъ уже послѣ довольно яснаго и сознательнаго уразумѣнія своихъ силъ и способностей. Затѣмъ, для большаго его успѣха, ему надо только получше опознаться, привести въ порядокъ и закрѣпить тѣ нити, что связываютъ его съ его окружающими. Тогда уже начинается образъ дѣйствій разумный, сознательный, рациональный, разумѣется, на сколько онъ доступенъ человѣку.

Провѣривъ эти мысли на себѣ или на людяхъ, ему близкихъ, читатель уже безошибочно и легко примѣнитъ ихъ и къ цѣлому народу.

Имѣвъ случай, кажется подобно весьма немногимъ, переглядѣть великое множество разныхъ иностранныхъ сочиненій о Рос-

ѣи, пишущій эти строки позволяет себѣ рѣшительно выразить ся, что при большомъ сходствѣ, есть вмѣстѣ съ тѣмъ и много разницы во мнѣніяхъ и сужденіяхъ разныхъ иностранцевъ о Россіи и вообще о мірѣ Славянскомъ, какъ о его прошедшемъ и настоящемъ, такъ и объ его будущемъ. Всякой, кто принялъ бы на себя трудъ провѣрить эти слова, непременно, мнѣ кажется, придетъ къ тому заключенію, что особенности племенные, религіозныя, политическія, словомъ этнографическія и историческія условія — главнѣйшія причины такого разнообразія. Въ сочиненіяхъ Англійскихъ о Россіи и вообще о мірѣ Славянскомъ, не смотря на то, что ихъ авторы бываютъ люди самыя разнообразныхъ религіозныхъ и политическихъ убѣжденій, все таки однако отражаются взгляды Англичанъ на наше прошедшее и будущее. При всемъ ихъ разнообразіи, нельзя въ нихъ не усмотрѣть великаго сходства и единства, что происходитъ именно отъ того, что всѣ они, какъ природные Англичане, крѣпко привязанные къ своей землѣ, главнѣйше заботятся о чести и выгодахъ своей родины и, нерѣдко расходясь между собою по многимъ частнымъ вопросамъ, въ дѣлѣ главномъ и общемъ однако сходятся всѣ вмѣстѣ. Такъ сходились и ихъ предки, дѣло которыхъ они теперь продолжаютъ. Взглядъ Англичанъ на Россію и вообще на міръ Славянскій тѣсно зависитъ отъ прежнихъ и нынѣшнихъ отношеній Англии къ намъ. Сказать правильнѣе, они взаимно обусловливаются. Въ исторіи отношеній Славянъ къ Англии надо искать и основанія и оправданія взглядовъ и мнѣній Англичанъ о насъ¹. Тоже самое легко примѣнить и къ исторіи отношеній Славянъ къ Франціи, къ Германіи, къ Италиі, къ Испаніи.

1. А также и наоборотъ. Чѣмъ болѣе родственныхъ элементовъ въ извѣстныхъ народахъ, тѣмъ болѣе въ нихъ взаимнаго сочувствія и пониманія. Глубокомысленно замѣчаніе Лейбница: *Externa non cognoscit anima, nisi per ea quae sunt in semetipsa*. Свѣтлою правдою дышатъ слова Прескотта: «Во всякой исторіи народной, писанной иноземцемъ, есть непременно односторонность и непониманіе. Одноземство даетъ такія силы, которыхъ никакой геній замѣнить не можетъ». Чѣмъ родственнѣе народы, тѣмъ они, такъ сказать, менѣе другъ другу *иноземцы*. Чѣмъ болѣе сочувствія въ одномъ народѣ къ другому, тѣмъ болѣе въ нихъ однородства и сходства. Свой своему по неволѣ другъ.

Потому-то я и сказалъ, что важно было бы поближе ознакомиться съ мнѣніями Испанцевъ (и Португальцевъ) о Русскихъ и о Славянахъ вообще. О насъ не мало писали и пишутъ въ послѣднее время на полуостровѣ Пиринейскомъ, а между тѣмъ мы не имѣемъ съ нимъ почти никакого общенія.

Знаніе мнѣній о немъ иностранцевъ народу полезно для самосознанія не только отъ того, что они объясняютъ его прежнія и настоящія отношенія къ чужимъ народамъ, но и потому, что часто раскрываютъ ему значеніе и важность такихъ его сторонъ и особенностей, которыхъ онъ прежде въ себѣ или вовсе не признавалъ или слабо цѣнилъ. Такъ напр. намъ Русскимъ было бы крайне полезно ознакомиться съ мнѣніями иностранцевъ объ отношеніяхъ нашихъ къ Славянамъ и о взаимномъ нашемъ общеніи съ ними. При первой возможности, пишущій эти строки не замедлитъ ознакомить съ ними Русскихъ читателей, такъ какъ онѣ могутъ служить для насъ сильнѣйшимъ доказательствомъ вѣрности и основательности мысли о важности и необходимости повсемѣстнаго въ Россіи изученія Славянскихъ языковъ и литературъ (по крайности трехъ, Чешскаго, Сербскаго и Польскаго): иностранцы всѣхъ исповѣданій, націй и партій, Европа, Западъ считаютъ *дѣломъ крайне выгоднымъ и полезнымъ, важнымъ и необходимымъ для Россіи (а не для себя), умственное и литературное ея общеніе съ прочими Славянами.*

Весьма давнишнія и непрерывныя связи Славянъ съ Пиринейскимъ полуостровомъ не могли такимъ образомъ остаться безъ послѣдствій, не отразиться на характерѣ и образѣ мнѣній Испанцевъ (и Португальцевъ) о Славянахъ. Стихія Славянская такъ или иначе не переставала дѣйствовать въ Испаніи съ IX в. (если еще не раньше), по настоящее время. Если Славяне внесли что нибудь отъ себя въ Испанскую образованность и народность, то, безъ сомнѣнія, эта доля, эта стихія Славянская въ Испаніи и въ Испанцахъ, должна съ одной стороны Славянъ привлекать и тянуть къ Испаніи, а съ другой Испанцамъ облегчать пониманіе Славянъ и даже во многомъ сочувствовать имъ.

Такимъ образомъ исторія Славянской стихіи въ Испаніи, хотя и въ слабомъ очеркѣ, впервые однако здѣсь представленная, наводитъ на необходимость вопроса — не осталось ли отъ нея какихъ нибудь слѣдовъ въ современной Испаніи, не отразилась ли она на взглядахъ и мнѣніяхъ Испанцевъ о Славянахъ, на характеръ ихъ нравственныхъ отношеній съ нами.

Зная же взаимную тѣсную связь понятій и представлений одного народа о другомъ съ исторіею ихъ взаимныхъ отношеній, и въ то же время ознакомясь со свидѣтельствами совершенно другъ другу постороннихъ и даже противоположныхъ людей, притомъ рѣшительно ничего не знавшихъ объ исторіи отношеній Славянъ къ Испаніи (слѣдовательно ихъ нельзя заподозрить ни въ пристрастіи, ни въ преднамѣренныхъ взглядахъ), и ознакомясь, говорю, съ такими свидѣтельствами о взаимномъ сочувствіи Славянъ и Испанцевъ, о сходствѣ нѣкоторыхъ явленій у тѣхъ и у другихъ, я невольно и необходимо вношу ихъ въ свой слабый очеркъ исторіи отношеній Славянъ къ Испаніи, тѣмъ болѣе, что она совершенно независимо привела къ такимъ предположеніямъ, которыя теперь какъ бы оправдываются, къ вопросу, на который отчасти получается нынѣ отвѣтъ. Подъ этими двумя посторонними свидѣтелями, разумію извѣстнаго Французскаго литератора Вьярдо и нашего гениальнаго композитора Глинку. «Но ни тотъ, ни другой въ дѣлѣ науки не заслуживаютъ никакого авторитета». Для насъ это именно обстоятельство и важно. Надѣюсь вполне избѣжать упрека въ заблужденіи — поклоняться учености Вьярдо, такъ какъ я и не думаю ее признавать за нимъ; въ то же время справедливость не позволяетъ отрицать въ немъ таланта живаго и мѣткаго наблюдателя, что единогласно признали и Французскіе и Англійскіе критики въ сочиненіи Вьярдо объ Испаніи. Его-то живыми и мѣткими наблюденіями я и намѣренъ теперь воспользоваться. Долго странствуя по Испаніи и довольно близко знакомый съ ея современнымъ бытомъ, Вьярдо посѣтилъ наконецъ и Москву. Общій видъ и положеніе бѣлокаменной, прежде всего напомнили ему Прагу; «впрочемъ, спѣшить онъ прибавить, сходство Москвы съ Прагою только топографическое». Если искать сходства нагляднаго, живописнаго, то Москва, по его мнѣнію, всего

больше походить на Мадридъ. «C'est Madrid, avec ses ondulations de terrain, avec sa multitude de petits clochers dépassant ça et là les blocs des maisons, c'est Madrid, qui rappelle le mieux l'effet général d'une vue de Moscou», Вьярдо объясняетъ это сходство, *отчасти* и справедливо, вліяніемъ Византійскимъ. «N'est ce pas Byzance qu'on retrouve dans la *Sainte Sophie* de Novgorod, ou l'*Assomption* de Moscou, comme dans la *Mezquita* de Cordoue, qu'on retrouve dans l'*Alcazar* des khalifes à Seville ou dans l'*Alhambra* des émyrs de Grenade, comme dans le Kremlin des Tsars?»

При объясненіи такого сходства, Вьярдо замѣтилъ еще: «Ne sait on pas que l'Orient a pénétré dans l'Europe par ses deux extrémités? N'est ce pas l'Orient qu'ont apporté les Arabes en Espagne et les Mongols en Russie?» Не отрицая вліянія Монголовъ на наше зодчество, я позволю себѣ однако напомнить читателю, что Славяне въ Андалузіи въ XI в. (а конечно и раньше), воспитываясь въ мусульманствѣ и въ то же время сохраняя свой языкъ и свои обычаи, учились языку Арабскому, занимались литературою и науками и, по свидѣтельству самихъ Арабовъ имѣли въ средѣ своей писателей, классическихъ по языку. Не вижу никакой необходимости отвѣчать отрицательно на вопросъ — не занимались ли Славяне въ Андалузіи и искусствами? Дѣйствительно, если могли изъ нихъ выходить отличные ученые и писатели, то почему не могли быть и строители, зодчіе?

Знакомымъ съ бытомъ и образованностію Славянъ Балтійскихъ не трудно вспомнить, какъ изумлялись Нѣмцы ихъ искусному построению храмовъ, ихъ тонкой рѣзбѣ, и понынѣ столь любимой Славянами¹.

1. Изумленіе Нѣмцевъ тѣмъ понятнѣе, что до принятія христіанства и до знакомства съ Римскою архитектурою они въ этомъ отношеніи не имѣли рѣшительно ничего своего. См. Schnaase (C.) *Gesch. der bildenden Künste*. Düsseldorf. 1844. III, 474 ff. «Die architektonische Form entsteht so unwillkürlich und empfängt so leicht ein charakteristisches Gepräge, dass wir sie in der Regel bei jedem Volke, das nur die ersten Schritte auf dem Wege zur Gesittung gemacht hat, schon in ihrer Eigenthümlichkeit aufzeigen können. Die Germanen machen eine Ausnahme;

Въ самомъ дѣлѣ, вотъ какъ описываетъ храмъ Славянскій въ Штетинѣ жизнеописатель св. Оттона Бамбергскаго: «Были

obgleich Sitte und Gesetz schon zur Zeit des Tacitus, u. noch mehr zur Zeit der Völkerwanderung ein einigermaßen entwickeltes Volksleben zeigten, hatten sie in ihrer Heimath noch keine Form so weit ausgebildet, um sie auf römischen Boden zu verpflanzen oder auch nur in Deutschland selbst beizubehalten. Zum Theil mag ihre Religion und Lebensweise dazu beigetragen haben; ihre Götter verehrten sie in Wäldern u. Bergen unter freiem Himmel, Städte u. prachtvolle Anlagen hatten sie nicht, ihre ländlichen Wohnungen waren ohne Zweifel kunstlos, mit dem Material, das die Gegend bot, meistens von Holz aufgerichtet. Aber bei alledem ist es ein Zeichen der formlosen, innerlichen Richtung dieser Völker, dass sich keine Spur eines charakteristischen Elements aufzeigen lässt, welches sie in die Baukunst einführten. Die römische Architektur erlitt daher durch die Hand der germanischen Sieger überall keine Veränderung, diese bedienten sich der einheimischen Werkmeister und liessen ihnen freie Hand». Тутъ же, въ примѣчаніи, говоритъ знаменитый авторъ: «Ein Beweis des Mangels architektonischer Vorbildung der Deutschen, auf den man mit Recht aufmerksam gemacht hat, ist, dass wir selbst für die gewöhnlichsten Theile des Gebäudes keine ursprünglich deutschen Wörter haben; sie sind z. B. Pforte, Dach, Mauer, Fenster) den lateinischen nachgebildet. Die Angelsachsen kannten kein anderes Wort für bauen als *zimmern*, getimbrian. Lappenberg. Gesch. v. England. I, 170. Достойный глубокаго уваженія со стороны Русскихъ, почтенный Нѣмецъ Блазіусъ, прекрасно знакомый съ искусствами, хотя и геогностъ по своей специальности, въ своей превосходной книгѣ неоднократно выражаетъ свое удивленіе здравому художественному чувству простаго Русскаго народа. Такъ говоритъ онъ о Вологодскихъ крестьянахъ, занимающихся филигранною работою и разными деревянными и металлическими издѣліями: «Die beiden Bauern waren die einzigen, die diese Kunst in Wologda ausübten; ein Paar anderer arbeiteten darin in Ustissolsk an der Withegda, im Osten des Gouvernements. Sie führten Körbchen, Blumen u. andere Schmucksachen mit grosser Geläufigkeit aus, und lieferten Arbeiten, die sich in Reinheit u. Geschmack mit den italienischen messen können». — «Sehr mannigfaltiger Natur, obschon in der Ausführung einfach, sind die Holzarbeiten, die von den hiesigen Bauern angefertigt werden. Der Bazar oder Gostinoi Dwor war zu einem nicht unbedeutenden Theil damit angefüllt. Am meisten zu bewundern ist, dass diese oft so feinen Metall- und Holzarbeiten von der Art roher, vollkommen ungebildeter Bauern ausgeführt werden u. mit wenigen Ausnahmen jeder Bauer beliebig jedes Gewerbe treibt, und heute diese, morgen eine andere Kunst ausübt». (Reise in Europ. Russl. in d. Jahren 1840 u. 1841. Braunschweig. 1844. I, 147—148). См. также — объ иконописныхъ работахъ простыхъ монахинь одного женскаго монастыря на Шекнѣ: «Die Bilder... zeugten alle von einer bescheidenen u. keuschen Phantasie. Man kann a priori nicht geneigt sein Erzeugnisse von künstlerisch vollkommen ungebildeten russischen Mädchen, die von Kindheit an von jedem lebendi-

въ Штетинѣ четыре «континны» (continae, consinae), и одна изъ нихъ, главная, удивляла архитектурой и отдѣлкой. Въ-шняя и внутренняя сторона ея стѣнъ украшены были выпуклыми рѣзными изображеніями людей, птицъ и звѣрей, такъ живо сдѣланными, что кажется они дышали и жили, и, скажу за рѣдкость, краски, которыми покрыты были изображенія внѣшней стороны стѣнъ, были такъ прочны, что ни ливень, ни снѣгъ не могли имъ вредить».

Не то прочтите составленное Титмаромъ описаніе храма Радагаста, въ землѣ Редарей: «Въ городѣ нѣтъ ничего, кромѣ храма, искусно построеннаго изъ дерева, на основаніи изъ роговъ различныхъ звѣрей. Стѣны его извнѣ украшены чудесной рѣзбой, представляющей образы боговъ и богинь. Внутри же стоятъ рукотворные боги, страшно одѣтые въ шлемы и панцири; на каждомъ изъ нихъ нарѣзано его имя».

Въ своей Датской Исторіи Саксонъ-Грамматикъ описалъ Арконскій храмъ на о-вѣ Руянѣ (Рюгенѣ). Самое описаніе города Арконы заслуживаетъ вниманія: «Городъ Аркона построенъ на вершинѣ высокаго мыса. Съ востока, юга и сѣвера онъ защищенъ природной, а не искусственной защитой и утесами, которые поднимаются, какъ стѣны, и такъ высоки, что ихъ вершины не можетъ достигнуть стрѣла, пущенная изъ метатель-

gern geistigen Impuls abgeschnitten, ohne Kenntniss des mannichfach gestalteten Lebens, auf ihre engen Klostermauern beschränkt geblieben sind, mit den Produkten einer äusserlich frei entwickelten Kunstepoche zu vergleichen». Блазиусъ сравниваетъ эти безъискусственные, но наивно-художественныя произведенія съ произведеніями до-Рафаэлевской и древнѣйшей Византійской школы; замѣчаетъ также, что Русскимъ затворницамъ удалось достичь той идеальной простоты, къ которой напрасно, исходя изъ отвлеченныхъ требованій, стремились Овербекъ и другіе Нѣмецкіе художники. (ibid. I, 123—124). Впрочемъ причины этой неудачи едва ли раскрыты имъ правильно. Я попросилъ бы читателя обратить вниманіе на глубокое и вѣрное замѣчаніе Шнаазе (Gesch. d. bild. K. III, 193) и на весьма замѣчательныя статьи Гоголя и Хомякова о картинѣ великаго художника нашего Иванова, который, по превосходному замѣчанію послѣдняго, «стоялъ на твердой почвѣ и могъ совершить то, что было не возможно для художниковъ Европы. Онъ могъ овладѣть формою, изучить, узнать и передать все тайны тѣлеснаго образа и остаться вполне вѣрнымъ своей духовной основѣ».

наго орудія; подъ ними море. Съ запада онъ защищенъ валомъ, вышиною въ 50 локтей, котораго нижняя часть сдѣлана изъ земли, а верхняя изъ деревяннаго двойнаго забора, внутри засыпаннаго землею. Въ сѣверной сторонѣ течетъ обильный водою потокъ, къ которому ведетъ укрѣпленная дорога. Посреди города площадь и на ней деревянный храмъ превосходной работы, почитаемый, впрочемъ, не только по великолѣпію, но и по величію бога, которому тутъ воздвигнуть кумирь. Заборъ, окружавшій зданіе, украшенъ былъ кругомъ искусно вырѣзанными фигурами, покрытыми, впрочемъ, грубою, безобразною раскраской. Только одинъ входъ былъ въ немъ къ храму. Самый храмъ былъ окруженъ двойною оградой: внѣшняя состояла изъ толстыхъ стѣнъ, покрытыхъ красною кровлей, внутренняя изъ четырехъ колоннъ, отдѣляясь отъ остальной части храма, вмѣсто стѣнъ, богатыми коврами, опущенными до земли, и соединяясь съ внѣшними стѣнами только поперечными балками и кровлей. Весь храмъ былъ увѣшанъ пурпуровою тканью, прекрасной, но уже истлѣвшей; были тутъ и рога звѣрей, удивительные сами по себѣ и по обдѣлкѣ. Тому же богу (Святовиду) были посвящены храмы и во многихъ другихъ мѣстахъ».

Вотъ описаніе Кореницкаго храма Руевита на Руянѣ же, составленное тѣмъ же Саксономъ-Грамматикомъ: «Городъ Кореница окруженъ со всѣхъ сторонъ болотомъ, сквозь которое проложенъ только одинъ ходъ.... Онъ знаменитъ прекрасными зданіями трехъ славныхъ храмовъ. Главное капище находилось посреди передней части храма, которая, также какъ и капище, не имѣя стѣнъ, завѣшена была пурпуровою тканью, такъ что кровля лежала на однѣхъ колоннахъ¹».

1. И. И. Срезневскаго: Изсл. о язык. богосл. древн. Славянъ. Спб. 1848. С. 39 и сл. Тутъ же замѣчено: «Двухъ другихъ Кореницкихъ храмовъ Саксо Грамматикъ не описываетъ, равно какъ и Оботритскаго храма въ Ростокѣ. О другомъ Оботритскомъ храмѣ, находившемся близъ города Мальхова, и его разрушеніи крестоносцами говоритъ хронографъ Саксо. О нѣсколькихъ другихъ храмахъ упоминаютъ жизнеописанія св. Оттона Бамбергскаго: *о храмѣ удивительной величины и красоты въ Гуцковѣ*, о храмѣ въ землѣ Лютичей, о храмахъ въ Вольгастѣ, Юлишѣ, Гавельбергѣ. О другомъ храмѣ у Гаволянъ въ городѣ Брани-

Единогласныя свидѣтельства разныхъ писателей, притомъ природныхъ Нѣмцевъ, весьма, какъ извѣстно, нерасположенныхъ къ Славянамъ¹, множество храмовъ, величина ихъ и сложность въ постройкѣ ясно доказываютъ уму непредубѣжденному, что Славяне Балтійскіе были весьма искусны въ зодчествѣ. Конечно большая часть зданій Славянскихъ были деревянные, однако не подлежитъ сомнѣнію, что бывали и каменные. Безспорно, кажется, что замки въ Рудныхъ горахъ, Исполдинахъ, Судетахъ, Карпатахъ и на горныхъ отрогахъ при-Дунайскихъ, теперь лежащіе въ развалинахъ, принадлежатъ Славянамъ². Изъ извѣстныхъ намъ по имени болѣе двадцати хра-

боръ намекаетъ Пулкава» и проч. С. 42. См. также ст. Воцеля въ Час. Чешск. Муз. 1847. С. 308 и сл.

1. Св. Бонифацій, одинъ изъ лучшихъ людей своего времени и народа, выражался такимъ образомъ: «*Winedi, quod est foedissimum et deterrimum genus hominum*». Въ житіи св. Вильгельма такъ говорится о Датскомъ архіеп. Абсалонѣ: «*homo magni consilii, clericorum decus, moerentium et afflictorum consolator omniumque religiosorum pius amator, totiusque populi modestus gubernator; advenarum et pauperum clemens sustentator, Sclavorumque maximus persecutor, ornamentum fidei*» etc Козьма Пражскій († 1125 г.) говоритъ про Брячислава I: «*perpendit innatam Teutonicis superbiam, et quod semper tumido fastu habeant despectui Sclavos et eorum linguam*». По смерти Баторія воевода Виленскій Христофоръ Радзивиль и воевода Троцкій Янъ Глѣбовичъ говорили Московскимъ посланцъ: «О цесаревѣ же братѣ государь бы вашъ къ намъ не писалъ: если будетъ писать, то всѣхъ отъ себя отгонитъ; мы уже лучше приступимъ всѣ къ Шведу. Цесарева брата помянуть у насъ никто не хочетъ... которыя государства поддались цесарю, и онъ у нихъ всѣ права поломалъ и дань на нихъ наложилъ такую, что стянуть нельзя. У насъ писанное дѣло, что Нѣмецкій языкъ Славянскому никакъ добра не смыслить: и намъ какъ Нѣмца взять къ себѣ въ государи?»

2. «Въ Силезскомъ городѣ Любусѣ былъ храмъ, построенный изъ камня, со сводомъ, и полъ былъ въ немъ устланъ кирпичемъ, а стѣны такъ крѣпки, что когда ихъ снимали, то надобно было взрывать порохомъ» (Бюшингъ: *Wöchentl. Nachr.* III, 200). «Въ Саксонскомъ городѣ Ютробогѣ былъ еще въ XVI в. храмъ языческій, построенный изъ камня со сводомъ, и полъ былъ въ немъ устланъ кирпичемъ, а стѣны такъ крѣпки, что когда ихъ снимали, то надобно было взрывать порохомъ» (Діаконъ Ганнеманъ у Вагнера: *Die Tempel* etc. 63—64). «Потомки Балтійскихъ Славянъ въ Мекленбургѣ и Помераніи, рассказывая до сихъ поръ преданія о храмахъ своихъ предковъ, говорятъ, что храмы эти были сложены изъ огромныхъ камней, что сами нечистые духи спосили эти камни для людей, ихъ обожавшихъ... Между Арабами также носились слухи о каменныхъ храмахъ у Славянъ, какъ видимъ изъ Масуди. — «Кладбищенская церковь на горѣ Мартынской, близъ Мейсена въ Саксоніи, передѣлана изъ стариннаго языческаго храма

мовъ, построенныхъ въ первыя шестьдесятъ лѣтъ по крещеніи Руси, было до четырнадцати каменныхъ; изъ нихъ было три собора — Кіевскій - Софійскій, Черниговскій - Спасскій и Новгородскій - Софійскій¹. Не все же одни только Греки строили, какъ основательно уже замѣчалъ и Карамзинъ². Несторъ упоминаетъ о каменномъ теремѣ, подобно тому, какъ Эббо о каменныхъ постройкахъ у Поморянъ. Имена св. Алиція, иконописца Кіевского († 1114 г.), Божетѣха, художника Чешскаго, игумена Славянскаго Сазавскаго монастыря, отличнаго рѣщика и живописца, прекрасныя фрески въ древнихъ храмахъ Сербскихъ, красота и изящество самихъ этихъ храмовъ, особенно монастыря Дечанскаго и мн. др., ясно и живо свидѣтельствуютъ о способностяхъ Славянъ восточныхъ, западныхъ и южныхъ къ искусствамъ образовательнымъ, которыя изумляли Нѣмцевъ въ Славянахъ Балтійскихъ³.

что доказывается, по мнѣнію Клемма, и ея странною формой, и ея положеніемъ» (Handb. d. germ. Altertumskunde. Dresd. 1836. С. 342). «Нѣмцы думаютъ, что эти и подобные остатки суть остатки языческихъ храмовъ Германскихъ; но ни мѣстности, гдѣ ихъ встрѣчаемъ, ни свѣдѣнія, какія намъ остались о храмахъ Германцевъ, не позволяютъ доходить до подобнаго заключенія» (Гриммъ: D. Myth. 57—77). См. И. И. Срезневскаго: Изсл. о яз. бог. древн. Слав. Спб. 1848. С. 45—46.

1. Исторія Русской церкви, Макарія. Спб. 1857. I, 47 и сл.

2. Id. II, 174, 175, 177.

3. Палацкій говоритъ, что Чешскія монеты временъ Вратислава († 1092 г.) и его сыновей отличаются чистотою и отдѣлкою, невиданною въ то время въ Европѣ. Ихъ рисунокъ и пошибъ отличаются такимъ изяществомъ, что и болѣе образованному вѣку не стыдно бы было имѣть ихъ. Въ жизнеописаніи Альтмана, епископа Пассавскаго, основателя монастыря Хотѣвицкаго въ Ракусахъ, рассказывается о томъ, что, когда этотъ епископъ хотѣлъ освятить тамошній храмъ, въ 1081 г., то къ нему пришелъ посланникъ отъ князей Чешскихъ и принесъ ему въ даръ отъ нихъ прекрасный образъ Богоматери (*imago b. virginis Mariae, graeco opere mirabiliter expressa, merito in eadem ecclesia adhuc conservata et perpetuo conservanda*). Византійская живопись, принесенная въ Моравію и Чехію учителемъ Славянскимъ Меодіемъ и его учениками, и по прекращеніи Славянскаго обряда еще долго сохранялась у Чеховъ въ Славянскомъ Сазавскомъ монастырѣ, въ немногочисленныхъ художественныхъ остаткахъ котораго знатоки находятъ великое сходство съ замѣчательнѣйшими произведеніями счастливой для Чеховъ Каролинской эпохи. См. ст. г. Запа: *Obříství a Libiš*, въ журн. *Průběhky archeologické a místopisné*. D. I, sešit 3, стр. 115, и рисунокъ 7 и 8; его же статью: *Votivní obraz arcibiskupa Očka z Vlašimi*. D. I, seš. 5, стр. 231, и рис. 13. См. также статью А. Н. Попова о древней живописи Чешской. Напомнимъ прекрасныя ми-

Въ фантастическомъ описаніи Массуди храмовъ Славянскихъ отразились конятія Арабовъ объ искусствѣ Славянъ; а Ибра-

ниатюры Чешскія XI, XII, XIII, XIV и XV стол., иллюстраціи Чешскихъ канціоналовъ XVI стол.; южные Славяне въ своемъ Кловіо имѣли гениальнѣйшаго миниатора, прозваннаго Рафаэлемъ миниатюры. (См. его біографію, написанную Кукулевичемъ Саксицкимъ, въ Архивѣ юго-Славянской исторіи. Лучшимъ произведеніемъ Кловіо считается разрисованный имъ молитвенникъ кардинала Фарезе (въ 1346 г.). Профессоръ Бернардо Куаранта (*Les Mystagogues. Guide général du Musée royal Bourbon. Naples. 1846*) восклицаетъ про него: «Cet office est monument unique au monde. Il est impossible de croire que le pinceau ait tracé ce que les yeux peuvent à peine apercevoir». Чехъ Вячеславъ Голларъ (род. въ 1607 г. † въ Англии въ 1677 г.) занимаетъ въ исторіи гравюры весьма почетное мѣсто и считается основателемъ Англійской школы гравирования. (См. его біографію, изд. Мюллеромъ, въ Часосл. Чешск. М. 1854 г.). Нельзя также позабыть и слѣдующаго классическаго мѣста Энея Сильвія, далеко не безпристрастнаго къ Чехамъ: «Nullum ego regnum aetate nostra tam frequentibus, tam augustis, tam ornatis templis ditatum fuisse quam Bohemicum reor. Templum in coelum erecta, longitudine atque amplitudine mirabili, fornicibus tegebantur, lapideis, altaria in sublimi posita, auro et argento quo sanctorum reliquiae tegebantur onusta; sacerdotum vestes margaritis textae, ornatus omnis dives, pretiosissima supellex; fenestrae altae atque amplissimae conspicuo vitro et admirabili opere lucem praebebant. Neque haec tantum in oppidis atque urbibus, sed in villis quoque admirari licebat. (Hist. Boh. cap. 36). Не смотря на погромы XV и XVI стол., въ Чехии и нынѣ сохранилось множество великолѣпныхъ памятниковъ средневѣковой архитектуры; упомянемъ только о храмахъ: св. Вита въ Прагѣ, св. Варвары въ Кутной Горѣ, о коллегіальномъ Богородицкомъ въ Карлштейнѣ и пр. Де-Ту говорилъ о Познани и Краковѣ: «altera Poloniae urbs est Poznania, quam Varta celebris fluvius affluit, post Cracoviam et superbarum aedium splendore ac magnificentia mercatorum atque opificum omnis generis numero et omnium rerum, non solum ad usum, sed etiam ad luxum necessariorum copia ceteras antecellens, episcopali et ipsa dignitate insignis» (I. LVI). Для Польской археологіи весьма важно прекрасное изданіе: *Wzory sztuki średniowiecznej iz epoki odrodzenia po koniec wieku XVII w dawnéj Polsce*. Wydawane przez Alex. Przewdzieckiego i Edw. Raŝawieckiego. W Warszawie i w Paryżu. Для южно-Славянской археологіи особенно важны превосходные труды многоуважаемаго ученаго и патріота Кукулевича-Саксицкаго. О древнихъ Сербскихъ храмахъ см. Путешествіе В. И. Григоровича по Европейской Турціи и Письма г. Гильфердинга (въ Русск. Бес. за 1858. III и IV ч.). О монастырѣ Дечанскомъ тамъ же и въ соч. Гед. Юс. Юришича: *Дечански првенацъ. У Новомъ Саду. 1852*. Исторію искусства нельзя отрывать отъ исторіи общественности, гражданственности и образованности; чрезъ то и открывается необходимость особой науки — исторіи *Славянскаго искусства*, такъ какъ едва ли возможна полная и ясная исторія какого бы то ни было Славянскаго народа (Чеховъ, Поляковъ, Сербовъ, Русскихъ) не въ связи съ исторіею его соплеменниковъ. Явленія языка, быта, народной словесности, литературы, законодательства одного изъ народовъ Славянскихъ, представляютъ богатые объясненія для таковыхъ же явленій жизни всякаго изъ его соплеменниковъ.

гимъ Вессифъ-Шахъ († 1228 г.), говорилъ про нихъ (въ перев. Шармуа): «Ils ont du génie et de jolies productions de l'art en tous genres». (Rel. de Massoudy, p. 326).

Вьярдо замѣтилъ наконецъ большое сходство и въ церковной музыкѣ Испанцевъ и Русскихъ и особенно въ народной. «Cette ressemblance n'est pas moins frappante pour la musique populaire, si on la cherche entre l'Espagne et la Russie». — «A Moscou principalement et dans le quartier populaire de *Zamoskvarétchié* (pays au delà de la Moskva), on pourrait se croire au faubourg de Triana de Séville, qui est au delà du Guadalquivir».

Къ сожалѣнію, Вьярдо не остановился на указаніи этого факта, а счелъ долгомъ представить и его объясненіе. Такое сходство въ его глазахъ объясняется, во-первыхъ, вліяніемъ Цыганъ, которые и въ Россіи, и въ Испаніи одинаково сохранили свои нравы и обычаи. «Ces Bohémiens sont les musiciens de peuple; ils forment des troupes assez nombreuses de chanteurs, qui font des excursions jusqu'à Saint-Petersbourg, où l'on invite pour entendre les Bohémiens comme pour prendre le thé et pour danser au bal». — Во-вторыхъ — вліяніемъ нашихъ восточныхъ инородцевъ: «Ecoutez les chants nationaux des peuplades caucasiennes aujourd'hui soumises aux Russes, les Arméniens, Géorgiens, Bashkirs, Kirghises, Tcherkesses, etc.; rien ne ressemble plus aux chants arabes conservés en Andalousie; et toute la musique russe qui est venue de là, a gardé comme la musique espagnole, le caractère de son origine orientale¹.»

Откровенно признаюсь, такія объясненія, хотя наблюденіе и замѣчанія о сходствѣ музыки Испанской и Русской могли оставаться во всей своей силѣ, тѣмъ не менѣе никогда бы не позволили мнѣ указывать на слова Вьярдо, по удобства ихъ заронить въ душѣ читателя подозрѣніе о томъ, не легкомысленныя ли все это фразы, сказанныя единственно съ цѣлью оправдать заранѣе сложившуюся мысль вообще о сходствѣ Испанцевъ и Русскихъ, — говорю, — не позволили бы мнѣ, если бы

1. Les musées d'Angleterre, de Belgique, de Hollande et de Russie. Guide et memento de l'artiste du voyageur, par L. Viardot. 2-me éd. Paris. 1852. p. 324—326.

не свидѣтельствовалъ о томъ же самомъ другой голосъ, въ этомъ отношеніи внушающій полное довѣріе, по истинѣ имѣющій здѣсь авторитетъ. Разумѣю незабвеннаго нашего Глинку, который вмѣстѣ съ Глукомъ и Шопеномъ принадлежитъ къ немногимъ, но яркимъ свѣтиламъ музыкальнаго міра Славянскаго. Глинка, мало, что находилъ сходство народныхъ напѣвовъ и мелодій Испанскихъ съ Русскими, но и питалъ глубокое сочувствіе къ Испанцамъ, утверждая, что они чрезвычайно похожи на Русскихъ. Читатель, надѣюсь, согласится, что мнѣ нельзя же было умолчать объ этомъ и не обратить на это обстоятельство его снисходительнаго вниманія. Глинка, высокія національныя созданія котораго такъ глубоко потрясаютъ тысячи и будутъ потрясать мильіоны Русскихъ людей, Глинка на ряду съ Ломоносовымъ, Державинымъ, Крыловымъ, Грибоѣдовымъ, Пушкинымъ, Гоголемъ, Ивановымъ, есть одинъ изъ лучшихъ представителей Русскаго народа, одного изъ членовъ, и немалого, великой семьи Славянской, исторія отношеній которой къ Испаніи составляетъ предметъ настоящаго очерка.

Посмотримъ же, какъ отзывался объ Испаніи Глинка, прожившій довольно долго въ этой странѣ, гдѣ, какъ мы видѣли, такъ или иначе Славянская стихія не переставала дѣйствовать съ IX в., если еще не раньше, т. е. не съ V в., въ періодъ Вандавовъ, въ которыхъ великій ученый нашего времени, Шафарикъ, уже давно признавалъ стихію Славянскую. Глинка прожилъ въ Испаніи отъ половины 1845 до 1847 г.; къ странѣ этой онъ издавна чувствовалъ какое-то особое влеченіе, какъ то ясно открывается изъ его писемъ. Такъ еще, до поѣздки своей въ Испанію, говоритъ онъ, между прочимъ, въ одномъ письмѣ своемъ отъ 4-го ноября 1844 г.: «Болѣе всего меня влечетъ въ Испанію. Это давнишняя мечта, мечта моей юности. Еще въ Италиі, 14 лѣтъ тому назадъ, я намѣренъ былъ посѣтить этотъ край, и уже тогда началъ учиться Испанскому языку. Холера помѣшала мнѣ тогда исполнить это намѣреніе... и кромѣ удовлетворенія пламенной фантазіи, я найду тамъ, въ музыкальномъ отношеніи, новые предметы для изученія»¹.

1. Ст. В. В. Стасова: М. М. Глинка (Русск. Вѣстн. 1857. № 24. С. 682—683).

«Въ разныхъ письмахъ, говоритъ В. В. Стасовъ, Глинка повторяетъ, что Парижъ оживилъ его, что ему тамъ не скучно, но что его однакожь съ непреодолимою силою влечетъ въ Испанію, гдѣ, по его словамъ, «солнце теплѣе, а люди несравненно радушиѣе, чѣмъ въ Парижѣ, и напоминаютъ ему добрыхъ соотечественниковъ ¹.» Частыя выраженія желанія пожить въ Испаніи доказываютъ, кажется, что то у Глинки былъ не одинъ минутный капризь, а внутреннее, глубокое требованіе его духа, его природы. Изъ Парижа же писалъ Глинка: «Нельзя отнять у меня этого необходимаго путешествія; оно сопряжено сколько съ требованіями моего искусства, столько и болѣзнаго моего сердца. Мнѣ нужны солнце и предметы, къ коимъ давно влечетъ меня воображеніе ².» Нѣтъ сомнѣнія, что Глинка, еще юношею мечтавшій о путешествіи въ Испанію, еще въ бытность свою въ Италіи въ 1830 г. учившійся по Испански съ тою цѣлью, чтобы уѣхать въ Испанію, и только холерою остановленный въ своемъ намѣреніи, въ 1844 и въ началѣ 1845 г. постоянно толковавшій о томъ, что его съ непреодолимою силою влечетъ въ Испанію, Глинка, повторяю, безъ сомнѣнія, въ продолженіе этого времени не пренебрегалъ представлявшимися ему случаями знакомиться не только съ разсказами и записками объ Испаніи, но и съ самими Испанцами, ихъ музыкаю. Еще до поѣздки своей въ Испанію, говорилъ онъ, что Испанцы несравненно радушиѣе Французовъ, что они напоминаютъ ему добрыхъ его соотечественниковъ, что въ Испаніи и въ музыкальномъ отношеніи онъ найдетъ новые предметы для изученія. Въ письмѣ своемъ отъ 11-го января 1845 г. говоритъ Глинка: «Живя за границей, я болѣе и болѣе убѣждаюсь въ томъ, что я душою Русскій, и мнѣ трудно поддѣлываться подъ чужой ладъ. Намѣрень посѣтить Испанію, съ цѣлью изучить тамошніе напѣвы, потому что они нѣсколько сходны съ Русскими и дадутъ мнѣ возможность (я надѣюсь) приняться за новый большій трудъ ³.»

1. Ibid. С. 683—684.

2. Ibid. С. 684.

3. Ibid. С. 691.

Почтенный ученый нашъ, В. В. Стасовъ, который, какъ мнѣ хорошо извѣстно, пиша свои статьи о Глинкѣ, ничего даже и не подозрѣвалъ объ отношеніяхъ Славянъ къ Испаніи, вотъ что, между прочимъ, нашелъ нужнымъ замѣтить въ своемъ важномъ во многихъ отношеніяхъ трудѣ: «Глинка прожилъ въ Испаніи два года, то есть отъ половины 1845 до 1847 г., и многочисленныя письма, относящіяся къ этому періоду, все свидѣтельствуютъ о томъ, какъ ему хорошо и привольно было въ этой странѣ, какъ ему нравились въ ней и природа, и климатъ, и люди, и обычаи, и музыка. Прибавляемъ, что вообще немногіе путешественники въ Испаніи путешествовали такъ удачно, какъ онъ; что онъ «не ожидалъ такого радушія, такого гостепріимства, такого благородства, какія нашелъ». — «Здѣсь, говоритъ онъ, деньгами дружбы и благосклонности не приобрѣтешь, а ласкою все на свѣтѣ!» — «Наконецъ-то нашелъ я пріятное и мирное убѣжище, пишетъ онъ въ ноябрѣ 1845 г.; если я здѣсь иногда страдаю, это больше отъ грустныхъ воспоминаній, кои не совсѣмъ еще изгладились изъ моей памяти. Безъ сомнѣнія, нѣтъ края любопытнѣе Испаніи во всѣхъ отношеніяхъ». — «Мнѣ въ Испаніи такъ хорошо, пишетъ онъ въ іюлѣ 1846 г., что мнѣ кажется, будто я здѣсь родился». Во многихъ письмахъ къ матери онъ повторяетъ, что нигдѣ и никогда ему не было такъ хорошо, какъ въ Испаніи, и онъ самъ замѣчаетъ, что быть можетъ это происходитъ отъ того, что Испанія и Испанцы имѣютъ много общаго и родственнаго съ Россіею и Русскими (что было замѣчено уже нѣсколько разъ и многими писателями); на обѣихъ странахъ печать оріентальности сохранилась въ сильной степени, и отъ того-то Глинку такъ влекло къ Испанскимъ мелодіямъ, къ изученію Испанской музыки, къ созданію музыки въ Испанскомъ родѣ. Уже, уѣзжая изъ Парижа, онъ писалъ, что кромѣ оперы въ Испанскомъ родѣ, онъ имѣетъ въ виду и другія сочиненія»¹.

По моей просьбѣ, В. В. Стасовъ сообщилъ мнѣ нѣсколько извлеченій изъ писемъ Глинки объ Испаніи, за что и приношу ему мою искреннюю благодарность. Не лишнимъ считаю сооб-

1. Ibid. С. 691.

щитъ нѣскольکو мѣстъ изъ писемъ нашего великаго композитора объ Испаніи и преимущественно о музыкѣ Испанской и о его занятіяхъ ею. Такъ изъ Валладолида писалъ Глинка ²⁰/₈ іюня 1845 г.: «Испанія не похожа ни на одну изъ другихъ частей Европы тѣмъ, что каждая провинція рѣзко отличается отъ прочихъ — вотъ почему большая часть путешественниковъ описали ее не вѣрно, судя по частямъ о цѣломъ». — Оттуда же ¹⁸/₆ іюля 1845 г.: «Въ музыкальномъ отношеніи представляется множество любопытнаго, но отыскивать эти народныя пѣсни не легко, еще труднѣе уловить національный характеръ Испанской музыки». — Изъ Гранады, 9-го января 1846 (27-го декабря 1845) г.: «Изученіе Испанской народной музыки сопряжено съ большими затрудненіями: каждый поетъ по своему; сверхъ того, здѣсь въ Андалузійи говорятъ нарѣчіемъ особеннымъ, которое отличается отъ Кастильскаго (чисто-Испанскаго) столько же, сколько Малороссійское отъ Русскаго». — Оттуда же ²⁹/₁₇ января 1846 г.: «Я лажу съ Испанцами, какъ не ладилъ никогда за границей, и съ другой стороны, хотя здѣсь климатъ теплый, но весьма здоровый и не разслабляетъ нервы, какъ воздухъ Италіи. Прилежно занимаюсь изученіемъ Испанской музыки. Здѣсь болѣе, чѣмъ въ другихъ городахъ Испаніи, поютъ и пляшутъ. Господствующій напѣвъ и танецъ въ Гранадѣ — Фанданго. Начинаютъ гитары, потомъ почти каждый изъ присутствующихъ, по очереди, поетъ свой куплетъ и въ это время въ одну или въ двѣ пары пляшутъ съ кастаньетками. Эта музыка и пляска такъ оригинальны, что до сихъ поръ я не могъ еще совершенно подмѣтить напѣва, ибо каждый поетъ по своему. Чтобы вполнѣ уразумѣть дѣло, учусь три раза въ недѣлю (за 10 Франковъ въ мѣсяцъ) у перваго здѣшняго танцевальнаго учителя и работаю руками и ногами. Вамъ, можетъ быть, это покажется странно, но здѣсь музыка и пляска неразлучны. Изученіе народной Русской музыки въ моей молодости повело меня къ сочиненію «Жизни за Царя» и «Руслана». Надѣюсь, что и теперь хлопочу не понапрасну».

Въ запискахъ своихъ говоритъ Глинка (1848 г.. весна): «Неоднократныя мои покушенія сдѣлать что-нибудь изъ Андалузскихъ мелодій остались безъ всякаго успѣха: большая часть изъ

нихъ основана на восточной гаммѣ, вовсе не похожей на нашу», — т. е. «Европейской, а не Русской», замѣчаетъ В. В. Стасовъ въ особомъ, нарочно и такъ обязательно написанномъ имъ для меня примѣчаніи. «Отношенія же Русской и Испанской музыки, продолжаетъ В. В., совсѣмъ другія: въ своихъ разговорахъ Глинка всегда признавалъ ихъ родство, и самъ лично, со своею *страстью* къ Испанскимъ мелодіямъ, музыкѣ и пр. служить лучшимъ и живымъ доказательствомъ этого родства, потому что былъ художникъ по преимуществу національный. Нельзя не указать также на тотъ любопытный фактъ, что, желая написать для коронаціи (26 авг. 1856 т.) Польскій, — который и посвятилъ потомъ Государю, — Глинка составилъ его изъ двухъ темъ: Испанской и Русской. Значитъ, въ его духѣ *инстинктивно* и *неволью* укладывались и рождались элементы этихъ двухъ народностей. Почему же ему никогда не пришло въ голову соединить съ Русскими темами — темы Французскія, Англійскія, Нѣмецкія или Итальянскія?»

На это превосходное и остроумное замѣчаніе почтеннаго нашего знатока музыки возможно только одно возраженіе: «Глинка долго жилъ въ Испаніи и изучалъ Испанскую народную музыку»; но и на этомъ единственно-возможномъ возраженіи нельзя долго останавливаться, такъ какъ Глинка прожилъ въ Испаніи и изучалъ ея музыку, по собственной охотѣ, а не изъ внѣшней необходимости. Жилъ онъ въ этой странѣ долго потому, что чрезвычайно полюбилъ ее и крѣпко привязался къ Испанцамъ, онъ, который говорилъ: «Живя за границей, я болѣе и болѣе убѣждаюсь въ томъ, что я душою Русскій, и мнѣ трудно поддѣлываться подъ чужой ладъ». — Великія же его созданія лучшее для насъ свидѣтельство въ томъ, что онъ истинно былъ *душою Русскій*.

Слѣдовательно сходство и даже какое-то родство Испанскихъ народныхъ напѣвовъ и мелодій съ Русскими несомнѣнно. Пишущій эти строки весьма далекъ отъ гордой мысли предлагать свое объясненіе такого въ высшей степени любопытнаго явленія; воздерживаясь отъ всякаго суетнаго стремленія къ новизнамъ, онъ не можетъ однако не замѣтить, что приписывать такое сходство вліянію Азіатскому, т. е. съ одной стороны Мон-

голамъ, а съ другой Арабамъ — крайне невѣрно, неосновательно и даже нелѣпо, такъ какъ племя Монгольско-Татарское, или Алтайско-Уральское и племя Семическое, къ которому принадлежатъ Арабы, ни по внѣшнимъ особенностямъ, ни по языку, ни по нравамъ, ни по обычаямъ, вовсе не похожи другъ на друга, и смѣшивать ихъ возможно только при совершенномъ незнакомствѣ съ самыми первоначальными свѣдѣніями въ языкознаніи и этнографіи. Прибѣгать же для объясненія такого сходства къ вліянію Византійскому, которое на Арабовъ Испанскихъ дѣйствовало чрезвычайно сильно, играло великую роль и въ отечествѣ нашемъ, хотя и не нелѣпо, тѣмъ болѣе, что всѣ почти музыкальные термины Арабовъ, также, какъ и астрономическіе, заимствованы изъ языка Греческаго, однако чрезвычайно опасно и смѣло, ибо, при всѣхъ натяжкахъ и преувеличеніяхъ, рѣшительно нельзя допустить вліянія музыки Греческой на народныя Русскія напѣвы и мелодіи. Во всякомъ случаѣ — гипотеза о Византійскомъ источникѣ замѣчаемаго сходства въ народныхъ напѣвахъ Испанскихъ съ Русскими отличается необыкновенною смѣлостью и едва ли чѣмъ можетъ постоять за себя, передъ другою гипотезою, правда не несмѣлою, но едва ли не гораздо правдоподобнѣйшею, тѣмъ болѣе, что отсутствіе стихіи Византійской въ народныхъ мелодіяхъ Русскихъ всего лучше обнаруживается близкимъ, родственнымъ ихъ сходствомъ съ напѣвами другихъ Славянъ. Дѣйствительно, вѣдь народная мелодія есть ничто иное, какъ изліяніе и выраженіе народнаго духа въ звукахъ гармоническихъ, подобно тому, какъ народная рѣчь — въ звукахъ членораздѣльныхъ; Великороссіянинъ же сознаетъ въ себѣ много сходства и родства съ Полякомъ, какъ въ языкѣ, такъ и въ характерѣ, а между тѣмъ Поляки и Великороссіяне едва ли не самые другъ отъ друга далекіе и наименѣе сходные между собою братья въ общей семьѣ Славянской. Эта другая гипотеза при объясненіи сходства и родства народныхъ напѣвовъ Русскихъ съ Испанскими выдвигаетъ уже другой источникъ, именно стихію Славянскую, которой нельзя не признавать въ Испаніи и послѣ слабаго, исполненнаго великихъ пробѣловъ и пропусковъ, настоящаго нашего очерка исторіи отношеній Славянъ къ Испаніи. Дѣйствительно, не говоря уже о

Вандалахъ, въ которыхъ Шафарикъ признавалъ стихію Славянскую, и которые дали названіе цѣлому краю въ Испаніи — Андалузіи (Vandalotia — у Арабовъ — Andalus), нельзя не вспомнить драгоцѣннаго свидѣтельства аль-Макари о Славянинѣ Габибѣ, жившемъ въ XI в. (когда Славяне въ Андалузіи пользовались не малымъ значеніемъ) и написавшемъ сочиненіе, подъ заглавіемъ «Ясныя и побѣдоносныя доказательства противъ тѣхъ, которые отрицаютъ превосходныя качества Славянъ», гдѣ собраны разнаго рода любопытныя подробности, исторія и *стихи* (verses), т. е. народныя пѣсни Славянъ. И такъ въ XI в. (а конечно и раньше) въ Андалузіи звучала Славянская пѣсня, что, впрочемъ, и безъ того надобно допустить, признавъ однажды необходимость перехода Славянъ въ Италію въ качествѣ охочихъ, вольныхъ и гулящихъ людей. Съ теченіемъ времени, Славяне, жившіе въ Андалузіи, утратили свою народность, свой языкъ, но народныя пѣвы и мелодіи Славянскіе могли и даже едва ли не должны были пережить ихъ и сохраняться въ Испаніи и по исчезновеніи въ ней Славянской народности. Если не въ слѣдующій за тѣмъ періодъ съ конца XI до конца XV в., когда, какъ мы видѣли, сношенія Славянъ съ Испаніею продолжались непрерывно, могли быть вновь легко занесены Славянскіе пѣвы въ Испанію, то, по крайности, въ періодъ съ конца XV до конца XVII вѣка, когда Дубровничане и другіе Славяне Адриатическіе служивали въ Испаніи значительными массами. Знакомые по прежней эпохѣ съ народными пѣвами Славянскими, Испанцы уже скорѣе и легче могли перенимать ихъ въ XV, XVI и XVII в. Быть можетъ отсутствіе всякой гордости и надменности въ обращеніи съ иноплеменниками, всегда столь отталкивающихъ, живая воспріимчивость¹, неразлучная съ же-

1. Привожу слова Леона Фоме, вообще весьма исключительнаго, ставившаго въ упрекъ Англичанамъ чудныя строфы Шекспира (This royal throne of kings, this sceptered isle) и пр.): «Certaines races ont une aptitude pour ainsi dire universelle. Les Slaves sont de vrais Protées, également propres à la paix et à la guerre, sensibles à la poésie, organisés pour la musique, et néanmoins se façonnant promptement aux exigences de l'industrie. Le paysan russe est un charpentier adroit aussi bien qu'un patient laboureur. Et qui ne sait que l'avenir industriel de l'Autriche repose sur ces montagnards de la Bohême, que l'on avait oubliée depuis la guerre de Trente ans?» (Etudes sur l'Angleterre. 2-me édit. Paris. 1856. T. I. 510). Въ связи съ

лапемъ и умѣнемъ привлечь и привязывать къ себѣ чужихъ, быть можетъ, эти общія и любезныя качества Славянъ, впрочемъ нерѣдко имъ столько вредившія, дали имъ возможность, при относительной ихъ малочисленности въ Испаніи, облегчить проникновеніе въ нее своей стихіи, привить къ Испанцамъ нѣкоторыя изъ своихъ особенностей. Таковъ третій или лучше второй способъ объясненія сходства народныхъ напѣвовъ Испанскихъ съ Русскими. Авторъ предоставляет рѣшить читателю, какіе еще возможны способы объясненія, и какой изъ нихъ самый вѣроятнѣйшій ¹.

Какъ бы то ни было, двухлѣтнее пребываніе Глинки въ Испаніи не осталось безъ послѣдствій: плодомъ его были — *Хота Аррагонская* и нѣсколько романсовъ (на темы Испанскія), созданія прекрасныя, высоко-художественныя. За нихъ Глинка

этою чуткостію и воспримчивостію стоитъ другая черта Славянскаго характера — необыкновенное радушіе и гостепримство, иногда даже переходящая во вредную крайность. Обычай нашъ распахивать двери «для званыхъ и незваныхъ, особенно для иностранныхъ», идетъ издавна. Вспомните завѣщаніе Владиміра Мономаха. В. Поль говоритъ про свой народъ :

I ta strzecha, choć uboga,
Chociaż nizka, przecież blizka
Dla obcego i dla swego,
I od Boga aż do wroga
Jest tu miejsce dla każdego.

Гельмольдъ говоритъ: «Experimento ipse didici, quod ante fama cognovi, quod nulla est gens honestior Slavis in hospitalitatis gratia. In colligendis enim hospitibus omnes quasi ex sententia alacres sunt, ut nec hospitium quemquem postulare necesse sit. Si quis vero, quod rarissimum est, peregrinum hospitio removisse deprehensus fuerit, hujus domum vel facultates incendio consumere licitum est, atque in id omnium vota conspirant, illum inglorium, illum vilem et ab omnibus exhibendum dicentes, quia hospiti partem negare non timuisset». (I. I. с. 82). См. также Витикинда, Дитмара, Адама Бременскаго — о Славянахъ же сѣверо-западныхъ. То же самое свидѣтельствуя объ южныхъ Славянахъ всѣ иностранцы отъ имп. Маврикія до настоящаго времени.

1. Врядо какъ будто объяснялъ его тѣмъ, что народные Русскіе напѣвы заимствованы отъ Армянъ, Грузинъ, Башкиръ, Киргизовъ, Черкесовъ. Но напѣвы сихъ послѣднихъ не сходны ни между собою, ни съ Русскими. Едва ли они могутъ быть сходны и съ Арабскими. Что же касается до Цыганъ, то они слишкомъ малочисленны въ Россіи, проникли въ нее недавно (въ XV—XVI в.), ихъ вліянію подчиняется у насъ городское населеніе, а не деревенское. Глинка подъ народною Русскою музыкою никогда не разумѣлъ Цыганской.

долженъ быть дорогъ и любезенъ Испанцамъ, какъ дорогъ, на-
примѣръ, Англичанамъ Гендель. Онѣ важны въ исторіи Русской
музыки и въ томъ, кажется, отношеніи, что указываютъ собою
будущимъ Русскимъ композиторамъ, столь желаннымъ преем-
никамъ Глинки, на новый и необходимый отнынѣ предметъ
ихъ изученія — народные напѣвы Испанскіе, какъ отдѣльно,
такъ и въ связи съ народными напѣвами Славянскими, Велико-
русскими, Малорусскими, Польскими, Чешскими, Хорутанскими,
Хорватскими. Какая бы ни была причина сходства Испанцевъ
и Русскихъ, какъ въ народныхъ напѣвахъ, такъ и вообще въ
характерахъ, Славянская стихія или что либо другое, во вся-
комъ только случаѣ оно въ высшей степени важно и заслужи-
ваетъ упоминанія въ исторіи отношеній Славянъ къ Испаніи.
Сочувствіе къ Испаніи и Испанцамъ, глубокая привязанность
къ нимъ Глинки, этого великаго національнаго нашего худож-
ника, вполне *Русскаго душою*, всякому знакомому изъ исторіи и
изъ современной дѣйствительности съ великимъ сходствомъ на-
родныхъ Славянскихъ характеровъ, съ Славянскими родствен-
ными симпатіями, никогда не терявшимися и только на время
заглушаемыми чужими посторонними вліяніями, позволяютъ рѣ-
шительно утверждать, что то же сочувствіе и ту же привязан-
ность чувствовали къ Испанцамъ и другіе Славяне, на примѣръ
Адріатическіе. Въ этомъ отношеніи и достойно замѣчанія, что
Глинка, соплеменникъ Водопича, Мартолошичей, Машибради-
чей, Долисти, Буне и др., неоднократно высказывалъ, что
Испанцы напоминаютъ ему добрыхъ его соотечественниковъ;
изъ Парижа, гдѣ былъ принятъ весьма любезно, постоянно по-
рывался въ Испанію, писалъ изъ него роднымъ 11-го января
1845 г.: «Живя за границей, я болѣе и болѣе убѣждаюсь въ
томъ, что я душою Русскій, и мнѣ трудно поддѣлываться подъ
чужой ладъ», а ²²/₁₀ сентября 1845 г. изъ Мадрита (столь на-
поминающаго, по мнѣнію Вьярдо, Москву): «Занятій здѣсь у
меня множество, изъ всѣхъ иностранцевъ Испанцы болѣе про-
чихъ соотвѣтствуютъ моему характеру...»¹; изъ Мадрита же ¹⁶/₄

1. «Другіе подобныя отзывы, — говоритъ В. В. Стасовъ, — еще много разъ
встрѣчаются въ разныхъ письмахъ Глинки изъ Испаніи».

іюля 1846 г.: «Мнѣ въ Испаніи такъ хорошо, что мнѣ кажется, будто я здѣсь родился»....

Въ заключеніе своего очерка исторіи отношеній Славянъ къ Испаніи, авторъ беретъ на себя смѣлость остановить вниманіе читателя на связь впервые здѣсь затронутыхъ вопросовъ о Славянахъ въ Испаніи съ другими двумя вопросами, изъ коихъ одинъ — объ изученіи Славянскихъ языковъ и литературъ въ Россіи и объ умственномъ ея общеніи съ Славянскими братьями, въ глазахъ большинства Русскихъ образованныхъ людей считается какъ бы давно рѣшеннымъ, пустымъ и не стоящимъ почти никакого вниманія, — другой — о распространеніи Русскаго языка внѣ предѣловъ Россіи не только всѣми одинаково признается весьма важнымъ, но и составляетъ постоянный предметъ помышленій всякаго Русскаго гражданина, мало-мальски желающаго успѣховъ и развитія отечественному просвѣщенію и находящейся въ тѣсной отъ него зависимости литературѣ Русской. Дѣйствительно, въ отношеніи къ ней нѣтъ, не бывало и никогда не будетъ высшей у насъ задачи, какъ возвести ее общими усиліями и трудами на такую ступень въ лѣстницѣ совершенствованія, съ которѣй она должна приобрѣсти общечеловѣческое, всемірное значеніе, иными словами обратить на себя вниманіе всего образованнаго міра — и тѣмъ поставить иностранцевъ въ необходимость учиться Русскому языку, изучать въ подлинникахъ и переводить на свои отечественные языки Русскія произведенія, какъ въ области науки, такъ и художества.

Обращаясь къ ученой Русской литературѣ, преимущественно по части всеобщей исторіи, именно по спеціальному, но не неважному ея отдѣлу — Исторіи Пиринейскаго полуострова, мы безъ особеннаго усилія замѣтимъ, что она повынѣ не представила ничего мало-мальски заслуживающаго вниманія Европейца. Въ тоже время напрасно мы бы стали ласкать себя надеждою, что такое по истинѣ жалостное состояніе литературы Русской продлится не долго. Нѣтъ, судя по всему, *ceteris paribus*, еще можетъ пройти длинный рядъ годовъ, а она много-много, если вступить (а не то, что пройдетъ ихъ) въ свои неизбежные два періода изученія исторіи (понимая это слово въ

самомъ обширномъ смыслѣ) Ширинейскаго полуострова. Необходимость этихъ періодовъ ясна и сама по себѣ и изъ аналогіи — изученія въ Россіи прочихъ спеціальныхъ отдѣловъ исторіи Европы, т. е. новой или Романо-Германскаго міра.

Періодъ первый — литература компиляцій, болѣе или менѣе добросовѣстныхъ, болѣе или менѣе удачныхъ и полезныхъ. Самыя лучшія изъ нихъ будутъ, конечно, тѣ, авторы которыхъ обнаружатъ нѣкоторое знакомство съ литературою предмета и весьма ограниченное съ источниками, какъ отъ того, что они вообще въ Россіи малодоступны, такъ и потому, что основательное ихъ изученіе потребовало бы отъ автора весьма много времени, трудовъ и дарованій; а въ такомъ случаѣ то была бы уже не компиляція, а трудъ самостоятельный, о которомъ рѣчь впереди. — Самыми же плохими и недобросовѣстными были бы, конечно, тѣ, коихъ авторы, взявъ себѣ въ руководство какое-нибудь одно иностранное сочиненіе, составили бы одну или нѣсколько *ученыхъ статей* или *самостоятельныхъ этюдовъ*, гдѣ было бы между прочимъ указано много иностранныхъ сочиненій; вовсе неизвѣстныхъ автору и забыто о томъ одномъ, изъ котораго онъ впервые ознакомился съ заглавіями первыхъ. — Если этимъ этюдамъ придать гладкій языкъ, нѣсколько модныхъ фразъ, тонкихъ психологическихъ наблюденій, остроумныхъ замѣчаній о необыкновенной сухости трудовъ Нѣмецкихъ, впрочемъ всегда добросовѣстныхъ, о малой основательности Французскихъ, за то всегда изложенныхъ увлекательно, объ обязанности Русскихъ соединить эклектически хорошія особенности Французовъ и Нѣмцевъ, избѣгая разумѣется ихъ недостатковъ, о необыкновенной широтѣ Русской природы, столь живо сочувствующей всему общечеловѣческому, всему прекрасному, и конечно тѣмъ обязанной тому счастливому обстоятельству, что юная Россія, подобно юной Америкѣ и въ противоположность старой Европѣ, не знаетъ прошедшаго, имъ не тяготится и съ нимъ не связана, — если, говорю, придать этюдамъ все это, то безъ сомнѣнія такими чертами и можно покончить характеристику перваго періода Русской литературы (еще, сколько извѣстно, для нея почти не наступавшаго) относительно исторіи Ширинейскаго полуострова.

Такой періодъ можетъ, кажется, продлиться весьма значительное число лѣтъ и существовать рядомъ со вторымъ періодомъ, который тоже, сколько извѣстно, едва наступаетъ.

Это періодъ переводовъ на Русскій языкъ, какъ произведеній Испанскихъ, такъ и Французскихъ, Англійскихъ, Нѣмецкихъ, касающихся религіозной, политической, литературной и художественной исторіи Пиринейскаго полуострова. Пишущій эти строки уже имѣлъ однажды случай говорить о важности въ Русской литературѣ переводовъ классическихъ иностранныхъ произведеній¹; здѣсь же позволяетъ себѣ прибавить, что, по крайнему его разумѣнію, добросовѣстный переводъ капитальнаго иностраннаго сочиненія, напр. по исторіи Испаніи, съ толкомъ исполненный и снабженный приспособленными къ Русскому читателю примѣчаніями отъ переводчика — всегда будетъ гораздо полезнѣе всякихъ такъ называемыхъ этюдовъ и, мало цѣнимый читателями современными, тѣмъ болѣе будетъ оцѣненъ въ послѣдствіи, ибо такіе труды, въ литературахъ, въ родѣ нашей, составляютъ, какъ бы кладъ и долго, подобно Римской Исторіи Роллена, не утрачиваютъ своего значенія.

Такимъ образомъ я выразился, кажется, непреувеличенно, когда сказалъ, что можетъ пройти длинный рядъ годовъ, а Русская литература, относительно исторіи Пиринейскаго полуострова, все таки не представитъ ничего мало-мальски заслуживающаго вниманія Европейца. *Saeteris paribus*, всѣ самыя лучшія наши этюды по исторіи Новой Европы, Романо-Германскаго міра, еще надолго, можетъ, останутся въ глазахъ Европейскихъ ученыхъ, чѣмъ-то въ родѣ классныхъ сочиненій гимназистовъ, для которыхъ высшая похвала можетъ состоять въ томъ, что они ясно поняли и толково передали слова учителя, разумѣется сообразно съ своимъ возрастомъ. Еще и понынѣ къ сожалѣнію почти въ той же силѣ сохраняютъ свой смыслъ слѣдующія слова И. В. Кирѣевскаго, сказанныя имъ лѣтъ тринадцать тому назадъ: «Произведенія нашей словесности, какъ отраженія Европейскихъ, не могутъ имѣть интереса для другихъ народовъ.

1. О распространеніи знаній въ Россіи» въ ж. Современникъ, 1857, май, и отдѣльно.

кромѣ интереса статистическаго, какъ показанія мѣры нашихъ ученическихъ успѣховъ въ изученіи ихъ образцовъ». Думать же о переводѣ такихъ *этюдовъ* на языки иностранные — было бы и весьма нескромно и ужь очень странно; при семъ вообще нельзя не замѣтить, что тамъ и сямъ раздающіяся у насъ сѣтованія на то, что Европа пренебрегаетъ напрасно языкомъ Русскимъ, несправедливы, точно также, какъ и упреки, зачѣмъ въ Европѣ не переводятъ нашихъ ученыхъ сочиненій. Едва ли теперь не время намъ убѣдиться и сознаться, что слабое понынѣ распространеніе Русскаго языка внѣ предѣловъ Россіи, имѣетъ главнѣйшею своею причиною не недоброжелательство къ намъ Европейцевъ, а ничтожное въ насъ Русскихъ развитіе производительности и самодѣтельности. Говоря вообще, не потому Русскихъ сочиненій не читаютъ и не переводятъ на западѣ, что не хотятъ: а и хотѣли бы иногда, да нечего! Основательность и вѣрность этого замѣчанія видны изъ того, что иногда болѣе или менѣе важный, самостоятельный Русскій трудъ весьма скоро по выходѣ своемъ въ свѣтъ, переводится на языки иностранные. Привычка нѣкоторыхъ ученыхъ писателей и даже цѣлыхъ обществъ — издавать свои труды на языкахъ иностранныхъ, едва ли заслуживаетъ одобренія, тѣмъ болѣе, что она служитъ одною изъ главнѣйшихъ причинъ — медленнаго распространенія знаній въ отечествѣ нашемъ, малой выработанности нашего техническаго слога и слабаго распространенія Русскаго языка внѣ предѣловъ Россіи.

«Но отчего въ литературѣ нашей, по исторіи Пиринейскаго полуострова, не появится труду самостоятельному, который бы заслуживалъ перевода на языки иностранные?»

Такой трудъ потребуетъ отъ автора не только многихъ жертвованій, но и великаго дарованія и сильнаго характера. Явленіе извѣстныхъ великихъ дарованій въ той или другой странѣ вовсе не такъ случайно, какъ то можетъ казаться взгляду поверхностному. Для нихъ всегда нужна извѣстная подготовка — богатая народная почва, хорошее историческое воздѣлываніе. Странно бы было, на примѣръ, ожидать когда либо отъ Лифляндіи не только Шекспировъ, но и Пушкиныхъ, Мицкевичей, Гоголей, Аристофана отъ острова Эзеля или Серван-

теса отъ Курляндіи. То же самое странно предполагать, чтобы въ Россіи въ скорости могъ явиться какой-нибудь замѣчательный историческій талантъ, который бы посвятилъ себя исторіи Испаніи, когда у насъ исторія Россіи и міра Славянскаго такъ мало еще имѣетъ даровитыхъ дѣятелей. Но допустимъ даже случайность, отчасти какъ-будто оправдываемую двумя нашими соотечественниками, изъ коихъ сочиненіе одного о Моцартѣ, а трудъ другаго о Маріи Стюартъ, весьма мало знакомые Русскимъ, пользуются большою извѣстностію въ Европѣ. Однажды допустивъ, что между Русскими можетъ явиться писатель съ большимъ историческимъ дарованіемъ и съ особеннымъ влеченіемъ къ исторіи Испаніи, нельзя ужь не признаться, что безъ сомнѣнія, какъ талантъ, онъ устремитъ свое вниманіе на предметъ новый и наименѣе разработанный, а какъ Русскій, какъ Славянинъ, преимущественно на отношенія Испаніи къ міру Славянскому. Для того онъ постарается познакомиться съ языками и литературами Славянскими, начнетъ изучать исторію Славянъ, обратится не только къ источникамъ Испанскимъ, хранящимся въ богатыхъ архивахъ и библіотекахъ Пиришейскаго полуострова, но и къ богатымъ, непочатымъ источникамъ Славянскимъ въ архивахъ и библіотекахъ Вѣны, Венеціи, Дубровника и пр. Но такой талантъ уже не будетъ случайностію, такъ какъ важность многочисленныхъ вопросовъ, возбуждаемыхъ отношеніями Славянъ къ Испаніи, понятна всякому, а удовлетворительное ихъ рѣшеніе достижимо не для однихъ великихъ дарованій, на появленіе которыхъ, какъ подверженное все таки разнымъ случайностямъ, цюгда не должно много разсчитывать.

Общеніе съ остальнымъ міромъ Славянскимъ и его изученіе въ высшей степени важны для Россіи, такъ какъ 1) Россія весьма много получила отъ своихъ соплеменниковъ, весьма многимъ — имъ обязана: если бы не они, то самая судьба ея была бы теперь иная; 2) конечно, не въ отношеніи политическомъ, а въ отношеніи своихъ нравственныхъ историческихъ подвиговъ, для совершенія которыхъ призвано Провидѣніемъ всякое колѣно земное. Россія одна еще не составляетъ одного самостоятельнаго цѣлаго, а есть только одна органическая часть

цѣлаго міра Славянскаго, который въ свою очередь есть только одинъ, хотя и великій, членъ всей семьи человѣческой: не можетъ же безъ взаимодѣйствія и общенія частей совершаться въ организмѣ правильное отправленіе всѣхъ его жизненныхъ силъ, иначе же ему угрожаетъ смерть и уже всегда его постигаютъ искаженіе и безобразіе; 3) нѣкоторые изъ соплеменниковъ нашихъ не мало приняли участія въ многовѣковой, блестящей жизни Запада, міра Романо-Германскаго, образованности котораго Россія столько уже обязана, что и ставитъ ее въ необходимость изучать исторически, подвергать внимательному и строгому аналитическому разложенію эту образованность, одною изъ стихій которыхъ оказывается между прочимъ Славянская. Такъ какъ въ то же время, эти соплеменники наши не теряли сознанія своего Славянскаго происхожденія, и никогда не переставали принадлежать вмѣстѣ съ тѣмъ и къ міру Греко-Славянскому, значительнѣйшимъ представителемъ котораго Россія, то изученіе ихъ судьбы и составляетъ непремѣнную ея обязанность. Въ этомъ отношеніи для Россіи въ высшей степени важно изученіе міра Греко-Славянскаго: оно уясняетъ ей собственное ея призваніе и назначеніе въ исторіи человѣчества, служитъ ей переходомъ къ самостоятельному изученію и объясненію судебъ міра Романо-Германскаго. Справедливость этого общаго положенія легко провѣрить на частномъ случаѣ. Исторія отношеній Славянъ къ Испаніи (и Португаліи), составляетъ только часть задачи — «какъ понынѣ трудились Славяне въ исторіи человѣчества, что съ своей стороны внесли они въ образованность Европейскую», — задачи весьма важной для Россіи и ея сомосознанія, ибо она есть только одна, хотя и значительная, органическая часть цѣлаго міра Славянскаго.

Множество частныхъ, предварительныхъ изысканій, потребныхъ для удовлетворительнаго рѣшенія всѣхъ вопросовъ, возбуждаемыхъ при мысли объ отношеніяхъ Славянъ къ Пиринейскому полуострову, необходимо рано или поздно появятся въ литературахъ Славянскихъ, какъ Сербской (Хорватской), Чешской, Польской, такъ и Русской. Позволяю себѣ только слегка припомнить эти многочисленные вопросы и задачи для того, чтобы

напередъ удалить всякое сомнѣніе въ ихъ малой значительности и занимательности для исторической науки вообще, и для Славянской исторіи въ особенности: О народномъ составѣ Вандаловъ. Разсмотрѣніе вопроса, возбужденнаго Шафарикомъ, о Славянской въ нихъ стихіи. Собраніе и изданіе всѣхъ текстовъ Арабскихъ съ переводомъ (на Русскій языкъ) о Славянахъ въ Азіи, Африкѣ, Сициліи, Испаніи. Объ отношеніяхъ Славянъ Балтійскихъ къ Датчанамъ. О Славянской стихіи въ Даніи. Объ участи Славянъ въ походахъ Норманновъ, преимущественно Датчанъ, на Францію и Испанію. Исторія морскихъ силъ Дубровника, его морской торговли, его богатствъ, его внѣшнихъ сношеній вообще, съ Пирипейскимъ полуостровомъ въ особенности. Исторія фамилій Дубровницкихъ, жившихъ въ Испаніи. — О международныхъ и частныхъ сношеніяхъ Славянъ Чешскихъ, Польскихъ и Русскихъ съ Испанцами и Португальцами съ древнѣйшаго до повѣйшаго времени. Подробный сводъ извѣстій объ Испанцахъ, проживавшихъ въ тѣхъ или другихъ земляхъ Славянскихъ. Подробный сводъ и обзоръ всѣхъ мифій и извѣстій Испанскихъ (и Португальскихъ) о Славянскомъ племени вообще и о каждомъ изъ его поколѣній въ отдѣльности.

Если припомнимъ наконецъ, что для удовлетворительнаго рѣшенія всѣхъ этихъ задачъ и вопросовъ необходимы — знакомство съ языками Славянскимъ, Итальянскимъ и Испанскимъ, путешествія не только по землямъ Славянскимъ, но и по Испаніи, не только для изслѣдованій археологическихъ, но и этнографическихъ, если припомнимъ это, то легко вмѣстѣ съ тѣмъ убѣдимся, что исторія отношеній Славянъ къ Пирипейскому полуострову есть такая задача, надъ которою стоитъ потрудиться даже и въ томъ случаѣ, если лежащее въ концѣ ея рѣшеніе, по опредѣленіи того, что внесли Славяне въ Испанію и что отъ нея получили, окажется совершенно неблагоприятнымъ для народнаго нашего самолюбія, тѣмъ болѣе, что вѣдь до него наукѣ нѣтъ никакого дѣла: ей дорога одна истина. Предположимъ — конецъ концовъ будетъ тотъ, что Славяне ничего порядочнаго не сдѣлали для Испаніи, что напротивъ того, они, «это второе, даже неисправленное изданіе Кельтовъ», это племя, лишенное всякой самобытности, всякаго духа творчества, спо-

собное къ одному подражанію и только призванное на перениманіе чужаго ¹. что они, эти Славяне внесли въ Испанію только дурное. Хотя имена Мартолошичей, Охмучевичей, Долисти;

1 Еще недавно въ одномъ весьма распространенномъ Нѣмецкомъ журналѣ (Leipziger Repertorium) по поводу ново-вышедшей книги (Gerwinus u. die Slawen) такъ выражался одинъ добродушный Нѣмецъ о нашемъ племени. Указать на упрекъ автора разбираемаго сочиненія, дѣлаемый Нѣмцамъ, за то, что они мало цѣнятъ восточныхъ варваровъ; этотъ Нѣменкій Великосельцевъ продолжаетъ такимъ образомъ: «Der Vorwurf mag seine theilweise Wahrheit haben. Man bringt wohl die grosse Fülle materieller Brauchbarkeit auch für die europäische Weise, die sich in den Slawen, im Gegensatz zu so vielen andern Stämmen d. Erde findet, nicht gehörig in Anschlag. Auch geben wir zu, dass die grossen Gruppen d. Slawen manche schätzbare Eigenschaften bewahrt haben, welche die Germanen entweder nie besaßen oder verloren haben. Im Ganzen aber glauben wir doch nicht, dass sie bestimmt sind, die germanische Cultur zu verdrängen u. durch eine Slawische zu ersetzen; nicht weil sich nicht so viel Gelehrsamkeit unter ihnen findet, als unter den germanischen Völkern, sondern weil sie überhaupt keinen solchen Vorzug vor den Germanen voraus haben, auf den sich eine neue, eigenthümliche u. zugleich höhere Culturweise stützen liesse. Sie sind uns immer wie jüngere Brüder der Celten, wie eine zweite, für den Gebrauch bequemere, wenn gleich nicht verbesserte Ausgabe derselben erschienen. Sie sind geschickt zum Aufnehmen u. Nachbilden, nicht zum Selbstschaffen. Sie haben, so wie sie aus der Stufe ihres glücklichen Naturlebens heraustraten, die Germanen nachgeahmt u. die Vorbilde nie erreicht, geschweige verbessert. Ein reges politisches Leben führt sie leicht zu Zwiespält u. Verwirrung. An sich beschränken sie sich gern auf ihren eigenen Kreis u. richten die Blicke nicht nach aussen. Sich selbst überlassen mögen sie ein glückliches, ein wohlthätiges Leben führen, werden aber die Welt erobern, noch umgestalten. Anders wenn sie unter germanischer Führung stehen u. nicht die germanische Cultur in sich aufnehmen». Нельзя съ грустью не сознаться, что Нѣмцы вообще еще далеко не откинули своей надменной нетерпимости къ намъ Славянамъ. Еще не такъ давно писалъ Фальмерайеръ: «Hat es Jemand aus unserer Mitte gewagt, den Slawen coordinirt mit was ein universalgeschichtliches Moment als Aufgabe anzuerkennen, so gilt es in Deutschland als Abfall von der Philosophie, wo nicht gar als verdammungswürdiger Verrath am eigenen Blute. Wie Moslimen u. Rajah in unsern Tagen d. Programm von Gülhane zugleich verlachen, ebenso werden auch in diesem Streit alle Versöhnungsprojecte in der Theorie d. Nationalhasses in der öffentlichen Meinung zurückgewiesen u. den Slawen sogar die Rolle, als Schatten d. grossen Lichtbildes europäischer Menschheit zu figuriren, hartnäckig abgesprochen. Heloten sollen sie bleiben u. all ihr Streben, Macht u. Bedeutung zu erlangen u. genial zu sein, wird in Deutschland als Vermessenheit betrachtet, ja als Frevel u. Aufruhr gegen natürliche Weltordnung in den Bann gethan. Komme jetzt einer in Deutschland u. wage es dieser als Wesen geringerer Art proscribirten Slaven-race d. Wort zu reden, er wird bald erkennen, dass es klüger sei Zorn, Leidenschaft u. selbst Ungerechtigkeit des Heimathlandes zu theilen, als Frieden und Billigkeit zu predigen, von denen Niemand etwas hören will». (Monatsblätter zur Ergänz. d. Allgem. Augsb. Zeit. 1845. April).

Машибрадичей, Буне, Водопича, Глинки уже и теперь не позволяют такъ думать, однако допустимъ и это, самое худшее и невыгодное для насъ, предположеніе. Если послѣ тщательныхъ и самостоятельныхъ трудовъ нашихъ оно будетъ совершенно оправдано, то, какъ всякая истина, добытая собственнымъ трудомъ, положеніе это доставить намъ Славянамъ, если и не великое удовольствіе, то во всякомъ случаѣ пользу несомнѣнную, именно тѣмъ, что заставитъ насъ крѣпко о себѣ призадуматься и быть поумнѣе по крайности на будущее время. Теперь лишь бы вѣрнѣе воссоздать исторію отношеній нашихъ предковъ къ Испанцамъ, опредѣлить ихъ вліяніе на насъ и обратно, а тамъ уже не трудно будетъ рѣшить слѣдующіе вопросы: если Славяне имѣли на полуостровѣ Пиринейскомъ только одно дурное вліяніе, то почему и для чего? Какъ по крайности намъ, ихъ потомкамъ, замѣнить это дурное вліяніе хорошимъ?

«Но развѣ намъ можно имѣть вліяніе и даже помышлять когда-либо о какомъ-либо вліяніи на полуостровѣ Пиринейскомъ?»

Не скажу, что думаю: «и очень», а только предложу на разсмотрѣніе безпристрастнаго читателя слѣдующіе три вопроса:

— Если Дубровникъ въ XV — XVII в., когда Россія, эта громадная держава Славянская, занимающая собою болѣе одной седьмой нашей планеты, не играла почти никакой роли въ политикѣ Европейской, могъ имѣть большія морскія силы, вести обширную торговлю и пользоваться значительнымъ вліяніемъ; если вспомнимъ, что Турція наводила въ то время всеобщій страхъ и грозу на Европу; если хорошенько подумаемъ, что Славяне Адриатическіе исполнены силъ, способныхъ къ возрожденію, что онѣ на время подавлены, и то благодаря только такимъ обстоятельствамъ, которыя нынѣ уже не существуютъ, что онѣ задерживаются въ своемъ развитіи вліяніемъ чуждымъ и постороннимъ, которое намъ, Русскимъ, слѣдуетъ и безъ того отстранять и подмывать всячески; если представимъ себѣ современное состояніе, какъ Турціи, большинство населенія которой (Европейской) — Славянское, такъ и Италіи, а во главѣ ея Пиемонта, которому мы не можемъ не сочувствовать; если вспомнимъ наконецъ значеніе великаго предпріятія — прорытія

Суецкаго канала, то послѣ всего этого, какъ и многого другаго, не будетъ ли, не скажу, не гуманно, но слишкомъ смѣло и отчасти безразсудно рѣшиться утверждать, безъ всякихъ предварительныхъ изысканій, трудовъ и попытокъ, стоящихъ не одной жизни, требующихъ и вызывающихъ много твердыхъ воле, смѣлыхъ и сильныхъ умовъ, утверждать, говорю, будто бы Славянамъ Адриатическимъ никогда уже не воспрянуть отъ сна, не возродиться къ жизни бодрой, дѣятельной и самостоятельной? — Отъ возможности же такого возрожденія зависитъ въ болѣе или менѣе далекомъ будущемъ судьба ихъ грядущихъ сношеній съ Пиринскимъ полуостровомъ, съ которымъ они имѣли такія близкія связи въ XVI — XVII в.

— Можно ли смѣло отвѣчать отрицательно на вопросъ — не явятся ли у насъ на Руси великіе преемники Глинкѣ, которые, по его слѣдамъ, Испанскіе народныя напѣвы и мелодіи поставятъ предметомъ своего изученія и довершатъ дѣло, начатое Глинкою, созданіе оперъ и проч, на основаніи мелодій Испанскихъ, по скольку онѣ сходны и родственны съ Русскими или вообще Славянскими? Отъ возможности же такой *Русско-Испанской* музыки зависитъ въ болѣе или менѣе далекомъ будущемъ грядущее вліяніе искусства Славянскаго на Испанцевъ, которые уже неоднократно выражали свое сочувствіе къ Русскимъ и вообще Славянамъ.

— Распространеніе языка извѣстнаго народа внѣ предѣловъ его отечества не находится ли въ тѣсной связи съ распространеніемъ умственнаго вліянія этого народа на тѣ страны, въ которыхъ принимается этотъ языкъ? Удовлетворительное же и добросовѣстное рѣшеніе всѣхъ многочисленныхъ вопросовъ касательно исторіи отношеній Славянъ къ Испаніи, столь для насъ необходимое, уже одно способно доставить ученымъ нашимъ и ихъ трудамъ почетную извѣстность въ наукѣ. По непреложнымъ законамъ раздѣленія работъ и увеличенія цѣнности предмета отъ большаго къ нему приложенія труда, эти предварительныя начальныя развѣдки и изысканія откроютъ счастливымъ труженикамъ множество новыхъ сторонъ, приведутъ за собою безконечный рядъ вопросовъ, одинаково важныхъ въ исторіи, какъ міра Греко-Славянскаго, такъ

и Романо-Германскаго. Для примѣра позволю себѣ указать между прочимъ на отношенія наши къ Византійской образованности, изъ которыхъ проистекаетъ для насъ необходимость всесторонняго ея изученія. Ученые наши, занявшись исторіею отношеній Славянъ къ Испаніи, быть можетъ не преминутъ обратиться къ изученію и опредѣленію вліянія Византіи на Арабовъ Испанскихъ. — Исторія и подробная характеристика Православной церкви, къ которой принадлежитъ большинство Славянъ, и на которыхъ она всегда имѣла огромное вліяніе — безспорно, входятъ въ кругъ важнѣйшихъ предметовъ, подлежащихъ внимательному и самостоятельному нашему изученію. Образъ ея прошедшаго только тогда предстанетъ намъ во всевозможной ясности, когда мы ближе ознакомимся съ исторіею и со всѣми характеристическими явленіями Латинства. Испанія же, гнѣздо инквизиціи и езуитства, имѣвшая такое пагубное вліяніе на соплеменниковъ нашихъ, Чеховъ, Поляковъ, южныхъ Славянъ, издавна тянувшаяся и на Россію и другія земли Православныя и нынѣ еще не кинувшаго странныхъ и дикихъ видовъ своихъ на Славянъ, Испанія и въ этомъ отношеніи можетъ на себя обратить строгое вниманіе ученыхъ Славянистовъ, которые займутся исторіею отношеній Славянъ къ Испаніи. Для достойнаго выполненія такихъ трудовъ необходимо болѣе или менѣе подробное знакомство съ литературою Испанскою, какъ печатною, такъ и рукописною, а оно въ свою очередь легко можетъ вызвать изъ среды Славянъ своихъ Мише, Прескотовъ и Тикноровъ, самостоятельныя изысканія которыхъ легко могутъ быть награждены какими нибудь новыми, болѣе или менѣе важными находками и открытіями. «Ищите и обрящете; толцые и отверзетъ вамъ».

Такимъ образомъ безусловно кажется понятна и очевидна тѣсная взаимная связь вопросовъ объ отношеніяхъ Славянъ къ Испаніи съ вопросомъ о распространеніи Русскаго языка внѣ предѣловъ Россіи. Чѣмъ успѣшнѣе станеть у насъ подвигаться изученіе первыхъ вопросовъ, тѣмъ все болѣе будетъ приобрѣтать значенія литература Русская, по части всеобщей исторіи, хотя и по спеціальному, но важному ея отдѣлу, тѣмъ быстрѣе пойдетъ вне рядъ всѣмъ намъ желанное распространеніе Русска-

го языка внѣ предѣловъ Россіи. Если же для всѣхъ одинаково дорога эта послѣдняя задача, то также, значить, дороги и всѣ тѣ условія, которыя и могутъ и должны ускорить и приблизить ея рѣшеніе. Дорогое же такимъ образомъ для всѣхъ, удовлетворительное и возможно-полное ея рѣшеніе пойдетъ тѣмъ скорѣе и успѣшнѣе, чѣмъ болѣе и болѣе станетъ распространяться въ Россіи изученіе Славянскихъ языковъ и литературъ и умственное общеніе Русскихъ съ прочими Славянами. — Пишущій эти строки заключаетъ свой очеркъ отношеній Славянъ къ Испаніи сознаниемъ его слабости и надеждою, что читатель не откажется, какъ оправдать ее новостью предмета, такъ и откровенно признаться въ томъ, что умственное и литературное наше общеніе съ народами единокровными и изученіе ихъ исторіи, языковъ и литературъ не удаляетъ насъ отъ Европы, а только еще болѣе и притомъ разумно сближаетъ и смыкаетъ насъ съ нею.

VI. (Къ стр. 334).

По важности письма Поджіо къ Леопарду, мы рѣшаемся привести его здѣсь цѣликомъ, тѣмъ болѣе; что оно вовсе неизвѣстно, если не ошибаюсь; въ нашей литературѣ. Пылкій, страстный, много путешествовавшій, Иеронимъ обладалъ необыкновеннымъ даромъ привлекать къ себѣ и отдѣльныхъ людей, и цѣлыя народныя массы. Менѣе возвышенный, чѣмъ праведный и кроткій Гусъ, Иеронимъ есть, можно сказать; живой типъ Славянскаго агитатора¹. Его призваніемъ было — распространять въ Славянскомъ мѣрѣ идеи, выстраданныя Гусомъ. За свое уваженіе къ ученію Виклефа, Иеронимъ; воспитывавшійся въ Оксфордскомъ университетѣ, долженъ былъ оставить сперва Парижъ, а потомъ и Гейдельбергъ; живя послѣ того въ Будишѣ, при дворѣ Сигизмунда Угорскаго, онъ былъ заключенъ на двѣ недѣли въ темницу по доносу на него архіепископа Сбишка. Возвращаясь оттуда, онъ былъ схваченъ въ Вѣнѣ и, по требованію университета, подвергнутъ допросамъ. Когда здѣсь стали принуждать его, чтобъ онъ очистился отъ подозрѣнія въ ереси, то онъ поспѣшно бѣжалъ въ началѣ сентября 1410 года и оправдывался потомъ тѣмъ, что съ нимъ поступали незаконно и насильственно². Въ 1413 г. онъ посѣтилъ Польшу и Русь, по желанію короля Владислава и великаго князя Литовскаго Ви-

1. Палацкій въ слѣд. словахъ одного современника (1408 г.) видитъ прямое указаніе на Иеронима: *Quidam insani magistri et homines pestiferi Wiklefitici ordinis et schismatis — post discursum peregrinarum nobis terrarum et districtuum, etiam in terris nostris Bohemiae et Moraviae aulas principum, collegia et cathedras sacerdotum, scholas studentium, promiscui sexus popularem tumultum fidelium — tuba ipsorum ululans et pestifera — replevit.* (Dějiny nar. Česk. D. III. č. 1: pozn. 240).

2. Епископъ Краковскій такъ писалъ о немъ въ 1413 г.: *Venit huc personaliter, et prima die barbatus apparuit, secunda vero imberbis stolatus, tunica rubra et caputio foderato, pellibus griseis, se gloriosum ostendebat, coram ipso rege, regina, principum, baronum ac procerum frequentia. Qui tamen licet his paucis diebus moraretur, majores in clero et populo fecit commotiones, quam fuere factae a memoria hominum in dioecesi ista etc. — Terra nostra ad semen suum videtur esse arida capiendum et fructum afferendum, eo quod simplex plebicula tanti philosophi dogmata comprehendere non valet, et multo minus terrae Lituanorum et Rusiae etc.* Мѣтко замѣтилъ Палацкій, что эти два послѣднія положенія очевидно взаимно противоположны.

товта. При королевскомъ дворѣ въ Краковѣ онъ появлялся нѣсколько разъ въ разныхъ видахъ и костюмахъ и производилъ вездѣ страшное волненіе. Оттуда, въ сопровожденіи Витовта, онъ отправился въ Литву и въ Русь, въ Витебскѣ и въ Псковѣ посѣщалъ Русскіе храмы, называлъ православныхъ добрыми христіанами и соблюдалъ ихъ обряды. Гусъ, томясь и скорбя въ Констанцѣ, писалъ друзьямъ своимъ, уговаривая ихъ, въ особенности Есеница и Иеронима, чтобы они не прѣзжали въ Констанцѣ. Но пылкій Иеронимъ его не послушался, считая своею обязанностью явиться на помощь къ своему другу. 4-го апрѣля (1415 г.) является онъ вдругъ въ Констанцѣ, никѣмъ, конечно, не узнаанный; Чешскіе дворяне, сопровождавшіе Гуса на соборъ, папы Хлумскій и Дубскій, узнавши о его появленіи, просили его скорѣе удалиться. Иеронимъ же нашелъ средство прибить къ дверямъ церковнымъ листы, въ которыхъ на языкахъ Латинскомъ, Нѣмецкомъ и Чешскомъ извѣщалъ о себѣ императора и соборъ и просилъ вѣрительной грамоты для большаго обезпеченія, а самъ, между тѣмъ, все еще никѣмъ не узнаанный, скрылся въ одномъ изъ сосѣднихъ мѣстъ. 17 апрѣля соборъ объявилъ, что онъ его къ себѣ вытребуетъ и безъ всякаго со стороны его согласія и тотчасъ же выдалъ на него требованіе. Иеронимъ, однако, не дожидаясь погони, пустился въ бѣгство въ отечество, но неподалеку отъ Чешской границы былъ узнанъ, схваченъ и доставленъ на соборъ въ оковахъ 25 мая. По сожженіи Гуса, отцы стали гораздо мягче, выслушивали Иеронима, ласково и часто увѣщевали его отказаться отъ своей ереси. Испугавшись смертной казни, Иеронимъ имѣлъ слабость 10 сентября 1415 г. объявить собору, что онъ готовъ отречься отъ своихъ заблужденій, отъ ученія Гуса, что и исполнилъ торжественно на другой день. Соборъ для бѣльшей гласности принудилъ его повторить свое отреченіе 23 сентября. Здѣсь отрекся онъ отъ всѣхъ своихъ прежнихъ миѣній и отъ друга своего Гуса и безусловно предалъ себя на волю собора. Эта постыдная слабость, впрочемъ искупленная его раскаяніемъ и его мученическою смертью, была, однако, совершенно искренняя: онъ въ самомъ дѣлѣ въ то время измѣнилъ свои миѣнія, какъ то видно изъ тогдашнихъ писемъ его къ друзьямъ въ Прагу и еще болѣе

изъ просьбы его у собора — послѣ отреченія не освободить его изъ темницы, потому что онъ не желаетъ свободы. На соборѣ, между тѣмъ, уже возникъ вопросъ — не освободить ли его изъ заключенія? Знаменитые кардиналы Петръ д'Алье, Забарелла, Орсини и др. хлопотали объ его освобожденіи; но имъ наиболѣе противились Чешскіе доктора и Герсонъ. Съ прибытіемъ же въ Констанць Кармелитановъ изъ Праги, снова поднялось дѣло Іеронимово, — обстоятельство, къ счастію Чеховъ и всего міра Славянскаго, давшее Іерониму случай поправиться и показать себя достойнымъ другомъ и сподвижникомъ Гуса. Вотъ что передалъ намъ Поджіо Бракчіолини (род. въ 1380 † 1459 г.) въ письмѣ своемъ къ Леопарду Аретинскому, которое онъ писалъ въ день кончины Іеронима, находясь еще подъ сильнымъ впечатлѣніемъ событія.

«Черезъ нѣсколько дней, — пишетъ онъ, — какъ вернулся я въ Констанць, началось дѣло Іеронима, котораго публично называютъ еретикомъ. Я рѣшился предложить тебѣ эту рѣчь, какъ по важности ея содержанія, такъ въ особенности за краснорѣчіе и ученость человѣка. Признаюсь, я никого не видѣлъ, кто бы въ защитѣ дѣла, особенно уголовного, такъ приблизился къ краснорѣчію древнихъ, которыми мы такъ много восхищаемся. Надо было удивляться, какими словами, съ какимъ краснорѣчіемъ, какими доводами, съ какимъ выраженіемъ, какимъ голосомъ и съ какою искренностью отвѣчалъ онъ противникамъ и защищалъ свое дѣло. *Какъ жалко, что такая благородная, превосходная душа обратилась къ ученіямъ еретическимъ, если однако справедливо то, что ему приписываютъ.* Но не мое дѣло судить объ этомъ (sic!). Пристаю къ мнѣнію тѣхъ, кто умнѣе меня. Не въ моемъ намѣреніи подробно, по обычаю ораторъ, рассказывать все дѣло. То было бы долго и заняло много времени. Коснусь только нѣкоторыхъ замѣчательныхъ мѣстъ, по которымъ можешь судить объ учености человѣка.

«Когда набралось много обвиненій, уличавшихъ Іеронима въ ереси, и когда они были подтверждены свидѣтельствами, то угодно было собору, чтобы онъ отвѣчалъ на каждое обвиненіе отдѣльно. Когда привели его, то ему повелѣли представить свои возраженія. Онъ долго отказывался отвѣчать на клеветы про-

тивниковъ, говоря, что будетъ лучше, если онъ самъ поведетъ свое дѣло, настаивая, чтобы соборъ выслушалъ прежде его собственныя мнѣнія, и что потомъ уже обратится онъ къ напѣтамъ враговъ своихъ. Когда же ему того не дозволили, то онъ, стоя посреди собранія, сказалъ: «Какова же несправедливость! когда меня въ продолженіе трехъ сотъ сорока дней содержали въ тяжкомъ заключеніи, посреди дыма и смрада, въ грязи, въ оковахъ и въ совершенномъ недостаткѣ самаго необходимаго, вы постоянно это время слушали моихъ противниковъ и обвинителей, а меня не хотите теперь выслушать и одного часу. Оттого-то, при такомъ долгомъ вашемъ вниманіи, когда они успѣли убѣдить васъ, что я еретикъ, врагъ вѣры, ненавистникъ духовенства, вы и не даете мнѣ права защиты, ибо вы напередъ уже мысленно осудили меня, какъ нечестивца, раньше, чѣмъ успѣли узнать меня. Но и вы, — сказалъ онъ, — люди, а не боги. Не вѣчны, а смертны. Можете падать, заблуждаться, обманываться, ошибаться, увлекаться. Сюда собрались свѣтила міра, мудрѣйшіе люди со всего свѣта. Вамъ надо особенно стараться, чтобы не поступить какънибудь смѣло, необдуманно или несправедливо. Самъ я, о комъ идетъ теперь дѣло, человѣкъ ничтожный. Говорю не за себя, зная, что мнѣ придется умереть. Но, кажется, недостойно такихъ мудрыхъ мужей рѣшать мое дѣло противно правдѣ, такъ какъ оно не столько собою, сколько примѣромъ своимъ можетъ имѣть вредныя послѣдствія». Такъ и о многомъ еще другомъ прекрасно говорилъ онъ при шумѣ и крикахъ многихъ, прерывавшихъ его рѣчь.

«Накопецъ рѣшено было, чтобы онъ публично представилъ свои возраженія на обвиненія, приводимыя противъ него, а потомъ дозволено ему было говорить, о чемъ самъ пожелаетъ. Съ кафедры читали отдѣльныя обвинительныя статьи; послѣ каждой приводили свидѣтельства и спрашивали его, хочетъ ли онъ отвѣчать. Невозможно рассказать, какъ искусно онъ отвѣчалъ, какими сильными защищалъ себя доводами. Ничего не произнесъ онъ, что бы было недостойно мужа добраго (bono viro). Если онъ такъ мыслилъ въ вѣрѣ, какъ о томъ говорилъ, то не только не заслужилъ онъ смерти, но и малой обиды. Все называлъ онъ клеветою, ложью враговъ своихъ.

«Когда, между прочимъ, называли его ругателемъ апостольскаго престола, противникомъ Римскаго епископа, ненавиствателемъ прелатовъ и духовенства, врагомъ христіанской вѣры, тогда всталъ онъ и печальнымъ голосомъ, всплеснувъ руками, сказалъ: «Куда теперь обратиться мнѣ? Мужичи почтенные, къ чьей прибѣгнуть мнѣ помощи? Кого просить мнѣ? Васъ ли? Но они, мои гонители, отклонили мысли ваши отъ моего спасенія, объявивъ меня врагомъ всѣхъ тѣхъ, кто долженъ судить меня. Они полагали, что если всѣ хитросплетенія ихъ и покажутся легкими, то все таки приговоромъ своимъ вы раздавите всеобщаго врага и противника, какимъ они меня лживо представили. Такъ, если вы станете вѣрить словамъ ихъ, то мнѣ нечего надѣяться на спасеніе жизни». Многихъ отражалъ онъ шуткою, другихъ колкостями, третьихъ часто, при важномъ вопросѣ, поднималъ на смѣхъ: такъ отвѣчалъ онъ на обвиненія и допросы. На вопросъ, что онъ думаетъ о таинствѣ причащенія, отвѣчалъ: «Прежде бываетъ хлѣбъ, а потомъ, при освященіи (in consecratione) и послѣ, истиннымъ тѣломъ Христовымъ» и проч., все какъ по закону. Тогда отозвался кто-то: «Говорятъ, что ты сказывалъ, будто и по освященіи остается хлѣбъ». Онъ отвѣтилъ: «Да, у хлѣбопека.» Кому-то изъ ордена Проповѣдниковъ, когда тотъ къ нему сильно приставалъ, сказалъ онъ: «Молчи, лицемѣръ». Другому, когда тотъ поклялся своею совѣстью, онъ замѣтилъ: «Это самый лучший путь къ обману». Какого-то изъ главныхъ своихъ противниковъ иначе не называлъ онъ, какъ псомъ или осломъ.

«Когда по множеству и тяжести обвиненій, дѣло его не могло быть окончено въ тотъ же день, то и было отложено на третій день. Въ этотъ день (26 мая), какъ прочтены были обвиненія и подтверждены множествомъ свидѣтельствъ, тогда онъ всталъ и сказалъ: «Послѣ того, какъ вы слушали внимательно моихъ противниковъ, слѣдуетъ теперь вамъ и меня безпристрастно выслушать».

«Получивъ, послѣ многихъ сопротивленій, право голоса, началъ онъ съ обращенія къ Богу. Молилъ Его подать ему такую мысль, такой даръ слова, которые бы послужили на пользу и на спасеніе души его. Наконецъ она сказала: «Знаю, ученѣйшіе

мужи, что много было превосходныхъ людей, что терпѣли наказанія, недостойныя ихъ добродѣтелей, падая подъ тягостью ложныхъ свидѣтельствъ, безчестныхъ доносовъ». Напомнилъ Сократа, какъ тотъ несправедно былъ осужденъ своими, и какъ онъ, хотя и могъ, не хотѣлъ, однако, бѣжать, для того, чтобы отнять у людей страхъ и боязнь самыхъ ужасныхъ для нихъ вещей— смерти и заключенія. Затѣмъ упомянулъ онъ о заключеніи Платона, бѣгствѣ Анаксагора и мученіи Зенона, также и многихъ другихъ несправедливыхъ приговорахъ надъ разными язычниками, объ изгнаніи Румилія, несчастной кончинѣ Боэтія и многихъ другихъ, о которыхъ говоритъ Боэтіи.

«Потомъ перешелъ онъ къ примѣрамъ Евреевъ. Сперва указалъ на Моисея, освободителя своего народа и его законодателя, какъ часто клеветали на него свои же, словно на какого обманщика или измѣнника народнаго; на Іосифа, какъ по зависти былъ проданъ братьями, а потомъ, по подозрѣнію въ блудодѣяніи, брошенъ въ оковы; кромѣ того, на Исаію, Данила и почти на всѣхъ Пророковъ, которыхъ подвергали несправедливымъ приговорамъ, какъ ненавистниковъ Бога, какъ возмутителей народныхъ. Тутъ указалъ онъ и на судъ Сусанны и многихъ другихъ, которые были безукоризненной святости и погибли по несправеднымъ приговорамъ. Наконецъ, перейдя къ Іоанну Крестителю и къ самому Спасителю нашему, сказалъ онъ, что всѣмъ извѣстно, какъ были осуждены они ложными свидѣтелями, ложными судьями; назвалъ и св. Стефана, убитнаго совѣтомъ жрецовъ; говорилъ, что всѣ Апостолы приговорены были къ смерти не какъ добрые люди, а какъ мятежные и дерзкіе возмутители народовъ, ненавистники боговъ и злодѣи. Несправедливо, когда служитель алтаря несправедливо осуждаетъ такого же служителя. Но это, замѣтилъ онъ, бывало. Еще несправедливѣе, когда поступалъ такъ совѣтъ духовныхъ: онъ и это подтвердилъ примѣрами. Но всего несправедливѣе, когда такъ дѣйствовали цѣлые соборы; показалъ, что и это бывало. Обо всемъ этомъ говорилъ онъ краснорѣчиво и увлекательно. Но такъ какъ вся сила дѣла заключалась въ свидѣтельствахъ, то и нельзя было, какъ онъ доказывалъ подробно, никакой давать имъ вѣры, особенно же, когда все это наговорили не изъ исти-

ны, а изъ ненависти, злорадства и зависти. Тутъ объяснилъ онъ и причины этой ненависти такъ, что едва не убѣдилъ ихъ всѣхъ. До того онъ были вѣроподобны, что если бы дѣло шло не о вѣрѣ, то перестали бы придавать какую-нибудь цѣну этимъ свидѣтельствамъ. Онъ потрясъ умы всѣхъ и склонилъ къ милосердію; прибавилъ, что онъ явился на соборъ добровольно, для своего оправданія; изложилъ свои труды, свою жизнь, благородную и честную. Напомнимъ, что въ старину у величайшихъ мужей въ обычай были споры о предметахъ вѣры, не для потрясенія, но для открытія истины; такъ Августинъ и Иеронимъ во многомъ не соглашались, не только думая розно, но и противоположно, тѣмъ не мѣняе не навлекая на себя ни малѣйшаго подозрѣнія въ ереси.

«Всѣ ожидали, что онъ или очистится, отстраивъ обвиненія, или попроситъ прощенія въ ошибкахъ. Но онъ, не желая признаваться въ своихъ заблужденіяхъ, ни отвергать чужихъ клеветъ, прямо началъ хвалить Яна Гуса, недавно преданнаго сожженію; называлъ его мужемъ добрымъ, праведнымъ и святымъ, вовсе недостойнымъ такой смерти. Замѣтимъ, что самъ онъ готовъ твердо и спокойно подвергнуться какой угодно смерти, уступить своимъ врагамъ и столь нагло на него лгавшимъ свидѣтелямъ, которые должны будутъ отдать отчетъ Богу, котораго уже не обмануть имъ. Великая скорбь обняла всѣхъ окружающихъ. Они желали, чтобы такой превосходный чловѣкъ былъ спасенъ, если бы только мыслилъ правильно. Онъ же, непоколебимый въ своихъ убѣжденіяхъ, искалъ, казалось, смерти. Хваля Яна Гуса, говорилъ: «Ничего онъ не мыслилъ противъ Церкви Божьей, но противъ злоупотребленій духовенства, противъ гордости, тщеславія и пышности прелатовъ. Такъ какъ духовныя имущества собственно должны идти на нищихъ и сирыхъ, на храмы, то доброму мужу этому и казалась постыдною трата ихъ на блудницъ, на пиры, на содержаніе собакъ, лошадей, на наряды и прочія вещи, недостойныя Христовой вѣры». То былъ мужъ великаго ума. Когда, ловя его мысли, со всѣхъ сторонъ безпрестанно прѣрывали его рѣчь, то онъ не оставлялъ никого безъ отвѣта, и всѣхъ грома одинъ ково, заставлялъ ихъ молчать и краснѣть. Когда поднимался шумъ,

онъ умолкалъ на время и тѣмъ смущалъ толпу. Потомъ онъ продолжалъ свою рѣчь, умоляя ихъ именемъ Бога — позволить ему говорить, такъ какъ имъ недолго уже придется его слушать. Мужъ духа твердаго и неустрашимаго, онъ не сробѣлъ ни разу предъ этими криками.

«Что за дивная была у него память, можно видѣть изъ того, что онъ 340 дней предъ тѣмъ прожилъ въ грязномъ и темномъ подвалѣ одной башни; на суровость своего заключенія онъ самъ жаловался, говоря, что какъ мужъ, онъ не ропщетъ на эти тяжкія страданія, но только удивляется безчеловѣчю и безжалостности къ нему людей. Въ такомъ мѣстѣ онъ лишенъ былъ всякой возможности что-либо читать, кого-либо видѣть; не говорю уже о тѣхъ ежедневныхъ душевныхъ волненіяхъ, которыя бы должны были убить всякую память. Въ подтвержденіе своихъ мыслей, онъ привелъ столько мѣстъ изъ ученыхъ и мудрейшихъ мужей, изъ Святыхъ Отцовъ, что было бы ужь очень достаточно, если бы онъ все это время, весь свой досугъ провелъ въ тишинѣ и покоѣ, въ приготовительныхъ занятіяхъ для такой рѣчи. Голосъ его былъ пріятный, полный, звучный, съ особеннымъ достоинствомъ ораторскихъ движеній, какъ въ выраженіи негодованія, такъ и въ пробужденіи жалости, которой впрочемъ онъ и не ожидалъ и не искалъ. Былъ онъ неустрашимъ и смѣлъ, не только не боялся смерти, но даже искалъ ея. Сказалъ бы, что то былъ второй Катонъ. О, мужъ достойный вѣчной памяти (*O, virum dignum memoria hominum sempiterna*). Не хвалю, если что мыслилъ противъ уставовъ Церкви, дивлюсь его учености, образованію, краснорѣчю, остроумію отвѣтовъ; но боюсь, не дано ли ему все это природою на его погибель.

«Затѣмъ ему дали два дня на покаяніе. Между-тѣмъ, къ нему приходило много ученѣйшихъ мужей, чтобы разубѣдить его въ его мнѣніяхъ. Такъ былъ у него и кардиналъ Флорентинскій, уговаривалъ его обратиться на путь истины. Но такъ какъ онъ неотступно оставался при своихъ заблужденіяхъ, то и былъ осужденъ соборомъ въ ереси и преданъ сожженію. Съ яснымъ челомъ, съ веселымъ, улыбающимся лицомъ пошелъ онъ на смерть. Не боялся ни огня, ни мученій, ни смерти. Никто изъ

стойковъ никогда не переносилъ смерти съ такимъ твердымъ духомъ, какъ онъ искалъ ея. Когда онъ пришелъ къ мѣсту казни, то самъ снялъ съ себя одежду, и, павши на колѣна, сталъ молиться передъ столбомъ, къ которому онъ нагой былъ привязанъ мокрыми веревками и цѣпью. Потомъ обложили его по самую грудь полѣньями, не мелкими, а большими, наклавъ между ними соломы. Какъ только показалось пламя, онъ началъ пѣть гимнъ, который прерывали дымъ и огонь. Главнѣйшимъ доказательствомъ его твердости духа можетъ служить слѣдующее обстоятельство: когда палачъ хотѣлъ зажечь у него сзади, чтобы онъ не видѣлъ огня, то онъ сказалъ: «Пойди сюда, зажги предъ лицомъ моимъ; если бы я боялся твоего огня, то никогда бы не явился сюда». Такъ погибъ этотъ необычайный человекъ (*vir praeter fidem egregius*). Я видѣлъ его кончину, слѣдилъ за всѣмъ дѣломъ. Дѣйствовалъ ли онъ такъ по безвѣрью или по непреклонности, конечно, ты скажешь, что то былъ истинный философъ. Пользуясь досугомъ, рассказалъ я тебѣ длинную повѣсть. Ничѣмъ не занятый, я хотѣлъ что-нибудь слѣзать и передать тебѣ рассказъ, напоминающій древнихъ. Муцій съ такимъ мужествомъ не держалъ одной руки своей на огнѣ, какъ этотъ всецѣло. Сократъ не такъ охотно принялъ яду, какъ онъ выдержалъ огонь. Но довольно. Прости мое многословіе. Самый предметъ требовалъ однако болѣе подробнаго разказа». Писано въ день казни Иеронима. (*Von der Hardt Magnam Oecumenicum Constantiense Concilium III, 64—71*). Справедливо замѣчаетъ Палацкій: «Tento vyšší povahy duch, jenž wida umíratí oswíceného řečníka pro wíru swau a zapomínaje se co theolog, patřil okem filosofowým na wýjew takowý, nakreslil a pozůstawił nam žiwý o něm obraz, slaužící ke cti popisowateli neméně nežli popisowanému, an skutečně nejedním rázem upomíná na weliké muže starého swěta». Судя по Поджію, можно смѣло предполагать, что немало на соборѣ было лицъ, которые мысленно совершенно убѣдились доводами великаго Чеха и перешли на его сторону.

VII.

Жижка († 1424 г.), за исключеніемъ немногихъ, весьма дурно понимаемый западными писателями, только искуснымъ перомъ Палацкаго, одного изъ замѣчательнѣйшихъ историковъ XIX столѣтія, представленъ въ истинномъ своемъ видѣ, съ своими темными сторонами и съ своими великими достоинствами, пріобрѣтшими ему полное право на всемірную извѣстность. Имѣя въ виду большинство читателей, я полагаю полезнымъ, при томъ громадномъ невѣдѣніи, которымъ мы такъ богаты, относительно Славянской исторіи особенно, привести нѣсколькихъ словъ Палацкаго, наиболѣе характеризующихъ человѣка, котораго выслалъ изъ среды своей народъ Чешскій на кару и мщеніе Римско-Нѣмецкому міру за сожженіе Гуса и Иеронима, на защиту ихъ ученія и на спасеніе чести и добраго имени, какъ своихъ, такъ и всего міра Славянскаго. Жижка самъ выражалъ, что онъ поднялся за освобожденіе не только правды закона Божьяго, но также и народа Чешскаго и Славянскаго (*pro wyswobození netoliko prawdy zákona božího, ale zvláště také jazyka Českého i Slówanského*). Палацкій вполне основательно назвалъ его однимъ изъ первыхъ панславистовъ. Преданный всей душою своей вѣрѣ и своимъ убѣжденіемъ ученію Гуса (несправедливо прежде называли Жижку аборитомъ¹, Жижка не только считалъ ихъ едиными истинными и спасительными, но и требовалъ, чтобы всѣ другіе имъ слѣдовали. Иначе онъ этихъ людей не уважалъ, считалъ ихъ *неживыми*. Всегда суровый и одержимый нетерпимостію до фанатизма, требовалъ отъ себя и отъ другихъ, горячей ревности къ дѣламъ любезнымъ Богу. Набожность его не жила въ одномъ чувствѣ, а безпрестанно искала проявленія въ жизни. «Законъ Божій, говоритъ Палацкій, былъ у него призывнымъ знакомъ къ битвѣ; за него являлся онъ грознымъ мстителемъ; во имя его онъ былъ милосердъ со всѣми, кто не былъ живъ по его мнѣнію. Особенно страшно и грозно каралъ онъ лица духовныя, мо-

наховъ, потому что въ его глазахъ они, обязанные сѣять добродѣтелями передъ народомъ, были величайшими грѣшниками, ханжами и лицебрами. Терпимость, уступчивость были добродѣтелями ему незнакомыми; всякая двойственность, мягкость, нецѣльность и перѣшительность казались ему мерзостями передъ Господомъ. Оттого на каждое примиреніе съ непріателемъ онъ глѣдѣлъ съ негодованіемъ; но если разъ ему что обѣщаль, то всегда заботился объ исполненіи даннаго слова». Во все не сочувствуя аборитамъ, совершенно отвергавшимъ личную собственность и преданнымъ всепоглощающему деспотизму нивеллированія, Жижка питалъ однако глубокую ненависть ко всякимъ неестественнымъ преимуществамъ однихъ сословіи и состоянїи передъ другими. Ненавидя феодалное дворянство и никогда особенно не жалуя Нѣмцевъ, издавна державшихся духа кастъ, онъ тѣмъ сердечнѣе прильнулъ къ Славянству, тогда еще не тронутому въ этомъ отношеніи. Еще до смерти Гуса братался онъ съ Поляками, ходилъ помогать имъ противъ Нѣмецкихъ крестоносцевъ, всегда носилъ Польскій нарядъ и, сначала недовѣрчивый къ Русскому князю Сигизмунду Корибутовичу, подозрѣвая въ немъ честолюбивые замыслы, убѣдившись въ его искренности, онъ бывалъ потомъ съ Русскими необыкновенно ласковъ, иначе и не называлъ Сигизмунда какъ сыномъ, который въ свою очередь всегда величалъ его *батюшкой*. Въ своемъ уставѣ воинскомъ онъ неоднократно настаиваетъ на томъ, что не должно обращать никакого вниманія, ни на сословія, ни на состоянїя, что сотники изъ простаго народа бываютъ лучше многихъ дворянъ. «Жижка обладалъ необыкновеннымъ даромъ краснорѣчія¹, но совсѣмъ лишенъ былъ того духа, съ которымъ Римляне и Нѣмцы умѣли добывать и утверждать за собою господство надъ народами; былъ Славяниномъ и въ этомъ отношеніи. Этотъ недостатокъ его былъ бы исправленъ Микулашемъ изъ Гуси. Предводимые Жижкой, Чехи умѣли побѣждать, но не умѣли пользоваться своими

1. Отомъ свидѣтельствуютъ и сочиненія его, такъ взывалъ онъ къ Домажличанамъ: «Pomněte na váš prvni boj, jezto ste mali proti velikým, nemuozí proti mnohým, neoděni proti oděným statečně bojovali; však ještě ruka boží není krásena» и пр.

побѣдами для цѣлей политическихъ. Эней Сильвій разсказываетъ, что Сигизмундъ, видя вліяніе, которымъ пользуется Жижка, задумалъ подкупить его и привлечь на свою сторону, для того, чтобы чрезъ него завладѣть королевствомъ». «Неудивительно, говоритъ Палацкій, что явилось такое предположеніе; Сигизмундъ, зная, что Жижка служилъ нѣкогда при дворѣ его брата, могъ воображать о немъ, что онъ былъ придворнымъ, какъ и всякой придворный: но надо вовсе не понимать его характера, чтобы заподозривать его вѣрность. Если бы Жижка искалъ богатства и стремился къ преобладанію надъ Чехами, то достигъ бы того и другаго и противъ воли Сигизмундовой. Но онъ былъ упорнымъ фанатикомъ, никогда не заботившимся о собственномъ успѣхѣ, не искалъ ни богатствъ, ни власти, ни славы.» Побѣдитель въ столькихъ битвахъ и предводитель неодолимаго войска, онъ всегда довольствовался простымъ названіемъ *брата*, какъ назывался каждый въ его войскѣ и, всегда умѣренный, померъ такимъ же бѣднякомъ, какимъ жилъ. Младшій его братъ Ярославъ изъ Троцнова и по смерти его не вышелъ изъ ряда обыкновенныхъ паншей; тетка его Анна еще въ 1428 г. получала пособіе отъ Пражской общины.

Несправедливо также мнѣніе, отвергавшее въ немъ всякое литературное образованіе. Издавна приписываютъ ему извѣстную военную пѣснь Таборитовъ: «Kdoz jste bozi bojownici a zakona jeho» и т. д. У Таборитовъ, не исключая и женщинъ, каждый умѣлъ читать и писать. Разумѣется, что Жижка содержалъ при себѣ особую канцелярію, необходимую для порядка. Сомнительно, зналъ ли онъ по Латыни, хотя судя по Оомѣ Штитному, нѣтъ ничего въ этомъ невѣроятнаго, тѣмъ болѣе, что онъ служилъ при дворѣ королевскомъ.

Какъ полководецъ блистаетъ Жижка въ ряду тѣхъ славныхъ и рѣдкихъ во всей исторіи военачальниковъ, которые могли гордиться тѣмъ, что, выдержавъ безчисленное количество большихъ и малыхъ сраженій, никогда не испытывали пораженій и по всѣмъ правамъ слывутъ за непобѣдимыхъ¹. Удивленіе наше

1. О томъ писалъ еще въ XV в. (1477—1483 г.) бывший нѣкогда Генуэзскимъ дожемъ Джіов. Баттиста *Фрегозо* (Fulgosus) въ слѣд. словахъ: «Qui amissi in eo

растетъ, когда припоминаемъ, что непріатели значительно превосходили его и числомъ, и вооруженіемъ, что онъ самъ, создавъ себѣ войско такъ сказать изъ ничего, не только поражалъ имъ военную силу нѣсколькихъ государствъ и народовъ вмѣстѣ, надолго сдѣлалъ своихъ земляковъ народомъ, если не самымъ воинственнымъ, за то рѣшительно непобѣдимымъ въ Европѣ¹. Результатомъ этого было обстоятельство почти невѣроятное, нигдѣ въ исторіи невиданное и неслыханное, что многочисленныя войска, предводимыя лучшими полководцами своего времени, не дожидаясь даже нападенія Чеховъ, кидались въ бѣгство, и цѣлая Европа, послѣ многихъ и кровавыхъ битвъ, не одолѣвшая народа Чешскаго, сама наконецъ признала и провозгласила себя побѣжденною.

Но и это чудо, по обыкновенію, произошло путемъ естественнымъ. Жижка замѣнилъ высшимъ военнымъ искусствомъ то, что доставало ему въ силѣ. Каждый поступательный шагъ въ искусствѣ всегда совершается дарованіемъ людей практическихъ, которые притомъ всегда бываютъ связаны современнымъ состояніемъ техники вообще; послѣ нихъ уже теорія пристально изучаетъ тѣ законы, которые до того открыты были одному гениальному инстинкту. Это подтверждается и примѣромъ Жижки. Не его вина въ томъ, что огнестрѣльное оружіе въ его время не имѣло такого значенія, какъ въ наши дни; ему оставалось воспользоваться только тѣми средствами, которыми располагала тогдашняя механика. Такъ, имѣя противъ себя хорошо вооруженныя войска феодальныя, а подъ рукою своею по большей части ремесленниковъ и поселянъ, мало привыкшихъ къ оружію, долженъ былъ бороться съ тѣми орудіями, которыя имѣлъ, а не съ

prorsus luminis incommoda atque alia ex parte rerum quas coecus gessit magnitudinem pensitare voluerit, tantum Hannibali Sertorioque, altero tantum oculo captis, eum praepositurus est, quantum ipsi propter lumen ei qui prorsus coecus erat, praeponendi viderentur. Hac enim gloria (quae ingens ac rara est) decessit, quoddam vixit, maximis proeliis victor, numquam ab hoste superatus fuit. Qui non minus cum natura certasse putari debet, quam senior Marius, aut Scaeva etc. (См. Cochiaeus ad ann. 1427).

1. По поводу Гуситскихъ побѣдъ самъ Эвей Сильвій выразился: Quis Bohemico nomine non invidet, cujus victorias tempestate nostra plures rumerare licet, quam reliquae gentes omnibus seculis comparare potuerint? (Hist. Boh. cap. 58).

которыми бы желалъ. Если бы Жижка жилъ въ наше время и стоялъ бы во главѣ благоустроеннаго войска, то его несравненный гений внушилъ бы ему изобрѣтеніе средствъ, приспособленныхъ къ нашему вѣку и его потребностямъ. Весь его способъ веденія войны былъ строго рациональный, а главная его особенность состояла въ тонкомъ изученіи природнаго положенія поля битвы и въ искусномъ имъ пользованіи. Битвы его бывали по большей части оборонительныя: онъ никогда не вступалъ въ сраженія, не съискавъ предварительно для него такого мѣста, гдѣ бы природа или сама почва служила сильнѣйшимъ его союзникомъ.

Жижка, высвободясь изъ средневѣковыхъ неурядковъ, сталъ, если не изобрѣтателемъ, то, по крайности, первымъ представителемъ ново-Европейской тактики. Сила войска его состояла уже не въ конницѣ, а въ пѣхотѣ и въ соединенномъ съ нею огненномъ боѣ (артиллеріи); онъ былъ первымъ, который завелъ въ своемъ войскѣ упражненія въ искусныхъ и стройныхъ поворотахъ и движеніяхъ. Войско его, строго размѣренное и членораздѣльное, всегда составляло одно органическое цѣлое и уже очень давно уподоблено было живому и непреодолимому чудовищу, всегда движущемуся по одной волѣ во всѣхъ своихъ членахъ и оконечностяхъ.

Чешская письменность пятнадцатаго столѣтія сохранила намъ богатую военную терминологию, которую, однако, мы теперь понимаемъ только отчасти¹. Изъ оружія употреблялись наиболѣе, кромѣ мечей, копей и самострѣловъ или древнихъ кушей (*kuší*), — *цѣпны*, *пальцаты*, *сулицы* (*sudlice*), *оштины*, а для обороны *навезы* (*rawézy*), различныя *ручницы* (ружья) и *дѣла* или *пушки*, называвшіяся смотря по виду и употребленію своему, разными именами, какъ-то *гауфницы*, *гарцовницы*, *срубницы* и *гаковницы*. Умалчиваемъ объ осадныхъ орудіяхъ. Какъ въ конницѣ, такъ и въ пѣхотѣ были различныя разряды воиновъ, смотря по оружію — *стрѣльцы*, *цѣпники*, *копейники*, *суличники*, *навезники* и т. д., смотря по положенію и мѣстамъ — *страценци*

1. «Objasnění zastaralých nazvů ve válečném umění Čechů XV-ho století», ст. г. Буріана въ *Časop. Česk. Mus.* г. 1836, I, str. 40 — 57, — далеко не все объяснила.

и *копелерки*, *гонцы*, *посильцы* (posílci), *гарцовники*, *возники* и *возатаи* (wozatajowé), *пищовники*, *прачата* (pračata), *ряды вальные* (дѣйствующіе), *ряды излишніе*, *резервные* (zbytní) и т. д. *Возы*, одна изъ самыхъ основныхъ частей Жижкина табора, дѣлились также на *возы боевые* (bojowné), либо *крайные* (kraíní), либо *плацные* и *возы кормовые*, *фуражные* и *коморные* (písní a komorní) и т. д. Обыкновенно на каждую тысячу вооруженныхъ Гуситовъ полагалось девять сотъ пѣшихъ, сто человекъ конныхъ и притомъ пятьдесятъ боевыхъ повозокъ; на одну боевую повозку требовалось одного возничаго, двухъ конныхъ, четырехъ павезниковъ и тринадцать стрѣльцовъ. Всѣ эти части имѣли въ таборѣ Жижкиномъ свои опредѣленныя мѣста и свое особенное назначеніе, какъ при стоянкѣ войска, такъ и въ походѣ, и преимущественно въ сраженіи, такъ что онѣ походили на члены живаго тѣла, покрытаго подвижными крѣпостями. Само собою разумѣется, что здѣсь были на готовѣ и всѣ ремесленные снаряды для проложенія дорогъ, для починки воевъ, для устройства фашиновъ и бастіоновъ.

Объ употребленіи боевыхъ воевъ въ Чехахъ еще передъ воеводствомъ Жижки, узнаемъ мы изъ военной инструкціи, которую приказалъ король Вацлавъ въ 1413 г. написать своему подкоморію Гайкѣ изъ Годетина¹, но не далъ ли къ тому повода самъ Жижка, придворный и любимецъ короля? Что однако эти *подвижныя укрѣпленія* (hradby wozowé), которыми онъ побѣждалъ, были его собственнымъ изобрѣтеніемъ, о томъ единогласно свидѣтельствуется древность, хотя извѣстно, что нѣкогда употребляли ихъ и Римляне. Эти укрѣпленія обращали таборъ Жижкинъ, гдѣ бы онъ ни находился, въ искусственную крѣпость, тѣмъ важнѣйшую, что она была подвижная и служила не только къ защитѣ и оборонѣ, но и къ отступленію и бѣгству. Боевыя повозки всегда растягивались въ ряды, одна за другою, и связывались между собою цѣпами; такихъ рядовъ бывало обыкновенно четыре, два крайнихъ и два плацныхъ, а иногда больше или меньше, смотря по потребности; крайніе ряды спереди и сзади были продолжены такъ-называемыми

1. Напечатана въ Čas. Česk. Mus. 1828. I, str. 29—38.

«крыльями» (okřidli), которыми могли смыкаться въ случаѣ нужды; отъ непріятеля онѣ закрывались висячими досками и террасами, а ихъ возничіе щитами, и въ каждой повозкѣ было по одной или по нѣсколку пицалей (hakownic). Все войско, весь провіантъ, аріергардъ, даже жены и дѣти имѣли свои назначенныя мѣста внутри повозокъ; только конница обыкновенно слѣдовала рядомъ съ ними, однако въ случаѣ сильнаго наступленія непріятеля она тоже пряталась за укрѣпленія. Всего болѣе ловкости требовалось отъ возничихъ, для того, чтобы быстро построиваться по данному вождемъ знаку. Таковы были главныя особенности Таборцевъ, которымъ такъ много удивлялись иностранцы.

Современный писатель Эней Сильвій оставилъ намъ, если и не подробную, то довольно живую и ясную картину военнаго быта Таборцевъ и Сиротокъ. «Съ женами и дѣтьми, говоритъ онъ, проживали они въ войскѣ и въ полѣ, имѣя у себя множество повозокъ, которыми укрѣплялись они точно валомъ и стѣнами. Когда же приготовлялись они къ битвѣ, то изъ этихъ повозокъ устраивали два ряда и въ срединѣ ихъ помѣщали пѣхоту, конницу неподалеку впереди возовъ. Приготовляясь вступить съ непріателемъ въ битву, возничіе, управлявшіе повозками, быстро, по данному гетманомъ знаку, объѣзжали часть войска непріятельскаго и тотчасъ же собирались въ массѣ. Непріатели, въ располхъ застигнутые и окруженные повозками, лишенные всякой помощи и защиты отъ своихъ, падали подъ мечемъ пѣшихъ или подъ стрѣльбою и коньями тѣхъ, что были въ повозкахъ, женъ и дѣтей. Конница была впереди повозокъ; когда непріатель сильно на нее напиралъ, тогда, отступивъ, она скрывалась между повозками, и защищалась оттуда, какъ будто со стѣнъ крѣпости. Такимъ образомъ они много сраженій выиграли, много побѣдъ одержали, потому что окрестные народы не знали такого рода войны, а земля Чешская, широкая равнина, весьма удобна для такихъ движеній и оборотовъ повозокъ.

Въ Гуситскія войны вообще весьма много употребляли всякаго рода пушки и порохъ не только Чехи, но и ихъ непріатели. Артиллеристы Чешскіе, кажется, превосходили тогда всѣхъ своимъ искусствомъ; тѣмъ не менѣе Чехи всегда на полѣ битвы такъ

старались встать, что непріятели обыкновенно перестрѣливали ихъ таборъ.

Другое преимущество Чешскаго войска состояло въ быстротѣ и скорости походовъ и всего его движенія. Тогдашняя медленность и неворотливость войска, въ особенности Нѣмецкаго, часто бывала причиною, что Чехи настигали ихъ совершенно въ распахъ. Когда наприм. приходилось Нѣмцамъ защищать какое-нибудь мѣсто въ собственной своей землѣ, то обыкновенно случалось, что прежде, чѣмъ успѣютъ они собраться къ оборонѣ, Чехи, быстро овладѣвши имъ, сами раньше еще ихъ укрѣплялись въ немъ.

Ослѣпленіе Жижки принесло Чехамъ ту пользу, что его воинское искусство въ большей мѣрѣ перешло на его подгетмановъ или адъютантовъ. Принужденный смотрѣть ихъ глазами, тѣмъ лучше научил онъ ихъ обращать вниманіе на всѣ тѣ выгоды, которыя доставлялись природою и мѣстными обстоятельствами, или опытностью въ размѣреніи и въ разстанавливаніи потребныхъ для боя силъ. Хотя онъ и не могъ передать имъ собственной своей геніальности, которая богатствомъ простыхъ и всегда легкихъ средствъ превосходила всякія теоріи, однако въ каждомъ дѣлѣ и особенно въ ратномъ, поле теоріи такъ пространно, что никакой геній не можетъ вовсе безъ нея обойтись; при семъ сущность дѣла не измѣняется ни въ коемъ случаѣ, распространяется и возблывается ли теорія простымъ примѣромъ, или устнымъ преданіемъ, или наконецъ письменностью. Чехи въ пятнадцатомъ столѣтіи вообще считались первыми учителями ратнаго дѣла, особенно на востокъ Европы, гдѣ всевоенное устройство Таборцевъ удержалось въ употребленіи до XVII ст., именно у Козаковъ Польскихъ и Русскихъ»¹.

1. О военномъ искусствѣ Чеховъ отмѣтили мы особенное разсужденіе въ *Časop. Česk. Mus.* 1823, II, 3 — 11. Тамъ же издано (по старой рукоп.) наставленіе Вацлава Волчка королю Владиславу «*čterak samaj šikowatí jizdní, pěšì i wozy*» (стр. 12—24). Объяснили это г. Буріанъ—тамъ же (1836 г.) и г. Воцель въ приложенияхъ къ поэмѣ своей «*Мечъ и Чаша*» (въ Прагѣ 1843 г.) на стр. 200 — 209. Последній указываетъ тамъ на Польскую поговорку: «*Co Polak, to rano, co Czech, to hetman.*» Нынѣшнее Европейское слово «*пріемъ*» есть старочешское *пишаль piš-čala*—савна, Kohn). Какъ рано обратили вниманіе на военное искусство Жижки и стали выводить изъ него настоящія приемы, тому служитъ доказательствомъ монографія о походѣ Жижкинемъ въ Угряхъ 1423 г.; помѣщенное въ Старыхъ Лѣтописяхъ Чешскихъ, стр. 57—61. Къ сожалѣнію въ этомъ сочиненіи не все намъ понятно.

VIII.

Исторія Славянъ въ Испаніи, будучи собственно исторією охочихъ, вольныхъ, бѣглыхъ и гулящихъ людей изъ южныхъ Славянъ, представляетъ въ наукѣ предметъ понынѣ весьма мало разработанный; поэтому, вслѣдъ за Нибуромъ и Гротомъ, приписывая въ изученіи исторіи огромное и вполнѣ подобающее значеніе объясненіямъ аналогическимъ, и особенно почерпаемымъ изъ жизни народовъ соплеменныхъ, я полагаю вовсе не лишнимъ, особенно при настоящихъ нашихъ свѣдѣніяхъ въ Славянской исторіи, приведеніе о военныхъ братствахъ Чешскихъ XV в. нѣкоторыхъ данныхъ и подробностей, заимствованныхъ мною изъ великаго труда Палацкаго, далеко, къ сожалѣнію, не пользующагося у насъ тою извѣстностью, которой вполнѣ заслуживаетъ со стороны насъ, Русскихъ, для нашей собственной же пользы. Подобно тому, какъ по смерти Гуса и Иеронима чрезвычайно размножились въ Чехіи и Моравіи секты религіозныя, такъ по смерти незабвенныхъ предводителей Жижки и Прокопа Великаго быстро стали возрастать и военныя роты Чешскія. Изъ Чехіи XV в., въ отношеніи и религіознаго образованія¹ и военного искусства, превосходившей всѣ современныя Европейскія общества, распространялись въ Европѣ на востокъ и на западъ и новыя религіозныя, соціальныя и политическія ученія и новый способъ войны, изобрѣтенный гениальнымъ слѣпцомъ Жижкой. 4 Мая 1427 г. сеймъ Франкфуртскій постановилъ, чтобы въ устроеніи войска и въ веденіи войны Нѣмцы подражали при-

1. Объ умственномъ и религіозномъ образованіи Германіи того времени см. замѣчательное сочиненіе г. Новикова: «Гусъ и Лютеръ». Итальянецъ и весьма нерасположенный къ Чехамъ, Эней Сильвій такъ однажды выразился про Таборитовъ: «*perfidum genus illud hominum hoc solum boni habet, quod literas amat*»; и также: «*Pudeat Italiae sacerdotes, quos ne semel quidem novam legem constat legisse; apud Taboritas vix mulierculam invenias, quae de Novo Testamento et Veteri respondere nesciat*».

мѣру Чеховъ. Въ войскахъ Чешскихъ было не мало иностранцевъ, которые, обучившись, употребляли потомъ свою науку противъ Чеховъ. Баварскій совѣтникъ, Мартинъ Майеръ, въ письмѣ своемъ къ Григорію Геймбургу отъ 1467 г. писалъ, между прочимъ, что Чехи самые искусные воины, и что отъ нихъ, какъ ручьи изъ источника, распространяются военныя силы по другимъ землямъ. Военныя силы Таборитовъ и Сиротокъ по смерти Жижки составляли какія-то самостоятельныя, крѣпко организованныя общества, подчиненныя своимъ собственнымъ законамъ. Еще въ 1429 г. императоръ Сигизмундъ помышлялъ объ искорененіи этихъ братствъ, которыя у Нѣмцевъ слыли подъ именемъ Вйбегей. Въ 1436 г., вступивши въ Чехію королемъ, онъ сталъ панимать ихъ противъ Турокъ, для того, чтобы удалить изъ Чехіи. Такимъ образомъ попали первыя Чешскія роты, какъ поселенцы, въ Угры. Король Албрехтъ слѣдовалъ его примѣру, а по смерти его († 1439 г.) эти Чешскія роты стали главною опорою Австрійской стороны въ Венгріи. Но не только въ Угры приглашаемы были войска Чешскія, но и въ Германію, въ Пруссію, Польшу, Литву и Русь, такъ что, замѣчаетъ Палацкій, не было, кажется, ни одной войны въ тогдашней Европѣ средней и восточной, въ которой бы не участвовали Чехи въ большемъ или меньшемъ количествѣ, часто съ обѣихъ сторонъ, или какъ предводители и учителя, или какъ наемники. Не мало Чеховъ пріобрѣтало себѣ тогда въ чужихъ краяхъ богатства и значенія, достигало высокихъ званій и почестей; иные даже пытались основать военною силою независимыя государства на чужбинѣ, одни, какъ напр. Младванекъ, въ духѣ монархическомъ, другіе въ демократическомъ, какъ напр. Швекла и пр.

Изъ этихъ кондоттьеровъ Чешскихъ упомянемъ о тѣхъ, которые наиболѣе заслуживаютъ извѣстности. Прежде всего указать слѣдуетъ на *Микулаша Сокола изъ Ламберка*, одного изъ старѣйшихъ сослуживцевъ Жижки и перваго по его смерти главнаго гетмана Сиротковъ. Мѣсто это однако онъ занималъ очень короткое время и въ томъ же 1424 г. передалъ его любимѣйшему вождю Жижки — Куншѣ изъ Бѣловицъ, а самъ присталъ къ сторонѣ королевской. Исторія находитъ его въ 1441 г. въ

Венгрии въ числѣ главнѣйшихъ совѣтниковъ королевы Елисаветы. Въ то же время на службѣ у короля Польскаго находились *Янъ Чапекъ изъ Санъ* и *Янъ Колда изъ Жампаха*. О первомъ, какъ о гетманѣ королевскомъ, упоминается только до 1442 г. Второй сперва служилъ въ Уграхъ въ 1442 и 1443 г., а потомъ въ 1445—57 г. въ Польшѣ и на Руси. Его рота, заведенная въ Пруссию, возмутилась противъ короля Казимира за неуплату жалованья и была усмирена только около Духова дни, въ 1458 г.

Въ извѣстной войнѣ 1454 г. въ Пруссіи между Нѣмецкими крестоносцами и королемъ Польскимъ весьма много Чеховъ принимали большое участіе и съ той, и съ другой стороны. На службѣ у Нѣмцевъ верховными гетманами состояли *Бернартъ изъ Цимбурка* и *Ольдрихъ Червенка изъ Ледець*. У нихъ въ качествѣ ихъ ротмистровъ состояли *Микулашъ изъ Волфартиць* (Wolfersdorf), *Янъ изъ Выгнаниць*, *Пуркартъ изъ Яновиць* и *Хлумца*, *Ринартъ изъ Кештранъ*, *Фридманъ Шанциръ изъ Смойна*, *Пуркартъ Нахвалъ* и пр. Особенныя услуги оказалъ Ордену панъ Бернартъ, сынъ нѣкогда весьма извѣстнаго мицциистра, друга Гусова, а позже ревностнаго католика, Микши Дивучка изъ Емшиць, панъ на Шумберкѣ и Новыхъ Градахъ въ Моравіи. Нанявшись къ крестоносцамъ, кажется, въ 1450 г., онъ не только оставался ему вѣренъ, когда отъ обѣднѣнія Ордена пересталъ получать жалованье, но даже распродалъ свои имущества въ 1455 г. для того, чтобы помочь крестоносцамъ. Ему обязаны были Нѣмецкіе рыцари славною своею побѣдою при Хойницахъ, 18 сент. 1454 г. Съ той поры онъ всегда былъ главною и часто единственною опорою упадавшаго Ордена до самой своей смерти († 4 янв. 1470 г.). Палацкій замѣчаетъ, что многочисленные его подвиги заслуживаютъ особаго и подробнаго описанія, а мы прибавимъ, что появленіе особой о немъ статьи на Русскомъ языкѣ тѣмъ желательнѣе для насъ Русскихъ, что мы сами въ свою очередь неоднократно призывали и брали къ себѣ въ службу разныхъ знающихъ людей изъ Нѣмцевъ, изъ коихъ нѣкоторые имѣли случай принести большую пользу нашему отечеству, подобно тому, какъ соплеменники наши Чехи, Поляки, Лужичане, Хорваты и Сербы — Германіи. Впрочемъ, Червенка и его ротмистры вели себя съ рыцарями иначе, чѣмъ

Бернартъ, и болѣе его походили на настоящихъ кондоттьеровъ и наемниковъ. 9 октября 1454 г. заключили они съ великимъ магистромъ договоръ, по которому выговорили себѣ право въ случаѣ неуплаты имъ въ извѣстный срокъ жалованья, распоряжаться городами и замками со всѣми ихъ принадлежностями, какъ своимъ собственнымъ добромъ. Орденъ никогда конечно не ожидалъ, чтобы Червенка, послѣ долгихъ переговоровъ увидавъ, что Крестоносцамъ не вышлатить своего долга, дѣйствительно продалъ Полякамъ значительное количество мѣстъ и замковъ, наконецъ (4 июня 1457 г.) и самый Марбургъ, главное мѣстопребываніе Нѣмецкаго ордена, а потомъ и самъ перешелъ на сторону къ Казимиру; не всѣ однако роты послѣдовали примѣру Червенки: многія изъ нихъ, подобно пану Бернарту, остались вѣрны Ордену, такъ что и по заключеніи Торунскаго мира (19 октября 1466 г.), по которому Нѣмецкое рыцарство признало надъ собою верховную власть короля Польскаго, упоминаются Чешскія роты на службѣ у крестоносцевъ. Въ послѣдствіи времени, получившій въ даръ отъ короля Казимира большія имѣнія, по неизвѣстнымъ причинамъ Червенка попалъ въ Чехію въ темницу, изъ которой освободилъ его король Юрій только въ 1462 г., снисходя на неоднократныя просьбы Казимира. Онъ умеръ въ Польшѣ въ началѣ 1465 г.

Въ Польшу наемниковъ Чешскихъ стали особенно призывать съ 1454 г. послѣ несчастной Хойницкой битвы, но Польскіе воеводы не позволяли имъ занимать первыхъ мѣстъ. Отъ того, быть можетъ, и осталось объ нихъ очень мало извѣстій. Чешскіе гетманы Вацлавъ Кавка изъ Собесукъ, Микулашъ Жакъ изъ Свеборовиць, Александръ Канаукъ изъ Смиржиць, Янъ Мержичка изъ Кърговѣ и др. тѣмъ заслужили особенную извѣстность, что за неуплату имъ жалованья возмутились въ 1457 г. противъ короля, изъ городовъ Жебрача у Освѣтица и Вапенной горы у мѣстечка Мыслимиць затѣяли они войну съ цѣлымъ королевствомъ и чудеснымъ образомъ разбили 60-ти тысячное войско, нарочно противъ нихъ посланное, такъ что Поляки рѣшились заплатить имъ свой долгъ.

Но главнѣйшимъ поприщемъ дѣятельности Чешскаго козачества все-таки была земля Угорская. О первыхъ двухъ пред-

водителяхъ Чешскихъ осталось очень мало свѣдѣній. Извѣстно только, что первымъ изъ Чеховъ, вступившихъ на службу къ Венгерской королевѣ Елисаветѣ, былъ Янъ Шмикаускій изъ Ждяра, именно въ 1440 г. Въ первый разъ съ войскомъ Сиротокъ проникъ онъ въ Венгрію еще въ 1431 г. Къ нему вскорѣ присоединился другой предводитель Чешскій Индрихъ Чечекъ изъ Пакомержиць.

По изъ всѣхъ тогдашнихъ воителей Чешскихъ заслуживаетъ особеннаго вниманія *Янъ Искра изъ Брандейса*, одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ людей своего времени. Венгрія была главнымъ поприщемъ его дѣятельности. Неизвѣстно навѣрно мѣсто его рожденія: одни называютъ его Мораваниномъ, другіе Чехомъ. Въ письменныхъ актахъ впервые упоминается о немъ подъ 1436 г.; ничего не знаемъ и объ его предкахъ. Въ молодости своей онъ служилъ въ военной службѣ въ Италіи и даже за моремъ (*ba i w zámohi*), при Сигизмундѣ онъ прибылъ въ Венгрію и оказалъ тамъ великія услуги преемнику его, королю Албрехту. Въ концѣ 1440 г. королева Елисавета поручила ему верховную власть и высшее начальство въ краяхъ Податранскихъ; онъ самъ долженъ былъ собрать и вооружить войско. Мѣста, на которыя простиралось его вліяніе, были слѣдующія: Кошица, Лѣвочъ, Бардіевъ, Кремница, Штявница, Быстрица, Нова Баня, Пуканецъ и Либетовъ; Прешовомъ и Кежмаркомъ овладѣлъ онъ въ послѣдствіи также, какъ и многими лежащими между ними городами и замками; въ Тернавѣ, въ Нитрѣ и Тренчицѣ содержалъ онъ свои гарнизоны. Такимъ образомъ онъ былъ не только военачальникомъ, но и политическимъ правителемъ подчиненнаго ему края; въ веденіи войны онъ слѣдовалъ примѣру Жижки, однако не рабски, а отличался своими особенностями¹, которыхъ впрочемъ опредѣлить въ точности нельзя, по словамъ Палацкаго. Ему приписываютъ то неразумное правило, что побѣдоносное войско никогда ни въ чемъ не чувствуетъ недостатка, а кормится мечемъ. Люди его заводили

1. Въ доказательство сего Палацкій указываетъ на слѣдующія слова Григорія Геймбурга изъ его письма (20 февр. 1467 г.) къ Георгу Штейну въ Ракусы: «*Ferunt te, postquam Boemicas partes assumpseris, alterum factum esse Giskram, ita quod perlustrare soleas gregem tuum*».

такъ называемые «таборы и посадки», т. е. крѣпостцы, изъ которыхъ они властвовали надъ цѣлою окрестностью, налагали на поселянъ оброкъ и работу для своихъ нуждъ, защищались противъ нападений непріятельскихъ. Изъ Чехіи и Моравіи къ Искрѣ приходило много мирныхъ поселенцевъ, коихъ потомки сохранились въ этомъ краѣ до настоящаго времени. Смуглый, невысокаго роста, всегда веселый, Искра былъ жестокъ, отваженъ и предприимчивъ, щедръ до расточительности, особенно съ войскомъ, любилъ во всемъ роскошь. Эней Сильвій самъ былъ очевидецъ перваго свиданія его съ королемъ Ладиславомъ, осенью 1445 г., когда послѣднему было еще только шесть лѣтъ. Много, говоритъ онъ, съѣхалось ко двору императора Фридриха, чтобы посмотрѣть на юнаго короля. Въ числѣ ихъ былъ военнопоначальникъ Янъ Искра, который держалъ въ Уграхъ сторону Ладислава противъ короля Польскаго, не разъ разбивалъ его непріятелей, два раза нанесть поражение Яну Гушіяду, вообще причинилъ много вреда противной партіи. Будучи допущенъ къ королю, Искра, — продолжаетъ Эней Сильвій, — взялъ его за рученку, растроганный, поцѣловалъ ее и сказалъ: «Вотъ я теперь увидалъ тебя и держу за руку, мой милый король. Когда бы ты зналъ, сколько я перенесъ изъ-за тебя опасностей, какія претерпѣлъ тягости, сколько ранъ получилъ на вѣку своемъ; вотъ взгляни на мои рубцы. Отцу твоему и тебѣ я посвятилъ всю жизнь свою. Никакая сила, никакое несчастье не въ состояніи оторвать отъ тебя мое сердце; одна смерть прекратитъ мою службу тебѣ. Но ты дитя этого не понимаешь». А потомъ, засмѣявшись, онъ прибавилъ: «какую же награду получу я отъ тебя за труды свои? чѣмъ отблагодаришь ты своего рыцаря». Когда замолчалъ Искра, то мальчикъ, оглядѣвшись по сторонамъ, увидалъ у коморника своего Яна Унгнада мѣшечекъ, въ которомъ онъ, по Нѣмецкому обычаю, хранилъ деньги для раздачи милостыни бѣднымъ, молча засунулъ въ него руку и, доставъ 6 грошей (больше и не было), подалъ ихъ Искрѣ. Тогда всѣ присутствующіе рѣшили, что этотъ ребенокъ будетъ государемъ внимательнымъ и щедрымъ. Искра обдѣлалъ себѣ эти монеты въ золото и носилъ ихъ всегда на шеѣ на память о королевской благодарности.

Облеченный такою обширною властью, наемникъ и иностранецъ, Искра не могъ быть угодеиъ Угорскимъ патриотамъ. Часто повторявшіяся противъ него возстанія Искра сокрушала своими побѣдами, жестокими для Угровъ, особенно одержанными имъ надъ Секеліемъ, своякомъ Гуниадовымъ, при Сомошѣ 5 сентября 1449 г. и при Лученцѣ надъ самимъ Гуниадомъ 7 сентября 1451 г. Когда же потомъ, въ февралѣ 1452 г., чинами Угорскими на сеймѣ въ Пресбургѣ онъ былъ приговоренъ къ ссылке, то сталъ искать и нашелъ ходатайство и помощь у Юрія Подѣбрадекаго, правителя Чешскаго. Молодой король хотя и былъ обязанъ своимъ престоломъ Искрѣ, тѣмъ не менѣе, по требованію Гуниада, лишилъ его всей власти въ 1453 г. Впрочемъ Искра еще долго оставался опаснымъ противникомъ Гуниадовцевъ; по вступленіи же на престолъ Матвѣя Корвина, онъ служилъ сперва королю Польскому, потомъ императору Фридриху, пока Искра посредничествомъ Юрія Подѣбрада передъ Матвѣемъ Корвиномъ, не согласился наконецъ въ 1462 г. стать обыкновеннымъ подданнымъ и магнатомъ Угорскимъ. Затѣмъ до 1467 г. объ Искрѣ нѣтъ никакихъ извѣстій. Когда же Матвѣй Корвинъ собрался въ походъ на Валахію для покоренія воеводы Степана Великаго, то начальство надъ войскомъ онъ поручилъ Искрѣ, который впрочемъ послѣ сильнаго разоренія страны; потерпѣлъ великое пораженіе 15 дек. 1467 г., при чемъ былъ раненъ и самъ король. Потомство Искры продолжалось въ Уграхъ, кажется, до XVIII стол., но ничѣмъ не замѣчательно.

Искра пользовался въ теченіе своей жизни такою извѣстностью, что подъ его знамя стекалось множество разныхъ искаателей приключеній изъ Чеховъ, Мораванъ и Поляковъ. Между его гетманами и ротмистрами особенно замѣчательны Янъ Талафусъ изъ Острова, Микулашъ Бръцаль изъ Добры, Петръ изъ Радкова и др. Изъ прежнихъ враговъ и плѣнниковъ стали его ревностными друзьями и сотрудниками два брата Коморовскихъ, Николай и Петръ, природные Поляки. Напротивъ того, Словакъ Панкратій (ze Sw. Mikuláše), человекъ буйный, крутой, неуступчивый, нерѣдко возставалъ противъ Искры, своего вождя, изъ желанія занять его мѣсто. Не разъ вступали они въ

битвы, наконецъ примирились окончательно въ 1449 г. въ Кремницѣ.

Замѣчательнъ также другой сотрудникъ Искры, Младванекъ, называвшійся преимущественно Ванекъ или Вацлавъ изъ Рахманова. Неизвѣстно навѣрно, какого онъ былъ происхожденія — Чехъ, Мораванинъ ли или Австріецъ (изъ Ракусъ), но несомнѣнно, что въ городѣ его Нейбахѣ, гдѣ онъ жилъ господиномъ, все велось по Чешски. Главными у него гетманами были Индрихъ Смикаускій и Микулашъ изъ Ждяра, Микулашъ Трчка изъ Кржижанова, Вацлавъ, князь Островскій, Индрихъ изъ Рѣпницы, Янъ Смоликъ изъ Бискупцевъ, и пр. Въ 1451—1460 г. Угорскія и Ракусскія земли на рѣкѣ Моравѣ, города Пресбургъ и Вѣна много потерпѣлись отъ его походовъ и набѣдовъ; онъ довелъ грабежи до размѣровъ прежде неслыханныхъ, являлся на помощь всѣмъ, кто бы его ни пригласилъ, лишь бы щедро вознаграждалъ; его войско, по бѣльшей части состоявшее изъ Чеховъ и Мораванъ, преимущественно не давало пощады купцамъ. Въ 1457 г., состоя на службѣ императора, Младванекъ былъ разбитъ и взятъ въ плѣнъ Яномъ Витовцемъ, тогдашнимъ верховнымъ гетманомъ короля Ладислава; въ 1458 г. онъ потерпѣлъ сильное пораженіе отъ войска эрцгерцога Альбрехта; въ 1459 г. является сторонникомъ короля Матвѣя въ Уграхъ; въ 1460 г. неоднократно пораженіями былъ доведенъ до того, что обязался Фридриху вести себя мирно. Вскорѣ послѣ того, кажется въ 1461 г., онъ и умеръ отъ рацъ.

Изъ Чеховъ, служившихъ на чужбинѣ, бѣдный дворянинъ *Янъ Витовецъ изъ Гржебеня* достойнѣе всѣхъ стоять рядомъ съ Искрою. Князь Ольдрихъ Цильскій взялъ его съ собою въ южно-Славянскія земли и поручилъ ему главное начальство надъ всѣми своими военными силами. Вообще роду Цильскихъ онъ оказалъ огромныя услуги. Послѣ трагической кончины послѣдняго изъ рода ихъ (1456 г.), Витовца приманивали на свою сторону и король Ладиславъ, назначившій его баномъ Славонскимъ, и императоръ Фридрихъ, который обѣщалъ ему великія помѣстья и суммы; но когда въ одномъ дѣлѣ онъ самъ чуть не попалъ въ плѣнъ къ Витовцу, то эта ласка обратилась во вражду, хотя смерть Ладислава вскорѣ развязала руки хитрому Витов-

цу, и въ 1459 г. онъ уже помогаль Фридриху для вступленія на престолъ Угорскій, противъ Матвѣя Корвина. Въ награду за то императоръ пожаловаль Витовцу и его сыновьямъ большія помѣстья и титулъ графовъ Загорскихъ (Grafen von Segger). Съ 1463 г. умолкають о немъ всякія извѣстія.

Много было и другихъ замѣчательныхъ авантюристовъ и кондотьеровъ между гетманами Чешскими въ XV в., служившихъ Германіи, Венгріи и пр., какъ напр. Янъ Голубарь, состоявшій на службѣ у Албрехта и Фридриха въ 1458—1476 г., Гышекъ Тайнфельдъ изъ Луцка, бывшій зятемъ графа Рорбаха въ Ракусахъ и умершій въ 1467 г. Еще важнѣе, быть можетъ, явленія такихъ отдѣльныхъ личностей явленія цѣлыхъ воинственныхъ братствъ, слагавшихся изъ сброда людей разныхъ народностей, преимущественно впрочемъ изъ Чеховъ, жившихъ совершенно демократически, называвшихъ другъ друга *братьями* и *братцами* (*братья* и *братрики*), а у непріятелей слывшихъ подъ нелестными именами воровъ и разбойниковъ. Въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ братства эти составляли какъ бы особенную самостоятельную власть въ Европѣ, распространявшуюся по разнымъ краямъ. Начало этого Чешскаго казачества, которое Палацкій сравниваетъ съ знаменитыми нѣкогда военными ротами Итальянскими и Французскими Армашьяками, относится, кажется, къ 1448 г., если еще не ранѣе. Братства эти производили всюду страшныя опустошенія, въ Уграхъ ¹ и въ Моравіи, и въ Чехахъ, и въ Австріи, въ Баваріи, въ Пруссіи и Польшѣ, наконецъ въ Литвѣ и на Руси. Всѣ эти братства находились между собою въ постоянномъ общеніи и въ тѣсныхъ связяхъ ², оказывали въ то же время всякое уваженіе къ Юрію

1. Такъ говоритъ про нихъ Угорскій лѣтописецъ Турочъ подъ 1450 г.: *Erat et aliud genus latronum, partes regni superiores vastantium. Hi ex colectivo quodam et gregario milite, armorum praesidiis grassati, plurima sibi domicilia, alia prodicione et armis adquisierant, alia novo aedificationis opere adaptaverant* (это, говоритъ Палацкій, ихъ *таборы* и *посадки*); *fraternum quoque nomen, claustraliu ad instar monachorum, sibi usurpantes, se ipsorum lingua bratrik vocitabant. Hi constitutis inter se capitaneis, omnes regni ipsius contiguas partes majori ceteris depraedationum caediumque ac flammaram gravamine quassabant. Tanta jam in regno illis creverat audacia, ut palam connubia, tanquam perpetuo in regno mansuri, contraherent; etc.*

2. Въ подтвержденіе сего Палацкій приводитъ слѣдующія слова Григорія Геймбурга изъ письма его отъ 25 Юля 1467 г., въ которомъ говоритъ онъ о пораженіи

Подѣбраду, сначала какъ къ правителю, а послѣ и какъ къ королю Чешскому не столько для того, чтобы повиноваться ему, сколько въ тѣхъ видахъ, чтобы, въ случаѣ нужды, имѣть себѣ защитника и покровителя, — обстоятельство, навлекавшее на Подѣбрада много неудовольствій¹. Дѣятельность этихъ братствъ въ Уграхъ достигла, наконецъ, безграничнаго произвола, и потому неудивительно, что окончилась весьма трагически. Матвѣй Корвинъ самъ выступилъ въ 1466 г. съ войскомъ противъ Швеглы, который только что передъ тѣмъ былъ выгнанъ императоромъ изъ Ракусь, гдѣ онъ съ своими братьями производилъ страшныя опустошенія. На помощь къ Матвѣю пришло и войско Ракусское. Братья, окруженные со всѣхъ сторонъ у Костолянъ, недалеко отъ Трнавы, хотѣли пробиться сквозь непріятеля, но были по большей части отбиты и перехвачены въ плѣнь. Семдесятъ человекъ изъ нихъ было повѣшено, Швегла выше всѣхъ; множество ихъ кинуто было въ тюрьмы, болѣе 300 женщинъ отведены были сперва въ Трнаву, а потомъ, по приказанію короля, выданы замужъ за его Рацовъ. Такъ сокрушилъ онъ этотъ союзъ въ Венгріи; послѣ того о немъ больше и не упоминается. Впрочемъ, нѣкоторыхъ сподвижниковъ Швеглы отдѣльно мы встрѣчаемъ и позже: такъ Вацлавъ Волчекъ въ 1468 г. является однимъ изъ первыхъ военачальниковъ Чешскихъ противъ Угровъ. Франтишекъ изъ Гая, съ юности воспитанный при дворѣ императора Фридриха, Янъ Тетауръ, Блажей Подманичкій и др. были въ послѣдствіи времени предводителями королевскаго Угорскаго войска.

братьевъ при Костоланахъ (29 июня 1467 г.): et erant tunc tam in Polonia quam in Prussia ejus societatis fratres, qui parati fuerant sumptibus et periculo suis quidem propriis succurrere, но, добавляетъ Геймбургъ, имъ не позволилъ король Юрій.

1. Тотъ же Геймбургъ (Apologia R. Georgii) говоритъ: Cum imperator insatiabili cupiditate saeviret angariis—et adversus saevitiam ejus plurimi armis accingerentur, quod absque Bohemis ductoribus in his partibus insuetum est hactenus, imperator inermis regem appellat, ut se adversus eos tutetur, et hos putat verbis confici posse. At tantae libertatis est militia Bohemica, ut apud exteros libere militent, modo in his, quae ad regnum attinent, regi fidem servare non dubitent. Eo fit, ut cum rex id precibus efficere nequeat, nec vim inferre liceat, dicatur ista subornasse. Тутъ же Палацкій указываетъ на слова самого Юрія, писавшаго 31 дек. 1466 г.: Si forte illos denotatis, qui se fratres nuncupare consueverunt: in eos certe non habemus imperium, qui et nostros subditos in Moravia—jam pridem invaserunt, etc.

Палацкій, сообразивъ весьма тѣсныя сношенія Поляковъ и западныхъ Русинѡвъ съ Чехами въ продолженіе XV стол., необыкновенное распространеніе этихъ Чешскихъ братствъ и отличія войска казацкаго отъ Польскаго и Московскаго, счелъ необходимымъ выразить ту мысль, что казачество XVI—XVII в. «было подражаніемъ или повтореніемъ братскихъ Чешскихъ ротъ, только въ другой странѣ и въ другомъ народѣ». Слово «козакъ» или собственно «казакъ» значило у Славяно-Татаръ то же, что у Сербо-Валаховъ «гусаръ» и «гайдукъ», у Грековъ «клефтъ»: то былъ человекъ войнолюбивый, свергнувшій съ себя рабство и предавшійся грабежу. Потому-то и праздно всѣ гаданія ученыхъ о происхожденіи казаковъ: казаки, какъ отдѣльныя личности, появились современно съ игомъ Татарскимъ надъ христіанами; казаки, какъ братство военное, какъ военная сила и община, явились въ началѣ XVI в. по подобію (*parodibenim*) братскихъ Чешскихъ ротъ¹.

Очень возможно, что выводъ Палацкаго во всемъ своемъ объемѣ и не будетъ окончательно принятъ наукою, ибо казаки, т. е. Русскіе клефты, ускоки, гайдуки могли образовать свои союзы, жить общинами и воевать и грабить *скопомъ, семьями, артелями* и братствами, вовсе и не зная о ротахъ Чешскихъ. Подобно

1. Мы не будемъ здѣсь налегать—говорить Палацкій въ примѣчаніи—на то, что славные полководцы, подъ началомъ и предводительствомъ которыхъ создалась казацкая военная сила еще съ 1508г., по всѣмъ извѣстіямъ, были Константинъ князь Островскій, вѣкогда его подданный Остафій Данцевичъ и пріятель ихъ обоихъ Предиславъ Ланцгоронскій, что указываетъ на князей Островскихъ Фридриха 1426 г. (про котораго Д. Гошъ говоритъ, что отъ долгаго пребыванія въ Чехіи, онъ сталъ совершеннымъ Чехомъ) и Вацлава 1460 г. (бывшаго у Младванка въ Нейбахѣ польскимъ гетманомъ): для насъ и того достаточно, что образъ веденія войны старыхъ казаковъ, описанный Бопланомъ и позднѣйшими писателями (*Engel Gesch. d. Ukrain. Kosaken, Halle. 1796 s. 63*), называемый ихъ собственнымъ изобрѣтеніемъ, былъ во всѣхъ своихъ подробностяхъ способомъ старотаборскимъ, какъ описали его намъ Энней Сильвій и Вацлавъ Волчекъ въ своемъ сочиненіи «*Kterak se mají žikowati jizdni, pěši i wozu*», изданномъ Палацкимъ въ Часоп. Чешск. Муз. 1828. sw. 2). Поэтому и напрасно и несомнительно обращались Карамзинъ (Ист. Рос. Росс. V. 393 и пр. 273) и Шнитцлеръ (*La Russie... Paris 1835, 426 suiv.*) для объясненія казаковъ къ древнимъ Касогамъ и къ Казахіи, такъ какъ несомнѣнно, что казаки никогда не были особымъ и самостоятельнымъ народомъ, но только особеннымъ военнымъ обществомъ, какъ вѣкогда рота братьевъ Чешскихъ.

всѣмъ Славянамъ, народъ Русскій, издревле знакомый съ сельскою и городскою, т. е. общиною, легко могъ собственными своими силами создать и устроить общины подвижныя — артели. Посошковъ говоритъ: «Разбойниковъ у насъ въ Россіи паче иныхъ государствъ множество, ибо не токмо по десяти или по двадцати человекъ, но бываетъ по сту и по двѣсти человекъ въ артели и больше». Если складывались люди большими артелями для воровства и разбоя, то могли складываться добровольно и для грабежей и войны съ внѣшнимъ непріателемъ, какъ-то: съ Татарами, Цоловнами, Печенѣгами, т. е. въ XIV, XIII и дальнѣйш. вѣк. Весьма древне на Руси существованіе Украинъ, передовыхъ постовъ народа Русскаго, воздвигаемыхъ имъ въ видахъ чисто охранительныхъ (консервативныхъ) и въ то же время наиболѣе развитыхъ и утвердившихъ въ насъ, Велико-россіянахъ, нашъ колонизаторскій, подвижной духъ (элементъ прогрессивный). Въ былинахъ нашихъ Илья Муромецъ, Добрыня Никитичъ и пр. богатыри, «стоятели и оберегатели земли Русской», занимаютъ заставу богатырскую, живутъ артелью и въ братствѣ: «братія приборная». Станичная служба, правильно организованная при Иванѣ Васильевичѣ Грозномъ, существовала, конечно, и до него, жила въ народномъ обычаѣ, была создана народнымъ смысломъ и только подтверждена законодателемъ, также какъ и выборное начало въ судѣ, учрежденіе губныхъ старостъ и цѣловальниковъ. Отъ расположенія народа къ общинности, братству и товариществу, и отъ давности такихъ станицъ весьма естественно, что казачество могло образоваться въ военное братство и безъ всякаго подражанія братскимъ Чешскимъ ротамъ. Посему, конечно, и мнѣніе великаго историка Чехіи можетъ быть не принимаемо во всемъ своемъ объемѣ; тѣмъ не менѣе нельзя не сознаться, что оно заключаетъ въ себѣ большую долю правды. Вліянія Чеховъ на наше казачество отрицать невозможно: слово *гетманъ*, способъ войны — лучшее тому свидѣтельство. Такой выводъ необыкновенно важенъ между прочимъ и какъ новое подтвержденіе тѣсной органической связи, существующей въ исторіи всѣхъ Славянскихъ народовъ, и къ сожалѣнію, такъ мало еще замѣчаемой у насъ. Мы уже выше сказали, что Чешскія роты въ XV в. служивали въ Польшѣ и

на Руси. Палацкій указаль на слѣдующіе стихи знаменитаго Богуслава Лобковича († 1510 г.), написанные имъ въ надгробную надпись для Вацлава Волчка изъ Ченова (умершаго въ 1500—1510 годахъ):

Hunc Wenceslaus tumulum, Coenovia proles,
 Ingens Arctoi gloria Martis, habet.
 Hoc sine non reges, gelidus quos alluit Albis,
 Duxerunt acies in fera bella suas;
 Hoc sine non gentes moverunt bella superbae,
 Nec dedit horribiles buccina rauca sonos.
 Hujus Danubius virtutem et Vistula novit,
 Et qui Sarmaticas potat, Alanus, aquas.
 Sed quae non juvenem potuerunt bella nec enses
 Perdere, longa senem perdidit ecce dies.

Палацкій замѣчаетъ, что трудно рѣшить, что собственно надо разумѣть подъ словами *Alanus* и *Sarmaticae aquae*, Днѣстръ ли, или Днѣпръ. Относительно службы Чеховъ и Мораванъ въ Россіи, я могу, въ свою очередь, указать на слѣдующія свидѣтельства. Никоновскій Лѣтописецъ подъ 1426 г. рассказываетъ, какъ Витовтъ ходилъ ратью на Псковъ «со мноюю силою, съ нимъ была земля Литовская и Лятцкая и Чешская и Волошская». У Опочки былъ отбитъ приступъ «и тако изомроша вси, а ивыхъ многихъ Татаръ и Ляховъ и Литвы живыхъ поимаша, во градъ мчаша», и «всячески», продолжаетъ лѣтописецъ, ругались надъ Татарами, «яко же бо и самому Витовту видѣти и всѣмъ сущимъ съ нимъ, а Ляхомъ и Чахомъ, и Волохомъ кожи одираху». Карамзинъ, рассказавъ о гордыхъ, хотя и неудачныхъ замыслахъ Шѣмцевъ противъ *язычниковъ* Новгородцевъ въ 1447 г., замѣтилъ: «Въ бумагахъ Орденскихъ (изъ Кенигсб. Арх.) упоминается о какомъ-то знаменитомъ чловѣкѣ, который въ 1447 г. ѣхалъ изъ Моравіи съ шестьюстами всадниковъ на помощь къ Новгородскому князю Юрію, сыну Лугвешеву». (И. Г. Р. V, 301. изд. 1852). Нельзя, кажется, пройти молчаніемъ и того обстоятельства, что у князя Юрія Дмитрия Костромскаго около 1425 г. состоялъ на службѣ какой-то Данило Чешко: «По отшествіи митрополичи посла боярина своего Бориса Галическаго и Данила Чешка и докончаша миръ».

(Никон. Л.). Около 1447 г. Московскимъ намѣстникомъ былъ *Василій Чешиха* (Соф. Врем.).

Въ объясненіе бытности Чеховъ подъ знаменами Витовта, я позволю себѣ только напомнить читателю объ отношеніяхъ Витовта къ Чехамъ, которые призывали его на престолъ Чешскій и называли *«zwolený, rozadaný král Český»*, что племянникъ его православный, Сигизмундъ Корибутъ, долго жилъ въ Чехахъ, весьма былъ популяренъ тамъ, что въ XV в. Русины Львовскіе и др. выражали необыкновенное сочувствіе къ Чехамъ ¹, еще болѣе, чѣмъ Поляки, у которыхъ ученіе Гусово распространялось весьма быстро, еще съ пребыванія между ними Іеронима Пражскаго, что наконецъ Чешскій языкъ въ XV в. при дворѣ Литовскомъ былъ языкомъ дипломатическимъ ². Понятенъ такимъ образомъ тотъ путь, которымъ проникъ въ Южную Русь образъ веденія войны, изобрѣтенный геніальнымъ Жижкою и усовершенствованный его даровитыми и смѣлыми сподвижниками и преемниками. Занимая средину между восточнымъ и южнымъ Славянствомъ, Чехи имѣли вліяніе и на тѣхъ, и на другихъ. Такъ знаменитый въ цѣлой Европѣ Янъ Гуніадъ своими побѣдами надъ Турками преимущественно одолженъ былъ ротамъ Чешскимъ ³. Извѣстный черный легіонъ

1. Палацкій (D. III. č. 1. str. 482) указываетъ на посланіе короля Польскаго Владислава отъ 27 мая 1423 г. (въ унив. Пражск. б-кѣ, Cod. Premyslaeus fol. 196), въ которомъ онъ говоритъ, что *indigenae nostrae Russiae in capitaneatu Leopoliensi et alibi consistentes*, не шли, когда онъ призывалъ ихъ къ оружію за жалованіе противъ Гуситовъ *per generosum et magnificum capitaneum nostrum Russiae generalem Spitconem de Tarnow*, тогда какъ и безъ жалованья охотно шли подъ знамена Сигизмунда Корибутовича на помощь къ Гуситамъ *in subsidium Hussonum praedictorum contra salutem et honorem ipsorum processerunt*.

2. См. *Čas. Česk. Mus.* 1831. str. 280 — 283. Въ Крелевецкомъ Архивѣ, въ Пруссіи, хранятся два Чешскихъ письма вел. князя Литовскаго Свидригайла къ Сигизмунду и къ вождямъ Гуситовъ Прокопу, Косткѣ и др. изъ Новогрудка, въ 1431 г. Отъ извѣстнаго писателя Луки Гурницкаго узнаемъ мы, что во второй половинѣ XVI в. Чешскій языкъ при дворѣ Польскомъ былъ языкомъ самымъ употребительнымъ, моднымъ, такъ что Поляки жаловались на такое предпочтеніе чужаго, хотя и Славянскаго языка, своему родному.

3. Палацкій приводитъ слѣдующія слова изъ письма короля Юрія къ Матвѣю Корвину, отъ 28 июля 1466 г.: *Turcorum ferociam Bohemica militia duce quondam genitore vestro deinde vestro, quoque ductu saepe contrivit. Vestram fidem appellamus, frater carissime, vir insignis bellicis laudibus, genitor vester, quo-*

Матвѣя Корвина, бывший чѣмъ-то въ родѣ старой гвардіи Наполеона I, настоящимъ ядромъ всего его войска, состоялъ изъ Чеховъ, Мораванъ и Сербовъ. Признавая вполне все великое значеніе братскихъ ротъ Чешскихъ въ Европейской исторіи вообще, въ Славянской исторіи въ особенности, мы отнюдь не думаемъ, однако, приписывать имъ вліяніе на самое образованіе нашего казачества. Элементъ движенія и порывистой дѣятельности, оно такъ же присуще народу Русскому, какъ и строго-консервативный элементъ, выражаемый осѣдлою общиною — деревнею и селомъ (Русскій и вообще Славянской городъ — то же село), ихъ крѣпостью быта, необыкновенною привязанностью къ старинѣ. Сліяніе этихъ двухъ силъ, необыкновенно развитыхъ въ народѣ Русскомъ и преимущественно въ Велико-россіянахъ, служить самымъ вѣрнымъ залогомъ дальнѣйшаго могущества нашего отечества. Эти центробѣжная и центростремительная силы нашей народности, проходящая черезъ всю нашу исторію, были главнѣйшимъ, быть можетъ, единственнымъ источникомъ той прочности нашей колонизаціи, необыкновенная способность къ которой Русскихъ всего лучше свидѣтельствуется, что это великій историческій народъ, соединяющій съ уживчивостью и терпимостью въ сношеніяхъ съ иноплеменниками сильную привязанность и большія способности къ самообладанію и самоуправленію.

dumquam bellum contra Turchum gessit, in quo Bohemica militia assignatum sibi munus illius difficultatis vel periculi metu diffugerit vel declinaverit? etc. (Dobneri Monum. II, 422). Когда статья наша о военныхъ братствахъ Чешскихъ уже была отпечатана, получили мы первую книжку Часописа Чешскаго за 1859 г., гдѣ помѣщено начало любопытнаго изслѣдованія г. Герменегильда Иржечка: «*Valebníci čeští XV stol.*» Почтенный авторъ приводитъ здѣсь между прочимъ слова современнаго Нѣмецкаго стихотворца Михаила Бегайма (при дворѣ короля Ладислава *Погробка*). Эти слова живо рисуютъ понятія современниковъ о Чешскихъ казакахъ. Бегаймъ замѣчалъ: «*Sollt' die Zwietracht nit sein zu Beham in dem Reiche — so wär' es wohl mogleiche, dass mein Heerer Küng Lassla — mit ihn' möcht' zwingen da — all' dies Welt mit einander, als der grosse Alexander that mit der Griechen Heer!*»

IX.

Русскіе бѣгле и гулящіе люди имѣютъ свою исторію (Толковины, Бродники, Козаки, — явленія Самозванцевъ, воры-разбойники въ родѣ Стеньки Разина и прочей вольницы, — цѣлый разрядъ разбойничкихъ пѣсенъ, — бродяга, непомнящій родства и бѣгуны), составляютъ особенный живой типъ, который въ послѣднее время справедливо обратилъ на себя вниманіе нашихъ ученыхъ и литераторовъ — Щедрина, И. С. Аксакова, Д. Л. Мордовцева и Н. И. Костомарова¹. Въ примѣчаніи на стр. 119 я опустилъ, между прочимъ, слѣдующія любопытныя данныя. Въ статейномъ спискѣ посольства Чемоданова въ Венецію, 1657 г., читаемъ: «И послѣ того пришли Царскаго Величества къ Посланникамъ для милостыни *Турскіе полоненики, Русскіе люди, человекъ съ пятьдесятъ* и больше; и посланники имъ милостыню давали, да посланники жъ спрашивали ихъ: сколько они давно изъ полону изъ Турецкіе земли вышли, и что въ Турской землѣ и въ Царѣгородѣ дѣлается? И полоненики имъ сказывали: изъ Турской де земли изъ полону мы вышли недавно, и вышедъ изъ полону въ Виницеѣ дождаемся васъ Царскаго Величества посланниковъ недѣли съ три, потому что

1. Историки наши (Карамзинъ, Соловьевъ и пр.) обратили преимущественное вниманіе такъ сказать на центростремительную силу нашей исторіи, почти вовсе опуская изъ виду значеніе силы центробѣжной. Но безъ нея невозможно бы было и *собиранія* земли Русской — нечего бы и собирать было. Почтивъ уваженіемъ трудъ собирателей, историкъ не долженъ умалчивать объ отвагѣ, удали и предприимчивости тѣхъ, что отыскивали новыя земли, распространяли Русскій языкъ и знакомили съ Русскимъ именемъ самыя отдаленныя края. Эта центробѣжная сила перѣдко представляетъ такихъ же *грозныхъ* дѣятелей, какъ и противоположная ей. Самыя дикія ея обнаруженія доказываютъ только, что въ Русскомъ народѣ всегда жило, хоть и смутно, сознаніе въ необходимости существованія въ странѣ, помимо государства — еще гражданскаго общества, истина, которую вполне ясно и опредѣленно выразить предоставлено было нашему времени (Моль). Перѣдко страшныя проявленія этой центробѣжной силы въ нашей исторіи — ничто иное, какъ протестъ ея противъ излишнихъ притязаній силы ей противоположной. — Это послѣднее обстоятельство прекрасно выражено въ превосходной книгѣ г. Шапова: «Русскій расколъ старообрядства». Казань. 1859.

намъ учинилась про васъ вѣсть; а въ Турской де землѣ въ Царѣградѣ отъ В. Государя нашего.... Турской царь и паши всѣ страшны и остерегаются вельми государевыхъ ратныхъ людей со всѣхъ сторонъ; а которыми де государства они полоненики изъ полону шли, и въ тѣхъ во всѣхъ государствахъ его государское имя прославляютъ; а иные де наши братья полоненики пошли рѣзными государства къ Москвѣ; а которые полоненики рѣзныхъ государствъ взяты на Турскихъ катаргахъ, а взяли ихъ Винецеяне на бою, и тѣмъ Винецеяне изъ княжіе казны давали изъ воли деньги и устроили ихъ на корабляхъ служивыми людьми, кто похотѣлъ остаться». (Р. Вивл. М. 1788. IV, 246).

Тамъ же разсказывается, что пришелъ однажды къ посланникамъ Гречанинъ Анастасъ Маландра и принесъ имъ «листъ письмо Русское» — «былъ де у насъ въ Винецѣ полоненикъ изъ Турскіе земли Русскіе породы, а сказывался великимъ человекомъ, и для своей скудости займовалъ у насъ, у Гречанъ, деньги, а хотѣлъ платить, какъ онъ будетъ на Москвѣ. И тотъ листъ посланники у него взявъ, осмотрѣли, что письмо измѣнниковъ, вора Тимошки и товарища его Костки, которые измѣнили Великому Государю нашему и ушли въ Литву, а изъ Литвы въ Турки и назывались великими людьми. И послѣ того были они въ Римѣ и здѣсь въ Винецѣ и въ Свѣйской землѣ и въ Нѣмецкихъ государствахъ, свѣдавъ ихъ воровство, переимали и прислали ихъ окованныхъ къ Великому Государю нашему, и В. Г. нашъ указалъ ихъ измѣнниковъ за ихъ прежнее воровство и за измѣну казнить и про то воровство измѣнниковъ и во всѣхъ государствахъ вѣдомо и вамъ бы впредь такимъ ворами измѣнникамъ не вѣрять и воровскихъ писемъ у нихъ не принимать. Да посланники жъ спрашивали Гречанина: иныхъ такихъ воровскихъ писемъ гдѣ нѣтъ ли?

И Гречанинъ сказалъ: есть де таковъ же листъ у Греческаго попа у Теофилакта, а про иные листы сказалъ, что онъ не вѣдаеть.

И того жъ дни попъ Теофилактъ принесъ къ посланникомъ и другой листъ таковъ же, а сказалъ, что тотъ листъ взялъ онъ у тѣхъ же Русскихъ людей, а занимали у него деньги и велѣли по деньги быть къ Москвѣ.

И посланники ему говорили и объявляли ихъ измѣну и

воровство противъ прежнихъ рѣчей и говорили, чтобъ впредь такимъ воровъ и измѣнникамъ не вѣрили».

Соображая предъидущія слова Чемоданова — характеръ Русскаго населенія, издавна весьма подвижнаго и любящаго всякія *хожденія*, постоянное и сильное участіе Славянъ въ Венеціи, гдѣ еще въ XVI в. печатали свои книги южные православные Славяне, гдѣ православные свободно совершали свое богослуженіе, — мы легко себѣ представить можемъ, что Русскихъ эмигрантовъ, бѣглыхъ и гулящихъ людей всякаго рода перебывало въ *Веницель* довольно много и до XVI стол. Здѣсь замѣтимъ кстати, что извѣстный Русскій эмигрантъ Котошихинъ, изъ числа такъ сказать образованныхъ людей имѣлъ своимъ преемникомъ не только знаменитаго Курбскаго, но и другую, весьма интересную личность: изъ числа четырехъ Русскихъ молодыхъ дворянъ, посланныхъ для науки въ Англію царемъ Борисомъ, думавшемъ, какъ извѣстно, основать Университетъ въ Россіи — одинъ изъ нихъ — Григорьевъ остался въ Англии, принялъ протестантство и былъ даже пасторомъ¹. — Нельзя кажется не допустить, что если бѣглые люди въ *Риму* и въ *Веницель* часто выдавали себя великими людьми, то тѣмъ легче и чаще дѣлали они это съ Азіатами, въ обращеніи съ которыми Русскій народъ необыкновенно ловокъ.

Задолго до Петра Великаго, имя Русское уважалось въ Венеціи. Выше мы привели слова Шереметева о томъ, что говорилъ ему патріархъ Греческій. Въ 1657 г. когда Чемодановъ съ товарищи стоялъ за обѣдней въ Греческой церкви въ Венеціи, Греческій дьяконъ Теофанъ въ рѣчи своей къ нимъ такъ выразился про Русскаго царя: «иже аки пресвѣтлѣйшее солнце, восталъ есть на искорененіе тьмы невѣрія, на соблюденіе жъ и на соединеніе благочестивыя христіянскія вѣры и побѣжденіе враговъ Божіихъ, пачежъ аки второй Великій во царѣхъ Константинъ явился для освобожденія отъ мученія невѣрныхъ Христіанъ и утѣсняющихъ побѣжденныхъ Грековъ въ

1. Сѣв. Арх. 1822. IV, 339. Любопытно, что посолъ Іакова I, Мерикъ жаловался въ свою очередь Московскимъ боярамъ на то, что Англійскіе прикащики, истративши хозяйскія деньги, женятся на Русскихъ и поступаютъ въ царскую службу, отбывая уплату.

порабощеніи поганыхъ Агарянъ Турковъ живущихъ, и честію и храбростію и милостію почтенъ онъ Великій и пресвѣтлый Россійскій Государь, царь, аки вторый Александръ Македонскій, его жь имя и честь содержится и славится во всѣхъ окрестныхъ государствахъ и земляхъ, и всегда бѣ отъ его царскаго и пресвѣтлаго меча и побѣды и храбрства Божіи и Христіанстіи враги Мусульманы и Агаряня въ порабощеніи и въ побѣжденіи были». — (Ст. сп. Чем. *ibid.* С. 255). — Приходили къ посламъ нашимъ «Греческой церкви попъ Теофилактъ, да дьяконъ Теофанъ, да съ ними Греченинъ Анастасъ Маландра... И Гречаня, посидя мало, въ разговорѣ говорили: ѣздимъ де мы изъ Виницей въ Турскую землю со всякими товарами почасту, и съ Турскими людьми торгуемъ; и Турскіе де люди многіе говорили передъ нами: Божіимъ де изволеніемъ и счастіемъ Вел. Гос. Моск., Богъ ему далъ на Поляковъ и иныхъ государствъ побѣду; и у нихъ де въ Турской землѣ во всей, и во всѣхъ государствахъ ихъ слава о томъ великая; и Турской де ихъ царь и паши всѣ, сыскавъ въ письмахъ своихъ гадательныхъ и говорятъ, что то время пришло, что Царюграду быти за нимъ же государемъ и живутъ съ великимъ опасеньемъ, и у Царяграда на многое время ворота бываютъ засыпаны, и учили де имъ Гречаномъ чинить великое утѣсненіе и мы де на милость Божію и на заступленіе В. Г. Ц. и В. Кн. Алексѣя Михайловича надѣмся, чтобъ онъ В. Г. своими государскими молитвами и счастіемъ изъ Бурсурманскихъ рукъ изъ порабощенія насъ православныхъ Христіанъ Греческаго закона высвободилъ»¹.

¹ См. Приложение I. Къ разнымъ предсказаніямъ о взятіи Царяграда Русскими, прибавимъ еще слѣдующія свидѣтельства. Въ Грузинскихъ Лѣтописяхъ, по переводу г. Броссе, читаемъ: «*Les nations des Russes, réunies ensemble avec tous ceux qui les entourent, triompheront des Jsmaélites.*» (См. г. Срезневскаго — Повѣсть о Царяградѣ и *Bullet. hist.* II. 228). Въ одной извѣстной мнѣ небольшой, но весьма любопытной рукописи «Переводъ зъ Греческаго писма, что подалъ Антіохійскаго патріарха Макарія сынъ архидьяконъ Павелъ въ нынѣшнее во роуе году (1639) февраля въ кз (27 день) читаемъ въ заключеніе слѣдующее: «Во всѣхъ Турскихъ книгахъ пишется сиче, что говорилъ ложный пророкъ Мегметъ, якоже Турки восточное будутъ взяти царство Греческое, потомъ придетъ время и будетъ Русскіи роды съ Калмыки возьмутъ царство ихъ». На западѣ хорошо понимали это. Такъ Цинкейецъ приводитъ слѣдующія слова Дж. Соранцо (1576 г.): «*Del Moscovito dubita poi anche il gran Signore, perchè quel granduca è della chiesa greca come i popoli della Bulgaria, Servia, Bosnia, Morea e Grecia, divotissimi perciò al suo nome,*

Василій Григоровичъ Барскій разказываетъ, что прибывъ въ Венецію, онъ пошелъ въ Греческую церковь — тогда случились въ ней Греческіе семинаристы, «тыи разглагольствоваху многая съ нами». — Потомъ пришли ихъ учителя и стали спрашивать его о вѣрѣ и откуда онъ родомъ. Убѣдившись наконецъ въ его благочестіи и увидѣвши, «яко истину глаголемъ и требуемъ милостыни», отправился одинъ изъ нихъ къ протопопу и объявилъ ему: «яко православны есмь и благочестивы Христіане; еще же къ тому глагола, отъ Россійскихъ странъ родомъ сущіе, се же того ради, да большую приобряшемъ милость, усердно бо тамо таковыхъ людей любятъ; ибо и вѣру и обряды одни съ ними въ своей церкви имѣютъ». — Однажды, въ Венеціи — разказываетъ Барскій — особенно востосковалось ему и вышелъ онъ прогуляться на площадь Св. Марка «и разсмотряюще, идѣже книги и картины продають, узрѣ мя издалеца цѣккій странный старецъ благочестивый и мяше мя священника быти, понеже на главѣ моей священническую шапку видѣ, юже еще изъ Польши принесохъ, и ятъ мя нечанно за руку и рече ми: здравствуй господинъ!» — Они разговорились — это было въ февралѣ 1725 г. и старецъ Рувимъ, ставшій съ тѣхъ поръ неразлучнымъ товарищемъ Барскаго, разказалъ ему свою жизнь, весьма интересную для насъ въ настоящемъ случаѣ. — Рувимъ Гурскій родился въ 1668 г. въ *странахъ Польскихъ*, въ городѣ Острогѣ. Въ семьѣ онъ былъ одинъ съ матерью, которая въ 1680 г. взяла его съ собою въ Кіевъ, сама постриглась въ монахини, и его постригла въ иноки. Митрополитъ Варлаамъ Ясинскій взялъ его къ себѣ въ услуженіе въ келью. Когда же по указу Петра I брали на Москву учителей, то одинъ изъ нихъ, его родственникъ, взялъ его съ собою. Поживъ у него полгода, Рувимъ взятъ былъ Стефаномъ Яворскимъ, «стой ми даде мантию, діаконство и священство»; потомъ онъ отпустилъ его къ Каллисту, архіепископу Тверскому и Кашинскому, который вскорѣ и благословилъ его быть строителемъ въ монастырѣ Духовѣ, въ гор. Кашинѣ. Оттуда черезъ митрополита Новгородскаго Юва онъ былъ отозванъ цари-

come quelli che tengono il medesimo rito greco di religione, e sarian sempre prontissimi a prender l'armi in mano e sollevarsi per liberarsi dalla schiavitù turchesca e sottoporsi al dominio di quello». (Gesch. d. Osm. R. III, 524).

цею Прасковією Феодоровною — игуменомъ въ новопостроенный монастырь ея волости. Черезъ три года Іовъ перевелъ его архимандритомъ на Великіе Луки. По смерти Іова царевичъ Алексѣй Петровичъ взялъ его на большой степень въ Тихвинскій монастырь, гдѣ онъ и пробылъ 4 года. «Но какъ въ то время по дѣлу царевичеву многіе изъ духовныхъ подпали гнѣву Цареву, то и я, опасаясь, да не что зло постражду отъ клеветниковъ, многихъ бо имѣхъ непріятелей при дворѣ Царскомъ, сего ради оставивши начальства, чести, богатства и имѣнія, яже имѣхъ, и бѣжахъ въ полунощи, окт. 24 дня 1720 г., въ область Польскую, въ страны Литовскія, единого спокойнаго житію своему ищущи мѣста, но не обрѣтохъ и обѣщахся путешествовати по свѣту, посѣщаючи святыя мѣста дотолѣ, донелѣже таковое обрящу мѣсто, идѣже бы мя токмо знаеше Богъ и азъ его». — «Таже ми — продолжаетъ Барскій отъ себя — сказа по ряду, како изъ Польши пройде Молдавію, Валахію, Сербію и посѣщаше мощи святыхъ великихъ Феодора Тироца, лежащіе въ Серббахъ въ мон. Оповѣ и св. Симеона Богопріимца, его же мощи въ Далмаціи во градѣ Задрѣ и како шествоваше къ Бару граду, паки како пойде до пресловутаго града Рима, и како тамо баше на трапезѣ у папы Римскаго Венедикта XIII и паки како оттуда возвратися и како дойде къ Венеціи».

Сильное значеніе Славянскаго элемента въ Стамбулѣ и вообще въ Турціи XVI и XVII ст. (до усиленія Фанариотовъ?) также должно было привлекать Русскихъ эмигрантовъ, бѣглыхъ и гулящихъ людей. Выше я привелъ нѣсколько свидѣтельствъ о той великой роли, которую игралъ Славянскій (Сербскій) языкъ при дворѣ Турецкомъ. Вотъ еще другія, опущенныя мною и указанные многуважаемымъ ученымъ Хорватскимъ Кукулевицемъ-Сакцинскимъ (см. *Danica Hirska*. 1843. № IX).

По Славянски говорили два самыхъ знаменитыхъ Турецкихъ Султана: Магометъ II, выучившійся отъ матери или мачехи своей Сербянки *Мары* и отъ одной жены своей, тоже Сербянки, отъ которой имѣлъ сына Джема; и Солиманъ, о которомъ Гаммеръ въ своей исторіи Турціи говоритъ слѣдующее: «Als Sigmund von Herberstein (k. k. öster. Gesandter) sich hückeren wollte (на аудіенціи у султана) um dem Kaiser die auf dessen Knie ruhende Hand zu küssen,

ergriff ihn gewaltiger Lendenschmerz: «Hilf mir um Gottes willen», rief er auf Windisch den Rustem-Pascha (этотъ нотурпуца — природный Славянинъ — былъ великимъ визиремъ) an, der ihn verstand, aber nicht half. Suleiman, der ihn ebenfalls verstand, hob die Hand eine Spanne hoch über das Knie um dem alten Manne das Küssen derselben zu erleichtern». (Th. II, S. 176).

Бальбинъ въ сочин. своемъ Epitome rerum bohemicarum Pragaе. 1688. Libro I. C. 10. p. 71. «Slavicae linguae tam vetusta est memoria, tanta amplitudo, tantaque claritas, ut provocare quam plurimas possit, ac fortasse terrarum spatiis, in quibus regnat, plurasque exsuperet. — Quantum est hodie Imperium Turcicum, at in eo (praesertim in aula constantinopolitani tyranni,) authore F. Angelo Rocca in bibliotheca vaticana slavica lingua dominatur et Imperatoria appellatur».

Стредовскій въ соч. Mercurius Moravicus pag. 17: «In Regia Constantinopoli Caesaris, Slavica lingua in tantum dominatur, ut nullatenus in rebus versatus ibidem putetur, qui eam ignoret».

Мартынь Сентивани (Martinus Szentiványi) въ соч. Curiosa et selecta variarum scientiarum Miscellanea. Tyrnaviae. 1681. D. 2. Dis. 2. «Adeo diffusa est Slavica lingua, ut ejus etiam usus inter Turcas sit et in aula Turcici Imperatoris, inter Aulicos summos familiaris, ac in eo pretio, in quo est Italica apud nostrates aulae proceres».

Павелъ Ювйи въ соч. Commentario de le Cose dei Turchi Firenze. 1558.: «Nella corte del Signor (Soltano) si parla in molte lingue variate; (et in gran porte son commune nella corte di V. M. la Francese, Spagnola, Tedesca et Italiana — la principal' è Turchesca, qual parla il Signore, la seconda è l'Arabica over Morescha, nella qual è scritta la legge loro del' Alcoran, e scrivesi universalmente con lettere Arabesche, — la terza è la Schlavona famigliar agli Janizzari per esser la più larga lingua di tutto il mondo. — (Gli Janizzari sono il vero nervo delle forze Turchesche).

Вальвасоръ — Ehre des Herzogthums Krain. V. Buch. S. 129. «Zu dieser Zeit ist keine Sprache eines gemeinen Volcks weiter, als die Wendische (Slawische) in Europa ausgebreitet, und in mehr Landen und Königreichen, wie den auch an des türkischen Kaisers Hof gebraucht wird. «(Aus d. Chytraens I. Theil der sächsischen

Chronic am 2 Blatt). Тамъ же на стр. 271 говоритъ онъ: «Dass die Sclawonische, eine von den Haupt-Sprachen, izt bekandt, und durch vieler Scribenten Beystimmung gnugsam beglaubt. Unter welchen in Sonderheit Mathias Quaden, in seinen Enchiridio Cosmographico bezeugt: es erstreckt sich in Europa keine Sprache weiter als die Windische, oder Sclawonische: angesehen, sie ihren Anfang von dem Wenetianischen Meer nehmend bis auf die Nord-See wie auch Seitlings, bis ungefähr an den Pontum Euxinum, das ist bis an das schwarze Meer (Mare Maggiore) reicht, und also in Isterreich Crabaten, Bosnia, Mähren, Böhmen, Lausniz, Schlesien, Polen, Litauen, Preussen, Reussen, Moscau und sö fortan bis nach Schweden hin, überdass auch in der Bülgarey und dort ringsumher, ja bis zu Constantinopel geredet werde, allda sie, an des Sultans Hofe, sehr gebräuchlich sey. Welches Letzte, nemlich dass man, am Türkischen Hofe Windisch, oder Sclawonisch rede, sonst zwar auch, von unterschiedlichen Andren, vor diesem geschrieben worden».

Отъ такого значенія Славянской стихіи въ Портѣ Отоманской посланники Русскіе, Польскіе, Дубровницкіе вели переговоры съ нею по большей части на языкѣ родномъ. На Славянскомъ же языкѣ переговаривались съ Турецкими министрами и Угорскіе и Австрійскіе посланники. Славянскій языкъ былъ такимъ образомъ въ то время языкомъ дипломатическимъ. Австрія въ послы Турецкіе выбирала чаще Славяпъ: такъ при одномъ Фердинандѣ I—8 Славяпъ исправляли посольство въ Турцію: Иванъ *Гоберданацъ*, Николица *Юришичъ*, его братъ *Иеронимъ* изъ Задра (*Hieronimus de Zaga* и сынъ его *Веспасіанъ* изъ Задра, (Поморцы Адриатическіе), Иванъ *Марія Барзича*, *Юсифъ Ламбергъ*, *Сигизмундъ Герберштейнъ* (Краинцы), *Антошъ Вранчичъ* (Далматинецъ). И Турція въ свою очередь избирала въ посольства природныхъ Славяпъ, состоявшихъ у нея на службѣ ¹.

1. См. Relatio sive sermo legati pacifici, Ebraimi Strotchenii, nati Poloni, a Solymano Turcarum Imperatore, ex Constantinopoli ad Christianorum Caesarem Ferdinandum ejus nominis primum destinati, apud Francofurtum Moeni coram statibus imperii ibidem praesentibus lingua Sclavonica recitatus anno 1562, die 27 Nov. въ кн. Ang. Gisl. Busbequii legationis Turcicae Epistolae etc... a R. Sadelerio imaginibus exornata... Monaci. 1620.

На стр. 218-мы замѣтили, что по всей вѣроятности Славянскій элементъ проникаль въ Египеть и въ XVI, XVII и сл. в., и по завоеваніи его Турками, черезъ само правительство Турецкое. — А. О. Гильфердингъ, которому и изъявляю мою искреннюю благодарность, прочитавъ это мѣсто въ книгѣ, написалъ для меня слѣдующее замѣчаніе: «Боснякамъ и Герцеговинцамъ имена Шамъ (Сирія) и Мисиръ гораздо извѣстнѣе и обычнѣе, чѣмъ имена многихъ, даже близкихъ Европейскихъ странъ: я это замѣтилъ изъ разговоровъ. Одна изъ причинъ — ежегодное отправленіе поклонниковъ изъ Славянъ - Мусульманъ на ѣабу, т. е. въ Мекку. Они каждый годъ собираются большими толпами (человѣкъ 200—300 изъ одного Сараева). Большою частію они идутъ изъ сборныхъ мѣстъ въ Рагузу и оттуда ихъ перевозятъ въ Александрію. Ихъ провожаютъ и встрѣчаютъ при возвращеніи (возвращаются они также вмѣстѣ) съ великимъ торжествомъ. Потомъ они всѣмъ и каждому разказываютъ чудеса про «ѣабу». Нѣкоторые, говорятъ, остаются въ Мисирѣ. Странно, что про Аравію Босняки ничего не знаютъ, а представляютъ себѣ Мисиръ и ѣабу (Каабу), какъ одно цѣлое. — Али-бегъ Стольчевичъ служилъ въ Сиріи съ отрядомъ Герцеговинцевъ противъ Мехеметь Али и за отличіе въ этомъ походѣ получилъ санъ паши и губернаторство Герцеговины. Такихъ же походовъ было много».

Съ неминуемымъ, вѣроятно, недалекимъ, переходомъ мусульманскихъ Славянъ въ христіанство¹ и съ распаденіемъ Турціи на самостоятельныя государства Славянскія, смѣло можно

1. Весьма любопытныя свѣдѣнія сообщаетъ г. Гильфердингъ о Боснійскихъ бегахъ. «Въ ихъ устахъ Сербская рѣчь звучитъ необыкновенно чисто и изящно, они употребляютъ древнія формы, которыя у христіанъ уже почти не слышны въ разговорѣ, и только Турецкія слова, которыми они любятъ щеголять, портятъ красоту языка, сохраняющаго у нихъ какой-то отпечатокъ аристократической старины. Говорятъ даже, что нѣкоторые изъ нихъ хранятъ у себя до сихъ поръ передаваемыя изъ рода въ родъ грамоты прежнихъ королей Боснійскихъ и Сербскихъ; но никто еще не былъ въ состояніи видѣть эти документы, потому что владѣльцы, приписывающіе имъ какое-то таинственное значеніе, берегутъ ихъ про себя и думаютъ, что они будутъ пужны въ случаѣ какого нибудь переворота. Возможность такого переворота, въ которомъ бы пришлось опять предъявлять права, дарованныя христіанскими государями, не теряется изъ виду Боснійскими бегами, и они даже не скрываютъ, что когда «Крестъ» восторжествуетъ, они готовы будутъ снова ходить въ церковь, какъ ихъ праотцы.» — (Вѣстн. Геогр. Общ. 1858. № 7, II, 94. и Русск. Бес. 1858. № III).

надѣяться, наступитъ живое, сильное воздѣйствіе міра Славянскаго на дальній Мусульманскій Востокъ и мирное, но успѣшное распространеніе Славянской стихіи въ Египтѣ, Сиріи, Аравіи, М. Азій... Отношенія Славянъ къ Арабамъ, завязавшіяся въ VII в. по Р. Х., а можетъ и ранѣе, имѣютъ свою исторію, которая при всей неразработанности своей, и нынѣ уже представляетъ весьма много любопытныхъ данныхъ. Что исторія отношеній Славянъ къ Арабамъ доходитъ до настоящаго времени и предсказываетъ изрядное будущее, въ томъ убѣдиться не трудно всякому по соображеніи слѣдующихъ данныхъ. — Инокъ Пареній рассказываетъ въ своей любопытной книгѣ: «Почти весь Виолеемъ знаетъ по Русски: потому что они (Арабы) всѣ — мастера, работаютъ кресты и четки перламутровыя: а Русскіе больше всѣхъ покупаютъ; потому они по Русски и учатся, а кто по Русски не знаетъ, тотъ ничего и не продастъ». (Ч. IV, 59—60). Не останавливаясь долѣе на этомъ любопытномъ фактѣ, позволимъ себѣ только выразить два желанія: 1) чтобы были сообщены образцы Русской рѣчи этихъ Арабовъ и точнѣе опредѣленъ объемъ ихъ свѣдѣній въ языкѣ нашемъ, 2) чтобы были приняты мѣры для распространенія между ними Русской грамотности. Впрочемъ намъ извѣстно, что и это законное желаніе начинаетъ удовлетворяться въ настоящее время.

Во время знаменитой Архипелажской экспедиціи 1773—1774 г. Графу А. Г. Орлову писалъ одинъ Сирійско-Арабскій владѣтель слѣдующее любопытное письмо, современный Русскій переводъ котораго я здѣсь и прилагаю: ¹

«Сіятелыгѣйшій Графъ.

«Не могу довольно изъяснить радости и удовольствія моего о томъ, что я въ отечествѣ моемъ нашелъ и увидѣлъ Россіянь; видно, что Богъ непостыжимыми своими судьбами самъ привелъ ихъ сюда, чтобъ наконецъ я могъ исполнить желаніе мое, еще въ самыхъ юныхъ лѣтахъ въ сердцѣ моемъ родившееся. Предки мои или праотцы рода моего, владѣвшіе сею странною боль-

1. Нижеслѣдующіе документы хранятся въ Государственномъ Архивѣ, въ дѣлахъ Статсъ-Секретаря Козицкаго. Пользуюсь ими съ позволенія просвѣщеннаго моего начальства, которому и считаю долгомъ принести мою глубокую признательность.

ше четырехъ сотъ и пятидесяти лѣтъ благопріятствовали всегда христіанамъ паче иныхъ владѣтелей и всегда желали соединиться съ какою либо христіанскою державою, но никогда въ семь своемъ желаніи успѣха не получили. Я сколько ни склоненъ къ закону христіанскому, однакожь по несчастливому моему жребію въ прошедшее время много привязанъ былъ ко двору Оттоманскому для многихъ политическихъ причинъ и хотя съ начала сей войны съ Турками, желалъ я совокупиться съ Россіанами, чтобъ освободить себя отъ привязанности къ Туркамъ, однакожь не имѣя случая, ни прямаго способа свергнуть съ себя иго Султанское, принужденъ былъ противъ моего желанія, сколько могъ, Турецкому двору пріятствовать. Богъ такъ судилъ; какъ для вспомошествованія Туркамъ велъ я войну съ Али-беємъ, съ начальникомъ Акрскимъ и съ его союзниками, то сіи призвали Россіянъ противъ меня для взятія моего города Барута. Я же для защищенія онаго отъ всѣхъ нападений учредилъ въ немъ губернаторомъ извѣстнаго Турка Ахмета бея Джіазара. Сей, нечаянно отложась, возсталъ противу меня и, совокупясь съ пашами Дамасскимъ, Алепскимъ и Трипольскимъ, началъ противъ меня воевать по неблагодарности, сему племени природной. Тотчасъ помирился я съ начальникомъ Акрскимъ и, вѣдая, что Россіяне отправились въ сіи страны для вспомошествованія Али-бею въ его несчастіяхъ, котораго они уже жива не застали, просилъ ихъ чрезъ посредство сего начальника полати мнѣ помощь. Не усумнились они ни мало прійти ко мнѣ подъ командою г. капитана Михаила Кожухова и Графа Ивана Воиновича и, по учиненнымъ между нами обоюдно пужнымъ условіямъ, начали доставать сей весьма хорошо укрѣпленный городъ. Здѣсь не могу я достойнаго благодаренія воздать Господу Богу и оказать должныхъ начальнику Акрскому моихъ услугъ за то, что онъ доставилъ мнѣ случай узнать и помощь себѣ отъ сего народа получить: не могу также довольно похвалить ихъ постоянства, твердости, праводушія и мужества. Однимъ словомъ она меня своими благодареніями, добросердечіемъ и искренними услугами до самой высочайшей степени обязали и веѣмъ имъ отъ мало до велика такимъ меня должникомъ сдѣлали, что по достоинству во всю мою жизнь я имъ возблагодарить буду не

въ состояніи. Они преславнымъ Россійскимъ оружіемъ изъ моего города выгнали непріятели и сдѣлали меня въ ономъ владѣтелемъ по прежнему. Сіе благородное дѣйство увеличиваетъ весьма привязанность мою къ Россіянамъ и понуждаетъ меня вступить въ число вѣрныхъ слугъ Ея Императорскаго Величества Самодержицы Всероссійской. Надѣюсь, что ваше Сіятельство сдѣлаете мнѣ милость и употребите въ пользу мою предъ престоломъ Ея свое прошеніе, дабы Ея Величество меня удостоила за такового признать. Истинно почту себя благополучнѣйшимъ, если сподоблюсь защищенія Всеавгустѣйшія сея Императрицы, коея мужественныя дѣянія весь свѣтъ исполнили своимъ сіяніемъ.

«Родъ мой, называемый Шегаби, состоитъ больше, нежели изъ пятидесяти князей подъ моимъ управленіемъ; почти всѣ они суть весьма склонны къ закону христіанскому. Область наша простирается отъ моря Тиверіадскаго до крѣпости въ старину названной Мардаитскою по ту сторону Триполя, и большую часть сея области составляютъ неприступныя горы, выключая приморскія страны и Килесирію, по Арабски называемую *Бека*. Горы сіи, хотя безплодны, но множествомъ людей весьма изобильны такъ, что можно изъ нихъ всегда поставить войска шестьдесятъ тысячъ человѣкъ, хотя мало и почти совсѣмъ не обученныхъ, но довольно храбрыхъ, если только отвергнуть изъ мыслей своихъ склонность къ измѣнѣ. Большая половина сей области наполнена христіанами, которые въ превеличайшей живутъ свободѣ, а другую половину составляютъ невѣрные, зовомые Друзы. Начальники же сея области по большей части суть также Друзы, которые больше пріятствуютъ Туркамъ, нежели христіанамъ. По древнему обыкновенію начальники сіи большую часть земель сея области берутъ себѣ въ наемъ отъ правительствующаго оными князя, чрезъ что и стали они многомошны. Со всѣхъ сторонъ область сію окружаютъ непріятели весьма сильные, а именно паша Дамаскій, Алепскій и Трипольскій и при нынѣшнихъ обстоятельствахъ моего съ Россіянами соединенія и союза, нападки на меня дѣлаютъ больше прежняго и не упустятъ впредь привлечь на свою сторону нѣкоторыхъ моихъ начальниковъ, къ измѣнѣ склонныхъ. Чего для я призываю въ

помощь Всевышняго, возлагаю упованіе мое на крѣпость и силу креста Господня, который я на груди ношу, какъ то видѣли многіе ваши офицеры и надѣюсь на преславное Императорское Россійское оружіе, къ которому я нынѣ прибѣгаю и подъ которымъ всегда убѣжища искать стану. Даль бы то Богъ, чтобъ я напоследокъ увидѣлъ имя Ея Всеавгустѣйшія Самодержицы торжествующее надъ всѣмъ свѣтомъ.

«Слава качествъ Вашего Сіятельства, соединенная съ прямодушіемъ славныхъ Вашихъ дѣлъ, побуждали меня давно прибѣгнуть къ особѣ Вашего Сіятельства, добродѣтелями преисполненной, во свѣтѣ прославившейся и намъ самимъ въ самомъ совершенномъ своемъ видѣ представленной Графомъ Иваномъ Воиновичемъ и гораздо прежде его другими морскими офицерами, но не имѣлъ я случая совершить сіе до нынѣшняго часа. Надлежало бы мнѣ непременно теперь отправить отъ себя полномочнаго, но обстоятельства времени сдѣлать сего мнѣ не дозволяютъ. И подлинно я говорю теперь съ Вашимъ Сіятельствомъ посредствомъ сего моего писанія, какъ сынъ говоритъ съ родителемъ и какъ кающійся съ своимъ духовнымъ отцомъ. Не вижу еще никакого способа, чтобы мнѣ было можно объявить предъ всѣмъ свѣтомъ то, что я на сердцѣ имѣю. Потребна мнѣ помощь и защищеніе, чтобъ я на сіе поступить могъ, не опасаясь конечнаго истребленія и моего собственнаго, и всего моего рода, и всѣхъ вообще въ области моей живущихъ христіанъ. А хотя бы я во всякое время и могъ легко поставить тридцать тысячъ человѣкъ вооруженныхъ, однакожь, не могу столько надѣяться на свой народъ по причинѣ ихъ незнанія военныхъ порядковъ и ратнаго искусства и въ разсужденіи самаго малаго числа артиллеріи, которую мы имѣемъ. Того ради прошу Всеавгустѣйшую Императрицу принять повиновеніе и преданность какъ мою, такъ и моего рода и всей моей державы, представленную Вашему Сіятельству чрезъ сіе писаніе и чрезъ тѣхъ господъ офицеровъ, коимъ всѣ мои дѣла извѣстны, и коимъ я ввѣрилъ всѣ мои намѣренія, а особливо Графу Ивану Воиновичу, съ тѣмъ, чтобы они Вашему Сіятельству обо всемъ донесли. И такъ, прошу Ея Императорское Величество Самодержицу Всероссийскую принять меня, мой родъ и всю мою державу подъ свое покровительство и защищеніе и не

только подать миѣ потребное вспоможеніе, состоящее въ нѣкоторомъ числѣ войска и принадлежащихъ къ тому военныхъ снарядахъ, но и подкрѣпить меня нѣсколькими достойными особами, могущими миѣ во всемъ споспѣшествовать, какъ благими совѣтами, такъ и нужными не только для меня, но и для моего народа наставленіями, дабы мы такимъ образомъ могли учинить крѣпкое непріятелю сопротивленіе и, ежели Богъ благословитъ, посредствомъ защиты Ея Императорскаго Величества и преславнаго Россійскаго оружія, истребить общаго врага. Я слагаю съ себя всю власть надъ моими подчиненными и надъ моимъ отечествомъ: Всероссійская Императрица да располагаетъ ею и ими по Высочайшему Ея благоизволенію. Для совершеннѣйшаго же изъявленія моей къ Ея Величеству преданности, посылаю при семъ бланкетъ, подписанный моимъ именемъ, съ приложеніемъ къ оному моей печати съ тѣмъ, да благоволитъ Державнѣйшая Россійская Самодержица предписать миѣ на ономъ законы, какіе ей угодно, которымъ я отъ всего моего сердца желаю повиноваться и всегда оныя соблюдать, хотя бы то было совокуплено и съ пожертвованіемъ моей крови. Чего для и вмѣняю себѣ въ честь оказываться

«Вашего Сіятельства

искреннѣйшимъ и преданнѣйшимъ слугою

Князь *Іосифъ Шегаби*.

1774 г. янв. 1.
въ Барутѣ.

(Подпись Арапская).

«Желаю да будетъ сей годъ пресчастливѣйшій Вашему Сіятельству, какъ и всѣ, впредь по немъ слѣдующіе».

Въ объясненіе этого любопытнаго письма привожу слѣдующіе документы, въ современномъ Русскомъ переводѣ копіи на Итальянскомъ языкѣ:

I.

«Объявляя чрезъ сіе, что по договорамъ, учиненнымъ между мною и господами Россіянами, долженъ я былъ шесть сотъ мѣшковъ за взятіе города Барута. Изъ сихъ шести сотъ мѣшковъ уплатилъ я двѣсти пятьдесятъ тысячъ піастровъ и получилъ росписку. А ста мѣшковъ достальныхъ, по милости своей,

хотѣли подождать до будущаго лѣта, въ которое обязуюся заплатить оныя первой эскадрѣ, которая въ сіи стороны пріѣдетъ или же по волѣ и по означенному времени отъ Его Сіятельства Графа А. Г. Орлова. Въ Барутѣ. 1 янв. 1774 года.

Иосифъ Шегабинъ.

УСЛОВІЯ О СДАЧѢ БАРУТА.

Пріѣхавши почтенный Гаджи Ахметъ Бей Елеезаръ, начальникъ города Барута, въ Сеиду вмѣстѣ съ Графомъ Иваномъ Воиновичемъ, отправленнымъ туда отъ господина капитана Михаила Кожухова, предводителя Россійской Императорской эскадры въ Сиріи, для заключенія договоровъ самолично съ почтеннѣйшимъ шейкомъ Даеръ Омеромъ о сдачѣ города Барута — не могли оныхъ окончить и утвердить договора по причинѣ нѣкоторыхъ несогласій объ уступкѣ оружія, котораго требовалъ вышерѣченный графъ Воиновичъ; теперь, по возвратѣ въ Барутъ, съ господиномъ капитаномъ Михайломъ Кожуховымъ вновь предприняли заключить о сказанной выше сего сдачѣ договоръ, который напоследокъ оконченъ и соглашенъ на слѣдующихъ статьяхъ въ присутствіи почтеннаго Ахмета Ага-Денгисли, Сеидскаго губернатора, который отъ вышеупомянутаго шейка Акрскаго отправленъ былъ туда присутствовать вмѣсто его при семъ договорѣ.

1. Вышепомянутый Гаджи Ахметъ-Бей-Елеезаръ обѣщаетъ выступить изъ города и крѣпости Барутской со всѣмъ своимъ войскомъ, оставя въ городѣ собственно въ немъ живущихъ обывателей; а въ городъ войдутъ офицеръ и нѣсколько съ нимъ войска, начальника Акрскаго, да офицеръ съ частію Россійскаго войска, для защишенія тамошнихъ обывателей отъ войскъ Друзскихъ, покаместъ не согласятся они съ ихъ княземъ Иосифомъ.

2. Никакого непріятельскаго дѣйства не будетъ предпринято противъ Барутскаго гарнизона и никакого оному не учинится препятствія въ выходѣ его оттуда, какъ сухимъ путемъ, такъ и моремъ: и сверхъ сего, какъ помянутый бей Елеезаръ долженъ вступить въ службу его сіятельства шейка Даера, то, по прошенію сего, предписанный Россійскій начальникъ дозволяетъ и соглашается, чтобы всѣ, кои принимаютъ шейкову службу,

выходили изъ города съ ихъ оружіемъ, имѣніемъ и багажемъ собственнымъ, а кои не останутся у него въ службѣ, должны отдать свое оружіе въ руки Россіянамъ и выйти изъ города съ собственно только имѣніемъ и багажемъ.

3. Войско Россійское и войско мыса Акрескаго, во время пребыванія своего въ городѣ, не причинятъ городскимъ обывателямъ никакого вреда и не нанесутъ имъ ни малѣйшей обиды ни въ разсужденіи ихъ лица, ни имѣнія; а еще должны войска сіи быть ихъ покровителями и защищать ихъ отъ войскъ Друзскихъ и всякихъ другихъ, доколѣ въ береженіи ихъ сей городъ останется.

4. Всѣ рабы ихъ, христіане, которые найдутся въ Барутѣ, будутъ свободны.

5. Для нерушимаго сохраненія и исполненія всѣхъ условій, которыя содержатся въ сихъ статьяхъ, настоящій договоръ съ другими ему подобными будутъ всѣми участвующими въ ономъ подписаны и запечатаны печатями каждаго изъ нихъ. Сіе учинено на борту Императорской фрегаты «Надежды», 1773 г. Сентября 29 дня.

Россійскаго флота капитанъ *Михайло Кожуховъ*.

(Подпись Арапская).

III.

По пріѣздѣ въ Акру самолично господина капитана Михайла Кожухова, начальника Россійской Императорской эскадры въ Сиріи для нѣкоторыхъ окончательныхъ переговоровъ и постановленій съ его сіятельствомъ шейкомъ Омерскимъ, когда шейкъ на договоръ требовалъ у него войска Албанскаго, находящагося нынѣ въ Барутѣ, чтобы перевести оное сюды въ Акру, то и дано оно было шейку на слѣдующихъ условіяхъ:

1. Вышепомянутый Россійскій начальникъ обѣщаетъ, по пріѣздѣ своемъ въ Барутъ, вручить Агѣ Саидскому, нынѣ губернатору, Албанскій баталіонъ, съ тѣмъ, чтобы перевести оный въ Акру въ службу шейкову, съ письменною вѣдомостью о ихъ числѣ и именахъ, какъ предводителя ихъ, такъ и офицеровъ и солдатъ, для употребленія онаго баталіона противъ Оттоманской Порты и оный останется въ здѣшнихъ мѣстахъ на

столько времени, на сколько будетъ угодно его сіятельству графу А. Г. Орлову, а въ то время обязуется помянутый шейкъ отпустить безо всякаго препятствія вышереченный баталіонъ изъ здѣшнихъ мѣстъ и перевезти оный въ Парось на Россійскихъ или своихъ корабляхъ, какъ то отъ главнокомандующаго Россійскими войсками потребовано будетъ.

2. Покамѣстъ тотъ баталіонъ будетъ въ службѣ шейковой или до отмѣннаго въ семь приказанія его сіятельства Графа А. Г. Орлова, шейкъ долженъ содержать ихъ по приложенной здѣсь при концѣ росписи и платить имъ жалованье исправно безо всякихъ противурѣчій и отлагательствъ и также на каждый день долженъ будетъ давать въ пищу сто пятьдесятъ шесть драхмъ сухарей, сто тридцать пять драхмъ мяса, шестьдесятъ шесть Сарацынскаго пшена, сткляницу вина и другую водки, четырнадцать драхмъ коровья масла и то каждому солдату и квартиру и свѣчи, а для предводителя ихъ и офицеровъ всего въ двое на каждый день или сими припасами, или деньгами.

3. Вышесказанное войско не долженствуетъ никогда ни малѣйшей получить досады, ни прямымъ, ни постороннимъ образомъ, въ разсужденіи содержанія ими ихъ вѣры, ниже быть подвержены какимъ либо искушеніямъ въ томъ, чтобъ имъ оную перемѣнить, но, напротивъ того, имѣть совершенную свободу въ отправленіи и содержаніи оныя, какъ то имъ ихъ закономъ предписано.

4. Весь тотъ баталіонъ зависѣть будетъ во всемъ отъ своего маіора, господина Дуси, а сей непосредственно отъ шейка, а не отъ другаго кого: и маіоръ сей долженъ увѣдомленъ быть обстоятельно о всѣхъ планахъ и расположеніяхъ военныхъ, въ которыхъ его самого съ его баталіономъ надобно будетъ употреблять.

5. Для совершеннаго исполненія вышесказанныхъ договоровъ будутъ слѣданы два подобные списка, чтобы обѣимъ сторонамъ по одному имѣть у себя и подписаны обѣими сторонами и утверждены ихъ печатями. Дано въ Акрѣ, 1773 г. Ноября 23 дня.

Ростись мѣсячному жалованью.

Малору	64 ^{пре}
Капитанамъ	48 »
Поручикамъ	36 »
Прапорщикамъ	20 »
Капраламъ	16 »
Солдатамъ	8 »

Россійскаго флота капитанъ *Михайло Кожуховъ.*

(Подпись Арапская).

На стр. 214, приводя извѣстіе де ла Валле о Русскихъ плѣнникахъ на Кавказѣ, я замѣтилъ уже, что такимъ путемъ проникла Русская стихія въ Египетъ. Въ любопытномъ Греческомъ письмѣ, которое подалъ въ Москвѣ въ 1659 г. присланный отъ Антиохійскаго патріарха Макарія архидьяконъ и которое извѣстно мнѣ въ современномъ Русскомъ переводѣ, находятся весьма интересныя извѣстія очевидца объ этихъ Русскихъ *полоняникахъ*. Считаю не излишнимъ привести здѣсь слѣдующую статью:

«О ШЕВКАЛЕ ЛЕЗГИНСКОМЪ».

Сей родъ живутъ на крае сее горы, прямые Турки суниди христіанскую же вѣру держать, что Турки и Татара и дѣла у нихъ иново нѣтъ, токмо красти и пленити, а во уничиженіе и въ стыдъ надъ христіанами. Такжеже и они, егда увидятъ, христіанина болнова и немощново отъ труда или отъ глада, ссекутъ его вмѣсто жертвы поганому ихъ богу и хто отъ нихъ убиенъ будетъ, почитаютъ его, яко мученика по вѣре ихъ. Такожъ и сей родъ горше Татаровъ творятъ, не токмо убиютъ христіановъ, но и кровь его пьютъ — первое, а второе умывають лице свое тою кровію за безбожіе свое. Егда блаженные памяти Теймуразъ царь живъ былъ, всегда съ нимъ билися, и какъ его не стало укрѣпишася они и безпрестанно плѣнятъ христіановъ и за что градъ строенія блаженные памяти царя Ивана Васильевича есть разоренъ, зовемый.... Имѣютъ великую волю и ходятъ въ Крымъ и въ Черкасы и торгуютъ и покупають *полоняниковъ* Русскихъ и колико время были мы въ Шемахѣ, бес-

престанно привозили по пяти сотъ и по тысячѣ полонениковъ, яко мы сами видѣли своими очами и не токмо сіе, но и школы имѣютъ и живутъ ходжи и посадятъ полоняниковъ молодыхъ и учатся да навькнутъ скверной вѣре ихъ, которые ходятъ въ Черкѣскія страны и учатъ тамошнихъ людей и мещутъ на нихъ яды своя смертоносныя и никто, какъ они, не ходятъ пѣши до сквернова гроба Махметова молиться¹. Надъ сими сказывалъ намъ единъ епископъ старый отъ Менгреліи благоговѣнъ и благочестивъ, что хотѣлъ прійти къ великому государю къ Москве и отъ ихъ страху возвратился, и отъ Предтечева монастыря и Менгреліи нѣкоторые братья, которые въ плѣну были у нихъ восемь лѣтъ у Алани и Зикхи, и сказывали намъ со страхомъ Божиимъ, хто въ прежнихъ временахъ у тѣхъ родовъ Турской вѣры не было, токмо тѣ Ходжи, которые ходятъ къ нимъ и научатъ ихъ, что хотятъ отъ нихъ принять и Турскую вѣру. Сей родъ Кумыши не любятъ Кизылбашевъ по вѣре ихъ и другъ друга проклинаятъ, токмо ради купли межъ собою, чтобъ поклонниковъ продать и купить. И того ради межъ себя держатъ миръ, зане инуды нѣтъ инова мѣста, гдѣ купля и продажа сотворить. Въ томъ мѣсте есть горы все каменные и невозможно сѣяти ничто, для того, что не родится, токмо въ поле, которое есть отъ Терка до Дербени, сѣютъ и во время жатвы собираютъ хлѣбъ и бѣгутъ въ горы. Свидѣтель есть Богъ, что и мы страха ихъ ради, жили толикое время въ Шемахѣ, зане не возмогохомъ пройти и сказывали намъ нѣкоторые люди,

1. Напомнивъ здѣсь вышеприведенныя слова де ла Валле, укажемъ тутъ же и на слѣд. слова Рафаловича: «въ Египтѣ и Сиріи я весьма часто встрѣчалъ Турецкихъ офицеровъ, которые, узнавъ, кто я, рекомендовали себя словами: *ана кэмáкъ мускуби*—«я тоже Русскій», разумѣя подъ этимъ, что они родились въ нашихъ Кавказскихъ и Закавказскихъ владѣніяхъ. Однажды въ Иерихонѣ обратился ко мнѣ бедуишъ съ вопросомъ: «справда ли, что мать султана Абу-эль Меджида *изъ нашихъ?*»—«какъ изъ нашихъ?» сказалъ я.—«*Эль ндсэ бигулу анъ хійэ мускубийэ*» (говорятъ люди, что она Москвитянка), отвѣчалъ бедуишъ. Султанэ-Валидэ дѣйствительно по происхожденію Черкешенка. — (Шут. с. 232). — Такое нахожденіе земляковъ нашихъ и извѣстность Русскаго имени въ Египтѣ, Африкѣ, гдѣ знаютъ, что самъ Наполеонъ, лицо полумиѣическое у Арабовъ, потерялъ свою славу въ Московіи, должны, кажется, обращать на себя вниманіе Русской торговой политики, особенно при вождельномъ развитіи Славянъ Адриатическихъ и при ожидаемомъ прогитіи Суэцкаго канала.

что говорилъ и говорить Шевкаль, какъ Богъ мнѣ дастъ въ руки мои тѣхъ патріарховъ, которые держатъ золотые посохи — Росія вся въ рукахъ моихъ будетъ.

Кони добрые имѣютъ и посылаютъ въ Астрахань въ подарокъ и емлютъ изъ Астрахани всякую потребу и мы, какъ были многое время на бусахъ по морю и отъ жажды было померли и съ великимъ страхомъ послали мы завозню съ людьми, чтобы воды прѣсной добыть, а они были готовы и ожидали насъ, чтобъ напали въ руки ихъ и на нашихъ посланныхъ людей приступиша со оружіемъ и мало не плениша ихъ, а мы отъ жажды и отъ бури морекой, яко мертвы были, и ихъ было много множества собрано и молили Бога своего, чтобъ бусы выкинуло изъ моря бурей, да пленять насъ»¹.

На стр. 216 мы позволили себѣ утверждать, что предки наши издавна посѣщали Египетъ. Въ доказательство сего укажу

1. То, что сказано здѣсь о Русскихъ плѣнникахъ на Кавказѣ, весьма напоминаетъ то, что говорилось о нихъ въ прошломъ и въ нынѣшнемъ стол. въ Средней Азии. Такъ берггешворены Поспѣловъ и Бурнашевъ писали ок. 1800. г.: «По различнымъ случаямъ даже съ давнихъ временъ, многіе изъ Россійскихъ людей отъ Азіатцовъ сдѣлались несчастными жертвами варварскаго права содержать ихъ подъ именемъ плѣнныхъ въ неволѣ и содержать съ большою жестокостью, такъ какъ такой народъ, которой съ нами не одного исповѣданія вѣры. Не говоря о тѣхъ, которые сами побѣгомъ своимъ, хотя уже и съ раскаяніемъ, но навлекли на себя плѣнъ. Тѣже, которые по несчастному случаю сдѣлались добычею хищенія, и потомъ между звѣрскимъ народомъ предметомъ торговли, наиболѣе достойны сожалѣнія. Объ ономъ сколько достовѣрно можно было узнать, то происходитъ слѣдующимъ образомъ: Киргизъ Кайсаки, живущіе въ близости границы, особливо въ Оренбургской, при различныхъ случаяхъ похищаютъ Россійскихъ людей обою пола, содержатъ ихъ у себя тирански въ неволѣ, или продаютъ Ташкентцамъ, особливо Бухарцамъ, и другимъ тамошнимъ народамъ, которые не лучше съ ними поступаютъ. Не находя же совѣтъ способовъ свергнуть съ себя иго невольничества, развѣ принятіемъ ихъ закона, сіи несчастные лишаются навсегда своего отечества. Изъ таковыхъ плѣнныхъ, кромѣ Киргизской степи, нѣкоторые живутъ при дворѣ самого Ташкентскаго владѣльца и которые должны принять Магометанскій законъ; другіе же находятся въ услугахъ у частныхъ людей. Въ прочемъ, какъ тѣ плѣнные объявляютъ, Ташкентцы привозимыхъ изъ Россіи плѣнныхъ мало содержатъ у себя, а продаютъ болѣе въ Бухару и Хивинское владѣніе, гдѣ по праву магометанскаго закона содержатъ ихъ, яко невольниковъ. Выкупъ оныхъ не воспрещается свободному человѣку, но за то должно заплатить тому, у кого живутъ, такую сумму, какую онъ взятъ согласится». (См. Вѣсти. Геогр. Общ. 1851. Кн. I. Отд. VI. С. 43—4).

на любопытную статью, встречающуюся въ старинныхъ Сборникахъ — «О Египтѣ градѣ велицѣмъ». Членъ-сотрудникъ Географ. Общ. г. Купріяновъ помѣстилъ такую статью въ «Вѣстникѣ» (1853. II. Смѣсь, стр. 42) изъ сборника, писаннаго полууставомъ не позже XVI в., хранившагося въ Софійскомъ Новгородскомъ соборѣ. «Египетъ великій градъ, 14 мезгитей въ немъ, а у мѣзгити по сту столповъ каменныхъ, а на столпъ возлазять до ста человекъ и до 50, и вшедше на столпъ кличють. Да вземже 14 тысящъ кермесараевъ; а комаръ въ кермосараи много до 300 гостей становятся. Да вземже 14 тысящъ улицъ, а въ улицѣ по 10 тысящъ и бань 14 тысящъ; а дворъ салтановъ, рекше царевъ, съ Москву нашу съ Кремль. А царя не видаеть никто, а алафу дають на царевѣ дворѣ мѣлкимъ людемъ на всякъ день: конюхомъ, поваромъ, хлѣбникомъ, помѣсомъ, истобникомъ, на 14 тысящи человекъ. А станеть за Ерусалимомъ 15 день ехати, а рѣка подъ нимъ Нилъ, а течеть изъ рая, яже глаголется Ріонъ. А за Египтомъ людей живущихъ нѣтъ; а до Махметова гроба отъ Египта 50 днь ити, пустымъ мѣстомъ брести на верьбоудѣхъ: только небо да земля, а лѣсу нѣтъ. А сказывалъ се великаго князя казначей Михайло Гирѣевъ; былъ, скажетъ, в томъ градѣ Египтѣ сорокъ дней». Можно надѣяться, что въ драгоценныхъ по многимъ отношеніямъ Сборникахъ нашихъ содержатся и инья любопытныя свѣдѣнія о Египтѣ.

Въ концѣ статьи нашей о Славянахъ въ М. Азіи мы настаивали на необходимости этнографическаго путешествія по М. Азіи. Вронченко въ превосходномъ изслѣдованіи своемъ объ этой странѣ (Зап. Военно-топографическаго Депо. Ч. V. Спб. 1840. стр. 147) говоритъ между прочимъ: «Греки, живущіе въ мѣстечкѣ Гюнень и окрестностяхъ, почитаются выходцами изъ Болгаріи, переселившимися въ Анатолю за нѣсколько десятковъ лѣтъ предъ симъ. Они, повидимому, точно Болгары по происхожденію, и перешли въ край не за нѣсколько десятковъ лѣтъ, а очень давно. Въ другихъ мѣстахъ о Болгарахъ не слышно ничего и слѣдовъ ихъ существованія не замѣтно». — Съ послѣднимъ замѣчаніемъ можно и не соглашаться безусловно, когда извѣстны исторія Славянскихъ поселеній и далеко не полное и

недостаточное состояніе современныхъ свѣдѣній объ этомъ важномъ краѣ, достойномъ всяческаго вниманія, со стороны Русскихъ въ особенности ¹. Весьма далекій отъ увлеченія всякою мыслью, лишь бы она возникла на западѣ или высказана была на одномъ изъ его языковъ — тѣмъ болѣе отъ малѣйшаго поползновенія приписывать мысли авторитетъ за одно ея происхожденіе — я думаю однако, что намъ Русскимъ необходимо нужно пристально слѣдить за развитіемъ всякой идеи на Западѣ: хладнокровное, безпристрастное и основательное изученіе каждой идеи, всѣхъ ученій, даже самыхъ наинелѣпѣйшихъ уклоненій чело-вѣческаго разума, всегда бываетъ только плодотворно. Но западная Европа, такъ далеко насъ опередившая на пути матеріальнаго и умственнаго совершенствованія, представляетъ Русскимъ одинъ изъ занимательнѣйшихъ и поучительнѣйшихъ предметовъ, подлежащихъ нашему вѣдѣнію. Особенно можетъ быть поучителемъ и практически для насъ полезенъ голосъ западныхъ Европейцевъ въ такихъ случаяхъ, когда, располагая всѣми современными чудесами науки и промышленности, съ такимъ успѣхомъ торжествуя надъ природою, они ставятъ себя на мѣсто наше и разсуждаютъ вслухъ, о томъ, что бы они слѣдали на нашемъ мѣстѣ съ нашими внѣшними средствами, при всѣхъ условіяхъ и данныхъ нашей мѣстности и нашего положенія. Оговорившись такимъ образомъ, я прямо познакомлю читателя съ неоднократно и въ разныхъ концахъ Европы выражавшимся мнѣніемъ о значеніи для насъ, Русскихъ, М. Азіи, этой прекрасной, богатой страны, столь запущенной и упавшей въ Турецкое въ ней владычество. Всего яснѣе и опредѣлительнѣе, кажется намъ, удалось выскзать такое мнѣніе одному Нѣмецкому писателю, Андрэ (К. Andree — *Geographische Wanderungen*. Dresden. 1859) въ весьма занимательной статьѣ — «Русскіе и Англичане

1. См. еще послѣднія извѣстія о М. Азіи на него даровитаго и ученаго соотечественника П. П. Чихачева — (*Lettres sur la Turquie par M. P. de Tchihatcheff*. Bruxelles et Paris. 1859.). Въ засѣданіи Вѣнскаго Географическаго Общества (18 окт. 1858 г.) передавая вкратцѣ результаты своей послѣдней поѣздки по М. Азіи, нашъ знаменитый путешественникъ замѣтилъ, что для изслѣдованія этой любопытной страны нужно снаряжать большія ученые экспедиціи. (*Mitth. der kais.-kön. Geograph. Gesellsch. Wien. 1858. 2 Heft. s. 127*).

о внутренней Азии.» — Вотъ какъ разсуждаетъ онъ объ этомъ предметѣ: «Россія заключила съ Японіею договоръ, который принесетъ свои плоды въ будущемъ. Она приобрѣла въ свое владѣніе Амуръ, рѣку, которую слѣдовало бы называть восточно-Азіатскимъ Дунаемъ. Кромѣ Кяхты есть у нея торговый пунктъ на верхнемъ Иртышѣ; она имѣетъ форты на Аральскомъ морѣ; какъ на немъ, такъ и по нижнему теченію Оксуса и Яксарта начинаютъ ходить ея пароходы; она заключаетъ договоры съ Хивою, Бухарою; черезъ Русскія владѣнія идетъ Монгольско-Китайская торговля на Тобольскъ и Иркутскъ; на Каспійскомъ морѣ все судоходство въ ея рукахъ, наконецъ Русскій фортъ красуется передъ Персидскимъ берегомъ и господствуетъ надъ входомъ въ Астрабадскую гавань.

Кто прослѣдитъ эти точки на картѣ, тотъ съ разу пойметъ всю выгоду и важность такихъ позицій. *Вся сѣверная граница Средней Азии, отъ Японіи до Чернаго моря состоитъ подъ влѣдѣніемъ Русскихъ*, которымъ въ этомъ направленіи подпало все торговое движеніе. Только на сѣверо-западъ, между Каспійскимъ и Чернымъ морями, лежитъ одинъ великій торговый путь, который понынѣ не подчинился ихъ власти: разумѣемъ здѣсь *путь отъ Трапезунта черезъ Эрзерумъ на Тевризъ*, самую важнѣйшую дорогу въ Персію, даже единственную, по которой могла бы Россія безпрепятственно связать торговлю сѣвера съ западомъ.

Въ отношеніи къ этой дорогѣ отъ Чернаго моря къ Тевризу въ Азербейджанѣ всего лучше выражается важное современное значеніе путей сообщеній. Триестскій Ллойдъ открылъ пароходное сообщеніе съ Трапезунтомъ и Дунай въ то же время покрывался пароходами. Такимъ образомъ мануфактурныя произведенія безопасно доставляются съ Лейпцигской ярмарки, изъ Вѣны, вообще изъ западной Европы въ Трапезунтъ въ четыре недѣли. Изъ этого великаго, нѣкогда знаменитаго столичнаго города имперіи Компиновъ, идутъ товары въ Тевризъ черезъ Эрзерумъ по Турецкой Арменіи, нигдѣ не касаясь Русскихъ владѣній. Здѣсь такимъ образомъ въ Русской системѣ заключается значительный пробѣлъ, который и стараются пополнить. Со временъ Екатерины II Россія неотступно стремилась здѣсь на югъ; рядомъ счастливыхъ войнъ 1774—1829 г. она приобрѣла Крымъ,

Кавказъ, восточный берегъ Чернаго моря, Мингрелію, Имеретію, Гуріэль, Грузію, Персидскую Арменію съ Эриванью, устья Дуная. Это много, но это не все, такъ какъ эти пріобрѣтенія тогда только будутъ вполнѣ округлены, когда и Турецкая Арменія и Малая Азія по южному берегу Чернаго моря, на западъ до Кизиль - Ирмака (древняго Галиса, котораго не могъ переступить Крезъ Лидійскій) или даже далѣе до Синопа не войдутъ въ предѣлы Русскихъ владѣній... Въ Турецкой Арменіи, какъ свидѣтельствуемъ исторія, неоднократно завязывалась рѣшительная борьба за господство въ Передней и Средней Азіи». — Таково, по мнѣнію Западно - Европеевъ, значеніе для Россіи — М. Азіи, въ которую, какъ въ древнія свои жилища, уже издавна стремилась изъ Европы стихія Славянская и въ которой она не удержалась и не получила должнаго развитія сначала отъ преобладанія Грековъ, тѣснившихъ народность Славянскую и тѣмъ заставлявшихъ Славянъ переходить къ Арабамъ и вступать съ ними въ союзъ, а потомъ отъ владычества Турецкаго, которое и понынѣ тяготѣетъ надъ милліонами нашихъ соплеменниковъ и единовѣрцевъ благодаря ревнивому соперничеству западныхъ кабинетовъ и соглашенію Англій и Франціи, впрочемъ естественныхъ соперниковъ.

Въ статьѣ о Славянахъ въ Испаніи я не разъ имѣлъ случай упоминать о богатствѣ историческихъ данныхъ и матеріаловъ, скрываемыхъ въ архивахъ Вѣны, Венеціи, Далмаціи. Чтобы нѣсколько нагляднѣе показать, какая роскошная жатва ожидаетъ нашихъ молодыхъ Славянистовъ, я приведу небольшой отрывокъ изъ описанія путешествія г. Кукулевича, именно изъ того его мѣста, гдѣ говоритъ онъ о Дубровникѣ.

«Здѣсь я пробылъ три недѣли. Городъ этотъ, хотя и не похожій на то, чѣмъ былъ онъ лѣтъ 50 или 100 тому назадъ, однако и въ настоящее время въ высшей степени замѣчательнъ для каждаго южно-Славянскаго ученаго. Здѣсь еще живы великія воспоминанія прошедшаго, еще уцѣлѣли славные памятники прежней общественной и умственной жизни. Причины современной бѣдности матеріальной и нравственной суть гражданскія несчастія и послѣдствія Французской войны (т. е. мы сказали бы — подчиненіе Дуб-

ровника Австріи), но здѣсь еще живутъ сѣмена старыхъ Дубровничанъ и немного нужно счастья, чтобы вновь процвѣлъ Дубровникъ.

Сколько позволили мои силы, я употреблялъ здѣсь каждую минуту на обзоръ собранныхъ здѣсь богатыхъ сокровищъ науки и искусства. Я посѣщалъ окружной архивъ, т. е. трибунальнаго суда, библіотеки францисканскую, доминиканскую и духовной семинаріи, подъ управленіемъ іезуитовъ, церковныя и частныя хранилища и почерпалъ изъ нихъ данныя для исторіи гражданской, литературной и художественной.

Изъ всѣхъ Дубровницкихъ хранилищъ богатѣйшимъ долженъ быть признанъ окружной архивъ, въ который вошелъ почти весь архивъ бывшей республики (общины), за исключеніемъ того, что перевезено въ Вѣну. Я посѣщалъ его почти каждый день, оставался въ немъ 6—7 часовъ и ознакомился почти со всѣмъ его содержаніемъ, которое и прилагаю здѣсь для свѣдѣнія нашихъ ученыхъ. (Мы приводимъ здѣсь только одну часть его—именно матерьялы исторіи Дубровницкой).

I. *Libri che trattano sopra diverse materie:* Specchio di maggior Consiglio, in carta pecora del anno 1440, 1500, 1600, 1783.—2. Un libro in carta pecora sui maritaggi del Ceto Cobile del anno 1400 in poi.—3. Un libro in carta pecora contenente un compendio di libri degli statuti e di quelli di maggior consiglio.—4. *Un libro di Privilegij in caratteri Serviani.*—5. *Copia di privilegij dei Rè di Spagna e di Sicilia.*—6. Un indice di Privilegij Pontificij e di diversi Principi.—7. Un libro: Ricordanza di minor consiglio del 1608.—8. Due volumi ligati in pelle riguardanti le magistrature e cariche pubbliche della Republica, non che una tela dei stemmi di nobiltà.—9. Un specchio di nobili del Giacomo Miorinis. 1786.—10. Un libro in carta pecora in cui sono registrati gli oblighi, crediti e debiti della Commune dell' anno 1449. 1582.—11. Un libro: Cambj d'uffizj di fuori, del 1545 e 1600.—12. Un libro di lamenti politici dell' anno 1417, 1441, 1519, 1537.—13. Processus secreti minoris Consilii del a. 1547.

II. Libri dell' uffizio delle cinque Ragioni, — di Salinada etc. dell a. 1419 fino al a. 1808.

III. *Miscellanea.* 1. Istrumenti per i magistrati per procedere a norma degli statuti e provvedimenti.—2. Un libriciuolo di varj

Provvedimenti e Terminazioni dell' anno 1667. 3. Parti de' Pregati concernenti la cassa publica dell'a. 1667 — 1785.—4. Provvedimenti del Senato della Republica concernenti l'Ufficio di Salinaria.—5. Un libro sull'elezione di Capitani di Notte dell' anno 1619.—6. Un libro di Esami delle Famiglie de' Conti de fuori del 1619—1645. — 7. Un libro d' Inventari di robe esistenti ne Palazzi di Conti e Capitani di fuori, del' anno 1638.—8. Delle licenze dei Conti per l'assenza del proprio Ufficio dell' a. 1640.—9. Lamenti di Giusticeria del a. 1670.—10. Di licenze e Precetti, ossia pene di Giusticiari del 1667. — 11. Miscellanea Ecclesiastica del a. 1746.—12. Indice della Reliquie esistenti nel Reliquiario della Cattedrale di Ragusa.—13. Libro di Commissioni dello stato del 1668.—14. Vacchetta del Monastero di St. Chiara.—15. Libro titolare per la corrispondenza coi Principi. — 16. Verificazione delle Terre della Commune nello stato, del 1521.—17. Libro di Salarj delle guardie e Soldati dello Stato del 1614, 1617, 1618. — 18. Varie ordinanze del Consiglio di Pregati, del 1777.—19. Norme per l'elezione di Magistrati.—20. Licenze per la monacazione. — 20. Gabella della Sicurtà. — Capitoli dell'Incorporazione del monastero di S. Maria di Lacroma colla Congregazione di S. Giustina di Padova.

IV. *Libri che trattano sui Legati, morti e Censi imposti sopra Beni stabili.* 1. Sugli oblighi di Legatori del a. 1444.—2. Libro de Tesoreria relativo ai legati pii. del. 1497.—3. Indice di Legati dell' anno 1549—1606.—4. Monti di Napòli. 1660 etc.

V. *Libri concernenti i Consolati Nazionali e Forestieri.* 1. Libro di Creazione di Consoli Nazionali.—2. Parti di Pregati concernenti i Consolati di Levante del. 1751.—3. Consolati Forestieri in Ragusa del 1757. — 4. Partite accettati dell' uffizio di Consolati di Levante a. 1762—1807. — 5. Partite ributtate dell'uffizio etc. del 1702—1807.—6. Conti di Consolati nazionali del 1780.—7. Corrispondenza coi Consolati nazionali, del 1794—1795.

VI. *Libri ossia Registri delle Scritture Turche.* 1. Due Registri intitolati: Dona Turcarum, scritti in italiano. Del 1566. — 2. Un Inventario delle Scritture Turche dell'Anno 1724.—3. Lettere in Illirico del 1729., 1745., 1755., 1780. colle Copie italiane.—4. Un libro di Traduzioni, di Capitulazioni e Fermani turchi in italiano di varj sultani. — 5. S. Registro di Comandanti imperiali. hatisce-

rifi e capitulazioni, in italiano del 1784 — 1785. — 6 Un libro maxenie, col Indice, del 1785.—7. Indice delle Bujurulti del passa di Bossina. — 8. Indice degli Orzi. — 9. Traduzioni di lettere Turche.

VII. *Libri dell' Ufficio della Grecia.* 1. Un Giornaletto dell'anno 1622.—2. Bastardello del 1635—1800.—3. Scandaglio di grani del 1595.—4. Strapazzo del 1637.—5. Copia lettere del 1686—1717.—6. Parti di Pregati relative agli ogetti di Grecia del 1687—1774, coi Registri dell'anno 1622—1670.

VIII. *Lettere e Commissioni di Levante*, cioè Lettere registrate, scritte agli agenti, consoli ed incaricati d'affari dell'anno 1361 fino al a. 1802.

IX. *Lettere e commissioni di Ponente* (come sopra) del anno 1566 fino al 1802.

X. *Lettere e relazioni di diversi nobili e varj sogetti illustri da Roma, Vienna, Madrid, Napoli, Venezia etc.* Dall'anno 1605—1699.

XI. *Minute di lettere per Levante e Ponente* dall'anno 1656 fino al a. 1788.

XII. *Libri diversi.* 1. Dell'amministrazione dei procuratori di S. Maria Maggiore del a. 1599. in poi.— 2. Dell'amministrazione degli uffiziali sopra le lane del 1568 in poi.— 3. Dell'amministrazione dei Tesorieri.—4. Repertorio di privilegj e di bolle e brevj pontificj.—5. Copia di privilegj accordati da S. M. Cattolica in suoi regni. — 6. Libri dell'uffizio di navigazione, coi nomi di comandanti di navi. — 7. Matricole delle confraternità a) dell'immacolata concezzione, b) di S. Anna, c) di S. Grigorio, d) di S. Michael e in Gravosa, e) di S. Maria dell'Isola di Mezzo, f) di S. Michael e di gornje marzine in Canali, g) di S. Giovanni di Valdassi. — 8. Libro della fabrica della chiesa del Duomo di Ragusa. — 9. Contratti dall'anno 1377.—10. Testamenti dall'anno 1363—1807. — 11. Lettere dei principi e primi ministri etc.

XIII. *Libri varij e (?) Pregajo Senato.*—2. Consilii Rogatorum dall'anno 1418 fino al 1802.— 3. Maggior consiglio dall a. 1419 al 1806.—4. Minor consiglio dall'1415 al 1805. Con indice.—5. Liber reformationis consilii rogatorum dall'anno 1306 al 1802.—6. Praecepta Rectoris etc.

Затѣмъ указываетъ Кукулевичъ на памятники особенной важности для юго-Славянской исторіи преимущественно до к.

XV в., писанные по Латыни и по Славянски. Наибольшая часть изъ нихъ вошла кажется въ новѣйшее прекрасное собраніе Сербскихъ памятниковъ графа Орсата Почича.

Не только документальная и официальная письменность Дубровника, но и самая его богатая словесность, приведенная въ лучшую извѣстность, сообщить можетъ много болѣе или менѣе важныхъ свѣдѣній относительно Славянъ въ Испаніи. Подтверженіемъ такой мысли служить для насъ между прочимъ и слѣдующій отрывокъ изъ Латинскаго стихотворенія Дубровничанина Рести объ о-въ Меццо (см. Appendini—Not. I, 204).

Neve virum minor ingeniis est gloria: ad artes
Quilibet est illic impiger omnigenas,
Unde per Illyricas genti celeberrima gentes
Fama stat a priscis didita semper Avis.
Cum magnis Elaphis tenuisset classibus aequor
Insula utroque olim nobilis Oceano,
Dives opum, dives praeclarae gentis alumnis,
Cum regno incolumis staret Hibera domus;
Tunc qua sol oritur, quaque altis mergitur undis
Ultimo odoratae a limine Taprobanes
Ignotas usque ad nemorosae Atlantidos oras
Omnia Elaphiti sunt freta pulsa rati.
Quidquid Arabs, quidquid molles misere Sabaei,
Decolor aut Indus, Memnoniacque domus
Gemmiferi Gangis, Nilique Aegyptia tellus,
Rursus et Occiduis quidquid ab Oceani
Littoribus trans et Tartessia littora, et Afros
Summittit Liguri terra reperta viro,
Omne id Elaphis in ponto vectare carinis
Dextra dedere sui numina Mercurii.
Institor a parva Batavus statione locorum
Haud aliter toto velificare mari
Audet adhuc, opibusque novas supperaddere structis
Omnia quaesitas per freta divitias.
Fortunata Elaphis nimium, si littora nunquam
Nosset arenosis Carolus Afra vadis!

Filius aut ni animos Anglae tentasset Elisae!

Heu tibi quod potuit tunc superesse animi,
Ingenti cum bis jacuisti vulnere victa,

Elaphis, heu lecta pube minuta virum!

Et tua vesanas omnis cum gaza per undas

Disjecta infesto tabuit Oceano!

На обширность связей старыхъ Дубровничанъ намекаетъ и Ганибалъ Лучичъ въ своемъ интересномъ стихотвореніи: «Граду Дубровнику». Такъ между прочимъ онъ говоритъ:

Тога циѣь свакъ прави, а право на виру,

Да мудро борави Дубровникъ у миру.

Ньѣга ти свака варстѣ людихъ, и ка има,

И кои нима карстѣ, любви и приима.

Не само до ждрила, доклино вира рихъ

Мало мањѣ саспила наша ѣ за нашъ грихъ,

Да даљѣ јошѣ тамо, гдино се не хвали

Разми законъ само погански презали;

До тамо, гди море Александеръ насѣ,

И чудно приморе Тиро градъ и разсу,

Александеръ, ки би одѣ Сѣрбљихъ краљ, и ки

За тимъ васѣ свитѣ доби и зва се велики.

Туй кримижѣ изѣ воде вади се царљени,

Кимно се господе одиѣа царљени.

И тамо гди Нила рике зьяю уста,

Кој ишѣуѣи врѣла човика моѣѣ суста,

Гди малимѣ врѣменомѣ исти краљ сазѣда

Градъ, ки се именомѣ ѣѣговимѣ повѣда.

И тамо, гди града племенѣта дости

Само леже сада разтарканѣ кости,

Сѣ кимно се Римѣ бори одѣ свѣта о станѣ,

Тѣре га разори, и да му скопчанѣ.

Буди да заплака и онѣ тога прия

И затѣмѣ јошѣ пака касно се насмѣя.

О фамилии Охмучевичей, игравшей не неважную роль въ монархіи Испанской, имѣется на Испанскомъ и Итальянскомъ языкѣ цѣлый сборникъ, заглавіе и содержаніе котораго сообщены мнѣ А. О. Гильфердингомъ, за что приношу ему свою искреннюю благодарность.

Privilegios concedidos por los Señores Reyes, y Emperadores del Regno de Ungria, Bosna, Seruia, Croaçia, Dolmaçia y Maçedonia a los Condes pe Tvhegl de la Casa, y Linaje Ohmuchieulich Gargurich. Sobre las Donaciones de Feudos que dichos Condes poseian en Bosna y Maçedonia. Traducidos por orden del Sacro Real Consejo de Napoles de la lengua, y caracter Illyrico en que estaban escriptos, en caracter y idioma Italiano como se contienen en dicho Sacro Real Consejo de Santa Clara.

Confirmados por la Majestad Cesarea de Ferdinando Terçero Emperador de Romanos y Rey de Ungria, al Almirante Andres de Nicolao Ohmuchieulich, y à D. Pedro de Ybella Ohmuchienich Cavallero de la Ordè de Santiago, y a D. Carlos de Ybella Ohmuchieulich hijos del dicho Almirante. Declarados por Su Magestad Cesarea por deçendièntes de los dichos Condes de Tuhegl, y de Castoria.

Въ предисловіи есть упоминаніе объ Орбини.—Затѣмъ читаемъ слѣд.: «Die XIV mensis maij 1594 Neapole presentes exemplationes et traductiones, ut sequuntur, fuerunt praesentatae et exhibitae per reverendos fratrem Angelum de Trau et Patrem Don Gregorium Aquiclarinum.

Утвердительная грамота Фердинанда III относится къ 10 іюня 1650 г., а послѣдній изъ документовъ этого сборника приводится отъ 20 апр. 1653 г. изъ Неапольской Magna Curia Vicaria.

Въ сборникѣ приводятся и Сербскія жалованныя Охмучевичамъ грамоты (по всей вѣроятности фальшивыя) отъ 1268, 1349 гг. и пр.

X.

Въ доказательство, что исторія отношеній Славянъ къ Пиринейскому полуострову можетъ представить не мало занимательнаго и потому заслуживаетъ изученія, я позволю себѣ указать на нѣкоторыя данныя изъ исторіи отношеній къ Испаніи нашихъ предковъ, которые менѣе другихъ своихъ соплеменниковъ имѣли случай входить въ столкновенія съ соотечественниками Мурильо, Кальдерона, Сервантеса. Въ 1524 г. отъ великаго князя Московскаго Василія Ивановича отправлено было Русское посольство къ императору Карлу V. Порученіе это исправлено было княземъ Иваномъ Ярославскимъ Засѣкинымъ, который и былъ въ Мадридѣ. При Иванѣ Васильевичѣ IV, въ числѣ иностранныхъ торговцевъ, проживавшихъ на Руси, встрѣчаемъ и Испанца *Ивана Деваха Бѣлоборода*, который торговалъ у насъ драгоцѣнными камнями и пользовался большимъ благоволеніемъ Грознаго, къ неудовольствію Англичанъ. Испанскимъ и Нидерландскимъ купцамъ дозволено было въ то время торговать въ Судожерскомъ Устьѣ¹. Любопытно, что на Западѣ въ XVI в. подозрѣвали о какихъ-то тайныхъ политическихъ связяхъ двора Московскаго съ Испанцами противъ Турокъ. Такъ по крайности открывается изъ одного письма епископа д'Ака (d'Acqs), посланника Генриха II въ Венециі къ Лавиню (Lavigne), Французскому посланнику въ Константинополѣ. Въ 1558 г. писалъ епископъ д'Акъ между прочимъ слѣдующее: «Quant à la victoire que les Moscovites ont eue sur les Turcs, il n'y a rien de plus certain; et la devez ainsy dire et asseurer au Grand-Seigneur et son Bassa, que le roy Philippes luy a suscité cest ennemy; car je me souviens très bien que, lorsque j'étois ambassadeur en Angleterre, l'ambassadeur du roy des Moscovittes y arriva pour ouvrir et establir un commerce et trafficq de martres, cire, lings et autres marchandises entre ceulx de sa nation et les Anglois. lequel ledict roy Philippes, oultre les honneurs et riches présents qu'il eust tant de luy que de la royne sa femme, le feist, soubz couleur desdites marchandises, accommo-

1. Кар. И. Г. Р. IX, с. 469 (изд. Смирд. 1852).

der de toutes sortes d'armes offensives et deffensives, et par exprès d'artillerie dont ils estoient ignorans, et des artisans mesmes, afin d'avoir meilleur moyen de s'en prévaloir à l'endroit dudict Grand Seigneur, contre lequel il les a esmeus et suscités, dont est ensuivye la deffaicte que vous m'avez mandée. De quoy vous adviserez de faire votre proffict afin d'animer toujours davantaige S. H. à se venger du commun ennemy, qui a délibéré de vouloir passer en Espagne, estant l'armée qui se prépare en Angleterre expressément dressée pour le servir et favoriser son passage». — (Négociations du Lévant... publiées par Charrière. t. II, p. 469). — Царь Алексѣй Михайловичъ, серьезно помышлявшій о введеніи Россіи въ систему Европейскихъ державъ, въ 1667 г. отправилъ посломъ въ Испанію стольника и намѣстника Боровскаго Петра Ивановича Потемкина. Въ статейномъ спискѣ этого посольства находится и краткое описаніе Испанцевъ и ихъ земли, любопытное между прочимъ и въ томъ отношеніи, что сильно опровергаетъ столь распространенное теперь у насъ мнѣніе о томъ, что предки наши до Петра В. питали какую-то непримиримую ненависть ко всѣмъ иностранцамъ. Потемкинъ замѣчаетъ напр. въ своемъ описаніи: «Вѣра у нихъ Католицкая, и крѣпки въ вѣрѣ своей таковы, что ни которыми мѣрами не даютъ въ государствѣ своемъ инья вѣры костела или кирки или школы Жидовскія поставить въ Испанскомъ государствѣ; и если кто похочетъ въ государствѣ ихъ жить иногo государства чловѣкъ и вѣры инья, немочно тому чловѣку жить въ государствѣ Испанскомъ, если не будетъ съ ними въ Католицкой вѣрѣ и къ ихъ костелу приходить». — Указавъ на множество монастырей и костеловъ, все «великихъ и стройныхъ», и описавъ вкратцѣ нѣкоторые изъ нихъ, Потемкинъ затѣмъ говоритъ: «Въ Испанскомъ государствѣ великородные и всякихъ чиновъ люди платье носятъ черное, строеньемъ особымъ при иныхъ земляхъ. Они жъ носятъ при себѣ по двѣ шпаги: одна мѣрна добрѣ, а другая короткая, и тое шпагу короткую скрыто носятъ. *Во нравѣхъ своеобычны, высоки*¹. Большая

1. Тотъ же Потемкинъ, посѣтившій потомъ Францію, такъ замѣтилъ о Французахъ: «Во Французскомъ государствѣ вѣра католицкая, подъ паствою папы Римскаго. Люди во Французскомъ государствѣ чловѣчны и ко всякимъ наукамъ философскимъ и къ рыцарскимъ тщательны. Изъ иныхъ государствъ во Французскую землю, въ городъ Парисъ и въ иные города пріѣзжаютъ для науки фи-

часть ихъ ѣздятъ въ коретахъ. Неупьянчивы: хмѣльнаго нитья пьютъ мало и ѣдятъ по малу жь. Въ Испанской землѣ будучи посланники, и всѣ посольскіе люди, въ шесть мѣсяцевъ не видали пьяныхъ людей, чтобъ по улицамъ валялись или, идучи по улицѣ, напився пьяны, кричали. Домостройные люди, наипаче всего домашній покой любятъ», и пр. Потемкинъ и товарищи въ статейномъ спискѣ своемъ показали также, что 19 апрѣля пріѣзжали къ нимъ, посланникамъ, «Королевскаго Величества Думный Дьякъ Петръ Фернандъ дель Кампо, да съ нимъ Приставъ Францишка де Лира, и сказывали имъ между прочимъ: «А какъ великій государь Вашъ, Его царское Величество укажетъ своего государства купецкимъ людѣмъ изъ великаго Россійскаго царствія пріѣзжать на корабляхъ Испанскаго государства въ города, которые подъ державою великаго государя ихъ, Его королевскаго Величества и тѣмъ купецкимъ людѣмъ великаго Государя вашего, Его царскаго величества, во всѣхъ городѣхъ будетъ всякая повольность и свобода, какъ иныхъ государствъ торговымъ купецкимъ людѣмъ въ государствѣ ихъ бываетъ и пошлину искать съ нихъ будутъ по тому жь, какъ и иныхъ государствъ съ торговыхъ людей въ Испанскомъ государствѣ пошлину емлютъ. А которые купецкіе торговые люди великаго государя нашего, его королевскаго величества, похотятъ ѣхать въ Россійское великое государство, ко пристанищу карабельному къ Архангельскому городу со всякими товарами и имъ отъ коро-

лософской и для ученья разнаго строя королевичи и великородные и всякихъ чиновъ люди, потому что городъ Парисъ великій и многолюдный и богатый и школъ въ немъ безмѣрно много: студентовъ въ Парисѣ бываетъ тысячь по тридцати и больше» (Русск. Вивл.). Еще съ бѣльшимъ сочувствіемъ отзывался Василій Лихачевъ (1659 г.) объ Итальянцахъ. Съ восторгомъ отзывался онъ напр. о Флоренціи: «а инаго описать не умѣть, кто сего не видалъ, тому и въ умѣ не прійдетъ». Про Болонію замѣчаетъ онъ же: «городъ великъ, красенъ и многолюденъ, и людей торговыхъ и мастеровыхъ много: больше и красѣе Флоренска». Въ Амстердамѣ поразило его не одно многолюдство: «а къ нищимъ и безотечнымъ и ко всякимъ педужнымъ попеченія и строю ни въ которыхъ градѣхъ такого нѣтъ: дворъ каменный, а въ немъ полаты, а въ нихъ во училищѣ челоуѣкъ съ 400; полата, дѣвицъ съ 300; три полаты съ женщинами, а всѣмъ пища и одежда и мѣста отъ бурмистровъ и отъ торговыхъ людей, да и рукодѣліе всѣмъ указано, кто что умѣетъ, а дѣлаютъ на бурмистровъ. Богдѣльня великая каменная, полата красная». Во всѣхъ этихъ отзывахъ нѣтъ и слѣда какой либо ненависти и петершиности къ чужеземцамъ; однако ни Лихачева, ни Потемкина нельзя никоимъ образомъ причислять къ людямъ необыкновеннымъ, стоявшимъ выше своего общества.

левскаго величества о томъ позволено будетъ со всякою свободою, какъ и въ инныя государства для купечества на корабляхъ ходять»¹.

Едва прошло шестьдесятъ лѣтъ послѣ того, какъ Испанскіе министры разсуждали такимъ образомъ въ Мадридѣ съ посланниками царя Московскаго, — и вотъ уже его сынъ, геніальный побѣдитель Полтавскій, такъ пишетъ изъ новостроеннаго Петербурга посланнику своему въ Гагъ, подполковнику Преображенскому князю Куракину, отъ 20 сентября 1719 г. — *«понеже ныне Англичаня въ союзъ со Шведами вступили, того ради надлежитъ вамъ всемирно Гишпанской стороны искать и что мы противъ ихъ съ ними вступить готовы и нарочитую персону къ нимъ послать на резиденцію, такъ же желаемъ и отъ нихъ здѣсь имѣть, дабы удобнѣе корреспонденція была, только требуемъ обнадеживанія перво, подлинноль они войну стануть продолжать до возраста короля Французскаго, буде не могутъ со всѣми, то хотя съ Англичаны не помирятся ль до тѣхъ мѣсть. Нынѣ на Аландъ прислали къ нашимъ министрамъ Англичаня посоль, которой въ Швеціи, Иворрисъ ко мнѣ письма, по обычаю ихъ варварской гордости съ угрозами, съ которыхъ наши министры просили копія и когда получили и видя такую мерзость не приняли. Того ради накрѣпко можешь обнадежить, что мы ни на какія ихъ угрозы не посмотримъ и не полезнаго миру не учинимъ, но чтобъ ни было, будемъ продолжать войну, возлагая надежду на правосудца Бога, противъ такихъ проклятыхъ обманщиковъ. Къ тому сей способъ предложи, что Англичаня нынѣ съ нами почитай войну начали и для того всегда не могутъ меньше дватцети, а чаю и болѣе воинскихъ караблей дер-*

1. Что въ до-Петровской Руси понимали важность непосредственныхъ торговыхъ сношеній съ Испанією, видно изъ объясненія, поданнаго въ 1673 г. въ отвѣтной палатѣ боярамъ отъ Русскихъ гостей по вопросу о торговлѣ шелкомъ сырцомъ. Они замѣчали: «въ прошлыхъ годѣхъ, по указу блаж. пам. В. Г., посыланъ во Французскую и въ Гишпанскую земли посломъ стольникъ Петръ Потемкинъ и съ нимъ Петромъ во Французской и въ Гишпанской землѣхъ въ отвѣтѣхъ многіе были разговоры, чтобъ В. Г. кораблямъ ихъ съ золотомъ и съ ефимками и съ товары поволимъ прїѣзжать къ Архангельскому городу для торговыхъ промысловъ, и къ Ц. В. въ любительныхъ грамотахъ о томъ писали съ прошеніемъ и потому знатно, что во Франц. и въ Гипп. земляхъ немалое желаніе подданныхъ своихъ о торгѣ у Архангельскаго города имѣютъ, а наипаче нынѣ имѣти будутъ, какъ увѣдаютъ привозъ шелку сырцу къ городу Архангельскому, потому что тотъ товаръ имъ паче всѣхъ товаровъ надобенъ». (См. Полн. Собр. Зак. I, № 539, стр. 923).

жать въ Остѣзее, да съ адмираломъ Бинекомъ въ Медитерранскомъ морѣ чаю еще болѣе, и такъ чаю на весну удобно будетъ на Англію намѣренную экспедицію имъ исправить во время сего раздѣленія ихъ флота»¹. Тѣмъ высшимъ безсознательнымъ чутьемъ, которымъ одарены бывають геніяльные люди, Петръ удивительно ясно понималъ, что Россія, входя въ систему Европейскихъ державъ, выступаетъ съ особымъ характеромъ, съ своимъ призваніемъ, какъ представительница Славянскихъ интересовъ, на охрану и защиту которыхъ въ то время все болѣе оказывались несостоятельными другіе народы Славянскіе, изъ которыхъ одни давно уже томились въ неволѣ Турецкой, подпавши ей почти одновременно съ Куликовскою битвою, а другіе, Чехи, Поляки и Дубровничане, все болѣе и болѣе подчинялись тяжелому игу Римско-Нѣмецкихъ порядковъ. Въ теченіи всей исторіи своей поставленный между двухъ опасныхъ и сильныхъ противниковъ и соперниковъ, Азіатовъ и Нѣмцевъ, Греко-Славянской міръ не могъ, подобно западнымъ своимъ братьямъ, вполне посвятить всей своей дѣятельности на созданіе своей собственной образованности. Всякой правдивый, безпристрастный наблюдатель даже изъ враждебнаго стана никогда не позволитъ себѣ легко, безъ чувства глубокой благодарности, упоминать о прожитыхъ годахъ Греко-Славянскаго челоѣчества. При всѣхъ своихъ, часто невыносимо-тяжелыхъ обстоятельствахъ, Славяне (не упоминая уже о Грекахъ) не мало потрудились для Европейскаго просвѣщенія, то кидая новыя смѣлыя идеи (Гусъ, Иеронимъ, Хельчицкій, Коперникъ), которыми воспользовались другіе, болѣе ихъ счастливые народы, то своею грудью отстаивая Западъ отъ дикихъ полчищъ Азіатовъ, мечтавшихъ объ однихъ грабежахъ и насиліяхъ. Для сохраненія своей самостоятельности, погибавшей отъ внутреннихъ усобицъ и раздоровъ, этихъ незаконныхъ дѣтей свободы, въ лучшія свои эпохи и въ лицѣ лучшихъ своихъ представителей, Славяне стремились, какъ и предписывала имъ разумная, самую исторією указанная, политика, съ одной стороны къ взаимнымъ союзамъ, а съ другой къ сближенію съ племенами Романскими, и особенно съ низшими, простонародными ихъ классами, задавленными Нѣмецкими насельниками-завоевателя-

1. Изъ Государственнаго Архива.

ми и ихъ потомками феодальными владѣтелями. По той роковой непослѣдовательности, отъ которой рѣдко кажется бываютъ свободны самыя величайшіе историческіе дѣятели, Петръ В., подкѣсивши внутри государства много Славянскихъ обычаевъ, во вѣщней политикѣ является прямымъ оберегателемъ интересовъ Славянскаго міра. И въ этомъ отношеніи онъ былъ продолжателемъ трудовъ не только царей Московскихъ, но и Чешскихъ Гуситовъ и государственныхъ людей Польши, какъ напр. незабвеннаго Яна Замойскаго. Въ подтвержденіе этой мысли, ограничиваюсь въ настоящемъ случаѣ приведеніемъ нѣсколькихъ примѣровъ только относительно сближенія Славянъ съ народами Романскими. Въ XV в. Гуситы Чешскіе посылаютъ свои манифесты и циркуляры Итальянцамъ въ Венецію, — въ Испанію, во Францію, — по крайности, въ ней, слѣдуя ихъ примѣру, добрый Яковъ начиналъ подыматься противъ феодаловъ и даже, какъ напр. въ Дофине, посылалъ тайно денежныя пособія Чехамъ, къ великому неудовольствію высшаго духовенства Французскаго. Въ XVI в. Дубровничане и др. Славяне Адриатическіе обладали богатою литературою, развившеюся не безъ сильнаго вліянія Итальянской, впрочемъ не вовсе подражательною, такъ какъ сами Итальянцы находили удовольствіе читать въ подлинникахъ нѣкоторыхъ поэтовъ Дубровницкихъ: напр. извѣстно, что Герцогъ Тосканскій Фердинандъ III читалъ Гундулича по Славянски. Одинъ изъ писателей Дубровницкихъ оставилъ намъ свое стихотвореніе: *Италіи*, ясно свидѣтельствующее о томъ сочувствіи, которое питали къ ея судьбѣ Славяне Адриатическіе, вообще не мало потрудившіеся для образованности Итальянской. Авторъ этого въ высшей степени замѣчательнаго произведенія Мавро Ветраничъ, по прозванію Чавчичъ, родился въ Дубровникѣ въ 1482 г. и умеръ въ глубокой старости въ 1576 г. Изъ его прекрасныхъ, и по формѣ художественныхъ, стиховъ приведемъ только нѣсколько. Вспомнивъ ея прежнее величіе и славу, онъ обращается къ современному положенію, ко времени Итальянскихъ войнъ Франциска I и Карла V, тогдашней борьбы Франціи и Германіи за владычество на Аппенинскомъ полуостровѣ. Обращаясь къ Италіи (Латинко госпоже), поэтъ восклицаетъ:

За что си твою влас (ть) туфиномъ подала,
 Тер зовешь туфине и люде незнане,
 Да робе и пливне Латинске теј стране.

Указавъ ей на причину ея несчастій — внутренніе раздоры и несогласіе и пропустивъ папизмъ, такъ какъ былъ католикъ, Ветраничъ взываетъ въ заключеніе къ Италиі, совѣтуетъ ей стать собою (*Italia fara da se*), изгнать чужеземцевъ и не позволять болѣе клеветать себя ни орлу — Германіи, ни пѣтуху — Франціи.

Госпоје одъ госпој, затој се спомени,
 Сама се посвои, а туѣ одждени;
 Оружни тай звокотъ нека се не чуѣ
 И орао и кокотъ нека те не клук¹.

Въ к. XVI и нач. XVII в. Польша, находясь въ явной враждѣ со Швеціею и въ непріязненныхъ столкновеніяхъ съ Англіею, встрѣчала союзника въ Испаніи, которая должна была желать, чтобы у Поляковъ въ Балтійскомъ морѣ былъ сильный флотъ. Посланникъ ея въ Польшѣ, Мендоза, въ 1598 г., представлялъ сейму тѣ убытки, которые терпитъ Польская торговля съ Испаніею отъ Англичанъ. По требованію сейма отправленъ былъ въ Англію Поморскій воевода Павель Дзялынскій для переговоровъ о свободномъ плаваніи Поляковъ въ Балтійскомъ морѣ и Атлантическомъ океанѣ. Когда же, при Петрѣ, у Россіи завязалась борьба со Швеціею за обладаніе Балтійскихъ провинцій, то естественнымъ союзникомъ Швеціи являлась Англія, а Россіи Испанія — по давнишнему своему соперничеству съ Ан-

1. Въ наше время благородный патриотъ и даровитый писатель южно-Славянскій Томашичъ (авторъ превосходной популярной книги *Iskrice*, родъ сборника гражданскихъ поученій, запрещеннаго въ Австріи) есть вмѣстѣ съ тѣмъ и прекрасный писатель Итальянскій — Tomaseo. Напомнимъ также, что Торквато-Тассо, чудно воспѣтый нашимъ Батюшковымъ, былъ соединенъ тѣсною дружбою съ Станиславомъ Решкою, Польскимъ посланникомъ въ Италиі. Указавъ на мѣста изъ его стихотвореній къ Решкѣ, изъ которыхъ видно желаніе злополучнаго поэта искать себѣ убѣжища въ Польшѣ, почтенный Чампи нашелъ нужнымъ замѣтить слѣдующее: «*Quale meraviglia dunque che in tale deplorabile stato venisse in mente all'infelicitissimo Torquato di rifuggirsi all'ombra della Polacca ospitalità, dove da tempo remoto trovarono pace e fortuna tanti non meno illustri, che infelici Italiani, alcuni de' quali anche perseguitati da Triagegni e Corone? uno tra gli altri fu il noto celebre litterato Filippo Bonaccorsi.... Nel secolo decorso varii artisti e letterati Italiani, alcuni andativi per propria volontà, altri vi andarono chiamati dal reale ministerio della pubblica istruzione di quello Regno*» (Bibl. crit. III, 19). Въ то время, какъ Тассо томился въ темницѣ въ Феррарѣ, Петръ Кохановскій въ своихъ стихахъ знакомилъ Поляковъ съ его произведеніями.

глією. Выше мы привели письмо Петра В. отъ 1719 г., — вотъ что писалъ онъ тому же князю Куракину въ 1718 г. (27 сент.):

Господинъ подполковникъ.

Письмо твое о баталіи морской при Сициліи купно и съ приложенною росписью, сколько Гишпанцы потеряли изъ флота и сколько спаслось, я получилъ. Предъ симъ писалъ ты, что посолъ Гишпанской вамъ говорилъ, чтобъ ближе намъ всего принцыпаломъ въ дружбу и союзъ вступить и что они желаютъ скорого мира между нами и Шведами и что обѣщали Шведамъ нѣкоторую сумму великую, ежели вступятъ въ Германію, на то все къ тебѣ отвѣтствовано, какъ поступать, но все сіе до сего упадку было, того для нынѣ надобно ближе къ онымъ являтца и утверждать, дабы не помирились, обнадеживая съ своей стороны гораздо секретно. Нынѣ предъ нѣсколькими днями писалъ Сава Рагузинской, что говорилъ ему въ Вѣнѣ посолъ Гишпанской, будто король ихъ намѣренъ свататца дочь мою за своего сына, а вмѣсто приданого желаетъ шести кораблей, а за то обѣщаетъ сумму по два милліона на годъ, съ кѣмъ война будетъ. Противъ чего писалъ я къ нему, чтобъ онъ въ то не вступалъ, но ежели и имъ то надобно, чтобъ говорили тебѣ о томъ; правда ли то или нѣтъ, Богъ вѣдаетъ. Толко тому вѣрить мочно, что имъ въ нынѣшнее время союзники и корабли надобны, что обое отъ нашей стороны получить могутъ: войска, гдѣ удобно будетъ также и съ корабли, а именно одинъ сорока четырехъ, четыре по пятидесять по четыре, одинъ пятьдесятъ восемь пушечныхъ, но перво надлежитъ окончить со Шведами, которое дѣло уже къ заключенію было пришло, но Миллеръ, министръ Швецкой, будучи перекупленъ отъ Ганверцевъ, въ томъ нѣкоторую препону учинилъ, чего для Герца накі съ конгреса принужденъ былъ ѣхать къ королю для поправленія сего дѣла и понеже мы денегъ не имѣемъ (какъ самъ знаешь), того ради надлежитъ Испанцамъ сіе дѣло въ Швеціи при дворѣ дѣлать и большимъ числомъ перекупить противъ Ганвера, а именно тогожь Миллера и его племянника фонъ-Коха, который у короля секретаремъ, также и Герца, хотя оный и склоненъ, но подмазать лутче, также Рейншилда, который въ сихъ дняхъ размѣнитца. Сей по-

слѣдній, сколько можно къ сему видѣть, зѣло склонно къ сему дѣлу себя показалъ и согласно съ Герцогъ, однакожь внутреннее Богъ вѣсть, того ради и его имъ удовольствоваться надобно, ибо Герцъ въ сей разъ меня такъ просилъ, дабы Рейншилда для того размѣнить, чтобъ онъ будучи безъ него, у короля дѣла его поправлявалъ. О семъ о всемъ вышеписанномъ прошу трудъ свой приложить и въ вышнемъ секретѣ содержать».

Мысль о сближеніи съ Испанією, о скрѣпленіи съ нею связей не покидала кажется Петра В. Онъ посылалъ Русскихъ гардемаринъ во флотъ Испанскій, хлопоталъ о заведеніи компаніи для торгу съ Испанією. Нижеслѣдующіе документы ясно свидѣтельствуютъ о томъ значеніи, какое придавалъ онъ тѣснымъ связямъ Россіи съ Испанією.

27 ноября 1718 г. писалъ онъ князю Куракину:

Господинъ подполковникъ.

«Писалъ ты, что посоль Гишпанской гардемаринъ нашихъ принять въ галерную службу обѣщалъ, что зѣло изрядно и для того старайся и о другихъ гардемаринахъ нашихъ, кои во Франціи, дабы и тѣхъ приняли въ карабельную службу и ежели онъ посоль склоненъ будетъ ихъ принять, то и не отписався къ намъ, пиши во Францію къ министру нашему Шлейнцу, дабы онъ тѣхъ нашихъ гардемаринъ изъ Брести и изъ Тулона отправилъ въ Гишпанію».

О томъ же писалъ Петръ и въ письмѣ своемъ къ Куракину отъ 11 декабря того же года.

ИНСТРУКЦІЯ ЯКОВУ ЕВРЕЙНОВУ.

Понеже всѣхъ Европейскихъ націй въ Гишпаніи въ городѣ Кадиксѣ обрѣтаются консулы и купцы торгуютъ товарами сѣверныхъ странъ и чрезъ такое многое купечество великія суммы золота и серебра изъ того города вывозятъ и тѣмъ себя обогащаютъ, а торгъ ихъ больше состоитъ мантми, досками и иными лѣсными товарами, которые употребляютъ къ строенію домовъ и кораблей, также канатовъ въ смолѣ, рыбномъ жирѣ, салѣ, воскѣ, мѣди, желѣзѣ, стали, холстахъ и въ иныхъ многихъ товарѣхъ, когорые за помощію Божією въ Россіи давно обрѣтаются, такожде и флотъ, который изъ Гишпаніи въ

Америку ходить, состоитъ въ 20 и въ 30 корабляхъ, между которыми всякой отъ 40 до 50 пушекъ, а тѣ корабли продаютъ имъ Англичана и Голанцы, отчего не малый себѣ авантажъ имѣютъ, понеже оныя употребляютъ прежде у себя лѣтъ 10 или 12, потомъ проводятъ въ Гишпанію и продаютъ на счетъ королевской и партикулярной, за что получаютъ не малое число денегъ и почитая мало не весь оный флотъ состоитъ изъ такихъ купленныхъ кораблей, а не нарочно дѣланныхъ. Того ради ѣхать тебѣ изъ Голландіи въ Гишпанію съ княземъ Иваномъ Щербатовымъ, обѣимъ подъ именемъ валентировъ, какъ и прежде многіе Россійскіе люди ѣздили въ Мандритъ къ обрѣтающемуся тамо министру князю Голицыну, которому велѣно тебѣ при тамошнемъ дворѣ объявить и о житиѣ твоемъ въ Кадиксѣ и и торговлѣ Россійскому народу исходатайствовать указъ, а Щербатову велѣно ѣхать прямо въ Кадиксѣ и тамо съ купцами тамошней націи, а не съ другими, получить знакомство и тайнымъ образомъ развѣдывать о той комерціи и разговаривать съ купцами и дожидаясь тебя съ указами, дабы они тебѣ и себѣ основать могли знакомство, а какъ ты въ Кадиксѣ приѣдешь и указъ о себѣ объявишь и консуломъ принять будешь, тогда ему Щербатову знакомцевъ своихъ велѣно тебѣ объявить, а тебѣ будучи въ Кадиксѣ въ комерціи поступать слѣдующимъ образомъ.

1.

Будучи тебѣ въ Гишпаніи всѣ оной честь, привилегіи и прерогатива имѣть, которые другихъ коронованныхъ главъ иностранныхъ такогоче характера консули употребляютъ и долженъ ты всѣхъ нашихъ подданныхъ торговыхъ людей, которые тамъ будутъ, во всякихъ случаяхъ охранять — всякіе споры судить между ими, кромѣ криминальныхъ дѣлъ.

2.

А когда знакомство получишь, тогда спрашивать, какихъ товаровъ, сколько имъ надобно и о томъ писать во время, а именно, дабы тѣ твои письма доходили сюда о товарахъ въ маѣ и въ сентябрѣ, дабы по первымъ готовые, которые и здѣсь находятся, моремъ отправлять, а по другимъ зимою справляться время было и писать подлинную цѣну товаромъ.

3.

Товары, которые будутъ по вашимъ вѣдомостямъ присылаться, надлежитъ ихъ продавать на тамошнія деньги и слитки серебряные и золотые, а чего не можно, то мѣнять на товары, а именно на шерсть конценель, сандалъ, масло деревянное, суда и соль для баласта. Но чтобъ немного оныхъ было, но сколько возможно больше на деньги продавать, усматривая, чтобъ Россійскимъ товаромъ цѣны не понизить, а притомъ какъ возможно тебѣ усматривать, чтобъ при продажѣ Россійскихъ товаровъ другихъ наций купцы, на примѣръ Французы, Голанцы, Италіанцы и всѣ, которые имѣютъ торгъ съ Гишпанією, какова помѣшательства въ начинаніи той новой комерціи не учинили.

4.

А понеже оныя прочихъ наций купцы имѣютъ тамо въ Гишпаніи издавна свое купечество и безсумнѣнно отъ нихъ въ начинаемой сей съ Россією комерцією помѣшательство чиниться будетъ. А ежели они для того свои товары таковогожъ качества, каковы Россійскіе товары, продавать стануть, не смотря на свои убытки какою цѣною, того ради внушать тебѣ Гишпанцамъ, что оныя то чинятъ только для того, чтобъ помѣшать начинаемую Россійскую комерцію. А потомъ паки на товары свои цѣны возвысить, однакожъ въ такомъ случаѣ для новаго торгу продавать тебѣ товары и по той цѣнѣ, по которой они продавать свои стануть или хотя малымъ, чѣмъ передъ оными въ цѣнѣ и съ уступкою, *чтобъ Гишпанской народъ съ Россійскимъ обязать купечествомъ*, а ежели усмотришь, что Гишпанцы желательно стануть требовать довольнаго числа Россійскихъ товаровъ, тогда съ ними письменно обязаться въ поставкѣ такихъ товаровъ и числа онымъ, токмо въ тѣхъ обязательныхъ письмахъ всемѣрно себя хранить, чтобъ все именно, какъ кондидіи, такъ и качество товаровъ постановлено было, дабы вѣрная имъ была противъ договорнаго письма чинена товаромъ поставка. И сверхъ того всемѣрно себя въ записяхъ остерегать надлежитъ, чтобъ себя въ тѣхъ записяхъ не отяготить, на примѣръ, чтобъ въ записяхъ никакого товару за самое лучшее обѣщать, но просто писать о товарѣхъ добрыхъ, о числѣ мѣры и

вѣсу и какъ возможно обязывать ихъ въ томъ, чтобъ безъ всякой отговорки тѣ товары принимаемы отъ нихъ были, а чтобъ сначала сей новой комерціи привозомъ великаго числа товаровъ не повредить цѣны и расходу, того ради надлежитъ прежде подлинно освѣдомиться, колікое число тѣхъ Россійскихъ товаровъ можетъ розойтись, для того во обязательныхъ письмахъ зъ первую поставку не лишнее число обѣщать, чтобъ товары вдѣшніе всегда въ чести содержаны были; также развѣдавъ подлинно о ихъ флотѣ, который въ Америку ходитъ, какое число и какіе товары Россійскіе туда отпущаются и въ которое время, также и корабли какимъ образомъ отъ другихъ націй они покупаютъ и какое на нихъ употребляется довольство такелажу и о томъ о всемъ писать съ подлиннымъ обстоятельствомъ, не упуская времени.

5.

Тебѣ жъ конечно смотрѣть и предостерегать того, чтобъ наши приходящіе корабли безъ изъятія всѣ права и привилегіи противъ прочихъ націй имѣли особливо въ томъ, что въ осмотрахъ наши корабли ничѣмъ противъ другихъ націй отягчены не были.

6.

Съ тобою жъ въ Мадритѣ велѣно быть для усмотрѣнія тамошнихъ торговыхъ поступковъ Алексѣю Вишнякову, съ которымъ во всѣхъ тамошнихъ тебѣ поступать и о чемъ надлежитъ сюда писать и вѣдомости присылать съ общаго согласія, а одному безъ другаго отнюдь ничего не чинить.

Такая инструкція дана и Вишнякову.

7 ноября 1723 г.

Въ поданныхъ пунктахъ Его Импер. Велич. отъ совѣтника князя Ивана Щербатова написано :

3.

Ежели на кредитъ будутъ товаровъ требовать, отдавать ли на такой

Противъ сихъ пунктовъ подписана Его Имп. Вел. собственною рукою будучи въ Зимнемъ домѣ ноября 8 дня 1723 слѣдующая резолюція :¹

Дѣлать наилучшимъ образомъ, какъ дѣлаютъ другія націи.

1. См. Полн. Собр. Зак. Т. VII. Ст. 4355.

срокъ, какъ потребуютъ купцы, а во многихъ земляхъ на кредитъ дается безъ порукъ.

4.

При отпускѣ кораблей изъ Кадикса, ежели товары будутъ не проданы и другихъ къ отпуску не приготовлено, порожіе корабли отпускатъ ли или опредѣлены будутъ деньги на покупку товаровъ и тѣ товары и корабль отдавать ли на страхъ и во сколькихъ деньгахъ.

Когда простой кораблямъ будетъ, тогда искать случая, чтобъ имъ начинаться для отвозу во ближнія мѣста, дабы могли поворачиваться къ тому времени, когда у васъ къ нагрузкѣ товары будутъ готовы и о прочемъ по вашимъ письмамъ при отпускѣ кораблей писано съ кораблями, что потребно будетъ прислано, а когда во время простою на корабли отданы будутъ, то стараться, дабы корабли на страхъ отданы были.

УКАЗЪ КОМЕРЦЪ КОЛЛЕГІИ.¹

1.

Гшциться во всякой возможности, дабы болѣе наши товары на денги продаваны были, нежели на товары мѣнены.

2.

Надлежитъ умножать свои коммерціи, а имянно: во Францію для винъ, ибо отъ инуды вывозятъ мѣшанья и плохія, а берутъ цѣну великую, и чтобъ возить на своихъ корабляхъ, таже въ Гішпанію и Португлаю, которая коммерція великую прибыль принести можетъ.

3.

Въ нынѣшнія установленныя намъ отъ Персіи мѣста, гдѣ кромѣ шелку многія изрядныя вещи обрѣтаются, яко нефть, шафранъ, сухіе и соленые фрукты, орѣховыя, кипарисныя и пальмовыя деревья и прочее.

4.

Таже отъ города Архангельскаго китовый промыселъ для сихъ вышесказанныхъ надлежитъ строить компаніи, а нап-

1. См. Полн. Собр. Зак. Т. VII, Ст. 4348.

сильнѣйшую въ Гишпанію, въ которую и должность учинить пѣ-
 которымъ чиномъ сверхъ охотниковъ, какъ то чинится въ
 Голандіи въ Остъ-Индійской компаніи, что чина не дадутъ,
 пока пай свой во оную не положить и когда въ томъ старомъ
 и заобыкломъ государствѣ принужденіе чинится, которое и
 безъ того, какъ обычаемъ долгимъ въ коммерціи цвѣтетъ,
 такъ и едино сіе пропитаніе имѣетъ, то колми паче у насъ на-
 добно принужденіе въ томъ, яко у новыхъ людей во всемъ та-
 кожъ надлежитъ партикулярные торги заводить въ Остзеѣ, на-
 примѣръ, въ Польшу Персидскіе товары, кушаки и проч., а изъ
 новыхъ провизей сухіе фрукты, шафранъ и проч., чему тамъ
 зѣло великой расходъ, ибо Поляки безъ того и ѣсть не варятъ,
 такожь въ иныя мѣста вино хлѣбное, деревянная посуда, соле-
 ная въ укусѣ рыба и прочее. Такожь и индѣ умножать торги,
 гдѣ потребно будетъ компаніями и партикулярно всѣ компаніи
 въ чужія мѣста, а особливо въ Гишпанію и Португалію, сколь-
 ко возможно, неголосно дѣлать, дабы лишнимъ эхомъ вреда
 вмѣсто пользы не было; такожь посылать въ чужіе края тор-
 говыхъ людей дѣтей, чтобъ никогда меньше пятнадцати чело-
 вѣкъ въ чужихъ краяхъ не было, и когда которые обучатся,
 брать назадъ, а на ихъ мѣстахъ новыхъ, а обученымъ велѣтъ
 здѣсь обучать (понеже всѣхъ посылать не возможно) чего ради
 брать изо всѣхъ знатныхъ городовъ, дабы вездѣ сіе ввелось, а
 въ Ригу и въ Ревель человекъ двадцать и раздать капитали-
 стамъ указомъ по конторамъ сіе обое число изъ посадскихъ, къ
 томужь коллегіи трудъ имѣтъ обучать коммерціи опредѣлен-
 ныхъ изъ дворянскихъ дѣтей.

5.

Ежели въ коллегіи трудами ихъ сыскано будетъ той при-
 были и безъ тягости народа, то третья или четвертая доля имъ
 дана будетъ во вся годы тѣмъ, кои сыщутъ.

Еже въ семъ указѣ что и не написано, а къ пользѣ коммер-
 ции сышется дѣлать и все къ пользѣ и ревностно чинить, какъ
 добрымъ и вѣрнымъ людямъ надлежитъ, а ежели слабо будете
 поступать, то жестоко наказаны будете.

Ноября 8 д. 1723 г.

О Гишпанскомъ торгу учинить слѣдующее:

1. Собрать компанію изъ торговыхъ людей, которые бѣ оное управляли какъ здѣсь въ приготовленіи товаровъ для посылки туда, такъ и тамъ для приему товаровъ и отправленія сюда, такожъ и для кореспонденціи съ тамошними купцами; но понеже всѣмъ извѣстно, что наши люди ни во что сами не пойдутъ, ежели не приневолены будутъ, того ради комерцъ коллегія для сей новости дирекцію надъ симъ и управленіе должна имѣть, какъ мать надъ дитятемъ во всемъ, пока въ совершенство притить.

2. Сія компанія собою сперва не можетъ дѣла своего исправлять для скудости денегъ, того ради вспоможена имѣеть быть, а именно кораблями и матрозами отъ адмиралтейства, денгами частью изъ казны.

3. Еще для сильнѣйшаго вспоможенія и содержанія сей компаніи надлежитъ, до котораго класса сверху опредѣлить, дабы каждый въ оной пай свой имѣлъ положа болшее и меньшее, которое послѣднее повиненъ давать; сіе учинить съ примѣру Остѣндской компаніи.

Въ Сенатѣ въ 4 день. Марта 1724 года.

1724 года сентября 18 дня по присланному изъ Правительствующаго Сената авг. въ 10 тогожь 1724 г. указу въ комерцъ коллегіи опредѣлено въ Правительствующій Сенатъ подать доношеніе въ которомъ объявить первое. Голландской Остѣндской компаніи акціи или партіи состоятъ въ дву тысячномъ вопче тридцати трехъ партій и всякая партія состоитъ въ трехъ тысячахъ гулденахъ или въ тысячѣ двухъ стахъ ефимковъ и того учинить капиталъ шесть миліоновъ четыре сорокъ тысячъ двѣсти гулденовъ, изъ котораго оная компанія всякое распространеніе чинила и до нынѣ чинитъ взирая на прибыли и изъ тѣхъ прибылей на всякой годъ интересномъ раздѣлы чинитъ, смотря по продажѣ и по прибылямъ, временемъ болшее и меньшее, а нынѣ оная компанія превзошла до семи капиталовъ и состоитъ въ сорокъ миліонахъ и болѣе и имѣеть оная компанія великое содержаніе какъ въ гарнизонахъ, такъ и опредѣлен-

нымъ директорамъ и ихъ подчиненнымъ, какъ въ Голандіи, такъ и въ Батавіи, Остѣндскимъ мѣстамъ и прочимъ служителямъ такъ же на строеніе кораблей и съ такелажамъ и на тѣхъ корабляхъ капиталамъ и всѣмъ людямъ провіантъ и жалованье. Второе, но понеже не безъ сомнѣнія есть, что нѣкоторые иностранные народы, а особливо Голандцы, Англичане и Гамбургцы будутъ стараться, чтобъ намѣренную компанію какъ возможно повреждать и препятствовать ей: того ради надлежитъ попеченіе имѣть, чтобъ оную не малымъ капиталомъ снабдить и привилегією распространить. Третье сей компаніи надлежитъ ходить и торговать ко всѣмъ морскимъ портамъ, рейдамъ, островамъ, городамъ, мѣстамъ, которые во владѣніи государствъ Французскаго, Гишпанскаго, Португальскаго и къ тѣмъ мѣстамъ, которыя подъ сими же помянутыми владѣніи въ Гевроніи обрѣтаются, также и къ островамъ Канаріи и Мадерику и во всѣ оныя мѣста, которыя обыкновенно подъ именемъ Атланда заключаются, также во всю Италію изъ одного до другаго изъ вышепомянутыхъ мѣстъ. Четвертое на содержаніе той компаніи надлежитъ капиталъ сложить напримѣръ въ трехъ стахъ тысячахъ рубляхъ, который раздѣленъ быть имѣетъ въ тысячу акцій, а всякая акція по триста рублевъ. Пятое—а по силѣ онаго Его Императорскаго Величества указу надлежитъ быть сей капиталъ на четыре части, а именно первая часть Его Императорскому Величеству, вторая на классы, третья на купечество, четвертая вольныхъ всякихъ людей, а по скольку на которую часть и почему котораго класса оное предается въ волю Правительствующаго Сената. Шестое на основаніе той компаніи для перваго случая надлежитъ корабли и такелажъ, людей и провіантъ и прочее, что потребно къ той навигаціи дать на нѣсколько лѣтъ или вовсе изъ адмиралтейства. Седьмое для приданія оной компаніи въ томъ торгу охоты надлежитъ увольненіе имѣть въ пошлинахъ, какъ отпускныхъ, такъ и прибавныхъ, кромѣ тѣхъ товаровъ, которые въ Россіи на фабрикахъ дѣлаются, а въ другихъ мелочныхъ сборахъ и огневыхъ деньгахъ на нѣсколько лѣтъ. А когда усмотрѣно будетъ, что оная основана и прибыли имѣть будетъ, тогда по прошествіи указныхъ лѣтъ надлежитъ положить третнюю пошлину, но особли-

вому указу, при тарифѣ Россійскихъ купцовъ, плавающихъ на своихъ корабляхъ. Осьмое—вельми нужно компаніи директоровъ и бухгалтеровъ выписывать изъ Галацдіи и изъ другихъ народовъ, искусныхъ и притомъ въ правленіи бывалыхъ. Девятое—когда сія компанія сочинена будетъ, тогда усмотря комерць коллегія къ той компаніи о надлежащихъ привилегіяхъ дирекціи и къ той, что потребно быть можетъ, о томъ доносить будетъ впродъ. Десятое—и хотя на основаніе сей компаніи капиталъ полагается и триста тысячъ рублей, однакоже не безъ опасенія въ томъ, что ежели возымѣютъ иностранные народы въ произведеніи сей комерціи зависть, которую и всегда имѣютъ, а въ повышеніи сей компаніи еще наибольше безъ сумнѣнія имѣтъ будутъ и чтобъ отъ того не могло учиниться какого препятствія въ теченіи Россійскихъ товаровъ и вывозъ бы оныхъ отъ ихъ иностранныхъ купцовъ интригъ не могъ остановиться, ибо оныя сильныя компаніи, въ которыхъ содержатся, тому для лучшаго разсмотрѣнія при томъ доношеніи сообщить въ Правительствующій Сенатъ экстрактъ.

Смерть Петра В. надолго остановила для Россіи приведеніе въ исполненіе многихъ великихъ политическихъ предпріятій. Съ того времени политика наша стала все болѣе вмѣшиваться въ дѣла средней Европы, приимать участіе въ интересахъ Германскихъ, что не совсѣмъ соотвѣтствовало видамъ геніальнаго Славянина Русскаго, который не за долго передъ смертию своею помышлялъ о союзѣ съ Франціею, естественною и давнишнею соперницею Священной Римской Имперіи, сильно въ то время, и не безъосновательно, побаивавшейся Россіи¹; такъ писалъ онъ кн. Куракину 16 янв. 1724 г.: «Писмо ваше генваря отъ 1 чи-

1. По прибытіи въ Вѣну царевича Алексѣя Петровича, бѣжавшаго отъ отца, былъ собранъ Тайный Совѣтъ, который явно выразилъ свои справедливыя опасенія за цѣлость Австріи въ случаѣ, если бы Петръ В. объявилъ ей войну, такъ какъ — замѣчали въ Совѣтѣ — въ Чехіи господствовало сильное народное волненіе. См. Устрялова И. П. В. т. VI. О состояніи Чехіи въ к. XVII и въ нач. XVIII в. можно судить по превосходному памфлету Бальбина. Объ отношеніяхъ Русскихъ къ Чехамъ при Петрѣ и вообще объ ясномъ его пониманіи Славянскаго призванія Россіи въ Европейской политикѣ я говорю подробно въ особомъ сочиненіи: «Объ отношеніяхъ Русскаго народа къ его соплеменникамъ».

сла до насъ дошло, въ которомъ пишешь о двухъ дѣлахъ, первое, что дукъ де Бурбонъ сватается на нашей дочери, другое, что король не хочетъ жениться на Гишпанской, того ради злыло бѣ мы желали, чтобъ сей женихъ намъ зятемъ былъ, въ чемъ гораздо прошу всѣ возможные способы къ тому употребить и твой трудъ по крайней возможности, а съ первымъ можешь на отписку взять или иной полагательный способъ употребить ласковымъ образомъ.

Мысль о сближеніи съ Испанією, о торговыхъ связяхъ съ нею, впервые послѣ Петра В. появляется уже во второй половинѣ 18 стол. Именно въ 1763 г. 23 сент. Русскіе купцы Иванъ Володимеровъ, Ларіонъ Лугининъ, Михайло Пастуховъ, Михайло Грибановъ, представили Императрицѣ Екатериинѣ II слѣдующее всеподданнѣйшее прошеніе:

Всепресвѣтлѣйшая, Державнѣйшая Великая Государыня
Императрица Екатерина Алексѣевна Самодержица
Всероссійская, Государыня Всемиловитѣйшая.

Увѣдомилися мы отъ Статскаго Дѣйствительнаго Совѣтника Теплова, что Ваше Импер. Величество, имѣя попеченіе матернее о благоденствіи своихъ подданныхъ желаетъ, чтобъ купечество Россійское имѣло торгъ въ Средиземное море изъ Санкт-петербурга.

Мы подписавшіеся, услыша о такомъ благоволеніи Вашего Императорскаго Величества предпріяли прежде тому отвѣтъ учинить и для того сложились акціями, считая каждую по пяти сотъ рублей, а имянно:

Купцы Тульскіе :

Собственною Ея Величества рукою написано тако: «Мы своихъ еще прибавили 20 акцій».	Иванъ Володимеровъ	100	акцей
	Ларіонъ Лугининъ	30	»
	Михайло Пастуховъ	20	»
	Михайла Грибановъ	10	»
	Да къ числу оныхъ и господинъ Тепловъ въ компанію идетъ полагая своихъ	20	»
Что учинить всѣхъ съ нашими		180	акцій.

Но къ тому Всемиловитѣйшая Государыня приѣмлетъ дерзновеніе испросить себѣ милостиваго вспоможенія въ слѣдующемъ.

1-е. Чтобъ Ваше Императорское Величество, яко первѣйшая по Бозѣ попечительница о добрѣ подданныхъ своихъ, принять соизволила сію нашу компанію и предприемлемы нами отвѣтъ въ единственное свое покровительство.

2-е. Чтобъ намъ объявить персону, чрезъ которую бы мы съ нужными иногда намъ по сему дѣлу прошеніями приступить къ Вашему Императорскому Величеству смѣлость имѣли.

3-е. Чтобы намъ пожалованъ на первый случай былъ нарочный къ тому построенный фрегатъ о тридцати пушкахъ съ потребнымъ числомъ морскихъ офицеровъ и матрозовъ, а притомъ необходимо надобно по пропорціи такого фрегата военною командою съ ея военнымъ народомъ и командирами и чтобъ намъ позволено было на тотъ же фрегатъ для лучшаго обпадеживанія принять и чужестранныхъ служителей морскихъ на нашъ коштъ до толикого числа, какъ мы пожелаемъ.

4-е. Понеже мы намѣрены сей опытъ учинить въ тѣхъ только обстоятельствахъ, которыя до купчества принадлежатъ и безъ помочи Вашего Императорскаго Величества не имѣя еще кораблей собою теперь учинить не можемъ, то въ семъ случаѣ никакихъ подробныхъ расходовъ, касающихся до содержанія сего фрегата, до жалованной на немъ командѣ ему (отъ чего Боже сохрани) экстраординарныхъ приять на себя не можемъ, ибо оныя купчеству впредь не нужны будутъ и не зависятъ только отъ высочайшей воли Вашего Императорскаго Величества милости, а вмѣсто того помянутой фрегатъ мы разумѣть будемъ, яко наемный и для того мы обязуемся всѣ купческіе фракты за товары въ него нагруженные до назначеннаго мѣста и обратно съ нагруженныхъ же не требуя отъ насъ

Компаніи быть подъ нашимъ единственнымъ веденіемъ.

Статскому Совѣтнику Теплому.

Фрегатъ дается, а когда мало, то и два, команда военная дана будетъ, а прочее опробуется.

Фрегату быть на нашемъ содержаніи со всѣмъ экипажемъ и командою, пошлины съ товаровъ отвозимыхъ и привозимыхъ платить четвертую часть по тарифу, а ластовыхъ и огневныхъ въ полы противъ чужестранныхъ, но и о техъ деньгахъ, внесши въ таможенную, доложить намъ.

за недогрузкою въ число полнаго фракта внести въ казну Вашего Императорскаго Величества сумму по разчисленію.

Апробуется.

5-е. Ежели (отъ чего Боже сохрани) фрегатъ по своимъ несчастливымъ приключеніямъ где промедлитъ, но по купечеству и оттого излишнее въ содержаніи его команды, на немъ находящейся, здѣлаются расходы (чему бы повелѣно было вѣрный журналъ вести особливою съ согласія нашего фактора), то ихъ на нашъ счетъ не ставить.

Апробуется.

6-е. Чтобы командиръ фрегатной поступалъ по выгодѣ купеческой и не принуждалъ бы нашего фактора къ безпремѣнному поспѣшенію изъ порта въ портъ переходить нагружаться и выгружаться, но дѣлать бы оное тогда, когда нашъ факторъ сходство настоящихъ цѣнъ товаромъ найдетъ а сверхъ того (всегда бы благосклонность своими отвѣтами ему способствуя и отъ него приѣмая взаимные, поступалъ) потому что все сіе предпріятіе будетъ служить только опытомъ на будущее время торгу государственному.

Апробуется для
перваго опыта.

7-е. На возвратной нагрузкѣ, когда не случится къ покупкѣ довольноаго числа потребныхъ товаровъ, въ такомъ бы случаѣ дозволено было входить въ Французскія и Гишпанскія гавани для нагрузки товаровъ, а за невозможностью наполнить оными фрегатъ, дабы онъ безъ груза не остался, вольно бы было итти и вину или куда лутче усмотрѣно будетъ въ Гишпанію и нагрузить Гишпанскою солью, которую по привозѣ въ Санктъ Петербургъ повелѣно бы было принять въ казну и заплатить за нея, во что она намъ самимъ обойдется, не требуя по тарифу съ нея пошлины.

Адмиралу Мордвинову поручаемъ.

8-е. Чтобы въ Адмиралтейской коллегіи назначена намъ была изъ членовъ персона, которая бы въ коллегіи опекуетво намъ дѣ-

дала, ежели какія нужды къ ней отъ насъ иногда случатся.

9-е. Хотя столь надежный вооруженный фрегатъ и не имѣетъ причины опасаться морскихъ разбойниковъ, однакожъ для безопасности въ Средиземномъ морѣ всеподданнѣйше просимъ истребовать отъ Оттоманской Порты или чрезъ другую какую дружескую державу у Алжирскихъ беевъ пашпорты, также повелѣть и къ другимъ Европейскимъ дворамъ отнискать, дабы нашъ фрегатъ въ портахъ тамошнихъ способное имѣлъ пристанище и торгъ свой безпрепятственно производилъ.

10-е. Компанія намѣрена послать напередъ сухимъ путемъ въ Ливорну прикащика или фактора своего, при которомъ весьма нуженъ переводчикъ тѣхъ языковъ, а другаго на корабль при товарахъ, того ради пожаловать искусныхъ и добрыхъ и надежныхъ двухъ человекъ переводчиковъ.

Вашего Императорскаго Величества
всеподданнѣйшіе рабы.

(Слѣдуютъ подписи).

УКАЗЪ НАШЕМУ СЕНАТУ.

На какомъ основаніи Володимеровъ съ компанією торгъ свой для опыту на будущее въ Средиземное море зачать дозволенія отъ насъ всеподданнѣйше просили и какими мы снабдили оную компанію Всемиловѣйшими снисхожденіями для поощренія сего полезнаго дѣла, съ того при семъ прилагаемъ копію для вѣдома и что потому къ Сенату принадлежитъ для исполненія о семъ дать знать и въ коммерцъ коллегію а въ коллегіи иностранную и Адмиралтейскую особливые, что до ихъ принадлежатъ, по сему дѣлу мы дали указы съ нашимъ подписаніемъ.

Подлинный подписанъ собственною Ея Императорскаго Величества
рукою тако :

Сент. 29 д. 1763г.

« ЕКАТЕРИНА ».

Въ настоящее время я не могу сказать ничего положительнаго о дѣйствіяхъ этой компаніи; но мнѣ извѣстно изъ дѣлъ Статсъ-Секретаря И. П. Елагина, хранящихся въ Госуд. Архивѣ, что въ дек. 1763 г. представлено было Императрицѣ всеподданнѣйшее прошеніе о заведеніи другой еще болѣе обширной компаніи для торговли съ Испанією; по Высочайшему повелѣнію какъ прошеніе это, такъ и приложенныя при семь кондиціи препровождены были въ комиссію о коммерціи, которая должна была разсмотрѣть ихъ секретно и представить о нихъ свое имѣніе. Елагину поручено было присутствовать въ этой комиссіи и какъ всѣ нужныя вмѣсто оныхъ купцовъ объясненія подавать, такъ и ихъ требованія комиссіи сообщать.

Считаю на лишнимъ привести объ этомъ дѣлѣ нѣсколько подробностей, которыя убѣдительно говорятъ о давно сознаваемой въ Россіи потребности прямыхъ торговыхъ сношеній съ Пиринейскимъ полуостровомъ, освобожденія изъ подъ тягостной опеки иностранцевъ, заведенія своего національнаго торговаго флота.

«Бьютъ челомъ желающіе въ Гишпанію и во все море Атланское учредить торгъ компанією, а о чемъ тому слѣдуютъ пункты:

I.

Вашего Импер. Вел. вседражайшій дѣдъ, блаженныя и вѣчныя славы достойный памяти, великій Государь Императоръ Петръ I, отецъ отечества, мудрымъ своимъ правленіемъ врученнаго ему отъ Бога государства для прославленія и установленія порядковъ и обогащенія своихъ подданныхъ полезныя труды и неусыпное попеченіе прилагая, и отъ времени до времени Россійскихъ подданныхъ до такой высокой степени довелъ, что Европа и Азія безъ особливаго восхищенія и удивленія смотрѣть не можетъ.

II.

В. Г. И. Петръ I по многихъ своихъ трудахъ въ послѣднихъ годахъ своей жизни изволилъ принять намѣреніе, смотря противъ прочихъ Европейскихъ государствъ, учредить съ Гиш-

панскимъ государствомъ коммерцію, дабы отворить своимъ подданнымъ путь въ море и для того изволилъ прилагать стараніе въ обученіи своихъ вѣрноподданныхъ навигаціи и прочихъ касающихся до мореплаванія наукъ и тѣмъ приучить къ иностраннымъ интересамъ и всѣ тѣ выгоды пріобрѣсть, чрезъ которыя бы могло пользоваться Россійское отечество, какъ и прочія Европейскія государства пользуются; чего ради...» (говорится о вышеприведенныхъ у насъ указахъ Петра).

III.

«Вашего И. В. вселюбезнѣйшая тетка блаженныя и вѣчной славы достойныя памяти В. Г. И. Елисаветъ Петровна, желая подражать во всемъ премудрымъ предпріятіямъ дражайшаго своего родителя, стараніе изволила прилагать, чтобъ при случаѣ отправляющагося въ Гишпанію полномочнаго министра послать казенную одну пинку и съ полнымъ такелажемъ и на оную грузить Россійскихъ подданныхъ товары безъ платежа за провозъ, токмо въ то время желающихъ никого не явилось.

IV.

Далѣе нижеподписавшіеся говорятъ отъ себя, что «безъ всякаго принужденія, презирая всѣ опасности и убытки, могущіе послѣдовать какъ отъ того, что Россійскихъ кораблей и съ Россійскими матрозами нигдѣ на страхъ отдать не можно, также и отъ зависти другихъ народовъ, старающихся столь полезную государству и знатную коммерцію въ своихъ рукахъ удержать, приняли смѣлость къ славѣ имени В. И. В. и къ пользѣ государства изъ Всероссійскаго общаго отечества произвести въ Гишпанское государство разными Россійскими продуктами, — которыя тамъ потребуются, торговлю, съ положеніемъ собственныхъ нашихъ капиталовъ, учредя компанію на основаніи Остѣндійской компаніи продолжать коммерцію нынѣ на перьвой случай на десять лѣтъ подъ особливою вашего императорскаго величества всевысочайшею милостивою матернею протекціею». За тѣмъ говорятъ они про себя, что «безъ особливаго сожалѣнія видѣть не можемъ, какъ Англія, Голандія и прочія націи, получая отъ насъ наши товары, переводя и передѣлы-

вая, какія тамъ потребны, чрезъ свои руки съ великими прибытки за наши покупные ими товары получаютъ въ свое государство золото и серебро и тѣмъ свое отечество весьма обогащаютъ, ибо отъ Гишпаніи за нашъ продуктъ къ себѣ нискою цѣною получаемое золото и серебро, которое по большей части имѣетъ оставаться въ пользу ихъ государства, а на противъ получаемого отъ насъ самые нужные въ Гишпаніи, за оное къ намъ товары свои посылаютъ только къ роскоши и не въ пользу государства, и тѣмъ они вяще себя обогащаютъ и почитаютъ Россійскихъ всѣхъ къ тому незначительными».

V.

Нижеподписавшіеся всепнижайше просятъ препоручить рассмотреть ихъ кондиціи одной изъ первыхъ особъ, «ибо сіе дѣло новое и требуетъ всегда скорого и непродолжительнаго рѣшенія и особливо покровительства, дабы за неполученіемъ скорой помощи не могли вмѣсто успѣха себѣ навести крайняго разоренія».

Подписались. Оберъ - Директоръ Семень Роговиковъ, Директоръ Ивапъ Чиркинъ, С. Пбургскій купецъ и директоръ Ивапъ Меркуловъ сынъ Шукинъ, С. Пб. купецъ Григорей Федоровъ сынъ Никоновъ, Ладожской купецъ Константинъ Кабацкой, Калужскій купецъ Андрей Рубкинъ.

Дек. 1763 г.

Всемиловствѣйшая Государыня.

Пріемлемъ смѣлость представить Вашему Императорскому Величеству нижеписанные для Гишпанской компаніи кондиціи.

1.

Просимъ позволить въ Гишпанію, Португалію и во все Атланское море, а нынѣ на первой случай въ городѣ Кадиксѣ учредить торгъ компанією акцыями, каждую считая по триста рублевъ, а числа теперь полагать мы не можемъ, ибо еще неизвѣстно, какъ силенъ сей торгъ будетъ, однако хотя сія компанія установится, по впрядь когда потребно будетъ умножить торгъ, тогда и число акцей умножитца, а нынѣ на первой случай положено быть имѣеть капиталу до семисотъ акцей, а ежели охотниковъ будетъ и до двухъ тысячъ акцей пріемлется.

2.

Сія компанія имѣеть въ Санктъпетербургѣ учредить контору по купеческому обыкновенію противъ прочихъ иностранныхъ, какъ Галанской Остѣиндійской компаніи, и должна она единственно быть подѣ вѣдомствомъ вашего Императорскаго величества, и дабы въ другія присутственныя мѣста оной конторы печати печатныя въ акціяхъ даваны бѣ были за подписаніемъ кому препоручено будетъ.

3.

Въ сей конторѣ для правленія быть изъ интересентовъ по два человекъ, которыхъ выбирать по выбору интересентовъ, а перемѣнять ихъ чрезъ два года, но токмо бѣ не вдругъ такимъ образомъ, чтобъ избывшихъ управленія году хотя по одному оставалось, пока другіе годъ пробудутъ. За сей трудъ имѣють правители между собою дѣлить по два процента съ проданныхъ и покупныхъ ихъ правленія товаровъ, а прочимъ служителямъ быть на жалованьѣ изъ компанейской суммы, а ежели кто и изъ интересентовъ по постороннимъ дѣламъ придетъ въ какой упадокъ или несчастіе, тобъ акцей изъ всей компаніи никогда не арестовать, а позволить компаніи акціи продавать, и на то давать время году и денги отдать куда подлежатъ будутъ, а тѣхъ акцій, какъ конторѣ, такъ и самимъ интересентамъ кромѣ Россійскихъ подданныхъ иностранныхъ вазаловъ другихъ націй людямъ никому и не подѣ какимъ видомъ не продавать.

4.

Таковымъ же конторамъ быть въ Гишпаніи въ одномъ или въ другомъ мѣстахъ, гдѣ потребно и ежели кто изъ интересентовъ пожелаетъ и отъ компаніи будетъ удостоенъ имѣть правленіе въ тамошнихъ канторахъ, тому получать по три процента и для того повелѣть какъ интересентовъ, такъ и при нихъ для обученія изъ знатныхъ *молодыхъ купцовъ до десяти человекъ и служителей отправлять безъ задержанія.*

5.

Повелѣно бѣ было подѣ отвозъ товаровъ компаніи дать двѣ казенныя пинки, не старѣе двухъ лѣтъ, которыя бы сіи дальныя

вояжи безъ опасности могли сносить съ морскими служителями и полнымъ такелажемъ и снарядною аммунициею и оныя содержать во все десятилѣтнее время на казенномъ коштѣ, а за провозъ денегъ какъ отъ С.-Пбурга до тѣхъ портовъ, такъ и обратно въ С.-Пб. не требовать. Также, отъ чего Боже сохрани, оныя пинки разобьетъ, тобъ за нихъ платежа на компаніи не взыскивать.

6.

Когда компанія собственные суда гдѣ строить пожелаетъ и удобныя мѣста гдѣ отыщеть, то ей позволить, а для оного строенія судового, просимъ позволенія рубить дубовые и прочіе потребныя дѣса и по способности къ тому завести, ежели будетъ потребно канатную фабрику въ Кронштатѣ и отвести пристойное мѣсто. И для строенія судовъ уволить отъ адмиралтейства карабельнаго подмастерья, которому быть на содержаніи компаніи. Также шхипаровъ, штурмановъ, матрозовъ и морскихъ артилеристовъ служителей и для обученія навигаціи до пятидесяти человекъ малолѣтнихъ школьниковъ изъ адмиралтейства жъ и на собственныя компанейскія суда отпустить потребное число пушекъ и припасовъ артилерійскихъ за деньги по истинной цѣнѣ. И ежели паче чаянія изъ казенныхъ или нашихъ собственныхъ и наемныхъ Россійскихъ матрозовъ кто погибнетъ безъ вѣсти или сбѣжитъ, того компаніи въ вину не ставить и взысканія не чинить, однако въ разсужденіи томъ, что товаровъ возимыхъ на Россійскихъ корабляхъ съ Россійскими шхипорами и большею половиною Россійскихъ матрозовъ нигдѣ на страхъ не берутъ, безъ чего свободнаго торгу никакъ производить не можно, повелѣно бѣ было во взятьѣ съ насъ пошлинь учинить противу сего нашего прошенія, хотя на корабляхъ нашихъ шхипора и излишнее число иностранныхъ матрозовъ будетъ. А для опасности въ морѣ отъ морскихъ разбойниковъ ежели потребенъ будетъ канвой со отправленными отъ компаніи судами, то повелѣно бѣ было посылать хотя по одному военному караблю съ полнымъ экипажемъ на казенномъ коштѣ, а когда въ адмиралтействѣ изъ военныхъ кораблей нѣкоторые будутъ за вѣтхостію подлежательны въ отставку, то оныя повелѣно бѣ было по оцѣнкѣ если въ компанію будутъ

потребны отдать съ такелажемъ и со всею снарядною аммуниціею.

7.

Для ободренія сей компаніи, чтобъ она въ состояніи была выдержать великія ей препятства, которыя другіе народы изъ зависти чинить будутъ, то собственные и покупные при портахъ Россійскіе продукты отпускные, такъ и привозные сею компаніею собственные товары на Россійскихъ корабляхъ отъ внутренней пошлины уволить, а портовую брать, какъ положено съ товаровъ отпускныхъ Россійскими купцами на Россійскихъ корабляхъ четвертую долю Россійскими денгами, считая за ефимокъ по девяносто копѣекъ, въ силу блаженныя и вѣчной славы достойнаго государя императора Петра Великаго состоявшагося въ 724 г. указа. Такожде и оставшее за удовольствіемъ за внутреннимъ расходомъ въ Россіи, рыбой клей, икру и осетрину для отпуску въ Гишпанію съ передачею у каждаго пуда клею противъ указной цѣны по два рубли, у тѣхъ промышленниковъ дозволить, а прочимъ, кромѣ оной компаніи запретить отпускъ за море, ибо отъ сихъ продуктовъ можетъ воспослѣдствовать немалая польза отечеству, и чтобъ осетрина и прочія рыбы, которой нынѣ множество пропадаетъ въ Астрахани, то есть рыбу ловятъ только для выниманія клею икры, а рыбу обратно бросаютъ, въ чемъ той рыбой не малой-новой торгъ въ Гишпанію произвести можно, а для соленія оной рыбы икры, которая въ Гишпанію будетъ посылаться, кромѣ Шпанской соли другою солью солить оную не можно для жару и долгаго лежанія, въ такомъ случаѣ привозимую соль изъ Гишпаніи дозволить безъ взятія пошлинъ и прибыльной суммы отпускать въ Астрахань или въ которыя мѣста будетъ потребно для соленія рыбъ, ибо въ тѣ мѣста провозомъ той соли весьма дорого станетъ.

8.

Сей компаніи не можно инако содержаться буде и другіе подобныя ей выгоды получать и для того нижайше просимъ, чтобъ никому другъ мѣ, кто не положи акцій въ сію компанію особенные торги съ Гишпаніи производить пожелаютъ, никакихъ выгодъ дано не было бѣ.

9.

Довольно извѣстно, что въ Гишпанію мачтовыми деревьями и разными мѣстами не малый торгъ разными иностранными народами производится, того ради позволить намъ отпускать потребное число мачтовыхъ деревъ и разною по способности лѣсу, который въ Гишпаніи употребляется.

10.

Имѣя желаніе сколько возможно, для умноженія золота и серебра въ Россіи достать онаго изъ Гишпаніи и въ прочихъ мѣстахъ, просимъ, дабы оное принято было на монетный дворъ съ уступкою въ цѣнѣ у каждаго золотника по полпроцента, какъ въ контрактѣ съ Аглинскими купцами постановлено принимано бы, а о свободномъ вывозѣ изъ Гишпаніи золота и серебра соблаговолено бѣ заключить комерціи трактатъ съ Гишпанскимъ дворомъ тогда и еще со уменьшеніемъ цѣнъ въ казну поставить имѣемъ.

11.

Дабы сія компанія имѣла полное за себя въ Гишпаніи защищеніе, тобъ повелѣно было по избранію и представленію интересентовъ той компаніи опредѣлить изъ купцовъ агента или консуля на содержаніи казеннаго жалованья, и чтобъ оной снабдѣнъ былъ государственнымъ кредитомъ, а на чрезвычайныя расходы имѣеть компанія давать нѣкоторый платежъ съ ластва, по примѣру другихъ областей, однако агенту или консулу и никому другому до кампанейскихъ товаровъ, денегъ и векселей не касаться и ни подъ какимъ видомъ изъ власти кампанейскихъ конторъ того не отнимать, развѣ по особливому договору консулу дирекцію надъ Гишпанскою конторою въ Кадиксѣ вручимъ и ему за покупные и продаваемые товары по нѣскольку процентовъ платить будемъ, а понеже весьма надобность въ томъ состоитъ, чтобъ того агента или консула отправить заранѣе въ Гишпанію въ городъ Кадиксѣ (яко главной магазинъ отъ всѣхъ товаровъ въ Европѣ) для развѣдыванія какіе на первый случай изъ Россійскихъ товаровъ съ лучшею пользою отправить и въ какомъ передѣлѣ и препорціи, и сколько. Того ради избрали мы Нарвскаго купца Ивана Килхберха, который уже на своемъ

коштѣ тамо былъ и доброе познаніе тамо имѣть, котораго въ томъ характерѣ всемѣрно нынѣшняго 76 году зимнимъ путемъ въ Кадиксъ отправить просимъ со опредѣленнымъ Вашего императорскаго величества жалованьемъ, для тамошняго содержанія и притомъ другаго въ помощь фактора по представленію компаніи, а ежели сіе упустился, то будущій весь годъ пропасть можетъ напрасно.

12.

При заведенной Гишпанской конторѣ дозволено бѣ было имѣть судъ на подчиненныхъ той конторы, а печать имѣть, какая повелѣна будетъ, а въ случаѣ надобности для карауловъ опредѣлить ко оной изъ служивыхъ солдатъ до десяти человекъ съ пристойнымъ ундеръ-офицеромъ на содержаніе компаніи.

13.

Ежели паче чаянія для скорого отправленія судовъ обратно изъ Гишпаніи въ Россію или тамошними легкими товарами оныхъ судовъ загрузить будетъ не можно, въ такомъ случаѣ позволено бѣ было грузить солью, которую по привозѣ къ С.-Пб. порту отдавать въ казну за наличныя деньги по истинной цѣнѣ, почему привозная Ельтонская и Пермская соль становится къ Спбургу безо взятія съ той соли пошлины. А по отдачѣ соли деньги изъ казны отдаваны бы были безъ задержанія или ту соль Шпанскую компаніи дозволить въ вольную продажу, взявъ съ той привозной соли съ каждаго пуда съ выключкой со всеми расходами единственно одну прибыльную сумму безъ всякихъ пошлинъ.

14.

Когда пожелаютъ государственные крестьяне принять у компаніи службу въ шхипоры и матрозы, оныхъ принять по ихъ партикулярнымъ обязательствамъ на урочные годы за добровольную плату дозволить, ибо оныя чрезъ то могутъ научиться и во время государственной надобности могутъ быть способными къ морской службѣ, а судомъ и расправою быть имъ въ вѣдомствѣ Гишпанской конторы по ихъ обязательствамъ, а въ другихъ мѣстахъ нигдѣ не быть подъ судомъ, кромѣ криминальныхъ дѣлъ, а полушныя деньги и прочіе государственные по-

боры за нихъ плачены будутъ отъ той конторы, а если умеръ или сбѣжитъ, того бѣ на конторѣ взыскано не было бѣ, а для отпуску въ Атланское море въ пріемѣ пашпортовъ за отправленныхъ Россійскихъ никакихъ обязательствъ въ поставкѣ не брать, а определенныхъ къ морскому путешествію обратно казенныхъ и партикулярныхъ людей до окончанія термина, отъ той службы не отбирать, исключая старость, болѣзнь и неспособность, а на ихъ мѣста могутъ заступить, смотря по состоянію времени.

15.

Прилегающимъ къ морю трактамъ державъ союзникамъ со особливимъ наставленіемъ дать съ прочетомъ рескрипты о показаніи взаимнаго удовольствія.

16.

Ко отпуску заготовляющіе товары какіе покупные той компаніи въ проѣздахъ внутрь Россіи дать съ прочетомъ указы, дабы притѣсненія и удержки въ пути не было, но показываемо бѣ было всякое вспоможеніе.

Тутъ же при дѣлѣ приложенъ и «Списокъ товаровъ привозныхъ и отпускныхъ».

Отпускъ изъ Россіи въ Гиппанію.

*По разсужденію
Коммисіи.*

Корабли дубовые, сосновые, малые и большіе отъ 120 до 450 ластовъ	}	въ дѣлѣ.
Мачты большія и малыя въ передѣлѣ съ двойнымъ такелажемъ отъ 16 до 30 палмовъ длиною		}
Бруски и доски пильныя разныхъ мѣръ отъ 50 до 110 футовъ длиною и толщиною	}	
Канаты смоленые отъ 1 до 18 дюймовъ толщиною		}
Парусныя полотна, ревендуки, каламенки и пестреди	}	

Смола	}	не въ дѣлѣ.
Деготь		
Гарпіусъ	}	не въ дѣлѣ.
Желѣза въ полосахъ малое дѣло, а болѣе въ передѣлкахъ разныхъ, яко то прутья, обручья, въ гвоздья, болты и подковы, и мѣдныя вещи въ работѣ и проч.		
Якори большіе и малые	}	въ дѣлѣ.
Пушки чугуныя		
Бомбы тожъ	}	въ дѣлѣ.
Ядра		
Ружья	}	въ дѣлѣ.
Порохъ		
Фитили	}	не въ дѣлѣ.
Сала		
Свѣчи сальныя	}	въ дѣлѣ.
Воскъ бѣлый и желтый		
Свѣчи вошаныя бѣлыя и желтыя	}	не въ дѣлѣ.
Юфть		
Бѣлки и всякая рухлядь	}	въ дѣлѣ.
Холсты разныхъ сортовъ и салфеточныхъ		
Укладъ	}	не въ дѣлѣ.
Ревень		
Рожь, пшеница, ячмень, горохъ и овесъ	}	въ дѣлѣ.
Рогожи и веревки простыя		
Всякихъ рыбъ какъ семги, такъ и трески и осетрины, соленыхъ	}	не въ дѣлѣ.
Масла льнянаго и коноплянаго		
Дубовыя тонкія для бочекъ сторонки	}	въ дѣлѣ.
Чулки всякія, нитяныя и шерстяныя		
Башмаки и туфли	}	не въ дѣлѣ.
Клей		
Икра	}	въ дѣлѣ.
Соленая говядина		
Слюда	}	не въ дѣлѣ.
Шитое платье		
Бумагу разныхъ сортовъ	}	въ дѣлѣ.
Кровати желѣзныя		
Мыло	}	не въ дѣлѣ.
Вареныя лошадиныя гривы и щетины		

Привозъ въ Россію изъ Гвипаніи.

*По раз-
сужденію
Коммиссіи.*

Золото въ слиткахъ и дуплонахъ	}	ВОЛЬНО.
Серебро въ слиткахъ или баррахъ стукъ фонъ ахтенъ или піастеръ		
Алмазы		
Жемчугъ		
Эсмарагдъ		
Аметисты	}	НЕ ВОЛЬНО.
Канцелярское сѣмя или консенель		
Индиго трехъ сортовъ	}	ВОЛЬНО.
Шерсть		
Деревянное масло	}	НЕ ВОЛЬНО.
Разныхъ винъ красныхъ и бѣлыхъ		
Водки тожъ разныхъ сортовъ		
Соли разныхъ сортовъ		
Какао		
Баниласъ ваниля		
Чеколадъ		
Сахаръ песочный разныхъ сортовъ		

Въ аптеки потребно:

Амбра дегризь тожъ черной	}	ВОЛЬНО.
Балсамъ денеру		
Тожъ детоулу		

ВСЕПОДДАННѢЙШІЙ ДОКЛАДЪ ОТЪ КОММИССІИ О КОММЕРЦІИ.

Ваше Императорское Величество высочайше повелѣтъ соизволили комиссіи о коммерціи секретно разсмотрѣть поланныя Вашему Величеству отъ Россійскихъ купцовъ, желающихъ производить торгъ въ Гвипанію и во все Атлантическое море на десять лѣтъ кондиціи, а разсмотрѣвъ со мнѣніемъ Вашему Величеству объ оныхъ представить. При разсужденіи же о томъ повелѣли въ оной Коммиссіи присутствовать Д. Ст. Сов. господину Елагину... Коммиссія видя благоволеніе В. И. вел. къ сей компаніи всѣ мѣры къ тому прилагала, чтобъ она дѣйствіе свое воспріяла. И для того искала при г. Елагинѣ черезъ

разныя Роговикову убѣжденія, кондиціи, компанією предложенныя привести въ умѣренныя предѣлы, почему и сдѣланы уже ей такія снисхожденія, на которыя едва только поступить было можно и то на нѣкоторое время. Но когда усмотрѣно, что Роговицовъ въ самыхъ важнѣйшихъ для казны и всего Россійскаго торгу пунктахъ отнюдь не соглашается, то напоследокъ убѣжденною себя находить о точномъ существѣ сей компаніи слѣдующее В. И. В. всеподданнѣйше представить.

1-е) Планъ весь сей компаніи въ основаніи своемъ вреденъ, потому что она подъ лестнымъ видомъ коммерціи начинающейся будто въ Гишпанію и подъ неограниченнымъ наименованіемъ якобы въ Атлантическое море, хочетъ однакожь въ монополію взять порты, лежащіе во Франціи, Гишпаніи и Португаліи, изъ которыхъ во многіе торгъ Россійскій съ посредствомъ другихъ державъ давно уже происходитъ, а въ нѣкоторыя и карабли Россійскіе отъ Санктъ-Петербургскаго порта ходятъ. Въ намѣреніи сего предпріятія, равно какъ бы оное было въ Индію или на берега Африканскіе, требуетъ она столько привилегій исключительныхъ и авантажей себѣ корыстныхъ, а для государственной казны убыточныхъ и общему торгу разорительныхъ, что ни въ какомъ Европейскомъ государствѣ не дозволяютъ таковыхъ и въ самые отдаленные края на новый и неизвѣстный торгъ. 2-е) Требования ея состоятъ въ испрошеніи себѣ отъ короны нѣсколькихъ миліоновъ рублей изъ доходовъ таможенныхъ и въ разореніи національному купечеству нечувствительно впредь оказаться могущемъ, которое не будетъ сею компанією интересовано, а сверхъ того и въ не безвредномъ испроверженіи нѣкоторыхъ установленій экономическихъ въ адмиралтействѣ и о флотахъ. Также въ подрывѣ вѣрныхъ въ государствѣ соляныхъ доходовъ. 3-е) Сверхъ того комиссія смѣлость приемиетъ представить Вашему И. В., что ежели бы и тѣ кондиціи акордованы были, которыя въ приложеніи усматриваются, то при ихъ собственномъ обогащеніи не останется ли безславіе на будущія времена, что изъ Россіи въ Европу, куда весь свѣтъ торгуетъ, учреждалися компаніи яко бы въ варварскія отдаленныя страны, во время цвѣтущаго при В. И. В. правительствѣ съ такимъ

опасеніемъ и казенными убытками, которые обыкновенно на великія только сопротивленія предприемлются, но по мнѣнію Комиссіи купечество Россійское помышлять и стараться должно о сообщеніи только между собою въ соціететы къ усиленію торгу въ Европу, для которыхъ соціететовъ не привилегіи, другимъ разорительныя и казифъ убыточныя, но едино только В. И. В. покровительство и нѣкоторое поощреніе надобно.

По симъ причинамъ Всемилостивѣйшая Государ. Комиссія за долгъ вѣрноподданнѣйшей считаетъ безпристрастно свое В. И. В. поднести мнѣніе въ томъ, что проэктъ компаніи Гишпанской, такъ какъ онъ есть, ни малѣйшаго не заслуживаетъ и себѣ уваженія, и что ни планъ, ни основаніе его не только полезными не усматриваются, но и весьма вредными Государству а напослѣдокъ и разрушительными для нѣкоторыхъ учрежденій въ Государствѣ указами опредѣленныхъ.

Подписались: Кн. Яковъ Шаховскій. Графъ Эрнстъ Минихъ. Николай Муравьевъ. Григорей Тепловъ. Тимошей фонъ Клингстетъ.

Если и нельзя не согласиться, что въ иныхъ случаяхъ Комиссія о коммерціи разсуждала справедливо, то надо также признать въ ея отчетѣ и нѣкоторую долю придирчивости, которая особенно открывається въ иныхъ ея замѣчаніяхъ, находящихся въ этомъ же дѣлѣ вмѣстѣ съ возраженіями на нихъ Роговкова. Изъ замѣчаній и возраженій этихъ позволяю себѣ привести только слѣдующія, наиболѣе любопытныя.

Такъ на первую кондицію Комиссія замѣтила: «Комиссія разсуждаетъ дозволить въ Гишпанію, Португалію и во все Атлантическое море, откуда торгу въ Россію еще нѣтъ, учредить оный и на то собирать акціи. Сіе дозволеніе въ Атлантическое море для того ограничено, что компаніями торгъ съ исключительными привилегіями обыкновенно въ тѣ мѣста учреждается, съ которыми коммерціи еще никакой нѣтъ. Почему разумѣть здѣсь надлежитъ Гишпанію, Португалію и всю Африку тѣми только портами, которые къ Атлантическому морю лежатъ; Аквитанское же или Бискайское хотя и часть Атлантическаго почитается, однакожъ порты въ немъ Французскіе Брестъ и Бурдо, а Гишпанскіе Бильбао и Фероль новой компаніи съ ис-

ключительными привилегіями отдать не возможно, затѣмъ, что Россійскіе карабли съ великимъ успѣхомъ въ сію часть Атлантическаго моря ходить начали, а именно Савы Собакина, Бармина да и самаго Роговикава. Ирландія также лежитъ на Атлантическомъ морѣ, въ которую ежели компанія станетъ торговать съ исключительными привилегіями, то и Агличане въ отпускѣ нашихъ продуктовъ изъ Россіи въ силѣ трактата, ежели о коммерціи постановится, того же потребуютъ въ нашихъ портахъ, Сверхъ того опасаться наипаче надлежитъ, чтобъ весь торгъ Французскій и Гишпанскій не обратился въ Россію безошливно, т. е. на такихъ кондиціяхъ, каковыхъ компанія просить, затѣмъ, что купцы тамошніе могутъ также въ компанію къ нашимъ секретно и разными подлогами пойти въ участіе, а наши для усиленія своего десятилѣтняго и столь авантажнаго торгу, капиталы ихъ занимать и чрезъ то у всѣхъ туда Россійскихъ торгующихъ пресѣчь коммерцію». — Компанія на это возразила такъ: «Дозволеніемъ довольны, а исключеніемъ Французскихъ и Гишпанскихъ въ морѣ Бискайскомъ не довольны и просятъ отдать имъ и сіи порты».

Коммиссія замѣчала также: «Оставшіи за удовольствіемъ клей рыбій, икру и осетрину дозволеніе требуете отпускать въ Шпанію, а прочимъ за море отпускъ запрещаете, а икру и нынѣ отпускаютъ, въ томъ прочимъ вредно будетъ, при томъ же сумнительно что неправда, рыбу будто бросаютъ обратно, а только для клею и икры ловятъ». — Возраженіе: «Компанія только просить о клеѣ, чтобъ другимъ отпускъ за море запретить, а икру и рыбу всякому возить куда кто хочетъ безъ всякаго запрещенія, а что рыбу ловятъ много для одного выниманія клею и икры, а рыбу бросаютъ обратно, объ ономъ и дѣло имѣется въ Правительствующемъ Сенатѣ».

Замѣч. Ком.: «А о серебрѣ писано съ уступкою по полупроценту противъ поставщиковъ, объ ономъ потребно извѣстіе, почему нынѣ на монетный дворъ пріемлется и прочихъ разныхъ званіевъ отъ иностранныхъ народовъ». — Возраженіе: «Нынѣ вольно иностраннымъ всѣмъ на монетный дворъ ставить серебро за золотникъ чистаго девятишестой пробы по девятнадцати съ половиною копейки, а мы требуемъ съ уступкою по полу-

проценту у золотника т. е. по девятнадцати копѣекъ за золотникъ».

Зам. Ком.: «Начало онаго признавается за монополію, чтобъ однимъ компаніей торгъ производить въ Шпанію и во все море Атлантское, а другимъ особо собою для чего запрещать?»— Возр. Комп.: «За монополію признавать никакъ не можно, потому что всѣ Россійскіе подданные могутъ имѣть въ той компаніи участіе и акціи кто пожелаетъ, получать можетъ, а что такой опасный и дальній путь для того требуется обществомъ и компаніею на основаніи Остъ-Индской компаніи, какъ и въ Европейскихъ государствахъ пользуются обществомъ же и компаніями, монополіею никогда не почитается, а для того оное общество имѣетъ быть, чтобъ препятствія изъ зависти другіе народы учинить не могли, и оная бь компанія могла силу свою получить и въ совершенство приттить и притомъ случающіяся несчастія выдержать. Представляется же, ежели кто пожелаетъ въ томъ участіе имѣть изъ знатнаго дворянства, а въ положенномъ капиталѣ всегда можетъ акціи получать. Для наилучшаго же удовольствія не соизволить ли и казна въ томъ участіе (принять) и тѣмъ пользоваться и оное можетъ назваться общепользнымъ, а не въ одні руки забраннымъ и въ Европейскихъ государствахъ кто подастъ прожектъ о новомъ торгу, гдѣ ихъ нація прежде не имѣла, въ томъ даются великія преимущества»... и т. д.

На замѣчаніе Коммиссіи: «Компаніи пошлину платить должно по силѣ морскаго пошлиннаго регламента 1734 г. и тарифа 1757 г.» Компанія сдѣлала слѣдующее возраженіе: «Требуется компанія увольненія отъ внутреннихъ пошлинъ для того, чтобъ она могла выдержать великія препятствія, чинимыя другими народами изъ зависти, чтобъ оную комерцію въ своихъ рукахъ удержать и не допустить Россійскихъ подданныхъ своими продуктами и на своихъ карабляхъ комерцію имѣть и Россійскіе не приучены были къ иностраннымъ интересамъ и дальнему мореплаванію по Атлантскому морю хожденіемъ, а нынѣ намѣреніе приняли для славы Россійской Имперіи по Атлантскому морю компаніею комерцію продолжать и свой капиталъ въ томъ употребить, вида, что нѣсколько въ томъ состоитъ авантажей, а ежели преимущества дано не будетъ, то ни одинъ не согласится въ той компа-

ни участіе имѣть, а притомъ знатную вновь комерцію не токмо отъ внутренней пошлины уволить и признавается она и тѣмъ быть довольна не можетъ, по незнанію нынѣ, что не имѣла въ томъ практики, хотя въ компаніи и назначено на первый случай до семи сотъ акцій, подписано съ великимъ трудомъ желающими, а въ достальныхъ охотниковъ не сыскано. Что же касается до пошлинъ, что съ двухъ сотъ тысячъ рублей не малая сумма будетъ, то надлежитъ отъ оной суммы перевести въ Гишпанію по крайней мѣрѣ половину капитала для покупки товаровъ и расплаты тамошнихъ пошлинъ, а отпускъ изъ Россіи не можетъ болѣе быть, какъ только на сто тысячъ рублей и для вышеписанныхъ резоновъ впредь во время надобности, чтобъ въ упадокъ компанія приттить не могла, способствовать ей до пяти сотъ тысячъ рублей казенными деньгами на десять лѣтъ безъ процентовъ, какъ и Аглинской король въ съисканіи Россійской земли т. е. у г. Архангельскаго на первый случай, чтобъ съ Россіею имѣть комерцію и учредя компанію и давъ денегъ до двухъ милліоновъ и разныхъ мореходныхъ судовъ безъ всякаго на деньги интереса, а чтобъ только подданные пользовались и комерцію распространяли и тѣмъ славу свою и нынѣ имѣютъ. А Россійскимъ подданнымъ для установленія на будущее время когда въ состояніи начало свое компаніею возьмутъ и пользоваться будутъ, тогда и для казны особливые прибитки съ великими авантажами принять не можетъ, а паче въ томъ послѣдуетъ, что Шпанская шерсть весьма крайне нужна для Россійскаго государства, которой и понынѣ въ привозѣ не имѣетъ, да притомъ она дозволена противъ другихъ иностранныхъ товаровъ и съ преимуществомъ, съ привозомъ безо всякихъ пошлинъ, а иностранные въ пользу свою государства пряжную шерсть въ Россію не привозятъ, затѣмъ, что имъ въ томъ пользы не будетъ, а наблюдая своихъ подданныхъ благополучіе, чтобъ тѣмъ мастерствомъ могли пользоваться и такъ привозить оную шерсть въ передѣлѣ, въ сукнахъ, стамедахъ и тому подобныхъ, суммою на полтора милліона рублей, въ каждый годъ, ко одному С.-Петербурскому порту, а особливо въ Англии, пряденую, а не дѣланую, овечью шерсть какъ свою, такъ и привозную къ нимъ Шпанскую наблюдаютъ и почитаютъ гораздо бо-

лѣе золота и серебра, оное позволяется вывозить, хотя и не въ дѣлѣ, а шерсть не въ дѣлѣ подѣ лишеніемъ живота вывозить запрещено и тѣмъ ясно показывается, сколь важенъ сей пунктъ для Россійскаго государства, еслижъ Россійская компанія съ довольными авантажами и силу свою возьметъ и умножить, особливо привозомъ въ Россію Шпанской шерсти, а изъ той привозимой шерсти на Россійскихъ фабрикахъ разныхъ тонкихъ суконъ, стамедь и проч. т. под. могутъ дѣлать и всю Россію удовлетворять. Такъ уже не будетъ въ томъ надобности, чтобъ иностранные привозили къ намъ сукна и прочіе сдѣланные шерстяные товары, что выше показано до полутора милліона рублей каждый годъ, а еслибъ можно миновать, чтобъ они товаровъ шерстяныхъ въ Россію не вывозили, то принуждены они будутъ для покупки Россійскихъ товаровъ привозить вмѣсто шерстяныхъ товаровъ золото и серебро такую же полтора милліона и болѣе сумму, и тѣмъ Россійская Имперія болѣе можетъ богатства получать.

«Въ регламентѣ мануфактуръ коллегіи напечатано, внутри Россіи кто заведетъ въ Государствѣ полезную фабрику и тому дать увольненіе отъ пошрины на десять лѣтъ, притомъ же ему давать знатную сумму денегъ изъ казны безъ всякихъ процентовъ на десять лѣтъ и ежели вновь какая фабрика заведена, то чрезъ десять лѣтъ прочимъ оной не заводить для того, чтобъ она могла притти въ лучшее состояніе, а за монополію и оное не признается». — Отнюдь не признавая умѣренности въ условіяхъ Роговикова и вообще отдавая предпочтеніе началу свободной торговли передъ системою исключительнаго протекціонизма, мы не можемъ однако не замѣтить, что нѣкоторыя замѣчанія комиссіи вовсе не отличаются основательностью, что при семъ необходимо кажется принять въ соображеніе во первыхъ то, что извѣстно намъ о характерѣ одного изъ дѣятельнѣйшихъ и вліятельнѣйшихъ членовъ комиссіи Теплова, который въ компаніи Володимирова получилъ 300 акцій¹; во вто-

1. Французскій посланникъ въ Россіи Жиге (Juigné), въ депешѣ своей отъ 12/23 апрѣля 1776 г. писалъ къ своему двору: «Il existe tant à Pétersbourg qu'à Moscou des tribunaux nommés les magistrats qui ressemblent beaucoup à nos juridictions consulaires, mais qui composés des marchands Russes ignorans, partiaux et

рыхъ, то, что самый можетъ замѣчательнѣйшій экономистъ нашего времени, Дж. Ст. Миль, энергическій поборникъ свободы торговли, съелъ долгомъ оговориться, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ нельзя не признать той пользы, которую оказали напр. Англіи извѣстные акты мореплаванія, если и не въ экономическомъ, то въ политическомъ отношеніяхъ, именно для національнаго флота. «Я согласенъ въ этомъ отношеніи, говоритъ онъ, что важность цѣли можетъ оправдать пожертвованіе и что страна, подверженная нападенію съ моря, если она лишена другихъ средствъ для содержанія необходимаго флота, имѣетъ право изыскивать себѣ эти средства, даже цѣною пожертвованій относительно сбереженія фрахтовыхъ издержекъ. Во время изданія этихъ актовъ мореплаванія, Голландцы, благодаря своимъ морскимъ способностямъ и низкой цѣнѣ своихъ капиталовъ, могли дешевле всѣхъ другихъ народовъ заниматься перевозкою иностранныхъ товаровъ. Отсюда происходило, что другимъ странамъ было гораздо труднѣе, чѣмъ Голландіи доставать опытныхъ матросовъ на свои военныя суда. Изданіемъ актовъ мореплаванія, Англія избавила себя отъ неудобствъ такого положенія и съ тѣмъ вмѣстѣ нанесла ударъ морской державѣ, съ которою она часто враждовала въ то время; эти законы вѣроятно были невыгодны для Англіи въ экономическомъ и полезны въ политическомъ отношеніяхъ».

Впрочемъ правительство наше въ царствованіе Императрицы Екатерины II ясно понимало какъ недостатки современной Русской торговли, находившейся въ то время въ рукахъ Англичанъ и Нѣмцевъ ¹, такъ и необходимость оказывать извѣстныя

fripions commettent des injustices aux marchands étrangers. On cite celle qu'ils ont commise contre une maison Espagnole. M. de Lascy à propos de cela a demandé que cette affaire fut portée directement au collège du commerce. Il a fait sentir qu'il fallait, si l'on voulait un commerce plus étendu avec les Espagnols, leur accorder comme aux Anglais la faculté de payer en roubles la totalité des droits d'entrée, au lieu de les payer suivant l'usage; moitié en roubles, moitié en Rixdalers de Hollande, ce qui fait une différence d'un et demi et deux p. $\frac{0}{10}$ suivant que les Rixdalers sont plus moins chers. La commission de commerce répond favorablement. *La même proposition à faire pour le commerce français. L'avare Teplow pourrait être séduit avec de l'argent: est il permis d'user de cette ressource?* Autre proposition du comte de Lascy pour l'importation des sels Espagnols».

1. Не упоминая уже о голосахъ Русскихъ, приведемъ только отзывъ иностранца, если и пристрастнаго, то отнюдь не въ нашу пользу: Вотъ что писалъ

пособія и помощь Русскому купечеству и торговому флоту. Екатерина II нисколько кажется не убѣдилась доводами Коммисіи о комерціи, говорившей между прочимъ: «не останется ли безславіе на будущія времена, что изъ Россіи въ Европу, куда весь свѣтъ торгуетъ, учреждалися компаніи, якобы въ варварскія отдаленныя страны». Екатерина II думала иначе, ибо въ царствованіе ея и послѣ того возникала мысль о сближеніи и укрѣпленіи торговыхъ связей съ Испанією и даже кажется объ основаніи торговой компаніи. Такъ заключаю я изъ слѣдующихъ словъ Французскаго посланника при С.-Иб. дворѣ, Жиге, который доносилъ въ Версаль — отъ 10 Мая 1776 г. «*La Russie s'étant imaginée qu'elle tireroit de grands avantages d'un commerce direct avec l'Espagne et le Portugal, elle fit des ouvertures; on en profita pour demander les faveurs dont ces puissances jouissent pour leurs vins; on décida aussi que les lins et les chanvres portés en Espagne et en Portugal pour le compte de ces puissances ne payeroient aucun droit. Point de traité sur cet article; ordre simple envoyé aux douanes*». — 23 іюля того же года извѣщаль Жиге свое правительство: — «*Compagnie de commerce dans laquelle se trouve le procureur général Vaisemski, considéré de l'Impératrice. On fait des avantages considérables à cette compagnie à condition qu'elle poussera son commerce aussi loin que possible, on lui accorde 30 p. % de diminution sur toutes sortes des droits etc. L'Impératrice s'engage en outre à l'indemniser en cas de perte*».

Цищущій эти строки ласкаетъ себя надеждою, что быть можетъ со временемъ ему удастся представить подробное историческое обозрѣніе международныхъ сношеній Россіи съ Пиринейскимъ полуостровомъ до второй четверти нынѣшняго столѣтія и даже далѣе; настоящій же очеркъ всего лучше, кажется ему, заключить слѣдующею запискою, вѣроятно представленною

тотъ же Жиге (1 décembre 1778): «*Parmi les vices multipliés qui régner en Russie dans la marche du commerce, un des plus grands est la négligence du gouvernement de Russie à cet égard et les infidélités sans nombre que cette inertie autorise à commettre de la part des employés à la douane et autres membres particuliers qui y ont rapport. Les Anglais et les Allemands, depuis longtemps en possession de ce pays, connaissent ces manoeuvres souterraines; ils les évitent par d'autres du même genre et ils ne s'élèvent pas contre des abus criants qui nécessitent la friponnerie des négociants en général et écrasent le petit nombre des ceux qui sont honnêtes*».

Испанскимъ посланникомъ Петербургскому кабинету, въ 70-хъ годахъ и находящеюся въ приложеніяхъ къ сборнику депешъ Французскаго посланника Жиге, запискою, ясно свидѣтельствующею, что тотъ же интересъ, который принимала Испанія въ Польскомъ торговомъ флотѣ въ XVI в., заставлялъ ее и въ 18 стол. желать тѣсныхъ и непосредственныхъ сношеній съ Россією, про которую еще въ первой половинѣ прошлаго вѣка, когда мы не обладали ни Амуромъ, ни Кавказомъ, ни Крымомъ, ни Новороссійскимъ краемъ, знаменитый Англійскій министръ Робертъ Вальполь говорилъ слѣд: — «Если Россія, взявъ себѣ за образецъ Данію, учредить, ободритъ, поддержитъ торговыя компани, то Англійская и Голландская торговля въ состояніи ли будутъ устоять отъ этого удара? И если бы эта держава, которая не знаетъ куда и какъ употреблять своихъ людей, прилѣпилась къ умноженію морскихъ силъ своихъ, что было бы тогда съ Голландією и Англією? Способность, которую Россія имѣетъ къ построенію судовъ, оправдываетъ мое безпокойство»¹. Вотъ та записка, о которой упомянулъ я выше:

Sur le commerce direct entre la Russie et l'Espagne.

1-e. Pour encourager le commerce direct entre les deux nations Espagnole et Russe, on a accordé une franchise absolue des droits qui payent les autres nations, au lin et au chanvre de Russie dont nos fabriques de toiles de Léon et celles de toiles et de cordages d'*Espinosa del los Monteros* font un si grand emploi. L'Espagne a accordé la même exemption au lin, chanvre et goudron de Russie que la nouvelle compagnie de Biscaye va employer pour les filets et agrets de ses bâtimens pour la pêche de la merluche. Toutes ces exemptions sont avantageuses à la sortie du lin et du chanvre de Russie et rapportent un débit considérable des productions de cet Empire.

2-e. On a accordé exemption de droits de sortie pour tous les vins et eaux de vie que l'on exporte en Russie avec le pavillon Espagnol.

1. Въ превосходныхъ статьяхъ своихъ «Морское звѣроловство въ сѣверныхъ берегахъ Европейской Россіи» г. О. Бѣломорскій, говоря о морскихъ способностяхъ нашихъ сѣверныхъ Поморянъ, нашелъ нужнымъ привести именно эти слова Вальполя. (См. Журн. для акціонеровъ за 1857 и 1858 гг.). Относительно Амура см. мою замѣтку въ Вѣстн. Геогр. Общ. 1859. № IV: «Мѣбія Англичанъ и Американцевъ о Русскомъ владычествѣ на Амурѣ».

3-e. Les droits de sortie des effets du laine et de soie étoient assez considérables, c'est à dire, ceux de soie à 80 maravedis de vallon pour chaque livre de 16 onces de Castille et ceux de laine à 2 p. $\frac{0}{100}$ de leur valeur dans la fabrique.

4-e. Dans les années abondantées de récolte d'huile, les étrangers l'exportent à l'envi puisque l'huile est bonne, et elle ne paye pour droit de sortie que 25 à 50 kopeks pour une arroche de Castille, qui fait le poids de 25 L. d'Espagne. Cet objet mérite l'attention de ministère de St.-Pétersbourg.

5-e. Le sel de la Mata, d'Orimela et d'Ubiza se vend en Espagne en percevant les droits de sortie à deux réaux et demi ou 12 kopeks par mesure; mais si la Russie veut permettre l'importation de ce sel qui est excellent pour la salaison de viandes et poissons, on pourra en diminuer le prix de 10 p. $\frac{0}{100}$ en faveur de cet Empire, pour encourager cette branche de commerce pourvu que ce sel soit transporté sur des batiments Espagnols ou Russes.

6-e. Tous les vaisaux et sujets Russes sont traités et reçus dans les ports d'Espagne comme la nation la plus favorisée, sans que ministère du Roi ait reçu aucune plainte du contraire. On veillera sur ce point avec le plus grand soin, le Roi d'Espagne désirant d'encourager et employer toutes les facilités pour animer et étendre de plus en plus le commerce direct entre les deux nations.

7-e. Il y a un article qui intéresse essentiellement le bien-être des négociants Espagnols établis en Russie. Le ministère a vu et est convenu que la juridiction accordée au magistrat de St.-Pétersbourg a donné lieu en différentes occasions à des plaintes réitérées contre ce tribunal dont les membres peuvent se trouver par leur état, du moins indirectement, juges et parties en même temps. Pour éviter les discussions désagréables, qui nécessairement doivent en résulter, il serait à souhaiter que l'on commit au collègue et à la direction de la douane la connaissance de tout ce qui concerne les affaires litigieuses de commerce et les acquits de droits, et les contraventions aux reglements des entrées et sorties des marchandises. Ces deux tribunaux sont les censeurs les plus naturels que puisse avoir l'Empire, et la parfaite connaissance qu'ils ont de l'intention de la Souveraine, dont les vues sont les plus saines et les plus équitables, dictera toujours leurs décisions, évitant aux deux nations le désa-

gement des plaintes trop fréquentes et si contraires à l'avantage réciproque du commerce direct des deux nations qui doivent pour leurs propres intérêts se donner la main l'une à l'autre, pour étendre de plus en plus le débit de leurs productions respectives.

8-e. L'Espagne désireroit également que d'après l'exposé ci dessus des avantages accordés au commerce de la Russie, Sa Majesté Impériale accordât aux Espagnols le privilège de payer les droits de la douane en roubles ainsi que font les Anglais. Cette circonstance donnerait beaucoup d'encouragement aux négociants Espagnols et leur procurerait la confiance de leurs correspondants pour les commissions dont ils sont privés par l'avantage accordé aux Anglais qui les met à même de diminuer les frais de leurs commissions. Le ministère de Sa Majesté Imperiale m'ayant dit plusieurs fois que la Russie n'était liée par aucun traité ni engagement qui l'empêchât d'entrer dans des vues de commerce qui peuvent lui convenir; il ne seroit pas étonnant que l'Espagne se prêtant à donner toutes les facilités pour encourager le débit des productions Russes dans ses états et étendre le commerce direct des ces deux nations, la Russie accordât de son côté ce privilège aux négociants Espagnols établis dans cet Empire.

9-e. Un vaisseau Espagnol est allé l'année passée de Barcelone à Archangel pour échanger dans ce dernier port des productions d'Espagne avec celles de la Russie. L'équipage a été si bien reçu des officiers Russes à Archangel que le capitaine du navire en a fait son rapport au Roi qui a chargé son ministre à St.-Pétersburg d'en faire des remerciements à Sa Majesté Impériale. Un commencement aussi heureux d'un commerce direct entre le port le plus au Levant des Etats du Roi avec le port le plus au Nord du vaste Empire de Russie parait annoncer tout le succès possible dans l'établissement de ce commerce entre les deux États.

ПОГРЪШНОСТИ И ОПЕЧАТКИ.

<i>Стран.</i>	<i>Строк.</i>	<i>Напечатано:</i>	<i>Слѣдуетъ читать:</i>
4	12	разумѣтся Комбезій, въ	разумѣтъ Комбефисъ въ
17	12	сохранить	сохранять
107	28	поздѣйшія	позднѣйшія
118	6	хакактеръ	характеръ
194	14	Кипрѣ	Каирѣ
198	14	Гаангоса	Гаянгоса
232	1	ею	его
232	36	Славянѣ	Славянтъ
321	1	но	не
334	2	и	а
334	14	вѣкомъ	почти вѣкомъ
343	1	поглядѣть этихъ	поглядѣть на этихъ
349	38	Буне	Буничъ
351	14	—	—
351	20	—	—
352	14 и проч.	—	—

Историческія Замѣчанія.

1	6	наводитъ	наводятъ
26	26	тѣсное соприкосновеніе Россіи съ западною	тѣсное сопроникновеніе Россіи западною
27	16	послѣ же этого тѣснаго сопроникновенія	послѣ же этого соприкосно- венія
44	6	что всѣ имена съ этимъ окончаніемъ напр.	что имена съ такимъ окон- чаніемъ, какъ напр.
88	2	avocius	avo ejus.
88	8	не отличались отъ Ала- повъ, что	ничѣмъ не отличались отъ Ала- повъ, какъ только име- немъ, что
90	1	V (къ стр. 402)	V (къ стр. 370).
114	17	иногда	почти всякой
114	19	иностранныя. Привычка	иностранныя, потому и при- вычка
118	28	и. nicht die germanische	und die germanische
123	20	особенно уголовного	особенно касавшагося его жизни
123	29	ораторъ	ораторовъ
123	36	отдѣльно	порознь

<i>Стран.</i>	<i>Строк.</i>	<i>Напечатано:</i>	<i>Слѣдуетъ читать:</i>
127	2	ненавиствателемъ	ненавистникомъ
127	18	in conservacione	conservacione
127	37	она	онъ
128	25	ложными судьями	неправедными судьями
128	33	онъ и это подтвердилъ примѣрами	и на это онъ представилъ при- мѣры
128	37	не изъ истины	не ради истины
129	7	Напомнимъ	Напомнимъ
129	8	не для потрясенія, но	не для разоренія, а
129	18	смерти. Замѣтимъ	смерти; замѣтилъ
129	21	которые должны будутъ	обязаннымъ
131	16	конечно, ты скажешь	во всякомъ случаѣ, ты согласи- шься,
132	20	аборитомъ ¹ ,	Таборитомъ),
132	31	лица духовныя	лицъ духовныхъ
133	7	глядѣлъ	глядѣлъ
133	9	аборитами	Таборитами
134	4	подкупита	подкупить
134	24	bozi	boží
134	30	что онъ	что и онъ
135	5	надолго	но и надолго
135	10	времени	времени
139	30	отмѣтили мы	помѣтили мы
142	32	призывали и брали	призывали и панимали
142	33	разныхъ знающихъ людей	разныхъ авантюристовъ и знаю- щихъ людей.
146	23	разоренія	разоренія
153	3	читателю	читателю
153	5	rozadany	rozadany
153	24	умалчивать	умалчивать
153	33	притязаній	притязаній и захватовъ

